

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

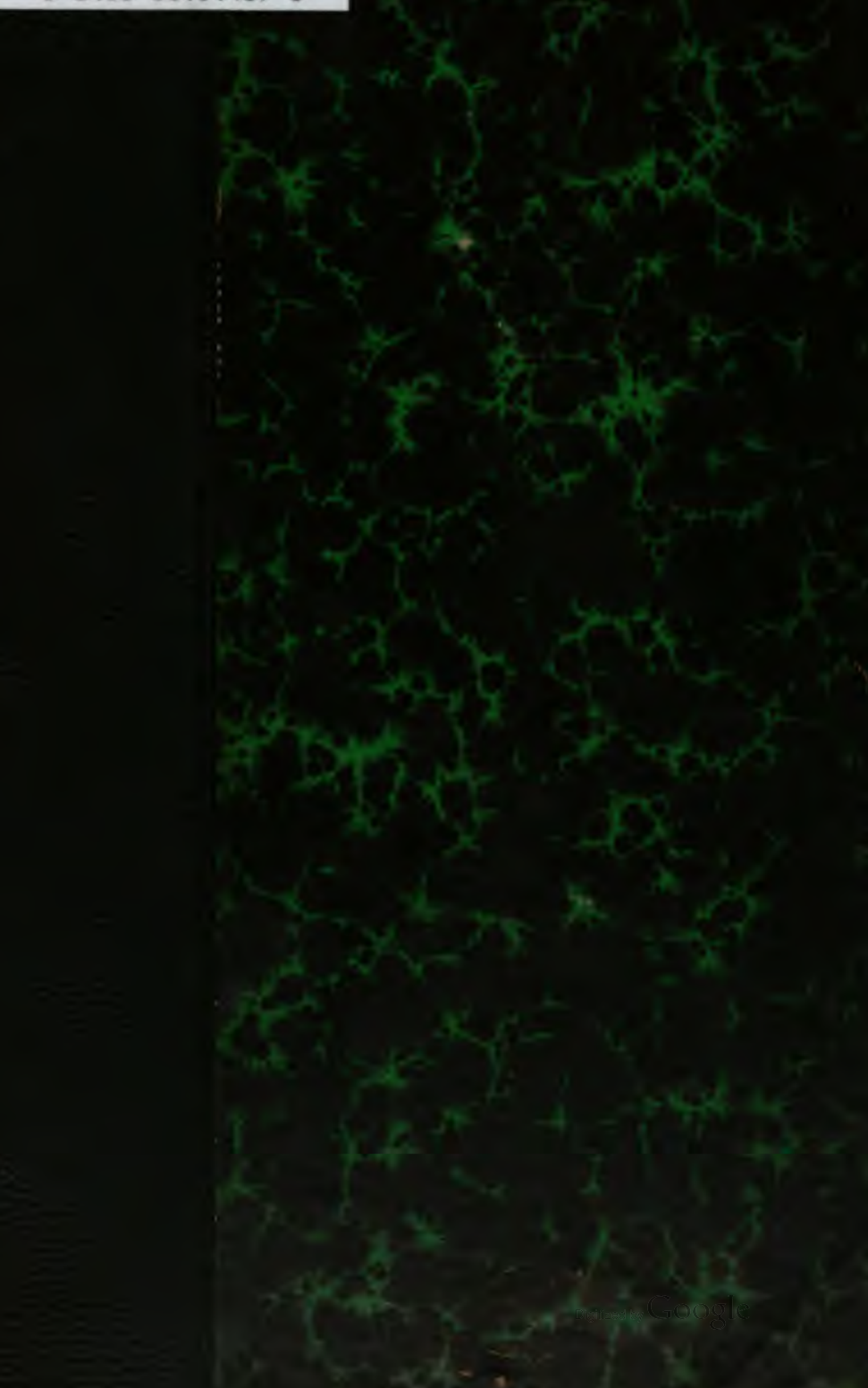
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDEXED

INDEX

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Б°).

На Страстномъ бульварѣ.

1873.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
511456
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

ВЪ ЛѢСАХЪ*

LXXVI.

Натерпѣлась Марья Гавриловна. До смерти истомилось ея бѣдное сердце въ безотраднѣйшей неизвѣстности, въ мрачныхъ тяжелыхъ думахъ и въ тревогахъ, день и ночь мутившихъ ея душу. Ровно въ тѣсномъ затворѣ посхимленная старица сидитъ она безвыходно въ уютномъ своемъ домицѣ. Въ часовню даже по праздникамъ перестала ходить, людей не видитъ и знать не хочетъ что за порогомъ ея домика дѣлается. Заходили было къ ней иной разъ Фленушка съ Марьюшкой время скоротать, но безотвѣтно оставалась на веселые разговоры ихъ Марья Гавриловна, безучастно слушала ихъ келейное празднество.

— Заслѣсивилась наша краля, зачванилась, толпнувъ съ до-
сады ногой молвила Фленушка, выходя однажды съ Марьюшкой изъ домика Марьи Гавриловны.— Битый часъ у ней сидѣли, хоть бы словечко выронила... Въ торги, слышь, лускается, каменны палаты закладывать собирается, куда ужъ съ нашей сестрой ей водиться.... А мнѣ наплевать—ноги моей не будетъ у грубянки; и ты не ходи къ ней, Марьюшка.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 3, 5 и 8я 1871, №№ 1, 3, 6 и 8я 1872, №№ 2, 5я и 8я 1873.

Не разъ заглядывала къ Марьѣ Гавриловнѣ и матушка Манефа. Но и съ ней не вязалась бесѣда у молодой вдовы. Сколько разъ искушенная житейскими олытами игуменья пыталась вызвать ее на искреннее откровенное признанье въ сокровенныхъ думахъ и затаенныхъ чувствахъ, но всегда холодна и безотвѣтна оставалась Марья Гавриловна. Сердечная скорбь ея была тайной ловита и семью печатями запечатана.

„Миръ обуялъ!“ рѣшила въ умѣ своемъ Манефа. „Прелесть тщетнаго житія смущаетъ бѣдную, мятежныя мысли обуреваютъ ея душу.“

Но какія мысли, о комъ, о чемъ—не могла придумать игуменья.

И съ Таней, душой и тѣломъ преданной своей „сударынѣ“, и съ той ни слова Марья Гавриловна... Одна переживаетъ печали, одна переноситъ горе сердечное.

Гдѣ прежняя ласка привѣтная, куда кануло беззаботное веселье и тихій, невозмутимый покой души отдохнувшей отъ бываго горя, забывшей старыя сердечныя раны? Все какъ вѣтромъ свѣяло.

Получила Марья Гавриловна письмо отъ брата. Увѣдомлялъ онъ о покулкѣ *Соболя*, писалъ что надо какъ можно скорѣй принимать его, да набравъ клади отправлять къ Верху. Но про того человѣка ради котораго кулленъ тотъ парходъ ни слуху ни духу: Алексѣй ровно въ воду канулъ. Обѣщаль черезъ двѣ недѣли побывать въ Комаровѣ, лятаа въ доходѣ, его нѣтъ какъ нѣтъ... Стороной узнала Марья Гавриловна что отошелъ онъ отъ Пятала Максимыча и уѣхалъ въ городъ, но воротился ль оттуда или дальше куда отправился, развѣдать не могла.

Сидитъ подъ окномъ да тоскуетъ, сидитъ недвижно устремивъ слезныя очи на черную полосу лѣса и слышитъ разговоръ какого-то проезжаго крестьянина съ обительскимъ конюхомъ Дементьемъ о дорогѣ въ Городецъ, на какія деревни надобно ѣхать. Дементій въ числѣ деревушекъ помянулъ Поромову.

„Чего еще лучше?“ подумала Марья Гавриловна. „Авось воротился изъ города, авось у отца телерь съ матерью... Накажу тому мужичку побывать въ Поромовой, раззнать о немъ.“ Вздумано—сдѣлано. Молвила Марья Гаврилов-

на проѣзжему крестьянину непременно бы ловидалъ онъ Алексѣя Лохматаго, сказалъ бы ему что мѣсто на пароходѣ готово, чтобы не медля ни минуты ѣхалъ онъ въ Комаровъ. Два рубля серебромъ обѣщала если тотъ крестьянинъ на возвратномъ пути ей отвѣтъ привезетъ. Писать хотѣла, но силъ не достало и стыдно какъ-то было....

Дня черезъ четыре посланный воротился за обѣщанными рублями. Сказалъ что Алексѣя въ Поромовой нѣтъ, лоѣхалъ въ городъ, а теперь гдѣ не знаютъ. Что наказывала все сказала старику Лохматому, и тотъ обѣщаль только воротится сынъ тотчасъ его прислать въ Комаровъ.

Пуще прежняго налегла тоска на любѣдное сердце молодой вдовы.

Еще съ недѣлю времени прошло. Мать Манефа въ Осиповку на сорочины собралась. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда зашла она посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Ну что, сударыня, облегчало ли васъ хоть маленько? спрашивала Манефа, садясь на диванъ возлѣ Марьи Гавриловны.

— Плохо мое здоровье, матушка, отвѣчала Марья Гавриловна, облокотясь на столъ и медленно склоняя на руку блѣдное лицо свое.

— Надивиться не могу вашей болѣзни, сударыня, молвила Манефа. — Кажись и лежать не лежите, и боли какъ кажутся нѣтъ никакой, а ровно свѣчка таете, жалость даже смотрѣть, на себя не похожи стали....

— Болѣзнь не красить человѣка, матушка, отозвалась Марья Гавриловна.

— Ивъ за лѣкаремъ бы послали, сударыня, а то что хорошаго-то этакъ маяться, сказала игуменья.

— Послать за нимъ не пошлю, отвѣтила Марья Гавриловна, — а не будетъ легче, сама въ городъ лоѣду лѣчиться. Мнѣ же и по дѣламъ надо туда. Братъ изъ Казани пишетъ: у Молявиныхъ пароходъ мнѣ купилъ. Теперь онъ ужъ къ нашему городу выбѣжалъ; надо принимать.

Нахмурилась мать Манефа.

— Не дешево, лоди, заллатили? холодно спросила она.

— Пятьдесятъ тысячъ, сказала Марья Гавриловна.

— Пятьдесятъ тысячъ! Не малыя деньги, не малыя.... Много добраго на такія деньги можно сдѣлать, недовольнымъ голосомъ проговорила Манефа.

— Пароходъ ходкій, и совсѣмъ еще новенькій, четверту

воду только бѣгаетъ. Тѣхъ денегъ стоить, молвила Марья Гавриловна.

— Суета!.. строго, но сдержанно сказала Манефа, и немного подумавъ прибавила:—Стало-быть локинете вы, сударыня, нашу святую обитель? Въ городъ жить перѣдете?

— Ни на что еще не рѣшилась я, матушка, сама еще не знаю какъ и что будетъ... Извѣстно дѣло, хозяйскій глазъ тутъ понадобится. Рано ли поздно ли, а придется къ пристава поближе на житье перѣхать. Ну да это еще не скоро. Не сразу устроишься. Домикъ надо въ городѣ купить, а прежде всего хорошаго прикащика сыскать, говорила Марья Гавриловна.

— Не наша еще? спросила Манефа.

— Нѣтъ еще, вздохнувъ слегка отвѣтила Марья Гавриловна.

— Скоро ль къ такому дѣлу человѣка прищешь! молвила Манефа.—Тутъ надо человѣка вѣрнаго неизмѣннаго, чтобы былъ все едино что сама хозяйка. Такого сыщешь не вдругъ.

— На долго ли, матушка, отправляетесь? спросила Марья Гавриловна, видимо желая свести разговоръ на что-нибудь другое.

— Прежде пяти днѣвъ врядъ ли воротимся, отвѣтила Манефа.—Паталъ Максимычъ скоро гостей отпускать не любить.... Въ понедѣльникъ, надо думать, будемъ домой, а не то во вторникъ.

— Кланяйтесь Паталу Максимычу, молвила Марья Гавриловна.—Скажите: всею бы душой рада была у него лобывать, да вотъ здоровье-то мое какое. И Аксиль Захаровъ поклонитесь, матушка, Парашѣ....

— Будемъ кланяться, чинно, съ легкимъ поклономъ, въ полголоса отвѣтила мать Манефа.— Чѣмъ бы, чѣмъ бы кажется вамъ здѣсь не житье было, сударыня Марья Гавриловна, прибавила она, вставая съ дивана и быстрымъ взоромъ окидывая комнату.— И тихо, и уютно, и всякое довольство во всемъ. Суеты восхотѣли, житейскихъ тревоженій!.. Не пришлось бы въ міру-то вспокаяться! Не пришлось бы слезно поминать про здѣшнее тихое пристанище, подъ кровомъ святыхъ обители. Лукавъ вѣдь міръ-то—прельститъ человѣка, заманитъ въ свои сѣти, а потомъ и посмѣется ему, и лоругается....

— Матушка! Сами же вы говорили что обительская жизнь

стала непрочно. По скорости, говорите, здѣшніе скиты совсѣмъ порѣшатъ.

— Если общій жребій Господнею волей свершится, рядомъ бы съ нами въ уѣздномъ городкѣ построились, сказала Манефа. — И тогда бы все у насъ было попрежнему, никакой бы переменны не стало. Намедни сами вы, сударыня, Марья Гавриловна, такъ говорили, а теперь вотъ ужъ возлѣ пристани поселиться возжелали, въ губернскомъ городѣ.

— Дѣло-то, матушка, такое вышло что поневолѣ должна я по близости отъ пристани жить, отозвалась Марья Гавриловна. — Сами знаете что издали за хозяйствомъ наблюдать нельзя, какихъ хорошихъ людей ни найми.

— Конечно, сдержаннымъ и недовольнымъ голосомъ сказала мать Манефа.

— Заглазное хозяйство—не хозяйство, продолжала Марья Гавриловна. — Что лучше хозяйскаго глаза? Говорится же: свой глазъ—алмазъ, а чужой—стекло.

— Что сказать супротивъ этого? Что сказать?... какъ бы нехотя сказала игуменья и холодно простившись съ Марьей Гавриловной, медленными шагами направилась къ своей кельѣ.

LXXVII.

Уѣхала Манефа въ Осиповку, и стало въ обители ея тихо и пусто. Не суетятся больше матери вкругъ игуменьиной „стаи“ въ ожиданьи Манефиныхъ распорядковъ по хозяйству, не раздаются веселыхъ криковъ Флеушки съ Марьюшкой, всѣ почти молодыя бѣдницы на сорочины уѣхали, остались пожилыя старицы, да съ утра до ночи колавшіяся въ огородѣ черноработія трудницы. Хоть Марья Гавриловна ужъ давно постыла обитель и на думахъ ея было не обительское, однакожь и ей стало скучнѣй и грустнѣй противъ прежняго когда телерь все вдругъ затихло вкругъ нея.

Склонялся день къ вечеру, краснымъ шаромъ стояло солнце надъ окраиной неба, обрамленною черной полосой лѣсовъ, улеглась пыль, въ воздухѣ засвѣжѣло, со всѣхъ сторонъ понеслось благоуханіе цвѣтовъ и смолистый запахъ ели, лихты и можжевелника, стихло щебетанье лтичекъ и звончѣй сталъ

доноситься изъ отдаленья говоръ людей возвращавшихся съ полевыхъ работъ.

Сидя у раскрытаго окна, Марья Гавриловна чуткимъ ухомъ прислушивается къ отдаленному шуму подѣзжавшей къ Каменному Вражку телѣжки.... Не деревенскій стукъ.... По сухой дорогѣ рѣзко постукиваютъ окованные толстыми шинами колеса, ровно и плавно шумятъ желѣзные оси, колокольчика нѣтъ. Значить ни начальство, ни крестьянинъ.... Заколонуло сердце у Марьи Гавриловны при мысли не Алексѣй ли это наконецъ.... Но вотъ шумъ ближе и ближе.... Подѣзжаютъ прямо къ Манефиной обители.... Видитъ Марья Гавриловна какъ пара саврасокъ подкатила телѣжку къ конному двору, какъ остановилась она у работницкой „стаи“.... Слѣзаетъ съ телѣжки кто-то высокій, изъ себя такой статный.... При на-
двинувшихся на небо сумеркахъ не можетъ разглядѣть Марья Гавриловна въ лицо прѣзжаго, но сердце подсказываетъ ей что это давно жданный, давно желанный гость... Алымъ бархатомъ подернулись блѣдныя щеки молодой вдовы и ровно скошенная травка поникла она на мѣстѣ. Встать не можетъ, пальцемъ двинуть силы нѣтъ.

А ровная, твердая поступь ближе и ближе звучитъ въ вечерней тишинѣ... Ничего не видитъ Марья Гавриловна, въ глазахъ ея разостлался зеленый туманъ, словно съ угару. Только и слышитъ мѣрные шаги, и каждый шагъ ровно кляпкомъ обдаеть ея наболѣвшее сердце.

Таня къ ней подошла.

— Какой-то человекъ васъ спрашиваетъ, сказала она.

— Чтò? едва могла промолвить Марья Гавриловна.

— Тотъ самый чтò въ Радунцу прѣзжалъ, отвѣтила Таня, удивленными глазами глядя на свою „сударыню“.

Ни словечка Марья Гавриловна.

— Позвать, аль сказать въ другое бы время побывалъ? не слыша отзыва Марьи Гавриловны молвила Таня.

— Позвать?... Да, позови.... Нѣтъ, нѣтъ, постой, погоди, Таня, говорила Марья Гавриловна. А сама не понимала чтò говорила. Широко раскрытыми глазами глядѣла на нее изумленная Таня. Сообразить она не могла чтò за новое диво содѣялось надъ ея „сударыней“....

— А не то.... лоду, Таня.... позови сюда.... дрожавшимъ отъ волненья голосомъ сказала Марья Гавриловна.—Да ставь самоваръ поскорѣй....

И когда Тая думчиво склонивъ голову вышла изъ горницы, Марья Гавриловна, безсознательно повернулась къ зеркалу и враскорю поправила волосы и шелковый голубой платокъ, накинутый на ея голову.

Медленно, но широко распахнулась дверь, и въ горницу вошелъ Алексѣй. Чувъ чиномъ, прежде всего сотворилъ онъ уставные поклоны передъ иконами, а потомъ молодецки встряхнувъ кудрями степенно отдалъ поклонъ какъ макъ цвѣтъ зардѣвшейся хозяйкѣ. Сдержанно отвѣтила она ему малымъ поклономъ.

— Посылали за мной? тихо проговорилъ онъ, вертя въ рукахъ шалку и опустивъ глаза въ землю.

— Ждала я васъ.... долго ждала.... дожидаться не могла.... Теперь пароходъ....

И не могла докончить трелетной, перерывчатой рѣчи.

Ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, приближаясь къ Марьѣ Гавриловнѣ.... Вскинулъ черными, лалочими очами на дрожавшую отъ сердечной истомы красавицу.... И она взглянула.... Не свѣтлые алмазы самоцвѣтные, а крупная слезинка нежданной радости и неудержимой страсти сверкали подъ темными ея рѣсницами... Взоры встрѣтились...

Ни слова, ни восклицанья....

Не гибкая лавелика * бѣлорозовые цвѣтики вкругъ зеленаго дуба обвиваетъ, не хмѣлинушка вкругъ тычиночки вьется— обвиваетъ бѣлоснѣжными руками красавица желаннаго гостя.... И млѣветъ и дрожитъ она въ сладкой истомѣ.

Долго сидѣли вдвоемъ, до вторыхъ лѣтуховъ сидѣли. Времени много, мало разговора. Другъ на дружку любятъся, другъ на дружку наглядѣться не могутъ.

Багрецомъ заалѣлъ восточный закрѣй неба: тутъ только опомнились. Пора разставаться.

И когда на прощанье горячими устами прильнулъ Алексѣй къ сиявшему счастьемъ лицу Марьи Гавриловны онъ тихо промолвилъ ей:

— Не тайкомъ, не крадучись цѣловать бы мнѣ тебя, милая моя, дорогая! Не зазорно бы при всемъ народѣ объять тебя....

— Какъ же это сдѣлать? едва слышно проговорила Марья Гавриловна, поникая головой въ объятья Алексѣя.

* *Cuscuta.*

— Жениться, молвилъ онъ. Хотѣлъ еще что-то сказать, но не можетъ сойти на уста крылатое слово.

Крѣпче прежняго прижалась къ нему Марья Гавриловна, теще прежняго она промолвила:

— Женимся!.....

Ой лѣса лѣсочки, хмѣлевья ночки!... Видишь ты синее звѣздистое небо какъ Яръ Хмѣль молодецъ по матушкѣ Сырой Землѣ гуляетъ, на совѣтъ да на любовь молодыхъ людей сближаетъ?... Видишь ты, небо, все ты слышишь, все: и страстный шелоть, и тайныя млѣющія рѣчи.... Щедро, ничего не жалѣя, жизнью и счастьемъ льешь ты на землю, жизнью-любовью ты льешь.... Праведное солнце!... Ты корень, источникъ жизни, взойди, взгляни, благослови!...

И вырѣзался изъ-за черной, какъ бы оцѣтенившейся, лѣсной окраины золотистый лучъ солнышка и облилъ яркимъ свѣтомъ какъ свѣтъ бѣлое платье красавицы, и заигралъ переливчатыми цвѣтами на синемъ кафтанѣ и шелковой алой рубахѣ Алексѣя.

— Прощай!

— Прощай!

А на порогѣ еще обнялись. И тутъ долго озаряло ихъ высоко поднявшееся изъ-за лѣса солнце.

LXXVIII.

На другой день Марья Гавриловна рѣшила какъ можно скорѣй перебраться съ Алексѣемъ на житье въ городъ. Покамѣстъ онъ будетъ вести хозяйство на *Соболя*, Марья Гавриловна станетъ готовить теплое гнѣздышко для житья съ возлюбленнымъ, купить домикъ и устроить его какъ слѣдуетъ, а тамъ по осени, когда и домъ будетъ готовъ, и пароходство кончится — веселымъ пиркомъ да за свадебку.... Уѣхать изъ Комарова чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше... Благо матери Манефы нѣтъ въ обители, а то совѣтамъ да разговорамъ не было бы ни конца ни края. Сбить Марью Гавриловну, отговорить ее отъ задуманной переменны въ жизни игуменья не успѣла бы, но безъ неприятностей и неудовольствій дѣло бы не обошлось. А Марья Гавриловна не забывала добра что сдѣлала ей Манефа во дни житейскихъ невзгодъ, твердо помнила что старушка внесла

миръ въ истерзанную ея душу, умѣла заживить сердечныя ея раны. Нѣтъ, лучше, не въ примѣръ лучше будетъ если не дожидаясь возврата матушки покинетъ она обитель, такъ надолго пріютившую ее въ стѣнахъ своихъ. Послѣ, когда дѣло будетъ кончено, повидается она съ матушкой, все разкажетъ, все объяснитъ ей, и, конечно, помирится съ доброю и горячо любимую старицей.

Тотчасъ же повѣхалъ Алексѣй въ сосѣдній городокъ нанимать извозчиковъ для повѣздки Марьи Гавриловны и для вывоза изъ скита ея ложектовъ. Только-что укатилъ онъ на своихъ савраскахъ, Марья Гавриловна, веселая, игривая, ровно изъ мертвыхъ вставшая, велѣла Танѣ залереть изнутри домикъ и, пылая радостью, сказала ей:

— Давай, Таня, укладываться; завтра мы уѣдемъ.

Съ мѣста двинуться не могла Таня, слѣва промолвить не могла. Такъ удивили ее рѣчи Марьи Гавриловны.

— Въ городѣ станемъ жить, въ большомъ каменномъ домѣ, говорила ей Марья Гавриловна, принимаясь за укладыванье. — Весело будетъ намъ, Таня, народу тамъ много, кататься будемъ въ коляскѣ на хорошихъ лошадяхъ, по рѣкѣ на пароходѣ повѣдемъ кататься.... Видала ли ты пароходы? Да нѣтъ, гдѣ тебѣ видать?... Вотъ увидишь, Таня, у меня телерь свой пароходъ и свой домъ будетъ. Весело будемъ жить, Танюшка, весело.

— А какъ же матушка-то? молвила Таня.

— Чтò жь матушка! Матушкѣ своя жизнь, а намъ другая. Не вѣкъ же сидѣть въ монастырѣ, этакъ не увидишь какъ и молодость пройдетъ. Пропустить ее не долго, а въ другой разъ молодà не будешь. Пожить хочется, Таня, пожить....

И ни съ того ни съ сего бросилась цѣловать ее. Смѣется, какъ дитя веселится, а у самой на глазахъ слезы. Надивиться не можетъ Таня внезапной перемѣнѣ своей „сударыни“.

— Видѣла?... Это женихъ мой, Таня! Только ты локажьсь объ этомъ никому не говори... никому, никому на свѣтѣ.... Придетъ Покровъ—повѣнчаемся, въ городѣ будемъ жить. Ты у меня за мѣсто дочери будешь, жениха тебѣ сыщемъ хорошаго.... Наградимъ тебя, всѣмъ наградимъ... Домъ тебѣ выстрою, обзаведенье все.... Барыней заживешь, въ шелкахъ-бархатахъ будешь ходить... во всякомъ довольствѣ будешь жить.... Смотри же не сказывай, никому не сказывай!

Ровно красные дни дѣвичьей жизни воротились къ Марьѣ

Гавриловѣ. Какъ бывало въ Казани въ родительскомъ садикѣ вольной пташкой весело порхала она, расгѣвая звонко любимыя лѣсенки, такъ и теперь ожившая для счастья, расцвѣтшая для новой жизни рѣзвилась и веселилась Марья Гавриловна. Двѣнадцата лѣтъ какъ не бывало.

Все поклали въ сундуки—и одѣжу и посуду и всякія другія вещи, мебель только да цвѣты остались. Уложившись успокоилась Марья Гавриловна, и не то утомилась она непривычною работою, не то на душу темное облачко налетѣло, вдругъ опустилась она и взгрустнула.

Заботно и нѣжно спросила у ней Таня съ чего она вдругъ прилежалась.

— Дорогая ты моя Тѣнюшка, молвила на то Марья Гавриловна. — Жизнь пережить не поле перейти; счастье съ несчастьемъ что вѣдро съ ненастьемъ живутъ перемѣнчиво. Надъ судьбой своею призадумалась, зачастую вѣдь случается, Тѣнюшка, что гдѣ чается радостно, тамъ встрѣтится горестно... Спознала я будучи замужемъ какая есть на свѣтѣ жизнь горе-горькая... Какъ узнать что вледи?... Какъ судьбу узнать?

— Можно узнать, живо подхватила Таня.—Рядомъ со скитомъ живетъ такая женщина...

И разказала она Марьѣ Гавриловнѣ про елфимовскую знахарку, про добрую тетку Егорику, не любимую келейницами, а всѣми окольными крестьянами почитаемую благодѣтельницами.

Суевѣрный страхъ объѣлъ душу Марьи Гавриловны когда узнала она что Таня, сведя знакомство съ колдуньей, клала ей подъ подушку зелья и давала умываться водою съ волшебныхъ корней, нарытыхъ знахаркой.

— Ахъ, Таня, Таня, что это ты надѣлала!... упрекала она любимицу, закрывая лицо руками.

— Да не бойтесь вы, сударыня, Марья Гавриловна, отвѣчала ей Таня.—Она вѣдь предобрая и все съ молитвой дѣлаетъ. Шагу безъ молитвы не ступить. Корни роетъ—„Богородицу“ читаетъ, травы собираетъ—„Помилуй мя Боже“. И все, все по божественному, вражяго нѣтъ тутъ нисколько. Это со злобы ллетуть на нее келейницы; обойдите деревни, любаго спросите, всякъ скажетъ что за елфимовскую Наталью денно и ноцно Бога молятъ. Много пользы народу она дѣлаетъ. А ужъ какая разумная, какая добрая, и сказать невозможно.

И такъ разказывала Таня про ефимовскую знахарку, такъ говорила про кротость ея, и добротство, про великую пользу что чинить она людямъ безо всякой корысти, что суевѣрный страхъ оставилъ Марью Гавриловну и захотѣлось ей узнать отъ тетки Егорихи какая будетъ ей судьба въ новомъ замужествѣ. Но въ скитѣ позвать знахарку невозможно: и сама не поидеть и келейницы не пустять. Надо самой идти. Таня взялась устроить свиданье съ Егорихой.

И на другой день по отѣздѣ Алексѣя, передъ самыми вечернями, вышла Марья Гавриловна съ Таней на Каменный Вражекъ. Оттуда рѣзвоногая дѣвушка лѣтомъ слетала въ Ефимово и по скорости воротилась оттуда съ Егорихой.

— Здравствуй, матушка Марья Гавриловна! Здравствуй, добрая, сердобольная вдовушка! съ низкимъ поклономъ весело молвила знахарка, подойдя къ сидѣвшей на луговинѣ Марьѣ Гавриловнѣ.—Много про тебя наслышана, а привелъ Богъ напоследѣяхъ только намъ съ тобой повидѣться.

— Душой рада видѣться съ тобой, Наталья, извини что не знаю какъ величать по отечеству. Не привелъ Господь прежде ознакомиться, но вѣдь съ хорошимъ человѣкомъ знакомство никогда не поздно свести.

— На ласковомъ словѣ благодарна, сударыня, молвила тетка Егориха, снова кланяясь Марьѣ Гавриловнѣ.

А Таня была дѣвочка догадливая, отходила въ сторонку и лускалась вдоль Вражка цвѣточки рвать.

Разговорилась Марья Гавриловна со знахаркой.... И не можетъ она надивиться отчего это съ перваго на нее взгляда почувствовала она къ ней такое довѣріе какого ни къ кому до того не имѣла, такую любовь, такую душевную близость какой ни къ кому, кромѣ одного, никогда не чувствовала.... Ровно мать родная съ того свѣта воротилась и воркуетъ телерь надъ дочерней головкой познавшей много горя и мало радостей. Всей душой, всѣмъ сердцемъ открылась знахаркѣ Марья Гавриловна и услышала не сухія поученья, какъ отъ матери Манефы, а слова живаго участья, освѣжившія взволнованную душу молодой вдовы. Все, все разказала ей про себя Марья Гавриловна.

— Какова-то телерь судьба моя будетъ? Чего-то ожидать мнѣ въ новомъ замужествѣ? склонивъ голову сказала она.

— Что жъ ты желаешь? Чтобъ я судьбу твою разказала тебѣ? Чтобъ какъ на ладонкѣ выложила передъ тобой все

что ожидаетъ тебя впереди? кротко улыбаясь спросила у Марьи Гавриловны знахарка.

— Да, тетушка, да. Не утай что вѣдаешь... Скажи, будетъ ли доля моя счастлива? ласкаясь къ знахаркѣ говорила Марья Гавриловна.

— Полно, сударыня. Полно, Марья Гавриловна. Кромѣ Бога, будущаго не знаетъ никто, величаво подаявъ голову, сказала Егориха. — Всякій вѣщуяъ, коего бы духа пророчество его ни было — ложь есть передъ людьми и предъ Богомъ. Скажетъ ли кто тебѣ что чарами или тайными вѣщущими словами можетъ узнать судьбу человѣка — не вѣрь... Скажетъ ли что по звѣздамъ узнаётъ ее, иль по рукѣ, или по сну, иль по иному чему — не вѣрь... Скажутъ ли тебѣ про святошу какого, либо про юрода, что знаетъ онъ будущее, — не вѣрь... Однѣ и тѣ же басни, что отъ колдуна, что отъ свягоши. Будущаго знать людямъ нѣ дано. И въ томъ Божія любовь къ людямъ и великая Его премудрость. Что бы за жизнь человѣку была еслибы онъ напередъ зналъ всю свою жизнь до гробовой доски? Не было бъ тогда на землѣ ни надежды, ни радостей, жилъ бы человѣкъ какъ скотина безсловесная.

— Другимъ открываешь же ты что будетъ съ ними, молвила Марья Гавриловна.

— Никому я никогда не пророчила, кротко отвѣтила знахарка. — Совѣты даю, а пророчицей не бывала. Правда, простому человѣку мало добрый совѣтъ дать, надо чтобы онъ его исполнялъ какъ слѣдуетъ... Ну, тутъ иной разъ приходится и наговорить и нашептать кой-чего и пригрозить невѣдомой силой если онъ не исполнитъ совѣта. Что станешь дѣлать? Народъ темный, пока темными еще путями надо его къ свѣту вести.

— Мнѣ что же скажешь, маѣ какой совѣтъ дашь? спросила Марья Гавриловна.

— Въ смиреніи стяжи душу свою, отвѣчала елфимовская знахарка. — Смирись передо всѣмъ и передъ всѣми. Въ этомъ все счастье человѣка. Умѣй только понять мой совѣтъ, да умѣй его исполнить. Добро дѣлай, у тебя достатковъ довольно: бѣднаго, сираго не забудь, голоднаго накорми, о больномъ попечалуйся. И дѣлай все не возносясь, а смиряясь, не въ свое превозношенье, а во славу имени Божія. А выладеть доля терпѣть — носи золото не изнашивай, терли

горюшко — не сказывай.... Вотъ и все, больше мнѣ сказать тебѣ нечего.... Вотъ развѣ что еще: какой бы тебѣ грѣшный человѣкъ въ жизни ни встрѣтился, не суди о грѣхахъ его, не разузнавай объ нихъ, а смирись, и въ смиреніи думай что нѣтъ на землѣ грѣшнѣе тебя. Грѣхъ что болѣзнь, иной разъ и противъ воли въ человѣка входитъ; грѣхи осуждать все едино что надъ болѣзнями смѣяться. Только злому человѣку сродно чужіе грѣхи осуждать.... Ихъ Самъ Господь не осуждаетъ, а прощаетъ... Осуждаетъ грѣхи только дьяволъ одинъ и всѣ ему послужившіе.

Долго бесѣдовала Марья Гавриловна сидя въ Каменномъ Вражкѣ съ елфимовской знахаркой. И такъ было ясно и отрадно на душѣ у ней; въ вѣкъ бы, кажется, не разсталась она съ теткой Егорихой.

И когда, прощаясь съ ней, Марья Гавриловна денегъ хотѣла ей дать, та не взяла.

— По милости Господней я всѣмъ довольна, сказала она.— Малое, слава Богу, есть, большаго не надо. А вотъ что: повѣшь ты завтра черезъ деревню Поляну, спроси тамъ Артемья Силантьева, изба съ самаго краю на выѣздѣ.... Третьяго дня у него коровенку свели, четверо ребятешекъ малъ-мала меньше—пить-ѣсть хотять.... Безъ коровки голодаютъ, а новую купить у Артемья достатковъ нѣтъ.... Помоги бѣднымъ людямъ Христа-ради, сударыня Марья Гавриловна.

И низко, пренизко поклонилась колдунья Марья Гавриловнѣ.

И легко и свѣтло было на душѣ Марьи Гавриловны, когда подъ пытливыми, но невидимыми ея взорами обительскихъ матерей и бѣлицъ возвращалась она изъ Каменнаго Вражка въ уютный свой домикъ. Миромъ и радостной надеждой сіяла она, и много жалѣла что такъ поздно узнала она елфимовскую знахарку. Подъ яркими лучами заходящаго солнца мрачна и печальна показалась ей обитель Манефина.

На другой день воротился Алексѣй, и Марья Гавриловна оставила Комаровъ безъ тяжкихъ думъ, безъ сожалѣній. Когда выѣхала она со своимъ возлюбленнымъ изъ скита, ей вздохнулось легко и показалось будто изъ какого-то глухаго подземелья, изъ какой-то темной темницы свободною и счастливою вылетѣла она на ясный, радостный міръ Божій.

LXXIX.

Рано, съ солнышкомъ вмѣстѣ, поднялась обитель Манефина. Еще съ вечера конюхъ Дементій съ двумя обительскими трудниками подкатилъ къ крыльцу игуменьяной стаи три уемистыя повозки съ волчками и залонами изъ таевоичной цыновки. * Собравшіяся въ путь богомолки суетливо укладывали въ нихъ пожитки и припасенныя матушкой Виринеей съвѣстные запасы. Дементій съ работниками мазалъ колеса.

Больше всего хлопотала Флеаушка. Радехоныка была она ловздки. „Вдоволь нагуляемся, вдоволь натѣшимся, радостно думала она, ворчи сколько хочешь мать Никанора, бранись сколько угодно мать Аркадія, а мы свое возьмемъ.“ Праксовья Паталовна совѣмъ снарядилась, но вокругъ повозокъ не хлопотала, а сидѣла и дремала въ теткиной кельѣ. Не хлопоталъ и Василій Борисычъ. Одѣвшись по-дорожному, стоялъ онъ возлѣ окна изъ котораго глядѣла на сборы матушки Манефа.

— Лѣса горять, молвила игуменья, глядя на сѣро-желтое, туманное небо, по которому безъ лучей, безъ блеска, выливалось багровое солнце. Гарью еще не пахло, но въ утреннемъ воздухѣ стояла духота и какая-то тяжесть.

— Далѣко, сказалъ Дементій, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ тусклый небосклонъ.—Дыму ни отколь не видно.... Верстѣ за сто горитъ, а не то и больше.

— То-то смотрите—въ огонь не угодитъ, пристально озирая окаймленные черной полосой лѣса края небосклона, молвила конюху матушка Манефа.

— Богъ милостивъ, матушка... Зачѣмъ въ огонь?.. отозвалась Дементій.

— Лѣсной пожаръ вѣдь ходокъ. Не оставить ли до другаго времени вашего богомолья? сказала игуменья обращаясь къ Аркадію.

* *Стая*—нѣсколько избъ или келій въ одной связи, *солмакъ* правильнѣе *солочекъ*—верхъ повозки для защиты отъ дожда, *залона*—полость въ повозкѣ закрывающая сѣдока отъ дожда, *таевоичная цыновка*, иначе крышечная, та что дѣлается въ три аршина длины и полтора ширины. Каждаго размѣра цыновка имѣетъ свое названье: романовка, баковка, казанка и т. д.

Не отвѣтила Аркадія, промолчала и мать Никанора, ни слова не сказала и Деметій съ работниками.... Но пристальнѣй прежняго стали они поглядывать на закрѣи неба * не увидятъ ли гдѣ хоть тоненькую струйку дыма.... Нѣтъ, нигдѣ не видно.... А въ воздухѣ тишь невозмутимая: лухъ вылетѣлъ изъ леривы, когда грохнули ея бѣлицы въ ловозку, и пушкы не летятъ въ сторону, а тихо, плавно олускаются квалу. И лѣ вътрю нельзя опознать откуда и куда несется пожаръ.

„А что какъ матушка Манефа, убоюсь пожара, да не пуститъ насъ въ лѣса, отложитъ до другаго времени богомолье?“ подумала Фленушка, и отъ той думы прикручинилась. Ластясь къ игуменьѣ, въкрадчиво молвила:

— Не бойся, матушка. Далѣко горитъ, насъ не захватитъ. Черезъ часъ послѣ выѣзда будемъ на Фотиньиной гробницѣ, отъ нея до могилки матушки Голендухи рукой подать, а тутъ и Улангерскія кельи. Вечеренъ не отлоютъ какъ будемъ въ Улангерѣ.

— За выѣзшій день не боюсь, сказала Манефа,—а послѣ что будетъ, если по лѣсу огонь разоидется да пойдетъ въ нашу сторону?

— Завтра справимъ каноны надъ лелломъ отца Варлаама, надъ могилами отца Илии и матушки Феклы, продолжала Фленушка.—Отъ Улангера эти мѣста подъ бокомъ. А послѣ-завтра поглядимъ что будетъ. Опасно станетъ въ лѣсу — въ Улангерѣ останемся, не будетъ опасности, черезъ Поломы на почтовую дорогу выѣдемъ. Скоро выберемся — а тамъ ужъ влоть до Китежа сплошныхъ лѣсовъ нѣтъ, тамъ бояться нечего.

— Какъ по твоему разсужденію, мать Аркадія? Пускать ли насъ? обратилась Манефа къ уставщицѣ.

— Вся власть твоя, матушка, отвѣтила она. — Какъ твое произволеніе будетъ.

— Не быть бы бѣды отъ огня, вотъ чего боюсь, сказала Манефа.

— Коли что, въ Улангерѣ переждемъ огненнаго утишенья. Развѣ что въ Китежъ ко Владимірской не послѣдемъ. А то какъ бы бояться нечего.

— Такъ съ Богомъ! Поднимайтесь въ путь, Господь

* Закрѣи неба—нижній край видимаго горизонта.

вась храни, рѣшила игуменья. — Смотри же, Аркадьютка, все скажи матушкѣ Юдиенѣ что я тебѣ наказывала, не забудь чего. Да чтобы со всѣми ихними матерями безпремѣнно она на Петровъ день къ намъ пожаловала.... Слышишь?

— Слушаю, матушка, слушаю; все передамъ, все до капельки, сказала уставщица.

— Ну вотъ, Василій Борисычъ, и посмотришь на наши мѣста богомольныя, помолишься, сказала Манефа, обращаясь къ московскому посланнику.—Теперь время тихое, по лѣсамъ великихъ сборищъ не бываетъ окромѣ что на Владимірскую на Китежѣ. Тамъ великое собраніе будетъ. Чтѣ въ Духовъ день у Софонтія, чтѣ на Владимірскую на озерѣ Свѣтлоярѣ у Китежа, больше тѣхъ собраній по всей нашей сторонѣ нѣтъ. Да и тамъ теперь ужъ не то чтѣ въ прежніе годы. Прежде бывало тысячами народъ собирается, а теперь двѣ сотни сойдется, такъ и на рѣдкость. Ревность по вѣрѣ изсякаетъ, суету люди возлюбили, плотямъ стали угождать, Маммонѣ служить.... Послѣднія времена!...

Не отозвался на рѣчи Манефы Василій Борисычъ.

— Хоть твое дѣло взять, продолжала она послѣ недолгаго молчанья.—Богу служилъ, церковныхъ ради нуждъ труды на себя принималъ, а теперь и тебя суета обуяла.

— Какъ же такъ, матушка? спросилъ Василій Борисычъ.

— Да развѣ по торговлѣ, аль по фабрикѣ въ прикащикахъ жить значить Богу служить? съ грустною улыбкой молвила игуменья.

— Это дѣло еще не рѣшеное, отвѣтилъ Василій Борисычъ.— А и то сказать, матушка, развѣ будучи при мірскихъ дѣлахъ не служатъ люди церкви Божіей? Много тому примѣровъ видимъ—Рахмановыхъ что-ли взять, Громовыхъ. Развѣ не послужили они Господу?

— Такъ-то оно такъ, Василій Борисычъ, молвила Манефа.— Но вѣдь самъ ты не хуже моего знаешь чтѣ въ Писаніи на счетъ этого сказано: „Честенъ сосудъ сребрянъ, честнѣй того сосудъ позлащенный.“ А премудрый Пріточникъ * чтѣ говорить? „Мужа тиха любитъ Господь, суету же дѣлъ его скончаетъ...“ Подумай-ка объ этомъ...

— Подумаю, матушка, подумаю, и не одинъ еще разъ съ вами посоветуюсь, сказалъ на то Василій Борисычъ.—До сроку еще времени много.

* Писатель Притчей, царь Соломонъ.

Привели шестерикъ коней жирныхъ, раскормленныхъ до вельзя, доснитса и блеститъ на нихъ гладкая шерсть, ровно масломъ Дементій ихъ вымазалъ. Скитницы лошадямъ овса не жалуютъ, при малой работѣ на хорошемъ корму толстѣютъ онѣ и жирѣютъ, какъ и самыя ихъ хозяйки. По парѣ въ повозку коней заложили и въ нихъ на грузные луговики разсѣлись: въ первой повозкѣ тцедушный Василій Борисычъ съ толстою уставщицей. Хотѣла Аркадія тутъ же посадить и мать Никанору, но двухъ матерей съ московскимъ посломъ повозка не вмѣстила; садилась мать Никанора съ Прасковьей Паталовной въ другую. Въ третью повозку Марыюшка съ Фленушкой сѣли. Съ благословеньемъ Манефы и съ пожеланьями добраго луга ото всѣхъ обительскихъ старицъ поѣхали повозки одна за другою за Каменный Бражекъ, направляясь къ окружавшему Комаровскій скитъ лѣсу.

Забившись съ головой въ постель и слыша стукъ съѣзжавшихъ съ обительскаго двора повозокъ, безотрадно заливалась горькими слезами и глухо рыдала московская канонница Устинья. Какъ она ни просила, какъ ни молила, не сжалась на слезы ея Манефа, не пустила свою наперсницу на богомолье. Ключомъ китѣло сердце пригожей канонницы когда на сорочинахъ не на ея глазахъ Василій Борисычъ съ Парашей за однимъ столомъ... Разума теперь дѣвка рѣшалась при одномъ помышленьи что дѣлу недѣлу ея погубитель станетъ съ дочерью тысячника по лѣсамъ развѣзжать... Эхъ, власть бы да воля! Дала бы себя звать Устинья Московка!... Плохо бы пришлось московскому гостю, не уйти бы и Прасковѣ Паталовнѣ по добру по здорову.

Только-что въѣхали въ лѣсъ, Фленушкѣ вспало на умъ до гробницы Фотиньи лѣшкомъ идти. Много не думавъ вылезла она съ Марыюшкой изъ повозки и подойдя къ другой, стала звать съ собой и Парашу. Лѣнива была на ходьбу Прасковья Паталовна, но все жъ ей казалось не въ примѣръ веселѣе идти съ подругами возлѣ дороги чѣмъ лежать на луговикахъ съ дремавшей Никанорой. Подозвали дѣвицы и Василья Борисыча; и онъ покинулъ толстую уставщицу, начавшую было разспросы о томъ какъ въ Бѣлой-Криницѣ за митрополичьей службой справляютъ поліелеи.

И матери Аркадіи и матери Никанорѣ не охота была съ мягкими перинами разставаться; то ли дѣло лежать да дремать, чѣмъ шагать по засоренному валежникомъ лѣсу, либо

по тоненькимъ, полусгнившимъ калѣкамъ перебираться черезъ мѣчажины и тонкія болотца. Строго на строго дѣвицамъ старицы наказали не отходить далеко отъ дороги, быть на виду и на слуху, и принялись дремать въ ѣхавшихъ шагомъ повозкахъ.

Всѣ деревья въ полномъ соку, всѣ травы цвѣтутъ и благоухаютъ. Куда ни оглянись, все цвѣты, цвѣты и цвѣты. Вонъ тамъ межъ чернолѣсья выдалась небольшая сухая полянка ровно камчатными скатертями она укрыта: то кашка, медуница и пахучій донникъ * въ цвѣту стоятъ; бортевыя пчелы, шмели, осы и шершни ** тучами носятся надъ ними, громко жужжа на разные голоса. Тамъ желтѣетъ звѣробой, синѣютъ темно-голубые бубенчики и середь яркой изумрудной зелени бѣлѣетъ благовонная купѣна *** и алѣютъ зрѣлыя ягоды костяники. Перистыя ярко-зеленыя вѣтви папоротника густой бахромой виснутъ надъ сонными лѣсными ручьями, полными чистой студеной, но отъ смолистыхъ корней окрашенной въ бурый цвѣтъ водою....

Стономъ стоятъ лѣсные голоса: безъ умолку трещать въ высокой сочной травѣ кузнечики и кобылки, вьются надъ цвѣтами жучки и разнообразныя козявки, воркуютъ сѣросирые съ зеленою шейкой вяхири и красногрудые вѣтютви, какъ въ трубу трубить черная желна, стучать по деревьямъ дятлы, лищать рябчики, уныло перекликаются, либо кошкой взвизгиваютъ желтенькія иволги, трещать сойки, жаабно кукуютъ кукушки и на разные голоса весело щебечутъ свирестели, малиновки, лѣсные жаворонки и другія мелкія птицы.... **** И всѣ эти звуки сливаются въ одинъ стройный гулъ, полный жизни и довольства этою жизнью.

* Кашка или тысячелистникъ—*Achillea millefolium*. Медуница, *Pulmonaria officinalis*. Донникъ—*Mililotus officinalis*.

** Бортевая пчела, прирученная въ борти, долбаежомъ деревѣ, нарочно для пчелъ въ лѣсу приготовляежомъ. Шмель или земляная пчела—*Bombus*, оса—*Vespa*, шершень самая большая порода осы.

*** Звѣробой—*Figularia Sibirica*. Бубенчики—*Iris Sibirica*. Купѣна изъ породы андыпей—*Convolvularia bifolia*.

**** Вяхирь, дикій голубь—*Columna Palumbos*, Вѣтютель, лѣсной голубь—*Columna Oenas*. Желна—большой дятель, пощадающій пчелъ—*Picus martius*. Ивога—*Oriolus galbula*. Соя или сойка, лѣсная птичка съ хохолокомъ и голубымъ зеркальцемъ на горлашкѣ изъ роду воронъ, *Corvus glandorius*. Свирестель лѣсная птичка со скворца съ арко-алыми перышками на крылышкахъ, *Ampelis garrulus*.

— Всякое дыханіе хвалить Господа, съ умиленьемъ молилъ Василій Борисычъ, прислушиваясь къ лѣснымъ голосамъ.

— Птачки раслѣвуютъ и вся недолга, отозвалась Фленушка. Ей лѣса были не въ диковину.

Матери въ повозкахъ молчали.

Вотъ выдалась прогалинка. Будто розовыми шелковыми тканями покрыта она. То сонъ-трава * подняла кверху цвѣты свои. Окраины дороги были также сномъ-травой усыпаны. Безсознательно сорвалъ одинъ цвѣточекъ Василій Борисычъ. Онъ прилилъ къ его пальцамъ.

— Брось, брось! Чтѣ ты дѣлаешь, Василій Борисычъ? Брось, говорятъ тебѣ. Не слѣдуетъ трогать эту траву, грѣхъ! закричала ему изъ повозки мать Аркадія.

— Чтѣ жъ за грѣхъ въ томъ, матушка? съ удивленьемъ спросилъ уставщицу Василій Борисычъ, куда сорванный цвѣтокъ.

— А забылъ что въ *Печерскомъ Патерикѣ* про него пишется? Про сей цвѣтокъ именуемый „лѣлокъ“? Это онъ самый „лѣлокъ“ и есть, говорила мать Аркадія.—Видишь къ пальцамъ прилилъ! Вымой ты руки-то, вымой. Вотъ хоть изъ колдобинки водицы зачерпни, только вымой скорѣе.

Слдеснулъ руки изъ мутной колдобины Василій Борисычъ, и вытирая ихъ ручникомъ поданнымъ Аркадіей сказалъ:

— Чтѣ жъ про эти цвѣты въ *Патерикѣ* писано? Не приложу я что-то, матушка ...

— Не могу я тебѣ теперь доподлинно сказать, Василій Борисычъ, въ *Патерикѣ* ли то писано, у Нестора ли въ *Летописи*. Домой воротимся укажу, учительно сказала Аркадія.— А писано вотъ чтѣ: „Во святѣи Киевской Печерской обители прелодобныхъ Антонія и Феодосія бѣ старецъ именемъ Матвѣи. И бѣ той старецъ прозорливъ. Единою бо стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, возведъ очи своя, позрѣ по братіи уже стоять лоуще по обѣма сторонама. И видя обходяща ихъ бѣса во образѣ Ляха, въ людѣ ** и носяща въ приполѣ цвѣтки, уже глаголется „лѣлокъ“. И обходя возлѣ братіи взимая изъ лона лѣлокъ, вержаше на кого либо: аще прилѣпляшесь кому цвѣтокъ въ лоущихъ отъ братіи и той мало постоявъ и разслабленъ бываше умомъ

* Сонъ-трава, сонная, дрема—*Viscaria vulgaris*.

** Верхняя одежда, плащъ.

исходяше изъ церкви, шедъ въ келію и сла; аще ли вержаше на другаго и не прильняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ лѣвни, дондеже отляку утреню.“ * Вотъ это тотъ самый бѣсовскій цвѣтокъ и есть. По народу „сонудей“ его зовутъ, „дремой“, потому что на сонъ наводитъ, а по книжному имя ему „цвѣтъ лѣлокъ“. Не должно къ нему прикасаться, сила вражія въ немъ.

— У насъ на деревнѣ сказываютъ что охотникъ одинъ осенью по лѣсу ходилъ, начала Марьюшка головщица. — Ходить онъ по лѣсу—видитъ медвѣдь землю деретъ. Выдралъ медвѣдь корешокъ отъ какой-то травы и зачалъ его лизать. Лизалъ, лизалъ, да ровно хмѣльный сталъ, насилу отошелъ отъ того мѣста. Охотникъ возьми тотъ корешокъ да и ну самъ лизать его по-медвѣжьему. Пришелся видно по вкусу—полулзалъ, охмѣлѣвалъ и залѣзъ въ пустую медвѣжью берлогу. Да въ той берлогѣ до самаго Василья Парітскаго, ** когда медвѣдь изъ берлоги выходитъ, тотъ охотникъ и прѣспалъ. Проснулся, а въ корешокъ у него въ рукахъ. Стали послѣ по тому корешку обыскивать отъ какой онъ травы, отъ какого зелья, и дошли что тотъ корень — сонъ-трава, вотъ эта самая.

Не отвѣтилъ никто на слова Марьи головщицы. Всѣ промолчали, идучи другъ за дружкой по узкой тропикѣ. Подошла Фленушка къ Василью Борисычу и сказала ему тихонько:

— А захочетъ молодець судьбу свою узнать, пожелаетъ увидѣть во снѣ суженую — подложить ему подъ подушку дилкій цвѣточекъ этой сонъ-травы. Всю судьбу узнаетъ во сняхъ, увидитъ и суженую. Не сорвать ли про тебя Василій Борисычъ? Ужь такъ и быть, даромъ что бѣсовскій цвѣтъ, ради тебя согрѣшу, сорву.

— Не для чего мнѣ судьбу узнавать, не глядя на Фленушку отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Однакожь.... заговорила было Фленушка.

Но громкій голосъ Аркадіи покрылъ ея полумелотъ.

— И въ раи Господнѣ росло древо смерти и ходилъ змѣй, въ него же вселился діаволь. Диво ли что теперь на нашей трудной землѣ и древа, и травы, и скоты, и звѣри и всякіе

* Это сказаніе находится и въ *Печерскомъ Патерикѣ* и въ *Лѣтописи* преподобнаго Нестора (*Полн. Собр. рус. лѣтоп.* I—81—82).

** Апрель 12го.

гады ползущіе не отъ Бога, а отъ врага, не славу Божию исповѣдуютъ, а вражескимъ кознямъ на человѣческую пагубу служатъ? Писаніемъ умудренному уму подобаетъ познати каждой вещи извѣщеніе—къ доброму она или къ худому. Въ томъ и премудрость. И намъ малымъ и скудоумнымъ не вмѣстить бы тоя премудрости, аще бо не святыхъ отецъ писаніе просвѣщало и освящало насъ.... Такъ ли говорю Василій Борисычъ? Да полно ты толчел! Чтѣ безъ луты толчешься, когда люди умнѣй тебя о дѣлѣ говорятъ! прикрикнула она на Фленушку, подсмѣивавшуюся рѣчамъ ея и дергавшую саетка за кафтанъ Василя Борисыча.

— Премудрости исполнена Господня земля, отозвался Василій Борисычъ.—Всяка живая тварь на службу человѣку, и всякъ злакъ на пользу его.

— Да полно ли вамъ? брюзгливо молвила ему причудливая Фленушка. — И въ обители книжное лучше горькой рѣдъки надоѣло, а вы съ нимъ и на гулякѣ. Пуцай ее съ матушкой Никанорой разводите узоры. По просту давайте говорить. Въ кои-то вѣки на волю да на просторъ вырвались, а вы и тутъ съ *Патерикомъ!*.. Бога-то любались бы!

— Это я такъ, Флена Васильевна, сказалъ Василій Борисычъ отходя немного въ сторону за кусты.—Нельзя же—старшія.... А вѣкъ бы кажется отсюда не вышелъ. Очень ужъ здѣсь хорошо.

— Надоѣло бы, подхватила Фленушка и быстро обратилась къ Марьюшкѣ головщицѣ, громко вскрикнула, указывая рукой въ перелѣсокъ: — Марьюшка! Гляди-ко! костянику-то, костянику-то чтѣ! Видимо-невидимо!

Любила ту ягоду Марьюшка, не отвѣтя ни слова бросилась она въ сторону и нагнувшись принялась собирать алую костянику. Василій Борисычъ шелъ сзади телѣгъ нагруженныхъ матерями. Съ одного бока у него боіко идетъ развеселая Фленушка, съ другаго лавой плыветъ Прасковья Паловна.

— Куда ужъ вамъ въ лѣсахъ пребывать! игриво продолжала Фленушка, обращаясь къ Василю Борисычу. — Разомъ бы надоѣло.

— Такая красота никакому человѣку надоѣсть не можетъ, отозвался Василій Борисычъ. — Нельзя въ такомъ мѣстѣ

соскучиться: и дышется-то здѣсь вольнѣе и на душѣ такой миръ, такое спокойствіе.

— Чтѣ жь нейдете пустынночать, коли такъ лѣса любились вамъ? лукаво улыбаясь молвила Фленушка.—Вонъ тамъ, подалѣе отсюда, въ Полѣмѣ, живутъ же старцы-отшельники вѣкъ свой въ лѣсу, съ утра до ночи слушаютъ какъ птички раслѣвають. И вамъ къ нимъ, Василій Борисычъ.

— Чтѣ жь? отвѣчалъ онъ.—Добрая жизнь, богоугодная!... Благой изволя о Господѣ оставить мѣръ и пребывать въ пустынѣ. Всѣ святые похваляютъ пустынное житіе. Только не всякъ можетъ подыять такую жизнь.

— Да, не всякъ можетъ, думчиво молвила Фленушка, и потомъ, какъ бы встрепенувшись, прибавила:—Не про насъ съ вами такая жизнь! На это мы не годимся.

— Отъ чего же такъ? улыбаясь спросилъ Василій Борисычъ.

— А оттого, съ лукавою усмѣшкой отвѣтила Фленушка,— что Божье у насъ на языкѣ, а мѣрское на умѣ. Правду сказала?... А?... прибавила она и весело засмѣялась.

— Не знаю чтѣ на это сказать, не пробовалъ въ пустынѣ жить, молвилъ Василій Борисычъ.

— И не пробуйте, отвѣтила Фленушка, опустивъ глаза съ притворною скромностью.—Развѣ вдвоемъ чтобы не оченно скучно было....

— Вдвоемъ конечно веселѣе, молвилъ Василій Борисычъ.— По крайности есть съ кѣмъ слово сказать.

— Конечно, согласилась Фленушка.— Живучи вдвоемъ, другъ на дружку взглянешь да улыбнешься, а живучи въ одиночествѣ на себя глядя только вслачешься... Ты, Параша, какъ объ этомъ думаешь?

— Не знаю, вяло отвѣтила Прасковья Паталовна.

— Ужель никогда о томъ не думала? Ужель и на мысли о томъ никогда не впадало? приславаала къ ней Фленушка.

— Не помню, лорывисто отвернувшись отъ подруги, молвила Параша, а сама, взглянувъ на Василья Борисыча, ни съ того ни съ сего зардѣлась какъ ягода костяника, которую собирала Марья головщица.

— Ахъ, батюшки свѣты!... Ягодъ-то чтѣ, ягодъ-го!... вкליкала Фленушка и живо бросилась въ сторону оставя Парашу вдвоемъ съ Васильемъ Борисычемъ.

Того въ жаръ кинуло. Повозки съ сонными матерями впереди уѣхали, Фленушка съ Марьюшкой, собирая ягоды, скрылись въ лѣсной чащѣ. Никого кругомъ, а онъ съ глазу на глазъ съ приглававшюся ему лышкой-дѣвицей.

Слова не вяжутся. Куда сколь рѣчисть на бесѣдахъ Василия Борисычъ—жемчугомъ слова катятся, какъ рѣка льются, а тутъ, оставшись съ глазу на глазъ съ молодою пригожею дѣвицей, не дощется словъ, ровно стѣна молчить... Подкосились ноженьки, опустились рученьки, весь какъ на иглахъ... Да, и высоко каблучокъ, да подломился на бочокъ.

Соберется съ духомъ, наберется смѣлости, скажетъ словечко про птичку ли въ сторонѣ порхнувшую, про цвѣты ли дивно распустившіе яркіе лепестки свои, про бѣлоствольную ли высокую березу, картинно развѣсившую свои вѣтви, или про зеленую стройную елочку, но только и слышитъ отъ Парашки что „да“ да „нѣтъ“. Рдѣютъ свѣжія, полныя ланиты дѣвушки, не можетъ поднять свѣтлыхъ очей, не можетъ взглянуть на лутеваго товарища... А его глаза горятъ лопытемъ, бещутъ искрами.

„Охъ, искушеніе! думаетъ, негодуя на себя, Василий Борисычъ. Съ Устиньей въ два слова обо всемъ перемолвилъ, а съ этой пральле языкъ къ гортани моей!“

А самъ, идя рядышкомъ съ Прасковьей Пяталовной, понемножку да потихоньку къ ней близится... Та краснѣетъ, сторобится... Къ такому мѣсту подошли что сторониться некуда—густо разрослись тутъ кусты можжевельника. Василий Борисычъ будто невзначай коснулся руки Парашкиной. Она дрогнула, но руки не отняла.... И какъ же зануло, какъ сладко защемило сердце дѣвушки, когда онъ взялъ ее за руку....

Идутъ, молчатъ... Слегка пожимаетъ Василий Борисычъ руку Парашки.... Высоко у нея поднимается грудь, и дыханье ея горячо и не можетъ она взглянуть на Василия Борисыча... Но вотъ и сама пожала руку ему... Василий Борисычъ остановился, и самъ послѣ надивиться не могъ откуда къ нему смѣлость пришла—обвилъ рукою станъ дѣвушки, глянулъ ей прямо въ очи и припалъ къ алымъ устамъ Парашки дрожащими отъ страсти губами...

Эхъ лѣса-лѣсочки, алые цвѣточки! Вѣкъ бы тутъ гуляти, алы цвѣты рвати, крѣлко обниматься, сладко цѣловаться....

— Поладили, шелнула Фленушка головщицѣ, осторожно выглядывая изъ-за кустовъ можжевельника на Василья Борисыча съ Парашей....

— Чтò тутъ хорошаго-то? брюзгливо отозвалась Марьюшка.

— Одной что ли тебѣ съ своимъ Саратовцемъ? досадливо молвила ей Фленушка.— Всяка душа сладенькаго хочеть. Не обсьвокъ же въ полѣ и Параша.

— Такъ-то оно такъ, сказала Марьюшка,— а какъ матушка провѣдаетъ, тогда чтò будетъ?

— Будеть такъ будетъ, а не будетъ, такъ что-нибудь да будетъ, отрѣзала Фленушка и громко залѣла удаалую лѣсню:

Курѣвущка, куревà, *
 Закурпиа, замела,
 Закутила-замутила
 Всѣ дорожки, всѣ пути:
 Нельзя къ милому пройти!
 Я пойду стороной,
 Съ милымъ свижуся,
 Подороваюсь:
 „Здравствуй, миленькій дружокъ,
 Ко мнѣ въ гости гости
 Да подоайте сиди:
 Съ стороны люди гадяты,
 Меня, дѣвушку, бражаты.
 Ужъ какъ вынѣшніе люди
 Догадаивые,
 Догадаивые, переводчивые!
 Ни кутать, ни мутать,
 Съ тобой, милый, разлучать.“

Не слушая Фленушкиной лѣсни, по другую сторону дороги за опушкой лѣса, шли рука въ руку Василиій Борисычъ съ Парашей.... Шли молча, ни тотъ, ни другая ни слова... Но очи обоихъ были рѣчисты...

LXXX.

Половину пути прошли. Подошла къ парочкѣ Фленушка съ Марьюшкой. Тутъ съ дороги поворотъ, лѣсная тропа до могилки матушки Фотиньи поидеть, въ повозкахъ тутъ

* Такъ въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ зовутъ вьюгу.

не пройдешь. Разбудили отъ крѣпкого сна уставщицу Аркадію да старицу мать Никанору, и остава лошадей съ работниками на дорогѣ, въ шестеромъ пошли по кладкамъ лежащимъ на сырой, болотистой землѣ къ „святому мѣсту“. Надо было идти гуськомъ. Впереди выступала мать Никанора, за нею уставщица Аркадія, потомъ Марыюшка, Флекушка и Параша. За Парашей, всѣхъ позади, шелъ Василій Борисычъ. Кладки были узенькія, мѣстами отставали одна отъ другой на четверть и больше. На руку это было московскому послу. Никто назадъ не оглядывался, каждая смотрѣла подъ ноги.

Учительная мать Аркадія между тѣмъ громогласно читала наизусть поученіе о прелести и суетѣ міра сего.

Далеко раздавалась по лѣсу ея громкая, протяжная рѣчь:
„Житія нашего время яко вода на борзѣ течеть, дніе лѣтъ нашихъ яко дымъ въ воздухѣ развиваются, вмалѣ является и вскорѣ погибаетъ. Вѣкъ человѣческій яко мракъ подымается отъ лица земли отъ утра юности человѣческія даже и до вечера старости. Мнози борются страсти со всякимъ человекомъ и колеблуть душами. Яко же волны морскія—житейскія сласти, и похоти, и желанія возстають на душѣ.— Мало полприще вѣкъ человѣческій. Но како огненно прескочити? Врагъ бо льститъ, и бореть, и палитъ всяку душу житейскими сластями и суетными вещьми тлѣнными, и лѣнностію и локоемъ всякимъ отъ юности и до старости и до гроба. Покорити же намъ подобаетъ плоть духови и отвратити всю бѣсовскую прелесть, и житейскій покой всякій и лѣнность, и похоти, и желанія мірскія отъ душъ нашихъ отрянути мужествомъ, и терпѣніемъ, и крѣпостію.... О человецѣ! Чтѣ твориши несмысленнѣ, погубляеши время свое спасительное непрестанно весь вѣкъ живота твоего, тѣлу своему угожда? Чтѣ отъ плоти пріяти хочещи? Тогда ли начнеши о спасеніи подвизатися, тогда ли начнеши творити добродѣтели и Христовы святыя заповѣди и повелѣнія Его, егда смертная кончина постигнетъ тя неготова? Егда время есть дѣлати добродѣтели, тогда не дѣлаеши, не радѣеши, тогда не терпиши, и не подвизаешися. Чтѣ хочещи?....“

Гнилая кладка подломилась, и проповѣдница стремглавъ полетѣла въ болото. Грузно шлепнулась увѣсистая Аркадія

въ грязь поросшую осокой и бѣлоусомъ, * уйдя чуть не по колѣно въ болото. Насилу вытащили ее Никанора съ Марьюшкой.

Не стерпѣла Фленушка: во всю мочь раскохоталась видя карабкающуюся въ болотѣ уставщицу. И досталось же ей за то отъ Аркадіи. Иное зачала она поученіе, щедро пересылая его бранными словами.

— Чему заржала, окаянная? визгливо шумѣла она, отряхая жидкую грязь со всѣхъ сторонъ облѣпившую ищическое ея одѣяніе.—Тряслось бы надъ тобой, да висло, безпутная! Чирей тебѣ въ ухо да камень въ брюхо! Чѣмъ бы пожааѣть старуху, а она зубы скалить, пересмѣиваетъ. Чтobъ тебя полоамаъ да въ черепья! И нелегкая меня угораздила съ шеллалутвицей этакой на богомолье идти. Гулянки у тебя на умѣ да смѣхи, о молитвѣ и думать забыла. Околѣть бы тебѣ безъ свѣчей, безъ ладона, безъ гроба, безъ савана! Иссуши меня Господи до макова зернышка, коль не разкажу я про всѣ твои проказы матушкѣ! Задасть она тебѣ, задасть, взѣреленить безстыжую, всключить косы-то! Погоди у меня, погоди!

А Фленушка лучше и лучше хохочетъ надъ разъярившеюся старицей. Посмѣиваются втихомолку и Марьюшка съ Парашей и Василій Борисычъ; улыбается и степенная, чинная Никанора. И трудно было удержаться отъ смѣха глядя на толстую, раскраснѣвшуюся съ досады уставщицу всю въ грязи, съ камилавкой на бокъ, съ апостольникомъ чуть не задомъ напередъ. Фленушка не изъ таковскихъ была чтobъ уступить Аркадіи: чѣмъ больше та горячилась тѣмъ громче она хохотала и тѣмъ больше ее подзадоривала.

И Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось еслибы шедшіе гуськомъ богомольцы не дошли наконецъ до маленькой полянки, среди которой стоялъ почернѣвшій отъ дождей и ветхости, ягелемъ поросшій голубецъ. То была гробница добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотини.

До Питиримова разоренья на этомъ мѣстѣ стояла женская обитель старицы Фотиньи Нижегородки. Вблизи отъ нея, съ версту либо еще ближе, стояла другая обитель стари-

* Осока—*Carex visicaria*. Бѣлоусъ—*Nardus stricta*.

ды Голендухи. Много въ тѣ пору на Керженцѣ и въ лѣсахъ Чернораменскихъ учительныхъ и добраго житія старицъ было. Строгою жизнію и добрыми подвигами славились двѣ игуменьи Шарланскіихъ обителей, матери Марья да Фодосья, да начальная старица Елхольскаго скита, мать Иринарха. Великою начитанностью, острымъ разумомъ и учительнымъ словомъ во всѣ концы старообрядства гремѣла начальная старица Калитолина Ярославка діаконова толка, да старица Анисья Козьмодемьянка. Съ самимъ Питиримомъ онѣ препирались и крѣпкими адамантами древяго благочестія считались, но не было такой постницы, не было такой подвижницы какъ начальная старица Фотинья; и не было такой учительной и начитанной игуменьи какъ мать Голендуха. Къ Фотиньѣ съ разныхъ сторонъ сходились старообрядцы поучиться добрымъ порядкамъ и подвижничеству, у Голендухи соборы даже собирались. Однажды на Тихоновъ день, * многіе старицы и старцы, именитые люди и духовнаго чина къ матери Голендухѣ въ обитель сходились, разбирали они по подробнѣ „спорныя письма“ Аввакума протопопа и обрѣли въ нихъ несогласныхъ рѣчей со святыхъ отецъ писаніемъ много и за то согласились отложить тѣ письма. И стало отъ того раздѣленіе Керженскихъ старообрядцевъ на Софонтіево и Онуфриево согласія. И по времени тѣ что Софонтіева толка держались по многихъ спорахъ Онуфриевыхъ одолѣли и тому одолѣнію много послужили мать Фотинья да мать Голендуха. Отъ того и память ихъ донынѣ на Керженцѣ честно хранится, отъ того на мѣстѣ разоренныхъ скитовъ, на ихнія могилы, и ходятъ Богу молиться и помины творить по ревнительницамъ старообрядства.

На Фотиньиной полянкѣ стихли и брань уставщицы и Фленушкинъ хохоть. Положивъ семилотный канонъ за умершихъ. Отгнѣли канонъ вѣдь могилой Фотиньи и помянули ее взятыми изъ Виринеиной кеарни кутьей да холодными блинами.

Отправивъ службу по Фотиньѣ, богомольцы пошли дальше въ лѣсъ по тоненькимъ кладкамъ. Тутъ стоячее болото было жиде, промежъ зеленой осоки и пышныхъ ярко-желтыхъ кузавокъ ** сверкали глубокія лужи какъ лѣной подернутыя

* 16го іюня 1708 года.

** Водяной залушникъ, Nymphaea.

Улангеръ подаянія. И жизнь въ томъ скиту была безопаснѣй и привольнѣй чѣмъ въ другихъ—и помы и полиція не такъ смѣло къ нему подступали какъ къ другимъ, наполненнымъ простолюдинами.

Съ умиленьемъ и гордостью разказываютъ преданія про Старый Улангеръ, стоявшій лѣтъ сто тому назадъ. Житіе, говорятъ, было тамъ пространное, широкое и необязное, порядки добрые, строгіе, и помногу бѣглыхъ половъ въ томъ скиту пребывало. И колокольный звонъ и крестные ходы вокругъ скита и по окрестнымъ полямъ, и свободное отправленіе погребенія съ громогласнымъ пѣніемъ и цѣлымъ строемъ половъ во всемъ чину своемъ, все это бывало въ захолуствомъ, забившемся въ дремучіе лѣса Улангеръ и придавало ему блескъ и славу по всему старообрядству. И невѣдомо отъ чего прогнѣвался Господь на Улангерскія обители: въ пору необычную, на самое Богоявленье нашла грозовая туча и ударила молнія въ главную скитскую часовню. Поднялся вихрь и пламя раскидало по всему скиту; часа черезъ два отъ него ничего не осталось. Со страха и ужаса разбѣжались по всемъ сторонамъ улангерскія матери.

Лѣтомъ галицкая боярыня Акулина Степановна изъ рода Свѣчичныхъ, съ лаеманницей своей Федосеѣй Федоровной Сухониной, собрала во единъ кругъ разбѣжавшихся матушекъ, пошла съ ними вкулъ на иное мѣсто, и на рѣчкѣ на Козленцѣ, насупротивъ стараго скита Фундрикова, ставила обитель Сласа Милостиваго. По малому времени собрались сюда и другіе окитскіе жители и ставлено было двѣнадцать обителей, десять женскихъ, двѣ мужскія. Дворянскаго рода бѣлицы и старицы до послѣдняго времени не переводились въ Улангеръ, и хотъ этоть скитъ далеко не былъ такъ богатъ какъ Комаровскій, Оленевскій или Шарпанскій, но славу большую имѣлъ, потому что въ немъ постоянно привитали бѣдныя дворянки чухломскія, галицкія и лешехонскія. И какихъ сказокъ про нихъ не разказывали: и близки-то онѣ ко двору, и имѣютъ - то среди царскихъ вельможъ близкихъ сродниковъ и есть - то у нихъ жалованныя грамоты, которыми на вѣки вѣчныя обезлечена неприкосновенность скита Улангерскаго.

И чтò было съ лешехонскими, галицкими и чухломскими „барами“ то сталося и съ лотомками ихъ, улангерскими келейницами. Сколько было у нихъ бѣдноты и наготы въ сравненіи съ другими скитами и разказать того невозможно, а слѣси

боарской въ сотню разъ больше того. Какъ можно посылать во городамъ за оборамъ, какъ можно канонницъ въ Москву отправлять? Сама Москва должна двинуться на рынку Кюбелевъ поклониться скиту дворянскому! Знать никого не хотять—ходить ребромъ, гадать козыремъ.—На что намъ богатство, была бы ельсь, была бы передъ нами лыль, люди бы передъ нами сторонились.... Отъ того и забывалъ скитъ Улангерскій.

Въ то время про которое мы говоримъ, перестали ужъ кичиться да гордиться дворянкою славой Улангерскія обители. Дворянокъ оставалось мало, да и тѣ были безъ зубовъ, съ ячи не свѣзали, доживая свой долги вѣкъ. Но старая ельсь осталась, и не со многими обителями другихъ скитовъ улангерскія матери хлѣбъ-соль водили. Комаровская обитель Манефина въ славѣ и почетѣ была, съ нею знали и знакомствомъ дорожили улангерскія, особенно главная тамошняя игуменья самой большои обители мать Юдиева изъ ярославскаго кулеческаго рода. Къ ней-то и вѣзѣхали устаеме до вельзы наши богомольцы.

LXXXII.

Дѣвушка, что ловчая птица. Трудно сокола выносить, а перевабить * самъ на руку станеть летать. Недотрогой-царевной смотрѣла Прасковья Патаповна выѣзжая изъ Комарова, а какъ добрались наши странники до Улангера да разгѣстались по кельямъ и свѣтлицамъ Юдиевиной обители, красна дѣвица востосковалася: „Гдѣ-то оны радость моя?... Что-то оны, миленькой дружочекъ, подѣлывается?...“

И Василью Борисычу на мѣстѣ не сидится. Мать Юдиева радехонька была знакомому ужъ ей московскому уставщику. Еще когда лѣвчала стая Манефиной обители вѣдила въ Ошповку хоронить Настю, Василій Борисычъ, оставшись въ Комаровѣ безъ дѣва, лѣбывалъ у матери Юдиевой и даже услѣлъ склонить ее къ признанію надъ собой новаго владимірскаго архіепископа.

* Сокола и другую ловчую птицу носятъ на рукѣ поколь не за съеть, и такимъ образомъ приручаютъ. Это навывается *вынашивать*. *Перевабить*—перевзвать сокола, переманить вавиломъ съ мѣста. *Вавило*—пара птичьихъ крыльевъ; ими машутъ, поспыстывая для прывыва выношенной молчей птицы.

Усадила мать Юдееа Василя Борисыча въ почетный уголъ, угощать она московскаго гостя чаемъ и сластями, заводить съ нимъ рѣчь про рогажское священство. Но московскому послу не до посольства. Не архіерейство на умѣ, а атласныя бѣлыя плечи, на которыя идучи по каадкамъ не могъ онъ нагадываться; не Рогожское каадбище на памяти московскій уставщикъ держать, а про то сладко вспоминаеть какъ гуляя по лѣсоучку рука объ руку съ Прасковьей Паталовой горячо обнималъ ее, цѣловалъ въ уста алыя. И дивится словоохотливая улангерская игуменья, отчего это молчать посоль московскій, не въ попадъ на спросы отвѣчаетъ, то и дѣло въ рѣчахъ путается. Слышала она что Василю Борисычъ изъ усердія, ради богомольнаго подвига, всю дорогу пѣшкомъ прошелъ, и такъ про него думаетъ: „Усталъ, родименькой, притомился.... Отъ великихъ богомольныхъ трудовъ разстроило сердечнаго.“

— Отдохнуть бы вамъ съ дорожки-то, гость дорогой, молвила она Василю Борисычу.—Послѣ тралезы отдохнуть не вздумаете ли?

И кликнувъ бѣлицу Домнушку, мать игуменья ей приказывала постлатъ скорѣе гостю постель въ сосѣдней свѣтелкѣ, что была надъ кельей игуменьиной.

А Домнушка дѣвица молоденькая, собою маленька, личкомъ бѣленька, очи соколы, брови соболы, глаза съ ловолокой, ротокъ съ позѣвотой, а дѣвичья краса русая коса лежала у ней по сливѣ до шекова пояса. Веселая такая была и пѣжная, а сама чиста какъ голубица. Когда впервые Василю Борисычъ въ Улангерѣ былъ, облюбывалъ онъ эту дѣвицу и почасту съ ней втихомолку заигрывалъ. Обрадовалась телерь Домнушка гостю негадавшему, а онъ ровне и не знаетъ ее; даже не поздоровался. И зардѣлось отъ досады бѣлое личико Домнушки, и заискрились слезинкой очи ея звѣздистыя: не того ждала она надѣялась, живучи въ одиночествѣ, помышляя каждый день о Василю Борисычѣ.

Только-что мать Юдееа изъ кельи вонъ, на мѣсто ея Фелюшка.

— Ну что? спросила она, изо всей силы хлопнувъ по плечу погруженнаго въ думу Василя Борисыча.

Тотъ присѣлъ даже отъ нечаяннаго удара разудалой дѣвицы.

— Охъ искушеніе! вскрикнулъ онъ и едва перевода духъ приподвизалъ:—Совѣтъ исподосили вы меня, Фелюшка Васильев-

ла! Какъ можно лугать человѣка! Мало ль что съ испугу можетъ случиться? Медвѣдь и крѣпче меня, да и съ тѣмъ съ испугу-то что бываетъ?

— Ишь незамѣтка какой выискался, лукаво усмѣхалась моавила Фленушка.—Гдѣ таково, Василій Борисычъ, извѣжничались? Въ свѣтлой свѣтлицѣ, аь во чистомъ полѣ, али въ лѣсточкѣ, срывая цвѣточки?

— Не знаю какъ ваши рѣчи понимать, Флена Васильевна? сказалъ Василій Борисычъ, будто не понимая Фленушкиныхъ намековъ.

— Рѣчисты ужь больно стали вы, Василій Борисычъ. Съ вашихъ столичныхъ рѣчей можетъ статься намъ лѣснымъ дурамъ плакать придется, продолжала Фленушка.

— Да что это вы нынче все притчами говорите? Въ: бы прямо. Понятнѣе, моавилъ Василій Борисычъ.

— Ты моя и рѣчи, что птицу кормить, а дѣвушку лѣстными рѣчами обманываютъ, съ коварною усмѣшкой сказала Фленушка.

Василій Борисычъ ни слова въ отвѣтъ.

— Сгубили вы ее своими рѣчами, продолжала Фленушка.

„Охъ, искушеніе!“ подумалъ Василій Борисычъ. Да тутъ же и вспало ему на мысли: „про какія же это рѣчи она говорить? Кажется, мы во все время единого слова не вымолвили.“

— Теперь сидитъ разливаясь-плачетъ, сказала Фленушка. Хоть пошла бы да утѣшила, локамъ старицы наши съ Юдшей растабарываютъ.

— Охъ искушеніе! въ пологоса промоавилъ Василій Борисычъ.

— Нечего таитья, сказала Фленушка, положивъ руку на плечо его.—Съ Парашей мы душа въ душу живемъ, она мнѣ все разказала, все что въ лѣсу промежь вами ни дѣлалось...

— Ахъ, Флена Васильевна!.. Флена Васильевна!.. только и могъ краснѣя и глубоко вздыхая промоавить Василій Борисычъ.

— Вотъ что: теперь пожалуй лучше не ходите къ ней, сказала Фленушка,—очень ужь людно здѣсь, да олять же на насъ на прѣзжихъ во всѣ глаза смотрять. А лучше вечеркомъ послѣ солнечнаго заката—на всполье выходите. Видѣли какъ сюда вѣзжали крестъ большой въ землю вконанъ стоять. Отъ этого креста дорожка вдоль рѣчки къ перелѣску идетъ—

туда приходите. Да смотрите чуръ не обмануть. Безпремѣнно приходите.

Ни слова Василиѣ Борисычъ, одно только завѣтное слово мелчетъ онъ: „охъ искушеніе!“

— Что же нашей царевнѣ-королевнѣ велите сказать? настойчиво спросила Фленушка.—Придете аль нѣтъ вечеркомъ въ перелѣвскѣ тоску - горе размыкать?... Придете аль нѣтъ?

— Приду, едва слышнво проговорилъ, смущаясь отъ этихъ разговоровъ Василиѣ Борисычъ.

— Ладно. Да вы не бойтесь. Мы ловкой рукой все дѣло обрядимъ, сама на сторожѣ стану, усмѣхаясь бойко и рѣзко проговорила Фленушка.

— Охъ искушеніе! молвилъ Василиѣ Борисычъ.

— Погляжу я на васъ, Василиѣ Борисычъ, съ лукавою улыбочкой сказала Фленушка:—настоящій вы окосырь московскій! Любите дѣвушекъ съ ума сводить. Что-то Устюша телерь? Ну да вѣдь я не за тѣмъ чтобъ ее ломивать.... Прощайте, не обманите же. Только-что послѣ ужины матери по кельямъ разойдутся, вы тотчасъ къ большому кресту да троной въ перелѣсокъ. Смотрите жь.

И какъ рѣзвая касатка вонъ изъ кельи порхнула.

А вовсе не Парашины рѣчи-желанья Василью Борисычу она говорила. Высмотрѣвъ украдкой что было въ лѣсоцкѣ вздумалось Фленушкѣ и эту парочку устроить. Очень любила такія дѣла и давно ей хотѣлось коли не свою такъ чужую свадьбу уходомъ сыграть. По ея разумѣнью дѣло подходящее телерь выпадало: влѣзъ лó поясъ Василиѣ Борисычъ—полѣзеть и по горло, влѣзетъ по горло—лó уши лѣзъ, лó-уши окунется—маковку туда жь. Такъ ужъ хочеть Флена Васильевна, такова ея воля дѣвѣчья.

По случаю прїѣзда московскаго посла и комаровскихъ матерей, въ Юдиной обители большое собраніе было. Сошлись игуменьи и соборныя старицы изо всѣхъ обителей.

До сыта наговорились онѣ съ комаровскими матерями. Успокоясь немного отъ сердечной тревоги, много говорилъ съ вами Василиѣ Борисычъ. Толковали объ архіерействѣ, улангерскія старицы еще не были склонны къ Бѣлокриницкой іерархіи, сомнѣвались въ ея чистотѣ, ересей сокровенныхъ боялись, больше всего смущало ихъ не облаванецъ ли Грекъ Амвросій. Если облаванецъ — все его архіерейство и свя-

щество безблагодатно и кромѣ душевной гибели отъ него ожидать вичего невозможно. Василій Борисычъ Бога въ свидѣтели приводилъ что самъ онъ своими глазами видѣлъ какъ въ Эносѣ, на родинѣ митрополита, Греки дѣтей въ три погруженья крестили, что тамъ про обливанство и слуху нѣтъ и весьма имъ гнушаются какъ богомерзкою латинскою прелестью. Отъ книгъ доказывалъ что хотъ у Грековъ вѣра отъ бусурманскаго насилія и стала лестра, но въ крещеніи они вичамо не погрѣшили. Улангерскія матери обичали обо всемъ хорошенько подумать, а мать Юдича прямо сказала что готова признать владыкей владимірскаго архіеліскола и принять поставленнаго отъ него попа. Но еще больше чѣмъ объ этомъ было рѣчь на счетъ опасности грозившей скитамъ Керженскимъ и Чернорамескимъ. Кромѣ извѣщенія объ этой опасности полученнаго изъ Комарова отъ матери Манефы, Юдича и другая улангерская игуменья, мать Минодора, получили такіа жъ недобрыа вѣсти отъ благодѣтелей изъ Петербурга. Толковали, вздыхали охали и тѣмъ порѣшили что гдѣ гроза тамъ и вѣдро. Господь не безъ милости—провесетъ мимо тучу грозную и бѣдныхъ сиротъ учинитъ безлечальны; надо во всемъ на Его святую волю положиться. И то порѣшили чтобы на Петровъ день непременно быть на общемъ сѣздѣ въ обители у матушки Манефы и тамъ пособоровать что слѣдуетъ дѣлать, что предпринять при такихъ тревожныхъ вѣстяхъ.

Солнце межъ тѣмъ багровѣетъ больше и больше, а сѣро-желтый туманъ застилавшій лазурь небеснаго свода больше и больше темнѣетъ. И на землѣ затуманились дальніе предметы: перелѣсокъ и Фундриковскія строенья ровно въ дымку закутались. Гарью сильно запахло—ясно что пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, въ которой сторонѣ и далеко ли онъ, никто не вѣдаетъ, не знаетъ. Во время большихъ лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяется иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Отъ того въ Улангерѣ и были спокойны—никто не тревожился. „Горитъ гдѣ-то далеко, до насъ не дойдетъ, говорили келейницы, а хотя бъ и дошло такъ намъ не бѣда—Улангеръ не лѣсная деревушка, чищеніа большая, до келій огню не добраться.“

Еще далеко не дойдя до края небосклона солнце скрыло

лучи и совѣтъ ломеркло, опускаясь въ непроглядную лосу густаго тумана. Нѣтъ вечерней зари, прямо безъ зари ночь небо локрыла. Повѣяло холодкомъ, столь отрадвымъ послѣ зноя длиннаго юньскаго дня. Надъ рѣчкой, на поляхъ и болотахъ стелются влажные туманы. Отъ гари лѣснаго пожара, не бѣлыми они кажутся, а какими-то сѣроватыми. Матери бывшія у Юдиен на соборѣ, распрощавшись съ комаровскими гостями, разошлись по домамъ. Вездѣ локончили работы, вездѣ совершили вечернюю тралѣзу, вездѣ разошлись по кельямъ на боковую.

Фленушка уговорила двухъ давно знакомыхъ ей дѣвицъ Юдиенной обители вмѣстѣ погулять по вечернему холодку. Тѣ охотно согласились. Сказали Домнѣ, та не пошла, сказала что голова у ней разболѣлась, а въ самомъ дѣлѣ разболѣлось у нея сердце. На что жъ это въ самомъ дѣлѣ похоже? Въ первый разъ пріѣзжалъ заигрывалъ, обѣщался еще побывать, гостинцевъ привезти, и вдругъ ни съ того ни съ сего не то что гостинцами — взглядомъ подарить не хочетъ.... А она ль о немъ не думала, она ль не надѣялась?... И очень печалилась нѣжная Домнушка, но въ тайнѣ свою печаль сохраняла... Пошли разгуляться Фленушка съ Парашей да съ Марьюшкой головщицей и двѣ Юдиенны дѣвицы, развеселая, быстроногая Дуяша да голосистая чернобровка Варя. Только вышли на всполье, только отошли отъ келій подалѣ, тотчасъ за мірскія лѣси, а сами все ближе да ближе къ перелѣску.

Вышелъ изъ обители и Василій Борисычъ. Неслѣшными шагами идетъ онъ къ большому кресту. Подошелъ, остановился и положилъ передъ крестомъ семипоклонный началъ, ровно передъ добрымъ дѣломъ.... Отъ креста по узкой тропикѣ пошелъ къ темному перелѣску. Фленушка примѣтила гостя только-что выбрался онъ на всполье, голосъ ему подава, зазывая къ себѣ на бесѣду. Подошелъ къ дѣвицамъ Василій Борисычъ.

Въ малиновомъ шелковомъ сарафанѣ съ лалевымъ передникомомъ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ сидѣла на травѣ, окруженная подругами, Параша. Какъ и всегда была она не разговорчива, но не замѣтно было въ ней ни прежней лѣни, ни прежней сонливости. Пошла ли бѣ она поздней порой въ поле, покинула ли бы мягкій пуховикъ, еслибы не случилось съ нею въ тотъ день чего съ роду не случалось.

Узнала горячія объятія, испытала сладость поцѣлуевъ, ровно переродилась; взоръ сталъ смышленѣе, лицо думчавѣе, всѣ движенія быстрее. Еслибъ Фленушка съ Марьюшкой и ничего бы не подсмотрѣла въ лѣсу, онѣ какъ опытыя дѣвицы, сразу бы, взглянувъ на Парашу, догадались отъ чего съ ней такая перемена сталась. Любовь что огонь либо что кашель: отъ людей не скроешь.

Фленушка съ дѣвицами, ведя затѣянные разговоры, ушли въ гаубъ лѣса. Увидала Параша что осталась одна, а Василій Борисычъ стоитъ передъ нею.... Голова у ней закружилась, сердце такъ и упало... Убѣжать бы скорѣй да съ мѣста не встается... Остаться и боязно и стыдно.... Однако осталась.

Василій Борисычъ возлѣ нея на травку сѣлъ и молча взялъ за руку. Параша ни слова.

Брѣлко онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать.... Ни слова Параша.... Лишь слегка отстраняется отъ поцѣлуевъ, но не отталкиваетъ взволнованнаго страстью московскаго гостя.

И все молчатъ.... А хмѣлевая ночь темнѣй да темнѣй, а въ воздухѣ тише да тише... Ни голосовъ, ни звуковъ—все стихло, все заснуло... Неслышными столами, невидимо стулаетъ по Матери Сырой Землѣ веселый Ярило, вѣетъ тихонько яркими колосьями и алыми цвѣтами, расслабляетъ, Ярѣ-Хмѣль, разжигаетъ кровь молодую, туманитъ головы, сладкое забытье наводитъ....

Рветъ надъ ними Ярило, кроетъ серебристымъ своимъ балагономъ.... Радостно улыбаясь осыпаетъ ихъ цвѣтами весны, цвѣтами любви, цвѣтами жизни...

Заготовила было Фленушка сонъ-траву положить подъ подушку Василью Борисычу—пусть бы приснился ему вѣщій сонъ, пусть бы узналъ судьбу свою, увидалъ бы свою суженую.... Бросила липкій цвѣтокъ—не надо ворожбы.... На яву все узнано, не во снѣ все угадано.

LXXXIII.

На другой день наши лутники отправились на прагъ сожженнаго „страдальца“ Варлаама. Къ нимъ присоединилось нѣсколько старицъ и бѣлицъ улангерскихъ... И все

женскій полъ, изъ мужчинъ были только Василии Борисычъ да еще доживавшій свой вѣкъ въ обветшалой мужской обители старецъ Иосифъ.

Тотъ Иосифъ былъ улангерскій старожилъ. Старше его по жительству въ скитѣ никого не было, кромѣ древней матери Ксенофонты, влывшей въ дѣтство и ужь больше пяти годовъ не слѣзавшей съ лечки. Та еще съ Акулиной Стелановой изъ Старога Улангера прѣѣхала. Старецъ Иосифъ былъ изъ чухломскихъ баръ, дворянскаго роду Горгаловыхъ, за нимъ въ Чухломскомъ уѣздѣ три ревижскія души состояло, двѣ души умерло, а третья вмѣстѣ съ бариномъ въ обители проживала и надъ бариномъ своимъ начальствовала, потому что инокъ Галактіонъ, по мірскому Егорка Данилсвъ, крѣпостной господина Горгалова крестьянинъ, игуменствовалъ въ обдѣлѣвшей и совсѣмъ почти залустѣвшей мужской Улангерской обители. Хоть постриженъ былъ отецъ Иосифъ, хоть отрекся отъ міра сего, однакожь барской слѣси было въ немъ довольно.

— Егорка, подлецъ! Чтò это ты вздумалъ? Какъ ты смѣешь? крикнетъ бывало Иосифъ на своего игумна, когда тотъ сдѣлаетъ какое-нибудь распоряженъе несогласное съ желанъемъ своего барина.

— Я тебѣ не Егорка, строго отвѣтитъ игуменъ.—Твой Егорка былъ да слыль, а смиренный игуменъ честной обители инокъ Галактіонъ. И онъ тебѣ приказываетъ: стань ты, непотребный рабъ, на поклоны, сотвори сто великихъ поклоновъ, да триста метаній, да пятьсотъ малыхъ.

И смиряется старецъ Иосифъ и кладетъ поклоны за поклономъ, метаніе за метаніемъ, творя волю крѣпостнаго игумна. И вѣдая таковое смиреніе старца Иосифа, его похваляли.

Такъ про него говорили: „отецъ Иосифъ сынъ великоблагороденъ, земныхъ чести и славы отрекся, убогаго монастыря во убогой келійцѣ благодарственно нищету и скудость терпиль, паче же всего христородажательнымъ смиреніемъ себя украшаетъ“.

А въ прежніе годы, въ годы свѣтлой, кипучей молодости, ходокъ былъ отецъ Иосифъ. О томъ старушки памятуеть, крытыя теперь чернымъ куколемъ, апостоальникомъ украшенныя, иночествомъ вѣнчанныя. Дò смерти не выйдетъ изъ ихъ памяти та пора какъ молодыми бѣлицами онъ во честныхъ обителяхъ житіе провождала. То-то былъ затѣивикъ,

то-то былъ любезникъ молодой чернецъ Іосифъ! Дворянскій родъ много ему помогалъ. Падки до него скитскія дѣвицы—каждой облагородиться лестно. Пролетѣли года одинъ за другимъ, лоникъ старостью старецъ Іосифъ. За старину тогда принялся, много книгъ прочиталъ, много ученья извѣдалъ. Имѣя острую память и быстрый умъ, какъ книга зналъ всю старину, а чего и не зналъ, то вымысломъ умѣлъ разукрасить. Оттого и желательно было каждому завъзему въ Улаагеръ человѣку того старца послушать, и самъ отецъ Іосифъ любилъ провести часъ другой въ бесѣдѣ съ хорошимъ человѣкомъ. Москву только и тузовъ ея не жаловалъ. Не жаловалъ еще комаровскую уставщицу Аркадію. У него какіе-то старые счеты съ тою старицей были....

Вотъ идетъ отецъ Іосифъ всѣхъ впереди, рядомъ съ нимъ Василій Борисычъ. Слушаетъ преподобныя рѣчи, не вспоминая о грѣховной ночи. Фленушка съ блѣдною, какъ бы истомленною Парашей и свѣжею какъ наливное яблочко Марью головщицей тутъ же идутъ. Люди хоть не дальніе, а все-таки завъзие, любопытно имъ сказаній Іосифа про улаагерскую старину послушать.

— Идемъ мы благочестно на прахъ отца Варлаама, говорилъ Іосифъ.—Добрѣ намъ подвиги его вспомнати. Добрастно пострадалъ воицъ Христовъ за правую древлеотеческую вѣру; себе самого и доблукъ учениковъ самосожженію предавше да лестію не обольстятъ рабовъ Христовыхъ злые антихриста послы... Ангелы Божіи въ небесахъ возликовали, егда воюю благоуханія самосожигаемыхъ обоняли и плѣсь преподобныхъ во временномъ міра сего огнѣ слышали. „Изведи изъ темницы душу мою, мене ждуть праведницы“— вотъ чтѣ глѣли въ пламени исповѣданіи Христовы. Таковы по здѣшнимъ мѣстамъ въ старые годы люди живали, таковы преславныя дѣла бывали. Нынѣ не то, не тѣ времена.

— Да, вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Нынѣ не то, продолжалъ Іосифъ, покачивая головою, открытой старою лобурѣвшею отъ времени камилавкой.—Нынѣ слабость по людямъ пошла. Измалодушествовались не токмо мірскіе, но и тѣ чтѣ ангельскій образъ пріять слодобилися. Повсюду врагъ Божій плевелы обильно сѣетъ, повсюду въ свѣти свои окаянныи христіанскія души на лагубу шкъ уловляетъ. Паача и въздыханій достойно время наше! Исзякла вѣра, померкла добродѣтель, не стало истинныхъ

рабовъ Христовыхъ! Обаче Божія благодать и въ нынѣшнія послѣднія времена не оскудѣваетъ, паче же преизбыточествуетъ. У васъ на Москвѣ промежь лузатыхъ лицемѣровъ, агнчую одежду на свои волчьи тѣлеса вздѣвшихъ, про здѣшнія чудеса люди чай и не слышали, а мы простили своими очами ихъ зрѣли. Чтѣ ваша Москва? Широко живеть, высоко ллюеть, а до Божьяго ей дѣла и нѣтъ.

— Налрасно, старче Божій, такое о Москвѣ разсужденіе держите, вступился московскій посолъ.—Вся земля грѣхами преисполнена, Москва на ней же стоитъ. Праведниковъ подобныхъ прежнимъ отцамъ не видимъ, обаче ревности по древлему благочестію не лишены и прилежанія къ старой вѣрѣ въ московскомъ обществѣ довольно. О томъ по всѣмъ странамъ премоно извѣстно.

— Не говори мнѣ, другъ любезный, про вашу прославленную Москву, горячо сказалъ Іосифъ.—Знаю я ее вдоль и поперекъ. Испоконъ вѣку деревенщичѣ была не любовна.... Какъ въ старыя годы, такъ и нынѣ. Москва чтѣ доска—спать широко да кругомъ мететь... Уты, утоластѣ, ушуре и забы Бога Создателя своего. Не въ Москвѣ древлее благочестіе,—по далекимъ захолаустьямъ, середь бѣднаго, простаго народа... Это такъ.... Такъ.... Ты молодежь еще, Василій Борисычъ, не спорь со старымъ челоуѣкомъ хорошаго роду. Супротивъ стараго царскаго дворянина спорить тебѣ, мальду, не доведось. Помни мое слово и не супротивься.

Смолчалъ Василій Борисычъ. Помолчалъ немного и старецъ Іосифъ, а за тѣмъ такую рѣчь повелъ:

— Отъ вѣку до вѣку не видать и не знать Москвѣ столь великаго подвижника, таковаго по святоотеческой вѣрѣ борника, каковъ во дни наши среди насъ просіялъ. Многогочеловѣчивый и многострадальный мужъ, добрыя ревности и спасительнаго житія, ревностно и благопокорно среди братіи служаше, молитвеннаго и цѣломудреннаго пребыванія образъ былъ всѣмъ хотящимъ спастися...

—Кто жь это такой? спросилъ Василій Борисычъ.

— Тезоименитъ прелодобному страдаальду ему же грядемъ поклониться, отвѣтилъ Іосифъ.—Варлаамъ—ангелъское имя ему, мірское же Василій Перелеакинъ, родомъ изъ Медини, хорошаго роду старыхъ дворянъ.

— Разкажите о немъ пожалуста, отче святой, сказалъ Василій Борисычъ.

Быстро, но важно взглянулъ на московскаго посла Иосифъ, крошаво поправилъ кафтырь и камилавку, съѣхавшія набокъ, и такъ сталъ говорить:

— Когда настала французскій годъ, дивный отецъ, не стерпя зрѣти ослабленій отъ шлопменныхъ, удалился. И медь бѣгла въ пустыню, въ дѣшніе лѣса за Волгу пришелъ. Прежде по близости Старога Макарья пребываніе имѣлъ, въ лѣсахъ Камешскихъ, Дорогучинскихъ и Ветлужскихъ,* и толико въ молитвахъ и постѣ подвизался что сподобился общенія со святыми Нестіарской обители.**

— Чтò за обитель? Чтò за святые? съ живымъ любопытствомъ спросилъ Василій Борисычъ.

— О Москва, Москва! О высокоумные и прегордые московскіе люди! съ усмѣшкой презрѣнья вскрикнулъ старецъ Иосифъ.— Великими мнѣя себе быти, дивнаго же Божія смотрѣнія не знаютъ. Окаменѣли сердца, померкли очи, слуху глухота дадеса! И дивиться тутъ нечему—Нестіаръ не фабрика, не заводъ, не торговая лавка, а Божіе мѣсто, правдымъ уготованное! Какое жь до него дѣло московскимъ?

— Богомъ прославленныхъ мѣсть на землѣ чтò звѣздъ на небѣ, сказалъ замолачавшему Иосифу Василій Борисычъ.— Всѣ такіа мѣста чловѣку вѣдать невозможно, и тебѣ бы, старче, незнающему сказать, невѣдущаго научить, а не Москву бранить. Тутъ московскіе люди ничѣмъ не повинны.

Не отвѣтилъ Иосифъ и недолго помолчавъ быстро обратился къ Василью Борисычу.

— Васильсурскъ знаешь?

— Какъ не знать? живо отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Задолго до Никоновой порухи было на Руси дьяколыть...

* По переведеніи въ 1817 году Макарьевской ярмарки въ Нижній, Старый Макарьевъ зовутъ урядный городъ Макарьевъ, при которомъ знаменитая ярмарка существовала съ начала XVII столѣтія. Камешскій лѣсъ вблизи Волги на лѣвой сторонѣ ея, ниже Макарьева, называется такъ по селу Каменкѣ, находящемуся на Романѣжской заводѣ рѣки Волги. (Заводъ—мелкій открытый заводъ рѣки, идущій обыкновенно вверхъ, противъ теченія). Сплошной съ нимъ лѣсъ, простирающійся къ востоку, называется Дорогучинскимъ, по рѣкѣ Дорогучѣ. Къ сѣверу отъ нихъ Ветлужскіе лѣса, по рѣкѣ Ветлужѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ до расхищенія каменныхъ лѣсовъ, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ жило не мало пустыяничковъ.

** Озеро Нестіаръ на лѣвой сторонѣ Керженца, среди глухаго лѣса.

Гришка Растрига на православное царство Литву и Ляховъ навелъ. Города, села пожигали, церкви разрушали, святая иконы на щелы кололи, всякой святинѣ ругались. Поднялась заодно съ ними некрещеная сила: Мордва, Черемиса и Татары. Подошла та океанная сила къ Васильсурску. Ратныхъ людей тамъ было мало. Василегородцы, не чая спасенья, прелывали обонлозь Волгу, и въ лѣсахъ отъ огня и меча укрывались. Ратные же люди вышли изъ града на враговъ, нимало побѣды не чая, мученической вѣнець пріяти желая. Но простеръ Господь Свою десницу, и предъ малымъ числомъ воиновъ православныхъ въ рознь побѣжали орды не знающихъ Бога. Взятая въ полонъ Черемиса повѣдала Василегородцамъ, отъ того де они побѣжали что передъ ними явился на бѣломъ конѣ страшный видомъ чернецъ, съ пламеннымъ коліемъ, и тѣмъ коліемъ ихъ, враговъ имени Христа, немилостиво поразалъ. Когда же тѣ поломяники восхотѣли святаго крещенія и приведены были въ церковь, возрѣвъ на икону прелодобнаго отца Варлаама Хутынскаго, позвали старца пламеннымъ коліемъ ихъ поразивша. Слыша такое Божіе о градѣ смотрѣніе, Васильгородцы Богу хвалу приносили, прелодобному Варлааму молебны пѣли, и всѣ радости исполнены были спасенія ради града отъ иволасенныхъ. По малѣ же времени многіе изъ нихъ въ вѣрѣ пошатнулись, престоли къ церкви Божіей ходити, поученій отъ священнаго чина принимать, и едва сорокъ человекъ остались во градѣ помнившихъ Господа и не забывшихъ Бога и святой Его вѣры. И ради того сорока не допустилъ до времени Господь тому граду погибнуть. Насталъ праздникъ Господень, Прелоловеньевъ день. Въ церковь только тѣ сорокъ человекъ пришли, иные же въ безчинныхъ игрищахъ и въ мірской суетѣ пребывали. И когда, по скончаніи божественной службы, благочестивые крестнымъ ходомъ пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними и церковь Божія, предъ нею же икона прелодобнаго Варлаама Хутынскаго шествовала никѣмъ не носима. Когда же пришли ко берегу, Волга рѣка разступалася, какъ широкія врата растворялася, принимала въ лоно свое людей благочестивыхъ, шедшую за крестнымъ ходомъ церковь, и святую икону прелодобнаго Варлаама. И всемогущею силою Бога люди тѣ и церковь превесены за Волгу, въ лѣса, на озеро Нестіарь. И

до сихъ поръ тамо живутъ они невидимые въ обители невидимой. Все одно что на Китежѣ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его, подыавъ къ небу глаза съ умиленьемъ сказалъ Василій Борисычъ, и поклонясь Иосифу примолвилъ:—благодаренъ остаюсь на добромъ поученьи.

— То-то! Благодаренъ остаюсь! ворчалъ себѣ отецъ Иосифъ.—У васъ, на Москвѣ, да и по другимъ странамъ, гдѣ такіа Богомъ хранимыя сокровенныя мѣста? Да и нельзя шъ быть у васъ! Кто у васъ въ Москвѣ по старой вѣрѣ остался? Одни толстосумы, торгаша, продажной совѣсти купцы! Всѣмъ завладели окаляные мытари, завладели и церковью Божіей... Нечего рожу-то косить—правду говорю. Мзда, неправедные нажитки ослабляли! Забывъ Бога и любовь Имъ повелѣнную, всякаго обчитать норовятъ; рабочаго обидѣть, своему брату долговъ не заллатить. Тотъ у нихъ за человѣка не почитенъ кто хоть разъ на вѣку по гривнѣ за рубль не платилъ.... Вотъ каковы ваши московскіе столпы старой вѣры, вотъ каковы ваши адаманты благочестія!... А все отъ чего? Отъ того что въ старой вѣрѣ нашей братья столбовыхъ дворянъ не осталось. Безъ дворянъ ни царство, ни церковь стоять не могутъ. Это вѣрно. Вспомни-ка кто были древніе святые отцы? Всѣ хорошихъ дворянскихъ родовъ. Москву возьми: святитель Петръ изъ волынскихъ бояръ, Алексѣй митрополитъ изъ роду Плещеевыхъ, святитель Филалитъ изъ роду Колычевыхъ, Сергій прелодобный изъ радонежскихъ дворянъ. А теперь кто? Все худородные. Спроси у моего Егорки, игумена нашего отца Галактіона значить, спроси у него — тоже скажетъ, хоть самъ и худороденъ. Ты, Василій Борисычъ, много начитанъ, значить силу Писанія разумѣешь, и то стало-быть вѣдаешь что означаетъ стихъ поемый на Богоявленіе Господне.

И залгавъ дрожащимъ отъ старости голосомъ Иосифъ: „Духъ Господень на водахъ воліетъ глагола: приидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія“....— Скажи-ка что это значить? спросилъ онъ Василья Борисыча.

— Да какъ сказать.... замаялся Василій Борисычъ....

Иосифъ продолжалъ:

— То означаетъ что отъ Господа три жребія человѣкомъ дано: Симовъ жребій—Богу служить, Іафетовъ жребій—власть держати, Хамовъ жребій—страхъ имѣти. Отъ того и поется

чилъ? спросилъ Василій Борисычъ замолчавшаго отца Иосифа.

— Взяли его. Безъ лѣчпорта проживалъ—взяли.... продолжалъ Иосифъ.—Три года въ темницѣ сидѣлъ. Злодѣйства не видѣлъ яко злодѣй, разбойничества ниже помысливъ яко разбойникъ томленъ былъ во узницѣ. И ни единого слова мучителямъ не молвилъ. Всѣ члены его сокрушили множествомъ лютыхъ мученій. Но аще и раны нанесомъ и томленіе темничное умножимъ, не возмогомъ крѣпкаго столпа поколебати, ниже ослабити. Не возмогли и ласканіями къ своей волѣ преклонити; ни единого слова на судищѣ не молвилъ. И по долгѣ времени отослали его въ монастырь къ Старому Макарью на безысходное житіе за крѣпкимъ карауломъ. Во узакъ тамо пребывалъ преподобный Варлаамъ два лѣта. И по семъ великое чудо надъ добуимъ работъ своимъ Господь показалъ. Яко Петръ изъ веригъ невидимо изыде изъ заточенія и ангеломъ Божиимъ приведенъ бысть въ обитель невидимыхъ святыхъ на озерѣ Нестіарѣ. Тамъ и нынѣ съ оными блаженными пребываетъ и будетъ тамо пребывать до скончанія вѣка. Аминь....

Когда богомольцы выйдя изъ лѣса взглянули на небо, оно было какъ бы лепломъ покрыто. Солнце едва было видимо. Залахъ гарью стоялъ.

— Римскіе горять, сказалъ конюхъ Дементій встрѣтивъ своихъ матерей. Завтра того и гляди въ Полѣму проберется.*

— Какъ же на Китежъ-то вхатъ, Дементьюшка, коли въ Полѣму огонь проберется? спросила Аркадія.—Сгоримъ пожалуй. Не домой ли воротиться?

— Коли седни послѣ трапезы поѣдемъ, услѣдемъ пробхатъ

* Римскіе лѣса, отрасль Ужженскихъ и Ветаужскихъ, тянутся вдоль рѣки Чернаго Лука, владающаго въ Ужжу. Они въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Называются такъ по деревьямъ Большіе и Малыя Римы. Писатели о расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, говоря объ этихъ лѣсахъ, малочисленныхъ тогда бѣглыми раскольникими, указали ихъ названіе и называли Брянскими. Позднѣйшіе писатели о расколѣ эти лѣса указали около Брянска... Этимъ много внесено путаницы въ исторію раскола. Полѣма или Поамскій лѣсъ на югъ отъ Римскихъ, отдѣляется отъ нихъ верховьями Керженца, который тутъ течетъ еще въ видѣ небольшого лѣснаго ручья.

безо всякой опаски; а до завтра прогостите, такъ лучше демой послѣждать.

За трапезой Аркадія настаивала чтобы скорѣй ѣхать домой, но Флавушка опиралась на слова Дементья непримчиво: хотѣла ѣхать сейчасъ же чтобы миновать Подомскій лѣсъ пока огонь до него не дошелъ. Къ ней пристади другія и Василій Борисычъ тоже. Аркадія уступила. Тѣмъ часомъ послѣ трапезы комаровскіе богомольцы распростлились съ гостеприимною Юдией.

Только-что начало опускаться съ полднѣмъ едва видное сквозь дымную мглу солнце, какъ наши путники оставили Улангеръ и направили поѣздъ сквозь Подомскіе лѣса къ невидимому граду Китежу. Больше двадцати верстъ надо проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ до береговъ Керженца. За ними начинались жилы мѣста, окруженныя обширными пашнями и чищобами; тамъ уже было совершенно безопасно отъ лѣснаго пожара. Дорога шла узкая, извилистая, чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась она корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громады ели и лиственницы, межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой непроходимый чалыжникъ. * Узкая полоса дневнаго свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть было еще далеко до вечера, а въ лѣсу было темно какъ въ осеннія сумерки.

Конюхъ Дементій ѣхавшій, съ Аркадіей и Васильемъ Борисычемъ впереди поѣзда, не жалѣлъ лошадей. То и дѣло стегалъ онъ ихъ по непривычнымъ къ такимъ ударамъ бедрамъ. Другіе вошки отъ Дементья не отставали. Жирные выхоленные келейные кони, съ роду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали поддороги. Верстъ одинадцать либо двѣнадцать оставалось до Керженца.... Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленіи необычный, несмолкаемый трескъ.... Съ каждою минутой онъ возрасталъ, обдавая ужасомъ странниковъ.... Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево. Почувявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались сломя голову; залыгали лозы по толстымъ корневищамъ: того и гляди либо ось полопаетъ, либо все на боку.

* Частый кустарникъ.

— Оголь идетъ! вскрикнулъ Дементій. Потчаянный крикъ его едва былъ слышенъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, всѣ творили молитвы. Матери, блѣдныя плакали навзрыдъ. Какъ полотно блѣдный Василій Борисычъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Вдругъ пахнуло смолистымъ дымомъ, и по узкой свѣтовой полосѣ что высилась надъ дорогой, какъ громадыя огненные птицы, стали повеселась горящія лапы, * осмыная дождемъ искръ ловздъ келейницъ. Вой урагана превратилась въ одинъ оглушающій, нескончаемый раскатъ грома. Ему вторилъ, какъ бы пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу быстро промчавшееся по чалыжнику стадо залыхавшихся лосей... Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрой вихря пронеслись лѣсные птицы... Багрово-синими и какъ бы кровавыми волнами закружилась надъ лѣсомъ дымъ.... Палящій, огнедышущій вѣтеръ повеселъ низомъ межъ деревьями разстилая надъ землею удущающій смрадъ... Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ.... Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненные струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опоръ помчалась по прогалинкѣ извивавшейся середь чалыжника. За передней парой всѣ остальные.

— Куда ты, куда ты, Дементьюшка? схватившись за плеча конюха и привставъ въ возокѣ благамъ матомъ кричала Аркадія.

— Кони лучше нашего знаютъ куда, молвилъ Дементій олуская вожжи.

И снявъ шалку сталъ онъ креститься.

— Слава Тебѣ Господи! Слава Тебѣ Царю Небесному!... горюилъ онъ.

Не прошло трехъ минутъ какъ лошади изъ лылающаго лѣса вывели погивавшихъ въ обширное моховое болото....

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

(Продолж. слѣд.)

* Горящія вѣтви хвойныхъ деревьевъ.

ОБЪ ИЗБРАНІИ ВЪ ЕПИСКОПСКІЙ САВЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ

ВСЕЛЕНСКОЙ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ

„Помѣждь церкви“, говоритъ Христосъ по поводу вѣсроса о томъ какъ поступать съ согрѣшающимъ братомъ .когда обличенія воедино оказываются неэффективными, и такъ указываетъ въ самой церкви, въ собраніи всѣхъ вѣрующихъ, высшую инстанцію для рѣшенія дѣлъ церковныхъ (Мѡ. 18, 17).

Состояніе Церкви Апостольской представляетъ намъ наибѣешее приложеніе этого принципа соборности положеннаго Самимъ Христомъ въ основу церковнаго управленія. Такъ, по предложенію Апостола Петра, вѣрующіе поставили двухъ кандидатовъ для избранія одного изъ нихъ въ апостола, на мѣсто отпаднаго и погибшаго Иуды, изъ которыхъ одинъ, именно Маттеей, дѣйствительно и избранъ былъ по жребію (Дѣян. I, 16—26). Далѣе, по поводу ропота со стороны эллинистовъ (обращенные изъ язычниковъ), что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи содержанія, апостолы опять дѣлаютъ предложеніе всему собранію вѣрующихъ избрать изъ среды себя достойныхъ семь человекъ со специальнымъ назначеніемъ заботиться о столахъ. Это

предложеніе было одобрено всѣмъ собраніемъ, которое дѣйствительно и избрало семь человѣкъ въ должность діаконовъ и поставило ихъ предъ апостолами только для возложенія на нихъ рукъ (то-есть для посвященія. Дѣян. VI, 1—6). Наконецъ, въ описаніи собора апостольскаго въ Иерусалимѣ бывшаго, какъ извѣстно, по поводу разногласія возникшаго въ Антиохіи у Павла и Варнавы съ нѣкоторыми изъ обращенныхъ изъ іудейства, по вопросу о томъ нужно ли обращающимся изъ язычества подвергаться обрѣзанію и соблюдать законъ Моисеевъ, въ той же книгѣ *Дѣяній* разказывается что на соборѣ апостолы и пресвитеры (*старцы*) со всею церковію, выслушавъ разказъ Павла и Варнавы о знаменіяхъ и чудесахъ сотворенныхъ Богомъ чрезъ нихъ, а равно и сужденіе апостоловъ Петра и Іакова, сдѣлали по спорному вопросу извѣстное постановленіе, которое и положили сообщить чрезъ избранныхъ мужей, *отъ лица всей церкви*, въ Антиохію въ грамотѣ слѣдующаго содержанія: „Апостолы и пресвитеры и *братія* находящимся въ Антиохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ изъ язычниковъ: Радуйтесь о Господѣ. Поелуку мы услышали что нѣкоторые вышедшіе отъ насъ смутили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали, то мы, собравшись, *единодушно разсудили*, собравъ мужей, послать ихъ къ вамъ....“ и пр. (Далѣе приводится самое постановленіе.) Приведенные факты тѣмъ замечательнѣе чѣмъ выше авторитетъ которымъ были облечены апостолы и чѣмъ безпрекословнѣе могло быть повиновеніе ихъ собственнымъ рѣшеніямъ, единичнымъ ли то (того или другаго апостола) или коллегіальнымъ, но они хотѣли употреблять и употребляли свой авторитетъ не на подавленіе, а на возвышеніе и расширеніе религіозной свободы и дѣятельности всѣхъ членовъ общества.

Къ числу важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, безспорно, принадлежить и избраніе для церкви епископовъ. А потому естественно предположить что, при господствѣ соборной формы управленія въ древней церкви, и это дѣло не могло обходиться безъ участія народа. Если избраніе и діаконовъ было предоставлено апостолами христіанской общинѣ въ Иерусалимѣ, тѣмъ болѣе законнымъ является право народа на избраніе себѣ епископа. Правда, о епископахъ упоминаемыхъ въ Посланіяхъ Апостольскихъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ что они

были избраны народомъ; но изъ существующихъ свидѣтельствъ объ ихъ поставленіи въ епископы нельзя, строго говоря, вывести и противоположное заключеніе, — объ отсутствіи участія народа въ ихъ избраніи. О папѣ въ церквѣ Ефесской просто говорится что Духъ Святыи поставилъ ихъ въ духовномъ стадѣ епископами (Дѣян. 28); слѣдовательно вопросъ о самомъ способѣ избранія ихъ въ это званіе здѣсь совершенно оставляется въ сторонѣ. О Титѣ Апостолъ Павелъ говоритъ что оставилъ его въ Кратѣ чтобъ онъ не доконченное исправилъ и устроилъ во всѣхъ городахъ пресвитеровъ (Тит. I, 7); но есть ли какое препятствіе принять что апостолъ посвящалъ его въ епископа по предварительномъ избраніи народомъ или, по крайней мѣрѣ, съ согласія народа? Предположеніе объ участіи народа въ избраніи епископовъ и при апостолахъ имѣетъ мѣсто тѣмъ болѣе что ближайшіе къ вѣку апостольскому писатели прямо признавали такое участіе народа завѣщаніемъ апостольскимъ. Такъ Климентъ Римскій (ученикъ апостольскій) свидѣтельствуегъ въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ что апостолы, поставивъ въ церквѣ епископовъ, установили преемство, т.-е. такой порядокъ чтобы по смерти однихъ епископовъ были поставляемы другіе, испытанные мужи, съ согласія цѣлой церкви (cap. 44). Бирианъ Карфагенскій называетъ участіе народа въ избраніи епископа божественнымъ установленіемъ и преданіемъ апостольскимъ, которыя соблюдаются всюду (Epist. 68).

Начало завѣщанное апостолами дѣйствительно хранилось въ церквѣ свято въ теченіи долгихъ временъ.

Участіе народа въ избраніи епископовъ выражалось въ древней церквѣ не всегда и не вездѣ одинаково. Такъ, въ нѣкихъ мѣстахъ (какъ на примѣръ въ Александріи, отъ времени Евангелиста Марка до епископа Ираклія, по свидѣтельству блаженнаго Иеронима), пресвитеры избирали одного изъ среды себя въ епископа и представляли его народу, а народъ долженъ былъ дать свое свидѣтельство объ избранномъ. Свое одобреніе онъ обыкновенно выражалъ словомъ: „достоинъ“, а неодобреніе—словомъ: „не достоинъ“. Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуегъ между прочимъ, отзываясь о немъ съ похвалою, и языческій писатель Лампрідій, въ жизнеописаніи императора Римскаго Александра Севера. * Когда случалось что кто-нибудь

* Lampridii Vita Alex. Severi. cap. 45.

изъ народа свидѣтельствовалъ о достоинствѣ избираемаго, тогда собраніе отлагалось до тѣхъ поръ пока, по изслѣдованіи, не удостовѣрялись вѣрно или не вѣрно сдѣлано было заглашеніе. * „Выборъ епископа“, пишетъ Амвросій Медиоланскій къ церкви Верчельской, „долженъ быть по примѣру отцовъ, съ согласія народа, и выбору не слѣдуетъ давать никакого значенія если народъ не согласенъ имѣть у себя епископомъ того кого ему предлагаютъ.“ **

Иногда епископы представляли народу трехъ кандидатовъ для избранія изъ нихъ одного, какъ на примѣръ это можно видѣть изъ 54 правила собора Арелатскаго II (445 или 452). „Когда нужно избирать епископа, епископы округа, отрывувъ волюкіе подкулы и цитриги, предлагаютъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ потомъ каирики и граждане города избираютъ одного.“ ***

Иногда, наоборотъ, народъ представлялъ епископамъ трехъ кандидатовъ для избранія изъ нихъ одного. Указаніе на это можно видѣть въ Cod. Iust. lib. 1, tit 3, гдѣ впрочемъ избирателями являются знатныя лица города, а не весь народъ, и въ Помокановѣ въ приводимомъ нами ниже мѣстѣ; но всего же чаще бывало такъ что народъ прямо избиралъ себя по своему желанію одно удобное ему,лицо въ пастыря, и епископамъ оставалось только утверждать выборъ. „Въ епископы“, говорится въ Поставовленіяхъ Апостольскихъ (кн. VIII, гл. 4), „руководягать того кто безпороченъ во всемъ, избранъ всѣмъ народомъ, какъ наилучшій. Когда его наименуютъ и одобрятъ, то народъ, собравшись въ день Господень, съ пресвитерствомъ и наличными епископами пусть дастъ согласіе. Старѣйшій же прочихъ пусть спроситъ пресвитеровъ и народъ, тотъ ли это кого просятъ они въ начальники, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ всѣ ли свидѣтельствуютъ что оны достойны сего великаго и знатнаго начальствованія, исправилъ ли относящееся ко благочестію въ Богъ и пр.“ Кирилъ Карфагенскій такъ изображалъ господствовавшій въ его время порядокъ избранія и поставленія епи-

* Карфаг. соборъ, 419—426, прав. 61 Cf. Justin. Nov. 137; Basilic. lib. 3 tit. 1 cap. 8; Photii Nomon. Tit. 1, c. 8. Schol. Balsam. см. въ Опытъ курса церк. зак. Иоанна, вып. II, 183.

** Epist. ad eccles. Vercelesensem 58.

*** Hefele Concilieng. B. II p. 284.

скоповъ: „Надобно тщательно сохранять преданіе и установленіе апостольское чтобы для законнаго постановленія (епископа) собрались къ тому народу которому нужно поставить епископа всѣ ближайшіе епископы областные, и избраніе происходило въ присутствіи народа (*praesente populo*), который хорошо можетъ знать жизнь избираемыхъ, и обыкновенно наблюдаетъ поступки всѣхъ и каждаго. И повсюду такъ дѣлается что на епископство возводятся избираемые съ общаго голоса всей паствы (*de universo fraternitatis suffragio*) и по опредѣленію (*judicio*) епископовъ какъ тѣхъ которые лично присутствуютъ при избраніи, такъ и тѣхъ которые присылаютъ отъ себя грамоты съ своимъ согласіемъ на избраніе. Ибо въ присутствіи народа, продолжаетъ Кипріявъ, могутъ открываться и преступленія лорочныхъ людей, и заслуга добрыхъ, и такимъ образомъ только то избраніе можетъ быть совершенно справедливо которое происходитъ съ общаго голоса и сужденія всѣхъ.“ *

Нельзя не согласиться что приведенное свидѣтельство Кипріяна въ первой его части, именно словами: *praesente populo*, мало благопріятствуетъ заключенію о принадлежности избирательнаго права народу. Поэтому нѣкоторые писатели (Англичанинъ Беверегій, а вслѣдъ за нимъ авторъ *Опыта курса Церк. Законовъ.*), останавливая все вниманіе на этой половинѣ свидѣтельства, хотятъ доказать что участіе народа въ избраніи епископа ограничивалось только совѣщательнымъ голосомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, другіе толкователи, какъ напримѣръ Гефеле, ** принимая во вниманіе слово *suffragium*, находящееся во второй половинѣ, находятъ что слово это, означавшее, какъ извѣстно, у древнихъ чеполокъ для подаванія голоса въ народныхъ собраніяхъ, прямо указываетъ что народу въ собственномъ смыслѣ принадлежало избирательное право, причемъ *judicium* епископовъ естественно является только съ значеніемъ утвержденія выбора народнаго. На нашъ взглядъ, послѣднее толкованіе имѣетъ тѣмъ бѣольшую силу что въ другомъ письмѣ того же Кипріяна (67) это слово *suffragium*, употребленное олятъ въ отношеніи къ народу, прямо различается отъ слова *testimonium*, свидѣтельство, употребленнаго въ отношеніи къ клиру

* S. Cyprian. Ep. 68 ad clerum et plebem Hispan.

** *Concilienng.* B. I, p. 367.

(factus est Cornelius episcopus de Dei et Christi ejus judicio, de clericorum paene omnium testimonio, de plebis, quae tunc affuit suffragio, et de sacerdotum antiquorum et bonorum virorum collegio), черезъ что, помяну, оно еще яснѣе выступаетъ со своимъ спеціальнымъ смысломъ. А другія аналогическія свидѣтельства христіанской древности, также касающіяся господствовавшаго въ древней церкви способа возведенія въ епископство, къ которымъ такъ естественно обратиться въ данномъ случаѣ для разъясненія дѣла, окончательно, по нашему мнѣнію, освѣщаютъ свидѣтельство Калриана, въ смыслѣ толкованія Гефеле. Свидѣтельство „поставленій апостольскихъ“ (происхождение ихъ какъ *письменнаго памятника* относятъ къ концу III или началу IV вѣка) на этотъ счетъ мы уже знаемъ. Посмотримъ что говорятъ дальнѣйшія свидѣтельства. На первомъ планѣ здѣсь является намъ свидѣтельство Перваго вселенскаго собора. Въ окружномъ посланіи къ египетскимъ и ливійскимъ церквамъ этотъ соборъ говоритъ: „По кончинѣ кого-либо изъ епископовъ, на его мѣсто можетъ быть возведенъ и новообращенный, если только будетъ того достоинъ, и *народомъ избранъ съ согласія и утвержденія главнаго епископа* (митрополита).“ * Участіе же другихъ епископовъ области въ дѣлѣ возведенія избраннаго въ епископство соборъ опредѣляетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ своихъ правилъ: „Епископа поставляти (*καθίστασθαι*) наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ. Аще же сіе неудобно, или по вележащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту.“ (I Всел. Соб. прав. 4.) Изъ смесенія этихъ двухъ свидѣтельствъ Никейскаго собора (окружнаго посланія и правила) можно, полагаемъ, смѣло сдѣлать тотъ выводъ что соборъ собственно за народомъ признавалъ право избранія епископа, епископамъ же предоставлялъ лишь утвержденіе выбора и рукоположеніе избраннаго; а при такомъ свѣтѣ этихъ свидѣтельствъ естественно со всею силою выступаетъ тотъ же смыслъ и въ совершенно параллельныхъ

* Сокр. Ц. И. 1, 9; Феодор. Ц. И. 1, 3; Gelas. Cysic. A; cf. Concil. Nicaen ap. Labbaeum.

нѣхъ словахъ Кипріяна, съ тою только разницею что у Кипріяна тотъ же самый персоналъ епископскій, который рукополагалъ епископа, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видится, и ставшею окончательно утверждавшею весь актъ производства въ епископство; соборъ же, сообразно съ новою ступенью развитія іерархической системы, высшую санкцію всего дѣла относитъ ко власти митрополита.

Послѣ Никейскаго собора право народа избирать себѣ епископа внушительно подтверждалось новыми постановленіями соборовъ. На IV вселенскомъ соборѣ Стефанъ, изгнавшій Вассіана съ епископской кathedры въ Ефесѣ, въ отвѣтъ на жалобу по сему случаю Вассіана, оправдывался тѣмъ что послѣдній занималъ престолъ незаконно, „такъ какъ не былъ рукоположенъ въ Ефесѣ, но когда церковь этого города оставалась безъ епископа, онъ, собравъ безпорядочную толпу, вооруженную мечами, ворвался въ церковь и занялъ епископскую кathedру“, между тѣмъ онъ, Стефанъ, рукоположенъ *по избранію и приговору почетнѣйшихъ гражданъ, всего клира и прочихъ жителей города*. Рѣшеніе самого собора было таково: „Какъ Вассіанъ, который вскопчалъ на престолъ, такъ и Стефанъ, который, послѣ него, неправильно посадилъ самъ себя (такъ какъ Стефанъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ бывший пресвитеромъ Вассіана, могъ низложить его только по суду, а не изгонять столь насильственно), пусть удалятся на покой, переставъ управлять этою церковію. Эфесской же митрополіи будетъ данъ епископъ указанный Богомъ, *избранный естли будущими его пасомыми*.“ На Заладѣ—на соборѣ Каермонскомъ (535 года) прямо постановлено; „Епископъ избирается клириками и народомъ, съ согласія митрополита. А кто достигаетъ этого достоинства благоволеніемъ сильныхъ, или хитростію, подлежитъ отлученію.“ ** На соборѣ Орлеанскомъ (538 года): „Митрополиты должны избираться, какъ требуютъ декреты апостольскаго престола, епископами округъ, съ согласія клира и гражданъ. Обыкновенный же епископъ долженъ избираться клиромъ и гражданами, съ согласія митрополита.“ *** Достойно особаго замѣчанія что даже и *апостольскій престолъ* (какъ видно, между прочимъ, и изъ

* *Длм. Всел. Соб.*, т. IV, стр. 248 и слѣд. Изд. Каванской академіи въ русскомъ переводѣ.

** *Conc. Arvernens., apud Hefele Conciliang.* В. II.

*** *Ibid.* В. II, р. 763.

сейчасъ приведеннаго свидѣтельства), несмотря на отаичавшій его издавна абсолютизмъ, долженъ былъ признать, притомъ въ лицѣ представителей наиболѣе отаичавшихся дѣлотическими стремленіями, этотъ избирательный принципъ, гаубоко коренившійся въ самомъ духѣ того времени. Такъ пала Левъ I высказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ правило избирать епископа всеми пасомыми: „*Кто долуженъ начальствовать надъ епархіею, пущъ и избирается епархіею — qui praefecturus est omnibus, ab omnibus eligatur.*“ * Точно также пала Николай I, уже въ IX вѣкѣ, писалъ Иоанну, архіепископу Равеннскому, со всею рѣшительностію: „Епископовъ не посвящай иначе какъ по избранію ихъ клиромъ и народомъ, *post electionem cleri et populi.*“ **

Параллельно постановленіямъ церковнымъ, исторія церкви ясно указываетъ намъ широкое дѣйствіе избирательнаго принципа и въ практикѣ церковной. Такъ Синаезій, знаменитый епископъ Птолемаидскій (въ началѣ V вѣка), въ одномъ изъ своихъ писемъ, *** въ драматическомъ разказѣ изображаетъ намъ общее волненіе жителей одного пригорода (Palaebisca), ихъ опасенія, надежды, мольбы, слезы по поводу сдѣланнаго высшею церковною властію *предложенія народному собранію избрать епископа*, съ цѣлію возобновленія бывшей прежде въ этомъ мѣстѣ епископской кафедры, между тѣмъ какъ народъ, привязанный къ епископу ссѣднлаго города, не желалъ отдѣльной епископші (Ubi conventu populi habito... et accomodata *ad suffragia habenda oratione instituta, ut vel persuaderem, vel, si fieri posset, invitos adducerem, ut, de episcopo eligendo deliberarent, populi in religiosissimum Paulum studium evincere minime potui*). Въ томъ же письмѣ Синаезій доноситъ патриарху, отъ лица жителей сего мѣста, какъ прежде они, недовольные своимъ епископомъ, Ориоломъ, добрымъ, но совершенно недѣятельнымъ старикомъ, не дожидаясь когда онъ оставитъ ихъ переселившись въ лучший міръ, сами оставили его избравъ на его мѣсто

* *Ad Episcopos per Provinciam Viennensem Constitutos. Epist. 10.*

** Собраніе такого рода напोकѣхъ опредѣленій въ которыхъ *vota civium, testimonia populorum, cleri, plebis et ordinis consensu* выставляются какъ непремѣнное условіе поставленія въ епископа можно читать въ *Corpus juris Canonici Greg. XIII Pont. Max. jussu edit. a Petro Pithoco et Francisco Fratre. Lipsiae, M. DC. XCV.*

*** LXVII. Ed. Migne.

Сидерія („beatae memoriae Siderium elegisse). Въ другомъ письмѣ (76) Сивезій говоритъ о кѣкомъ Антоніи что онъ избранъ жителями города Ольвіи въ епископа чрезъ общую подачу голосовъ (*Nam in eam communi omnium suffragium collatum est*). Въ особенности о наиболее знаменитыхъ папъ исторія церкви положительно свидѣтельствуетъ что они были избираемы народомъ. Такъ по свидѣтельству окружнаго посланія египетскихъ епископовъ, Аѳанасій Великій былъ поставленъ въ епископа по общему желанію народа.* Народъ же православный возвелъ на епископскую кафедру въ Константинополѣ Григорія Богослова и поддерживалъ его на ней своею любовью, пока наконецъ и Соборъ не утвердилъ этого выбора. Мелетія Антиохійскаго избрали сеобща какъ православные, такъ и ариане (послѣдніе обманулись въ своихъ расчетахъ на него), и составили объ этомъ избраніи, за своими подписями, актъ.** Преемникъ Аѳанасія Великаго на Александрійской кафедрѣ, Петръ, хотя предъизбранъ былъ еще самимъ Аѳанасіемъ, но это предъизбраніе возымѣло надлежащую силу только потому что съ нимъ „согласился всѣ, какъ лица духовнаго сословія, такъ и высшіе чины, народъ же при этомъ выразилъ свое удовольствіе радостными восклицаніями“; вмѣстѣ съ этимъ „и сосѣдніе архіереи, и тѣ которые проводили жизнь въ мѣстахъ подвижничества, оставивъ ихъ, сошлись въ Александрію и требовали чтобы Петръ наследовалъ престолъ Аѳанасія.“*** Мартинъ Турскій, котораго нѣкоторые епископы не желали поставить въ епископа по причинѣ его малаго роста и вообще тѣлесной худости, былъ обязанъ своимъ епископствомъ только единодушному избранію его множествомъ народа: (*Incredibilis multitudo non solum ex eo oppido (Тура), sed etiam ex vicinis urbibus ad suffragia ferenda convenerat*.)**** Народомъ же въ Медиоланѣ былъ избранъ въ епископа Амвросій, когда онъ былъ еще мірскимъ человѣкомъ и даже не былъ крещенъ, а находился только въ состояніи огащенія. Вотъ какъ историкъ Сократъ описываетъ это замѣчательное избраніе. „По смерти Авксентія, рукоположеннаго арианами, жители

* *Ap. Athanas. apolog. 2; Greg. Nazian. in laudem Athanasii.*

** *Теодор. II. И., кн. II, гл. 3.*

*** *Теодор. II. И. III. 20.*

**** *Sulpic. Sever. Vita Mart. c. 7.*

Медиолана, при избраніи новаго епископа, пришли въ смятеніе. По сему случаю произошла у нихъ распря, ибо каждый хотѣлъ поставить на видъ своего избранника. Такъ какъ это породило мятежъ, то правитель епархіи, имѣвшій достоинство консула, по имени Амвросій, опасаясь какъ бы отъ мятежа не произошло въ городѣ худыхъ послѣдствій, въѣхалъ въ церковь и старался погасить возмущеніе. Съ прибытіемъ его народъ умиралъ; префектъ высказалъ ему много полезныхъ увѣщаній и тѣмъ остановилъ безумные порывы толпы. Вдругъ всѣ пришли къ одной мысли: всѣ достойнымъ епископства провозгласили Амвросія и требовали его рукоположенія, говоря что только тогда народъ будетъ имѣть единеніе и придетъ къ единому мыслию въ вѣрѣ. Находившіеся тутъ епископы разсудили что единомысліе народа произошло отъ нѣкагого божественнаго внушенія и, нисколько не противорѣча, приняли Амвросія и, крестивъ его, ибо онъ былъ еще оглашенный, тотчасъ же изъявили готовность рукоположить въ санъ епископа. * Подобный же характеръ внезапности имѣло избраніе (много прежде) римскаго епископа Фабиана: когда *оцъ братіи* собрались въ церковь для выборовъ и всѣ заняты были думою о разныхъ кандидатахъ, голубь слетѣвшій сверху и сѣвшій на голову Фабиана былъ принятъ за небесное указаніе что этотъ именно Фабианъ и есть избранникъ Божій. „Тутъ, замѣчаетъ Евсевій, весь народъ, подвигнутый какъ бы единымъ божественнымъ духомъ, вдругъ съ совершенною готовностію и единомысліемъ провозгласилъ Фабиана достойнымъ и тотчасъ возвелъ его на епископскій престолъ? ** По народному же избранію взошелъ на епископскій престолъ въ Константинополѣ Нектарій, бывшій притомъ во время избранія также, подобно Амвросію, только въ состояніи оглашенія, и послѣ него—Златоустъ. „По смерти Нектарія“, разсказываетъ Сократъ о возведеніи знаменитаго вселенскаго пастыря на епископскій престолъ, „родилась забота о рукоположеніи новаго епископа. Одни требовали одного, другіе другого, и послѣ многократныхъ по сему случаю совѣщаній, наконецъ согласились вызвать изъ Антиохіи антиохійскаго пресвитера Іоанна, ибо о немъ распространилась молва какъ о человѣкѣ учительномъ и краснорѣчивомъ. Итакъ чрезъ нѣсколько времени царь Аркадій, по общему опредѣленію

* Сокр. Ц. И. IV. 31.

** Евсев. Ц. И. VI. 29.

санъ, то-есть клира и народа, призвалъ его.“* Укажемъ наконецъ еще на упомянутого нами Симезія, который также единодушно былъ избранъ жителями Птолемиды на епископскую кафедру, и только уступая настоятельнымъ мольбамъ всего народа рѣшился наконецъ послѣ долгихъ колебаній принять это достоинство, въ которомъ, при своемъ положеніи и всемъ окладѣ своей жизни (онъ былъ богатъ, знатенъ, получилъ блестящее литературное и философское языческое образованіе, отъ котораго еще не совсѣмъ перешелъ къ доктринѣ христіанской, и хотя неоплатоникъ, въ практической жизни однакожъ въ значительной степени придерживался элукурейскихъ воззрѣній на жизнь), страшился найти стѣсненіе для своихъ привычекъ, любимыхъ занятій и наконецъ если не для самаго мышленія (ибо оно ничѣмъ не связывается), то для свободы слова (относительно тѣхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія которые были несовмѣстимы съ философскими понятіями Симезія).

Народное избраніе, если только епископы видѣли что народъ руководился единственнымъ желаніемъ найти себѣ пастыря, а не нечистыми какими-нибудь лобужденіями, имѣло такую силу что епископы должны были утверждать его даже и въ такихъ случаяхъ когда сами они имѣли въ виду кого-нибудь другаго, по ихъ мнѣнію болѣе достойнаго. Такой именно случай былъ въ 391 году въ Кесаріи Каппадокійской. Народная партія избрала себѣ въ епископа одного гражданскаго чиновника, по имени Евсевія, человека отличнаго по жизни, но еще не крещенаго, и настаивала чтобъ епископы рукоположили его. Епископы, имѣя въ виду своего кандидата, противились, т.е. наконецъ все-таки рукоположили Евсевія въ епископа.*

Очень понятно что въ неурядоченныхъ и бурныхъ народныхъ собраніяхъ, о которыхъ частію могутъ дать понятіе нѣкоторыя изъ приведенныхъ сейчасъ свидѣтельствъ, не всегда достигалось то единодушное соглашеніе при которомъ избирались названные нами знаменитые пастыри церкви. Въ такихъ случаяхъ, послѣ напрасныхъ попытокъ придти къ соглашенію касательно выбора кандидата, народъ самъ передавалъ иногда свои права какому-нибудь наиболѣе пользовавшемуся довѣріемъ еписколу. Такъ именно жители Буржа

* Ц. Н. VI 2.

** Григор. Богосл. Слово въ похвалу Отца.

обратились къ Сидонію, извѣстному во всей Галліи по своему происхожденію, краснорѣчію, богатству, учености, долгое время занимавшему высшія гражданскія должности и не задолго предъ тѣмъ избранному въ епископа города Клермонта, прося его избрать епископа, подобно тому какъ въ началѣ существованія греческихъ реслужбикъ народъ, утомленный гражданскими междуусобіями и своимъ безсиліемъ, искалъ мудраго чужеземца который далъ бы ему законы. „Было такое множество соискателей, пишетъ самъ Сидоній объ этомъ дѣлѣ Перлетую, епископу Турскому, что не доставало двухъ скамеекъ для кандидатовъ на одно мѣсто; всѣ были довольны сами собою и никто не былъ доволенъ ими. Мы не могли бы ничего сдѣлать еслибы народъ болѣе спокойный не отказался отъ своего собственнаго рѣшенія для того чтобы покориться рѣшенію епископовъ.“ Сидоній, сначала нѣсколько удивленный, принялъ однако эту просьбу, упрочилъ за собою содѣйствіе епископовъ, необходимое ему при избраніи, которое было возложено на него одного, созвалъ народное собраніе, сказалъ предъ нимъ рѣчь, въ которой подробно изложилъ качества предложеннаго имъ кандидата, какъ основаніе для выбора, и заключилъ слѣдующими словами: „И такъ какъ вы клялись признать и принять выраженіе моей помощи, по случаю этого выбора, то во имя Отца и Сына и Святаго Духа я объявляю Симплиція какъ лицо которое должно быть избрано въ архіепископа нашей провинціи и первосвященителя вашего города; что же касается васъ, то, если вы принимаете мое послѣднее рѣшеніе о человѣкѣ о которомъ я вамъ теперь говорю, подтвердите его сообразно съ вашими прежними обязательствами.“ Здѣсь такимъ образомъ народъ непосредственно не пользовался своими правами; но и въ отреченіи народа отъ этихъ правъ въ пользу епископа которому довѣрялъ онъ и который такимъ образомъ являлся его уполномоченнымъ, и въ самыхъ дѣйствіяхъ этого епископа опять-таки видно господство въ то время принципа народнаго избранія епископовъ.

Итакъ, формы въ которыхъ выражалось въ древней церкви участіе народа въ избраніи епископовъ были, какъ видимъ, неодинаковы; но каковы бы ни были эти формы, во всякомъ случаѣ *воля народа* такъ или иначе является въ нихъ рѣшительницею того дѣла которое, естественно, и должно быть всего ближе къ народу. Въ этомъ именно смыслѣ Василиій

Великій писаль Неокесарійской общинѣ слѣдующія замѣчательныя слова: „Умоляю васъ разсудить что предстоящее дѣло (избраніе епископа) для каждаго изъ васъ есть свое собственное, размыслить что при томъ или другомъ окончаніи его каждый самъ первый вкуситъ плоды его.“ *

Въ XI вѣкѣ, въ Римской церкви, отнимается у народа это естественное право участвовать въ выборѣхъ себѣ пастырей, и передается капитуламъ кафедральныхъ церквей.

Нужно признать что и въ Византійской церкви, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе встрѣчаемъ отступленій отъ народно-выборнаго порядка замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей: его стѣсняли заразъ и правительство гражданское, частию и постановленіями ограничивающими участіе въ этомъ дѣлѣ народа, ** и правительство церковное, которое, въ видахъ противодѣйствія мірской власти, самовольно, въ особенности во времена религіозныхъ смуть, возводило на епископскія кафедры своихъ единомышленниковъ, и вслѣдствіе неурядицъ народныхъ собраній, въ которыхъ дѣло отъ споровъ о кандидатахъ на епископскія кафедры доходило иногда до дракъ и даже убійствъ, какъ на примѣръ при возведеніи Дамаса на епископскій престолъ въ Римѣ, *** склонно было, наконецъ, на VII вселенскомъ соборѣ устранить и самый принципъ народнаго избранія. „Всякое избраніе въ епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками“, читаемъ въ третьемъ правилѣ этого собора, „да будетъ недействительно по правиламъ. А имѣющій произвестися въ епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, *яко отъ святыхъ отецъ въ Никей опредѣлено въ правилѣ.* Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаеъ ея митрополиту.“ Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе ссылка собора на правило святыхъ отецъ въ Никей. Это извѣстное уже намъ четвертое правило, которое, какъ мы видѣли, говоритъ собственно о постановленіи или рукоположеніи избраннаго епископами не касаясь вопроса о самомъ способѣ избранія. А что соборъ допуская народное избраніе, объ этомъ, какъ мы видѣли олять, ясно засвидѣ-

* Письмо 28.

** Въ *Закононикѣ* Юстиніана право избирать епископа усвоается уже не всему народу, а только знатымъ лицамъ того города для котораго епископъ поставляется. Novell. 123. Cod. Inst. lib. 1. tit. 3. de episcopis 1, 42.

*** См. *Ц. И. Созан.*, кн. 6, гл. 23.

тельствовалъ самъ онъ въ окружномъ посланіи къ египетскимъ и ливійскимъ епископамъ. Поэтому мы едва ли погрѣшимъ, принявъ съ Гефеле * что VII вселенскій соборъ, ограничивая кругъ избирателей епископовъ однимъ епископами и ссылаясь въ своемъ относящемся сюда правилѣ на четвертое правило перваго Никейскаго собора, дѣлаетъ нѣкоторую натяжку въ толкованіи и примѣненіи этого правила. Нѣкоторые толкователи, въ видахъ соглашенія этихъ правилъ двухъ соборовъ, полагаютъ что VII вселенскій соборъ, въ третьемъ правилѣ, отвергая всякое *избраніе* въ епископа и другія церковныя должности совершаемое *мірскими начальниками*, не отнимаетъ у народа вообще права участвовать, съ *совѣщательнымъ голосомъ*, въ избирательномъ собраніи епископовъ; но кромѣ того что такое соглашеніе исходитъ изъ ложнаго понятія о Никейскомъ соборѣ будто онъ не признавалъ за народомъ собственно избирательнаго права, справедливость требуетъ замѣтить что и такое *уръзанное* право, если оно и разумѣлось соборомъ, оставлено въ сильномъ прикровеніи. Такимъ образомъ не заключая въ себѣ свидѣтельства о порядкѣ возведенія въ епископство въ предшествующее время, правило VII вселенскаго собора указываетъ намъ скорѣе на новое направленіе церковнаго законодательства по разсматриваемому вопросу со времени этого собора. ** Однакожь, нужно сказать, память и сознаніе о вы-

* *Concilieng.* В. I, 368.

** Чтобы не умалявать и о томъ что можетъ-быть неблагопріятно нашимъ заключеніямъ, мы должны здѣсь замѣтить что до VII вселенскаго собора одинъ соборъ, именно Лаодикійскій (въ концѣ IV вѣка), тринадцатымъ правиломъ постановилъ: „да не будетъ позволено сборищу народа избирати имѣющихъ ставитися во священство“. Но во первыхъ, правило это стоитъ совершенно особнякомъ въ ряду другихъ постановленій и свидѣтельствъ христіанской древности о дѣйствовавшемъ въ то время порядкѣ возведенія въ священство, и какъ правило помѣстнаго собора, не поддержанное постановленіями другихъ церквей, можетъ-быть и не дѣйствовало даже предѣловъ мѣстной церкви, по крайней мѣрѣ ни въ какомъ случаѣ не имѣло широкаго приложенія. Во вторыхъ, даже и не особенно благопріятствующіе выборному началу толкователи (какъ напримѣръ и архимандритъ Іоаннъ въ *Опытѣ курса церковн. законов.* Т. I, стр. 435) обращаютъ вниманіе на то что правило, устранивъ народъ отъ участія въ избраніи епископовъ и вообще священныхъ лицъ, по причинамъ безпорядковъ происходившихъ при этомъ, разумѣетъ однако не вообще народъ, а главнымъ образомъ чернь (δῆλος).

борномъ началѣ, какъ древне-вселенскомъ, не исчезли въ церкви Византійской даже и послѣ втораго Никейскаго собора и, цѣлое столѣтіе спустя, выборный порядокъ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ самой ясной и опредѣленной формѣ указанъ даже въ Номоканонѣ, гдѣ въ 28 грани градскаго закона о поставленіи епископовъ и пресвитеровъ говорится слѣдующее: „Причетники и прочіи люди града того, предающе Евангелію, въ трехъ человѣцѣхъ судъ избранія да творять (то-есть троихъ избираютъ кандидатовъ), въ человѣцѣхъ епископамъ кленущеса, яко не данія ради, ни нивыя нѣкоя любве избраша тѣхъ, но яко вѣдуще, яко соборныя церкви суть и чисти житіемъ, и тридесати лѣтъ возрастомъ и вяще.“

Это начало, перешедшее изъ Номоканона въ нашу Кормчую, служило руководствомъ и для Русской церкви въ древній, до-Петровскій періодъ. Владимірскій летописецъ свидѣтельству-етъ что въ 1183 году князь Всеволодъ III не принялъ прислазаннаго митрополитомъ епископа, Грека Николая, именно потому что тотъ не былъ избранъ земскими людьми (*не избраша сего людыя земли нашей*), и по этому случаю высказываетъ какъ общее правило дѣйствовавшее въ то время на Руси: „нѣсть достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ, князь восхоцетъ и люде. * Конечно, не на всемъ протяженіи древняго періода русской исторіи и не во всѣхъ частяхъ древней Руси въ одинаковой степени дѣйствовало это правило. Въ сѣверной Руси, по мѣрѣ усиленія правительственной централизаціи, оно все болѣе слабѣетъ и рано уже уступаетъ мѣсто правительственному назначенію епископовъ (отъ митрополита и князя). Но по крайней мѣрѣ это право народа избирать себѣ епископовъ всегда было сильно въ вольной общинѣ новгородской до самаго паденія Новгорода, и затѣмъ въ юго-западной Руси до самаго Петра. Въ Новгородѣ избраніе епископа обыкновенно происходило на вѣчѣ состоявшемъ изъ духовенства и мірянъ. Здѣсь избирательное собраніе, по предварительномъ *гаданіи* о лицахъ достойныхъ занять мѣсто прежняго владыки, избирало наконецъ большинствомъ голосовъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ потомъ для епископства выдѣлялся одинъ по жребію. Такой порядокъ избранія видоизмѣнялся лишь въ томъ случаѣ если

* П. С. Р. Л. 1.165; II, 127.

прежній владыка самъ указывалъ себѣ преемниковъ, и воля народа согласовалась съ этимъ указаніемъ; тогда всѣ эти указанныя лица считались уже кандидатами, и народъ избиралъ, и не только избиралъ, но и *утверждалъ* изъ нихъ одного, наиболѣе себѣ угоднаго, такъ что избранный еще до посвященія у кievскаго митрополита иногда вступалъ уже въ управленіе паствою. „Тиль новгородскаго владыки какъ перваго земскаго человѣка своей области (говоритъ г. Знаменскій въ своемъ изслѣдованіи *Приходское духовенство на Руси*) успѣлъ выясниться очень опредѣленно: онъ можетъ служить для насъ яснымъ указаніемъ тѣхъ результатовъ до которыхъ могло бы дойти развитіе іерархіи на земскихъ началахъ еслибъ имъ не были поставлены преграды со стороны государства и центральной митрополичей власти“. Что касается юго-западной Руси, то уже при самомъ началѣ раздѣленія митрополій, клиръ и міряне получили себѣ отъ Витовта полномочіе избрать митрополита по своему изволенію, что значитъ и въ изданной по сему случаю грамотѣ Витовта: „учили есмо такъ митрополита, *зборомъ*, на Кіевскую митрополию, чтобы русская честь вся стояла на своей землѣ.“ * Хотя послѣдующіе короли, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ извѣстій, нерѣдко и стѣсняли своимъ вліяніемъ свободу народнаго избранія митрополитовъ, но самый принципъ такого избранія оставался неприкосновеннымъ; такъ что Варшавскій сеймъ 1543 года, отнявъ у православныхъ нѣкоторыя изъ привилегій данныхъ прежними королями, оставилъ однакоже имъ это право избирать въ митрополиты кievскіе и всея Россіи того кого они захотятъ. ** Въ такомъ же положеніи находилось въ юго-западной Руси и дѣло избранія епархіальныхъ епископовъ. Изъ дошедшихъ до насъ жалованныхъ епископамъ королевскихъ грамотъ можно видѣть что епископскія кафедры обыкновенно замѣщались „записаньемъ и челобитьемъ пановъ, бояръ, шляхты и послодитства“, хотя, само собою понятнo, и здѣсь также какъ въ замѣщеніи кафедры митрополичьей, или даже еще болѣе, вмѣшательствомъ правительства тормозилось правильное дѣйствіе выборнаго начала. Такъ было до Брестской уніи, когда Сигизмундъ III хотѣлъ рѣшительно отнять у православныхъ право избирать себѣ іерарховъ и сталъ съ этою

* А. З. Р. I. № 24.

** *Отис. Соб. соб.* стр. 117.

дѣло сажать какъ на митрополитчій престолъ такъ и на епископскія кафедры отступниковъ отъ православія, заявивъ открыто въ одной изъ грамотъ какъ общее правило которое должно дѣйствовать въ его королевствѣ: „митрополитовъ и епископовъ въ ланствѣ нашемъ безъ лодавья и презента нашего никто ставить, давать и посвящать не можетъ“. Но народъ не хотѣлъ повиноваться незванымъ пастырямъ, и когда въ 1620 году патріархъ іерусалимскій, Теофанъ, былъ въ Киевѣ, собраніе юго-западныхъ православныхъ христіанъ (духовенство, дворянство, залорожскіе казаки и все послодство) избрало себѣ въ митрополита игумена Іова Борецкаго, котораго и посвятилъ въ этотъ санъ патріархъ, а затѣмъ и представители епархій, бывшіе заѣсъ, избрали областныхъ епископовъ (числомъ шесть для епископій: Полоцкой, Владимірской, Луцкой, Перемышельской, Холмской и Пинской), которыхъ посвящаль уже новолоставленный митрополитъ Іовъ. Вслѣдствіе стѣсненныхъ политическихъ обстоятельствъ, Сигизмундъ, послѣ безплодныхъ попытокъ преслѣдованія, долженъ былъ наконецъ признать новолоставленныхъ іерарховъ, а сынъ его, Владиславъ IV, на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, формально возстановилъ и въ самомъ принципѣ право юго-западной православной церкви избирать митрополита и епископовъ вольною подачей голосовъ духовенства, дворянства и всего православнаго народа. Это право оставяла неприкосновеннымъ и Москва, въ слѣдовавшемъ за тѣмъ соединеніи съ нею извѣстныхъ частей юго-западной Россіи, требуя только (и, нужно замѣтить, не всегда успѣшно) чтобъ избранные народомъ митрополиты, а съ 1686 года и епископы являлись въ Москву къ патріарху за посвященіемъ. Такъ было до Петра, который порушилъ наконецъ это древнее право юго-западной Руси избирать себѣ пастырей, узаконивъ для всей Россіи правительственный способъ назначенія іерарховъ отъ савода и государя. Замѣчательно что даже польское правительство въ православныхъ епископіяхъ, оставшихся, по присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, за Польшею, не рѣшалось прямо оскорблять народное право избранія епископовъ: вразумленное предшествующимъ опытомъ рѣшительнаго отпора православныхъ непрошенныхъ епископамъ, оно не назначало уже отъ себя уніатскихъ епископовъ въ право-

славныя епархіи, а предпочитало совращать избранныхъ православными въ унию. *

Въ церкви Русской такимъ образомъ народное избраніе еписколовъ существовало гораздо долѣе чѣмъ на Западѣ, а потому и память о немъ естественно должна бы быть въ ней гораздо свѣжѣе. Между тѣмъ, на католическомъ Западѣ, въ такъ-называемой „партіи старокатоликовъ“, мы видимъ уже дѣятельное стремленіе возвратиться въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) къ древнимъ порядкамъ церкви. Въ программѣ религиозной реформы (напечатанной въ *Emancipatore Catholico*) есть, между прочимъ, такой пунктъ: „выборъ на всѣ стелени церковной іерархіи зависитъ отъ свободной подачи голосовъ церкви, то-есть духовенства и народа“. Останется ли наша церковь назади въ возстановленіи этого начала, составляющаго прямое наслѣдіе содержамаго ею древняго вселенскаго православія? Возстановленіе этого начала, согласуясь съ теченіемъ нашей общественной жизни за послѣднее время, могло бы сверхъ того имѣть и особое приложеніе у насъ по отношенію къ насущному вопросу *о духовно-судебной реформѣ*, въ такой степеніи занимающему и правительство и общество.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

Харьковъ,
сентябрь 1872.

---

* Дѣйствіе выборнаго начала въ юго-западной церкви подробно раскрыто въ статьѣ: „Выборное начало въ духовенствѣ въ древнерусской, преимущественно юго-западной, церкви“. Г. Маркевича, въ *Труд. Киевск. Акад.* за 1872, авг. и сент.

Б Ъ Г У Н Ы*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вотчина князей Хвалынскихъ, Азгарь, худое мѣсто.

Сказываютъ люди что оно давнымъ-давно проклято было однимъ святымъ пустынникомъ который спасался по близости сторожевой башни Азгарской еще во времена хановъ Казанскихъ. Татары что-то негодное сотворили съ тѣмъ пустынникомъ; онъ ушелъ, а мѣсто проклялъ.

Княжескія хоромы съ двумя крылами прильнувшими къ нимъ по бокамъ тяжело протянулись среди сада; подумаешь, большое, тяжелое животное разлеглось, протянувъ лапы, и спитъ, могучимъ сномъ объятое. Къ тому же, изъ середины фасада, два большіе округлыя окна, будто два темные глаза, смотреть угрюмо и не сморгнувъ на Волгу. Предъ ними и вдоль большой террасы выравнялись лять двухсотлѣтнихъ старцевъ, лять огромныхъ дубовъ, и изрѣдка лѣниво и грозно пошевеливаютъ головами, будто ворчатъ себѣ подъ носъ, или поминуютъ другъ-другѣ про то что слышали и видѣли на

---

* См. Русскій Вѣстникъ № 8.

своемъ вѣку, а можетъ и Хавала-Гнѣздо поминають что ихъ насажалъ и выходилъ.

По скату къ рѣкѣ все пусто и глухо; подъ расходящимися въ три стороны липовыми аллеями нѣтъ живой души. Рѣдко днемъ гуляетъ здѣсь князь, еще рѣже дворовые люди, а ночью если и мелькнетъ что въ чащѣ, то ужь конечно не живые люди, а безлокойныя души умершихъ вотчинниковъ Азгарскихъ, которыя блуждаютъ по роднымъ мѣстамъ гдѣ жили и умирали оставляя по себѣ крѣпкую память: княгини и княжны незавидную, горькую, а князя тяжелую, а то и очень грѣшную.

Живой человѣкъ изъ двора или изъ села не посмѣетъ ночью порой пройти по саду, а если ужь прикажутъ, то пробѣжитъ озираясь на чащу или пристально всматриваясь въ даль аллеи и дорожекъ. Сказываютъ Азгарцы въ шутку что въ саду и средь мѣсяца мая зима стоитъ и морозъ пробираетъ человѣка.

Садъ Азгара около полуночи и въ правду дурное мѣсто. На краю сада, у обрыва гдѣ развалины башни, видали Татарина съ длинною козлиною бородой, съ золотымъ шлыккомъ на головѣ и съ конскими ногами. Онъ, коли завидитъ, бѣгаетъ за народомъ, догнать никогда не можетъ, но издали взвизгиваетъ злобно и швыряетъ чѣмъ-то что въ тѣло вливается какъ клещь. Видѣть ничего не видно, а мѣсто синѣетъ, лухнетъ, и умираетъ человѣкъ; однако вотъ ужь лѣтъ съ лять-десять Богъ миловалъ Азгарцевъ. Видать его—видали, но ни въ кого еще онъ ничѣмъ не попалъ.

Направо, гдѣ малый овражекъ на краю сада и рощи, стоитъ полинялый розовенькій домикъ, разрисованный, съ башенкой и балкончикомъ; лѣстница къ нему отвалилась, входа нѣтъ, а исправлять ее не приказано. Никто въ тотъ домикъ не входитъ даже и днемъ, а ломать его, сказываютъ люди, князь Родивонъ Зосимычъ боится. Сонъ ему былъ такой...

Въ инныя ночи, особливо лѣтнею ясною порой, въ домикъ этомъ бродитъ высокая и худая фигура: то плачетъ и поетъ, то поетъ, то олять рыдать начнетъ, и вдругъ застываетъ на весь садъ. Нарядъ на ней чудной, не русскій. Всѣ знаютъ, а старики и помнятъ, что жила здѣсь Персіянка, а кто говоритъ Шведка, любимица дѣда князя Родивона Зосимыча. Для нея былъ домикъ тотъ выстроенъ, въ немъ же нашла ее однажды удувленной. Кто сказываетъ что она съ тоски сама

удавилась, а кто—что по княжескому приказу ее повѣсили, а кто, изъ стариковъ, за вѣрсе сказываетъ что то нечистый ее задавилъ, и какъ разъ дѣло то было среди Великаго Поста. Она-то, извѣстно, не постилась, ну а оно ему на руку.

Въ роцѣ тоже есть дурное мѣсто, гдѣ на полянкѣ большущая осина растетъ, молнией обожженная. Тамъ случалось видали Азгарцы какъ въ лунныя ночи пляшутъ по ночамъ и идутъ хороводомъ вокругъ осины десять молодцовъ красавцевъ, въ басурманскихъ яркихъ кафтанахъ и съ сизыми мертвецкими лицами. Эти молодцы были, говорятъ, заморены голодомъ въ башнѣ Азгарской еще когда вотчины и хоромъ не было тутъ. Проплясавъ, они кидаются другъ на дружку и грызутся свирѣло. Пропасть человекъ если завидать они его; тотчасъ бросятся и загрызутъ. Молодца четыре, изъ смѣльчаковъ, пропали безъ вѣсти потому что ходили туда ночью.

Последній ходившій туда въ полночь, истолникъ Азгарскій, тоже пропалъ безъ вѣсти, да только этотъ, сказываютъ, все это колѣно пристроилъ. Его въ солдаты собрались отдавать, онъ и вызвался сходить на полянку... и пропалъ. Азгарцы, думая что и его тѣ плясуны загрызли, поминали его душу, а черезъ мѣсяцъ кто-то видѣлъ его въ кабацѣ въ селѣ Сокольскомъ.

Близъ дома, гдѣ перекрещиваются двѣ большія аллеи, стоитъ на чугунномъ льедесталѣ бѣлая статуя княгини Мавры Васильевны, первой супруги князя Зосимы, съ которою жилъ онъ всего годъ и не имѣлъ дѣтей. На этомъ мѣстѣ была бѣсѣдка, и здѣсь, вернувшись невзначай съ гостями съ осенняго поля, засталъ молодой князь жену свою съ молодымъ стремлявымъ... Здѣсь же упала княгиня на песокъ и билась лодъ княжимъ ножомъ охотничьимъ, а самъ князь кричалъ въ безуміи гостямъ:

— Краснаго настигъ! Ай да лисичка!

Здѣсь же и похоронили княгиню Мавру безъ всякаго отпѣванія. Неизвѣстные люди довели въ столицу объ этомъ происшествіи, и пріѣхалъ судъ. Первому пріѣзжему воеводѣ съ лисцомъ отвели лучшей лѣкой въ хоромѣхъ и послали гостинцу ввечеру, на серебряномъ подносѣ. Три человекъ тащили тотъ подносъ, на которомъ были груши, яблоки и разныя сласти, а лодъ ними лежало во весь подносъ пять рядовъ золотыхъ. Черезъ полгода пріѣхалъ другой

воевода изъ сосѣдняго города. Съ нимъ князь долго бесѣдовалъ у себя въ покоѣ и много шумѣлъ, а проводивъ его изъ Азгара съ почетомъ, долго говаривалъ потомъ зачастую:

— Звѣрье ненасытное! Раззоръ!

Еще черезъ полгода пріѣхалъ вельможа изъ столицы. Остановился въ Казани и требовалъ туда князя на спросъ. Поѣхалъ князь съ великою пышностью, въ рыдванѣ въ двѣнадцать лошадей дугомъ; вся сбруя золотомъ сіяла. Конные и лѣшіе, до сотни, скакали и бѣжали впереди и вокругъ рыдвана, а за версту впереди шли два саженные скорохода и шибко дрались сгоняя всѣхъ съ дороги. Черезъ два дня, прогостивъ въ городѣ, вернулся князь такъ же пышно и вмѣстѣ съ вельможей. Вельможа ѣхалъ въ рыдванѣ, а князь верхомъ у дверецъ. По пріѣздѣ, въ залѣ поставили большой столъ, писцовъ посажали, машинку какую-то пристроили пытать, и пошелъ спросъ всей челяди и дворни про кончину княгини... Князь Зосима ходилъ тше воды, ниже травы и очень горько плакалъ и убивался. На второй же день, вечеромъ послѣ ужина, когда вельможа ушелъ олочивать въ свой покой, поднялась тревога. Случилось съ нимъ нездоровье; лѣкарей не было... Крикомъ кричалъ вельможа часа съ два, очень подобно лѣтушину, и ломеръ... Писцы, кланяясь князю въ поясъ, уѣхали во свояси, а бумагу что исписали оставили, и князь ее на дворѣ пожогъ при всей дворнѣ. Многихъ изъ дворни перелороли за сказанное на спросъ, а кто остался живъ—услали въ Сибирь. Вскорѣ затѣмъ князя вытребовали къ царю на спросъ. Онъ уѣхалъ, да въ столицѣ и зажилъ. А когда вернулся, ужь олять женатый и съ дѣтьми, то къ удивленію всѣхъ Азгарцевъ, привезъ изъ столицы мраморное изваяніе покойной княгини nelостижимаго сходства; особливо платье очень похоже вышло.

— Живая княгинюшка! Только не говорить! ахули Азгарцы.

Поставили изображенъе на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ скончалась она, но не успокоилась со святыи душа страдальцы грѣховно похороненной, и бѣлая каменная княгиня зачастую шевелить руками и головой: не то грозится, не то словно молится, крестится. А пополуночи, въ день своей кончины и въ родительскую субботу, сходить она съ своего мѣста, бродить по аллеямъ темнаго сада и входитъ въ хоромы. Не растворяя дверей, скользитъ она

сквозь нихъ и невидимкой ходить по покоемъ, только слышно какъ каменные ноги стучать по полу. Крестятся тогда Азгарцы и молитву творять, обмирая отъ страха и укрываясь съ головой. До пѣтуховъ бродить она, а днемъ, глядишь, опять на мѣстѣ. Но и днемъ не любятъ Азгарцы пристально всматриваться въ лицо бѣлое; сказываютъ, бывало не разъ и днемъ что осклабится вдругъ страшно каменное лицо, и звонко засмѣется княгинюшка нагибаясь къ смотрящему.

На краю березовой роци, по близости церкви, но отдѣльно отъ кладбища, стоитъ чугунный черный крестъ. Это мѣсто зовется въ Азгарѣ: Олюшкина могила. Мѣсто это у Азгарцевъ чуть не за святое прошло. Никто не любитъ остаться хоть на ночь у этого креста, потому что покоятся тутъ косточки праведной души. Князь Зосима, вдовый, послѣ смерти второй жены своей привезенной изъ Питера, не долго горевалъ, и полюбилъ до зрѣззу дѣвушку дворовую одного помѣщика изъ Казани, купилъ ее и привезъ въ Азгаръ, а сыновей своихъ отослалъ тогда же въ столицу на службу. Олюшка была не красавица, но по словамъ старожилловъ приворотила къ себѣ князя Зосиму такимъ приворотомъ что князь и радовался и печалился радостями и печальями Олюшки. Пальчикомъ двигаетъ Олюшка, и все творится, все въ лоскъ ложится по приказу Зосимы Родивоныча; но въ томъ-то видно и была сила ее что ей:

— Ничего не надо!

Сидитъ, въ окно на небо смотреть; выйдетъ на улицу, на небо смотреть. Все думаетъ думу какую-то, говоритъ мало, усмѣхается тихо и рѣдко, и всякому встрѣчному и полеречному слуга вѣрная. Послѣдняя ея рубашка не ея, а того кому пригаянулася или понадобилась.

Скоро въ Азгарѣ вся дворня стала обожать Олюшку, потому что много меньше бѣдъ страхивалось имъ на головы съ той поры что Олюшка приворотила буйнаго князя Зосиму. Когда Олюшка стала беременна, промель слухъ что она будетъ княгиней.

— И давай Богъ! въ одинъ голосъ сказалъ весь Азгаръ.

Даже дубы предъ домогъ, когда ворчали подъ вѣтромъ— то вѣрно сказывали то же. Такова была слава Олюшки.

Князь Зосима дѣйствительно подготавливалъ свадьбу и пиръ горой на всю провинцію.

— На всю Россію пусть аукнется, какъ князь Зосима Хвалынскій сочетается съ крѣпостною холодкой своею, объявилъ князь.

Въ январѣ должна была отпраздноваться пышная княжая свадьба, о которой и до столицы слухи дошли, и вмѣстѣ съ ней готовилось крещенье каждый день ожидаемаго ребенка.

Въ день Михаила Архангела, на зарѣ, родился ребенокъ, а въ полдень Олюшка, такъ любившая смотрѣть въ небо, улетѣла туда невидимкой, оставивъ свое маленькое тѣло среди большихъ княжыхъ хоромъ и снующей, какъ громомъ пораженной, дворни. Къ човорожденному младенцу князь Зосима отнесся какъ могъ только отвестись одинъ князь Зосима.

— Проклятое чадо! Распроклятое! кричалъ онъ, обезумѣвъ при видѣ покойницы.—Ты убилъ, отнял ее у меня.... Задавить его! Тащи! Вѣшай!

И ударомъ ноги князь повалилъ богатую люльку. Ребенка унесли съ окровавленнымъ личикомъ; крохотная губка была разсѣчена при паденіи.

— Задавили?! сто разъ въ день спрашивалъ князь, не находя себѣ мѣста въ Азгарѣ.—Задавили?!

— Задавили-съ, робко отвѣчалъ всякій; но такъ какъ не нашаось на такое дѣло смѣльчака, то на селѣ уговорили одну солдатку подмѣнить умершаго ея младенца княжескимъ и тихонько окрестить его.

Весь Азгаръ зналъ кто такой солдаткинъ сынъ съ разсѣченною губой, и самъ князь видалъ его потому не подозрѣвая ничего, потому что никто до самой княжей страшной смерти ни посмѣлъ сказать что виновникъ Олюшкиной кончины здравствуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Олюшку похоронили въ роцѣ отдѣльно, и князь пометавшись въ дикомъ горѣ по всѣмъ угламъ Азгарскихъ хоромъ ухѣталъ жить въ Казань. Собирался князь вернуться скоро съ архитекторомъ чтобъ устроить надъ свѣжею могилой другою храмъ не хуже собора Казанскаго, во имя Св. Ольги,— но не собрался.

Въ Казани время прошло весело, годы за годами, и однажды утромъ нашли князя Зосиму въ его олочивальнѣ плавающего въ крови, зарѣзаннаго... кѣмъ и какъ?—осталось никому не вѣдомо. Судъ порѣшилъ что князь самъ зарѣзал-

ся, но слѣды кровавыхъ босыхъ ступней изъ его олочивальни въ сѣни смущали долго Азарцевъ.

— Не таковъ былъ Зосима Родивонъчъ чтобы зарѣзаться! рѣшили Азгарцы.—Умертвитель лихой былъ тутъ...

Но босыя кровавыя ступни вышли изъ олочивальни лютаго князя и на вѣки ушли отъ людскаго суда. А какому Божьему суду въ этомъ случаѣ надлежало быть—Азгарцы колебались рѣшить.

А на Олюшкиной могилкѣ, чтобы не затерялось мѣсто погребенія человѣческаго, поставилъ чугунный крестъ пріѣхавшій изъ Питера князь Родивонъ Зосимычъ. И не самъ надумался объ этомъ молодой князь, а Азгарцы пристаи съ просьбами. Дорога имъ была, а теперь будто стала почему-то еще дороже, бѣдная Олюшкина могилка.

Жизнь въ Азгарѣ шла своимъ деревенскимъ чередомъ, день тянулся просто, незатѣливо, скучно и долго. Всякій обитатель, вставъ въ 5 и въ 7 часовъ утра и плотно поѣвши, разчитывалъ какъ убить время и какъ нагулять себя голодъ къ обѣду въ полдень, а послѣ обѣда—какъ промататься и пробиться до ужина въ 7 часовъ; въ девять все уже спало крѣпкимъ сномъ.

Князь Родивонъ Зосимычъ страдалъ подагрой уже лѣтъ пять, и расположеніе духа его зависѣло отъ болѣзни, то усиливавшейся, то слабѣвшей. Онъ сидѣлъ всегда у себя въ покойчикѣ съ растворенною дверью въ залъ, на большомъ креслѣ, и глядѣлъ въ окно, въ садъ, зная наизусть всѣ сушки и вѣточки того дуба который растаранился предъ его окномъ. Дубъ этотъ былъ самый развѣсистый и громадный изъ всѣхъ, и ходило повѣрье у Азгарцевъ что когда засохнетъ иль свалится онъ, то конецъ и Азгару. Какой конецъ? Никто о томъ себя не спрашивалъ!

Князь выходилъ изъ своей горницы каждый день два раза къ столу, съ помощью дочери и дворецкаго, а черезъ день, два, ѣздилъ кататься по своимъ владѣніямъ, лѣниво кивая направо и налево стрѣльскому люду что шапку ломалъ на княземъ проѣздѣ. Князь не зналъ почти никого изъ своихъ мужиковъ въ лицо, и часто спрашивалъ на проѣздѣ если экипажъ ѣхалъ тихо:

— Мой что ль?

Если мужикъ отвѣчалъ отрицательно, то князь спрашивалъ:

чей? Случалось лѣтомъ и про хлѣбъ, и про покось спрашивалъ князь:

— Мой что ль?

Народъ привыкъ къ этому, не дивился даже, вѣровалъ что именованному князю, какъ богатому вельможѣ, стыдно и не подобаешь знать въ лицо своихъ рабовъ и границу своихъ земель.

Князь Родивонъ Хвалыинскій, прожившій со смерти крутаго отца всю жизнь свою въ Азгарѣ и немного въ Казани, относился къ народу и къ своимъ владѣніямъ чрезъ очки своихъ управителей, старостъ, бурмистровъ.

Придетъ управитель утромъ, что бывало постоянно, и расскажетъ про свои порядки въ порученномъ ему имѣніи или на хуторѣ. А князь слушаетъ разсѣянно. Новаго вѣдъ не услышишь.

Управитель дѣлаетъ то же что дѣлалось за сто лѣтъ до него и сто лѣтъ послѣ него, то-есть таяетъ послѣдній грошъ со всякаго мужика, и утянувъ себя въ году малую толику месеть что слѣдуетъ барину. Черезъ десять лѣтъ онъ выкупается на свободу и замѣщается; или доходитъ до крупнѣйшихъ чиновъ, посылается намѣстникомъ въ дальнее имѣніе (каковыхъ у князя было четыре), и тамъ живетъ самъ баринкомъ, лока не залшется въ гильдію сосѣдняго города или лока не прорвется. Князь смотрѣлъ только на итогъ управленія осазательный, то-есть на принесенныя деньги, а какъ велось дѣло ему было все равно.

Если доложутъ ему что засѣкли мужика, онъ спроситъ: „Много ль дали?“ (То-есть розогъ.) Иногда полюбопытствуетъ узнать кто пороля, кто считалъ, кто распорядился.

Если отправятъ въ острогъ, сошлютъ въ Сибирь, сдадутъ въ солдаты кого изъ подданныхъ, князь спроситъ какъ звать, а за что не спроситъ.

— Знамо, за дѣло.

Жаловаться никто не смѣлъ идти къ князю, и давно ни одинъ мужикъ не перешелъ двора княжяго съ жалобой. Этотъ обычай укоренился еще при князѣ Зосимѣ, который жалобщиковъ приказывалъ подъ сердитую руку вѣшать на воротахъ.

Дворню князь зналъ, но въ разсѣянности или изъ равнодушія часто называлъ Ваську—Семкой, Никитку—Петькой, и наоборотъ. Дѣвушекъ дворовыхъ молодыхъ и ложиныхъ

(которыхъ помнилъ молодыми) князь зналъ по именамъ и даже болѣе... Всѣ онѣ, исключая невзрачныхъ, перебивали въ милости князей. Jus primaе noctis дѣйствовало въ Азгарѣ въ силу обычая, испоконъ вѣку, со временъ первыхъ Хвалымовъ, но особенно укрѣплялъ и узаконилъ этотъ обычай крутой князь Зосима.

Въ минуты добраго духа, князь останавливалъ иногда въ прогулкахъ какую-нибудь пожилую женщину словомъ.

— А здорово, ты, Марья! А помнишь, чучело... какъ нынѣ, лѣтъ тому... сколько лѣтъ-то? Много! Эхъ-ма какая жь ты старая стала да корявая! Да и я-то ужь расшатался.

Князь дѣйствительно за послѣдніе года вдругъ быстро состарился, по милости неожиданной гостии—подагры, и хотя ему было только шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался совершеннымъ старикомъ. Княгиня Анна Александровна, жена его, умерла проживъ съ мужемъ ни хорошо, ни дурно около двадцати лѣтъ.

Она была женщина черезчуръ обыкновенная, ни рыба, ни мясо; къ тому жь и не красива, и князь женился на ней только ради пріобрѣтенія себѣ протекціи по службѣ чрезъ ея побочнаго отца, именитаго въ то время человѣка, въ послѣдствіи умершаго въ ссылкѣ.

Анна Александровна была невозмутимаго духа; даже пожаръ бывшій въ домѣ за годъ до ея смерти не взволновалъ ея. Всѣ перелопошились въ домѣ, а княгиня взяла изъ кивота на руки образъ Богородицы Неопалимой Кулины и пошла въ ту половину чтѣ горѣла, ворча на шумъ и бѣготню холопей:

— Полно гомонить! Съ чего это вы расходились такъ?

Князь звалъ жену почему-то „калустой“, и въ первый разъ обратилъ на нее особенное вниманіе когда она была уже на столѣ. Долго онъ смотрѣлъ въ лицо покойницы.

— Жена вѣдь она мнѣ? сказалъ онъ себѣ загадочно. И трудно рѣшить чтѣ поразило его: то ли что жена его уже мертвецъ, или что мертвецъ этотъ вѣдь жена его.

Послѣ смерти Анны Александровны, въ Азгарѣ ничего не измѣнилось. Все равно еслибы вынесли изъ столовой двадцать четвертый стулъ: замѣтишь только если присмотришься внимательно. Сыновья отнеслись къ смерти матери по-своему. Данило поплакалъ немного во время похоронъ съ безконечными обрядами на старый ладъ, потому что всѣ плакали и причитали; но когда всѣ перестали, и онъ пересталъ. Къ тому же

новая бѣда висѣла надъ нимъ: ѣхать на службу. Иванъ сталъ бояться ходить одинъ по вечерамъ чрезъ большія комнаты хоромъ, а ночью кутался съ головой и душился въ одѣяль, прося свою мамушку Авдотью лечь поближе.

Анна Александровна при жизни вовсе не занималась дѣтьми. Они жили сами по себѣ, ѣли, спали и гуляли; ихъ никто не воспитывалъ, или воспитывали всѣ, то-есть, точнѣе сказать, воспитывалъ ихъ Азгаръ, складъ барской жизни и дворян; характеры же слагались изъ двухъ силъ, первая сила: родовые, потомственные пороки и добродѣтели, а вторая—случай.

Данило съ дѣтства былъ вылитый дѣдъ Зосима, и лицомъ, и характеромъ: гордый, бѣшеный, своенравный, смѣлый и умный. Петербургъ, кампаніи, походы и служба, пріятели и сослуживцы, видоизмѣнили втораго князя Зосиму и сдѣлали князя Данилу.... Но ему еще осталась возможность вернуться назадъ и къ старости быть вторымъ Зосимой.

Иванъ характеромъ и лицомъ, отчасти слабымъ сложеніемъ, добродушіемъ и безмятежною сонливостью, былъ въ свою мать; но вторая Анна Александровна измѣнилась тоже подъ вліяніемъ своего пола, играя украдкой отъ отца съ сельскими ребятишками въ лалтѣ и въ бабки, а потомъ отъ жизни и службы въ Оренбургѣ, куда князь Иванъ нечаянно попалъ съ полкомъ изъ Казани.

Князь звалъ Данилу дѣдушкой и Зосимой Родивонычемъ, а Ивана—дочкой и пирошкой. Младшую дочь Серафиму, четырнадцатилѣтнюю, но уже вполне развитую, онъ любилъ болѣе всѣхъ, потому что она была лицомъ очень похожа на него. Фимочка была рѣзвая, быстроглазая дѣвочка, выросшая безвыѣздно въ деревнѣ и отличавшаяся отъ остальныхъ сверстницъ своихъ, дворовыхъ и сѣнскихъ дѣвушекъ, только лавтѣемъ и бойкимъ барскимъ голосомъ. Ее воспитали дѣвичья и швейная. Съ десятокъ дворовыхъ дѣвушекъ были ее любимцами и спутницами всюду, и въ затѣяхъ, и въ исполненіи ихъ. Надзору не было ничьего. Только разъ, за годъ назадъ, одна изъ нихъ, ея первый другъ, была, послѣ тихой бесѣды между мамушкой Авдотьей и княземъ Родивонъ Зосимычемъ, жестоко наказана розгами и умерла черезъ недѣлю, а княжѣ, на ея слезы о своей любимицѣ, отецъ обѣщалъ за гуляныя забавы съ дѣвками всѣхъ ихъ передать и разослать по другимъ имѣніямъ.

Князь любилъ Фимочку болѣе сыновей своихъ отчасти и

потому что она выросла на его глазахъ и была при немъ неотлучно, ухаживая за калризымъ больнымъ старикомъ, когда сыновья проладали одинъ на границѣ Европы, другой на границѣ Азіи.

— Что сыны? Имъ только денегъ высылай безъ задержки. Вотъ умрешь, тутъ и прискачутъ дѣлиться, говорилъ онъ.

Князь цѣнилъ и судилъ все и всѣхъ по отношенію къ своему личному благу. Любилъ прежде всего на свѣтѣ свое спокойствіе, и не задумался бы пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и даже обоими сыновьями еслибъ отъ этого можно было вернуть молодость, цвѣтушіе годы и утраченное здоровье.

„Своя рубашка къ телу ближе“, была его все объяснявшая въ жизни и любимая поговорка. Со старостью себялюбіе развивалось все сильнѣе. Никто въ околоткѣ не называлъ князя злымъ баринкомъ, но никто не считалъ и добрымъ. Боялись же его свои по привычкѣ, а чужіе—потому что имя князей Хвалынскихъ все еще звучало грозно въ провинціи, какъ отголосокъ прежнихъ подвиговъ князя Зосимы.

Послѣдніе годы, когда сыновья рѣдко навѣдывались, князь сталъ какъ будто скучать и началъ катаясь заѣзжать все чаще къ дякону жившему съ дочерью Василисой. Скоро у дякона появилась новая тесовая изба, Василиса же перешла въ барскій домъ и поселилась въ трехъ горницахъ праваго крыла соединеннаго съ домомъ террасой, и ей поручено было завѣдывать кладовыми и сундучною горницей.

Князь звалъ ее фрейлиной, а весь Азгаръ княгиней.

При вѣсти, однако, о возвращеніи князя Данилы, Василиса перебралась обратно къ отцу дякону.

Общество князя Родивова въ Азгарѣ состояло изъ дальнихъ сосѣдей наѣзжавшихъ крайне рѣдко къ старику-полагрику съ дѣвочкой дочерью, которые по ихъ словамъ:

— Хозяиничать и радушничать были не ученые!

Часто бывалъ въ послѣдніе годы Кречетовъ, сосѣдъ верстъ въ семьдесятъ отъ Азгара, и имъ князь довольствовался. Съ его пріѣздомъ являлись на сцену карты, особенно ташка и бирюльки, и вечера коротались.

Другой частый посѣтитель князя былъ добрѣйшій и честнѣйшій душою отецъ Арева, священникъ изъ села Сокольскаго, который ѣлъ много варенья и болталъ князю много важнаго вздору.

— Это мой лустомоль и богомоль! острилъ князь про отца

Ареу.—Онъ за меня Богу молить и мнѣ всякую лустяковину медеть. Ну и спасибо ему! Я его вотъ и усахариваю вареньями чтобы слаще за обѣдней глѣлъ.

Скомороховъ, карликовъ и лотѣшниковъ князь не любилъ.

— И у дѣдовъ моихъ такого завода не было, говорилъ онъ.

Но все-таки былъ у князя въ домѣ всеобщій шутъ, не по званію, а по положенію, по привычкѣ барской производить кого-либо въ шуты и изощрять надъ нимъ праздный умъ свой въ шуткахъ и прибауткахъ.

Шутъ этотъ былъ Михалка, существо ободненное мачихой судьбой. Не умри бѣдная Олюшка—шутъ этотъ назывался бы: князь Михаилъ Зосимычъ Хвалыинскій. Онъ считался бы по праву братомъ, а не шутомъ Азгарскаго вельможи.

Теперь же Азгарцы, почитавшіе Олюшкину могилку, видно забыли кто таковъ этотъ Михалка. Это былъ для нихъ не Олюшкинъ сынокъ, а Мишутка, чертова махалка и Михайло Ивановичъ Вѣдмедь!... Добраго, умнаго прежде и богомольнаго человѣка, довела люди до того что теперь у него былъ свой христосъ и своя богородица и своя вѣра въ нихъ. Михалка былъ подулommeжанъ....

II.

Князь Давидо Хвалыинскій былъ на ларомѣ въ виду Казани и тихо двигался черезъ Волгу, широко разливающуюся подъ Условомъ.

Видъ Волги обрадовалъ его.

Вотъ эти же волны, думалъ онъ, протекутъ черезъ нѣсколько часовъ мимо Азгара.... Недалеко! Недалеко!

Черезъ часъ князь Давидо былъ уже у себя, то-есть въ огромномъ домѣ Хвалыинскихъ, на углу одного изъ большихъ переулковъ и Воскресенской улицы.

Домъ этотъ былъ кулленъ еще Зосимой Хвалыинскимъ у какого-то вельможи занимавшаго важную должность въ Казани при Петрѣ Великомъ и жившемъ въ немъ безвыѣздно зиму и лѣто. Князь Зосима долго жилъ въ немъ, но только по зимамъ, за тѣмъ и Родивонъ Зосимычъ года три прожилъ тутъ, но теперь уже лѣтъ двадцать слиткомъ старый семидесятилѣтній домъ былъ плохъ, гнилъ, заброшенъ и залущенъ.

Въ большой залѣ гдѣ бывали асамблеи у вельможи и балы у князя Зосимы, хоры провалились; цѣлая угловая часть ихъ висѣла чуть не на воздухъ и уже нѣсколько лѣтъ собиралась рухнуть.

Большая лѣстница, подымавшаяся на второй этажъ прямо изъ прихожей, была заказана чтобы по ней не ходили, ибо она тоже едва держалась. Десятки большихъ горницъ были пусты, только разъ въ годъ наполнялись онѣ и то не мебелью, а мѣшками хлѣба и овса которые привозили изъ Азгара въ продажу казанскимъ купцамъ.

Штукатурка, когда-то раскрашенная и изукрашенная по стѣнамъ, теперь сыпалась и валялась; тутъ полбукета торчавшаго на стѣнѣ, или двѣ ноги какого-нибудь ямура, тамъ половинны вѣнка или лица не хватало... Колодки и карнизы гнѣлые и расписные одинаково, чуть не ежедневно, обсыпали полы, и Архилычъ, исправляющій должность управителя лустаго дома, а равно и сторожа, съ ругательствами собирался ежедневно вымести все... и не выметалъ, и дожидаясь того что метла уже не могла взять вороховъ извести, и на очистку приходилось уже нанять рабочихъ и подводы. Архилычъ собирался нанять ихъ уже годъ съ днѣмъ.

Въ одной большой горницѣ, именуемой зеркальною, но безъ единаго зеркала, была свалена въ кучу поломанная мебель.

Верхній этажъ былъ заколоченъ: тамъ все сгнило отъ дождей подивившихъ въ выбитыя окна. Жили тамъ сотни голубей. Одни только большія, сизыя, ивразцовыя лежи стояли по всему дому верушимо, перекрывъ все, и вельможу, и сердитаго князя Зосиму, и поздравившихъ владѣтелей. Онѣ все также сіяли и молодцовато глядѣли на все окружающее ихъ раззоренье. Сивельскіе цвѣточки на ивразцахъ не любавдѣли, а стали совсѣмъ голубые.

Какъ всегда въ одичалыхъ лустыхъ домахъ, дождовой выкидывалъ здѣсь удивительныя козла чтобы выжить изъ дома Архилыча. Громко ходилъ онъ по лѣтамъ старика, когда тотъ пойдетъ по горницамъ, и глухимъ, бисистымъ, будто могильнымъ голосомъ повторялъ всякое движеніе его и всякое слово. А залость иной разъ Архилычъ съ одиочества и тоски, или кашаянеть, дождовой озлится безмѣрно. На весь домъ огрызнется еердито, словно обидится стариковою дерзостью; всѣ стѣны загогочуть, всѣ уголки ахнутъ, а по корридору будто пробѣжитъ онъ опрومتью и топоча копытами. А тамъ по всей залѣ и по гнѣлымъ хорамъ словно дробью посылаеть или начветъ штукатуркой швырять. Защекочеть что-то у Архилыча за ухомъ, и волосы на головѣ пошевеливаться начнутъ. Коли день ясный, то плюнетъ Архилычъ на

проклятаго шатуна, а коли ночь темная—перекрестится. Попробуй-ка ночью-то ллюнь, онъ тебя такъ ллюнетъ!... Спаси Господи!

Князь Давидо помѣстился въ двухъ небольшихъ угловыхъ комнатахъ, прямо изъ прихожей налѣво. Здѣсь была мебель, и въ этихъ горницахъ останавливались всегда оба брата проѣздомъ черезъ Казань. Одна изъ нихъ желтая была спальней, а другая кабинетомъ князя Зосимы. Здѣсь сиживалъ Зосима по недѣлямъ не выходя въ другія горницы и не принимая никого, когда на него напало сердце на всякаго человѣка. Здѣсь въ желтой комнатѣ и окончилъ лютый бояринъ свое житіе подъ ножомъ невѣдомаго человѣка.

Первая новость которую объявилъ князю Архипычъ, послѣ обычныхъ слезъ радости, цѣлованій и причитаній, заключалась въ томъ что высланы, верстъ за шестьдесятъ по Бугульминской дорогѣ, изъ Азгара лошади, на подставу для Ивана Родивовича, который ожидается изъ Оренбурга въ Азгаръ и долженъ быть не позже послѣзавтра.

Князь Давидо обрадовался извѣстію, и зная со словъ Архипыча что все въ Азгарѣ обстоитъ благополучно рѣшился дожидаться брата въ Казани чтобъ ѣхать вмѣстѣ къ отцу.

Старый Архипычъ извѣстился съ пріѣздомъ князя о горѣ великомъ. Алеша былъ его племянникъ, и онъ любилъ его какъ роднаго сына. Много допрашивалъ старикъ пріѣзжихъ съ княземъ молодцовъ о томъ какъ бѣжалъ Алеша.

Такъ какъ знакомыхъ у князя Давиды въ городѣ быть не могло, то онъ два дня просидѣлъ одинъ, гуляя по пустому дому и загаошшему саду.

Изрѣдка разспрашивалъ онъ Архипыча объ Азгарѣ, но Архипычъ каждый разъ сводилъ бесѣду или на Алешу, или на прошлогоднее горе свое, заключавшееся въ томъ что сына его Федьку князь Родивонъ Зосимовичъ въ солдаты отдалъ.

— Бѣды-то разомъ ходять, говорилъ Архипычъ.

Разъ десять повторялся слѣдующій разговоръ между нимъ и княземъ:

— Да какъ было дѣло-то? говорилъ смѣясь Давида.

— Бываетъ, князьишка. Проходимецъ какой-то нелутными рѣчами Федьку сманилъ. Монахъ отъ святыхъ мѣстъ, въ какой образъ на груди и кружка, на храмъ собирать. Князь Родивонъ Зосимычъ сказывалъ будто онъ казакъ на Дону. Я тоже далъ ему пять атынъ.

— На кабакъ.

— Нѣту, князинька, какъ можно, на храмъ.

— Казаку-то?

— Монаху же... Его и званье отецъ Мисаилъ. Ну вотъ онъ его и сманилъ. И нагрубилъ онъ князю. Его и сдали, а я сирота все радовался что хоть Алексѣй остался, и у васъ въ милости. Онъ вѣдь мнѣ за сына былъ тоже. А вотъ нынѣ и Алексѣй согрубилъ предъ вами и Господомъ. А я вовсе сирота!

И Архипычъ сморкался и утиралъ слезы.

— Бунтъ-то какой же?

— А вотъ онъ самый и есть. Тутъ три офицера въ Казани нарочито для бунтовъ при губернаторѣ состоятъ, и то и дѣло съ солдатами на подводахъ ѣздить изъ села въ село. Тутъ, гаяди, передрали, забрали въ острогъ. А онъ туда ушелъ. Ты туда, а онъ лаки сюда. Ты лаки сюда, а онъ за пятьдесятъ верстъ хватить.

— Отецъ Мисаилъ.

— Нѣту! Бунтъ-то самый!

Прошли три дня въ ожиданіи, и князь Данило собрался ѣхать, но за часъ до его выѣзда тройка съ телѣжкой влетѣла во дворъ, и молодой бѣлокурый малый бросился къ Данилу на шею.

Иванъ Хвалыинскій, служившій въ гарнизонѣ Оренбургской фортеціи ради того чтобы выдти изъ недорослей дворянскихъ, былъ добрый и сердечный малый, выхоженный на домашнихъ пирожкахъ и лепешечкахъ. Иванъ глядѣлъ на міръ Божій такъ какъ его училъ сельскій батюшка, на жизнь какъ его учили Азгарцы. „Подай Богъ князинькѣ великія почести и царевну-красоту въ женушки“, слышалъ онъ съ колыбели и ждалъ до сихъ поръ. А за чтѣ? Почему? возникалъ вопросъ. „Ахъ! такому-то соколу ясному? Да кому ужъ послѣ этого и счастье... если не Иванушкѣ... не князинькѣ нашему!“

Когда Ивану случалось видѣть Азгара, на службѣ, смущаться предъ выборомъ чего-либо важнаго, или въ случаѣ самостоятельнаго поступка, онъ спрашивалъ себя: какъ бы поступилъ братъ Данило? и подражалъ почитаемому съ дѣтства брату.

Характера острогого и добродушнаго, ума не далекаго, отваги птичьей, Иванъ былъ мямлей по мнѣнію Давиды, добрымъ малымъ по мнѣнію князя-отца, золотомъ для Азгарской двори, красавчикомъ и ангеломъ для мамушекъ и

сѣнаыхъ дѣвушекъ. И цѣловали же онъ неустанно маленькаго Ваню, гдѣ онъ имъ ни попадался. А выросъ ребенокъ, сталъ юношей,—не оставался въ долгу у втораго поколѣнія, а платилъ ему тою же монетою за прежніе несносные поцѣлуи. Родивовъ Зосимычъ любилъ и понималъ сына Ивана лучше всѣхъ.

— Ну, подь ко мнѣ, моя дочка милая. За кого мы тебя замужъ-то выдадимъ? Хорошаго тебѣ надо мужа, чтобы цѣнилъ твое сердце да чудесовъ въ рѣшетѣ съ тебя не выскивалъ.

Страшныя розказни дворовыхъ ребятшекъ, чудная сѣнь липовыхъ аллея сада, тихая и сонная синева Волги, услужливость холопей съ колыбели; затѣмъ однообразная и незатѣливая жизнь; щедрая и глупая ласка одной хорошенькой Аксютки: все это вмѣстѣ окружило его съ рожденья и одуряло юношу, еще не видавшаго міра Божьяго, пустило наконецъ въ міръ не князя Ивана, а князьику Иванушку, *андела* вмѣсто гражданина, *золото* вмѣсто человѣка.

III.

Весь день Иванъ проладалъ въ городѣ будто по дѣламъ. Данило дивился и даже обижался на его равнодушіе къ себѣ послѣ двухлѣтней разлуки.

Вечеру Иванъ вернулся, и братья усѣвшись за самоваръ и чай стали толковать разказывая другъ другу свои дѣла. Данило разказывалъ свой путь изъ Питера, любѣзь Алеши и вообще жаловался на безпорядки.

Иванъ все смѣялся добродушно и дивился не случаямъ съ Давилою, а самому *батьюшкѣ братцу*, какъ онъ называлъ по привычкѣ старшаго и чиновнаго брата.

— Много зажились вы въ Нѣметчинѣ, братецъ: все сіе давно такъ ведется, всегда было. Да я чаю и въ заморскихъ краяхъ не угодники Божьи проживаютъ... И въ рай не оберешься мошенниковъ, потому и тамъ люди живутъ.

— Э, да ты Ваня вонъ какъ поговаривать сталъ! усмѣхнулся Данило.

— Про рай-то... Это не я, это Милюковъ, нашъ губернаторскій товарищъ въ Оренбургѣ, всегда сказывается, добродушно отвѣчалъ Иванъ.

— Я ужъ полагаю, ты самъ записался въ *философы*.

— Чего?!... Заморскихъ словъ братецъ не вѣдаю ни единого..

Только по-польски малую толику заучилъ. Цо то есть! Падамъ до ногъ!

— Полно, братъ! Мнѣ польская рѣчь нутро подымаетъ.... При мнѣ ты не говори ничего такого. Скажи-ка лучше: и въ вашихъ краяхъ, въ Оренбургѣ, тожь.... смута?

— Вшендзе!

— Сказываю я тебѣ, гнѣвно вымолвилъ Давила, сверкнувъ своими сѣрыми глазами, круглыми и упрямыми, какъ у дѣда Зосимы были они.

Иванъ оторопѣлъ и смутился.

— Простите, братецъ, не гнѣвитесь.... Я полагалъ что вы... Я токмо ради потѣхи.

Братья помолчали.

— Ну и у васъ неурядица?

— Какъ и вездѣ. А намъ-то и подавно. Да и какъ не быть смутамъ? Заводовъ настроили, а народу нѣтъ. Ну бѣглыхъ и заываютъ, и всякаго мошенника пріемаютъ, обласкиваютъ. На заводахъ Акинѣя Демидова Строгонова, Осокина и у другихъ полагается быть десять тысячъ переселенцевъ, а ихъ тамъ сходцевъ до сорока тысячъ, и народъ все безлишьменный, не вѣдомо ни откуда они, ни конкъ ломщиковъ.

Иванъ пріостановился, усмѣхнулся и поглядѣлъ брату въ глаза, словно не рѣшаясь сказать что-то.

— Вы бранить не будете?

— Чтò такое?

— Я ужъ вамъ поистинѣ скажу чтò со мной теперь приключилось. Вы видите, я самъ собой сюда пріѣхалъ. То-то нѣтъ. Я по наряду сюда безлишьменныхъ вель. Да чтò вышло-то?

— Ну, ну, говори! оживился Давило интересуясь узнать служебные подвиги брата.

— Посылалъ меня Иванъ Андреевичъ.

— Кто такой?

— Да нашъ губернаторъ Рейнсдорлъ. Послалъ забрать съ нашихъ заводовъ всѣхъ самыхъ подозрительныхъ людей, то-есть холопей бѣглыхъ и каторжниковъ съ Сибири, и вестя ихъ сюда въ Казань. Уже три года, видишь, сего не чинилось, и сволочилась ихъ тьма. Вотъ собралъ я четыре тысячи съ семи заводовъ. Конвой дали мнѣ изъ штатной команды города всего одиннадцать инвалидовъ, да oprичъ

того три десятка сейтовскихъ Татаръ. Ну я и повелъ сюда.... Да что вышло-то? Произошла убывъ, братецъ, да какая! Изъ четырехъ тысячъ довелъ сюда.. молвить страшно.. 810 человекъ!

— Что ты, Иванушка! ахнулъ Данила.

— Да. Оробѣлъ я безмѣрно...

— Предъ закономъ въ отвѣтъ быть?

— Какой тебѣ законъ! Я оробѣлъ что не удавили бы меня-то! Восемь разъ бунтовали, батюшка братецъ, лутемъ-то дорогою....

— Да вѣдь, глухой, теперь подъ судъ пойдешь.

— Какое! Вы слушайте. Я прибылъ на лошадяхъ подставныхъ сюда впередъ, и уже былъ у губернатора. Не вѣдалъ какъ и глаза губернатору показать. А онъ все опросилъ какъ было дѣло. Похлопалъ меня по плечу да и сказываетъ: Спасибо и за этихъ. Помолитесь Богу что сами цѣлы и невредимы. Предъ вами офицеръ никого не довелъ, самъ убитъ былъ.

Данило покачалъ головой и разсмѣялся.

— Ну, а по Приволжью, на Низовьяхъ, тише стало?

— Какой тебѣ тише! Цѣлые detachmentы воровъ бродятъ по всей Волгѣ, а то на судахъ плаваютъ. Атамановъ и есауловъ своихъ имѣютъ; даже пушки есть при нихъ. Вышлютъ на нихъ нашихъ гарнизонныхъ, много-то лалить имъ не повелать, въ порохѣ нынѣ недочетъ великъ у насъ. Былъ запасъ пороха, да сказываютъ весь выдохся, негоденъ. Вотъ и велать солдатамъ живыхъ воровъ брать. Сунутся они, ихъ и лерехлопаютъ какъ клоповъ, а офицера за ноги на мачту, да съ нимъ и катаются пока не провянутъ....

— Славно! Ну, а скажи, Мордва и Чуваши почто все бунтуютъ у васъ?

— А ужъ сего я доподлинно не вѣдаю. Объ нихъ губернаторъ всегда въ заботахъ и попечительствахъ. Вотъ и нынѣ ихъ лсовъ въ вѣру православную повсюду крестятъ и мечети рушатъ чтобъ истиннаго Бога почитали.

— Налрасно. Они отъ того и бунтуютъ. Не слѣдъ бы ихъ трогать.

— Какъ это вы диковинно судите, братецъ? Да они вѣдь, загорячился Иванъ, — по своей вѣрѣ-то что творятъ? Младенцевъ нашихъ жарять да ѣдятъ; а большаго убьютъ— кровью его каймакъ приправляютъ.

Данило разсмѣялся.

— Это тебѣ тамъ барыня какая разказала?

— Не барыня.... Всѣмъ вѣдомо.... Опрсите губернатора. Одинъ засѣдатель верхней расправы разказывалъ одной купчихѣ, при мнѣ.... при мнѣ, братецъ, что разъ какъ-то онъ....

Данило расхохотался. Иванъ всталъ, махнулъ рукой, и не окончивъ разказа пробормоталъ укоризненно:

— Вы, братецъ, все въ Нѣмецкии.... Вы не знаете....

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. На дворѣ уже давно шелъ сильный дождь. Князь Данило подумалъ о предстоящей дурной и грязной дорогѣ, и вспомнилъ что не далъ никакихъ приказаній на счетъ своего отъѣзда. Онъ кликнулъ Архилыча, потомъ еще двухъ людей, но никто не отозвался.

— Чего вамъ? спросилъ Иванъ.

— Какъ чего? Собраться въ путь завтра. Я вѣдь ничего не приказывалъ.

— Вотъ что, братецъ, я бы хотѣлъ....

Иванъ смутился и замолчалъ. На вопросъ брата онъ снова началъ и смущаясь просилъ его остаться въ Казани еще на одинъ день, ради бала у губернатора. Данило согласился, но самъ вѣхать на балъ отказывался. Онъ не зналъ казанскаго губернатора Брандта и говорилъ что вообще будетъ какъ въ лѣсу.

— Сознакомитесь. Долго ль? Всѣ рады будутъ, уговари-валъ Иванъ, и на отказъ брата прибавилъ наконецъ:—Мнѣ гораздо нужно чтобы вы были на семь балъ.

— Зачѣмъ, помилуй? Невѣсту чтоль тебѣ выбирать будемъ, смѣялся Данило.

— То то и есть.... смотрины!... покраснѣвъ и не глядя въ лицо брата выговорилъ Иванъ.

— Жениться хочешь? Не шутишь? воскликнулъ Данило вставая.

— Что жъ, братецъ? Мнѣ вѣдь двадцать два года; скоро вотъ поручикомъ буду.

— Объ закладъ бьюсь подушку себѣ выискалъ.

— Какую подушку?

— Таковую.... Не луховую.... Нешто въ этой Азiи есть дѣвщицы? Подушки онъ у васъ. Ну говори, кто такая?

Иванъ разказалъ брату что онъ уже съ дѣтства, съ той поры что Данило уѣхалъ на службу, полюбилъ одну дѣвочку, съ которою видался и игрывалъ у сосѣдей Городищевыхъ, что она теперь уже дѣвушка красавица, что онъ ждетъ только чина чтобы выйти въ отставку и жениться.

— Кто жь такая?

— Прасковья Соколъ - Уздальская, внучка того, московскаго.

— Уздальская? прервалъ Данило:—Ну, Иванушка, заглазно могу охаять твой выборъ. Вся фамилія негодная. Артемій даже престулаикъ и уйдетъ у меня въ допросъ когда я верну въ Петербургъ. Отецъ ея покойный вѣкъ былъ негодница, спроси хоть у родителя. Внуку въ польское подданство ушелъ, сказываютъ даже вѣру переженилъ; другой, Андрей, ты самъ знаешь, тоже алтына не стоитъ. Эхъ, Иванушка, хуже-то ты не нашелъ что ль? Батюшка тебѣ сего и не дозволить. Онъ ее знаетъ. Ты ему сказывалъ или отписывалъ?

Иванъ стоялъ у стола совершенно смущенный олутивъ голову, и тяжело солгълъ оттопыривъ губы. Красивое лицо его стало гаупо. Онъ безсознательно ковырялъ пальцемъ въ большой черной дырѣ выжженной въ столѣ очевидно уютомъ и вѣроятно въ незаламятныя времена дѣдовы.

— Стало никто ничего и не вѣдаетъ. Да она-то что? Идетъ за тебя? Любить чтоль крѣпко?

— Какъ же, братецъ, не любить! полужалостливо, полуукоризненно вымолвилъ Иванъ.—Съ молодыхъ лѣтъ вмѣстѣ. Бывало еще въ горѣлки, въ коршуна играли. Она меня крѣпко любить, а мать еще лучше, Марѳа-то Петровна.

— Мать? То есть мачиха.... Она кажись Городищева?

— Да. Онѣ лучше родныхъ любятъся. Назвать мачихой обидишь. Она Параню-то приняла на руки двухъ годочковъ. И совсѣмъ она не похожа на братьевъ своихъ. Онѣ съ Андреемъ почитай въ годъ разъ видаются. Съ Артемиемъ Никитичемъ совсѣмъ не знаютъся. Вотъ только одно что у нихъ нахлѣбникомъ живетъ Артема, сынишка Андреевъ. Отецъ его псарямъ своимъ препоручилъ. Марѳа Петровна изъ доброты его и приютила къ себѣ на хлѣба.

Долго Иванъ доказывалъ брату что между Уздальскими казанскими и Уздальскими московскими нѣтъ ничего общаго кромѣ имени.

— Ну, Господь тебя вѣдаетъ. Можетъ и впрямь выродокъ. Поѣдемъ на балъ. Покажешь какого бобра убилъ. Коль лущаетъ да съ сѣдиной, не охаю, а родителя даже склоблю. Да вѣрится плохо. Польскій онъ, боберь-то твой, сострилъ Давило.

Братья перевели разговоръ на завтрашній балъ, и вспомнили что надо приготовить ларики и мундиры. Давило вспомнилъ что съ нимъ кстату его новый диковинный мундиръ какого и въ Петербургѣ никто еще не видалъ, и рѣшилъ достать его сейчасъ же изъ сундука и развѣсить чтобъ онъ разгладилася. Братья снова стали кланяться людямъ, но никто снова не явился. Давило взялъ свѣчу, вышелъ въ прихожую и не нашелъ ни души.

— Должно ужинаютъ, черти! Разыщемъ сами.

— Имъ есть о чѣмъ потолковать. Ваши съ Питера, мой съ Оренбурга: Максимка маальчуганъ, я чаю, помните. Подарилъ мнѣ его еще махонькимъ, для забавы, Кречетовъ... ну, Ольгачскій, Дмитрій Дмитричъ... Онъ теперь вольный и мой дельщикъ. Вѣрный маальчуганъ.

— Кречетовъ? Пріятель батюшкинъ? Какъ не помнить! Я его въ прошлый пріѣздъ видалъ въ Азгарѣ. Куплятокъ!

— У него дочь замужъ идетъ за Уздальскаго. Предъ постомъ свадьба.

— Вотъ тоже бобра убила. Я чай подушка! Дура что-ли, или уродъ? Я ее что-то не видалъ, оказалъ Давило, оглядывая сундуки.

— Она у Городищевыхъ бывала рѣдко. Кто говоритъ умница, а кто что дура лѣтая. Да вѣдь онъ ее уходитъ живо. Онъ первую-то жену, поповну-то свою, забилъ сльзана. И умерла она отъ того что онъ ее бутылкою, говорятъ, ударилъ.

— Дворянское занятіе пить да драться, покачалъ головой Давило.— Это должно твои ящички?.. Нѣтъ мои, да не тѣ... Обождемъ людей.

Давило со свѣчей вернулся въ свою горницу и сѣлъ позѣывая на диванъ. Иванъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Ахъ! воскликнулъ вдругъ Давило.— Они всѣ въ зеркальной, въ той, въ большой. Я самъ все велѣлъ туда снести. Ваганац, голубчикъ, тамъ ли...

— Сундуки-то... Зачѣмъ имъ тамъ? Они здѣсь гдѣ... Зачѣмъ туда? какъ-то странно сказалъ Иванъ.

— Тамъ! Тамъ! Взгляни. Въ зеркальной.

Иванъ взялся за свѣчу.

— Помилуй, и такъ увидишь. Луна въ окнахъ такъ и горитъ; какъ днемъ свѣтло.

Иванъ поставилъ свѣчу и завопилъ; онъ медлилъ, словно искалъ чего. Данило внимательно присмотрѣлся и широко открылъ глаза.

— Иванушка?

— Чтò?

— Да ты.. сдастся мнѣ.. ты никакъ робѣешь идти-то?

— Нѣ-втъ! протянулъ Иванъ.—А знаете, братецъ; они сейчасъ отужинають.

Данило разохотался.

— Ахъ, ты срамникъ! Ахъ, ты... лоручикъ будущій! Жеваться хочешь, а темныхъ угловъ робѣешь!

Иванъ обидѣлся и молча лопелъ изъ комнаты.

— Стой, не ходи! Скажи ты мнѣ, чего ты робѣешь? А?

— Видите, иду.... А что здѣсь въ домѣ въ нежиломъ....

Спросите вотъ Архилыча.... Чтò жъ за охота среди ночи? Такъ зря чтò покажется и задаромъ налугаетъ. Чего робѣть? На мнѣ крестъ.... А зря, говорю, чтò покажется. Со страху и полотенце на стулѣ за мертвеца покажется. Я ужь это хорошо знаю....

— Да ты мнѣ скажи, ты боишься нечистой силы?

— А вы? спросилъ Иванъ, взглядывая на брата.

— Да я тебя спрашиваю.

— Вы, братецъ.... вы диковинно спрашиваете. Вы же въ Бога вѣруете....

— Вѣрую. Такъ чтò жъ изъ того?

— Ну вотъ видите, а спрашиваете! горячо и убѣдительно сказалъ Иванъ.

— Да по-твоему стало коли въ Бога вѣруешь, такъ и въ чорта вѣруй.

— Это вы грѣшное на меня валите, братецъ. Я того не говорилъ. Вы мои слова переменяете. Чтò жъ, на вашъ толкъ, его не надо бояться?

— Кого его?... усмѣхнулся Данило.

— Ну его.... Вѣдь знаете!—Иванъ глянулъ на брата.—Эхъ братецъ, махнулъ онъ рукой —У васъ ко всему смѣхота одна.

— Ахъ, Иванушка, Иванушка! серьезно вымолвилъ Данило, качая головой.—Я чаялъ тебя Оренбургская-то служба выпра-

вить, авъ выходитъ горбатаго одна могила....—Данило залтулся и прибавилъ усмѣхался.—Ну чтожь не пойдешь въ зеркальную?

— Теперь, вѣстимо не пойду.... Еще тутъ ломивали, ломивали, растолпырилъ Иванъ руки, — да иди туда! Теперь и впрямь подотерде....

— Кого ломивали-то? хохоталъ Данило.—Его! А?... Скажи? Его!

Иванъ снова махнулъ рукой и сѣлъ на окошко.

— Смотри, въ окно смотришь на тебя. Гляди! Гляди! Съ рогами лѣзеть!

Иванъ медленно перекрестился и вымолвилъ глухо и обидчиво.— Богъ съ вами! Зажились вы, братецъ, въ чужихъ краяхъ.

Князь Данило всталъ, подошелъ къ брату и потрепалъ его по плечу. Иванъ тотчасъ же добродушно глянулъ на него.

— Ну полно, не гнѣвись.

— Я, на васъ? Какъ можно!

— Ну, ну! Полно. Свезъ бы я тебя съ собой, Ванюша, въ Питерь, чѣмъ тебѣ жениться здѣсь на подушкѣ, задумчиво выговорилъ Данило.

IV.

На утро Иванъ снова исчезъ, и вернувшись въ обѣдъ привезъ брату приглашенье на балъ отъ губернатора.

Вечеру онъ одѣлся прежде брата въ свой пѣхотный мундиръ Алексѣевского полка съ оранжевыми лацканами, и нещадно налудривъ парикъ утѣхалъ впередъ. Данило началъ тоже одѣваться, и когда онъ былъ совсѣмъ одѣтъ въ свой новый мундиръ, при саблѣ, въ парикѣ, въ желтыхъ сафьянныхъ салогахъ, въ высокомъ киверѣ и съ леопардовою кожей на спинѣ, старикъ Архилычъ ахнулъ, ошалѣлъ и руками вслепнулъ.

— Это заморскій кафтанъ аль православный? осмѣлился онъ спросить.

Князь разсмѣялся.

— Русскій. Лейбъ-гвардіи гусарскаго эскадрона ея величества царицы нашей.

Не гоже воину въ шкурахъ ходить. У насъ эдакъ одни Башкирчата въ дождикъ бѣгаютъ, подумалъ Архилычъ.

Князь сѣлъ въ свой дорожный рыдванъ дугою, съ двумя молодцами въ ливреяхъ и поѣхалъ на балъ.

Грязныя и толкія улицы отъ прошлаго дождя, темныя и гаухія, тянулись безъ конца. Лошади шли тихимъ шагомъ увязая въ грязи. Экипажъ бросало изъ стороны въ сторону на выбоинахъ. Наконецъ вдали показались огни: то былъ губернаторскій домъ во глубинѣ большого двора, и яркій свѣтъ выливался столпами изъ большихъ оконъ. На дворѣ, кругомъ, стояли ряды каретъ, дрожекъ, линеекъ, бричекъ, большихъ рыдвановъ и просто телегъ окрашенныхъ зеленою и желтою краскою. У подъезда горѣло тускло нѣсколько плашекъ, шмыряли кучера, форейторы и казачки въ ярко-красныхъ кафтаныхъ, лакеи въ ярко желтыхъ ливреяхъ и шалкахъ съ лозументами. Тутъ же толпились какіе-то солдаты въ неуклюжихъ желтыхъ мундирахъ съ огромными лацканами и въ огромныхъ шляпахъ и киверахъ. Гайдуки въ лохматыхъ голубыхъ шалкахъ размахивали нагайками.

При появлении князя изъ дверей рыдвана, когда свѣтъ мерцающихъ плашекъ упалъ на его грудь въ орденахъ, на подъездѣ произошло смятеніе. Онъ поздоровался съ солдатами и спросилъ:

— Какого полка?

— Чугуевского....

— А вы? Кажись кирасиры.

— Келасиры-съ.

— Какъ попали сюда?

— Изъ Питера ссыльныхъ гвалл, Турку и Кондратовъ.

— Конфедератовъ? Плянныхъ?...

— То-то ихъ! Поляковъ! Паръ восемьдесятъ. И Турки тоже не мало было.

— Пяшкомъ?

— Мы-то пяшкомъ, а они въ бричкахъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ усталанной стѣрымъ сукномъ, князь приостановился.... Звуки балнаго оркестра донеслись сюда и произвели на него странное впечатлѣніе.... Эти звуки вдругъ пробудили въ немъ непріятное воспоминаніе. Князь остановился и сталъ припоминать.

— Чудное дѣло! Пока не вспомнится, не войду, подумалъ онъ.

Лѣстница была пуста, внизу только шмыряли лакеи. Предъ нимъ стоялъ одинъ не то гайдукъ, не то солдатъ, въ какой-

то лопившай епанчѣ, съ левеязью, сутуловатый, невзрачный, съ булавою въ рукахъ. Двѣ косички висѣли у него на вискахъ вдоль рябоватыхъ щекъ, а третья подлиннѣе лежала на спинѣ съ веревочнымъ бантикомъ.... Густой слой муки, вмѣсто пудры, смѣшался съ обильнымъ слоемъ масла деревяннаго нѣжного помады.

Это звать затѣя Нѣмца губернатора, подумалъ Давило.

— Швейцаръ на казанскій ладъ, что это пляшутъ, не знаешь? разсѣянно спросилъ князь.

— А то-лая-лая.... пляшутъ.... былъ отвѣтъ.

Князь всмотрѣлся.... Гайдукъ страшно заикался, и отвѣтивъ все еще стоялъ судорожно разинувъ ротъ.

— Что это ты? спросилъ князь.

— Та....а съ....на....алугу. Съ вѣд....медемъ ночевалъ.

— Какъ? Въ лѣсу?...

— Ни....и! Та....а, въ кро....въ кро....вати.... Въ день анде....аа, баривъ ло....пошутилъ.

Изумьры! подумалъ Давило.—Чей ты?...

— Та....а князя Хва....а....лынскаго.

Князь вспыхнулъ и сталъ подниматься даалѣе. Стукъ и ровное притоптываніе, стройный звонъ шпоръ и громкія восклицанія подъ аккорды музыки долетали до него.

Мазурка! вдругъ вспомнилъ Давило и удивился.

Быстро поджавшись до площадки онъ вошелъ въ главныя двери.

V.

Большая зала ярко освѣщена. Между бѣлыхъ колоннъ и мимо князя плавно и стройно несутся десятки паръ. Мазурка въ разгарѣ, и на каждый простой русскій мундиръ три блестящія польскіе кунтуша и даже одинъ французскій костюмъ и одинъ турецкій. Князь совершенно онемѣлъ отъ изумленья и чуть не сталъ протирать глаза....

— Гдѣ я? неволью выговорилъ онъ громко.

Появленіе въ дверяхъ статной фигуры нежданнаго гостя и новаго еще невиданнаго гвардейскаго мундира очевидно произвело точно такое же сильное впечатлѣніе.

Мазурка гудѣла, но притоптыванье стихло; нѣсколько паръ сбѣгались въ кучку, и всѣ обернулись къ вошедшему.

Иванъ уже подбѣжалъ къ брату.

— Скажи, Ваня, гдѣ мы съ тобой, и что это за притча во языцѣхъ?

— Что? Балъ? А то новый плясъ, второй разъ ужь его, сказываютъ, въ Казани пляшутъ. Я еще его самъ не видывалъ и не знаю.

— А эти ссыльные: конфедераты, французскіе офицеры, Турки, весь этотъ срамной сонъ ссыльныхъ? Что здѣсь острогъ или губернаторскій домъ? Толкучка или балъ?

— Таше, братецъ, услышать.

— Пусть слышатъ. Когда я говорю дѣло, то говорю громко. Срамота!

— Да чего вы осерчали? Я въ толкъ не возьму. Это все лѣнные. Вы же сами воевали и забрали. Полагать надо вы тутъ знакомыхъ повстрѣчаете, разсмѣялся князь Иванъ.— То-то не чаялось встрѣтиться на балѣ, послѣ воевательства.

— Тогда здѣсь не мѣсто офицеру гвардіи.

Князь Данило уже сдѣлалъ движеніе къ дверямъ, но въ эту минуту къ нему подошелъ почтенный старичокъ, въ лентѣ.

— Яковъ Иванычъ, шелгулъ князь Иванъ.

— Благодарю за честь. Милости прошу, выговорилъ Брантъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Князь Данило холодно отрекомендовался, объяснилъ что онъ въ лутѣ и извинился что пріѣхалъ прямо на балъ. Иванъ глядѣлъ на брата и улыбался сколько могъ словно стараясь подсластить холодныя рѣчи брата.

— О, я извѣстился уже! И васъ давно знаю. Слава воинскихъ подвиговъ вашего сіятельства дошла и до насъ жителей Азіи, улынулся Брантъ любезно.

Всѣ трое отошли отъ дверей. Танцы продолжались, но безъ прежняго огня. Конфедераты косились на князя Хвалынскаго. Брантъ сталъ разспрашивать князя о Петербургѣ, о дворѣ, объ арміи Румянцева, объ общихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ ли новостей, князь? Скоро ли миру дождемся?

— Да зачѣмъ вамъ, генералъ, миръ, когда васъ война дасерами дарить? иронически сказалъ Данило.

— Да, да, усмѣхнулся Брантъ, не покаявъ.

— У васъ ей-ей забудешь что находишься въ глубѣ Россіи, почти въ Татаріи. Я мыслить, войдя сюда, что обрѣтаюсь въ Варшавѣ, или въ Краковѣ, или подъ Гирсомъ.

Губернаторъ снова усмѣхнулся, очевидно снова не покаявъ,

но уже зорко приглядывался къ выраженью насмѣшливаго лица собесѣдника.

— Много у васъ ссыльныхъ въ городѣ? вдругъ рѣзко спросилъ Данило.

— То-есть плѣнныхъ? съ удареньемъ сказалъ появившій наконецъ Брантъ.—Очень много, князь. Восемьсотъ человекъ.

— Я чаю, не леняють, житье не ссыльное, а масляница.

Губернаторъ понялъ окончательно собесѣдника, тонъ его голоса и словъ, и вымолвилъ холодно и гордо:

— Усердствую по именному высочайшему указу государыни императрицы! Обращаюсь равно ласково и радушно со всѣми плѣнными. Они гости не долговѣчные, заключится миръ и разѣдутся по домамъ.

— Плѣнные? Да. Не ссыльные конфедераты... Мы сдается, генераль, зацѣдилъ Данило сухо и медленно,—что тѣ изъ изъ нихъ которые, будучи жителями страны уже присоединенной оружіемъ къ державѣ Россійской, суть подданные государыни и подъямлясь на ея войска симъ содѣлываются измѣнниками, а взятые въ бунтъ и водворенные въ провинцію суть не плѣнники, а ссыльные. И не пригоже намъ, воинамъ проливавшимъ кровь нашу на усмиреніе мятежныхъ, встрѣчаться съ ними на балахъ губернаторскихъ.

— Государыня, очевидно, съ вами, князь, несогласна... А еслибъ я самъ и судилъ по-вашему, то что дѣлать, князь! Я по должности службы моей обязуюсь принимать всѣхъ... кого бы и не желалъ, сухо выговорилъ старикъ.

— Точно, генераль... Я, наприкладъ, гость почти незваный.

— О, я не до вашей персоны молвлю! снова привѣтливо и вѣжливо улыбнулся Брантъ, и перевелъ разговоръ на старика отца князя, котораго онъ знавалъ въ молодости въ Петербургѣ.

Черезъ пять минутъ онъ оставилъ Данила.

— Вы все такъ же гнѣвы, братецъ, усмѣхнулся князь Иванъ.—Смигите гнѣвъ на милость.

— Такими порядками, Ваня, можно цѣлый край зажечь. Не даромъ онъ Брантъ, сострилъ Данило.—А ты говоришь не гнѣвитесь. Погляди: Нѣмцы правятъ, Татары бунтуютъ, Поляки пляшутъ! А Русскіе? Гдѣ они? Что они? Русскіе, вотъ какъ ты теперь, смотрятъ на все разина ротъ. Ну да Христось съ ними! Ты забылъ что я на смотрины пріѣхалъ, веселѣе сказалъ Данило.—Что, здѣсь зазнобушка-то, а?

Князь Иванъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Здѣсь. Вотъ глядите эта парочка что сюда бѣжитъ, дѣвица съ этимъ вотъ конфедератомъ. Каково пляшетъ? А вѣдь всего недѣля какъ обучилась этому танцу.

Мимо братьевъ стройно и лихо пронеслась пара. Красивый молодой Полякъ ловко и легко несся, оттопыривая и звеня по полу красными каблуками съ металлическими подковками. Голубой кунтушь съ серебрянымъ шнуромъ и кистами красиво перехватывала его гибкій станъ. Съ нимъ объ руку скользила по паркету, граціозно наклонивъ на бокъ свѣтлорусую головку, стройная, невысокая дѣвушка, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ золотой бахромой на юпкѣ и корсажѣ. Лицо ея пылало, глаза сіяли и словно искрились. Она вся отдавалась шуму бала. Видно было что все существо ея наслаждалось въ стремительномъ, лорывисто-страстномъ движеніи новаго танца, что все вокругъ нея: музыка и огни, топотъ и возгласы, лица и мундиры, рѣчи и взгляды, все слуталось предъ ней въ одну сплошную, пеструю и горячую картину, все слилось для нея въ единое, полное и трелетное чувство, которое, какъ лахучая и жгучая волна, разливалось по ней и опляняло все ея страстно увлеченное существо.

Оба брата Хвалыньскіе впились глазами въ эту пару. Она пронеслась въ уголъ залы, тамъ молніей обернулася на мѣстѣ кавалеръ, повернулъ даму, и отбивъ трель каблуками снова похвостился назадъ и снова полетѣла пара на другой конецъ залы. Иванъ слѣдилъ глазами улоенья за молодою дѣвушкой и протешталъ:

— Любая моя, Параня!

Данило снова былъ взволнованъ.

— Какъ? Этотъ? Здѣсь? Пляшетъ еще!

— Что съ вами?

— Смотри, смотри!—Данило указывалъ на промчавшагося кавалера.—Знаешь ты...

— Бжечинскій, конфедерать.

— Я его, Ваня, грудью бралъ; имъ-то и былъ я тягостно раненъ, едва не померъ. Зачѣмъ я его бралъ? Для пляса?

— Бжечинскій... Такъ отъ него вы мучились какъ писали батюшкѣ въ письмѣ?

— Да! не будь на мѣѣ пляца или ударъ онъ малость сильнѣе, то онъ все же бы отплясывалъ здѣсь, потому что не ушелъ

бы отъ мошкъ ребятъ, да я-то былъ бы на томъ свѣтѣ. Такъ я его для лаяса брамъ! Славно!

Князь Данило кусалъ губы, и голосъ его слегка прерывался отъ гнѣва. Иванъ боязливо глядѣлъ на брата.

— Дамъ вотъ сей же часъ половину моего наслѣдія отъ батюшки и два чина долой снять чтобы саблей хлестнуть....

— Полвоте! Чтò вы, братецъ?

— Не смущайся. Тутъ я ничего не сдѣлаю. Пусть ллаетъ.... Ну веди меня къ зазубѣ своей.

Музыка смолкла. Мазурка приостановилась на время. Старые и молодые, сидѣвшіе по стѣнамъ, встали и начали рядомъ ходить по залѣ. Хвалынскіе направились къ кучкѣ помѣстныхъ женщинъ.

— Вонъ эта курносая, широколицая помѣщица-богачка Бартыкаева, говорилъ Иванъ на ходу,—другая помоложе вдова, комендантша Бѣлоколытова. Гульливая вдова. Посередь сѣдая-то, Марѳа Петровна, а вонъ съ краю-то и она, моя радость... Ишь заливаается... Всегда смѣется.

Князья подошли. Иванъ представилъ брата одной Уздальской. Данило сѣлъ около нея на мѣсто ушедшей комендантши, а Иванъ зашептавъ съ дѣвушкой вливаясь въ нее влюбленнымъ взглядомъ.

Марѳа Петровна, женщина лѣтъ за сорокъ, но съ сильными морщинами, была простоватая, предобрая и преболтливая.

Разговоръ начался съ бала и перешелъ на князя Родивова Зосимыча и на Азгаръ.

— Хвалынскіе и Городищевы испоконъ вѣку други и сосѣди, говорила Марѳа Петровна.—Я васъ маховькимъ зачистую у насъ видала. Какой ужъ на васъ чинъ-то? самый знатъ важный... А зачѣмъ на васъ эта шкурка? Вы такъ въ ней и стражаетесь? Можно ее и во дворецъ надѣтъ?

Данило смѣясь объяснялъ все подробно и изрѣдка взглядывалъ на ея ладчерицу, болтавшую весело съ Иваномъ.

Дѣвушка встала вдругъ, почти вспрыгнула, и подошла прямо къ князю, румяная, яснолицая, со смѣхомъ на розовыхъ, лухлыхъ губахъ, со смѣхомъ въ большихъ синихъ глазахъ, отгнѣнныхъ длинными рѣсницами.

„Бѣсъ-дѣвушка, подумалъ Данило: просмѣть и мужа и дѣтей.“

— А что, пане лудковнѣку, не пляшете?

— Я не панъ и польскіе плясы мнѣ не къ лицу, серьезно отвѣчалъ Данило, слегка насулившись.—Пусть ссыльные... Вы вѣдь Польшка по своей матушкѣ, Прасковья Алексѣевна, но неужели вы, родясь въ Россіи, не выучились по-русски?

— Я Русская! отозвалась дѣвушка, раскрывая сіяющіе глаза и обиженно надувъ губки на князя.—Моя мама вотъ Русская!

— Это ваша мамича, умышленно сказалъ Данило.—Кабы она вашею матушкой была, вы бы не были...

— Вы ничего не знаете, а рядите. Я вамъ сказываю что это моя мама и что я Русская, сердито и улюрно глядя въ глаза Данилы, произнесла дѣвушка.

Иванъ, растерявшись, бормоталъ что-то обоимъ.

— Парашокъ, Парашокъ! упрекала ее Марѳа Петровна:— ты пожалуй драться на князя полѣзешь.

— Зачѣмъ же вы, уже улыбаясь вымолвилъ Данило,—въ русскую рѣчь польскія слова сылете?

— А мнѣ любо все польское. Вшистка! оживилась снова дѣвушка и блеснули глаза ея.—Вшистка! Конфедераты, мазурка, краковякъ. Вшистка польско добже! И такое все чудесное, такое...

Дѣвушка не договорила, схватила себя за румяныя щеки, какъ будто удерживая голову на плечахъ. Потомъ она снова порывистымъ движеніемъ сѣла на мѣсто къ Ивану и заговорила ему на ухо лѣвучимъ голосомъ.

Ну, бѣсъ-дѣвка! подумалъ снова Данило.

Въ эту минуту изъ угловой комнатки, называемой италіанскою и уютно освѣщенной краснымъ фонаремъ висѣвшимъ на срединѣ, появился толстый Турокъ въ даиннополломъ кафтанѣ изъ тонкой шелковой и серебристой ткани и въ красныхъ востроносыхъ башмакахъ. Огромный, широкій поясъ олутывалъ его вылятившійся животъ, на головѣ громаздилась чалма обмотанная бѣлымъ и зеленымъ тюрбаномъ съ темно-синюю кистью на затылкѣ. На правомъ боку, около звѣзды, висѣла маленькая сафьянная сумочка, гдѣ былъ Коранъ, а на шеѣ блестѣлъ тоже какой-то орденъ и рядомъ съ нимъ трехугольничекъ вышитый золотомъ, тааисмавъ противъ глазу.

Знакомъ былъ князю Данилѣ и этотъ костюмъ, да и самая

личность. Это былъ Турокъ Ахметъ-Измаилъ-бей, взятый въ плѣнъ при Кагултѣ, и князь уже увидѣлъ его мелькомъ когда плѣнныхъ отправляли изъ лагеря въ Петербургъ.

— Это Турка, Махнатъ Саманиль, сказала Марѳа Петровна.

— Чтѣ онъ у васъ тутъ дѣлаетъ? спросилъ князь.—Я и не зналъ что онъ въ Казани водворенъ.

— Спитъ да ѣстъ, князь. Продовольствіе ему выдается страшное. На него, окаяннаго Махната, сто рублей въ мѣсяцъ идетъ отъ губернатора. По сю пору ничего по-нашему не смыслить, а заговорить по-своему — никакъ, Данило Родивонычъ, понять невозможно. Точно будто зря языкомъ вертеть. И молится онъ по Казанской вѣрѣ богу особому, Мухомду, поучительно объясняла Марѳа Петровна.

— Мухамеду, поправилъ князь Данила свою собесѣдницу и прибавилъ:—Мухамедъ пророкъ у нихъ, а не Богъ.

— Такъ это другой какой. А Туркинъ богъ—Мухомдъ. Вѣрно, князь, настаивала она.

Гуляющіе по залѣ заглядывались на мундиръ князя. Онъ интересовалъ ихъ болѣе Турка, который наклонясь надъ тумбой гдѣ стояли часы внимательно разглядывалъ ихъ звѣздное небо, мѣсяцъ и солнце, и казалось обнюхивалъ часы и тумбу.

Марѳа Петровна стала указывать и называть князю разныхъ гостей.

— Вонъ нѣмецкая семья. Штейндорфъ; ихъ здѣсь огурчиками зовутъ; эта вонъ ихъ дочь *Дорлотея*, сынъ второй, *Карлой* звать. Первый-то *Гастафъ*, офицеромъ служить съ вашимъ братцемъ въ Оренбургѣ. Прегдулыя имена. Отецъ *Голтмитъ*, мать *Маланья*... Тьфу! То бишь Амалья. Они недавно зажили здѣсь. Пріѣзжіе изъ Рыги... А вонъ Сельцевы... Стародавніе дворяне, князь: онъ генералъ, за то мать да и дѣвица куда не гоже рыльцами вышли. У нихъ бабушка Калмычка, называютъ, была. А можетъ и врутъ. Вонъ нашъ Нефедъ Ивановичъ. Сто лѣтъ ему, князь, знаете ли вы это? А все нѣтъ-нѣтъ да и выѣдетъ куда поглазѣть. Онъ въ моей Паранѣ души не чаеъ. Молодецъ еще, семидесяти лѣтъ не дашь. Я его сватаю все Паранѣ, разсмѣялась Марѳа Петровна.

— Да это генералъ Кудрявцевъ.

— То-то, Нефедъ Ивановичъ!

— Надо мнѣ къ нему сходить. Забылъ онъ чаю мѣя.

Князь Данило простился съ Мареей Петровной, перешелъ черезъ залу и сѣлъ около старика, генерала времени Петра Великаго, жившаго уже давно безвыѣздно въ Казани. Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ всего города, и каждый новый правитель губерніи заискивалъ прежде всего его расположенія.

Князь Данило напомнилъ старику о себѣ, и разговоръ ихъ коснулся все того же... постоянного въ тотъ годъ предмета бесѣдъ и толковъ.

— Скоро ль быть миру съ Турціей? Отдадутъ ли Полоніи отхваченный кусокъ или нѣтъ? спросилъ Кудрявецъ.

Данило какъ и всегда отвѣчалъ на оба вопроса:—Нѣтъ, да и хорошо что нѣтъ.

Князь Иванъ между тѣмъ угрюмо слушалъ что толковала ему дѣвушка.

— Зачѣмъ ты, Ваня, не конфедерать? Погляди-ка, съ увлеченьемъ, восторженно и нараспѣвъ говорила она. — Сравняй ты себя съ Бжечинскимъ... Какой молодецъ! Какъ пляшетъ, Ваня! Ахъ, Ваня, какъ пляшетъ! Точно на качеляхъ летишь внизъ, сердце щемитъ, духъ захватываетъ, будто нырнешь въ рѣкъ, Ваня. Или... Не знаю! И страшно и чудесно... Ахъ, Ваня!

— Ты, Параня, съ карковякомъ этимъ меня разлюбишь, боюсь.

— Мазурка! Мазурка! А не краковякъ. То совѣмъ другой танецъ.

— Ну мазурка. Все едино! Я не про то...

— Какъ едино!? воскликнула дѣвушка съ увлеченьемъ.—Ты не понимаешь!

И синія очи ея широко раскрылись и сіяли опять.

— Все тѣ же смышленые выдумали. Имъ бы въ острогъ мѣсто, а не здѣсь, подражалъ Иванъ брату.

Параня сморщила брови при словѣ острогъ и отвернулась но вдругъ громко разсмѣялась и указала въ уголъ залы:

— Гляди! Гляди, Ваня! Мамочка, мамочка слить!

Марея Петровна, разставшись съ княземъ, задремала на своемъ стулѣ. Параша смотрѣла на мачуху и неудержимо смѣялась. Соловьинымъ рокотомъ звучалъ въ залѣ этотъ смѣхъ, звонкій, страстный и ребячески счастливый.

Слова тѣ же пары усаживались на старыя мѣста при звукахъ снова гремѣвшей мазурки. Янъ Бжечинскій явился изъ

игорной комнаты и сѣлъ около своей дамы. Иванъ грустно отошелъ въ сторону. Конфедератъ снова завелъ свою непрерывную болтовню съ Параней, шелотомъ, близко нагибаясь къ ней. Дѣвушка то смѣялась, то вдругъ становилась серьезна и качала головой, словно упрекая его за злыя насмѣшливыя рѣчи. Послѣ двухъ-трехъ фигуръ Янъ выдумалъ новую фигуру, гдѣ всѣ заразъ подымались съ мѣстъ и нестройною бьющеюся толпой лутались и стучали по залѣ, такъ что балъ на нѣсколько минутъ превращался, по выраженію Марѣи Петровны, въ *молотьбу*. На этотъ разъ фигура эта продолжалась долѣе обыкновеннаго. Паръ было много, и цѣлая густая толпа прыгала съ громомъ и луталась по залѣ.

Янъ Бжечинскій и Параня тоже весело носились и снова-ли, пробираясь въ бьющейся толпѣ и сильно усталые, со смѣхомъ, и неволью, и нарочно, лутались и натапливались на другія пары. Иванъ издали взглядомъ грустно слѣдилъ за ними. Вдругъ, въ концѣ залы гдѣ сгущились случайно танцующіе, пара мелькнула и исчезла молніей въ полутемной итальянской комнаткѣ. Иванъ ахнулъ и, слегка мѣняясь въ лицѣ, олустился на стулъ.

— Чтò жь это? Она съ кимъ? шепнулъ онъ и не кончилъ. Его душило въ горлѣ, точь въ точь какъ въ дѣтствѣ предъ слезами.

Молодой мальчъ испугался за себя. „Ну, вдругъ залачу!“ подумалъ онъ, и вопросительно глянувъ на дремавшую на стулѣ Марѣю Петровну онъ любѣжалъ въ игорную комнату.

А Марѣя Петровна, несмотря на громъ, все подремывала, клевала носомъ, и вдругъ на секунду очнувшись, таращила глаза на залу, какъ будто бы въ дремотѣ ей почудилось что-либо особенно ужасное. Въ одно изъ этихъ мгновеній она увидѣла предъ собой проходящаго Ахметъ-Измаила. Ей стало стыдно что Турокъ подстерегъ ее сонную.

— Чтò, Махнать, хорошо? А? остановила она его, разгулявшись.

— М-м-м... визгаиво промычалъ Ахметъ, хватаясь за високъ будто отъ боли, чтебы выразить этимъ свое восхищеніе отъ бала.

— А энти-то?.. Энти? Хорошо? показала Марѣя Петровна на музыкантовъ, но Турокъ не понялъ, и она, приставивъ кулаки къ губамъ протрубила:

— Ту-ру-ру! Ту-ру-ру!

Ахмедъ, наклонивъ голову на бокъ, искоса взглянулъ на ея жестъ, какъ лягавая собака на подачку, и вдругъ спросилъ:

— Арьялы кучукъ ахызъ?..

— Ну вотъ ты тутъ его и пойми! убѣдительно проговорила Марѳа Петровна сама себѣ и, глядя на Турка, прибавила жалостливо и со вздохомъ.—Ахъ ты, Махнатъ мой, Махнатъ!... Да еще Самоиловичъ!..

Турокъ вдругъ расхохотался словно отъ нечаянной радости. Марѳа Петровна поглядѣла, тоже прыснула со смѣху, и оба принялись неудержимо хохотать глядя другъ на друга.

— Ну тебя! Уморишь! До слезъ! задыхаясь махнула она наконецъ платкомъ.—Ну-у!.. Брысь!. Брысь!.. Сгинь, Махнатъ....

Ахмедъ-Измаилъ задался еще громче, но вдругъ сразу сдѣлался серьезенъ и важно пошелъ по залѣ, переваливаясь тяжелымъ туловищемъ и мягко ступая въ своихъ сафьянныхъ башмакахъ.

А въ уголкѣ пустой и полутемной комнатки, подъ тускло мерцающимъ розовымъ фонаремъ, Янъ Бжечинскій былъ на колѣняхъ предъ Параней, привлекалъ ее за руки къ себѣ и умолялъ страстнымъ шепотомъ.

Дѣвушка съ горячимъ и влажнымъ лицомъ, утомленная и возбужденная танцемъ, невольно упиралась рукой въ его взбитые, налудренные локоны и слегка склоняясь къ нему вздрагивающимъ тѣломъ шептала сквозь слезы:

— Да! Да! Завтра... У насъ...

— Теперь!.. Одинъ! Только!

— Нѣтъ, завтра! Уйди. Увидать....

Кто-то заслонилъ свѣтъ изъ залы, и Янъ отскочилъ къ дверямъ.

— Башмакъ развязался, сказалъ онъ кому-то въ дверяхъ.

Дѣвушка оставшись одна двинулась изнемогая къ окну, приподняла занавѣску и отворила его, жадно вдыхая свѣжій осенній воздухъ охватившій ее горячую голову и трепетную грудь.

Она глянула во тьму разстилавшуюся предъ окномъ, тяжело вздохнула и опустила голову на руку.

Гулъ и громъ бальной залы гудѣлъ надъ ней, словно врывался въ окно чрезъ приподнятую занавѣсь и ея склоненную голову. Дѣвушка сѣла у окна, отдернула совсѣмъ занавѣску и устремила страстный, огненный, но грустный взоръ въ эту глухую безетвѣтную ночь.

Еслибы могла синеокая красавица полетѣть взоромъ и мыслю какъ летѣли тѣ бальные звуки, но увестись дальше ихъ, въ черныя стелы, все прямо, все дальше, то увидала бы что въ той странѣ.....

Та же темная пасмурная ночь. Среди лустынной равнины стоитъ одиноко слободка, обнесенная вокругъ тыномъ и валомъ—фортеція Татищева!

Кой-гдѣ мерцають огоньки, никто не спитъ, и весь гарнизонъ на ногахъ.

Кругомъ фортеціи, во мглѣ ночи, копошутся люди и колышутся словно черныя волны. Войско самозванца, взявъ въ три дня двѣ крѣпости, Разсыпную и Озерную, въ ночь обложило Татищеву.

Въ небольшомъ комендантскомъ домикѣ, въ столовой, сидитъ цѣлое семейство. Старушка-хозяйка у чайнаго стола завариваетъ чай, изрѣдка прислушиваясь уныло и чутко къ надворью. Молодая красавица, сидя на диванчикѣ, уже давно тихо плачетъ, положивъ голову на руки и словно забывъ гдѣ она и что дѣлается кругомъ.

Въ углу горницы другая женщина, уже не молодая, въ чепцѣ и въ шали, сидитъ, недвижимо скрестивъ руки и безцѣльно глядя предъ собой. Она выплакала всѣ слезы, и сердце задавленное горемъ словно окаменѣло вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ. Маленькій ребенокъ, семи лѣтъ, возится на полу перекатывая лущечное ядро, которое басисто гудитъ подпрыгивая на сучковатомъ полу.

— Милости прошу, майорша, обратилась старушка съ чашкой чая къ женщинѣ въ чепцѣ; но та и не шевельнулась.... — Дочка! обернулась хозяйка къ красавицѣ.— Полно! Воля Божья! Можетъ и мы въ сію ночь къ Господу взяты будемъ! Полно, моя вдовушка! старуха заплакала сама....— Зато не дешево далась злодѣю Озерная, и покойный черезъ мученическую кончину удостоится царствія небеснаго. Иди, чашечку вылей...

Красавица зарыдала и не шевельнулась. Хозяйка усадила ребенка въ маленькій стульчикъ предъ столомъ.

— Не облейся смотри, сквозь слезы наказывала она ребенку.

— Сахалу, мама, нѣтъ въ цаскѣ, выговорилъ ребенокъ богатая ногами подъ столомъ.

Послышались быстрые шаги въ прихожей, хлопнула дверь, и вошелъ пожилой и тучный офицеръ въ лавошенномъ мундирѣ, комендантъ крѣпости. Измученный, мокрый, локрытый грязью и съ перевязанною рукою, онъ тяжело олустился на стулъ у самыхъ дверей.

— Ухъ! Намучился! Негодница! Еще десятокъ человекъ сгинули, передался.

— Ждешь, чтоль? Полѣзуть? спросила хозяйка.

— Вѣстимо! Полво, вы.... майорша, дочь! обратился онъ къ обѣимъ женщинамъ. — Ухъ, бабье! Съ рожденья знаете что двухъ смертей нѣтъ, а одна неминуча. А что мужей умертвили, такъ неча жалѣть, потерпите до утра.

Женщины не шевельнулись и почти не слышали словъ коменданта.

— А что на утро? Секурсъ чтоли ждешь изъ Оренбурга? спросила старушка.

— Секурсъ! Хе-хе-хе!... Наутро возьмутъ Татищеву и передавать всѣхъ.

— Богъ милостивъ!

— Богъ милостивъ! На Бога надѣйся, да самъ-то блюдись... Такъ! Ну, а ежели у тебя на лять тысячь матажныхъ нѣтъ ни порошанки, а есть четыре крысы инвалидныя, такъ Господь тебѣ поможетъ? А?! Какъ по-твоему?

— Не грѣши! Татищева не Разсыльная, и людѣе, и оруженѣе. Господь поможетъ, сразишь и не такую рать.

— Жена! Жена! Нынѣ не тѣ времена какія были при судьяхъ израильскихъ, полугрустно, полупировически сказалъ комендантъ.—Нынѣ косточкой, ключицей, не уложишь стотысячную армию, и фортецію тоже, самую что ни на есть гнилую, не возьмешь однимъ звукомъ трубнымъ.

Комендантъ сѣлъ къ столу и взялъ было стаканъ чаю, но вдругъ поглядѣлъ въ окно и вскрикнулъ.

На улицѣ было свѣтло какъ днемъ. Онъ вскочилъ и выбѣжалъ; хозяйка послѣдовала за нимъ и вышла на крыльцо.

Народъ съ крикомъ выбѣгалъ на улицу. Высокое, зяющее пламя колыхалось и прыгало въ концѣ слободы.

— Гей! За мной! Бочки, багры! Тащи что есть! крикнулъ комендантъ ислуганно-свующему люду.

Солдаты съ вала, народъ изъ всѣхъ избъ и изъ дома, все бросилось на огонь.

Олустѣла слобода, и всѣ скупчилися на другомъ концѣ у

пожара. Нѣсколько офицеровъ пробѣжали туда же. Комендантша стояла на крыльцѣ и все шелтала:

— Боже Господи! За бѣдой бѣда. Чего же они всё-то убѣжали, валь-то очистили? Може онъ и поджогъ ради отвода? думала старушка глядя на колыхающееся пламя, освѣщавшее всю крѣпость.

Вдругъ раздался гулъ и топотъ конный на противоположномъ опустѣвшемъ концѣ улицы. Земля дрожала отъ него.

Комендантша ахнула и овѣмѣла. Послышался дикій камицкій визгъ и гикъ, два-три выстрѣла и трескъ. Нѣсколько всадниковъ уже скакали вдоль улицы.

Женщина все поняла; безъ крику бросилась въ домъ, схватила ребенка на руки и побѣжала въ другую дверь, но вернулась и стала среди горницы, побѣгая лицомъ и дрожа всѣми членами.

Бѣжать?

Но куда и зачѣмъ? Обѣ женщины пришли въ себя и подняли головы на старушку.

— Матушка, что это? вымолвила молодая.

Комендантша хотѣла отвѣчать, но задохнулась, и крѣпко обнявъ рукой перепуганнаго ребенка, другою указала на улицу.

— Смерть! глухо и спокойно вымолвила сидѣвшая въ углу.

— Мама, мама! вдругъ заплакалъ ребенокъ.

Визгъ, воли и трель ружейной пальбы шелохнула воздухъ. Вся фортеція загудѣла скоро отъ руколашной на улицѣ. Прошло минутъ десять, и пальба начинала стихать и рѣдѣть. Женщины пытливо глядѣли въ настежь-растворенныя двери.

Вдругъ раздался стукъ тяжелыхъ шаговъ, и кто-то вбѣжалъ въ сѣни. Хозяйка двинулась навстрѣчу.

— Что, что? вымолвила она, вглядываясь въ сѣни полуосвѣщенныя заревомъ пожара.—Что? Отбили?

Но вдругъ старушка дико вскрикнула и шархнула назадъ, а за ней вбѣжалъ на порогъ казакъ Лысовъ въ бѣлой окровавленной рубахѣ, и усталый олерся на свою обнаженную саблю.

— Ага! Одно бабье! Стало всё! воскликнулъ онъ.....

.....

Параня вздрогнула. Ужь не увидала ли она этого окровавленнаго казака? Дѣвушка все еще сидѣла у окна въ розоватомъ полусвѣтѣ италіанской комнатки, и гулъ продолжавшейся мазурки не манилъ ее въ залу. Она трепетно обмирала

въ новомъ для нея чувствѣ, которое будто лилось по всему ея утомленному существу. Она вздрогнула нѣсколько разъ какъ отъ холода, и наконецъ снова устремила задумчивый взоръ въ ту же непроницаемую тьму... ..

А тамъ, въ стѣляхъ, въ горницѣ комендатской, уже пятеро казаковъ въ кругу сидѣло у стола. Русый молча и задумчиво прилежъ на диванѣ. Татары и Калмыки толпились въ дверяхъ, въ сѣняхъ и на дворѣ. Среди улицы стучали топорами, кончая висѣлицу на двухъ столбахъ.

Въ столовую вводились къ допросу офицеры и послѣ шли въ сѣни, гдѣ ихъ остригали въ кружокъ по-казацки, или на улицу, гдѣ ихъ по очереди вздергивали на висѣлицу. Въ другой, сосѣдней со столовой, горницѣ сидѣлъ за столомъ Пугачевъ съ писаремъ, и подробно разспрашивалъ передававшихся и остриженныхъ офицеровъ, а писарь записывалъ по его приказу.

Въ столовую ввели между тѣмъ отрашно израненнаго хозяина дома.

— А-а! Старый! Ишь его раслучило! Хочешь къ Царю въ службу? спросилъ Чика Зарубинъ.

— Я комендантъ Елагинъ, слуга Государыни Екатерины и вамъ холопамъ служить не могу.

— Храберъ больно. Подвысь.

— Гдѣ его вѣшать.. Всякая бичева треснетъ. Обчисть развѣ жиръ.

— И дѣло! Сдери кожу, рѣшилъ Лысовъ.

Коменданта вывели. Русый вздрогнулъ, подошелъ къ столу.

— Чтò жь терзать-то зря? стараго? вымолвилъ онъ обращаясь къ молчавшему и давно задумавшемуся Чумакову.— Ну, убивайте, вѣшайте, а терзать чтò жь!

— Добро, добро! Ты, Государь, услокойся... вступился Лысовъ.—Закуси что ль или спать иди.

Русый отошелъ, сѣлъ въ уголь, и положивъ голову на руки глубоко вздохнулъ.

— Какъ звать? спросилъ Лысовъ вновь приведеннаго.

— Бригадиръ баронъ Билофъ! гордо отозвался офицеръ.

— Изъ Оренбурга на подмогу сюда пришелъ, объяснилъ кто-то.

— Къ намъ хочешь?..

— Были бы руки не скручены, я бы тебѣ бороду вырвалъ

за одно это слово.. Не взыщи, чѣмъ богаты.—И офицеръ лаюнулъ въ лицо Лысова.

— Задавить! бѣшено воскликнулъ Лысовъ.

— Всѣ, объявилъ приводившій лѣвннхъ Твороговъ.—Бабы вотъ еще!

— Давай! Ты кто? Ай! Славная дѣвка!

Вошла молодая красавица со скрученными за спину руками, матово-блѣдная, но спокойная, и стала предъ кружкомъ; покраснѣлыя губы ея шелтали, глаза устремились черезъ казакъ на образокъ висѣвшій въ углу горницы. Неестественное положеніе рукъ еще болѣе обрисовало ея лышмый ставъ и еще горделивѣе казалась красавица.

— погоди на часъ, помолисья!.. Ты кто? спросилъ Овчинниковъ.

Женщина молчала и молилась.

— Майорша Харлова. Я ее знавалъ, сказалъ Чика.—Она дочь коменданта и вдова Харлова что вчера подвысили въ Нижне-Озерной? Славная. Жаль безъ пользы губить. Пригодится. А?

— Вѣстимо пригодится, оживился Чумаковъ любясь красавицей. Женщина поблѣднѣла еще болѣе.

— Ты не желаешь ли, Государь? обернулся Чумаковъ.

Русый пришелъ въ себя и махнулъ рукой.

— Не желаешь?

— Да-да, вдругъ вымолвилъ тотъ.—Веди сюда.

— Не горюй.... Государь утѣшить тебя по мужъ, сказалъ Чика смѣясь.

Женщина запаталась и утала безъ чувствъ на полъ. Нѣсколько Татаръ подняли ее, ворча подъ носъ, и вынесли въ маленькую горницу гдѣ была спальня коменданта.

— Еще баба! Кто такая?

— Вдова майора Веловскаго, котораго вы, холопы подлые, въ Разсылной фортеціи умертвили. Коль оставите тоже въ живыхъ, я зарѣжу перваго пса что меня пальцемъ тронетъ, глухо, но твердо выговорила Веловская.

— Го-го, какая! Что жъ, никто не желаетъ себѣ воструху? спросилъ Лысовъ.—Такъ къ сатанѣ! Подвысь!

— Чего жъ съ бабой хлопотать? И на вѣшалкѣ ужъ плотво гораздо. Ее за-просто велѣтъ Калмыкамъ придавить.

— Кончай, братцы, тошно, вымолвилъ вставая Чумаковъ, и вышелъ въ соседнюю горницу гдѣ былъ Пугачевъ.

Онъ подбѣлъ къ новому своему другу и сталъ слушать подробный допросъ про оренбургскіе порядки, про губернатора, гарнизонъ, крѣпостныя стѣны и т. д.

— Есть еще кто изъ бабья? крикнулъ Чика въ столовой.

— Всѣ кажись.

— Тутъ была жена онаго коменданта, старая, вымолвила вошедшій Татаринъ Лай-ханъ.—Да она больно завозилась какъ кожу сдирать стали со стараго. Ее сейчасъ молодцы на мелко порубили.

— Ну, конецъ государственному совѣту! хлопнулъ Лысовъ кулакомъ по столу.

— Добре. Кати бочку!

— Тутъ мальчугашка, братишка оной Харловой, сказалъ Лай-ханъ.—Съ нимъ что?

— Пошелъ къ дьяволу! Сказано коонецъ государственному совѣту, крикнули казаки вставая и потягиваясь.

— Ну, а ты, Петръ Ѳеодорычъ, чего же зѣваешь? обратился Чика къ Русому, подмигивая на дверь куда вынесли женщину.

— Пусти, я пойду, вызвался Лысовъ.

— Прочь, кроволійца! повелительно крикнулъ вдругъ Русый вставая, и лицо его вспыхнуло гнѣвомъ.

Казаки переглянулись и наступило гробовое молчаніе.

— Ахъ, ты дворянское сѣмя! проворчалъ Лысовъ злобно.— Бѣлорыльце.

— Полно, полно, Лыска! выговорилъ Чика холодно и махнулъ головой на кучку Татаръ на порогѣ.—Услышать.

Русый вышелъ къ Харловой, но скоро прошелъ оттуда на улицу, и распрашивая искалъ сына Елагина. Найдя ребенка, онъ провелъ его къ сестрѣ.

— Глянь-ко, тихо сказалъ Лысовъ ему вслѣдъ:—онъ бы ужъ ребеночка-то грудочкой покормилъ.

Казаки ужъ окружили столъ, и весело болтая ѣли и пили; наконецъ атаманы Чика, Лысовъ и Овчинниковъ залѣли, до десятка казаковъ-эсауловъ подтягивали:

Одна у меня хозяйшка,
Разудалая головушка
И единый ножъ сотоварищъ.

Скоро нѣсколько опьянѣлыхъ голосовъ залѣли разное. Пугачевъ съ Чумаковымъ вышли и присѣли къ столу.

— Ухъ, отоцаль! вымолвилъ Пугачевъ хватая домотъ хлѣба.
— Емельявъ Иванычъ, выльемъ! крикнулъ Лысовъ черезъ столъ.

— Спасибо.

— Ну, выльемъ, душа! Аль рамазанъ какой на себя наложилъ?

— Знаешь не лью. Чего привязался! нетерпѣливо отвѣчалъ Пугачевъ.

— Эй, Лыска! крикнулъ Чика.—Спяши родимый эту самую что въ Украинѣ обучился.... что въ Разсылной-то ваялъ!

— Изволь, хрипнулъ совсѣмъ ольянѣлый Лысовъ.

Раздался топотъ тяжелыхъ саложницъ по полу, хохотъ и крики. На улицѣ было то же пьянство и тѣ же крики. Всюду пахло виномъ и кровью.....

— Менуэтъ! крикнулъ кто-то въ залѣ и захопалъ въ ладоши.

Параня очнулась и тяжело вздохнула.

Она задернула занавѣску и перевела взоръ на фонарь который обливалъ розовымъ свѣтомъ ея бѣлое атласное платье, такъ что дѣвушка сіяла вся какъ зорька лѣтняя. За ней давно уже стоялъ Иванъ, и насулившись нещадно солгалъ.

— Не повѣрю я.... Не повѣрю что башмакъ развязался, вдругъ отчаянно замахалъ онъ руками.

— Ахъ, Иванушка! Ну, не развязался. Отстань, голубчикъ, полудѣливо полугрустно шелнула дѣвушка.

— Отстать! А? Ну.... ну хорошо. Такъ я.... я вотъ что.... я тебя знать не хочу.

И князь Иванъ какъ сумасшедшій выскочилъ въ ярко освѣщенную залу. Въ то же мгновеніе грянула музыка.

— Менуэтъ, менуэтъ! воскликнула вдругъ Параня словно преобразившись; весело выскочила она изъ полутемной комнаты и оглянула залу радостно сіяющимъ взоромъ.

Бжечинскій выбѣжалъ тоже изъ дверей комнаты гдѣ играли въ карты чтобы пригласить свою постоянную даму. Въ ту же минуту Иванъ остановилъ дѣвушку и сказалъ сухо и угромо:

— Желаетъ со мной?

— Менуэтъ, лани Уздальска! протянулъ руку Бжечинскій. Дѣвушка поглядѣла на обоихъ и смутилась.

— Да ты сумѣешь ли, Иванушка?... Вѣдь это трудный танецъ. Ты слутаешься въ фигурахъ. А? почти умоляющимъ голосомъ сказала Параня, но Иванъ не понималъ ея скрытой печали и борьбы.

— Не въ первой. Помилуй! То не *карковскъ* вашъ дурац.... Иванъ залпнулся.

Бжечинскій повторилъ свое приглашеніе.

— Я съ княземъ, жалостливо отозвалась Параня.

И глаза ея говорили: видите, что жь дѣлать! И она прибавила поддразнивая:

— А вѣдь ты, Иванушка, сейчасъ сказывалъ что знать меня не хочешь!

Иванъ молча повелъ даму на мѣсто, но вдругъ вымолвилъ отчаянно:

— Побожися ты мнѣ что у тебя башмакъ развязался. Повѣрю тогда!

— Какъ можно? грѣхъ божиться! разсмѣялась Параня принужденно, и не слушая что говорилъ ей Иванъ, слѣдила глазами за Яномъ, который пошелъ выбирать себѣ даму.

Зала снова оживилась. Танцующіе разбирались. Многіе появились изъ гостиныхъ и изъ игорной поглазѣть на танецъ. Брантъ велъ за руку старуху Бартыкаеву, за нимъ выступала высокая фигура высококомѣрнаго князя Данилы, который шелъ съ губернаторшей.

— Онъ вѣдь больной, князь, нынче пропляшетъ, а завтра будетъ въ кровати. Куда ему? говорила про мужа Анна Ивановна Брантъ.

Скоро всѣ были на мѣстахъ и менуэтъ начался. Брантъ, жена его, Бартыкаева и князь Хвалынскій изображали почетную группу мнуета, которая двигалась лавно и медленно, отчасти ради важности, отчасти ради старыхъ костей. Одинъ князь Хвалынскій, головой выше всѣхъ и стройнѣе всѣхъ, танцевалъ такъ что привлекалъ большую часть глазѣвшей публики къ себѣ. Не вдалекѣ Янъ Бжечинскій угрюмо водилъ свою даму, Доротею Штейндорфъ, и все озирался туда гдѣ былъ Иванъ, шагавшій бережно и подбираясь всѣмъ тѣломъ, какъ бывало шагалъ онъ въ Азгарскомъ огородѣ между грядъ клубники, и Параня граціозно вьющаяся около него

звѣлкой и изрѣдка восклицающая среди слуганной фигуры: „Ахъ, Ванюша!“ или: „Что ты, что ты, Иванушка?“ Тутъ же выступалъ, лѣнливо покачиваясь и болтая руками, первый казанскій забѣяка и сорви-голова Ахлатскій, просидѣвшій весь балъ въ игорной и уже немного навеселѣ. Онъ не переставая вралъ вполголоса всякій вздоръ своей дамѣ, Бѣлоколытовой.

— Тихе ты! тщетно убѣждала его комендантша.

Крайняя затѣмъ пара, присоединившаяся уже послѣ начала мезута, привлекла вниманье по особой причинѣ. Кавалеръ былъ прѣѣхавшій изъ деревни, Андрей Соколь-Уздальскій, съ весны не бывавшій въ Казани. Онъ явился на балъ и пригласилъ Дарью Сельцеву еще не успѣвъ поклониться хозяевамъ, и теперь во время танца раскланялся издали съ Брантомъ, кивнулъ головой сестрѣ и Ивану, и отвѣчалъ знакомымъ на вопросы сылавшіеся со всѣхъ сторонъ.

— Правда ль женишься? спросилъ его Ахлатскій черезъ голову Сельцевой.

Андрей улыбнулся и весело кивнулъ головой.

— Не горюю! Бываетъ и хуже! сострилъ Ахлатскій и прибавилъ комендантшѣ. — Ну а мы съ тобой когда женимся? Прямо отседѣ... Ты? Груша Яблоковна?

Старикъ Брантъ между тѣмъ усталъ и обратился къ близъ стоявшему высокому, плотному и круглолицему мушкетеру съ узенькими сѣренькими глазками и вообще съ татарскимъ типомъ лица.

— Князь! Голубчикъ! Замѣсти!

— А-а! отозвался тотъ.—Нѣтъ, шалишь, губернаторъ. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Ну ужь Богъ простить. Пусти.

И князь Черемисовъ, первый казанскій богачъ и хлѣбосоль, сталъ на мѣсто залыхавшагося старика.

— Пожалуйте вашу бездѣльную ручку, Лукерья Кузьминшна, началъ Черемисовъ подтрунивая надъ своимъ заловѣдчимъ врагомъ, Бартыкаевой.—Когда вы въ первой-то лаясади; при Петрѣ Алексѣевичѣ аль при царѣ Дадонѣ что ѣлъ изъ дадони....

— Нѣту, голубчикъ. Не такъ-то давно.... Когда вы съ батькой Рахметомъ еще въ мечетяхъ Мухомѣду своему молились, ехидно огрызнулась Бартыкаева.

И она важно переваливаясь гусемъ и задирая назадъ голову,

разрѣзала воздухъ своимъ расплаонутымъ калмыцкимъ носомъ, точно будто нюхала кругомъ себя.

Ахлатскій не пропустилъ этого случая, и проходя около старухи тоже задралъ голову и проглыбъ фистулой:

Пахнетъ, пахнетъ Каалмычкомъ!

Менуэтъ кончился и начался режусансъ, совершенно противоложный менуэту танецъ. Теперь лары не двигались важно, а бѣгали какъ въ горѣлки. Балъ близясь къ концу разгорался все болѣе. Кто и не умѣлъ плясать, а проглядѣлъ завидуя весь вечеръ на другихъ, теперь благодаря режусансу пустился бѣгать, скакать и толать лучше всѣхъ, рѣшивъ по пословицѣ: „была не была!“ Дирижировалъ танцемъ лѣвный Французъ Глюнъ, въ мундирѣ мушкетера, собственного сочиненія. Даже красавецъ, не крещенный Татаринъ Селимъ, родственникъ князя Черемисова, пустился въ плясъ, пригласивъ какую-то дѣвушку просидѣвшую весь балъ въ углу залы и прыгалъ козломъ со счастливымъ и радостнымъ лицомъ. Крѣпко спавшій на стулѣ Ахметъ-Измаиль-бей проснулся отъ умышленнаго толчка одной лары, и поправивъ съѣхавшую на бокъ чалму, сталъ глядѣть на танцы. Къ нему подошелъ проигравшій весь вечеръ въ карты конфедератъ Казиміръ Бжечинскій, старшій братъ Яна, человекъ загадочный по виду, со сдержанными и разчитанными словами и жестами, всегда сумрачный, глядящій изъ-подлобья и всегда будто задумчивый, но видящій и смекающій все происходящее кругомъ.

Измаиль-бей оживился при видѣ его. Казиміръ говорилъ по-турецки, и съ нимъ только отводилъ душу лѣвный. Казиміръ своимъ тихимъ, проникающимъ въ человека голосомъ, спрашивалъ, весело ли бею.

— Такъ же какъ на кораблѣ въ качку! отвѣчалъ бей.

Вскорѣ къ нимъ подошелъ Брантъ и заговорилъ съ Бжечинскимъ по-нѣмецки.

— Ну спасибо вашему брату Яну и вообще конфедератамъ. Генералъ Нефедъ Иванычъ, утѣшая, сказалъ что не zapomнитъ въ Казани бала so belustigend. Наша вѣдь молодежь трепака одного любить, oder dieses: *ортыгъ и ртыетка*.... Видѣли? кончилъ Брантъ, указывая глазами на князя Данилу, сидѣвшаго не вдалекѣ, около Парани, которая залыхавшись отъ режусанса откатнулась на стулъ и обмахивалась платкомъ.

— Да. И уже знаю что онъ вамъ наговорилъ, отвѣчалъ Казиміръ.

Брантъ пожалъ плечами. Къ нимъ подошли еще два конфедерата. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый польскій партизанъ Потоцкій, жившій въ домѣ губернатора, державшійся гордо со всѣми и знавшійся только со своими.

— Я знаю князя еще съ Польши. Онъ былъ въ корпусѣ у генерала Суворова, вступилъ онъ въ разговоръ.— Янъ былъ взятъ въ плѣнъ его отрядомъ при штурмѣ Кракова.

— Онъ дрался съ Яномъ въ сшибкѣ и былъ имъ тяжело раненъ и ему неприятно было встрѣтиться съ нимъ. Это приятно, сказалъ Казиміръ.

— Всѣмъ нашимъ очень досадно что Ihre Excellenz изъ-за насъ имѣли неприятность, важно сказалъ Пулавскій.

— Мы тутъ не виноваты, подхватилъ Казиміръ.— Янъ зналъ что раненый имъ въ штурмѣ офицеръ князь Хвалынскій, но не видалъ его въ лицо никогда чтобъ имѣть возможность избѣгать. Да Янъ и не считаетъ князя личнымъ врагомъ.

— Разумѣется, вымолвилъ Брантъ.— Всякій дѣлалъ свое дѣло.

— Ахъ, чудакъ! воскликнулъ вдругъ Потоцкій.— Зачѣмъ онъ подходитъ. Смотрите.

Всѣ четверо стали глядѣть въ ту сторону.

Въ эту минуту Янъ Бжечинскій молодцовато подошелъ къ Паравъ приглашая танцевать. Онъ, улыбаясь, безцеремонно протянулъ къ ней руку, и локоть его былъ не далеко отъ лица князя Данилы.

— Пани Уздальска!

Параня издали завидѣла его, ждала, и при первомъ звукѣ его голоса, подалась къ нему всѣмъ своимъ стройнымъ станомъ, но въ эту минуту, слегка поблѣднѣвшій Даннло, положилъ руку свою на локоть Бжечинскаго и тихо сказалъ что-то, поднимаясь съ мѣста.

Бжечинскій вздрогнулъ и тоже тихо отвѣчалъ. Князь Даннло поблѣднѣлъ, и рука его стиснулась и поднималась къ лицу конфедерата.

— Князь, въ движеніи моемъ я не чаялъ обиды для васъ, холодно вымолвилъ Янъ отступая.

Между тѣмъ Брантъ, Казиміръ и конфедераты, а съ другой стороны князь Иванъ и еще нѣсколько человекъ были уже около нихъ.

— Добро, вымолвилъ Данило смѣясь сухо и отходя. — Завтра я соберу моихъ холопей и его какъ Жида вспорю нагайками на дому, проворчалъ князь. Слышавшіе передали это губернатору.

— Пустое, сказалъ Брантъ.—Я этого не дозволю, поставлю караулъ.

Между тѣмъ музыка смолкла, и трое лакеевъ тушили свѣчи въ залѣ, что было знакомъ ко прекращенію танцевъ.

Гости со всѣхъ комнатъ собирались въ столовую, весело болтая и распутываясь. Дремавшіе уже старики пріободрились, заглядывая черезъ анфиладу комнатъ въ ярко-освѣщенную столовую.

Передовые, князь Черемисовъ, Ахлатскій, Измаиль-бей, Андрей Уздальскій и генералъ Сельцевъ, уже окружили столъ съ закуской. Брантъ и Анна Ивановна разсаживали гостей и искали глазами докучливаго и почетнаго гостя князя Хвалынского. Но князя Данилы не было. Взбѣшенный онъ уже уѣхалъ домой.

Послѣднія кучки гостей собирались изъ игорной въ столовую и шли черезъ залу; съ ними былъ Иванъ, задумчивый и скучный.

Проходя залу онъ остановился и повернулъ къ италіанской комнатѣ... Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ! Видѣть гдѣ были онъ, измѣнница его и проклятый конфедератъ. Приблизясь къ двери комнатки которую ожидалъ найти пустою, Иванъ разслышалъ голоса Потоцкаго, братьевъ Бжечинскихъ и польскій языкъ. Конфедераты шептались. Иванъ прислушался.

— Противъ брата Данилы Родивовыча сговариваются. Ну погоди же! Чья возьметъ! Братецъ пожалуется царичѣ, такъ тутъ всѣхъ въ Волгу позакидать велеть какъ щенятъ, шелтуалъ Иванъ.

Голосъ Казимира ясно выговаривалъ съ польскимъ удареньемъ:

— Яцкъ, лѣтѣмъ Илецкъ, лѣтѣмъ Разсылная.

— Чего они наши фортеціи пересчитываютъ? удивился Иванъ.

Въ главныхъ дверяхъ появилась вдругъ офицеръ въ одинаковомъ съ княземъ Иваномъ мундирѣ, но усталый и неопрятный, одѣтый не по-бальному, гладко остриженный, безъ буклей и пудры, и съ сумкой черезъ плечо.

— Городищевъ! Папа! вскрикнулъ Иванъ и бросился на шею къ вошедшему товарищу и другу.—Зачѣмъ? Чтѣ?

— Гонимъ отъ Рейнсдорла. Прямо сюда подкатилъ по его указу. Четыре дня и ночи, Ваня, тресся не выльзая изъ брички. Гдѣ губернаторъ?

— Сядутся ужинать. Да зачѣмъ ты прибылъ. Аль чтѣ важное? Померъ что ль кто?

— Пустое. Нашъ Иванъ Андреевичъ взбѣленился. Послѣ расскажу. Доложи-ко ты Бранту, Иванушка.

И Городищевъ, доставъ два большихъ пакета изъ сумки, завернулъ въ кабинетъ Бранта изъ первой гостиной.

Въ столовой локоемъ изогнулся большой столъ. Говоръ и смѣхъ, звонъ посуды и приборовъ, залахъ подаваемыхъ блюдъ, неслись оттуда на весь домъ. Иванъ вызвалъ губернатора, а самъ сѣлъ за столъ на пустое мѣсто около Уздальскихъ. Вскорѣ вернулся Брантъ на свое мѣсто, и явился за нимъ Городищевъ, приглашенный имъ ужинать.

— Гонецъ! гонецъ! слышалось за столомъ, но никто и не главулъ на гонца.

Городищевъ расцѣловался съ теткой Марѳой Петровной и съ Параней, которую считалъ двоюродною сестрой, затѣмъ усѣлся и началъ ѣсть за десятерыхъ и рассказывать Ивану и родитѣмъ объ Оренбургской *срамотѣ*, какъ говорилъ онъ. Говоръ, шумъ и смѣхъ не прерывались вокругъ стола и только смолкали слегка при появленіи новыхъ блюдъ.

Конфедераты съ Потоцкимъ во главѣ сидѣли вмѣстѣ на краю стола, чокались и пили здоровье своихъ, то съ грустью въ лицѣ, то со смѣхомъ. Ахметъ-Измаилъ молчалъ какъ убитый и сидѣлъ не прикасаясь ни къ чему, боясь свиного сала.

Азиатскій усѣлся на краю стола, предъ вѣромъ бутылокъ, и его уже два раза унималъ князь Черемисовъ. Около него же сидѣлъ Французъ Дюваль, сильно ольнянѣлый, красный какъ ракъ, и громко ругалъ казачка который за минуту предъ тѣмъ облилъ его соусомъ, хотя самъ же Дюваль ткнувъ вилокъ вышибъ у него изъ рукъ блюдо. Брантъ болѣе всего наблюдалъ издали за Французомъ и за Ахлатскимъ. Черемисовъ дѣлалъ ему знаки: ничего-молъ. Брантъ былъ слегка задумчивъ послѣ прочтенія пакетовъ привезенныхъ Городищевымъ, но затѣмъ развеселился.

Иванъ сидѣлъ между Уздальскимъ и Городищевымъ и весь ужинъ богалъ съ товарищемъ, не обращая вниманія на

Параню, даже не отвѣчая ей иногда на вопросы. Разъ когда она полпросила себѣ квасу налить, Иванъ до того нехотя исполнилъ это что Параня даже обернулась на него. Марѳа Петровна разспрашивала пасынка о его свадьбѣ и невѣствѣ, и наконецъ спросила:

— Зачѣмъ ты теперь-то налетѣлъ сюда. Крестьянъ небось продавать на сводъ, укорила Марѳа Петровна исподволь разорявшася пасынка.

— Нѣтъ! Закладывать, размѣялся Уздальскій.

— Это еще что? Въ карету что ль? Мужиковъ?

— Мнѣ денегъ дадутъ, а имѣнье возьмутъ въ закладъ, а потомъ....

— А потомъ оно и *фиу*.... присвиснула женщина. — Разоряться-то все равно по-старому ли, по-новому ли. Ну и свадьба-то скоро?

— Черезъ мѣсяцъ.

Марѳа Петровна покачала головой.

— Бѣдная... Бѣдная... Горемычная. И дура же она, дура лѣтая, перелѣтая. Да и у отца ее вѣтеръ свищетъ въ башкѣ.

— Кого это ты такъ, маменька? вступилась Параня.

— Невѣсту вотъ брата твоего съ батькой.... Дураки они, дураки, жалостливо говорила Марѳа Петровна, все качая головой.— Не нашли они вѣтрогона да мотыгу хуже этого.

— Вмѣстѣ съ женой, добродушно отозвался Андрей, — будемъ не тратить, а наживать.

— Такъ, такъ.... Дыры въ карманахъ наживать.

Городищевъ между тѣмъ все болталъ о Рейнсдорлѣ и объ Оренбургѣ.

— А каковы наши-то труссы! Пять казаковъ вздурились, а у нихъ душа въ лятки ушла.

— Да я не пойму, Пата. Скажи толкомъ: казаки или Калмыки? И что такое они взяли?

— Всякая сволочь.... Взяли Илецкій городокъ. Ну и перевѣшали кой-кого. Къ Яицку предъ тѣмъ ѣздили, а какъ Симоновъ выступилъ на нихъ, всѣ и ударились въ разсылную.

— Какъ бы они на Разсылную не ударились, она тамъ близко, шутилъ Иванъ грустнымъ голосомъ.

— Тамъ, братъ, комендантъ-то майоръ Веловскій. На него не сунешься. А сунешься, такъ въ послѣдній разъ въ жизни.

— А много бунтовщиковъ, Пата? разсѣянно спросила Параня, все болѣе прислушиваясь и приглядываясь чутко къ

тому что Янъ разказывалъ шепотомъ своимъ сосѣдамъ. Ей случилось что Янъ назвалъ ея имя.

— Человѣкъ шестьсотъ, говорятъ, сказалъ Городищевъ.— Кто ихъ знаетъ, можетъ и болѣе.

На томъ концѣ послѣ разказа Яна послѣдовалъ громкій взрывъ хохоту. У Парани сердце стукнуло отчего-то.

„Какъ можно? Не можно!“ подумала она себѣ въ отвѣтъ: „Да и что жь я такое сдѣлала?“

— Чему они радуются? пробормоталъ Иванъ злобно.

— А вотъ у нашихъ-то, Ваня, конфедератовъ, шепнулъ Городищевъ,— въ субботу отберутъ оружіе и изъ Оренбурга всѣхъ отправятъ въ Троицкую фортецію.

— Давно бы пора.

— Стали пропадать, Ваня, что ни день кто-нибудь изъ нихъ и тягу.

Ужинъ кончился, загремѣли стулья, и все зашевелилось.

Гости затолпились вокругъ хозяйки и благодарили хваля блюда, а въ особенности соленья и варенья Анны Ивановны.

— Ну, гости! воскликнулъ Черемисовъ.— Пора и по домамъ.

Лакей отъ губернатора тихо позвалъ Городищева въ его кабинетъ. Братъ, скрывшійся еще до конца ужина, сидѣлъ за кучей бумагъ, несмотря на поздневее время и усталость.

— Скажите мнѣ, господинъ офицеръ, сами вы что думаете обо всѣхъ сихъ непорядкахъ въ Оренбургскомъ округѣ? скажетъ Братъ когда Городищевъ вошелъ къ нему.

— Все это пустое, ваше превосходительство, не стоящее вниманія.

— Какъ?

— Полагать надо что теперъ все благополучно уже, ибо при выѣздѣ моемъ изъ Оренбурга былъ высланъ на бездѣльничковъ въ фортецію Татищеву бригадиръ баронъ Билофъ, а бригадиру барону Корфу указано было генераль-поручикомъ слѣзнуть на соединеніе съ его отрядомъ изъ Переволоцкой фортеціи.

Братъ молчалъ и задумался на мгновеніе.

— Однако онъ не есть простой бездѣльничекъ, а дерзновенно принялъ на себя званіе.— Братъ остановился и спросилъ:— Вамъ вѣдомо кто таковъ предводитель мятежныхъ?

— Емельяны Погашевъ, сказываютъ донской казакъ.

— Въ бумагѣ сказано Ермолай.

— Виновать, ваше превосходительство, не уломню. Точно сдается мнѣ Ермолай Погашевъ! Бѣглый казакъ или солдатъ съ польской границы, съ Добрянскаго форпоста.

— У меня сказано съ Бударинскаго форпоста.

— Виновать.... Съ Бударинскаго.... А чаятельно мнѣ съ Добрянскаго. Такъ называлъ губернаторъ. Впрочемъ сіе маловажно.

— Не маловажно, господинъ офицеръ. Добрянскій форпостъ на Польской границѣ у вратъ Германіи, а Бударинскій на границѣ Татаріи у вратъ Китая. Не могутъ не переврать, добавилъ Брантъ разглядывая бумагу.

Городищевъ нетерпѣливо прислушивался къ гулу развѣзда на крыльцѣ.

— Вѣдомо въ Оренбургѣ жителямъ какое званіе пріемлетъ на себя сей бездѣльникъ? снова спросилъ Брантъ.

— Какое званіе пріемлетъ? удивленно спросилъ Городищевъ.—Ермолай Погашевъ.

Брантъ пристально посмотрѣлъ на офицера и вымолвилъ:

— Да. Такъ, такъ. Я заламятовалъ. Прощайте. Завтра явитесь утромъ. Я васъ немедленно пошлю назадъ.

Городищевъ вышелъ и отправился на подвѣздъ.

„Нелегкая васъ возьми съ Погашевымъ. Не отдохнувъ опять семь сотень верстъ отсчитай“, думалъ онъ.

Городищевъ думалъ что не найдетъ уже никого, но при развѣздѣ на крыльцѣ была сумятица. Половины лакеевъ и кучеровъ не оказалось. Гости дожидались на лѣстницѣ, нѣкоторые вернулись въ темную залу. Короткіе знакомые пошли къ хозяйкѣ. Всѣ ворчали. На вопросы гослodge отвѣчали въ швейцарской что всѣ лакеи въ сосѣднемъ кабакѣ, что тамъ ихъ видимо-невидимо и что деньщикъ пріѣзжаго изъ Оренбурга офицера сманилъ всѣхъ въ кабакъ ради розказней объ Оренбургѣ.

По уходѣ Городищева отъ Бранта къ нему заднею лѣстницей явился сыщикъ и доложилъ что-то. Губернаторъ велѣлъ немедленно арестовать деньщика Городищева.

Лакеи повемногу явились. Каждый изъ гостей ругалъ своего лакея. Кто просто журилъ, а кто обѣщаль:

— Пстой на часъ! Дай срокъ! Я тебя уже дома....

Иные гослodge молчали и только изъ-подлобья поглядывали на своихъ явившихся хололей. Эти послѣдніе особенно ста-

рательво и слѣшно одѣвали своихъ господъ и выкрикивали кучеровъ.

Одинъ казачокъ, въ малиновомъ кафтанѣ, какъ полоумный, влетѣлъ въ дверь, и найдя Лукерью Кузминичну Бартыкаеву въ толпѣ, бухнулся прямо въ ноги.

— Матушка! Голубушка! Ей-ей не причемъ! За Егоркой въ кабакъ бѣгалъ. Онъ, лесъ, лошадей лобросалъ.

— *Montjoie et Saint Denis!* раздался вдругъ пьяный голосъ Дювала.

— *Cri de guerre de la France des chevaliers!* козыристо отозвался Бжечинскій изъ другаго угла.

— *Un cri de détresse plutôt, seigneur Bejanski.... On m'a volé mon manteau.... Ma choubaska.*

По разспросамъ оказалось что хололъ служившій у Мусью исчезъ прежде всѣхъ, но взялъ ли шубку съ собою неизвѣстно, и что въ кабакъ его нѣту.

Дюваль стоялъ среди лѣстницы подбоченясь, и ругался покачиваясь изъ стороны въ сторону. Гости спускаясь старательно обходили его. Конфедераты толпились, хототали надъ нимъ и поджигали его.

— *Voyons! Peut-être qu'il ne l'a pas volé!*

— *Mais morbleu! взбѣсился Французъ.—A moins que ce ne soit mon manteau qui ait volé mon domestique! Dans ce chien de pays tout est possible. Canaille, va!*

— Спросите какъ звать его человѣка вступился Городищевъ.

Бжечинскій спросилъ.

— *Un diable de nom! Je ne l'ai que depuis quelques jours. Tchi.... Pchi.... Attendez donc.. Sacré matin! Tchinoque! Là!!*

— Да это не имя.

Поднялся веселый хохотъ.

— Щенокъ, ваше благородіе. Вавила это. Изъ Козьмодемьянска, сказалъ одинъ лакей. — Ему званье такое: Щенокъ. Онъ должно ушелъ въ шинокъ.

— *C'est ça... Tchinoque ou Chinoque. Гдѣ Chinoque? брата тся Дюваль къ лакею.—Нѣма, Chinoque? Sacré pays! Que le bon Dieu vous ratafirole! Un manteau, coquin! крикнулъ! Дюваль неизвѣстно на кого, и съ этими словами взялъ первую полавшуюся шубку и надѣлъ; она затрещала у него на спинѣ.—Vas-y, mon ami.... Vas-y....—И онъ вышелъ на крыльцо при дружномъ хохотѣ публики.*

— Какое грубое животное! сказалъ кто-то изъ конфедератовъ.

— А вѣдь свинья! подумалъ и князь Иванъ выходя. — Ты гдѣ згинулъ? прибавилъ онъ своему кучеру когда они отъѣхали.—Тоже въ кабаки былъ небось?

— Нѣту-съ. Я заглянулъ токмо.... послушать.

— Чтò онъ тамъ вралъ-то вамъ?

— Суцая пустота.... Болѣ все объ одной рати чтò воюеть тамъ.... Сказывалъ сила великая. Хитайскій царь тоже въ подмогу будетъ объ Рождественскомъ постѣ.

— Кому въ подмогу?

— А оному.... Оной рати.... На Москву, слышь, пойдутъ.

— Чтò ты брешешь!

— Суцая пустота, князенька. И не слушалъ бы!

Черезъ часъ, когда въ губернаторскомъ домѣ все опустѣло, стемнѣло и спало, въ ворота домился громадный мужикъ.

— Чтò за дьяволъ тамъ? окликнулъ проснувшійся сторожъ.

— Я, Вавила! Пусти, голубчикъ! У меня тутъ мусья осталась. Баринъ мой, мусья.

— Протри буркалы-то. Вишь темно все. Разъѣхались. Пьяный чортъ.

— Ахъ, дьяволы! Право.... Иди теперь до дома.... лѣшкомъ. А все мусья, чтобъ тебѣ... Аль не ходить? Ну его къ теткѣ.... Пойду къ царю въ Аранбузъ.

Вавила повернулъ, шатаясь, къ Казанскому монастырю и скоро былъ на Арскомъ полѣ, но завязъ съ-лѣвна въ грязи, упалъ и захралѣлъ среди дороги.

VI.

На утро братья Хвалынскіе должны были рано выѣхать въ Азгаръ, но встали поздно, и кромѣ того князь Данило поднялся сумрачный и около часу не говорилъ съ братомъ, а молча ходилъ по горницѣ, изрѣдка вскрикивая:

— Егоръ! Архилычъ! Чортъ! и зычно проносился его крикъ по дому. Архилычъ летѣлъ на крикъ барина, и каждый разъ, обруганный чортомъ или осломъ, снова летѣлъ исполнять приказъ.

Однажды когда онъ не понималъ краткаго вопроса князя:

„скоро ль?“ и не зналъ что отвѣчать, князь повернулъ его за лечи, и на этотъ разъ старый Архипычъ вылетѣлъ торчмя головой изъ комнаты.

Черезъ часъ князь заговорилъ съ братомъ.

— Ну что жь вчерашнее позорище.... Перепились, я чаю, всё да передрались.

Иванъ разказалъ все и прибавилъ о прїѣздѣ Городищева и о бунтѣ Татаръ и казаковъ.

— Ну, это лустое! Кто атаманъ шапки?

— Заламятовалъ, братецъ.... Вотъ Паша придетъ, разкажетъ.

— Какой Паша? нетерпѣливо сказалъ Данила.

— Городищевъ, Павелъ, мой одноклассникъ и прїятель. Онъ сынъ покойнаго Павла Петровича, брата Марѣы Петровны.

— Помню. Славный старикъ былъ. Настоящій, старинный русскій дворянинъ. Не чета нынѣшнимъ татарскимъ князьямъ, да чухляндскимъ баронамъ!

Черезъ минуту князь Иванъ рѣшился спросить брата объ отъѣздѣ и объ его угрозѣ относительно конфедерата.

— Я бы съ вами пошелъ братецъ, сказалъ Иванъ.—Самъ бы его отколотилъ.

— Ну его къ чорту! выговорилъ Данило.—Руки марать.

— Такъ вы отложили? Ну жаль! Ей-ей!

Данило не отвѣчалъ, и чрезъ минуту, проискавъ чего-то въ комнатѣ, крикнулъ снова старика и прибавилъ:—Убью я этого пса! Затѣмъ онъ началъ одѣваться и на вопросъ Ивана о выѣздѣ молвилъ сурово:

— Въ вечерню выѣдемъ. А покуда я къ Нефеду Иванычу съѣзжу, да къ Бранту тожь...

— И я тоже.

— Къ Кудрявцеву или къ губернатору....

— Нѣту.... Зачѣмъ... Я къ Марѣѣ Петровнѣ. Проститься.

— Замирлся! усмѣхнулся Данило, но не добродушно.—Эхъ вы! Медовые люди! Нынѣ гнѣвается... а завтра опять сахаромъ...

Иванъ слегка покраснѣлъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, я коли на мою невѣсту или жену разгнѣваюсь—за дѣло, а не за бездѣлье вѣстимо,—то ужь не замирюсь во вѣкъ. А у твоей вчера—конфедератъ на жениховомъ мѣстѣ былъ, а въ кладовой про запасъ ты, князь Иванъ Родивовичъ...

Черезъ часъ оба брата разъѣхались въ разные стороны.

Домъ Уздальскихъ стоялъ на Пустырѣ, за которымъ напротивъ двора видѣлись древнія деревянныя стѣны Казанскаго женскаго монастыря. Домъ былъ не великъ, на дворѣ, съ двумя флигелями по бокамъ, а за нимъ видѣлся не большой, но густо разросшійся садъ, изъ котораго открывался видъ на городъ и кремль.

У крыльца Иванъ увидѣлъ карету комендантши Бѣлокопытовой, и это удивило его, потому что комендантшу никогда не принимали прежде у Уздальскихъ. Марѳа Петровна говорила:—Не люблю я вдовъ. Что ни вдова, то гулящая. Знать законъ такой!...

„Пока я былъ въ Оренбургѣ, мало ль что на перемѣну пошло? подумалъ подѣзжая Иванъ.—Одинъ Бжечинскій чего стоитъ. Сегодня опрошу ее... Коль не любъ я ей пусть такъ и молвить.... Не хочу я и впрямь сахаромъ быть“, вспомнилъ Иванъ слова брата и въ то же время чувствовалъ всей душой что если Параня скажетъ ему: „Ты мнѣ не любъ, мой любый Янъ, а ты и не ѣзди къ намъ!“ То онъ Иванъ не знаетъ, что ему тогда съ собой и подѣлать. Хоть въ монастырь иди!

Князь Иванъ встрѣтилъ комендантшу на лѣстницѣ; она была взволнована, румяна и быстро спускалась по отлогимъ ступенямъ. Комендантша Бѣлокопытова была вдова еще молодая, женщина лѣтъ тридцати лѣтъ, а на видъ двадцати лѣтъ, блѣлая, румяная, съ узкими черными глазами миндаліной подъ красивою бровью. Носъ былъ немного вздернутъ и придавалъ всему лицу какое-то мило-дерзкое выраженіе. Однѣ губы, слегка толстыя и разѣзжавшіяся когда она смѣялась, портили ея лицо.

За вдовой многіе ухаживали, но всѣ знали что ея избранникъ сорви-голова Ахлатскій, и что увиваться около комендантши не безопасно, потому что одинъ заѣзжій, даже съ ревізіей изъ Питера, бригадиръ, чуть не вылетѣлъ въ окно изъ дома Бѣлокопытовой, а сама хозяйка была больно лобята Ахлатскимъ, и даже, говорятъ, закаялась любезничать съ кѣмъ-либо. Вдобавокъ ея собственный сынъ Разумникъ, двенадцати лѣтъ, силачъ и дуракъ, былъ тайный надсмотрщикъ Ахлатскаго, доносчикъ всего что дѣлала мамаша, и боялся его какъ огня.

На вопросъ Ахлатскаго подъ хмѣлькомъ:

— Кого ты боишься лучше: меня или императрицы?

— Вѣстимо васъ, Сила Титычъ! не заливаясь рѣшилъ Разумникъ.

Бѣлокопытова переселилась въ Казань по смерти мужа, изъ города гдѣ онъ былъ комендантомъ, отдала сына во вновь открытую гимназію, и имѣя большой доходъ жила порядочно, но все же не такъ широко какъ могла бы жить, еслибы не безчисленные долги Силы Ахлатскаго, которые она поневолѣ уплачивала постоянно. Главный ея доходъ былъ съ большихъ фруктовыхъ садовъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ. За это и прозвали ея Казанцы „Груша Яблоковна“. Но мушны прибавили другое болѣе лестное прозвище:

— Пастила! чаще другихъ звалъ ее князь Черемисовъ.

— А зубъ нейметъ—Сила сомнетъ, подшучивали пріятели.

Иванъ поздоровался съ Бѣлокопытовой, помогъ ей сѣсть въ карету и замѣтилъ какъ бѣлыя и лухлыя руки ея дрожали отъ волненія.

— Чтò съ ней такое? подумалъ онъ и въ то же время услышалъ на верху лѣстницы голосъ Марѣы Петровны.

— Уѣхала!... Добро! И олять лускать не велю.... Страмница... Груша Яблоковна.... Помеломъ бы ее отсюда. Сваха логавая! Насмѣяться прѣвзжала.

Марѣа Петровна вѣвъ себя отъ злости, увидавъ князя Ивана, такъ и накинулась на него.

— Видѣлъ Грушу-то? Видѣлъ разговную вдову-то? Съ чѣмъ подѣхала!

Иванъ нарасно разспрашивалъ въ чемъ дѣло. Марѣа Петровна шла къ себѣ въ угловую горницу гдѣ видѣлся самоваръ, и проходя весь домъ все бранилась, затѣмъ сѣла и какъ всегда расплакалась о томъ что она вдова съ сиротой, что ее всякій можетъ обидѣть и не кому заступиться, что жизнь ея самая горячая, что Господь отъ нея отвернулся и т. д.

Иванъ зналъ что надо обождать, и молчалъ.

Онъ нашелъ въ горницѣ маленькаго Артему и здороваго парня, суконщика Самойлова, крестника Марѣы Петровны, который изрѣдка навѣщая крестную мать-барыню, всегда выпивалъ нѣсколько стакановъ чаю и затѣмъ получалъ отъ нея рубль и два въ подарокъ. Артема, не слушая бабушки, макалъ палецъ въ недолитую чашку комендантши и рисовалъ круги по гладкому подносу. Самойловъ, стоя у двери, пилъ свой первый стаканъ, налитый по отѣздѣ гостя.

Параи не было, и Артѣма объявилъ что губернаторша

увезла ее кататься... далеко... далеко; а съ ними поѣхалъ и голубой. Артѣма звалъ голубымъ Яна Бжечинскаго за его синюю чамарку которую онъ надѣвалъ чаще другихъ.

Иванъ вздохнулъ при этомъ извѣстiи и задумался.

Марѳа Петровна наконецъ наплакалась и ждала отвести душу, ждала чтобъ Иванъ спросилъ о причинѣ ея горя.

Не дождавшись вопроса отъ задумавшагося малаго, Марѳа Петровна сама начала вопросами:

— И какъ ты полагаешь, Ванюша, ло какому дѣлу пріѣхала Постила-то ваша.... Клюковна? (хотѣла сосричь Марѳа Петровна.) Чтò она въ мысли-то имѣла?... А все ты же виновать! Да, ты голубчикъ, ты! Ты!

И Марѳа Петровна разказала что комендантша пріѣзжала сватать Паранѣ.—Селима!! Татарина-то! Нехристя...

— Чтò жь, Марѳа Петровна, тутъ за обида! сказалъ Иванъ.— Онъ родня князю Улаусъ Андреичу и человекъ богатый. Я чаю вѣдь съ окрещеньемъ сватается.

— А тебѣ бы еще какъ? Параню въ мечеть вести, да въ Мухомову вѣру крестить. А?.. Да какъ она смѣла помыслить что мой Парашокъ пойдетъ за новокрещенца? Чтò онъ за ней все бѣгаетъ, такъ развѣ мало за ней бѣгаютъ? Невидаль какая!

Иванъ сталъ уговаривать Марѳу Петровну что обиды собственно никакой тутъ не могло быть, что молодой Татаринъ, Мурза Селимъ Хайбъ-Улла, своего дворянскаго рода, и коли перекрестится то будетъ княземъ, что эдакихъ свадебъ много было въ городѣ, и что самъ князь Черемисовъ окрестился такъ же. Марѳа Петровна все это знала давно, но вѣдь это все бывало съ другими, а ожидать того же для Парани...

— Самое хололье и ехидное размышление Груши этой Яблоковны. Прасковья Алексѣевна Соколь-Уздальская за новокрещенаго Татарина! Да вѣдь Соколь-то Уздальскіе князьями величались въ старое время при Московскихъ царяхъ. Алексѣй-то Матвѣичъ царицынымъ гондомъ за границу ѣзжалъ.... Далекò не отѣхалъ, а все же.... ѣздилъ!... А все ты... Все вы съ Парашкомъ. Чего тяните, да таитесь отъ всѣхъ? Объявились бы, да за свадебку.

Иванъ вскочилъ съ мѣста какъ ужаленный.

— Да развѣ я тяну-то, Марѳа Петровна!

Потокомъ полилась рѣчь Ивана и кончилась наступательнымъ союзомъ его съ Мареей Петровной противъ дѣвушки.

Экипажъ загремѣвшій на дворъ прервалъ ихъ разговоръ дѣйствовать на Параню, не ожидая чина лоручика для князя, взять отставку и сыграть свадьбу. За своего отца Иванъ ручался и за Данилу тоже.

— Ну стулай себѣ съ Богомъ, обратилась Марѣя Петровна къ крестнику.—Сколько выпилъ?

— Четыре-съ, матушка! свѣжимъ голосомъ выговорилъ Самойловъ, отирая потъ катившій съ его круглаго лица.

Марѣя Петровна встала, сунула въ руку крестнику денегъ, и промолвила:

— Ну загляни опять когда. А дурь-то эту ты у меня изъ головы брось, слышишь!

— Слушаю-съ! отрѣзалъ Самойловъ.

— Виданное ли дѣло? Срамота... Ты красавецъ ларень, да еще лятсотъ карбовавцевъ я отсчитаю на свадьбу. Слышь-ко, Ванюша, что крестникъ-то мой надумалъ? Жениться! Да на бабѣ старой, моей ровесницѣ. Ухъ, глупая твоя башка! постучала Марѣя Петровна кулакомъ по лбу крестника.

Иванъ между тѣмъ видѣлъ какъ изъ коляски вылустила Анна Ивановна Брантъ Параню и конфедерата, сама же сѣхала со двора. А они все не являлись. Иванъ оставилъ Марѣю Петровну убѣждать крестника и пошелъ чрезъ всѣ комнаты на встрѣчу.

Приблизясь къ прихожей онъ услышалъ на лѣстницѣ голоса, и неволью, словно кто шелъ ему, тихо и не стуча оставовидся близъ дверей.

Параня смѣялась и поддразнивала конфедерата, тотъ говорилъ съ жаромъ и даже какъ будто сердясь, и оба стояли на верхнихъ ступеняхъ.

— Разъ сказать, обѣщать—такъ надо сдѣлать! Тшеба, лави. Это обманъ!

— А если я не хочу.... смѣнила мысли! подсмѣивалась Параня.—Что жь сдѣлаешь, лане? А?

— Я сейчасъ вотъ.... Силкомъ разцѣлю! Не одинъ, а сто разъ.

— О-о? отозвалась Параня.—Это такъ можно въ землѣ Польской. А меня.... О! вѣтъ....

Иванъ, слушая, то холодѣлъ, то горѣлъ какъ на огнѣ и

наконецъ ахнулъ, потому что Бжечинскій сдѣлалъ движеніе и вымолвилъ смѣясь:

— Такъ вотъ....

Иванъ услышалъ какъ Параня отскочила ближе къ дверямъ и тяжело дышала среди наступившаго молчанія. Наконецъ, черезъ нѣсколько мгновеній, она вымолвила дрожащимъ отъ гнѣва, но сильнымъ голосомъ:

— Когда я порѣшу чему не быть, такъ ужъ тому во вѣки не быть. Стулай, лань, уходи.... Да и не навѣдывайся!

— Не любишь ты меня или любишь? съ отчаяніемъ произнесъ Бжечинскій.— Не пойму я ничего въ тебѣ. Я пошутилъ, лани Уздальска. Но я чаялъ любви въ тебѣ. Поясни же мнѣ. Не любишь?

— Нѣтъ, рѣзко вымолвила Параня.

— А прежде.... Вчера.... Говорила....

— Вчера? Да!...

— Стало разлюбила въ единую ночь?

— Да.

— Какже такъ, лани? Смѣешься, лани?

— Нѣтъ, ей-ей, нѣтъ! Сама не вѣдаю, а истинно такъ.

— Кого же ты любишь? Скажи.... Ротозѣя Хвалынскаго?

Иванъ встрепенулся и ждалъ, но Параня молчала и затѣмъ произнесла тихо и умоляющимъ голосомъ.

— Не гнѣвися. Вчера любовь ты мнѣ былъ, а нынѣ нѣтъ! Не гнѣвися. Обида за обиду. Я обманула, а ты сейчасъ хотѣлъ обидѣть меня.... Прости. Богъ съ тобой. Бывай у насъ. Хочешь, входи теперь.

— Нѣтъ. Простите.

Бжечинскій быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ, а Параня долго стояла на верхней ступени, недвижимо, задумчиво, и наконецъ, тяжело вздохнувъ, тихо побрела въ комнату. Иванъ бросился за шкафъ и пропустилъ дѣвushку, а когда она была у матери, пробѣжалъ на балконъ и опустился на первый стулъ. Сердце его билось радостно, и онъ шелталъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Угодники Божіи! Святыи Іоаннъ! Она меня.... Она его не любитъ....

Иванъ и молился, и говорилъ вслухъ, и совершенно залуптался.... Раздался шагъ Парани, и онъ едва собрался съ силами, чтобы не выдать себя. Параня вышла на балконъ, и глянувъ на молодого человека выговорила тотчасъ:

— Чтѣ ты, Иванушка? Словно тебя кто лобилъ сейчасъ.

— Н-нѣтъ!.. тихо и смущенно отозвался онъ.

— Скажи ты мнѣ.... У меня нынѣ четыре жениха. Такъ вѣшь и посылались вдругъ, какъ шишки еловыя. Первый Иванушка дурачокъ, красный коллачокъ, — засмѣялась дѣвушка, — второй ланъ Бжечинскій, третій Селимъ.... Мама тебѣ сказывала вѣдь.... А четвертый вотъ уже двѣ недѣли ко мнѣ прямо сваху подсылаетъ, знаетъ что мама на него губернатору жаловаться будетъ за обиду! громко разсмѣялась Параша. — Бывшій осторожный смотритель.

— Майоръ Колоштанъ! вскрикнулъ Иванъ. — Да я его.... Я сейчасъ пойду, его застрѣлю! кричалъ Иванъ: — Пьяница, воръ! Изъ сдаточныхъ, холотского рода! Чтò жь это за лотка такая? И Селимъ, и Колоштанъ.... Я сейчасъ пойду къ осторожному лсу.... Я его....

— Полно, полно! Я надѣсь такой отвѣтъ указала свахѣ ему передать что онъ вчера божился что либо домъ нашъ подожжетъ, либо меня на улицѣ приберетъ. Да вѣдь языкъ безъ костей.... Ну, говори же, Иванушка, за кого мнѣ замужъ выходить. А ты, поистивъ, по совѣсти. На свою руку не гни.

— За того кого любишь... Тебѣ лучше вѣдать.

— А коли я никого не люблю? странно, какъ бы насильно умишлялась дѣвушка и задумалась. — Вотъ, ей-ей, никого. Ей-ей!

— Спасибо на правдѣ, вымолвилъ Иванъ. — Прощай! Домой.... Братъ ждетъ ѣхать въ Азгаръ.

Иванъ сталъ блѣденъ какъ снѣгъ, но глубоко задумавшаяся вдругъ Параша ничего не видала и не слышала.

— Прощай же, Параша. Въ Азгаръ я....

— Да! Да! Прощай, прости! разсѣянно вымолвила Параша.

Иванъ стоялъ и переминался. Параша словно нарочно олустила глаза въ землю и стояла какъ каменная, сложивъ руки, сморщивъ брови и приковавъ красивые глаза къ рѣшеткѣ балкона. Иванъ повернулся вдругъ и побѣждалъ вонъ изъ дома не простясь и съ Марею Петровной. Слезы лились по его блѣднымъ щекамъ. Легкій вѣтерокъ наломилъ Ивану что онъ забылъ свою шалку. Онъ хотѣлъ-было вернуться, но отчаянно махнулъ рукой и безъ шалки влѣзъ въ свой экипажъ.

VII.

Князь Данило, побывавъ у Кудрявцева, заѣхалъ къ Бранту, и на этотъ разъ болѣе понравился старику. Онъ ни слова не сказалъ о вчерашнемъ и не извинился за свое гнѣвное поведеніе; но за то онъ былъ крайне любезенъ со старикомъ.

Брантъ совершенно растаялъ, и они долго говорили о новости—бунтѣ въ Оренбургскомъ краѣ. Губернаторъ, прося сохранить тайну, разказалъ ему что зналъ и выражалъ безпокойство на счетъ того что крѣлости всей линіи почти безъ гарнизоновъ, безъ пороху, и въ розницу легко могутъ быть взяты. Рейнсдорпа онъ называлъ слѣшкомъ мягкимъ и вершительнымъ правителемъ.

Князь Данило не придавалъ значенія ни бунту, ни самозванству. Брантъ наломилъ ему что начальникъ шайки, бѣглый солдатъ, Погашевъ, не первый самозванецъ, и что за годъ уже былъ въ Царицынѣ солдатъ Богомоловъ назвавшійся Петромъ III.

— Ну и что же сотворилъ? Пять мѣщанъ подъялъ на бунтъ! И этихъ теперь перехватываютъ. Вотъ смотрите, генералъ, завтра придетъ гонецъ что Погашевъ сей сидитъ въ острогѣ Яицкомъ.

— Жду! Жду! А все-таки страшусь за фортеціи. Въ розницу, ятасотъ бунтовщиковъ — ихъ по очереди переберутъ, и Рейнсдорлъ ничего не сдѣлаетъ.

Князь Данило всталъ.

— Что жь? Разбойничество Стеньки Разина стало повторится, по вашему разсужденію? разсмѣялся князь.

Брантъ тоже весело и добродушно раскохотался и пошелъ провожать гостя черезъ залу.

— Мой вижайшій локлонъ вашему достопочтенному родителю. Что онъ къ намъ не навѣдается хоть на одну зимку? Я чаю, княжнѣ пора ужъ жениха....

— А у васъ ихъ много въ Казани.... для княжны Хвалынской? насмѣшливо спросилъ Данило.

Брантъ разсмѣялся снова и прибавилъ:

— Что дѣлать? Сами изволили замѣтить. Пьянство, карты, шалости. Тутъ вѣдь Азія. Вотъ только изъ Татаръ есть прекрасные юноши. Видѣли вы вчера Селума? Давай Богъ

какъ такихъ. Умница, смиренный и учится много. Да вотъ скоро и ему карачунъ будетъ. Пропадетъ малый.

— Отчего же?

— Окреститься хочетъ. Не мните князь, слыхватилса Брантъ,—что я говорю какъ протестантъ. Нѣтъ. А это у насъ про обычаи вошло. Какъ казанскій Татаринъ, дворянинъ или мурза что ли, по-ихнему, станетъ съ нашимъ дворянствомъ сноситься, окрестится въ вѣру православную, такъ и запропадетъ. Такія начнеть творить подвиги что черезъ года три, четыре, въ острогѣ. У меня такихъ въ губерніи съ десятокъ въ олекѣ, да двое въ домѣ умалюшенныхъ съ пьянства, да еще двое при острогѣ, въ дворянскомъ отдѣленіи, за самое свирѣлое истязаніе и смертоубійство своихъ рабовъ. Вотъ и Селимъ туда коровить, разсмѣялся губернаторъ.

Въ эту минуту вернулась съ прогулки Анна Ивановна Брантъ, и разказавъ о какой-то шуткѣ своей любимицы Парани, навела Данилу на мысль ѣхать къ Уздальскимъ.

Тамъ, принятый Марей Петровной на дѣстниці съ почетомъ и съ особенною любезностью, князь нашель гостей: хромого генерала Сельцева съ женой и съ дочерью, лучшаго доктора въ городѣ, Италианца Джули, и князя Черемисова.

Бесѣда шла о свадьбѣ Уздальскаго, объ его невѣстѣ Бречетовой и объ ея отцѣ.

Парана почему-то была особенно въ духѣ, сидѣла въ углу и шепталась съ Дашей Сельцевой, которая знала всегда все происходящее въ городѣ.

Теперь она разказывала Паранѣ что вечеромъ будетъ у князя Улуса Андреича розыгрышъ Татарки. Татарку эту, не казанскую, а турецкую, изъ Крыма, Андрей Уздальскій, собираваясь жениться, разыгрываетъ у Черемисова.

Между тѣмъ Марья Петровна разказывала гостямъ въ подробностяхъ что ея сестра Барская, живущая съ мужемъ въ Оренбургѣ, лишеть что собиравалась везти захворавшаго мужа въ Казань да боится.

— Много разбоевъ въ округѣ ихнемъ. Какой-то злодѣй явился и салтаномъ себя величаетъ китайскимъ.

— Что вы мамоньку слушаете? воскликнула бойко и весело Парана.— Она всегда все въ стулѣ столчетъ. Тетушка отшмысываетъ что тотъ злодѣй вовсе не салтаномъ назвадся, а російскимъ....

— Молчи, Парашокъ, молчи, послѣднѣе перебила дочь Марѳа Петровна.

— Сама молчи, старая грѣхотворница, шутя отозвалась Параша и толкнула ногой.

— При чужихъ людяхъ-то! Ахъ, безстыдница дѣвица! Что гости-то подумаютъ, какъ ты съ матерью лостулаешься? Хорошо это, ваше превосходительство?

Генералъ Сельцевъ по своей привычкѣ вытаращилъ глаза и разсмѣялся вмѣстѣ съ другими. Гости уже привыкли къ этимъ колѣблѣмъ Параша. Одинъ князь Данило пристально и удивленно глянулъ на дѣвущку.

— А князь-то что помыслить о тебѣ? А? Поѣдетъ къ родителю или въ Питербурхъ и разкажетъ всѣмъ какую дѣвицу въ Казани видѣлъ!

— Полно ты мнѣ зубы-то заговаривать, яблоко моченое! И Параша сдѣлала матери гримасу.

Князь Черемисовъ громко хохоталъ и проговорилъ:

— Ай да Прасковья Алексѣевна! Такъ! такъ! люблю. Что старшихъ-то слушать? Чего они смыслятъ? Ничего! Правда ли моя?

— Она еще то ли творить? весело жаловалась Марѳа Петровна Данилѣ.—Спросите вы, князь, какъ она Осиль Кесырыча обманула недавно. Я была у всеобщей, видите ли, а она....

Данило прервалъ вопросомъ о томъ кто Осиль Кесырычъ, и докторъ Джули, вставъ съ мѣста, раскланялся предъ нимъ.

— Джузелле Чезаре Джули! выговорилъ лѣвучимъ голосомъ худенькій и черненькій Венецианецъ.

Марѳа Петровна разказала гостямъ послѣднее *колыбельное* своего Парашка, то-есть какъ дѣвушка легла вечеромъ на дорожкѣ въ саду около стѣны дома и послала дѣвчонку къ доктору сказать что барышня вылазала изъ окна и разби-лась.

— Прибѣжалъ мой Осиль Кесырычъ. Ахаютъ и охаютъ. А людшки-то мои тожъ не вѣдаютъ, не то правда все, не то мороченье одно. И что тутъ было, государи мои? Согнали дѣвокъ, понесли ее въ горницы, положили. Лежитъ какъ мертвая, не дышетъ вѣдь, ей Богу! не дышетъ. Вотъ спросите Осиль Кесырыча! Ей Богу! клялась Марѳа Петровна.

— Si signore, обратился Джули къ князю какъ будто думая что петербургскій князь долженъ знать непременно лотаіянски.

— А ужь со мной-то она.... бичеву вьеть. Не родная я ей мать, вотъ и не почитаетъ, лукаво молвила Марфа Петровна лодыжговая Сельцеву.

— Ну, постой же, вотъ уѣдутъ онцъ, я тебя въ допросъ возьму! грозилась Параня изъ своего угла.

Давило всталъ. Эти шутки матери съ дочерью произвели на него странное и недѣльное впечатлѣнiе, такъ что ему не захотѣлось оставаться долѣе.

„Ай да Иванъ! Выискалъ себѣ невесту, думалъ онъ, выходитъ. Намъ въ лагерь Молдаванокъ привозили такихъ десятками, только не затѣмъ чтобы жениться на нихъ.“

Князь Черемисовъ вышелъ на княземъ и сталъ звать вечеромъ къ себѣ. Давило отказывался рѣшительно, но Черемисовъ такъ пристава къ нему что онъ обѣщалъ быть на митугу.

Прѣхавъ домой, Давило велѣлъ все готовить къ отъѣзду чтобы въ ночь выѣхать. Онъ нашелъ брата на постели грустнаго и съ глазами красными какъ у кролика.

— Что-нибудь да есть новое, обрадовался Давило, и ни слова не сказалъ брату о послѣднемъ впечатлѣнiи вынесенномъ изъ дома Уздальскихъ.

VIII.

Князь Черемисовъ былъ богачъ-помѣщикъ изъ Татаръ. Онъ окрестился только въ двадцать лѣтъ, по желанiю отца своего, перешедшаго въ христіанство со всею семьей и домочадцами. Обращенiе его въ православiе, казалось, принесло несчастию всей семьѣ, къ великой радости его единовѣрцевъ и къ изумленiю Русскихъ. Въ десять лѣтъ, изъ большой семьи, двухъ стариковъ, четырехъ сыновей и трехъ дочерей, остался одинъ младшій князь. Отецъ и двѣ дочери умерли отъ ослы, а третья сбѣжала и пропала безъ вѣсти; два сына умерли отъ чума въ чахоткѣ, а одинъ утонулъ.

Отецъ Черемисова при крещенiи измѣнилъ имя Шакой на имя Андрей. Младшій сынъ, носившій имя Бахтиаръ и прозвище Улусъ, назвался въ крещенiи Борисомъ, но почему-то, сначала въ семьѣ, а затѣмъ и въ обществѣ, остался съ прозвищемъ, и изъ всѣхъ по привычкѣ называвшихъ его Улусомъ Андреевичемъ немногіе знали его настоящее имя. Даже празднуя и обѣдая у него, ежегодно, въ день Бориса и Глѣба,

никто не задумывался надъ вопросомъ: какимъ образомъ князь Улусъ Андреевичъ Черемисовъ именинникъ въ этотъ день?

Князь, уже по смерти отца, женился на сестрѣ прѣзжайго доктора Джули. Вѣрнѣе сказать, Итальянка хитро женила на себѣ богатаго prince, но проживъ вмѣстѣ три года, они разстались, потому что Francesca Giulі оказалась характеромъ сатана. Однажды, послѣ того какъ она бѣжала по дому за Улусомъ Андреевичемъ съ ножомъ, грозя его зарѣзать, не днемъ такъ во снѣ, князь выѣхалъ изъ дому, потомъ жаловался въ Петербургъ, прося развода, и получилъ позволеніе разстаться съ женой обезпечивъ ее существованіе. Князь передалъ ей одно большое имѣніе въ сосѣдствѣ съ Казанью на мѣстничествѣ. Черезъ два года, за свирѣлое обращеніе съ рабами и въ особенности вслѣдствіе скоропостижной смерти сельскаго дьякона-красавца у нея въ кабинетѣ, княгиня Франческа была взята въ опеку, а князя обязали принять имѣніе назадъ, женѣ же выдавать ежегодную пенсію.

Братъ Франчески, Джузелле, которому князь хотѣлъ поручить жену и платить пенсію обоимъ, отказался и отъ сестры и отъ денегъ. Онъ вообще не бралъ у богача зятя ни гроша, жилъ медициной и получалъ впрочемъ большой доходъ считаясь лучшимъ докторомъ во всей провинціи.

Два сына князя, еще маленькіе, остались съ нимъ, и одного изъ нихъ, Бориса, онъ обожалъ до страсти. У Франчески, уже послѣ размолвки, родился еще сынъ и остался при ней. Князь Черемисовъ смѣялся своему пріятелю и вѣчному должнику Ахлатскому.

— Оваго, братъ, бери ужъ ты на свое попеченіе.

— Возьму, отшучивался Ахлатскій.—Опасаясь токмо что онъ какъ выростетъ да заговорить, то первое же скажетъ: Паки, лаки міромъ Господу помолимся.

Черемисовъ прежде всего любилъ ѣсть и пить, и славился въ городѣ хлѣбосольствомъ, обѣдами и винами. Затѣмъ онъ давалъ всякому взаймы и почти навязывалъ тѣмъ кто не бралъ.

— Вотъ за карбованцы меня и любятъ люди, объяснял онъ.—Даромъ любить не будутъ.

Состояніе было большое, однако уже начинало шататься. Въ особенности раззоряли князя не обѣды, не пріемы и не ссуды въ долгъ безъ отдачи, а общій порокъ, карты, съ по-

стояннымъ проигрышемъ. Ахлатскій бралъ у друга-пріятеля сколько могъ, но Черемисовъ не жалѣлъ.

— Чтò Сила Титычъ? говорилъ про него князь.—Онъ воробей на гумнѣ. Картици проклятыя, вотъ чтò заѣло нашего брата дворянина.

Князь любилъ говорить часто что онъ *русскій человекъ и дворянинъ*, будто старался этимъ заставить всѣхъ позабыть что онъ новокрещенъ. Не было ему большей обиды какъ если кто, шутя или на зло, назоветъ его „перекрестъ!“

Князь Черемисовъ, вернувшись домой отъ Уздальскихъ, отправился къ своимъ пріятелямъ конфедератамъ. Бжечинскіе жили во флигелѣ его дома даромъ и даже стоили ему денегъ, потому что Черемисовъ отказался брать съ казны нѣсколько рублей въ годъ полагаемыхъ на наемъ квартиры для ссыльныхъ и, поселивъ Бжечинскихъ у себя, отдѣлялъ большой флигель заново.

Братья Бжечинскіе были Барскіе конфедераты, взятыя въ плѣнъ и сосланные въ числѣ многихъ другихъ въ Казань, гдѣ ихъ всѣхъ было нѣсколько сотъ человекъ. Съ ними вмѣстѣ попалъ и Французъ Дюваль, выходецъ изъ Бургундіи, портной, открывшій въ Варшавѣ магазинъ платья, а затѣмъ ставшій въ ряды партизановъ конфедераціи, прельстившись чиною офицера который ему обѣщали.

Братья Бжечинскіе долго оставались въ Петербургѣ на особомъ леченіи и присмотрѣ, но когда правительство замѣтило что они стали вліятельнымъ центромъ польскаго кружка имѣвшаго большія средства, тайныя совѣщанія и частыя сношенія, не только съ Польшей, но съ Франціей и даже съ Турціей, то ихъ отправили обоихъ въ Казань. Дюваль, мастеръ на всѣ руки, отправился за Бжечинскими, — такъ какъ со времени плѣна исправлялъ у нихъ должность портнаго, эконома и учителя французскаго языка. Дюваль тоже составлялъ изъ травъ какіе-то духи для Яна и переплеталъ книги для Казимира, и кромѣ того училъ перваго играть на флейтѣ, а второму переписывалъ набѣло огромныя письма и донесенія о Россіи и Русскихъ къ кому-то во Францію, кто титуловался въ письмахъ: *Monseigneur* и *Excellence*. Въ Казани Дюваль вдругъ (неизвѣстно какъ) разжился, взбунтовался противъ Поляковъ, и отъ зари до зари болтался по городу, обѣдая, ужиная и даже ночуя внѣ дома, у безчисленныхъ знакомыхъ, гдѣ игралъ на флейтѣ, показывалъ фокусы, кроилъ узенькіе

атласные жилеты новѣйшаго фасона *à la puce molestée* и какіе-то сукованые колпаки которые прозвалъ *calotte chismatique*. Наконецъ, говоря на языкѣ полу-польскомъ, полу-русскомъ, довольно понятно, Дюваль пускалъ турусы на колесахъ про Парижъ, гдѣ никогда не бывалъ, про кузена виконта или дядю маркиза никогда не существовавшихъ и т. д. Янъ Бжечинскій сердился на отбившагося отъ рукъ портнаго, но молчалъ по приказу старшаго брата, а Казиміръ самъ не мѣшалъ Дювалю врать, за то что Французъ съ своей стороны честно молчалъ про всѣ письма во Францію къ Excellence которыя прежде переписывалъ.

Братья Бжечинскіе были родомъ изъ Бѣлоруссіи, аристократы и съ порядочнымъ состояніемъ. Ихъ было четыре брата. Янъ и Казиміръ попали въ число основателей Барской конфедерации; кромѣ того Казиміръ замѣшался и въ дѣло извѣстнаго похищенія короля Станислава. Третій братъ, тоже конфедератъ, бѣжалъ въ Америку и прославился тамъ своими подвигами въ войнѣ за независимость; четвертый отправился въ Турцію и былъ уже турецкимъ беємъ. Оставшіяся дома, старикъ дядя управлялъ общими дѣлами и высылалъ денегъ только двумъ казанскимъ лѣвникамъ, такъ какъ другіе двое не нуждались въ средствахъ. Самый умный и дѣльный изъ четырехъ былъ старшій, Казиміръ, воспитанный во Франціи въ іезуитской школѣ и знавшій восемь языковъ, астрономію и даже немного астрологіи и алхиміи. Всегда угрюмый, почти мрачный, онъ за исключеніемъ своихъ не знался ни съ кѣмъ кромѣ губернатора, Черемисова, Андрея Уздальскаго и Измаиль-бея; съ остальными Казанцами онъ оставался на шалочномъ знакомствѣ и сидѣлъ дома занятый чтеніемъ и письмомъ. Младшій изъ всѣхъ братьевъ, Янъ, напротивъ ѣздилъ всюду, всегда щегольски одѣтый, всегда любезный, особенно съ женщинами, кокетливый съ дѣвушками, услужливый и почтительный со старухами. Янъ всѣ любилъ, а нѣкоторыя молодецкія и обожалъ. Онъ былъ красавецъ и молодецъ на стрѣльбу, верховую ѣзду и танцы. Отношенія сорокалѣтняго Казиміра къ двадцатидвулѣтнему брату были отношенія отца къ любимому сыну. Казиміръ баловалъ брата предоставляя ему всѣ деньги на наряды, веселье и карточную игру, но часто и журилъ его, хотя исключительно за одно и то же: за дружбу съ Ахлатскимъ и другими ему подобными. Янъ обѣщался отдалять-

ся, быть больше въ своемъ кружкѣ конфедератовъ, но снова увлекаясь, и если не дружила въ дѣйствительности съ казанскою кутающею молодежью, то все-таки часто шалила вмѣстѣ съ другими, праздными сорви-головами.

Однажды только, и недавно, Казиміръ былъ взбѣшенъ на Яна, разбилъ его, выгналъ отъ себя, и не говорилъ съ братомъ цѣлую недѣлю. Причина была немаловажная. Янъ просилъ позволенія жениться. Предъ баломъ Бранта они снова помирились, и Казиміръ былъ слишкомъ погруженъ въ свои занятія чтобы замѣтить за кѣмъ волочится братъ, на комъ собирався жениться, и прошла ли эта недѣльная затѣя.

Когда князь Черемисовъ явился къ друзьямъ, то еще изъ прихожей усаживалъ громкій и гнѣвный голосъ Казиміра, большею частью скулага на слова, а тѣмъ болѣе на длинными рѣчи и споры.

— Чтѣ такое приключилось? спросилъ входя князь, не понимавшій по-польски.

Янъ молча лежалъ на диванѣ, угрюмый и грустный, а Казиміръ полусидя на письменномъ столѣ, однообразнымъ, но сильнымъ голосомъ, какъ всегда безъ жестовъ и не поднимая глазъ отъ полу, горячо объяснялъ что-то брату. При появленіи Черемисова онъ замолчалъ и на повторенный вопросъ отвѣчалъ сухо:

— Мало ли чтѣ у брата съ братомъ есть,—и прибавилъ:— Испортитъ мнѣ Яна ваша Казань. Я буду просить императрицу о ссылкѣ насъ куда-нибудь, хоть въ Сибирь.

— Спроси у князя, правду ли я говорю? вымолвилъ Янъ по-русски, голосомъ дрогнувшимъ отъ волненія и грусти.

Казиміръ молчалъ съ минуту и отвѣчалъ брату по-польски.

— Если хочешь посредника и судью между нами, я и на это согласенъ. Но выбери по крайней мѣрѣ кого изъ нашихъ, хоть Потоцкаго. Но я предупреждаю тебя въ послѣдній разъ, я не хочу чтобы ты уступилъ мнѣ. Я хочу тебя убѣдить. Хочу чтобы ты самъ понялъ и отказался по доброй волѣ. Въ нашемъ положеніи некогда только плясать, да кутить, мазать и жениться. Надо быть готовымъ каждый день пожертвовать собой. А что касается дѣвушки, то въ ней польскаго только одна бойкость... Вотъ все! Больше я говорить не буду.

Казиміръ подавилъ тяжелый вздохъ и обернулся къ Черемисову.

— Время къ вамъ въ гости... Пойдемъ.

И всѣ трое вышли и отправились въ домъ.

— Гнѣвный онъ у тебя, мотнулъ головой Черемисовъ на шедшаго впереди Казимира. Янъ тоскливо улыбулся:—Злюка? А? Змѣй Драконъ? А? Правда ль моя?

Необычайное происшествіе, надѣлавшее много шуму въ городѣ, послужило поводомъ къ вечеринкѣ Черемисова.

Андрей Уздальскій, отправившись однажды, года за два предъ тѣмъ, по дѣламъ въ Макарьевъ, привезъ оттуда съ собою красивую крымскую Татарку, которую купилъ за пятьсотъ рублей у какого-то астраханскаго кулца, пріѣхавшаго на ярмарку съ персидскими товарами. Татарка краденая изъ Бахчисарая и проданная сначала въ Ростовѣ-на-Дону, попала въ Царицынъ, и купленная опять проѣзжимъ кулцомъ, была продана на Макарьевской ярмаркѣ Андрею и стала баловнемъ Казанцевъ. Всѣ ее дарили, всѣ о ней заботились, и всѣ завидовали покупкѣ Уздальскаго. Черемисовъ даже ѣздилъ послѣ того тайно отъ друзей на ярмарку, въ надеждѣ купить такую же *крымку*, но безъ успѣха.

Шерфе, съ крымскимъ типомъ лица, была красивое, но крошечное существо, съ виду ребенокъ лѣтъ двѣнадцати, и это именно и составляло ея прелесть для всѣхъ. Въ Казани процвѣтали татарскіе и камыцкіе типы; маленькія сѣренькія щелки вмѣсто глазъ, широкія скулы, курносые, рѣдко красивые, а чаще расплюснутые носы, и наконецъ, рыжеватые или желто-бѣлые волосы. Шерфе была отмѣтнымъ сободемъ, съ своею длинною черною косою, съ своими миндалевидными черными глазами, съ горбатымъ тонкимъ носикомъ, со вздернутыми ноздрями и съ вѣчно-матовымъ лицомъ. Вдобавокъ это была безпокойная и огневая фигурка, то страстно тоскливая, то бѣшено веселая, съ горящимъ взоромъ и неумолкаемымъ хохотомъ на тонкихъ губахъ. Подчасъ случалось ей и лылить, больше изъ ревности, и она кидалась на разсердившаго ее противника, царала его длинными ногтями, или быстрымъ движеніемъ снявъ башмакъ съ крошечной ноги кидалась бить имъ своего врага изо всей силы по головѣ. Но существо это было смѣшкомъ мало, слабо, производило только смѣхъ и становилось потѣхой даже въ гнѣвѣ своемъ.

Многіе, въ томъ числѣ и Черемисовъ, давно упрашивали

Андрея продать или подарить имъ Шерфе, но Уздальскій, которому Татарка начинала прискучивать, изъ самолюбія не уступалъ ея никому. Теперь, съ прїѣздомъ въ Казань, онъ объявилъ вдругъ что привезъ съ собою изъ деревни Шафку или Шарика, такъ прозвали Шерфе, и намѣренъ ради своей свадьбы подарить ея кому-нибудь.

Охотниковъ явилось такъ много что придумали продавать Шерфе съ торговъ, кто больше дастъ; но Андрей не захотѣлъ торга и рѣшилъ что онъ отдастъ звѣрка кому выладетъ онъ по жеребью. Шерфе разумѣется и не безпокоилась когда узнала что будутъ участвовать въ жеребьи только прїатели Андрея, и весело поѣхала съ Уздальскимъ на вечеръ.

Когда князь Хвалынскій явился къ Черемисову, то напелъ уже тамъ все собравшееся общество; отчасти все тѣхъ же кого онъ уже видѣлъ вчера на балѣ, помимо двухъ, трехъ новыхъ личностей.

Прежде всего Черемисовъ сталъ просить Данилу помириться съ Яномъ и къ своему даже удивленію напелъ въ князю полную готовность на это.

Янъ, слегка смущаясь, первый подошелъ къ князю, послѣ того какъ Казиміръ, повернувшись быстро на каблучкахъ, вышелъ изъ горницы и ушелъ къ себѣ. Данило былъ въ духѣ и почти охотно заговорилъ съ Яномъ.

Какъ это случилось, князь самъ не зналъ. Часто приходится ему въ жизни поступать на основаніи разсужденія: *такъ*, или: *пожалуй*, или: *что за важность*.

Когда Данило отошелъ отъ Яна, къ нему, человѣку высокаго роста, приблизилось вдругъ крошечное существо въ красномъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ, и прыгнувъ на него повисло на шеѣ. Онъ невольно вздрогнулъ; многіе разсмѣялись.

Шерфе пристально разглядѣла его носомъ къ носу и пискнула:

— Можно въ губы?

И не дожидаясь обыкновеннаго въ этомъ случаѣ отъ каждаго отвѣта, она поцѣловала его, потомъ соскочивъ на полъ, перебѣжала, вспрыгнула на диванъ, и повозившись какъ собака на одномъ мѣстѣ усѣлась поджавъ ноги подъ себя.

Когда князю объяснили все, онъ сѣлъ около Шерфе и усмѣхаясь сталъ разглядывать ея. Звѣрокъ понравился и ему. Шерфе тотчасъ же перелѣзла къ нему на колѣни и стала

могача гладить его по головѣ и по плечу, какъ сталь бы иной охотникъ гладить лошадь по холкѣ. Затѣмъ Шерфе подозвала Андрея и сказала ему:

— Продай Шерфе вотъ этой человѣкѣ!

И она начала жалостливо упрашивать Данилу купить ее, при громкомъ хохотѣ и шуткахъ всѣхъ. Князь соглашался не то шута, не то серьезно, но Андрей не хотѣлъ измѣнить избранному способу передать Шерфе въ другія руки.

Въ числѣ новыхъ для князя личностей былъ Французъ Дюваль, съ которымъ онъ заговорилъ не твердымъ французскимъ языкомъ, а затѣмъ Разумникъ Бѣлокопытовъ съ разлукою рожей и съ огромнымъ ячменемъ на глазу, отъ котораго его глубое лицо казалось не то удивленнымъ, не то испуганнымъ.

При смѣхѣ, говорѣ, даже гулѣ голосовъ, начался жеребій, и черезъ полчаса всякой возни, причемъ каждый предлагалъ свой способъ жеребья, Татарка выпала на долю наименѣе лѣтвеннаго ею. Андрей шута взялъ Шерфе на руки и передалъ ее выигравшему Яну. Конфедератъ слегка смутился при всѣхъ взглядахъ и шуткахъ обращенныхъ къ нему; когда же Шерфе стала разглядывать его лицо, какъ бы вида его въ первый разъ, или желая провѣрить въ эту важную минуту впечатлѣнья прежняго времени, то поднялся безумный гвалтъ.

Шерфе, оглядѣвъ Яна, перешла тихо (обыкновенно она всегда и всюду скакала) къ князю Данилѣ, и оглядѣвъ его въ свою очередь, обратилась къ Андрею съ угрозою и съ укоризной.

— Дуракъ! Свинія! Вотъ! Зачѣмъ не этой человѣкѣ дать минія. Это хорошо, а та—не знаю.

Хохоту не было конца.

Князь Данило вскорѣ, не дожидаясь ужина, распрощался извиняясь неотложнымъ отъѣздомъ въ Азгарь.

Съ отъѣздомъ князя многіе гости какъ-то приободрились и повесѣли. Петербургскій князь стѣснялъ ихъ. Седимъ лутился въ шутковскіе разговоры о свирѣлости Яна и совѣтовалъ Шерфе чтобъ она ушла отъ Бжечинскаго къ нему.

Азиатскій рассказалъ какъ вымазалъ углемъ одного купца изъ гостиннаго двора, который приходилъ за полученьемъ по счету. Дюваль вдругъ ахнулъ, вспомнилъ что-то, полѣзъ въ карманъ и вынувъ бумажку вымолвилъ:

— Dites donc, vous autres, que signifie ceci en russe:—И Дюваль прочелъ написанное французскими буквами:

— *Iabi vasse plique ami encore mille!*

Никто не понялъ.

— *Sependant, c'est du russe, morbleu. Du moscovite tout pur. Ça m'a été dit ce matin, et je l'ai inscrit pour ne pas l'oublier. Не вѣмъ до то есть, но то русски phrase.*

Долго бились всѣ надъ загадкой. Дюваль клялся что ему это сказалъ мужъ одной его знакомой чиновницы.

Черемисовъ сѣлъ въ уголъ съ бумажкой, и домаю себя голову прочиталъ громко разъ лятнадцатъ кряду.

— *Iabi vasse plique ami encore mille!*

Въ эту минуту вошелъ скрывавшійся изъ гостиной дюжій Разумникъ и вдругъ услышалъ громкій голосъ Черемисова обращенный ни къ кому, тогда какъ глаза его были устремлены на вошедшаго.

— За что же-съ? вымолвилъ Разумникъ удивленно въ отвѣтъ князю.

— Что за что? удивился и Черемисовъ.

— Вы изволите говорить, плюхами бы меня накормили. За что же-съ?

Черемисовъ заоралъ:— Ура! Загадка разъяснилась.

Дюваль, несмотря на свой всегда мѣдный лобъ, немного опѣшилъ при дружномъ хохотѣ всей компаніи отъ фразы:

— Я бы васъ плюхами накормилъ.

Онъ взялъ свою флейту и сталъ играть, а затѣмъ загвѣлъ было романсъ:

Dis moi, Nannette, pourquoi je t'aime?..

Но не кончилъ и заоралъ во все горло:

Vive Henry Quatre!

Vive ce roy vaillant!

Ce diable à quatre,

Ce modèle des amants! и т. д.

И послѣ требованія Селима объяснить смыслъ, перевелъ такъ: „Хорошій король Анри четыре. И хорошій молодецъ. Чортъ сердитый. Очень много любитъ дѣвицъ,“ и т. д.

Черемисовъ нашелъ что такая лѣсня про короля или царя неприлична и слѣлъ въ свою очередь:

Ужь и гдѣ ты, жена, шатаалася,

Домой заловдалася?

Я тебя гуавная баба

Отпочаю за космы!

Когда онъ кончилъ длинную лѣсню, Дюваль обернулся къ одному конфедерату Туровскому, и выговорилъ:

— Ils appellent ça une romance? Les malheureux! И онъ съ гримасой заткнулъ носъ.

Послѣ этого сѣли за столъ, а послѣ ужина и послѣ многихъ опустѣвшихъ бутылокъ не было конца тѣмъ штукамъ которыя придумала повеселѣвшая компанія чтобы справить свадьбу Яна и Шерфе (будто бы) но-мордовски, съ разными подробностями.

Напрасно Янъ отказывался, Шерфе была въ восторгѣ, и подлившее общество исповняло надъ ними обычай за обычаемъ и придумывала не вѣсть что... Даже гимназистъ Разумникъ, самъ-другъ съ ячменемъ, смущались, глядя на эту свадьбу и наконецъ оба покраснѣли, одинъ изъ конфуза, другой отъ жары.

IX.

Князь Иванъ заболѣлъ отъ душевной борьбы. Онъ пробоваъ разлюбить свою Параню, и отъ одной этой пробы въ одинъ день похудѣлъ какъ спица. Черезъ сутки братья усѣлись въ рыдванъ, но отгѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ дому встрѣтили посланнаго отъ губернатора за Иваномъ. Этотъ хотѣлъ было дать на водку посланному и отдѣлаться, но Данило воспротивился нарушенію *служебнаго долга*. Черезъ полчаса Иванъ вернулся отъ Бранта съ новымъ порученьемъ ѣхать въ Оренбургъ, и чуть не плакалъ.

Данило, не зная какъ лучше уговорить и утѣшить брата въ его неожиданномъ горѣ, рѣшился было передать ему слышанное секретно отъ Бранта о самозванцѣ, но подумавъ напелъ что не слѣдъ и брату родному разглашать *государственную тайну*.

Братья простились, и Данило второй разъ съѣхалъ со двора окруженный своею конницей.

Не задача была князю въ пути. Въ тотъ же день, въ сумерки, онъ неожиданно застрѣлъ на половинѣ дороги между Казанью и Азгаромъ. На второмъ переѣздѣ, послѣ часоваго роздыха, лутники наѣхали вдругъ на заставу около какой-то маленькой деревушки. Рыдванъ и конныхъ остановили нѣсколько мужиковъ, которые перегородивъ дорогу околицей,

сколоченною кой-какъ изъ сосновыхъ лѣснѣхъ, требовали съ молодцовъ полтину за проѣздъ.

Наѣздики зашумѣли, и крики скоро перешли въ драку. Дремавшій князь очнулся и выглянулъ въ окно. При видѣ мундира, мужики олтѣшили и не говоря ни слова бросились со всѣхъ ногъ бѣжать отъ своей заставы въ поле. Снова началась травля какъ за Яшкѣю въ Никитскомъ. Двоихъ тотчасъ же поймали и привели къ князю.

Оказалось что они самовольно выстроили заставу и собирали деньги. Хвалынской хотѣлъ ихъ сдать въ деревушкѣ, но въ ней не нашлось ни единой души. Даже страшно было смотрѣть на лустую улицу и лустые дома. Словно чума прошла здѣсь. Мужики объяснили что всѣ души были проданы пощникомъ Уздальскимъ на съезъ въ другой уѣздъ, а изъ оставшихся въ деревнѣ пятнадцати душъ кто попалъ въ бѣгуны, а кто перешелъ жить въ сосѣднее село Таковское. Въ устройствѣ заставы мужики калялись.

— По бѣдности, родимый, прокормиться нечѣмъ.

Князь велѣлъ разбросать околицу, а затѣмъ повезъ мужиковъ за пять верстъ въ Таковское. Они дорогой увѣряли молодцовъ князя и божились что съ другихъ примѣръ взяли. Что заставъ видимо-невидимо въ околоткѣ по всѣмъ проселкамъ, только они вотъ ослулили съ Митюхой солдатомъ который научилъ ихъ выстроиться на больно ужъ важномъ трактѣ.

Мужики однако не приуныли, и все время что ѣхали съ молодцами, тоже посаженные на лошадей, подсмѣивались другъ надъ другомъ.

— Въ Петруха и заставили столбовую! Вотъ-те и караульщикъ! Буде останавлять ѣздоковъ!

— Телерь сами поѣхали! отшучивался Петруха.

— И не зажило, а олять подкладывай!

— А ты, Егорка, не свались! Убьешься! подсмѣивался Петруха надъ тѣмъ что оба были привязаны къ сѣдламъ.

— Ишь, вѣдь, разбойники! удивлялись молодцы князя.— Смыхоту завели. Ну почему.

Еще за полверсты отъ Таковского, всѣ замѣтили сильное движенье на слободѣ.

— Ъхать ли туда, Данило Родивовычъ? шелнулъ кучеръ Митраха оборачиваясь съ козелъ къ князю. — Тамъ кажись не ладно. Бувтъ пожалуй.

Давило смутился, но тотчасъ же взбѣсился на себя за эту мгновенную робость.

— Пошелъ! крикнулъ онъ сердито, но однако осмотрѣлъ кремни на пистолетахъ и всылалъ свѣжаго пороху.

При въѣздѣ въ село, онъ велѣлъ остановиться и выйдя изъ экипажа пошелъ пѣшкомъ. Слобода была залита толпой.

— Что за сборъ здѣсь? вымолвилъ князь сурово и важно, подходя къ одной кучкѣ.

Нѣсколько человекъ тихонько и молча разошлись и рассыпались, а бѣлобородый центръ кучки, старики на подборъ, встрѣтили Хвалынскаго со смущеньемъ и поклонились поспешивъ шалки.

— Что за сходъ у васъ? спросилъ снова князь.

Передніе упали на колѣна.

— Что вы? изумился Хвалынскій.

— Милостивецъ, не гнѣвайся! Коли насъ обжаловали, ты не вѣрь! заговорилъ одинъ старикъ. — Мы токмо запоздали мало, потому раззоръ великъ. А коли обождешь малость, мы слодна какъ всегда внесемъ по силѣ своей.

— А разсуждали мы, родимый, что не сберешь ни атына охотой, а надо избы обшарить, прибавилъ другой свѣлобородый.

— Что такое? Поясни, старина.

— Времена тягостныя. Мы все же внесемъ тебѣ что есть, государь. Въ руки внесемъ, токмо обожди мало.

— Добро, добро. Сказывай напередъ, почто сходъ у васъ?

— На присягу.

— Какую присягу?

— Самъ вѣдаешь, милостивецъ. Государыня присягаемъ.

— Какъ? Вы еще не присягали? Да Государыня ужъ околько лѣтъ какъ Божьей милостью царствуетъ.

— Вѣстимо Божьей милостью, родимый, и сколько лѣтъ, бессмысленно повторилъ мужикъ.— Вотъ мы каждый мѣсяцъ ей, матушкѣ, и присягаемъ. И въ запрошлый присягали, а ноябрь тожъ первое число, Покровъ. Сего грѣха за нами нѣтъ чтобы не присягать. Токмо вотъ по бѣдности, иждивенья не хватаетъ за присягу. Ужъ больно часто.

Князь ни слова не говоря велѣлъ вести себя ко священнику, который неожиданно оказался переведенный изъ Сокольскаго, знакомый князю и даже его бывшій учитель, отецъ Ареа.

Добрый старикъ невообразимо обрадовался узнавъ ученика-князюньку и охотливо объяснилъ ему все то же.

— Усердствуемъ, князюнька, прихожане народъ богобоязный, сказалъ отецъ Ареѳа, усадивъ князя за столъ и угощая простоквашей.—Начальство весьма довольно... Только сердце не етъ глядя на раззореніе мужиковъ.

— Кто жь указалъ вамъ, батюшка, приводить такъ народъ къ присягѣ каждый мѣсяцъ?

— Государственный тайный ассессоръ, по тайной коллегии начальникъ, внушительно сказалъ отецъ Ареѳа.

— И онъ самъ призываетъ за деньгами?

— Вѣстимо, самъ и съ своею челядью. Вотъ какъ и вы, князюнька, великій вельможа... У меня на дому стоитъ каждый разъ и обѣщаль мнѣ за усердіе камиллаву.

„Ты, батюшка, не врешь ли? Не себѣ ли ты сборъ прячешь?“ подумалъ Данило, но вспомнилъ какою доброю славою пользовался издавна отецъ Ареѳа.

Поговоривъ еще князь убѣдился въ неподдѣльной правдѣ священника, а мужики подтвердили его слова. Государственного ассессора ждали чрезъ два дня, потому что указавъ присягу каждый мѣсяцъ онъ призываетъ въ первыхъ числахъ за деньгами. Князь задумался. Не велѣтъ мужикамъ платить значило слугать ихъ и произвести пожалуй бунтъ, а затѣмъ усмиренье.... Онъ рѣшился донести подробно обо всемъ Бранту, и написавъ письмо отправилъ одного изъ своихъ наѣздниковъ въ Казань гондомъ. Бранта просилъ онъ прислать команду въ Таковское, чтобы перехватать злоумышленниковъ и доставить ихъ подъ конвоемъ въ Казань. Самъ князь рѣшился ждать команды и ассессора.

„Это моя обязанность вѣрнаго подданнаго, утѣшалъ онъ себя: по долгу службы и присяги и по христіанскому долгу, обязанъ я отложить путь и кончить здѣсь мытарство крестьянское. Еслибы всѣ мы вѣрные подданные матушки государыни поступали такъ какъ я въ семь случаевъ, то и неурядица была бы на Руси меньшая.“

Отъ нечего-дѣлать князь бесѣдовалъ со своимъ старымъ учителемъ.

— Дополняю сказываю вамъ что кончанье свѣту приходить, грустно говорилъ отецъ Ареѳа. — Все предзнаменуетъ свое кончанье, яко Христосъ Господь заповѣдовалъ намъ.... Въ Писаніи сказано: умноженіе зла, войны великія, проро-

вѣдь евангельская по вѣмъ земли краямъ. Смекайте-ко, князька. Зло на Руси превеликое какого и не бывало. Войны съ Туркой устрашенныя, да и Татаръ казанскихъ повелѣно крестить и мечети ихъ валить. Да сбудутся слова Писанія!— И отецъ Арева прослезился, потомъ прибавилъ утирая глаза:— И ко всему-то этому и царя нѣтъ на Руси.... А что то за земля безъ царя? Пропадать ей пропадомъ безпремѣнно.

— Что вы, батюшка, царь русскій—наша матушка Екатерина Алексѣевна.

— Хорошо бъ ежели бы Катерина Алексѣевна, все бъ было лучше, а то никого.... Слышь царьки разные правятъ, какіе изъ Русскихъ, а какіе и изъ Нѣмцевъ, изъ нехристей. Ихъ, слышь, великое множество. Одинъ сказываетъ: я того желаю на Руси. А другой ему въ отвѣтъ: я по сему не дозволю чинить.... Эдакъ по-моему не гоже. А третій говоритъ: Врете вы всѣ. Я во какой указъ на пишу! И выходитъ, князька, отъ того по всей Руси великое противорѣчіе. И на селѣ иномъ, коли двое, либо трое баръ, какая околесица бываетъ! Великому же царству наипаче отъ такихъ-то цариковъ карачунъ быть должень. Примѣчайте какъ пригоже было при Елизаветѣ Петровнѣ, поелуку матушка была изъ царевъ, Петра Алексѣича дщерь единокровная. Правила одна голова, ну непорядковъ и не было. Либо вотъ заступникъ нашъ, солнышко ясное, императоръ русскій Петръ Θεодорычъ.... Почто онъ не царствуетъ? Чѣмъ прогнѣвали мы его царское величество?

Князь, молчавшій до тѣхъ поръ и внимательно слушавшій добраго старика, сказалъ наконецъ:

— Петръ Θεодоровичъ померъ, батюшка, и ему наследовала его законная супруга, Екатерина II.

— Да это я слыхалъ, князька. Слухъ звотъ луцень былъ и у насъ....

— Да вы, кажись, не вѣрите. Вы полагаете что императоръ Петръ III не скончался, а только не царствуетъ....

— Я того, Данило Родивонычъ, излривидѣть очами разума не возмогу: то дѣло государское, а не мое, лолово. Его царева на то воля. Буди, какъ ему, отцу милостивому, угодно.... А коли вы позволите, я такъ ти разсужу его. Всѣ мы предъ Господомъ Богомъ поравенно судимы будемъ.... И всѣ мы тамъ ровни, что царь, что полъ, что князь, и Господь запроситъ такъ и у царя, яко бы у пастыря: Почто ты паству

свою не уласть, не призракъ, и волчьей ехидности предаль на разтерзаніе?...

Хвалыинскій долго, но напрасно, убѣждалъ старика.

— Откуда эти у васъ мысли сомнительныя? Не государственный ли этотъ ассессоръ въ таковыхъ мысляхъ наставляеть васъ? спросилъ князь.

— Какъ можно? Я съ нимъ не отваживался о такомомъ бесѣду вести. А слухомъ земля полнится. И правду ничтъ, князь, не укроешь. Кабы Петръ Θεодорычъ былъ на небо взятъ, такъ не стали бы его въ живыхъ почитать. А что манифестъ объ его смерти я самъ читалъ, то правда; но тогда же, родимый, никто этому отводу вѣры не далъ.

Несмотря ни на какія увѣренья, отецъ Ареѳа только головой съдвою качалъ....

— Почто же, князь, ежели доподлинно Петръ Θεодорычъ у Господа, почто законный преемникъ его не править отечествомъ своимъ? Почто Павелъ Петровичъ не коронуется? Ась?! Священникъ добродушно и лукаво подмигнулъ, полагая что разбилъ въ дребезги всѣ доводы князя однимъ итмъ словомъ.

— По то не править что ему только нынѣ совершеннолѣтіе вышло....

— Истинно, такъ. Ну стало нынѣ и приметь Всея Россіи правленье-то? снова подмигнулъ Ареѳа своимъ сврымъ глазкомъ.

— Это, батюшка, не наше дѣло вѣдать и судить, сухо отвѣчалъ князь.—Какъ Государынѣ угодно будетъ. А наше дѣло молить Господа о сохраненіи ея жизни и здравія на благоденствіе земли Русской....

Священникъ вздохнулъ, провелъ рукой по серебряной бородѣ и смолкъ очевидно несогласный съ княземъ.

Князь, плохо прославъ ночь въ душномъ домикѣ священника, рано утромъ вышелъ прогуляться по слободѣ....

— Данило Родивовичъ, подошелъ къ нему кучеръ Митраха, — повели двумъ молодцамъ съ тобой неотлучно быть. Село это, сдается на мой глазъ, худое. Мужичье подаое, такія все окаянныя рѣчи ведутъ... Уласи Боже!

Хвалыинскій услокоилъ Митраха и лопель вдоль слободы Село смотрѣло уныло, многія избы были заколочены за отсутствіемъ хозяевъ которые были въ солдатахъ или въ

Сибири, а то просто въ бѣгунахъ какъ Яшка или на канатѣ какъ Савка.

Скоро кучка крестьянъ обступила князя съ разспросами: кто совѣта просилъ, кто жаловался. Особенно смущены были всѣ извѣстіемъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ и объ увеличеньи подушной....

Многіе разспрашивали князя о новыхъ деньгахъ изъ бумаги.

— Годны ли онѣ?

— Все сіе маловажно, съ Божьею помощью отвертима, сказалъ одинъ ястарше. — А вотъ, милостивецъ, поясни ты намъ. Народъ баеть, ревизія быть должна, да не простая, а вишь и бабѣ счетъ сведуть по всему царству.

— Да. Прежде этого не было, а теперь будетъ.

Мужики поглядѣли и уныло смолкли, словно ожидали опроверженья отъ князя.

— Да какая вамъ, братцы, забота что бабѣ въ перелись включать?

— Какъ, родимый? Великая налаетъ изъ того. Бабу доднесъ въ счетъ обходили, по то что она.... Ну баба она, не мужикъ вѣдь! Самъ ты я чай смѣкаешь, велика ль отъ бабы польза? Отъ нея одинъ гомонъ на селѣ да лобрехи. Стало нонѣ мужикъ за двухъ отдавайся и подушную вноси, а то и за три, за пять душъ. У меня во двору, баба моя—разъ, да дѣвка—два, да заловка, какъ есть ледащая, въ немочи лятый годъ, да старуха тоже престарѣющая, что и не знаемъ какъ она и съ родни намъ. Ей два ста лѣтъ есть. Стало мнѣ что жь?... Мнѣ толиться!... Гдѣ жь мнѣ отбыть всѣ поборы, да присагать, да еще за четыре бабы подушную улатить?

Хвалыинскій объяснилъ что хотя въ ревизіи и перелпшутъ женщпнъ, но что подушную мужики платить будутъ по-старому.

— Нѣтъ, милостивецъ, рѣшилъ одинъ, все время молчавшій молодой мужикъ.—Коли бабу перелпшутъ, то стадо: плати!... Зачѣмъ ее трогать коли порядки старые будутъ? Что, писаря-то стануть развѣ зря трудиться надъ бабой? Вѣдь ея на Руси видимо-невидимо! Безъ пользы себѣ, писаря эдакого дѣла не затѣяли бы, народецъ не такой.

— Подлинно, бабы великое множество, и зря, али утѣхи ради, счетъ ей сводить не подстать, прибавилъ другой мужикъ.

— Одно баю я, заговорилъ первый громко и злобно.—Иди человекѣ въ лѣса, иди человекѣ въ скиты Божескіе, къ старцамъ. Тамъ тебѣ услокой. А на селахъ да въ людяхъ новѣ житье безлутное. Либо иди человекѣ—толпсы!... А судъ Господень не за горами. Спроси-ко отца Мисаила.... На Москвѣ большой колоколъ есть. Царемъ-колоколомъ его звать. Онъ, надясь самъ звонилъ къ обѣдни.

Хвалынскій пожалъ плечами и тихо побрелъ въ домъ священника размышляя: „Много зажилъ я въ чужомъ краю. Отвыкъ что ль? Всегда такое смятенье въ умахъ было, либо вынѣ токмо? И чтѣ чрезъ все это произойдетъ?“

Къ вечеру вернулся гонецъ князя изъ Казани, одинъ, и привезъ князю письмо отъ Бранта, въ которомъ губернаторъ очень благодарилъ князя за хлопоты по благоустройству провинціи, но сожалѣлъ что не можетъ прислать ни одного солдата, такъ какъ единственная команда имѣющаяся на лицо, человекѣ сорокъ, находится въ Свияжскомъ уѣздѣ для усмиренія бунта. Остальныхъ же человекѣ двадцать лять инвалюдовъ нельзя отнять отъ острога, охраненье котораго имъ поручено, вслѣдствіе огромнаго числа вновь присланныхъ каторжанниковъ пересылаемыхъ въ Сибирь. Брантъ совѣтовалъ князю не безлокоуться о лустякахъ.

— Такъ я самъ его захвачу, упрямо рѣшилъ князь.

На зарѣ слѣдующаго дня прибылъ въ брчкѣ незнакомецъ съ четверьма помощниками холопей. Это и былъ тайный ассессоръ: молодой малый лѣтъ двадцати ляти, лягуавый на видѣ, смѣлый въ ухваткахъ, и съ оловянною звѣздой на кафтанѣ. Князь спрятался со своими людьми, и впустивъ шайку въ домикъ Арёвы, перевязалъ всѣхъ. Ассессоръ не сробѣлъ и сталъ лугать князя каторгой. Не утерпѣлъ князь и чрезъ полчаса всѣхъ лятерыхъ передрали кнотомъ среди улицы. Обманщикъ сознался въ винѣ и назвалъ себя. Это былъ сынъ подъячаго Московскаго земскаго суда Сергѣй Подружкинъ, и дѣйствовалъ по наущенью отца. Князь не зналъ какъ доставить виновныхъ въ городъ и наконецъ удивилъ несказанно всѣхъ—отправивъ всю шайку въ Казань въ своемъ княжескомъ рыдванѣ, а самъ одинъ, верхомъ, поскакалъ въ Азгаръ.

X.

На берегу широкой, голубой Камы, версть за семьдесятъ отъ Азгара, прилеилось около холма прибрежнаго маленькое сельцо Ольгино помѣщика провинціального секретаря въ отставку, но древняго рода дворянина, Дмитрія Дмитриевича Кречетова.

Маль золотникъ, да дорогъ, говорилось про помѣщика, пожилаго челоѣка маленькаго роста; говорилось то же про его маленькую, но красивую усадьбу съ балкономъ на колонкахъ и окруженную небольшимъ садомъ съ аллеями изъ акацій и съ желтыми дорожками; говорилось то же и про сельцо, чистое, хорошо отстроенное. Все было въ Ольгинѣ мало, но все миловидно. Наконецъ была въ Ольгинѣ маленькая дѣвочка, нынѣ дѣвица и невѣста, которую знали и старъ и малъ во всемъ околоткѣ и во всей провинціи.

Помѣщикъ, вдовецъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, и его единственная дочь были у всѣхъ примѣромъ: отецъ какъ хозяинъ, дочь какъ разумница и красавица.

Дмитрій Дмитриевичъ, живой по характеру и бодрый челоѣкъ, былъ, благодаря деревенской незатѣливой жизни, мирной и здоровой обстановкѣ, еще чуть не красавецъ собой. Его лицо было благообразно, еще румяное и безъ морщинъ, съ бѣлою головою и бѣлою пушистою бородой, которую ни за что не соглашался брить ради дворянскаго обычая. Вся его фигура маленькаго роста, но плотная и широкоплечая, его громкій голосъ, его бѣлые какъ жемчугъ зубы и наконецъ крѣпкая жилистая рука, все заставляло называть его „крѣпышемъ“ и побуждало многихъ окрестныхъ помѣщиковъ завидовать Кречетову, а равно ставить его въ примѣръ и здоровьемъ, и силой, и лицомъ. Омъ слылъ за веселаго собесѣдника, занятнаго разказчика про Бирановы порядки (на которые вдоволь насмотрѣлся онъ въ молодости, по мѣсту службы, и зналъ до мелочей), за примѣрнаго отца, обожавшаго и умно воспитавшаго единственную дочь, и въ то же время онъ слылъ за лихаго и примѣрнаго барина какихъ не было во всей провинціи. Про него разказывались поступки съ крестьянами которые заставляли однако тѣхъ же сосѣдей говорить:

— Да онъ самъ Бирановъ у себя-то. Такіе выверты подставить покойнику князю Зосимѣ Азгарскому.

Крайне добродушный на видѣ, Дмитрій Дмитріевичъ былъ вспыльчивъ и горячъ до безумія, и тогда-то становился онъ страшнѣе всякому даже быловню-ребенку, который бѣгалъ отъ отца прятаться за юлки мамушки. Кречетовъ и былъ въ сущности добрый человѣкъ, но сдерживалъ свою доброту, убѣждая себя что много она ему напортила въ молодости, и что не слѣдъ ему юнчи распускать!

Въ то же время онъ былъ нервнѣйшаго, отчасти даже робкаго нрава во вседневной жизни. Подолгу накоплялись въ немъ досада или гнѣвъ или недовольство и въ то же время накоплялось и недовольство самимъ собой, своимъ малодушіемъ и непонятною нервнѣйшею; понемногу переполнялась чаша, капля за каплей, и наконецъ выступала черезъ край, вдругъ, сразу, непредвидѣнно ни для него самого, ни для другихъ. Бѣшеный гнѣвъ вырывался наружу безъ преградъ, дико и звѣрски, и смѣшивался съ какою-то таинственною радостью, съ какимъ-то чувствомъ довольства собой, съ самовосхищеніемъ. Тайный голосъ шепталъ ему:

— Вотъ каковъ ты молодецъ. Тебя трогай, да не больно!...

Послѣ пыла и послѣдствій его Дмитрій Дмитріевичъ смущался, какъ всѣ добрые люди, и старался скрыть свой стыдъ замѣтною напускною суровостью, и тихонько, осторожно заглаживалъ свои вины если могъ; но трудно и рѣдко возможно было загладить ихъ.... Обстановка давала средства и потворствовала тому чтобы послѣдствія гнѣва барина были часто неоправданными.

И жалѣлъ Дмитрій Дмитріевичъ, глядя на себя, что гнѣвался кратко и слабо, и жалѣлъ, глядя на другихъ сосѣдей, что онъ не уродился таковъ какъ они, то-есть съ крѣпкимъ духомъ.

— Они сотворятъ что-либо по праву своему дворянскому и не тужать. Да и мѣру знаютъ. Исподволь ведутъ своихъ лошадей. А ты вотъ молчишь, а тамъ лугнешь какъ шальной, а послѣ того и самъ подъ лавку! Не человѣкъ ты съ крѣпкимъ духомъ, а мякина.

И Дмитрій Дмитріевичъ самъ себя часто не понималъ что онъ за человѣкъ уродился. Случится ему, напримѣръ, наказать кого, и послѣ того совѣстно ему смотрѣть тому человѣку въ лицо. Иной разъ въ немъ точно два разные человѣка спорятъ, одинъ одно совѣтуетъ, а другой на другое толкаетъ.

— Ну что, Богъ съ нами, съ виноватыми! говоритъ одивъ.— И хололъ по образу и подобию Божьему сотворенъ!

— Да ты баринъ или не баринъ?! подстрекаетъ другой...— Волея ты взыскивать? Твой долгъ хололей учить!..

А тутъ вдругъ часто и третій въ разговоръ этотъ душевный вступится, да и скажетъ подсмѣиваясь:

— Ахъ ты, зюзя, зюзя! Все-то ты мелешь безъ помолу. Не бояринъ ты и помѣщикъ—поладья ты!

И вскинется тогда Дмитрій Дмитричь, пугается вдругъ какъ укушенный и начудесить... А пройдетъ дикій пылъ, и мнется и совѣстится...

Дворянъ и крестьянъ не любили барина и не уважали, не смотря на то что жили хорошо и во всемъ околоткѣ считались самыми зажиточными и не разореными баринкомъ.

— Его овода кусаютъ! говорили Ольгинцы, насмѣшливо сравнивая гнѣвъ барина съ бѣшенными скачками самой смирной скотины отъ ловкаго укуса овода.

Одна дѣвочка-дочь обожала отца.

Милуша родилась въ сорочкѣ. Все хорошее, а даже и дурное сошлось вмѣстѣ чтобъ угодить ей и часто изъ несчастья выходило для нея счастье. Мать ея умерла когда ей было всего лять лѣтъ отъ роду, и вдовый отецъ сталъ особенно обожать своего единственнаго ребенка. Затѣмъ его самого, бѣднаго дворянина, безъ покровителей, исключили изъ службы по проускамъ враговъ сильныхъ, и какъ ни горько было ему получить этотъ *абшидъ*, онъ поневолѣ повиновался и уѣхалъ въ свое маленькое помѣстье въ сто душъ, взятое въ приданое за покойною женой. И теперь чрезъ десять лѣтъ владѣлъ онъ тремя стами душъ, добытыхъ трудами изъ любви къ дочери.

Село Ольгино (по имени покойницы) Дмитрій Дмитриевичъ холилъ и голубилъ столько же сколько и Милушу, потому что предназначалось оно ей же въ приданое. Не погуби его по службѣ враги сильные, теперь не было бы Ольгино тѣмъ чѣмъ оно есть.

Дальній родственникъ Кречетова, раззорившійся богачъ и извѣстный буянъ и силачъ, нѣкто Кустовъ, проигравъ последнее имущество въ карты, пошелъ по міру. Кречетовъ изъ жалости принялъ къ себѣ Кустова въ нахлѣбники. Буянъ, мотыга и игрокъ, подъ ударомъ постигшимъ его, пре-

образился. Онъ положилъ на себя обѣтъ воздержанія и смиренія въ лицѣ, въ одеждѣ, въ словѣ и поступкахъ, зарылся въ книгахъ какія только могъ Кречетовъ доставать ему изъ столицъ, и скоро сталъ примѣромъ благочестія, ума и начитанности. Ходили слухи что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ масономъ. Другіе увѣряли что онъ сдѣлался раскольниковъ-молоканомъ. Во всякомъ случаѣ онъ завелъ дѣятельную переписку съ какими-то учеными людьми въ Петербургѣ.

Несчастье послужившее ему во благо, во благо же послужило и Милушѣ. Кустовъ, холостой и бездомный, обожалъ дѣвочку своего благотворителя и занялся ея воспитаніемъ. Много уже перечитала она священныхъ книгъ со своимъ учителемъ когда ее ровесницы сидѣли за букваремъ.

Кустовъ умеръ когда его воспитанницѣ уже минуло тринадцать лѣтъ, и поэтому со смертью своей не исчезъ со свѣту безъ слѣда. Остался другой Кустовъ, красивый, молодой, червокій, не любившій наряды и носившій всегда черненькое плащце съ бѣленькимъ фартучкомъ. Также какъ Кустовъ, выступала Милуша степенно и ровно, никогда не пылила и не сердилась, смѣялась добродушно и тихо. Она же была всеобщая заступница предъ отцомъ, что было и не трудно за исключеніемъ минутъ его пыла. Также какъ Кустовъ, не пропускала она ни единого нищаго и странника не накормивъ его и не наладивъ его сумку всякимъ добромъ. Слокобствіе глубокое, съ виду важное и гордое, разлито было теперь во всемъ высокомъ и полномъ станѣ молоденькой Милуши. Всѣ на нее дивились, и свои, и чужіе. Лаская Милушу по гладко причесанной всегда головкѣ, Кречетовъ говаривалъ указывая на ея высокій и красивый лобъ съ тонкими бровями:

— Здѣсь у насъ тишь, да гладь, да Божья благодать.

— Святая барышня-то у насъ! говорили люди.

Милуша была счастлива... Да и отчего горевать ей? Собою красавица, здоровье Богъ послалъ крѣпкое, отецъ у нея бабовникъ, мамушка Кириловна—рабъ вѣрный, лесъ сторожевой, исполнитель всякаго пожеланья.

Старуха Марья Кириловна была еще мамушкой покойной матери ея, и затѣмъ выходила и Милушу. Способности, доброту права, даже ростъ и красоту Милуши брала старуха на себя.

— Я такую выходила! хвастала она.

Кириловна согрѣшила въ жизни своей; въ первый разъ вышла замужъ она уже пятидесяти лѣтъ, да за молодаго (года за три до свадьбы Кречетовыхъ), прожила съ молодымъ двадцатилѣтнимъ мужемъ только годъ и затѣмъ онъ утопился, а она, родивъ на свѣтъ мальчугана, за труды свои выхлопотала ему у барина отпускную. Максимка, когда ему минуло еще четыре года, былъ товарищемъ игръ, а потомъ поступилъ въ услуженье у князя Ивана и звался Максимъ Марьянъ.

У Милуши помимо Кириловны, которую она обожала, были всегда книжки хорошия и цвѣтникъ свой съ такими цвѣточками какіе только въ Питерѣ есть (Кустовъ сѣмена досталъ). Есть у нея тоже лѣсъ подъ Ольгинымъ, гдѣ она лѣтнею порой собираетъ въ кузовъ грибы бѣлые и подосиновики. Есть у нея быстрая студеная Кама, которую съ дѣтства зовутъ она Мамой, гдѣ она катается и изрядка уѣзжаетъ далеко въ лодкѣ съ рыбакомъ Тимошей. Или же въ полуденный жаръ лѣтній, раздѣвшись въ чащѣ прибрежныхъ камышей, она бросается въ свѣтло-синія волны, плаваетъ, ныряетъ, брызгается и смѣется крикамъ и аханьямъ мамушки Кириловны, сидящей на берегу; олутанная съ головы до ногъ черною косою и разсѣвая волны бѣлою грудью, сияетъ и блеститъ она какъ русалка въ серебрѣ студеной воды... Зимой есть у нея ледяная гора, салазки атласомъ крытыя съ тонкими подрѣзами, и духъ занимается какъ летитъ она вихремъ изъ сада на Каму. Наконецъ праздники есть у нея. Свѣтлая Недѣля съ лубками и красными яичками. Рождество и Святки, ряженье, гаданья, страхъ и замиранье предъ зеркаломъ, надъ лоханкой, надъ воскомъ, или же у стола накрытаго на два прибора въ банѣ отдаленной отъ дома.

Всѣ люди ее окружающіе: отецъ, Кириловна, сосѣди, дворовые—вся природа: грунтовые сараи, аллеи садовыя, небо синее, солнце жаркое, мѣсяцъ бѣлолицый и весь неисчислимый бисеръ звѣздочекъ ночныхъ, весь міръ Божій,—все это для нея живетъ, дышетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ... Все это она любитъ и вѣритъ что все это и ее любитъ, для нея живетъ. Любитъ она все это не страстно, не порывисто, не мятежно, но тихо, ласково и глубоко. Какъ любитъ она стаканъ свѣжаго молока выпить тихо, медленно, такъ же тихо гладитъ она рукой морщинистое лицо Кириловны усмѣхаясь съ любовью во взглядѣ, такъ же спокойно и улыбаясь любитъ она глядѣть на дочную звѣздную сивеву.

Однако и эту ясную и безмятежную жизнь, и эту тихую, но глубокую душу осѣняло облачко темное и чудное. Сказать—нѣтъ проще дѣла, а для Милуши оно было не просто.

Пришелъ дѣвочкѣ девятый годъ... Гостили они съ отцомъ у Городищевыхъ... Собрались разъ всѣ въ лѣсѣ версты за двадцать за грибами. Отбилась Милуша нечаянно отъ всѣхъ, и пошла одна. Попадалась ей на глаза бѣлка, заглядѣлась она на нее... Бѣлка прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, а Милуша любитъся и подвигается за ней, и вдругъ, споткнулась и утала на человѣка... Смотритъ, лежитъ молодой солдатъ и спитъ... Она поскорѣй отошла отъ него и стала аукать своихъ; никто не откликнулся... Она стала кричать что было мочи, устала, но никто не откликнулся. Оробѣла и заплакала дѣвочка, свѣла подъ деревомъ и стала думать (какъ приказывалъ Кустовъ) что дѣлать ей... ходить и аукать или ждать чтобы слохватились о ней и стали искать. Вдругъ идетъ тотъ же солдатъ. Милуша тихонько спряталась за кустъ, но онъ увидалъ ее и пошелъ прямо къ ней.

Дѣвочка оробѣла еще сильнѣе. Одна она въ лѣсу большомъ, и незнакомый, можетъ дурной человѣкъ съ ней. Спрашиваетъ оъ что-то, она не слышитъ отъ робости и дрожить. Плакать и то боится. И вдругъ солдатъ нагнулся, поднялъ ее на руки и зашагалъ съ ней. Помертвѣла Милуша у него въ рукахъ.

Очулся ребенокъ въ сторожкѣ лѣсной, и добрый кривой старикъ сказываетъ ей:

— Не бойся, барышня, а сейчасъ лошадку заложу и сvezу тебя къ господамъ. Они на полянкѣ собрались всѣ; недалече.

Привезъ дѣвочку кривой сторожъ на полянку; всѣ къ ней, а дѣвочка еле жива отъ страху. Разказала она всѣмъ про солдата. Пожурилъ ее отецъ и Кустовъ что не поняла глупая добраго солдата. Его бы отблагодарить надо было, а не пугаться.

Съ трудомъ разспросили криваго старика о солдатѣ, потому что онъ оказался и глухимъ; старикъ пояснилъ что солдата онъ въ первый разъ видѣлъ, хоть и давно живетъ въ лѣсу, и что онъ видно прохожій.

Забыли давно всѣ и думать о солдатѣ и о напугѣ ребенка, но сама Милуша часто вспоминала о немъ съ Кириловой, часто говорили онъ о добромъ солдатѣ, и даже полюбила его заочно.

— Кабы не оня, говорила Кириловна,—можетъ бы и не нашла тебя, дитятко, альбы нашли звѣрми съвдену всю. Слаибо ему!... А былъ это самъ лѣсовикъ, сдается мнѣ, рѣшила надумавшись Кириловна.—Лѣшій злой заводитъ человѣка въ лѣсъ, а лѣсовикъ добрый, сердечный и къ дѣтямъ ласковый, оня выводитъ изъ лѣсу.

Глубоко запала въ душу дѣвочки эта догадка мамушкина.

Объяснилъ Кустовъ Кириловнѣ и Милушѣ что лѣсовиковъ нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ, и что старая нянька вретъ все, и что толковать болѣе объ этомъ пустякѣ не стоить, но Милуша на этотъ разъ повѣрила учителю на половину. Ей хотѣлось чтобы то былъ лѣсовикъ, а не солдатъ простой.

Съ той поры Милуша и Кириловна частенько и много толковали о лѣсовикѣ, потихоньку отъ всѣхъ, чаще всего ввечеру предъ сномъ. И разъ увидѣла Милуша его во свѣтъ.... уносилъ оня ее на край свѣта, но она не боялась и въ лицо ему смотрѣла.

Кириловнѣ сонъ не понравился, но промолчала мамушка и не пояснила его Милушѣ.

„Не уносилъ ли оня, думала старушка, мою Милочку на тотъ свѣтъ, благо анделъ она, а такихъ Господь прибавляетъ къ себѣ, потому что не жилицы оня.“

— А какъ, похожъ оня былъ на того-то, на настоящаго? Можетъ не оня тебя во свѣ-то уносилъ, а другой кто? спросила мамушка.

— Нѣту, Кириловна, оня! Лицо-то его! И во свѣ-то я его лѣсовикомъ звала, да и телерь вспоминаю, то же лицо. Я вѣдь того хорошо помню.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Забыли наконецъ Кириловна съ Милушей о лѣсовикѣ. Померъ въ тотъ годъ Кустовъ, и много горевала Милуша по второмъ названомъ отцѣ своемъ. Часто когда у нихъ бывали гости, Городищевы, Сельцовы или Андрей Уздальскій и другіе, отказывалась Милуша отъ игръ и горѣлокъ въ саду и уходила одна бродить въ тоскѣ по чащѣ или по берегу рѣки. Чаще всего ѣздила рыбу удить въ лодкѣ съ Тимошей по синеватому, безлюдному простору своей мамы Камы...

Однажды она отпросилась на цѣлый день и заѣхала съ Тимошей далеко, чуть не до самой Волги, и стали они въ лодкѣ близъ островка. Тимоша то и дѣло рыбу таскалъ на удочки

изъ воды, а Милуша сидѣла печальная и вспоминала покойнаго Кустова.

„Чудное дѣло! Смерть? думалось ей. — Что она? Кто она? Отчего ее увидать нельзя?...“

Въ дѣтствѣ лолагала Милуша что придетъ старуха съ косою и ударивъ человѣка по ногамъ унесетъ съ собою изъ дома въ поле. И боялась она завидѣть близъ себя эту старуху....

Часто ввечеру, входя одна въ темную дѣтскую, оглядывала она уголки, не сидитъ ли гдѣ смерть съ косою. Однажды Кириловну съ подовою щеткой въ рукахъ приняла она за смерть и закричала во всю мочь, такъ что даже саму старуху мамушку перелугала до полусмерти.

Потомъ долго думала она, послѣ объясненнаго ей сна, что лѣсовикъ уносившій ее во снѣ—смерть ея, чтò приходила за ней, но не унесла ее тогда, а только болѣзнь предсказала.

А вотъ теперь, старуха съ косою не приходила, лѣсовикъ въ видѣ солдата не снился ни ей, ни кому другому—а Кустова вѣту... Смерть взяла его...

— Гляди-ка, барышня! Гляди! воскликнулъ вдругъ Тимоша, выводя ее изъ задумчивости.—Ишь, молодцомъ гребетъ. А не рыбацкѣ вѣдъ,—солдаты, воины.

Оглянулась Милуша назадъ и видитъ мимо нихъ посередь рѣки летать лодка стрѣлою по теченью, а въ ней сидитъ одинъ человѣкъ и размахисто забираетъ веслами.

— Лѣсовикъ! вскрикнула Милуша и закрывъ лицо руками прыгнула въ лодку.

Перелугался и Тимоша того чтò съ барышней сотворилось, и давно уже повторялъ ей:

— Уххалъ! Барышня! Не видать, далече. Ну его! Пропади отъ пропадомъ, какъ налугалъ!

Разказала Милуша все Кириловнѣ, но Кириловна не помяла!

— Думала ты все о немъ, сидячи въ лодкѣ, ну и додумалась. Ты дитятко бойся думанья; отъ него всякій лихъ человѣку бываетъ. Много думать не годно.

— Этотъ лѣсовикъ узналъ про мое думанье и проѣхалъ мимо по Камѣ. Знать я скоро помру. А все же лицо у него такое красивое, доброе! думала Милуша и тихо грустила, собираясь умирать.

Прошло еще года съ два безмятежнаго житья въ Ольгинѣ, и наконецъ вмѣсто смерти вышло иное для Милуши.

XI.

Пришла Людмилѣ Дмитріевнѣ шестнадцатая весна. Луга привольные и дремучіе лѣса опять такъ же чудно нарядились. Все словно воскресло, позолотилось, зацвѣло, зардѣлось... Снова залились лѣтцы лѣвчія въ поляхъ и лѣсахъ и въ синевѣ небесъ... Снова по ночамъ теплымъ слышалась соловьиная лѣсня, раскатистая. Все снова улыбаεται, снова радуется, дышетъ не надышется весеннею теплынюю.

Одной Милушѣ не по себѣ и одна она скучаетъ и жаалуется Кириловнѣ что она смерти болѣе уже не боится... Скучно на свѣтѣ жить. Приди смерть въ видѣ лѣсовика за ней—не испугается Милуша.

Качала головой Кириловна и журила дитятку за голубыя рѣчи.

Пришелъ май мѣсяцъ. Разъ подъ вечеръ, когда вся природа засыпала, когда малѣйшая жизнь малѣйшей мурашки слышалась и чувствовалась, Милуша сидѣла молча, надъ мамой Камой... и глядѣла въ ея воды... Тоска тяжелымъ камнемъ надавила ей сердце... Она что-то давно уже спрашивала у мамы, сама не зная что? Но мама, темная и глубокая, холодно и величаво шла мимо межъ двухъ береговъ открытыхъ синевою ночью...

Милуша была сама не своя, и всѣмъ тѣломъ трелетала въ этой майской тиши вечерней... Предъ ней носился неясный образъ, не то лѣсовикъ, не то Уздальскій, и сердце стучало въ ней шибко и неровно. Уста раскрылись сухи и горячи... Непокойныя руки, скрестившись на волнующейся груди, прижимались и дрожали; онѣ складывались въ объятія и словно искали... Словно не доставало имъ чего-то на этой груди. Они хотѣли прижать, приголубить. Но кого же?... Зачѣмъ?... Глаза долго открытые на синюю даль ослабѣли, сомкнулись... И почудилось Милушѣ что легкое, ясное облачко заволокло отъ нея дальній берегъ, потомъ всю маму Каму закрыло и тихо ползло на нее. Вотъ подступило скользнуло къ ней на грудь, охватило ее всю и тихонько повалило на душистую траву. Вся она млѣла, горѣла и наконецъ вскрикнула робко и тревожно.

Съ этого вечера особенно загрустила Милуша, и ничто не тѣшило ея.

— Знаю-вѣдаю что моей лташкѣ надо, усмѣхнулся разъ отецъ, встрѣтивъ ея одну, грустную и печальную.—Обожди, найду.

Милуша вся вслыхнула и отвернулась.

— Ну, сказывай, угадалъ вѣдь! И отецъ взявъ дочь за голову, насильно старался заглянуть въ ея зарумянившееся лицо.

— Батюшка, батюшка!... билась Милуша укрываясь.

— Глади мнѣ въ лицо, лташка моя.

Отецъ ухитрился и заглянулъ ей въ глаза. Милуша зарыдала и вырвавшись бросилась бѣжать. Отецъ посмѣялся съ мамушкой и потаковалъ.

Прошелъ часъ, смерклось. Ужинать подали, ночь прошла, Милуши не было дома. Вся усадьба поднялась на ноги. Отецъ просто чуть не рыдалъ, метался какъ безумный и общалъ вольную тому кто найдетъ барышню.

Около полуночи пришла Милуша домой, блѣдная, вся въ слезахъ, и не глядя ни на кого, ушла къ себѣ въ горенку. Она просидѣла въ кустахъ береговыхъ, слышала какъ ее звали, хотѣла откликнуться, но устыдилась.

О чемъ толковалъ отецъ, то и случилось.

Не мало было сосѣдей у Кречетовыхъ. Не мало было и такихъ про которыхъ мамушка часто говорила Милушѣ вчеру, потихоньку, укладывая ея въ постель:

— Вотъ молодецъ!... Кабы такого женишка моей ясной звѣздочкѣ....

Милуша улыбалась и думала:

„Да.... А вотъ и Павелъ Городищевъ тоже веселый, добрый, славный. А Сельцевъ, какой тоже хорошій! А Уздальскій! Онъ вдовецъ, но добрый и большой шалунъ.... Главное онъ какъ-то смотритъ особо и рѣчь ведетъ иначе. Но вѣдь шрокъ онъ, и все, сказываютъ, имѣнье свое растратилъ.“

Уздальскій былъ влюбленъ въ Милушу давно, и то что заговорила она въ немъ и считала его особенностью было его чувство къ ней; но свататься онъ откладывалъ, ожидая чтобъ изъ дѣвочки Милуша стала дѣвушкой. О томъ, полюбить ли она его—онъ не думалъ. Она, деревенская барышня и небогатая невѣста, его, перваго жениха въ околоткѣ.

Минуло Милушѣ шестнадцать лѣтъ, и они стали видаться

чаще. Андрей сталъ казаться ей все лучше и красивѣе, и добрѣе.

— А вѣдь онъ лучше всѣхъ, Кириловна?

— Одно слово, соколъ!...

Наконецъ однажды Кречетовъ спросилъ дочь:

— Любовь ли онъ тебѣ, здѣзdochка моя?

— Д-да, батюшка, отвѣчала Милуша, и тихое, славное чувство переполнило ее сердце, при этомъ первомъ громкомъ признаньи.

Андрей наканунѣ посватался. Когда отецъ со слезами благословилъ ихъ, они поцѣловались. Милуша была полна кроткаго смятенья, взгляды ея стали еще яснѣе, еще лучистѣе, уста улыбались. И еще болѣе стыдилась она всякаго чужаго взгляда, еще болѣе румянилось все лицо ея когда люди называли ее невѣстой.

Андрей Уздальскій былъ недурень собой, но съ выраженіемъ лица гауловатымъ, такъ что онъ вызвалъ даже замѣчаніе государыни, видѣвшей его въ Петербургѣ, что родъ Соколъ-Уздальскихъ должно ужъ столь древнѣе что изъ ума выжилъ.

Дѣйствительно, потомокъ Уздальскаго стяжавшаго прозвище Сокола, и другаго Уздальскаго, знаменитаго удалца и любимца царевны Софіи, былъ плохимъ представителемъ своего истинно княжескаго и славянскаго рода.

Вернувшись изъ Петербурга въ Москву, послѣ неудачной попытки служить, къ дядѣ Артемію Никитичу, уже не молодой Андрюша моталъ кое-какъ свои доходы, устраивалъ на Воробьевыхъ горахъ кулачные бои, борьбу съ медвѣдями, которыхъ самъ покулалъ; также затѣвалъ охоты и облавы, которыя его вовсе не занимали. Кромѣ того, не любя лошадей, разводилъ онъ ихъ и выѣзжалъ. Наконецъ онъ женился на половой дочери, некрасивой и гаулой, вскорѣ сталъ пить и спился бы окончательно, еслибы не смерть этой жены: тутъ онъ впервые очутился лицомъ къ лицу со смертью, о которой онъ ни разу въ жизни не подумалъ. При мысли простой и не новой что и онъ можетъ вдругъ умереть—Андрей остеленился.

— Отчего не затѣивничать, коли иждивенья хватаетъ? А такихъ затѣй отъ которыхъ болѣзни наживаются да мрутъ люди я не хочу, сказалъ онъ дядѣ.

Затѣмъ Артеміи Никитичъ всунулъ племянника въ кружокъ

заговорщиковъ. Какъ гонялся Андрей за лисицей не любя травли, такъ же попалъ онъ и въ заговоръ, самъ не зная какъ и зачѣмъ. Его сослали на житье въ вотчину съ запрещеннымъ выѣзжать изъ Казанской провинціи, но не прошло и двухъ лѣтъ какъ Уздальскій сталъ ѣздить свободно по всей Россіи. Всѣ, да пожалуй и самъ онъ, забыли про заговоръ, ссылку и запрещеніе.

Нѣсколько лѣтъ проведенныхъ имъ въ вотчинѣ и въ Казани были жизнью изо дня въ день. Только одна новая страсть явилась у него въ то время, заразившая всѣхъ, азартныя игры. Также какъ у всѣхъ дворянъ сильно разстроило это его дѣла.

Съ самаго пріѣзда изъ Москвы сталъ Андрей мечтать о второй женитьбѣ, но это было трудно. Послѣ своего брака съ поповной, Андрей хотѣлъ теперь блеснуть своею второю женитьбой и не находилъ долго себѣ невѣсты подъ ларю. Одна была дурна, другая глупа, третья, по сказу подсылаемыхъ имъ людей, зла и дурнонравна.

Наконецъ нашлась одна красавица, умница, книжница и съ золотымъ сердцемъ. Это была Кречетова. За ней-то сталъ приглядывать Уздальскій и часто бывать въ Ольгинѣ; онъ долженъ былъ поджидать, потому что ей было всего тринадцать лѣтъ. Ни разу, ни въ одномъ случаѣ, ни въ одномъ словѣ, не опровергла Людмила Кречетова доброй славы своей.

Уздальскій влюбился не въ дѣвочку, а въ ея добрую славу, и съ каждымъ годомъ привязывался все болѣе къ мысли что ольгинская умница будетъ его женой.

„Будетъ у меня супруга красавица и грамотей какихъ и въ Москвѣ нѣтъ“, думалъ онъ.

Стала дѣвочка стройною дѣвицей, посватался Андрей и сталъ готовить свадьбу. Всѣ знавшіе Людмилу Кречетову, никогда не бывавшую нигдѣ, только по ея репутаціи красавицы и книжницы, завидовали Андрею, и онъ былъ полно и гордо счастливъ.

Въ большомъ барскомъ домѣ села Сокольскаго все чистилось и все обновлялось на вновь занятые деньги подъ залогъ имѣнья. Въ залѣ поставили большіе часы, присланные изъ Москвы, съ музыкой и съ такими чудесами что вся провинція будетъ ѣздить и ахать. Изъ Казани привезъ Андрей лѣтъ пушки чтобы лалить во время вѣнчанья. Много народу вѣлъ онъ съ села во дворъ, и увеличенную въ составѣ кучу

холоповъ обшивали въ новые кафтаны и ливреи. Наконецъ все было устроено и готово, и все въ Сокольскомъ, отъ ма-ла до велика, отъ дворецкаго до послѣдняго двороваго маль-чугана, отъ залы съ новыми часами и до послѣдней вещицы въ шкалахъ—все ждало будущую барыню Людмилу Дмитри-евну Соколь-Уздальскую.

XII.

Послѣ сватовства и помолвки, Кречетовъ порѣшилъ объ-ѣхать немногихъ своихъ знакомыхъ и пріятелей чтобы въ первый разъ показать имъ свою дочь-невѣсту, потому что у нѣкоторыхъ сосѣдей, гдѣ часто бывалъ онъ, дочь не бывала никогда. Къ инымъ онъ самъ не возилъ ея, ради того что не было тамъ ей ровней-дѣвочекъ; къ другимъ издавна Ми-луша упрячилась не ѣхать. Она плакала при сборахъ въ луть, дрожала отъ страху, а то и заболѣвала, и всегда кон-чалось тѣмъ что дикарка при помощи Кириловны оставалась дома.

Такъ не бывала Милуша никогда въ Азгарѣ у княжны, не-смотря на просьбы князя. Однажды, давно, дѣвочки встрѣ-тились у Городищевыхъ, не полюбились другъ другу, подра-лись, наплакались вдоволь, и потомъ имѣли обоюдное са-мое невыгодное другъ для друга воспоминаніе. Если ди-карка не ѣхала въ Азгаръ, то и княжна Фима не просилась въ Ольгино.

Первое посѣщеніе съ дочерью-невѣстой Кречетовъ рѣшилъ сдѣлать къ почетному и давнему другу Азгарскому. Женѣхъ долженъ былъ пріѣхать вслѣдъ за ними.

Милуша обмирая вѣхала на Азгарскій дворъ, чуть не за-плакала когда вошла въ огромныя хоромы и долго какъ мла-денецъ жалась отъ всѣхъ къ отцу, несмотря на увѣренія князя Родіона Зосимыча что онъ не кусается.

Наконецъ, перемолвившись чрезъ силу съ Фимочкой, она послѣдовала за ней въ ея горницы. Вмѣстѣ перебрали онѣ обнвы Фимы изъ Москвы, вмѣстѣ обошли, или точнѣе, об-летѣли и хоромы, и садъ, и роцу и наконецъ собрались на островки Воложки удить рыбу, а оттуда вернулись друзьями.

Въ сумерки Милуша подробно описывала Фимѣ свой домъ и садъ, а ввечеру явился изъ Сокольскаго Андрей Уздаль-скій, побывавшій въ дорогѣ подъ рухнувшимъ мостомъ и

запоздавшій поэтому въ Азгарѣ. Андрей умѣлъ болтать и ожи-
вать угрюмый Азгаръ своимъ присутствіемъ.

Пребываніе въ Азгарѣ Кречетова съ дочерью по просьбѣ
князя и Фимы продолжилось съ двухъ дней, назначенныхъ
сначала, на цѣлыя двѣ недѣли. Андрей ѣздилъ къ невѣстѣ
черезъ день вержомъ и ворочался по дѣламъ въ Сокольское.

Наконецъ онъ собрался для закулокъ въ Казань. Крече-
товы собрались далѣе съ визитами къ сосѣдямъ, но скучав-
шій князь и еще болѣе скучавшая княжна и слышать не
хотѣли. И Кречетовы остались въ Азгарѣ до возвращенія
женыхъ.

Однажды вечеромъ, уже послѣ ужина, когда княжна Фима
уже ушла спать, а старики молча, осторожно и соля изъ
всѣхъ силъ, растаскивали послѣднюю кучку бирюлекъ съ
гладкаго подложеннаго подъ нихъ стекла, Милуша сидѣла
одна задумавшись на террасѣ. На этотъ разъ она не могла
поджидать своего Андрюшу, который вѣроятно находился въ
ту минуту уже въ Казани. Милуша надѣялась только что
онъ обманетъ и вернется ранѣе срока или дастъ крюкъ и
завѣдетъ изъ Сокольскаго по дорогѣ въ городъ. Вдругъ лоша-
дывый топотъ долетѣлъ до ея ушей.

— Обманулъ меня, другъ! вострепелась Милуша, но ров-
нымъ спокойнымъ шагомъ вернулась въ темную залу и про-
шла въ переднюю. Тутъ все было уже потушено. Ощупью
отыскавъ дверь, она отворила ее и влустила пріѣзжаго. Едва
переступилъ онъ порогъ, не успѣвъ еще скинуть шубку, ужъ
Милуша радостно обняла его, крѣлко прижалась къ нему и
шелудила:

— Дорогой мой. Думаешь, ненарокомъ пріѣхалъ. Я ждала
тебя, все ждала!... Сердце мое сказала: жди.

Ея обняли крѣлко сильныя руки, ее обожгли горячіе поцѣ-
луи, и незнакомый голосъ проговорилъ:

— Голубушка! Такъ ты ждала меня. Чтѣ батюшка?

Ахнула тихо Милуша и вырвалась изъ объятій какъ ужа-
ленная. Онъ что-то спрашивалъ еще, обросилъ шубку... Люди
сошлись на голоса и огня принесли, но Милуша уже убѣжа-
ла. А пріѣхавшій князь Данило, снимая саблю и заряженные
пистолеты, искалъ глазами сестру свою....

— Какъ ты выросла! Фимочка! Да гдѣ же она? Убѣжала
къ батюшкѣ....

Въ домѣ поднялась суматоха.

— Князька! Князька пріѣхаль! Данило Родивовычъ!!!

Все заходило ходуномъ въ домъ, старики вышли въ залу, и князь Данило уже обнимался съ отцомъ. Дворня сбѣжалась въ домъ, и не смѣя войти въ залу, совали во всѣ двери лхматые головы и заспанные лица.

— Разбудите Фимочку, приказаль Родивонъ Зосимычъ.

— Я ужъ съ нею расцѣловался, она первая встрѣтила меня. Говорить ждала, сказалъ Данило.

На верху, въ угольной комнатѣ, сидѣла у себя на постели Милуша, румяная и взволнованная. Она едва переводила духъ, стрѣлой вбѣжавъ по лѣстницѣ, и часто проводила рукой по лицу, гдѣ горѣли полученные поцѣлуи и словно сжигали щеку и губы ея. Она дрожала слегка, то смѣялась, то охала, и все водила рукой по пылавшему лицу, все стирала эти горячіе поцѣлуи чужаго человѣка.... И чудное дѣло! Эти поцѣлуи пронизали ее, проливались на сердце, разливались теплою струей по всему тѣлу ея, и вся она трепетала какъ подстрѣленная голубка. Съ низу долеталъ шумъ, гулъ всеобщаго говора.... Звали княжну, звали дворецкаго, приказывали ужинъ, бѣгали, объявляли другъ дружкѣ новость, толкались, хлопали дверями, кто-то упалъ, кто-то обругалъ кого-то... И все шумѣло, все толлилось, все кричало...

— Данило Родивовычъ! Князька! Пріѣхаль! гудѣло во всемъ домъ...

Милуша чутко прислушивалась.

— Чтѣ дѣлать мнѣ? говорила она вслухъ.—Срамъ! Срамъ! Уххъ бы? Гдѣ же Кириловна?

„Какъ оны собой?“ спрашивало что-то въ Милушѣ, и казалось ей что это щеки ея въ поцѣлуяхъ спрашиваютъ, а не она сама.

Наконецъ вошла Кириловна и тоже объявила новость.

— Кириловна! Мамушка! Чтѣ я натворила... Бхать намъ... Бхать надо!

И Милуша разказала все.

— И! звѣздочка моя! Важность какая! Чего ты это? Добро бы мужикъ какой, а то князька! Ну обмахнулась! Скажешь что молъ не подумайте дурно. Я, молъ, не знала что это вы, жениха своего ждала. Да оны, звѣздочка, и не примѣтилъ, я чаю, кого облизалъ. Гдѣ въ эдакомъ Вавилонѣ примѣтитъ чтѣ въ дому-то поднялся. Меня было старую раздавили сейчасъ, какъ бросилось съ просонку все хололье въ

домъ.... Стулай-ко внизь.... Ничего! утѣшала свое дитятко Кириловна, но Милуша не двигалась.

— Каковъ онъ собой, Кириловна.... большой? рѣшилась она наконецъ спросить. Не *большой*, а другое слово подсказывали щеки.

— Красавецъ, какъ есть! Не хуже твоего Сокола! Генералъ уже, сказываютъ.

За Милушей пришелъ наконецъ и отецъ, звать дочь представить пріѣхавшему князю, но Милуша рассказала и ему свою ошибку.

— Срамъ какой! по-своему принялъ Кречетовъ.—Ты меня осрамила, Милуша... Какъ же такъ вѣшаться на шею? Не глядя въ святцы да и бухъ въ колоколь. Срамота!

— А онъ-то самъ чего же облапалъ? И онъ гляди, хоть и князь! сердито заступилась Кириловна.

Рѣшено было ничего не говорить если самъ князь не вспомнитъ. Милуша легла спать, но всю ночь проворочалась, всю ночь обмирала тревожно, и на зарѣ, въ полудремотѣ, въ полумгнѣ, она уже не стирала поцѣлуевъ съ лица, а какъ-то, напротивъ, всѣмъ тѣломъ притаилась и точно прислушивалась къ своимъ щекамъ и къ оставшемуся на нихъ горячему саѣду...

— А Андрюша!? вдругъ вымолвила Милуша уже при дневномъ свѣтѣ. Дѣвушка тутъ только вспомнила о женихѣ. — Обидѣла я Андрюшу. Забыла! упрекала она себя.

На утро всѣ сошлись въ восьмомъ часу въ залѣ. Пошла и Милуша, уже спокойная, но все еще робкая и стыдливая и не рѣшившая еще въ себѣ самой какъ глянуть въ глаза этого чужаго и нечужаго человѣка.

Вошла Милуша въ залъ вмѣстѣ съ Серафимой. Князь Давило за минуту вышелъ къ себѣ, въ отведенную ему лорнетную. Предъ мѣстомъ его стояло начатое кушанье. Поздоровалась Милуша со всѣми и сѣла къ столу.

— Экая красавица! вымолвилъ Родивонъ Зосимычъ.—Нынче еще краше; знать прослала ночку хорошо. Вотъ бы мнѣ такую Данилѣ лодыскать, шутилъ старикъ.

Раздались крѣпкіе шаги въ диванной, звукъ шлоръ, и князь вошелъ въ залу. Милуша сидѣла, олутивъ глаза на столъ, и думала: Срамъ! Срамъ! Вспомнить! Осмѣть!

— Вотъ моя единственная, Давило Родивонычъ! сказалъ Кречетовъ.—Прошу любить, да жаловать.

Милуша вспыхнула, вся зарумянилась, привстала, все не поднимая глазъ на князя, и поклонилась.

— Ну, Дмитрій Дмитричъ, вымолвилъ этотъ.—По совѣсти скажу: такихъ красавицъ и въ Питерѣ нѣтъ какъ ваша Людмила Дмитріевна.

— Смѣяться изволите! отвѣчалъ Кречетовъ счастливымъ и радостнымъ голосомъ.

Милуша покраснѣла еще болѣе.

— По чистой совѣсти! Пожелать надо Андрею Алексѣевичу умѣть любить такую супругу! продолжалъ Данило любовно, и затѣмъ, утѣвшись прямо противъ Милуши, онъ посмотрѣлъ пристально на лотулившуюся дѣвушку.

— Мнѣ сдается я гдѣ-то встрѣчалъ Людмилу Дмитріевну, добродушно и ласково сказалъ онъ, видя смущенье дѣвушки. „Сейчасъ скажете!“ подумала Милуша, подумалъ и Кречетовъ. Оба собрались промолчать или солгать.

— Не видалъ ли я васъ у Городищевыхъ въ мой прошлый пріѣздъ? Я былъ у нихъ раза два.

Князь Родивонъ прервалъ разговоръ вопросомъ о Павлѣ Городищевѣ. Милуша услокопалась и наконецъ рѣшилась взглянуть на Данила черезъ столъ. Подняла дѣвушка глаза и робко устремила ихъ, но вдругъ они раскрылись широко, блеснули ярко, и поблѣло какъ снѣгъ все лицо Милуши. Бросилась дѣвушка отъ стола какъ раненая въ сердце, и дикимъ, отчаяннымъ крикомъ огласила весь домъ. Какъ ошпенная повалилась Милуша на полъ замертво. Безъ памяти унесли дѣвушку и уложили въ постель.

Когда же Милуша пришла въ себя и осмотрѣлась, то дрожала всѣмъ тѣломъ и ловеда непонятныя, смутныя рѣчи... Что же случилось съ бѣдною Милушей? Въ третій разъ повстрѣчала она своего дѣсовика....

XIII.

Князь Иванъ, оставшись въ Казани по отъѣздѣ брата, конечно лѣнялъ что долженъ былъ снова ѣхать въ Оренбургъ, но и радъ былъ что выигрывалъ одинъ лишній день который могъ провести со своею измѣнницей Параней.

Зайдя къ Городищеву и уговорясь ѣхать вмѣстѣ, Иванъ разумѣется забылъ размолвку съ Параней и въ сумерки отправился къ Уздальскимъ. Онъ нашелъ Марю Петровну одну, занятую штопаньемъ чулковъ.

— Ну, вотъ и ты! воскликнула она.—А Парашокъ мой опять меня надулъ. Сказала что ты не протыся въ Азгаръ къ родителю уѣхалъ.

Иванъ передалъ ей подробно отказъ Бранта дать ему отпускъ и новое его порученіе въ Оренбургъ, а самъ прислушивался чутко не бѣжить ли Параня на его голосъ изъ своей комнаты, какъ бывало не разъ.

— Ну и хорошо! И слава Богу! Стало начальствомъ ты сыскавъ что тебѣ дають важныя поручительства. Эдакъ ты и чиновъ скорѣй нахватаетъ. Мало что ты князь, Ванюша, ты ужъ утѣшь, будь генераль. Чтобы когда-нибудь я, старая, коя доживу, могла быть на балѣ у дочки губернаторши... Я буду не чета Аннѣ Ивановнѣ. Дратъся съ дворянами учну тогда, съ важности со своей....

Иванъ перебилъ болтовню и спросилъ о Паранѣ.

— Въ садъ ушли, голубчикъ. Давно! Поди-ко ты, да зови ихъ. Не гоже съ этимъ сорванцомъ запаздывать въ саду. Да не дѣвичье и дѣло гулять такъ... Мнѣ изъ-за Парашкѣ и такъ всѣ глаза вытыкали...

— А кто тамъ еще?

— А эти... ну ихъ! Все они же. Тараторы-то наши!

— Тараторы? Бжечинскій? спросилъ Иванъ удивленно.

— Ну да! И мусья-Французъ. Одного Махната не хватать. А то бы совсѣмъ Святки съ вѣдмедами.

— Налрасно вы, Марѳа Петровна, позволяете Паранѣ это обхожденье съ нимъ.... съ ними! поправился Иванъ.—Вотъ уже и темнѣть стало. Развѣ это пригоже дѣвицѣ? Чтò подумаютъ чужіе-то люди? А сами сказываютъ много пересудовъ. Вы ее, скаываютъ люди, по-польскому, а не по российскому ведете, вымолвилъ Иванъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ванюша! воскликнула Марѳа Петровна, разинувъ ротъ.— Да ты очумѣлъ что ль? А? родимый?.. Очнись!..

— Истину сказываю, по любви.

— Да я-то чтò сказываю? Чтò ты впервой въ домъ-то пришелъ... А ты вотъ, глупая твоя голова, сунься-ко поди самъ, надумай какъ юду-то мою ухватить... Какъ осадить ее, да запретъ въ чемъ положить! Я тебѣ въ ножки поклонюсь, три свѣчи Святому Іоанну поставлю въ воскресенье.

— Вы ужъ безмѣрно ловинуетесь...

— А ты не ловинуешься? Вишь Илья Муромецъ какой. На, поди! Въ чужомъ-то глазу сучочекъ выискалъ. Ты на себя-то

глянь. Чтѣ она изъ тебя-то прядеть! Вонъ по сю пору не добьешься когда свадьба. А туда же! Богатырь залечный! Я того и жду что вдругъ соберется она, да безъ нитки приданого и обвѣнчается.

— Чтѣ я могу? Вы ей начало.

— Начало? Хорошо я начало. Ахъ ты! Меня вонъ и Артѣма, чтѣ ни скажу, знай свинымъ ухомъ дразнить. Такая ужъ знать безстрашная уродилась я.—Марѣя Петровна начала хныкать.—Ужь коли чужихъ не боится ребенокъ, свои не суйся... Я чаю шестирикомъ коней скорѣе управить, чѣмъ Парашкомъ. Мать-то ее не даромъ Варшавка была. Ты виновать все! Ты вотъ все-таки женихъ, хотъ и не ловѣщеный... Ты бы могъ иной разъ любовнымъ словомъ уговорить дѣвку. Глухая голова! Право! Поди-ко зови домой.—И Марѣя Петровна утирала слезы чулкомъ.—А то вишь, во мнѣ начало ей выискалъ!

Иванъ махнулъ рукой и пошелъ въ садъ. Нигдѣ не было никого; поискавъ съ полчаса, онъ хотѣлъ ворочаться въ недоумѣнны когда услышалъ веселый хохотъ Парани, которая заливалась соловьемъ. Оказалось что всѣ были на границѣ съ сосѣднимъ садомъ и сидѣли на поваленномъ плетнѣ скрывавшемъ ихъ со стороны дома. Иванъ, недовольный и поисками и мѣстомъ выбраннымъ для бесѣды, сумрачный пошелъ къ нимъ мѣрными шагами. Онъ обогнулъ плетень и увидѣлъ Бжечинскаго на землѣ у плетня, и близехонько отъ дѣвушки. Нагнувшись всѣмъ тѣломъ къ ней и опустивъ голову надъ ея колѣнами, онъ держалъ въ рукахъ ея маленькую руку и внимательно разглядывалъ ладонь. Параня немного сторбившись и откачнувшись смотрѣла тоже на свою раскрытую руку и старалась по временамъ, когда Янъ поднималъ голову, заглядывать ему въ лицо. Дюваль сидѣлъ на корточкахъ пережевывая въ зубахъ соломинку, кончикомъ которой онъ тоже изрѣдка показывалъ конфедерату на ладонь дѣвушки. Иванъ при видѣ ихъ остановился и духъ занялся у него.

— Иванушка, иди, иди! Мы гадаемъ. Онъ и тебѣ погадаетъ. Погадаете князю? Да? заглядывала дѣвушка въ нагнутое лицо Бжечинскаго.

Параня забыла что Иванъ хотѣлъ ухъать, что она уже простилась съ нимъ.

„И не удивилась?“ подумалъ Иванъ.

— Слушайте же, продолжалъ Бжечинскій, не обращая вни-

маня на Ивана. Только Дюваль притронулся къ своему атласному шлыку, *calotte schismatique*, собственной работы, и промывчалъ:

— *Salut, mon prince!*

— Ну! ну! Когда я выйду замужъ и за кого? спросила Параня усмѣхаясь и косясь на Ивана.

— Вы никогда замужъ не выйдете!

— Никогда! Вотъ ланъ и солгалъ.... и солгалъ!... У меня можетъ и женихъ уже есть.

— Такъ луня показывается.

— Долго ли я проживу?

— Очень, очень... очень не долго, лани, смѣясь продолжалъ Бжечинскій.

— Нѣтъ.... Я много хочу. Сто лѣтъ.

— И умрете вы не простою, а страшною смертию. *Sérieusement. Je vois là une mort terrible*, прибавилъ Янъ обращаясь къ Дювалю.

— *Va te faire pendre!* воскликнулъ въ отвѣтъ Дюваль.—*Basta! Dobje! Allons souper.*

Всѣ встали и двинулись домой. Параня усмѣхалась, но увидя сумрачное лицо Ивана любѣжала впередъ къ матери.

— *Diable!* говорилъ идя Дюваль.—*On ne soupe pas dans cette maison. Filons chez le cher homme, il mange à cette heure, le gouverneur.*

Бжечинскій задумчиво кивнулъ головой.

Иванъ и не понималъ и не слушалъ. Всѣ трое вошли въ домъ.

— *Parle-t-il quelque fois?* спросилъ Дюваль указывая глазами на Ивана.

Бжечинскій снова кивнулъ головой и покосился узнать не понимаетъ ли Иванъ.

— *Quoi? La langue des fleurs!!...* захохоталъ Дюваль.—*Bonsoir, Mesdames!* объявилъ онъ входя.—*Prostchay barinïa.*

Марья Петровна не удерживала ни того, ни другаго.

— Чтò его шубка-то, Парашокъ, нашлаась? спросила она.

— Экуте, мусью. Тшинокъ, труве... подсмѣивалась Параня.

— *Le tshinoque a disparu, нема... barinïa... Mais la choubka est retrouvéé....*

— Какая *шубска?* Шубка! поправила Параня.

— *Choubka.... Ma-am-selle, c'est plus doux à l'oreille....*

Бжечинскій и Французъ простились и вышли.

— *До видѣнья!* проводила ихъ Параня, улыбаясь Яну.

— Простите отцы-турусы! вымолвила Марѳа Петровна, когда гостей уже не было.—Православная-то рѣчь видно не дается нехристямъ. Отчего ты, Парашокъ, и этого.... Саманила махнатого не позовешь никогда на показъ? Ужь такъ, отъ всѣхъ бы ссыльныхъ по казовѣду.

Параня надула губки и отошла къ окну. Молчавшій все время Иванъ наконецъ раскрылъ ротъ и объявилъ свой отъѣздъ, не въ Азгарь, а обратно въ Оренбургъ. Параня встрепенулась, пересѣла къ нему поближе и положила руку ему на плечо.

— Бѣдный Ванюша! Олять семьсотъ верстъ.

— Да... Стулай, бейся съ Башкирами... а тутъ Поляки отвоюютъ что мнѣ подороже Илецкаго городка или Яцкихъ фортецій.

— Бжецинскій меня отвоюетъ, такъ ли?

Иванъ грустно молчалъ.

— Иванушка дурачокъ ты и есть! вымолвила Параня свою любимую ласку для жениха.—Ты вотъ тамъ въ Оренбургъ поймай Жаръ-Птицу какую, за хвостъ.... Съ самоцвѣтными перьями, мое подвѣчное платье и сошьемъ.

— Тебѣ все смѣхота. А вотъ убьютъ Башкирцы.... Тогда....

— И-и! Тилунъ тебѣ! Сухо дерево! Тьфу! Тьфу! откликнулась изъ угла Марѳа Петровна.

Параня олять задумалась; наступило молчанье, а Иванъ ждалъ что скажетъ она.

— Ваня, Ваня! грустно вымолвила вдругъ дѣвушка.—Я нынѣ утромъ всю мою куцавейку чаемъ облила.

Иванъ вздохнулъ и отвернулся къ окну. Снова замолчала она.

— Параня! Сказывай, не морочь!! вдругъ чрезъ минуту воскликнулъ Иванъ, оборачиваясь и измѣнившись въ лицѣ....—Сказывай по Божьему.... по истинному.... любишь ты меня или потѣшаешься?

Марѳа Петровна перестала вязать, опустила чулокъ на колѣни и широко раскрыла глаза на Ивана. Параня оторвалась и покраснѣлась.

— Дурндѣ! Дурндѣ! вымолвила кротко Марѳа Петровна.—Что ты? Аль зелья какого килучаго поднесли тебѣ? Который годъ любитесь, якобы братъ и сестра родные, а нынѣ, видишь, спросы каки спрашиваетъ. Дурндѣ!

— Пускай по Божьему сказываетъ хоть разъ.... Я, Марѳа Петровна, измучилась.... Я.... я.... Изрубилъ бы я сего ...

— Кого это? шелохнулась Параня.

Марѳа Петровна вытаращила глаза.

— Кого? Того кто всему помѣха!

— Ты не стыдись, Иванушка, ужь приревнуй Парашка къ Туркѣ, къ Махнату.... Что Полякъ? Ты уберегайся отъ Турки. Въ тѣ поры что ты въ порученьи будешь, я Парашка съ Туркой повѣнчаю, право-слово! А не то и съ холомомъ какимъ....—Марѳа Петровна залпулась и прибавила живо.—Тьфу! до какихъ рѣчей меня довелъ! Килучка дурашная!—Марѳа Петровна бросила чулокъ и вышла изъ комнаты.

Молодые люди остались вдвоемъ. Параня думала о томъ что Иванъ приревновалъ ее къ Бжецкиному.

„Стало его любить можно.... Не къ другому кому, а именно къ Яну приревновалъ Иванъ. Стало онъ лучше всѣхъ здѣсь. Въ Казани всѣ любятъ Яна, всѣ ласкають. А свои?... Вотъ хоть Ванюша?... Тихій онъ и добрый; давно любить ее, много любить.... Но въ немъ нѣту чего-то... Чего въ немъ нѣтъ?“ Параня глубоко задумалась.

Наступилъ вечеръ, давно уже князь Иванъ смотрѣлъ на милую, свѣтловолосую головку дѣвушки. Синіе глаза ея остановились на одномъ лятѣ пола и не двигались. И все лицо это окаменѣло. Ужь она ли это умѣетъ смѣяться подчасъ такъ звонко и беззаботно?

— Молви мнѣ хоть единое словечко! сказалъ Иванъ тихо и грустно.

Подняла Параня глаза и вздохнула молча.

— Любовь тебѣ этотъ конфедератъ? Скажи.

— Нѣту, Ванюша, ей-ей. На балѣ, часъ времени былъ любь. Онъ пляшетъ удало. Однимъ плясомъ меня не приворотить къ себѣ. Забудешь эдакъ все какъ пляшешь. Голова кругомъ поидетъ. А прослѣшься и олять своя.... Понимаешь! Впрочемъ я и сама не понимаю.

— Пожалѣешь ты коли меня убьютъ тамъ мятежники?— И Иванъ олустился на полъ предъ дѣвушкой, прижимаясь лбомъ къ ея рукамъ, сложеннымъ на колѣняхъ.—Поллачешь тогда? Скажи.

— Молчи, дурной! — И Параня положила руку ему подъ губы и олять задумалась.—Вотъ кабы ты, Ванюша, загово-

рила вдругъ дѣвушка послѣ долгаго молчанія.—Вотъ кабы ты....—И она вдругъ олять залпулась.

— Чтò? Сказывай, чтò?...

— Кабы ты.... фортецію какую взялъ.... Одинъ!! Нѣтъ.... Лучше возьми въ полонъ этого атамана! Либо.... Постой!—Она подумала и вздохнула.—Не знаю и сама.... Покажи ты, Ванюша, что ты и удалѣе всѣхъ и ретивѣй.... Вотъ твой братъ!... Кабы ты Данилой Родивонычемъ былъ!... Ты, Ванюша, ужъ такой смирный.... Смотри-ко, какъ въ сказкахъ.... Какіе удалые молодцы!... Вотъ кабы мнѣ.... Кабы ты, Ваня.... Э!... Пустое я все сказываю! То вѣдь токмо въ сказкахъ.... А у насъ въ Казани должно-быть никогда....

Параня не договорила, понурилась и смолкла уныло. Иванъ глядѣлъ въ ея грустное лицо и дивился: другая олять дѣвушка сидитъ предъ нимъ и непонятныя рѣчи ведетъ...

XIV.

Дѣвушка весь вечеръ промолчала, продумала. А когда пошла спать, легла не простясь съ матерью и пролежала всю ночь не шевелясь и раскрывъ синіе глаза свои на лампадку. „Люблю ли я Ваню?“ думалось ей.

И послѣ бессонной ночи, на разсвѣтъ дня, Параня встала, накинула на себя куцавейку и тихонько вышла на большой балконъ.... Было свѣжо. Она укуталась, и прижавшись въ уголь балкона, выглядывала оттуда на садъ, на городъ и кремль полуукрытые сѣрымъ утреннимъ свѣтомъ зари. Псжелтѣвшія лиловыя аллеи, отживъ свое, собирались на очередную смерть; и хотя было тихо, но листья то и дѣло кружились въ воздухъ и падали на землю, одинъ за другимъ, словно плакали липы на свой ладъ.

Тоскливо какъ! подумала Параня и сгрустнулось ей еще болѣе. Прямо предъ ней черезъ садъ видѣлись на горѣ кремлевскія стѣны темнымъ вѣнцомъ и среди него пестрѣли храмовыя главы собора и монастырей, отдѣльно отъ всего высилась и рисовалась на блѣдномъ небѣ Сумбекина башня. Лѣвѣе, среди города, видѣлся барскій домина князей Хвалынскихъ; верхнія окна, выбитыя и темныя, угрюмо чернѣлись въ желтыхъ стѣнахъ. На мертвеца съ провалившимися глазами похожъ былъ этотъ домина.

Параня прильнула плечомъ къ рѣшеткѣ, и пріотившись отъ морознаго утра задумала свою неотвязную и докучавую думу.

Понурилась русая безпокойная головка на грудь и длинная, распуценная черезъ плечо коса спряталась подъ куцавейкой и лежитъ на колѣнахъ.... Неровно колышется грудь дѣвочки, взоръ туманится, и не свѣтятся въ немъ синіе лучи. Слезы крупныя, тяжелыя скользятъ черезъ побѣлѣлыя щеки и калаютъ на атласную куцавейку.... Плачетъ Параня тихо, горько, непрерывно. И уже не первый разъ сидитъ она тутъ на зарѣ, забывшись въ уголь, и не первый разъ плачетъ лотихоньку отъ мамы.

Чудная дѣвочка Параня! Она ли недавно румяная, рѣзвая, носилась въ мазуркѣ и, пылая огнемъ, страстно смѣялась всему міру въ лицо, а за тѣмъ страстно шепталась съ конфедератомъ? Она ли съ побѣлѣлымъ лицомъ и слезами тоски пріютилась телеръ на балконѣ?

Что же съ ней? Первая красавица, первая приданница, обожаемая всѣми—чего ей нужно? Чего же полусознательно ищетъ она въ мірѣ кругомъ себя, неотступно проситъ въ страстной молитвѣ? Хочетъ она сердце свое золотое, душу свою кипучую отдать безвозвратно.... Себя всю отдать, умереть для себя и воскреснуть въ волѣ иной, чужой и милой. Но никто нейдетъ, не беретъ ея въ кабалу.

Нѣтъ красавицы краше Парани.

Много поется лѣсенъ любовныхъ на Руси святой про дѣвицу-красу со змѣей—косой русою до земли, съ очами Божиими, синими, что тихо, безъ лукавства, сердце крадутъ у молодца. Бѣлая, какъ снѣгъ сугробовъ зимнихъ, румяная какъ зорька лѣтняя: бѣлымъ лебедемъ она ходитъ плаваетъ, глянетъ душу лодовитъ, слово молвить—околдуеть, усмѣхнется—солнышкомъ засіяетъ.... А полюбить?! Все возьми, жизнь возьми, да пусть только на одинъ мигъ въ затишьи ночномъ опутають и обожгутъ молодца эти руки, да эти косы, да эти слезы дѣвичьи! А не полюбить, иль разлюбить? Прими молодца мать сыра земля. Не родиться бы ему на бѣлый свѣтъ!

И лѣсни эти всѣ про Параню сложены!

Кому же уступитъ, въ чьи объятія отдастъ Параню ангель хранитель ея съ колыбели? Съ нимъ однимъ вела она

свои ночныя бесѣды дѣвичьи, отъ матери скрытыя, людямъ не вѣдомыя!

Гдѣ и кто молодецъ тотъ?...

Статень и пригожь *милой* лѣсенъ русскихъ, черноокій, чернобровый, удалецъ, молодецъ. Лихо скачетъ онъ на конѣ и не боится ни врага лихаго, ни лѣсу дремучаго, ни звѣря лютаго. Сердце его золотое, но страшень ножъ его острый, вѣрный товарищъ его и заступникъ. Женѣ отъ Бога данъ онъ въ оборону отъ злыхъ людей и бѣдъ бѣдовыхъ и отъ грозныхъ непогодъ житейскаго моря. Знай, жена, люби по-крыльце, ласкай горячѣй, слушайся верѣй и спи безбоязно на груди милаго, не страшась ничего, счастливая его счастье-емъ, умная его разумомъ, богатая его лаской!...

Нѣтъ. Не полюбитъ молодца этого Параня. И не онъ ей грезится! Не его она ждетъ...

Носится Параня скрытымъ помысломъ въ томъ царствѣ червономъ гдѣ цные молодцы, все царевичи да витязи, красоты не виданной, молодечества не слыханнаго. На коняхъ шестикрылатыхъ великія дѣла творятъ они. Вороги ихъ и недруги заловѣдныя—не люди, а змѣи-драконы многоглавыя, что плаваютъ по морямъ-океанамъ, иль чародѣи злые что живутъ на островахъ алмазныхъ, иль рати безчисленныя что походами ходятъ по царствамъ заколдованнымъ, иль богатыри съ мечами-кладенцами что стерегутъ, проходу не дають въ чернограды стобашенныя. И страшень тотъ царевичъ своимъ ворогамъ, и все по плечу тому витязю, и все на потѣху тому молодцу. На чудномъ конѣ своемъ чрезъ полъ-міра пролетитъ онъ, за облака взовьется, дно морское достанетъ. И чѣмъ беретъ все? Только свистнетъ своимъ лосвистомъ, только полою кафтана тряхнетъ, только рукавичку вывернетъ на изнанку, только усъ расправитъ. И бѣгаетъ по міру молва стоустая, величаетъ его дѣла великія. И все творитъ онъ ради милой своей, ради царевны-красоты что ждетъ его въ теремѣ высокомъ. А принесетъ онъ, приголубитъ она его да убаюкаетъ на груди своей и сторожитъ всю долгу ночь отдыхъ его отъ подвиговъ громкихъ.

Вотъ бы съ кѣмъ вѣкъ свѣковать, съ кѣмъ вмѣстѣ и въ одну могилу лечь!

Но нѣту болѣе витязей этихъ на землѣ Русской! Прошли тѣ времена золотыя. Много молодцовъ вокругъ Парани, но не одному изъ нихъ и не снилось чего хочетъ дѣвица.

Что жь? Отдать себя Ивану и скоротать жизнь съ нимъ радуясь его счастью? Отогнать отъ себя лукаваго агуна,—своего коня шестокрылата что все уносить за облака и губить дѣвицу? А если будетъ день — явится витязь нечаянъ, нежданъ, не въ урочный часъ, и заслонитъ собой мужа Иванушку, да поманетъ и уведетъ поцѣлуемъ за собой?

Горе, горе тогда! Лучше жди чѣмъ губить и добраго молодца, и себя. Что жь дѣлать что постылы краснымъ дѣвицамъ Иванушки съ золотомъ душой, а подавай имъ все молодца съ вожомъ за голенищемъ. Вишь, милуетъ тотъ по-своему, по горячему, и деготь съ нимъ медомъ оборачивается.

Очнулась Параня отъ благовѣста на храмахъ городскихъ... Садъ голый и сучковатый, липы и трава пожелтѣвшая, а за ними на горѣ, кремлевскіе храмы, главы и шпильцы—все плаваетъ въ розовомъ туманѣ осеннемъ что саваномъ развернулось и одѣваетъ окрестность. Все тоскливо, сыро и лучисто, будто въ слезахъ, и бѣлесоватымъ пятномъ расплывается восходящее за туманомъ солнце. Крѣлко слить еще Татарка-Казань укрытая мглистыми бѣлыми волокнами, словно ветхимъ рванымъ покрываломъ. Кой-гдѣ, какъ изъ дыръ, торчатъ церковь, домъ барскій, иль мечеть съ минаретомъ. Крѣлко звать слить еще на зарѣ и мама Парани.

Нѣтъ, Марѳа Петровна давно уже стояла надъ дочерью и сердце въ ней щемило.

— Да повѣдай ты мнѣ горе свое. И впрямь любишь ты что-ль кого я не знаю! сказала женщина въ отчаяніи.

Не выдержала Параня, бросилась и повисла на груди матери. И долго плакала про горе свое красавица.

— Горе мое — никого не люблю я!... И хочу я, мама, помираю хочу!... Чего, сама не вѣдаю. Знать испорчена я... Знать не жилица.

XV.

Бричка запряженная тройкой удало мчалась по степному пути изъ Казани въ Оренбургъ. Въ ней сидѣли два офицера, а на облукѣ около ямщика торчалъ бочкомъ деньщикъ, здоровый и лухлолицый малый лѣтъ восемнадцати. Городищевъ дремалъ несмотря на толчки. Князь Иванъ сидѣлъ вперивъ глаза въ окружающую голую равнину. Порою грустный взглядъ его застидала слезы, и онъ почти безпомощно

опускалъ голову на грудь. Не тоска разлуки съ бывшею невѣстой, а увѣренность въ ея равнодушіи и любви къ конфедерату Бжечинскому снѣдала его сердце. Иванъ ради утѣшенія и самообмана начиналъ мечтать какъ отличится, захватитъ бунтовщика Ермолая и всѣхъ его товарищей по мятежу... Или половину захватитъ, половину уложитъ саблею... Привезетъ Ермолая въ Казань... Говоръ пойдетъ по городу о князѣ Иванѣ Хвалынскомъ. Куда ни пойдетъ Парая, вездѣ ей будутъ говорить про него и его удалость... Поѣдетъ онъ въ Петербургъ, будетъ представленъ государынѣ. Какъ глянетъ онъ съ плеча на Бжечинскаго: ты, молъ, ссыльный, а о моихъ подвигахъ стоишь стоишь по всей Руси.

Двое сутокъ напролетъ Иванъ рубилъ Калмыковъ, Татаръ, мятежныхъ казаковъ, бралъ города и крѣпости, начальствовалъ войскамъ, то арестовывалъ Ермолая, то убивалъ его, то везъ скованнаго въ Казань. Наконецъ давалъ балы въ Казани на мѣстѣ смѣннаго имъ губернатора фонъ-Бранта... На третью сутки сонливость Городищева и лодвигу князя Ивана какъ рукой сняло.

Они остановились отдохнуть въ Бугульмѣ на нѣсколько часовъ. Имъ оставалось еще вдвое столько же до Оренбурга.

Пока они обѣдали на постояломъ дворѣ, мимо окна пронеслась бричка, и въ ней узнали они оренбургскаго офицера Штейндорфа.

Остановленный ими офицеръ бросился къ нимъ какъ тальпой. Заперлись всѣ трое въ комнатѣ и зашелтались.

Штейндорфъ передалъ имъ много новаго и нежданнаго.

Фортеція Нижне-Озерная была взята, Татищева взята тоже, и въ ней перебиты, перевѣшаны всѣ. Затѣмъ взяты были еще двѣ фортеціи, и мятежное войско не въ 300 человекъ, а въ 30.000 разсыпалось въ окрестностяхъ Оренбурга.

Все это случилось въ девять дней, съ 24го сентября по 3е октября. Губернаторъ Рейнсдорлъ, по словамъ офицера, потерялъ голову. Бригадиры Бѣловъ, Корфъ, Валленштернъ и другіе съ перепугу не слушаются приказаній генерала, и всякій дѣлаетъ что ему кажется лучше. Изъ города каждый день пропѣдаютъ бѣглецы. Въ окрестностяхъ сильное волненіе, а на заводахъ Демидова и Строганова бунты. Нурали-ханъ и Киргизы помогаютъ мятежникамъ, и они даже ждутъ себя на подмогу китайскую армію въ сто тысячъ... Въ Оренбургѣ

ни пороку ни ядеръ, ни оружія. Начальство и смѣлость мятежниковъ невообразимы. Всѣми войсками начальствуетъ молодой малый, русый и красивый, лѣтъ двадцати пяти, и войско мятежное считаетъ его за иного нежели что онъ есть.

— За кого же? спросили оба слушателя.

— Я даю честное слово губернатору никому не сказывать. Это содержится въ тайнѣ, пока не придетъ указъ изъ Петербурга какъ поступать.

— Но вѣдь мы же офицеры! обиженно вымолвилъ Городищевъ.

— Я клялся не открывать никому, самодовольно выговорилъ Штейндорфъ.—Но вы узнаете скоро сами еще по пути, потому что народъ въявь толкуетъ о немъ.

— У насъ въ Казани называли сего начальника Ермолай Погашевъ? сказалъ Иванъ Хвалынский.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Теперь вѣрно извѣстно, Емельянъ Пугачевъ, казакъ бѣглый.... Но онъ не начальникъ. Это луцено имъ въ ходъ невѣдомо зачѣмъ, ибо Пугачевъ начальствуетъ только отрядомъ, а не всѣми войсками. Ихъ много такихъ-то: братья Зарубины, Лысовъ, Твороговъ, Овчинниковъ. Ну да вы все узнаете сами. Но какъ вы проберетесь? Вѣдь вся дорога теперь занята ихъ войсками да и мосты черезъ Сакмару всѣ сожгутъ по распоряженію Рейнсдорла.

— Что же онъ? Бойтся что ли что Оренбургъ возьметъ Пугачевъ? разсмѣялся Иванъ.—Вѣдь это не фортеція Разсылая что давно разсылалась сама... Умѣютъ ли они изъ ружей-то палить? Калмыки вѣдь боятся огня.

Штейндорфъ всталъ и сказалъ съ досадою:

— А вотъ ступайте... Увидите чего они умѣютъ и чего не умѣютъ. Останетесь довольны. До свиданія.

Штейндорфъ усѣлся въ свою бричку и скоро скрылся за пылью поднятою колесами.

— Каковъ Нѣмецъ! А-а? Тайны отъ насъ имѣеть? А кто боже русскій подданный, онъ или мы? ворчалъ Городищевъ, А что, Иване, ежели и доподлинно вся дорога занята?

— Да вдругъ попадемъ мы въ полонъ! отвѣтилъ Иванъ.

— Да тебя за ноги повѣсятъ! разсмѣялся Городищевъ.

— А съ тебя кожу счистятъ какъ съ Елагина.

— То-то ногами задрыгаешь?

— Затянешь не хоровадную.

Городищевъ захохоталъ, а князю сгрустнулось при мысли

о смерти коменданта Елагина, какъ разказываетъ ее Штейндорфъ.

— Да не враки ли все это, Паша? воскликнулъ Иванъ.

— И мнѣ то же сдается. Тридцать тысячъ войска! А!

— А вотъ увидимъ. Можетъ и впрямь все правда. Ты, Максимка, не боишься мятежниковъ? обратился Иванъ къ своему деньщику.

— Мнѣ-то что жь бояться: я не *офицеръ*, отозвался малый.

Молодые люди пошли садиться въ телѣгу.

— А вѣдь воевать не такъ сподручно какъ чается издаече, отвѣчалъ теперь Иванъ про себя на свои прошлыя лутевыя мечтанія.

— Э-эхъ ма! Двухъ смертей нѣту, а одна и безъ Ермолая была у меня на примѣтъ, сказалъ Городищевъ.—Лшъ бы только сразу ухлопали, лулей либо саблей, а то вѣдь лсы и доподлинно кожу сдирать начнутъ. Вотъ я чаю стоналъ сей горемыка Елагинъ! Ты его я чаю видалъ? Куда толсть былъ! Вотъ не мнилъ ему такой конецъ.

Они сѣди.

— Съ Богомъ, сказалъ старый ямщикъ обирая вожжи.

— Охъ, да, старинушка! Подлинно съ Богомъ надо, вздохнулъ Иванъ.

Иванъ, сытно поѣвшій, вскорѣ задремалъ въ бричкѣ, но закричалъ дикимъ голосомъ во снѣ и проснулся.

— Чего ты? Что? встрепенулся Городищевъ.—Аль судорога?

— Охъ, Паша, охъ! Приснилось мнѣ.... Тьфу, страсть какая.... Вижу, хотять Параню Татары какіе-то рѣзать.

— Въ Казани?

— Нѣтъ. Не знаю.... Нѣтъ, какъ-то не въ Казани.... И одинъ Татаринъ, вотъ какъ живаго вижу, съ большущимъ лятномъ на щекѣ. Знаешь эдакое красное лятно, что съ рожденія бываетъ.

— Знаю. У насъ въ Городищахъ у одной бабы эдакое лятно. Совсѣмъ будто мышъ: и хвостикъ, и лапки.

— Ну, вотъ, вотъ.

— Чего жь ты заоралъ-то?

— Тебѣ говорю, онъ Параню рѣзать хотѣлъ, объяснялъ Иванъ.

Черезъ минуту слугники снова оба дремали. Ихъ разбудилъ ямщикъ своими оханьями. Проснувшись они увидѣли что

стоять среди огромной лужи и тины. Лошади ушли въ грязь по животы, колеса едва видѣлись изъ воячей воды.

— Вотъ-те и здравствуй! выговорилъ Городищевъ.—Какъ же ты, чортъ старый, заѣхалъ сюда?

Ямщикъ молчалъ и вздыхалъ.

— Что тутъ будешь дѣлать? Вѣдь не вывезутъ, замѣтилъ Иванъ, глядя на худыхъ лошадей.

— Надо, господа, облегчить лошадокъ: вылазить.

— Вылазить! По горло въ грязь! Ошалѣлъ ты что ли! закричалъ Городищевъ.—Ну, стегай одровъ-то своихъ, а то я тебя отстегаю.

Стеганье продолжалось полчаса, но лошади сначала не двигались, а потомъ на каждые три-четыре удара свистающаго кнута стали отвѣчать ляганьемъ.

— Раздѣваться да вылѣзть. Что жь тутъ! рѣшилъ Городищевъ.

— О-го-го! закричалъ вдругъ кто-то сзади и шлепая по лопу въ грязной, тинистой водѣ.

Прохожій полѣзъ къ телѣгѣ раскачиваясь, махая руками и помогая этимъ движеніями вязнувшимъ ногамъ.

Черезъ минуту подошвывшая фигура оказалась Татаринкомъ, лужикомъ, высокимъ, бойкимъ и распорядительнымъ.

— Садись, бачка, на спину, объявилъ онъ Городищеву.—Я тебя на сухое мѣсто вывезу, а тамъ приду за другимъ.

Въ одну минуту Городищевъ уже былъ верхомъ на спинѣ Татарина и поѣхалъ на берегъ.

— Холодная водичка, весело сказалъ Татаринъ, снова шлепая въ тинѣ.

Черезъ минутъ лять, поставивъ Городищева на ноги, Татаринъ снова и какъ-то даже охотливо лѣзъ назадъ; посадивъ Ивана себѣ на спину, онъ воскликнулъ смѣясь и поворачивая лицо къ князю:

— И-и, бачка, хлѣба мало ѣшь. Я такихъ какъ ты трехъ увесу до моря Каспійскаго.

— Ахъ, Господи! воскликнулъ вдругъ Иванъ.—Что это? Что?

Воскличаніе было такъ громко и странно что Татаринъ остановился среди лужи и снова вопросительно обернулъ лицо къ своей ношѣ.

— Что случилось? крикнулъ и Городищевъ.

— Да у тебя.... У него, Паша.... Что жь это таксе? Вотъ

диво-то! Не къ добру это, безсвязно восклицалъ Иванъ, волнуясь, болтая ногами и словно забывалъ что сидитъ верхомъ не на лошади, а на человѣкѣ.

— Эй, бачка! Эй, оброну.... Не бултыхайся! сталъ кричать и Татаринъ, теряя равновѣсіе и увязая въ тинѣ.

Когда Иванъ былъ на сухомъ лугу, а Татаринъ снова отплылъ и зашлепалъ у телѣги, помогая ямщику и лошадямъ, Городищевъ замѣтилъ смущеніе друга, выражавшееся всегда особенно громкимъ солгвнѣемъ.

— Чего ты носомъ трубишь?

— Да у него лятно, Паша. Красное лятно на щекѣ, сказалъ Иванъ гробовымъ голосомъ.

— Неужто? Чудно! Вотъ такъ чудно! А говорить снамъ не вѣрь.

— Я боюсь, Паша.

— Чего?

— Не къ добру это все.

— Эвоя! весело воскликнулъ Городищевъ.—Лишь бы брчку да лошадей вытащить, да ѣхать.

— Нѣтъ, я боюсь, грустно говорилъ Иванъ.

— Ну, бойся, я тебѣ не помѣха, разсмѣялся его другъ.

Въ темнотѣ проносились крики ямщика и Татарина.

— Но-но-но!... Дьяволы!

— О-го-го-го.... Анас-саны!

Вмѣстѣ съ криками слышался пласкъ и шумъ воды, хралъ лошадей и частые удары кнута.

И долго продолжалось это.

Гонцы-офицеры безъ особенныхъ случайностей подвигались впередъ и были наконецъ версты за полтора отъ Оренбурга, но далѣе проѣздъ сталъ затруднительнѣе отъ сонмища Башкиръ, казаковъ, мужиковъ и всякаго сброда. Въ послѣднія сутки ѣзды на нихъ были четыре нападенія, и имъ пришлось отстрѣливаться. При видѣ огня и даже одного оружія сволочь кидалась въ рассыпую съ хохотомъ или бранью и угрозами.

— Не проѣдемъ, братъ, рѣшилъ наконецъ Городищевъ.—Надо захватить въ Сурманяеву къ одному старику. Онъ мнѣ все уладитъ и научитъ. Нынѣ, братъ, надо къ мужику прибѣгать за.... (какъ это называется по-заморскому) за *протекціоналз*.

Въ сумерки они благополучно вѣхали въ деревушку, но изъ первой же избы стремительно бросились на нихъ семь человекъ словно по командѣ.

— Охфицеры!... Гоацы!... Держи! заорали они.

Городищевъ выпалилъ два раза въ воздухъ, мужики отскочили съ ругательствами.

На концѣ деревни они остановились, изъ избы выбѣжалъ старикъ.

— Здорово, Игнатъ.

— Павелъ Павлычъ! быстро и робко обратился хозяинъ къ Городищеву.— Живѣй, живѣй! увидитъ народъ и мяѣ не уйти.

Молодые люди вошли.

— Ты за кого, Павелъ Павлычъ? шепнулъ старикъ въ сѣняхъ на ухо Городищеву.

— Чего? громко вымолвилъ этотъ не монахъ.

— Ништо, ништо, опосля! шепнулъ старикъ.

Они вошли въ горницу. Отъ старика молодые люди узнали все тѣ же вѣсти. Все войско бродило шайками по дорогамъ.

— Вы стало въ Оренбургъ, Павелъ Павлычъ? сказалъ хозяинъ.— Съ Нѣмцами укрѣпляться.... Та-акъ. Ну, Павелъ Павлычъ, я, родимый, такими милостями обязавъ твоему батюшкѣ, Павлу Иванычу, что буду вѣрно служить твоей милости. Чтѣ прикажешь?... Пробраться обоимъ надо въ городъ? Добро.

И старикъ вышелъ.

— Овъ, чаю, съ мятежниками заодно, вымолвилъ Хваныскій.

— Пускай. А все жь, братъ, онъ намъ дѣло справить.

— Да какъ?

— Достанетъ платье перерядиться.

— Ну, вотъ. Это страшно.

— А иначе не проберешься.

Едва успѣли молодые люди сѣсть за обѣдъ какъ вошелъ левычикъ Максимка, а за нимъ священникъ.

— Отецъ Андрей, прихода тутешнаго, до васъ дѣло имѣеть, Павелъ Павлычъ, какъ-то неохотно пояснилъ Максимка.

Священникъ поклонился и объяснилъ что онъ получилъ изъ города Оренбурга публикацію губернаторскую о мятежникахъ и собирается ее прочесть на утро въ церкви.

— Ну, добро, мы же тутъ причемъ? спросили офицеры.

— Въ разсужденіи этомъ, господа милостивые, я, свѣдавъ о

прибытіи двухъ офицеровъ и воиновъ, прибѣгаю усердно къ вамъ, не оставьте присутствовать во храмѣ, и мнѣ старику въ помощь быть. Міряне въ нашемъ поселкѣ голые разбойники, да и проходимцевъ здѣсь великое число, мнѣ одному отяудь вѣры они не дадутъ въ публикаціи, а ради присутствія офицеровъ не отважатся ни на какую скверность.

— Да что же мы-то будемъ дѣлать? Въ чемъ помощь окажемъ? сказалъ Городищевъ.

— Не ровенъ часъ, сказалъ отецъ Андрей,—меня, старика, за оное чтеніе обидѣть могутъ міряне, при вашемъ же званіи не дерзнуть.

Дѣлать было нечего. Молодые люди согласились. Священникъ ушелъ довольный.

Иванъ Хвальцкскій всю ночь не смыкалъ глазъ.

„Вотъ, можетъ-статься, завтра же сражаться придется со всякимъ сбродомъ, думалось ему. Собирались переодѣваться да тайкомъ ѣхать, а тутъ еще внезапно надѣвай полную аммуницію и полѣзай на бунтовщиковъ.“

На утро она одѣлась и отправилась въ церковь.

Самыя пестрыя и разнородныя кучки окружали палерть. Половина была съ лути. Нѣсколько человекъ двинулись къ нимъ отъ церкви на встрѣчу и закидали вопросами.

— Вы гонцы?

— Изъ Москвы? Съ Оренбурга?

— Ты чтоль объявишь манифестъ?

— Да вы государевы чтоль? пристаѣ одинъ рослый казакъ съ котомкой за плечами и съ дубиной.

— Государевы... Видишь офицеры, удивленно вымолвилъ Городищевъ.

— А гдѣ онъ, батюшка милостивый? Гдѣ?

— Кто такой? Про кого ты спрашиваешь?

— Государь же.

— Какой государь? воскликнулъ Иванъ въ удивленіи.

Молодые люди разсмѣялись.

— Вонъ оно что! Вы изъ государевыхъ, да токмо изъ другихъ, сказалъ казакъ съ котомкой и презрительно усмѣхнувшись прибавилъ:—Изъ бабьихъ!

Кучка отхлынула косясь и ворча себѣ подъ носъ. Молодые люди вошли въ церковь. На проходѣ ихъ, нѣкоторые кланялись, заглядывали пристально и внимательно въ ихъ лица, но большинство смотрѣло подозрительно и злобно.

На всѣхъ лицахъ было или смятеніе и боязнь, или злоба и ласкѣшка.

Служба началась, церковь все болѣе наполнялась всякимъ сбродомъ. У паперти толпились Башкиры и Татары не снѣмая шалохъ. Всѣ ждали нетерпѣливо.

Послѣ дѣлованья креста отецъ Андрей взомель на амвонъ и началъ нетвердо:

— Братія, православные христіане и вы иновѣрцы долуцельные во святой храмъ токмо за важностью чего услышите. Хочу я просвѣтити ваше заблужденіе и остеречь отъ неразумныхъ разглашеній. Послушайте, православные. Господа офицеры лоруюкою суть мнѣ своимъ присутствіемъ во истинѣ того что я по приказу, коего послушать не могу, вынѣ буду...

— Да ну читай чтоль. Чего болты болтать, заворчалъ въ толлѣ огромный мужикъ, плечомъ выше всѣхъ.

— Паша, гляди, шелгулъ Иванъ.—Позналъ ты эятого дикобраза?

— Щенокъ! Что у Француза Дювала въ службѣ былъ.

— Самый онъ. Ахъ бездѣльникъ! Вѣдь онъ въ шайку пробирается. И какъ живо! Знать не лѣшкомъ.

Батюшка между тѣмъ долго разкладывалъ листъ и поглядывъ его рукой наконецъ началъ читать:

— По указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, отъ губернской канцеляріи, отъ господина оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Рейсдорпа публикуется. Извѣстнымъ учинилось что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ якобы отъ другаго состоянія нежели какъ есть. Но онъ, злодѣйствующій, въ самомъ дѣлѣ бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, который за его злодѣйство наказанъ кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ, но чтобы въ томъ познанъ не былъ, того ради онъ предъ предводительствуемыми некогда шайки не сымаетъ, чему нѣкоторые изъ здѣшнихъ бывшихъ у него въ рукахъ самовидцы, изъ которыхъ одинъ солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выбѣжавшій, точно засвидѣтельствовать можетъ, а какъ онъ, Пугачевъ, съ измѣнническою его толпою, по учиненію нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ

объявляется что всякъ самъ изъ постулковъ его можетъ понять что онъ, Пугачевъ, злодѣй и какъ изверженный отъ честнаго общества старается вѣроподданныхъ Ея Императорскаго Величества честныхъ рабовъ поколебать и свергнуть въ бездну погибели, а при томъ имѣниемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего всякій увѣщается, во время наступленія его съ измѣнническою шайкой, стараться для сохраненія общества, дома и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своя, такъ какъ вѣроподданнымъ Ея Императорскаго Величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждого должность обязуетъ и отнюдь никоимъ ложнымъ разглашеніемъ не вѣрять.

Отецъ Андрей кончилъ. Гробовое молчаніе наступило кругомъ, но вдругъ громадный Вавила выступилъ изъ толпы къ амвону и выговорилъ:

— Батя! А манифестъ?

— Какой манифестъ? тихо отвѣчалъ священникъ.—Иного ничего мнѣ не прислано.

— Не прислано... Э-эхъ ты батя, батя! Онъ, ребята, не то-вычиталъ намъ, это все отводъ.

— Это одно лукавство ихнее! раздался голосъ изъ толпы.

— Морочить, косица! усмѣхнулся Щенокъ.

— Ты кто таковъ чтобы во храмъ Божьемъ священнослужителя поносить и оскорблять? воскликнулъ отецъ Андрей.

— Я васъ, батюшка, не поношу и не оскорбляю. Мнѣ лезать на васъ. А ты читай чтó показано. Какой ты тутъ намъ огородъ вывелъ. Бѣглый казакъ? Кто такой бѣглый? А?! За это вѣдаешь ли, какъ гораздо тебѣ бороду надрать можно, а то и еще гдѣ... Вѣдаешь ли чего всякъ за царское изблеванье удостоенъ бываетъ? За это и тебя пола и лопадью твою свяжутъ хвостами да въ рѣчку Сакмару.

— Правда! Истинно! закричали голоса:—Читай чтó показано.

— И опять сказать, громче выговорилъ ободренный Щенокъ.—Демидъ Куликовъ, чтó ты вычиталъ тутъ, кто таковъ?

— У насъ такого и въ заводѣ не было на слободѣ. Не было, не было! закричали голоса.

— Сія публикація изъ Оренбурга, сказалъ священникъ,—и оный Куликовъ...

— Самъ-то ты куликовъ по болоту гоняешь. Манифестъ читай.

— Подай манифестъ, манифестъ! завопили отовсюду.

— Слушайте, "братцы! выступилъ Городищевъ.—Батюшка прочелъ вамъ что слѣдовало, а цного манифеста никакого нѣтъ. Ты же, бездѣльникъ, какъ сюда лопалъ? Народъ морочить!

Щенокъ прищурился въ отвѣтъ и приставилъ руку козырькомъ ко лбу.

— А-а! Преплагоднѣйшій Павелъ Павлычъ. Здорово. Прости что опозналъ друга-пріятеля. Отдалече не вижу. Какъ можешь? Поздоровкаемся.—И Щенокъ приблизился грубо усмѣхаясь и полѣзъ въ объятья Городищева.

— Мерзавецъ! воскликнулъ Городищевъ; и звонкая пощечина огласила толпу.

— Во храмъ Божьемъ! Осквернять святыню Господню! Вовъ изыдите, вовъ! Окаянные грѣшники! воскликнулъ вдругъ отецъ Андрей, поднявъ руки и словно выросъ на полголовы. Глаза его сверкнули, голосъ гремѣлъ, и всякій изъ толпы взглянувъ ему въ лицо отводилъ глаза и шелъ изъ церкви.

Щенокъ между тѣмъ собрался было отвѣчать офицеру словами и дѣломъ, но священникъ, маленькій и щедушный, ухватилъ за воротъ допотопнаго звѣря и кликнулъ причеть.

Церковь уже опустѣла. Щенокъ поглядѣлъ на отца Андрея и тоже слегка смутился. Что-то особенное и непонятное ему увидалъ онъ въ лицѣ этого пола надъ которымъ сейчасъ шутить. Вдобавокъ Щенокъ увидалъ себя одного въ рукахъ шести человѣкъ.

— Ты, батюшка, прости. Я предъ Богомъ... Ты, Павелъ Павлычъ, не гнѣвися за мою преданность. Я обрадовался что повстрѣчалъ тебя.

— Подобаеть, господа офицеры, заговорилъ отецъ Андрей,—слутать его и при приводѣ сыльныхъ сдать въ гонку до города.

Щенка окружили, но онъ уже очнулся отъ лерваго смущенія, плечомъ выше всѣхъ снова спокойно смотрѣлъ на нихъ словно съ помоста.

— Господа благородные и ты, батюшка, заговорилъ онъ хладнокровно.—Сами вы сказываετε не причлествуетъ во храмъ Божьемъ озорничать. Я же, по безвинности моеи, вамъ

не покорюсь, и коли вы полѣзете мнѣ въ далы, то я тутъ токмо нагрѣшу съ вами. Всѣхъ шестерыхъ по силѣ своей дюжой помну и церковь Божью съ вами излакощу. Вотъ что!

Щенокъ повернулся, пошелъ изъ церкви, и никто его не тронулъ.

— Какова разшива плыветъ! оострилъ кто-то изъ причетниковъ показывая ему вслѣдъ.

— Не зѣло много въ помочь вы мнѣ были, господа офицеры, укоризненно заговорилъ отецъ Андрей.—Только драку во храмѣ завел!..

Молодые люди смутились и молчали. Отецъ Андрей все еще былъ взволнованъ и совсѣмъ иной человѣкъ.

— Чудной человѣкъ этотъ попъ, сказалъ Иванъ выходя изъ церкви.

Въ свободѣ густая толпа остановила ихъ снова.

— Стой! Воины! Мы вашего писательства въ храмѣ отвѣдали, отвѣдай и вы нашего. Чье лучше да истиннѣе? Читай ты, воловье рыло! закричали Щенку толкая и подсаживая его на телегу.

— Нешто я грамотный, дурни! Мое дѣло слушать, а не разбирать печатки, отозвался Щенокъ презрительно.

— Гдѣ Пулырь? Подай Пулыря!.. Пулырь, Пулырь! завывала толпа.

Появился Пулырь, маленькій, плюгавый мужичонка, съ выбитымъ глазомъ.

— Держи вотъ! Бери въ руки-то, очумѣлый! кричалъ на Пулыря Щенокъ, и совалъ ему печатный листъ.

Пулырь взялъ его и глупо усмѣхаясь шевелилъ губами, словно разминалъ ихъ для предстоящаго чтенія.

— Да держи ближе къ глазу-то, чортъ! училъ Щенокъ. — Аль ты носомъ честь будешь?

Пулырь похрипѣлъ и началъ было читать по складамъ:

— По у-ка-зу е-го им-пе-ра....

Но вдругъ появился изъ толпы человѣкъ, мѣщанинъ съ виду, вытащилъ изъ рукъ Пулыря листъ и сложивъ его спрятавъ въ карманъ.

— Чего жъ ты, Елисей Онуфричъ? Не замай господа офицеры нашинской грамоты отвѣдаютъ.

— Негодно, братцы! вымолвилъ явившійся.

Это былъ купецъ Долгоголовъ или названный Елисей Обваловъ.

— Вѣрьте слову недорого, заговорилъ онъ,—не вѣдомо еще чѣмъ Господь порѣшитъ. Насъ ли пощадитъ милостью, либо врага возвеличитъ намъ въ наказанье. Коли ужъ батюшка нашъ одолѣетъ врага, то господа офицеры свѣдаются въ скорости обо всемъ чего они, мнитса мнѣ, еще и не вѣдаютъ по сей часъ. Коли же насъ врагъ одолѣетъ, эти господа офицеры объ насъ не преминутъ вспомнить, и весь вашъ поселокъ въ Сибирь уйдетъ. Смѣлкайте, православные, истинно ли я сказываю.

— Молодчина Елисей Онуфричъ! загудѣло десять голосовъ.— Прячь, прячь! Наша грамота имъ и не по рылу.

— Да что же все это значить? нетерпѣливо заговорилъ Ивань.— Что вы хотѣли читать и чего такого мы не вѣдаемъ?

— Я кума мила, въ овины повела, а чей куманекъ, мнѣ не доекъ! залѣвалъ весело Обваловъ, приплясывая и семеня ногами по землѣ въ тактъ словамъ.

Толпа захохотала.

— Да что вы таите-то? О комъ рѣчь? О голѣдые! взбѣсила Городищевъ.— Коли о томъ бездѣльникѣ и ворѣ Емелькѣ Пугачевѣ, то вамъ читано было что онъ каторжникъ клейменный.

— Нѣтъ тутъ тебѣ Емельки Пугачева... Чего прилетать вебылицы-то! крикнули изъ толпы.— За хвостъ бы да объ землю!

— Нашни! вы! погрозилися Обваловъ на толпу.— Стулайте, господа офицеры, своимъ путемъ-дорогою; може свидаемся еще когда. Не поминайте лихомъ. Мое почтенье. Эй, Алеша! Куда онъ дѣлся? Запрягать пора бы и въ луть... Ну, ребята, валя по домамъ. Черезъ двѣ недѣльки я опять у васъ побываю на обратномъ.

— Заѣзжай, Онуфричъ, заѣзжай! подхватила толпа и стала расходиться по слободѣ.

Треть всей толпы, съ виду проходимцы, лобрели вонъ изъ деревни по Оренбургскому тракту.

Молодые люди вернулись домой раздосадованные, чувствуя что все утро проиграли главѣйшую роль въ своихъ мундирахъ. Старикъ Игнатъ явился къ нимъ съ охалкой.

— На вотъ, ваше благородіе. Одежа богатая, безъ рубля алтынъ весь товаръ стоитъ.

Старикъ бросилъ на лавку цѣлую кучу сѣренькаго платья.

Вечеру молодые люди со смѣхомъ снимали свои мундиры и надѣвали верблюжьи кафтаны, шаровары и рысьи шапки.

— А во и сайдаки со стрѣлами! привнесъ имъ хозяинъ пару калчановъ калмыцкихъ.—Пистолеты и сабаи все зацѣпите, пригодится. Сайдаки токмо для виду. Коли ужъ кто оставку причинить, то ты, Павелъ Павлычъ, заломни молвить такъ-то: *лежитъ балдыранъ*. И учинить всякъ пропускъ коли онъ начальный, а коли ужъ такъ гулебщикъ, либо бѣгунъ какой, то не жди, слышь ему въ рожу изъ пистолета.

— А что есть лепты балдыранъ?

— А лѣшій ихъ знаетъ. По ихнему калмыцкому чтой-то. Токмо сказываю: всякъ старшой пропускъ чинить по семъ словѣ.

Въ ночь молодые люди собрались въ дорогу, но залоздали проискавъ и прождавъ напрасно Максимку. Хозяинъ наконецъ, подробно разспросивъ на селѣ о деньщикѣ, доложилъ что мальчугана видѣли съ кѣмъ-то изъ проезжихъ, котораго онъ называлъ Алексѣемъ, и что съ тѣхъ поръ онъ не воротился домой.

— Ну и шутъ съ нимъ коли сбѣжалъ, рѣшилъ Иванъ.

Оставивъ мундиры, кой-какія вещи и бричку у Игната, офицеры выѣхали верхомъ Калмыками. Съ ними же поѣхалъ отряженный проводникъ, родомъ Башкиръ. Игнатъ подробно наказывалъ ему какъ сдать господъ съ рукъ на руки на уметъ Шамаю Татарина близъ Бердской слободы.

— Оный Шамай много мнѣ одолженъ и во всемъ вамъ служить будетъ. Ну Господь съ тобой, Павелъ Павлычъ, и ты, ваше сіятельство. Можетъ Богъ дать на доброе вернетесь чѣмъ съ Нѣмцами укряляться супротивъ закона! Да не лихъ вамъ. Молоды...

— Что ты, Игнатъ? удивился Городищевъ, уже выходящій въ сѣни.

Старикъ не отвѣчалъ и обратился къ Башкиру:

— А ты, свиная нехристь, крѣпко накажи отъ меня Шамаю что коли доставить господъ въ Оренбургъ сохранно, то пусть засылаетъ кого сюда за мою чалою кобыдой. Даромъ стало, а не за деньги. У меня одно слово! Да онъ все это пойметъ самъ. Ты токмо не заламятуй о кобылѣ-то.

— Якши, якши, киваль этотъ головой.—Ладно.

— А не доставить господь въ цѣлости, я ему басурману съ плечъ голову свесу. Нонѣ оно самое ловычное. Совсѣмъ непримѣтна стала жизнь человѣчья. Скажутъ казакъ атаманъ убилъ за супротивленье закону. Ну Господь васъ храни. Вотъ и я, Павелъ Павычъ, дожиль что тебѣ отплатилъ за милости и щедроты твоего батюшки покойнаго.

Молодые люди молча перекрестились, молча съли на лошадей и выѣхали за ворота. Смутно было у нихъ на душѣ.

Ночь стояла свѣжая, свѣтлая и серебристая. Слобода слава, а за ней разстилалась стель голая и отверстая во всѣ края.

XVI.

Отъ деревни Сурманаевой до умета Татарина Шамая лутки, лереодѣтые Каалмыками, доѣхали благополучно. На второй день на зарѣ подскакали къ нимъ три яцкiе казака слегка пьяные, но увидя оружіе отѣхали въ сторону, только одинъ крикнулъ:

— У каалмыцкой собаки пистолей не выдывано! Кого морочите! Коли же вы гонцы въ Оренбургъ съ грамотами, такъ вамъ бы честію явиться къ царю.

— Къ какому такому царю? закричалъ Иванъ.

— Къ какому? Одинъ царь-то!

— Поди олохмѣлись! крикнулъ Городищевъ.

— Скажи ему, бачка, шелнулъ Башкиръ,—Разина ты порода. Ой! не карато для Яцка казакъ.

— Эй, ты, слушай! крикнулъ Городищевъ.

— Чего, отозвался одинъ.

— Разина порода!

Казаки погрозились кулаками и собрались было ѣхать, но вдругъ одинъ изъ нихъ, будто укушенный, повернулъ коня и подскакалъ ко мнимымъ Каалмыкамъ, а за нимъ и другіе двое. Иванъ оторопѣлъ, хотѣлъ взяться за пистолеть, а рука вытащила саблю. Городищевъ выпалилъ разъ и промахнулся. Всадники сшиблись, а Башкиръ вскрикнулъ: „Гайда!“ и припустилъ свою лошадь во весь духъ куда глаза глядятъ.

— Давай грамоты—помилуемъ! кричалъ передовой, налѣзая на Ивана съ саблей.

Городищевъ выпалилъ еще изъ другаго пистолета, и налѣ-

завшій на Ивана старый казалъ съ ругательствомъ свалился на землю. Лошадь ускакала. На другаго бросился Городищевъ съ саблею и крикнулъ Ивану:

— Пали, пали!

Иванъ отвернулся отъ удара подскакавшаго къ нему третьяго казака, бросилъ саблю на землю и вынувъ пистолеты выпалилъ безсознательно изъ обоихъ заразъ чуть не въ упоръ. Раненый конь противника взвился на дыбы и опрокинулся, а казакъ, съ пулей въ головѣ, мертвый грянулся о землю, оставшійся повернулъ лошадь и ускакалъ во весь опоръ. Иванъ лустился было съ крикомъ въ логоноу, но вспомнилъ что безоруженъ.

— Эка обида! Ну, попадись ты мнѣ! крикнулъ Иванъ дрожа всѣмъ тѣломъ отъ испытаннаго.

Молодые люди съѣхались, переглянулись и вздохнули.

— Ну вотъ и побились! весело тряхнувъ головою вымолвилъ Городищевъ.—Въ первой разъ въ жизни. Чтѣ жь? Двое на трое вѣдь. Токмо ты, воинъ, зачѣмъ же саблю-то бросилъ на землю?

— Я, Паша, ничего и не смекну. Какъ все это совершилось. Охъ, Господи!... Двухъ!... И зачѣмъ лѣзли? помолчавъ выговорилъ Иванъ, отворачиваясь отъ двухъ труловъ распростертыхъ на землѣ.

— Чего тебя тресеть-то? Со страху?

— Отвратите ничего нѣтъ: человѣчью кровь лить! прошепталъ Иванъ.

Раздался топотъ, оба вздрогнули и обернулись. Это былъ Башкиръ.

— Ловкій ты лезъ, свиное ухо!

— Мой, господа, ничего. Нѣтъ сайдакъ, нѣтъ сабля!

— А ноги есть чтобъ удирать.

— А ноги не мой, ноги у маштакъ, хладнокровно отвѣтствовалъ этотъ, сваливая вину на лошадь.

Въ полдень молодые люди были въ окрестностяхъ Оренбурга на уметѣ Татарина Шамай. Маленькій, востроглазый и живой человѣчикъ объяснилъ имъ прямо и просто:

— Проявился у насъ и идетъ въ Москву на царство вступать государь Петръ Федорычъ. Всѣ здѣшнія фортеціи батюшка ужъ порастресь да и самый Арабурхъ малость ловредилъ.

Молодые люди были поражены извѣстіемъ. Шамай обѣщався

однако (ради полученія чалой кобылы) самъ доставить ихъ до Оренбурга, ѣхать только слѣдовало по ночамъ, объѣхать деревушку Каргале, переплыть въ лодкѣ Сакмару и бросивъ лошадей лѣшкомъ войти въ городъ.

— А твой два маштакъ мнѣ дарить! выговорилъ себѣ Шамай объ лошади въ награду за проводы.

Молодые люди отдыхали еще на уметѣ. Проѣхать было нельзя отъ постоянныхъ разѣздовъ мятежниковъ изъ Берды.

На третій день въ полдень, когда Городищевъ сидѣлъ зѣвая на лѣвкѣ, а Иванъ дремалъ въ углу, вдругъ вбѣжалъ Шамай.

— Смотри! Смотри! Господа! Ёдутъ!...

Оба вскочили съ мѣстъ.

— Чтò такое? Кто ѣдетъ?

— Смотри! Всѣ ѣдутъ. Много! Много ѣдутъ!

Молодые люди бросились къ окнамъ. Послышался густой топотъ и вскорѣ появилась конница. Впереди всѣхъ скакалъ на лихомъ сбромъ жеребецъ въ аломъ кафтанѣ и въ алой шалкѣ молодой малый съ русою бородкой. Онъ красиво и молодцовато сидѣлъ въ сѣдлѣ, а конь его размахисто стучалъ по дорогѣ. За нимъ скакало человѣкъ шесть казаковъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, а сзади не вдалекѣ неслась вѣлая ватага конныхъ всякаго разбора, человѣкъ до тридцати, старые и молодые, красивые и дурнорожіе, нарядные и оборванные, и наконецъ одинъ краснолицый сутуловатый и безносый.

Первая кучка пронеслась молодцовато, вторая на плохихъ лошадяхъ. Кто вскачь, кто рысью, въ перемежку. Шумъ, веселый говоръ, гиканье и смѣхъ заглушали конскій топотъ. Безносый отставъ ото всѣхъ махалъ шашкой и качался въ сѣдлѣ, очевидно пьяный. Двое казаковъ ради потѣхи ѣхали за нимъ и подгоняли нагайками его хромую лошадь. Иванъ, при видѣ русаго молодца, ахнулъ и протеръ глаза:

— Господи помилуй! воскликнулъ онъ вдругъ.

— Ваня! Ваня! воскликнулъ Городищевъ.— Вотъ похожъ-то!

— На Параню! изумленно выговорилъ Иванъ глядя на друга.

— Въ одно слово! тоже съ изумленіемъ вымолвилъ Городищевъ, и оба молча поглядѣли другъ на друга.

— Вотъ чудно-то, сказалъ наконецъ Иванъ.— Живая Параня въ кафтанѣ. Господи помилуй!

— Видѣлъ, господишь? Видѣлъ, приставакъ между тѣмъ Шамай. Онь!—Петра Федорычъ!

— Вотъ тебѣ и бездѣльникъ Емелька съ рваными поздрями, да клейменный. Вѣдь красавецъ просто, сказалъ Иванъ.

— На казака бѣлаго походить мало, что ни говори! рѣшилъ Городищевъ задумчиво.—Одно слово Прасковья Алексеевна, будущая княгиня Хвалынская, прибавилъ онъ смѣясь.

— Якши! А? Петра Федорычъ. Якши! Харато? сказалъ Шамай подбоченясь и представляя всадника на конѣ.

— Ничего!... Для злодѣя хорошъ! усмѣхнулся Иванъ, качая головой въ недоумѣніи.

— Бѣглый ли? Емелька ли казакъ? спросилъ Городищевъ.— Просто диво! Ей-ей!

— Кто жь вѣдаетъ? Не мы крестили, Паша, засмѣялся Иванъ.

— А-ахъ! Якши! повторялъ Шамай...—Якши! Харато Петра Федорычъ!

XVII.

Черезъ часъ въ большой татарской хатѣ, среди деревушки Каргале, сидѣли кругомъ человекъ десять казаковъ и держали совѣтъ. Русый молча сидѣлъ съ ними и никѣмъ не спрашиваемый задумчиво глядѣлъ на тусклый свѣтъ маленькаго окошка изъ сѣуды. Пугачева не было. Онь уже дня три пропадалъ безъ вѣсти.

Атаманскій кругъ послѣ совѣщанія рѣшилъ идти на утро къ Орской фортеціи, гдѣ, сказывали бѣгуны, много казны, пороку и оружія. Чука совѣтовалъ выступить немедленно съ вечера.

— А по мнѣ сейчасъ бы и въ путь, прибавилъ Лысовъ.

— Обождите, атаманъ, Ивааныча! сказалъ Чумаковъ.—Онь вѣдь не зря шляется. Можетъ новое что свѣдаетъ да привезетъ.

— Пугачева неча ждать, вмѣшался Овчинниковъ.—Онь можетъ ужъ давно въ острогъ Оренбургскомъ сидитъ теперь. Больно прытокъ. Чего вздумалъ развѣдывать самодично... Вотъ и провѣдалъ себѣ кандалы!

— Пожалуй что сидитъ! сказалъ Лысовъ.—Нехай. Съ нимъ согласія мало. Что ни вздумай кругъ, а онъ на свое тянетъ да вершить...

— А много бы ты безъ него-то завершилъ? сердито отозвался Чумаковъ.— Кто все развѣдываетъ да все знаетъ гдѣ какъ извернуться? Ты чтоль, лыяная рожа?

Лысовъ отвернулся и промолчалъ.

— Да, безъ Емельяна мы бы еще пожалуй около Яицка по степи зря кружили, сказалъ Русый.— Онъ ловелъ на фортеціи. Онъ же ухитрился какъ и Татищеву взять. Онъ же потомъ....

— Ну да! злобно перебилъ Лысовъ.— Вѣстимо не ты, а онъ выдумщикъ у насъ и коноводъ. Ему бы ужъ и Петромъ Федорычемъ быть, а не тебѣ, тѣтенька. Тебѣ бы въ кормилицы идти.

Русый молчалъ, только слегка поблѣднѣлъ.

— Полно лаяться, Лысовъ, замѣтилъ Чумаковъ.

Казаки подвядлись и вышли на улицу. Атаманы стали готовиться ѣхать къ своимъ отрядамъ чтобы на утро выступить къ Орской крѣпости.

Черезъ полчаса кто-то крикнулъ:

— Пугачевъ!... Овъ! Ёдетъ, ёдетъ!

— Емельянъ Иванычъ! повторилось на улицѣ и въ хатѣ и всѣ зашевелились на встрѣчу.

Пугачевъ въ сопровожденіи двухъ Татаръ, усталый, но довольный и веселый, шагомъ подѣхалъ къ хатѣ.

— Здорово, атаманы лежебоки. Я чаю вы ужъ улокоеныемъ поминали меня.

Пойвши и налившись каймаку Пугачевъ спросилъ:

— Какъ дѣла, атаманы? Выкладывай свое. А тамъ я свое вытрясу.

— Да ты гдѣ былъ-то? спросилъ Чумаковъ.

— Гдѣ меня нѣту? Ну сказывай напередъ у васъ, лежебоки, что новаго? Что нашъ Петръ Федорычъ, воздыхаетъ да солгать. А?

Чика объявилъ рѣшеніе казацкаго круга идти на Орскъ.

— Это зачѣмъ? рѣзко спросилъ Пугачевъ.— Почто ужъ не прямо въ Сибирь? Въ Иркутскъ? Право. Ишь что высидѣли. Это ты чтоль, Лысовъ, выпялилъ?

— Я сказывалъ что ты не будешь въ согласникахъ.

— Въ Сибирь-то идти? Не слѣши. Всѣ тамъ будемъ. А теперь своею волей идти туда не зачѣмъ.

— Что жъ дѣлать-то? сказалъ Чика.— Въ степи сидѣть, да ждать чтобы выступили на насъ войска изъ Оренбурга?

— Зачѣмъ? Нѣтъ, мы сами на Оренбургъ выступимъ. Мало что ложили его, мы его штурмовать будемъ.

Послѣ долгаго спора и отказа большинства идти на городъ, Пугачевъ всталъ, надѣвъ шалку и вымолвилъ:

— Счастливо оставаться, атаманы.

— Куда ты? вымолвилъ все время молчавшій Чумаковъ.

— Въ степь, кличь кликать. И черезъ недѣлю у меня, Емельяна Иванова, будетъ армія въ десять тысячъ не хуже вашей, а съ ней я пойду на Оренбургъ. А чучело-то это мнѣ не нужно, кивнулъ онъ головой на Русаго.

— И я съ тобой, Иванычъ! сказалъ Чумаковъ вставая.

— Полно, атаманы! вымолвилъ Чика. — Коли у насъ въ разбродъ пойдетъ, то намъ не жить. Ну быть по-твоему, Емельянъ Иванычъ. Токмо, скажи ты мнѣ, поясни, почему ты на такое дѣло идешь? Оренбургъ не Татищева! Свѣдалъ ты чтоль про нихъ что?

Пугачевъ разказалъ все что узналъ и передалъ подробныя свѣдѣнія объ Оренбургѣ, количествѣ гарнизона, о хлѣбныхъ запасахъ, о настроеніи солдатъ и казаковъ, о страхѣ господствующемъ въ жителяхъ.

— Они оласаются что мы полѣземъ на городъ: ну стало намъ и надо быть лѣзть. Небось Москва не опасается. Вотъ что! А самое главное всѣмъ болтать я не стану. А вотъ ты Чика да Чумаковъ пойдемъ со мной. Я вамъ скажу что у меня на умѣ. А ты, Лысовъ, не ходи, достань козуську вина, да и утѣшайся, а то съ Петромъ Федорычемъ зубоскаль...

И трое казаковъ вышли на улицу, и тихо разговаривая пошли по слободѣ.

XVIII.

Среди ночной тиши Городищевъ и князь Иванъ тихо двигались на усталыхъ коняхъ черезъ лустую степь и трепетно ожидали когда ихъ проводникъ Шамай укажетъ имъ рѣчку и скажетъ: Вотъ Сакмара.

Пока они не переправились черезъ Сакмару жизнь ихъ была на волоскѣ, потому что повсюду видѣлась конная и лѣшая сволочь. То и дѣло останавливали и опрашивали Шамайа то Яцкіе казаки, то Татары и Калмыки.

Наконецъ Шамай, вѣхавшій впереди, привсталъ на стременахъ и вытянувъ руку съ нагайкой предъ собой вымолвилъ:

— Сакмара! Вашъ, господишъ, можно телерь батка крестилъ и слава Богъ говорилъ.

Впередѣ змѣйкой извивалась въ камышахъ и блестяла небольшая рѣчка...

— Конь пропадай... Конь я беру. А вамъ съ Богомъ на ноги и Оренбургъ бѣги...

Молодые люди слѣпились. Шамай пошелъ искать въ высокомъ тростникѣ спрятанную лодку.

— Чаятельно святки и ряженье наше миновались; черезъ часъ будемъ въ Оренбургѣ! весело заговорилъ Городищевъ.

Въ степи раздался топотъ скачущихъ. Молодые люди вздрогнули и собрались опять садиться на коней, Шамай выскочилъ изъ тростника.

— На нога! На нога! Стулай въ будара! Гайда! Гайда! Мой возьми конь! Шамай сѣлъ на лошадь, схватилъ двухъ другихъ подъ узды и скрылся съ ними въ тростникѣ шаговъ за двѣсти.

Молодые люди бросились въ мѣсто откуда выскочилъ Шамай, и найдя будару, т.-е. маленькую лодку, легли въ нее. Топотъ и голоса раздались въ нѣсколькихъ шагахъ: и Иванъ увидѣлъ сквозь тростникъ четырехъ всадниковъ приближавшихся тибкою рысью.

— А коли жъ и они за бударой? шелнулъ Иванъ.

— Избави Господь! отозвался Городищевъ.

— Не предалъ ли Шамай? Сглазилъ я насъ, Паша.

Всадники подѣхали шаговъ на десять и стали. На секунду тишина воцарилась надъ рѣчкой, только лошади ихъ тяжело дышали...

— Весла есть, отчалимъ, шелнулъ Городищевъ.

— Зашумить тростникъ!... Не можно! Ахъ, что дѣлать, Паша? Говори! Говори! заметался Иванъ. Отчалить?!

— Нѣтъ! Молчи.

— Стой! Паша, коли я помру, а ты спасешься, скажи Паравъ что я помирая...

— Ну тебя! Молчи. Тилунъ тебѣ.

Одинъ изъ всадниковъ обернулся къ остановившемуся лодку Татарину и крикнулъ:

— Лай-ханъ, будара тутъ будетъ?

— Ма, бачка! Не величка есть!

И задній объѣхалъ ихъ, приближаясь къ самой рѣчкѣ.

— Отчаливай, чуть не вслухъ выговорилъ Городищевъ.

Молодые люди судорожно и отчаянно уперлись веслами въ берегъ, крѣпко налегая на нихъ, и будара скользя на сажень отъ берега. Тростникъ зашелестѣлъ слегка, но тотъ же голосъ крикнулъ громко:

— Лай-ханъ! Не надо!...

Молодые люди вынырив на середину рѣки. Иванъ гребъ что было силы, а Городищевъ присѣлъ на середкѣ, и держалъ оба пистолета наготовѣ, въ случаѣ если на нихъ бросятся влავъ.

— Эй, кто тамъ? Кто такіе? крикнулъ имъ тотъ же голосъ повелительно, когда они выбрались изъ камыша.

— Молчи, Папа!

— Небойсь... Дай только отъѣхать... шелнулъ Городищевъ.

Одинъ всадникъ подъѣхалъ къ самому берегу и крикнулъ что-то по-татарски. Оба молчали. Татаринъ крикнулъ громче.

— Курды-мурды! Каамыцкій лесъ! Свиное ухо! крикнулъ Городищевъ во все горло.

— Полно, Папа! Ну если влавъ.

— Не вытерпѣлъ, Ванюша! Коли ихъ намъ не видно, такъ и насъ не видать.

Они пристали къ противоположному берегу, выскочили изъ бударки и побѣжали.

— Стой! Да куда жь бѣжать-то? остановился Городищевъ. Дай вспомнимъ, въ коемъ мы мѣстѣ Сакмары. Выше, либо ниже того гдѣ мостъ Бердскій. Чаятельно выше!...

— И нѣтъ... ниже... Право ниже, Папа.

Они посмотрѣли на небо и разсудили что надо идти по звѣздамъ вправо чтобы прямо придти къ Бердскимъ воротамъ Оренбурга.

Послѣ долгой усиленной ходьбы они увидѣли огоньки, и сильный запахъ дыма донесся къ нимъ съ вѣтромъ.

— А вѣдь это пожарище, это огоньки тлѣютъ, оказалъ Иванъ:—это не въ домахъ огни свѣтатъ.

Черезъ минуту не оставалось никакого сомнѣнья. Все предмѣстье Оренбурга чернѣлось въ видѣ еще дымящихся головней. Только одна изба уцѣлѣла да церковь Егорьевская стояла среди пожарища, а за ней темнѣлись стѣны города.

— Слава Отцу Небесному! Оренбургъ-то хоть на мѣстѣ.

Часовой лугаво и громко окликнулъ ихъ.

- Свои, братъ, свои! Не зарься на кафтаны!
 — Здорово, Егоровъ! воскликнулъ Городищевъ, узнавъ часоваго изъ своей роты.
 — Чтò такое у васъ? Пожаръ чтоль былъ?
 — Нѣту. Какой пожаръ, ваше благородье? Это васъ подпацалъ малость оный Емелька воръ.

XIX.

- Кто такіе, Лай-ханъ? спросилъ Пугачевъ вернувшася отъ рѣчки Татарина.
 — Калмыки! Своего не спознали и по-русски ругаются.
 — Далеко ль они? спросилъ Чика Зарубинъ.
 — У-у! И не ищи! Калмыкъ со страху—зайца обгонить.
 — Ну Лай-ханъ, бери коней и отойди съ ними, сказалъ Пугачевъ.—Когда понадобится позовемъ.

Оба слѣвшились и стали развязывать Русаго который былъ прикрученъ веревкой къ сѣдлу. Молодой малый тяжело дышалъ и молчалъ; его сняли съ лошади и развязавъ ноги поставили на землю. Лай-ханъ взялъ всѣхъ лошадей, повелъ ихъ и сталъ вдаль къ у камыша.

— Ну, братъ. Ты свой нарядъ отбылъ. Не логнѣвайся нынѣ. Чужими руками полно жаръ загребать. Буде!

Говоря это, Пугачевъ досталъ изъ-за пояса пистолеть. Этотъ тихо ахнулъ и шелохнулся.

— Чика, отцѣли шапку у него.

Чика исполнилъ приказанье.

— Ну вотъ ты и разжалованный! сухо усмѣхнулся Пугачевъ.—А телерь гайда въ адъ кромѣшный. Мнѣ мѣстечко готовъ.

— Емельянь Иванычъ, побойся Бога, глухо вымолвилъ молодой малый.—Я думалъ вы меня отлустите.

— Нѣтъ, родимый, такъ не подобаеть. Не я это порѣшилъ. Кругъ войсковой порѣшилъ, послать тебя гонцомъ къ чертамъ, какъ-то странно, будто наслауя себя на веселый адъ, вымолвилъ Пугачевъ.

— За чтò же это злодѣйство? Чтò я вамъ сдѣлалъ?

— Ни за чтò. А вишь чтò: лервое, ты нокѣ съ нами, а на утро сробѣешь, покаешься самозванцемъ и народъ весь сму-

тишь, благо доверяють тебѣ. Второе, ты намъ не съ руки. Ты вишь бѣлоручка, барченокъ, крови человѣчьей робѣешь. Мы казаки тебѣ не по ядраву, да и ты намъ не по рукѣ. Третье: буду я сказывать что коли распубликованье учинили Нѣмцы вездѣ якобы всему бунту заводчикъ Емелька Пугачевъ, то по истинной справедливости треба мнѣ на твое мѣсто. Коли я, милый, не нонѣ, завтра повезу сани, такъ дай мнѣ и скатиться въ нихъ. Такъ ли, Чика?

— Точно. Да всѣ атаманы Емельяна желаютъ. Онъ и видомъ, слышь, болѣе подобія имѣеть съ государемъ чѣмъ ты.

— Я не объ этомъ спорить хочу, Богъ съ вами. Я отступаюсь. Отпустите только меня. Богомъ божуся что прямо отсюда проберусь на Иргазъ, а оттуда домой. И не услышите вы обо мнѣ никогда.

Пугачевъ молча взглянулъ на Чуку.

— Прытокъ больно.... Пусти его!... сказалъ Чика. — Ты только явися гдѣ тутъ, да народу обжалуй насъ, такъ онъ живо порѣшитъ обоихъ. Не можно, любезный. Будеть съ тебя, поцарствовалъ. Ну, помолись какъ умѣешь, что жъ лсомъ кончатся-то. Пали, Иванычъ!...

— Емельянъ Иванычъ, пощади! молодой малый всплеснулъ руками и зарыдалъ.

— Полно! полно! воскликнулъ Чика. — Чего жъ ты глядишь? обратился онъ къ Пугачеву. — Пали!

Пугачевъ согблъ тяжело и не шевелился. Русскій держалъ его за руку съ пистолетомъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ-ма! Не умѣеть вашъ братъ и помирать! укоризненно вымолвилъ Чика. — И ты тоже, Емельянъ, хуже дѣвки. Давай сюда пистоль.

Чика взялъ пистоль изъ рукъ молчавшаго Пугачева и крикнулъ Русому:

— Ну крестись, чтоль... Ну! не хочешь?

— Зарубишь, пощади. Богъ свидѣтель что я...

Раздался выстрѣлъ. Шарахнулись кони въ камышахъ, и тихо ахнулъ Татаринъ. Размахнувъ руками, безъ крика повалился на землю молодецъ съ пулей въ сердцѣ. Но вся спавшая стель проснулась вдругъ и словно откликнулась на злодѣйство. И долго, дотолѣ безмолвная, долго гудѣла теперь...

— Лай-ханъ! крикнулъ Чика. — Давай коней! Бери вотъ, пусти внизъ по Сакмарѣ.

— Можно кафтанъ взять? заискивающе спросилъ Татаринъ.

— Попробуй! Убью! Ну, живо!

Лай-ханъ передалъ лошадей Чикѣ, подвѣсивъ трупъ и взваливъ на плечо лотащилъ къ рѣкѣ. Черезъ минуту раздался плескъ воды. Татаринъ вернулся бормоча жалобно:

— И кафтанъ пропалъ и салоги пропали....

— А ты.... Хочешь помирать? спросилъ Чика, приставляя разряженный листолетъ къ его лицу.

— Ни-и! Ни-и! завывъ Лай-ханъ, ладая на колѣни.

— Нѣтъ, за него неча опасаться! сказалъ Пугачевъ.

— Добро! Коли охота жить, то держи телерь языкъ за зубами крѣпко.

Всѣ трое стали садиться на лошадей.

— Чего жь ты, Иванычъ! Своего коня не позналъ. Садись ва царскаго! сказалъ Чика бодро и весело.

— И то правда, усмѣхнулся Пугачевъ.

Всѣ трое сѣли. Татаринъ взялъ четвертую лошадь въ поводу.

— Стремена прилустить надо! Ишь онъ коротконогий! А жаль было его. Чудно! Не могу я такъ вотъ неоружнаго убить. А разозли—зубами изорву. А вѣдь не все ль равно—убиство, говорилъ Пугачевъ уравнивая стремена.

— Спасибо что заварилъ кашу, а разхлѣбать-то мы и безъ него сумѣемъ, сказалъ Чика и прибавилъ:—Барченокъ былъ.

Пугачевъ сталъ садиться въ сѣдло. Лошадь прыгала.

— У, добрый конь! Дологъ ли чередъ-то мой кататься? Стой окаянный!

— Твоя забота, Емельянъ Иванычъ! Будешь служить хорошо—любить будемъ. Телерь всѣ тебя желаютъ.

Пугачевъ выбралъ мгновенье, вскочилъ и подобралъ поводья. Конь взвился на дыбы и ретиво заржалъ, грызя удила.

— У-ухъ.... ты! персидскій!

Они тронулись съ мѣста. Чика смѣясь снялъ шалку.

— Ну, телерь... Государь Петръ Федорычъ, многовѣчно заравствуй! Ура!

— Спасибо! Чтѣ проку въ многовѣчии? По мнѣ, пріятель, будь улица моя не долгонька, да послободнѣе чтобы было глѣ съ локотками обернуться. Поживи мало, да гораздо!—Пугачевъ вздохнулъ и прибавилъ:—Ну съ Богомъ! Прилустимся. Главъ-ко, вотъ телерь какъ Емельянъ самодержавить учеть!

Казакъ гаркнулъ и пустился вскачь. Конь Пугачева рвался впередъ и лихо забирая ногами летѣлъ какъ стрѣла. Пугачевъ ухорски пригнулся въ сѣдлѣ и припуская еще поводья гаркнулъ во все горло:

— Ау!... Матушка.... Москва!! Стой, не вались — вдарю въ поджилки! А-а-у!...

— Ау!! откликнулась кругомъ все та же дикая, унылая степь.

Е. САЛЪЯСЪ.

БОЛГАРИЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

Балканы.

Тахомокомъ, украдкой пробирался черезъ равнину отрядъ воеводы Дмитрія и вступилъ въ предгоріе Великихъ Балканъ. Здѣсь онъ отдыхалъ привольнѣе; но когда онъ подходилъ къ хатѣ, ему давали хлѣба, сыра, говорили: Богъ помощь!—и только; а когда онъ останавливался на привалъ при овчарнѣ, чабаны давали молока, барана даже жарили, кормили, поили, приговаривали: Богъ помощь!—и только. Нигдѣ отрядъ не встрѣтилъ такого болгарскаго момака который сказалъ бы: я съ вами, и пошелъ бы за нимъ. Когда заговорятъ со старикомъ, онъ отвѣчаетъ: да благословить Господь Богъ того кто желаетъ намъ добра! Эти воины свободы не нашли ни одного человѣка желающаго свободы; никто не захотѣлъ отдѣлаться ихъ пособникомъ. Ни одинъ Болгаринъ не пожелалъ стать подъ болгарское знамя. Богъ помощь!—и только; но Богъ не

* См. №№ 6, 7 и 8 Русск. Вѣстн.

помогалъ Болгарамъ, такъ равнодушнымъ къ свободѣ и счастью Болгаріи.

Днемъ люди прячутся въ ярахъ, въ заросляхъ, въ лугахъ, въ расщелинахъ скалъ, а ночью идутъ. Нѣтъ ни сауху, ни духу о Божьемъ свѣтѣ. Прошли Драновъ, пришли въ Грамовъ, все то же: Богъ помощь!—и только. Такъ добрался отрядъ до *колибъ* * въ Балканахъ.

Вотъ цѣлыя поля розовыхъ кустовъ; здѣсь дѣлаютъ знаменитое розовое масло, называемое *казанлыцкимъ*. Кусты стоять безлистные, розъ на нихъ нѣтъ. Народъ въ этой мѣстности видный, момцы статные, момицы красивыя, но въ душѣ ихъ нѣтъ огня свободы и на лицѣ ихъ не цвѣтетъ надежда; они словно полумертвые: Богъ помощь!—и только.

И такой народъ Юная Болгарія хотѣла возбудить къ возстанію декламаціями и протестаціями, циркулярами и газетами!

Такой народъ Старая Болгарія хотѣла, при помощи гайдуковъ, сдѣлать поголовно гайдуками!

На первое не было средствъ, на второе не достало времени, и добились они только желаній: дай Богъ! Помоги вамъ Богъ!

Церковь, король и господинъ, будь онъ бей, слагій, бояринъ или шляхтичъ, былъ бы только господинъ, могутъ побудить къ возстанію, подвать народъ на ноги, посадить на коня и призвать къ оружію.

Болгарская церковь еще не церковь: она едва начинаетъ освобождаться отъ притѣсненій Грековъ. Высшее духовенство лучше чорбаджіевъ и свѣтскихъ кандидатовъ на административныя должности, требующія извѣстныхъ способностей, изъ числа людей составляющихъ теперь цвѣтъ народа. Но у этой церкви нѣтъ еще ни патріарха, ни экзарха; она поддерживается заговоромъ и чужимъ покровительствомъ, она входитъ въ соглашеніе съ низшимъ духовенствомъ, ладитъ съ нимъ, но не можетъ имъ распоряжаться, и пройдетъ не мало времени прежде чѣмъ она сдѣлается нравственнымъ руководителемъ народнаго движенія.

Нѣтъ короля даже нареченнаго, хотъ и безъ владѣнія. Родъ Шимановъ угасъ; въ мужскомъ и женскомъ его колѣнѣ не осталось ни одного потомка, въ чье имя можно было бы сказать: король повелѣлъ, садись на коня и берись за оружіе!

* Колиба—хата со дворомъ стоящая отдѣльно, хуторъ.

Нѣтъ ни беевъ, ни сергердаровъ, какъ въ Арнаутлыкъ, на зовъ которыхъ изъ-за каждаго камня готовы выскочить воору- женный Арнаутъ и скакать за беемъ, сергердаромъ, хоть на край свѣта.

Нѣтъ спегіевъ, какъ въ старой Босніи и въ Герцеговинѣ. За Соколовичами, за Топаличами, за Бешеревичами, за Ку- левъ-бегами, боснійская молодежь, Муи и Иваны, Алии и Сте- ланы, готовы прыгнуть на коней и летѣть въ Бечъ,* какъ во время Кара-Мустафы, такъ чтобы Нѣмцы и Швабы заблели какъ козы. Вдоль и вширь Богаріи не найдешь ни одного спегія который сохранилъ бы богарское сердце и не забылъ бы богарскій языкъ.

Нѣтъ шляхты, какаѣ была въ Литвѣ, въ Польшѣ и въ ка- зачьей Украинѣ, за которую шли большія полчища народа и казаковъ, въ строю и въ обозѣ. Гдѣ искать дворянства на Богарской землѣ? И сѣмени его не осталось; оно истребаено съ корнемъ, а новое еще не народилось. Много дунайской во- ды уплыветъ въ Черное Море прежде чѣмъ Богарія обзаве- дется дворянствомъ; а безъ дворянства трудно посадить лю- дей верхомъ и еще труднѣе вывести ихъ въ бой.

Мѣщане, кулцы и лоденщики простые торгаша; они не до- росли ни до французскихъ пролетаріевъ, ни до польскихъ ре- месленниковъ и кулчиковъ; они рады сидѣть за трубкой въ корчмѣ, потягивать за возстаніе водку, размосить крендели и калачи, а не идти на войну сражаться.

Такова была Богарія когда комитеты, въ угожденіе незри- мому правительству, хотѣли сдѣлать ее такою какою она мо- жетъ-быть будетъ черезъ много лѣтъ.

Не было у ней ничего, а народность лишешная средствъ воспрянуть отъ паденія должна по крайней мѣрѣ имѣть тако- го человѣка какъ Милошъ сербскій. Богарія имѣла гайду- ковъ, имѣла можетъ-быть и юнаковъ, но она не смогла добыть себѣ Милоша, а потому Богары смотрѣли на все въ молча- ніи и невѣдѣніи, какъ будто дѣло совершалось не у нихъ и ихъ не касалось. Природная доброта, любовь къ родной рѣчѣ, къ родному обычаю и къ родному племени выражались только словами: дай Богъ! помоги вамъ Богъ!

Молча шли побратимъ съ побратимкой; они поглядывали другъ на друга и шли далѣе. Тоска залапа имъ въ сердце; они отчаявались, но рѣшились выдержать до конца.

* Бечъ—Вѣна.

Они добрали до монастыря Святой Троицы. Шибка Балканская, прикрытая сѣвѣжнымъ щитомъ, воздымается до облаковъ; тучи, которыя тянутся надъ ней, рвутся пополамъ и разорванныя спускаются густымъ туманомъ по крутымъ склонамъ въ долины. Во мглѣ разстилаются по исполку лѣса, а ключи тысячами ручьевъ, какъ хрустальныя ленты, сбѣгаютъ по кручамъ горы въ долину, и по долинѣ текутъ въ Ятырь. На склонахъ горы, среди пустынныхъ скалъ, стоятъ, какъ стражи, два монастыря: одинъ женскій, Панаи, Богородицы, Дѣвы Маріи; другой мужской, Святаго Георгія. Ихъ раздѣляетъ пространство грозное для взора и страшное для ногъ. Склоны поросъ густымъ лѣсомъ и вѣтви такъ сплелись что даже змѣя съ трудомъ ползеть между ними. На двѣ шумитъ потокъ и стонетъ какъ кающійся грѣшникъ; онъ то брызжетъ вверхъ бѣлыми слезами, то уноситъ эти слезы въ неизмѣримую глубь. На монастырскихъ крышахъ сидятъ гапки; онѣ то бесѣдуютъ хриливо и угрюмо между собою, то перелетаютъ изъ монастыря въ монастырь, словно пляшутъ какой-то погребальный танецъ. Въ густь филины горлавятъ басомъ, а совы отвѣчаютъ имъ дискантомъ. Славянскія птицы, вороны, парятъ подъ облаками и каркаютъ, точно предвѣщаютъ смерть, войну или чуму.

До этого яра пробрался болгарскій отрядъ, опустился на землю у самаго потока и прилежъ не то отдохнуть, не то заснуть сномъ смерти: мѣсто пригодно на оба дѣла.

Побратимъ въ сторонкѣ поговорилъ съ побратимкой; эта мѣстность и монастыри ей знакомы. Воевода приказалъ мѣщамъ быть на сторожѣ и обращать на все вниманіе, а самъ съ побратимкой пошелъ впередъ; онъ направо въ мужской монастырь, она налево въ женскій.

Въ монастырѣ у монаховъ вѣрно идетъ служба, потому что изнутри горы долетаетъ до уха многогласное, печальное боевое пѣніе. У входа только привратникъ, столѣтній старецъ съ головой и бородой бѣлыми какъ снѣгъ на вершинѣ Шибки. Шестьдесятъ лѣтъ онъ сторожитъ при вратахъ, многое онъ помнилъ, но говорилъ мало. Онъ впустилъ пришельца, не спросилъ ни объ имени, ни о родинѣ, кто и откуда, а только указалъ рукой на лѣстницу ведущую вверхъ. Монастырь стоялъ на землѣ, а церковь была устроена въ пещерѣ. Алтарь и храмъ ярко освѣщены; у стѣнъ и подъ потолкомъ пылаютъ восковыя свѣчи и горитъ масло въ лампадахъ.

На срединѣ стоитъ гробъ. Сорокъ четыре монаха и игуменъ кладутъ земные поклоны, молятся и воспѣваютъ псалмы Предвѣчному.

Воевода кланяется въ землю и горячо молится ото всего сердца.

Служба кончилась; монахи подвѣли съ своего мѣста, а воевода все еще молится. Монахи видятъ его въ первый разъ, но догадываются кто онъ такой, потому что до нихъ уже дошла вѣсть о томъ что случилось на Дунаѣ, въ Шимановомъ Ситшовѣ. Наконецъ воевода всталъ, и всѣ вышли изъ церкви.

Первый вопросъ воеводы: за чью душу молились?

Игуменъ, величавый старикъ, отвѣчалъ тихимъ голосомъ:

— За васъ, за тѣхъ что умерли и за тѣхъ что остались жить на свѣтѣ.

— Какъ же вы провѣдали?

— Намъ все уже извѣстно.

— Преподобный отецъ, мы шли къ вамъ не за лавиной, но просить чтобы вы помогли намъ жить, жить на свободѣ, Болгарами.

— Мы ничего вамъ не можемъ дать: Богъ вамъ помощь! Помози вамъ Боже!

— Богъ не поможетъ, если не пособятъ Болгары.

— Не пособятъ, потому что не могутъ.

— Чего же намъ ждать отъ васъ?

— Мы васъ накормимъ, напоимъ, дадимъ вамъ денегъ на дорогу, если хотите уйти отсюда; положимъ васъ въ гробы и похоронимъ, если желаете ждать здѣсь смерти.

— И только?

— Только. Богъ помощь! Помози вамъ Боже!

Игуменъ разказалъ что по телеграфу дано знать о переправѣ комитетскихъ гайдуковъ или юнаковъ черезъ Дунай, что собрано много войскъ—ковниды, лѣхоты, залтѣевъ, Помаковъ и башу-бузукскихъ охотниковъ,—что они запрудили всю околицу, что Болгарину опасно отлучиться изъ дома на сто шаговъ, что только часъ тому назадъ вышли изъ монастыря Помаки, эти отуреченные Поляки, что рано утромъ приходили драгуны и казаки, что по всему лѣсу рыскаютъ залтѣи и башу-бузукскіе охотники. Они отдыхали, брали хлѣбъ и барашокъ, видя же на нихъ не наготовишься. Теперь, какъ слышно, свободна только одна дорога по долинѣ потока.

— Поразсуди хорошенько, воевода, не лучше ли выбратъся

пока еще можно и приберечь себя для болѣе благопріятнаго времени.

Воевода не призадумался.

— Не пойду, останусь здѣсь; погибать такъ погибать: на то мы шли. Кровью и костями болгарскими нужно посвятить на землѣ новые входы. Нужна наша смерть. Чѣмъ громче станутъ о ней говорить, тѣмъ скорѣе пробудится отъ оцѣлевшаго нашъ народъ, неповинный въ своей мертвенности. Такъ гласитъ польское евангеліе, а Поляки наши учителя.

— Если вы такъ порѣшили, то такова стало-быть воля Господня. Пусть будетъ по-вашему и да поможетъ вамъ Богъ: мы же послужимъ вамъ чѣмъ можемъ.

Четыре видныхъ монаха понесли за воеводой приготовленные короба со събственными припасами и съ виномъ. Воевода, по христіанскому и славянскому обычаю, простился съ монастыремъ и монахами. Дружный хоръ голосовъ печально проговорилъ ему вслѣдъ:

— Богъ помощи!

Побратимка пришла въ женскій монастырь. Привратникомъ тамъ такой же столѣтній свѣдой старецъ; онъ тоже много знаетъ, но молчитъ. Монахини молились и глѣби тропари только не у гроба на катафалкѣ, а предъ образомъ Панаи, Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи.

Побратимка была знакома почти со всеми монахинями, потому что часто ходила изъ Нейкіоя, чрезъ Чамъ-Дере, въ монастыри на ярмарки. Игуменья приводилась ей сродни; она дарила маленькой дѣвочкѣ Марыюшкѣ образочки и четки, а потомъ присылала ей въ гостинецъ сербскія книжки.

Увидавъ другъ друга и поздоровавшись, онѣ обѣ горько заплакали. Игуменья прижала къ сердцу побратимку.

— Дорогая моя Марыюшка! Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь старый Стефанъ; онъ ходитъ словно молодой; все мнѣ разказалъ; старуха его тоже еще жива; оба они благославляютъ мою Марыюшку.

Марья спросила о родныхъ, обѣ отцѣ и матери, всѣхъ вспомнила, никого не забыла.

— А Аннушку нашли?

Игуменья задрожала, поблѣднѣла и три раза перекрестилась:

— Нечего о ней говорить; она уже не изъ нашихъ, для насъ она пропала.

— А Еленушка?

— Стала большою барыней, убирается въ атласъ, да въ фустаны, и ажтается все съ ханумами да съ офицершами.

— А Петро Катырджія?

— Вчера былъ здѣсь съ казаками; они стоятъ недалеко въ Баи-Экизарѣ. Онъ оказывалъ что съ позволенія мутасарифа оставить военную службу, хоть ему и жаль ее, а потомъ тотчасъ женится на Еленушкѣ и поселится въ Дуканѣ—объ этомъ онъ не тужить. Славный момакъ, вашъ Петро Катырджія!

Побрагимка разказала все чего игуменья еще не знала и подъ конецъ спросила ее:

— Чтò же вы матушка и сестры для насъ сдѣлаете? Вѣдь мы тоже Болгарки?

— Болгарки, моя Марьюшка! Мы сдѣлаемъ все чтò можемъ и чего вы у насъ просите. Все чтò у насъ здѣсь есть, все ваше—берите. Мы станемъ о васъ молиться и дадимъ вамъ убѣжище, хоть бы насъ за то мечомъ посякали, да огнемъ спалили. Скажи чтò намъ дѣлать? Сердцемъ я взываю къ тебѣ: Марьюшка моя, останься съ нами, нò душа говоритъ: иди, иди куда зоветъ тебя долгъ! Иди и возьми съ собою этихъ четырехъ монаховъ; онѣ останутся при васъ, будутъ ходить за равными и станутъ прислуживать живымъ, тѣмъ чтò сражаются: это наше дѣло. Я сама бы пошла еслбы долгъ, болязнь и старость не удерживали меня здѣсь. Чтò наше, то ваше. Да поможетъ вамъ Богъ! Идите во имя Господне!

Онѣ вышли изъ монастыря впятеромъ, съ обильнымъ запасомъ бѣлья, лѣкарственныхъ зелий и разныхъ сластей.

На этотъ разъ горы и лѣса огласились ласковымъ пожеланіемъ монастыря: Богъ помощь!

Ночь была темная, такая темная что нужно было ощупывать рукою дерево чтобъ увѣриться что стоитъ тутъ дерево. Воины воеводы сытно лоуживали и дремали сидя подъ деревьями. Монахи вмѣстѣ съ Марьей усѣлись подъ однимъ деревомъ. Монахи вернулись въ монастырь, а воевода усѣлся одинъ въ сторонѣ. Онъ не высалъ развѣздовъ и не поставилъ карауловъ, потому что зналъ что врагъ всюду кругомъ. Онъ не хочетъ ни подкрадываться, ни бѣжать, а думаетъ только о битвѣ, о битвѣ на смерть. Пусть люди отдохнуть и высыатся, пусть наберутся силы для боя и охоты отправиться на тотъ свѣтъ.

На привалѣ болгарскихъ юнаковъ царилò молчаніе; не спятъ

и не отдыхаютъ мыслію, но слова не сходять съ языка. Безмолвное ожиданіе всего печальнѣе и тяжелѣе, ибо человѣкъ въ одиночествѣ остается самъ съ собою, какъ осталась сама съ собою эта горсть юнаковъ покинутыхъ на произволъ судьбы, и гдѣ же? въ Болгаріи. Вокругъ привала тоже не было ни сна, ни отдыха. Казалось что подъ музыку филлимовъ и совъ какой-то невѣдомый міръ наполнялъ Балкавы. Со всѣхъ сторонъ слышались трескъ ломаемыхъ вѣтвей, шуршавье выскользающихъ изъ-подъ ногъ камней, условные посвисты, выстрѣлы, то одинокіе, то по вѣскольку разомъ, и даже отдаленный конскій топотъ.

Воевода прислушивался къ этому шуму, какъ къ послѣднимъ звукамъ которымъ онъ внимаетъ на землѣ. Онъ и его воины увѣрены что это ихъ послѣдняя ночь на Болгарской землѣ, что смерть ихъ ждетъ; но они вовсе не ломышляютъ объ избавленіи, и думаютъ только о томъ чтобы славно умереть. Они были готовы и спокойны; страхъ не волновалъ ихъ сердца, и сонъ не осѣнилъ ихъ вѣжды. Такое ожиданіе ужаснѣе смерти.

Раздался грохотъ камней въ долинѣ, въ сторонѣ Габрова; стукъ все ближе и ближе, слышна наконецъ постуль коны, постуль звѣрная, какъ будто конь выбираетъ на какой камень поставить ногу и ясно видитъ вокругъ себя. Топотъ приближается къ привалу, всѣ слышать, но никто не встаетъ, никто не озирается, никто не прислушивается: всѣ ждутъ.

Всадникъ вѣхалъ на привалъ въ средину людей, узналъ своихъ и сѣвъ съ лошади.

— Гдѣ воевода?

То былъ Ключукъ Стефанъ. Онъ уже при воеводѣ и говорить ему:

— Габровъ полонъ мусульманскаго войска и мусульманскихъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ. Всѣ вооружены. Ихъ цѣлыя толпы.

— Путный то народъ и толковая у него вѣра, если онъ логоловно, всегда и всюду готовъ взяться за оружіе за государство и цѣря. Нужны вѣрка и чудеса чтобы мы стали на нихъ похожи, а можетъ-быть и никогда этому не бывать.

— Но, воевода, насъ горсть, а ихъ полчище!

— Нѣтъ, Ключукъ Стефанъ, насъ полчище, а ихъ горсть; но горсть ихъ одушевлена мусульманскимъ духомъ, а мы подавлены мыслію о мученичествѣ и смерти христіанской.

Киседжія не отвѣчалъ, потому что ничего не появляло. О мученикахъ Господнихъ и христіанской смерти онъ зналъ столько сколько удержалъ въ памяти еще ребенкомъ изъ церковныхъ лѣтописей. Онъ искалъ въ головѣ какую бы киседжію продѣлкой вывернуть изъ бѣды и спасти горсть удаловъ, но ничего не придумалъ. Если бы у всѣхъ были киседжіи-скіе ковы, то пожалуй выбрались бы. Помолчавъ немного, онъ спросилъ:

— Какъ же намъ быть, воевода?

— Станемъ биться и погибнемъ. Ты уходи.

— Я хотѣлъ бы уйти, такъ не пріѣхалъ бы. Васъ высладалъ мой Вороной, и вотъ я съ вами; сумѣю биться и сплыву, не мудрое то дѣло. Если нельзя для Болгаріи жить, такъ нужно за нее умереть.

Оба замолчали и ждали.

Настало затишье, какъ всегда бываетъ предъ разсвѣтомъ. Все живое, все что спало и не спало, перестало на короткое время думать и шевелиться. Маленькая чечотка, которую зовутъ въ Болгаріи лгашкой ранней зари, лиликнула первая; за нею залаяла старая лисица на лисицъ пробирающихся въ норы, а потомъ громко залѣли птицы во славу Божию. Кто стоитъ на вершинѣ Шибки Балканской, тому уже блеснуло, какъ слабый огонекъ, сіяніе зари на облакѣ опирающемся на долину; кто въ чащѣ или въ яру, тому еще темно.

Со всѣхъ сторонъ заголосили большія гончія собаки; онѣ напиралось прямо на монастырскій яръ, на привалъ. Не стоворились ли балканскіе звѣри провѣдать тѣхъ кого не пришли провѣдать Болгары? Киседжія смекнулъ.

— Вотъ они уже на нашемъ саѣду: вѣтромъ почували и ловятру гонять.

Воевода шелнулъ:—Вставай!

Монахи-юнаки дружно поднялись на ноги, взяли за оружіе, подѣлились на четверки и разбѣжались въ равномъ числѣ по обѣимъ сторонамъ яра. Тамъ они расположились четверками около большихъ деревьевъ, выбрали себѣ такое мѣсто гдѣ можно было укрыться за камнями—и ждали.

Собаки напиралось все ближе и ближе, а за ними трещать сучья и шуршать камни, какъ будто цѣлыя стада кабановъ и оленей спасаются отъ облавъ или бѣгутъ на водопой. Небесный сводъ прояснился, уже свѣтаетъ, и дерево отдѣлилось отъ дерева замѣтнымъ для глазъ пространствомъ. Казалось

что лѣсъ движется—наступалъ лѣсъ людей. Первые выстрѣлы послали болгарскіе юваки—лѣсъ пріостановился, нѣсколько деревь свалилось, слышались изъ него ругательства на гяуровъ, на ихъ отцовъ и матерей, и крики: панты! панты!* Въ то же время, изъ глубины яра, раздавалась, какъ небесная гармонія, пѣснь Богородицъ Пресвятой Дѣвъ Маріи. Побратимка съ монахинями, какъ ангелы Господни, молились Царю царствующихъ. Не имѣя возможности участвовать въ бою, онѣ просили жизни для тѣхъ что раздавали и принимали смерть. Чистая дѣвственная лѣсая летѣла къ небу, а ружейная лальба гремѣла на землѣ въ горахъ и въ лѣсахъ.

На правой сторонѣ яра, воевода скачетъ отъ одной четверки къ другой, возбуждаетъ пылъ сражающихся и самъ стрѣляетъ. За каждымъ выстрѣломъ слѣдуетъ стонъ и паденіе на землю. Пули свищутъ вокругъ него, ударяются о камни, а въ него не попадаютъ, точно онъ закодзованъ. Онъ не укрывается. Ему знакома горная и лѣсная война; онъ водилъ русскихъ джигитовъ на завалы и на аулы, и ходилъ съ литовскими бортовиками противъ русскихъ солдатъ. Хорошъ былъ воевода, скачущій съ камня на камень и стрѣляющій какъ гайдукъ Велько въ Шумадіи; напиравшимъ онъ грозилъ ятаганомъ, какъ королевичъ Марко при Вардарской переправѣ; словомъ и дѣломъ онъ поощрялъ своихъ воиновъ, какъ Іованъ Шиманъ подъ Неболемъ.

На лѣвой сторонѣ яра, Ключукъ Стефанъ то выпрыгнетъ изъ-за камня и выстрѣломъ изъ ружья позоветъ враговъ на ятаганную пляску, то снова спрячется и съѣжится за утесомъ, а свинецъ свищетъ вокругъ него и выбиваетъ искры изъ камней. Киседжія воетъ по-киседжійски, но сражается молодецки.

Много болгарскихъ юваковъ уже перебито и переранено; у кого свинцовый поцѣлуй не отялъ еще силъ, тотъ стрѣляетъ, заряжаетъ и стрѣляетъ; у кого не хватаетъ уже силъ, тотъ сурово вызываетъ:

— Помоги, брате!

Товарищъ смотритъ, качаетъ головой, вынимаетъ ятаганъ и воззаетъ его брату прямо въ сердце.

— Иди, братъ! жди меня!

Стрѣляли, умирали и сражаясь ждали своей участи. Ни одинъ

* Панты—бумтовцики.

не отчаивался, не отпашлся, не призывалъ смерти, потому что зналъ что она сама къ нему придетъ.

Вездѣ впереди мусульманскіе сельчане; идутъ они во имя Аллаха, во имя падишаха, на глаура Москова. У каждаго кружится голова и бушуетъ рука чтобы скорѣе положить конецъ дѣлу. Они гибнутъ и лѣзутъ впередъ. Съ ними вмѣстѣ Помаки, отуреченные Поляки, но католики, съ яростію бросаются на проклятыхъ схизматиковъ. Глазъ у нихъ быстрый, брови ласмурныя, кипитъ въ нихъ польская боевая кровь. Они говорятъ своимъ трупамъ: вставай, олухъ, иди на еретика Москова! Прицѣливаются и стрѣляютъ.

За ними, но далеко назадъ, тянутся всякіе залтїи, точно прикадики на господскомъ житвѣ, понукающіе жать проворнѣе; они грозятъ атаганамъ, подальше отъ врага, поближе къ своимъ, и какъ добъзачіе натравливаютъ собакъ на звѣра, ату! ату! такъ и они не слѣшатъ бросаться съ ножомъ, а только кричатъ.

Еще далѣе назадъ ѣдутъ верхомъ, на лошадахъ и на ослахъ, мудиры и каймаканы со многочисленною свитой разныхъ оборвышей, которые везутъ въ рукахъ чубуки, кофейники и боченки съ водой или ракіей. Юзбаша залтїевъ идутъ лѣшкомъ и походятъ на управляющихъ которые пришли на барщияную работу или на господскую облаву; въ рукахъ у нихъ гишлопотамовыя нагайки и франкскіе бичи. Мудиры то и дѣло поощряютъ:

— Гайда, дѣтушки, гайда! Ваши васъ поблагодарить и ваши подвиги дойдутъ до ушей падишаха. Гайда, дѣтушки!

Юзбаша получали приказанія, уходили на нѣсколько шаговъ впередъ, возвращались и отдавали начальству рапортъ поклонами, не говоря ни слова, потому что до огня не доходили. Были тамъ имамы, въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, и дервиши въ колпакахъ и въ черныхъ папахъ. Они кричали и вопили: „Аллахъ! гу, гу, гу!“ Въ обнаженныхъ до плеча рукахъ они держатъ ножи и готовы броситься въ рѣзню. Былъ тамъ и англійскій консульскій агентъ съ драгоманомъ. Юзбашамъ приказано удерживать имамовъ и дервишей, чтобы не подать повода къ вѣтѣ на счетъ фанатизма. Старшій каймаканъ отдалъ строго этотъ приказъ, и подѣзжая къ консульскому агенту сказалъ ему съ улыбкой:

— Все по праву, по танзимату, на франкскій ладъ. И у

вашей великой падишахи были такія же непріятности въ Индіи: она тоже не щадила бунтовщиковъ.

Джонъ Буллъ поддакнулъ.

— Только бы не кричали Французы; сами они бунтовщики и рады заступаться за бунтовщиковъ цѣлаго свѣта. Мы васъ защитимъ; только дѣйствуйте быстро и рѣшительно, какъ мы въ Индіи. Мы за васъ!

Каймаканъ чуть не сдѣлалъ мусульманскаго преклоненія предъ англійскимъ христіаниномъ.

— Не забудьте меня, сановный господинъ. Я тридцать лѣтъ служу правительству, а у меня нѣтъ еще ни меджидіе, ни османіе, да и чинъ мой небольшой. Вашъ посолъ—малый падишахъ, можетъ сдѣлать все что захочетъ.

Джонъ Буллъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Хорошо, не забуду, все получите, прикажите только не давать пощады:—это московскія продѣлки, опять задумали добыть себѣ Черное Море!

Каймаканъ закричалъ:—Гайда, дѣтушки!—и началъ кружить на конѣ между деревьями.

На всѣхъ дорогахъ и на всѣхъ высотахъ стояли роты пѣхоты и взводы кавалеріи, въ боевомъ вооруженіи и въ исправности. Ливъ-паша, * начальникъ всѣхъ регулярныхъ войскъ втораго корпуса, остался въ Габровѣ, сидѣлъ дома, курилъ трубку, пилъ кофе, много думалъ и безпрестанно высылалъ всадниковъ провѣдать что дѣлается въ горахъ.

Великій паша былъ въ Великомъ Тырновѣ и телеграфировалъ ферику въ Сливенъ что десятитысячное войско болгарскихъ бунтовщиковъ, лантовъ, осаждено въ Балканахъ, что нужно прислать на помощь казаковъ и драгунъ, что другое равносильное войско лантовъ потянулось чрезъ Дели-Орманъ въ Казанскіе Балканы и можетъ-быть уже вступило въ нихъ, что по письму мушира еще другое войско лантовъ, съ пушками, идетъ въ тѣ же Казанскіе Балканы; чтобъ онъ былъ остороженъ, остановилъ и разбилъ въ лухъ всѣ эти силы лантовъ.

Такое же извѣстіе сообщено консульскому агенту для печати въ *Levant Herald**, чтобъ Европа узнала о великой опасности и страшномъ пораженіи.

Каждый дѣлалъ свое ремесло, исполнялъ свой долгъ. Шпіоны

* Ливъ-паша—начальникъ бригады.

и дощюцики, натворившіе столько повстанцевъ, столько бандъ, столько войскъ и событий, тоже дѣлали свое дѣло, потому что имъ платили за трудъ чистыми деньгами.

Отвѣстрѣльный бой еще продолжается, но уже съ яра раздаются лишь рѣдкіе выстрѣлы; за то со сна его громче и умилительнѣе слышится гласъ Богородицѣ Дѣвѣ Маріи и летитъ прямо къ Богу.

Ключукъ Стефанъ лежитъ мертвый; онъ убитъ на скаку и упалъ навзничъ. При немъ Воровой, но онъ не стоитъ на ногахъ; съ перебитымъ крестцомъ и прострѣленными боками онъ приютился около своего всадника. Кровь струится изъ его ранъ, а онъ старается дыханіемъ своихъ ноздрей согрѣть остывшее лицо своего господина, и нѣкому его добить. Ихъ киседейская жизнь уже кончилась, а бѣдныи Воровой долженъ еще мучиться и ждать.

Воевода не раненъ, около него уцѣлѣли только три момака и тѣ одинъ за другимъ падаютъ на землю и сами прикалываютъ себя ножами. Тогда Помаки и сельчане закричали: Аллахъ, Аллахъ! и бросились на него съ ножами. Воевода, съ ятаганомъ въ рукѣ, стоялъ на открытомъ мѣстѣ; лѣвою рукой онъ положилъ себѣ въ ротъ ядъ, который всегда носилъ при себѣ, а правою рубилъ вправо и влѣво. Долго длился бой одного противъ многихъ. Крикъ, шумъ, гамъ и стоны. Кровь льется изъ ранъ воеводы и летятъ во всѣ стороны отрубленные члены Помаковъ и сельчанъ. Вотъ добѣжали залтіи и кричатъ: вуръ, вуръ, гауръ!

Воевода умираетъ стоя на ногахъ и ладаетъ на камень. * Съ его смертію умокла гласъ Богородицѣ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

По приказанію юзбашей залтіи бросились на трупы болгарскихъ момцевъ и начали отрѣзывать, отрубать и отпиливать имъ головы, какъ кто могъ своимъ желѣзомъ. Отрѣзанныя головы они ухватили за волосы, потащили и бросили къ ногамъ каймакана; всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ головою воеводы,

---

* Такъ погибали Хаджи Дмитрій и бывшіе съ нимъ Болгары. Они были жертвами интригъ и замысловъ причинившихъ много зла болгарскому дѣлу. Не столько важна потеря людей, какъ потеря довѣрія оттоманскаго правительства, которое продержится въ Болгаріи еще долгіе годы. Только подъ его охраной эта страна можетъ достигнуть развитія, богатства и истинной свободы.

оказалось сорокъ четыре; голова киседжіи Кьючукъ Стефана была сорокъ пятая.

Каймаканъ уже сидѣлъ подъ дубомъ на разостланномъ ковѣ; Джонъ Буалъ около него, и они вмѣстѣ пили водку. Каймаканъ улыбался.

— Славно, дѣтупки!

Онъ послалъ эфендіевъ и мулазимовъ въ Габровъ, въ Тырновъ и на телеграфныя станціи чтобы скорѣе разнеслась вѣсть добрая вѣсть. Всѣмъ сражавшимся Помакамъ, сельчанамъ и залтіямъ онъ милостиво позволялъ идти въ монастыри угощаться монастырскимъ виномъ и баранами. Пусть добрые монахи и монахини тоже порадуются одержанной побѣдѣ и водворенію спокойствія. Туда же поѣхалъ обѣдять и побесѣдовать самъ каймаканъ съ Джономъ Буаломъ. Будетъ онъ пашой, мутасарифомъ, ложалуй муширомъ и вали.

Обезглавленные трупы предавы вороныамъ и другимъ хищнымъ птицамъ, да сѣрымъ волкамъ. Благодареніе Богу, некого притащить къ сѣдствію, потому что никто не остался въ живыхъ. Вороной киседжіи издыхалъ; головы онъ уже не поднималъ и только дрягалъ ногою.

Побратимка и монахини сидѣли въ яру, не пѣли, не плакали, и только молчали. Странное и дивное дѣло что никто на нихъ не наткнулся, никто ихъ не искалъ; всѣ устремились въ монастыри.

Побратимка заступила мѣсто матери. Монахини боялись тронуться съ мѣста. Вдругъ вѣхалъ въ яръ казачій разъѣздъ—векиль-обаша Петро Катырджія съ четырьмя казаками болгарскими момцами. Они увидали ихъ, переговорили съ ними и взяли ихъ съ собою въ монастырь.

Женщины прошли мимо каймакана, который сидѣлъ предъ воротами и бесѣдовалъ о такомъ неслыханномъ погромѣ. Головы были разставлены въ рядъ подъ стѣною; Джонъ Буалъ и драгоманъ провѣряли по ихъ чертамъ теоріи Галля и Лаватера.

Векиль-обаша, на предложенный ему вопросъ, смѣло отвѣчалъ:

— По приказанію сотника, мы провожаемъ ихъ до монастыря, изъ Зары, чрезъ которую мы проѣзжали. Намъ сказано что за каждый волосъ съ ихъ головы мы отвѣтимъ своими головами.

Каймакану хотѣлось посмотрѣть на монахинь, но взглянувъ на Англичанина онъ проговорилъ: „поѣзжайте съ Богомъ!“ и далъ имъ для конвоя еще двухъ залпѣвъ, чтобы никто не посмѣлъ къ нимъ привязаться. Казакамъ онъ запретилъ входить въ монастырь, потому что танзимать и кануны предписываютъ уважать вѣру и обычаи народовъ подвластныхъ Высокой Портѣ. Онъ возгордился тѣмъ что успѣлъ перевоспитать себя до такой степени, а Англичанинъ наградилъ его за то улыбкою и наклоненіемъ головы.

Такъ кончилось болгарское возстаніе. Кромѣ воеводы Фаллапа, который вернулся за Дунай въ Валахію, и двухъ другихъ воеводъ, которые не переправились черезъ Дунай, всѣ остальные повстанцы или болтались на висѣлицахъ, или погибли въ бою отъ пули и сабли. Въ распоряженіи комитета и незримого правительства остались только три воеводы.

Побратимка дѣвица Марья поселилась въ монастырѣ съ монахинями. Она не стонетъ и не плачетъ; она собираетъ кости убитыхъ, сожигаетъ ихъ, идетъ на горы и распутія, и разсыпаетъ пепелъ на всѣ стороны по Болгарской землѣ, чтобы развесить его вѣтеръ, чтобы вдохнулъ его съ балканскимъ вѣтромъ болгарскій ребенокъ и выросъ бы истымъ болгарскимъ юнакомъ. Объ этомъ она молится и проситъ Бога, а вѣтеръ, попрежнему, бушуетъ въ борахъ балканской Шибки, и воронъ, саваянская птица, попрежнему ларитъ и каркаетъ надъ Шибкой. Все пошло давнишнимъ чередомъ.

Болгарское дѣло.

Гроза сильная, а дождь малый. Тучи комитетовъ и громы незримого правительства разразились дождемъ въ Шистовѣ, дождемъ въ балканской Шибкѣ и рѣдкими каплями, которыми повсемѣство окропили Болгарскую землю висѣлицы.

Болгары молятся, отдають Господу свой духовный доагъ и исполняютъ свои обязанности предъ своимъ земнымъ владыкой, своимъ царемъ, султаномъ—латать подати, вносить десятину и несутъ вѣроподданническую службу. Такъ повелѣлъ Господь Іисусъ Христосъ. Незримое правительство—то былъ самъ сатана—хотѣло искусить всю Болгарію. Оно искушало, но безъ успѣха, и убралось за Дунай работать сызнова, устраивать

комитеты и навлекать на народъ новыя бѣдствія. Незримый этотъ сатана упрямятъ съ той поры какъ Богъ низвергъ его съ неба и изгналъ изъ рая. Онъ не преклонилъ своего чела, хоть его и учили что смиреніемъ можно пробить стѣну; пораженный и подавленный онъ снова встаетъ ежомъ и устремляется на новыя битвы, приговаривая по-латыни: *usque ad finem*, а по-славянски: воевать такъ воевать, пока не добьешься своего. Но удастся ли ему это? Упрямый, предусмотрительный, неутомимый, онъ вступаетъ съ Славянами въ союзъ. Не даромъ онъ Нѣмецъ по одежѣ и обычаю: выкинетъ нѣмецкую штучку, да и дастъ стрелка. Онъ ласкается къ Славянамъ, а потомъ кричить: Славяне рабы, пускай они лучше служатъ какъ вольники мнѣ чѣмъ Богу и Его намѣстникамъ и избраннымъ. Онъ надъ Славянами насмѣхается въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Нѣмцами и Швабами.

Сперва онъ сманилъ Богдана и запретъ его казаковъ, потомъ водилъ и водить за носъ и уши бѣдныхъ Поляковъ; не разъ онъ подзадоривалъ Сербовъ, крѣпко надоблалъ Чехамъ, Моравамъ и Силезцамъ, водилъ въ ялыкъ Словаковъ, Кроатовъ и Иллирійцевъ; предалъ на растерзаніе Босняковъ и Герцеговинцевъ; у Черногорцевъ и Мураковъ онъ распоряжается какъ дома; Русиновъ, Каринтійцевъ, Стирійцевъ и Лужичанъ онъ подбиваетъ на скверныя выходки; Поморьянъ, Лютичей и Оботритовъ онъ отдалъ въ залогъ и предалъ тѣломъ и душою во власть Нѣмцевъ; Каменскихъ, Врублевскихъ и Подбѣльскихъ онъ передѣлалъ въ Штейнмецовъ, Шперлингговъ и цѣлое стадо Бинглей, а теперь добирается до Болгаръ чтобы сокрушить славянство этихъ ослабяившихся Гунновъ. Онъ засѣлъ въ Букурешть съ Нѣмцемъ и далъ комитетамъ дозвугъ—*usque ad finem*.

Незримое правительство еще и теперь улыбается при воспоминаніи о казачьей рѣзнѣ и колицизнѣ, о шляхетскомъ своеволіи, о іезуитской инквизиціи, о гусситскихъ и католическихъ игрищахъ Жижки и Вааленштейна, о потѣхахъ съ дагіями и спатіями въ Милошевѣ, о турецкомъ угощеніи въ Латачовѣ—трубка, кофе и поклоны, затѣмъ тюрьма и эшафотъ,—о варшавскихъ моленіяхъ и процессіяхъ, о черногорскихъ и морлакскихъ ласкахъ. Въ Сисшовѣ и подъ Балканскою Шибкой тоже дѣло шло не дурно; нужно только повести его шире чтобы добиться чего-нибудь лучше. Незримое правительство сожалѣло, зачѣмъ де у меня нѣтъ Милоша

сербскаго, или Алія арнаутскаго, или хоть бы капитана Гуссеина боснійскаго. Оно обратило взоръ на своихъ воеводъ: Дышлія сонный и полудьямый, Филиппу хочется не воевать, а торговать и давать деньги въ ростъ, а Собачій Сынъ—Юостъ-Огау—естъ и былъ гайдукъ и никогда не сдѣлается юнакомъ. Припомнился ему Хаджи Дмитрій Кавгаджія. Никого оны не оставили въ живыхъ — былъ бы оны у меня Милошемъ сербскимъ! Незримое правительство залакало. О! то были самыя умилительныя слезы какія могъ когда-либо заслужить богатырь возстанія, потому что пролило ихъ незримое правительство. И вотъ оно внушаетъ комитетамъ чтобы каждый трудился какъ умѣетъ, старый по-старому, молодой по-новому.

Такъ и дѣлалось. Всѣ успокоились, лизивались, покорились предназначенію, волѣ Божіей, порядку вещей; но пропаганда распозалась по всему краю. Филипполовскій комитетъ, ловко пріютившись подъ крыломъ Высокой Порты, замыслилъ соединить въ болгарской церкви жизнь народнаго духа и временныя мѣры для поднятія народности на ноги. Оны вырвалъ у Грековъ болгарскіе гроши и положилъ ихъ въ свой карманъ, забралъ въ свои руки управление училищнымъ дѣломъ, сумѣлъ искусно разорвать тѣсную связь соединявшую греческій патриархатъ съ Высокою Портою, и подъ защитою церкви сталъ видимымъ для всѣхъ, что даетъ его дѣятельности преимущество надъ дѣйствіями незримаго правительства. Его пропаганда была довольно вліятельна сама по себѣ, но еще усилилась вслѣдствіе происковъ католиковъ, унитовъ и даже протестантовъ. Они захотѣли обратить въ латинство и сдѣлать рационалистами Болгаръ, которые въ своей народной церкви уже слушали молитвы и лѣтсвогвѣнія на языкѣ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Методія. Англичане слишкомъ повадѣлись на евое евангеліе, а Высокая Порта такъ много наобѣщала что пѣтиться назадъ ей было уже трудно или опасно. Такимъ образомъ положенъ первый камень въ основаніе зданія такъ-называемой на политическомъ языкѣ болгарской автономіи, зданія правильнаго, реальнаго и законнаго.

Пропаганда изъ болгарскихъ тайниковъ не производила желаннаго впечатлѣнія на сельское населеніе, въ которомъ хранится вся сила и духъ, которому принадлежать всѣ средства для возстанія и отъ котораго зависитъ самое возстаніе. На всѣ внушенія поселяне давали одинъ отвѣтъ: наши братья и

сыновья служатъ султану и Высокой Портѣ въ казакахъ и драгунахъ; мы вѣримъ и хотимъ вѣрить только тому что пожелаетъ намъ султанъ по своей волѣ.

Но Высокая Porta не хочетъ или не можетъ этого ловить. Туркамъ не по вкусу вооруженные Болгары, какъ польской шляхты были не по вкусу вооруженные казаки. Оттакаиваемые и пренебрегаемые казаки вступили въ борьбу. То же можетъ случиться и съ Болгарами. Если до тѣхъ поръ султанъ и Высокая Porta значать для нихъ все, то нѣкогда и казаки были вполнѣ преданы королю и Рѣчи Посполитой. Такъ твердятъ пролагандисты и съ надеждой уповаютъ на будущее.

Горожане знали событіе въ Сихтовѣ и въ Великомъ Тырновѣ и видѣли какъ услышано шла церковная пролагаанда въ Филиппололъ и Адрианололъ, какъ ее уважали и чтли. Поэтому она отрекалась отъ возстанія; церковь уже соединила ихъ; въ ней они на родномъ языкѣ молились и возсылали лѣтисполнѣнія о болгарской народности.

Остались въ готовности одни лишь гайдуки и киседжія. По совѣщаніи о томъ чгдъ нужно для возстанія, для борьбы и для побѣды, рѣшили единогласно: деньги, деньги и деньги. Волѣтвѣе чего, разослали во всѣ стороны гайдуковъ и киседжіевъ собирать деньги.

Такъ шли дѣла въ Болгаріи когда въ Сливѣ праздновали лышнюю свадьбу Елены, праправнучки стараго нейкіойскаго Стефана, съ Петромъ Катарджіей, казакимъ векиль-онбашей, уволеннымъ отъ военной службы по *мазбать* сливенскаго *меджлуса* и донесенію мутасарифъ-паши. Самъ мутасарифъ заботился объ этомъ бракѣ, и такая разошлась о немъ молва что адренскій архіепископъ, желая воспользоваться случаемъ распространить до Сливна власть греческой церкви, оттуда уже вытѣсненной, пріѣхалъ въ Ямболъ, чтобы, при содѣйствіи мутасарифа, воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Мутасарифъ отвѣтилъ на письмо письмомъ, вѣжливо и любезно пригласилъ архіепископа къ себѣ въ гости, но, по мусульманскому обычаю, не пожелалъ вмѣшиваться въ христіанскія церковныя дѣла. Чорбаджи же, съ согласіемъ жителей, послалъ ему суровый привѣтъ: если хочешь пріѣхать къ намъ какъ купецъ, во здравіе царское, то въ Сливѣ найдется для тебя довольно хановъ, * пріѣзжай и торгуй; но если ты соби-

* Ханъ — постоянный дворъ, гостиница.

решься пожаловать къ намъ какъ владыка нашей церкви, то знай что у насъ нѣтъ рѣвки чтобъ утопить тебя, но за то довольно камней чтобы любить тебя на смерть и сдѣлать тебя ученикомъ, только не нашей, а греческой церкви. * Мудрый владыка повѣрилъ слову и не пріѣхалъ, а священникъ Іованъ, Болгаринъ по крови и по духу, ученикъ и послѣдователь обоихъ болгарскихъ Иларіоновъ, совершилъ обрядъ въ началѣ и соединилъ руки брачующихся.

Во храмѣ Божьемъ пылають сотни восковыхъ свѣчъ и горять сотни блѣдныхъ лампадъ, которыя, давъ жизнь яркому свѣту, сами какъ бы хотятъ погрузиться во мракъ. Образа угодниковъ Господнихъ, кievской рѣзбы и кievскаго письма, блескомъ своихъ красокъ, сіяніемъ серебра и золота, усиливають въ глазахъ людей дѣлоту саавы Божіей. Подъ сводами летаютъ голубки, птицы Божьи, и принимаютъ съ земли пѣснопѣнія дѣваць чтобы вести ихъ скорѣе къ Господу господствующихъ. Растворились царскія двери; священникъ Іованъ, въ блестящихъ золотомъ и серебромъ ризахъ, читалъ молитвы надъ колаѣнопреклоненною четою. Онъ три раза обмѣнялъ кольцами момака и момицу, соединилъ ихъ руки подъ своею эпитрахилью и три раза обвелъ ихъ вокругъ аналоя. Наконецъ прогѣвъ аминь.

Въ церкви собралась толпа, и къ удивленію пришло много мусульманъ. Мутасарифъ смотрѣлъ на обрядъ глазами намѣстника, господина и покровителя народа, и глядѣлъ на молодую момицу глазами почительнаго отца. Она казалась прекраснѣе чѣмъ когда-либо; сокровища ея прелестей не принадлежать уже ей и нашимъ себѣ охранителя. Чтò не наше, то для насъ красивѣе и вожелѣннѣе; чтò наше того мы не цѣнимъ, считаемъ за мѣдъ и томлякъ, а чтò не наше, то чистое золото. Мутасарифъ заботился объ этомъ сокровищѣ и хранилъ его, а когда добровольно отдалъ его на храненіе другому, то ему стало жаль.

Въ началѣ кончилось. Изъ церкви вернулись домой процессіей; старый Стефанъ съ своею старою женой былъ впереди. Старый Стефанъ выступилъ смѣло, держался прямо и шелъ

* Таковъ дѣйствительно былъ отвѣтъ архіепископу; этимъ путемъ Славенскій сандакъ отдѣлился отъ греческихъ священниковъ. Правительство не вмѣшивалось въ это дѣло.

какъ молодой, не пошатываясь на своемъ пути ни вправо, ни влево. Старая жена Стефана немного виляла въ сторону, но не отставала отъ мужа. За ними тянулось цѣлое поколѣнiе—чорбаджи, чорбаджійки, момцы, момицы, мальчишки и дѣвочки. Съ момицами шла монахиня, вся въ черномъ; видны были только обращенные къ небу черные глаза ангела. Это дѣвица Марія, невѣста Болгаріи, теперь служительница Пресвятой Богородицы. Она казалось не глядя на людей, но вдругъ она вздрогнула и спряталась глубже въ толпу. Въ толпѣ не было ничего страшнаго, ничего диковиннаго: жители Сливна, Балканъ, болгарскіе поселяне и казаки, турецкіе эфендіи и деликанліи, * женщины, дѣти и господа во франкскомъ нарядѣ. Во всей толпѣ было только трое косматыхъ и усатыхъ Каракачанъ, ** одѣтыхъ въ курчавыя бурки. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что Сливенъ лежитъ на каракачанскомъ пути. Они, какъ дикіе гуси и журавли, перебираются на зиму изъ Добруджи въ горы Эпира, а на лѣто возвращаются въ Буджакъ, на Дунай, съ баранами, женами, лошадьми, дѣтьми, собаками, кошками и даже съ лѣтухами. Не удивительно что показались Каракачане, потому что въ это время проходилъ ихъ караванъ, и они всѣ трое были знакомцы священника Іована, рекомендованные ему старымъ Каракачаномъ, сливенскимъ землевладѣльцемъ, которому Сливенъ, какъ подать, доставляетъ ежегодно, за хорошія деньги, тридцать двукольныхъ ослицъ, для приплода и приуможенія его и безъ того богатаго достоянія. Рекомендація такого сильнаго человѣка замѣняетъ въ глазахъ Болгаръ поручительство и паспортъ, хотя бы на край болгарскаго свѣта.

Пришли домой. Молодую посадили на мѣшокъ набитый шерстью,—знакъ промышленности и богатства Сливна. Она была наряжена въ фустанъ франкскаго покроя, и дочь ватерюскаго полковника величала ее: мадамъ Петри, мадамъ Кавгаджія. Но изъ уваженія къ старику Стефану, къ старухѣ его

* Деликанлія—лихой, бѣшеной крови парень.

** Каракачане или Кудовахи—потомки римскихъ легионеровъ на берегахъ Адриатики; лѣтомъ они живутъ въ пограничныхъ съ Греціей горахъ и съ нихъ спускаются въ долины, всего чаще въ Добруджу. Они представляютъ собою вѣрный типъ кочеваго народа.

женъ и къ болгарскимъ обычаямъ, на нее накинули свѣтлую лисью шубу, называемую зальмой, крытую краснымъ атласомъ. Лицо ея подъ покрываломъ, а волосы сзади распущены. Она ожидаетъ подарковъ приносимыхъ въ Болгаріи новобрачной.

По обѣимъ сторонамъ молодой, на диванахъ и на лавкахъ, сидѣли чорбаджійки въ богатыхъ, отороченныхъ золотымъ мауномъ шубахъ и крайне безвкусныхъ франкоскихъ нарядахъ. Момицы, въ доломанахъ, въ яркоцвѣтныхъ подбитыхъ лисьимъ мѣхомъ душегрѣйкахъ, стояли на ногахъ. Волосы у нихъ распущены, какъ хвосты на драгувскихъ каскахъ, унизаны серебряными и золотыми монетами, разной формы, разной цѣны и разныхъ эпохъ, и прикрываютъ плечи какъ бы драгоценною бровей. Это приданое и богатство болгарскихъ момидъ. При выходѣ замужъ съ дѣвушки снимаютъ эти деньги, и въ день брака она, съ распущенными волосами, не шѣя на нихъ ни одной монетки, ждетъ новыхъ монетъ, щедро приносимыхъ ей въ даръ на память свадьбы.

Какъ вѣрные поклонники Ислама, въ половинѣ Рамазана, идутъ одинъ за другимъ цѣловать одежды пророка, такъ приходили съ улицы, одинъ за другимъ, мусульмане и христіане, и каждый прицѣплялъ къ волосамъ продыравленную серебряную или золотую монету, кольцо или брилліантъ. Скоро плечи новобрачной засіяли золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Мутасарифъ вложилъ въ волоса кольцо съ прекраснымъ рубиномъ. Къ общему удивленію, вошли одинъ за другимъ три Каракачана и каждый принесъ брилліантовую вѣтку—даръ достойный султанаши. Первые два Каракачана были такъ-называемые *доминусы*, * въ румунскомъ нарѣчій *муссы*, то же что болгарскіе чорбаджіи; третій былъ момакъ, не съ большимъ двадцати лѣтъ, высокій, статный и, какъ признали дамы одѣтыя по-франкски, очень красивый. Всѣмъ подавали сласти и воду, а потомъ амберію и кофе. Молодой Каракачанъ, по забывчивости ли, потому ли что припоминалъ свое латинское происхожденіе, угощавшимъ его момицамъ говорилъ: *gracia!*

Слово *gracia* обошло всѣ уши. Уроженка Майнца, дочь

* Dominus — господинъ, monsieur; эти названія сохранились у потомковъ римскихъ легионовъ вездѣ, даже тамъ гдѣ они говорятъ по-славянски или по-гречески, какъ явное доказательство ихъ латинскаго происхожденія.

ватердоскаго полковника, вообразила что знала молодаго человека въ Букурештѣ, что онъ Гика и князь. Мужъ ея морщился.

— Милая моя, ты никогда не бывала въ Букурештѣ; ты можешь-быть видала его въ Майнцѣ или въ Дюссельдорфѣ.

— Отвяжись, мой милый левъ съ рыжею гривой! Привязался съ Майнцемъ, а теперь лѣзешь съ какимъ-то Дорфомъ. Я была въ Букурештѣ и жила тамъ лучше чѣмъ здѣсь.

Левъ побагровѣлъ, тайкомъ ущипнулъ жену и проворчалъ сквозь зубы:

— Проклятая Рифка, потаскушка!

Она съ усмѣшкою всадила ему булавку по самую головку.

— Проклятый Ицекъ! Ты такой же паршивый какъ я. Вотъ сейчасъ разкажу.

Хоть и больно уколола льва булавка, но онъ амберіей заграждаетъ уста своей подруги.

— Выпей, душенька, за здоровье моего начальника Макъ-Магона, или твоего сродника Ещераза.

Докторъ промычалъ, гмъ, гмъ, кашлянулъ, и Каракачанъ съ грасіа исчезъ въ толпѣ, какъ привидѣніе когда запоетъ лѣтучь. Напрасно Рифка ищетъ его глазами, напрасно Ицекъ бѣгаетъ по комнатамъ отыскивая его между гостями: сгинулъ, исчезъ.

Запищали и загудѣли болгарскія дудки. Онѣ вѣрно были любимымъ инструментомъ Орфея, которымъ онъ укрощалъ зѣрей, потому что какъ только послышится дудка, гдѣ бы то ни было и во всякую пору, Болгары и быки тотчасъ пускаются въ плясъ и заводятъ хорату. Момичи и коровы, вдали и вширь всего свѣта, какъ только раздадутся ея звуки, готовы плясать хорату, пока ее играютъ. На свадьбѣ дудки отъ всего сердца, и хората слѣдовала за хоратой.

Пока въ Евикѣ пировали у Катырджіи на свадьбѣ весь Славень и весь Нейкіой, разливалось вино, хрустѣли подъ пальцами разрываемыя на поставцахъ жареныя бараны и подлались горы сырныхъ и сладкихъ баклицъ, недалеко за предмѣстьемъ, у ручья, въ густой заросли, около мельничной ограды, сидѣли и бесѣдовали пятеро мушницъ. Трое изъ нихъ были Каракачане, а четвертый мельникъ, владѣлецъ мельницы, Дымко Деберменджія, не здѣшній, а прибывшій откуда-то изъ Киркъ-Клиза. У него водились червонцы, хотя онъ рѣдко сидѣлъ въ мельницѣ; его не видали въ городѣ, но онъ зналъ все

что тамъ дѣлается. Залтіи всегда заѣзжали къ нему выпить ракіи, а аги, отправляясь съ собаками на охоту въ Балканскія горы и яры, у его огня закуривали трубки и сигары. Съ агами охотниками и съ залтіями, для безопасности, онъ жилъ въ ладахъ, а они ему разказывали что знали и слышали. Всѣ считали Дымко за отличнаго человѣка. Муфтіи его очень жаловали, и разъ чуть не проклялъ кадія, за то что тотъ называлъ Дымко *тавукиемъ*—курократомъ. * *Тавуки* при гаиду къ то же что шакалъ при львѣ на охотѣ. Муфтіи сказалъ: „Дымко потому развѣ *тавуки* что и курица не сѣлаетъ зла.“

Поводъ къ этой ссорѣ былъ слѣдующій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, султанская почта везла большую сумму золотомъ изъ Эдрене въ Руцукъ, и дорогой была разграблена. Весь городъ кричалъ что грабежъ сдѣланъ по приказанію каймакана (мутасарифовъ и вилаетовъ тогда еще не было), видѣли даже какъ привесли деньги къ нему въ домъ, гдѣ были собраны на меджлисъ сторонники каймакана. Дымко, знавшій все, провѣдалъ объ этомъ слухѣ, пошелъ съ донесеніемъ къ каймакану и, по обычаю райевъ, поднесъ ему въ даръ флажку какой-то огненной ракіи. Съ горя пріятно выпить. Въ ту же ночь каймаканъ переселился въ вѣчность. Разбойниковъ не нашли и перестали о нихъ поминать, а разграбленные деньги собрали въ санджакъ, въ видѣ штрафа. Кади, не обращая вниманія на слѣдствіе, все примѣшивалъ имя Дымка, и разъ, въ нетерпѣивіи, вымолвилъ: онъ тавуки. Но это прозвище не перешло за порогъ его дома, почему и Деферменджию не перекрестили въ тавуки, а звали попрежнему Дымко Деферменджиемъ, или мельникомъ.

Пятый только-что пріѣхалъ и не успѣлъ еще отереть потъ съ лица. Онъ поклонникъ Ислама—на головѣ его чалма, да еще зеленая, эмирская—и должно-быть совсѣмъ правовѣрный, потому что путешествуетъ съ гаремомъ. Тутъ же за чащей сѣдѣла на холмикѣ Турчанка, въ яшмакъ и фереджіи, а около нея ласоя оселъ навьюченный домашнимъ скарбомъ.

Одинъ изъ Каракачанъ взглянулъ на новаго гостя и поздоровался съ нимъ.

— Гора съ горой не сойдутся, а человѣкъ съ человѣкомъ

* Тавуки—курокрадъ, отъ слова тавукъ—курица. Чтобы выразить свое презрѣніе къ вору, Турокъ называетъ его тавуки.

встрѣтятся. Кто бы подумалъ что мы увидимся послѣ того что случилось!

— И то прошло, и это пройдетъ; видно такова судьба чтобы мы сходились.

— Вѣра насъ разлучаетъ, но ремесло соединяетъ.

— Правда; оно связываетъ насъ еще болѣе священнымъ долгомъ, потому что послѣднее въ нашей волѣ, а первая вѣтъ.

Другой Каракачанъ раскрылъ вполовину заспанные глаза.

— Пустое вы болтаете, мы не за тѣмъ пришли. Говори, родимый Дымко, зачѣмъ ты насъ созвалъ.

— Разомъ двѣ добычи наклевываются, и обѣ жирныя. Вали посылаетъ изъ Руцукъ въ Стамбуль четыре тысячи кошелековъ чистаго золота. Кулцы, увѣренные что при такой посылкѣ будетъ сильный конвой, тоже посылаютъ въ столицу двадцать четыре юка золота и серебра. Славная добыча! Черезъ три дня они прибудутъ въ Казань, вѣрно подъ крѣпкою охраной; будутъ залтны, а можетъ-быть и конница. Черезъ шесть дней вали отправляетъ изъ Эдрене тридцать юковъ итазама * Высокой Портѣ; въ этомъ транспортѣ тоже будутъ купеческія посылки. Въ Эдрене не мало рабевъ и Франковъ, кулцы они богатые. Это добыча хорошая!

Сонный Каракачанъ улыбнулся.

— Казанское дѣло я беру на себя; я знаю тамошнюю мѣстность и тамошніе обычаи. Что удавалось прежде, то удастся и теперь. Я управлюсь; положитесь на меня.

Дейрменджія кивнулъ головой.

— Знаю что ты молодецъ на такія продѣлки; но помни что тутъ придется возиться не съ локоиникомъ; водкой не поведешь; царскій забитъ ** царскаго гроша не возьметъ.

— Велика забота, какіе гроши онъ беретъ, какіе вѣтъ! Намъ его доля не нужна. Небось управимся и безъ него, заберемъ все—знаемъ свое дѣло. День и мѣсто указаны, этого съ меня довольно. Есть у меня свои люди въ Вечери, въ Топчловѣ и въ Старей Рѣкѣ; а ты, братъ дервишъ, позволь захватить въ Чамъ-Дере твоихъ сорви-головъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Тебя самого не зову, чтобы ты съ чистою совѣстью могъ присягнуть муфтію что ты къ этому дѣлу не прикладывалъ

* Итазамъ—подать.

** Забитъ—офицеръ.

рукъ. Всѣхъ одѣлю какъ братьевъ, никого не обмѣряю, не обмѣшаю—какъ Богъ приказалъ. Да и Ганкѣ твоей доставится бахчись. Согласенъ?

— Ладно, ладно; съ тобой пойдутъ изъ Чамъ-Дере мой Вейсь, мой Карабель и всѣ мои сорви-головы. Благодареніе Богу и муфтію! Они на волѣ, свободны и всегда готовы. Да благословить Аллахъ нашего стараго муфтія! Казаковъ и драгуновъ у насъ уже нѣтъ. Ферикъ пошелъ съ этимъ гяурскимъ войскомъ въ Эдрене. Остались одни женатые, и тѣ съ своими бабами обезьянами скоро потянутся за таборомъ. Гуляй теперь на просторѣ, настала наша пора. Однако, какъ чело-вѣкъ бывалый, советую тѣмъ что пойдутъ добывать эдренскую добычу не охотиться по близости: казаки и драгуны не нашей конницы чета; дали мнѣ они себя знать. Скажу по правдѣ, по Божью, что лучшихъ чѣмъ они юнаковъ не найдешь между гайдуками и не отыщешь между киседжіями. Дѣло надо обработать гдѣ-нибудь на Эргени, въ черкесской сторонѣ. Воевода знаетъ мѣстность; одному мнѣ идти бы не хотѣлось, а съ нимъ вмѣстѣ пойду, какъ мы не разъ гуляли прежде, когда я былъ гайдукомъ. Въ ваше болгарское юначество я не вмѣшиваюсь, оно не про насъ.

— Исполать! сказалъ Каракачанъ:—Собачій Сынъ съ Птичьимъ, славная выдетъ пара. Держись казаки и драгуны! Они и уку-сать, и клоунуть, и на вѣтру схватятъ и изъ дыры вытащутъ; отъ этой пары не уйдешь и не спрячешься. Пора въ дорогу. Съ осломъ и Ганкой мы не боямо скоро доберемся до киседжійскихъ лошадей.

— Сегодня еще до разсвѣта можно достать въ Маражской доли-нѣ * киседжіевъ и киседжійскихъ копей; людшкы Ману-рова сына ** давно отдыхаютъ, но ремесла не забыли—разомъ подвигнутся. А ты, воевода, забери своихъ людей въ Черкесли и Страджѣ: они духіе ребята, киседжіи,—и возьми копей у Гаряя, они чистокровные киседжійскіе. Берите мои мѣ-вень; овъ или ничего не узнаетъ, или ничего не скажетъ. Че-резъ четыре дня сойдемся у Киркь-Клиза, на олущкѣ бора.

* Маражака долина въ Бакалахъ, плодоносная и богатая, насе-ленная муудальманами и извѣстная своими киседжіями.

** Мансуръ-Огду, извѣстный гайдукъ Славенскаго санджака, былъ пойманъ казаками, просидѣвъ десять лѣтъ въ тяжкомъ заключеніи и потомъ выпущенъ на волю. Овъ поселился въ Маражской доли-нѣ, живетъ честно и пользуется уваженіемъ.

— Ладно—на спрось: Собачій Сынъ--отвѣчать: Птичій сынъ. Дорога намъ въ Катырханъ, а расправа на Эргени.

Обращаясь къ молодому Каракачану, онъ примолвилъ: — Какъ видишь, милый комисаръ, мы не зѣваемъ. Съ кѣмъ хочешь ѣхать? со мной, или съ Дышаіей? А не то, не лучше ли тебѣ ѣхать въ Фелибу? * Переговоришь тамъ съ комитетомъ и на возвратномъ пути заберешь деньги. Мы люди честные, что наше то наше, а что комитетское, то комитетское. Сдѣлай починокъ, а мы поведемъ охоту до конца.

Молодой Каракачанъ былъ угрюмъ и задумчивъ; онъ ввязался не въ свое дѣло, но такъ какъ оно было ему свѣдомо когда онъ ѣхалъ сюда, то онъ не могъ ему воспротивиться. Съ сокрушеніемъ сердца онъ убѣдился какъ любо Болгарамъ гайдучество, какъ оно шевелитъ ихъ душу, какъ оно развязываетъ имъ мысли и уста, какъ сжилось съ ними; и какъ тяжело и неохотно они предаются юначеству, какъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ добиться на этомъ поприщѣ самостоятельности, и вступаетъ въ него словно волокутъ его на веревкѣ.

Кто былъ молодой Каракачанъ? Онъ Болгаръ какъ и остальные его два слутника; вѣкогда онъ былъ товарищемъ Хаджи Дмитрія и вмѣстѣ съ нимъ кончилъ свое образованіе въ старомъ Кіевѣ, въ той всеславянской столицѣ которая давала, даетъ и будетъ давать всѣмъ колѣнамъ славянскаго племени людей сабли и людей пера. Тамъ колыбель славянской вѣры, свободы и славы. Владиміръ, Баянъ и Игорь, три самыя драгоцѣнныя для славянскаго сердца сокровища, всѣ трое Кіевляне. Поэтому Кіевъ градъ всеславянской. Кто въ немъ воспитаетъ свой духъ, тотъ вырастетъ Славяниномъ; кто въ немъ утвердитъ свою столицу, тотъ будетъ господствовать надъ славянскимъ міромъ. Тамъ получили свое нравственное развитіе Хаджи Дмитрій Кавгаджія и Данко Казанскій; первый приучилъ себя къ войнѣ въ битвахъ съ Чеченцами и съ Черкесами, чтобы вернуться въ Балканы и тамъ погибнуть; второй бился съ Бухарцами въ степяхъ Туркестана и возвратился въ родную землю, образованный и опытный. Оба они дѣти Балкановъ и оба пали жертвами комитетовъ, которые хотѣли облагородить ими гайдуковъ и передѣлать ихъ, если возможно, въ юнаковъ.

* Фелиба—Филиппополь. Упомянутыя въ разказѣ разграбленія почти истинныя событія.

Ему хотѣлось по крайней мѣрѣ избавиться отъ участія въ грабежѣ въ Казани и на Эргени, и потому онъ охотно согласился ѣхать въ Фелибу чтобы посмотреть на край и взглядѣться глубже въ духъ и расположеніе жителей.

Покуда дѣлалось совѣщаніе около мельницы, бѣдная Ганка, теперь любимая ханума, оставалась на курганѣ. До уха ея долетали подзадоривающіе звуки дудокъ и веселые голоса момцевъ и момицъ кружившихся въ хоратѣ. Все это не для нея: ей стало жаль себя, хоть она еще и любитъ мужа, а жаль; ашмакъ какъ свинецъ давить ей лицо, а фереджъ какъ цѣль связываетъ всѣ движенія. Она, такая молодая, тратитъ свои годы въ пустыняхъ, въ ярахъ, въ безлюдьи; а когда живетъ съ людьми, то сидитъ въ заперти, закрытая, ни людей не видитъ, ни своего личика никому показать не можетъ. Охъ, тяжелая дѣла—такая неволя! Она посмотрѣла на своего товарища осла, и слезы брызнули изъ ея глазъ. „Ровесницы мои съ момцами хорату выводятъ, а я бѣдная съ этимъ осломъ дрожу отъ стужи и горя! Ровесницы потѣшаются сладкою музыкой дудокъ, а я слышу только ревъ этого осла!“ И вотъ она заливается слезами и ломаетъ себѣ руки. „Бѣдная я, несчастная!“ Молодая, прекрасная и любимая ханума горячо, отъ всего сердца, пожелала себѣ смерти.

Позади ея раздался тихій голосъ:

— Милая ханума, жемчужина моръ, жизнь моя! Встань, пора въ дорогу.

Эти слова подѣйствовали на ея сердце какъ голосъ соловья; слезы перестали капать, она отъ смерти вернулась къ жизни, и подошла къ своему господину, къ своему мужу. Онъ ее обнялъ, приласкалъ поцѣлуями чело, глаза, лицо и прогналъ съ нихъ тоску.

— Милая моя гурія, ты озябла? О, зачѣмъ у меня нѣтъ султанскихъ дворцовъ, шубъ лашей и эфендіевскихъ ковровъ! Была бы ты у меня царицей. Твой невольникъ у ногъ твоихъ, но не можетъ тебѣ ничего дать кромѣ обширнаго Божія дворца, Божьихъ ковровъ и своего сердца.

Ханума уже счастлива.—Чего маѣ еще нужно? я съ тобой, ты со мной, и Богъ съ нами.

Она вьочитъ на осла поклажу, погладила его маленькою ручкой, подала своему господину чубукъ и совершенно довольна. Прошли они по дорогѣ мимо самаго дома Катырджии: играютъ дудки, раздаются пѣсни, идутъ танцы; ханума все видитъ

и слышать и не только не говорить: подождемъ, посмотримъ, но даже не желаетъ этого мысленно. Идетъ она рядомъ съ своимъ возлюбленнымъ и къ нему прижимается, имъ любуются, внимаютъ его словамъ и чувствуетъ только свою любовь. Она уже не бѣдная, потому что не одинока. Дивное существо женщина когда она любитъ и знаетъ что любима!

Они шли вдвоемъ и въ сердцахъ обоихъ была любовь. Осель шагаль впереди и указывалъ имъ дорогу, черезъ горы и лѣса, прямо въ Маражскую долину. Вотъ какова любовь и каковы проводники въ дикихъ Балканахъ. Тамъ все не по нашему.

Свадебное веселье въ полномъ разгулѣ. Мутасарифъ хочетъ чтобы Болгары тѣшились и забавлялись во здравіе царское, чтобы подъ дудки они въ хоратѣ братались съ мусульманами.

Ицекъ увѣряетъ чорбаджіевъ что въ Турціи лучше чѣмъ въ Россіи, лучше даже чѣмъ во Франціи и въ Англіи, что онъ хотѣлъ бы быть Болгаринимъ, а не астраханскимъ Татаринимъ, не арабскимъ Кабилымъ и не индійскимъ сипаемъ. Онъ разказывалъ какъ Англичане, за вздорные проступки, привязывали Индусовъ къ лучечному жерлу и разстрѣливали такъ чтобы не осталось отъ нихъ ни кусочка; какъ Французы, для забавы, выжигали Арабовъ тысячами, словно лисицъ въ норахъ; какъ Русскіе стригутъ и брѣютъ Татаръ и берутъ ихъ въ солдаты. А здѣсь что? Кто провинится головою, того отдають по-отечески лалками, и предадутъ все забвенію. Кто хочетъ быть военнымъ тотъ служить въ солдатахъ, кто не хочетъ тотъ торгуетъ. Да и народъ здѣсь лучше и умнѣе — такихъ какъ наши Черкесы не найдешь во всемъ свѣтѣ, самъ Макъ-Магонъ мой не таковъ; нашъ правитель проведетъ Бисмарка, хотя графъ и сродни моей женѣ. Ицекъ разказывалъ, а чорбаджи слушали и лили за здоровье мутасарифа-паши рюмку за рюжкой.

Рифка шелчетъ на ухо Еленушкѣ чтобы она была мадамой, а не болгарскою момницей, и разказываетъ ей какая она сама была въ молодости, какъ она разряженная и расфуфыренная выбѣгала по вечерамъ на улицу для свиданій и въ сады для прогулки, какъ за нею роетъ валуны бояре и купцы, офицеры и помѣщики, какъ она всѣхъ ихъ водила за собой и не было лучшей чѣмъ она примаанки. Такова должна быть женщина! Какъ ея отецъ, храбрый адскій кирасиръ, сокрушалъ кости Англичанъ, такъ она сокрушала кости и гроши Румунъ. Но что

было, того уже нѣтъ; на все есть время. Теперь она почтенная матрона, наставляетъ молодыхъ жёнъ и покровительствуетъ имъ въ свѣтъ. Она поласкала рукой Еленушку.

— Такъ дѣлай и ты, душенька. Покуда молода наслаждайся свѣтомъ; будетъ время для молитвы, когда не будешь годна для битвы. Мы тоже войско, чтобы поддержать наше достоинство и вашу власть, мы должны сражаться сколько станетъ силъ, чтобъ отдыхать въ старости на пріятныхъ воспоминаніяхъ и утѣшаться ими.

Послѣ разговора она вылила амберіи и вина и начала любезничать со старымъ докторомъ чтобы выманить у него хоть стегавое шитое одѣяло, подъ которымъ погрѣтъ бы ей свои косточки.

Петро Катырджія, котораго священникъ Іованъ познакомилъ съ молодымъ Каракачаномъ, по долгу хозяина и новобрачнаго угощалъ новаго гостя. Они присѣли въ сторонѣ, поливали вино и бесѣдовали между собою. Вино развязываетъ языкъ, а если вылито въ мѣру, то и мысли въ головѣ проясняются. Петро Катырджія хоть и былъ Болгаринъ, но ума изъ его головы не выбили. На вопросъ зачѣмъ онъ бросилъ военную службу, онъ отвѣчалъ:

— Быть-можетъ я и дурно сдѣлалъ, да дѣвушка меня полюбила и я ее полюбилъ. Милостивецъ мой мутасарифъ-паша сталъ меня подговаривать, обѣщалъ золотыя горы и уговорилъ. Я попросилъ написать мазбату объ отставкѣ, а мутасарифъ устроилъ все остальное. Теперь засяду дома и стану торговать. Жаль, да дѣлать нечего!

— Расскажи-ка, братъ, какъ идутъ дѣла въ вашемъ казачьемъ полку?

— И хорошо и дурно, есть тамъ всякіе люди. Есть люди лютые, во главѣ ихъ стоитъ ферикъ: дай ему Богъ здоровья. Они желаютъ добра Туркамъ, потому что Турки самые вѣрные союзники ихъ страны, но желаютъ добра и намъ, потому что сами Славяне и насъ признаютъ за Славянъ; они стараются расположить къ намъ правительство, хотятъ улучшить наше положеніе, уговариваютъ быть вѣрными султану, и не позволяютъ унижать и притѣснять нашъ народъ. Дай Богъ имъ здоровья! Но и въ лучшей лшеницѣ бываетъ куколь, а на бѣду набралось его много. Итальянцы, Жиды, лакеи, кулцы, Армяне, Цыгане, всѣ выдаютъ себя за шляхтичей, пьютъ, воруютъ, безсовѣстно агутъ, кормятся солдатскимъ добромъ, отбиваютъ у солдатъ

охоту къ службѣ, приучаютъ ихъ къ мошенничеству, подговариваютъ ихъ къ отступничеству отъ вѣры, и портятъ все что могутъ. Сволочь! Какъ держится полкъ про то вѣдаютъ только ферикъ да Богъ, а держится онъ локуда крѣпко, къ чести войска и къ чести болгарскаго имени.

— Что же по-твоему изъ этого выйдетъ?

— Слыхалъ я еще ребенкомъ отъ отца и дѣда что подъ конецъ куколь всегда заглушитъ пшевицу.

— А какъ поступаетъ правительство?

— И такъ и сякъ; дали волю ферику. Старики понимаютъ важность войска славянскаго и христіанскаго, и полагаютъ что султаны, по крови, имѣютъ право на славянскую корону.

— Какъ такъ?

— Не стану говорить по книгамъ, я ихъ не читаю, а расскажу какое было дѣло. Назадъ тому пять лѣтъ, десять учениковъ Бѣлградской военной школы, вернувшись въ княжество Обреновичей, отказались дать присягу въ вѣрности, говоря: мы не хотимъ служить роду свинопасовъ, потому что у насъ есть свои цари, по женскому колѣну—оттоманскіе султаны; ихъ родятъ сербскія княжны, изъ роду Нѣманичей: такъ написано въ сербскихъ книгахъ. Мы хотимъ служить имъ, нашимъ истиннымъ царямъ и господамъ. Ученики бѣжали въ Бѣлградскую крѣпость, откуда ихъ отправили въ Стамбулъ. Самъ султанъ прислалъ ихъ въ казачій полкъ; они и теперь еще тамъ: Стретивъ, Арсеній, Петровичъ и другіе. Старики тогда правили государствомъ и очель этому обрадовались.

— Дѣло важное; что же случилось съ молодыми людьми?

— Ферикъ вывелъ бы ихъ въ офицеры, и было бы у султана свое славянское войско, противъ всякаго врага. Но власть перешла въ руки такъ-называемыхъ учениковъ мектебля. Они съ завистью смотрятъ на казаковъ; если кто другой взглянетъ на казаковъ и знаетъ самъ толкъ, тотъ скажетъ: это лучшая конница оттоманскаго войска. Султанъ любилъ эту конницу, и разъ благодарилъ за нее ферику, пожаловалъ ему меджидіе и взялъ казаковъ въ адъютанты и чауши. Эго не понравилось мектебляйцамъ: они набираютъ въ полкъ Италиядевъ, Жчдовъ, сволочь со всего Божьяго міра, чтобы надѣсть старой польской шляхтѣ и выжить ее, и не допустить такимъ образомъ чтобы болгарскіе гяуры сдѣлались султанскими солдатами. Помилуй Богъ, не ладно!

— Зачѣмъ же Поляки не стоятъ дружно одинъ за другою?

Они уперлись бы противъ зла, и васъ бы привели къ добру, и Турціи услужили бы лучше другихъ.

— Легко сказать. Знаешь ли польскую пословицу? гдѣ двое Поляковъ тамъ одинъ лишній. И то чудо что держатся вмѣстѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Ферикъ—колдунъ; когда его не ставятъ, тогда увидить эта сволочь что съла она какъ ракъ на меду.

— Ну а Болгары записываются въ казаки?

— Записываются, они уже попривыкли. Есть чауши и офицеры изъ Болгаръ, и много окбашей. Ферикъ ихъ любитъ. Наши момцы идутъ въ службу охотно, расстаются съ домомъ и бросаютъ киседжіѣское ремесло, чтобы подвязать саблю, бречать шпорами и щеголять мундиромъ.

— Дастъ Богъ изъ этого что-нибудь да выйдетъ.

— Сомнѣваюсь; наши толкуютъ что Италияцы и Жиды, не имѣя другаго средства одолѣть ферика, предлагаютъ мектеб-лібцамъ вывести славянство изъ полковъ и отуречить ихъ, потому что увѣрены что если имъ это удастся, то ферикъ не задумается оставить службу.

— Жаль! Я самъ хотѣлъ записаться въ казаки; они могли бы спасти нашу бѣдную родину; не все ли равно будетъ ли въ Болгаріи свой царь, будетъ ли у ней султанъ? Была бы только Болгарія, да сохранила бы она свою вѣру и свой языкъ. Идти же въ казаки для пробы, а потомъ сожалѣть что пошелъ, не стоить: Лучше жить по-старому.

Грустно смотрѣли глаза молодого Болгарина; онъ солдатъ и служилъ въ хорошемъ войскѣ. Онъ съ прискорбіемъ видѣлъ какъ легко и охотно Болгары дѣлаются гайдуками и какъ трудно и нерадостно для нихъ быть юакаами. Онъ думалъ что казачество пособитъ имъ выдти изъ того положенія къ какое комитеты втянули ихъ во имя свободы и отчизны. Но оказывается что и этого добиться не легко.

Катырджія зналъ кто былъ молодой Болгаринъ: Болгары же, какъ горожане такъ и сельчане, вѣдали все что творять комитеты, хотя и не принадлежали къ нимъ; и нужно признаться что они умѣли хранить тайну, потому что почти ни одинъ Болгаринъ, даже изъ противниковъ возстанія, а такихъ было девять десятыхъ, ни о чемъ не проболтался: это всего лучше доказываетъ гунаское происхожденіе ихъ племени. Въ немъ удѣляла лучшая добродѣтель дикихъ праотцевъ—умѣнье держать языкъ за зубами. Не таковы Славяне....

Катырджія посмотрѣлъ вокругъ себя и сказалъ: — Уходи, братъ; Турки, какъ вижу, на тебя косятся. Слѣщи, у отца Іована все готово.

Онъ оставилъ гостя и подошелъ къ кружку въ которомъ была его молодая жена, а между тѣмъ Каракачанъ открылся въ толгѣ.

Мутасарифъ еще не встаетъ и не позволяетъ прекратить веселье. Хорату лаяшуть за хоратой, а онъ глядитъ на молодую. Она кажется ему еще прекраснѣе чѣмъ была прежде. Щеки розовыя, уста алыя, глаза такъ блестятъ какъ не блистали никогда, черныя брови рисуются на челѣ, а отъ волосъ бросаетъ въ дрожь. Не даромъ Пророкъ запретилъ женщинамъ показывать свои косы кому-либо другому кромѣ мужа. Она не привыкла еще къ фустану, но была въ немъ такъ роскошна и проста, что лашѣ стало досадно. Такая гурія для казака! Но горю не поможешь — залерли замочекъ! Паша задумывается, улыбається, хмурится и снова задумывается. Наконецъ лаша вытряхнулъ пепель изъ трубки, не приказалъ набавить другую и сталъ собираться домой. Паша всталъ, молодые ему кланяются, а чорбаджи и чорбаджійки поднялись на ноги. Рифка присядаетъ. Ицекъ выбѣжалъ изъ сѣней и держитъ стремя, а конь такъ и рвется. При конѣ кучка залгивъ и вдвое болѣе босоногихъ оборванцевъ: это почетный конвой. Чѣмъ больше лаша тѣмъ больше при немъ оборванцевъ и тѣмъ хуже на нихъ лохмотья. Паша еще разъ улыбулся молодой, послалъ привѣтъ Рифкѣ за ея присяданіе, и глазами, по турецкому обычаю, что-то приказалъ юзбашѣ и залгивамъ. Онъ вышелъ, сѣлъ на коня и поскѣкалъ, а вся арава оборванцевъ лобѣжала вокругъ него лѣвшкомъ, въ тактъ съ конскимъ галопомъ.

Дудки заиграли еще разъ, и тѣмъ все кончилось.

(До слѣд. №.)

НЕИЗДАННЫЯ ПІЕСЫ

А. С. ГРИБОВЪДОВА

Странная судьба постигла сочиненія А. С. Грибовѣдова. Мало того что прошло почти десять лѣтъ прежде чѣмъ знаменитое произведеніе его, *Горе отъ Ума*, появилось въ печати и на сценѣ,—появилось когда уже вся грамотная Россія знала его наизусть по рукописямъ,—мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго изданія этой превосходной комедіи, до сихъ поръ не собраны ея варианты. А вариантовъ должно быть не мало, какъ можно видѣть изъ словъ самого Грибовѣдова, который въ 1824 году писалъ къ С. Н. Бѣгичеву: * „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю старое... Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню коли рѣшишься: онъ такъ несовершенень, такъ нечистъ. Представь себѣ что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риетъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, по дорогѣ пришло мнѣ въ голову

---

* *Письма Грибовѣдова къ С. Н. Бѣгичеву*, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности, стр. 17.

придѣлать новую развязку; я ее вставлялъ между сценой Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку, со свѣчею надъ лѣвстницею, и предъ тѣмъ какъ ему обличить ее. Живая, быстрая вещь; стихи искрами посылались въ самый день моего прїезда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину.... Замѣчаніемъ Вильгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то же что во многихъ мѣстахъ импровизирую; да, это нѣсколько разъ случилось, потому я самъ себя ловилъ, но другіе не ломкались.“* А насколько значительны были варианты разныхъ мѣстъ комедіи, можно судить по слѣдующему варианту послѣдняго монолога Чацкаго:

Не образуясь, виновать!

Не знаю какъ я не влопадь

Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ фортуны и жениховъ чиновныхъ,
Которой красота едва дано разцѣсть—

Ужъ глубоко натвержено искусство:

Не сердцемъ поискать, а взвѣсить, и разцѣсть,

И торговать собою въ замужство.

Нѣтъ, нѣтъ! Ошибся я. Намѣченъ былъ у васъ

Любезникъ милелькій котораго подъ часъ

Могли бы, несмотря что въ возрастѣ оный зрѣломъ,

Беречь и пеленать и посылать за дѣломъ:

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женныхъ пажей—

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!

Но, Боже мой! Кого себѣ избрали!

Когда размыслию я кого вы предпочли!

Зачѣмъ меня манили, завлекли,

Повергли въ бездну золь, мученій и печали?

Слѣпецъ я! Въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ,

Слѣпшалъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ счастье, думалъ, близко!

Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко

Былъ расточитель нѣжныхъ словъ.

Но что! Наказаны вы горемъ справедливо!..

(Фамусову:)

* К. А. Полевой въ статьѣ своей о жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоедова предпосланной второму изданію *Горя отъ Ула*, говорить (стр. XXV) что въ Тифлисѣ была написана Грибоедовымъ вся эта комедія, но написана вчернѣ, такъ что по прїядѣ въ Москву онъ почти совершенно передѣлалъ ее и написалъ многія сцены вновь.

А вы, сударь, отецъ! Вы жертвуйте чинамъ
Собою, дочерью,—желаю быть счастливымъ! *

Самое существованіе послѣдней піесы Грибоѣдова *Грузинская Ночь* до 1859 года казалось какому-то миеомъ. Всѣ биографы этого писателя упоминали о ней; Булгария утверждала что отрывки изъ нея сохранились. Но въ печати изъ нея не появлялось ни одной строки до тѣхъ поръ пока Д. А. Смирновъ въ *Русскомъ Словѣ* за 1859, кн. V, въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоѣдова“, не напечаталъ нѣкоторыхъ черновыхъ ея отрывковъ. Между тѣмъ изъ показаній Булгарина положительно слѣдуетъ что піеса эта была окончена, и если можетъ-быть была и не совсѣмъ отдѣлана, то во всякомъ случаѣ приведена въ такой видъ что Грибоѣдовъ могъ читать ее своимъ знакомымъ вполне, а не отрывками.

Изданія сочиненій Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) не полны: въ нихъ нѣтъ его театральныхъ статей, нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній, его *Лубочнаго Театра*, его эпиграммы, какъ на примѣръ эпиграммы его на Карамзина, впервые напечатанной въ *Русской Старинѣ* 1872 года (кн. V, стр. 765). ** Въ этихъ собраніяхъ нѣтъ, наконецъ, двухъ его

* А вотъ еще нигдѣ не напечатанный вариантъ словъ Скалозуба въ защиту армейцевъ (актъ II, явленіе VI):

А въ первой арміи теперь не то что встарь!

Однажды на смотру изволилъ государь

Замѣтить самолично

Что выправка и стойка—все отлочно.

** Вотъ эта эпиграмма:

—Послушайте, я разкажу вамъ старину

Про Игоря и про его жену,

Про Новгородъ, про время золотое

И наконецъ про Грознаго Царя....

— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое,

Окончи лучше намъ Илью Богатыря.

Для лучшаго уразумѣнія этой эпиграммы надо замѣтить что сказка Карамзина объ Ильѣ Муромцѣ такъ и осталась неоконченною. Вотъ еще эпиграмма написанная Грибоѣдовымъ по поводу комедіи кн. Шаховскаго *Липецкія Воды*, задѣвавшей Жуковскаго и его послѣдователей. Комедія эта произвела большія смуты въ литературныхъ кругахъ. На кн. Шаховскаго посыпались эпиграммы, въ числѣ которыхъ была и эпиграмма Пушкина: Партизаны кн. Шаховскаго вступили за него. Загоскинъ въ защиту его написалъ трехактную піесу: *Комедія противъ комедіи*. Началась литературная война. Грибо-

придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между девята *Кто*
каго, когда онъ увидѣлъ свою негодяй! произведетъ, но
лѣтницею, и предъ тѣмъ какъ ему объ... съ княземъ П. А.
страя вещь; стихи искрами посыпались... о непосредственно
прѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее... ею, и потому заслу-
ническому, Шаховскому, Гречу и Г... из *Ула* занимаетъ та-
тыгину... Замѣчаніемъ Вильгельма... ратурѣ что повѣстно же-
Но наконецъ мнѣ такъ въ... собрание сочиненій его
многихъ мѣстахъ имло... о порядочное собрание со-
случилось, потому что я с... себя и *Le médecin volant* и *La*
лись. " * А насколько... произведенія которыя не лучше на-
мѣсть комедіи, мо... вдова.
вляго моволога...

Императорскихъ С.-Петербургскихъ теат-

П... удалось отыскать цензурованные экземпляры этихъ
и я слышу подѣлиться съ читателями одною изъ
и другою въ разказѣ.

какъ бы для того чтобъ положить конецъ этой войнѣ, напи-
сала слѣдующую эпиграмму:

ОТЪ АПОЛЛОНА.

На замѣчанье Фебъ даетъ
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ
Что толки всѣ о *Липецкихъ Водахъ*
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью

Не по его внушенью!

Грибоѣдовъ былъ заподозрѣнъ по дѣлу 14го декабря, и по требо-
ванію слѣдственной комиссіи былъ приведенъ въ Петербургъ, гдѣ
и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ. По
этому случаю Грибоѣдовъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ, —
Меня и взяли въ Главный Штабъ
И потянули къ Иусу.

Вотъ вариантъ этой эпиграммы:

По духу времени и вкусу,
Онъ ненавидѣлъ слово: рабъ...
За то посаженъ въ Главный Штабъ
тамъ притануть къ Иусу!

жде чѣмъ приведу подлинный текстъ *Пробы* Императорскому позволю себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о дѣятельности Грибоедова. Страсть къ театру Грибоедовъ съ самой молодости. Еще во время детства оныя написалъ трагедію-пародію *Дмитрий* собственноручный автографическій экземпляръ коихъ другомъ Грибоедова, С. Н. Бѣгичевымъ, о фактовъ для Грибоедовской біографіи, эта никогда не была ни играна, ни напечатана. Пьеса Грибоедова съ которою оныя выдалъ переводъ одноактной французской комедіи *Le secret du ménage* (*Молодые Супруги*, напечатана въ Парижѣ въ 1815 году, потомъ перепечатана въ собраніяхъ сочиненій Грибоедова, какъ Смирдина, такъ и Сергеевскаго). Грибоедову не было и двадцати лѣтъ когда оныя перевелъ эту пьесу въ Брестъ-Литовскомъ, будучи офицеромъ Иркутскаго гусарскаго полка, прикомандированнымъ къ А. С. Кологривову, какъ выражается г. Смирновъ „почти что въ адъютантской должности“. Между занятіями по службѣ и гусарскими кутежами и шалостями которымъ отдалъ дань и Грибоедовъ, молодой офицеръ находитъ время заниматься литературой и сидитъ за стихотворнымъ переводомъ комедіи. П. Н. Араловъ въ своей *Лѣтописи Русскаго Театра* * говоритъ что Грибоедовъ перевелъ эту пьесу по совѣту князя А. А. Шаховскаго, извѣстнаго писателя, горячо любившаго театръ и посвятившаго всю свою жизнь ему. Грибоедовъ познакомился съ княземъ Шаховскимъ еще въ Польшѣ, гдѣ оныя былъ со своимъ полкомъ. Не мудрено что разговоры Шаховскаго о театрѣ ударяли въ душу Грибоедова какъ огниво въ кремль и извлекли изъ него первыя искры. Очень вѣроятно что Грибоедовъ, задумавъ трудиться для театра и желая попробовать въ первый разъ свои силы на переводѣ, просилъ князя Шаховскаго, какъ знатока текущаго репертуара и русскаго и иностраннаго, рекомендовать ему пьесу для перевода. Выборъ палъ на комедію *Le secret du ménage*. Грибоедовскій переводъ этой пьесы, стихъ котораго довольно тяжелъ, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ переводовъ французскихъ пьесъ того времени; даже имена въ немъ не русскія, дѣйствующія лица называются *Эльмира*,

* *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 242.

Садбуръ, хотя живутъ повидимому въ Россіи и собираются вѣхать въ Крымъ и на Кавказъ.

Пріѣхавъ въ 1815 году въ Петербургъ, Грибоѣдовъ привезъ свой переводъ піесы *Молодые Супруги*. Въ эту эпоху любовь къ театру была въ самомъ сильномъ разгарѣ въ петербургскомъ обществѣ. Между театрами были такіа лица какъ кн. Шаховской, Катенинъ, Гнѣдичъ, Хмѣльницкій и т. п., и ихъ бесѣды и совѣты имѣли плодотворное вліяніе на тогдашнее сценическое искусство. Любовь къ театру заставляла многихъ писателей избравшихъ себѣ иное поприще все-таки въ свободное время удѣлять нѣсколько часовъ и театру. Жуковский перевелъ французскую драму *Валерія или Стылая*, Гречъ тоже перевелъ нѣсколько піесъ. Нѣкоторые послѣ первыхъ же своихъ опытовъ оставляли сцену; другіе, какъ кн. Шаховской, Хмѣльницкій, Кокоскинъ, всю свою литературную дѣятельность посвящали театру. Такъ сдѣлалъ и Грибоѣдовъ, который до того любилъ театръ что отправляясь въ 1818 году секретаремъ посольства въ Персію писалъ изъ Новгорода (18го августа 1818 года) своему другу С. П. Бѣгичеву чтобъ онъ подписался для него на афишки и присылалъ ихъ ему, и такъ заботился о полученіи театральныа афишъ что просилъ Бѣгичева, въ случаѣ отъѣзда его изъ Петербурга, присылку къ нему театральныа афишъ поручить кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. * Грибоѣдовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вступаетъ въ общество тогдашнихъ любителей театра, бываетъ постоянно въ театрѣ, участвуетъ въ шалостяхъ и продѣлкахъ молодыхъ театраловъ, водочится за актрисами; одною изъ нихъ, танцовщицей Телешевой, увлекается до того что пишетъ къ ней стихи и приписываетъ своему вліянію ея усовершенствованіе въ балетномъ искусствѣ. **

* *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву* (стр. 9—10).

** Въ любви къ Телешевой у Грибоѣдова былъ соперникомъ, какъ онъ самъ говоритъ (*Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву* стр. 23), тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ; впрочемъ оба соперника были не совсѣмъ счастливы, и ихъ любовь къ хорошенькой танцовщицѣ ограничилась однимъ только платоническимъ водокитствомъ. Хорошенькая танцовщица кокетничала съ ними обоими, но была влюблена, какъ разказывала мнѣ одна подруга ея, въ своего сослуживца, весьма красиваго танцовщика Шемяева, котораго она предпочитала водочившимся за нею и знатному садовнику, и молодому литератору.

Грибоедовъ выдержалъ полный искусъ театральнаго поэта и даже едва не лишился жизни на одной дуэли, поводомъ къ которой была знаменитая танцовщица Истомина.*

* Вотъ какъ разказываетъ эту исторію г. Смирновъ: (*Бесѣды съ Обществомъ Люб. Росс. Словесности*, выпускъ 2й: „Биографическія извѣстія о Грибоедовѣ“, стр. 15): „Читатель можетъ-быть знать по преданію, или по крайней мѣрѣ изъ стиховъ Пушкина, что такое за очаровательное, за прелестное созданіе была въ то время о которомъ я говорю известная танцовщица Истомина. Само собою понимается что у Истоминой поклонниковъ и обожателей было видимо-невидимо. Счастливейшимъ былъ нѣкто Василій Александровичъ Шереметевъ, однополчанинъ Бѣгичева, кавалергардскій офицеръ, молодой человекъ очень любезный, съ отлично добрымъ и благороднымъ сердцемъ: онъ жилъ съ Истоминой въ одномъ домѣ, и даже больше,—на ея счетъ, потому что Истомина, какъ первая танцовщица, получала хорошія деньги и жила хорошо. Жили они совершенно по-супружески и даже иногда, къ близкимъ знакомымъ, какъ напримѣръ къ князю Шаховскому, выѣзжали вмѣстѣ. Любилъ ее Шереметевъ со всѣмъ безуміемъ страсти, стало-быть и съ ревностью. Несмотря на это, онъ часто съ ней ссорился, какъ нарочно, поссорился съ ней предъ роковымъ для себя днемъ и уѣхалъ отъ нея. Бѣгичевъ былъ въ это время въ Москвѣ. Грибоедовъ, жившій сперва съ нимъ, жилъ потомъ съ графомъ Завадовскимъ. Можетъ-быть графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истомину какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоедовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ притязаній, какъ-то разъ послѣ спектакля къ себѣ, пить чай. Истомина согласилась, но зная что Шереметевъ за ней подсматриваетъ и, не желая вводить его въ искушеніе и лишній гнѣвъ, сказала Грибоедову что не пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра, а назначила ему мѣсто гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтятся: первую, такъ-называемую Суковную линію Гостиного Двора, на этотъ разъ, разумеется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоедовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издаека, все это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоедова, онъ вполнѣ убѣдился что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать что этотъ „кто-то“ былъ Грибоедовъ. Вздвомаванный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю (известному декабристу) Якубовичу съ вопросомъ: что дѣлать? Якубовичъ былъ лично храбрый; но безпокойный человекъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на цѣлыя вещи. „Что дѣлать“, отвѣчалъ онъ „это очень понятно:

Прибывъ въ Петербургъ, Грибоѣдовъ, разумеется, поспѣшилъ похлопотать поставить свою пьесу на сценѣ, что ему скоро и удалось при помощи князя Шаховскаго, служившаго въ то время при театрѣ и имѣвшаго большую силу и въ театральнѣйшей дирекціи и за кулисами. Комедія *Молодые Супруги*

даться, разумеется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго,—это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ,—это два; стало-быть, тутъ два лица требующія пучи, а изъ этого выходитъ что для того чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрнѣйшей okazji, составимъ un parti сarré ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго. „Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ „закономъ достаточнаго основанія“. Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. „Нѣтъ, братецъ“,—отвѣчалъ Грибоѣдовъ,—„я съ тобой стрѣляться не буду, потому что право не за что, а вотъ, если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ“. Parti сarré устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Барьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ чтобы противникамъ пройти по шести, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыиъ лицъ, то-есть Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ барьера сходиться на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отлучный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго вѣдѣло Шереметева, или чувство ревности и злобы пересланило въ немъ рассудокъ, только онъ, что-называется, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до барьера. Пуля пролетѣла такъ близко что оторвала часть воротника у сюртука у самой шеи... Тогда, что очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. „Ah“, сказалъ онъ—„il en voulait à ma vie: à la barrière!“ Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго чтобы онъ пощадилъ жизнь Шереметева. „Я буду стрѣлять въ ногу“, отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: „Ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью“. Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный, пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остановилась въ другомъ боку. Шереметевъ улазъ наввничъ и „сталъ нырять по снѣгу какъ рыба“, подлинное выраженіе доктора Иона, очевидца дуэли, тоже разсказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. „Вотъ тебѣ, Вася, и флюка!“ прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывший тутъ же кѣкто Каверинъ, лицо замѣчательное и характерно типическое въ отношеніи къ своему времени, который, будучи

была представлена въ первый разъ 29го сентября 1815 года. Піеса была прекрасно разыграна. Въ первое представленіе роль Эльмиры играла знаменитая К. С. Семенова, а мужскія роли исполняли двое лучшихъ молодыхъ актеровъ того времени, Сосницкій и Брянскій. Потомъ роль Эльмиры занимала Воробьева, вышедшая въ послѣдствіи замужъ за Сосницкаго, та самая Воробьева о которой съ такимъ восторгомъ говоритъ Грибоѣдовъ въ своемъ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 9го октября 1816 года. *

Грибоѣдовъ былъ весьма не равнодушенъ къ успѣху первой переведенной имъ піесы, и когда Загоскинъ въ *Сѣверномъ Наблюдателѣ* выписалъ слабые стихи изъ комедіи *Молодые Супруги*, которая игралась въ то время очень часто, и

адъютантомъ Беннгсена, до того проказалъ въ Гамбургѣ что былъ цѣлому городу и околodку извѣстенъ подъ именемъ краснаго гусара. Якубовичъ извинился предъ Грибоѣдовымъ что имъ теперь стрѣлаться невозможно, потому что онъ долженъ отвѣсти Шереметева домою. Они отложили свои разчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представлялась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла: его сейчасъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ-подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хотѣла чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на двѣнадцати гостиницы. Вспомнили о разчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэли пославши арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, также какъ и Шереметевъ, не выдержалъ и выстрѣлилъ не дошедши до барьера; Якубовичъ стрѣлялъ отлучно и послѣ разказывалъ что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ въ знакъ памяти лишить его руки. Дѣйствительно пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большаго пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это, въ послѣдствіи, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупу его послѣ истребленія нашего посольства персидскою чернью 30го января 1829 года. * Грибоѣдовъ же, какъ послѣ самъ писалъ Бѣгичеву, мѣшалъ Якубовичу въ плечо и потомъ жалѣлъ что не попалъ.

* Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву, стр. 4.

оттиснулъ ихъ съ своими комментаріями, * Грибоѣдовъ написалъ на Загоскина бранное стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Лубочный Театръ* и хотѣлъ его напечатать; когда же это не удалось, онъ распустилъ это стихотвореніе по Петербургу въ рукописи, и оно разошлось въ огромномъ числѣ рукописныхъ экземпляровъ. ** Притомъ у Аралова въ его *Лѣтописи Русскаго Театра* мы находимъ извѣстіе что 9го января 1819 года былъ бенефисъ танцовщицы Е. И. Колосовой, въ которомъ А. М. Колосова (въ послѣдствіи Каратыгина), въ комедіи *Молодые Супруги, по желанію автора этой пьесы*, играла роль Эльмиры, и Грибоѣдовъ и Шаховской были въ полномъ удовольствіи. ***

Черезъ годъ послѣ *Молодыхъ Супруговъ* появляется другая пьеса Грибоѣдова, *Притворная Неверность*, комедія въ 1 д. соч. Барта (*Les fausses infidélités*), переведенная имъ вмѣстѣ съ Жандромъ. Пьеса эта назначалась для бенефиса знаменитой К. С. Семеновой, а это уже показываетъ что Грибоѣдовъ своею первою пьесой поставилъ себя въ число такихъ писателей у которыхъ первыя актрисы просятъ пьесъ для своихъ бенефисовъ. Въ этой пьесѣ Грибоѣдовъ прибѣгаетъ къ сотрудничеству Жандра, и вотъ что онъ писалъ по этому поводу къ С. Н. Бѣгичеву, 15го апрѣля 1815 года. **** „При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобы меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ что у меня только переведены сцены XII и XIII, остальное, съ того мѣста какъ Рославлевъ говоритъ: я здѣсь, все слышалъ и все знаю, я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ а

* *Свертлый Наблюдатель* 1817 года № 15.

** Стихотвореніе это напечатано въ статьѣ Д. А. Смирнова о Грибоѣдовѣ во второмъ выпускѣ *Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности* (стр. 12—13), и въ *Лѣтописи Русскаго Театра* Аралова (стр. 260—261), но въ изданіяхъ сочиненій Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) его нѣтъ.

*** *Лѣтопись Русскаго Театра*, стр. 274.

**** *Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву*, стр. 7.

другіе оставилъ: тѣ которые лучше моихъ. Эту комедітку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переверано, вотъ что заставило меня ее напечатать.“

Піеса эта была представлена въ бенефисъ Семеновой, 11го февраля 1818 года (у Смирнова ошибочно напечатано: 1817 года), вмѣстѣ съ передѣлкой Шиллеровой *Семей*, сдѣланной сотрудиномъ Грибоѣдова, А. А. Жандромъ, и была разыграна, какъ говоритъ Араловъ,* отчетливо и долго держалась на сценѣ. Въ ней уже виденъ шагъ впередъ: стихи лучше, и условныя театральныя имена замѣнены русскими фамиліями (Эледину—играла Вальберхова, Лизу—Брянская, Рославлева—Брянскій, Ленскаго—Сосницкій, Блестова—Рамазановъ), но и въ ней дѣйствуютъ не живые люди, а условныя театральныя амлуа: Эледина—кокетка, Лиза—ingéne, Рославлевъ—premier role, Ленскій—jeune premier, Блестовъ—старый фатъ. Грибоѣдовъ не остается равнодушнымъ къ судьбѣ и этой піесы: въ письмѣ изъ Москвы къ Бѣгичеву отъ 5го сентября 1818 года онъ не забываетъ написать что „и здѣсь въ Москвѣ играютъ его *Притворную Непътность*“.**

Послѣ *Притворной Непътности* біографы Грибоѣдова обыкновенно переходятъ прямо къ комедіи *Горе отъ Ума*, не упоминая что между этими двумя піесами была еще маленькая піеска Грибоѣдова, *Проба Интермедіи*, представленная въ первый разъ въ бенефисъ Брянскаго, 10го ноября 1819 года,*** когда Грибоѣдова не было уже въ Петербургѣ, когда онъ былъ на Кавказѣ. Это собственно не драматическое произведеніе, а дивертисментъ, интермедія, которыя были въ то время въ большой модѣ въ бенефисы, дабы дать возможность большому числу артистовъ разныхъ труппъ принять участіе въ бенефисѣ. Подобныя интермедіи сочиняли лучшіе драматическіе

* *Литотпись Русскаго Театра*, стр. 263.

** Вотъ что онъ писалъ по этому случаю изъ Москвы: „Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и *Притворную Непътность* играютъ, и какъ играютъ! Кокоткиндъ (членъ дирекціи Московскаго театра) вчера предо мной униженно извинялся что прелестные мои стихи такъ терзають, что онъ не виновать, его не слушаютъ: было бы что слушать. (Письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву, стр. 10.)

*** *Литотпись Русскаго Театра* А. Н. Аралова, стр. 289.

писатели того времени; особенно много ихъ писалъ князь Шаховской; писали также Хмѣльницкій, Кокоткинъ, Загоскинъ. Написалъ ли Грибоѣдовъ свою интермедію по просьбѣ какого-нибудь бенефицианта, или самъ вздумалъ написать 'ее чтобы снова попасть за кулисы — неизвѣстно. Привожу цѣликомъ эту интермедію не ради какого-либо ея собственнаго достоинства, а потому только что она писана Грибоѣдовымъ, такъ какъ всякая строка такого писателя драгоцѣнна. Принадлежность этой *интермедіи* Грибоѣдову несомнѣнна. Въ цензурныхъ спскахъ того времени она помѣчена піесю Грибоѣдова, на цензурованномъ ея экземплярѣ стоитъ что это сочиненіе А. С. Г. Современники Грибоѣдова, писавшіе уже въ то время о театрѣ, какъ напримѣръ П. Н. Араловъ, прямо печатно называютъ эту піесу сочиненіемъ Грибоѣдова,* что подтверждали и нѣкоторые изъ актеровъ участвовавшихъ въ этой піесѣ. Въ интермедіи этой участвовали между прочими: Величкинъ, Сосницкій, Боченковъ, Самдунова, Рамазановъ и др. Вотъ эта піеска.

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ.

Интермедія въ 1 дѣйствиі.

Дѣйствующія лица:

<p>ОЕКОЛКОВЪ. АЛЕГРИНЪ. РЪЗВУШКОВЪ. ПРИПРЫЖКИНЪ. СВИСТАЛОВА. БЕМОЛЬСКАЯ МАШИНИСТЪ. СУФЛЕРЪ. АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.</p>	<p>} актеры.</p>
---	------------------

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ.
Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

ОЕКОЛКОВЪ.

Много васъ, актеровъ и актрисъ...
Батюшки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Матушки, мнѣ нуженъ бенефисъ!

ПРОЧІЕ АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

Разкажите,
Что хотите
Вы отъ насъ?

* Тамъ же.

ФЕКОЛКОВЪ.

Вотъ какъ разъ!
Въ бенефисъ меня вы не оставьте,
Мнѣ чтобъ не поласть въ просакъ,
Публику вы позабавьте
Кое-чѣмъ и кое-какъ.

ПРОЧІЕ.

Вамъ помочь
Мы не прочь.

ФЕКОЛКОВЪ.

Васъ, друзья мои, такъ много,
Помолчите ради Бога!

ПРОЧІЕ.

Правда, много васъ числомъ,
Да какая польза въ томъ?

ФЕКОЛКОВЪ.

Надо чтобъ скорѣй послѣло.

АЛЕГРИНЪ.

Поскорѣе?—Такъ за дѣло!
Взяться надлежитъ съ умомъ.

ФЕКОЛКОВЪ.

Въ этомъ затрудненья мало,
Дѣлайте какъ ни попало.

ПРОЧІЕ.

Хорошо,— да должно знать
Что мы будемъ представлять?
Оперу?

ФЕКОЛКОВЪ.

Охъ, нѣтъ!

АЛЕГРИНЪ

Балетъ?

ФЕКОЛКОВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ПРИПРЫЖКИНЪ.

Комедью?

ФЕКОЛКОВЪ.

Интермедью!

ВСѢ (*кромя его*).

Интермедью!—Боже сохрани!
Интермедью!—Нѣтъ ужь искони

Солоны достались намъ они!
И какая вамъ охота?
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

ОЕКОЛКОВЪ.

Неужто, господа, мнѣ быть безъ бенефиса?

АЛЕГРИНЪ.

Дайте въ свой бенефисъ что хотите, да только не интермедію.

ВСѢ (*посторяютъ*).

И какая вамъ охота?—
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

ОЕКОЛКОВЪ.

Да, господа, дѣло праздничное, серьезное надоѣсть, не худо бы затѣять какую-нибудь потѣху.

РВЗВУШКОВЪ (*обращаясь къ прочимъ*).

Ну, ужъ выведемте его изъ хлопотъ; дѣлать такъ дѣлать. Здѣсь однако не Петербургъ, автора не скоро сыщешь; развѣ нашъ суфлеръ примется, человѣкъ онъ грамотный. Путка, батюшка, выльзай изъ своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вотъ и случай есть, отличись.

ОЕКОЛКОВЪ.

Выльзайте, отецъ родной, я самъ услужу въ другое время.

СУФЛЕРЪ.

Извольте, располагайте моимъ умомъ, моимъ перомъ и моимъ языкомъ.

ВСѢ (*кромя его*).

Браво! Фора!
У суфлера
Все килить!
Кто коль скоро
Что прослить,
Не затвердить,
Кто собьется,
Заикнется,
Нашъ суфлеръ лишь встреленется,
И лишь голосъ онъ подастъ,
Всякій кто во что гораздъ.

СУФЛЕРЪ.

Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а безъ меня иному бы изъ насъ плохо пришлось. Да не о томъ рѣчь. Вамъ нужна новая пьеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорацию, актеры, слова, музыка и танцы.... танцы или пляски.

РЪЗВУШКИНЪ.

Верховой, слускай декорацию. Вотъ тебѣ дѣвъ и вода.

СВИСТАЛОВА.

Актеры всѣ на лицо, въ костюмахъ и безъ костюмовъ.

БЕМОЛЬСКАЯ.

Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

АЛЕГРИНЪ.

Музыки у насъ вволю, выбирай любую.

ПРИПРЫЖКИНЪ.

За танцами дѣло не станетъ.

ӨЕКОЛКОВЪ.

Такъ стало самое нужное есть, стоитъ только къ нему причинить кое-что.

СУФЛЕРЪ.

Это ничего не составляетъ....

СВИСТАЛОВА.

Особливо для суфлера.

БЕМОЛЬСКАЯ.

Онъ всякую всячину наизусть знаетъ.

РЪЗВУШКИНЪ.

Онъ весь свой вѣкъ чужое говорить.

АЛЕГРИНЪ.

Пусть его крадетъ откуда хочетъ, была бы пьеса готова.

СВИСТАЛОВА.

Не безлокайтесь, онъ на нашу бѣду пожалуй столько сочинить что намъ въ вѣкъ не выучить.

Суфлеру нашему хвала,

Природа коему дала

Писать охоту и умѣнье!

Его жь такія сочиненья

Что самъ едва ль онъ ихъ пойметъ,

Да и никто не разбереть,

А дѣло все на ладъ идетъ.

СУФЛЕРЪ.

Прошу васъ, господа,
 Не говорить ни слова!
 Вотъ лѣсъ и вотъ вода,
 Такъ главное готово.
 На завѣсъ рѣзка...
 Пусть будетъ же: Ока.
 Готово и названье,
 Благодаря рѣкѣ:
Пирушка на Окѣ,
Иль за Окѣй гулянье,
 И лѣсьями начать,
 И плясками кончать!

АЛЕГРИНЪ.

Что же намъ лѣтъ?

ПРИПРЫЖКИНЪ.

Какія пляски?

СУФЛЕРЪ.

Пойте и скачите сколько душѣ угодно, только не всѣ вдругъ.

БЕКОЛКОВЪ.

Однако нельзя безъ пробы.

СУФЛЕРЪ.

Ну, такъ пробуйте. Г. лѣвецъ, выступайте. Что подтверже—
 то и пойте. А прочихъ прошу изготавиться для послѣдую—
 щаго; я же между тѣмъ займусь сочиненіемъ куплетовъ, ко—
 торые пропоетъ наша лѣвица тогда какъ будутъ готовы. За—
 дѣло! скорѣй! а не то я перестану сочинять.

ВСѢ.

Хорошо, хорошо.

*(Пѣніе и танцы; по окончаніи суф—
 лера говоритъ.)*

СУФЛЕРЪ.

Довольно, довольно. Куплеты готовы. Угодно ли мнѣ сдѣ—
 лать честь ихъ пропѣть въ заключенье?

БЕКОЛКОВЪ.

Неужли заключенье?

БЕМОЛЬСКАЯ.

Что жъ вы еще хотите?

(Беретъ куплеты и поетъ ихъ.)

Куплеты.

Довольно всѣ плясали, лѣви,

Покуда вамъ не надоѣли,
 Всего умнѣ разойтись.
 Кто хочетъ тотъ лускай сердись,
 Надъ нашей шалостью острись.
 А мы не съ авторскимъ умишкомъ.
 Хоть пошалили, да не слижкомъ.
 Притомъ кто осуждать насъ станеть,
 Не худо ежели вспомяветъ
 Что позабавиться на счетъ
 Кто интермедіи идетъ,
 Не много умаго онъ ждетъ.
 И въ этой вздору много тоже,
 Да все на прочихъ не похоже.
 На свѣтъ же всегда водилось,
 Какъ зрителямъ что полюбилось,
 Никто не спросить, какъ оно
 Безмысленно, или умно,
 Или плачевно, или смѣшно,
 Лишь только бы новѣ было,
 Всегда что ново, то и мило.

И вотъ такая-то пьеса предшествовала въ дѣятельности Грибоедова его комедіи *Горе отъ Ума*. Отъѣздъ его изъ Петербурга имѣлъ, повидимому, благотворное вліяніе на развитие и укрѣпленіе его великаго таланта. Вдали отъ столичныхъ удовольствій, трудолюбивый, хорошо образованный Грибоевъ, „одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи“, по выраженію Пушкина, неотступно занимавшійся самообразованіемъ, серіознѣе взглянулъ на искусство, занялся изученіемъ произведеній великихъ писателей, особенно Шекспира, * и пять лѣтъ трудился по плану приснившемуся ему во снѣ, въ Тифлисѣ, надъ одною пьесою, и эта пьеса выходитъ уже не одна изъ прежнихъ его скороспѣлокъ, а безсмертное *Горе отъ Ума*. **

* Какъ правильно и вѣрно смотрѣлъ онъ на Шекспира, это видно изъ біографіи его написанной К. А. Полевымъ и изъ письма его къ Бягичеву въ 1824 году. *Письма Грибоедова къ Бягичеву*, стр. 17.

** Д. А. Смирновъ въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоедова“ приводитъ начало проекта трагедіи *Родамистъ и Земобія* и отрывокъ изъ неизвѣстной пьесы, заключающій въ себѣ разговоръ какихъ-то двухъ *половецкихъ мужей*, не опредѣлая къ какому времени можно отнести эти отрывки. По моему мнѣнію, они должны быть отнесены ко времени послѣ отъѣзда Грибоедова изъ Петербурга и

Грибоѣдову не удалось увидать на сценѣ этого своего великаго произведенія. *Горе отъ Ума* въ то время не пропустила цензура, хотя мѣста въ рукописяхъ была известна всей Россіи и стихи ея вошли въ пословицы. Это не могло вознаграждать автора, и легко понять какъ тяжело было Грибоѣдову не имѣть удовольствія видѣть на сценѣ свое лучшее любимое произведеніе. Чтобы увидѣть на сценѣ свою комедію, Грибоѣдовъ даже прибѣгалъ къ передѣлкамъ ея, но все напрасно. Даже представленіе ея въ Петербургской театральнѣй школѣ, на которое съ такимъ было удовольствіемъ собирался Грибоѣдовъ, было остановлено. * Ли-

прежде началія имѣ комедію *Горе отъ Ума*. По духу своему эти отрывки какъ бы навѣяны тою эпохой въ которой создавались *Дебора* и *Смоляне* князя Шаховскаго и *Вещеславъ* Жандра. Притомъ самъ Грибоѣдовъ писалъ изъ-за Тифлиса Бѣгичеву, отъ 29го января 1819 года: „Въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ руки!“ Что же писалъ въ это время Грибоѣдовъ? Это остается тайною, но вѣроятно въ числѣ написаннаго имъ въ это время были и два названные отрывка, навѣянные тѣмъ духомъ которымъ онъ такъ еще незадолго предъ тѣмъ дышалъ въ Петербургѣ.

* Вотъ что разсказываетъ по поводу этого предполагавшагося представленія комедіи *Горе отъ Ума* ветеранъ Петербургской сцены П. А. Каратыгинъ въ статьѣ своей *А. С. Грибоѣдовъ*, помѣщенной въ мартовской книжкѣ *Русской Старины* за 1872 годъ. „Мы съ Григорьевымъ (совоспитанникъ П. А. Каратыгина, актеръ Петербургскаго театра) предложили Александру Сергѣевичу разыграть *Горе отъ Ума* на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большаго труда намъ стоило упросить добраго инспектора школы Бока дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... Наконецъ онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней расписали роли, въ недѣлю ихъ выучили, и дѣло пошло на ладъ. Самъ Грибоѣдовъ призвалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое *Горе отъ Ума* на нашемъ ребяческомъ театрѣ!... Хотя конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привезъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера, и тѣ также насъ похвалили. Наконецъ комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на

шешный надежды увидать на сценѣ *Горе отъ Ула*, Грибоевъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ что-нибудь поставить на сцену, и убѣжденный что серьезное произведеніе не могло показаться въ то время на подмосткахъ русскаго театра, снова обратился къ легкому роду драматической словесности, къ водевилю, надъ которыми онъ самъ подшучивалъ въ своей знаменитой комедіи.

Въ сотрудничествѣ съ молодымъ въ то время, блестящимъ, остроумнымъ и талантливымъ писателемъ княземъ П. А. Вяземскимъ онъ пишетъ водевиль *Кто Братъ, кто Сестра*. Подъ этою „новою оперою-водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, оригинальнымъ сочиненіемъ съ хорами и разнохарактернымъ дивертисментомъ“, какъ названа пьеса на цензурованномъ для представленія ея экземплярѣ, который удалось мнѣ отыскать въ библиотекѣ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, подписаны три имени, дорога въ исторіи русскаго искусства: А. С. Грибоедова и князя П. А. Вяземскаго, сочинившихъ эту пьесу, и А. Н. Верстовскаго, талантливаго автора *Аскольдовой Могилы*, сочинившаго для этой пьесы музыку.

О пьесѣ *Кто Братъ, кто Сестра*, упоминаютъ всѣ біографы Грибоедова, ошибочно при этомъ приводя самое ея заглавіе и называя ее *Братъ и Сестра*. Только одинъ П. Н. Араловъ въ своей *Лѣтописи Русскаго Театра* приводитъ вѣрно названіе этой пьесы *Кто Братъ? Кто Сестра? или Обманъ за Обманомъ*.

Слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... Но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь. Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней релетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ Императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ) чтобы мы не смѣли такъ либеральничать, и что пьесу не одобренную цензурой нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія, и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ залреценной комедіи:

„Ни безпокойства, ни волненья,

А горе ждетъ изъ-за угла!“

Да дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ протодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся чтобы за свою слабость къ намъ не попастьъ въ крѣпость!... Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ. Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоедову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что конечно его спавно огорчило.“

номъ. Въ обоихъ собраніяхъ сочиненій Грибоѣдова (Смирдина и Серчевскаго) напечатанъ только одинъ романъ будто бы изъ этого водевиля:

Ахъ, точно ль никогда ей въ персятъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ,
Еще не знаетъ про любовь?
Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался,
Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгаралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошествовалъ и обмиралъ?
Нѣтъ! нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами!
Тотъ другъ, тотъ избранный, онъ гдѣ-нибудь, онъ есть!
Любви волшебство, рай, восторга прелесть: вами,
Нѣтъ! не моей душѣ процвѣсть.

Очевидно оба издателя сочиненій Грибоѣдова взяли этотъ романъ не изъ самой пьесы, а изъ статьи К. А. Полевого *О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова*, гдѣ онъ приведенъ, между тѣмъ какъ въ самой пьесѣ его вовсе не находится; можетъ-быть онъ былъ исполняемъ въ ней только какъ вставной романъ, да и то весьма сомнительно, потому что въ пьесѣ трудно отыскать мѣсто гдѣ его, по ходу и сюжету пьесы, можно было бы вставить. Сама же пьеса, къ сожалѣнію, никогда не была напечатана, хотя изданіе ея было бы въ высшей степени любознательно, такъ какъ въ ней участвовалъ Грибоѣдовъ непосредственно послѣ написанія *Горя отъ Ума*.

Не рѣшаясь безъ согласія князя П. А. Вяземскаго напечатать эту пьесу, я разкажу ея содержаніе и приведу изъ нея нѣкоторыя куплеты. Было бы весьма желательно чтобы нашъ заслуженный ветеранъ-литераторъ князь П. А. Вяземскій напечаталъ, или позволилъ напечатать эту пьесу, объяснивъ при этомъ что именно въ ней принадлежитъ ему и что Грибоѣдову.

Вотъ содержаніе этой пьесы. Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ, въ почтовомъ домѣ. Съ Польшею Грибоѣдовъ и князь Вяземскій познакомились еще въ то время когда оба служили въ военной службѣ и стояли съ полками въ Царствѣ Польскомъ; туда-то они и перенесли дѣйствіе своей пьесы. Пьеса начинается лѣніемъ двухъ дочерей содержателя постоялаго двора, лана Чижевскаго, Антоси и Людвиси.

Онѣ поютъ о томъ что,—

Молодость, какъ струйка! Молодость какъ цвѣтъ!
Пролетитъ украдкой, процвѣтетъ и—нѣтъ!

.....

Завтра гость невѣрный, прошлый гость вчера!
На любовь и радость намъ одна пора!

На этомъ постояломъ дворѣ остановился пить чай ѣдущій въ Петербургъ гвардіи ротмистръ, гусарь Рославлевъ, съ молодой женой Юлією, Полькою, на которой онъ только-что женился въ Варшавѣ, вопреки желанію своего двоюроднаго брата, камергера Рославлева. Объ этой свадьбѣ Рославлевъ разказываетъ содержателю почтового двора пану Чижевскому, который замѣчаетъ ему на это:

Жизнь скучнымъ трактомъ вамъ казалась,
Такъ, взявъ любовь въ проводники,
Желали вы чтобы досталась
И радость съ легкой вамъ руки!
Такъ къ счастья пристани надежной
Всѣмъ мнѣ открытъ лѣсъ къ жень.

АНТОСЯ.

Ахъ, какъ хотѣлось бы и мнѣ
Скорѣй быть также подорожной!

П. ЧИЖЕВСКІЙ.

Любовь и бракъ!

РОСЛАВЛЕВЪ МЛ.

Одно и то же!

Они родные братъ съ сестрой!

П. ЧИЖЕВСКІЙ.

Согласенъ! но сестра моложе,
А братецъ баринъ пожилой,
Въ дорогѣ спутникъ ненадежный:
Сестра на вольныхъ наострить,
А братъ отстаивать и сидить
Одинъ съ законной подорожной.

Вдругъ является передовой камергера Рославлева старшаго, требуя чтобы приготовили лошадей для его барина, который скачетъ вслѣдъ за нимъ. Тогда молодой Рославлевъ уговариваетъ почтмейстера сказать старшему Рославлеву что лошади всѣ въ разгонѣ. Панъ Чижевскій долго не соглашается на просьбу Рославлева, говоря ему:

Знать ложень токъ въ васъ о почтмистрѣ польскомъ!
Кривнуть душой насъ Богъ оборони!
Въ вѣкъ не споткнутся въ мѣстѣ сколькомъ
Ни говоръ мой, ни лошади мои!
Нѣтъ! Польскихъ почтъ исторію прочтите

И съ коровомъ почтмистрша въ испосаитѣ
 Не сыщете, ручаюсь вамъ!
 Присяга въ насъ непобѣдима,
 И Нарушевичъ скажетъ самъ
 Что наша честь не нарушима.

Имя Нарушевича, известнаго польскаго историка, приведено, какъ кажется, для каламбура. Нѣсколько червонцевъ, просьба Юліи и подарки сдѣланные ею дочерямъ пана Чижевскаго склоняютъ наконецъ почтмейстера согласиться на просьбу Рославлева, и онъ говоритъ обращаясь къ Юліи:

Кровь польская сказалась въ сердцѣ польскомъ!
 Не устою на роковой чертѣ!
 И спотыкаясь въ мѣстѣ скользякомъ,
 Я падаю, но въ ноги красотѣ!
 Я не легко пускаюсь на измѣну.
 Нѣтъ, вашихъ просьбъ призналъ я вѣсь и цѣну.
 Вы заглушили мой самый стыдъ,
 Въ мою прокрадися вы душу,
 И Нарушевичъ мнѣ проститъ
 Что клятву разъ свою нарушу.

— Но разкажите мнѣ теперь, спрашиваетъ панъ Чижевскій,—зачѣмъ вы непременно хотите задержать вашего однофамильца?

Тутъ Рославлевъ говоритъ что они задумали сыграть съ братомъ комедію, но въ чемъ она будетъ состоять—онъ еще и самъ не знаетъ, что братъ его былъ прежде большой поклонникъ женщинъ, но теперь, вслѣдствіе нѣсколькихъ обмановъ претерпѣнныхъ имъ отъ прекраснаго пола, возненавидѣлъ всѣхъ женщинъ и скачетъ въ Варшаву чтобы помѣшать ихъ свадьбѣ.

Пріѣзжаетъ Рославлевъ старшій и требуетъ немедленно лошадей, но панъ Чижевскій отвѣчаетъ что лошадей нѣтъ; Рославлевъ сердится и велитъ ему скорѣе готовить лошадей. Чижевскій уходитъ, а Рославлевъ старшій, оставшись одинъ, поетъ слѣдующій романсъ:

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ
 Еще мерещится любовь,
 А я откланялся химерамъ
 И на обманъ не дамъ вровъ.
 Изъ вашихъ рукъ довольно пилъ отраву,
 Довольно я, красавицы, страдалъ.
 Моя тоска была вамъ на забаву,

Сжидались вы—я слезы проливалъ.
 Но слезъ моихъ вамъ бола не увидѣть!
 Я въ школѣ былъ и съ горя поумнѣлъ.
 Какъ я васъ обожать умѣлъ,
 Такъ васъ умью ненавидѣть!

Готовьте другимъ
 Оковы и розы,
 Обѣты, угрозы,
 Улыбки и слезы:
 Я сталъ невредимъ.

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ и пр.

Приходятъ Лудвиса и Автося и начинаютъ кокетничать съ Рославлевымъ, но онъ грубо гонитъ ихъ прочь отъ себя. Въ это время является Юлія въ мужскомъ платьѣ, выдаетъ себя Рославлеву старшему за товарища его брата и говоритъ что Рославлевъ младшій еще не женатъ, что послушавшись ея совѣтовъ и исполнивъ желаніе брата онъ отложилъ свою свадьбу. Юлія тоже выдаетъ себя за ненавистника женщины, и чокаясь съ Рославлевымъ поетъ:

Стократъ счастливъ кто разумъ свой
 Не помрачилъ еще любовью,
 Но вѣкъ проводитъ холостой!
 Я выпью за его здоровье!
 Повѣрьте мнѣ, жена для насъ
 Есть вѣчное почти мученье!
 Женись лишь только, и какъ разъ
 Родятся ревность, подозрѣнье.
 Ахъ, то ли дѣло одному!
 Его не мучитъ неизвѣстность,
 Душѣ покой, просторъ уму,
 И вѣчная почти безлечность.
 Нравъ женщины имѣють злой,
 Капризны что не сладить съ ними.
 Чтобъ избѣжать судьбы такой
 Останемся мы холостыми.
 Здоровье холостыхъ!
 Спокоенъ кто любви лукавой
 Не подчиняетъ разумъ здравый,
 Въ поступкахъ волею, сердцемъ пусть.
 Что подѣлуй отъ милыхъ устъ?
 Приманка мужу. Ротъ разинеть,
 Чмокъ: разъ, другой, и сабѣ простыветъ;
 Но множество другихъ статей,

Которымъ счетъ не такъ коротокъ:

Жены причуды, визгъ дѣтей,

И у жены что дядей, тетокъ!

Ахъ, то ли дѣло одному!

Покой душѣ, просторъ уму!

*(Стаканъ свой только къ губамъ
подноситъ.)*

РОСЛАВЛЕВЪ СТ. *(выпиваетъ все).*

Любилъ бы можетъ-быть и я

Заботы, нѣжности и ласки,

Но кто бъ увѣрить могъ меня

Что эти нѣжности не сказки!

Жена сердита—въ летаю лѣзь!

Нѣжна—замучать подозрѣнья.

Родятся дѣти—съ ними здѣсь

Родятся новыя сомнѣнья!

Прими совѣтъ мой, молодежь!

Любовь лукавая наука,

Въ любви бываетъ часто ложь,

За истину жъ вино порука!

Влюбись въ красотку, неравно

Твой вкусъ—приманка заблужденья!

Когда жъ на вкусъ придетъ вино,

Его ты выпьешь безъ сомнѣнья!

— Одна есть женщина въ свѣтѣ, продолжаетъ Юлія,—которую я люблю по самой родственной связи...—И принимается хвалить ее. Рославлевъ старшій начинаетъ поспѣшивать этимъ похваламъ. Тогда юный собесѣдникъ говорить что это сестра его и такъ умѣетъ выставить ее въ привлекательномъ свѣтѣ что Рославлевъ старшій очень желаетъ ее видѣть, и несмотря на свое напускное мизогинство, непрочь поводочиться за нею. Юлія является ему въ женскомъ платьѣ подъ именемъ сестры того молодого гусара. Она приходитъ будто искать хозяина почтового дома чтобы попросить у него помощи больному, совершенно чужому ей человѣку, въ которомъ она приняла самое живое участіе, и такъ успѣваетъ очаровать ненавистника женщины что тотъ готовъ все сдѣлать еслибъ она только въ награду за это рѣшилась поцѣловать его въ знакъ дружбы. Онъ говорить ей:

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ

Во мнѣ простыя горячій садъ

И поцѣуевъ мелочныхъ

Теперь мнѣ сладостяте нѣтъ.
 Меня не страсти пылъ волнуетъ,
 Умѣя а чувства обуздать,
 И васъ хочу поцѣловать
 Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ.

Рославлевъ старшій убѣгаетъ за своею походною аптекой, а между тѣмъ Рославлева младшаго наряжаютъ больнымъ, укладываютъ въ кресла на колесахъ и возвратившагося Рославлева старшаго заставляютъ ухаживать за мнимымъ больнымъ, катать его по комнатамъ. Наконецъ Юлія окончательно кружитъ голову камергеру, и когда снова является къ нему въ мужскомъ платьѣ, онъ, принимая ее за брата, признается въ своей любви къ сестрѣ. Тогда она скидаетъ съ себя мужской плащъ и конфедератку и открывается кто она, а Рославлевъ младшій рекомендуетъ ее какъ свою жену. Камергеръ volens-nolens соглашается на ихъ свадьбу, и пьеса оканчивается куплетами которые поетъ каждое лицо пьесы отдѣльно.

Пьеса эта была написана въ Москвѣ. У покойнаго Верстовскаго, писавшаго къ ней музыку, я читалъ большое собственноручное письмо Грибоедова по поводу этой пьесы. Грибоедовъ выражаетъ въ немъ большую заботу о постановкѣ этой пьесы и предлагаетъ замѣнить другими слѣдующіе ея стихи:

Любить обмены
 Мальчикъ Эротъ,
 Стрѣлокъ перѣнной
 Знать не черѣдъ,
 Вожжи теакковы
 Въ руки беретъ,
 Плеткой ременной
 Хлыщеть и бьетъ.

Вмѣсто этого Грибоедовъ предлагалъ поставить слѣдующіе стихи:

Крылами пара, стрѣлами звеня,
 Любовь вопрошала кого-то:
 — Ахъ, есть ли что легче на свѣтѣ меня?
 Рѣшите задачу Эрота.
 Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
 Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
 Есть пьеса такая:
 Легко себя друга сыскала Аглая,
 И легче того
 Забыла его.

Впрочемъ въ пьесѣ остался первый вариантъ.

Пьеса эта была поставлена первоначально въ Москвѣ, но не долго держалась на сценѣ. Впрочемъ, одинъ изъ ея куплетовъ который поетъ соня-лакей Рославлева старшаго, долго и часто пѣвалъ В. И. Живокини въ дивертисментахъ. Знаменитый ветеранъ нашей сцены утверждаетъ что этотъ куплетъ сочиненъ именно Грибоѣдовымъ, а не кн. Вяземскимъ. Вотъ онъ:

Жизнь наша соня! все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:
Родятся люди, люди мрутъ,
И кое-какъ пока живутъ!
Куда какъ это все забавно!
Какъ не звать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Иной зваетъ отъ бездѣля,
Зваютъ многіе отъ дѣля,
Иной зваетъ что не ѣля,
Другой зваетъ что съ похмѣля.
Какъ не звать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Актеръ въ своей зваетъ роля,
Звотой зритель давить свистъ,
Звая пишетъ журналисть,
А сускрибентъ зваетъ боля.
Какъ не звать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Я холостъ былъ, звалъ безъ счета;
Подумалъ завестись домкомъ
И взялъ жену чтобъ жить вдвоємъ,
И вдвое забраа звота,
Какъ не звать, все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!

Въ Петербургѣ эта пьеса была представлена въ первый разъ въ бенефисѣ Величина, 11го сентября 1824, и, какъ свидѣтельствуеъ П. Н. Араловъ, * имѣла успѣхъ.

Послѣ сочиненія *Горя отъ Ума* Грибоѣдовъ началъ было пьесу изъ 1812 года. Изъ нея сохранилась одна сцена, разговоръ отца съ дочерью о приближеніи къ Москвѣ непріятелей. Д. А. Смирновъ напечаталъ эту сцену въ статьѣ своей „Черновая тетрадь Грибоѣдова“ (*Русское Слово* 1859, кн. V).

* *Литотисъ Русскаго Театра*, стр. 358.

Въ 1823 году, въ Москвѣ, возобновлялся, или лучше сказать, строился новый Большой Театръ на мѣсто сгорѣвшаго въ 1805 года Петровскаго театра. Эта постройка театра въ Москвѣ, не имѣвшей съ 1805 года особаго каменнаго театральнаго зданія и принужденной съ тѣхъ поръ пользоваться сначала деревяннымъ театромъ у Арбатскихъ воротъ, потомъ наемными театральными залами въ частныхъ домахъ, возбуждала большой интересъ въ публикѣ. Открытіе новаго театра предполагалось сдѣлать весьма торжественное, и многіе тогдашніе писатели принялись за сочиненіе пролога для его открытія, въ томъ числѣ и Грибоедовъ.

„Для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 года—говорить С. Н. Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ—Грибоедовъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ подъ названіемъ *Юность Вѣщаго*. При поднятіи занавѣса, юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ,—сначала разныя волшебныя явленія, потомъ музъ, которыя его призываютъ, и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи; сонъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ островѣ, куда онъ съ прочими рыбаками отправился за рыбнымъ промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ невидимаго, и онъ убѣгаетъ изъ отческаго дома. При открытіи занавѣса во второмъ актѣ, Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной Площади. Далѣе я не помню... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.“*

Для открытія этого театра былъ поставленъ прологъ М. А. Дмитріева *Торжество Музъ*. Изъ пролога же Грибоедова уцѣлѣлъ только одинъ отрывокъ, который и приводимъ.

ЮНОСТЬ ВѢЩАГО.

Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь предъ отплытіемъ въ дальній путь.

Ореалъ, едва лишь пухомъ оперенный,
Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
Разсѣкъ оверъ, съ размаху воспарилъ;
Хоръ птицъ, его являемъ изумаенный,
Неспорный крикъ ему навстрѣчу шлетъ.
Нить! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ

* Русское Слово, 1859 года, кн. V.

Не зрѣть себѣ на равныхъ, ни преслаушныхъ,
 И властвовать въ селеньяхъ оныхъ воздушныхъ.
 Не такъ между людьми: ах! отъ печалей
 Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
 Еще томится возмужалый оный,
 Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
 Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
 Великимъ средѣ Австраліи выбей,
 Или въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно ли
 Присуждено?—Искать желанной доли,
 Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
 И тотъ пѣвецъ кому никто не смѣетъ
 Во снѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ времятъ,
 Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ,
 Оный отрокомъ безвѣстенъ и презрѣтъ,
 Сынъ рыбака, чудовищъ земноводныхъ
 Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
 Душой алая странъ и дѣлъ иныхъ,
 Ианемогае въ успаихъ безплодныхъ!...

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юности. Скорбь
 отца. Вновь отъѣздъ. Нелюбовь. Соловцы. Невѣдомый мужъ,
 богомолецъ. Вѣсть о вечернихъ странахъ. Возвращеніе домой.
 Побѣгъ. Тотъ же таинственный слутникъ. *

Последнею піесой Грибоѣдова была *Грузинская Ночь*. От-
 рывки изъ этой романтической трагедіи или драмы оный читалъ
 наизусть друзьямъ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ
 въ 1828 году. Извѣстны слова г. Греча сказанныя послѣ вы-
 слуханія этихъ отрывковъ, что Грибоѣдовъ только попробо-
 валъ перо на *Горѣ отъ Ума*. С. Н. Бѣгичевъ, въ біографиче-
 ской запискѣ составленной имъ для г. Смирнова, упомина-
 етъ что Грибоѣдовъ при последнемъ съ нимъ свиданіи, на
 пути въ Персію, говорилъ: „Я не напишу болѣе комедіи: ве-
 селость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей коме-
 діи. Но есть у меня написанная *трагедія*.“ И тутъ же раз-
 казалъ ея содержаніе и прочелъ наизусть сцены читанныя
 имъ въ Петербургѣ. Но на убѣжденія Бѣгичева прочесть всю
 трагедію никакъ не согласился. „Я теперь еще къ ней
 страстенъ“, говорилъ оный, „и далъ себѣ слово не читать ее
 пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ
 чужое сочиненіе и, если буду доволенъ, то отдамъ въ печать.“
 Долго думали что отъ *Грузинской Ночи* ничего не сохрани-

* Тамъ же.

лось. Но оказалось что нѣсколько отрывковъ уцѣлѣло. Они обнаружены г. Смирновымъ въ его любознательной „Черновой тетради Грибоедова“. * Чтобы сдѣлать понятными эти отрывки, которые считаемъ не лишнимъ перепечатать и въ этой статьѣ, передаемъ содержаніе трагедіи какъ оно разказано Булгариннымъ. „Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о сѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, приломываетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, угрожаетъ ему мученіемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и какъ Азіятка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Делу, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Делу вселить любовь къ офицеру въ литолицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Делу несетъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружье чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то что благородное чувство осквернила мстью. Они гибнутъ въ отчаяніи.“ **

Таково содержаніе *Грузинской Ночи*. Булгаринъ, замѣчаетъ г. Смирновъ, сдѣлалъ одну, конечно невольную, но довольно важную ошибку: злыхъ духовъ Грузіи зовутъ не Делу, а Али, и такъ названы они и Грибоедовымъ въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ его трагедіи. „По народному повѣрью, сказано въ статьѣ г. Березнова о грузинской медицинѣ, Али духъ женскаго

* Русское Слово 1859 № 5.

** Сочиненія Булгарина, Т. VII.

пола, и онъ въ особенности преслѣдуетъ родильницъ, часто является онъ имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али всегда на первомъ планѣ въ розказняхъ старухъ и нянекъ. Много страшнаго случалось мнѣ слышать въ моей молодости про этого героя, или правильнѣе, героиню женскихъ ужасовъ, которыми весьма часто тревожили молодое воображеніе. При этомъ, бывало, волосы шевелятся на головѣ и всю ночь бредишь странною женщиной, у которой зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говорить-то она хотя и языкомъ человѣческимъ, но все наоборотъ, и вся она создана будто на изнанку, и всѣ члены у ней будто выворотные. Сказываютъ: были и теперь будто бы есть неустрашимые люди которымъ удавалось поймать Али и держать ее нѣсколько лѣтъ въ услуженіи; увѣряютъ что она невольно дѣлается рабою того кто отрѣжетъ у ней косу, а такъ какъ Али часто расчесываетъ свои волосы на пустынномъ берегу рѣки, то это можно одѣлать при извѣстныхъ условіяхъ.“

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ *Грузинской Ночи* буква К. очевидно означаетъ „князь“, буква Т. должна быть начальною буквою имени кормилицы.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ.

1.

(Кормилица, какъ надо думать, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль; князь отвѣчаетъ:)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Види себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали.

Т.

Ругаться старостью—то въ дютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да, но не отъ лѣтъ однихъ,
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ.
Твой домъ бѣловъ, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда жъ былъ многія години въ заточеньи,

Безславью преданный въ отеческомъ краю,
 И вѣтеръ здѣсь свисталъ, въ хоромахъ опустѣлыхъ,
 Вынашивала я, кормила дочь твою!
 Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ послѣдѣныхъ,
 Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
 Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
 Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
 Вотъ въ подвигахъ какихъ молодые дни убиты!
 А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки
 Посердца вырвалъ изъ утробы!
 Чтѣ мнѣ твой гнѣвъ, гроза твоей руки?!
 Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы....
 И кочеть, если взять его птенца,
 Кричить, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
 Онъ похитителя зоветъ на бои неравный.
 А мнѣ передъ тобой не можно умолчать,
 О сынѣ я скорблю; я человекъ,—я мать....
 Гдѣ громъ Твой, власть Твоя, о Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошамъ мнѣ вновь изгнанье, нищету,
 И на главу мою всѣ ужасы природы,
 Скорѣ въ томъ ущельи пропаду
 Гдѣ бурный Ксанъ крутить сѣдыя воды,
 Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
 Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
 Чѣмъ этой фуриі присутствіе сносить
 И власть души, и адъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умирать!
 Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
 Подумай,—самъ отецъ и сына ты лишенъ.
 Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
 И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
 Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
 И оживать хотѣлъ потухшій взоръ,
 Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и жевъ вой дикій,
 И вторили раскаты этихъ горъ
 Съ утра до вечера пронзительные крики,—
 Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ,
 Но взятый смертію во вѣкъ невозвратимъ!
 Когда же бѣ искупить ты могъ его изъ лапы,
 Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
 На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
 Ты чьи тогда не обмялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще въ тебѣ вражды?!
 Я помню о людяхъ, о Богѣ,
 И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
 Но честь моя была въ залогъ:
 Его цѣной я выкупилъ коня
 Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
 Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
 Тотъ подаль, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
 Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ,
 Такъ вѣрой, правдою тебѣ не послужилъ,
 Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
 Мой отрокъ, еслюбъ возмужалъ,
 За славу твоего онъ княжескаго дома
 Сто разъ бы притупилъ и сабаю и кинжалъ;
 Не убоюся бы онъ азвъ и пушекъ грома.
 Какъ матерью его не разъ ты былъ спасень,
 Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
 Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
 И не терзай мнѣ жалобами слуха...
 Безвременнѣ кому твой вопль и стонъ, и рень.
 Ужъ сынъ твой рабъ другаго господина,
 И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
 Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
 Онъ былъ мой крѣпостной....

Т. *(падаетъ на колѣна).*

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
 И я твоя раба,—зачѣмъ же мать
 Отъ дѣтища ты разлучила роднаго?
 Дай разъ еще къ груди его прижаться!..
 Ахъ, ради Бога имени святаго,
 Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
 Соедини ты слова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки.
 Въ поля и въ горы вотъ пути широки,
 Тамъ мчится шумная рѣка,
 Садись надъ пропастью, бесѣдой свысока
 О сынѣ съ мраками ночными,

И степь буди стеганьями своими,
 Но въ домъ не возвращайся мой,
 Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Г.

Достойное заслугамъ воздаянье!
 Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
 И дочь твоя и все твое стяжанье!
 Какъ лѣвчѣ,—ни быстрою водъ,
 Ни крутизною скалъ не удержишь,
 Но скачуть, по вѣтрамъ носимы,
 Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падеть
 Истекшіи кровію и лѣной,
 Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
 Пускай преслѣдуютъ тебя ножомъ, пашьной
 И слуги, и родные, и друзья!
 Неблагодарности въ награду,
 Конца не знай мученья своего,
 Тогда продай ты душу аду,
 Какъ продалъ сына моего.
 Отступникъ, самъ себя карая,
 Въ безумьи плаоть свою гложу,
 И ночью майся, днемъ дрожи
 На церковь Божію взирая.
 Твой прахъ землѣ не предадутъ,
 Лшь путники произнесутъ
 Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
 И будь добычею чекаламъ платояднымъ...
 А тамъ передъ судомъ Всевышняго Творца
 Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

*(Коржмица призываетъ, въ помощь своей тести, Али, злыя
 дуговы Грузины.)*

О люди! Кто назвалъ людьми исчадіи зла
 Которыхъ отъ кровей утробныхъ
 Судьба на то произвела
 Чтобъ были гибелью, бичомъ себѣ подобныхъ!
 Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!
 Ночныя чуда! Али! Али!
 Явите мнѣ свою пріязнь,
 Какъ вы всегда являли
 Предавшимъ вѣру и законъ,
 Душой преступнымъ и безсильнымъ,
 Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,

Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ.
 Дружны Ади! Знакъ условный,
 Вотъ пять водосъ
 Отъ васъ унесъ
 Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный.
 Когда въ.....* онъ блуждаетъ.
 На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ
 Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась,
 Я матерью тогда счастливой называлась,
 А нынѣ кинутой быть горько сиротой! **
 Равны страданія въ сей жизни или въ той?..
 Слетайтесь, слетайтесь,
 Откопъ въ темну ночь исходить привидѣнья,
 Изъ свѣжныхъ горъ,
 Изъ дикихъ норъ,
 Изъ груди тли и разрушенья,
 Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
 Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ
 Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
 Останки праведныхъ и злобныхъ.
 Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
 На мой призывъ не отзовутся!
 Лишь тучи на небѣ несутся
 И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онъ!
 (Приклоняется къ утесу и не глядитъ на низъ).***

А.И. (плаваютъ въ туманѣ у подошвы горы).

Въ парахъ вечернихъ предъ восходомъ

* Г. Смирновъ поставилъ точки вмѣсто словъ которыхъ совершенно невозможно было разобратъ.

** Д. А. Смирновъ приводитъ изъ черновой тетради Грибоѣдова еще слѣдующіе стихи, явно служащіе вариантомъ, или точнѣе отдѣльнымъ, можетъ-быть даже первоначальной обработкой этого мѣста трагедіи:

Такъ отъ людей надежды болѣе нѣтъ,
 И Вседержителемъ отвергнуто мое дѣло!
 Услышьте вы отчаянья привѣтъ
 И мрака порожденье.

Далѣе нѣсколько отступя отъ этихъ стиховъ Грибоѣдовъ продолжаетъ:

Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась,
 Тогда была добра, имѣла сына я
 (Одна Ади появляется на уединенномъ мѣстѣ.)
 Кого казнешь?
 На чью главу
 Бѣды зовешь?

*** Въ Черновой тетради Грибоѣдова г. Смирновъ нашелъ еще

Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Г.

Робѣть духъ, языкъ прикованъ мой,
Земля, не разступайся подо мной! *

А.И.

Таятся въ мрачной глубинѣ,
Непримиримыхъ оскорбленья,
И созрѣваютъ въ тишинѣ,
До дня рѣшительнаго мщенья,
Но тотъ, чей замыселъ не скрывать,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолить
Нетерпѣливый мститель.

Слѣдующій вариантъ этого мѣста, написанный чернилами до того
бѣлыми что его едва можно разобрать:

Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи дѣльными градами
Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, онѣ!

Есть еще другой вариантъ:

Но нѣтъ ихъ! нѣтъ! И что мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ,
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ.

* Вотъ еще другія передѣлки этого мѣста:

А.И.

Ты здѣсь! Но ты, исчадьѣ праха,
Гдѣ ты украаа волоса?
Они намъ сила и душа.
Отдай ихъ намъ...

Умри со страха!

Мы здѣсь, но гибель и напасть
Тому кто взыщетъ ада власть.
Не дѣлаетъ ли со страха,
Увидя насъ, исчадьѣ праха?

Г.

Ахъ! Вотъ онѣ! Языкъ прикованъ мой!
Но не умру съ услуги,
Вотъ ваши волоса. Вотъ судъ вамъ роковой:
Кто ихъ имѣетъ, тѣхъ вы сауги.

Т.

.....
 .....
 Настаетъ день и часъ пробьетъ.

АЛИ.

Неизъяснимое свершится:
 Тогда мать сына обрѣтетъ
 И блужнѣй блужнаго лишится.

(Молчаніе.)

Куда мы, Али? Въ эту ночь
 Бѣжить отъ глазъ успокоенье.

ОДНА ИЗЪ НИХЪ.

Слѣшу родильницѣ помочь,
 Чтобъ задушить грѣха рожденье.

ДРУГІЯ.

А мы въ за-горскіе края,
 Гдѣ лиръ лируютъ кровопійцы.

ПОСЛѢДНЯЯ.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
 На смертный одръ отцеубійцы. **

Г. Серчевскій, въ заключеніе книги своей *А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія*, говоритъ что Грибоѣдовъ, съ П. А. Катенинымъ, „написалъ комедію въ прозѣ, подъ заглавіемъ *Студентъ*. Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; оно наполнено идеями уже устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности не дозволившія представить его на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію“. Кромѣ этого показанія г. Серчевскаго, я не нашелъ нигдѣ никакаго извѣстія объ этой пьесѣ. Между тѣмъ познакомиться съ нею было бы въ высшей степени интересно, тѣмъ болѣе что уже изъ самыхъ словъ Серчевскаго можно заключить что изъ нея видны отношенія Грибоѣдова къ окружавшему его обществу и къ вопросамъ занимавшимъ въ то время литературу.

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

* Два ряда точекъ поставлены самимъ Грибоѣдовымъ.

** Эти послѣднія реліики Грибоѣдовскихъ Али поражаютъ почти буквальный сходствомъ съ реліиками Шекспировскихъ вѣдьмъ въ *Макбетъ*.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XVII

Обратный путь.

Въ ненарушимомъ безмолвіи возвратились въ гостиную лордъ Ловель и леди Анна. Онъ былъ пораженъ, пораженъ столько же ея неожиданнымъ признаніемъ какъ и аргументами которыми она оправдывала себя. Ей же нечего было сказать болѣе. Она уже высказала все что могла сказать, сама удивляясь своему краснорѣчію, и сознаніе что она поступила честно и что у нея хватило смѣлости оправдать себя внушало ей гордость. Она была полна сожалѣній, она была близка къ раскаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ она гордилась своимъ поступкомъ. Онъ зналъ теперь все, и она избавилась отъ одного изъ своихъ важнѣйшихъ затрудненій.

Что же касается остальныхъ Ловелей, Іоксамскихъ Ловелей, она рѣшилась встрѣтить смѣло ихъ негодованіе и ихъ упреки послѣ того какъ уже подвергла себя его негодованію,

* См. Русск. Вѣсти. №№ 5, 6, 7 и 8.

его упрекамъ и его презрѣнью. Гнѣвъ матери страшилъ ее, она знала что упреки матери истерзають ея сердце. Но это предстояло въ будущемъ. Для настоящаго она чувствовала себя достаточно сильною и смѣлою, и вошла въ гостиную въ сопровожденіи графа. Въ гостиной сидѣли двѣ тетки, и отъ ихъ вниманія не могло скрыться что молодые люди возвратились не въ духѣ. Мистрисъ и миссъ Ловель были обѣ увѣрены что леди Анна приметъ предложеніе лишь только оно будетъ высказано. На ихъ взглядъ ея поведеніе было поведеніемъ дѣвушки поощряющей искательство. Онѣ только опасались чтобъ ихъ гостья не оскорбила деликатности и щекотливости графа какою-нибудь неловкостью, какимъ-нибудь простулкомъ противъ женственности, чего легко было ожидать отъ дѣвушки выросшей въ обществѣ ремесленниковъ. Этою причиною онѣ объяснили и теперь неудовольствіе ледянника. Онъ сѣлъ на стулъ и открылъ книгу привезенную изъ Токсама. Леди Анна остановилась у открытаго окна. Ни тотъ ни другая не сказали ни слова. Они очевидно поссорились. Тетушка Джюлія первая рѣшилась прервать молчаніе.

— Гдѣ же Минни? Вѣдь она пошла съ вами?

— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ. — Она пошла по моей просьбѣ въ другую сторону. Мистеръ Кроссъ вѣроятно съ ней.

По тону голоса которымъ это было сказано было очевидно что неудовольствіе главы фамиліи Ловелей очень сильно.

— Скоро ли поѣдемъ? спросила Анна.

— Послѣ завтрака, другъ мой, а теперь еще только часъ.

— Я пойду наверхъ уложить свои вещи.

— Не помочь ли мнѣ вамъ? спросила мистрисъ Ловель.

— О, нѣтъ! Я могу обойтись безъ помощи.

Она послѣшила наверхъ, залерла дверь своей комнаты и задилась слезами.

— Фредерикъ, что съ ней? спросила тетушка Джюлія.

— Если съ ней что-нибудь случилось, пусть она скажетъ это вамъ сама, отвѣчалъ графъ.

— Что-то не ладно. Ты понимаешь, Фредерикъ, какъ это тревожитъ насъ.

— Въ настоящее время я не могу усложить васъ, тетушка, но вы должны были помнить что во всякомъ дѣлѣ возможны промахъ.

— Промажъ? Я знала что это случилось. Я это предсказывала также какъ и брать.

— Я желалъ бы только чтобы вы не забывали что чѣмъ меньше говорится о такихъ дѣлахъ тѣмъ лучше.

Съ этими словами онъ вышелъ въ дверь балкона и медленно побрелъ къ рѣкѣ.

— Всему конецъ, сказала тетушка Джюлія.

— Не знаю на какомъ основаніи вы это такъ скоро рѣшили, возразила мистрисъ Ловель.

— Я знаю что всему конецъ. Я поняла это по ея лицу когда она вошла въ комнату. Она сказала или сдѣлала что-нибудь неумѣстное, и онъ по ея милости лишится двадцати тысячъ годоваго дохода.

— Съ его титуломъ и его красотой онъ всегда можетъ составить хорошую партію, сказала мистрисъ Ловель.

— Да, но такое состояніе трудно найти. Я слышала отъ мистера Флика что оно равняется полумилліону фунтамъ. И главное онъ могъ бы получить его немедленно. Желала бы я знать что случилось. Онъ любитъ красивыхъ, а она безслорно красива.

— Не отказала ли она ему?

— Этого быть не можетъ, Дженъ. Она пріѣхала сюда съ тѣмъ чтобы принять его предложеніе. Она знала когда шла гулять съ нимъ о чемъ онъ будетъ говорить съ ней. Вчера они были вдвоемъ втрое долѣе и возвратясь онъ былъ нѣжнѣе съ ней чѣмъ когда-либо. Не предложила ли она какого-нибудь условія насчетъ денегъ?

— Какого условія?

— Напримѣръ чтобы состояніе осталось въ ея владѣніи.

— Она кажется не такого рода дѣвушка чтобы предложить такое условіе.

— Почему знать чему научили ее Гоффъ, Блюстонъ и ея мать. Фредерикъ конечно никогда не согласится на это, и онъ совершенно правъ. Нѣтъ ничего хуже для мужчины какъ быть подъ властью жены. Не пойти ли вамъ къ ней, Дженъ? Она держитъ себя съ вами свободнѣе чѣмъ со мной.

И тетушка Дженъ, покорная какъ всегда, отправилась въ спальню своей молодой гостыи.

Между дѣмъ графъ ходилъ по берегу рѣки погруженный въ размышленія. И дѣйствительно было о чемъ подумать; ему предстояло рѣшить нѣсколько вопросовъ отъ которыхъ зависѣло все его будущее. Долженъ ли онъ отказаться навсегда отъ намѣренія жениться на леди Аннѣ послѣ ея

признанія или все еще остается возможность, не унижая себя какъ графа, джентльмена и честнаго человѣка, жениться на ней, освободивъ ее отъ ея перваго обѣщанія? Мало знакомый со свѣтомъ и совѣмъ не зная Даниеля Твейта, онъ былъ увѣренъ что портной согласится отказаться отъ своихъ правъ за денежное вознагражденіе. Графъ зналъ что всѣ званіе Анну и ея мать въ особенности стали бы содѣйствовать ему въ такомъ предпріятіи. Дѣвушка принуждена была бы уступить еслибы весь свѣтъ, весь окружавшій ее свѣтъ возсталъ противъ нея, или еслибы самъ портной отказался отъ нея за денежное вознагражденіе. Что это необходимо сдѣлать для спасенія фамильной чести, было несомнѣнно, но графъ сомнѣвался могъ ли бы онъ послѣ того сдѣлать своею женою и графиней дѣвушку которая была нѣкогда невѣстой ремесленника. Думая объ этомъ и воображая подробности любви леди Анны и портнаго, онъ въ сильнѣйшемъ негодованіи швырнулъ въ рѣку небольшую палочку которую держалъ въ рукѣ. Это было такъ ужасно, такъ отвратительно, такъ не шло къ ея взгляду, къ ея голосу, къ ея манерамъ, ко всей ея особѣ! Она была такъ кротка, такъ нѣжна и изящна что онъ пришелъ къ убѣжденію что ея состояніе было менѣе привлекательно чѣмъ ея личныя качества и ея красота, которую онъ наканунѣ призналъ несравненною. И эта милая дѣвушка сдѣлается женою портнаго, и не злая судьба обрекла ее на эту участь, но по ея собственнымъ словамъ она дѣлаетъ это добровольно, изъ чувства любви и благодарности. Онъ не могъ надивиться что такое прекрасное существо цѣнило себя такъ мало. Ему казалось что онъ не согласился бы послѣ этого быть ея мужемъ, даже еслибъ это оказалось возможнымъ.

Однако если онъ не согласится жениться на ней, или если это почему либо окажется невозможнымъ, что будетъ съ нимъ? Онъ уже призналъ справедливость притязаній леди Анны, онъ обѣщаль ей не продолжать тяжбу. Обязанъ ли онъ сдержать свое слово послѣ того какъ узналъ что состояніе сдѣлается собственностью портнаго, или онъ можетъ устроиться отъ этого дѣла предоставивъ юрстамъ дѣйствовать какъ знаютъ? Не лучше ли было бы и для нея еслибъ онъ выбралъ послѣднее? Онъ слышалъ что еслибъ онъ и проигралъ дѣло, то оно могло быть затануто на долгое время. Портной не захочетъ жениться пока не получитъ денегъ, и Анна убѣдится въ своей ошибкѣ прежде чѣмъ будетъ поздно

поправить ее. Однако, какъ предъявить опять права отъ которыхъ онъ уже неоднократно отказывался? Можетъ ли онъ перестать называть Анну именемъ которое уже было признано ее законнымъ именемъ всѣми его родственниками, и объявить ее незаконнорожденною только потому что она не приняла его предложенія и предпочла ему ремесленника? Нѣтъ, онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Хотя бы она вышла замужъ за дворника, онъ обязанъ называть ее леди Анной.

Тѣмъ не менѣе что-нибудь нужно было сдѣлать. Юристы сказали ему какъ уладилось бы дѣло еслицъ онъ и леди Анна согласились вступить въ бракъ, но не сказали какъ будутъ они дѣйствовать если она откажетъ ему. Мистеръ Фликъ и генераль-солситоръ должны приготовиться къ веденію дѣла въ ноябрѣ, и конечно чѣмъ скорѣе онъ имъ объявитъ о своей неудачѣ, тѣмъ будетъ лучше для нихъ. Но какъ сказать имъ? Въ правѣ ли онъ открыть имъ тайну Анны? Что онъ въ правѣ сказать имъ объ ея отказѣ было ясно, но долженъ ли онъ ограничиться этимъ и сохранить въ тайнѣ причину отказа? Во многихъ отношеніяхъ было бы полезно чтобъ они знали и причину. Даже для нея это было бы полезно потому что могло бы содѣйствовать ея освобожденію отъ унизительнаго брака. Но она сказала ему о своей помолвкѣ неохотно, вопреки своимъ интересамъ, рискуя навлечь на себя непріятности, сказала только для того чтобы заставить его отказаться отъ напрасныхъ надеждъ, и хотя разрешила ему повторить ея признаніе кому онъ сочтетъ нужнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала что это тайна. Хорошо ли будетъ если онъ явится съ этою тайной въ контору стражачаго и повторить тамъ то что она открыла ему по необходимости и для его же пользы? Нѣтъ, онъ напишетъ мистеру Флику и скажетъ что бракъ не можетъ состояться, но не откроетъ причины.

Онъ медленно шелъ по берегу рѣки, и одно только было ему ясно что ни юристамъ, ни своимъ домашнимъ не долженъ онъ открывать тайну леди Анны, когда онъ внезапно почувствовалъ прикосновеніе маленькой ручки и повернувшись увидѣлъ Минни Ловель.

— Что ты дѣлаешь здѣсь одинъ, Фредъ? спросила она взявъ его подъ руку.

— Размышляю о порочности рода человѣческаго и дѣвухъ въ особенности.

- Гдѣ же кухня Анна?
- Вѣроятно дома.
- Развѣ она тоже порочна?
- Неужели ты не знаешь что мы всѣ порочны вслѣдствіе того что Ева съѣла яблоко?
- И Адамъ ѣлъ.
- А кто научилъ его?
- Дьяволь, отвѣчала дѣвочка шепотомъ.
- Но дьяволь говорилъ устами женщины. Что же ты не идешь домой? Пора собираться въ дорогу.
- Я пойду. Скажи мнѣ только одно, Фредъ: могу я быть подругой невѣсты на твоей свадьбѣ?
- Не думаю.
- А я такъ мечтала объ этомъ! Почему же нельзя?
- Потому что твоя свадьба будетъ по всей вѣроятности раньше моей.

— Какой вздоръ, Фредъ! Ты самъ знаешь что это вздоръ. Вѣдь ты женишься на леди Аннѣ?

— Послушай, другъ мой. Я тебя ужасно люблю и считаю тебя самою хорошенькою дѣвочкой въ мірѣ, но я лоссорюсь съ тобой навсегда если ты будешь предлагать мнѣ такіе неучитывые вопросы. Понимаешь?

Она подняла глаза на его лицо, поняла что онъ не шутитъ, и оставивъ его медленно пошла по луку домой.

— Скажи чтобы меня не ждали къ завтраку, крикнулъ онъ ей вслѣдъ, и она объявила тетукѣ Джуліи что кузень Фредерикъ ходитъ по берегу рѣки очень скучный и что онъ не придетъ завтракать.

Ни одного слова не было сказано между мистрисъ Ловель и леди Анной объ утреннемъ событіи пока онѣ были вмѣстѣ на верху. Мистрисъ Ловель боялась спрашивать, а леди Анна рѣшила не говорить ничего если даже ее стануть спрашивать. Лордъ Ловель знаетъ ея тайну и можетъ открыть ее если сочтетъ нужнымъ. Она не сомнѣвалась что онъ воспользуется ея разрѣшеніемъ и положила себѣ, если ее начнутъ спрашивать, подтвердить только фактъ. Она не будетъ защищать своего выбора, но и не позволитъ критиковать его, и уйдетъ къ матери при первомъ намекѣ что ея присутствіе имъ неприятно.

Завтракъ прошелъ молча. Лордъ Ловель возвратился когда экипажъ былъ уже готовъ. Усадивъ трехъ дамъ, онъ предложилъ Минни занять четвертое мѣсто, говоря что ему удобнѣе

будеть на козлахъ съ мистеромъ Кроссомъ. Минни взглянула на его лицо и, видя что оно все еще мрачно, послушалась безпрекословно. Во весь долгій обратный путь всѣ молчали. Леди Анна чувствовала себя въ немилости, но не знала насколько ея тайна известна двумъ дамамъ. Она сидѣла неподвижно, глядѣла на поля и считала себѣ въ положеніи человѣка на котораго не удостоиваютъ обращать вниманіе. Само собою разумѣется что ей нужно будетъ уѣхать въ Лондонъ какъ можно скорѣе, думала она. Нельзя оставаться долѣе въ Іоксамѣ, гдѣ никто не хочетъ говорить съ ней. Минни дремала, двѣ тетки время отъ времени обмѣнивались нѣсколькими словами. Анна думала что эту дорогу она не забудетъ до конца своей жизни. Но наконецъ экипажъ остановился предъ домомъ ректора, и мистеръ Кроссъ помогъ имъ выйти. Графъ между тѣмъ дѣлалъ видъ что занятъ шалями и багажомъ, потомъ исчезъ, и до обѣда никто не видалъ его.

— Довольны ли вы своею поѣздкой? спросилъ ректоръ обращаясь безразлично ко всѣмъ дамамъ.

Съ минутой всѣ молчали. Тетушка Джулія первая рѣшилась отвѣтить.

— Въ Аббатствѣ хорошо какъ и всегда лѣтомъ. Говорятъ что герцогъ не былъ тамъ въ этомъ году. Въ гостиницѣ намъ было очень удобно, и вчерашній день прошелъ кажется очень весело для молодежи.

Предметъ былъ слишкомъ важенъ чтобы сказать о немъ хоть одно необдуманное слово.

— Фредерикъ доволенъ?

— Вчера онъ былъ повидимому очень доволенъ, отвѣчала мистрисъ Ловель.—Но сегодня, на обратномъ пути, мы были всѣ нѣсколько утомлены.

— Анна ушибла ногу перепрыгивая Стриджъ, сказала Минни.

— Надѣюсь что не оласно?

— О, нисколько! Не стоитъ и говорить объ этомъ, отвѣчала Анна.

Это было все что она сказала пока ей не было предложено пойти отдохнуть въ ея комнату. Она повиновалась какъ ребенокъ и ушла наверхъ. Мистрисъ Ловель послѣдовала за ней.

— Другъ мой, такое положеніе не можетъ продолжаться, сказала она.—Что случилось?

— Спросите лорда Ловеля.

- Поссорились вы съ нимъ?
 — Я не ссорилась съ нимъ, мистрисъ Ловель. Если онъ считаетъ себя въ ссорѣ со мной, я въ этомъ не виновата.
 — Вы знаете чего мы всѣ желали?
 — Ваше желаніе никогда не исполнится.
 — Вы сказали это Фредерику?
 — Сказала.
 — И причину сказали?
 — Сказала и причину, отвѣчала она послѣ минутнаго колебанія.
 — Что же это за причина, другъ мой?
 Анна подумала прежде чѣмъ отвѣтила.
 — Графу я должна была сказать причину, мистрисъ Ловель, но я не считаю себя обязанною говорить ее всѣмъ. Моей матери я конечно должна сказать.
 — Она уже знаетъ это?
 — Нѣтъ еще.
 — И эта такая причина которая останется препятствіемъ навсегда?
 — Навсегда. Тѣмъ не менѣе я не понимаю за что всѣ сердятся на меня. Другія дѣвушки поступаютъ же какъ имъ угодно. Не лучше ли мнѣ уѣхать въ Лондонъ немедленно если вы всѣ сердиты на меня?
 — Я не знаю кто сердить на васъ. Мы можемъ быть огорчены, но не сердиты.
 Этимъ объясненіе ограничилось, и леди Анна осталась одна. За обѣдомъ лордъ Ловель уже настолько владѣлъ собою что былъ въ состояніи говорить съ своею кузиной, и всѣ кромѣ ректора старались оказывать ей вниманіе. Но этотъ вечеръ тѣмъ не менѣе былъ вовсе не похожъ на всѣ прежніе вечера.

ГЛАВА XVIII.

Слушкомъ важно чтобы быть тайной.

Всю эту ночь графъ продумалъ о своемъ будущемъ поведеніи, о томъ къ чему обязывали его долгъ и честь и о способѣ согласить требованія долга и чести со своими интересами. До сихъ поръ, во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ своей жизни, онъ могъ обратиться за помощію къ какому-

нибудь другу, человѣку который былъ опытниѣе его и могъ дать ему полезный совѣтъ. Онъ всегда относился нѣсколько пренебрежительно къ тетускѣ Джюли, но тетуска Джюлиа была ему очень полезна. Въ послѣднее время, послѣ смерти стараго графа, когда пришлось уничтожить завѣщаніе выжившаго изъ ума старика, его главнымъ руководителемъ былъ мистеръ Фликъ, хотя во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ мистеромъ Фликомъ онъ дѣлалъ видъ что дѣйствуетъ самостоятельно. Теперь дѣйствительно ему приходилось дѣйствовать самостоятельно, и онъ не зналъ какъ поступить. Въ одномъ только былъ онъ увѣренъ,—въ томъ что ему слѣдовало уѣхать немедленно изъ Йоксама и послѣштить въ Лондонъ.

Онъ обязанъ былъ сохранить тайну леди Анны. Но не достаточно ли свято сохранялъ бы онъ ее еслибы довѣрилъ только одному другу подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не говорить ее никому? Въ такомъ случаѣ этимъ другомъ былъ бы генералъ-солициторъ. Между знаменитымъ законовѣдомъ и его молодымъ кліентомъ возникло нѣчто въ родѣ дружбы допуславшей такую откровенность. Графъ начиналъ убѣждать-ся что ему необходимъ такой руководитель. Богатство покойнаго графа получило вдвое болѣе цѣны въ его глазахъ, стало казаться ему необходимѣе съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ надежду владѣть имъ. Сэръ-Вильямъ Патерсонъ былъ столько же джентльменъ какъ юристъ, думалъ онъ, это человѣкъ который обязанъ своимъ положеніемъ не только своему уму и трудолюбію, но и своему рожденію, который получилъ воспитаніе въ публичной школѣ и всю жизнь провелъ въ обществѣ джентльменовъ. Сэръ-Вильямъ его адвокатъ и сэръ-Вильяму онъ довѣритъ тайну леди Анны.

Въ то время одинъ изъ дилижансовъ отправлялся изъ Йорка въ полдень и приходилъ въ Лондонъ на слѣдующій день утромъ. Съ этимъ дилижансомъ графъ рѣшился уѣхать и избавиться отъ объясненій съ своими родственниками пока не опредѣлится его дальнѣйшій образъ дѣйствій. Но съ Анной онъ считалъ необходимымъ повидаться до отъѣзда, и рано утромъ, прежде чѣмъ она вышла изъ своей комнаты, послала ей записку слѣдующаго содержанія:

„Милая Анна,

„Черезъ часъ или около того я предполагаю уѣхать въ Лондонъ и желалъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ до

отъѣзда. Не выйдете ли вы ко мнѣ въ девять часовъ въ гостиную? Не говорите о моемъ отъѣздѣ ни дядѣ, ни теткамъ. Я скажу имъ самъ.

„Вашъ Л.“

За десять минутъ до девяти часовъ леди Анна сошла въ гостиную, а въ десять минутъ десятого присоединилась къ ней графъ.

— Извините что я заставилъ васъ ждать.

Она протянула ему руку и сказала что ей ничего не стоило подождать, что она встаетъ всегда рано.

— Я рѣшился отправиться въ Лондонъ немедленно, продолжалъ онъ. Анна промолчала, хотя онъ повидимому ждалъ какого-нибудь отвѣта.— Во первыхъ потому что я не могу оставаться здѣсь спокойно послѣ того что вы сообщили мнѣ вчера.

— Мнѣ очень жаль что я выгоняю васъ отсюда. Это вашъ домъ, а такъ какъ мнѣ придется скоро уѣхать, не лучше ли мнѣ уѣхать немедленно?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я поѣду во всякомъ случаѣ. Я не сказалъ никому то что узналъ отъ васъ вчера.

— Очень рада, лордъ Ловель.

— Вы должны сказать сами, если желаете чтобъ они это знали.

— Я сказала вчера мистрисъ Ловель что мы съ вами никогда не можемъ быть... тѣмъ чѣмъ вы желали чтобы мы были.

— Да, я желалъ этого всѣмъ сердцемъ. Такъ вы сказали не все?

— Нѣтъ, не все.

— Вы такъ поразили меня вчера что я не могъ говорить съ вами какъ слѣдуетъ. Я не желалъ быть неучтивымъ.

— Вы не были неучтивы, лордъ Ловель. Я увѣрена что вы не желали быть неучтивымъ со мной.

— Но вы поразили меня. Не то чтобъ я думалъ слишкомъ много о себѣ. Я знаю что могу гордиться очень немногимъ. Я бѣденъ и не такъ уменъ какъ многіе бѣдные люди которые и безъ состоянія могутъ сдѣлаться государственными людьми или вообще чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ. Но я дорожу моимъ общественнымъ положеніемъ и считаю большимъ преимуществомъ для мужчины быть джентльменомъ, а для женщины быть леди. Понимаете вы меня?

— О, конечно!

— Если вы леди Анна Ловель...

— Я леди Анна Ловель.

— Я этому вѣрю всѣмъ сердцемъ. Вы держите себя какъ леди и говорите какъ леди. Вы способны занять въ свѣтѣ любое положеніе. Все въ вашу пользу. Я вѣрю что вы леди. Но если такъ...

— Если такъ, лордъ Ловель?

— Вы конечно не захотите... увидить свой титулъ. Вотъ чтó я хотѣлъ сказать. Въ качествѣ родственника и главы фамиліи я имѣю на это право. То чтó вы сказали мнѣ было бы униженіемъ для васъ.

Она подумала съ минуту прежде чѣмъ отвѣтила.

— Но это не было бы безчестіемъ.

Онъ тоже принужденъ былъ подумать.— Неужели вы думаете что вы чувствовали бы себя въ своей сферѣ въ обществѣ людей съ которыми вамъ пришлось бы жить еслибы вы вышли замужъ за мистера Дэвидя Твейта?

— Не знаю каковы были бы эти люди. Я знаю что мнѣ пришлось бы жить съ нимъ, а онъ мнѣ нравится. Я люблю его. Да, лордъ Ловель. Я знаю все чтó вы можете возразить мнѣ. Онъ не похожъ на васъ, и я сдѣлавшись его женой не была бы похожа на вашу тетюшку Дженъ. Мнѣ даже не пришлось бы никогда видѣться съ такими людьми какъ вы. Но мы не остались бы въ Англіи, и я не видѣла бы презрѣнія моихъ родственниковъ. Я знаю чтó дѣлаю и почему это дѣлаю, и право вамъ грѣшно искушать меня.

Она сознавала по крайней мѣрѣ что была доступна искушенію. Онъ понималъ это и былъ благодаренъ даже за это.

— Я не имѣю намѣренія искушать васъ, сказалъ онъ,—но я былъ бы счастливъ еслибы могъ избавить васъ отъ несчастія. Такой бракъ былъ бы дѣломъ неестественнымъ. Я не знаю мистера Твейта.

— Если такъ, то вы, милордъ, не знаете прекраснѣйшаго чловѣка, который послѣ матери мой лучший другъ.

— Но онъ не джентльменъ.

— Не знаю джентльменъ онъ или нѣтъ, но знаю что я могу быть его женой. Это все чтó вы хотѣли сказать мнѣ, лордъ Ловель?

— Нѣтъ, не все. Я опасаюсь что нашъ несносный процессъ возобновится по той или другой причинѣ. Не знаю имѣлъ ли

бы я власть остановить его еслибы захотѣлъ. Но я долженъ отчасти слѣдовать указаніямъ другихъ.

— Я тоже не могу дѣйствовать какъ бы мнѣ хотѣлось; еслибы это зависѣло отъ меня, я не требовала бы даже моей части наслѣдства.

— Да, леди Анна. Мы съ вами не можемъ рѣшить это дѣло. Я долженъ повидаться съ моимъ повѣреннымъ, съ сэръ-Вильямомъ Патерсономъ. Могу я сказать ему то что узналъ отъ васъ?

— Я не могу запретить вамъ.

— Но вы можете дать мнѣ позволеніе. Если онъ обѣщаетъ мнѣ что это не пойдетъ далѣе, могу я сказать ему? Я не буду знать какъ поступить если онъ не узнаетъ всего что знаю я.

— Моя тайна будетъ скоро известна всѣмъ.

— Но отъ меня ее не узнаетъ никто кромѣ сэръ-Вильяма. Позволяете вы мнѣ сказать ему?

— О, конечно!

— Я очень благодаренъ вамъ даже за это позволеніе. Я не въ силахъ передать вамъ какъ горячо я надѣялся вчера утромъ въ Бодьтонскомъ Аббатствѣ благодарить васъ за то что вы сдѣлаете меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи. Вы простите мнѣ если я скажу что все еще не отказался отъ этой надежды. Прощайте, леди Анна.

— Прощайте, лордъ Ловель.

Она ушла немедленно въ свою комнату и послала служанку сказать что не сойдетъ къ молитвѣ и къ завтраку. Она не хотѣла увидѣться съ нимъ еще разъ до его отъѣзда. Очень можетъ быть что она никогда не увидится съ нимъ, думала она. Какъ онъ прекрасенъ, какъ ей пріятно было быть съ нимъ, какъ полно неизъясимой прелести было все къ чему онъ прикасался, все о чемъ онъ говорилъ! Она едва не сдалась ему, такъ очаровалъ онъ ее. И она не знала было ли это очарованіе отъ Бога или отъ дьявола. Но она знала что боролась съ нимъ, боролась для того чтобы не измѣнить своему слову и не отплатить за добро обманомъ и неблагодарностью. Лордъ Ловель называлъ ее попрежнему леди Анной. Какъ онъ добръ! Онъ сдѣлалъ это для того чтобы она не сомнѣвалась что онъ признаетъ ее попрежнему леди Анной. Онъ не употреблялъ титула только въ то время

когда это было лишнею церемоніей. Онъ увѣждаетъ, и она ластрается, если возможно, даже не думать о немъ.

— Бракъ повидимому не состоится, Фредерикъ? спросилъ ректоръ когда графъ уже сѣлъ въ кабриолетъ.

— Не знаю, кажется не состоится. Но сдѣлайте одолженіе, дядя, не спрашивайте объ этомъ теперъ. Вы узнаете все очень скоро.

Священникъ остался у подъѣзда своего дома и глядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся кабриолету, положивъ руки въ карманы своихъ клерикальныхъ брюкъ и съ ясными признаками неудовольствія на лицѣ. Быть дядей графа конечно очень пріятно, и онъ готовъ былъ помогать племяннику деньгами по мѣрѣ силъ и сдѣлалъ бы все что отъ него зависѣло чтобъ избавить его отъ бѣдности. Но нужно было чтобъ это чувствовали. Не для своего же удовольствія принялъ онъ въ домъ своей дѣвушку которую принужденъ былъ называть леди Анной хотя былъ увѣренъ что она не леди Анна, и которую жена его и сестра признали своею родственницею несмотря на его убѣжденіе что она никогда не была и не будетъ ихъ родственницею,—не для своего же удовольствія держалъ онъ ее въ своемъ домѣ какъ почетную гостью. И вотъ племянникъ увѣчалъ, а она осталась, и ему, мистеру Ловелю, не хотятъ даже сказать состоится бракъ или нѣтъ. „Не знаю, кажется что не состоится“, и учтивая просьба не спрашивать болѣе. Что же теперъ дѣлать? Пока молодой графъ и законникъ будутъ разсуждать о ея правахъ на титулъ и состояніе, дѣвушка, родственница ли она ему, или выскочка старающаяся втереться въ ихъ фамилію, останется на его рукахъ. О, зачѣмъ, зачѣмъ позволилъ онъ уговорить себя поступить противъ своего убѣжденія, зачѣмъ позволилъ онъ пригласить ее въ свой домъ? Титулъ остановился у него поперекъ горла когда онъ въ этотъ день за обѣдомъ предложилъ ей по обыкновенію выпить съ нимъ стаканъ вина.

Графъ Ловель прибылъ въ Лондонъ въ концѣ августа и узналъ что генераль-соллиситора нѣтъ въ городѣ. Сэръ-Вильямъ увѣчалъ въ Сомерсетширѣ чтобы сказать нѣсколько утѣшительныхъ словъ своимъ избирателямъ. Мистеръ Фликъ ничего не зналъ о его намѣреніяхъ. Отыскали его клерка, и клеркъ его объявилъ что ожидаетъ его не раньше октября. Лордъ Ловель однако рѣшился написать ему, и сэръ-Вильямъ

обѣщаль пріѣхать на одинъ день. Сэръ-Вильямъ совершенно понималъ важность дѣла.

— Такъ она помолвлена съ портнымъ? сказалъ онъ безъ всякаго удивленія.

— Но, сэръ-Вильямъ, вы не скажете этого никому, не исключая мистера Флика и мистера Гарди. Я общалъ леди Аннѣ что никто кромѣ васъ не узнаетъ этого отъ меня.

— Но если она не откажется отъ своего намѣренія, оно останется тайной не долго, да ей и не для чего желать чтобъ оно оставалось тайной. Это именно то чего нужно было ожидать.

— Вы не думали бы такъ еслибы знали ее.

— Гм... Я опытиѣ васъ, лордъ Ловель. Она не знала никого другаго. Дѣвухѣ необходимо привязаться къ кому-нибудь, а кого она видѣла? Ее нельзя осуждать.

— Но это такъ поразило меня.

— Разумѣется, сколько мнѣ извѣстно, Твейты, отецъ и сынъ, были ихъ преданнѣйшими друзьями даже въ такое время когда было мало надежды на успѣхъ. Но имъ можно было бы отплатить за все что они сдѣлали не столь дорогою цѣной. Если она сама не измѣнитъ ему, никто не будетъ въ состояніи осилить его. Онъ добился своей цѣли и сдѣлалъ это благороднымъ образомъ. (Графъ не совсѣмъ понималъ сэръ-Вильяма, который какъ будто даже одобрялъ эту ужасную помолвку.)—Я хочу сказать что никто не можетъ повредить ему, или въ чемъ-нибудь обвинить его. Онъ не увезъ ее и не женился на несовершеннолѣтней, онъ не мѣшалъ ей видаться съ друзьями. Надѣюсь что онъ не нанесъ ей никакого оскорбленія?

— Онъ нанесъ ей страшное оскорбленіе.

— Да, но я говорю не о томъ. Я долженъ смотрѣть на дѣло такъ какъ будетъ смотрѣть на него свѣтъ.

— Подумайте объ униженности такого брака. Выйти замужъ за портнаго!

— За портнаго, отецъ котораго далъ ей матери пять или шесть тысячъ фунтовъ для того чтобъ она могла возвратитъ себѣ свое законное положеніе. Этого не нужно забывать.

— Такъ вы думаете что нельзя ничего сдѣлать?

— Я думаю что нужно сдѣлать все что только возможно сдѣлать. Мать будетъ на нашей сторонѣ, старый Твейтъ можетъ-быть тоже, и судя по тому что вы сказали мнѣ, можно предположить что дѣвуха сама на нашей сторонѣ.

Удержите ее въ Іоксамъ какъ можно долѣе и старайтесь всѣми силами дѣлать ей пріятное. Повзжайте туда сами и продолжайте разыгрывать влюбленнаго. Я увѣренъ что вы сумеете это сдѣлать какъ нельзя лучше.

Было ясно что сэръ-Вильямъ не считаетъ неприличнымъ искать руки дѣвушки котора уже созвлася въ привязанности къ ремесленнику.

— Эта новость причинить намъ конечно много хлопотъ, продолжалъ сэръ-Вильямъ. — Мы должны теперь измѣнить планъ нашего образа дѣйствій въ ноябрѣ.

— Но вы попрежнему убѣждены что она законная наследница?

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Намъ дѣйствительно не на что было бы опереться еслибы мы вздумали опровергать это, и мы навѣрное проиграли бы дѣло. Но еслибы мы и выиграли его, какую пользу принесло бы это намъ? Никакой. Еслибы мы только не доказали что первая жена умерла послѣ втораго брака, мы дѣйствовали бы въ пользу Италіанки, которая безъ сомнѣнія обманщица.

— Слѣдовательно нельзя ничего сдѣлать?

— Въ этомъ отношеніи почти ничего. Но если молодая особа будетъ настаивать на своемъ намѣреніи выйти за лорданаго, мнѣ кажется мы должны будемъ прямо отказаться отъ оппозиціи англійскимъ претендентамъ и объявить что мы увѣдомили объ этомъ италіанскую претендентку, и дѣйствительно увѣдомить ее. Судя по тому что я знаю о ней, я увѣренъ что она въ такомъ случаѣ явится въ Англію съ своими притязаніями и конечно найдетъ здѣсь адвокатовъ которые возьмутся за ея дѣло. Процессъ будетъ чрезвычайно сложный и затянется безъ сомнѣнія надолго. А мы между тѣмъ постараемся разслѣдовать точнѣйшимъ образомъ въ чемъ заключается наследство. Судя по тому что мнѣ удалось уже разузнать, часть его можетъ достаться вамъ какъ родовое имѣніе. Сразу иногда трудно опредѣлить что родовое и что личное. До сихъ поръ вы были извѣстны суду за лицо оспаривающее права англійской претендентки на титулъ, тогда вы явитесь претендентомъ на родовое имѣніе. Наслѣдница остальнаго Италіанка если она дѣйствительно вдова графа. Это было одною изъ причинъ побудившихъ меня рекомендовать вамъ женитьбу на леди Аннѣ. Если Италіанкѣ удастся доказать что первая жена графа была жива когда онъ

женился на миссъ Муррей, чему я не вѣрю, то мы явимся опять съ своими доказательствами что теперь ея уже нѣтъ на свѣтѣ, что покойный графъ самъ объявлялъ неоднократно. Такимъ образомъ пройдетъ много времени прежде чѣмъ портной получить деньги своей жены. Онъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ сочувствія суда.

— Нельзя ли подкупить портнаго, сэръ-Вильямъ?

Генераль-солиситоръ подумалъ прежде чѣмъ отвѣтить.

— Мистеръ Фликъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ лучше меня. Мистеру Флику необходимо сказать все. Это дѣло такъ важно что было бы неблагоразумно секретничать, лордъ Ловель.

Г Л А В А XIX.

Леди Анна возвращается въ Лондонъ.

Не весело жилось леди Аннѣ въ Йоксамѣ послѣ отъѣзда графа. Она не владела собою настолько чтобы держать себя какъ будто не случилось ничего неприятнаго. Она чувствовала себя въ немилости, и это было для нея ужасно. Двѣ тетки графа были учтивы съ ней и заботились о ней, но онѣ не обращались съ ней такъ дружески какъ прежде. Одну только блаженную недѣлю, начавшуюся за день или два до пріѣзда графа, она дѣйствительно чувствовала себя въ ихъ семьѣ какъ родная. Мистрисъ Ловель была въ высшей степени ласкова съ ней, Минки была съ ней милымъ маленькимъ другомъ, тетюшка Джюлія уступила настолько что покорилась необходимости ухаживать за ней. Самъ ректоръ не сдался вполнѣ, онъ не чувствовалъ подъ собой почвы настолько твердой чтобы не стараться сохранить средства къ отступленію, но вслѣдствіе этого онъ самъ былъ на заднемъ планѣ, а не гостья. Слухи вѣрили что она леди Анна, и даже мистрисъ Граймъ была расположена въ ея пользу и говорила что она достойна быть женою молодаго графа. Весь Йоксамъ былъ увѣренъ что графъ женится на ледѣ Аннѣ, и весь Йоксамъ былъ этимъ доволенъ. Но теперь все измѣнилось. Графъ уѣхалъ, и весь Йоксамъ узналъ что дѣло не сладилось. Положеніе леди Анны не могло не измѣниться. За спиной ея происходили совѣщанія о которыхъ она знала, хотя не слышала изъ нихъ ни слова. Мистрисъ Ловель ежедневно возила ее кататься, а тетюшка Дженъ тѣмъ време-

немъ совѣщались съ братомъ о семейныхъ затрудненіяхъ. Что дѣлать? Они дали большой обѣдъ въ честь возвращенія графа, и въ числѣ приглашенныхъ гостей не было ни одного который не зналъ бы о задуманномъ бракѣ. Они пріѣхали взглянуть не только на графа, но и на будущую графиню Ловель. Но графа уже не было. Мистрисъ Ловель выразила глубокое сожалѣніе что дѣла крайне важныя отозвали графа въ Лондонъ. Леди Анна была конечно представлена гостямъ, но всякій кто сколько-нибудь зналъ общество понималъ что будущую жену графа представии бы иначе. Они всѣ слышали какъ она прекрасна, какъ радушно приняли ее Ловели, какъ влюбленъ въ нее графъ, и вотъ она сидитъ безмолвная и какъ будто забытая. Исторія процесса съ различными вариціями была извѣстна имъ всѣмъ. Годъ тому назадъ и даже позже, двухъ комберландскихъ претендентокъ не называли въ этомъ домѣ иначе какъ негодными, вульгарными авантюристками. Потомъ произошла реакція. Леди Анна была признана наследницей, и рѣшено было что графъ женится на ней. Теперь, когда гости съѣхались взглянуть на нее, очевидно произошла новая реакція. Она леди Анна, всѣ Ловели, даже ректоръ называютъ ее такъ. Мистрисъ Ловель представила ее какъ леди Анну, а ректоръ велъ ее къ обѣду, хотя въ числѣ гостей была жена баронета который велъ свой родъ отъ Якова I. Она леди Анна и слѣдовательно наследница. Но бракъ очевидно не состоится, рѣшили гости.

— Итакъ бѣдный лордъ Ловель останется нищимъ, сказала жена баронета мужу лишь только усѣлась въ свою карету.

Какъ быть? раздумывали Ловели. Обѣдъ былъ въ среду, на другой день послѣ отъѣзда графа, а въ четвергъ миссъ Джюлія отправила къ племяннику слѣдующее посланіе:

Юксамъ, 3го сентября.

„Дорогой Фредерикъ,

„Братъ поручаетъ мнѣ написать вамъ что мы всѣ здѣсь очень смущены насчетъ леди Анны. Она сказала намъ только что задуманный бракъ не состоится. Мы не знаемъ происходить ли это отъ нежеланія съ ея стороны, или съ вашей, но она говоритъ что этому никогда не бывать, и что это рѣшено окончательно. Какъ намъ поступить? Мы конечно готовы всею душой, и это наше долге, сдѣлать все что только можетъ доставить вамъ удовольствіе или пользу. Ничто такъ не важно для насъ въ этомъ мірѣ какъ ваше положеніе въ немъ. Если вы желаете чтобы леди Анна осталась здѣсь, она

конечно останется. Но если дѣйствительно нѣтъ болѣе надежды на бракъ, не будетъ ли ея дальнѣйшее пребываніе здѣсь бесполезнымъ безлокойствомъ для всѣхъ насъ и въ особенности для нея самой?

„Мистрисъ Ловель полагаетъ что между вами произошло какое-нибудь легкое недоразумѣніе, размолвка влюбленныхъ, но я полагаю что вы не покинули бы насъ такъ внезапно еслибы не случилось чего-нибудь серьезнаго. Мнѣ кажется что изъ уваженія къ дядѣ вамъ слѣдовало бы написать мнѣ, или ему, если хотите, и открыть намъ положеніе дѣлъ.

„Я не могу скрыть отъ васъ что братъ никогда не былъ убѣжденъ, какъ убѣждены вы, что мать леди Анны дѣйствительно графиня Ловель. По ватей просьбѣ и по совѣту генералъ-солиситора, онъ согласился принять ее въ свой домъ, и когда она сдѣлалась его гостьей, онъ принужденъ былъ называть ее титуломъ на который она предъявляетъ притязанія. Онъ велъ ее вчера къ обѣду, отдавъ ей предпочтеніе предъ леди Фисворренъ, что никогда не простится ему если въ концѣ концовъ окажется что первая жена графа была жива когда онъ женился на миссъ Муррей. Само собою разумѣется что пока она здѣсь, мы должны обращаться съ ней какъ съ леди Ловель, но братъ не желаетъ быть вынужденнымъ къ этому если снова стали сомнительны ея права. Въ такомъ случаѣ онъ желалъ бы имѣть свободу возвратиться къ своему прежнему мнѣнію. Итакъ, прошу васъ написать намъ и сказать какъ должны мы поступать. Могу васъ увѣрить что мы теперь въ очень непріятномъ положеніи.

„Остаюсь, милый Фредерикъ, любящая
„васъ тетка

„Джюлія Ловель.“

Лордъ Ловель получилъ это письмо раньше свиданія съ сэръ-Вильямомъ, но не отвѣчалъ теткѣ пока не повидалась съ нимъ. Тогда онъ написалъ ей слѣдующее:

„Каратовскій клубъ, 8го сентября 183—.

„Милая тетушка Джюлія,

„Потрудитесь передать дядѣ что я считаю полезнымъ удерживать леди Анну въ Іоксамѣ какъ можно долѣе. Я увѣдомлю васъ обо всемъ очень скоро. Поклонитесь отъ меня тетушкѣ Дженъ.

„Остаюсь любящій васъ племянникъ
„Ловель.“

Это лаконическое посланіе было очень не по душѣ ректору, но нужно было покориться. Послѣ этого Ловели не могли дать дѣвушкѣ никакого намека объ отъѣздѣ. Какой дядя и какая тетка имѣющіе такого благороднаго и вѣрствѣ

съ тѣмъ такого бѣднаго племянника какъ лордъ Ловель рѣшились бы выпроводить изъ своего дома наследницу двадцати-тысячнаго годоваго дохода пока была малѣйшая надежда что онъ можетъ жениться на ней? Ловели ни на минуту не задумались бы какъ имъ поступить еслибы были увѣрены что леди Анна дѣйствительно наследница, но такъ какъ они не были въ этомъ увѣрены, то графу не мѣшало бы быть сообщительнѣе.

— Я не могу не чувствовать иногда что Фредерикъ трактуетъ меня свысока, сказалъ ректоръ сестрѣ. Но онъ локорился. Все семейство считало своею обязанностью поддерживать главу фамиліи. Имъ жизнь была бы не мила еслибы они не могли говорить съ гордостью и удовольствіемъ о своемъ племянникѣ Фредерикѣ.

Между тѣмъ Анна не разъ заговаривала съ мистрисъ Ловель о своемъ отъѣздѣ.—Я здѣсь давно, сказала она однажды,—и я увѣрена что мое присутствіе стѣсняетъ мистера Ловеля.

— Нисколько, другъ мой. Если вы у насъ счастливы, пожалуйста оставайтесь.

Это было еще до полученія краткой записки графа, когда они еще не знали удерживать ли имъ гостью, или нѣтъ.

— Что касается счастья, мнѣ кажется что никто не можетъ быть счастливъ пока все это не рѣшится. Я напишу мамѣ, и скажу ей что хочу возвратиться къ ней немедленно. Мама одна.

— Я не беру на себя давать вамъ совѣты, но что касается всѣхъ насъ, мы были бы очень рады еслибы вы остались.

Въ душѣ они всѣ желали чтобъ она уѣхала, но такъ какъ такое желаніе не высказывается прямо безъ явной ссоры, то даже самъ ректоръ не рѣшался на это безъ приказа графа.

Но леди Анна написала матери. На ея послѣднее письмо, на то въ которомъ она высказалась противъ браковъ заключаемыхъ по денежнымъ разчетамъ, графиня отвѣчала очень строго. Ея тревожная жизнь сдѣлала ее жесткою и непреклонною, и она не пощадила дочь. Она упрекала ее въ неблагодарности и непокорности, въ равнодушіи къ своей фамиліи и къ своему долгу и въ готовности пожертвовать счастьемъ всей своей родни для какой-нибудь романической фантазіи. Графиня ручалась ей что она будетъ каяться до

конца жизни если не воспользуется теперь счастливымъ случаемъ поправить зло сдѣланное ея отцомъ. „Отъ тебя требуютъ только того что всякая англійская дѣвушка сдѣлала бы съ величайшимъ удовольствіемъ.“

— Она не знаетъ, сказала себѣ дочь.

Но теперь ея овладѣли опасенія которыя были мучительнѣе ея страха предъ матерью. Лордъ Ловель зналъ ея тайну и намѣревался сообщить ее генералъ-солицитору. Анна спрашивала себя не лучше ли было бы сообщить ее прямо всей палатѣ, не лучше ли было бы выйти за Даниела Твейта немедленно и покончить со всѣми непріятностями? Молодой графъ почувствовалъ презрѣніе къ ней узнавъ о ея юмолвкѣ. Его тетки не стали бы можетъ-быть говорить съ ней еслибы также узнали объ этомъ. Леди предъ которой ей отдано было предпочтеніе на обѣдѣ не согласилась бы быть въ одной комнатѣ съ ней. Они узнаютъ ея тайну, узнаютъ всё. Но она не останется у Ловелей. Она сознается во всемъ матери и попроситъ позволенія возвратиться домой немедленно. И она написала сѣдующее письмо, но, какъ увидитъ читатель, не рѣшилась даже упомянуть въ немъ о Даниелѣ Твейтѣ.

„Локсамъ, поведѣльщикъ.“

„Милая мама.“

„Я хочу попросить васъ позволить мнѣ возвратиться домой, такъ какъ я была здѣсь уже достаточно долго. Лордъ Ловель уѣхалъ, и несмотря на то что вы такъ сердитесь на меня, я должна сказать вамъ что мы уже болѣе не друзья. Милая, бездѣнная мама, я такъ несчастна думая что вы будете недовольны мной. Я охотно умерла бы хоть завтра еслибы это могло сдѣлать васъ счастливою. Но теперь все кончено, и еслибы я дала согласіе онъ не принялъ бы его. Онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и самъ подтвердитъ вамъ мои слова если вы спросите его. Онъ уѣхалъ потому что презираетъ меня. О себѣ я не думаю, я все это знала напередъ, но я очень несчастна зная что вы будите огорчены.“

„Мнѣ кажется что мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь не будетъ пріятно Ловелямъ. Они были очень добры со мной пока этого не случилось и теперь не позволяютъ себѣ ничего неучтиваго, но очень измѣнились, и мнѣ не слѣдуетъ оставаться у нихъ. Вы одна, и я надѣюсь что вамъ пріятнѣе будетъ имѣть олятъ при себѣ вашу бѣдную дочь, несмотря на то что вы такъ сердитесь на нее. Позвольте мнѣ возвратиться домой. Я могу уѣхать отсюда въ пятницу, и вѣроятно уѣду если только вы не наложите мнѣ чтобъ я осталась. Дилижансъ отправляется изъ Йорка въ полдень, и если я

выѣду въ пятницу, то буду въ Лондонѣ въ субботу въ одиннадцатъ часовъ утра. Но мѣста въ дилижансѣ должны быть заняты въ четвергъ. Денегъ у меня слишкомъ достаточно, такъ какъ я здѣсь ничего не тратила. Сара конечно придетъ со мной. Она не такъ предупредительна какъ прежде съ тѣхъ поръ какъ лордъ Ловель уѣхалъ.

„Остаюсь, милая мама,
„горячо любящая васъ дочь ваша
„Анна.“

Она неумышленно лишила мать возможности помѣшать ее отъѣзду. Мѣста въ дилижансѣ были взяты въ четвергъ утромъ, а письмо матери она получила въ четвергъ вечеромъ. Съ тою же почтой пришло письмо отъ графа въ которомъ онъ выражалъ желаніе чтобы леди Анну удержали въ Іоксамѣ.—Я не понимаю для чего вамъ ѣхать, сказала тетушка Джюлія, понявшая что графу посоветовали въ Лондонѣ продолжать сватовство. Леди Анна возразила что мѣста уже заняты.—Я увѣрена что братъ могъ бы устроить это, сказала миссъ Джюлія. Но графиня была уже предупреждена объ ея возвращеніи, и леди Анна рѣшилась ѣхать. Графиня не настаивала на возвращеніи, но если мѣста уже заняты, дочь конечно должна уѣхать, писала она. Не такъ важно то что деньги пропадутъ, какъ то что Ловели могутъ подумать что она очень дорожить пребываніемъ у нихъ.—Развѣ мама зоветъ васъ домой? спросила тетушка Джюлія. Леди Анна не могла отвѣтить утвердительно, и только повторила что мѣста уже заняты.

Утромъ въ день ея отъѣзда, когда уже приказано было положить для нея карету, возникъ вопросъ кто поведетъ проводить ее. Ректору, который имѣлъ почетное мѣсто въ соборѣ, необходимо было быть въ этотъ день у декана въ числѣ другихъ настоятелей и всего удобнѣе ему было ѣхать въ каретѣ.

— Я лучше поѣду одинъ въ кабриолетѣ, сказалъ онъ.

— О, кѣтъ, милый Чарльзъ, это было бы безразсудно, возразила сестра.—Она не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда.

— Не знаю. Она сдѣлала мнѣ уже не мало вреда. Я не знаю даже какъ теперь говорить съ ней.

— Можешь быть увѣренъ что Фредерикъ не отказался отъ намѣренія жениться на ней.

— Для Фредерика было бы лучше еслибъ онъ не зналъ ея,

да и для меня это было бы конечно лучше, возразилъ ректоръ.

Но онъ согласился наконецъ вѣхать съ леди Анной и самъ посадилъ ее въ карету. Мистрисъ Ловель сопровождала ихъ, но миссъ Джюлія простилась съ гостьей въ гостиной. Она постаралась остаться вблизи съ дѣвушкой и сказала ей:

— Что касается васъ лично, милая моя, я очень полюбила васъ.

— О, благодарю васъ, миссъ Ловель.

— Я всей душой желала чтобы вы стали женой нашего Фредерика.

— Этого никогда не будетъ, миссъ Ловель.

— Я не откажусь отъ надежды. Не знаю что произошло между вами и Фредерикомъ, но я не откажусь отъ надежды. И если это случится, я надѣюсь что мы съ вами будемъ лучшими друзьями до конца моей жизни. Поцѣлуйте меня, моя милая.

Леди Анна кинулась ей на шею съ полными слезъ глазами.

Мистрисъ Ловель также поцѣлювала ее и призвала на нее благословеніе Божіе, прощаясь съ ней у двери дилижанса, но ректоръ не былъ такъ экспансивенъ.

— Желаю вамъ добраго пути, сказалъ онъ снимая свою клерикальную шляпу.

— Что бы ни случилось, сказала мистрисъ Ловель мужу, — я ручаюсь тебѣ что она славная дѣвушка.

— Боюсь что она хитра, сказалъ ректоръ.

— Въ ней столько же хитрости какъ во мнѣ, возразила мистрисъ Ловель, которую никакъ нельзя было назвать хитрою

Г Л А В А XX.

П р і е м ъ л е д и А н н ы .

Графиня пріѣхала встрѣтить дочь въ Сарадинову Голову, гдѣ оставались дилижансы изъ Йорка, и приняла ее почти молча.

— О, мама, милая мама, сказала леди Анна, — я такъ рада что вернулась къ вамъ.

Сара горничная, ненужная, льстивая, проникательная, присутствовала при свиданіи. Графиня не сказала почти ничего. Она позволила поцѣловать себя и спросила о багажѣ. Въ это время она уже знала о любви дочери и Даніеля Твейта.

Генераль-солициторъ не исполнилъ просьбы своего кліента хранить тайну леди Анны. Въ важныхъ дѣлахъ онъ считалъ своимъ долгомъ заботиться болѣе объ интересахъ своихъ кліентовъ чѣмъ объ исполненіи ихъ желаній. Помолвку леди Анны съ сыномъ портнаго необходимо было разстроить во что бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Съ его точки зрѣнія онъ обязанъ былъ постараться объ этомъ не только какъ юристъ Ловеля, но и какъ человѣкъ имѣющій возможность предупредить большое зло. Женильба Давіеля Твейта, портнаго, на леди Аннѣ Ловель, невѣсть съ такимъ колоссальнымъ состояніемъ, была бы ущербомъ для социальнаго міра его страны и однимъ изъ тѣхъ золъ которыя можно предупредить своевременно принятыми предосторожностями. Портной безъ сомнѣнія ищетъ денегъ, думалъ генераль-солициторъ. Онъ имѣетъ право на значительное вознагражденіе за все что претерпѣлъ и чѣмъ пожертвовалъ для графини. Сэръ-Вильяму неприлично было торговаться съ портнымъ, онъ не долженъ былъ даже обнаруживать свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ послалъ за мистеромъ Фликомъ и сказалъ ему все что зналъ. „Дала слово сыну портнаго!“ воскликнулъ мистеръ Фликъ вслеснувъ руками. Сэръ-Вильямъ принялъ сторону леди Анны. Что бы ни говорили, но въ ея поступкѣ нѣтъ ничего страннаго. Она сдѣлала это когда была еще очень молода, когда не знала ни одного молодого человѣка кромя Давіеля Твейта, которому она была очень обязана, когда не имѣла возможности сравнить молодого портнаго съ молодымъ графомъ. Она сдѣлала это изъ благодарности и теперь считаетъ безчестнымъ измѣнить своему слову. И портнаго сэръ-Вильямъ не судилъ строго. Онъ имѣлъ особое призваніе защищать бѣдныхъ, слабыхъ, заблуждающихся, ревѣжественныхъ смертныхъ, и теперь нашелъ извиняющія обстоятельства въ поведеніи портнаго. Давіель Твейтъ могъ бы поступить несравненно хуже, сказалъ онъ. Въ поведеніи его видна благородная самоувѣренность. Лордъ Ловель полагаетъ что леди Анна не получала отъ него писемъ когда была въ Іоксамѣ. Онъ могъ бы жениться на ней тайно, и не сдѣлалъ этого. Были и другія причины почему сэръ-Вильямъ не считалъ его негодяемъ. Тѣмъ не менѣе надо помѣшать портному завладѣть такою добычей. Она слишкомъ велика для него. Какъ поступить? Сэръ-Вильямъ снуждалъ до того что посоветовался съ мистеромъ Фликомъ.

— Мы ждемъ указаній отъ васъ, господинъ солиситоръ, отвѣчалъ мистеръ Фликъ.

— Одно, мнѣ кажется, ясно, мистеръ Фликъ.—Вы или мистеръ Гоффъ должны повидаться съ графиней. Она очевидно ничего не знаетъ. Она живетъ теперь въ одномъ домѣ съ нимъ. Ей необходимо переѣхать въ другое мѣсто. Молодыхъ людей надо разлучить и въ крайнемъ случаѣ увезти дѣвучку за границу.

— Я увѣренъ что она будетъ затрудняться недостаткомъ денегъ, сэръ-Вильямъ.

— Этого не должно быть. Я беру на себя сказать что этого не должно быть. Это такое дѣло что судъ охотно выдастъ денегъ изъ доходовъ съ капитала. Состояніе такъ велико что нѣтъ надобности скулиться въ полезныхъ расходахъ. Принимая во вниманіе шансы на успѣхъ этихъ двухъ женщинъ, надо дать имъ возможность жить прилично въ ожиданіи рѣшенія дѣла. Леди Анна безъ сомнѣнія наследница.

— Вы не сомнѣваетесь въ этомъ, сэръ-Вильямъ?

— Нисколько, хотя, какъ я уже говорилъ, это такое дѣло что можно чувствовать увѣренность не будучи увѣреннымъ. Будь Италіанка дѣйствительно вдовой графа, нашлись бы люди которые предъявили бы ея права настойчивѣе.

— Но если другая Италіанка, которая умерла, была женой графа?

— Вы узнали бы это когда были тамъ. Кто-нибудь изъ тѣхъ кому это извѣстно предложилъ бы намъ свое свидѣтельство, зная какъ дорого мы заплатили бы за это. Вспомните что этотъ вопросъ, въ другой формѣ, былъ уже однажды рѣшенъ. Графъ былъ обвиненъ въ двоеженствѣ и оправданъ. Мы принуждены считать эту дѣвучку леди Анной Ловель и наследницей всего личнаго состоянія графа, кромѣ части слѣдующей ея матери. Мы не можемъ принять безопасно другую точку зрѣнія. Если дочь выйдетъ за портнаго, имъ придется еще преодолѣть не мало серьезныхъ затрудненій, но въ концѣ концовъ состояніе достанется имъ. Не повидаетесь ли вы съ Даніелемъ Твейтомъ, мистеръ Фликъ? Вы сумѣете выпытать его намѣренія никого не компрометируя. Но сначала доведите эту новость до свѣдѣнія графини. Послѣ всего случившагося, вы повидаетесь съ мистеромъ Гоффомъ безъ всякихъ затрудненій.

Мистеръ Фликъ дѣйствительно повидался съ мистеромъ Гоффомъ безъ всякихъ затрудненій, не зная что этого нельзя будетъ сказать о свиданіи съ мистеромъ Твейтомъ. Онъ сообщилъ мистеру Гоффу о дерзкомъ покушеніи портнаго, не стараясь конечно оправдать его, какъ это дѣлалъ генераль-соллициторъ.

— Я ожидалъ какой-нибудь непріятности отъ этого чело-
вѣка, сказалъ мистеръ Гоффъ, никогда не любившій
Твейтовъ. Затѣмъ мистеръ Фликъ посоветовалъ мистеру
Гоффу сообщить это графинѣ, и мистеръ Гоффъ согла-
сился съ своимъ оллоентомъ. Два или три дня спустя, въ
тотъ день когда графиня написала дочери послѣднее письмо,
леди Ловель узнала что леди Анна дала слово выйти замужъ
за Давіела Твейта.

Она подозрѣвала это; сердце ея въ послѣдній мѣсяцъ бо-
лѣло предчувствіемъ этого страшнаго бѣдствія; она строила
планы съ цѣлю разлучить молодыхъ людей, она задавала до-
чери вопросы основанные на этомъ подозрѣніи, тѣмъ не менѣе
она не могла повѣрить сразу. Какъ узналъ это мистеръ
Гоффъ? Мистеръ Гоффъ узналъ отъ мистера Флика, а ми-
стеръ Фликъ отъ генераль-соллицитора, а генераль-соллицито-
ру сообщилъ это графъ Ловель.

— А кто сказалъ графу Ловелю? спросила графиня вспых-
нувъ отъ негодованія.

— Вѣроятно сама леди Анна, отвѣчалъ мистеръ Гоффъ.
Но несмотря на свое негодованіе, графиня не хотѣла этому
вѣрить. Мистеръ Гоффъ былъ вполне увѣренъ.

— Нѣтъ никакого основанія надѣяться что это вздоръ,
сказалъ онъ.

Графиня все еще притворялась не вѣрящею, но обѣщала при-
нять всѣ нужныя предосторожности. Если мистеръ Гоффъ
считаетъ это полезнымъ, она переедетъ на другую квартиру,
она подумаетъ о поѣздкѣ за границу, она будетъ на сторожѣ,
говорила она, но она не можетъ допустить чтобы леди Анна
Ловель, ея дочь и дочь графа Ловеля, способна была унизить
себя такою любовью.

Но она знала что это правда, она поняла въ чемъ дѣло съ
первыхъ же словъ мистера Гоффа. Какъ могла она быть
такою савлою чтобы не замѣтить этой любви? Какъ глупо
было не понять смысла увѣреній дѣвушки что бракъ съ гра-
фомъ для нея невозможенъ! Дочь не только солгала ей, но

была такъ хитра что обманывала ее долгое время. Отношенія ея съ Твейтомъ начались вѣроятно годъ тому назадъ, а она, мать, ничего не видѣла ослѣвленная неопытною дѣвушкой! Затѣмъ она представила себѣ всю глубину уготованнаго ей униженія. Для того ли боролась она безпрерывно двадцать лѣтъ чтобы все погибло вслѣдствіе такой унижительной любви когда успѣхъ былъ уже достигнутъ, когда права ея дочери на титулъ и состояніе были наконецъ признаны всѣмъ свѣтомъ и она готовилась увидать ее увѣнчанною неоспоримою графскою короной? Не лучше ли было бы умереть въ бѣдности и неизвѣстности чѣмъ вынести такое униженіе? Боже! Неужели она заставляла признать себя графиней, а дочь свою наследницею графа только для того чтобы леди Анна Ловель сдѣлалась женой Даниѣла Твейта, портнаго?

Она приняла много рѣшеній, но главнымъ было то что дочь не увидитъ отъ нея улыбки пока не откажется отъ своего намѣренія. Она любила Анну какъ можетъ любить только мать. Признаніе ея собственнаго общественнаго положенія, ея титула и имени было только случайнымъ слѣдствіемъ торжества Анны. Ея единственною цѣлью было чтобы дочь которую она родила лорду Ловелю, и которую отецъ отвергъ какъ незаконнорожденную была благодаря ей признана леди Анной Ловель и наследницею состоянія и сдѣлалась богатѣею, прекраснѣею и благороднѣею изъ дочерей Англіи. Затѣмъ явилась надежда что наследница Ловелей можетъ сдѣлаться графиней Ловель, и мать была внѣ себя отъ гордости. Но она думала только о дочери. Развѣ она не любила ее какъ мать и со всею материнскою вѣжностью. И для чего?

Она будетъ любить ее попрежнему, но дочь не увидитъ отъ нея ни одной ласки пока не откажется отъ своего низкаго, чудовищнаго намѣренія. Графиня рѣшилась подавить всѣ свои чувства и дѣйствовать съ непоколебимою твердостью. Дочь обманула ее, и графиня будетъ впередъ безлощадна. Дочь будетъ страдать, но развѣ она не заставила страдать свою мать? Придется можетъ-быть бороться, но развѣ вся жизнь графини не была борьбой? Если на то пошло, она рѣшится на такое дѣло которое привлечетъ симпатію общества даже къ низкому увлеченію ея дочери, но не дастъ портному ложать плоды своихъ долгихъ трудовъ, начавшихся съ тѣхъ самыхъ поръ какъ она сдѣлалась женой мрачнаго, страшнаго графа, не допуститъ дочь обезчестить благородное имя котораго она добилась послѣ такой долгой борьбы.

Въ такомъ настроеніи духа она пріѣхала встрѣтить дочь въ Сарадинову Голову.

Она уже перѣѣхала на новую квартиру въ Келпелль-Стритъ, близъ Россель-Сквера, далеко отъ Виндгамъ-Стрита. Она просила мистера Гоффа рекомендовать ей квартиру, и онъ послалъ ее къ одной старушкѣ у которой квартировалъ самъ пока не женился. Келпелль-Стритъ не можетъ быть названъ фашонабельнымъ мѣстомъ, и Россель-Скверъ не часто посѣщается высшимъ обществомъ. Тѣмъ не менѣе новая квартира графини была лучше прежней во всѣхъ отношеніяхъ. Ея финансовое положеніе улучшалось, и мистеръ Гоффъ не затруднился занять для нея квартиру состоящую изъ двухъ большихъ пріемныхъ комнатъ, спальныхъ комнатъ наверху, комнаты подъ крышей для служанки и со всѣми хозяйственными удобствами. „И отъ мистрисъ Блюстонъ недалеко“, сказалъ мистеръ Гоффъ, знавшій объ ихъ знакомствѣ.

Перевѣздъ въ каретѣ съ постоялаго двора въ Келпелль-Стритъ былъ ужасенъ для леди Анны. Графиня молчала потому что горничная сидѣла съ ними. Бѣдная дѣвушка пыталась раза два взять руку матери, надѣясь вызвать какую-нибудь ласку, но графиня не допускала этого и наконецъ грубо вырвала руку.

— О, мама! воскликнула леди Анна не будучи въ состояніи скрыть свое горе. Но графиня не сказала ни слова. Сара, служанка, начала подозрѣвать истину.

— Развѣ это Виндгамъ-Стритъ? спросила леди Анна когда экипажъ остановился.

— Нѣтъ, другъ мой, это не Виндгамъ-Стритъ. Я перѣѣхала на другую квартиру. Мы живемъ теперь здѣсь. Если ты выйдешь, я послѣдую за тобой, а Сара позаботится о багажѣ.

Дочь вошла въ домъ и встрѣтила плачущуюся ей хозяйку. Она тотчасъ же догадалась что новая квартира была взята для того чтобы разлучить ее съ Даніелемъ, и что мать знаетъ ее тайну.

— Вотъ твоя комната, сказала графиня.—Совѣтую тебѣ раздѣться. Устала ты?

— Очень устала. И леди Анна залилась слезами.

— Чего ты хочешь?

— О, ничего! Я предпочитаю лечь въ постель, мама. Почему вы такъ жестоки со мной? Скажите мнѣ. Я могу вынести все кромѣ этого.

— А ты, Анна, развѣ не была жестока со мной?

— Никогда, мама, никогда! Я люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ. Но вы... о, мама, я умру если вы будете смотрѣть на меня такъ.

— Правда ли что ты обѣщала быть женой Даниеля Твейта?

— Мама!

— Правда ли это? Я буду откровенна съ тобой. Мистеръ Гоффъ сказалъ мнѣ что ты отказала лорду Ловелю объявивъ ему что уже дала слово Даниелю Твейту. Правда ли это?

— Да, мама, это правда.

— Ты дала слово Даниелю Твейту?

— Дала слово, мама.

— Однако ты сказала мнѣ что не любишь никого когда я говорила съ тобой о лордѣ Ловелѣ. Ты солгала мнѣ?

Дѣвушка сидѣла смущенная, удивленная, неспособная отвѣтить. Она пріѣхала изъ Йорка въ Лондонъ въ одной изъ тѣхъ ужасныхъ колымагъ которыми мы нѣкогда гордились, называя ихъ нашими почтовыми дилижансами, и была сильно утомлена. Она не завтракала въ этотъ день и чувствовала себя нездоровою, не только духомъ, но и тѣломъ. Мать понимала ея положеніе, но теперь было не время для нѣжнаго участія. Пусть лучше умретъ чѣмъ останется при своемъ страшномъ намѣреніи.

— Такъ ты солгала мнѣ? повторила графиня все еще стоя надъ ней.

— О, мама, вы хотите убить меня.

— Я предпочла бы умереть здѣсь, у твоихъ ногъ, въ эту минуту, и зная что ты послѣдуешь за мною черезъ часъ, чѣмъ увидать тебя женою такого человѣка. Ты никогда не выйдешь за него. Хотя бы мнѣ пришлось для этого явиться самой въ судъ и покаяться что я была любовницей графа, что я знала что буду только его любовницей когда шла къ нему, что ты незаконнорожденная, что я всю жизнь обманывала, я все это сдѣлаю чтобы предупредить это несравненно большее униженіе. Этого никогда не будетъ. Я увезу тебя въ такое мѣсто гдѣ онъ не найдетъ тебя. Что же касается денегъ, я лушу ихъ на вѣтеръ для того чтобъ онъ никогда не достался ему. Неужели ты думаешь что онъ любитъ тебя? Онъ знаетъ о богатствѣ которое должно достаться тебѣ, и ты для него только крючокъ которымъ онъ зацѣпитъ его.

— Вы не знаете его, мама.

— Ты хочешь учить меня, дерзкая дѣвчонка! Я знала его когда тебя еще не было на свѣтѣ, знала его, всю его жизнь. Дашь ты мнѣ слово что никогда не увидишь его опять?—Леди Анна попробовала подумать, но умъ ея отказался работать. Всѣ предметы кружились предъ ея глазами, она чувствовала дурноту и бросилась на постель.—Отвѣчай мнѣ, Анна. Дашь ли ты мнѣ честное слово что никогда не увидишься съ нимъ опять?

Она все еще способна была сказать да и знала что однимъ этимъ словомъ могла бы прекратить агонію этой минуты. Стоило только сказать да, и мать сдѣлалась бы попрежнему добра съ ней, стала бы ухаживать за ней, принесла бы ей чаю, сѣла бы у ея постели и стала бы ласкать ее. Но Анна была также изъ рода Ловелей и притомъ дочерью женщины которая нѣкогда называлась Джозефиной Муррей.

— Я не могу сказать этого, мама, потому что дала ему слово, отвѣчала она.

Мать бросилась вонъ изъ комнаты, и Анна осталась одна на постели.

(До слѣд. №.)

ВОЙНА · И РЕВОЛЮЦІЯ *

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

---

3. Революція и французское общество.

I.

Говоря о войнѣ, мы вездѣ встрѣчались съ революціей. Она была причиною рѣшимости Французской имперіи на борьбу съ Германіей, сдѣлала Францію безсильною къ оборонѣ и довела ее до крайняго политическаго уничтоженія предъ непріателемъ. Вслѣдъ за заключеніемъ мира работа революціи дѣлается явною. Восстаніе Парижской коммуны олозорило Францію болѣе чѣмъ самая война.

Двадцать два года тому назадъ Гизо писалъ: „Что за странное положеніе Франціи! Она не хочетъ болѣе революцій, она желаетъ для себя только устойчивости (stabilité); а между тѣмъ четыре или пять вопросовъ, изъ которыхъ каждый влечетъ за собою революцію, не перестаютъ занимать собою всѣ умы и всѣ языки: можетъ ли быть основана республика, можетъ ли быть восстановлена монархія, какая монархія, имперія или Бурбоны, какая вѣтвь Бурбонской династіи, старшая или младшая, или обѣ вмѣстѣ? Если Франція желаетъ только устойчивости въ своемъ правленіи, то зачѣмъ же она непрерывно возбуждаетъ всѣ эти вопросы? Почему она не упразд-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года № 9 и 1873 года №№ 2, 4 и 5.

вить ихъ и не остановится на томъ что у нея есть? Если же она не вѣритъ въ устойчивость существующаго порядка, отчего не выберетъ она хоть одно какое-нибудь рѣшеніе всѣхъ этихъ тревожныхъ вопросовъ? Развѣ уже всѣ они таковы что не могутъ быть ни рѣшены, ни устранены? Хуже такого положенія не могло бы ничего быть, ибо при немъ мы были бы навсегда осуждены на неподвижность въ тревогѣ, были бы лишены всякой вѣры въ настоящее и всякой будущности! Я не хочу думать, я дѣйствительно не думаю чтобы таково было положеніе моего отечества.“ *

Эти строки написаны были почти четверть вѣка тому назадъ, въ эпоху совершенно подобную нынѣшней во Франціи, и каждое въ нихъ слово примѣнимо къ ней какъ нельзя лучше въ настоящую минуту, когда предъ нею снова подымались тѣ же самыя вопросы о республикѣ и монархіи, отъ которыхъ она, по мнѣнію ея историка, не можетъ никакъ избавиться, съ 1789 года, вопросы порожденные революціей и неминуемо ведущіе къ новымъ революціямъ.

Въ ту же самую знаменательную эпоху Франціи, послѣ государственнаго удара 2го декабря 1851 года, когда Гизо писалъ приведенныя строки, главный двигатель идей французской революціи въ XIX столѣтіи, Прудонъ, обращая къ своимъ соотечественникамъ съ такимъ мрачнымъ пророчествомъ: „Анархія или цезаризмъ, говорю я вамъ, вы никогда изъ этого не выйдете. Вы не хотѣли республики честной, умѣренной, охранительной, прогрессивной, парламентской и свободной; вотъ вы теперь и ползли въ западню между императоромъ и социализмомъ! Думайте теперь что вамъ больше нравится: потому что Лудовикъ Наполеонъ, если онъ падетъ, то падетъ не иначе какъ его дядя, черезъ революцію и ради революціи; что бы ни случилось, *пролетарій* все-таки позже васъ устанетъ (то-есть бунтовать). Но для него ли подымется олять революція, а до нея не будетъ ли онъ другомъ цезаря!.... О, отечество, отечество Французовъ, отечество лѣвцовъ вѣчной революціи!... О, отечество, которое я люблю со всею непрерывно возрастающею любовью возмужалаго сына къ своей матери, зрѣющихъ дѣтей къ своему отцу, долго ли еще буду видѣть я тебя страждущимъ не для себя одного, но для всего міра,

* Guizot. *Monk.* 1851. Préface, pp. 5 и 6.

который платитъ тебѣ за твои страданія завистью и поношеніями; долго ли еще будешь ты страдать, невинное, только потому что ты само себя не знаешь? Мнѣ всегда кажется что ты уже достигло твоего послѣдняго испытанія!“ * Этими словами заканчиваетъ Прудонъ свою книгу, поднесенную имъ, въ 1852 году, президенту Французской республики и возбудившую, несмотря на то, преслѣдованіе французской полиціи. Въ своемъ посланіи къ президенту, Прудонъ доказываетъ что Лудовикъ-Наполеонъ есть не что иное какъ продуктъ революціи, не болѣе какъ ея уполномоченный (*le mandataire de la révolution*), что безъ нея онъ не можетъ имѣть никакого успѣха, и что все его призваніе состоитъ въ томъ чтобы свершить ея судьбу. „Вы сами революція XIX вѣка, потому что вы не можете быть ничѣмъ инымъ“, ** говоритъ онъ ему.

Итакъ два замѣчательные политическіе мыслителя Франціи, съ двухъ противоположныхъ полюсовъ ея политической жизни, одинъ съ революціоннымъ паэосомъ, который искажилъ всѣ его необычайныя умственныя дарованія, другой съ холоднымъ доктринерствомъ закалившимся въ борьбѣ съ революціонными страстями, и Прудонъ и Гизо, оба видятъ въ революціи первоначальную причину всѣхъ бѣдствій Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи, оба желаютъ чтобъ историческій ходъ ея закончился, хотя каждый изъ нихъ понимаетъ по-своему этотъ желанный послѣдній періодъ революціи, и оба признаютъ безъ этого положеніе своего отечества отчаяннымъ. Оба возмущаются неисправимыми пороками своего народа, хотя каждый по-своему; оба жаждутъ исцѣленія отъ нихъ, какъ отъ недуга, и оба въ своемъ патріотизмѣ вѣрують что оно настанетъ.

Въ теченіи восьмидесяти трехъ лѣтъ вся внутренняя и внѣшняя исторія Франціи есть не что иное какъ исторія революціи переходящей изъ одной фазы въ другую; до нынѣшняго дня каждое сколько-нибудь крупное событіе въ государственной жизни этой страны, истекая съ неотразимою логикою изъ всѣхъ предыдущихъ событій, можетъ быть возведено къ первому революціонному акту, къ знаменитому за-

* P. J. Proudhon. *La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre*. Paris, 1852, pp. 277—281.

** Тамъ же pp. IX—XI.

сѣданію генеральныхъ штатовъ (собственно третьяго сословія) 23го іюня 1789 года, къ столь извѣстнымъ словамъ Мирабо (въ отвѣтъ на королевское посланіе): „Подите сказать вашему господину что мы здѣсь по велѣнію народа, и можемъ быть выгнаны отсюда только развѣ штыками“. * Съ этой минуты до настоящей не прерывается рядъ кровавыхъ столкновеній Французскаго народа съ государственною властію во всѣхъ ея образахъ и подобіяхъ, монархическихъ и республиканскихъ, рядъ гражданскихъ междуособій, расколовшихъ націю на нѣсколько партій и классовъ, смертельно озлобленныхъ другъ противъ друга и ежедневно готовыхъ снова между собою сразиться. Одно правленіе насильственно смѣняется другимъ; ни одно съ 1789 года не признается *законнымъ* всѣми партіями, каждое живетъ и дѣйствуетъ только подъ страхомъ уличной смуты или ради ея. И всѣ эти нескончаемые слоры, брани и перевороты, изъ коихъ соткана внутренняя исторія Франціи въ этомъ столѣтіи, всѣ эти безчисленныя кровавыя жертвы ничего не рѣшили, ни къ чему не привели и ничего не подвинули въ ея государственномъ устройствѣ и управленіи. Въ своихъ существенныхъ чертахъ, устройство и управленіе Франціи остались тѣ же каковы они были въ 1789 году, даже каковы были далеко назадъ до этой эпохи. Съ изумительною правильностію, наломинающею правильностьъ явленій природы, повторяются чрезъ извѣстные періоды, почти одинаковыя, тѣ же самыя событія, выходятъ на сцену тѣ же личности подъ другими именами, и предъ страню становятся тѣ же неразрѣшимые вопросы.

Что говорили Гизо и Прудонъ въ 1852 году, когда Франція на краю анархіи вступала на мостъ императорской диктатуры, то же самое можно сказать ей теперь, и было сказано Тьеромъ. Въ своей лебединой глѣснѣ, въ засѣданіи національнаго собранія 24го мая 1873 года, онъ между прочимъ говоритъ: „...Посмотрите на себя самихъ, и посмотрите какая между вами рознь. Неужели вы думаете что легко править страню въ такія времена и что въ правительствѣ можетъ быть единство котораго нѣтъ ни между вами, ни во всей странѣ? Позвольте мнѣ опредѣлить ваше положеніе.... Прежде всего между вами распря, которой одной достаточно чтобы потрясти государство: одни хотятъ монархіи, другіе—республики.... Было бы очень

* Mignet, *Histoire de la révolution française*, 20 Edit. 1847, p. 50.

странно еслибы въ средѣ націи которая въ теченіи вѣковъ получала отъ монархіи и славу, и благоденствіе, монархія не имѣла преданныхъ себѣ представителей. Поэтому я слишкомъ далекъ отъ того чтобъ ихъ порицать; но здѣсь же другіе стоятъ за республику. Если вы имѣете право бояться республики, впрочемъ только съ точки зрѣнія благоразумія, но не страсти, то другіе, напротивъ, поборники этой формы правленія, имѣютъ такое же право, особенно нынѣ когда демократія вышла изъ береговъ, думать что республика должна быть окончательнымъ образомъ правленія въ нашей странѣ... Мы имѣемъ предъ собою три династіи съ одной стороны, и двѣ республики съ другой... Будемъ искренни: насъ раздѣляетъ всего болѣе вопросъ о монархіи и республикѣ... Вотъ великій вопросъ... Въ своемъ кабинетѣ, частный человекъ можетъ недоумѣвать предъ теоріей этого вопроса. Когда такъ счастливъ что живешь только посреди своихъ книгъ, тогда можешь подобно философу, подобно Монтескье, размышлять о неудобствахъ республики и о преимуществахъ монархіи. Но когда находишься у кормила правленія, тогда обязанъ рѣшиться на что-нибудь одно. Полагаете ли вы что можно *вѣчно оставаться при временномъ правительствѣ*? У насъ также предлагается нѣсколько республикъ; каждый хочетъ своей, такъ что и въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ произносятся рѣчи дѣйствительно угрожающія общественному порядку. Что же тутъ удивительнаго? Когда предаются своимъ политическимъ страстямъ однѣ партіи, тогда онѣ должны понимать что вызываютъ въ другихъ партіяхъ противоположныя страсти!... Мы обязаны заявить первую причину дѣлаемыхъ нами предложеній (узаконить республику устройвъ постоянныя республиканскія учрежденія): нельзя жить при правительствѣ которое ежедневно осмѣивается до такой степени что когда мы вздумали сообщить судебной власти объ оскорбленіяхъ которымъ оно подвергается, намъ отвѣчали: ваше правительство еще никѣмъ не признано въ своихъ основаніяхъ! Другое наше побужденіе то что самые ревностные монархисты доказываютъ своимъ поведеніемъ невозможность, при нынѣшнемъ состояніи умовъ, установить монархію. Одни (монархисты) говорятъ намъ: вы узаконяете республику; мы этого не хотимъ, мы хотимъ чтобы національное собраніе сохранило до поры до времени свою учредительную власть, и съ помощью Провидѣнія, намъ можетъ

быть рано или поздно удастся удовлетворить нашимъ убѣжденіямъ. Другіе (республиканцы) говорятъ: мы не хотимъ нынѣшняго національнаго собранія, мы хотимъ новое собраніе учредительное; они надѣются что оно будетъ съ ними согласно и установитъ республику, которую они предпочитають. Я отвѣчаю однимъ: мы знаемъ что надо узаконить и устроить охранительную республику, а другимъ: мы не полагаемся на будущее въ служеніи интересамъ, слѣшкомъ для насъ дорогимъ; мы не оспариваемъ ни предѣловъ, ни срока власти нынѣшняго собранія; мы желаемъ только чтобъ она организовала республику.... Во всякомъ случаѣ, я васъ прошу: принесите другое лѣкарство если вы его имѣете; его мы обсудимъ. Что меня касается, я не вижу *никого* (кромя предложенныхъ республиканскихъ учрежденій) *способа лѣченія какъ разоръ диктатуру; я очень хорошо знаю что есть тѣ кому бы вы ее доверили, охотно бы ее приняли.* Диктатура конечно бывала въ нашемъ отечествѣ, но спасала ли она васъ? Вы предоставляли ей рѣшеніе всѣхъ вопросовъ! Что же она сдѣлала? Въ 1815 страна пала со славою, а въ 1870 году каково было ея паденіе? Обратимся же къ *законнымъ лѣкарств.* Диктатура великихъ людей приводила васъ къ гибели, диктатура малыхъ людей оказалась столько же гибельною, за исключеніемъ славы.“ Всѣ эти увѣщанія оказались тщетными. Тѣерь заканчиваетъ свою рѣчь предостереженіемъ своимъ противникамъ что захвативъ власть въ свои руки, они вынуждены будутъ чтобъ удержать ее поступить подъ покровительство имперіи, то-есть диктатуры малыхъ людей. Съ тѣхъ поръ имперія, которой предано все нынѣшнее поколѣніе практическихъ дѣльцовъ во Франціи, дѣйствительно уже успѣла поднять голову....

Нынѣшнее политическое положеніе не ново во Франціи, оно уже повторялось нѣсколько разъ, начиная съ 1795 года, когда была учреждена директорія подготовившая мечъ Наполеона, и когда, по словамъ Мишье, „масса націи, такъ глубоко потрясенная событіями между 1789 и 1795 годами, желала *только устояться* (aspirait à s'asseoir) и *какъ-нибудь устроиться, сообразно съ новымъ порядкомъ вещей.* „Въ эту эпоху, прибавляетъ онъ, движеніе къ свободѣ окончилось, и началось движеніе къ цивилизаціи (?).“ * Движеніе къ цивилизаціи не

* Mignet, *Histoire de la Révolution française*, Т. III, р. 66.

можетъ быть противоположно движенію къ свободѣ; но въ этомъ разобщеніи гражданской и политической свободы съ общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ проявляется чисто французскій взглядъ на государственную жизнь, порожденный ея революционными потрясеніями съ 1789 года. Точно такія же эпохи глубокаго разлада націи относительно формы правленія и ея стремленій къ усложненію явились, послѣ 1795 года, въ 1815, 1831, 1851.

Диктатура, столько же революционная какъ и сама революція, перемежается бурнымъ разливомъ политическихъ страстей сперва въ политическихъ собраніяхъ, въ сферѣ интеллигенціи, потомъ на улицахъ, въ черни; сперва чернь разнуздываютъ междуусобіями партій не приходящихъ между собою ни къ какой сдѣлкѣ для устройства законной власти, на эту чернь такъ или иначе всѣ партіи ссылаются и ее употребляютъ для своихъ цѣлей, а потомъ чтобъ ее усмирить или чтобъ устрашить ея своеволіе, всѣ спѣшатъ отдать власть первому встрѣчному. Такова несчастная государственная исторія Франціи съ 1789 года. Въ обширномъ смыслѣ слова, къ той же категоріи правленій принадлежатъ и относительно наиболѣе законныя и свободныя: легитимистская реставрація 1815 года и Орлеанистская монархія 1830 года. Не только по своему насильственному происхожденію, * которое постоянно подвергало оба эти правленія вопросу, они стояли, въ глазахъ націи, почти на одной доскѣ со всякимъ революционнымъ захватомъ власти; но и по всему внутреннему характеру своей дѣятельности, оба эти правленія были такими же періодами диктатуры какъ и обѣ имперіи. Они были временными перемиріями, не болѣе. Въ эти два управленія, благодаря внутреннему и внѣшнему миру, безъ котораго дѣйствительно невозможно прогрессивное движеніе цивилизаціи, были сдѣланы Франціей самыя значительныя успѣхи въ наукахъ,

* Объ Орлеанской монархіи это не подлежитъ сомнѣнію (см. между прочимъ прекрасное изложеніе восшествія на престолъ Людовика-Филиппа въ *Staats-Lexicon* Велькера и Роттека *Ludwig-Philippe*), но и Людовикъ XVIII былъ возведенъ на престолъ не столько въ силу своего историческаго права признаннаго народомъ, а тѣмъ менѣе единодушіемъ высшихъ классовъ, сколько подъ давленіемъ побѣдной и союзной Европы. Во Франціи постоянно припоминалось его воцареніе подъ покровительствомъ непріятеля, и это всего болѣе подкололо законную монархію.

искусствахъ и народномъ образованіи въ нынѣшнемъ столѣтіи; во въ государственномъ своемъ бытѣ она нисколько не выдвинулась въ оба эти періода, ибо иначе были бы невозможны поздѣйшіе перевороты. Никакихъ органическихъ реформъ въ законодательствѣ, въ государственномъ устройствѣ и управленіи они не оставили послѣ себя, ни даже замѣтныхъ слѣдовъ въ политическомъ воспитаніи народа. Эфемерныя учрежденія этихъ обѣихъ монархій, подобныя палатамъ перовъ, лавивъ нѣсколько часовъ, какъ онѣ сами. Иначе и быть не могло: бойкія парламентскія пренія которыми только и отличались въ политическомъ отношеніи оба эти правленія были ничѣмъ инымъ какъ цвѣтами краснорѣчія, и они обогатили собою только исторію французской литературы; эти пренія занимали лишь самый верхній и тонкій слой общества, оживляя парижскіе салоны, но не имѣли никакого отношенія къ жизни Французскаго народа, нисколько не измѣняли дѣйствительныхъ условій его быта и потому нисколько не возбуждали интереса къ себѣ за дверьми паламента и парламентскихъ круговъ. И реставрація, и июльская монархія были призваны, также точно какъ и обѣ имперіи, единственно чтобъ успокоить страну утомленную революціонными волненіями и обезпечить внѣшній порядокъ, потому онѣ и не могли приняться ни за какія глубокія государственныя реформы которыя всегда вызываютъ умственное и политическое броженіе въ странѣ. Внутренній миръ былъ искусственно поддерживаемъ сверху (между прочимъ поддѣльнымъ народнымъ представительствомъ), до тѣхъ поръ пока не пробудились изъ своего временнаго оцѣпленія политическія страсти. Впрочемъ безпрерывныя уличныя вспышки при Лудовикѣ-Филиппѣ не разъ напоминали что этотъ внѣшній порядокъ очень обманчивъ. Въ виду ихъ, можно ли было безъ страха приниматься за обширныя реформы? Да впрочемъ реформы всегда всего менѣе требуются самою Франціей въ періоды ея отдохновъ между революціонными потрясеніями. Собственно наиболѣе государственныхъ преобразованій измѣнившихъ внутреннія условія народнаго быта, въ особенности экономическаго, было совершено при имперіяхъ, преимущественно второй, которая была поставлена едва ли не лучше всѣхъ правительствъ во Франціи чтобъ обновить ея политическую жизнь.

Для коренныхъ реформъ въ законодательствѣ и администраціи въ какихъ нуждается Франція, необходима прежде

всего неколебимая и не безспорная государственная власть, какую не обладало ни одно французское правительство. Поэтому и оба правленія ознаменовавшія себя успѣхами чисто вѣдшнаго или парламентскаго конституціонализма были въ общемъ историческомъ смыслѣ такими же диктатурами, злочинами такого же политическаго застоя какъ и обѣ имперіи. Какъ только парламентскія пренія разгорались и выходили изъ узкихъ рамокъ взаимныхъ счетовъ парламентскихъ партій и иностранной политики на почву вопросовъ общенародной жизни, и къ тому же всегда однихъ и тѣхъ же вѣчныхъ вопросовъ объ избирательныхъ правахъ, о печати, о полиціи и сходкахъ, какъ только возгласы воспламенившихся ораторовъ проликали въ толпу за дверьми камеръ, такъ начиналась гражданская смута. Представители крайнихъ отгѣнковъ въ камерахъ протягивали руку къ уличной черни, вылѣзали на свѣтъ Божій изъ своихъ подпольныхъ жилищъ парижскій сбродъ, строились баррикады, толпа заливала камеры (*l'envahissement des Chambres*), и т. д. Какъ хорошо извѣстно все это зрѣлище, вся эта однообразная *mise en scène* которая сопровождала каждый переходъ къ бурной политической жизни, до новой паузы и потомъ до новыхъ потрясеній.

Между прочимъ, замѣчательна роль которую постоянно до сихъ поръ играли во Франціи представительныя собранія: вмѣсто того чтобъ быть центральной ареною политической борьбы всей страны, нагляднымъ выраженіемъ ея внутреннихъ движеній, и разрѣшать мирнымъ путемъ сдѣлокъ между вождями споры партій, эти собранія остаются во Франціи совсѣмъ въ сторонѣ отъ внутренней политической жизни и какъ будто занимаются только своимъ собственнымъ дѣломъ. Они имѣютъ не болѣе, а иногда и менѣе значенія чѣмъ какой-либо политической клубъ. Въ періоды покоя, нація остается совсѣмъ безучастною зрительницею парламентскихъ засѣданій, а въ эпохи возбужденія, вожаки партій, даже сами народные представители, агитируютъ политическіе вопросы въ клубахъ, газетахъ и на площадяхъ, нисколько не заботясь о томъ чего желаютъ законные представители народа. Такими представителями какъ будто никогда и не признаются во Франціи члены выборныхъ представительныхъ палатъ: протестовать противъ ихъ рѣшеній, агитировать раслуценіе ихъ вслѣдъ за ихъ составленіемъ, дискредитировать и лозорить ихъ въ глазахъ страны, всегда самое любимое занятіе политическихъ дѣ-

ателей... Отъ подобной агитаціи не отказываются даже сами члены собраній; разобщая себя съ корпораціей, въ составѣ которой они только и могутъ законно дѣйствовать, они этимъ самымъ пріобрѣтаютъ наибольшую для себя популярность. Не таково ли было, какъ мы здѣсь описали, положеніе законодательнаго собранія въ 1792, палаты депутатовъ въ 1847 и 1848, законодательнаго корпуса въ 1869 и 1870 и наконецъ нынѣшняго національнаго собранія въ 1873, и не таковы ли были дѣйствія членовъ крайнихъ группъ всѣхъ этихъ учреждений? Можно сказать безъ всякаго преувеличенія что единственныя жизненныя отношенія Французскаго народа къ своему представительству были всегда только выборы; но и они производятся весьма своеобразно: или посреди политической алатіи массы избирателей посылаются въ камеры кого укажутъ власти (таковы были официальные кандидаты имперіи), или же въ моменты политическаго возбужденія, большіе города занимаются выборами только для протеста противъ всего существующаго порядка, и потому выбираются люди чѣмъ-нибудь заявившіе свою непримиримую къ нему вражду. Въ спокойныя эпохи всѣ связи народныхъ представителей съ избирателями и съ дѣйствительною жизнью страны заключаются только въ выхлопываніи казенныхъ пособій для своихъ мѣстностей: дорогъ, каналовъ, мостовъ, ссудъ и проч. Въ такихъ условіяхъ правительство, чтобы благонадежно управлять страной, не можетъ опираться на народное представительство, а оно такимъ образомъ теряетъ свое главное назначеніе въ конституціонныхъ государствахъ. Многія французскія правительства бывали въ самой тѣсной дружбѣ съ большинствомъ представителей наканунѣ жесточайшихъ переворотовъ: июльская монархія—въ 1848, вторая имперія—въ 1870.

Набросанная выше картина политической жизни Франціи, несостоятельность и непроизводительность ея представительныхъ собраній и всѣхъ либеральныхъ учреждений, относительная популярность личныя правленія и непопулярность парламентскихъ, довольство народа въ эпохи самой диктаторской власти,—все это можетъ заставить думать что Франція страна абсолютизма и вовсе неспособна къ свободному государственному правленію. Такъ и думали многіе. Но личныя и деспотическія правленія оказывались также несостоятельными у Французовъ, возбуждали не только

революціонныя взрывы, но и постоянное негодование образованныхъ классовъ; какъ только проходило нѣсколько лѣтъ отдыха, снова возникала жажда политическихъ движеній, доказывавшая что абсолютизмъ, устраняющій общество отъ государственнаго дѣла, не можетъ быть нормальнымъ правленіемъ во Франціи. Пробужденіе же въ обществѣ политическихъ интересовъ каждый разъ неминуемо приводило къ бурнымъ потрясеніямъ въ государственномъ организмѣ, несомнѣстимымъ съ правильнымъ его развитіемъ, къ возмущенію не только нравственнаго и юридическаго, но и вещественнаго порядка въ странѣ, и наконецъ къ насильственному сверженію правительства....

Такой ходъ государственной жизни нельзя не признать болѣзненнымъ, какимъ и признаютъ его сами Французы въ лицѣ представителей всѣхъ ихъ партій. Въ этомъ пунктѣ они всѣ едва ли не всего болѣе между собою согласны. Мы нарочно привели созвучныя въ этомъ отношеніи мысли такихъ людей какъ Гизо, Прудонъ, Тьеръ, которые не только принадлежали ко враждебнымъ политическимъ лагерямъ, но еще каждый имѣлъ свои политическіе идеалы, свою вѣру, связанные съ тѣми или другими принципами революціи. Мы намѣренно умолчали о Токвилѣ, въ которомъ съ самой молодости сложился его извѣстный глубоко меланхолическій, почти скептическій взглядъ на историческое развитіе революціи и ея будущія судьбы.

Въ этомъ однообразно колебательномъ движеніи государственной жизни между политическимъ оцѣленіемъ и возмущеніемъ общества, которое остается неподвижнымъ на тѣхъ же вопросахъ 1789, обнаруживаются дѣйствія одной и той же причины, одной и той же *силы*, — *революціи*.

Что же такое эта загадочная сила? Революція слово которое само по себѣ ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ, съ которымъ связаны самыя разнообразныя и самыя противоположныя понятія. Революціями, разумѣть ли подъ ними въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова всякіе насильственные перевороты въ государственномъ строѣ, или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ перевороты производимые открытыми возстаніями противъ государственной власти, — революціями переполнена исторія всѣхъ государствъ и всѣхъ временъ; но далеко не всѣ онѣ сопровождались одинаковыми и столь же губительными послѣдствіями какъ во Франціи. Ни въ

одномъ также государствѣ высшій революціонный порядокъ вещей, вещественныя потрясенія всѣхъ юридическихъ отношеній и взрывы страстей не были такъ продолжительны. Что же такое французская революція?

Вопросъ этотъ интересуетъ не одну только Францію, а всю Европу. Вся она живетъ до сихъ поръ подъ страхомъ или обаяніемъ этой грозы, которая, подъ именемъ революціи, впервые * разразилась на Европу изъ Франціи и избрала Францію своимъ постояннымъ сѣдалищемъ. Такъ-называемыя революціонныя идеи, въ той или другой степени, въ тѣхъ или другихъ формахъ примѣшивающіяся нынѣ къ политической и умственной атмосферахъ всѣхъ европейскіхъ народовъ, имѣютъ всѣ французское происхожденіе. Ко Франціи, какъ своему центру, всѣ эти идеи тяготеютъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ, хотя бы во враждебной ей Пруссіи и въ своеобразныхъ нѣмецкихъ формахъ, ** онѣ ни появлялись. Предъ этими идеями одни трепещутъ, другіе благоговѣютъ, но всѣ съ ними считаются; всякое европейское правительство озабочено ими, хотя бы и каждое по-своему: великобританское предпринимаетъ радикальныя реформы, другія издають цензурныя и полицейскія постановленія, но каждое, отъ великодержавныхъ и просвѣщенныхъ до мекленбургскаго и молдавлянскаго, что-нибудь дѣлаетъ, о чемъ-нибудь хлопочетъ въ виду революціи. Поэтому, если никакое государственное дѣло и никакая политическая жизнь въ Европѣ не обходится безъ соображенія съ революціей, то для каждаго народа равно необходимо изучать ее, на ея родинѣ и въ ея гнѣздѣ. Если это недугъ распространившійся на весь образованный европейскій міръ, заражающій одни государственныя организмы болѣе, другіе—менѣе, разрушающій окончателно одни, какъ на примѣръ Испанію, уступающій врачеванію и даже обновляющій силы въ другихъ, то чрезвычайно полезно видѣть его исторію и дѣйствіе тамъ гдѣ онъ впервые зародился, гдѣ онъ сопровождался наиболѣе сокружительными послѣдствіями и гдѣ онъ между тѣмъ встрѣтившись съ жизненнымъ могуществомъ организма не могъ еще вовсе одолѣть его. Здѣсь только можно узнать любо-

* Англійская революція въ XVII вѣкѣ имѣла чисто мѣстный характеръ.

** Германскіе соціальные демократы даже во время войны представляли руку Франціи.

пытныя для каждаго народа условія возникновенія этого недуга и его развитія, и условія борьбы съ нимъ общества еще долнаго силъ и не разлагающагося подобно исламскому. Исслѣдованіе болѣзни надъ трупомъ, какимъ представляется въ настоящее время Испанія, всегда недостаточно, въ животныхъ организамахъ столько же, какъ и въ государственннхъ.

Мы назвали революцію силою, и прибавили что эта сила далеко не простая, а весьма сложная. Въ ней самой участвуетъ великое множество самыхъ разнокачественныхъ силъ, и она возникаетъ, развивается или ослабѣваетъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій исторической почвы, окружающей общественной среды и государственнаго строя.

Французская революція тѣмъ въ особенности и поучительна что разложеніе ея на простые элементы выводитъ наружу тѣ изъ нихъ которые въ другихъ государствахъ, вступая въ другія комбинаціи, могутъ возбудить не менѣе пагубныя замѣшательства, хотя бы и не революціонныя.

Думать и утѣшать себя что причина всѣхъ политическихъ смутъ Франціи заключается въ одномъ только простомъ и чуждомъ всѣмъ другимъ націямъ обстоятельствомъ, въ безпокойномъ нравѣ Французовъ, было бы весьма ошибочно. Такое слншкомъ грубое и однако распространенное объясненіе французскихъ революціонныхъ движеній опровергается фактами, хотя и нельзя не признать извѣстный національный темпераментъ однимъ изъ многихъ элементовъ этихъ движеній, придающихъ ему особый цвѣтъ и тилъ. Не должно забывать что всѣ перевороты и гражданскія смуты были производимы во Франціи ничтожнымъ меньшинствомъ, даже самыми малочисленными кучками людей, посреди безмолвія массъ населенія, которыя во всѣхъ этихъ случаяхъ поражаются скорѣе ласивнымъ чѣмъ безпокойнымъ характеромъ. Внимательнаго наблюдателя гораздо болѣе поражаетъ равнодушіе огромнаго большинства населенія, не только провинціальнаго, а даже парижскаго, къ замысламъ и злодѣяніямъ революціонеровъ, чѣмъ безпокойный нравъ Французскаго народа вообще. При такомъ нравѣ многіе ужасы революціи были бы положительно невозможны, встрѣтивъ энергическій отпоръ въ массахъ. Такъ-называемыя возстанія *всего народа*, всей Франціи, это одно изъ тѣхъ самыхъ суевѣрныхъ представленій о революціи какихъ накопилось много и какія не выдерживаютъ исторической критики. Однимъ изъ са-

мыхъ крульныхъ результатовъ всѣхъ новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій должно признать опроверженіе этого суждія, нагао и систематически налученнаго демагогами 90хъ годовъ, поддерживаемаго изъ страха ихъ мести журналистикою того времени, и потомъ распространеннаго по невѣдѣнію всѣми историками революціи. * Едва ли не единственное, даже во время великой революціи, народное возстаніе — вавдейское,—было именно противуреволуціонное.

Безпристрастное и строго научное изслѣдованіе Французской революціи началось весьма недавно, въ какія-нибудь 10—15 истекшихъ лѣтъ, ** и плоды этой работы только въ будущемъ. До этого времени ее только обожали или ненавидѣли, и во всякомъ случаѣ относились къ ней яко къ нѣкой сверхъестественной силѣ, *** Божеской или демонской, это все равно. Сообразно съ этимъ даже самое слово „Révolution“ писалось всегда съ прописною буквою, обозначая собою нѣчто превышающее человѣческое пониманіе. Свободная критика мало прикасалась къ ней, и литература революціи была писаніемъ или вѣрующихъ въ нее, или съ нею враждующихъ. **** Во всей Европѣ, за исключеніемъ только Англіи, нѣсколько поколѣній, въ томъ числѣ и все нынѣ возмущаемое и дѣйствующее, были политически воспитаны исключительно подъ двумя противоположными токами: одни въ чувствѣ преданности великой партіи общественнаго порядка (le grand parti de l'ordre), въ традиціяхъ священнаго ужаса (sainte horreur) предъ безбожіемъ революціи, традиціяхъ неизмѣнно тянущихся съ Кобленцскихъ переговоровъ, и со знаменитаго манифеста главнокомандующаго австрий-

* Таково было напримѣръ понятіе о сентябрьскихъ убійствахъ 1792 года. До недавняго времени о нихъ говорили какъ о фанатическомъ увлеченіи парижскаго населенія, тогда какъ они были дѣломъ нѣсколькихъ заговорщиковъ, за долго впередъ обдуманнѣмъ (см. Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, т. III).

** Если считать первымъ опытомъ и толчкомъ къ такому изслѣдованію сочиненіе А. Токиа: *L'Ancien Régime et la Révolution*, 1866.

*** Въ связи съ вышеизлагаемыми мыслями см. P. Janet *La Philosophie de la Révolution française* (*Revue Des deux Monde* 1872). Въ этихъ статьяхъ высказано много здравыхъ взглядовъ на движеніе революціонныхъ идей. Ими знаменуются успѣхи политическаго оснанія въ нынѣшней Франціи.

**** Ср. E. Quinet, *La Révolution*. Paris. 1868, т. I. р. 6, гдѣ высказана почти та же мысль.

окими и прусскими арміями герцога Брунсвицъ-Люнебургскаго обращеннаго къ Французамъ въ 1792 году; другіе, и это большинство, въ преданіяхъ поклоненія великой элопей (la grande épopée) нашего вѣка. Личности героевъ и мучениковъ революціи съ обѣихъ сторонъ получили легендарные образы. Съ одной стороны семейство Лудовика XVI и его слодвижниковъ, съ другой—палачи террора были чуть не сопричисляемы къ лику святыхъ. Исторія революціи долгое время была повтореніемъ въ одномъ лагерѣ резолюціонныхъ миеологическихъ празднествъ 90хъ годовъ въ Парижѣ, а въ другомъ—заупокойныхъ литургій въ искультельной часовнѣ Лудовика XVI.

Между тѣмъ спокойно изучить дѣйствительныя личныя свойства людей бывшихъ на первомъ планѣ революціонной драмы имѣеть чрезвычайную важность. Эти свойства обусловили не только важнѣйшія ея катастрофы, но и весь ея ходъ, который былъ бы совсѣмъ иной при другихъ свойствахъ этихъ людей. * Глубокая безнравственность Мирабо, не только въ частной, но и въ публичной жизни, вынѣ вполнѣ доказанная, его шатанья между противоположными лагерями, которымъ онъ предавался вопреки своимъ убѣжденіямъ, подъ вліяніемъ только своего личнаго интереса, властолюбія и тщеславія, отсутствіе въ немъ всякаго истиннаго патріотизма, ** не произвели ли съ самаго начала страшнѣйшей путаницы въ отношеніяхъ народнаго представительства къ коронѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ партій, такъ какъ до Наполеона I это былъ единственныи государственный человекъ революціи ясно сознававшій политическое положеніе Франціи того времени и далеко опередившій всѣхъ своихъ современниковъ здравымъ пониманіемъ началъ

* Мы конечно никакъ не хотимъ этимъ сказать чтобы личный элементъ составлялъ *все* въ исторіи революціи, которая была послѣдствіемъ всей предыдущей многовѣковой исторіи Франціи; но онъ составлялъ *многое*, что при другихъ людяхъ могло бы дать другой поворотъ въ ея развитіи.

** См. *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck pendant les années 1789, 1790 et 1791, recueillie, mise en ordre et publiée par M. de Racour.* Paris, 1851, Также Reeve, *Royal and republican France*, Vol. I, Mirabeau (это отличнѣйшая характеристика Мирабо, какая намъ только известна). См. также: Mendelson-Bartholdy, *Mirabeau* (*Preuss. Jahrb.* 1873). Безнравственность Мирабо мы видимъ не въ одномъ корыстолюбіи его, которое въ сравненіи съ другими его пороками маловажно.

свободнаго государственнаго правленія. Еслибы Мирабо примѣнял эти начала къ своей дѣятельности, и именно не къ одному только разрушенію стараго порядка, а и къ созиданію новаго, когда онъ былъ всемогущъ въ національномъ собраніи, то отношенія народнаго представительства къ монархической власти получили бы съ самаго начала совсѣмъ другое направленіе; между тѣмъ верховная власть была потеряна Людовикомъ XVI уже въ 1789 году, и тутъ же была рѣшена вся его дальнѣйшая судьба, а съ нею и судьба монархіи. Также точно, еслибы Лафайетъ, при благородствѣ своего характера, обладалъ большимъ политическимъ тактомъ и былъ сколько-нибудь государственнымъ человѣкомъ, то онъ могъ бы не только въ началѣ, но даже въ 1792 году спасти Францію отъ анархіи и обуздать демагогію; но при всемъ своемъ добромъ и горячемъ желаніи, онъ оказался совсѣмъ къ этому неспособнымъ. * Всего же важнѣе была полнѣйшая умственная и политическая несостоятельность Людовика XVI** и всего его семейства. При большей даровитости короля, или хотя когонибудь изъ представителей его дома, до крайности осложнившихъ ходъ революціи своею неумѣлостью и безразсудствомъ, она привяла бы оборотъ несомнѣнно менѣе пагубный и для монархіи, и для самой Франціи. Политическая несостоятельность Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ рѣзко доказывается ихъ искреннимъ убѣжденіемъ что только иностранная помощь можетъ спасти монархію и Францію; это убѣжденіе было единственнымъ неизмѣннымъ началомъ которое руководило политикою двора посреди всѣхъ безконечныхъ ея колебаній, которое всего болѣе придало ожесточенія рево-

* Между прочимъ его несостоятельность послѣ 20го іюня и 10го августа 1792 года.

** Недавно опубликованъ собственноручный дневникъ Людовика XVI, бросающій яркій свѣтъ на его личность. Пошасть этого дневника посреди великихъ историческихъ событій поразительна. Всѣмъ этимъ мы однако нисколько не хотимъ отрицать нѣкоторой доблести въ нравственномъ характерѣ заочинаго короля, но и она была чисто пассивнаго свойства, и можетъ быть возведена въ великую добродѣтель только въ частномъ человѣкѣ, а не въ государѣ. Отличнымъ образцомъ этой доблести можетъ служить поведеніе Людовика XVI посреди народной черни 20го іюня 1792 года (см. Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, IV, pp. 190—199).

люціонному пламени, * всего болѣе соединило разномысленныхъ противниковъ стараго порядка, и всего болѣе разстроивало всякій планъ дѣйствія разумныхъ приверженцевъ монархіи. Даже самъ Лудовикъ XVI, менѣе всѣхъ въ своемъ семействѣ желавшій иностраннаго вмѣшательства, осуждавшій его по чувству чести, въ душѣ на него возлагалъ свои упованія.

Относительно героевъ революціи замѣчательно одно настойчииво повторяющееся заблужденіе, нынѣ разоблачаемое историческою критикою, заблужденіе будто бы они отличались необычайною мощію характеровъ, непоколебимою твердостью воли, въ борьбѣ за революціонныя идеи. Эта сторона казалась всего болѣе достовѣрною во всѣхъ историческихъ повѣствованіяхъ о революціонномъ періодѣ; въ нее одинаково вѣровали и исповѣдники революціи, и ея гонители. Между тѣмъ, положительные факты выдвигаютъ совсѣмъ противоположную характеристическую черту въ физиономіи всѣхъ главныхъ героевъ эпохи: слабость воли, малодушіе, и безхарактерность, именно заставлявшія ихъ или прибѣгать, изъ страха народной ненависти и возмездія, къ крайнимъ и жестокимъ мѣрамъ, или терпѣть и допускать ихъ вопреки своимъ желаніямъ и намѣреніямъ, чтобы какъ-нибудь выйти изъ затрудненій. Ничтожествомъ характера отличаются не только такіе безцвѣтные люди, подававшіе руку всѣмъ партиямъ, какъ Петіонъ, Дюмурье и другіе, но и самыя яростныя предводители терроризма: Робеспьеръ, Марать, Дантонъ и проч. Нисколько не фанатизмъ воодушевлялъ этихъ послѣднихъ въ ихъ кровавыхъ преступленіяхъ, какъ этому охотно вѣрили не только ихъ панегиристы, но отъявленные враги ихъ—роялисты; исторія раскрываетъ совсѣмъ иныя побужденія этихъ людей во всѣхъ разыгранныхъ ими событіяхъ. Между этими побужденіями личное властолюбіе было еще относительно наилучшимъ; другіе мотивы господствовавшіе въ большей части террористовъ и якобинцевъ были самаго низкаго свойства. Только ничтожныя и рабскіе исполнители ихъ великій и историки улае-

---

* Первый вопросъ который былъ сдѣланъ на судѣ Маріи-Антуанетъ: участвовала ли она въ вооруженіи Европы противъ Франціи? Косвенно участвовала, должны мы сказать теперь, имѣя документы въ рукахъ. (См. Reeve, *Royal and republican France*, v. I. p. 282).

кавшіея собственнымъ своимъ революціоннымъ пыломъ могли толковать ихъ дѣйствія фанатическою преданностью идеямъ революціи или любовью къ отечеству предъ угрожающею ему вѣдшею опасностью. Въ роялистской, то-есть придворной, партіи также мало было героевъ, всего менѣе было ихъ между эмигрантами покидавшими монарха и отечество изъ своихъ личныхъ интересовъ, даже въ то время когда дружно соединившись около престола они еще могли охранить если не его права, то его личную безопасность. Истинно героическими личностями время революціи были по большей части люди безвѣстные или по крайней мѣрѣ наименѣе извѣстные, заслоненные псевдо-героями возвеличенными сѣблотою или недобросовѣтностью политическихъ партій. Эти лица обыкновенно не принадлежали ни къ какой партіи, а просто и честно исполняли свой гражданскій долгъ въ тѣсномъ кругу своихъ прямыхъ обязанностей, повинаясь только закону и совѣсти. Голосъ закона и совѣсти былъ всего менѣе слышимъ посреди государственной и нравственной анархіи царившей во Франціи съ 1789 года, и потому сѣдовать ему, не поддаваясь ни страху, ни соблазнамъ партій, было всего труднѣе. Таковы были, на примѣръ, Мандатъ (Mandat), начальникъ Парижской національной гвардіи, который рѣшился до самой послѣдней крайности и жертвуя своею жизнью защитить неприкосновенность короля и его жилища, 10го августа 1792 года, несмотря на то что Лудовикъ XVI не хотѣлъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія вслѣдствіе его конституціоннаго образа мыслей. * Мандатъ былъ измѣнительски умерщвленъ предводителями заговора 10го августа, не нашедшими другаго средства избавиться отъ его неустрашимой рѣшимости охранить законный порядокъ. Въ другомъ родѣ было столько же доблестнаго мужества герцога Ротфуко, президента Парижскаго департаментскаго совѣта; онъ настаивалъ, вопреки желанію самого короля, на преданіи законному суду всѣхъ должностныхъ лицъ виновныхъ своимъ бездѣльемъ въ безпорядкахъ 20го іюня 1792 года, и за это

---

* „Il était dans l'engouement de la constitution“, какъ выражались придворные (*Mém. de Mme Campan*), то-есть другими словами, онъ увлекался своею вѣрностью присягѣ и закону, и этимъ не нравился роялистамъ. (См. Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*, Т. II, p. 218 и 267—284.)

заладилъ въ послѣдствіи своею жизнью. * Еще такимъ же необычайнымъ героизмомъ отличился версальскій меръ Илло-дуть Ришо, захотѣвшій во что бы то ни стало не допустить въ Версаль избіенія арестованныхъ роялистовъ и священниковъ. **

Въ виду ничтожества вожаковъ поразительна слабость и нерѣшительность большинства. Не только въ учредительномъ собраніи (Constituante), но и въ законодательномъ (Législative) и наконецъ даже въ Конвентѣ, вслѣдъ за его созваніемъ, огромное большинство членовъ было всею душою расположено подавить анархистовъ, между прочимъ самовластіе Парижской коммуны, и упрочить силу закона во Франціи; между тѣмъ все ограничивалось прекрасными рѣчами въ засѣданіяхъ. Вожаки брали своею дерзостью, въ званіи, впрочемъ, не мужествомъ, а страхомъ гибели, и посредствомъ которой они господствовали сперва въ народномъ представительствѣ, а потомъ во всей Франціи (по словамъ Дантона: *de l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace*). Этой дерзости большинство противопоставляло только слова, которыя никогда не исполнялись, какъ не были исполнены торжественныя рѣшенія предать суду виновниковъ безпорядковъ 20го іюня, сентябрьскихъ убійствъ и проч. Ораторы мужественные до героизма на словахъ, какъ напри- мѣръ Верньо, предводитель Жиронды, оказывались негодными даже для самаго мелкаго дѣла, и на другой день послѣ пламенныхъ рѣчей рабски преклоняли голову предъ велѣніями нѣсколькихъ дерзкихъ заговорщиковъ. Этимъ отличается вся партія жирондистовъ, заключавшая въ себѣ самыя крупныя парламентскіе таланты и много благородныхъ личностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ самая безславная и самая виновная въ ужасахъ революціи.

Число людей злоумышлявшихъ противъ всякаго законнаго порядка, то-есть демагоговъ, было, повторяемъ, очень не велико; умственно, нравственно и политически эти люди терроризовавшіе Францію въ теченіи столькихъ лѣтъ были весьма незначительны, число же людей готовыхъ стать противъ нихъ было очень велико; все французское общество было преисполнено негодованія противъ демагогіи и наглого произвола нѣсколькихъ диктаторовъ. И вотъ возника-

* См. тамъ же. Т. I, р. 251 и другія.

** Тамъ же, т. III, р. 392.

еть любопытный вопросъ объ этомъ безсиліи цѣлаго народа, надъ тѣломъ котораго производились, *во имя его самого*, * такія изувѣчивающія операціи, объ обстоятельствахъ исторіи и условіяхъ государственнаго строя которыя довели до такого безсилія народъ сильный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,—вотъ вопросъ который въ особенности заслуживаетъ вниманія изслѣдованій науки. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ что та же немощь французскаго общества въ сопротивленіи какому бы то ни было посягательству на его спокойствіе и свободу продолжается до сихъ поръ.

Но отношенія всей европейской интеллигенціи ко французской революціи долго не допускали, какъ уже сказано выше, трезвой работы надъ такими вопросами. Нашихъ дѣдовъ и отцовъ научили только восторгаться звуками *Марсельезы* и краснорѣчіемъ Мирабо или умиляться надъ злополучіемъ Бурбоновъ; въ послѣдствіи насъ самихъ учили только или восхищаться глубоко демократическимъ и революціоннымъ характеромъ Французовъ (*peuple révolutionnaire par excellence*), всегда де торжествующимъ надъ *темными* силами реакціи, воспѣвать побѣды революціи надъ реакціей въ 1830 и 1848 годахъ, грандіозный, прогрессивный ходъ революціи отъ полународной или буржуазной въ 1830 году къ настоящей народной въ 1848 году, отъ политической къ соціальной и т. д., или поклоняться парламентскому режиму июльской монархіи какъ идеалу конституціонализма, или же наконецъ насъ только научили отплевываться отъ темной силы революціи, заражающей изъ Франціи весь свѣтъ, чтить энергію ея укротителей во Франціи и перенимать механизмъ ихъ способовъ дѣйствія для охраны своего собственнаго отечества отъ этой всеенской заразы. Таковы всѣ наши уроки французской исторіи.

Вся историческая литература монотонно вращалась между двумя крайностями: превознесеніемъ французской революціи и проклятіями на нее; вся она, можно сказать, была фальсифицирована съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Если съ одной стороны, какъ извѣстно, фальсификація доходила до того что въ учебникахъ совсѣмъ не упоминалось о революціонныхъ событіяхъ; послѣ кончины Лудовика XVI, благополучно восходилъ на престолъ своихъ предковъ Лудовикъ XVII,

* Какъ извѣстно, всѣ революціонные ужасы всегда производились *au nom de la nation*.

Бонапарте являлся главнокомандующимъ его войсками и т. п., то и въ историческихъ сочиненіяхъ дружественныхъ революціи, факты были не менѣе грубо извращаемы, отчасти по невѣжеству, отчасти по недобросовѣстной тенденціозности. * Ложныя устныя предавія переходили отъ современниковъ-очевидцевъ, раздѣленныхъ на нѣсколько враждебныхъ стамовъ и совсѣмъ неспособныхъ быть безпристрастными свидѣтелями, они переходили изъ рода въ родъ, по тѣмъ же пристрастнымъ колеямъ бѣлымъ, краснымъ и синимъ, и еще гуще раскрашивались; самые крупныя факты описывались или умалчивались, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, на основаніи хотя и письменныхъ и даже подлинныхъ и официальныхъ документовъ того времени, но *намеренно и систематически поддѣланныхъ дѣйствовавшими лицами.* ** Все это перепечатывалось изъ одной книги въ другую

* Въ видѣ рѣзкаго примѣра, мы можемъ указать на описаніе парижскаго возстанія 20го іюня 1792 года, этого перваго дня съ котораго началось царство демагогіи, въ *Histoire de la Révolution française* т. VI, Луи Ваана, который между прочимъ говоритъ что толпа вторгнувшаяся въ Тюверійскій дворецъ „никогда не показала болѣе безобиднаго настроенія, посреди самаго страшнаго безпорядка“ (*Jamais dispositions plus inoffensives ne se produisirent au sein d'un plus bizarre désordre*). Мортимеръ Терно, одинъ изъ очень немногихъ историковъ революціи работавшихъ надъ первоначальными историческими источниками, противопоставляетъ этому идеалистическому разказу дикія сатурналии этого дня, на основаніи подлинныхъ документовъ и письменныхъ показаній очевидцевъ. Уличная чернь состоявшая изъ всякаго сброда подпольнаго столичнаго міра, вышедшая изъ всякаго повиновенія власти, не только дотла въ этотъ день до послѣдней степени поруганія надъ личностью короля, но угрожала ему матеріальнымъ насиліемъ и даже опасностью его жизни. Онъ былъ спасенъ только необычайнымъ своимъ благодушіемъ и мужествомъ немногихъ его защитниковъ. При этомъ Мортимеръ Терно упоминаетъ также о противоположныхъ искаженіяхъ событій этого дня со стороны роялистской партіи (*Histoire de la Terreur*, V, p. 193).

** Все это обнаружено между прочимъ въ *Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795*, von Heinrich v. Sybel. Düsseldorf, 1859—70, и еще лучше въ упомянутомъ выше трудѣ Мортимера Терно, *Histoire de la Terreur*. Этотъ послѣдній авторъ представляетъ почти на каждомъ страницѣ замѣчательные факты поддѣлки не только современныхъ газетныхъ, но даже *официальныхъ и правительственныхъ* извѣстій. Такимъ образомъ, во время владычества Робеспьера, правительственное изданіе *Moniteur*, по его положительному распоряженію, из-

и съ теченіемъ времени пріобрѣтало все бѣльшую достовѣрность.

Все это обращалось однако въ пользу культа революціи, а никакъ не его гонителей. Очевидная для младенцевъ неправдивость официальной и ортодоксальной учебной литературы распалала жажду къ запретной, которая не могла не казаться воображенію юношескаго возраста тѣмъ ближе къ истинѣ чѣмъ болѣе она была скрывается и преслѣдуема и чѣмъ менѣе официальное преподаваніе давало отвѣтовъ на вольно пробуждавшіеся вопросы. Между тѣмъ крайности революціонной пролапанды возбуждали со стороны иныхъ руководителей народнаго просвѣщенія еще болѣе крайнее сокращеніе даже и этихъ скудныхъ отвѣтовъ на самый естественный запросъ любознательности, или еще болѣе смѣлое искаженіе исторической правды въ духѣ ланическаго страха революціонныхъ идей. Такъ налримѣръ было въ нашемъ отечествѣ въ сороковыхъ годахъ, когда даже политическая экономія изгонялась изъ университетовъ, какъ наука опасная, и украдкою преподавалась иными либералами между строкъ статистики. Тѣмъ съ бѣльшимъ напоромъ самые фанатическія ученія о революціи осаждали головы и учащагося поколѣнія и лублики, просачиваясь сквозь всякіе запреты и цензурныя постановленія. Къ революціоннымъ идеямъ, яко къ самымъ безкорыстнымъ и возвышеннымъ между всѣми ходячими политическими идеями, влеклись поневолѣ умы подраставшихъ поколѣній и великодушныя мечты молодости.

Еще не скоро, повидимому, войдетъ во всеобщее сознаніе та простая истина что ничѣмъ болѣе не можетъ быть придано

вращало всѣ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и сообщало въ благопріятномъ для него свѣтѣ факты. Всѣ парламентскія рѣчи передѣлывались. На это предъявлены Муртиеромъ-Терно не подлежація никакому сомнѣнію доказательства, какова отысканная имъ переписка между Робеспьеромъ и редакторомъ *Монитера* Гранвилемъ (*Histoire de la Terreur*, предисловіе, р. VI). Изъ *Монитера*, какъ изъ самаго достовѣрнаго источника, черпали самые добросовѣстные историки, а онъ издавался живо, въ духѣ каждой стоявшей у дѣлъ партіи. Какъ затруднительна историческая критика печатныхъ извѣстій революціоннаго періода можно судить по тому что между изложеніями парламентскихъ рѣчей въ разныхъ газетахъ оказываются самыя рѣзкія противорѣчія. Множество самыхъ важныхъ текущихъ обстоятельствъ совсѣмъ умалчивается въ тѣхъ или другихъ органахъ.

лжи подобія истинны въ глазахъ толпы какъ утаеніемъ ея и матеріальнымъ преслѣдованіемъ, ничѣмъ нельзя болѣе доказать и внушить уваженіе къ ней, какъ страхомъ ее обнаружить. То что окрываютъ отъ всеобщаго свѣдѣнія и преслѣдуютъ, по необходимости представляется публикѣ какъ неотразимая правда, которую вынуждены не скрывать тѣ кто имѣютъ потерпѣть отъ обнаруженія этой тайны. Однако при этомъ удивляетъ простодушіе не однихъ только тѣхъ кто по близорукости подерживаютъ ложь искусственными прелонами къ ея оглашенію и изобличенію, а также и еще болѣе удивляетъ простодушіе публики которая примѣняется ко лжи только потому что видитъ на нее гоненіе, и не хочетъ понять что мнѣніе или свѣдѣніе еще не дѣлаются истинными и уважительными только потому что противъ нихъ воздвигнуто преслѣдованіе или наложено на нихъ запрещеніе.

Слѣпая борьба революціонныхъ и антиреволюціонныхъ безсознательныхъ вѣрованій, религія революціи и религія реакціи, навесла много ущерба умственному и политическому развитію всей Европы, въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Она отозвалась даже въ Англіи (Ирландіи), хотя государственныя учрежденія и политическая зрѣлость англійскаго общества обезпечиваютъ эту страну отъ французскихъ революціонныхъ идей. Не говоря о романскихъ государствахъ, эти идеи имѣли значительное вліяніе даже на просвѣщенную Германію и затормозили успѣхи ея политическаго самосознанія и здравыхъ государственныхъ реформъ почти до эпохи пробужденія германскаго національнаго духа въ послѣднее десятилѣтіе. * Если и нельзя отнять у Французовъ той исторической заслуги что ими данъ былъ толчокъ политическому движенію всей континентальной Европы къ освобожденію изъ-подъ гнета отсталыхъ государственныхъ формъ

* Ср. Rudolf Gneist, *Der Rechtsstaat*. Berl. 1872. Авторъ между прочимъ разсматриваетъ вредное вліяніе французскихъ понятій возникшихъ изъ революціонныхъ бурь на развитіе государственнаго устройства и управленія, сообразно съ ихъ историческими и національными началами. Мы еще вернемся къ этой замѣчательной книгѣ, въ которой знаменитый ученый, несомнѣнно навсегда связавшій свое имя съ умственной исторіей и политическимъ сознаніемъ XIX вѣка, излагаетъ въ сжатомъ и ясномъ очеркѣ самыя существенныя государственныя требованія нашего времени и результаты всѣхъ своихъ предыдущихъ изслѣдованій.

предыдущихъ двухъ столѣтій (впрочемъ и это могло бы произойти иначе), то нельзя также сомнѣваться въ чрезвычайномъ вредѣ идей напущенныхъ на Европу французскою революціей. Этотъ вредъ заключался въ особенности въ наружномъ космополитизмѣ (универсальности) этихъ идей и съ тѣмъ вмѣстѣ въ ихъ туманной общности и неопредѣленности; * эти свойства преимущественно содѣйствовали быстротѣ распространения французскихъ революціонныхъ идей; ихъ обманчивая повсемѣстная удобопримѣнимость и формальная ясность были всего вредоноснѣе. Развитие англійской политической жизни имѣеть совершенно противоположныя свойства: ея всемірный духъ таится подъ множествомъ сложныхъ покрововъ, чисто мѣстнаго англійскаго склада, непонятнаго для чужеземцевъ. Подъ этими покровами не легко отыскать удобопримѣнимый ко всякому народу смыслъ англійской конституціи. Послѣ Монтеस्कье, впервые заговорившаго о ней въ Европѣ и схватившаго только нѣкоторыя совѣтъ второстепенныя ея принадлежности и результаты (напримѣръ, равновѣсіе и раздѣленіе властей), прошло болѣе двѣладо вѣка когда изслѣдованія Гнейста раскрыли историческія основы англійскихъ учрежденій и объяснили ихъ дѣйствительное внутреннее и всемірное значеніе. **

Упомянутыя нами свойства французскихъ революціонныхъ идей всего болѣе сбили съ толку Европу: эти свойства всюду посѣляли убѣжденіе въ удобопримѣнимости этихъ идей ко всякому мѣсту и времени и всюду вызвали стремленія подражать французской гражданской борьбѣ, какъ революціоннымъ величкіямъ, такъ и репрессивнымъ противъ нея мѣрамъ, даже самымъ формамъ государственнаго устройства и управленія возникшимъ изъ этой борьбы,—подражать всему тому что во Франціи имѣло свои печальныя причины и свой какой-нибудь разумъ, а во всѣхъ другихъ странахъ ничего этого для себя не имѣеть. Мы видѣли почтенныхъ представителей

* Таковъ напримѣръ лозунгъ *liberte, égalité, fraternité*. Подъ этими словами, исторически возникшими на французской почвѣ и на ней только имѣющими извѣстный смыслъ, можно понимать что угодно, какъ это и дѣлали всѣ партіи каждая присвоивая ихъ себѣ и толкуя по-своему.

** *Esprit des lois* Монтеस्कье издано въ 1747 года; а первый томъ Гнейста *Das heutige Englische Verfassungs-und Verwaltungsrecht* въ 1857 году.

мѣстнаго самоуправленія, чуть-чуть не на окраинахъ Азіи, посреди полукочевыхъ племень, воодушевлявшихся въ своихъ пререканіяхъ съ полиціею задоромъ меровъ Парижской коммуны; мы видѣли полицейскихъ чиновниковъ воображавшихъ, посреди толпы босыхъ рабочихъ прибѣгнувшихъ къ начальству для разчета съ обанкрутившимся подрядчикомъ, что они имѣютъ предъ собою французскихъ санкюотовъ; мало ль наконецъ видѣли мы у себя бюрократовъ искренне терзаемыхъ необходимою провести социальнo-демократическія мѣры чтобы не отстать отъ всеобщаго демократическаго движенія вѣка.* Всѣ эти чувства и мысли не грезы ни воображенія разстроеннаго французскою революціей?

По множеству причинъ, дѣйствіе французскаго революціоннаго броженія на наше отечество было весьма печальное, хотя у насъ дѣйствіе это не имѣетъ никакого политическаго и матеріальнаго значенія. Къ нашему крайнему Востоку прибываетъ всего болѣе лѣвы отъ западно-европейскихъ волненій, и самые грязные и негодные ихъ осадки, безпрерывно смываемые быстрыми теченіями западно-европейской жизни, надолго прилипаютъ къ нашимъ тихимъ берегамъ. Этому много способствуютъ условія нашего быта. Малообразованность русскаго общества во всѣхъ его сферахъ, въ соединеніи съ природною лонятливостью и смѣтливостью, благопріятствуетъ его лассивности предъ всякою новизною мнѣній и сужденій, принимаемыхъ на вѣру и безъ критики. Внутренно сознаваемая всѣми, хотя нынѣ и мало признаваемая у насъ, многовѣковая отсталость наша заставляетъ каждого осматриваться на Западъ и оттуда ожидать свѣта и истины. Это самый естественный историческій ходъ вещей, и въ немъ еще нѣтъ ничего невыгоднаго для нашихъ успѣховъ. Но отчасти вслѣдствіе географическаго разобщенія нашихъ необозримыхъ пространствъ съ западною Европою, отчасти (и это главное) вслѣдствіе неосновательности нашей школы, не воспитавшей въ насъ умственной самостоятельности, до насъ долетаютъ только самые крикливые голоса изъ всѣхъ областей жизни западно-европейскихъ народовъ и изъ всѣхъ ихъ политическихъ партій. Намъ всего болѣе доступны эти голоса, разчитывающіе на мгновенное дѣйствіе; мы всего болѣе

---

* Pour ne pas être débordée par les flôts de la démocratie qui monte, какъ живописно выражаются иные.

способны усвоивать себя понятія нарочно проповѣдуемыя толпѣ на языкѣ еѣ понятномъ (популярномъ) и всякія рѣшунія впечатлѣнія нарочно производимыя представителями всякихъ крайнихъ мнѣній. При этомъ глубокая умственная работа западно-европейскихъ народовъ, посреди которой вскакиваютъ эти мнѣнія какъ пузыри, иногда мимоходныя, весь умственный отлоръ который они тамъ ежеминутно встрѣчаютъ и о который разбиваются, все это остается намъ неизвѣстнымъ. Не разъ было замѣчено что и въ одной странѣ, и даже въ самой Франціи, всякія ликантыя и почему-либо эксцентрическія произведенія во всѣхъ областяхъ литературы, начиная отъ непристойной романической и до ученой, не пользовались такою любовью и не находили столько читателейъ какъ у насъ. Въ то время какъ у насъ непрерывно выпускались нѣсколькими изданіями сочиненія Прудона, Бокля,* безвѣстныхъ авторовъ популяризовавшихъ крайніе матеріалистическіе выводы иныхъ натуралистовъ, наконецъ брошюры по рабочему вопросу не имѣющія никакого смысла для Россіи, мы не имѣемъ переводовъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, ни старыхъ, ни новыхъ, по исторіи, политической экономіи и естествознанію. Предъ нашими глазами совершаются самыя комическія въ этомъ смыслѣ явленія, и мы къ нимъ такъ привыкли что они никакого не поражаютъ. Школьники еще не прошедшіе курса исторіи и малограмотные люди не прошедшіе никакой школы съ жадностью читаютъ *Исторію Цивилизаціи Англии* Бокля.

Всего оказаннаго еще мало чтобъ объяснить популярность у насъ всякаго крайняго и радикальнаго политическаго образа мыслей,** а потому и французскаго, отличающагося самими

* Этимъ мы конечно нисколько не думаемъ унизить дарованія и заслуги Бокля, и даже Прудона, несомнѣнно способствовавшаго движенію экономической науки. Мы хотимъ выставить только тотъ фактъ что самыя любимыя и распространенныя у насъ иностранныя писатели преимущественно тѣ которые отличаются вѣшною эффективностью рѣчи, относительною популярностью языка и пристрастіемъ къ такимъ парадоксамъ и послѣднимъ общимъ взглядамъ. Замѣчательно притомъ что Прудонъ извѣстенъ русской публикѣ по самымъ ничтожнымъ своимъ произведеніямъ.

** Одинъ извѣстный германскій государственный ученый, который ежедневно видитъ около себя представителей всѣхъ европейскихъ націй и который не смущается никакимъ радикализмомъ,

яркими цвѣтами. Это явленіе значительно обусловлено также совершеннымъ отсутствіемъ у насъ практической политической жизни, которая заставляла бы каждого любить на дѣлѣ истину своихъ мнѣній, отвѣчать за нихъ своими поступками, терпѣть отъ ихъ несостоятельности. Ничего подобнаго не испытываютъ наши политическіе мыслители, которые пользуются ничѣмъ не ограниченной волею принадлежать къ какой угодно партіи,—къ партіи воображаемой, когда въ дѣйствительности никакихъ политическихъ партій въ странѣ не имѣется, и потому ни отъ какихъ мнѣній никакихъ послѣдствій, кромѣ перебранокъ въ журналахъ, произойти не можетъ.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельстве касающемся болѣе серьезныхъ сферъ нашего быта и способствующемъ водворенію у насъ всякихъ радикальныхъ воззрѣній. Всѣ наши государственныя учрежденія неоднократно подвергались ломкѣ, къ которой у насъ является періодически всеобщая наклонность; она въ значительной мѣрѣ объясняется нашею историческою отсталостью, которая, обыкновенно при великодушныхъ починкахъ со стороны верховной власти, заставляетъ насъ по временамъ со страхомъ озираться на западную Европу и вдругъ приниматься за передѣлку всей нашей государственной обстановки. Въ такія эпохи мы какъ нельзя легче расстаемся со всякими традиціями, стыдимся нашего невѣжества и отсталости, и слѣшимъ возвести новыя зданія на мѣсто старыхъ, хотя духъ стараго жилья не скоро вывѣтривается изъ новыхъ стѣнъ и заставляетъ нѣсколько разъ ихъ снова перестраивать. Въ такіе моменты слѣшной законодательной и административной работы, оставившіе впрочемъ много достопамятныхъ слѣдовъ въ нашей государственной исторіи, приходится браться для реформы за тѣ руководящія политическія начала какія есть подъ рукой, хотя бы даже они и не достигли зрѣлости нужной для государственнаго дѣла. И вотъ случалось неоднократно что политическія идеи возникшія на чуждой намъ исторической почвѣ, и по преимуществу фран-

---

сообщалъ намъ съ крайнимъ удивленіемъ что между всеми русскіе, и молодые и зрѣлые, люди отличаются всегда относительною крайностью своихъ мнѣній. Это явленіе не можетъ не удивлять иностранцевъ справедливо признающихъ Русское государство и общество въ своемъ существѣ самыми консервативными въ Европѣ.

дузскія, политическія переливались въ нашу законодательную и административную область. Итакъ возрѣнія образовавшіяся посреди французской революціи и сама эта революція совсѣмъ не такъ безынтересны для нашей исторіи какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

А между тѣмъ нѣтъ государства въ Европѣ котораго характеръ менѣе соответствовалъ бы всѣмъ этимъ политическимъ понятіямъ заимствованнымъ изъ лексиконовъ французской демократіи и французской реакціи. Всѣ эти исторически намъ чуждыя идеи конечно безсильны къ порожденію и революціонныхъ потрясеній и даже самой реакціи во французскомъ духѣ; серьезнымъ образомъ, во глубинѣ своего сердца, никто не вѣритъ у насъ ни въ революцію, ни въ реакцію, хотя всѣ непрерывно играютъ этими словами. Поэтому можетъ-статься эта игра и въ революцію, и въ реакцію, въ разнузданіе и въ подтягиваніе общества, будетъ долго казаться у насъ невинною игрой, но какъ всякая неумѣстная игра въ понятія нешуточныя, она не можетъ быть безвредна. Дѣло въ томъ что всѣ эти идеи, *какъ всякія наукоуныя идеи*, отравляютъ общественную жизнь, и мало-по-малу проникаютъ внутрь. По самой меньшей мѣрѣ эти плевеы препятствуютъ созрѣванію здоровыхъ государственныхъ возрѣній, которыхъ мѣсто они занимаютъ, въ средѣ и безъ того слабой какъ теоретическою подготовкой къ государственному дѣлу, такъ и опытностью политическою.

Мы вынуждены были сдѣлать это невольное отступленіе отъ французской революціи къ неприступнымъ для нея твердынямъ нашего отечества чтобъ отразить нападеніе которому мы подверглись. Намъ дѣлали упрекъ что мы занимаемся совсѣмъ посторонними для Россіи, общими вопросами, и совѣтовали обратиться къ болѣе намъ нужнымъ частнымъ и отечественнымъ: о волостныхъ судахъ, подушной подати, вѣроятію также о сибирской язвѣ, пожарахъ и взаимномъ застрахованіи, объ общинѣ, льянствѣ и пр. и пр. * Нисколько не отрицая интереса всѣхъ этихъ часто русскихъ вопросовъ для нашей публики, мы позволимъ себѣ только усомниться чтобы всѣ они не имѣли ничего общаго съ занимающими насъ европейскими вопросами. Если сказаннаго еще недостаточно чтобъ убѣдить въ этомъ нашихъ критиковъ, то

* См. между прочимъ *Journal de St.-Petersbourg* 1872 года.

яркими дѣлами. Это явленіе значительно при даль-
же совершеннымъ отсутствіемъ у насъ французскою
тической жизни, которая заставила бы
дѣла истину своихъ мнѣній, отвѣчать
стулками, терлѣть отъ ихъ несосто-
наго не испытываютъ наши по-
рые пользуются ничѣмъ не огр-
къ какой угодно партіи,—к-
дѣйствительности никаки-
не имѣется, и потому
слѣдствій, кромѣ лег-
можетъ.

Упомянемъ ея
дѣе серьезныхъ
дворенію у
государ-
къ, кт
кло
до на взаимныхъ недоразумѣніяхъ представителей двухъ раз-
личныхъ категорій одной и той же государственной власти,
конечно неграбненно болѣе мирны и безопасны для обще-
степеннаго порядка чѣмъ французскія смуты; они до такой
степени мирны и безопасны что самое сопоставленіе тѣхъ и
другихъ явленій можетъ показаться по меньшей мѣрѣ смѣш-
нымъ. Такъ однако можетъ только казаться, и именно съ
точки зрѣнія отсталыхъ понятій связанныхъ съ революціей и
не вѣдающихъ ничего далѣе вещественныхъ формъ революці-
онныхъ взрывовъ и ихъ подавленія. Недоразумѣнія о кото-
рыхъ мы упоминали и которыя производятъ столкovenія
между казенными и выборными властями тѣ же въ своей суц-
ности какъ и конфликты Парижской коммуны съ француз-
скимъ государствомъ. Основные вопросы права ожидающіе
и въ томъ и другомъ случаѣ своего разрѣшенія тождествен-
ны. Если приговоры теоріи государственнаго права такъ еще
мало внушаютъ довѣрія, то можетъ-статься будутъ въ этомъ
отношеніи болѣе вразумительны слова самаго прозорливаго
государственнаго человѣка нашего времени. Князю Бисмарку
какъ-то случилось сказать что и въ программѣ французскихъ
коммуналистовъ есть песчинка истины: и эта песчинка есть
вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи которымъ преимуществен-
но и занято прусское правительство въ Альзасъ-Лотарингіи.
Значеніе этого несомнѣнно крупнѣйшаго вопроса нашего вѣ-

могло не быть достигнуто руководителемъ современной тому способствовали и его личные инстинкты къ окружающихъ обстоятельствъ, отличающіе реактивныхъ дѣятелей, и также продолжительнаго изслѣдованія этого вопроса которая происходила въ новѣйшее время въ Германіи. Точка зрѣнія области государственнаго управления и мѣны * дали ключъ къ уразумѣнію сдѣланныхъ во Французскомъ государствѣ. Эти три извѣстныхъ условія мѣста и времени — народныхъ массъ противъ правительства, индивидуальнаго и уличнаго безпорядокъ, при другихъ — пререканія и антагонизмъ властей, раслуцченность и административную неурядицу, въ томъ и другомъ случаѣ анархію, то-есть личный произволъ и насиліе, вмѣсто законнаго дѣйствія власти. Въ томъ и другомъ случаѣ вещественныя, видимыя для невооруженнаго глаза явленія могутъ быть совершенно различны, даже противоположны, а въ сущности они однородны и въ своихъ первоначальныхъ причинахъ тождественны. **

Тождественны эти разнообразныя историческія явленія и въ своихъ конечныхъ результатахъ для народовъ и государствъ: въ чрезвычайномъ замедленіи успѣховъ экономическихъ, умственныхъ и культурныхъ. Это замедленіе замѣ-

* Сверхъ уже упомянутого сочиненія Р. Гнейста (*Rechtsstaat*), см. въ особенности L. Stein, *Die Verwaltungslehre*, Stuttgart, 1867—1869 (преимущественно первую общую часть объ исполнительной власти и его же *Handbuch der Verwaltungslehre u. des Verwaltungsrechts*, Stuttgart, 1870 (краткое руководство, представляющее въ сокращенномъ видѣ вышеприведенное многотомное „ученіе объ управленіи“, до сихъ поръ еще неоконченное). Этотъ классическій трудъ Лоренца Штейна, едва ли не лучший до сихъ поръ по теоріи государственнаго управления, бросилъ совсѣмъ новый свѣтъ на самыя существенныя его стороны (въ особенности на взаимныя отношенія государственныхъ властей), какъ это между прочимъ признаетъ Гнейстъ (*Rechtsstaat*). Теорія адъсь непрерывно подкрѣпляется историческими сравненіями Великобританіи, Франціи и Германіи, которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ пользоваться.

** Мы надѣемся что многое представляющееся пока несомнѣннмъ яснымъ въ нашихъ словахъ значительно уяснится въ послѣдствіи когда будутъ изложены вопросы поставленные французскою революціей.

чается не тотчасъ, рѣдко самими современниками; оно оканчивается только послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, да и тогда приписывается либо разнымъ историческимъ случайностямъ, либо неспособности расы къ цивилизаціи. Это замедленіе въ историческомъ прогрессѣ націи тѣмъ менѣе замѣчается и тѣмъ менѣе приписывается устранимымъ недостаткамъ въ государственной организаціи, чѣмъ болѣе ея внутренніе пороки заслонены внѣшнимъ вещественнымъ порядкомъ въ государствѣ. Такъ было во Франціи въ теченіе всего XVIII столѣтія, почти включительно съ концомъ царствованія Людовика XIV до 1789 года.

Хотячя представленія прежняго времени о революціи были сосредоточены главнѣйше на внѣшней драматической обстановкѣ ея событій и на кровавыхъ ея манифестаціяхъ; отсюда и сложилось понятіе одинаково общее всѣмъ точкамъ зрѣнія, что вся историческая и политическая сущность этого недуга современныхъ народовъ заключается въ матеріальномъ насиліи со стороны тѣхъ или другихъ группъ общества противъ установленнаго вещественнаго государственнаго порядка, въ такъ-называемыхъ революціонныхъ взрывахъ или народныхъ возстаніяхъ. Однимъ нравятся, другимъ не нравятся эти катастрофы, одни ихъ призываютъ, другіе страшатся, одни агитируютъ чтобъ онѣ сдѣлались рано или поздно возможны въ государствѣ, для спасенія народа отъ такъ-называемой тирании власти и для водворенія въ немъ свободы; другіе напротивъ напрягаютъ всѣ пружины своей правительственной машины чтобы сдѣлать эти вещественныя нарушенія порядка невозможными и обезлечить могущество власти противъ насилія подвластныхъ. Какъ ни противоположны эти политическія воззрѣнія, но сущность понятій о предметѣ въ нихъ одна и та же.

Всѣ эти воззрѣнія весьма естественны когда въ историческомъ недугѣ государственнаго организма хотять видѣть только дѣйствіе какого-то таинственнаго болѣзненнаго начала. Нѣчто совершенно подобное было и въ медицинѣ до успѣховъ естественныхъ наукъ сдѣлавшихся ея основой въ нынѣшнемъ столѣтіи, — анатоміи и физиологіи съ одной стороны, химіи и физики съ другой; до тѣхъ поръ причина болѣзни представлялась неразложимымъ *болѣзненнымъ* началомъ заявлявшимъ свое дѣйствіе только въ наружныхъ симптомахъ. То же самое продолжается и до сихъ поръ въ невѣжествен-

вой средѣ: недуги человеческого тѣла обращаютъ на себя вниманіе простолюдина только сочувственными болѣзненными ощущеніями, ранами, увѣчьями и самыми крайними пароксизмами, иногда дѣйствительно угрожающими жизни, а иногда не опасными въ сравненіи съ другими аномальными жизненными процессами внутри организма. Такіе больные и имъ близкіе безпокоятся только объ этихъ внѣшнихъ признакахъ болѣзни, видятъ въ нихъ все существо недуга. Всѣ болѣзненныя явленія и ихъ первичные химическіе, физическіе, физиологическіе элементы во внутреннихъ органахъ, тканяхъ и сосудахъ, и ихъ отправленіяхъ, въ крови, ея составѣ и обращеніи, въ нервахъ и ихъ дѣятельности и пр., все это невѣдомая область для понятій несвѣтующаго страдальца. Между тѣмъ только чрезъ посредство этихъ явленій болѣзненное начало производитъ мучительныя ощущенія для организма; мало того, *только въ нихъ это начало и заключается*. Но несвѣдущій человѣкъ убѣжденъ въ необходимости дѣйствія медика не на эти явленія и въ необходимости спасенія его не отъ нихъ, то-есть не отъ болѣзни, а только отъ ея припадковъ.

Нѣтъ государства въ Европѣ которое въ своей организаціи и своемъ бытѣ могло бы считать себя совершенно свободнымъ отъ болѣзненныхъ условій которыми были подготовлены и которыми нынѣ поддерживаются терзанія несчастной Франціи; такой самоувѣренности не должно допускать уже одно то соображеніе что всѣ европейскія государства живутъ одною жизнью, что обобщеніе ея и взаимодѣйствіе всѣхъ народовъ,—умственное, экономическое и политическое,—безпрерывно возрастаютъ, и что въ виду глубокой болѣзни одного члена европейскаго общества никто изъ другихъ его членовъ не можетъ считать себя совершенно невредимымъ.

Нѣтъ сомнѣнія что открытыя вооруженныя возстанія гражданъ противъ органовъ государственной власти служатъ самыми яркими и вѣрными признаками революціоннаго положенія вещей въ государствѣ, но *только признаками или симптомами*. Только въ этомъ ихъ значеніи, *никакъ ни больше, ни меньше*, и слѣдуетъ брать ихъ въ соображеніе при изслѣдованіяхъ вопросовъ о революціи, а также въ политической практикѣ. Во всемъ томъ что сказано выше намъ хотѣлось преимущественно установить эту точку зрѣнія на революціонныя движенія; поэтому и желательно чтобъ она была обезпе-

чена отъ всякихъ недоразумѣній какія для иныхъ читателей легко могутъ возникнуть изъ нашихъ словъ. Такъ мы всего менѣе желали бы чтобъ изъ нашихъ разсужденій было выведено какое-либо заключеніе о *беззредности* народныхъ возстаній и всякихъ вещественныхъ революціонныхъ безпорядковъ, когда мы говорили только о маловажности ихъ *сравнительно съ причинами* или корнемъ зла котораго они являются только признаками. Уже какъ симлтоты недуга, они служатъ средствами для его изученія, а равно и руководствомъ и для всѣхъ мѣръ врачеванія, предупредженія, пресѣченія и даже излѣченія; но для этого они должны быть приведены въ связь съ коренными причинами зла, которыя могутъ быть очень далеки отъ непосредственныхъ поводовъ къ народному мятежу, къ вещественному сопротивленію власти, къ уличнымъ безпорядкамъ. Эти первоначальныя причины конечно существенноѣ послѣднихъ поводовъ къ общественному безпорядку, которыми, однако, почти исключительно интересуются всѣ практическіе возстановители общественной тишины и благочинія; эти-то причины нужно знать и изслѣдовать когда онѣ большею частію слишкомъ далеки и скрыты чтобъ ихъ можно было схватить на улицѣ, площади, въ клубѣ или даже въ квартирѣ заговорщиковъ, и на эти-то причины нужно дѣйствовать.

Далѣе нужно устранить еще слѣдующее недоразумѣніе: что бы сопротивленіе власти, самое открытое и даже вооруженное, было симлтотомъ революціоннаго движенія въ государствѣ, нужно чтобъ оно имѣло всѣ специфическія свойства такого симлтоты, а между ними самое существенное, положительное, неизмѣненное и сознательное отрицаніе *самаго принципа государственной власти*, отрицаніе его, хотя бы и не абсолютное,* какое выставляютъ на своемъ знамени самые крайніе представители европейской демагогіи, то по меньшей мѣрѣ отрицаніе принципа власти въ данной, исторической формѣ ея организаци (напримѣръ монархической въ монархіи), отказъ въ повиновеніи не тѣмъ или другимъ исполнителямъ закона и власти, а самому закону и власти какъ таковымъ. По этому пункту существуетъ также не мало самыхъ странныхъ и иногда смѣшныхъ заблужденій, при которыхъ иные блюстители порядка готовы принять за революціонное движеніе всякое на-

* То-есть отрицаніе права всякой государственной власти.

родное волненіе, всякую свалку, даже всякій шумъ и суматоху на улицѣ. Отъ этого смѣшенія понятій происходило много несчастій въ государственной жизни народовъ: къ отдѣльнымъ лицамъ или къ толпѣ, недовольнымъ только тѣми или другими исполнителями власти, сопротивляющимся только ихъ злоупотребленіямъ и незаконнымъ требованіямъ (правильно или неправильно недовольнымъ и сопротивляющимся, это совсѣмъ другой вопросъ), обращались какъ къ революціонерамъ. Народный мятежъ, бунтъ, возстаніе съ самыми кровавыми сценами, могутъ не имѣть ничего общаго съ революціоннымъ движеніемъ, быть даже антиреволюционными въ своемъ направленіи, когда въ нихъ нѣтъ отрицанія народомъ или его вожаками основныхъ началъ установленной въ государствѣ власти или намѣренія испровергнуть ихъ. Все это очень элементарно, но не всегда сознается въ административной практикѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна опять таки Англія (безъ Ирландіи), гдѣ самыя ожесточенныя и кровопролитныя народныя возмущенія не только междуусобныя, но и противъ представителей власти, даже съ направленіемъ положительно политическимъ, не имѣютъ революціоннаго характера, а лотому и оканчиваются самымъ обыкновеннымъ полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ, подобно всякой уличной дракѣ. Разгулъ грубыхъ народныхъ страстей можетъ доходить до крайнихъ выраженій безъ посягательства на основы государственной власти въ націяхъ не зараженныхъ въ своемъ внутреннемъ организмѣ ядомъ революціоннаго недуга. Совсѣмъ напротивъ во Франціи, гдѣ всякій уличный шумъ принимаетъ въ нѣсколько мгновеній направленіе къ испроверженію правительства и дѣйствительно всегда можетъ перейти въ такую катастрофу.

Изъ сказаннаго конечно не слѣдуетъ чтобы нарушенія общественнаго порядка не были сами по себѣ зломъ, и чтобы они не влекли за собою дурныхъ послѣдствій. Совсѣмъ мѣстная болѣзнь, вередъ отъ чисто-механическаго наружнаго поврежденія крайнихъ оконечностей органовъ и наружныхъ тканей, можетъ при небрежномъ съ нимъ обращеніи, и при нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ внутреннихъ условіяхъ организма (напримѣръ при худосочи), превратиться въ смертельный недугъ, который безъ этого могъ бы и не развиться. То же самое можетъ случиться и съ самыми обыкновенными и мѣстными нарушеніями общественнаго

порядка и благочинія, на примѣръ съ уличнымъ буйствомъ и безобразіемъ, гребжомъ, разбоемъ и пр., когда они безпрепятственно усиливаются и распространяются. Такъ на примѣръ, когда блюстители порядка и благочинія оказываются нерасположенными или безсильными къ исполненію своихъ обязанностей для охраны законнаго порядка, въ извѣстныхъ слояхъ общества укореняется привычка къ насилию, и все общество можетъ потерять уваженіе ко власти несостоятельной въ своемъ прямомъ призваніи обезпечивать безопасность лицъ и имущества; отъ одной власти къ другой неуваженіе можетъ распространиться до ея вершины, населеніе съ самыми мирными наклонностями можетъ, ради самообороны, пойти по опасному пути самоуправства и т. д. Въ исторіи революцій не мало всего этого: онѣ могутъ зачатъся съ урона государственной власти по ея собственной винѣ, по ея добровольной инициативѣ, по бездѣйствию и небрежности къ своему долгу.

Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи исторія французской революціи въ 1790—1792 годахъ, и въ особенности между 20мъ іюня и 10мъ августа 1792 года, какъ она сдѣлалась извѣстною намъ нынѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, парижская чернь всякаго рода, отъ головорѣзовъ и разбойниковъ въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, до нищей и праздноуличной толпы, приобрѣла привычку къ демонстраціямъ, къ такъ-называемымъ *journées*, которыя подъ водительствомъ якобинцевъ становились съ каждымъ днемъ все болѣе буйными и окончились низверженіемъ монархіи, а съ нею и народнаго представительства и всякой законной власти. Эта привычка къ уличнымъ безчинствамъ была систематически развита въ парижскомъ населеніи полнымъ бездѣствіемъ правительства, къ которому (и прямо къ королю и къ законодательному собранію) тщетно обращались, послѣ 20го іюня, изъ разныхъ краевъ Франціи, всѣ классы народа, съ самыми энергическими петиціями и адресами о подавленіи уличной демагогіи и восстановленіи уваженія къ закону и конституціи.* На той же необходимости водворенія законнаго порядка безплодно настаивалъ генералъ Лафайетъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ, предлагая королю свою шпагу и получивъ отвѣтъ

* *Histoire de la Terreur*, Т. II, pp. 1—33.

королевы: „лучше погибнуть чѣмъ быть спасенными Лафайетомъ, и конституціоналами“. *

По прежнимъ искаженнымъ исторіямъ этого времени, нельзя было понять какимъ образомъ вся Франція и даже большинство населенія въ самомъ Парижѣ оставались безгласными и равнодушными зрителями присвоенія столичною чернью, клубами и нѣсколькими ихъ вожаками, болѣе кровожадными чѣмъ талантливыми, верховной власти надъ цѣлою націей? Но этого и не было, какъ оказывается изъ подлинныхъ документовъ того времени, а было только полное бездѣйствіе власти, отчасти по предательству, а главнѣйше по внутреннему *безсилію*. Между тѣмъ отовсюду, даже изъ лагерей первоначально дружественныхъ революціи, раздавались громкіе голоса взывавшіе къ охранѣ порядка, не говоря даже объ энергическомъ меньшинствѣ законодательнаго собранія съ самоотверженіемъ преданномъ монархіи, и о значительномъ большинствѣ его готовомъ идти на защиту ея, вслѣдъ за рѣшительными людьми во главѣ правленія; отсутствіе всякой рѣшимости въ самомъ центрѣ правительства обезоруживало колеблющееся большинство народнаго представительства предъ наступомъ людей Горы, въ то время еще ничтожной въ собраніи; оно отымало духъ у должностнаго состава

* Тамъ же, Т. I, р. 290 *Mieux vaut périr, que d'être sauvé par La Fayette et les constitutionnels (Mém. de La Fayette, et Mém. de Mme de Campan)*; эти слова были сказаны Марією Антуанетой принцессѣ Еписаветъ (сестрѣ Лудовика XVI), совѣтовавшей: „забыть прошедшее, и съ доверіемъ броситься въ объятія единственнаго человѣка могущаго спасти короля и его семейство“. Отвѣтъ королевы чрезвычайно ярко рисуетъ ея характеръ и положеніе королевскаго семейства, предпочитавшаго надѣяться на цезарскую помощь и даже брататься съ демагогами (благодушныя бесѣды Лудовика XVI съ тоалою ворвавшеюся въ его кабинетъ 20го іюня 1792 и украшеніе своей головы красною шапкой, по собственному его желанію), чѣмъ чистосердечно соединиться съ ненавистною ему конституціонною партіей. Вообще пріездъ Лафайета въ Парижъ 28го іюня 1792 и всѣ подробности его тамъ пребыванія (пренія въ законодательномъ собраніи, сношенія его съ муниципальнымъ совѣтомъ и проч., см. тамъ же pp. 281 — 297) составляютъ любопытную страницу въ исторіи революціи въ моментъ ея поворота отъ анархіи къ террору. Характеристична апатія всѣхъ умѣренныхъ партій, которыя были гораздо многочисленнѣе крайнихъ и которымъ онъ отдавалъ въ распоряженіе и себя и войско для спасенія монархіи и Франціи.

администраціи, большею частію весьма не расположенной къ демагогіи, и въ столицѣ и въ провинціи, и оно не позволило развиться тому движенію къ отлору противъ революціи которое положительно возникало въ то время во всемъ Французскомъ народѣ, и даже во многихъ городахъ и муниципаль-ныхъ учрежденіяхъ.

Въ государственной исторіи Франціи не мало размышленій возбуждаетъ этотъ загадочный фактъ: всякое законное правительство въ ней изнемогаетъ каждый разъ когда необходима его энергія для охраны общества отъ буйства толпы; то же правительство выказываетъ необычайную способность къ энергической власти въ эпохи политическаго застоя и усилена общества, т.-е. когда оно наименѣе нуждается въ этой энергіи. Съ другой стороны, въ той же Франціи люди правящіе государствомъ не въ качествѣ законныхъ государственныхъ властей, а революціонныхъ или временныхъ, отличаются необычайною способностью къ энергическому подавленію демагогіи во всякихъ вооруженныхъ съ нею схваткахъ (юньскіе дни въ 1848 и борьба съ Парижскою коммуной въ 1873).

Свобода противопоставляемая порядку и даже законному порядку, партія порядка (*le grand parti de l'ordre*) противопоставляемая партіи свободы, куда заодно причисляются и революціонные дѣятели, вотъ одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ воззрѣній которыя возникли на французской революціонной почвѣ и оттуда распространились по Европѣ, породивъ столь вредное смѣшеніе понятій. Извѣстно что самое обыкновенное обвиненіе воздвигаемое приверженцами революціонныхъ идей на своихъ противниковъ есть обвиненіе въ *тиранніи*. Добросовѣстное и не добросовѣстное увлеченіе въ этомъ направленіи доходить до того что революціонеры провозглашаютъ тиранами самыхъ убогихъ представителей власти, подобныхъ Лудовику XVI, единственное государственное преступленіе котораго предъ своимъ народомъ и исторіей заключалось именно въ томъ что онъ не умѣлъ и даже не хотѣлъ пользоваться своею властью для твердой охраны общественнаго порядка. За то съ противоположной стороны, революціонеровъ всего болѣе обвиняютъ въ стремленіи къ *свободѣ*, въ чрезмѣрной якобы любви къ свободѣ; это обвиненіе до того бываетъ бессмысленно что даже деспоты и говорильцы демагогіи, всего менѣе заботившіеся о чьей бы то ни было свободѣ, осуждаются зиждителями и хранителями начала

власти главнѣйше за ихъ якобы фанатическую приверженность къ свободѣ. Мы видѣли что даже такіе писатели какъ Мишле не могли отказаться отъ этого противоположенія стремленій къ свободѣ стремленіямъ къ порядку и спокойствію. Во Франціи это воззрѣніе впрочемъ имѣетъ свое основаніе и свой смыслъ: вопервыхъ, періодическіе революціонные взрывы безпрестанно вынуждаютъ тамъ всѣхъ людей сколько-нибудь имъ враждебныхъ соединяться чтобы посреди анархіи водворить какой-нибудь вещественный порядокъ, и вовторыхъ, вслѣдствіе періодическихъ злоупотребленій диктатурою, всѣ люди сколько-нибудь и почему-нибудь ей не сочувствующіе, въ томъ числѣ и партіи желающія только перехватить власть въ свои руки, соединяются вмѣстѣ подъ пресловутое знамя свободы. Но это есть чисто мѣстное историческое явленіе; оно не всегда же будетъ продолжаться и въ самой Франціи. Только законный государственный порядокъ можетъ обезпечить прочнымъ образомъ свободу, то-есть свободу каждой человѣческой личности въ государствѣ, безъ нарушенія такой же точно свободы всѣхъ другихъ личностей; а эта свобода и есть порядокъ. Ничего иного подъ свободой, въ самомъ общемъ ея выраженіи, разумѣть нельзя. Достиженіе такого *законнаго порядка*, законнаго въ дѣйствительности, а не на одной только бумагѣ, — законнаго не потому только что изданы и существуютъ въ государствѣ законы, которые могутъ и не исполняться, вотъ весь политическій идеалъ * нашего времени, котораго еще не достигло ни одно европейское государство кромѣ Великобританіи. Такой законный порядокъ осуществляется не скоро, не просто, и не легко; онъ вырабатывается цѣлыми вѣками исторіи и каждымъ европейскимъ народомъ по-своему; онъ поддерживается цѣлымъ рядомъ государственныхъ учрежденій, сложныхъ и трудныхъ какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ (или управленіи). ** Такой порядокъ не можетъ быть водворенъ

* Мы говоримъ политическій или государственный, а не социальный идеалъ, который возбуждаетъ еще другіе вопросы. Объ этомъ мы еще будемъ говорить.

** См. между прочимъ указанія Гнейста на цѣлый рядъ такихъ учреждений которыя связываютъ въ Великобританіи законодательную, судебную и административную власть въ одно цѣлое, въ одинъ живой организмъ, и которыя упускаются совсѣмъ изъ виду разсуждающими о раздѣленіи этихъ властей въ этомъ государствѣ. См. R. Gneist, *der Rechtsstaat*, стр. 20—38.

голыми формулами или посредствомъ отвѣченной политической догматики стараго времени, и всего менѣ революціонной, а требуетъ продолжительной работы теоріи и государственной практики, которыя обѣ только совокупными и послѣдовательными условіями могутъ найти нужныя каждому народу *историческія національныя формы* для водворенія въ его государственномъ бытѣ этихъ идеальныхъ и общечеловѣческихъ началъ справедливости. Однимъ торжественнымъ провозглашеніемъ въ учебникѣ государственнаго права или даже въ законѣ, эти начала никакъ не привьются къ народной жизни. Наконецъ, сверхъ законовъ, учреждений и ихъ дѣятельности, нужны извѣстныя понятія, нравы и обычаи въ самой общественной средѣ, а все это лишь настолько зависитъ отъ законодателей и правительствъ насколько отъ нихъ зависятъ услуги народнаго воспитанія и образованія; революціонныя же потрясенія всего пагубнѣе въ этомъ отношеніи. Сознаніе всего этого было чуждо революціонной Франціи XVIII вѣка, и оно принадлежитъ къ лучшимъ пріобрѣтеніямъ государственныхъ наукъ нашего времени.

Мы затронули много вопросовъ связанныхъ съ исторіей революціи и показали къ какому смѣшенію понятій можетъ вести поверхностное разсмотрѣніе ихъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ до послѣдняго времени воззрѣній. Мы видѣли болѣзненныя явленія въ государственной жизни народовъ, однородныя съ революціоннымъ недугомъ въ своихъ причинахъ и совсѣмъ разнородныя во внѣшнихъ признакахъ (напримѣръ антагонизмъ между органами самоуправленія и центральной администраціей и ея бюрократическими органами, и революціонныя притязанія общинъ на верховную власть). Съ другой стороны, мы видѣли противоположныя явленія: одинаковыя съ революціонными въ своихъ наружныхъ формахъ и признакахъ и ничего не имѣющія съ нимъ общаго въ своихъ причинахъ (напримѣръ уличныя безпорядки и народныя волненія порожденныя невѣжествомъ или буйствомъ, но не имѣющія политическаго характера, или вызванныя злоупотребленіями должностныхъ лицъ, но далекія отъ всякаго посягательства на права верховной власти). Очевидно что для предупрежденія и прекращенія тѣхъ и другихъ явленій требуется совсѣмъ иной образъ дѣйствій, а первымъ условіемъ для выбора соответствующихъ случаю мѣръ должно быть

различіе, распознаніе этихъ явленій, то-есть, выражаясь языкомъ медицинскимъ, діагноза, безъ которой мало-мальски свѣдущій врачъ не начинаетъ лѣченья.

Итакъ, для самой государственной практики необходимо теперь безпристрастное научное изслѣдованіе французской революціи.

Но здравыя сужденія о революціи еще недавно были почти невозможны. Исторія французской революціи представлялась не иначе какъ съ точки зрѣнія разныхъ участвовавшихъ въ ней интересовъ и партій. Такова была даже ученая литература революціи. Каждая политическая партія, каждая революціонная секта имѣла свою исторію революціи, и разсматривали всѣ ея перипетіи и вопросы въ духѣ собственныхъ интересовъ.

Не говорю уже о произведеніяхъ фантазіи какъ *Исторія Жирондистовъ* Ламартина. * Однакоже и эта книга, написанная въ видѣ поэмы, явилась въ свое время политическимъ событіемъ въ Европѣ и потрясла своими впечатлѣніями весь образованный міръ въ 1847—1848 годахъ. Эти впечатлѣнія, еще болѣе смутныя чѣмъ политическія понятія самихъ жирондистовъ, получили силу руководящихъ идей, нѣсколько времени управлявшихъ судьбами Франціи. Юное поколѣніе съ жадностью бросилось на это произведеніе. А изъ этого поколѣнія, не вездѣ такъ скоро отрезвившагося какъ въ Германіи, вышли дѣятели на всѣхъ поприщахъ; вмѣсто положительныхъ государственныхъ знаній, какія были имъ необходимы для дѣла и могли быть съ пользою для каждаго государства выведены изъ исторіи французской революціи, они получили изъ нея только грезы воображенія, которыя, разсѣваясь съ лѣтами, оставляли по себѣ, въ лучшемъ случаѣ, совершенную пустоту.

Другія сочиненія, посвященныя французской революціи, съ виду болѣе серьезныя и вооруженныя внѣшнимъ аппаратомъ учености выходили во множествѣ томовъ въ теченіе столѣтій лѣтъ; всѣ они имѣютъ характеръ памфлетовъ для революціонной пропаганды разныхъ оттѣнковъ. Первое между ними мѣсто занимаетъ сочиненіе Луи Блана, ** отличающееся

* A. de Lamartine, *Histoire des Girondins*. Ergo же. *Histoire des Constituans*. Paris, 1855.

** Louis Blanc, *Histoire de la Révolution française*.

самою крайнею революціонною краскою. Это сочиненіе чрезвычайно распространено и пользуется до сихъ поръ авторитетомъ во всѣхъ малообразованныхъ кругахъ (въ томъ числѣ и у насъ) и даже между людьми нисколько не революціоннаго образа мыслей. Иные читатели, ни мало не сочувствуя автору который находитъ возможнымъ оправдывать всѣ ужасы революціи, или какъ дѣянія нравственныя и благодѣтельныя для человѣчества, или какъ неизбежныя проявленія священнаго революціоннаго духа, не легко могутъ себѣ представить что такой обширный, многолѣтній трудъ, испещренный цитатами, не заключаетъ въ себѣ вѣрнаго изложенія даже главныхъ фактовъ. Между тѣмъ книгѣ этой не достааетъ самой элементарной правдивости, отчасти вслѣдствіе недостоверности источниковъ, а главнее вслѣдствіе намереннаго искаженія событій: въ этомъ преступленіи на всякомъ шагу уличаетъ Луи Блана новѣйшій изслѣдователь исторіи французской революціи, Мортимеръ-Терно. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ претендуетъ на философское глубокомысліе взгляда. Во всемірной исторіи онъ видитъ преемственное развитіе трехъ началъ: авторитета, индивидуализма и братства, которое окончательно возвѣщается міру французскою революціей въ ея самыхъ крайнихъ разливахъ! Историческій прогрессъ долженъ будто бы упразднить развитіе свободы человѣческой личности (индивидуализма)* у образованныхъ народовъ. Но именно эта манера писать исторію всего болѣе придаетъ популярности сочиненіямъ имѣющимъ фальшивыя притязанія на ученость. Историческія событія расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ, по идеямъ и принципамъ которые они осуществляютъ, являясь одно за другимъ на сцену, будто театральныя декорации, легче усваиваются большинствомъ читателей и болѣе запечатлѣваются въ ихъ памяти.

Въ томъ же родѣ, съ предвзятыми взглядами, и въ духѣ поклоненія идеаламъ революціи, написаны двѣ другія относящіяся къ той же группѣ обширныя исторіи Мише и Э. Кине. ** Оба они гораздо умѣреннѣе Луи Блана въ своемъ

* Это странное понятіе встрѣтило впрочемъ въ свое время рѣзкія возраженія даже въ революціонномъ лагерѣ, не считкомъ чувствительномъ къ вопросамъ о личной свободѣ.

** J. Michelet, *Histoire de la Révolution française*; E. Quinet, *La Révolution*. Это послѣднее сочиненіе вышло въ 1868 лѣтѣмъ издаваніемъ, значительно измѣненнымъ противъ предыдущихъ.

революціонномъ направленіи и болѣе строго въ осужденіи революціонныхъ дѣятелей и ихъ кровавыхъ подвиговъ; но первоначальная разработка и критика источниковъ чужда и этимъ писателямъ. Талантливость изложенія, поэтическія прікрасы, увлекательность французскаго слога, распространили эти произведенія, и ихъ вліяніе не скоро уступаетъ новымъ, болѣе трезвымъ воззрѣніямъ.

Мы не имѣемъ претензіи дѣлать полный очеркъ литературы французской революціи, а хотѣли только указать нѣкоторыя характеристическія ея черты. Чтобы дополнить понятіе о нихъ, нужно сказать что нѣтъ столь гнусныхъ преступленій въ исторіи революціи которыя бы не нашли себѣ анологіи во французской литературѣ, даже серіозной. Такъ напримѣръ сентябрьскія убійства 1792 года (*les martyres de septembre*) едва ли не превзошли изысканіемъ невинныхъ жертвъ жестокость инквизиціи; они производились нисколько не политическими фанатиками, какъ это разказывалось въ прежнихъ исторіяхъ, а просто разбойниками и грабителями, изъ корысти и кровожадности, какъ это нынѣ вполнѣ доказано;* эти убійства возводились и степень патриотическихъ доблестей людьми честными и писателями извѣстными и весьма уважаемыми, напримѣръ А. Эскиросомъ, или писателями второстепенными, но далеко не послѣдняго разбора, какъ Марастъ и Дюлонъ. **

Въ виду всего этого приходится только удивляться до какого развращенія способно доходить человѣческій умъ подъ дѣйствіемъ идеи фанатически заразившей его, и до

---

* Это совершенно доказано Мортимеромъ-Терно, въ его III томѣ исторіи Террора. *Напомнимъ* изъ всякаго сброда сборки (въ томъ числѣ и шпіоны прежней полиціи), ничего не имѣющіе общаго съ *патриотами*, хотя бы и фанатическими, какими ихъ величали, совершали эти убійства за определенную въ точности плату. Ихъ посылали вожаки революціонной коммуны (Марастъ, Робеспьеръ, Дантонъ, и проч.), также нисколько не вслѣдствіе фанатическаго революціоннаго воодушевленія, а для наведенія ужаса, нужнаго ихъ личнымъ властолюбивымъ цѣлямъ. Такова вся исторія Террора.

** Alphonse Esquiros, *Histoire des montagnards*. Авторъ восхваляетъ Парижскую коммуну, *освободительную* тюрьмы. А Marraст и Dupont называютъ сентябрьскія убійства *grand acte de justice populaire* въ своемъ сочиненіи *Fastes de la Révolution*. Мы дѣлаемъ эти ссылки по Мортимеру-Терно (*Histoire de la Terreur*, Т. III, р 183).

какой степени дѣлае общество можетъ быть настроено въ томъ же направленіи, въ извѣстные періоды политическаго броженія, если посреди него безбоязненно проповѣдуются подобныя доктрины людьми которые несомнѣнно дорожатъ своею нравственною репутаціей. Такимъ періодомъ въ Европѣ вообще и въ особенности во Франціи были сороковые годы, которымъ почти исключительно принадлежитъ, или по времени изданія или по именамъ авторовъ, дѣйствовавшихъ на политическомъ полрищѣ, вся эта революціонная историческая литература.

Мы говорили до сихъ поръ о сочиненіяхъ прямо предназначенныхъ для революціонной или политической пропаганды, которая впрочемъ господствовала въ исторической литературѣ революціи. Но даже такія авторитетныя изданія какъ напримѣръ *Парламентская исторія* Бюшеза и Ру, * долженствовашія оставаться чуждыми всякой тенденціозности и послужившія въ качествѣ сборниковъ достовѣрныхъ матеріаловъ всѣмъ историкамъ, заключаютъ въ себѣ важные пропуски и грубыя искаженія въ подлинныхъ документахъ, дающіе совсѣмъ иной видъ событіямъ. Справедливо пользовавшаяся наибольшимъ уваженіемъ исторія французской революціи Минье ** не была свободна отъ идей и увлеченій революціи. Будучи въ своихъ намѣреніяхъ совершенно далекъ отъ духа революціи Минье описываетъ однако же съ положительнымъ сочувствіемъ, почти съ восхищеніемъ *** знаменитое засѣданіе третьяго сословія 23го іюня 1789 года въ Версапѣ, когда его члены **** отказались повиноваться королевской власти кассировавшей ихъ предыдущія противозаконныя постановленія и требовавшей чтобъ они разошлись и продолжали свои занятія въ качествѣ представителей сословія, а не націи. А между тѣмъ это былъ пер-

* Bucher et Roux, *Histoire parlementaire*. О погрѣшности этого изданія мы говоримъ также на основаніи указаній Мортимера-Термо, вполнѣ имъ доказанныхъ.

** Mignet, *Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814*; это сочиненіе вышло въ 1847 году двадцатымъ изданіемъ.

*** *Hist. de la Révol. française*, T I, Chap. I (p. 50).

**** Послѣ провозглашенія себя (въ засѣданіи 17 іюня), совокупно съ остальными двумя сословіями, національнымъ собраніемъ (представителями народа), на мѣсто генеральныхъ штатовъ (представителей сословія).

вый открытый революціонный актъ, одновременный съ первымъ государственнымъ ударомъ * (*coup d'état*); отсюда пошли и тѣ и другія продолжаясь до настоящаго дня. Въ этомъ засѣданіи, представители третьяго сословія или общины совершили начальный революціонный фактъ: они самовластно объявили себя представителями всего Французскаго народа (пригласивъ въ свою среду представителей духовенства и дворянства), присвоили своему собранію верховную власть, вырвавъ ее изъ рукъ короля и провозгласивъ его своимъ уполномоченнымъ. ** Въ послѣдствіи неотразимою логикою революціонныхъ движеній верховная власть была перенесена въ распоряженіе избирателей, всего народа, и наконецъ даже, по ученію Марата *** и террористовъ, въ распоряженіе всякой *доли народа*, т.-е. всякой толпы собравшейся на улицѣ или въ клубѣ. Первое революціонное насиліе послѣдовательно развилось до этой анархіи понятій и этой анархіи власти. Корона сперва добровольно подчинилась этому насилію, т.-е. признала его, потомъ стала отбиваться отъ него, наконецъ снова подчинилась ему. Въ этотъ день впервые была порвана историческая нить законности во французскомъ государственномъ строѣ и заложена первая завязь революціи; этимъ была также впервые, и почти руками самого монарха подчинившагося собранію, подорвана Французская монархія въ самомъ своемъ основаніи, такъ какъ монархъ по существу своей власти не можетъ быть и нигдѣ не есть въ представительныхъ монархіяхъ уполномоченнымъ отъ народныхъ представителей, т.-е. начальникомъ исполнительн. власти (*chef du pouvoir exécutif*) каковымъ привыкли съ того дня называть короля во Франціи. Также точно народное представительство въ монархіи не можетъ по своему существу обладать верховною властью, и отнюдь не обладаетъ ею въ англійской конституціи, сдѣлавшейся прототипомъ всѣхъ другихъ.

* Послание короля.

** *Qui vous fait ce commandement? Votre mandataire*, сказалъ Мирабо въ своей рѣчи, сдѣлавшейся рѣшеніемъ всего собранія. Чтобы Мирабо могъ спасти Францію и монархію, согласно политическимъ началамъ которыхъ онъ въ послѣдствіи излагалъ, онъ долженъ былъ стать во главѣ правленія раньше этого.

*** *Toute portion du peuple.*

Съ этого перваго шага французской революціи пошла лутавица въ отношеніяхъ королевской власти и народнаго представительства; обѣ стороны сбились съ пути, лишились каждая (корона столько же какъ и народное представительство) законной подъ собою почвы. Фактически народное представительство начало съ 23го іюня 1789 года законодательствовать, творить судъ и управлять Франціей, соединило въ себѣ всѣ прерогативы верховной власти, а корона утратила всякое значеніе и являлась какъ бы стнивтею вѣтвью стараго дерева котораа могла быть только помѣхой его росту.

Тьеръ весьма правильно называетъ засѣданіе третьяго сословія 23го іюня 1789 года *первою революціей* * во Франціи; однакоже и Тьеръ какъ Мишь все-таки горячій приверженецъ этой первой революціи, этихъ великихъ принциповъ 1789 года, какъ почти всѣ Французы того времени, будучи какъ и Мишь самымъ отъявленнымъ врагомъ всѣхъ послѣдующихъ революцій. ** Поклоненіе этимъ *великимъ принципамъ* до того вошло въ плоть и кровь Французовъ, по крайней мѣрѣ въ поколѣніяхъ непосредственно воспитанныхъ на традиціяхъ XVIII вѣка, что не только революціонная имперія опиралась по необходимости на эти начала, но и такъ-называемая іюльская монархія, во главѣ которой находилась потомокъ старой династіи. Герцогъ Орлеанскій, сынъ и наследникъ короля Лудовика-Филиппа, поучаетъ въ своемъ завѣщаніи сына что суждено ли ему быть королемъ или простымъ гражданиномъ, онъ долженъ быть прежде всего *страстнымъ и исключительнымъ служителемъ революціи* (serviteur exclusif et passionné de la Révolution), *даже болше чѣмъ служителемъ своей церкви!* *** Надо думать что тутъ идетъ опять-таки рѣчь только о революціи 89 года, а не о послѣдующихъ, которыя привели на эшафотъ роднаго дѣда автора этого завѣщанія. Оставляя пока въ сторонѣ личный вопросъ объ этой королевской династіи, проповѣдовавшей религію революціи,

* A. Thiers, *Histoire de la révolution française*, Bruxelles, 1845, T. 1, p. 59.

** За исключеніемъ іюльской 1830 года, которая въ XIX вѣкѣ опять признается законною французскими умѣренными либералами, отрицающимися отъ другихъ революцій этого же вѣка.

*** См. отрывокъ изъ политическаго завѣщанія герцога Орлеанскаго въ письмѣ г. Марсеа Барта.

той самой революціи которая снесла всѣхъ родоначальниковъ этой династїи, мы указываемъ здѣсь на этотъ фактъ только какъ на самое характеристическое свидѣтельство развитія революціоннаго духа во французскомъ обществѣ. Вопреки завѣщанію евоего отца или нѣтъ,—мы объ этомъ судить не беремся,—но нынѣшній представитель Орлеанскаго дома поступилъ несравненно сообразнѣе и съ достоинствомъ своимъ и съ интересами Франціи преклонившись предъ единственнѣмъ представителемъ монархическаго принципа во Франціи, наследникомъ старшей Бурбонской линїи. Другой законной монархіи не можетъ быть, а *незаконную монархію* трудно принять.

Когда рѣчь идетъ о „великихъ принципахъ“ 89 года, то обыкновенно смѣшивается самое содержаніе этихъ началъ, внесенныхъ во французское законодательство учредительнымъ собраніемъ 1789 года, съ тѣми способами какими производились эти реформы. Революціонный характеръ заключается именно въ этихъ способахъ. Политическія идеи которыми генеральныя штаты руководились, дозволяя себѣ эти способы дѣйствія, были чисто революціонныя. Но эти идеи или эти начала 1789 года,—тѣ самыя отъ коихъ пошло все дальнѣйшее развитіе событій, по доктринѣ священнаго права инсurreкціи или народнаго самодержавія, и переломали все французское государственное зданіе,—отнюдь не должно отождествлять съ реформами принятыми французскимъ законодательствомъ 1789 года. Въ этихъ реформахъ какъ государственнаго такъ и гражданскаго права, а также и въ экономическихъ, если не все, то многое несомнѣнно важно и было необходимо для обновленія Франціи. Здѣсь главное и первое мѣсто занимаетъ упраздненіе сословныхъ привилегій и перерожденіе среднѣвѣковаго сословнаго общества въ новѣйшее гражданское. Но между этими реформами и революціонными способами какими онѣ совершились нѣтъ ничего общаго. Сверхъ того, въ этихъ реформахъ 1789 года не было ничего и совершенно новаго, впервые будте бы провозглашеннаго во Франціи. И прежде, и послѣ французской революціи тѣ же самыя принципы и гражданскаго и государственнаго права водворялись въ другихъ государствахъ правильнымъ и мирнымъ способомъ безъ перерыва исторической нити развитія законнаго государственнаго порядка. Если даже признать что Франція вышла обновленною новыми началами гражданской

и политической жизни изъ своего страшнаго десятилѣтняго кризиса 1789—1799 года, то это нисколько не причина возводить самый этотъ кризисъ и его особенныя историческія условія въ политическую доктрину, будто бы годную для назиданія другихъ народовъ. А именно это и дѣлала старая революціонная и историческая школа.

„Упраздненіе феодальной системы было закваской которая бродила въ политической жизни Франціи со смерти Людовика XIII до дня открытія генеральныхъ штатовъ (въ 1789 году). Сопротивляться (этому процессу броженія) или замедлять (его) не было возможности“, говоритъ Гейнрихъ фонъ-Зибель. * Вотъ въ краткихъ словахъ настоящій историческій взглядъ на французскую революцію. Французское правительство и съ нимъ монархическая власть долго сопротивлялись естественному и здоровому развитію Французскаго государства, отчасти положительно, противными этому развитію мѣрами, отчасти отрицательно, своимъ бездѣйствіемъ (въ теченіи всего XVIII вѣка), своимъ отсутствіемъ въ государственной жизни, въ исполненіи функций принадлежащихъ правительству и власти, и столкновение ихъ съ естественнымъ процессомъ этой жизни, съ самою исторіей, то-есть съ ея непреложнымъ ходомъ, сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Чтобы видѣть несостоятельность прежнихъ историческихъ трудовъ по французской революціи, достаточно только сравнить изложеніе перваго революціоннаго акта (засѣданія третьяго сословія 23го іюня) и солутствовавшихъ ему событіи у Тьера и Минье съ тѣмъ же изложеніемъ у Зибеля. Разказы первыхъ двухъ покажется теперь дѣтскимъ послѣ того строгаго анализа всѣхъ историческихъ элементовъ французскаго общества и государства вступившихъ въ борьбу въ 1789 году какой мы находимъ у Зибеля, несмотря на краткость его повѣствованія. Разказавъ и объяснивъ самовластное дѣйствіе представителей третьяго сословія, Зибель, не принимая на себя адвокательства ни той, ни другой стороны, говоритъ между прочимъ: „....Это воспрещеніе (собраться въ качествѣ народнаго представительства, а не сословнаго) было первымъ и послѣднимъ словомъ этого засѣданія. Это было от-

* Heinrich von Sybel, *Geschichte der Revolutionszeit*, B. I, p. 71.

реченіе монархіи въ пользу дворянства. Это была слача государства на руки привилегированныхъ сословій. Этотъ пунктъ, все собою опредѣляющій, оставлялся безъ всякаго вниманія въ прежнихъ представленіяхъ этихъ событій. Но онъ рѣшилъ собою всю цѣну всѣхъ прочихъ обѣщаній короля, которыя навѣрное должны были оставаться только обѣщаніями при системѣ трехъ сословныхъ собраній.“ *

Невозможно не придавать первостепенной важности этому взгляду знаменитаго историка освѣщающему главную катастрофу 1789 года, о которую разбилась французская королевская власть послѣ тысячелѣтняго своего существованія. Эта власть, какъ всякая монархическая власть, не можетъ безъ самоубійства подчинить себя правамъ отдѣльныхъ сословій; она по своему историческому призванію есть хранительница и представительница нравъ всего народа; потому только она и есть власть верховная. Это свое историческое призваніе понимала и исполняла французская корона въ прежніе вѣка исторіи, но отъ него она отреклась въ ту самую минуту когда сознаніе этого призванія было всего болѣе для нея нужно. Лудовикъ XVI, конечно безсознательно, ринулся въ эту бездну, послѣ того какъ самъ, въ началѣ своего царствованія, или по крайней мѣрѣ его правителя (Тюрго) отъ его имени, торжественно заявили народу и всячески старались пробудить въ немъ мысль объ его угнетеніи привилегіями высшихъ сословій и о необходимости его освобожденія. **

Исторія революціоннаго времени съ 1789 до 1800 года, г. фонъ-Зибеля *** была первою исторіей французской революціи которая соответствовала зрѣлости историческихъ, государственныхъ и экономическихъ понятій нашего времени. Ими пользуется авторъ для объясненія историческихъ событій

* Тамъ же, р. 56—57.

** См. въ особенности объ этомъ А. de Tocqueville, *L'ancien régime et la révolution*.

*** Сочиненіе это было уже не разъ нами цитовано. До сихъ поръ въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1859 по 1870) вышли три тома и первая часть четвертаго (до итальянскихъ походовъ Бонапарта, битвъ при Арковѣ и Риволы включительно). Весьма желательна для отрезвленія многихъ понятій въ нашемъ обществѣ о французской революціи издавіе этого классическаго труда на русскомъ языкѣ; нельзя думать чтобъ этому встрѣтились цензурныя препятствія.

которыя такъ глубоко потрясли всѣ отношенія права государственнаго управленія, церкви, религіи и нравственности въ обществѣ, и которыя были вмѣстѣ послѣдствіемъ историческаго развитія всѣхъ этихъ отношеній во Франціи. По близости времени появленія упомянутаго труда, образованная и учащаяся публика слишкомъ недавно получила возможность ознакомиться съ французскою революціей во всей ея исторической правдѣ. Но и этотъ трудъ еще далеко не могъ сдѣлаться достояніемъ всего читающаго міра. Во всякомъ случаѣ онъ еще недостаточенъ для полнаго освобожденія отъ всѣхъ ложныхъ представленій которыми такъ глубоко заразили все европейское общество прежніе историки. Сочиненіе Зибеля слишкомъ кратко по своему фактическому изложенію. Для того чтобъ онъ могъ приобрести надлежащую полноту, ему должна была предшествовать коренная переработка и критика всѣхъ первоначальныхъ матеріаловъ и документовъ революціи, на которые, по выраженію г. Мишле, легло столько слоевъ грязи и мистификаціи. Г. Зибель могъ имѣть личный доступъ только къ нѣкоторымъ источникамъ. Да впрочемъ его трудъ имѣлъ и задачу совсѣмъ иную.

Трудную работу критической провѣрки источниковъ исполнилъ членъ Французскаго Института, Мортимеръ-Терно. Онъ произвелъ формальное слѣдствіе надъ революціей и ея дѣятелями, и первый возстановилъ до мельчайшихъ подробностей историческую правду этой эпохи. * Она оказалась чрезвычайно жесткою для исповѣдниковъ революціи всѣхъ безъ изъятія толковъ. Авторъ не говоритъ бездоказательно ни одного слова, и изобличаетъ ложь всѣхъ прежнихъ сказаній на основаніи историческихъ матеріаловъ достовѣрность которыхъ не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію. Повтому-то и не весело было его слышать мистификаторамъ исторіи революціонной религіи. Правда беретъ однако свое. Главная заслуга труда Мортимера-Терно—сбораніе и опубликованіе реставрированныхъ имъ отъ исторической лорчи документовъ, и трудъ его остается навсегда приобрѣтеніемъ науки, какъ бы ни измѣнялись общіе взгляды на событія. Мрачный очеркъ революціонныхъ событій нѣмецкаго, къ тому же прусскаго историка казался вари-

* Такъ часто цитованный трудъ Мортимера-Терно: *Histoire de la Terreur 1792—1794* начался изданіемъ въ 1868 году и окончился въ 1869 году на седьмомъ томѣ.

сованнымъ рукою иноземца, недоброжелательномъ ко Французской націи; но теперь исчезла для жрецовъ революціи и эта возможность отводить глаза толпы отъ истины: картина написанная Французомъ, и притомъ съ помощью матеріаловъ какихъ не было въ рукахъ г. Зибеля, вышла несравненно болѣе отвратительною для нравственнаго чувства. Иначе и быть не могло, когда предъ нами раскрываютъ нравственныя язвы произведенныя въ человѣческомъ обществѣ полнымъ разгуломъ страстей и пороковъ какое только испытала Европа въ послѣдніе вѣка.

Трудъ Мортимера-Терно останется доказательствомъ того что зараза эта постигла не все французское общество когда оно, въ лицѣ своихъ членовъ патріотически преданныхъ своему отечеству, способно къ такому самообличенію и вмѣстѣ къ такимъ монументальнымъ ученымъ работамъ.

Къ несчастію, трудъ Мортимера-Терно, за смертью автора, не оконченъ. Кромѣ того, сосредоточившись главнѣйше на разработкѣ матеріаловъ и фактовъ, Мортимеръ-Терно не ставилъ себѣ задачею написать полную исторію революціи; такого творенія приходится еще ожидать отъ будущаго. Всѣ раскрытые теперь факты революціоннаго періода XVIII столѣтія необходимо связать въ одно живое цѣлое съ предыдущею исторіей Франціи и съ послѣдующими революціонными движеніями въ нынѣшнемъ столѣтіи; затѣмъ, послѣ приведенія въ порядокъ громадной массы нынѣ накопившагося фактическаго матеріала, нуженъ анализъ внутренняго содержанія событій, ихъ значенія въ религіозной, государственной, юридической и экономической исторіи Французской націи и Европы. Нужно изслѣдованіе всѣхъ причинъ и всѣхъ послѣдствій революціоннаго кризиса въ историческомъ развитіи всего государственнаго и общественнаго организма Франціи.

Въ этомъ родѣ, то-есть по такъ-называемой внутренней исторіи французской революціи, было уже не мало монографическихъ трудовъ, хотя и не имѣется еще полнаго сочиненія которое исчерпывало бы всѣ ея стороны и періоды. Нѣкоторыхъ изъ этихъ монографій мы уже отчасти касались прежде, а здѣсь о нихъ не упоминали, говоря только о литературѣ повѣствовательной исторіи революціи. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ могущественно способствовали разъясненію историческаго значенія революціи. Во главѣ такихъ

изслѣдованій стоитъ безъ сомнѣнiя трудъ Токвиля, * который первый положилъ начало трезвому обсужденiю внутреннихъ причинъ французской революцiи и поставленныхъ ею политическихъ вопросовъ. Токвиль, по словамъ англiйскаго публициста Рива, тщательно изучавшаго французскую литературу съ 1844 по 1873 годъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ мыслителямъ и лучшимъ писателямъ XIX вѣка; ** но быть-можетъ именно поэтому самъ онъ и былъ такъ плохо понимаемъ въ своемъ отечествѣ. Когда въ 1853 году онъ съ такимъ ясновидѣнiемъ предсказывалъ дальнѣйшiя судьбы второй имперiи, онъ вынужденъ былъ назвать себя самъ допотопнымъ животнымъ во французскомъ обществѣ. *** До такой степени онъ былъ въ немъ изолированъ по своимъ понятiямъ. Не принадлежа ни къ одной изъ дѣйствующихъ партiй, онъ конечно не могъ найти во Францiи много сочувствiя ни къ своимъ политическимъ убѣжденiямъ вообще, ни къ своимъ взглядамъ на революцiю. Мысли Токвиля опережали почти на цѣлый вѣкъ понятiя современниковъ; это лучше всего доказывается нынѣ, послѣ его смерти, возрастающимъ къ нему уваженiемъ, между тѣмъ какъ во Францiи его считали, при жизни, человѣкомъ отсталымъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, послѣ изданiя его сочиненiя объ американской демократiи, **** имя его прославлялось какъ иностранца наилучшимъ образомъ появившаго эту демократiю, а во Францiи демократы чужались отъ него и поносили его. Такова бываетъ судьба людей истинно передовыхъ! Обо всемъ этомъ было не излишне здѣсь напомнить, въ виду того особеннаго обстоятельства что не такъ давно и въ нашей прогрессивной публицистикѣ Токвиль подвергался весьма неистовымъ, хотя бы и ребяческимъ, гоненiямъ,—тоже вѣроятно какъ отсталый мыслитель!

Значенiе Токвиля въ литературѣ французской революцiи велико и будетъ вполнѣ оцѣнено только въ послѣдствiи; онъ первый совершилъ точный анализъ государственныхъ и обще-

* Alexis de Tocqueville, *L'Ancien Régime et la Révolution*, Paris, 1856, и также многочисленныя отрывочныя сужденiя его о революцiи, разбросанныя въ полномъ собранiи его сочиненiй.

** H. Reeve, *Royal and Republican France*, Lond., 1872; V. II, p. 82.

*** Тамъ же, p. 175 (письмо къ Одюну-Барро).

**** *De la démocratie en Amérique*, 1835.

ственныхъ элементовъ Франціи изъ коихъ сложилась революція. Онъ также первый, съ доказательствами въ рукахъ, отважно выступилъ противъ грубыхъ политическихъ предрасудковъ примѣшавшихся ко всѣмъ попятіямъ объ этой страшной борьбѣ историческихъ стихій, и между прочимъ въ особенности противъ убѣжденія что она была будто бы борьбою за свободу.

Послѣ Токвиля, нельзя не упомянуть о почти одновременномъ и отчасти однородномъ изслѣдованіи причинъ французской революціи въ *Исторіи Англійской Цивилизаціи* Бокля. * Несмотря на нѣкоторую односторонность этого изслѣдованія, не обнимающую всѣхъ даже существенныхъ категорій этихъ причинъ (въ особенности государственныхъ) ** и на монографическій, почти случайный его характеръ, заслуга его не маловажна, такъ какъ авторъ одинъ изъ первыхъ выступилъ противъ устарѣлыхъ возрѣній на революцію, основанныхъ исключительно на предвзятыхъ политическихъ идеяхъ. Въ заключеніи своего изысканія умственныхъ и нравственныхъ причинъ французской революціи, Бокль между прочимъ говоритъ: „.... Французская революція,— это безъ сомнѣнія важнѣйшее и залутаннѣйшее явленіе въ исторіи, — находилась до сихъ поръ въ распоряженіи писателей изъ коихъ нѣкоторые хотя и отличались замѣчательными талантами, но которые всѣ были лишены предварительнаго образованія, необходимаго для пониманія духа цѣлаго этого періода и единства всѣхъ его частей..... Не желая нисколько унизать заслугъ трудолюбивыхъ людей собиравшихъ матеріалы для исторіи французской революціи, мы должны однако положительно сказать что исторія ея еще не написана, потому что тѣ кто за нее принимались не располагали способами нужными чтобъ изслѣдовать ее только какъ часть гораздо болѣе обширнаго движенія, распространеннаго по всѣмъ отраслямъ науки, философіи, религіи и политики. Произвелъ ли я что-нибудь цѣнное чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, предоставляю рѣшить другимъ. Въ одномъ

* Henry Thomas Buckle, *History of Civilization in England*, T. I, ch. 10—14.

** Сверхъ того Бокль, какъ во всѣхъ своихъ трудахъ, пренебрегаетъ личными элементами исторіи, увлекшись своею реакціей противъ старой исторической школы, преувеличивавшей значеніе этого элемента.

я по крайней мѣрѣ увѣренъ:—недостатки моей работы происходят не отъ метода моей, а отъ необычайной трудности для одного человѣка исполнить всѣ части ея широкой программы.....“ *

Эти слова, написанныя въ 1856 году, остаются вѣрными въ своей сущности и понынѣ, хотя съ тѣхъ поръ много подвинулись историческія изслѣдованія французской революціи. Ея причины и послѣдствія до такой степени проникаютъ собою всѣ сферы жизни и цивилизаціи европейскаго общества что для ихъ изученія дѣйствительно необходимо содѣйствіе всѣхъ наукъ. Поэтому, независимо отъ часто историческихъ трудовъ, мы обязаны значительными услѣхами въ возрѣваніяхъ на революцію государственнымъ и общественнымъ наукамъ и громадному ихъ движенію, почти первороту въ теоретической ихъ разработкѣ въ послѣднее время. Это движеніе принадлежитъ преимущественно Германіи, въ особенности въ новомъ своемъ направленіи на почвѣ точныхъ фактическихъ изысканій. Здѣсь, и именно въ уясненіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ связанныхъ съ французскою революціей, стоятъ на первомъ мѣстѣ имена Рудольфа Гнейста и Лоренца Штейна, которыя въ исторіи государственныхъ ученій получаютъ такое же значеніе для XIX вѣка какое имѣетъ имя Монтескье для XVIII. ** Этимъ между прочимъ отмѣтится перемѣна ролей Франціи и Германіи въ исторіи государственной науки въ эти два вѣка: если Франціи принадлежала инициатива въ этой области въ XVIII вѣкѣ, то нынѣ она рѣшительно перешла въ руки Германіи. Наконецъ, нельзя также упускать изъ виду и необычайной дѣятельности всѣхъ европейскихъ націй, и преимущественно Германской, по экономической наукѣ. Политическая экономія преимущественно уяснила социальную сторону революціи, которую нужно отличать отъ государственной, и которая еще болѣе чѣмъ послѣдняя была темна для современниковъ.

Все это движеніе европейской науки совершенно измѣни-

---

* Гл. IV *Исторіи Цивилизаціи въ Англіи*, стр. 225 (по нѣмецкому переводу Риттера 1870 года).

** О трудахъ этихъ двухъ государственныхъ ученыхъ имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ французской революціи мы будемъ говорить въ послѣдствіи.

видо старья воззрѣнія на французскую революцію, но оно далеко еще не распространилось въ массахъ публики, и нашей и иностранной. Оно все-таки есть достояніе самыхъ высшихъ сферъ образованія. Поэтому, представивъ въ настоящей главѣ очеркъ умственныхъ и литературныхъ отношеній европейскаго общества къ этой великой исторической эпохѣ, мы намѣрены сообщить результаты замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій по нѣкоторымъ крутѣйшимъ вопросамъ поднятымъ революціей и имѣющимъ современный практическій интересъ для всякой европейской страны. Мы коснемся только этихъ вопросовъ, и лишь насколько это необходимо для освобожденія ихъ отъ темноты революціонныхъ идей.

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

БРЕТЪ-ГАРТЪ

Prose and Poetry. By Bret Harte.

Года четыре тому назадъ, Диккенсъ указывалъ своимъ друзьямъ на только-что появившіяся произведенія молодого начинающаго писателя Американца Бретъ-Гарта. Съ теплымъ и радостнымъ участіемъ говорилъ онъ имъ объ его своеобразномъ талантѣ, о богатствѣ и новизнѣ содержанія, о мастерствѣ и яркости разказа и о тонкости въ обрисовкѣ характера. Тогда имя Бретъ-Гарта было извѣстно только на его родинѣ и очень небольшому числу лицъ въ Европѣ, слѣдящихъ за успѣхами литературы. Теперь произведенія его начинаютъ уже привлекать вниманіе вездѣ гдѣ извѣстенъ англійскій языкъ; они появляются въ изданіяхъ исключительно предназначенныхъ для европейскаго материка, какъ изданія Таухница; ихъ даже переводятъ на иностранные языки. Хотя Бретъ-Гартъ еще такъ недавно началъ свое поприще, однако число произведеній его уже не мало, и талантъ его выказался такъ ярко что нельзя не обратить на него вниманія.

Бретъ-Гартъ родился въ Нью-Йоркскомъ штатѣ, и еще почти ребенкомъ переселился въ Калифорнію. Здѣсь онъ воспитался и здѣсь же ознакомился съ тѣмъ совершенно особеннымъ и неизвѣданнымъ міромъ который сталъ потомъ предметомъ

наиболѣе характеристическихъ его произведеній. Природа Калифорніи, роскошная, величественная, полная неисчерпаемыхъ богатствъ, мѣстами только подчинена людямъ, а мѣстами неприступна по густотѣ своихъ лѣсовъ, по пустынности степей и дикости горныхъ вершинъ. Посреди нея живетъ отрѣбье образованнаго міра, то что общество выбросило изъ себя какъ не нужное или вредное. Это самое пестрое смѣшеніе племенъ и сословіій, объединяемое лишь жаднымъ желаніемъ безъ труда добыть себѣ счастье и богатство. Любимыя удовольствія этихъ людей — карты и водка; можно себѣ представить какъ легко улетаютъ легко пріобрѣтеныя деньги. Этотъ-то міръ рисуетъ Бретъ-Гартъ въ своихъ калифорнійскихъ наброскахъ. Тяжелое и отталкивающее впечатлѣніе производили бы эти картины еслибъ авторъ не обладалъ способностью проникать въ людей и открывать въ нихъ черты невидимыя для поверхностнаго взгляда. Подъ грязною и шероховатою оболочкою лорочности и грубости нравовъ онъ умѣетъ найти и теплоту души и самоотверженность и способность къ лобдѣ надъ самимъ собой. Такъ онъ рассказываетъ какъ однажды цѣлое поселеніе только изъ мужчинъ, суровыхъ и почти дикихъ по своему образу жизни, избѣгающихъ женщинъ и семейнаго быта какъ чумы, пріютило ребенка, случайно родившагося въ шъ владѣніяхъ и лишившагося матери при самомъ рожденіи. Жалость къ сироткѣ и новизна заботы пробуждаютъ въ нихъ нѣжность и внимательность ко всему что касается ихъ питомца. Они вскармливаютъ его молокомъ ослицы; убираютъ комнату въ которой онъ помѣщенъ всѣмъ что только могутъ найти лучше; лютуютъ только тѣ лѣсни которыя кажутся имъ не громкими и успокоительными; привозятъ ему яркіе цвѣты и блестящіе камушки, и даже сами въ своихъ привычкахъ становятся чище и мягче, такъ что и въ сосѣднія поселенія проникаетъ слава о томъ что они два раза въ день моются. Имъ кажется даже что этотъ ребенокъ принесъ имъ удачу во всѣхъ дѣлахъ, и мало-по-малу къ его имени присоединяется прозваніе Удачи. Послѣ суровой и снѣжной зимы наступаетъ весна съ такимъ страшнымъ половодьемъ какого не помнили поселенцы. Въ одну ночь сосѣдняя рѣчка вдругъ превратилась въ бушующее озеро и понесла за собой деревья и дома. Поутру, когда поселенцы могли оглядѣться

въ своемъ бѣдствіи, они увидѣли что между прочими домами свесенъ и тотъ домикъ гдѣ жилъ ихъ питомецъ. Хозяина его нашли мертвымъ неподалеку, а „ихъ Удача, ихъ радость, счастье и гордость исчезла“. Грустно ворочались они отъ мѣста происшествія когда къ берегу пристала спасательная лодка. Она была спущена мила двѣ ниже по рѣкѣ и нашла мужчину съ ребенкомъ которыхъ тамъ никто не зналъ. Поселенцы бросились къ лодкѣ и увидѣли что мужчина этотъ былъ Кентекъ, одинъ изъ ихъ товарищей. Онъ былъ еще живъ, но совершенно истощенъ и измученъ, и крѣпко держалъ въ рукахъ ихъ общаго питомца. Ребенокъ былъ холоденъ и безжизненъ. — „Онъ умеръ“, сказалъ кто-то. Кентекъ раскрылъ глаза. — „Умеръ?“ спросилъ онъ слабымъ голосомъ. — „Да, другъ, да и ты умираешь тоже“. Улыбка осветила глаза умирающаго Кентека. — „Умираю... повторилъ онъ, онъ хочетъ взять меня съ собою... Скажите товарищамъ что Удача со мною“.

Бретъ-Гартъ обладаетъ особенною манерой разказывать. Рѣчь его, всегда сжатая, простая, ясная и выразительная, вмѣстѣ съ тѣмъ полна юмора и своеобразности, и носитъ на себѣ отпечатокъ беспорядочной и полубродячей жизни которую онъ рисуешь. Онъ всегда разказываетъ и описываетъ немногими словами. Его рисунки похожи на наброски искуснаго живописца: довольно нѣсколькихъ взмаховъ кисти или карандаша, и образъ полонъ отчетливости и выразительности. Все искусство въ выборѣ чертъ; и Бретъ-Гартъ, умѣя всегда, какъ уже выше замѣчено, отыскать и указать добрыя черты, вмѣстѣ съ тѣмъ, при описаніи порока, умѣетъ выбирать то что прибавляетъ яркости не поразая слишкомъ непріятно, и указывать лишь намекомъ то о чемъ не хотѣлось бы говорить и чего лучше не видѣть.

Другая особенность разказа Бретъ - Гарта состоитъ въ томъ что онъ никогда не вдается въ объясненія поступковъ своихъ героевъ, никогда не выставляетъ ихъ сокровенныхъ мыслей, ихъ побужденій и намѣреній, а предоставляетъ всякому судить самому. Ничѣмъ также не высказываетъ онъ прямо своего личнаго сочувствія тому или другому лицу, своего мнѣнія о томъ или другомъ дѣйствіи, представляя ихъ читателю какъ онъ ихъ видитъ, а не такъ какъ ихъ

понимаетъ. Это придаетъ его разказу какую-то странную смѣсь сухости и драматичности, о которой только чтеніе подливника можетъ дать понятіе. Одинъ изъ яркихъ образцовъ этой манеры представляютъ заключительныя сцены маленькаго разказа называющагося *Идиллія въ Красной Ямъ*. Я постараюсь въ немногихъ словахъ передать ея содержаніе.

Въ Красной Ямъ жила школьная учительница, которую все населеніе знало подъ именемъ миссъ Мери, молодая дѣвушка, скромная и смѣлая, какъ чистая Американка, и любимая всеми учениками. Она возбудила жаркое и вмѣстѣ съ тѣмъ робкое почитаніе въ одномъ молодомъ чловѣкѣ довольно безпутной и бездѣльной жизни, по имени Санди. Съ начала ее смѣшило его оригинальное ухаживанье, выражавшееся чаще всего въ таинственномъ появленіи на окнахъ классной великолѣпныхъ букетовъ азалій (миссъ Мери въ первый разъ увидѣла мистера Санди лежащимъ не далеко отъ дороги подъ кустомъ азалии, къ которому она подошла, гуляя, чтобы сорвать цвѣтокъ). Но мало-по-малу въ ней проснулось вниманіе, сочувствіе и привязанность къ нему, и наконецъ однажды она позволила себѣ вступить съ нимъ въ разговоръ. Это было въ лѣсу.

„О чемъ они говорили, не стоить вспоминать. Что они думали, было бы интересно узнать, но это не проглядывало сквозь ихъ слова. Лѣсные птицы могли узнать только что миссъ Мери была сирота, что она оставила домъ своего дяди и уѣхала въ Калифорнію для здоровья и независимости; узнать что Санди былъ тоже сирота, что онъ прѣхалъ въ Калифорнію для развлеченія, что онъ велъ до сихъ поръ безпутную жизнь, но теперь старался исправиться, и еще разныя другія подробности, которыя съ точки зрѣнія птицъ безъ сомнѣнія казались пустяками и потерей времени. Но въ этихъ пустякахъ прошелъ вечеръ, и когда Санди простался съ миссъ Мери, то она подумала что это былъ самый короткій изъ всѣхъ дней ея трудовой жизни.“

Наступали каникулы, и миссъ Мери должна была уѣхать. Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, она сидѣла въ своей комнатѣ, погруженная въ мечтанія, какъ вдругъ раздался легкій стукъ въ дверь. Она отворила и увидѣла на порогѣ женщину, которой пышный и рѣзкій нарядъ представлялъ странную противоположность съ ея робкимъ и нерѣшительнымъ взглядомъ.

Миссъ Мери узнала въ вшедшей мать одного изъ самыхъ младшихъ своихъ учениковъ и попросила ее войти. Посѣтительница вошла боязливо, начала говорить запинаясь и нѣсколько времени тѣпето старалась объяснить причину своего прихода. Наконецъ, ободренная взглядомъ учительницы, она сунула свои руки, обтанутыя лиловыми перчатками, промежду колѣвъ и начала говорить тихимъ голосомъ:

— Вотъ видите, миссъ, у моего мальчика нѣтъ никого на свѣтѣ кромѣ меня, а я совсѣмъ не гожусь чтобы воспитать его. Въ прошломъ году я думала было поглатить его въ школу во Фриско, но тутъ стали поговаривать чтобы завести школьную учительницу; я подождала, пока увидѣла васъ, и рѣшила что и здѣсь хорошо, что мнѣ можно будетъ еще пока оставить моего мальчика у себя. И какъ онъ васъ любитъ, миссъ! Если бы вы могли слышать какъ онъ мило о васъ говоритъ, и если бы онъ могъ попросить васъ о томъ о чемъ я прошу, вы бы не могли отказать ему.... Это очень естественно, продолжала она торопливо, дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалось странное смѣшеніе гордости и смиренія, — это очень естественно что его тянетъ къ вамъ, миссъ, потому что его отецъ, когда я съ нимъ познакомилась, былъ настоящій джентльменъ, и потому рано или поздно, ему нужно же будетъ забыть меня, и объ этомъ, конечно, нечего плакать. Вотъ я и пришла просить чтобы вы взяли моего Томми.... дай Богъ ему быть самымъ лучшимъ, самымъ милымъ мальчикомъ на свѣтѣ... чтобы вы взяли.... взяли его съ собой.

Она встала, схватила руку дѣвушки и ушла предъ ней на колѣна.

— У меня много денегъ, и всѣ онѣ достанутся вамъ и ему. Отдайте его въ какую-нибудь хорошую школу чтобы вамъ можно было навѣщать его и помогать ему.... забыть.... его мать. Сдѣлайте съ нимъ что хотите. Худшее что вы можете сдѣлать будетъ лучше всего чему онъ можетъ научиться у меня. Только возьмите его изъ этой гадкой жизни, изъ этого противнаго мѣста, изъ этого дома стыда и горя. Вы согласны; я знаю что согласны, не правда ли? Вы согласны, вы не должны, вы не можете сказать нѣтъ! Вы сдѣлаете его такимъ же чистымъ, такимъ же кроткимъ, какъ вы сама; а когда онъ вырастетъ, вы скажете ему имя его отца, имя которое мои губы не произносили уже много лѣтъ.... имя Александра Мартона, котораго здѣсь всѣ называютъ Санди! Миссъ Мери! не отнимайте руки! Миссъ Мери, скажите мнѣ, вѣдь вы возьмете моего мальчика? Не отворачивайтесь.... Я знаю что не сдѣдуетъ смотрѣть на такую какъ я, миссъ Мери!.. Господи помилуй!.. Она уходитъ!

Миссъ Мери встала и въ опускавшихся полусумеркахъ затата ощутила дорогу къ открытому окну. Тутъ она остано-

вилась, прислонившись къ рамѣ, и устремивъ глаза на послѣдній розовый отблескъ уже гаснущій на западѣ. Медленно ослабѣвавшій лучъ освѣтилъ ея чистое юное чело, ея бѣлый воротничокъ, ея сжатые бѣлыя руки. Просительница, не вставая съ колѣнъ, приползла къ ней.

— Я знаю что вамъ нужно обдумать. Я буду ждать здѣсь всю ночь; но я не могу уйти пока вы не скажете. Не откажите мнѣ. Вы согласны! Я вижу это по вашему милому лицу, такому лицу какое я видала во снѣ. Я вижу это по вашимъ глазамъ, миссъ Мери. Вы возьмете моего мальчика!

Послѣдній красный лучъ вспыхнулъ, его сіяніе отразилось въ глазахъ миссъ Мери, потомъ, мерцая, онъ ослабѣлъ и погасъ. Солнце зашло въ Красной Ямѣ. Посреди сумерекъ и молчанія голосъ миссъ Мери зазвучалъ ласково:

— Я возьму вашего мальчика. Пришлите его ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Счастливая мать прижала къ своимъ губамъ подошь платья миссъ Мери. Она бы спрятала свое пылающее лицо въ его дѣвчьи складкахъ, но не смѣла. Она встала.

— Знаетъ.... этотъ человекъ.... о вашемъ намѣреніи? вдругъ спросила миссъ Мери.

— Нѣтъ, и не думаетъ. Онъ никогда и ребенка-то хорошевыко не видалъ.

— Идите къ нему сегодня.... сейчасъ! Скажите ему что вы слѣдали. Скажите ему что я взяла его ребенка, и скажите что онъ никогда больше не долженъ видѣть.... это дитя. Гдѣ бы оно ни было, чтобъ онъ не смѣлъ приходиться; куда бы я его ни повезла, чтобъ онъ не смѣлъ слѣдовать! А теперь идите, пожалуста.... я устала и у меня еще много дѣла.

Онъ подошли къ дверямъ. На порогѣ женщина обернулась.

— Доброй ночи!

Она готова была упасть къ ногамъ миссъ Мери. Но въ эту самую минуту молодая дѣвушка протянула руки, на одну секунду прижала грѣшницу къ своему чистому сердцу и потомъ закрыла и заперла дверь.

На другое утро почталіонъ взялся за вожжи общественнаго дилижанса съ чувствомъ особенной отвѣтственности, потому что въ числѣ пассажировъ находилась школьная учительница. При вѣздѣ на большую дорогу, онъ вдругъ оставовилъ лошадей, ловивуясь ласковому голосу изнутри кареты, и сталъ почтительно ждать пока Томми выкочилъ изъ кареты по приказанію миссъ Мери.

— Не съ этого куста, Томми, со слѣдующаго.

Томми вынулъ изъ кармана новенькій ножичекъ, и отрѣзавъ вѣтку отъ высокаго куста азалии воротился съ нею къ миссъ Мери.

— Теперь готово?

— Готово.

И за дверцы кареты скрылась Идиллія Красной Ямы.

Въ числѣ калифорнійскихъ разказовъ, къ которымъ принадлежитъ и *Идиллія Красной Ямы*, особенное вниманіе привлекаетъ повѣсть называющаяся по имени героини, *Миссъ*. Въ ней особенно ярко выразились характеристическія черты Бретъ-Гарта, и чтеніе ея доставляло бы удовольствіе еслибы даже она и не отличалась занимательностью и не интересовала оригинальнымъ характеромъ героини. Другія сочиненія Бретъ-Гарта, *Гражданинскіе и характеристическіе очерки*, *Испанскія и американскія легенды*, *Сокращенные романы* и затѣмъ стихотворенія отличаются мастерствомъ разказа, но стоятъ ниже калифорнійскихъ очерковъ, собранныхъ у него подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Сказанія Аргонавтовъ*. Въ числѣ характеристическихъ очерковъ есть маленькая вещь замѣчательная по простотѣ и вмѣстѣ по глубинѣ чувства, проникающаго ее съ первой до послѣдней строчки. Это разказъ называющійся *Ожиданіе корабля*. Одинъ работникъ, въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ, скопилъ достаточно денегъ чтобы выписать къ себѣ свое семейство и пошелъ встрѣчать его въ Санъ-Франсиско. Когда приблизилось время пріѣзда, онъ началъ ходить на пристань, высматривать нѣтъ ли ожидаемаго корабля. Но время проходило, а корабль не являлся. Онъ справлялся о немъ въ разныхъ мѣстахъ, но нигдѣ не получалъ опредѣленнаго отвѣта. Прошли мѣсяцы, прошелъ годъ, а работникъ все ходилъ встрѣчать свою семью каждый день. Неотступная мысль что они еще могутъ пріѣхать отгоняла всѣ другія мысли, и онъ сталъ наконецъ проводить цѣлые дни на берегу. Однажды его нашли лежащимъ на скалѣ, выдающейся въ море, мертвымъ. Въ рукахъ его были вырѣзки изъ старыхъ газетъ съ извѣстіями о плаваніи судовъ, а лицо его было обращено къ морю.

Всего менѣе впечатлѣнія оставляютъ *Сокращенные романы*. Это пародія на нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ романовъ и повѣстей. Авторъ въ ловкой каррикатурѣ остроумно осмѣиваетъ все что тамъ есть преувеличеннаго, односторонняго и неосмотрительнаго. Въ нихъ выбраны всѣ черты сохраняющія сходство, но такъ обставлены и имъ дано такое выраженіе что читая удивляешься какъ оно похоже и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ смѣшно. Такимъ образомъ пересказана исторія Фантины изъ *Les Misérables* Виктора Гюго, *Джентъ Эйръ*, и многія другія. Такого рода сочиненія конечно забава

довольно остроумная, но едвали достойная истиннаго таланта. Она позволительна только развѣ въ тѣсномъ кружкѣ друзей; изданіе же подобныхъ пародій едва ли можетъ увеличить славу писателя.

Въ числѣ стихотвореній Бретъ-Гарта есть разказы или сцены изъ калифорнійской жизни (нѣкоторыя на простонародномъ нарѣчій), полныя яркости рисунка и теплоты чувства; есть нѣсколько пародій и насмѣшливыхъ стихотвореній, и небольшое количество лирическихъ произведеній. Можетъ-быть таланту его болѣе свойственна прозаическая форма чѣмъ поэтическая, можетъ-быть стихотворная рѣчь не такъ идетъ къ его особенной, иногда сухой съ виду манерѣ, только въ стихотвореніяхъ его какъ будто нѣтъ той округленности мысли и выдержанности тона, какъ на примѣръ въ калифорнійскихъ разказахъ. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ исключеніе и имѣютъ полное право быть названы художественными произведеніями. Таковы нѣкоторыя изъ стихотвореній написанныхъ простонароднымъ языкомъ; таково стихотвореніе на смерть Диккенса. По словамъ Форстера, это самое трогательное изъ разнообразныхъ произведеній вызванныхъ утратою великаго романиста нашего времени. Желая ознакомить читателей съ манерою американскаго писателя приведу цѣликомъ небольшой разказъ изъ числа его калифорнскихъ повѣствованій.

ПОКЕРФЛЕТСКІЕ ИЗГНАННИКИ.

Когда мистеръ Джонъ Окгерстъ, игрокъ, вышелъ на главную улицу городка Покерфлета утромъ 23го ноября 1850 года, онъ замѣтилъ перемѣну въ ея нравственной атмосферѣ происшедшую за ночь. Два, три человѣка, серьезно разговаривавшіе между собою, замолчали когда онъ подошелъ, и обмѣнялись многозначительными взглядами. Въ воздухѣ замѣтно было какое-то праздничное вѣяніе, которое въ городкѣ непривычно къ праздничнымъ впечатлѣніямъ имѣло угрожающій характеръ.

На покойномъ, красивомъ лицѣ мастера Окгерста не выразилось большаго вниманія къ этимъ признакамъ; можетъ-быть ему были извѣстны ихъ причины, но это другой вопросъ. „Вѣрно они кого-нибудь высматриваютъ“, разсудилъ онъ; „можетъ-быть меня.“ Онъ спрятавъ въ карманъ платокъ которыхъ только-что смахнулъ красную лыль со своихъ

новенькихъ салоновъ, и съ полными спокойствіемъ избавилъ себя отъ дѣльнѣйшихъ догадокъ.

Въ самомъ дѣлѣ городъ „высматривалъ“. Въ послѣднее время ему пришлось лишиться нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, двухъ цѣнныхъ лошадей и одного изъ первыхъ гражданъ. На него напалъ припадокъ добродѣтельной реакціи, такой же неосновательной и необузданной какъ и поступки возбудившіе ее. Тайный комитетъ рѣшилъ избавить городъ отъ всѣхъ недостойныхъ жителей. Это было сдѣлано навсегда въ отношеніи къ двумъ человѣкамъ которые уже висѣли на вѣвяхъ сикомора, и временно относительно нѣсколькихъ другихъ подозрительныхъ лицъ которыя были приговорены къ изгнанію. Къ сожалѣнію, я долженъ оказать что нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ были дамы.

Мистеръ Окгерстъ былъ правъ думая что онъ включенъ въ эту категорію. Нѣкоторые изъ членовъ комитета требовали было чтобъ онъ былъ повѣшенъ ради примѣра и вмѣстѣ съ тѣмъ для того чтобы можно было безопасно вознаграждать себя изъ его кармановъ за тѣ деньги которыя онъ выигрывалъ. „Это совершенно несправедливо“, сказалъ Джимъ Видеръ, „позволять этому молокососу изъ Рорингъ-Кампа, совсѣмъ чужому у насъ, обирать наши деньги.“ Но это узкое мѣстное предубѣжденіе должно было уступить безсознательному чувству справедливости тѣхъ которые имѣли счастье выиграть у мистера Окгерста. Мистеръ Окгерстъ выслушалъ свой приговоръ со спокойствіемъ философа, и тѣмъ съ большимъ хладнокровіемъ что до него дошли слухи о колебаніи его судей. Онъ не былъ бы настоящимъ игрокомъ еслибы не признавалъ судьбы; и жизнь была, по его мнѣнію, не болѣе какъ невѣрная игра. Вооруженный отрядъ проводилъ изгоняемое зло за предѣлы города. Кромѣ мистера Окгерста, который былъ извѣстенъ за отчаяннаго и хладнокровнаго человѣка и для устрашенія котораго и былъ назначенъ отрядъ, общество изгнанниковъ состояло еще изъ одной молодой особы извѣстной подъ именемъ герцогини, другой которая имѣла прованіе тетушки Шилтонъ и дяди Вилла, дознаннаго льяницы и подозрѣваемаго въ воровствѣ. Кавалькада не вызвала никакого замѣчанія у зрителей, и ни одно слово не было произнесено провожавшими. Только когда дошли до канавы обозначавшей границу городскихъ владѣній, начальникъ конвой обратился къ нимъ съ нѣсколькими словами относившимися прямо къ дѣлу. Изгнанникамъ воспрещалось возвращаться подъ страхомъ смерти. Когда конвой удалился, ихъ долго сдерживавшіяся чувства безпрелютственно вылились наружу. Герцогиня расплакалась, тетушка принялась гнѣвно ворчать, а дядя Виллъ разразился цѣлымъ залпомъ восклицаній. Одинъ только философъ Окгерстъ молчалъ. Онъ спокойно выслушалъ желаніе тетушки задушить кого-то, увѣренія герцогини что она умретъ на дорогѣ, и страшныя проклятія которыя точно падали дядя Виллъ на ходу. Съ

веселостію свойственною его классу онъ потребовалъ чтобы герцогиня сѣла на его лошадь вмѣсто плохаго мула на которомъ она ѣхала. Но этотъ поступокъ не сблизилъ и не сдружилъ общества.

Дорога въ городокъ Сандибартъ, который представлялъ единственное возможное убѣжище нашимъ эмигрантамъ, лежала черезъ рядъ крутыхъ холмовъ. До него былъ вѣрный день усиленной ѣзды. Была уже глубокая осень, и общество скоро оставило за собою умеренныя влажныя страны горъ и вступило въ холодный, сухой, сжимающій воздухъ Сьерръ. Тропинка была узка и неудобна. Около полудня герцогиня сползла съ сѣдла на землю, объявила что дальше она не пойдетъ, и общество остановилось.

Мѣсто было необыкновенно дикое и поражающее. Лѣсистый склонъ окруженный съ трехъ сторонъ обрывистыми утесами голаго гранита мягко спускался къ краю другаго обрыва, откуда была видна вся долина. Конечно трудно было бы найти лучшее мѣсто для стоянки еслибы она была кстату. Но мистеръ Окгерстъ зналъ что они не прошли еще и половины дороги и что ни одежда ихъ, ни запасы не допускали остановокъ. Онъ коротко и ясно указалъ на это своимъ товарищамъ, прибавивъ мудрое замѣчаніе о „безуміи бросать карты пока игра еще не сыграна“. Но у нихъ была съ собою влага которая въ этой нуждѣ замѣняла для нихъ пищу, топливо, отдыхъ и предусмотрительность. Несмотря на его увѣщанія скоро они всѣ были подъ ея вліаніемъ. Дядя Видаль быстро перешелъ изъ воинственнаго настроенія въ какое-то отупѣніе. Герцогиня сдѣлалась вялою, а тетушка захрипѣла. Мистеръ Окгерстъ одинъ стоялъ прислонясь къ утесу и спокойно смотрѣлъ на нихъ.

Мистеръ Окгерстъ не лизъ. Это обуславливалось его занятіемъ которое требовало хладнокровія, безстрастія и присутствія духа и, по его собственнымъ словамъ, онъ находилъ это неудобнымъ. Глядя на своихъ спящихъ товарищей, онъ въ первый разъ глубоко почувствовалъ всю тягость отчужденности связанной съ его презираемымъ промысломъ, все бремя неразлучныхъ съ нимъ привычекъ и пороковъ. Чтобы отогнать отъ себя мрачныя мысли, онъ вздумалъ заняться чисткою своего чернаго платья, мытьемъ рукъ и лица и другими подобными заботами, всегда составлявшими принадлежность его внимательной опрятности. Мысль о томъ чтобы бросить слабыхъ и жалкихъ товарищей никогда не приходила ему въ голову. Все-таки онъ не могъ не чувствовать недостатка въ томъ возбужденіи которое, странно сказать, было болѣе всего необходимо для спокойнаго хладнокровія которымъ онъ отличался. Онъ смотрѣлъ на угрюмыя стѣны которыя отъ своего подымались на тысячу футовъ надъ окружающими его соснами; на грозно нахмуренное небо; на долину внизу, на которую уже спускалась тѣнь.... Вдругъ онъ услышалъ свое имя.

По тропинкѣ тихо поднимался всадникъ. Въ свѣжестъ, открытомъ лицѣ его мистеръ Окгерстъ узналъ Тома Симсона изъ Сандибара, иначе известнаго подъ именемъ „невиннаго младенца“. Онъ встрѣтился съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за „маленькою партией“ и выигралъ хладнокровно все состояніе простодушнаго юноши, доходившее до сорока долларовъ. Окончивъ игру, мистеръ Окгерстъ отвелъ молодаго спекулятора въ другую комнату и сказалъ ему: „Томми, вы добрый мальчикъ, но вы въ игрѣ ни на грошъ не смыслите; не пробуйте больше играть“. Онъ положилъ ему въ руку всѣ выигранныя у него деньги и тихонько вытолкнулъ его за дверь; съ тѣхъ поръ Томъ Симсонъ сталъ его преданнымъ рабомъ. Это слышалось и въ его дѣтски-восторженномъ привѣтствіи мистеру Окгерсту. Онъ разказалъ что отправляется въ Покерфаетъ искать счастья. „Одинъ?“ — Нѣтъ, не совсѣмъ одинъ; собственно онъ убѣжалъ съ Пайни Вудсъ. Вѣдь мистеръ Окгерстъ помнитъ Пайни? Что при-служивала за столомъ въ „Домѣ умѣренности“ въ Сандибарѣ? Они уже давно дали другъ другу обѣщаніе, но старый Джекъ Вудсъ не соглашается, вотъ они и убѣжали и отправляются въ Покерфаетъ чтобы тамъ обвѣнчаться. А теперь они совсѣмъ истомились. Какъ это хорошо что они налади на такое отличное мѣсто для стоянки, да еще и на общество!

Все это Томъ проговорилъ чрезвычайно быстро, а между тѣмъ Пайни, толстенная, хорошенькая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, выдвинулась изъ-за сосны, за которой она краснѣла украдкой, и подѣхала къ своему жениху. Мистеръ Окгерстъ рѣдко заботился о мнѣніи другихъ, еще рѣже о приличіяхъ; но теперь онъ смутно сознавалъ что ихъ положеніе не совсѣмъ ловкое. Онъ однако сохранилъ настолько присутствіе духа чтобы толкнуть дядю Вилла, который собирался что-то сказать, а дядя Виллъ оказался достаточно трезвымъ чтобы признать въ толчкѣ мистера Окгерста высшую силу, не терпящую пренебреженія. Затѣмъ Окгерстъ принялся убѣждать Тома Симсона не останавливаться, но тѣтенью. Онъ даже указалъ на то что у нихъ не было ни провизіи, ни средствъ къ останковѣ. Но къ несчастію Томъ отразилъ всѣ эти доводы объявивъ что у него есть еще одинъ мулъ навьюченный провизіей, и указавъ на остатки чего-то въ родѣ шалаша, слетѣннаго изъ вѣтокъ, которые онъ открылъ не далеко отъ тропинки. „Пайни можетъ приютиться вмѣстѣ съ мистрисъ Окгерстъ“, сказалъ Невинный Младенецъ указывая на герцогию, — „а я ужъ сумѣю устроиться“.

Только увѣщательная нога мистера Окгерста сплсала дядю Вилла, а то бы онъ разразился раскатами хохота. Но тутъ онъ почувствовалъ необходимость удалиться куда-нибудь по-дальше вверхъ по горѣ, до тѣхъ поръ пока къ нему не возвратится спокойствіе. Тамъ онъ подѣлалъ своимъ весельемъ съ высокими соснами, и много имъ пришлось увидѣть гримасъ на его лицѣ, неудержимыхъ движеній ногами и другихъ

подобныхъ непристойностей. Возвратившись къ своимъ слугамъ, онъ засталъ ихъ всѣхъ занятыхъ ловидимому дружелюбнымъ разговоромъ, вокругъ огня; такъ какъ въ воздухѣ стало необыкновенно свѣжо и на небѣ нависли тучи. Пайви съ дѣтскимъ одушевленіемъ разказывала что-то герцогинѣ, которая слушала съ участіемъ и оживленностью, какихъ въ ней давно уже не было замѣтно. Томъ съ такимъ же усліхомъ проповѣдывалъ предъ мистеромъ Окгерстомъ и тетуской, начинавшею дѣлаться ласковѣе.

— Э, да тутъ цѣлый ликникъ! сказалъ дядя Вилль со внутреннею насмѣшкой, оглядывая группу лутниковъ, яркій огонь и стреноженныхъ животныхъ въ отдаленіи. Вдругъ какая-то мысль мелькнула сквозь спиртные пары омрачавшіе его разумъ. Вѣрно въ ней было что-нибудь очень забавное, потому что онъ опять вдругъ скорчилъ ногу и заткнулъ ротъ кулакомъ.

Тѣни начинали медленно подниматься вверхъ по горѣ, легкой вѣтерокъ качалъ верхушки деревьевъ и стоналъ въ ихъ длинныхъ угрюмыхъ вѣтвяхъ. Развалившійся шалашъ былъ починенъ, покрытъ основными вѣтками и предоставленъ дамамъ. Женить и невѣста, прощаясь предъ сномъ, такъ чистосердечно поцѣловались, такимъ простодушнымъ и искреннимъ поцѣлуемъ что его можно было бы слышать и выше колыхавшихся сосенъ. Изнуренная герцогиня и недоброжелательная тетуска вѣроятно были слишкомъ утомлены чтобъ обратить вниманіе на это новое доказательство простоты правды и удалились въ шалашъ ни слова не говоря. Огонь подправили, мушны улеглись предъ входомъ и черезъ нѣсколько минутъ всѣ спали.

Мистеръ Окгерстъ никогда не отличался крѣпкимъ сномъ. Около утра онъ проснулся съ чувствомъ холода и оцѣпенѣнія. Онъ началъ поправлять гаснувшій огонь, какъ вдругъ вѣтеръ, который телерь дулъ уже сильно, хлестнулъ ему въ лицо чѣмъ-то и вся кровь его отхлынула прочь: это былъ снѣгъ!

Онъ вскочилъ на ноги чтобы разбудить товарищей, такъ какъ времени было терять нечего. Но повернувшись къ тому мѣсту гдѣ лежалъ дядя Вилль, онъ увидѣлъ что его нѣтъ. Подозрѣніе мелькнуло въ его головѣ, и съ проклятіемъ на губахъ онъ бросился туда гдѣ были привязаны мулы: ихъ не было. Слѣды уже быстро исчезали подъ снѣгомъ.

Поддавшись волненію только на одну минуту, мистеръ Окгерстъ воротился къ костру уже со своимъ обычнымъ спокойствіемъ. Онъ не разбудилъ спавшихъ. Невинный Младенецъ покоился мирно съ улыбкой на добродушномъ лицѣ, покрытомъ веснушками; Пайви почивала возлѣ своей заблудшей сестры такъ сладко какъ подъ защитой небесныхъ хранителей, мистеръ Окгерстъ притянулъ себѣ одѣяло на плечи; и поглаживая усы, сталъ ждать разсвѣта. Разсвѣтъ пришелъ медленно, съ вьюгой и метелью, ослѣпляя и задѣвая глаза

свѣжыми хлопьями. Все что можно было разглядѣть вокругъ представляло картину измѣнившуюся какъ будто волшебствомъ. Окгерстъ посмотрѣвъ на долину, и настоящее и будущее представилось ему заключеннымъ въ двухъ словахъ: „занесены свѣгомъ!“

Внимательное изслѣдованіе провизіи, которая къ счастью была спрятана въ шалашъ и такимъ образомъ избѣжала предательскихъ рукъ дяди Вилла, показало что съ благороднымъ и заботливостью ея можетъ хватить еще на десять дней.—То-есть, прибавилъ мистеръ Окгерстъ шепотомъ Тому,—если вы захотите кормить насъ. Если же нѣтъ, что можетъ быть будетъ лучше, мы можемъ подождать пока дядя Виллъ вернется съ провизіей.

По какой-то тайной причинѣ мистеръ Окгерстъ не могъ рѣшиться открытъ мошенничество дяди Вилла, и выразилъ догадку что онъ уходя нечаянно спустилъ муловъ. Онъ намякнулъ герцогиню и тетюшку, которыя конечно знали въ чемъ дѣло, чтобы онъ молчалъ.

— Они узнаютъ всю правду о насъ если узнаютъ хоть что-нибудь, прибавилъ онъ многозначительно, — а теперь пугать ихъ совсѣмъ не кстатъ.

Томъ Симсонъ не только отдалъ все свое имущество въ распоряженіе мистера Окгерста, но и казался радоваться предстоявшему имъ заключенію.—„Мы тутъ отлучно пококуемъ съ недѣлку, а потомъ свѣгъ растаетъ и мы всѣ вмѣстѣ отправимся назадъ.“ Добродушная веселость юности и слокостіе мистера Окгерста заразили и другихъ.

Томъ устроилъ изъ сосновыхъ вѣтокъ крышу для шалаша, а герцогиня принялась наставлять Пайни какъ украсить внутренность съ такимъ вкусомъ и ловкостью что молоденькая провинціалка широко раскрыла отъ удивленія свои голубые глаза.—„Славно вы должно-быть живете въ Покерфлетъ“, сказала Пайни. Герцогиня вдругъ отвернулась чтобы скрыть краску мгновенно появившуюся на ея щекахъ, а тетюшка посоветовала Пайни не тараторить. Когда мистеръ Окгерстъ воротился съ утомительныхъ поисковъ какого-нибудь выхода, онъ услышалъ звуки веселаго смѣха, отдавашіеся въ утесахъ. Онъ остановился встревоженный, и его мысли прежде всего обратились къ водкѣ, которую онъ благородно припряталъ. „Только это не совсѣмъ похоже на водку“, сказалъ игрокъ. И только уже увидавъ сквозь метель ярко сверкающій костеръ и группу около него, онъ успокоился, утѣшившись что это они „просто падали“. Не зная припряталъ ли мистеръ Окгерстъ вмѣстѣ съ водкой и свои карты, какъ предметъ недопускаемый въ ихъ общину. Достоверно только что, какъ говорила тетюшка, онъ ни разу не вспомнилъ о картахъ въ этотъ вечеръ. Время какъ-то случайно занялось аккордіономъ, который Томъ Симсонъ съ нѣкоторымъ хвостовствомъ вынулъ изъ своего мешка. Несмотря на немалое затрудненіе въ употребленіи этого инструмента, Пайни Вудсъ

дывала однако изъ него нѣсколько упрямыхъ пѣсенокъ, а Томъ присоединилъ аккомпаниментъ на каставьетахъ. Но самое главное торжество вечера состояло въ томъ что женихъ и невѣста, взявшись за руки, съ большою важною и стараньемъ слѣли „приваальную“ пѣсню. Кажется что не столько благочестивый характеръ, сколько вызывающій тонъ и кованторскія стремленія заразили прочихъ, и они наконецъ присоединились къ прилѣву: „Я горжусь тѣмъ что саужу Господу и готовъ умереть въ его воцствѣ“. Сосны качались, нѣкогда шумѣла и зашлась надъ бѣдняками, а пламя ихъ жертвенника взвивалось къ небу какъ бы въ залогъ обѣта.

Къ полуночи метель утихла и звѣзды засіяли надъ спланими. Мистеръ Окгереть, котораго обычай его промысла приучилъ къ самому незначительному количеству сна, распредѣляя съ Томомъ караулъ, устроилъ такъ что ему досталась бѣльшая часть обязанности. Онъ объяснилъ Младенцу что ему часто приходится проводить цѣлую недѣлю безъ сна.

— Что же это вы дѣлаете? спросилъ Томъ.

— Игралъ, отвѣчалъ Окгереть:— когда нападешь на счастье, на настоящее счастье, тогда не скоро устанешь. Счастье уходитъ прежде. Счастье, это бѣдовое дѣло! продолжалъ игрокъ задумчиво.— Все что о немъ можно знать, это что оно того и гляди измѣнитъ. И вотъ догадаться когда оно измѣнитъ—въ этомъ вся штука. На насъ напало несчастье съ тѣхъ поръ какъ мы вытхали изъ Покерфлета—вы подвернулись и вотъ тоже попались. Пока еще можно держать карты, все хорошо. Потому что, прибавилъ игрокъ съ веселою непослѣдовательностью:— „Я горжусь тѣмъ что саужу Господу и готовъ умереть въ его воцствѣ“. Наступилъ третій день, и солнце, оглаждая долину покрытую бѣлыми ковромъ, увидѣло нашихъ изгнанниковъ когда они дѣлили между собой утрення доли изъ своего постепенно уменьшающагося запаса. По странной особености этого горнаго климата, его лучи разливали на зимнюю картину благодатную теплоту, какъ будто изъ состраданія и сожалѣннн о прошедшемъ. Но они освѣщали только груди свѣтга взгроможденныя одна на другую вокругъ палаша—неизвѣстное, неизслѣдимое, безнадежное море въ утесистыхъ берегахъ къ которымъ изгнанники все еще льнули. Сквозь удивительно чистый воздухъ видѣлся вдали дымъ поднимавшійся отъ пастушьей деревни Покерфлетъ. Тетушка увидѣла его, и изъ высокой башни своей скалистой крѣпости метнула въ ту сторону свое послѣднее проклятие. Это былъ ея послѣдннй упрекъ, и потому можетъ-быть онъ былъ облеченъ нѣкоторою торжественностью. Онъ облегчилъ ее, какъ она лотихоньку сообщила герцогинѣ: „Вотъ вы пойдете сами, попробуйте, и увидите“. Послѣ этого она возложила на себя обязанность заимать „дита“, какъ ей и герцогинѣ угодно было называть Пайни. Пайна однако была далеко не ребенокъ, но до ихъ оригинальной теорн это прозванн саужило только указаннмъ на то что она не держала

себя непристойно и не употребляла проклятій на каждомъ шагѣ, и это дѣйствовало на нихъ какъ-то утѣшительно.

Когда ночь снова подкралась по ущельямъ, звуки аккордіона опять раздались возлѣ мерцающаго костра, то судорожно прерываясь, то утомительно растягиваясь. Но музыкѣ не удалось наладить совершенно безвзвѣнную лустоту произведенную недостаточностью лица, и Пайни предложила новое развлеченіе—разказывать. Ни мистеръ Окгерстъ, ни его слушницы не имѣли охоты говорить о томъ что имъ пришлось испытать въ жизни, и это предложеніе тоже потерпѣло бы неудачу, еслибы не Младенецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ему попался какой-то затерянный экземпляръ незабывливаго перевода *Имады* г. Пола. Онъ очень хорошо запомнилъ содержаніе, и хотя посреди общепринятаго мѣстнаго нарѣчія своей родины совершенно забылъ слова и выраженія, но все-таки предложилъ что разкажетъ главныя происшествія поэмь. Такимъ образомъ Гомеровскіе полубоги снова слушались въ этотъ вечеръ на землю. Троянскій храбрецъ и хитрый Грекъ вступили въ борьбу на воздухѣ, и высокія сосны преклонились предъ гнѣвомъ Пелеева сына. Мистеръ Окгерстъ слушалъ съ спокойнымъ удовольствіемъ. Особенно занимала его судьба „ясеновыхъ каблукѣвъ“ (*Ash-heels*) какъ Младенецъ съ упорствомъ называлъ „быстророгаго Ахиллеса“.

Такъ при скудости лица, за то съ Гомеромъ и аккордіономъ въ избыткѣ, прошла цѣлая недѣля. Солнце снова покинуло изгнанниковъ, и снова изъ свинцоваго неба посылались на землю снѣжные хлопья. Съ каждымъ днемъ тѣснѣе становилась вокругъ нихъ снѣжная ограда, и наконецъ они очутились залептыми посреди ослѣпительно бѣлыхъ стѣнъ, поднимавшихся на двадцать футовъ надъ ихъ головами. Становилось труднѣе и труднѣе поддерживать огонь; даже и деревья недавно упавшія не вдалекѣ были теперь уже на половину скрыты подъ горами снѣга. И однако никто не жаловался. Женихъ и невеста, отворачиваясь отъ грустнаго вида, смотрѣли другъ другу въ глаза и были счастливы. Мистеръ Окгерстъ хладнокровно примирился съ несчастливою игрой, которая очевидно вела къ проигрышу. Герцогиня веселѣе чѣмъ прежде заботилась о Пайни. Только тетушка, которая прежде была крѣпче всѣхъ, какъ будто слабѣла и блѣднѣла. Въ полночь десятаго дня она подозвала Окгерста къ своей постели.

— Конецъ мой пришелъ, сказала она слабымъ и жалостнымъ голосомъ,—но не говорите этого никому. Не будите ягнать. Возьмите узелокъ у меня въ головахъ и откройте.

Мистеръ Окгерстъ исполнилъ. Въ узелкѣ были тетушкины порціи за прошедшую недѣлю не тронутыя.

— Отдайте ихъ этому дитяти, сказала она, указывая на спящую Пайни.

— Вы убилъ себя голодомъ, сказалъ игрокъ.

— Да, это такъ называется, сказала она слабо и легла на постель опять повернувшись къ стѣнѣ и тихо уснула.

Аккордіонъ и кастаньеты были въ этотъ день отложены въ сторону и Гомеръ былъ забытъ. Когда тѣло тетушки было передано сѣнгу, мистеръ Окгерстъ отозвалъ въ сторону Тома и показалъ ему лыжи, которыя онъ устроилъ изъ стараго вьючаго сѣдла.

— Еще есть одна возможность изъ ста счастья ея, сказалъ онъ глядя на Пайни,—но это тамъ, прибавилъ онъ указывая на Покерфлетъ.—Если вы доберетесь туда въ два дня, то она спасена.

— А вы? спросилъ Томъ.

— Я останусь здѣсь, былъ короткій отвѣтъ.

Женихъ и невѣста простились долгимъ поцѣлуемъ.

— Развѣ вы тоже уходите? сказала герцогиня увидѣвъ что Окгерстъ какъ будто ожидалъ чтобъ идти вмѣстѣ.

— Только до той трещины, отвѣчалъ онъ.

Онъ вдругъ повернулся и поцѣловалъ герцогиню. Ея блѣдное лицо вслыхнуло и дрожащія члены оцѣлѣвали отъ изумленія.

Наступила ночь, мистера Окгерста не было. Ночью олять подвѣялась буря и метель. Герцогиня, поправляя костеръ, замѣтила что возлѣ шалаша было кѣмъ-то незамѣтно заготовлено топливо еще на нѣсколько дней. Слезы выступили на ея глазахъ, но она скрыла ихъ отъ Пайни. Онѣ спали мало. Утромъ, взглянувъ другъ на друга, онѣ прочли свою судьбу. Ни одна не сказала ни слова; но Пайни, принявъ на себя видъ болѣе сильной, притянула къ себѣ герцогиню и обняла ея станъ. Такъ просидѣли онѣ весь день. Ночью буря еще больше разсвирѣтѣла и разметавъ охранявшія сосны проникла въ самый шалашъ. Къ утру оказалось невозможнымъ поддерживать огонь и онъ мало-по-малу совсѣмъ погасъ. Глядя на медленно чернѣвшую золу, герцогиня прижалась къ Пайни и прервала долгое молчаніе:

— Пайни, можете вы молиться?

— Нѣтъ, душечка, отвѣчала Пайни простодушно.

Герцогиня сама не зная отчего почувствовала облегченіе, и положивъ руку на плечо Пайни, умолкла. Младшая и болѣе чистая, невинная дѣвушка прижала къ своей дѣвственной груди голову своей грѣшной сестры, и сидя такъ, онѣ обѣ уснули.

Вѣтеръ лѣлъ, какъ будто боясь разбудить ихъ. Легкіе хлопья снѣга, падая съ длинныхъ сосновыхъ вѣтокъ, летѣли какъ бѣлыя птички и садились на слящихъ. Мѣсяцъ глядѣлъ сквозь разорванныя облака на остатки привала. Но всякій слѣдъ человѣка, всякій признакъ земной работы былъ скрытъ подъ безукоризненно бѣлою леденой, милосердно ниспосланною свыше.

Онѣ проспали весь этотъ день и весь слѣдующій, и не проснулись когда голоса и шаги прервали окружающее молчаніе. И когда сострадательныя руки отряхнули снѣгъ съ ихъ поблѣднѣвшихъ лицъ, по одинаково мирному выраженію

ихъ трудно было бы рѣшить которая согрѣшила. Даже локерфлетскій законъ созналъ это и отвернувшись оставилъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга.

У начала стока на одной изъ самыхъ большихъ сосенъ наши трюфовую двойку приколотую къ корѣ ножикомъ. На ней твердою рукой было написано слѣдующее:

„Подъ этимъ деревомъ лежитъ тѣло Джона Окгерста который пошелъ несчастливо 23го ноября 1850 года и спасовалъ 7го декабря 1850 года.“

Подъ свѣгомъ холодный и безжизненный, съ револьверомъ въ рукѣ и съ лулей въ сердцѣ, лежалъ самый твердый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый слабый изъ локерфлетскихъ изгнанниковъ.

О. С.

НАРОДНОСТЬ ВЪ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Глѣба Успенскій: *Дѣтскій, его воспоминанія, наблюденія и заплѣтки.—Разоренье.—Правы Растеряевой улицы.—Очерки и рассказы.* Слб. Изданіе А. Ф. Вазунова. 1871—1873.

Обою съ литературой продолжающею лучшія преданія прежняго времени, у насъ возникла совершенно особая литература, вышедшая изъ журнальнаго движенія конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ и имѣющая съ настоящею литературой очень мало общаго. Разорвавъ съ общими требованіями искусства, она руководствуется своими особыми началами, преслѣдуетъ свои особыя цѣли и проявляетъ что-то въ родѣ своего особаго міровоззрѣнія. Въ этой литературѣ есть свои гении, и даже нѣкоторая преемственность гениа: такъ по крайней мѣрѣ полагаетъ петербургская критика, возвеличившая въ свое время Рѣшетникова, и по смерти его немедленно возведшая г. Глѣба Успенскаго въ вакантное званіе перваго русскаго беллетриста. Несмотря на всю дальность разстоянія отдѣляющаго эту новую письменность отъ того что мы привыкли называть литературой, не безъинтересно будетъ взглянуть въ этотъ нововозникшій міръ.

Литературѣ „новаго“ направленія петербургская критика обыкновенно усваиваетъ названіе *народной*, какъ бы намекая тѣмъ что разработка нашей народности, служеніе народнымъ интересамъ составляетъ ея главное содержаніе. Дѣйствительно, въ

повѣстяхъ и очеркахъ Рѣшетникова и г. Глаба Успенскаго мы встрѣчаемся исключительно съ простонароднымъ матеріаломъ и съ нескрываемою претензіей на глубокое и непосредственное знаніе народной жизни. Поэтому мы главнымъ образомъ постараемся прослѣдить отношенія „новой“ литературной школы къ народности, такъ какъ этими отношеніями почти и исчерпывается внутреннее содержаніе беллетристики представителями которой петербургская журналистика признаетъ названныхъ выше писателей.

Народность нѣкогда служила живою темой въ нашей журналистикѣ. Серіозная литература наша, начавшаяся съ Пушкина, постоянно стремилась стать какъ можно ближе къ народности и черпать изъ нея свои живыя силы. Самый вопросъ о народности съ тридцатыхъ годовъ непрерывно разрабатывался и выяснялся, развиваясь отъ той простой формы въ какой онъ представлялся Пушкину до законченнаго міросозерцанія на степеняхъ котораго мы его встрѣчаемъ напримѣръ въ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ требованіе народности отъ литературы было настолько общее что почти ни одинъ изъ наиболее талантливыхъ нашихъ писателей не нашелъ возможнымъ остаться въ сторонѣ отъ него. Лермонтовъ отозвался на него своею *Письмой про купца Калашникова*, Гоголь—всеми своими произведеніями, г. Тургеневъ *Записками Охотника*, г. Писемскій *Плотноничей Артемью* и другими повѣстями, графъ Л. Н. Толстой позднѣйшими, самыми зрѣлыми своими произведеніями, г. Достоевскій—*Записками изъ Мертваго Дома*, г. Григоровичъ цѣлымъ рядомъ романовъ и разказовъ. Новые писатели продолжающіе преданіе художественной школы стоятъ къ народной жизни едва ли еще не ближе. Такимъ образомъ народность не только не представляется для насъ чѣмъ-либо новымъ, но въ нашей литературѣ выработались уже извѣстныя отношенія къ народной жизни, извѣстная руководящая идея, которую одинаково признаютъ писатели съ совершенно самостоятельнымъ дарованіемъ. Идея эта заключается въ художественномъ почувствованіи стихійныхъ сторонъ народной жизни, проявленій народнаго духа, ускользающихъ отъ поверхностнаго наблюденія людей чуждыхъ народу вслѣдствіе заимствованности нашей цивилизаціи. Мы употребили выраженіе: *художественное почувствованіе*, желая выразить тѣмъ что современный образованный человѣкъ, далеко разойдясь съ на-

родомъ въ понятіяхъ и во всемъ складѣ жизни, можетъ подойти къ нему и понять его только силою художественнаго созерцанія, проникающаго до тѣхъ живыхъ основъ которыя сближаютъ образованнаго человѣка съ непосредственною натурой простолюдина. Отъ этого конечно происходитъ то что наша художественная литература, относясь по большей части отрицательно ко всему нашему общественному складу, къ верхушкамъ нашей жизни, къ героямъ нашей заимствованной интеллигенціи, относилась къ народу всегда положительно, отыскивая въ немъ цѣльные типы, непосредственные характеры, проявленія духа. При богатствѣ отрицательныхъ типовъ, которыми изобилуетъ наша литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, небольшое число положительныхъ типовъ найдено нашими писателями почти исключительно въ народной средѣ или въ слояхъ наиболее близкихъ къ народной жизни. Цѣльность этихъ непосредственныхъ натуръ предъ несостоятельностью героевъ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ составляетъ издавна любимый мотивъ въ нашей литературѣ, начиная съ *Капитанской Дочки* Пушкина и съ *Героя Нашего Времени*, гдѣ съ такою силою Максимъ Максимычъ противопоставленъ Печорину и Грушницкому. Писатели наши постоянно обращаются къ народной жизни какъ бы къ источнику живой, свѣжей силы, бьющему гдѣ-то въ сторонѣ отъ запруженнаго русла нашей образованной общественности. Въ сороковыхъ годахъ, когда искривленный ростъ нашего духовнаго развитія дѣлалъ особенно чувствительнымъ разладъ образовавшійся между нашими просвѣщенными классами и народомъ, когда поэты съ особенною чуткостью прислушивались и присматривались ко всемъ болѣзненнымъ явленіямъ нашей общественной жизни, это обращеніе къ живымъ струямъ народнаго быта, исканіе цѣльныхъ натуръ, не надломленныхъ недугомъ безпочвеннаго образованія, сдѣлалось главною задачею нашей литературы и шло рядомъ съ развѣчиваньемъ героевъ нашей интеллигенціи—лишнихъ людей, Гамлетиковъ, Рудинныхъ. Народная среда, сохранявшая подъ гнетомъ крѣпостнаго рабства свѣжесть верастроченныхъ силъ и живую связь съ прошедшимъ, представлялась нашимъ художникамъ-беллетристамъ родникомъ невѣдомыхъ и непочатыхъ богатствъ русскаго духа. Не одни такъ-называемые славянофилы указывали на этотъ освѣжающій родникъ: къ нему обращались въ

то время и писатели другаго направленія, какъ напримѣръ г. Тургеневъ въ *Запискахъ Охотника* и въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*.

При такихъ отношеніяхъ къ народной жизни, руководящею идеей нашей литературы естественно должна была быть любовь къ народу. Эта любовь иногда проявлялась въ подкраскѣ, въ слащавости, иногда отзывалась недостаткомъ искренности; но въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ той эпохи, у писателей дѣйствительно и непосредственно знакомыхъ съ народною жизнью она составляла главную силу и главное содержаніе. Относясь отрицательно къ болѣзненнымъ явленіямъ нашей жизни, указывая на потребность возстановить утраченную связь съ народомъ, писатели наши естественно должны были находить въ народѣ тѣ живыя силы которыхъ они тщетно искали въ душевномъ разладѣ, въ раздвоенности, въ безволии героев образованной сферы. Дѣятельно проводя въ литературу идею освобожденія, они естественно должны были вѣрять въ состоятельность народа, свидѣтельствовать предъ обществомъ что этотъ народъ достоинъ свободы. Отсюда эта вѣра въ народныя силы, въ народный здравый смыслъ, которою запечатлена вообще наша литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

Новая журналистика отнеслась къ народу иначе. Она съ первыхъ же шаговъ обнаружила какое-то затаенное недовольство народомъ, точно она обманула въ чемъ-то ея ожиданія, чѣмъ-то оскорбилъ ее. вмѣстѣ съ тѣмъ, по принципу, она не могла отказаться отъ связи съ народными интересами которые она будто бы приняла подъ свое покровительство; ей нельзя было выпустить изъ своихъ рукъ народъ, какъ благодарный матеріалъ, настолько безотвѣтный что литература всегда можетъ лѣпить изъ него самыя произвольныя фигуры. Образовались совершенно новыя отношенія къ народу, которыя любопытно разглядѣть внимательно, такъ какъ въ нихъ главнымъ образомъ таится источникъ той фальши которою пропитана вся эта „новая“ литература.

Въ противоположность писателямъ старой школы искавшимъ положительныхъ сторонъ въ народной жизни, „новые“ беллетристы отнеслись къ народу вообще совершенно отрицательно, усмотрѣвъ въ народной массѣ однѣ только безмѣрно темныя стороны. Здравый народный умъ, въ который вѣровала литература сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, прежде всего подвергся отрицанію. Новые quasi-народные писа-

теги не только не замѣчаютъ этого ума, устоявшаго ореди влахъ испытаній, пробившагося подъ спудомъ работа и невѣжества, но надѣлаютъ народъ чертами такого тупоумія и идиотизма съ которыми никакое племя конечно не прожило бы и одного столѣтїя. Въ свое время былъ замѣченъ разказъ одного новаго беллетриста о томъ какъ извоцики на постояломъ дворѣ считаютъ деньги; но тогда все безобразіе этой вѣзлой каррикутуры едва ли было понято. Она послужила однако какъ бы обрачикомъ для дальнѣйшей разработкы народности въ новой беллетристикѣ, и смѣхотворное изображеніе мужицкой тупости и скотства сдѣлалось любимую и почти обязательною темой для нашихъ романистовъ и разказчиковъ. Рѣшетниковъ написалъ цѣлый рядъ повѣстей и разказовъ, вся сова которыхъ заключается въ томъ что мужики издають какіе-то дикіе звуки: *толды, айда, хайло, пра, уди*, или ведутъ на цѣлыхъ страницахъ совершенно бессмысленные разговоры, какихъ конечно никто никогда не слышалъ. Чтобы наши слова не показались бездоказательными, приведемъ слѣдующій примѣръ какихъ весьма много въ сочиненїяхъ Рѣшетникова:

- „— Эко дѣло, дать бы ему....
 „— А пошто? онъ, лоди, такъ.
 „— Левизоры, бають.
 „— Подемъ. Молодой-то бассеае. Ужь онъ все сдѣлать... Ишь трубку сосеть по-вашему.
 „— Молчи, молодой хуже, онъ такъ.... другое-тъ ночельникъ!
 „— А што, у васъ ревизоры часто бывають? спросилъ я одного крестьянина, когда онъ вошелъ во дворъ.
 „— И! бѣда!
 „— Какъ же такъ? я слышалъ что они только разъ пять въ году бывають.
 „— Поце?... гди сколь: теперь ты, другой, вцера одинъ убѣгъ.
 „— Да можетъ они не ревизоры.
 „— Ште ты баешь! сами глядѣли.
 „— А толкъ-отъ есть ли?
 „— Ой ужь!.. А ты левизоръ же?
 „— Нѣтъ. Я, братцы, нигдѣ не служу въ чиновникахъ.
 „— А поце?
 „— Васько, уди; ожжетъ онъ те, чортъ!
 „— Онъ баеть: не левизоръ де. Онъ такъ! Левизоры разъ сосутъ эту сосульку?
 „— Будь ты проклятой, лѣшанъ! Уди говорятъ!“

Въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго *Литый*, дѣйствіе которой происходитъ въ чисто русской мѣстности, крестьяне посылають въ городъ ходака хлопотать по возникшему у нихъ неудоволь-

ствію. Въ ходоки, какъ извѣстно, выбираются люди умные, рѣчистые, надежные; это однако не помѣшало г. Успенскому заставить ходока вести слѣдующій разговоръ:

„— Плохой надѣлъ что ли?

„— Нѣтъ, ничего... Надѣлъ - то часть особая. А изъ чего взялось-то это, ты вотъ что скажи.

„— Что такое взялось?

„— Неудовольствіе.

„— Гдѣ же, у кого?

„— Въ нашихъ мѣстахъ... тамъ... Почему? Земля — такъ; одно дѣло. А почему?

„— Да что же? въ чемъ дѣло?... что почему?

„Ходокъ помолчалъ и проговорилъ тихо:

„— А душа? какъ ты объ этомъ?

„— Ну? спросили мы оба, я и гость.

„— Ну? Больше ничего. Мы замолчали. — Если у человѣка душа? Ее оставить нельзя... Эхъ, Ивану бы Митричу самому въ ходока-то идтить... Что я?

„— Кто этотъ Иванъ Дмитричъ?

„— Старичокъ нашъ... Вотъ ему такъ даю отъ Бога! Что только у него ума, и-и... Удѣ онъ—такъ ужъ разказалъ бы... д-да!..

„Признаюсь, мы ничего не понимали и сидѣли молча, потому что ходокъ тоже молчалъ.

„— Гов-ворилъ онъ этга... какъ бы смутно что-то припоминная и пристально приглядываясь къ чему-то, съ разстановкой началъ ходокъ:—Говорилъ онъ этга: „Что есть человѣкъ?“

„— Какъ что?

„— Да! Что такое?

„Мы не могли отвѣчать.

„— Прахъ! Больше ничего. Такъ, что ли?

„— Ну, прахъ, отвѣтили мы.—Ну?

„— Ну, вотъ. Мнѣ бы съ головой-то разобраться. Я тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло по порядку. Стало-быть, прахъ; разъ...

„Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ.

„— Разъ, повторилъ онъ.—Ладно. А земля? По-твоему земля что будетъ?

„Мы не могли отвѣтить.

„— Опять же прахъ! радостно сказалъ ходокъ. — Видѣлъ? И земля, стало-быть, тоже прахъ,—два! Теперь гляди.

„Ходокъ остановился.

„— Гляди теперь. Ежели я, къ примѣру, пойду я въ землю, потому я изъ земли вышелъ — изъ земли. Ежели я пойду въ землю, на примѣръ, обратно, какимъ же стало-быть родомъ можно съ меня брать выкупные за землю?

„— А-а! радостно произнесли мы.

„— Погоди! Тутъ надо еще бы слово. Видите, господа, какъ надо-то.

„Ходокъ подвѣлся и сталъ посреди комнаты, приготавлиаясь отложить на рукѣ еще одинъ палецъ.

„— Тутъ самаго настоящаго-то висколько не оказано. А вотъ какъ надо: почему, напримеръ... но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ: душу кто тебѣ далъ?

„— Богъ.

„— Вѣрно! Разъ. Хорошо. Теперь гляди сюда..“ и т. д.

Затѣмъ снова загибаются пальцы, плетутся безпутныя и несвязныя рѣчи, и сценка съ натуры готова. Русскій мужикъ представляемъ во всемъ великолѣпнн своего тулоумія и кретицизма, а авторъ съ пріятелиаи, свисходительно выслушивающіе эти рѣчи,—во всемъ триумфѣ народолубія.

Нельзя конечно предположить чтобы такое отношеніе къ народности было только литературнымъ приеомомъ, исходило изъ желанія лосмѣшить читателя зрѣлищемъ человѣческой гаулости и подборомъ смѣшныхъ словъ. Есть конечно такіе смѣшлявые читатели которые будутъ до упаду хотеть надъ вышелприведенными страницами, подобаю тому какъ Гололевскій мичманъ покатывался со смѣху когда ему показывали палецъ. Нѣкоторый разчетъ на такого смѣшляваго мичмана между читателями конечно входитъ въ соображенія г. Успенскаго, потому что въ своихъ очеркахъ и разказахъ онъ иногда именно только показываетъ палецъ: смѣйтесь-моль кому это смѣшнымъ покажется. Но за всѣмъ тѣмъ, отрицательное отношеніе къ народу у этихъ писателей очевидно походитъ изъ вѣкоторой особой идеи, которая объяснится нами ниже когда мы рассмотримъ въ какую сторону направляются симпатіи новыхъ беллетристовъ, и какіе положительные типы находятъ они въ народной средѣ.

Прежде однако чѣмъ искать этихъ типовъ у г. Успенскаго, припомнимъ одного героя изъ повѣстей Рѣшетникова, послужившаго прототипомъ многимъ другимъ героямъ quasi-народной литературы.

„Такихъ людей (рекомендуетъ его авторъ въ повѣсти: *Между Людьми*) мы видимъ постоянно и не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. Первое что бросается въ глаза—это растрепанные волосы, блѣдное лицо, разбитая бровь. Надѣто на немъ суконное пальто, грязное, продранное въ разныхъ мѣстахъ, изобличающее его въ томъ что онъ или драться любитъ, или его бьютъ. Пальтомъ онъ не закрывается; поэтому полы пальто лежатъ на полу и видится грязная холщевая рубаха и сѣрая тиковыя коротенькія брюки; на ногахъ что-то въ родѣ колошъ. Положивши руки на столъ, лѣвую на правую, и сжав-

ши немытые съ недѣлю кулаки, онъ зорко наблюдаетъ за людьми своими сѣрыми глазами, и кажется хочетъ вмѣшаться въ разговоры, да сдерживается.“

Исторію этого-то человѣка разказываетъ Рѣшетниковъ. Звали его Петькой. Онъ росъ сиротой у тетки, и хотя умственные силы его были такъ незначительны что онъ „плохо понималъ чѣмъ значить мать, отецъ и сылъ“, и дѣлѣй мѣсяцъ учился писать буквы, а, но нѣкоторыя художества постигъ весьма рано и умѣлъ въ теченіе всей своей жизни, во всякомъ положеніи и при всякихъ обстоятельствахъ, дѣлать мерзости и подлости. „Напримѣръ бывало—вспоминаетъ онъ — придетъ какой-нибудь нищій къ намъ, я и говорю ему: дома нѣту. А самъ думаю: вотъ и ничего не дали. Маменька (т.е. тетка) велѣла подавать грошики, а я не подамъ тебѣ, себѣ возьму.“ Попадъ онъ затѣмъ на почтовый дворъ, и тамъ „увидю мѣдныя деньги, непременно стяну гривну или колѣнку.“ Въ бурсѣ, гдѣ онъ очутился потомъ, товарищи били его за то что онъ воровалъ у нихъ булки и сушенныя лепешки. Изъ бурсы онъ наконецъ бѣжалъ и былъ отданъ въ уѣздное училище, гдѣ „три года проучился въ первомъ классѣ и ничего не поналъ“. За то онъ поналъ нѣчто другое: „я никого не боялся въ это время, разказываетъ онъ, кромѣ дяди и тетки, и обо всѣхъ разсуждалъ худо. Аристократію дядя (почтаальфонъ) ненавидѣлъ и ругалъ ее при встрѣчѣ почти что вслухъ. Смотри на него, не любилъ аристократовъ и я. — Этихъ счастличиковъ какъ я, такъ и товарищи мои ненавидѣли до того что не давали имъ проходу по городу. Попадется, напримѣръ, баричъ—я ему языкъ высуну. Онъ обидится—я толкну его; онъ обзоветъ меня подлецомъ—я шапку съ него сброшу и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ“... Дальнѣйшая участь Петьки во всемъ отвѣчаетъ счастливымъ задаткамъ обнаруженнымъ имъ въ дѣтствѣ: воруетъ въ почтовой конторѣ журналы и газеты, за что отдается подъ судъ и ссылается въ монастырь; попадаетъ потомъ на службу, переѣзжаетъ въ Петербургъ, иговется за разныя продѣлки изъ службы, торгуетъ старымъ платьемъ на толкучкѣ, пьянствуетъ и наконецъ умираетъ въ Обуховской больницѣ.

Исторія весьма обыкновенная и ничѣмъ не останавливающая на себѣ покамѣсть вниманія. Но разказывая ее, мы опустили одну черту, дающую этой личности и этой жизни со-всѣмъ другой характеръ. Петька—литераторъ честнаго направ-

ленія. Онъ сотрудничаетъ въ газетѣ *Настькомаля*, и не получивъ отъ редактора гонорара пишетъ ему слѣдующее письмо:

„Вы довели меня до нищеты, но я еще не нищій; я честнѣе васъ, потому что достаю себѣ теплый уголь и хлѣбъ такимъ трудомъ надъ которымъ вы въ вашей паршивой газетѣ смѣетесь. Идите на лаацъ, и увидите вашего сотрудника съ сапогами и сюртуками, кричащаго: сапоги хороши! Сапоговъ кули, г. редакторъ! Спросите Петьку Кузьмина: его всѣ знаютъ. Онъ по вашей милости пьяницей сдѣлался.

„Какъ-то я прочиталъ одинъ номеръ вашей паршивой газеты, и позвольте васъ спросить: какое направленіе вашей плюгавой газеты, какія идеи вы проводите? Въ одномъ мѣстѣ кто-то пишетъ что вотъ это бы хорошо сдѣлать для цивилизаціи нашего отечества, въ другомъ вы отвергаете эту пользу, въ третьемъ говорите чортъ знаетъ о чемъ... Вы думаете, я ничего не понимаю? Эхъ вы, цивилизація парикмахерская! Ну, чего вамъ нужно? Кому вы навязываете свои желѣзные мыслишки пропитанныя гнилью... Вы для денегъ завели газету, славу себѣ хотите стяжать... Чѣмъ? А что говоритъ народъ про вашу газету, — даже мы, простые бѣдные люди, о которыхъ вы пишете въ газетѣ какъ о мошенникахъ и которыхъ вы стремитесь искоренить, сами не зная гдѣ зло, откуда оно заводится?

„Мнѣ стыдно что я писалъ у васъ. И я даю себѣ честное слово что нигдѣ больше не буду писать. Радуйтесь, я дарю вамъ свои деньги: расплатитесь на нихъ съ бѣдными рабочими вашей типографіи.“

Такимъ образомъ, этотъ прощальныя, пробывавшійся подтибриваемъ гривенъ и булокъ, этотъ скверный продуктъ нищенства и невѣжества, оказывается вѣщателемъ правды общественной, писателемъ честнаго направленія, кладущимъ перо потому что чувствуетъ свой честный голосъ одинокимъ посреди „парикмахерской“ цивилизаціи... „Сочувствіе автора къ такому герою — писали мы по поводу этой самой повѣсти нѣсколько лѣтъ назадъ—становится въ неестественно-рѣзкій разладъ съ понятіями не только нравственными, но и обиходно-житейскими. Въмѣсто „простаго бѣднаго человѣка“ и человѣка „изъ народа“, является предъ нами обыкновенный ворюшка, къ порочной натурѣ котораго безобразно примѣшалась та удивительная форма развитія которая у насъ овладѣваетъ иногда слившимися съ пути фабричными и волостными писарями изъ кантовиковъ,—то позорное, развѣдающее развитіе которое начинается безобразнымъ смѣшеніемъ понятій, подтибриваемъ гривенъ, и оканчивается сотрудничествомъ въ газетахъ, подобныхъ *Настькомой*, и безвозвратнымъ

пьянствомъ. Неужели авторъ не догадался что его Петька все не „простой бѣдный человекъ“, и что не *Насъколая* обзываетъ „простыхъ бѣдныхъ людей“ мошенниками, а Петьки, самозванно затесавшіеся въ среду „простыхъ бѣдныхъ людей“ и лжеименующіе себя ихъ честнымъ именемъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя думать чтобы здѣсь все ограничивалось простымъ недоразумѣніемъ, авторскою неловкостью. Тенденціозная сторона повѣсти слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, и нельзя не замѣтить ее. Отношенія автора къ его герою объясняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ новыя отношенія къ народности въ которыя вступила беллетристика вышедшая изъ журнальныхъ броженій начала шестидесятыхъ годовъ. Эту „новую“ беллетристику привлекаютъ очевидно не тѣ лющія въ народѣ подспудныя силы, не тѣ простые, цѣльныя и сильныя натуры на которыя обращены были всѣ симпатіи писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. „Новые“ беллетристы не хотятъ знать эти непосредственныя типы, эту неподдѣльную народность, понимать которую насъ научила наша литература. Они ищутъ искаженной народности, тѣхъ вырожденъ народной жизни которые вынесли изъ своей среды только нищету и невѣжество, и привили себѣ отвратительные элементы трактирной цивилизаціи и приказной полуобразованности. Такіе экземпляры представляютъ по видимому особенную ликавность для новой беллетристики какъ матеріалъ весьма удобно подчиняющійся вліянію литературы низшаго порядка, матеріалъ охотно, хотя бессмысленно протестующій, и отличающійся несравненно большею подвижностью чѣмъ настоящая, коренная народность. Самая постановка этихъ героевъ у новыхъ беллетристовъ имѣетъ свою особаго рода ликавность. Намъ показываютъ людей порочныхъ, грязныхъ, но эти пороки, эта грязь прилипли де къ нимъ вслѣдствіе несчастныхъ условій жизни въ которыя ставитъ ихъ сила сложившагося строя. Никто де не заботится воспитать ихъ, окружить благопріятною обстановкой; заброшенное, одинокое дѣтство рано очерствяетъ и ожесточаетъ ихъ; они познаютъ зло, ни гдѣ не видя добра, и падаютъ нравственно, оставаясь въ своемъ паденіи живымъ укоромъ общественному неустройству. Только соприкосновеніе съ журналистикой пробуждаетъ въ нихъ усиленное нравственное чувство, но и то не надолго и безплодно, потому что голосъ ихъ остается оди-

вокимъ, и имъ приходится каяться въ своемъ соучастіи въ своекорыстномъ дѣлѣ.

„Простой бѣдный человѣкъ“ въ томъ смыслѣ въ какомъ показалъ его Рѣшетниковъ въ повѣсти: *Между Людьями* не остался одинокимъ героемъ новой беллетристики. Мнимо-народные разкачки „новой школы“ полюбили этотъ типъ и расплодили его во множествѣ романовъ, повѣстей и очерковъ. Индивидуальныя черты его могутъ видоизмѣняться, но общій родовый характеръ остается одинъ и тотъ же, выхватывается ли его авторъ изъ бурсы, или изъ-за ремесленного верстака, или изъ узьдной канцеляріи, или изъ избы. Всѣхъ этихъ героевъ объединяетъ особая форма развитія, соединяющая весьма двусмысленную нравственность съ убѣжденіемъ что въ привитыхъ къ нимъ порокахъ виновато общество, что они не несутъ за нихъ никакой личной отвѣтственности, и что въ своихъ пакостяхъ они все-таки сохраняютъ какую-то свою особую честность, ставящую ихъ гораздо выше окружающаго міра. Еслибы новые беллетристы внимательнѣе отвесились къ этому типу, они замѣтили бы что пороки и несчастія этихъ героевъ происходятъ главнымъ образомъ изъ ихъ отрѣшенія отъ среды въ которой они родились и въ которой имъ предназначено было дѣйствовать. Ихъ разбитое существованіе обыкновенно является карою ихъ отступничества отъ нормальныхъ путей жизни, слѣдствіемъ неправильнаго обращенія съ тою цивилизаціей усвоить которую правильнымъ образомъ они не могутъ по своей неподготовленности. Но новые беллетристы не доходятъ до прозрѣнія печальныхъ послѣдствій разрыва съ средою, съ нормальною, здоровою жизнью; они принимаютъ этотъ разрывъ за порываніе изъ мрака къ свѣту, изъ неподвижности застоившагося быта къ высшему развитію. Настоящая народность, остающаяся вѣрною себѣ, представляется имъ стоячимъ болотомъ въ которомъ прозябаютъ кривизмы и тупоуміе. Новую литературу какъ бы раздражаетъ неподвижность этой народной среды, ея способность мириться съ условіями своего быта, отсутствіе въ ней протестующихъ элементовъ. Какъ бы въ укоръ этому спокойствію, новые беллетристы создаютъ типы озлобленные, недовольные и протестующіе, въ которыхъ подъ русскою чуйкой такъ и сквозитъ блуза французскаго пролетарія.. Одинъ изъ такихъ мнимо-народныхъ типовъ мы находимъ въ повѣсти г. Глѣба Успенскаго: *Раззоренье*. Михаилъ Ивановичъ—

фабричный, прогнанный, какъ онъ самъ выражается, за „бунтованіе“. Онъ почему-то вдругъ проникся сознаниемъ общественной неправды, притѣсненій, страданій бѣдныхъ людей, и шляется по кабакамъ надсаживая свою разбитую грудь въ ругательствахъ существующему соціальному порядку. „По тому случаю мы дураки, толкуеть онъ въ кабацкѣ,—

„что прижимка напимѣрь, обдерка надъ нами большая была налущена! Вотъ чиновникъ-то ореть... плохо жить стало... а вѣдь этакую дубину мы прокармливали, мы ему, шалаю, сюртуки, манишки шили. . Я это знаю; я видѣлъ, повѣрьте нашимъ словамъ! Потому я не въ одной деревнѣ претерпѣлъ отъ этого разбою, я и въ городѣ его видѣлъ. . Городской разбой лучше деревенскаго былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было...“

Подобно тому какъ Петька въ повѣсти Рѣшетникова, встрѣтивъ на улицѣ барича, показывалъ ему языкъ, Михаилъ Ивановичъ, столкнувшись съ купцомъ или чиновникомъ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ надсаживаетъ грудь чтобъ обругать его позабористѣе. Всякій чиновникъ, всякій купецъ, по его мнѣнію, виноватъ въ его нищетѣ и несчастіяхъ.

„— Вотъ по какому случаю я чиновника-то нонѣ у Трифоновна оборвалъ... Можетъ потому я и мучаюсь что требовался ему каменный домъ, либо хомутъ новый, и онъ меня въ кварталѣ томилъ и мѣщанина разорялъ... У-у, чтобы вамъ!.. А мало ихъ было охотниковъ-то трубочки покурить, сладкаго кусочка пососать?... Города строили! Чтѣ вы? Сдѣлайте милость! Съ чего нашему городу быть? Кабы бабы наши кашею лакомились, небось бы, не очень-то много эдакъ-то народу къ восьмому часу къ кіатру разлегались на жеребцахъ.... Н-нѣтъ, братъ!.. Н-не очень, а то... Эй, кричить, задавлю, мужикъ! Берегись, молъ, эво-ли заг-гибають! Не знаютъ на какой маверъ сытость свою разыграть, а нашъ братъ нищій и чумовой ходитъ!.. Я, братъ, видѣлъ какъ изъ кварталу меня господа чиновники Черемухины вынули на прокормленіе; тутъ я увидился сколь они съ чужихъ денегъ ошалѣли: пиры да бакеты, да кувырканья—весь и сказъ! Голодны они—мужикъ, простой человѣкъ, терпитъ, даетъ имъ корь, а накормитъ онъ ихъ—опять тоже ему вредъ и отъ эфлага...“

Можно подумать что эти гауло-ликантыя рѣчи Михаилъ Ивановичъ переводитъ со словъ какого-нибудь *уверіера* изъ Севаль-Антуанскаго предмѣстья, восклицающаго въ кабацкѣ за стаканчикомъ мазаграна: „*Quels gredins que les honnêtes gens!*“ Но чувство народности въ сущности совершенно чуждо псевдо-

народнымъ беллетристамъ новой школы, и народная жизнь служить для нихъ только матеріаломъ изъ котораго они выкраиваютъ тенденціозныя сценки и ликантныхъ героевъ. Дѣйствительность съ ея пассивнымъ отношеніемъ къ существующимъ условіямъ быта, съ живучестью преданій и привычекъ, съ консерватизмомъ медленно развивающихся народныхъ массъ, не представляетъ для нихъ ничего привлекательнаго. Имъ надо внести въ эти тихія воды нѣчто бурливое и протестующее, надо убѣдить читателя что въ самой этой пассивной средѣ живетъ тѣдное сознаніе недовольства, которое масса не умѣетъ выразить по своему безмѣрному тупоумію, но которое глубоко чувствуютъ личности выступающія надъ общимъ уровнемъ. Не находя этихъ протестующихъ типовъ въ самой дѣйствительности, въ натурѣ, беллетристы въ родѣ г. Успенскаго сочиняютъ ихъ въ собственной фантазіи, соображаясь съ кое-какими чертами западнаго пролетарія и съ социальными трактатами петербургскихъ журналистовъ. Этимъ путемъ создаются Петьки, показывающіе языкъ встрѣчнымъ баричамъ и облечающіе со своего поста на Толкучемъ рынкѣ „парикмахерскую“ цивилизацію, въ которой имъ нѣтъ мѣста; этимъ же способомъ входятъ въ псевдо-народную беллетристику озлобленные Михайлы Ивановичи, которые не только сидя въ кабакѣ ругаютъ чиновниковъ и купцовъ, но даже разѣзжаютъ съ этою цѣлью на лошади по всему околотку, „и вездѣ, куда бы онъ ни привернулъ свою лошадь, въ караулку ли при господскомъ саду, на мельницу, къ „постоялому двору, вездѣ слышится его чахоточная рѣчь:

„— И очень великолѣпно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припрутъ! Радъ я! Душевно. Одна мнѣ и утѣха что на это поглядѣть. Потому опалѣли мы отъ нихъ, дураками и нищими стали... Въ прежнее время чиновникъ-то Трифоновскій, онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни за что: а телерча погодись!“

Содержаніе рѣчей Михайла Ивановича, также какъ и все его міросозерцаніе, очень просто и выражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и воззрѣніе самой литературы представителемъ которой служить г. Глѣбъ Успенскій. Въ этомъ воззрѣніи Россія представляется обширнымъ царствомъ „прижимки“, результатомъ которой было „одуреніе и обнищаніе простаго человѣка, что и можно видѣть на нашемъ рабочемъ, на нашемъ простомъ мужикѣ, представляющихъ образцы глупости

и тупоумія“. Новая беллетристика, какъ мы видѣли, влоанѣ раздѣляетъ взглядъ Михайла Ивановича, изображая народъ бессмысленнымъ стадомъ кретиновъ, не умѣющихъ сложить четвертакъ съ двугривеннымъ. Если самъ Михайлъ Ивановичъ, этотъ не простой мужикъ, выбился изъ стада, „ушелъ отъ этого тупоумія и умѣетъ разсуждать о прижимкѣ“, то этому есть особенная причина, въ которое случайное просіаніе ума: „А потому, говоритъ онъ, разъясняя этотъ вопросъ,—

„что я имѣю просіаніе моего ума. Вотъ-съ на какомъ основаніи я всю эту разбойничью механику понимаю и чувствую, и злюсь... Простой мужикъ дѣлается отъ этого балбесомъ, но я, по моему понятію, получаю чахотку... Вотъ-съ на какомъ основаніи. Въ теченіе времени моей жизни, встрѣтилъ я человѣка который по щекѣ меня не билъ, но вѣдрилъ въ мою душу понятіе...“

Этотъ чародѣй научившій Михайла Ивановича разсуждать о „прижимкѣ“ былъ какой-то кутейникъ, Максимъ Петровичъ, вздумавшій подъ пьяную руку учить его грамотѣ. „Я и нахватался, разказываетъ Михайлъ Ивановичъ, и не умѣю вамъ сказать какимъ манеромъ, только что сталъ я тутъ понимать почему это нашъ братъ въ дырахъ, въ лаптяхъ, на примѣрѣ. И въ первый разъ въ голову мнѣ влетѣло: за чтѣ же, моль, этакъ-то... Разговоры ли ихніе, Максимъ Петровича, или грамота, ужъ вѣрно не могу объяснить, а что страсть сколько я разбойниковъ вдругъ увидалъ...“ И дѣйствительно, все куда ни посмотритъ Михайлъ Ивановичъ представляется ему околлицемъ разбойниковъ, насѣвшимъ на „простаго бѣднаго человѣка“ и устроившимъ на Руси обширное царство „прижимки“.

Впрочемъ, не ему одному такъ кажется. Вдвинувъ въ русскую жизнь озлобленнаго и бунтующаго пролетарія, писатели новой школы не останавливаются на этомъ. Мало-по-малу весь Русскій народъ представляется имъ раздѣляющимъ озлобленіе и ненависть Михайла Ивановича, и помышляющимъ только о томъ какъ бы высунуть языкъ баричу или другимъ способомъ излить свою ненависть на „господъ“. Россія представляется раздѣленною на два большіе лагеря: въ одномъ „господа“ стонутъ о томъ что царству „прижимки“ наступаетъ конецъ, а въ другомъ „простые люди“ торжествуютъ свою побѣду и топчутъ ногами своихъ недавнихъ притѣснителей. Если вѣрнѣе новымъ беллетристамъ, современную Россію раздираетъ такая яростная ненависть бѣднаго къ богу.

тому о которой даже въ западной Европѣ никакого понятія не имѣютъ. Г. Успенскій до того убѣжденъ въ существованіи этой ненависти что въ его повѣстяхъ даже закладчицы отдають деньги въ ростъ не иначе какъ потѣшаясь надъ разоренными господами. Такъ разказываетъ онъ:

„Переносить личную бѣдность было бы не такъ трудно и больно для Черемухиной есаибъ она не подлиралась тѣми которые сумѣли выбиться, подобно Ариинѣ, изъ нищеты въ люди. Примѣры такого превращенія приходилось встрѣчать довольно часто, всякій изъ превращенныхъ считалъ своею обязанностию взглянуть на разоренныхъ господъ какъ на ровню, на что конечно имѣлъ полное право. Однажды, не дотавувъ до полученія пенсїи, она пошла заложить воротникъ къ Ариинѣ, и есаибы не Михаилъ Ивановичъ, бывшій тутъ и уважившій Черемухину, Арина бы потѣшилась надъ бѣдною, измученною женщиною, которая когда-то покупала у нея модоко.

„— Ай вы разорились? разсматривая воротникъ, говорила она съ жеманною небрежностію.

„— Богу такъ угодно.

„— Много васъ этакихъ-то... Жили-жили что нажили?... Что жъ тебѣ дать за оборохъ твой? Рупь, болѣ нельзя.

„— Ну, ну, полегче, заступилса Михаилъ Ивановичъ. — Оборохъ? У тебя много ли такихъ обороховъ было? Съ тебя не Богъ знаетъ что таяуть: три-то рубля онъ двадцать разъ стоитъ.

„Михаилъ Ивановичъ говорилъ тѣмъ суровымъ тономъ въ которомъ слышалось почти согласіе съ Ариной.

„— Вынимай-ко деньги-то... Чего тамъ? Со всякимъ случается.

„— Воля Божія, говорила убитая Черемухина.—Мы должны ей покоряться.

„— Обнаковенно....“ и т. д.

Тихая уѣздная глушь наша очевидно представляется г. Успенскому ареной только - что совершившейся страшной революціи которая покрыла ее развалинами и оставила послѣ себя кровавую ненависть побѣдителей и побѣжденныхъ. Слѣдующая сцена дорисовываетъ картину фантастическаго разгрома въ воображеніи автора перевернувшаго все вверхъ дномъ на Руси:

„Арина, одѣтая въ ваточную кацавейку, подноситъ водку какому-то мужику и говоритъ, не обращая вниманія на Михаила Ивановича:

„— Кушай-ко-сь, Иванъ Евсѣвичъ! На доброе здоровье, дай Богъ вамъ счастливо....

„— Дай вамъ Господи! говорить мужичокъ.— Коли ежели Богъ дастъ, укупимъ его у господъ.

„— Чего это? вмѣшивается Михаилъ Ивановичъ.

„— Дворецъ господскій имѣемъ намѣреніе....

„— Дворецъ жеманно и какъ бы недовольно говоритъ Арина.— Дворецъ господскій укупаютъ.... словно бы диво какое.

„— Важно, важно, братъ! Тяни его! Вытягивай изъ чука-то шерстянаго что утаилъ... Именно богатое дѣло. Вали!

„— Хе, хе, хе! съ мужачкомъ мы тутъ.... признаться, хихикалъ лысенъкій Евсеичъ.

„— Пользайте! злоствуетъ Михаилъ Ивановичъ. — Очень превосходно! Вали въ лаптяхъ въ хоромы, чего тамъ! Утрафьте чтобы при господахъ, прямо съ корытами да онучами.... Чего-о? Именно! Хектуру эту барскую—безъ вниманія!

„— Хектура намъ—тъфу! Что намъ съ простору-то? Простору въ полъ много.

„— Что съ него, съ простору? тѣмъ же тономъ присовокупляютъ Арина.

„— Намъ главная причина—залъзо! Мы изъ яво, изъ двorca-го, залъза одного надергаемъ—эво ли кольки!

„— Дергай, братъ! Выхватывай его оттедова.

„— А которая была эта хектура—камень, напимѣръ, кирпичъ—рѣдкостные! Кабаковъ мы изъ него наладимъ по тракту съ полсотни. Вѣрно такъ.

„— Разбойничайте, чаво тамъ? запрету не будетъ!

„— Какой запретъ? Мы дѣла свои въ аккуратности, чтобы ни Боже мой!“

Картина разоренья, въ которой „господа“, чиновники и купцы являются связанными по рукамъ и по ногамъ и припертыми къ стѣнѣ, а „простые бѣдные люди“, стоявшіе до сихъ поръ подъ игомъ „прижимки“, силою волшебства всплываютъ на самый верхъ новаго общественнаго порядка и всачески наругаются надъ своими недавними притѣснителями—эта фантастическая картина и составляетъ идею повѣсти г. Успенскаго: *Раззоренье*. Во всѣхъ углахъ нашей уѣздной глуши охи и стоны „раззоренныхъ“ и злобныя ликованія „простыхъ бѣдныхъ людей“, слетѣвшихся со всѣхъ сторонъ на лепелище испровергнутаго царства „прижимки“. Вчерашніе богачи, съѣзжавшіеся „къ осьмому часу къ кіятру“ (выразится ли когда-нибудь такъ искусственно мужикъ?), несутъ къ старымъ бабамъ закладывать свои „оборохи“, дворцы растаскиваются, мужики совѣщаются о томъ чтобы при господахъ съ корытами и онучами ввалиться въ барскія хоромы, дворяне безъ салогъ ходятъ по мѣщанскимъ дворамъ за подаваніемъ. Но всего любопытнѣе что мужикъ сталъ до такой степени

тенденціозенъ что не менѣе г. Успенскаго вѣрнѣе въ небыва-
 лый социальный переворотъ—не только вѣрнѣе, но даже выно-
 сить изъ него острыя политическія страсти, которыя клоко-
 чутъ въ немъ, словно въ самомъ разгарѣ ожесточенной со-
 циальной борьбы когда замираютъ всѣ человѣческія чувства и
 остается одна животная ярость, побуждающая затоптать нога-
 ми побѣжденнаго врага. Авторъ не останавливается предъ
 такими чертами которыя будучи совершенно чужды народно-
 му характеру коробятъ свою фальшивостью и производятъ
 тяжелое впечатлѣніе, какъ камень легкомысленно пущенный
 въ ничѣмъ неповинную толпу. Г. Успенскій разказываетъ:

„По части торжества прижимки исходящей изъ простаго
 званія, у Арины большая практика.

„Не успѣвъ потѣшить Михайла Ивановича убогонькій му-
 жичокъ, какъ сама Арина выступаетъ на сцену съ разказомъ,
 тоже пріятнымъ для Михайла Ивановича.

„— И что это, я полагаю, говоритъ она, улыбаясь и какъ-то
 изнемогая:—и сколько это телерича стало потѣхи надъ ихнимъ
 братомъ.

„— Ну, ну, ну, торопить Михайла Ивановича.

„— Даже ужасъ сколько надъ ними потѣхи! Она медви идетъ,
 шатается... Я ополченецъ.... возьмите въ залогъ галстухъ....
 военный. Смертушки мои, какъ полагаю на него.

„Всѣ хочотъ: и Михайла Ивановича, и Евсѣвичъ, и дура-
 лей мужъ Арины осканилъ свое гаулое, толстое и масляное
 лицо.

„— Что жъ это вы, говорю, по вашему званію и безъ са-
 логъ? трясясь отъ смѣха, едва можетъ произнести Арина. —
 А дакей увесъ чистить, не приносиль.

„Новый грохотъ еще продолжательнѣе лерваго.

„— Обязавъ я по визитамъ безъ салогъ.

„Смѣхъ захватываетъ у всѣхъ дыханіе, такъ что въ комна-
 тѣ царитъ молчаніе, среди котораго смѣющіеся хватаются за
 желудки (вѣроятно за животы?) закидываютъ назадъ головы
 съ разинутыми ртами, и потомъ долго стонуть, отплеиваются
 и отчихиваются.

„— Хорошенько-о, хорошенько, бра-ать! красный отъ смѣ-
 ха, говоритъ Михайла Ивановичъ, нагибаясь къ Аринѣ и хло-
 лая ее по плечу“.

Знакомая съ подобными деталями которыми новые белле-
 тристы рисуютъ картину наставшаго на Руси „раззоренія“,
 нельзя не обратиться къ нимъ съ вопросомъ:

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

А между тѣмъ одинъ г. Успенскій написалъ такихъ портре-
 т. снѣ

товъ и разговоровъ нѣсколько книжекъ. У него всё явленія жизни подведены подъ „раззореніе“ и „прижимку“, до такой степени что даже отсутствіе жениховъ около уѣздной барышни является слѣдствіемъ соціальнаго переворота который на глазахъ его совершился въ современной Россіи, такъ точно какъ прежде люди рождались, женились и умирали не для чего иного какъ только во исполненіе всеобъемлющаго закона „прижимки“.—„Прижимка обмякла (?)—объясняетъ Михаилъ Ивановичъ уѣздной барышнѣ; нѣту того грабежу... Черезъ это вы и скучаете.“—„Да развѣ я кого грабила?“ со смѣхомъ спрашиваетъ его барышня.—„Вы не грабили-сь, поясняетъ свою мысль сентантуанскій увреръ въ чуйкѣ,—а жениховъ стало меньше... вотъ изъ-за чего и скука. Въ прежнее время женихъ былъ охочъ; доходъ съ простаго человѣка у него вѣрный, онъ бралъ даму, не боялся.... Первое дѣло безъ дамы ему нельзя. Второе дѣло, ему одному не разорваться: онъ хватаетъ, жена должна прятать, выходить семейный домъ.... И дѣвицы, женскъ полъ, скуки не знали. Потому мало-мало въ возрастъ пришла которая, сейчасъ сѣла къ окошечку съ шитьемъ, для близиру, а въ ужъ грабитель-то и подползаетъ.... А въ ужъ онъ гдѣ-нибудь пошевеливается.... Ужъ онъ гдѣ-нибудь тутъ, близу... Ну, и свадьба, и пошла дѣвица домой, пошла она въ чуланъ таскать цыплятъ дареныхъ. Только у васъ и дѣла.... И скуки нѣту.... А теперь трудно стакъ-то“...

Вотъ эта-то фантастическая картина „прижимки“ и „раззоренія“, въ которой Русскій народъ справляетъ злую тризну по обнищавшему барствѣ и торжествуетъ переходъ насилія изъ рукъ чиновниковъ и „господъ“ въ руки „простыхъ бѣдныхъ людей“—выдается новою литературой за непосредственное изображеніе народной жизни, которую старая литература будто бы искажила подкрашиваньемъ и подслащиваньемъ. Но если въ произведеніяхъ писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ можно замѣтить иногда нѣкоторую идеализацію народной жизни, нѣкоторую натяжку въ обобщеніи ея свѣтлыхъ явленій, то въ повѣстяхъ и очеркахъ новыхъ беллетристовъ систематическую фальсификацію народности нельзя даже объяснить натяжкой. Ихъ мнимо-народныя изображенія—просто тенденціозное выкраиванье изъ представляемаго дѣйствительной жизнью матеріала произвольныхъ контуровъ и фигуръ, произвольныхъ положеній и подтасованныхъ послылокъ къ предвзтому заключенію. Дѣло идетъ гораздо далѣе простыхъ пре-

увеличеній; все съ самаго начала берется фальшиво, композиція набрасывается на бумагу изъ головы прежде чѣмъ осмотрѣвъ сюжетъ въ натурѣ. Авторъ очевидно заботится не о томъ чтобы какъ можно вѣрнѣе и осмысленнѣе отразить въ своемъ произведеніи явленія дѣйствительной жизни, а только о томъ чтобы скомпоновать ликавтый рисунокъ отвѣчающій тенденціознымъ требованіямъ литературной моды. Въ результатѣ, весьма естественно, получается не изображеніе жизни въ ея правдѣ, не творчество, а только худосочная тенденція петербургскаго журнализма.

Эта тенденція окончательна вытѣснила въ петербургской печати настоящую литературу, и удовлетвореніе этой тенденціи есть вѣнецъ требованій современной петербургской критики. Г. Успенскій, такъ высоко цѣнимый петербургскою критикою, очевидно удовлетворяетъ именно этимъ требованіямъ, потому что внутреннее, общественное содержаніе его произведеній, его теорія „прижимки“ и „раззоренія“, представляетъ скорѣе поддѣлку подъ общее направленіе, общій тонъ петербургской журналистики, чѣмъ самостоятельное развитіе какой-нибудь идеи. Эта идея, выловленная въ журналистикѣ, очевидно уже виситъ у него на остреѣ пера прежде чѣмъ онъ напишетъ первую строку повѣсти, и затѣмъ въ разработкѣ беллетристическаго матеріала дѣйствительная жизнь и разумная причинность явленій уже не принимаетъ никакого участія. За то тенденція соблюдена весьма удачно, и петербургская критика, находя въ повѣсти *Раззореніе* новизну и свѣжесть взгляда и богатство общественнаго содержанія, безъ сомнѣнія имѣла въ виду именно эту искусную прикоровленность повѣсти къ тенденціи. Что же касается мыслей принадлежащихъ самому г. Успенскому, составляющихъ его личную литературную собственность, то онѣ не отличаются основательностью, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія въ повѣсти *Лынтэй*.

„Слова *нельзя* и *молчать* семейство Купріянова знало въ совершенствѣ. Отецъ Ивана Купріянова дослуживъ до офицерскаго чина изъ простыхъ солдатъ; это стоило ему немалыхъ трудовъ, увѣчій и ранъ, и со словомъ „нельзя“ ознакомилъ довольно хорошо. Отлучиться съ часомъ къ больной женѣ, крикъ которой слышится изъ сосѣдней лачужки, *нельзя*. Купить корову для ребенка и повести ее за полкомъ—такъ какъ приказано идти въ походъ—*нельзя*. Отлучиться къ женѣ оставшейся въ лазаретѣ на пути похода, *нельзя*; кулить и носить

шалку на ватѣ, по случаю ревматизма, нельзя, равно нельзя надѣть фуфайку, несмотря на ломуту въ поясницѣ. Все это, то-есть и шалка и корова, и пр. могли быть разрѣшены точно также какъ могли быть и строго воспрещены, и если отецъ Ивана Купріянова успѣлъ достигнуть офицерскаго чина, то можете судить, какія громадныя усилія долженъ былъ онъ посвятить терпѣнію и повиновенію. Въ такой страшной школѣ, гдѣ для того чтобы надѣть теллаую шалку нужно было дожидаться указа изъ Правительствующаго Сената, прожила семья Купріяновыхъ, то-есть отецъ и мать, до свѣдѣхъ вольсь“ и т. д.

Г. Успенскому кажется что рѣшительно все равно позволять ли солдату уходить съ часовъ къ женѣ или нѣтъ, позволять ли ему водить за собою въ походѣ коровъ и телятъ или нѣтъ, и что если подобныхъ удобствъ ему не дозволяютъ, то единственно по калрису, въ силу укореившейся „прижимки“. По мнѣнію г. Успенскаго, всѣ эти стѣсненія обставляютъ солдата только потому что онъ солдатъ, а какъ только дослуживается онъ до офицерскаго чина, ему тотчасъ разрѣшается и съ часовъ уходить, и ватную шалку носить, и коровъ за собою таскать.... Наивность этихъ понятій равняется наивности того представленія какое беллетристы новой школы имѣютъ объ общественной жизни, о бытѣ образованныхъ классовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, соименникъ и соратникъ г. Глѣба Успенскаго, г. Н. Успенскій, желая охарактеризовать въ одной повѣсти свѣтскую жизнь, заставилъ какого-то графа проводить свое утро въ *нѣсколькихъ ресторанахъ*, по обычаю моль людей его круга.

Удаленіе отъ дѣйствительной жизни представляется впрочемъ естественнымъ послѣдствіемъ той тенденціозности которой служить литература гг. Успенскихъ и К°. Но мы видѣли что тенденціозность этой литературы не только не обогащаетъ ее внутреннимъ содержаніемъ, но напротивъ до крайности суживаетъ горизонтъ писателей, заставляя ихъ мысль однообразно кружиться около одной и той же идеи и подводить всѣ явленія жизни, мимо ихъ дѣйствительнаго смысла и значенія, къ одному произвольному знаменателю. Это круженіе около одной идеи, эта узкая формалистика, внесенная въ такую свободную область какова беллетристика—конечно не могли поднять ея внутренняго содержанія и усилить притокъ идей, на скудость которыхъ въ художественной литературѣ такъ часто жалуются петербургская критика. Напротивъ, никогда общественные и нрав-

ственные интересы не были такъ слабо представляемы въ литературѣ какъ въ восхваляемыхъ ею произведеніяхъ. Никогда идеи проводимыя въ беллетристикѣ не были такъ незначительны, никогда литература не была такъ бѣдна мыслями какъ въ произведеніяхъ тенденціозной беллетристики нашихъ дней. Петербургская критика, такъ охотно возвеличивающая беллетристовъ этой школы на степень *первыхъ* русскихъ писателей, конечно была бы поставлена въ большое затрудненіе еслибъ ей пришлось, не отговариваясь общими фразами, указать какія именно плодотворныя идеи разработала эта литература, такъ смѣло отрицающая общіе законы искусства и толкующая о растлѣвающимъ значеніи художественной литературы. Ей пришлось бы сослаться на весьма двусмысленное нравственное міросозерцаніе какое выразилось въ упомянутой выше повѣсти Рѣшетникова, или на весьма дѣтскія мысли, каковы напримѣръ мысли г. Глаба Успенскаго объ отлучкахъ часоваго къ женѣ, о ваточныхъ шапкахъ и о сопровожденіи полка въ походѣ солдатскими коровами ...

Дѣло въ томъ что эти „новая“ литература, отвергнувъ общіе законы искусства и преданія художественной школы, которыя она въ своемъ печальномъ заблужденіи признала солидарными со старыми общественными формами,—выступила вѣсье не на служеніе идеѣ, какъ о томъ заявляла во всеуслышаніе журналистика шестидесятыхъ годовъ, а на служеніе своему личному дѣлу. Для служенія какой бы то ни было идеѣ у этихъ писателей не оказалось достаточной внутренней состоятельности, но за то они преисполнились раздраженія противъ движущейся мимо ихъ жизни, и очень сознательно стали проводить свое раздраженіе въ литературу, сдѣлавъ изъ него общественный вопросъ. Отрицательное направленіе, которому въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ удалось на короткое время разыграть вѣкоторую роль, скоро увидѣло себя отброшеннымъ на задній планъ. Жизнь, въ своемъ движеніи, оттолкнула эту литературу какъ негодную поросль, и она чувствуетъ себя совершенно особнякомъ среди новаго общественнаго строя, безъ корней, безъ вліянія, безъ значенія. Отсюда то оппозиціонное отношеніе къ современной дѣйствительности въ какомъ состоитъ „новая“ беллетристика, то глухое и злобное раздраженіе которое чувствуется въ ея тенденціозныхъ изображеніяхъ народной жизни. Она какъ бы вошла въ роль извѣст-

наго Степана Трофимовича въ романѣ *Бъсы*, взиравшаго на все новое движеніе съ точки личнаго самолюбія и сердившагося за то что „его забыли“. Эта петербургская литература, обрушиваясь на старые порядки, во имя идеи, отрицаетъ новую жизнь, потому что эта жизнь сложилась помимо ея, что „ее забыли“. Какими бы призрачными идеями ни прикрывалась она, но подкладка личнаго раздраженія постоянно чувствуется. Современная дѣйствительность сдѣлалась для нея, какъ для Степана Трофимовича, вопросомъ личнаго самолюбія, какъ бы личнымъ дѣломъ, съ которымъ она имѣетъ личные счеты. Она дуется и ворчитъ, и какъ это бываетъ всегда при личномъ разараженіи, проходитъ мимо дѣйствительнаго зла и создаетъ призраки. Ей кажется что и въ дѣйствительной жизни господствуетъ то же самое сѣвдающее ее раздраженіе, и она помѣщаетъ свои симпатіи въ безцѣльно-озлобленныхъ ругателяхъ, въ родѣ Михайла Ивановича, создаетъ призрачное царство „прижимки“ и „разоренія“, торжествуетъ съ мнимыми побѣдителями ихъ призрачную любовь, купается въ океанѣ ругательствъ которыми ея герои заливаютъ цѣлыя стравицы. Г. Успенскій особенно любитъ возвращаться къ этому типу ругателя разносящаго по бѣлу-свѣту свою безпутную злобу, свой хроническій лай на все окружающее. Онъ не только любитъ этимъ лаемъ, онъ даетъ почувствовать его побѣждающую силу. Въ повѣсти *Льняной*, лицо отъ котораго ведется разказъ вспоминаетъ о своемъ отцѣ, проведемъ цѣлую жизнь въ безобразнѣйшей ругани, доведемъ ее до виртуозности, почерпавшемъ въ ней высшее, какое-то художественное наслажденіе. Сидитъ онъ на примѣръ на лавочкѣ съ сосѣдомъ, и ругательски пристаётъ къ нему, зачѣмъ тотъ копить деньги.

— Давай отвѣтъ на вопросъ!... Спрячь хвостъ-то—будетъ вилать!... Давай-ко отвѣтъ-то... ливной ты котелъ!

— Отвѣтъ тебѣ? горячится купецъ, придвигаясь къ отцу.

— Д-да! Отвѣтъ! Языкъ имѣешь?

— Имѣю я языкъ, крыса летучая! Им-мѣю! Отвѣтъ что ли тебѣ надо, Искаріоту?

— Отвѣту давай, толстомаяся дуры!

— На тебѣ отвѣтъ, кулорокъ ты астраханскій:—н-на! Въ лаптахъ я пришелъ въ городъ, вахлакомъ со щепки началъ,— семью имѣю, домъ имѣю, деньги им-мѣю... Зачѣмъ? да хоть дочь я свою изъ деревенскихъ дѣвокъ выведу въ люди...

„— За благороднаго? быстро вставляетъ свое словечко отецъ.

„— А нешто нѣтъ, харя балаганная. Неужто нѣтъ?... Заткнулъ ли я тебѣ глотку, Иуда? Получилъ ли ты отвѣтъ?

„— Тебѣ ли, толстому, заткнуть мнѣ глотку? Ахъ ты, гнилое ты колесо! Разъвай ротъ шире—я тебѣ затыкать горло буду... Я тебѣ его заткну, дубью безмозлому! Я-а-а!...“

Набросавъ эту невозможную сценку, авторъ отходитъ всторону, любится своимъ героемъ, вводитъ читателя въ его міросозерцаніе:

„И дѣйствительно, замѣчаетъ онъ, мудро было заткнуть ротъ моему отцу. Быть-можетъ, частью подъ вліяніемъ желанія оправдать свое раззореніе и бѣдность, онъ тотчасъ же переносилъ вопросъ о разумномъ употребленіи богатствъ на практическую почву и принимался представлять изъ тогдашнихъ нравовъ такія картины безсознательности жизни считае-мой счастливою что дѣйствительно оказывалось совершенно ненужнымъ биться и наживать чтобы завоевать это счастье.“

Смыслъ всей этой ругани, заливающей цѣлыя страницы въ новой повѣсти г. Успенскаго, очевидно тотъ же самый что и въ *Раззореніи*, съ тою только разницею что надъ разглагольствованіями Михайла Иваича о „прижимкѣ“ слушатели его подтрунивали, безлутная же брань *Лытля* является уже въ торжествующемъ и вселобѣдномъ видѣ. Опять все та же пѣсня о томъ что „простаго бѣднаго человѣка“ оболванили, что даже выбивающіеся изъ темноты никуда не годятся вслѣдствіе привитыхъ имъ дурныхъ идей:

„— И ужь изуродовали же глулыхъ только васъ, на чужую на потѣху! Ишь вѣдь что имъ въ голову-то набухали, пусто-звонамъ несчастнымъ. Персидскаго ему дай посла! Свинья ты, свинья. Дошь свою за благороднаго въ гробъ желаю вбить; сыловей моихъ Цыганкамъ отдать, а самъ желаю на старости лѣтъ голубей говаять, да водкой облопаться. Ахъ вы, мордастые дураки!

„— Пещь поганый!

„— Ахъ вы, черти ободранные! Ишь имъ что надо—а? Пятьдесятъ лѣтъ народъ надуваетъ, аршинаичаетъ, душу губить, зачѣмъ?

„— Поди ты къ шуту.

„Собесѣдникъ положительно уходитъ.

„— Зачѣмъ? Постои покуда! Погоди, я тебѣ совѣтъ дамъ...

„— Провались ты, чумовой...“

Двѣнадцать страницъ этой бессмысленной ругани заключаются у автора такимъ образомъ:

„— Вотъ они, богачи-то, посадивъ къ себѣ на колѣни и поглаживая мою голову (стало-быть и *посадишь* относится къ *головаѣ*?), говорить онъ.—Ванятка! чуля, чтоль? Крикну ему, дураку: вѣ, воротись, моля тятенька тебя еще разъ другой хорошенько наколпачуть. Крикни ему!

„Въ отцѣ, въ его рѣчахъ, въ его лицѣ столько побѣждающей правды что глядя на него и слушаая его, едва ли можно когда-нибудь получить аппетитъ къ богатству.“

Надо конечно обладать развитіемъ Ванятки чтобъ испытать на себѣ всепобѣждающее дѣйствіе бессмысленной, нелѣпой брани. Покровительство петербургской тенденціозной литературы этимъ странствующимъ по блѣду-свѣту ругателямъ протекаетъ разумѣется не изъ убѣдительности разносимаго ими лаа, но изъ того обстоятельства что въ этой ругани, обращенной ко всей мимо-идущей жизни, литература эта помѣщаетъ частицу своего собственного личнаго раздраженія. Эти фантастическія, чуждыя дѣйствительной народной средѣ личности, безпутно лающія на все то въ чемъ петербургскій журнализмъ видитъ вопросъ личнаго самолюбія, служатъ какъ бы странствующими агентами новой литературы, разнося по Руси злость и желчь, глухое и мстительное раздраженіе котораго накопѣли въ литературныхъ кружкахъ воображавшихъ себя во главѣ движенія и отброшенныхъ имъ въ сторону. Они какъ бы олицетворяютъ собою то оппозиціонное отношеніе къ современной дѣйствительности въ какое стала къ ней „новая“ литература съ тѣхъ поръ какъ идеи лучшаго общественнаго порядка начали осуществляться, изъ области мечтаній переходя въ область практической жизни и утрачивая при этомъ переходѣ то что было въ ихъ первоначальной формѣ наиболѣе привлекательнаго для петербургскаго журнализма.

Современная печать очень много говоритъ о критическихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности, давая понять что именно такого рода отношенія отличаютъ покровительствуемую ею литературу гг. Помяловскаго, Рѣшетникова, Успенскихъ, Левитова и др. Но это конечно не болѣе какъ одно изъ тѣхъ недоразумѣній безъ которыхъ шагу нельзя ступить въ нынѣшнихъ литературныхъ дѣлахъ. Критика дѣйствительности предполагаетъ прежде всего изученіе этой дѣйствительности; критическое отрицаніе есть отрицаніе во имя извѣстной идеи, извѣстнаго идеала, который, какъ вѣчто лучшее, противопоставляется существующему, худшему. Необходима та или другая норма чтобы судить

объ отступленіяхъ отъ этой нормы. Но мы видѣли что отсутствіе всякаго общественнаго идеала есть отличительная черта нашей тенденціозной литературы, обходящейся въ своемъ отрицаніи безъ всякаго критерія, отчего самое отрицаніе получаетъ характеръ чего-то произвольнаго, общаго до неопредѣленности и капризно-личнаго. Безцѣльная брань безразлично на старый и новый строй жизни конечно ни мало не содѣйствуетъ критикѣ дѣйствительности и производитъ только впечатлѣніе безпредметнаго личнаго раздраженія. „Новая“ литература въ этой огульной брани тщательно избѣгаетъ указать на существующіе въ дѣйствительности предметы осужденія, и если выступаетъ иногда на практическую почву, то уровень ея критическаго пониманія не превышаетъ приведенныхъ выше мыслей г. Успенскаго объ отлучкахъ часоваго къ женѣ, о фуфайкахъ и коровахъ. Происходитъ это конечно столько же отъ внутренней несостоятельности писателей этой „новой“ школы сколько и отъ совершенной обособленности ихъ посреди дѣйствительной жизни, съ явленіями которой они знакомятся сквозь призму вынесенную изъ безплодныхъ журнальныхъ брожекъ недавняго времени.

А.

РУССКІЕ ПРАВЫ

ПОДЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПЕРОМЪ

ПОЛУ-РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Къ намъ ввозится ежегодно масса французскихъ дѣтскихъ книгъ; въ особенности расхочется *Bibliothèque Rose*, чему не мало способствуетъ ея дешевизна: за 70 коп. (2 франка) отличнo напечатанный томъ въ 25—30 листовъ со множествомъ очень хорошихъ иллюстрацій. Сравните эту цѣну съ тою почемъ продается, напримѣръ, г. Вольфъ свои дѣтскія иллюстрированныя изданія. Содержаніе этой *Розовой Библиотеки* большею частью очень недурное, и ея книжки доставляютъ занимательное дѣтское чтеніе. Но встрѣчаются и удивительные куріозы. На дняхъ намъ случайно попался въ руки одинъ изъ ея томиковъ, заглавіе котораго и имя автора невольно обратили на себя вниманіе: *Le Général Dourakine* (*Генералъ Дуракинъ*). Значитъ содержаніе взято изъ русской жизни. Имя авторъ: „графиня Сегюръ, рожденная Ростопчина“. Итакъ писательница происходящая изъ семейства носящаго историческое русское имя знакомитъ французскихъ и русскихъ дѣтей съ русскою жизнью. Все это очень заманчиво, и побудило насъ прочесть всего *Генерала Дуракина*.

Дѣйствіе происходитъ въ 1857 году, когда генералъ Дуракинъ возвращается изъ французскаго плѣна въ свое смолен-

ское имѣніе въ сопровожденіи Француза-лакея съ семействомъ. Генералъ очень толстъ, дикъ и добръ; онъ преисполненъ уваженія ко Французу-лакею и ко всему французскому и полнѣйшаго презрѣнія ко всему русскому. Замѣьте что это шестидесятилѣтній старикъ, проведеній весь вѣкъ на Кавказѣ. Вотъ какъ выражается старый русскій генералъ въ разговорѣ съ Французомъ о своемъ имѣніи: „Да, это отличное помѣстье: 4.000 крестьянъ, 200 лошадей, 300 коровъ, 20.000 овецъ и множество другаго скота“.

Къ генералу пріѣзжаютъ гостить двѣ племянницы: одна, богатая и злая, гжа Половская; другая, бѣдная и добрая, гжа Дубровина, мужъ которой убитъ подъ Севастополемъ. Въ то самое время когда генералъ ищетъ гувернера для дѣтей гжи Дубровиной, его лакей Деринья находитъ въ лѣсу полумертвлаго Поляка, князя Потарскаго (!), бывшего адъютанта Дуракина; этотъ князь за одинъ только разговоръ о политическихъ предметахъ и за какіе-то найденные у него проекты былъ безъ суда сосланъ въ каторжную работу и огромное имѣніе его было конфисковано; изъ Сибири онъ успѣлъ бѣжать и очутился въ имѣніи генерала Дуракинъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями и подъ именемъ Англичанина Джаксона дѣлаетъ гувернеромъ своихъ вучать Дубровиныхъ. Все идетъ прекрасно, но Поповская догадывается что Джаксовъ Полякъ, и грозитъ довести. Генералъ въ отчаяніи; онъ кричитъ что его сошлютъ въ Сибирь и имѣнія его конфискуютъ. Онъ тайно продаетъ всѣ свои имѣнія за 13 милліоновъ и бѣжитъ за границу съ семействомъ Дубровиной и княземъ Потарскимъ. Вотъ предестный разговоръ генерала предъ отъѣздомъ со своими друзьями:

Князь.—Мой любезный и почтенный другъ, я думаю что вы спасли всѣхъ насъ отъ адскаго довоза, который, я не сомнѣваюсь, имѣлъ бы успѣхъ.

Генералъ.—И спасъ себя самого, мой другъ, я въ этомъ увѣренъ, зная какъ постулають у насъ со всѣмъ польскимъ и католическимъ; а въ этомъ отношеніи всѣ мы повинны; не правда ли, дочь моя? прибавилъ генералъ цѣлуя въ лобъ гжу Дубровину.

Гжа Дубровина.—Да, батюшка. Страданія несчастной Польши меня трогаютъ; въ несчастіи я открыла сердце для христіанскихъ утѣшеній одного добраго и святаго католическаго священника, жившаго въ моемъ сосѣдствѣ, и онъ меня научилъ страдать съ покорностью и надѣяться.

Романъ (князь) слушалъ гжу Дубровину съ почтеніемъ, восхищеніемъ, счастьемъ.

— А ваши дѣти? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Гжа Дубровина.— Они также какъ и я пламенно желаютъ быть въ состояніи свободно практиковать свою религію, единственно гонимую и прокливаемую въ Россіи, потому что она одна истинная.

Прибывъ во Францію генералъ женить князя на дочери Дубровиной; даетъ два милліона Поляку и такую же сумму невѣстѣ, покупаетъ замокъ и заживаетъ счастливо, избравъ мѣстнаго кюре своимъ духовнымъ отцомъ и *управляющимъ соотвѣтственно* (directeur de la conscience). Ни каксе облачко печали, въ образѣ отечества, друзей, родныхъ, не омрачаетъ счастья нашей колоніи; генералъ Дуракинъ даже приготовилъ для себя и своихъ друзей склепъ. Но было бы напрасно заключать что графиня Сегюръ, рожденная Ростолчина, не вѣдаетъ о чувствѣ любви къ отечеству. Нѣтъ, она знаетъ его, но только у Французовъ: Дериньи въ Смоленскомъ имѣніи князя бесѣдуетъ съ женой своей о „милой Франціи“.

Картина русскихъ порядковъ, выразившаяся въ томъ что знатный генералъ долженъ подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь, имѣніе его конфискаціи, за одно принятіе къ себѣ въ домъ Поляка, приобретаетъ еще болѣе яркія краски въ изображеніи судьбы гжи Поповской. Генералъ, желая избѣгнуть страшнаго довеса, оставилъ гжѣ Поповской управлять имѣніями, которыя продалъ, скрывъ отъ нея продажу. Но, чтобъ избавить крестьянъ отъ истязаній управительницы до пріѣзда новаго владѣльца, онъ оставилъ исправнику бумагу въ которой формально запрещаетъ наказывать тѣлесно крестьянъ. Поповская предлагаетъ исправнику 100.000 руб. за отдачу ей этой бумаги, т.-е. за право сѣчь крестьянъ. Исправникъ отказывается ей, подъ любопытнымъ предлогомъ что его сошлютъ въ Сибирь за уничтоженіе бумаги генерала; и вслѣдъ за тѣмъ требуетъ отъ нея обязательства въ 200.000 р. за молчаніе о ея предложеніи. „Въ противномъ случаѣ, говоритъ исправникъ, я доведу генералъ-губернатору о безчестномъ предложеніи которое вы осмѣлились сдѣлать мнѣ, и это поведетъ васъ въ Сибирь или во всякомъ случаѣ въ монастырь на покаяніе, что весьма несприятно: тамъ сѣкутъ ежедневно хуже чѣмъ ны сѣчете своихъ слугъ и крестьянъ.“ Госпожа Поповская даетъ обязательство, но не можетъ удержаться чтобы громко не выругать

исправника. Тогда по знаку исправника помѣщицу двухъ тысячъ душъ крестьянъ хватаютъ, ведутъ въ маленькій кабинетъ; доски опускаются, и ее жестоко сбькутъ.... Исправникъ прибавляетъ: „если вы заикнетесь о роспискѣ въ 200.000 руб., я вею васъ схватить и сослать (*faire enlever et disparaître*), такъ что никто не узнаетъ что съ вами сталось: тогда вы познакомитесь съ Сибирью и съ плетью.“

Такова картина дѣйствія исправника съ богатою помѣщицей. Исправникъ беретъ съ нея обязательство въ 200.000 за то только чтобы не сообщать губернатору о ея предложеніи уничтожить бумагу генерала, воспреещающую ей сбъчь крестьянъ; ова вѣритъ что за такое предложеніе ее сошлютъ въ Сибирь, вѣритъ и тому что поселенныхъ въ монастырь дворянокъ сбькутъ ежедневно. И тотъ же самый воръ-исправникъ сбъчетъ помѣщицу за одно неприличное выраженіе о полицейской власти.

Итакъ вотъ что узнаютъ о Россіи и рускиихъ порядкахъ французскія, а за ними и наши дѣти изъ книжки расходящейся массама. Въ глазахъ французскихъ воспитательницъ авторитетъ *Генерала Дуракина* долженъ быть полнымъ: сочинила его дама изъ знатной русскоѣ фамиліи. Вотъ какой перлъ въ религиозномъ и социальномъ отношеніи представляетъ *Генералъ Дуракинъ*; отъ этого-то перла мы желаемъ предостеречь русскихъ матерей и воспитательницъ.

А. Л.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ пересылкою 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТ-ФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНИИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЗЕМЦЫ И НѢМЦЫ *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кто во что горады!
(Поговорка.)

I.

Два круныя происшествія въ Азгарѣ, прервавшія спокойную всеневную жизнь, прїѣздъ князя Данилы и затѣмъ на утро обморокъ Кречетовой, все еще мѣшали азгарской жизни войти снова въ обычную колею.

Прѣшло двѣ недѣли, а князюшка Данило былъ все еще предметомъ всеобщаго вниманія; невѣста Уздальскаго еще болѣе.

Послѣ происшествія за столомъ, когда Милуша увидѣла предъ собой въ третій разъ и на подачу руки своего лѣсовика — по крайней мѣрѣ, такъ думала она и вѣрила — дѣвушка упала въ обморокъ и очнулась только у себя въ горницѣ.

Придя совершенно въ себя, она бросилась къ отцу и стала умолять его уѣхать немедленно изъ Азгара. Старикъ уговаривалъ дочь со слезами на глазахъ, и полагая что все дѣло въ стыдѣ по поводу полученныхъ пощелуевъ, объяснялъ дочери что князь про все забылъ, а если и вспомнить, то подкупать сѣвную дѣвушку на себя взять.

---

* Второй томъ романа *Пугачевцы*, котораго первый томъ, подъ заглавіемъ *Безумья*, помѣщенъ въ двухъ предыдущихъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника*.

— А и свѣдаетъ—что за лихъ?

— Батюшка, поѣдемъ. Ради Господа! плакала Милуша и вся горѣла какъ въ огнѣ.—Я умру! умру! Батюшка не губи меня. Поѣдемъ.

Никакія увѣщанія не помогали. Когда Кречетовъ вышелъ и оставилъ дочь со старухой, Милуша какъ безумная кинулась къ Кириловнѣ.

— Мамушка, убѣжимъ отсюда. Умру я здѣсь. Онъ лѣсовикъ. Мой лѣсовикъ! Либо смерть моя здѣсь приключится, либо иное что...

Дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ, и цѣпляясь душила руками старуху. Кириловна хотѣла идти за Кречетовымъ, Милуша еще крѣпче уцѣпилась за нее.

— Нѣтъ. Придетъ сюда. Боюсь.

— И снова Милуша ослабѣла на диванѣ.

Кречетовъ, сойдя внизъ и догадавшись что дочь подозрѣваютъ въ болѣзненныхъ припадкахъ, въ черной немочи, не выдержалъ и разказалъ про встрѣчу въ прихожей и поцѣлуи. Родивонъ Зосимычъ разсмѣялся добродушно.

— Дѣвицѣ и подобаетъ стыдливой быть, сказалъ онъ.

Данило сначала слегка вслыхнулъ, а затѣмъ тоже сталъ смѣяться. Всѣ рѣшили что ее усовестятъ, что бѣды тутъ нѣтъ, но когда Кречетовъ вернулся къ дочери, увидѣлъ ее снова въ полузабытѣи и выслушалъ скорый разказъ Кириловны о лѣсовикѣ, то немедленно велѣлъ закладывать лошадей своихъ, давно стоявшихъ на княземъ корму.

— Прости, Родивонъ Зосимычъ. Что дѣлать съ дочкой? Рвется отсюда. Дома обойдется. Она у меня впервой чудитъ такъ, Христосъ съ ней. Послѣ свадьбы навѣститъ тебя съ мужемъ.

Кречетовы собрались. Милуша, чуть живая, дрожащая, вся закутанная въ платкахъ и въ шубку, прошла съ Кириловной въ экипажъ, не простясь ни съ кѣмъ, и приткнулась въ уголъ. Отецъ влѣзъ вслѣдъ за ней, старуху Кириловну молодцы посадили, смѣясь, на козлы (при чемъ кто-то ее ущипнулъ ради потѣхи), и застоявшіеся сытые кони вынесли Кречетовыхъ изъ Азгара бойкою рысью, сбивая на каждомъ поворотѣ вскачь.

Когда хоромы и садъ князей Хвалынскихъ исчезли изъ глазъ Милуши, она бросилась къ отцу съ рыданіями.

— Батюшка! Смерть моя... Зачѣмъ... зачѣмъ?

— Дочка! Глупая! Вѣдь онъ Данила, сынъ Родивона Зосимыча. Я его дитей знавалъ. Это все вотъ старая бабаскица тебѣ мысли слутала. Нешто гоже такъ робѣть живаго челоуѣка?

— Умру! шептала Милуша:—Зачѣмъ уѣхали мы.. Горить. Все горить... Воды.. Пить...

Черезъ полчаса Милуша была вся въ огнѣ, съ туманнымъ взглядомъ, сухими губами.

— Батюшка, мнѣ бы въ Азгарѣ жить! Зачѣмъ ты меня увезъ? Горькая моя доля! Лучше бы мнѣ не родиться....

— Хочешь назадъ? спрашивалъ перелуганный Кречетовъ.

— Да. Вези скорѣй... Въ Азгарь.... Я умру... Нѣтъ. Стой! вдругъ вскрикивала Милуша.—Домой, домой!

Они то останавливались, то скакали снова. Старикъ потерялъ голову и началъ молиться, глядя съ ужасомъ на метавшуюся въ экипажѣ дочь. Кирилова пересѣла и держала дѣвчушку. Кречетовъ то собирался вернуться, то погонялъ снова кучера, и они неслись во всю мочь. Невозможность проскакать 70 верстъ до дому не кормя пришла ему постепенно въ голову. Милуша была окончательно не въ своемъ умѣ, бредила и стонала.

— Ворочай назадъ! крикнулъ Кречетовъ.—Загони лошадей! Подуши ихъ! Всѣхъ подуши! кричалъ кучеру потерявшійся старикъ, будто въ этомъ была вся сила.

— Хуже, Митрій Митричъ. Она его боится, замѣтила мамушка.

— Она теперь никого не узнаетъ! съ отчаяньемъ воскликнулъ Кречетовъ.

Кучеръ повернулъ назадъ и припустилъ маршъ маршемъ въ Азгарь. Черезъ полчаса экипажъ влетѣлъ снова на азгарскій дворъ. Князя встрѣтили ихъ.

Сейчасъ же отнесли Милушу безъ сознанья на верхъ, въ ту же горницу, и послали верховаго за сосѣднимъ лѣкаремъ Евреемъ, который лѣчилъ всѣхъ въ околоткѣ и былъ докторомъ старика князя.

На случай если Милуша очнется, комнату изымали видомъ и строжайше запретили входить къ ней кому-либо кромѣ Кириловны и особо отраженной изъ двора дѣвчушки. И всѣмъ сказывать вѣдѣно барышнямъ что она на полути въ Ольгино заболѣла, и лежитъ на развѣзжемъ дворѣ.

Предосторожности были напрасны. Милуша въ себя не приходила, металась по постели съ открытыми глазами, бредила и не узнавала никого.

Явился на другой день Моисей Тихъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, и объявилъ что у больной *огневица*.

— То не важное дѣло, объяснилъ Тихъ. — А важно куда огневица сядетъ, въ бокъ ли, въ грудь, или въ животъ, а то въ голову... А у барышни фрейлейнъ вся огневица застряла въ головѣ, вотъ беда!.. Ну да Саваоѣ милостивъ! прибавилъ перекрещенный Тихъ, предпочитавшій слово Саваоѣ словамъ Богъ и Господь.

— Съ налугу что ли у нея все приключеніе? спросилъ Кречетовъ.

— Нѣту. Полагательно, она занобилась давно, а коль и былъ налугъ, то отъ него токмо тотъ лихъ что въ головѣ застряла огневица, объяснилъ Тихъ.

Плакавшій Кречетовъ посулилъ Тиху за излѣченье дочери полтысячи рублей, а коль мало то и больше и перекрестился въ подтвержденіе на образъ; а старикъ князь прибавилъ что подарить шубу или просто выпоретъ въ сараѣ, смотря по исходу болѣзни гостыи.

— Коль не выхожу я барышню фрейлейнъ, сказалъ Тихъ, — стало сочтены ея дни земные. А все мое умѣнье и старанье сами увидите.

Съ этой минуты Моисей Тихъ не выходилъ изъ комнаты и приглядывался къ больной каждыя лять минутъ. Въ сосѣдней горницѣ сидѣли четыре дѣвки, и два стола были завалены питьями, травами, припарками, трялками, бинтами и т. д. Тихъ командовалъ и стрелялъ засучивъ рукава. Гору цѣлую навалили въ одинъ день снадобьевъ по его требованію. На третій день, почти не славшій Тихъ оглядѣлъ усложившуюся больную, потомъ обнялся съ Кириловной и сказалъ Кречетову:

— Слава Саваоѣу и честь Моисею Тиху! Черезъ недѣлку зовите на свадьбу.

Кречетовъ ожилъ, а Тихъ свалился въ отведенной горницѣ на диванъ и заснулъ какъ мертвый. Пришлось его, какъ льнаго, перетащить на постель въ его горницу.

Всѣ въ Азгарѣ приунывшіе отъ болѣзни барышни-гостыи ожили тоже и повеселѣли.

— Ну, слава Богу! радовался Родивонъ Зосимычъ.— Дѣвуш-

ка-то золото, говорилъ онъ Даниилъ.—Вотъ поправится, увидишь самъ.

Когда Милуша первый разъ пришла въ себя, то ее увѣрили что она на пути заболѣла. Но она задумалась и грустно сказала отцу:

— Батюшка, ты не хитри. Я смекаю гдѣ мы. Я не боюсь... И не боюсь тоже я... и его... Расскажи-ка мнѣ чего я тутъ наудила.

Кречетовъ разказалъ ей все.

— Да это я сама помню... А еще что?

— Все, дитятко, увѣряла ее и Кириловна.—Ты князя Данила Родивовича къ сатамѣ, прости Господи, причла.

— Николи этого не было, мамушка, грустно отозвалась Милуша.

— Вотъ и не было. Да ты заламятовала, какъ меня-то думала... Ужь я хрипѣть собралась.

— Николи, мамушка... Почто мнѣ его робѣть? Не отъ робости я закричала тогда, да захворала... А коли и была во мнѣ роба, то теперь нѣту.

Слезы навернулись на глазахъ Милуши, она отвернулась къ стѣнѣ лицомъ.

Когда отецъ предложилъ ей послать въ Казань за жеминомъ, то лицо Милуши измѣнилось, брови сдвинулись, глаза загорѣлись, и она помолчавъ молвила смущеннымъ шепотомъ:

— Нѣтъ! Послѣ... Повремени, батюшка.

— Почто же, родимая? Онъ осерчаетъ на насъ, что не упредали о твоей хворости.

— Богъ съ нимъ, едва слышно молвила Милуша.—Не его невѣста я нынѣ. Я Христова невѣста.

— Голосъ ея ослабѣлъ и она горько залакала.

Кречетовъ обмеръ, и нарушая приказъ Тиха пристаалъ съ разспросами. Милуша тихо махнула рукой и снова отвернулась къ стѣнѣ.

Кречетовъ пораженный пошелъ внизъ и соображалъ:

— Знать еще не совсѣмъ въ себѣ!... Оправится—такого не молвить. Христова невѣста!... Экого горя мнѣ тогда и не одолѣть!...

Когда Милуша стала поправляться, жизнь въ Азгарѣ стала оживленнѣе. Но князю Даниилъ, неволью привыкшему къ перемѣнѣ мѣстъ и лицъ, было скучно, хотя онъ самъ не

отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и искалъ въ себѣ самомъ и въ окружающихъ обстоятельствахъ причину своей скуки и своего унынія.

Было одно обстоятельство выходившее изъ ряду вонъ, и Давило незамѣтно, поемногу, ухватился за мысль которая залегла въ его праздную голову.

Его занимала Милуша Кречетова. Князь Давило увидѣлъ тому уже нѣсколько дней красивую, черноволосую дѣвушку, черты лица которой были ему слегка какъ будто знакомы и милы....

Она понравилась ему сразу, эта чужая невѣста; сразу какъ будто позавидовалъ онъ Уздальскому, но рѣшилъ что нечего и думать о ней. Но вотъ послѣ краткаго разговора, она подняла на него, олущенные дотола, красивые и большіе глаза, отгѣвныя длинными рѣсницами и тутъ же вскрикнула, бросилась, упала.... Въ домѣ съ тѣхъ поръ была дѣвушка невидимка, болѣзнью которой всѣ были озабочены, которую навѣщали наверху и всякій день говорили о Милушѣ, о Людмилѣ Дмитріевнѣ, объ умницѣ и книжницѣ, нареченной Уздальскаго. Для одного Давила была она на секунду дѣйствительностью, а затѣмъ почти мечтою или звукомъ. Онъ слушалъ эти безконечные разговоры, и не зная дѣвушки, тоже какъ и другіе, сталъ интересоваться ходомъ ея болѣзни, спрашивалъ о ней своего отца и Кречетова. Иногда казалось ему что мамушка Кириловна, отвѣчая ему о Милушѣ, смущалась и странно смотрѣла ему въ лицо, какъ будто считала его виновникомъ ея припадка и болѣзни. Эта мысль сердила Давила.

Гуляя по Азгару и по окрестностямъ лѣшкомъ и верхомъ, Давила вдругъ сталъ такъ-сказать ловить себя на мысляхъ о Кречетовой.

— Вишь я о ней все думаю, словно полюбownikъ какой. А вѣдь знакомо мнѣ лицо ея.... Кречетовъ бывало прѣзжалъ въ Азгаръ всегда одинъ, такъ что и невѣдомо было что у него есть дочь. Знать у Городищевыхъ видѣлъ я ее дѣвочкой.

Когда Давилѣ случалось кататься въ одноколкѣ съ сестрой Фимочкой, то разговоръ тоже незамѣтно сходилъ на больную. Рѣзвая Фима болтала, а Давила слушалъ внимательно.

— Она добрая! говорила брату княжна. — Очень добрая!... Она и разумница у насъ лервая. Вы чаете ли, братецъ, что она и читаетъ и пишетъ не хуже васъ. Она много, много,

сказываютъ, книгу вычитала. Кириловна говорила что семь полокъ. И книги все большія-большущія. А одна книга, говоритъ, въ аршинъ будетъ. Разъ, говоритъ, упала она со стола на ихняго Ваську-кота и чуть не убила его до смерти.

Наконецъ однажды, когда Данило съ сестрой собрались кататься, княжна предупредила его что разкажетъ ему.

— Такое диковинное что ахъ-ти!...

Когда они были въ полѣ, то несмотря на осеннюю погоду и мелкій какъ пыль дождь, князь Данило внимательно слушалъ сестру, не погоняя лошадь, тащившую ихъ по грязной дороге.

Фимочка оживленно передавала брату что она изъ своей комнаты, которая была рядомъ съ Милушиной, слышала какъ Милуша говорила съ Кириловной о немъ Данилѣ. Всѣхъ словъ она не слышала, и только нѣкоторыя долетѣли до нея. Милуша все настаивала что онъ, Данило, лѣсовикъ.... Кириловна все увѣряла что у лѣсовика глаза были черные, а у князя сѣрые. Изъ-за этого онѣ обѣ спорили долго. Объяснить Фимочка брату ничего не могла, и любопытство Давилы было затронуто еще болѣе. Вернувшись домой, онъ сталъ думать у кого бы узнать рѣшеніе загадки, не выдавъ сестру, подслушавшую разговоръ.

— Да Богъ же съ ней! Чтѣ жъ я все озабочиваюсь чужою невѣстой, коей и не видалъ даже порядкомъ?

Однако вечеромъ, ложась въ постель, князь спросилъ пришедшаго дворецкаго:

— Агаѣоновъ! Ты про лѣсовиковъ слышалъ? Боишься ты ихъ?

— Мнѣ-то чего жъ бояться. Я не дѣвка. Лѣсовикъ токмо съ красавицами балуетъ, объяснилъ дворецкій Агаѣоновъ.— Да вѣдь это пустое, ваше сіятельство, лѣсовиковъ нѣту на свѣтѣ. Это вотъ дѣвки у насъ балуютъ съ парнями въ лѣсу, да на лѣсовиковъ и валяютъ. Вотъ лѣшій, тотъ уласи Богъ! Да у насъ лѣса-то не велики.

— Стало дѣвки однѣ бояться лѣсовика?

— Зачѣмъ? Это онѣ врутъ что бояться его, ради надувки Онѣ его жалуютъ, то-есть парня того съ кѣмъ балуются.

— Меня вотъ одна за лѣсовика почитаетъ.

— И-и! Ну и доброе дѣло, коль изъ себя пригожа. Вы ей стало приглаулишь, вотъ она обинякомъ и закидываетъ летьку.

Данило былъ и доволенъ и будто смущенъ немного этимъ неожиданнымъ объясненіемъ.

Наконецъ Милуша оправилась совершенно, но внизъ еще не слускалась, говоря что боится простудиться, и сидѣла у себя въ горницѣ грустная и скучная. Она немного похудѣла и стала еще красивѣе, еще бѣлѣе было ея круглое, нѣжное личико и еще болѣе горѣли и искрились блестящіе угольные зрачки большихъ глазъ.

Пріѣхалъ изъ Казани нарочный съ краткимъ письмомъ отъ Уздальскаго, который, радуясь выздоровленію невѣсты, обѣщался вскорѣ пріѣхать чтобы сопровождать ее въ Ольгино. До тѣхъ поръ Уздальскій не могъ выѣхать изъ Казани, ради своихъ дѣлъ, и кромѣ того зная что ему обычай воспрещаетъ видѣть больную невѣсту въ постели, желалъ лучше обождать ее выздоровленія вдали отъ нея.

Милуша прослушала чтеніе письма Андрея, потомъ сама прочла и задумалась. Нарочный привезъ большой ящикъ для барышни-невѣсты, изъ котораго вынули великолѣпную соболью шубку на аломъ атласѣ съ богатыми золотыми застежками, изображавшими двухъ косматыхъ львовъ, держащихъ кольцо и крючокъ.

Кириловна, выложивъ шубку на постель, ахала и вздыхала. Кречетовъ тоже любовался и соображалъ:

— Не маловато отсчиталъ за нее Андрюша.

Затѣмъ онъ ушелъ внизъ отвѣчать Уздальскому, а Милуша осталась задумчивая, глаза ея затуманились, она долго не двигалась, и бессознательно смявъ въ рукахъ письмо жениха, бессознательно глядѣла въ окно на оловянное осеннее небо.

— Глянь-ка переливъ какой, сказала мамушка.—Вотъ эдаки жарь-птицы изъ себя бываютъ. Гляди вотъ я надѣну.

Кириловна надѣла шубку, и важно задравъ ради потѣхи свою сѣдую голову, и оттопыривъ провалившіяся губы своего беззубаго рта, прошла мимо дѣвушки какъ цалля, оттягивая каждый шагъ.

Милуша усмѣхнулась слегка.

— Просто міру на аханье, какъ въ эдакой-то тѣлогрѣлкѣ выйдешь. За княгиню примуть. Ей Богу!

— Чтò? вздрогнула вдругъ Милуша.—Чтò ты мелешь? капризно отозвалась дѣвушка и сама себя удивилась.

— Сказываю за княгиню почтуть.

— Ахъ, до прибаутокъ ли мнѣ твоихъ! Милуша начала вдругъ волноваться, лицо ея все болѣе и болѣе разгоралось, руки безпокойно двигались. — Кириловна! Надо положить ее... Я не приму... Мнѣ не надо. У меня есть шубка, сказала она вдругъ.

Кириловна на этотъ разъ уже не притворно разинула ротъ и глядѣла на свое дитятко. Вошедшій Кречетовъ спросилъ что написать жениху отъ дочери.

— А то позвать гонца, на словахъ ему что скажешь. Пусть повѣдаетъ о тебѣ самъ, скажетъ: видѣлъ, молъ, здорова.

— Да ты, Митрій Митричъ, послушай-ка что мы съ ней надумали, заговорила Кириловна. — За сто рублей глупѣе-то ничего не вымыслишь... Вернуть тѣлогрѣйку нареченному. Да! Нѣ, дескать, возьми! Плевать мнѣ, дескать, на твой подарокъ-то.

Кречетовъ посмотрѣлъ на дочь строго; Милуша съ самаго выздоровленія удивляла и даже сердила отца.

— Да ты невѣста Андрюшина или нѣтъ? Въ умѣ ты своемъ или сошла съ него? Чего ты блажишь? А?

Милуша въ первый разъ услышала голосъ отца рѣзко обращенный къ ней и удивленно взглянула ему въ лицо.

— Забаву что ль наша—отцомъ помыкать какъ волчкомъ? Ты кнутикъ возьми да подхлестывай, а я буду верты вертѣть на потѣху азгарскую. И такъ я чаю думаютъ здѣсь что испушила ты меня, что я у тебя лучше Махалки кружусь. Чего тебѣ еще? Ну? Чего одеревенѣла?

Милуша закрыла лицо руками и заплакала. Кречетовъ перепугался съ Кириловной и оторопѣлъ. Затѣмъ сталъ звать дочь внизъ ради развлечения.

Милуша плакала и не подымала головы.

— Ну что?... Пойдемъ и въ правду внизъ. Поглядись какой тамъ Данило Родивонычъ холстъ показываетъ росписной, размалеванный. И города на немъ, и рѣки и нѣмецкіе и французскіе и цѣны всякіе, утѣшалъ дочь Кречетовъ какъ малаго ребенка.—Надѣнь-ка кацавейку да и пойдемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Прямо отсюда въ Ольгино. Не хочу я видѣть.... ихъ всѣхъ видѣть....

Весь вечеръ тихонько проплакала Милуша и наконецъ около полуночи не выдержала и призналась мамушкѣ въ такомъ дѣлѣ что Кириловна обомлѣла и развела руками.

— Тутъ ужъ тебѣ и самъ Тихонъ ничего не подѣлаетъ!

сказала старуха, звавшая такъ Тиха.—Думала, думала и надумала. Умъ за разумъ заѣхалъ, и ни тпру, ни ну... какъ въ волчьей ямѣ, подъ Ольгинымъ.

Милуша объявила старухѣ рѣшительно что за Уздальскаго не пойдетъ ни за что на свѣтѣ. А пойдетъ въ монастырь.

— Противенъ онъ мнѣ! Повинна ли я? Да и прежде любовь не былъ онъ мнѣ. Нынѣ чувствую что не былъ. Пособи ты моему горю, мамушка, плакала Милуша обнимая старуху.

— Да такого приключенія дѣлать, родимая моя, самъ Умникъ Разумѣвичъ не разсудитъ. Ты лучше вотъ что, слушай! Передумай сызнова.

— Какъ сызнова?

— Да такъ-то! Сызнова передумай на иной ладъ; оно сдается мнѣ и лучше выйдетъ.

— Что ты, Кириловна! Развѣ это можно?

— А эдакъ-то, дитятко, я и ума не приложу....

Кириловна развела олять руками и обѣ замолчала.

„Вонъ, тотъ разъ на пожарѣ — я извернулась, думала старуха: а тутъ вотъ лоды ты совсѣмъ не знаю какъ разсудить...“

II.

Черезъ день послѣ присылки гонца и шубки отъ Уздальскаго, отецъ Ареѣа, бывшій въ Азгарѣ, просидѣлъ съ Милушей цѣлое утро, усовѣщевая ее по просьбѣ Кречетова. Долго и много шептались они. Дѣвушка плакала, и отецъ Ареѣа плакалъ.

Въ рѣчахъ своихъ дѣвушка луталась такъ что даже навѣрный отецъ Ареѣа сообразилъ что дѣло что-то не ладно и темно.

— Ты, сударушка моя, лисись. У тебя не Божье дѣло, не Христово служенье на умѣ, сказалъ наконецъ старикъ и засмѣялся добродушно.—Ты съ горя въ монашенки просисься. Смекаю я, тебѣ князинька Данила Родивовичъ сердечко ущемилъ. Вотъ что.

Милуша перемѣнилась въ лицѣ, и задыхаясь отъ ужаса схватила священника за руки.

— Батюшка, если вы хоть кому слово одно молвите....

— Не бойся, не молваю. А ты мнѣ скажися на прямки. Я

вѣдь духовный отецъ, а не Митріѣ Митричь. Мы съ тобой и порядимъ, монашенка ты моя скороспѣлая.

Отецъ Ареѣа располагалъ всякаго къ откровенности своимъ лицомъ, голосомъ и добродушіемъ, и часто духовныя чада его шедшія на исповѣдь съ тайной выкладывали ему всю свою душевную подноготную. Милуша тоже не выдержала. Давно накопилось въ ней многое полумучительное, полутрадное, въ чемъ не созналась она мамушкѣ, едва сознавалась себѣ самой и что давно просилось вырваться наружу. Съ огненною мукой, волновавшею ея дѣвичью грудь, повѣдала она все свое горе старику-священнику, полугрустнымъ и полустрастнымъ шелотомъ. Посторонній подумалъ бы что дѣвушка жалуется на лихую и кровную обиду нанесенную ей княземъ Давилой. Столько было безпомощности въ ея чувствѣ и желанья найти защиту отъ него! Подробно передала она свою чудную исторію съ первой встрѣчи въ лѣсу до подслуевъ въ прихожей и обморока въ залѣ.

— Во какъ въ міру-то!... Охъ, жгутся человѣки!... Не то все грѣхъ, не то все Богъ располагаетъ! Вотъ она геенна-то мірская!... тихо соображалъ и говорилъ отецъ Ареѣа, слушая дѣвушку. Наконецъ, увлеченный огненною рѣчью, обильными слезами и восторженнымъ лицомъ Милуши, старикъ вымолилъ:

— Родимая, да ты лоди вотъ, да и скажи все это Давилѣ Родивовичу; вотъ тебѣ Господомъ заручуся я что онъ тебѣ въ ножки поклонится и за себя возьметъ. Вѣдь ты изъ-за него грѣхъ берешь на свою душу.... Ты изъ-за него Господа Бога обмануть собралась. Вѣдь онъ тебѣ превыше твоего ангела хранителя сталъ. Пойдемъ-ка къ нему.

Милуша обмерла.... Она не ожидала такого конца.

— Батюшка, я лучше въ сей же часъ утоплюсь чѣмъ на такое подвигнусь. Не должно ему и вѣдать этого.... Промолвитесь вы—я въ тотъ же мигъ утоплюсь! рѣшительно выговорила Милуша.

— Такъ что жъ намъ надумать-то, боярышня ты моя? Не идти же тебѣ въ монастырь съ такими мыслями; нешто ты можешь Христу служить, когда ты вся въ эдакой заразѣ. Гладь-ка на себя. Вся въ мірской гееннѣ полыхаешь. Что жъ ты эдакъ сотворишь?... Кому угодить? Ни себѣ, ни Андрею Лексвичу, ни князю, ни монастырю....

И отецъ Ареѣа, также какъ Кириловна, въ свою очередь развелъ руками.

Между тѣмъ княжна Серафима, давно притаившись въ своей горницѣ и приладая ухомъ къ двери раздѣлявшей ея комнату съ Милушиной, слышала весь разговоръ. Когда священникъ смолкъ, она тихонько вышла отъ себя и пробравшись по лѣстницѣ внизъ, повсюду бѣгала и искала брата.... Онъ угрюмо ходилъ по террасѣ и думалъ о побывкѣ въ Казань, ради разсѣянiя скуки и ради вѣстей изъ Питера.

— Братецъ! братецъ! Идите, идите сюда! таинственнымъ шелотомъ поманила его съ террасы сестра.

Лицо ея свѣтлось какъ-то странно, и Данило удивился.

— Чтѣ съ тобой, Фима?...

— Идите! Такое.... такое!... Идите!

Фимочка схватила брата за рукавъ мундира и потащила въ угловую портретную комнату, гдѣ почти никогда никого не было (изрѣдка только бродилъ здѣсь въ минуты тоски Михалка). Княжна передала все слышанное. Князь Данила пожалъ плечами, смѣялся, подшучивалъ, но мѣнялся слегка въ лицѣ и часто говорилъ:

— Ну вотъ ты и раскрасила! Да, ты это знать лутаешь. Сама надумала!

Этимъ онъ заставлялъ Фимочку повторять снова то же и клясться что она точно слышала. Все разгаданное и открытое волновало и занимало Фимочку какъ чрезвычайное событiе.

Четырнадцатилѣтняя, уже стройная, пылкая и физически развитая, Фима была сама такъ-сказать влюблена въ любовь и въ горе Милуши. Хорошо поняла она Милушу и глубоко сочувствовала ей, отозвалась всею душой на все то что ждала уже инстинктивно и къ себѣ въ гости.

— Братецъ, я васъ чтѣ просить буду. Вы мнѣ не откажете? Побожитесь что не откажете.

— Коли могу, боюсь, задумчиво отозвался Данила.

— Возьмите за себя Милушу....

Князь разсмѣялся. Фима горячо заговорила.

— Почто нѣтъ? Кабы вы слышали какъ она горюетъ и убивается. Вы вотъ ловидаете ее.... Она красавица.... Такая сердечная, такая добрая... Батюшка тоже ее очень любитъ, какъ и всѣ здѣсь. Дмитрiй Дмитричъ старый его прiятель.... А вамъ вѣдь уже время жениться.... Это не я надумала. Всѣ у насъ, и Агаѣоновъ вотъ вчера въ дѣвичьей сказывалъ мамушкѣ Авдотьѣ что вотъ бы князинькѣ сулруга—Людмила Митрев-

на. Даже Михалка говорить: настоящая бы княгиня ова была. И воистину правда. Такихъ вѣдь болѣ нѣту у насъ въ сосѣдяхъ. Такой и не сыскать. Ей-Богу! Вы мните что подобная же сыщется.... Вотъ какъ предъ Богомъ, нѣтъ у насъ больше такихъ какъ Милуша! Ей-Богу!

Фимочка долго съ жаромъ объясняла брату, увѣряла его, упрашивала его и наконецъ пугала его и клялась что другой Кречетовой оны не сыщется нигдѣ и останется холостымъ.

— А холостой къ сорока годамъ собакой лахнетъ, добавила Фима.

— Это чтѣ такое? воскликнулъ Данила.—Кто тебѣ это сказалъ?

— Батюшка сказывалъ это, когда прикацику приказывалъ жениться. На комъ ни на есть, а женися, говорилъ, а то пропахнешь псиой и ко мнѣ съ докладомъ не ходи.

Князь раскохотался, расцѣловалъ сестру на обѣ щеки, но не обѣщалъ ничего и выйдя изъ дому велѣлъ себѣ сѣдлать лошадь. До сумерекъ прокатался оны по полямъ и вернулся веселый. Фимочка его встрѣтила. поглядѣла и отвернулась надувъ губки. Затѣмъ ввечеру Фима не захотѣла говорить съ братомъ и отошла, говоря:

— Злой! Дурной! Столичный козырь! повторила она, подсмываясь, слова Кречетова про брата. — Видно дожидаетесь чтобы королева Милитриса Кирбитьевна гонцовъ прислала — въ сулружество васъ звать. Вотъ помяните мое слово: женитесь на корявой вѣдьмѣ.

— Я тебѣ дамъ такъ со мной умничать! шутиливо отозвался князь.—Я тебѣ не Иванушка дался, востроглазая!

— Иванушка?... Погодите! Оны еще васъ осрамить какъ прежде васъ повѣнчается съ красавицей какъ ѿ казанской.

Скоро во всемъ Азгарѣ узналось что Людмила Дмитриевна не невѣста и идетъ въ монастырь; подивились не мало всѣ. Кречетовъ ходилъ печальный и молчаливый; князь Родивонъ Зосимычъ качалъ головой, тоже дивился, но утѣшалъ пріятеля.

— Въ монастырь можетъ и не поидеть, а женихъ-то выискаться можетъ еще завиднѣе. Суженаго конемъ не обѣдешь.... Стало не суженый... Не жалѣй, Митричъ! Чтѣ за кладъ Уздальскій? И мотыга, и льяница, и вдовый отъ лошады.

Кречетовъ былъ неутѣшенъ и все шелтался съ Кириловной. Старуха затвердила одно:

— Тутъ, Митрій Митричъ, самъ Умникъ Разумѣевичъ не промыслить ни шиша, а гдѣ жь мнѣ старухѣ разсудить?

Разъ какъ-то особенно присталъ онъ къ мамушкѣ. Та махнула рукой и сказала:

— Чтò тутъ горевать! Не судилъ Богъ, ну и буди Его святая воля. Ты что въ самъ-дѣлѣ со своими аханьями присталъ къ дитятку. Ну, не захотѣлъ Господь сего бракосочетанія, ну и вѣтъ его. И не будетъ. Что, въ самъ-дѣлѣ, мы съ тобой Господа Бога учить что ли будемъ?

— И воистину такъ, Кириловна. Буди Его святая воля, обрадовался вдругъ Кречетовъ, махнулъ рукой и прибавилъ:— Вѣдь Андрей пьяница, да и драться бы пожалуй сталъ съ Милочкой.

Князь Данила ни разу не выразилъ никакого мнѣнія о будущемъ монашествѣ Кречетовой.

Тайна ея любви была извѣстна только тремъ лицамъ помимо Милуши: отцу Ареевѣ, Фимочкѣ и Данилѣ. Но людское чутье сильно. Съ той минуты что Милуша стала не невѣстой Уздальскаго, всякій Азгарецъ плохо вѣрилъ въ монашество и сталъ чужать иное. Данило Родивовичъ сдѣлаался предметомъ полусловъ, полунамековъ, очень понятныхъ взглядовъ. Всѣ говорили:

— То-то бы попиروвали кабы свадебка навернулась въ Азгарь!

Одинъ вопросъ, занимавшій уже давно всѣхъ, запалъ наконецъ и въ голову Кречетова:

— Чего же дѣвица, здоровая, слава Богу, внизъ неидеть? сказалъ онъ вопросительно мамушкѣ.

— Митрій Митричъ, слѣпота ты куриная! укоризненно и даже злобно отозвалась Кириловна.—Аль ты свою смекалку, отецъ мой, Татарину прохожему продалъ!

— Чего смекать-то? Ты дальнзрячая пустомеля.

— А то вотъ что я всѣмъ сердцемъ моимъ вѣззалась въ князя Данилу Родивовича.

— Ты? Въ князя?... Чтò ты... А-ахъ! вдругъ вскрикнувъ Кречетовъ, догадавшись, и сталъ какъ вколанный.

— Пустое. Пустое мелешь. Она тебѣ развѣ раскрылась?

— Открылась? И чего не выдумаетъ! Она сама этого не смекаетъ, робѣеть его будто. А какая то роба—я смекаю. А самой ей смекать того не можно и не гоже: дитѣ она.

— Бѣги.... бѣги.... живо, заговорилъ Кречетовъ и замахалъ руками.

— Куда еще? Я ужь въ жисть-то свою отбѣгалась.

— Закладывать лошадей! Сейчасъ въ Ольгино!

— Вотъ это ладно.... А то что жь!...

Кречетовъ объявилъ отъѣздъ, и весь Азгаръ заводновался и недоумѣвалъ. Князь Данило, вдругъ услыжавъ вѣсть, взглянулъ на Кречетова, старикъ тоже взглянулъ на молодого князя. Глаза ихъ встрѣтились, и оба они смутились.

Фимочка, почти не выходявшая за послѣднiе дни изъ комнаты Милуши, съ громомъ прибѣжала внизъ и объявила что Милуша согласна остаться въ Азгарѣ, и что она, Фима, Дмитрія Дмитрича не лустить.

— Откладывать! Откладывать! кричала княжна на весь домъ.

Всѣ ее поддерживали, а старикъ князь болѣе всѣхъ.

— Вѣстимо оставайтесь, Дмитрій Дмитричъ, оказалъ Данило, искоса глядя на старика и чувствуя что смущается какъ ребенокъ.—Куда вамъ слѣзть, логостите.

Кречетовъ отговаривался тѣмъ что надо ѣхать въ Ольгино распорядиться, много отмѣнить, многимъ отлсать что свадьбы не будетъ. А главное съ Соколомъ повидаться.

— Ему сюда не слѣдъ ужь навѣдываться. Почтѣ малаго позорить предъ чужими людьми? Да и успокоиться надо мнѣ. У меня въ головшкѣ круги кружатся вотъ уже мѣсяць.

— Ну, ступай, распорядяйся.... А дочку что возить? Еще застудишь. Мнѣ прелоручи, небось не обидимъ, сказалъ Родивонъ Зосимычъ.

— Давай шубу. Кутай всѣ Митрій Митрича. Живѣй! кричала Фима и шутя логатила старика въ прихожую.—Конецъ, конецъ! Быть такъ! кричала она.

Черезъ часъ Кречетовъ, простившись съ дочерью и со всѣми, одинъ съѣзжалъ со двора и грозился шутя княжнѣ, вышедшей на крыльцо.

— Да ты меня въ зашей со двора гонишь! Экій сорванецъ какой!

— Увози его! кричала Фима кучеру.—Нечего ему тутъ дѣлать.

— Постой ты, егоза. Дай срокъ, вернусь, отплачу.

— Пріѣдешь такъ и дочери можетъ не будетъ. Я ее замужъ выдамъ. А за кого—то мое дѣло! крикнула Фима вслѣдъ отъ-

взжавшему экипажу и знаменательно переглянулась съ окружавшею ее дворней.

— Вѣстимо! Знато! Такъ, такъ, барышня! раздались голоса.

III.

На другой день должно было быть воскресенье. Хитрая княжна уговорила Милушу выдти изъ своей засады и придумала пресмычный способъ чтобы пощадить чувство стыда затворницы, а именно выѣхать прямо къ обѣднѣ. Милуша сразу согласилась на ея предложеніе. Мысль увидѣться послѣ своего затворничества, встрѣтиться съ Данилой въ залѣ, въ диванной, вообще въ домѣ, смущала Милушу. Мысль увидѣться въ церкви, гдѣ нельзя заговорить сразу, какъ новость и какъ нечто необдуманное ею со всѣхъ сторонъ, показалась ей отличною. Она безпокоилась только какъ повѣдутъ они, съ кѣмъ и когда.

— Мы, Милуша, прежде вѣкъ. До благовѣста, объяснила все смѣкавшая княжна.—И станемъ въ уголь за печкой. Никто насъ не увидитъ, а тамъ и выйдемъ ко кресту. И батюшкѣ не скажемъ. И его врасплохъ возьмемъ. То-то чудесно!

— Я знаю гдѣ.... Тамъ плащаница стоитъ. Направо отъ вхожихъ дверей, говорила Милуша съ легкимъ трепетомъ во всемъ тѣлѣ.

— Ну, да, да.

Данило, разумеется, узналъ этотъ разговоръ отъ сестры и зналъ гдѣ стать. Фимочка, перебѣгая отъ брата къ Милушѣ и отъ нея къ Данилѣ, сновала по дому и вертѣлась какъ бѣсенокъ.

— Чего моя юла-то юлитъ? замѣтилъ даже Родивонъ Зосимычъ:—знать что затѣваешь! Поди сюда, юла; ты что затѣваешь?

— Много будете знать, пуще состаритесь, усмѣхнулась лукаво дочь.

— Ахъ ты поросенокъ! оговоря Родивонъ Зосимычъ.

— Я-то? За что жъ вы это себя такъ чествуете?

— Что такое?

— Отъ кого поросята родятся-то? А?

— Ахъ ты грубянка! Каково разрѣшила! расхохотался старикъ.

Смерть хотѣлось Фимочкѣ признаться во всемъ и отцу, но она боялась Даниила, боялась и Милуши, которая все еще ни разу не проговаривалась съ ней о своей заповѣдной тайнѣ.

На утро въ седьмомъ часу уже поднялся весь домъ. Милуша и Фимочка, одѣвшись, тихонько пробрались по лѣстницѣ и корридору на крыльцо, гдѣ ждали ихъ дрожки. Фимочка, довольная и счастливая, и усмѣхалась, и волновалась. Для нея это было событіе среди однообразія азгарской жизни. Милуша, спустившись въ нижній этажъ, робко шагала и озиралась на всѣ углы, на всѣ двери большого дома, гдѣ не была она уже около трехъ недѣль. Легкій трепеть не покидалъ ея при исполненіи этого перваго рѣшительнаго шага.

Когда обѣ дѣвушки сѣли въ дрожки и прежде всѣхъ выѣзжали за ворота двора, Данило, уже вставшій, смотрѣвъ въ окно, и одна изъ двухъ фигуръ сидѣвшихъ въ экипажѣ заставила его сердце встрепенуться.

„А вѣдь почитай и въ лицо не видалъ! Чудно!“ подумалъ овъ. „Какова она мнѣ покажется? Можетъ все это одинъ *шимеръ*, какъ сказывалъ Румянцевъ про визиря предъ битвой. Да и вышла тогда армія двухсотъ-тысячная *шимеромъ*. Можетъ и это будетъ *шимеръ*. А сердце стучитъ словно предъ битвой. Вотъ отъ празднаго житія чтѣ приходитъ! Иль ужъ судьба? И, нѣтъ. Пустяковина.“

Раздался благовѣстъ. Князь перекрестился и вышелъ въ залу. Родивона Зосимыча укутывали и повели сажать въ большія дроги, куда сѣлъ и Данило вмѣстѣ съ отцомъ. За ними въ другихъ большихъ дрогахъ, хотя было мѣсто и въ первыхъ, усаживались Кириловна, Михалка, Авдотья и Агаеоновъ. Дворовые, залопздавшіе, выскакивали за ворота одинъ за другимъ и бѣгомъ прилускались къ церкви.

Вокругъ лалерти было уже много народа и стояли телѣги крестьянскія, пріѣзжихъ прихожанъ изъ дальнихъ деревень. Въ нѣкоторыхъ телѣгахъ сидѣли молодухи съ грудными младенцами, а въ одной изъ нихъ лежала укутанная въ тряпье больная старуха безъ памяти, съ изможденнымъ желтымъ лицомъ и ввалившимися глазами; ее привезли соборовать и причастить Святыхъ Таинъ.

Людь этотъ, старъ и малъ, поклонился князьямъ, озирая съ любопытствомъ Данилау.

— Молодецъ какой! слышалось въ тоатѣ, и многія добродушныя русыя лица почти съ любовью глянули на молодого

князя, котораго однако рѣдко, да и давно уже вовсе не видали. Добра тоже не видали они отъ него, да вѣдь онъ свой.

— Кормилецъ ты нашъ! воскликнула даже одна старая баба и всплакнула почему-то.

Князь Данило сталъ у клироса за дьячками, откуда онъ могъ увидѣть Милушу лучше чѣмъ съ княжяго мѣста, огороженнаго отъ толпы и устланнаго краснымъ сукномъ. Долго не рѣшался обернуться князь; ему было даже жаль разочароваться въ своей *невидимкѣ* какъ зналъ онъ ее мысленно. Можетъ-быть она еще краше, чѣмъ онъ думаетъ, да ему-то пожаауи не по сердцу будетъ.

Наконецъ послѣ чтенія Евангелія, Данило покосился черезъ церковь, назадъ за лечь, гдѣ круглый годъ стояла плащаница и гдѣ были теперь обѣ дѣвушки. Онъ увидѣлъ ту же высокую, полную и стройную женскую фигуру что видѣлъ въ залѣ по прїѣздѣ. Также стояла она, опустя глаза, слегка блѣдная послѣ болѣзни и сложивъ руки наравнѣ съ поясомъ. Данило хотѣлъ всмотрѣться пристальнѣе но дѣвушка словно почувствовала на себѣ его взглядъ, вдругъ опустилась на колѣни и понурилась, скрывая отъ него свое лицо. Князю показалось что она стала блѣднѣе. Фимочка заботливо нагнулась къ ней, заглянула ей въ лицо и что-то спросила шепотомъ. Милуша отрицательно потрясла головой и стала креститься.... Данило отвернулся и задумался.

Вся прожитая жизнь его неожиданно, вдругъ потянулась предъ нимъ подъ сило-унылое и однозвучное лѣннѣе дьячковъ затянувшихъ: Иже Хе-е-ру-у-у-вимы.... Одинъ дьячокъ стоялъ прямо предъ нимъ и на глядovitо-замасляномъ воротѣ его кафтана лежала рыжеватая, скрученная косичка съ тоненькою влетенною тесемкой. Дьячекъ, вытягивая гнусливо-сплудую роту, крестился и кланялся, косичка прыгала и вѣдила по вороту.... Данило пристально, но безсознательно разглядывалъ эту косичку, перебирая каждый волосъ, разглядывалъ и спину дьячкову и синій камзолъ его, съ лотертыми швами и съ дырой за плечомъ, въ которую видѣлась пестрядинная рубаха. Поглядѣлъ онъ затѣмъ на всю сѣрую, дымную церковь. Свѣрнѣкїй людъ мужиковъ дружно клалъ поклоны, староста церковный сновалъ по церкви и поправлялъ свѣчи предъ иконостасомъ, тушилъ и ставилъ новыя; отгороженное рѣшеткой мѣсто, гдѣ сидѣлъ въ креслахъ его отецъ, слегка застлало дымомъ изъ кадила дьякона. Тамъ стоялъ близъ

рѣшетки Михаалка, и задумчиво глядя на образа подлѣтывалъ въ полголоса дьячкамъ. Изъ толпы бабъ, не умолкая раздавался на всю церковь визгливо пронзительный плачь грудныхъ дѣтей. Князю Даниилъ стало вдругъ тяжело, тоскливо, не то грустно, не то скучно до слезъ. Ему показалось даже что въ этой тоскѣ внезапной виновато все это окружающее, виновата церковь и этотъ сѣрый людъ; виновато лѣтнее силосное и душный воздухъ; даже слива и косичка дьячковы виноваты.

„Что это за жизнь?“ спросилъ онъ себя мысленно и глядя вокругъ. „Глуло, грязно, бессмысленно! Вѣдь смерть не страшна иной разъ. Вотъ хоть теперь!.. А раненому когда-то, подъ Краковомъ, не хотѣлось умирать? Чего-то ждалось, желалось! Чего-то жаль было!“ Князь покосился назадъ къ плащаницѣ. Милуша стояла также стройно и также выдавалась ея грудь, также недвижно лежали у пояса сложенные руки. Легкій румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, и глаза были устремлены куда-то, выше алтаря. Что-то спокойное, покорное, довѣрчивое, было разлито во всей ея фигурѣ.

„Что еслибъ я стоялъ вонъ тамъ гдѣ батюшка сидитъ и около меня жена молилась бы? Она!“ подумалъ Данило и оглянувся кругомъ словно посмотреть что изъ этого будетъ.

Сердце стукнуло въ немъ чуть-чуть сильнѣе. Церковь раздалась, въ ней стало просторнѣе, свѣтлѣе; дьячки лѣваи лучше, молиться хотѣлось; сѣренькаго люда не было, были ряды стариковъ и молодцовъ и молодницъ въ разноцвѣтныхъ рубахахъ и платкахъ... Изъ-за плеча одной бабы глядѣла на него розовая рожица ребенка который, пуская пузыри, тянулся къ нему и повторялъ: Ба-а-ся, Басяся!..

И невольно Данило усмѣхнулся. Все это точно сказало ему:

— А вѣдь хорошо все это, князь? Хорошо будетъ прѣхать съ супругою молодой въ свой храмъ деревенскій—помолиться съ вѣстѣ.

Весь народъ двинулся къ амвону и вывелъ князя изъ задумчивости.

„Что такое!“ подумалъ Данило и увидѣлъ отца котораго вели ко кресту. Обѣдая отошла. Онъ быстро перешелъ церковь чрезъ сторонившійся народъ и сталъ поддерживать отца. Родивовъ Зосимычъ первый приложился, за нимъ Данило. Затѣмъ, продолжая поддерживать отца, онъ пропустилъ

кого-то... Вдругъ—какъ бы кто укололъ его,—Данилъ захотѣлось обернуться. Около него стояла, среди толпы навалившихся крестьянъ, Фимочка, а за ней Милуша. Онѣ подошли ко кресту и отходя обернулись опять... Милуша, подвигаясь къ нему, смотрѣла въ землю. Данило остановился и упорно глядѣлъ въ лицо дѣвушки, не замѣчая сестры. Будто рѣшившись на какой-то подвигъ, который страшилъ его самого и стѣснялъ ему дыханіе, онъ загораживалъ дѣвушкамъ дорогу и не двигался... А народъ все валилъ отъ креста и тѣснился вокругъ нихъ. Надвигувшаяся поневолѣ Милуша вслыхнула вдругъ, почуввъ на себѣ его упорный взглядъ, грудь ея заволновалась и наконецъ она подняла на князя (второй разъ въ этотъ мѣсяцъ) свой добрый, покорный и всегда ясный взоръ. Одинъ этотъ взглядъ все сказалъ князю Данилѣ. Онъ зналъ что за женщина предъ нимъ, какъ еслибы годъ прожилъ съ ней. Этотъ взглядъ все порѣшилъ сразу и проникъ въ самую глубь души его, и князь подумалъ, почувствовалъ что такое Милуша.

„Безконечно добра и не умна. Призваніе—любить мужа и дѣтей и въ нихъ положить душу свою. Все счастье—покоряться! Столько же огня и силы и жизни въ любви, сколько безсилья, сна и немощи во всемъ что не любовь ея. Милый и дѣти—на землѣ, Богъ добрый—на небѣ, вотъ вся ея жизнь.“

Данило быстро отошелъ отъ амвона и выйдя на палерть гдѣ его ожидалъ Родивонъ Зосимычъ въ дрогахъ, онъ отказался ѣхать и пошелъ домой лѣшкомъ. Его обогнали дроги отца, затѣмъ другія съ мамушками и Михалкой, затѣмъ шибкою рысью проѣхали дрожки съ двумя дѣвушками.

Онъ посторонился и пропустилъ всѣхъ.

— Чего ты лѣшкомъ? крикнула Фимочка.

Милуша съ яркимъ румянцемъ [во всю щеку смотрѣла въ сторону. Данило вдругъ загадалъ мысленно:

— Глянь сюда.

Милуша какъ отъ толчка вдругъ искоса глянула въ его сторону. Дрожки проѣхали. Данило снялъ шалку и обтеръ горячій лобъ.

„Ну вотъ и вся недолга. Вотъ тебѣ и Питерьъ! И фаверь тамъ... Все въ прахъ! Да, да!.. И скорѣе... Что мыслить и судить! Ничего не измыслишь. Ничего не рассудишь. А время, жизнь проходятъ... Да! Господи благослови... и не дай раскаться...“

Князь Данило бодро зашагалъ по дорогѣ чрезъ роуцу и садъ.

Приблизясь къ саду, онъ свернулъ въ главную, большую аллею. Во глубинѣ ея видѣлись темныя стѣны и два круглыя окна хоромъ, а ближе, между нихъ и домою, стояла на возвышеннѣ бѣлая статуя его бабки Мавры Васильевны. Судьбы его дѣда Зосимы и этой первой жены его пришли ему на умъ и неприятно отозвалось въ немъ это совпаденье.

— И не дай раскаться! повторилъ онъ вслухъ.

А тутъ будто примѣръ въ отвѣтъ. Два преступленья. Обманъ наглой жены и жестокая казнь мужа.

„Зачѣмъ поставилъ дѣдъ этотъ памятникъ среди сада?“ возникъ въ немъ вопросъ. „Сказываютъ, сонъ видѣлъ онъ. Сонъ?“ И князь остановился, словно припоминая и соображая что-то. „Сонъ! А мой сонъ предъ битвой на Ларгѣ, который потомъ снова снился мнѣ въ Питерѣ? Эти черныя очи и черная коса? Это лицо женское, незнакомое и милое?“ Онъ сдѣлалъ было шагъ и снова остановился какъ пораженный.

„Она! Милуша! Ея лицо! То не бездѣльные мысли мои, а истина! Она, она! Такъ вотъ почему знакома мнѣ Людмила Дмитриевна!“ Князь перевелъ дыханіе, взялъ себя за голову и прибавилъ вслухъ: „Чудеса творятся въ семьѣ Хвалынскихъ! Не первый я!.. Какъ много и долго думалъ и гадалъ я объ этомъ сновидѣннѣ. И теперь крѣпко помню все. Я лѣзъ чрезъ высокую стѣну, по грудѣ камней, среди пламени, и месъ въ рукахъ эту незнакомку, то-есть, Милушу. Я спасался отъ смерти. Половина нынѣ сбылось—я нашелъ незнакомку. Стало и всему сбыться слѣдъ. Что жъ? Можетъ всему быть чрезъ сорокъ или лятьдесятъ лѣтъ. Да! Она, Милуша, нагибалась ко мнѣ въ сновидѣннѣ, такая же лицомъ, очами, такая же красивая и статная какъ нынѣ. Она поцѣловала меня, и оба мы упали въ пропасть. И тутъ я проснулся. А въ Питерѣ опять снилось мнѣ то же самое. Да будетъ Его святая воля! Сужена ты мнѣ, Милуша, и я беру тебя безъ трепета ложнаго.“ И сильно взволнованный, но съ сладкимъ, легкимъ чувствомъ на сердцѣ пустился князь Данило домой. Ему снова почудилось что бѣлая статуя бабки его, съ соединеннымъ съ нею преданіемъ и повѣрьемъ, злобѣще возстаетъ предъ нимъ въ концѣ аллеи. Ему стало неприятно идти мимо бѣлой, каменной Мавры Васильевны, и онъ свернулъ на боковую дорожку, равно проводившую къ дому.

„Не тѣ времена окаянныя“, отвѣчалъ Данило самъ себѣ на смутныя мысли возникшія въ его головѣ. „Не та она дѣвица

чтобы позорить коварно супруга. Не та и любовь наша. Да и я не дѣдъ Зосима. Не силой возьму за себя. Все же таки я бабушку перевезу на кладбище послѣ смерти отца. Что за мѣсто могилъ среди сада?"

Рядъ мыслей привелъ князя къ тому что онъ, при видѣ возставшихъ предъ нимъ хоромъ, вдругъ подумалъ:

„Да теперь бы зажить съ Милушей на большиимъ. Батюшка и старъ и хворъ. И ему бы самому лучше услокоить свои кости, а мнѣ бы руки развязать. А то глядишь, до пятидесяти лѣтъ все буду для всѣхъ князькомъ. Всякому свой чередъ. Онъ пожилъ довольно и хорошо. Мѣстечка въ рай не выслужилъ, да ништо — его слышь вѣтъ, да и не бывало никогда, завѣряютъ умные люди!“ усмѣхнулся князь. „Я чаю бабка Мавра Васильевна чрезъ свою лухую кончину коровила въ рай и осталась съ носомъ.“

Вдругъ сзади него раздались шибкіе шаги; стрѣлой вѣсся кто-то по саду съ главной аллеи, отъ мѣста гдѣ была статуя, и бѣлѣясь сквозь чащу, летѣлъ къ нему на дорожку. Давило вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и рука была готова перекреститься. Онъ сталъ и прильнулъ глазами къ повороту.... Оттуда вылетѣла Фима. Давило взбѣсился самъ на себя и всломнилъ брата Ивана. „Ему бы подъ стать!“ подумалъ онъ.

— Ну? бросилась княжна къ брату съ сіяющимъ лицомъ.

— Чтѣ?... сурово отозвался онъ.

— Только и всего, князьинька? какъ пораженная спросила Фима.—Чтѣ жъ литерскія что ли краше? Такъ шутите-съ! не новѣрю!

Князь поцѣловалъ сестру и объявъ повелъ домой.

— Подумаемъ, погадаемъ.... Ты, Фима, знай, помалчивай. Пойдемъ.

Когда они приблизились къ террасѣ, въ воздухѣ показались хлопья снѣга. Чрезъ два часа вся окрестность побѣлѣла.

— Зима! зима! слышалось повсюду, и всѣ Азгарцы радовались снѣгу и будущимъ ледянымъ горамъ. А Михалкѣ уже успѣлъ кто-то на общую потѣху засунуть комокъ снѣга за воротъ кафтана.

IV.

Весь день видѣлъ князь Милушу, и каждое слово ея, каждый грудной, контральный звукъ ея голоса, каждое движеніе ровное и спокойное до величавости, каждый взглядъ чер-

ныхъ глазъ, всегда ясныхъ, словно отъ всегдашней, непрерывной радости на душѣ, наконецъ ея черные, всегда гладко приглаженные волосы, отъблывшіе бѣлый, слегка вылукмый лобъ,—все въ Милушѣ очаровывало князя не по часамъ, а по минутамъ. Все въ Милушѣ, особенно этотъ взглядъ, прическа и степенный шагъ стройно - полнаго тѣла, все говорило: Я умаща-разумища! во мнѣ тишь да гладь, да Божья благодать! А полюбаю кого—замилую до смерти.

Около полудня, она, уже почти не смущаясь, говорила съ княземъ и прибавляла особенно часто: „Данило Родивовичъ!“ стараясь придать рѣчамъ своимъ болѣе вѣжливый отгвнокъ.

И хоть тысячи разъ въ жизни слышалъ князь свое имя, произнесенное женщиной, а между тѣмъ въ устахъ Милуши имя это звучало для него какъ-то иначе.

За столомъ они сѣли другъ противъ друга по бокамъ Родивова Зосимыча. Часто глаза ихъ встрѣчались, и взглядъ Милуши, сидѣвшей лицомъ къ окнамъ, свѣтился на Данилу и словно олутовалъ всего его какою-то ясною и мягкою сѣтью, подъ которою не обычно постукивало его сердце. Отецъ Арееа и Родивовъ Зосимычъ затолковали о порядкахъ на Руси, что случалось рѣдко, потому что старикъ князь хотя и любилъ священника, но о „государскихъ“ дѣлахъ не толковалъ съ нимъ, называя его лутомоломъ за наивныя рѣчи и подъ часъ нехѣлыя вѣсти и сообщенія, которыя Арееа съ увѣренностью передавалъ князю.

На этотъ разъ Родивовъ Зосимычъ долго подшучивалъ надъ отцомъ Арееой благодаря разказу Данилы о ежемѣсячномъ присяганьи въ Таковскомъ и о тайномъ ассессорѣ.

— Мой грѣхъ! мой грѣхъ! каялся Арееа.— Не будь князя, по сю пору бы къ присягѣ всѣхъ приводилъ да деньги собиралъ на фарисея и мытаря самозваннаго.

За обѣдомъ отецъ Арееа вспомнилъ и передалъ князю, новую, чудную вѣсть:

Подъ Астраханью штурмуютъ какой-то городъ китайскій и персидскій салтаны, а ведетъ ихъ одна великая особа, кою никто и назвать по имени не дерзаетъ, и самъ Арееа вслухъ не рѣшился назвать. Старикъ нагнулся на ухо къ Данилѣ и прибавилъ потомъ:

— Помните, князьишка, я вамъ тогда сказывалъ. Вотъ она правда моя и вышла.

— Что еще? спросилъ Родивовъ Зосимычъ.

— Пустое! разсмѣялся Данило. — Батюшка спуталъ; подъ Оренбургомъ бунтовали Татары, еще въ бытность мою въ Казани, да и тѣхъ, чай, переловили давно. Пустота одна! Я чай, батюшка, особа эта важная тоже изъ разряда тайныхъ ассессоровъ вашихъ.

— Вы, князька, все свое сказываете, заворчалъ Ареѣа жалобно. — Вы Россійской имперіи горести да бѣды не вѣдали, ну и не имете вѣры ни во что.... А мнѣ какое дурное ни скажи—я вѣрю. Скажутъ мнѣ Антихристъ въ Москвѣ....

— Ты и повѣришь, утвердительно добавилъ Родивонъ Зосимычъ и тутъ же на всю залу крикнулъ лакею подававшему блюдо:— Не соли! мѣха кузнечныя! Экидерёвы какіе! Агаоновъ! ты чего, ратозей! Сказано тебѣ предъ столомъ прочищать носы этимъ дьяволамъ. Стоитъ скотина и солить; дуешь какъ изъ форточки. Дерёвы! Ну, ты что тамъ сказывалъ? и князь обратился снова къ священнику.

— Сказывалъ что и время Антихристу придти. Коль овъ теперь да не явится....

— То самыя сподручныя времена упустить. Такъ что ль? засмѣялся Родивонъ Зосимычъ.

— Вѣстимо. Эдакаго времечка Христову врагу и нельзя пропустить. Вы, Родивонъ Зосимычъ, сидите все въ горнищѣ по хворости своей, мужичья не вѣдаете и знать не можете что ходитъ да бродитъ промежъ людей, да какія злыдни заводаютъ православныхъ, да какіе слухи, да духи по селамъ слышны.... А я все то вижу да слышу.... Ну, а князька вонъ, помоложе, да что.... Овъ все при Калугѣ стражался съ Туркой, да съ Китайкой, да съ бѣсовой (прости Господи) мочалкой.

— При Кагулѣ, отецъ Ареѣа, поправилъ Данило.

— При Калугѣ, аль при Каагулѣ все едино.... У меня, родимый, языкъ-то седьмой десятокъ во рту вертится—умаался. Такъ ли, Людмила ты моя Митревна? обратился вдругъ священникъ улыбаясь къ дѣвушкѣ, которую особенно полюбилъ за послѣдніе свои прѣзды въ Азгарѣ.

— Въ Каагулѣ, батюшка, Турки вѣтъ! тихо отвѣчала Милуша. — Каауга подъ Москвой, а Кагулѣ въ Туречинѣ....

— Ишь книжница! воскликнулъ Родивонъ Зосимычъ. — Ну, а скажи-ка мнѣ, книжница.... гдѣ то море что какъ и мы прозывается Хвалынскимъ?

Милуша отвѣтила.

— Умница-голубушка. Ну еще... Ты въдаешь что у Ноя три сына было: Сумъ, да Хамъ, вотъ что ихъ чертей наражалъ! показалъ князь на Агееонова и на другихъ лакеевъ, стоявшихъ кругомъ стола.—Да еще Афеть, третій-то сынъ. Не вспомнишь ли ты ихъ отца. Какъ его звать-то.... Я вотъ что-то заламятоваль.... А?...—Арееа улыбался въ бѣлую бороду. Фимочка внимательно слушала, разиня ротъ. Данило глядя пристально на Милушу и ждалъ. Дѣвушка, не зная и не подозрѣвая шутки, съ удивленіемъ въ голосъ вымолвила вопросительно:

— Вы, Родивонъ Зосимычъ, сами сказали Ной, а говорите забыли.

— Исполать тебѣ умница! воскликнулъ князь, но однако ему пришлось тотчасъ же объяснить Милушѣ въ чемъ состояла шутка, потому что она не поняла ничего.—Ну ладно! Еще одинъ разокъ отвѣтствуй на спросъ и въ награду проси что пожелаешь.... Хоть вотъ сына проси, Данилу. Я тебѣ его отдамъ въ кабалу. Я чаю супротивничать не станеть, подмигнувъ старику сыну.

Милуша слегка оторопѣла и покосилась чрезъ весь столъ на Кириловну, сидѣвшую на концѣ около Михалки.

— Къ Людмилѣ Митревнѣ въ кабалу я пожалуй и самъ пойду, безъ отцова указа, сказалъ Данило глядя на нее.

Милуша смутилась совсѣмъ, вспыхнула, но глаза ея засіяли такою радостью и счастіемъ что скрыть не было возможности и всѣ замѣтили....

— Ну сказывай, книжница. Слушай! Гдѣ конецъ свѣту? на сей спросъ никто мнѣ разрѣшенья не дастъ, хоть бы самъ господинъ полковникъ хвардіи и тотъ посрамится. Тутъ не сабадей, а смѣлкой надо отрѣзать.

— Чтой-то грѣхъ какой спрашивать! тихо замѣтила сосѣду Кириловна. Богу—извѣстно, гдѣ конецъ. Можетъ его конца-то и вовсе нѣту.

— Что вы, Марья Кириловна! конца нѣтъ! отозвался Михалка.—Я доложу гдѣ! прибавилъ онъ почтительно обращаясь къ князю.

— Ишь голосъ подаетъ! Знай себѣ улисывай за обѣ, да шь скорѣй, а то подавишься! сострилъ князь.

— Конца свѣту нѣтъ, отвѣчала Милуша, а сама все еще перебирала послѣднія слова Данилы о кабалѣ.

— Ай да дитятко! со мной въ одно слово!... воркнула Кирилловна.

— Какъ нѣту! воскликнула Фима съ ужасомъ.—Что ты, Мила?

— Путаешь! путаешь! рѣшилъ Родивонъ Зосимычъ.—Есть! какъ не быть! Всему есть конецъ.

— Нѣту и впрямь, батюшка! удивляясь сказалъ Давило.

— Нешто я не знаю! телнулъ князь.—То загадка такая.

— Да нѣту же.... Ей Богу! серьезно говорила Милуша.—Я вамъ объясню даже, какъ....

— Не божись, книжница, откажись! Помиримся. Въместо Давилы бери въ крѣпость Михалку.

Всѣ разсмѣялись.

— Батюшка на смѣшки васъ подымаетъ, Людмила Дмитревна, сказалъ Давило.—Прикажешь, я за Людмилу Дмитреву отвѣчу.

— Вишь пряткій... А соврешь... полковникъ?

Обѣдъ кончился, всѣ встали и пошли къ ручкѣ Родивона Зосимыча. Милуша, каждый разъ до пріѣзда Давилы, хотѣла поцѣловать его руку, но старикъ никогда не давалъ и цѣловалъ ее въ лицо; на этотъ разъ случилось то же.

— Давило! вдругъ громко и серьезно сказалъ Родивонъ Зосимычъ поцѣловавъ Милушу и кладя руку на ея гладкую головку.—Выищи ты себѣ супругу вотъ эдакую, и поклонюся я тебѣ въ поясъ.... Вотъ что!

Вся даже дворня ахнула и переглянулась многозначительно. И не только Милуша замерла на мѣстѣ, но и князь Давило смутился.

— Ну, красавица ты моя, гдѣ жь свѣту-то конецъ? А? снова спросилъ князь когда всѣ перешли въ его кабинетъ и помогли ему усадься въ его кресло.—Отгадаешь, сказываю, Давилу бери... Я чаю стоитъ потрудиться.

— Въ темной горницѣ, произнесла Милуша дрожащимъ голосомъ, предчувствуя къ какой шуткѣ поведетъ разгадка.

— Выдали меня, мошенники. На твою руку тянутъ. Говори кто надоумилъ. Кто? А?

— Михалка! прямо отвѣчала дѣвучка.

— Ахъ, бездѣльникъ! Супротивъ меня пошелъ. Ну нечего разборъ чинить, кто, да какъ. Разрѣшила и поклонъ твоей мудрости... Бери Давилку, эй!.. Полковникъ! Стулай, братъ, въ кабалу къ Милушѣ.

— Что прикажешь, боярышня! наклонился Данило предъ Милушей.—Я въ твоей телерь водѣ! съ умысломъ перемѣнилъ оязъ вы на ты.

— Милуша! Прикажи ему велѣть запречь розвальни, воскликнула Фима.—И самъ пусть за мѣсто кучера покатаетъ насъ по первому пути... Оязъ лихо, лихо править тройкой! воскликнула Фима.

Милуша молчала и смущалась.

— Нѣту, что! Услѣдемъ накататься. А вотъ я что скажу... заговорилъ Данило двинувшись къ Милушѣ, и дрогнувшій его голосъ оборвался.

Звукъ этого голоса поразилъ всѣхъ и уничтожилъ общее шутовское настроеніе... Родивонъ Зосимычъ зорко глянулъ на сына. Всѣ ждали. Даже у Милуши зацемило сердце отъ голоса князя.

— Пускай Михалка покажетъ намъ въ залѣ камедь Безрылаго, вдругъ вымолвилъ князь.

Всѣ снова изумились, потому что всѣ чуяли что молодой князь началъ съ важнаго, и будто оробѣвъ вдругъ свелъ на пустаки. Наступило молчаніе. Князь Данило повернулся и быстро вышелъ изъ залы.

Милуша переглянулась съ Фимой, и обѣ смолкли въ неловкомъ смущеніи.

— Есть такія дѣла что и воины *eroи* лучше ребятъ робѣютъ, проворчалъ князь.—Да небось, Улита ѣдетъ... Такъ что ль, богомоль ты мой?

— Сдается и мѣ, Родивонъ Зосимычъ, что ѣдетъ, отозвался отецъ Ареѣа.

— Кто? вступилась Фима.

— Улита! разсмѣялся старикъ священникъ, и взявъ съ комода розовенькій ларчикъ вопросительно показалъ его старику князю.

— Давай, давай! Ну! Вы не юлить здѣсь. Съ вами немного наиграешь, сказалъ Родивонъ Зосимычъ, не любившій чтобъ ему мѣшали играть въ бирюльки.

Старики сѣли за маленькій столикъ, гдѣ на стеклѣ лежала кучка высланныхъ бирюлекъ. Дѣвушки тихонько стали у столика, молча наблюдая за крючками игроковъ.

Всѣ лица стали серіозны. Шутки прекратились и уступили мѣсто дѣлу.

V.

Пришелъ ноябрь, наступилъ праздникъ Михаила Архангела. Отецъ Арева, снова прибывшій наканунѣ изъ Таковского, служилъ въ домѣ всенощную и обѣщалъ служить обѣдню на другой день. Старикъ служилъ съ особеннымъ благолѣпиемъ и всѣ обрадовались этой вѣсти.

Въ Азгарѣ былъ всегда въ этотъ день шутовской праздникъ—рожденіе и именины Михалки.

Михалка, шутъ и потѣшникъ по людскому закону и князь Михаилъ Зосимычъ Хвалыинскій по велѣнію природы, жилъ изъ милости въ каморкѣ флигеля самой плохой, дверь обѣ дверь съ портнымъ и съ однимъ изъ княжихъ музыкантовъ доморощенныхъ; обѣдалъ онъ за княжимъ столомъ, и награжденный съ рожденья волчьимъ аппетитомъ не смѣлъ ѣсть много чтобы не обратить на себя вниманія и не поднять града насмѣшекъ и шутокъ.

Положеніе его въ домѣ было не завидное. Азгарцы не забыли и не прощали ему его исключительное положеніе, какъ еслибъ онъ виноватъ былъ въ своемъ происхожденіи.

Всякій кто залезъ — срывалъ сердце на Михалкѣ, всякій кто хотѣлъ побаловаться, побалагурить — избиралъ жертвой Михалку. Единственное существо любившее Михалку до страсти былъ огромный пестъ съ ласкою мордой по прозвищу Безрылый.

Съ нимъ проводилъ Михалка все свое вѣчно свободное время и училъ пріятеля уму-разуму. Всѣ интересы и все самолюбіе Михалки ушло въ воспитаніе Безрылаго. Вслѣдствіе этого пестъ дѣлалъ такія штуки что часто при гостяхъ допускался въ хоромы съ Михалкой и потѣшалъ общество до слезъ.

Михалка былъ немногимъ моложе князя Родивона. Лицомъ и всею фигурой онъ былъ звеномъ между княземъ Зосимой и княземъ Давилой. Еслибы приглядѣться внимательно, въ немъ было большое сходство съ обоими, только разбѣзанная, при ладенъи отъ толчка отца, верхняя губа безобразнаа лицо; сильная хромота пріучила держаться криво; трудная и долгая болѣзнь въ двадцать лѣтъ лѣтъ, водянка въ головѣ, сдѣлала его совершенно лысымъ, и все это мѣшало полному

сходству съ родней. Отчасти болѣзнь эта, а отчасти положеніе въ домѣ, изъ остроумнаго и веселаго молодца сдѣлали чертучуръ задумчиваго и горяющаго человѣка и понемногу привелу къ малоумію. Мозгъ былъ тронуть, и мысль стала проявляться странно... Понемногу, какъ? когда?.. Михалка попалъ въ скоморохи и потѣшники. Азгаръ незамѣтно, будто невольнo, пожаловалъ его въ шуты. Прошло еще двадцать лѣтъ и онъ дѣйствительно сталъ полусумашедшій шутъ. Одно чувство ясно сказывалось въ немъ.

За что? спрашивалъ онъ мысленно судьбу, глядя на князей Хвалынскихъ, ихъ богатства и знатность и затѣмъ на себя, на злыя шутки господъ, на грубыя выходки холопей. И случалось слезы набѣгали на его желтое лицо. Подчасъ онъ чувствовалъ и находилъ въ себѣ нѣчто что казалось ему не удѣлено инымъ людямъ его окружающимъ, а лишь ему одному; онъ былъ правъ, но некому было замѣтить это, ему же некому было и передать это внутреннее убѣжденіе.

Молодые князья въ дѣтствѣ любили Михалку, и послѣ ихъ отъѣзда княжна Серафима подражала имъ, застудалась иногда за шута. Она и не подозрѣвала его происхожденія.

— Ну что вы Михалку забицѣли? говорила она людямъ послѣ какой-либо особенно злой выходки надъ нимъ. — Онъ жалкій...

— Что ему, барышня? Ему что объ стѣну горѣхъ, отвѣтитъ кто-нибудь.

А у Михалки на сердцѣ ковырнеть глубоко и если случится это за обѣдомъ, то кусокъ хлѣба или говядины туго идетъ въ эту минуту черезъ его горло, душитъ, деретъ. А тамъ горячую зальетъ сердце, такъ что послѣ стола онъ уйдетъ къ себѣ и приляжетъ на грязную кровать отъ нездоровья, а то заплачетъ сидя обнявшись съ Безрылымъ.

— Гляди! Ишь Михалка лбомъ по плитамъ-то звонить, замѣтитъ кто-нибудь въ церкви, глядя какъ онъ молится.

— У Бога-то, самъ не вѣдаетъ чего просить, шутъ дурачкій.

А Михалка знаетъ чего просить, и мысленно въ молитвѣ укажетъ Богу на этихъ людей и прибавитъ горячо:

— Прости имъ! Что жь....

Наканунѣ Михайлова дня уже много смѣху было по поводу именинъ Михалки. Фимочка приказывала ранехонько пригласить къ ней Безрылаго чтобы навязать ему на хвостъ свой подарокъ Михалкѣ и пустить собаку къ нему. Эта затѣя

повторялась каждый годъ. Агаѳоновъ объявилъ дворнѣ что такой подарокъ заготовилъ Михалкѣ что до Рождества смѣху станетъ.

На утро князь Данило, особенно задумчивый и взволнованный съ вечера, всталъ прежде всѣхъ и собрался погулять въ садъ до обѣда. Всю ночь не спалъ онъ, и всю ночь образъ Милуши возставалъ предъ нимъ и носился неотступно надъ изголовьемъ постели. Князь былъ уже страстно влюбленъ и самъ не зналъ какъ легко было ему избавиться отъ своей страсти. Стоило обратить милостивое вниманіе на дочь Агаѳонову, которая сильно егозила и приставала къ молодому князю съ дозволенья своего хитраго и ловкаго отца. Но князь не зналъ что его страсть къ красавицѣ Милушѣ такая... легко излѣчимая и быстро проходящая.

Было часовъ семь когда Данило вышелъ въ залу и прошелъ въ портретную взять наканунѣ забытую трость. Среди комнаты, чуть освѣщенной занимавшимся днемъ, стоялъ Михалка предъ портретомъ князя Зосимы. Онъ не шевелился и наклонивъ голову, уперся подбородкомъ и ртомъ въ сжатый кулакъ правой руки, поддерживаемый лѣвою... Князь позвалъ его. Михалка очевидно не слышалъ и не двинулся. Лицо его было задумчиво и влажно.

„Плачетъ“, подумалъ князь и поглядѣлъ съ минуту на тоскливо повуренную фигуру, стоявшую неподвижно среди расписнаго пола горницы... и затѣмъ не взявъ трости вышелъ.

„Какъ ни толкуй, а дядя!“ подумалъ Данило и усмѣхнулся этой мысли.

Удаляющіеся шаги разбудили Михалку, онъ обернулся и не найдя никого сталъ ходить по портретной взадъ и впередъ.... Потомъ онъ снова сталъ предъ портретомъ.

Татарское лицо князя Зосимы, смуглое, все обритое, строгае съ узкимъ лбомъ и широкими скулами, съ гладко выстриженною головою, упрямо и сурово глядѣло изъ золотой рамы въ упоръ на бѣднаго Михалку и будто говорило это лицо:

— Ты, тварь, живъ! Не удавили!

— О-охъ! Князь—батюшка!... Погнушался! со стономъ вымолвилъ вдругъ Михалка и судорога горя и тоски скривила его лицо и разсѣченную губу.

Въ залѣ раздался голосъ Агаѳонова.

— Дослать за именинникомъ. Что онъ лѣшій неидеть!

Князь дескать всталъ. Видѣть желаетъ. Аль думаетъ; мы пойдемъ въ его кануру съ проздравленьями.

Михалка утеръ лицо, поправилъ на себѣ кафтанъ, откашлялся и вышелъ въ залу.

— Ну что жь, Чортова Михалка, прячешься. Иди за подаркомъ, дармовѣдъ, встрѣтилъ его Агаоновъ.

Михалка не отвѣчая прошелъ въ кабинетъ.

— Ну здорово! сказалъ князь.—Подъуемяся. Вотъ тебѣ въ день ангела!—И князь указалъ на шубку изъ бѣличьяго мѣха что лежала на диванѣ.—Береги. Я ее восемь лѣтъ носилъ. А тебѣ, дураку, по смерти служить должна.

Михалка поклонился въ поясъ, поцѣловалъ князя въ ручку и въ плечо и взялъ давно знакомую шубку. Давно зналъ онъ тоже что ей по истрепанному виду пришла пора перейти къ нему съ плеча княжого.

— Да вотъ еще десять рублей. Все новенькими бумажками. Ну! А ты послѣ обѣдни, смотри не зайди у меня опять на материну могилу какъ прошлый годъ—выть да болтыхаться объ землю. Нынѣ и Давило здѣсь и Фима подросла. Опять увидить, да спросить что тебѣ за забота по Олюшкѣ. Не ходить! Слышишь что ль?!

— Слушаюсь! хрипло и глухо выговорилъ Михалка и опять искривилось его лицо.

— Ну смотри. Довольно съ тебя что я тебѣ такъ позволяю ходить на могилку. Ты не забывай что ты мнѣ солдаткинъ сынъ, а не Олюшкинъ. Ты бы еще ланхидаы вздумалъ служить по ней, да срамить меня при холопахъ. И безъ того всѣ знаютъ какъ тебя лѣшій на свѣтъ-то выпустилъ. Ну ступай. Узнай готовы ль лошади. Пора.

Михалка пошелъ изъ кабинета съ шубкой подъ мышкой, ноги его дрожали и подкашивались. Единственная его радость въ день именинъ была ему запрещена.

Давило былъ между тѣмъ въ саду, гдѣ надѣялся походить до отъѣзда лѣшій не замѣченный, но повернувъ въ боковую аллею, разчищенную среди снѣга и усыпанную краснымъ пескомъ, онъ увидѣлъ вдругъ на скамьѣ, укутанную въ платокъ и кацавейку Милушу.

Она вскрикнула при его появленіи и стала утирать лицо.

— И она плачетъ! подумалъ Давило; и сильно удивленный видѣть дѣвушку въ саду когда солнце еще не подымалось, молча подошелъ, сталъ предъ ней, не зная что сказать.

Милуша смущенная сидѣла предъ нимъ какъ виноватая. Въ первый разъ очутились они одни глазъ на глазъ.

— Доброе утро, Людмила Митревна. Съ праздникомъ поздравляю, хоть и не слѣдъ до обѣдни.

— Спасибо! прошелтаа Милуша и прибавила робко:—Какъ почивалось вамъ, Давило Родивонычъ?

— Всю ночь не смыкалъ глазъ, всю ночь....—Князь оставился и быстро прибавилъ рѣшительнымъ голосомъ:—Всю ночь свидѣваемъ были вы.... была ты маѣ.... ты, Милуша!

Дѣвушка покраснѣлась и озиралась кругомъ, словно искала кого глазами.

— Гдѣ Кириллова? хотѣла подумать она, но вымолвила вслухъ и смутилась еще болѣе.

— Снилось мнѣ, твердо заговорилъ Давило, смотря въ упоръ на дѣвушку, тѣмъ же взглядомъ своего дѣда Зосимы что давилъ Михаalkу:—снилось что будто взялъ я тебя за руку и повелъ къ батюшкѣ моему и будто сказываю я: батюшка, благослови насъ на житье супружеское, по то что мы любимся крѣпко и что души не чаю я въ ней....

Ни кровяки не видѣлось въ лицѣ Милуши и прерывистое дыханье, будто дымокъ, вырывалось изъ ея пухлячкихъ губъ и вилось по морозному воздуху.... Еще болѣе помурилась она предъ стоящимъ княземъ.

— Чего же не отвѣтствуешь? вымолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—аъ ошибся я въ тебѣ? Иль не вѣришь ты мнѣ? Пойми, родная, что сонъ тотъ въ руку, люблю я тебя и за себя взять желаю. Что жъ молчишь? Не хочешь женой моей быть?

Милуша робко вскрикнула и укрыла лицо въ кацавейкѣ.

— Чего жъ оробѣла, любая?

Давило сѣлъ на скамью, обнялъ дѣвушку и привлекая заговорилъ тихо и слегка стѣсненнымъ голосомъ.

— Глянь на меня, любая.... Не тотъ я человекъ сталъ, собой не владѣю. Въ разумѣ и на душѣ ты у меня одна, ворожея моя.

Милуша заллакала и укрывалась все болѣе, руки ея дрожали.

Князь Давило не поаялъ ее и воскликнулъ съ безлокойствомъ:

— Не любишь что-ль?... Другого кого?... Говори! Не томи!...

Давило сильнѣе обнялъ дѣвушку. Она опустила въ изнеможеніи руки на колѣни, полы кацавейки улади и раскрыли

ея горячее, румяное и влажное лицо.... Она опрокинула голову и подняла глаза на небо....

Пурпуровый лучъ восходящаго солнца скользнулъ по стѣгамъ сада, добѣжалъ до Милуши, позолотилъ ея кацавейку и заигралъ на смоченномъ слезами лицѣ ея.

— Господи!... милостивый!... Давило Родивовычъ! шепнула Милуша изнемогая и какъ бы прося о помощи.

— Чтò жь? Говори же. Скажи! воскликнулъ Давило.

— Да чтò жь я скажу!! стчаянно зарыдала вдругъ Милуша и порывомъ прижалась къ нему, скрывая лицо на груди его и дрожа всѣмъ тѣломъ.

И лодъ алыми лучами солнца, гдѣ всѣ деревья, всѣ вѣтки, искрились и вспыхивали алмазами, золотомъ и серебромъ — Давило поднималъ головку изнемогавшую отъ счатья и цѣловалъ безъ конца горячее и влажное отъ слезъ лицо.

Раздался первый ударъ въ колоколъ на храмѣ Азгарскомъ, и басовые звуки благовѣста слились съ лучами яркаго восхода и съ тысячей алыхъ огоньковъ, и казалось вмѣстѣ съ ними передивались по сіяющимъ сугробамъ сада.

— Ну, теперь Богу молиться!... шепнула Милуша.— Ждутъ. Увидать.... Вотъ ужь намолюся-то я нынѣ!..

VI.

Проснулся и ожилъ степной Оренбургъ. На улицахъ всегда грязнаго и унылаго города было особенное движеніе. Ежедневно проходили партіи гарнизонныхъ солдатъ и проѣзжали казачки, конвоируя колодниковъ, которые ковыляли, гремя цѣпями, сѣрые и грязные; одни шли съ заступами, лопатами и ломами, другіе везли тѣчки, а за ними тянулись вереницами подводы и возы съ землей, навозомъ и мусоромъ.

Наконецъ пробѣгали гурьбой Татары и Калмыки, замѣнявшіе гарнизонъ и вооруженные наскоро чѣмъ попало. Все двигалось къ городскимъ стѣнамъ или обратно отъ нихъ. Мягкія лавки, несмотря на будни, были залерты, и кучки народа, какъ бы по неволѣ праздныя и веселыя, бродили по улицамъ. Иные, столпившись, заводили разговоры, но всегда тихо и таинственно.

На валу и во рву кругомъ города, шла усиленная работа.

Партіи колодниковъ, Татары и всякій свѣрый людъ копошились повсюду.

Валь возвышались, усылая землей, кой - гдѣ ровняли и мостили площадки готовя для орудій. Бастіоны подновляли, а рвы засоренные съ незаламятныхъ временъ выкалывали и разчищали.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были такъ засорены что легко можно было проѣхать въ телегѣ.

Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и вновь откомандированный къ нимъ помощникъ князь Иванъ Хвалыинскій, распорядились на валу и стѣнѣ, разставляя лупки и сортировали людей.

Артиллеріи было всего въ городѣ 70 канонировъ и 70 разнокалиберныхъ лупекъ, и приходилось, оставивъ по одному человѣку у лупки, дать въ помощь къ каждому орудію всякій сбродъ изъ разночинцевъ и инвалидовъ.

У Бердскихъ и Сакмарскихъ городскихъ воротъ валили со дворовъ громадныя кучи навоза и мусора, чгобы въ случаѣ нужды завалить самыя ворота.

Людъ работавшій по стѣнѣ и по валу лестрѣлъ одеждой; кой - гдѣ виднѣлись солдатскія плаатья и кивера, бѣлая же часть были всякій въ своемъ кафтанѣ. Сентовцы въ колакахъ лохматыхъ, Калмыки и Башкиры въ ермолкахъ и въ рыжихъ шалкахъ; купцы и мѣщане, охотники, кто въ изрядныхъ кафтанахъ, кто въ нагольныхъ тулупахъ; колодники, а равно и нѣкоторые изъ скоростѣлыхъ артиллерійскихъ служителей, подобранныхъ изъ кабаковъ, были налегкѣ въ грязныхъ лорткахъ и въ разныхъ дырявыхъ чулкахъ съ голыми руками и грудью несмотря на свѣжую погоду.

Вокругъ работающаго люда и гарнизона, на стѣнахъ, по валу и рву и у разставленныхъ рогатокъ, толкались сотни зѣвакъ, мальчишекъ и бабъ, которымъ пріѣхавшій комендантъ раза по два въ день громко кричалъ:

— Гулятели да смотрители! Не лѣзь въ близость. Десятаго разложу и вылорю на народѣ.

И когда однажды въ вечеру набралось еще болѣе зѣвакъ, потому что распространился слухъ объ особенно усиленной работѣ на валу по случаю будто бы ожидаемаго въ ночь пристула, губернаторъ прибывшій взглянуть на крѣпостныя работы указалъ ловкимъ маневромъ охватить десятокъ мѣщанъ и бабъ. Ихъ разложили рядами на бастіонѣ и высѣкли при

громкомъ хохотѣ и ликованіи остальной толпы зѣвакъ, солдатъ и колодниковъ.

Со стѣнъ крѣпостныхъ открывался видъ — новый для жителей. На первомъ планѣ чернѣлись массы выжженного предмета, головни, уголья, обгорѣлые столбы и балки, а среди нихъ кой-гдѣ стояли, будто крѣпостцы, красныя печи, очутившіяся подъ открытымъ небомъ. Среди погорѣлаго предмета бѣялась небольшая Егорьевская церковь, а шаговъ на пятьсотъ отъ крайняго углового бастиона, и не вдалекѣ отъ церкви, свѣтилась новая тесовая изба, почему-то уцѣлѣвшая отъ пожара.

Вдали видны были мятежники. По рѣкамъ Яуку и Сакмарѣ, и затѣмъ версты за четыре отъ города — по казачьимъ лугамъ, при Маячной горѣ, по урочищу Красная Глина и по Сырту чернѣлись, разсыпавшись какъ муравьи, лѣшіе и коныи. Нѣкоторые подвигались ближе и разѣзжали кучками въ десять, двадцать человекъ. Иные всадники зачастую, ставъ на ружейный выстрѣлъ лицомъ къ городу, стояли по часу, по два, глядя на работы, а то и дольше, пока въ нихъ не выпадитъ кто изъ охотниковъ. Изрѣдка смѣльчаки (больше въ пьяномъ видѣ) подсакивали къ самой стѣнѣ и заводили ругательный разговоръ съ ближайшими, насмѣхались и острили, даже стрѣляли и подучивъ отвѣтъ словесный или ружейный, отѣзжали со смѣхомъ или бранью.

Уже три дня чернѣлись эти кучки на горизонтѣ и замѣтно увеличиваясь каждое утро все болѣе растягивались вокругъ города. Теперь изъ какихъ бы воротъ ни выѣзжали фуражиры за сѣномъ, они непременно натыкались на какую-нибудь черненькую кучку и происходила ошибка, лобызъ тѣхъ и другихъ и двое-трое раненыхъ, двое-трое перебѣзчиковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Появилось нѣсколько пройдохъ, которые служа вашимъ и нашимъ, перебѣгали чуть не каждый день, считаясь лазутчиками у обѣихъ сторонъ, и надували объѣ, передавая чтó знали и тѣмъ и другимъ.

Только у Орскихъ воротъ и прилегающаго къ нимъ вала было тихо и безлюдно, потому что съ этой такъ-называемой степной стороны не ожидалось нападений и не примѣчалось бунтовщиковъ. Вдали версты за три отъ города видѣлось только одно большое зданіе, укрѣпленное батареями, Мѣвовою дворъ для пріѣзжающихъ кулцовъ изъ Хивы, Бухары и другихъ азіатскихъ рынковъ.

На третій день по прибытіи князя Ивана въ Оренбургъ, у подъѣзда губернатора генераль-поручика Рейнсдорпа былъ большой съѣздъ экипажей всякаго рода. Губернаторъ потребовалъ къ себѣ всѣ высшіе чины въ городѣ на чрезвычайный совѣтъ.

Пестрая толпа горожанъ: мѣщанъ, кулцовъ, крестьянъ и Татаръ окружили это крыльцо. Кто толкался просто изъ любопытства, а кто ради развѣдокъ при развѣздѣ о рѣшеніи начальства и ради передачи вѣстей въ лагерь.

Наискось отъ губернаторскаго дома, на крыльцѣ Солянаго Правленія, тихо разговаривали два человѣка. Одинъ, въ сизомъ потертомъ кафтанѣ, съ клочками лодыжаго позумента на воротѣ и рукавахъ и въ огромныхъ саложницахъ, изуродованный ослий и лмогавый, былъ протоколистъ Солянаго Правленія, крещеный Калмыкъ Айчувакъ, въ крещеніи Трифонъ. Другой высокій, широкогрудый, сѣдой, но молодцоватый, отставной капралъ инвалидъ, по прозвищу Самцовъ.

Правою и единственною рукой онъ держалъ рученку восьмилѣтняго мальчика. Лѣвый рукавъ висѣлъ вдоль бока сплюснутый, а рука лѣвая была давно на поляхъ германскихъ.

— Кто жь оное уразумѣть можетъ! тихо и важно говорилъ протоколистъ. — Народъ вѣстимо со слуховъ разныя мысли имѣеть. Изъ ихнихъ людей всѣ завѣряютъ что якобы онъ подлинно пресвѣтлѣйшій государь. Ну, а изъ нашихъ всѣ что хватаны были и бѣжали вѣстимо насупротивъ онаго докладывають, якобы у него и виду царева нѣтъ, а такъ человѣкъ маловажный и все больше похвальбой беретъ. А что знаковъ шельмованья, о коихъ повѣщали изъ канцеляріи по обывателямъ, подлинно у него нѣтъ. Изъ себя, вишь, здоровый и рыломъ чистъ. Опять не уразумѣешь то жь. Одинъ сказываетъ: русый де, совсѣмъ изжелта, и молодой парень, а иной завѣряетъ черныи де, чернѣе не можно, пожилой и по виду казакъ. Мудрено тутъ разсудить.

— Нынѣ-то что такое тутъ? вымолвилъ инвалидъ, показывая на губернаторскій домъ. — Совѣщанье о сдачѣ города.

— Не можно тому быть.

— Всего жди. Нѣмцу все можно. Не его городъ. Городъ Россейскій. Чужое добро кто жь бережетъ? Полагательно что не будь у насъ тутъ Таврова да Наумова пропали бы давно.

— Ну твой Наумовъ хоть и примѣръ-майоръ, а куда

опасно ходить. Я помню какъ на воровскихъ Киргизъ онъ ходилъ, пальнетъ разъ и лаки пятить въ городъ.

— Все свой человекъ, православный! А чухляндецъ оный дождался что на носъ ему вѣзли бездѣльники и того гляди обложить городъ. Нѣтъ того чтобы распорядиться по военному регламенту.

— Легко сдается тебѣ его расшибить. У него отборныхъ десять тысячъ арміи, да народъ все задоръ молодцы, все гулебщики да охотнички, а не наша крыса подневольная, изъ гарнизонныхъ. У насъ въ городѣ калѣченое да тощее войско, да изъ нихъ еще половина готова перейти на сторону государя.... Бездѣльника-то онаго....

Молча глянулъ инвалидъ въ лицо протоколиста послѣ этой обмолвки.

— На валу былъ, служивый? послѣшилъ прибавить тотъ.

— Вотъ иду.... Внучку вотъ, государя-то онаго, каторжнаго, казать. Лѣвка, хошь на валъ идти, пса Емельку смотрѣть!

— Хоцу! писканулъ ребенокъ, не вынимая пальцевъ изъ рта.

— Ну.... Прости, пойдемъ Лѣвушка.

Солдатъ тихо отошелъ съ ребенкомъ. Протоколистъ шелъ ему въ слѣдъ:

— Завоюетъ городъ энтотъ твой Емелька, да заправитъ всѣмъ государствомъ, такъ спохватишься, калѣченая крыса.

Въ большой залѣ губернаторскаго дома, за столомъ покрытымъ краснымъ сукномъ, подъ портретомъ императрицы, сидѣло человекъ двадцать. Всѣ первые оренбургскіе чины, военные и статскіе.

Губернаторъ генераль-поручикъ Рейнсдорпъ, всегда изъяснявшійся ломанымъ русскимъ языкомъ, иногда совершенно непонятно, объявилъ при открытіи совѣщанія что не зная какія мѣры принять „въ виду замѣшательства, отъ злодѣйствующихъ съ Яцкой стороны,“ и не желая брать на себя одного всю отвѣтственность въ случаѣ бѣды, онъ разсудилъ пригласить господъ администраторовъ, военныхъ и статскихъ, чтобы разрѣшить сообща вопросъ:

— Дѣйствовать наступательно или оборонительно? Выдти всѣми силами противъ бунтовщикова сколища и разсѣять его... Или укрѣпиться и ждать помощи изъ столицы?....

Оберъ-комендантъ Валленштернъ заявилъ что по его мнѣнію надо всѣ старанья приложить на укрѣпленіе города и

ждать въ осадномъ положеніи помощи которую не замедлятъ подать. По слѣдующимъ причинамъ: всего гарнизона въ городѣ: солдатъ 848 человекъ, Алексѣевскаго полка—134 человекъ, казаковъ—467, итого около полуторы тысячи. При выстуленьи надо покинуть городъ на защиту сентовскихъ Татаръ, неприверстныхъ рекрутъ, инвалидовъ и разночинцевъ изъ мѣщанъ и Калмыкъ. Въ вѣрности присягѣ оберъ-комендантъ ручался за сотню казаковъ, да за три сотни солдатъ. Если весь отрядъ, въ случаѣ неудачи, раздѣлится на разбитыхъ, раненыхъ и на предавшихся, то что станется съ городомъ? На обывателей разчитывать тоже невозможно, ибо многіе, не взирая на оловѣщанья, вѣруютъ въ бездѣльника и вора. Половина выйдетъ съ хлѣбомъ-солью, половина же спрячется по погребамъ и чердакамъ.

— Сему разсужденію моему, прибавилъ оберъ-комендантъ,—конечное происшествіе такое: г. губернаторъ и всѣ присутствующіе покончатъ животы, подобно барону Билову и Финглеру..

— А Харловъ, Веловскій, Елагинъ, Нечаевъ... Они не въ счетъ! угрюмо проворчалъ Тавровъ, сидѣвшій противъ Валленштерна толстякъ.

— Я такъ просто назвалъ... на прикладъ... смущенно отозвался оберъ-комендантъ.

— И я такъ, просто!

— Господа! За дѣло. Здѣсь военный совѣтъ, а не *конверсіонъ*! важно вымолвилъ губернаторъ.

Затѣмъ бригадиръ баронъ Корфъ согласился во всемъ съ мнѣніемъ оберъ-коменданта, и прибавилъ что ожидая помощи, они ничего не теряютъ. Положительно вѣдомо чрезъ перебѣжчиковъ что оный воръ приступить къ городу не осмѣливается, а собирается идти къ сибирскимъ фортеціямъ.

Послѣ Корфа губернаторъ обратился къ толстяку. Этотъ—завѣдующій Солянымъ Правленіемъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тавровъ, толстый и маленькій, но живой въ движеніяхъ и рѣчахъ, возразилъ по пунктамъ что лагерь Пугачева менѣе силенъ чѣмъ какъ болтаютъ въ народѣ; что у него можетъ-быть пять тысячъ сброду, но вооруженныхъ только пятьсотъ человекъ и большею частію вилами и дубинами, а все скопище вооружено Господомъ Богомъ и природой, т.е. имѣютъ одни кулаки, къ тому имѣютъ великую охоту къ лаянству и безлутству и ни малой охоты къ битвамъ.

На полторы же тысячи городского войска—можно смѣло ручаться за тысячу въ вѣрности ихъ службъ и присягъ.

Вновь прибывшій въ городъ яицкій войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ присовокупилъ что за своихъ казаковъ, приведенныхъ изъ Яицка, онъ ручается, за исключеніемъ подсотни негодяевъ.

— Ктои уйдутъ къ мятежникамъ не ради иного чего какъ виннаго тамъ изобилія.

— Сетовцы и обыватели, продолжалъ опять Тавровъ,—въ случаѣ дурнаго исхода сраженія, отстоятъ городъ не хуже гарнизонныхъ, ибо первые по своей собственной охотѣ съ пожитками укрылись въ городъ изъ своей слободы, а не пошли къ мятежникамъ, а вторые тоже не будучи на то понукаемы, стануть на защищеніе своего имущества отъ разграбленія.—Подумаемъ, господа, прибавилъ Тавровъ и объ Имперіи. Успокоительное намѣ сидѣніе въ городѣ пагубно наипаче для всей этой страны. Помощь не будетъ ранѣ мѣсяцевъ двухъ, ибо всѣ войска заняты еще на предѣлахъ далекихъ. Между Оренбургомъ и Москвой двухъ гренадеръ не достанешь ни за какіе червонцы. Сколища же вора растутъ не по днямъ, а по часамъ. Вамъ вѣдомо что 18го сентября подъ Илецкой Защитой ихъ было двѣсти человекъ, 27го числа подъ Татищевой двѣ тысячи, а нынѣ и всѣ пять. А чрезъ мѣсяцъ ихъ будетъ тридцать, и такъ, господа бараны... то бишь, господа бароны, генералы и офицеры, спасеніе животовъ нашихъ въ одномъ: немедля устремиться на воровской лагерь. За услугъ можно ручаться. Вспомните что сказываютъ перебѣзчики. Сказываютъ что злодѣйствующій, Пугачевъ ли, иной ли какой, больно опасается вылазки нашей, поговариваетъ и распоряжаетъ зарань куда при атакѣ лыжи наострить. Это не разсужденіе сильнаго врага, а дерзкаго вора.

Послѣ долгихъ преній, наступило молчаніе, изобразившее полную разногласицу, и среди этого молчанія премьеръ-майоръ Наумовъ предложилъ самый вѣрный, по его мнѣнію, способъ дѣйствія: назначить награду во сто рублей за голову Пугачева.

Молчавшіе администраторы оживились и тотчасъ же было рѣшено—объщать за доставку вора живымъ пятьсотъ рублей, а за мертваго двѣсти пятьдесятъ, а пока подождать что изъ сего произойдетъ.

— Ну что вы будете сказать? обратился Рейнсдорль къ Таврову.

— Что? усмѣхнулся этотъ лофыркивалъ.

Всѣ покосились, зная что у толстяка, родомъ хохла, лофыркиванье всегда сопровождается камешкомъ въ чей нибудь огородъ.

— Что тутъ сказать? Спать не могу—ѣсть хочется, ѣсть не могу—спать хочется! Ну, такъ дай, почешуся! Вотъ что, ваше превосходительство и вы высокоблагородные лифляндскіе и русскіе дворяне.

Тавровъ безцеремонно всталъ, всѣ послѣдовали его примѣру. Всѣмъ это совѣщаніе надобно. Тавровъ однако остался у губернатора послѣ всѣхъ и два часа напрасно убѣждалъ его, не теряя времени, назначить выстуленіе изъ города и разбить мятежниковъ, хотя бы ради своего личнаго спасенія. Рейнсдорль не согласился.

— Ну съ, ваше превосходительство, кончилъ уходя Тавровъ.— Коль вы порѣшили сидѣть поджавъ ноги и ждать вора, то соизвольте указать по крайности разломать въ эту ночь мишень что предъ городомъ выстроена для обученія артиллерійскихъ служителей; злодѣи изъ оной мишени могутъ себѣ великое пособіе извлечь поставивъ тамъ свою батарею. А равно и уцѣлѣвшую избу въ пригородѣ надо сжечь.

— Да, очень хорошо. Я буду указывать.

Тавровъ собрался уходить. Въ залу вошелъ еще очень молодой, бѣлокурый офицеръ въ кирасирскомъ мундирѣ, дальній родственникъ губернатора, баронъ Риттеръ, гостившій у него ужъ съ мѣсяць.

— Вотъ, ваше превосходительство, я буду вамъ давать въ пособники моего Альфреда. Ему очень скучно безъ дѣла. Баронъ и князь Хвалынский будутъ ваши адъютанты для распоряженія артиллеріей на валу.

Тавровъ поморщился, но Риттеръ воскликнулъ такъ радостно, поблагодаривъ Рейнсдорла, что Тавровъ вымолвилъ любезно:

— Очень радъ. Милости прошу, баронъ. Мы можемъ въ сію же минуту и отправиться для ознакомленія васъ.

— О! Я кавалеристъ, но изучалъ военную науку въ Германіи и понимаю немного и артиллерію.

— Вотъ какъ! вотъ какъ! весело воскликнулъ Тавровъ.— Такъ чего жъ вы раньше суркомъ-то сидѣли у дядиньки подъ

полой. Алѣнь, же ву при. При, баронъ. При. Въ походъ! громко расхохотался Тавровъ своей острогѣ и сотрясаясь вѣтми своимъ тучнымъ тѣломъ. Баронъ поморщился мужиковатости своего новаго начальника и переглянулся съ дядей.

— Грубый, но добрый и честый! воркнулъ Рейнсдорлъ племяннику по-нѣмецки. Баронъ и Тавровъ вышли изъ залы „Всѣ трусить!“ подумалъ Рейнсдорлъ. „Еслибы самозванецъ зналъ наши дѣла, духъ гарнизона и средства къ оборонѣ, то нынче въ ночь Оренбургъ былъ бы взятъ, а мы на висѣлицахъ. Однако, помимо укрѣпленія города, хотять не хотять, а пусть дѣлають вылазку. Я заставлю ихъ выдти. Тавровъ правъ, но я, какъ начальникъ, не могъ подать вида что поддаюся его совѣтамъ.“ И генераль словно вспомнивъ что-то важное, отправился въ кабинетъ и велѣлъ позвать къ себѣ *оного челоотка*.

Явился обритый колодникъ съ отвратительнымъ лицомъ, обезображеннымъ вырванными ноздрями, съ цѣпами на рукахъ и ногахъ. Это былъ каторжникъ содержавшійся въ городскомъ острогѣ, по прозванію Хлопуша. Двадцать лѣтъ онъ грабилъ Оренбургскую губернію, три раза былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, три раза бѣжалъ оттуда и снова разбойничая, снова попадалъ въ острогъ.

— Ты Хлопуша?

— Я, ваше превосходительство, жалостливо и слезливо отъвѣчалъ колодникъ, какъ-то всхлипывая.

— Ты хочешь представить мнѣ вора?

— Такъ, ваше превосходительство! Коли ваше божеское милосердіе умилитъ мою жисть.—Хлопуша ударилъ себя въ грудь кулакомъ съ цѣпами:—И дозволить онымъ дѣломъ искупить мнѣ всепрощеніе за мое многолѣтнее окаянство, то я вамъ этого негоднаго пса доставлю живьемъ, и награды мнѣ не надо. Я всѣхъ тѣхъ казаковъ добре знаю и скорѣйше могу склонить къ локоренію ея величеству, а также и къ выдачѣ того псова сына Емельки. Буди ваша сіятельская милость! Пустя меня въ лагерь! И чрезъ недѣльку я вамъ доставлю его. А что я за вѣрное услужить матушкѣ царикѣ и вашему превосходительству разсудилъ, по чести христіанской, въ ономъ тебѣ самъ нашъ острожный смотритель мнѣ поручителемъ будетъ.

— Онъ налпротивъ, поручиться не хочетъ. Говорить что ты обманщикъ.

— Я? Обманщикъ? Ахъ ты, Батюшка Небесный! Какъ же такъ?! съ совершенно глулою рожей спросилъ Хлопуша.

— Ну, хорошо... Сдѣлаешь, будешь получать награду пятьсотъ рублей. Такъ я сказываю и честное слово даю... Обманешь, то твоя голова чикъ-чикъ.

— Известно. Такъ ей и сѣдѣ тогда... Чикнуть стало!

Черезъ часъ Хлопуша уже безъ цѣлей сѣдился на лошадь около казармъ и проѣзжая мимо губернаторскаго дома ухмылялся и шелгулъ покачивая головой:

— Ахъ! Чухна! Чухна! И какъ оное диковинно! Чтѣ у насъ ни генераль, то дурень. А не дурень, такъ кроволивица. Ей-ей, диковинно!

Уже при выѣздѣ изъ города его окликнулъ протоколистъ Трифонъ или Айчувакъ.

— Хлопуша! Куда? Среди бѣла дня уйти хочешь!..

— Небось. Отлускную имѣю. Гонцомъ пуцень за бездѣльникомъ Емелькой... Заутра доставлю сюда живымъ, и лятьсотъ рублей отсчитаютъ.

— Чего брехать-то зря?

— Ей-ей! Отъ губернатора въ порученіи. Нымѣ ввечеру посажу названца къ себѣ въ мошну, якобы цыдулю, и привезу.

— Врешь же, собака!

Хлопуша расхохотался.

— Стало въ есаулы выйдешь тамъ.

— Подымай выше! Калмыцкое благородіе. Въ генералы и губернаторы.

А губернаторъ, сидя въ кабинетѣ, призвалъ секретаря, двухъ копиистовъ и далъ имъ работу. Распоряженія Рейнсдорла, результатъ совѣтовъ Таврова и собственныхъ соображеній, изъ коихъ нѣкоторые давно уже собирался онъ сдѣлать, заключались въ слѣдующемъ:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару сломать и пустить внизъ по рѣкѣ (немедленно).

2) У немногихъ польскихъ конфедератовъ еще не высланныхъ изъ Оренбурга отобрать оружіе и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ. (Секретно.)

3) Приказать коменданту отрядить партію Калмыковъ на сломку и сожженіе избы уцѣлѣвшей въ предмѣстьи, а равно и миссии находящейся на Казанскомъ трактѣ.

4) Разночинцевъ и новобранцевъ-охотниковъ, замѣтившихъ

солдаты, въ содержаньи почетнаго караула у дома его превосходительства, а равно и при нѣкоторыхъ иныхъ зданіяхъ на часахъ находящихся, обучить отданію чести при проходѣ и проѣздѣ его превосходительства надлежащимъ образомъ. (Немедленно.)

5) Городскую крѣпостную артиллерію отдать въ завѣдываніе (какъ бывшаго артиллериста) дѣйствительнаго статскаго совѣтника Таврова и прикомандировать къ его превосходительству адъютантами господина поручика кирасирскаго полка барона Риттера и господина подпоручика Алексѣевскаго полка князя Хвалынскаго.

6) Гарнизонамъ малыхъ фортецій выслать ордера о немедленномъ шествіи въ Оренбургъ, рекомендуя начальникамъ зарывать или потоплять находящіяся въ оныхъ тяжести и порохъ.

7) Объявить чрезъ публикацію о награжденіи въ 500 р. за представленіе вора и бунтовщика Емельки Пугачева живымъ и 250 р. мертвымъ.

Когда кописты вышли, губернаторъ спросилъ кофе и перетаскивая изъ молочника жирныя лѣпки въ чашку, сказалъ по-нѣмецки самому себѣ:

— Да. Управлять обширнымъ краемъ, объятымъ пламенемъ бунта, не легко, а очень, очень трудно!

— Да! Но не для тебя! былъ отвѣтъ его чистой совѣсти.

VII.

Павелъ Городищевъ бѣгалъ по городу и звалъ къ Ивану на пироги (праздновать свое благополучное съ княземъ прибытіе) своихъ товарищей по полку, единственныхъ трехъ офицеровъ съ которыми можно было водиться. Большинство остальныхъ только мундиромъ отличались отъ солдатъ и были все больше выслужившіеся сдаточные сержанты и прапорщики пятидесяти и шестидесяти лѣтъ. Ихъ жалованье было не болѣе десяти рублей ассигнаціями въ годъ, и они, не смотря на офицерскіе чины, тайно отъ начальства изыскивали всевозможныя средства къ существованію. Одни были мастера: портвые и саложники, другіе черезъ пріятелей заводили лавочки, полливныя или продавали чрезъ третью руки и

сужно солдатское, и ружья, и овесъ, и даже лошадей Татарамъ на съѣденіе.

Трое пріятелей Городищева, а равно и князя Ивана, были, хотя съ грѣхомъ лополомъ, изъ дворянъ и тоже очень не богаты, но все-таки люди „благородной повадки“.

Первый, то-есть старшій изъ нихъ, капитанъ Пыжовъ, добрый, неотесанный человѣкъ и хорошій начальникъ, очень любимый солдатами, былъ вѣчно угрюмый, какъ будто надутый, смѣлый и умный, но не словоохотливый. Другой, поручикъ Бородавкинъ, былъ очень не казистъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и немного косою, считался оренбургскимъ остроумникомъ и всегда потѣшалъ общество анекдотами, шутками и насмѣшками насчетъ своего мірка, то-есть оренбургскаго товарищества и начальства. Онъ отчасти былъ подражателемъ Таврова, всѣмъ извѣстнаго своимъ язычкомъ. Бородавкинъ недавно, тоже какъ Городищевъ съ княземъ, пріѣхалъ въ Оренбургъ выслужиться. У него вслѣдствіе скуки вседневной жизни и отсутствія занятій которыхъ требовалъ умъ, являлась особая специальность. Онъ зналъ всѣхъ до единой женщины въ Оренбургѣ; почти со всѣми кланялся и зналъ ихъ житье-бытье; съ сотней былъ знакомъ короче, а съ десяткомъ, если не болѣе, уже въ большой дружбѣ. Дамы эти, регистраторши, секретарши, сержантши, лисарши, кулчики и другія гражданки, несмотря на уродство поручика Бородавкина, были къ нему не равнодушны, и уже исторію четыре случилось между ними изъ-за любезнаго Макара Ивановича. Одна дамская драка дошла даже до высшаго начальства и надѣлала шуму въ городѣ потому что мужъ, провинціальный секретарь, пожаловался въ канцелярію губернатора и билъ челомъ на то что его жена: „меня, законнаго мужа, подъ защищенье никогда не брала, не только дѣйствіемъ или дракой, ниже разговоромъ. Поручика же Бородавкина защищала всѣмъ своимъ тѣломъ, яко бы онъ ей родственникъ причитается. И мнѣ хотя точно извѣстно какія между сею негодною бабой и онымъ поручикомъ незаконныя обстоятельства завсегда происходили... но предъ чужими подслудно все было и ничего замѣчательнаго не оказывалось. Нынѣ же дошли тѣ обстоятельства до дурачества, съ гласнымъ лобитіемъ моею женкой нѣкоей другой почтенной, добролюбивой и второй гильдіи кулчики, въ нахожденіи ихъ обѣихъ въ гостяхъ у магистратскаго ратмана Лейкина, при многихъ присутствующихъ и даже

при лѣненіи чаю... Въ силу сего слезно молю, яко отца, ваше превосходительство, воздержать ту мою женку отъ неудержимаго невоздержанія.“

Рейнсдорль призвалъ тогда Бородавкина, много усовѣщевалъ и наконецъ спросилъ:

— Знаете ли вы, господинъ поручикъ, десятый... Какъ это?.. Gebot Gottes... ну... ну... десятый приказъ Божій? Знаете?

— Никакъ лѣтъ-съ, ваше превосходительство, изумился Бородавкинъ.

— Ну, узнайте, господинъ офицеръ, узнайте, подите! Это нужно, строго сказалъ губернаторъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, неувѣренно отозвался Бородавкинъ, не зная куда идти за справкой, и прибавилъ: — прикажете съ отвѣтомъ придти къ вашему превосходительству?

— О, mein Gott! Подите вонъ.

Третій офицеръ Ладушкинъ, жившій вмѣстѣ съ Бородавкинъ, былъ его лервый другъ, его обожатель и во многомъ подражатель. Между обоими не было ничего общаго и они сдружились и сошлись какъ крайности. Сержанту Льву Ладушкину было семнадцать лѣтъ, а его другу уже за тридцать. Ладушкинъ былъ высокій, но щедущный и болѣзненный юноша, со слабою грудью и тоненькимъ дѣвичьимъ голоскомъ, а Бородавкинъ басилъ какъ діаконъ на амвонѣ и былъ четверугольный, чуть не желѣзомъ *щитый*. Ладушкина часто сравнивали съ веревочкой и дудочкой, а у Бородавкина было прозвище: *цыбикъ* съ Макарьевской ярмарки, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Макарьева. Наконецъ Ладушкинъ, въ отличье отъ друга, былъ хотя не красавецъ, но лицо его, прозрачное, чистое, какъ восковое, очень худое, но съ правильными чертами, съ умными сѣрыми глазами и добрымъ взглядомъ, могло пройти за красивое, около дуди вмѣсто носа и косаго глаза рябоватаго лица Бородавкина. Ладушкинъ былъ только въ одномъ отношеніи воспитанникомъ своего друга: онъ тоже имѣлъ большое знакомство съ секретаршами и сержантшами, былъ дамскій любезникъ, но разумѣется далеко не имѣлъ такого успѣха какъ его учитель Цыбикъ. Во всемъ остальномъ Ладушкинъ былъ чудакомъ для однихъ, дуракомъ для другихъ, потому что ему случалось выражать мнѣнія черезчуръ не подходящія къ образу мыслей ег. старшихъ

товарищей. Одинъ Тавровъ звалъ Ладушкина Самородкомъ, но ни ему самому, ни другимъ прозвища этого не объяснилъ.

Городищевъ, обѣжавъ друзей, явился на квартиру Ивана. Она была недалеко отъ губернаторскаго дома, на углу площади и улицы, въ деревянномъ домикѣ, заново выкрашенномъ яркою желтою краскою. Подъ маленькимъ карнизомъ, на ставняхъ окошекъ и надъ дверью крыльца, живописецъ намалевалъ такіа хитросплетенныя фигуры что красныи цвѣтъ, зеленый и лиловый, лутались на желтомъ фонѣ и кололи глаза. Домикъ этотъ былъ отдѣланъ хозяиномъ добровольно, съ той минуты какъ у него поселился такой почетный постоялецъ какъ князь Хвалыинскій, вдобавокъ единственный въ то время князь во всемъ Оренбургѣ, дивившій всѣхъ своимъ поступленіемъ въ Алексѣевскій полкъ. Къ тому же Иванъ жилъ дѣйствительно по-княжески, широко, тратя болѣе тысячи рублей въ годъ, тогда какъ его товарищи, въ родѣ сержанта Ладушкина и поручика Бородавкина, жили на полтора-раста рублей въ годъ оба, и считались какъ богачи тѣми товарищами что бились на десять рублей.

Иванъ сидѣлъ дома у окошка, глазѣлъ на проходящихъ въ ожиданіи гостей и думалъ о своей горькой судьбѣ.

Явившись когда-то въ службу въ Казань, а потомъ полавъ въ Оренбургъ ради полученія перваго офицерскаго чина, онъ, по совѣту почитаемаго и любимаго имъ Таврова, остался еще прослужить до поручичьяго чина. Въ концѣ года долженствовало ему получить этотъ чинъ и выдти въ отставку чтобы жениться на Паранѣ. И вдругъ теперь явился Пугачевъ, и Иванъ, никогда не думавшій воевать, нежданно попалъ во всѣ отъ злодѣя замышательства. Надѣясь тайно на скорое окончаніе бунта, бѣдный Иванушка только и мечталъ, по прибытіи теперь въ Оренбургъ, объ отставкѣ чтобы вѣхать снова умолять Параню выдти за него. Гдѣ бы онъ ни бродилъ, по улицамъ, по крѣпостному валу, на ученьи рекрутъ, мысль его постоянно была около милой. Отовсюду смотрѣли на него синія очи свѣтловолосой дѣвушки... Наканунѣ въ городѣ промель слухъ что будетъ сдѣлана вымозка на злодѣевъ, и Ивану залапа въ голову мысль, заставившая его грустить въ ожиданьи гостей.

— А ну убьютъ? Повѣснятъ этотъ злодѣй? Мало ль офицеровъ онъ уже загубилъ! Трехъ недѣль нѣту что баронъ Билловъ танцовалъ здѣсь на балѣ у Тимашева. Теперь же и сгинулъ давно,

и даже безъ погребенья остался. Назначить Нѣмецъ въ посылку, дать сотню подлецовъ что перебѣгутъ къ вору, а я проладу...—Онъ глубоко задумался и долго сидѣлъ не шевелясь...

— Много ль я нажилъ на свѣтѣ? вдругъ всплакнулъ Иванъ, какъ бы умирая въ дѣйствительности. — Параня, счастье и благополучье всей жизни... Долгая жизнь... А тутъ изъ-за бунтовщика казака... изъ-за ихняго города проклятаго... Какая мнѣ забота что Пугачевъ разбойничать хочетъ?.. Завоюю онъ себѣ всѣ города, хоть всю Россію. Мнѣ-то что? Я за Параню четыре Россіи отдамъ.... Нужно было въ военные люди меня улекать! Теперь нѣтъ закона что при Петрѣ и Аннѣ былъ; насильно служить не заставляютъ; поживалъ бы себѣ въ Азгарѣ!...

Долго уже сидѣлъ и плакался Иванъ. Его привели въ себя тяжелые шаги вошедшаго писаря-солдата съ указомъ быть на утро готовымъ къ выступленью на злодѣевъ. Собираются указано на площади къ пяти часамъ утра.

Иванъ встрепенулся и не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Во снѣ это или на яву? повторялось у него въ головѣ и онъ смотрѣлъ на полковаго писаря какъ на привидѣнье.

Когда Городищевъ вошелъ въ дожики, Иванъ бросился къ нему и схватилъ его за руки.

— Паша! Паша! правда ль?

— Что съ тобой, родимый?

— Вѣдомо тебѣ о приказѣ—выступать?

— Нѣту! А развѣ есть приказъ? спросилъ тотъ неровнымъ голосомъ и тоже смутился.

— Почто же? почто же лѣзть намъ на мерзавцевъ?

— А будемъ ждать.... хуже! они сами лонавѣдаются сюда, отвѣчалъ Городищевъ вздохнувъ.

— Почто же мнѣ быть въ выступленьи когда я состою при орудіяхъ у Таврова, на бастионѣ?

— И-и! Ваня. Я небойсь вѣдь тоже назначень, хоть и у губернатора тебя заступилъ. Какіе тутъ счеты, когда всѣхъ-то насъ въ горсточку собери да разотри? Ты не Нѣмецъ. То майору Крузе—можно.

— Что Крузе? разсѣянно отозвался Иванъ.

— Что? Вотъ также пояснилъ своему капитану Нечаеву что его должность идти въ Оренбургъ и ушелъ, да укрылася здѣсь, а фортецію Черноморченскую Нечаеву сдаде: твори что пожелаешь!... Ну и сгибъ бѣдняга!ша Харловъ-то? слушай-ко

Ванюша.... Чтò я надумалъ, сидячи нынѣ въ карауѣ. Нѣмцы наши вѣдь хитрѣе много насъ-то.... много хитрѣе, Ваня! Городищевъ подсѣлъ ближе къ пріятелю и съ самодовольствомъ заговорилъ.—Смекай-ка, Ваня.... Я все сіе самъ надумалъ. Ты вѣдаешь ли что на все офицерство Оренбургское пропало по сю пору десятка три чтò по фортеціамъ, да по форлостамъ службу несли. А Нѣмцевъ изъ нихъ, Ваня, сгибло всего два, баронъ Билевъ да Финглеръ, да оба они мало были на Нѣмцевъ похожи.... Вонъ оно чтò, Ванюша. А вѣдь ихъ у насъ на службѣ много.

— Да ты про чтò? не сообразилъ Иванъ.

— Чудной! Про то что они опасно ходять. Вонъ барону Корфу три приказа было—небось онъ и въ усь не дулъ. А изъ того послушанья его чтò народу въ Татищевой загибло? Теперь завтра выстуленьемъ кто будетъ командовать? Оберъ-комендантъ Валентернъ? Держи карманъ шире. Майоръ Наумовъ! хоть и самъ онъ не изъ прыткихъ, а прикажетъ Рейнсдорль, ну и полѣзай. А Корфу не прикажетъ, потому онъ баронъ, да Корфъ. Вотъ хоть и ты, какъ князь Хвалынскій—не хочешь—можешь завтра не идти. Тебѣ Рейнсдорль ничего не сдѣлаетъ, твоего родителя будетъ опасаться.

Чрезъ полчаса явилось нѣсколько человекъ офицеровъ, и разговоръ снова перешелъ на новость, то-есть выстуленье. Всѣ поговорили, приуныли и сидѣли молча.

— Чтò жъ въ самомъ дѣлѣ, мы будто на поминки собрались? воскликнулъ Ладушкинъ.—Давай трянемъ, князь, по лѣтнему обычаю, растрясемъ горе.

— Молодецъ! кути душа! крикнулъ Бородавкинъ.—А послѣ ужъ ты насъ князь и угостишь... Голодь себѣ нагуляемъ. А то я еще кашей полнехонекъ!

— Дѣло! воистину! прибавилъ Городищевъ.—Чтò за важность. Еще можетъ какъ выступимъ, онъ на утекъ пойдетъ къ Киргизамъ. Мы вѣдь еще не мѣрялись.

— А фортеція-то забрать было не хитрое дѣло, сказалъ одинъ рыжеватый офицеръ Сысоевъ, зашедшій случайно къ князю.

— Чтò жъ намъ придумать? оживился Иванъ.

— На дворъ! вали! скомандовалъ Бородавкинъ.—Городки или лалту.... Согрѣмся....

— Грѣться такъ въ чехарду.... А то въ свайку, промывчалъ Пыжовъ.

Черезъ минуту началась чехарда, и съ веселымъ хохотомъ бѣгали и носились все по двору. Очередные становились, остальные прыгали, ладали, кричали.... и распрыгались какъ малыя дѣти. Пришелъ чередъ Ивана, не сумѣвшаго перескочить, и онъ, ставъ среди двора, наклонилъ голову.... Многие уже по два раза перепрыгнули ловко черезъ него, но затѣмъ вдругъ все стихло и никто не бѣжалъ снова.

— Ну что жь? крикнулъ наконецъ Иванъ, не подымая головы.— Чего вы?

Въ ту минуту кто-то тяжело сола подбѣжалъ, грузно навалился ему на спину, закачался и ладая на бокъ увлекъ за собой и Ивана. Оба бухнулись на землю.

— Убилъ, тонконогий! завопилъ голосъ Таврова, сидѣвшаго уже верхомъ на лежачемъ Иванѣ.

Оказалось что единственный въ городѣ начальникъ всѣми любимый, узнавъ что офицерство собралось у его любимца князя, зашелъ тоже и найдя игру и Ивана среди двора захотѣлъ вспомнить старину.

Все съ хохотомъ окружили обоихъ улавшихъ.

— Вотъ удивить вздумалъ! говорилъ Тавровъ, вставая съ трудомъ.— Ну и удивилъ колѣномъ камушекъ. Рака съ клешней изобразилъ. Ну да и ты братъ, Иванъ Родивовичъ, не ковь съ колытомъ. Чего не сдержалъ, растянулся? Ну здорово! Ты лироги ѣшь, а нашему брату мимо носа. Нѣтъ, шалить, я за своимъ кусомъ пришелъ. Веди въ горницы.

Все оживились и обрадовались приходу умнаго, простаго и сердечнаго добряка, и весело проболтали до вечера. Бесѣда шла болѣе о Пугачевѣ. Тавровъ, знавшій дѣла лучше самого губернатора, качалъ головой, мало надѣялся на успѣхъ вылазки, но радовался ей.

— Да вы что жь спрашиваете? Ваша забота. Отъ васъ все въ зависимости. Будьте молодцами, покажите примѣръ гарнизону, такъ Пугачева духу не будетъ здѣсь черезъ три дня.

Когда Тавровъ ушелъ, то оставилъ однако офицеровъ еще печальнѣе. Все они, застигнутые мятежомъ, когда вовсе и не собирались воевать поступая на службу въ Оренбургскій край, были въ ужасѣ и почти въ недоумѣннн что дѣлать и какъ быть. Многие никогда еще не видали и даже не слышали о дѣйстви картечи, ядеръ и гранатъ, а завтра назначено выступленье.... А у Пугачева со стѣльныхъ крѣпостей орудія есть хорошія.

Макаръ Бородавкинъ вдругъ сталъ ругательски ругать того своего дядю что посовѣтовалъ ему идти служить въ Оренбургъ когда онъ самъ нижегородскій.

— Думалъ здѣсь скорѣй выслужусь, ну и лентяй теперь на полову корову. Охъ! ужь отодралъ бы я этого Пугачева плетью!

— Вотъ и я тоже, не разъ восклицалъ Иванъ.—Вѣдь я женихъ!

— Ну, будь-ка я князь Хвалынскій! сказалъ Бородавкинъ.— Да я бы изъ Оренбурга ни яди. Сажай на обахту. Такой бы дымъ напустилъ имъ.... Князь я дескать....

— А я бы будучи въ состоянiи князя Ивана Родивовыча, пискнулъ Ладушкинъ,—я бы впереди завсегда находился для примѣра.

— Охъ ты щенокъ! укоризненно отвѣчалъ Бородавкинъ.— Долго бы ты, думаешь, примѣръ-то этотъ примѣривалъ? Черезъ недѣлю висѣлъ бы на реляхъ лагерныхъ.

Часовъ въ девять компанiя поднялась расходиться по домамъ.

— Морозно! замѣтилъ Городищевъ, выходя на улицу.

— Пробираетъ, братцы ребятунки! Пробираетъ! сказалъ угрюмо Пыжовъ.—Токмо оное пробирание не съ холоду! За утро еще лучше пробирать учнетъ всѣхъ.

VIII.

Чуть брезжилъ свѣтъ, и въ полумгнѣ, при легкомъ морозѣ, въ шесть часовъ, главная площадь была усыпана народомъ. Войско въ сборѣ, окруженное густою толпой зѣвакъ, устроилось въ каре и ждало приказа двинуться.

За нимъ стояли шесть лушекъ, два единорога и одна мортира, взятые съ городскихъ стѣнъ и прилаженные на колеса, затѣмъ выровнялись ящики съ порохомъ и простыя телѣги съ ядрами и бомбами. Въ каждое орудіе было впряжено по шести и восьми маленькихъ худыхъ лошадей.

На телѣгѣ съ бомбами сидѣлъ Трифонъ или Айчувакъ, на-канунъ перешедшій изъ Солянаго Правленія охотникомъ въ войска. Весь отрядъ имѣлъ сонный и плачевный видъ, офицеры сходились и толковали какъ-то трепетно, съ вытраву-тыми лицами, солдаты смотрѣли уныло, холодно и голодно.

Ни на одномъ лицѣ не было улыбки, тѣмъ болѣе что кто глядѣлъ весело, того заподозривали остальные.

— Чему рожу ослабилъ? Перебѣжать мыслить? то и дѣло кричали капралы.

Всѣ поглядывали нетерпѣливо въ одну сторону по направлению къ губернаторскому дому, откуда ждали прибытія майора Наумова, начальника отряда. На валу слышались изрѣдка одиночные пушечные выстрѣлы, не то пробные, не то по матаежникамъ подѣзжавшимъ близко къ городу.

Звѣаки толпились у самого фронта, оглядывали орудія, людей и лошадей. Прошелъ часъ—всѣ ждали. Прошелъ еще, еще часъ.... и еще часъ и такъ далѣе....

— Эхъ-ма! раздавались уже давно голоса солдатъ.—Идти, такъ ужъ и идти! А что тутъ стоять....

— Его, злодѣя, стоянкой не слугнешь!

— Ужъ загодя бы сбирались въ путь, говорили горожане.— А то гляди вотъ кони-то подохнуть.... Имъ житье не долгое. Съ привычки живыми глядятъ.

— Пользуйтесь, братцы, покалева живы. Вишь однѣ когти. Того гляди рассылятся.

— Во, проморить онъ васъ добре голодомъ, такъ и сихъ коней въ сласть пожретъ! отвѣчали нѣкоторые изъ солдатъ.

Прошло еще два часа. Осеннее солнце стояло уже на полуднѣ и стало наконецъ опускаться на горизонтъ.

— Должно не пойдѣмъ! вымолвилъ Хвалыньскій съ тайною радостью на сердцѣ.

— Такъ-то лучше. И уморились и голодны! шепталъ Бородавкинъ.

Звѣаки между тѣмъ все толпились и мѣнялись. Сидѣть и говоръ все увеличивался. Слышались голоса изъ толпы:

— Чай, приросли къ улицѣ. Гей, воины!

— Я уже попопаничалъ, скоро и ужинать пойду.

— Гляди! Кони-то! Стойма спать!

Наконецъ въ три часа пріѣхалъ въ дрожкахъ майоръ Наумовъ и объявилъ что выступать поздно и что вылазка отложена на завтра къ шести часамъ утра.

Отрядъ партіями сталъ расходиться; зашумѣла по землѣ пѣхота, застучала конница, загремѣли орудія, и все расплослось по разнымъ улицамъ.

Иванъ Хвалыньскій и Городищевъ весело побѣжали домой. Одинъ изъ отрядовъ попался на встрѣчу Таврову.

— Что? Довольно! Навоевали и по домамъ! крикнулъ онъ.

— На утро отложено, ваше превосходительство! отвѣчая улыбаясь сержантъ Ладушкинъ.

— Стоянка?

— Походъ, ваше превосходительство.

— Врешь, родимый! Не такой вы народъ!

На утро было точь въ точь то же. стоянье, только вмѣсто девяти часовъ простояли шесть и снова были распущены, но на этотъ разъ уже вълѣдствіе необыкновеннаго происшествія въ городѣ которое помѣшало Наумову выступить. Пока собранная войска стояла на площади, губернаторъ, выливъ свою неизмѣнную чашку кофе, отправилась лѣтникомъ заняться своимъ любимымъ дѣломъ.

На одной изъ площадокъ города была всегда непроѣздная толь и тина, и тутъ даже за годъ утомялъ прѣзжіи петербургскій чиновникъ, присланный изъ Бергъ-Коллеги, берггеншворель Мордогуревъ. Губернаторъ, осушая мѣстность, рылъ, копалъ и сажалъ деревья съ полсотней землекоповъ изъ солдатъ. Эта затѣя явилась не столько для украшенія грязнаго, бѣднаго городка, сколько для пополненія празднаго дня, потому что до появленія мятежниковъ въ Оренбургскомъ краѣ—губернаторъ, какъ вообще всегда многіе чиновники, скучалъ отъ немнѣлья такого занятія и дѣла которое бы нельзя было отложить до завтра.

Бульварчикъ скоро заставилъ Рейнсдорпа забыть все. Народъ, проходившій обыкновенно безъ вниманія мимо работъ, сталъ собираться въ толпу зѣвакъ, какъ только завидѣлъ губернатора. Простыя земляныя работы казались преобразившись для народа отъ генеральскаго присутствія. Часъ цѣлый все шло хорошо. Рейнсдорлъ усердно мѣшалъ рабочимъ своимъ присутствіемъ, но вдругъ занятія правителя бумтующаго края были прерваны. Край взволнованный и мятежный наломалъ о себѣ.

Изъ толпы раздался выстрѣлъ, потомъ стоголосный дикій вопль, смѣтенье и давка.

— Держи! Лови! Пугачевецъ! Подосыльный!

— Этотъ лапыкуль! Въ его, ей-Богу, въ генерала!

Десятки голосовъ раздирали воздухъ. Рейнсдорлъ, блѣдный, тоже кричалъ, приказывалъ, унималъ, но толпа не давалась— и расправлялась по-своему съ кѣмъ-то, утопающимъ въ ея лестрыхъ и свѣрѣлыхъ волнахъ. Наконецъ къ генералу под-

веди калрала скрученнаго отъ головы до пятъ веревками. Несчастный тресся всѣмъ тѣломъ и мокрый, отъ страху упалъ на колѣна, объясняя что у него казенный пистолеть выпалъ безъ его вѣдома.

— Самъ то и дѣло палить! божился и клялся солдатъ всхлпывая.—Извольте хоть калитана Пыжова и даже генерала Таврова спросить, кой меня третій годъ знаетъ. Сжъль ли бы я, какъ народъ баеть, по вашей особѣ палить? Эдакъ вѣдь и убить не долго.

— Подсылный отъ злодѣя! ревѣла толпа, даже и тѣ которые считали Пугачева царемъ.

Калрала связаннаго отравили къ оберъ-коменданту, и губернаторъ быстро пошелъ домой все еще блѣдный.

Черезъ часа два подѣхалъ къ крыльцу губернаторскаго дома Тавровъ и хотѣлъ выходить изъ дромекъ когда лакей объяснилъ что его превосходительство хвораютъ и лежатъ въ кроваткѣ, что въ нихъ выпалъ незнаемый человекъ изъ ружья и въ разсужденьи имѣя убить генерала.

— Ну, такъ ступай доложи что дескать Тавровъ заѣхалъ сказать: первое, что я за онго калрала морукой, и тотъ самопалъ я же ему подарилъ! умышленно солгалъ добрый Тавровъ.—А второе, скажи что я всѣмъ землекоповъ съ бульвара согналъ на крѣпостныя работы, для того что нынѣ времена не садовыя чтобы сады сажать. А вотъ мятежниковъ усмирить, тогда, доложи, будемъ какъ угодно огороды геродить. Я самъ обещаюсь, скажи, придти тогда ему рядку сажать...

Тавровъ разсмѣялся сказанной двусмысленности и отѣхалъ.

Наконецъ 12го октября, памятный день, точно также отрядъ былъ въ сборѣ на площади, и та же толпа обывателей гудѣла и подсмѣивалась кругомъ, ожидая такого же окончанья походу. Однако въ восемь часовъ пріѣхалъ майоръ Наумовъ сумрачный и злобный.

— Выступать! повеслось по отряду и по толпѣ.

Лица вытянулись... Никто не улыбался.

Городищевъ, пробѣгая на свое мѣсто мимо Ивана, проговорилъ тихо:

— Ну, Иванушка, видно.... тютю!... и омъ прищелкнулъ языкомъ. У Ивана замыло сердце и, какъ всегда въ критическія минуты, образъ свѣтловолосой дѣвушки мелькнулъ въ его головѣ.

Все двинулось. Это была первая вылазка на злодѣя изъ города.

Что-то будетъ? думалось каждому.—Разобьемъ злодѣя или пропадемъ?

Казакѣ вытянулись вереницей, подхлестывая худыхъ лошадей; за ними, построившись колонной, зашагала пѣхота, потомъ загремѣли орудія, закричѣли колеса телѣгъ подъ адрями. Никто не вымолвилъ ни слова.... Большинство двигалось лѣнливо, не охотно.... какъ въ страшную жару богомолцы ходять.

Хвалыинскій, Городищевъ, ихъ друзья, да и многіе офицеры и многіе солдаты все еще не вѣрили въ возможность вылазки и все надѣялись, ожидая каждую минуту что вотъ остановятъ и скажутъ до завтра....

Отрядъ уже приближался къ городскимъ воротамъ. Толпа звѣакъ и ребятишекъ, проводивъ отрядъ, хлынула на крепостныя стѣны и на валъ.... Слышались голоса вслѣдъ уходящимъ:

— Воюйте, воюйте! А мы поглазѣмъ!...

— Вы, братцы, къ ему, вору, близко не ходи. Разщелеть васъ, такъ и намъ пропадать съ городомъ.

— Изъ лушекъ издаелчка плюй, по часту. То куда хорошо на врага!

— Митюкъ, слови, родимый, его живымъ, пятьсотъ рублей отсчитаютъ, въ кулцы выдешь....

— Вишь ловець отыскался! Рѣзовъ больно! Сунься-ка самъ!

Едва отрядъ вышелъ изъ воротъ, его догналъ и объѣзжалъ верховой отъ губернатора. Человѣкъ сто остановилось и случилось безъ всякой команды. Раздалась десятка голосовъ.

— Чего?

— Вертать что ль?

— Ай, назадъ?

— Добро! При—небось! крикнулъ верховой и догнавъ авангардъ, гдѣ ѣхалъ Наумовъ, передалъ ему записку отъ губернатора.

Въ ней сказано было что по словамъ явившагося лазутчика злодѣи предупрежденъ, вся шайка въ сборѣ и передніе отряды ея должны находиться за Сыртомъ, и что намѣреніе Пугачева отрѣзать выступившихъ отъ города.

— Вотъ тутъ и сражайся, вымолвилъ Наумовъ ближайшему

офицеру Бородавкину.—Три дня бились чтобы сладить и все жь они свѣдали когда положено выступать.

— Такъ что жь изъ того? Нельзя же намъ надѣяться ихъ во свѣ накрыть! отвѣчалъ тотъ. — Я полагаю что въ самой канцеляріи его превосходительства находятся измѣнники.

— Гдѣ ихъ нѣтъ? отвѣчалъ Наумовъ.—Въ семь отрядѣ ихъ на половину.... Ты чего слѣзъ? крикнулъ онъ обращаясь къ одному изъ казаковъ, который слѣвшился и отводилъ лошадь въ сторону.

— Подтяги отвисли.... Не усидишь.... мрачно и въ носъ отвѣчалъ казакъ, не подымая глазъ на начальника.

— Ну, справляйся и догоняй.

Казакъ сталъ возиться. Весь отрядъ миновалъ его, проѣхали орудія и потянулись телѣги; онъ дождался послѣдней и сѣвъ на лошадь, поѣхалъ съ ней рядомъ. Это была та телѣга съ бомбами, запряженная тремя тощими клячами, на обулчкѣ которой сидѣлъ бывший протоколистъ Айчувакъ.

— Что жь, куманекъ! шелнулъ казакъ новому волонтеру.

— А что?... Кто его напередъ вѣдать можетъ? Буди грязь— въ ея вправлю.... а нѣту чику у оси вытащу, отвѣчалъ Айчувакъ громко.

Казакъ мигнулъ на ближайшихъ.

— Ничего. Свой братъ! А то лущай — доноси. Я не боюсь.

— Ну, а самъ олять въ городъ.

— Вѣстимо! такъ Хлолуша указалъ! съ ними пребывать! Это много пользительнѣе чѣмъ уйти совсѣмъ. Причтутъ измѣнникомъ и конецъ! что жь толку-то?.. Я еще послужу иначе, а тамъ ужь и уйду... Ну, а ты?..

— Мнѣ новѣ положили... Чего жь ждаты? Тамъ, братъ, слышать, вина... Разливанье невиданное!.. Гульба безъ просылу. А тутъ скоро падалъ жрать учнуть! Емельянь сказываетъ, не стану де людей портить, не подѣзу на словъ, а выморю городъ моромъ.

— Много ль васъ собралось уйти?

— Да болѣ подсотни начестъ можно.

— И дѣло! Ты скажи Хлолушѣ что вотъ я усердствую. Пускай доложитъ самому-то. Онъ нынѣ въ силѣ тамъ, забудеть старыхъ пріятелей. Я ему изъ острога тому шесть лѣтъ бѣжать помогъ. Напомни.

— Добро! не забудеть. Онъ въ полковники мѣтитъ.

Казакъ поскакалъ и отыскалъ свое мѣсто. Отрядъ былъ уже далеко въ полѣ.

Иванъ Хвалыинскій, какъ богачъ, былъ верхомъ и подѣхалъ къ Городищеву, который шагалъ около своего взвода мрачно уткнувшись въ землю.

— Ну, братъ Павлауша... что-то Богъ дастъ!

— Да, изъ всего этого можетъ такое происхожденье быть что тютю! Городищевъ олятъ прищелкнулъ языкомъ.

— Худо я поступилъ, братъ, вздохнулъ Иванъ,—надо было словѣдаться да приобщиться. Лучше было бы.

— Вишь со страху-то въ богомолы вышелъ! усмѣхнулся Городищевъ: — а все я полагаю что какъ мы Сыртъ минемъ, такъ и поминай за улокой.

— Да нешто такъ далеко...

Внезапный трескъ прервалъ слова Ивана. Пушки загрохотали въ степи.

Въ авангардѣ смялись казаки, и одинъ вмѣстѣ съ лошадыю грянулся объ землю. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ. Еще нѣсколько человекъ попададо. Крики, возгласы и общая сумятица разстроила весь отрядъ, орудія наѣзжали на лѣхоту, телѣги слутались. Всѣ головы повернулись къ Маячной горѣ, на которой вспыхивали мутные огоньки и каубилось широкое облако дыма.

— Ишь злодѣй, гдѣ ждалъ!

— Знать предваренъ былъ.

— У него слугъ много.

Отрядъ развернули, орудія выставили и началась пальба по горѣ, по ближайшимъ холмамъ или по Сырту. Со стѣнъ города вторили.

Мятежники лалили чаще и вдвое больше, но ядра ихъ перелетали черезъ отрядъ.

Въ этомъ положеніи прошло два часа. Вдругъ хлестнуло что-то сзади отряда, разъ и два и еще... Заднія шеренги смѣшались и нѣсколько человекъ повалились со стономъ.

— Изъ города хлещутъ, братцы, измѣна!

— Чего брешете? Нешто не можно обмахнуться?

— Вѣстимо. Трафили въ его... а лущку-то вернуло на насъ. Она вѣдь тоже не человекъ чтобы съ нея спрашивать.

— Охъ, голубчики, охъ, помираю! вопилъ раненый.

— Небойся. Наши не дурни. Гляди, братцы, кто сзади-то лалилъ.

На краю холма уже пройденнаго отрядомъ и почти сзади его блеснули вдругъ показавшіяся три орудія и выѣзжала небольшая кучка мятежниковъ. Отрядъ полалъ подъ перекрестный огонь съ Сырта и съ Маячной горы.

— Отхватили! обошли! пролетѣло въ рядахъ.

Со всѣхъ сторонъ стали показываться всадники по гребню Сырта и набѣжать ближе. Началась съ обѣихъ сторонъ ружейная перестрѣлка.

Со стѣвъ города участили пальбу, и двѣ главныя кучи мятежниковъ постоянно разстраивались. Видно было какъ ядра рвали ихъ ряды; кучка на краю Сырта вдругъ побросала орудія и скрылась... Только три человѣка и пять побитыхъ лошадей валялись на земѣ... Это ничѣмъ невызванное оставленіе орудій удивило Наумова.

Казаковъ съ полсотни просились у него взять брошенные орудія. Онъ отказалъ, но черезъ четверть часа, пригладѣвшись къ Сырту, дозволилъ. Казаки отдѣлились и вскакали на край Сырта, перепрягли двухъ лошадей и поставивъ орудія на передки въ виду у своихъ, двинулись по гребню Сырта и присоединились къ центру мятежниковъ у Маячной горы.

— Такъ и чаля я. Лиходѣи! сказалъ Наумовъ.

— Гляди, послали орудія отымать, а они вонъ что...

— Чтѣ имъ? На коняхъ-то! говорили въ рядахъ лѣхоты,— все можно. А вотъ ты на своихъ на двоихъ не далеко ускачешь.

— Спасибо еще коли бы на вороныхъ.

— А то верхомъ на сѣренъкихъ, чтѣ вѣтромъ подбиты. Бѣ-съ-да! острили лѣхотинцы надъ своими рѣденькими лѣтними портянками, которыя еще не перемѣнили имъ на зимнія.

Куча мятежниковъ, человѣкъ въ пятьсотъ лѣвшихъ и около сотни конныхъ, подвигались все ближе къ правому флангу отряда. Наумовъ выслалъ на нихъ три сотни полевой команды и съ полсотни казаковъ съ ихъ старшиной Бородинымъ. Передняя сотня бросилась молодецки впередъ на авангардъ мятежниковъ; обѣ стороны сбѣжались на близкое разстояніе и схватились. Остальные не подвигались... Хвалыньскій былъ въ числѣ послѣднихъ.

— Чтѣ жъ вы стали, братцы! кричалъ онъ заѣхавъ впередъ.— Ну-ка, бѣгомъ! Не давай своихъ въ обиду. Вишь одолѣваютъ ужъ ихъ!

Кой-кто двинулся было...

— Они не въ примѣръ людямъ! крикнулъ ему заслуженный

капраль.—Что жь соваться-то зря. А наши вернуть, какъ тѣсно да жарко станеть.

Отрядъ Ивана не двинулся покуда авангардъ мятежниковъ не побѣждалъ подъ злобнымъ натискомъ полсотни казаковъ Бородина. Тогда весь отрядъ Хвалынского бросился было гнать, но посланный отъ Наумова вернулъ всѣхъ и указалъ общее отступленіе.

— Почто жь вертать? подѣхалъ Мартемьянъ Бородинъ въ крови и безъ шалки.—Каины отступаютъ. Гнать бы...

— Надо, надо! кратко отозвался Наумовъ.

Весь городской отрядъ перестроился и сталъ отступать. Мятежники, совершенно разсыпанные дотолѣ по всей степи, теперь стали наѣзжать со всѣхъ сторонъ, держась на ружейный выстрѣлъ. Пушечная пальба съ крѣпостныхъ стѣнъ, прекратившаяся почему-то на время, снова загремѣла, и наѣзжавшія уже близко кучи мятежниковъ отхлынули усаивъ степь десятками раненыхъ и убитыхъ.

Вдругъ Иванъ примѣтилъ вдали отставшую на версту по дорогѣ телѣгу.

— То наша телѣга отстала съ бомбами, доложилъ Хвалынский Наумову.

— Самая дорогая! воскликнулъ Наумовъ. Князь, живѣ! Возьмите десятокъ казаковъ и свѣдайте что за причина недосмотра. Впрягите двухъ казаковъ, коли лошади...

Иванъ уже не слышалъ и летѣлъ крупною рысью съ десяткомъ казаковъ позади себя.

„Опасности ужь нѣтъ, думалось ему. А все-жь-таки вернусь въ городъ не съ пустыми руками.“

— Ваше сіятельство, заговорилъ одинъ казакъ.—Не годно, насъ переловятъ. Гляди... Вонъ и злодѣй скачетъ тожь къ телѣгѣ.

Дѣйствительно полсотни конныхъ летѣли къ тому же пункту. Лошади ихъ были бодрѣе.

— Какъ же намъ-то быть! вымолвилъ Иванъ, приостанавливая лошадь.—Какъ вамъ сдается, ребята?

— Вертать, ваше сіятельство. Ничего тутъ не можешь. Гляди ихъ сколько. Бомбы все возьмутъ, только намъ головы посшибаютъ задаромъ.

Они стали въ полуверстѣ и глядѣли на телѣгу. Айчувакъ соскочилъ долой и бросивъ лошадей, пустился бѣгомъ къ нимъ.

Матежники окружили телѣгу и стали впрягать въ нее своихъ лошадей.

— Почто ты отсталъ, песъ поганый! окрикнулъ Иванъ запыхавшагося Айчувака.

— Вязъ, бездонная вязь... болотное мѣсто. Въѣхаль, а назадъ не вытянешь. Тяжесть тоже. Я самъ-отъ радъ — отъ псовъ ушелъ. Заступитесь, ваше благородіе, предъ начальствомъ.

Хвалыинскій догналъ отрядъ, который чрезъ полчаса входилъ въ городъ. Всѣ были довольны и говорливы. Только съ телѣгъ, гдѣ теперъ вмѣсто ядеръ лежали раненые, слышались стоны и всхлипыванія.

IX.

Вскорѣ Наумовъ былъ уже у губернатора въ кабинетъ съ рапортомъ. Онъ еще изъ залы слышалъ что у губернатора съ барономъ жаркій, но дружескій споръ, и когда онъ вошелъ, то Риттеръ воодушевленнымъ голосомъ, по-нѣмецки декламировалъ стихи и прибавилъ:

— Oh! Clopstock hat zu viel für seine Ewigkeit gethan!

Теплота отъ горящаго камина, съѣденнаго ужина и запахъ расливаемой генераломъ съ родственникомъ мальвуазіи, даже мягкіе персидскіе ковры подъ ногами, все хотя пріятно, но раздражительно дѣйствовало на Наумова, послѣ цѣлаго дня волненій подъ вѣтромъ и ядрами.

— Убыль въ отрядѣ, заявилъ онъ, послѣ подробнаго рапорта на словахъ.—Побитыхъ регулярныхъ и не регулярныхъ 22, ранено 31, злодѣями захвачено 6, безызвѣстно пропавшихъ 64.

— Пропавшихъ, то-есть взятыхъ въ плѣны? сказалъ Рейнсдорлъ:—Альфредъ, дай перо. Надо писать 64 и 6 будетъ 70.

— Нѣтъ-съ. Токмо шесть человекъ захвачены воистину. А 64 безызвѣстно пропали, рѣзко отчеканивалъ Наумовъ, и безъ того усталый, а теперъ еще болѣе не въ духѣ, при видѣ генерала въ плафрокѣ и ермолкѣ и сладко грѣющаго себя колѣвки у камина.

— Я не понимаю какъ 64 человека пропадаютъ. Es ist nicht möglich, обратился генералъ къ Риттеру съ ироническою улыбкой.

— Передались сами къ злодѣю, ваше превосходительство, ветерпѣливо сказалъ наконецъ Наумовъ.

— А, да! Это... понимаю... обиженно вымолвилъ Рейнсдорфъ.— Ну, а вѣдаете ли вы какъ вы поступили сегодня? За четверть часа, какъ вы стали дѣлать назадъ, былъ указъ отъ злодѣя что если вы мало будете дѣлать впередъ на нихъ, то бросать пушки и бѣжать.

— Вы сами, генераль, это только предполагаете, злобнозаговорилъ Наумовъ.— Я бы совѣтъ осмѣлился преподать вашему превосходительству, принять команду лично и выйти на злодѣя. Вы какъ опытный воинъ...

— Альфредъ! Прикажи звать сюда языкъ, крикнулъ Риттеру сконфуженный генераль и будто не слыжавъ совѣта офицера.

Ввели казака, котораго Наумовъ уже видѣлъ, проходя, въ передней. Перебѣзчикъ разказалъ то же самое въ подробностяхъ и прибавилъ:

— Они ужь вертали лошадей утѣкать. А вы тожь на утекъ лошади. Налерво лодивились мы, а тамъ за вами... А ударъ вы на насъ, хоть въ три сотни казаковъ. И-и! Чтѣ было бы? Петръ Федорычъ оный, то бишь злодѣй, указъ далъ въ Берду бѣжать, а коль жь и вы тоже луститесь въ Берду, то бы драли всѣ... кому куда угодно...

— А тамъ снова собираться, усмѣхнулся Наумовъ.

— Нѣту. О семъ указу не было. Да гдѣ сбираться? Страху бы такого ему задали—собакѣ.

— Вы слышите? И была бы побѣда и великая награда. А теперь Nichts! Ну подите. Адьѣ.

Уходя Наумовъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Хорошо тебѣ! Сидя у печурки вино сладенькое поливать! Сунься-ка самъ.

Альфредъ Риттеръ, внимательно прослушавшій докладъ Наумова и разказъ казака, увелъ этого къ себѣ въ комнату и долго разспрашивалъ о порядкахъ въ лагерѣ самозванца.

Отъ казака узналъ баронъ что Пугачевъ живетъ одинъ, особнякомъ на хуторѣ одного Татарина. Подробно разспросилъ Риттеръ о мѣстности и дорогахъ. Отпустивъ казака, онъ, задумчивый, остался въ своей комнатѣ до вечера, затѣмъ легъ было спать, но среди ночи снова поднялся и долго просидѣвъ неподвижно на кровати, всталъ и началъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ.

Его красивое, женственно-бѣлое лицо, съ нѣжно-тонкою

кожей и чуть видимъ на свѣтѣ лущкомъ на губахъ, часто покрывалось румянцемъ отъ какого-то внутренняго волненія, даже борьбы, происходившей очевидно въ его душѣ. Часто поднималъ онъ небольшую, почти женскую руку къ лицу и проводилъ ею по лбу, словно разгоняя мысли, или умѣряя ихъ малыми и помогая имъ порядливо укладываться въ головѣ. Наконецъ онъ вздохнулъ и воскликнулъ:

— Gott im Himmel! Warum nicht?!

Усталый, легъ онъ на разсвѣтѣ, и на другой день, проснувшись уже около полудня, одѣлся и не завтракая быстро направился къ кабинету Рейнсдорпа. Объявивъ что у него есть просьба до дяди—такъ называлъ онъ Рейнсдорпа, хотя былъ только собственникомъ его,—онъ не мало изумилъ генерала.

— Общайте мнѣ исполнить ее, mein Onkel, но не спрашивайте зачѣмъ.

— Изволь, мой милый. Что хочешь?

— Вотъ бѣлый листъ бумаги.... Налпишите здѣсь внизу ваше имя, имя и т. д. все.... все что нужно.... все что вы на ордерахъ пишете.

Педаггъ-правитель отказался на отрѣзъ и, глядя на молодого человека, разинулъ ротъ. Риттеръ вслыхнулъ.

— Неужели вы, mein Onkel, меня подозреваете что я способенъ сдѣлать что-нибудь недостойное дворянина и имени моихъ предковъ, моего покойнаго отца?

— Нѣтъ! Но.... мой милый....

— Такъ докажете. Не оскорбляйте недовѣриемъ.

Рейнсдорпъ взялъ чистый бѣлый листъ и расписался внизу:

Оренбургскій губернаторъ, генераль-поручикъ и кавалеръ Иванъ Рейнсдорпъ.

— Я надѣюсь, Альфредъ, что эта шутка какая-нибудь, прибавилъ онъ все-таки, почти сожалея о своемъ поступкѣ и нерѣшительно передавая бумагу барону.—Ты мнѣ неприятности не сдѣлаешь. Я могу мѣсто потерять, которымъ дорожу.

Риттеръ добродушно пожалъ ему руку, успокоилъ его и пошелъ къ себѣ.

Черезъ полчаса онъ выѣхалъ изъ дома въ экипажѣ губернатора и оставившись около квартиры офицеровъ Бородавкина и Ладупкина, вошелъ и надѣлалъ тамъ неожиданный переполохъ.

У Бородавкина сидѣла въ гостяхъ его давнишняя большая пріятельница писарша Поливухина, дѣваться ей было некуда, а „губернаторовъ племянникъ“, какъ звали барона, уже былъ въ свѣняхъ и спрашивалъ своимъ мягкимъ, гармоническимъ голосомъ и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ: дома ли господинъ сержантъ? Бородавкинъ вышелъ въ свѣи, одѣтый въ замасляныи татарскіи архаукъ на мѣху (который сильно уже олдѣшивѣлъ отъ долгой и усердной службы барону) и улыбаясь объяснилъ что Ладушкинъ должно-быть у князя Хвалынскаго. Риттеръ подумалъ и вымолвилъ:

— Ты скажи господину сержанту, когда тотъ вернется, что баронъ Риттеръ очень его проситъ пожаловать немедленно къ нему и если не можетъ теперь, то хоть вечеромъ. Онъ знаетъ гдѣ я живу. Ты не соврешь?

— Это вотъ спасибо этой чуйкѣ шершавой да сумеркамъ, господинъ баронъ, выговорилъ офицеръ нѣсколько обиженно, — что вы меня деньщикомъ поставили. А у меня-съ у самого два деньчика есть, по моему чину. Я поручикъ-съ Бородавкинъ-съ!! Милости прошу. Войдите.

Риттеру не хотѣлось терять время въ бесѣдѣ съ неотесаннымъ поручикомъ, но онъ сконфузился отъ своей ошибки, и не зная какъ умаслить офицера, вошелъ въ маленькую и сѣренькую горницу. Здѣсь, краснѣя до ушей и смутившись совершенно, поклонилась ему жеманно женщина, довольно опрятно одѣтая и красивая собой.

— Агаея Андреевна Поливухина, хозяйка сего дома. За уплатой квартиры пожаловала, рекомендовалъ и солгалъ Бородавкинъ.

Риттеръ, не зная что дѣлать и сказать, обратился къ женщинѣ съ вопросомъ:

— Скоро ли ждать свѣгу по оренбургскому климату?

— Все во власти Божьей, конфузясь отозвалась Поливухина, и красивое лицо ея вспыхнуло олять.

Риттеръ просидѣлъ пять минутъ и перемолвившись съ офицеромъ о прошлой вылазкѣ, всталъ и простился.

— Будьте спокойны! Какъ Ладушкинъ придетъ, сейчасъ его къ вамъ спроважу.

Проводилъ его Бородавкинъ и идя назадъ высморклася.. Еслибъ баронъ видѣлъ его при этомъ маневрѣ, то олять пріянялъ бы за деньчика.

Уже поздно вечеромъ Ладушкинъ, недавній знакомый баро-

на, сидѣлъ въ его комнатѣ въ губернаторскомъ домѣ и на бумагѣ, гдѣ виднѣлась на верху надпись: *секретно*, а внизу подпись Рейнсдорпа, сержантъ писалъ ордеръ къ оберъ-коменданту: вызвать немедленно по полученіи ордера охотниковъ изъ казаковъ и изъ Алексѣевского полка десятка два человѣкъ, и отдать ихъ подъ команду и въ полное распоряженіе прапорщика кирасирскаго полка барона Альфреда Риттера.

Кончивъ писать, Ладушкинъ передалъ барону совершенно форменный ордеръ съ числомъ и годомъ и шутя хотѣлъ подъ именемъ Рейнсдорпа вписать имя секретаря его канцеляріи, но Риттеръ остановилъ его и сказалъ:

— Нѣтъ! Это будетъ уже... не знаю какъ по-русски. Ein Betrug! Не надо.

Ладушкинъ, окончивъ, сталъ уже во второй разъ просить Риттера раскрыть ему эту тайну или эту штуку, но баронъ отказывался наотрѣвъ, благодарилъ за услугу, обѣщалъ отплатить тоже услугой, но сказать ничего не хотѣлъ.

— Я могъ бы васъ обмануть и сказать что это ради потѣхи надъ Валленштерномъ... но зачѣмъ лгать? Я говорю: не скажу. И вы не беспокойте и себя и меня. Благодарю за трудъ. Еслибъ я умѣлъ писать хорошо по-русски, я бы васъ не потревожилъ.

Ладушкинъ, обѣщая никому ни слова не проронить обо всемъ этомъ, вышелъ и отправился домой грустный.

Каждый разъ что онъ видѣлъ Риттера, то говорилъ себѣ не то тоскливо, не то завистливо:

— Чтò въ немъ такое, особое? И въ головѣ, и въ рукахъ, и въ лицѣ... Говорить, смотреть, ходить не такъ какъ всѣ здѣшніе. Онъ точно царевичъ Алкмень, чтò на картинкѣ въ книжкѣ Пыжова.

И Ладушкину тайно хотѣлось походить на Риттера, быть Риттеромъ, съ его гармоническимъ и мягкимъ голосомъ, даже съ его вѣжными руками, которыя были конечно бѣлѣе и красивѣе рукъ многихъ ему знакомыхъ капитаншъ и секретаршъ.

Среди ночи оберъ-комендантъ Валленштерна разбудили, и Риттеръ, ожидавшій въ гостиной, передалъ ему секретный ордеръ губернатора. Оберъ-комендантъ быстро одѣлся и оба отправились прямо въ огромное зданіе стараго монетнаго двора или чего-то въ родѣ этого, служившее теперь казармами

Все скоро зашевелилось тамъ и поднялось на ноги, сонное, зѣвающее, удивленное и отчасти перелуганное неожиданнымъ появленіемъ оберъ-коменданта.

— А ну шарить пойдеть! думали солдаты.

Валленштернъ черезъ калраловъ велѣлъ спросить: кто желаетъ по доброй волѣ выступить не медля подъ командой кирасирскаго офицера, а главное, губернаторскаго племянника, на осмотръ мѣстонахожденія злодѣевой шайки? Такъ объяснилъ Риттеръ свое намѣреніе.

— Надо мнѣ и охотниковъ пересмотрѣть! сказалъ оберъ-комендантъ по-нѣмецки.—Есть такіе что бросать васъ въ стелу и убѣгутъ къ самозванцу. Я вамъ отберу самыхъ вѣрныхъ.

Не скоро набрались два десятка, хотя всѣ лѣзли на перерывъ; наконецъ набранные молодцы живо и бодро снарядились, и за эту готовность Валленштернъ и ихъ чуть не заподозрилъ въ тайныхъ намѣреніяхъ.

Еще было темно когда оберъ-комендантъ вернулся домой, посылая къ чорту губернатора, губернаторскаго племянника и секретный ордеръ, помѣшавшій ему спать во всю ночь.

Х.

Было часовъ семь, и заря едва занималась. Начиналось осеннее, ласмурное и холодное утро. Дика казалась голая степь, далекіе края которой пропадали въ туманъ; даже желтоватой зелени уже видѣть не было, всюду видѣлась влажная, сѣрая земля, или подмороженныя утренникомъ промоины и лужи. Холодный и пронизывающій вѣтеръ дулъ непрерывно и рвался изъ одного края стелу въ другой, будто спѣшилъ куда-то пролетѣть; и все же не успѣвалъ онъ высушивать смоченную землю. Изрѣдка мелкій градъ, свиста въ воздухѣ, обсыпалъ всю степь, и земля, заблѣввшись вдругъ на мигъ какъ зимой, скоро снова чернѣлась, только еще болѣе влажная и сырая.

Среди глуши пустынной, видѣлись изба, сарай и дворъ обнесенный ветхою изгородью, гдѣ сбились въ кучу съ люткомъ овецъ и жались другъ къ другу отъ холоднаго вѣтра и измороси. У татарской одноколки стояла отпряженная худая

кляча и приложивъ уши, поджавшись, жевала рубленую солому. Вътеръ сердито дергалъ лошадь за гриву и за хвостъ.

Это былъ уметъ Татарина Шамай, гдѣ когда-то останавливался князь Иванъ и Городищевъ. Все было тихо въ избѣ и на дворѣ. Спалъ ли Татаринъ или не было ни души въ уметѣ, но ни единого звука не слышно было ни въ горниці, ни въ сараѣ.

Разсвѣло... Солнце не показалось... И слѣда его не было за сѣрыми волокнами нависшими надъ землею. Вдалекѣ мелькнули двое верховыхъ, и скорою рысью подѣхавъ къ умету начали звать Шамай.

Не скоро хлопнула дверь, и появился, лѣнливо шагая, Татаринъ, заспанный и лохматый. Всадники, Чика Зарубинъ и Чумаковъ, отдали ему коней и спросили:

— Спать что ль?

— Моя не глядѣлъ, отозвался зѣвая Шамай, вздрагивая и поводя плечами отъ пробиравашаго утренничка.— Не звала моя—ву спить.

Оба казака вошли въ переднюю горницу избы и нашли у дверей близъ печки мальчугана растянувашагося на полу и сладко храпѣвашаго.

— Максимъ! Максимка! долго будили они его, и наконецъ Чика ткнулъ его въ бокъ ногой.

Максимка вскочилъ и съ просонья заоралъ и полѣзъ было драться. Чика спихъ его съ ногъ, и Максимка, совсѣмъ очнувшись, узналъ атамановъ и поклонился угрюмо.

— Государь гдѣ?

— Въ уѣздѣ.

— Куда?

— Невѣдомо. Поднялся до свѣта и верхи уѣхалъ.

Казаки выслали Максимку и сѣли на лавку.

— Должно отбылъ къ войску. Обождемъ. Другой-то дороги нѣтъ тутъ.

— Можетъ разѣхались? спросилъ Чика.

— Тутъ вездѣ дорога. Должно поѣхалъ въ Каргале, провѣдать сотни отборныя. Вишь какъ усердствуетъ, до свѣту на ногахъ! отозвался Чумаковъ.

Казаки замолчали, и задумавшійся Чумаковъ, послѣ долгаго молчанія, заговорилъ опять:

— Да, не чаялъ я что Емельякъ назовется. Помвишь въ Яксаѣ-то, на все молчка. Чтò ни спроси, ни скажи ему,

упрется глазами словно быкъ. Я чайлъ совѣтъ мой Емельяна чушка. А онъ вонъ что! Мы на первыхъ порахъ съ радости давай путать, а онъ раслутивать. Безъ него наперво сидѣть бы намъ ужъ нынѣ въ Яицкомъ острогѣ.

— Да. И въ Татищевой не намысли онъ пожаромъ ихъ отвести, прохлопотались бы до утра и полали бы Корфу въ лапы... Токмо вотъ... зазнался, вымолвилъ Чика.

— Зазнался! разсмѣялся Чумаковъ.—А тебѣ бы олять русачка энтото... Вѣстимо, Емельянъ не дастъ себя учить... Да что, Чика, по истинѣ молвить: не будь Емельяна, я бы самъ тогда назвался. Съ русачкомъ энтимъ ничега бы не сварилъ. А коли я Емельяну поклонился, такъ за то что умища онъ и налетъ - молодець. Къ тому жъ слава на него въ людяхъ пошла. Въ Оренбургѣ сызначала съ самага всѣ толкуютъ: Пугачевъ, Пда угачевъ—названецъ. На него воротило все съ Яксая самого. Еще Стратилать старый сказывалъ тогда русачку-то: ты Довской, да, казакъ Пугачевъ. А о Пугачевѣ и у насъ духу не было тогда, а былъ странный изъ купцовъ, Ивановъ.

— Да, диковинно! звать судило ему назваться! сказалъ Чика.

— Не зазнался! продолжалъ Чумаковъ вразумительно.—Порядки завелъ молодецкіе и учить себя не даетъ. Гляди въ три недѣли какъ все обривналь. Войско-то, арава-то наша, казаки да Татары, вонъ одинъ къ одному... Гляди еще и не такъ всѣхъ подгребеть подъ себя... Нынѣ еще насъ слушають, а то будетъ и на насъ не поглядитъ. Молодець, что говорить! Напрасно вотъ тутъ одинъ ночуетъ. Оно всѣмъ вѣдомо, и какъ разъ накроютъ изъ города да и стацуютъ... Вонъ телерь на лятьсотъ рублевъ награжденья живо охотники выщутся...

Казаки снова смолкли и въ ожиданіи часто прислушивались, но только вѣтеръ свистѣлъ за стѣнами избы.

Между тѣмъ версты за четыре до умета, среди тумана, шибко вѣхалъ верхомъ, какъ бы подгоняемый вихремъ, Пугачевъ. Онъ ворочался изъ деревушки гдѣ на зарѣ оглядѣлъ отборное войско и приказалъ двоимъ казацкихъ сотниковъ и одного калмыцкаго присаять въ уметъ на расправу.

Въ томъ мѣстѣ гдѣ сходятся двѣ дороги изъ Оренбурга и изъ Берды и ведутъ къ умету Шамаля, Пугачевъ, подвигаясь среди тумана на всѣхъ рысяхъ, сразу очутился въ виду

отряда всадниковъ и сразу узналъ казаковъ и солдатъ оренбургскаго гарнизона. Рука его съ поводомъ дрогнула. Между нимъ и отрядомъ было съ четверть версты, до умета четыре, а до деревни гдѣ двѣ сотни войска далеко!

„Скакать! Увидѣли уже! Пустятся въ логоно. А конь усталъ!“ сказалъ Пугачевъ вслухъ. „Ну Емельяны, вылазь братъ изъ уклочки“. И Пугачевъ припустилъ сильно усталую лошадь прямо на отрядъ, прибавивъ шепотомъ: „Конь есть тамо хошь одинъ бывалый солдатикъ у насъ, то тутъ Емелья и конецъ. Господи благослови!“

И онъ на скаку обвелъ взоромъ оружіе за поясомъ.

Отрядъ охотниковъ Риттера уже давно завидѣлъ вдали казака, и баронъ пристально слѣдилъ за всѣми движеніями этого перваго встрѣчнаго съ самого выѣзда изъ Оренбурга.

„Бросится сейчасъ отъ насъ, но догонимъ. Свяжу и допрошу,“ подумалъ Риттеръ. „Заставлю себя вести на уметь Шамаа.“

Казакъ подскакалъ на него и подгонялъ лошадь.

„Странно!“ подумалъ Риттеръ и ждалъ.

— Изъ злодѣевыхъ атамановъ! замѣтилъ одинъ солдатъ. — Вишь шалка-то съ расшивкой, да и конь не простой. Скрутить бы его да въ городъ.

Казакъ подскакалъ къ нимъ, осадилъ лошадь, и оглянувъ отрядъ обратился къ Риттеру:

— Вы изъ какихъ? Изъ города что ль? Голосъ его слегка измѣнился и глаза пристально обѣгали уже въ третій разъ всѣ лица солдатъ.

— Да, изъ Оренбурга. Ты кто такой? спросилъ Риттеръ.

— Изъ васъ нешто никто меня не знаетъ?

Молчанье было отвѣтомъ.

— Не видалъ ли кто изъ васъ, ребята, атамана Овчинникова. Ну? Аль вы оглохли, служивые?

Кой кто изъ солдатъ переговаривался и наконецъ отовсюду какъ ропотомъ раздалось глухо и протяжно:

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Ну вотъ онъ, атаманъ Овчинниковъ—я! сказалъ Пугачевъ.

— Берите его. Вязать! обратился Риттеръ къ ближайшимъ.

— Постой. Свяжать меня не мудреное дѣло, да обожди. Если бы было за что меня вязать, такъ я бы отъ васъ на утекъ лошадей, а не подѣзъ въ лапы.

— Вѣстимо. А то вѣтъ! раздаеся одинъ голосъ.

Риттеръ нахмурился. Его удивляла еще дорогой постоялая болтовня солдатъ и ихъ вольное съ нимъ обращеніе.

„Не послушали!“ подумалъ Пугачевъ и продолжалъ говорить, обращаясь мимо Риттера къ солдатамъ.

— Слава Создателю что я на васъ, братцы, наѣхалъ. Такое у себя въ башкѣ везу въ городъ что хотъ треснуть ей....

— Откуда ты теперь ѣдешь и куда? спросилъ Риттеръ.

Пугачевъ замѣтилъ уже давно нѣмецкій выговоръ офицера, и теперь бойко оглядывая отрядъ, усмѣхнулся.

— Твое благородіе знать не изъ нашихъ, а изъ басурманцевъ.

Болѣе половины солдатъ усмѣхнулись за спиной офицера и глядя на казака уже добродушно.

— Эй, берите его! Взять сейчасъ! обернуся Риттеръ.

Нѣсколько человекъ двинули лошадей. Пугачевъ громко расхохотался.

— Да стой, твое благородіе. Диковинный у васъ, братцы, командиръ. Не дастъ слова вымолвить. А можетъ я такое слово молвию что солдатухи-то ахнутъ! Вотъ что, родимые вы мои. Хочу я вамъ сказать.... началъ было Пугачевъ и прибавилъ кивая на офицера:—и откуда вы его себя выискали?

— Молчать! крикнулъ Риттеръ и хотѣлъ что-то приказать, но Пугачевъ перебилъ его уже дерзко.

— Слушай, твое благородіе. Я тебѣ хотѣлъ службу сослужить, за кою ты получалъ бы отъ матушки-царицы и крестовъ и жалованья душъ двѣсти. Ну, а теперь прости, я вотъ имъ сердечнымъ услужу, а не тебѣ. Ты вишь на мою послугу токмо и знаешь что орешь: *Везуть да молтиать!* искусно передразнилъ онъ Риттера, громко хохоча и покачиваясь на сѣдлѣ.

Несдержанный смѣхъ раздаеся въ рядахъ. Риттеръ смутился, поблѣднѣлъ вдругъ и на минуту какъ будто окаменѣлъ соображая что дѣлать....

— Ну, родимые, кто хошь со мной подѣлать 500 рублей? А? Вѣдь за вора Емельку за живаго пять сотенъ пообѣщано. Такъ ли?

— Такъ! Пять сотенъ! Истинно! раздались голоса уже всюду.

— Слышите? Негодяи! Взять этого!.. крикнулъ Риттеръ

поворачивая лошадь къ отряду. Онъ былъ совершенно блѣднѣе отъ смущенья и отъ гнѣва; голосъ его дрожалъ и рвался.

— Гляди! Гляди! И чего ты робѣешь? Господи помилуй! расмѣялся Пугачевъ.—Бѣѣе вѣдь свѣга бѣлаго... Ха-ха-ха! Ай да командиръ! Отъ соска взяли...

— Я приказываю! крикнулъ Риттеръ.

— А я приказываю, крикнулъ еще громче Пугачевъ и тотчасъ снова разсмѣялся, — чтобы ты мнѣ слово вымошгивать дашь... Аль обидно что не съ тобой дѣлиться хочу? Позволяю слово-то молвить, а тамъ вяжи, кроши, бей! Ха-ха-ха!

— Вѣстимо, ваше благородіе! заговорилъ старый солдатъ.— Нешто онъ уйдетъ отъ насъ? Вона, насъ-то, что!... Долго ль?

— Вѣстимо! И робѣть зачѣмъ?

— Дай ты ему слово-то молвить.... Робу-то не лущай на себя...

— Какую робу? Чтѣ такое? О, mein Gott! истреплѣливо воскликнулъ баронъ.

— Мураыкъ-тыкъ! Да мимо! Ха-ха-ха! какъ шальвой залился Пугачевъ, а самъ искоса глянулъ на свою лошадь, которая отдохнула и уже воровила укусить лошадь Риттера.

Пугачевъ подбоченился, держа руку у пояса и заговорилъ громко:

— Родимые вы мои голубчики! Знаю я ваше житье каторжное вотъ съ этими-то.... Самъ я былъ по наряду, да въ лагеряхъ посмотрѣлся на житье-то ваше. Какъ они соблюдаютъ васъ? Четыре рубля въ годъ изъ бумаги, да печеные кирпичи дегтемъ смазаны чтѣ и песь не ѣсть! Стало вамъ на два десятка ребятъ, раздѣлить нынѣ пять сотенъ рублей, на волѣ быть.... Охъ! Господи! вскрикнулъ вдругъ Пугачевъ.— Чтѣ энтс? Гляди!...

Всѣ до единой головы обернулись назадъ на лустую степь. Пугачевъ выхватилъ изъ-за пояса готовый пистолеть и въ упоръ выстрѣлъ въ Риттера. Выстрѣлъ ошеломилъ всѣхъ.

— Держи! Бей! вскрикнулъ наконецъ и шарахнулся весь отрядъ. Половина всадниковъ толкнули впередъ коней.... Но между ними и Пугачевымъ была отпрыгнувшая лошадь Риттера, и самъ офицеръ валялся на землѣ въ судорогѣ.

— Смирно! вскрикнулъ Пугачевъ, привставая на стременахъ и сверкая глазами.— Кто я?! Каины! Я царь Петръ Всероссийскій!! Слыхали ль? Видали ль? Забыли вы Бога! Васъ

басурманы морочать, шлютъ на законнаго государя! Но Господь за меня, а за васъ сила нечистая. Олухи! Васъ голодомъ, холодомъ морять, а я вамъ что въ царскомъ манифестѣ обещаваю. Что? Такъ гляди! Вотъ что!!

Пугачевъ опустилъ руку въ торбу и разшвырнулъ вѣромъ горсть золота, затѣмъ другую и третью. Червонцы сверкали и дробью щелкали по людямъ и конямъ.

Передніе медленно сняли шалки и всѣ оцѣмълые переводили глаза съ Пугачева на убитаго, плававшего въ крови, а съ него на разсыпанное золото сіявшее на влажной землѣ....

— Ничего я для голубчиковъ-солдатушекъ не жалю.... Денегъ у меня изъ Питера да Царьграда вороха наворочены... А сяду на престолъ свой — всѣхъ въ генералы, да въ дворяне!... Ну, живо! Подбирай свѣтляки! Живо! повелительно крикнулъ онъ, и нѣсколько человекъ быстро сѣвшились и лазили по землѣ. Остальные почти безсмысленно, молча глядѣли какъ съ просонокъ.

„Небойсь, первый приказъ и послушались!“ подумалъ Пугачевъ, и прибавилъ: — Хоть въ мою службу? Жалованье новѣе впередъ. По горсти на брата.... кто ко мнѣ въ слуги?

Всѣ солдаты, кромѣ двухъ, постарше, подобравъ деньги, стояли уже безъ шалокъ, держа лошадей подъ усты. Отовсюду раздались вдругъ голоса:

— Къ тебѣ, отецъ родной! Прости! Помилуй! Морочать насъ. Двое косились не снявъ шалокъ и молчали.

— А вы что жь! Не вѣруете въ меня? Богъ съ вами! Я васъ на трону. Вольному воля. Иди къ себѣ домой, голыши-то гладать. А когда вся Россія увѣруетъ, громче крикнулъ Пугачевъ, — тогда Иуды ко мнѣ не ходи! Не ходи! Вотъ ихъ возвелачу, а васъ лютой смертью казю. Телерь мнѣ слуги дороги.

— Стулай въ городъ, — раздался голосъ, — тамъ, за убивство это похвалять.... изъ ружей. Вѣдь онъ Нѣмцевъ племянникъ!..

Послѣдніе сняли шалки и что-то пробормотали смущенно.

— Ну, на коней! крикнулъ Пугачевъ весело. — Брось басурмана-то! Черви уберуть! За мной, ребяташки, въ станъ. Свѣжо! Прозябли я чаю. Не важность! Прїѣдемъ — вина по полведру на брата вытасемъ, такъ гляди какъ согрѣмся! Такъ ли я оказываю, православные?

— Вѣстимо, родимый! Батюшка! уже умилительно пробормотали нѣсколько голосовъ.

И отрядъ весело пустился вскачь за Пугачевымъ, по дорогѣ въ Берду. Только одинъ старый казакъ съ лошадыю Риттера на поводѣ обернулся на скаку. Трупъ убитаго въ мундирѣ съ гаунами одиоко валялся среди влажной и туманной степи.

— Вонъ оно какъ! Новѣ-то!... вздохнулъ старикъ.—Какъ все трафится... да швыряетъ челвѣкомъ. Не божись челвѣкъ! Выѣхалъ вотъ честной казакъ, а прѣехалъ—въ воры, да въ злодѣи....

XI.

Дерзкая выходка и погибель молодаго Риттера смутила весь городъ, тѣмъ болѣе что съ нимъ ловхалъ отборный десятокъ солдатъ, и былъ у злодѣя и, какъ толковали жители, самъ насильно свезъ и предалъ барона въ руки Пугачева.

Рейнсдорлъ, узнавъ судьбу родственника, даже прослезился. Да и всѣ жалѣли молодца, котораго однако мало знали. Тавровъ явился къ губернатору и спросилъ:

— Что матушка баронова не изъ Русскихъ ли будетъ?

На отрицательный отвѣтъ Рейнсдорла Тавровъ покачалъ головой и прибавилъ:

— Въ кого же онъ уродился такой отважный?

Рейнсдорлъ догадался, обидѣлся и спросилъ:

— Да, онъ герой. Ein Held! А какъ это по-русски можно сказать, господиъ Тавровъ?...

Ладушкинъ особенно удивилъ своихъ товарищей сожалѣя что Риттеръ его не пригласилъ съ собой.

— Умирать-то? воскликнулъ капитанъ Пыжовъ.—Ахъ ты щенокъ вѣдкій! Да тебя вѣдь бить мало, ей Богу!

Дѣла городскія были въ неопредѣленномъ положеніи. Вскорѣ послѣ вылазки 12го числа Рейнсдорлъ узналъ о недостаткѣ снарядовъ у мятежниковъ и хотѣлъ было снова выслать отрядъ противъ нихъ, но день за день медлилъ боясь отчасти формальнаго отказа Валленштерна или Наумова, а затѣмъ и неудобнаго казуса если многіе офицеры сообщатъ ему самому начальствовать въ вылазкѣ.

Наконецъ въ городѣ пошла неурядица. Поймали Калмыка поджигавшаго склады пороха; затѣмъ былъ пойманъ казакъ

бѣжавшій изъ города въ лагерь и снова явившійся съ полсотнею манифестовъ самозванца, которые онъ распускалъ въ народъ по кабакамъ и базарамъ. Дворянство и кнечество стали волноваться отъ слуховъ что мятежники хотятъ зимовать подъ городомъ пока не выморятъ всѣхъ голодомъ. Говорили что уже чувствовался недостатокъ въ соли и въ сѣнѣ.

Нѣсколько стоговъ сѣна на степной сторонѣ собирались уже давно вывезти въ городъ, но не собрались,—и однажды все было въ ночь пожжено непріателемъ. Тогда вышелъ приказъ отобрать у всѣхъ обывателей лошадей, вслѣдствіе недостатка въ сѣнѣ, и отправить въ Илецкую Защиту. Распоряженіе было исполнено быстро, но по дорогѣ въ Илецкъ всѣ эти лошади были поджидаемы и отяаты мятежниками, а Пугачевъ прислалъ гонца благодарить губернатора:

„За кавалерію въ коей нужду терпѣлъ.“

Посланца этого, Татарина Ялай-хана, посадили въ острогъ и пытали. На вопросъ какъ рѣшился онъ повиноваться и идти съ такимъ дерзкимъ порученіемъ, Ялай-ханъ пояснилъ что попалъ въ *кулевыя*.

— У насъ такое заведеніе. Коли прошибся въ чемъ, то либо тебя *въ куль да въ воду* въ Сакмарку, либо ступай въ гонцы, альбо иное что смертельное сотвори. Все одно помирать. А може вы и смилуетесь, а онъ-то не смилуется ни за сто карбованцевъ. Коли обманешь его, то у него руки догяя. Вездѣ достанетъ и повѣсить.

Наконецъ въ виду недостатка мяса былъ командированъ отрядъ за баранами въ степную сторону подъ начальствомъ Городищева.

У жителей явилась новая особая забава. Каждый день мятежники кучами развѣзжали предъ стѣнами города, подвѣзжали все ближе, переговаривались и перестрѣливались. Являлись охотники потягаться съ обѣихъ сторонъ и устраивались лоединки. Изъ Оренбурга часто вывѣзжалъ на отличномъ конѣ, въ качествѣ охотника, нѣкто кулець Полуехтовъ, богачъ и кутила; онъ гонялся за мятежниками или просто вызывалъ на правильный бой, и такъ убилъ уже лять человекъ. Такимъ образомъ бывало что на лоединки Полуехтова собиралось иногда за валомъ до трехъ сотъ зрителей.

Привѣзжало и дворянство и офицерство. „Гулятелей и зрителей“ телерь уже не породи, а мятежники ихъ не трог-

ли, какъ бы они далеко ни зашли, а переговариваясь съ нимъ, часто подсовывали имъ манифесты отъ царя и государя.

Зрѣлища эти повторялись при всякомъ ясномъ осеннемъ днѣ. Хвалынский отъ скуки проводилъ тоже весь день на стѣнѣ и окончательно причислилъ самъ себя въ командиры одного изъ бастіоновъ противъ Егорьевской церкви. Перестрѣлка съ мятежниками превратилась въ забаву и на его бастіонѣ.

Однажды подѣхало человѣкъ двадцать казаковъ саженой на сто отъ вала. Передній, на красивой лошади, былъ Чумаковъ. Наткнувъ свою шалку на колые, въ знакъ мирныхъ намѣреній, онъ подѣхалъ для переговоровъ еще ближе и закричалъ:

— Господа атаманы, гарнизонные и служилые люди! Подно вамъ воевать противъ батюшки государя! Пора вамъ ему послужить!

— Подѣзжай-ка поближе, я тебѣ отвѣчу! крикнулъ Иванъ.— Далеко не слышать.

— Не съ тобой я, офицерово рыло, разговоры заводилъ, а твоей плевадки не боюсь... на вотъ... пали! И Чумаковъ, надрывъ шалку, бойко подѣхалъ къ самому валу.

Въ него выпалилъ одинъ солдатъ, потомъ самъ Иванъ, и оба промахнулись.

— А ну сядь-ка изъ васъ кто на стѣну, крикнулъ Чумаковъ, доставая винтовку изъ-за плеча.— Дай я попробую. Чтò жь? Аль вы и вправду бабьи слуги?

— На, пали, Разина порода! Токмо рожу свою я тебѣ не дамъ портить. Много чести! крикнулъ маленькій солдатикъ и быстро сбросивъ нижнее платье, влѣзъ на уголъ бастіона и сѣлъ на корточкахъ сливой къ Чумакову.

Эта выходка подняла по стѣнѣ и по валу дикій, восторженный хохотъ гарнизона и кучи народа.

— Лихо, Дормидонъ! Лихо! Вотъ ему собакѣ штандартъ какой выставилъ!

Чумаковъ долго цѣлился и выстрѣлилъ. Солдатакъ скovyрнулся къ ногамъ Ивана. Пуля вошла ему въ затылокъ и вышла въ глазъ.

— Бѣдняга! вздохнулъ Иванъ.

Нѣсколько человѣкъ злобно заревѣли, и градъ выстрѣловъ

посылался на Чумакова съ ругательствами и криками: „Убей его, подлеца! Убей, голубчики!“ Но тотъ ускакалъ крича:

— У царевыхъ-то слугъ знать лучше плаваки.

Въ другой разъ подѣзжалъ къ стѣнѣ какой-то Калмыкъ и жалобно кричалъ, будто прощенья просилъ.

— Иди къ намъ, бабка, буде противничать. У нашего батюшки всего много. Однихъ алтынъ столько что у васъ въ городѣ и блохъ гораздо меньше.

— Твой батюшка воръ, и алтыны твои воровскіе, калмыцкая собака! крикнулъ ему съ бастіона Ивана вновь причисленный охотникъ и ввалидъ Самцовъ.—И блохи наши все-таки у насъ свои, а у вашего батюшки блохи-то острожныя.

— А вотъ погоди, хриливо и жалобно завывъ Калмыкъ.— Скоро жрать будете ихъ съ голодухи.

Два солдата во время перебранки тайкомъ пролозали чрезъ ровъ къ Калмыку, выскочили вдругъ и выстрѣлили по нему. Онь свалился, лошадь ускакала, а раненаго ввали и отправили въ канцелярію губернатора. Онь былъ пыткамъ и показавъ все то же что и другіе, но прибавилъ что царь хочетъ расположиться по селамъ на зимовку, что ему городъ очень полюбілся по крѣпости своей.

— Сказывалъ онъ намъ, прибавилъ Калмыкъ еще хриливѣе и жалобнѣе (послѣ пытки и допроса), видалъ онъ многія важныя фортеціи и города въ Туречинѣ и въ Заморьѣ, ну, а Оренбургъ крѣпче самого будетъ Царя-Града. Почитай что самъ Ерусалимъ къ нему не подойдетъ крѣпостью.

Допросы и выслушиванье розказней *языковъ*, то-есть лажутчиковъ, наполняли день губернатора. Когда генералъ грустилъ по Альфредѣ или скучалъ, не имѣя даже и работы на бульварчикѣ, то одно извѣстіе оживляло его:

— Языка поймали, ваше превосходительство!

— А-а? давай! давай! Я буду сейчасъ приходить.

Однажды цѣлый день слышна была пальба въ Бердѣ, а вечеромъ долго мелькали ракеты въ темномъ небѣ. На утро генералъ два часа просидѣлъ въ застѣвкѣ, а языкъ подробно описывалъ ему какъ наканунѣ праздновался въ Бердѣ день ангела новаго полковника Марусенка. Вдругъ завернули холода, выпалъ страшный снѣгъ и въ два дня завалилъ на аршинъ глубины всю окрестность. Зимній путь установился сразу и чрезъ сутки уже ѣздили въ саяхъ.

Неожиданное соображеніе поразило многихъ. Въ топливѣ былъ недостатокъ, а за дровами приходилось отпраиваться мимо „злодѣва носу“, и охотниковъ на это было мало.

— Ахъ какъ стыдно! укоризненно говорилъ всѣмъ губернаторъ.—Никто не озаботился. Развѣ это правительская забота, генеральская... Какъ вы чувствуете, господинъ Тавровъ? Это не стыдно теперь безъ дровъ?

— Точно не могу вамъ отвѣтить, ваше превосходительство: стыдно ли? А вотъ что холодно теперь безъ нихъ, такъ это я чувствую.

При этомъ Тавровъ повторилъ свой совѣтъ срыть мишень предъ городомъ и разорить избу.

— Неравно полѣзеть на насъ. А замерзнетъ земля съ насылью и мишенью, тамъ въ два дня не справишься. Ужъ и теперь дождались до сугробовъ.

— Я уже приказывалъ! воскликнулъ губернаторъ съ удивленіемъ и послалъ верховаго къ Ивану Хвалынскому съ приказомъ ему набрать отрядъ конныхъ и взять полдюжины саперныхъ служителей, дабы срыть и мишень и избу.

Въ то же время вошелъ въ городъ чрезъ Орскія ворота хивскій караванъ въ тридцать верблюдовъ, и купцы пожаловались губернатору что воровскіе Киргизы, развѣзжая по степной сторонѣ, отняли у нихъ шесть верблюдовъ, якобы для Русскаго царя. Они же видѣли оренбургскую команду которая гонитъ въ городъ пять тысячъ барановъ, и господинъ офицеръ прислалъ съ караваномъ просить еще команды, изъ опасенія что злодѣи у него подъ городомъ отобьютъ стадо. Когда князь Иванъ выѣзжалъ въ Бердскія ворота срывать мишень, его догналъ верховой и передалъ приказаніе отъ оберъ-коменданта идти навстрѣчу къ лоручику Городищеву въ степную сторону. Выѣхавъ въ Орскія ворота и пройдя верстѣ шесть по глубокому снѣгу, Иванъ завидѣлъ темную сплосную массу. Это и было стадо. Команда направилась къ нему.

— Ваше сіятельство! вымолвилъ вдругъ капралъ.—То не наши гонять... Гляди, рысьи шалки!

Приглядѣвшись, они распознали что барановъ гнали мятежники, казаки и Башкиры.

— Должно отбили!..

— Гдѣ жъ наши... Паша? полоненъ или убитъ! воскликнулъ Иванъ.

— Да и намъ, сударь, не годно наѣзжать... Вишь завидѣли... Укажи отъѣхать.

Они повернули лошадей и кой-какъ, увязая въ снѣгу, рысью пустились назадъ... Поднявшаяся метель скрыла ихъ отъ мятежниковъ.

„Стало вернуться въ городъ“, думалъ Иванъ. „Вѣдь не отбивать же мнѣ стадо съ горстью людей у цѣлаго отряда.“ Онъ рѣшилъ вернуться. Метель усилилась и заметала все. Капралъ, опытный человекъ, сталъ совѣтовать доѣхать до одного урочища и обождать метель чтобы не заллутать.

— Къ урочищу лочто же ѣхать?..

— А у него завсегда мететь съ одного какого боку; великій сугробъ намететь, а другой бокъ весь чистъ отъ снѣгу.

Князь Иванъ отчасти боялся измѣны, боялся погибнуть какъ Риттеръ, но видя что ихъ заметаетъ согласился. Едва стали они подъ холмомъ, куда провелъ ихъ капралъ, какъ одинъ изъ солдатъ крикнулъ:

— Гляди, наши подъ конвоемъ. Олутаны! Вонъ и Павелъ Павлычъ.

Направо за саженой сто подвигались медленно по сугробу къ тому же урочищу около двухъ десятковъ конныхъ. Впереди и сзади ѣхало человѣкъ въ десять Берденскихъ казаковъ.

Князь Иванъ помялъ что у Городищева отбили стадо и везуть его плѣннаго въ Берду.

Оба отряда распознали другъ друга. Плѣнные стали кричать и звать... Конвой бросилъ ихъ и хотѣлъ бѣжать, но лошади завязали въ снѣгу и двѣ тутъ же повадились въ снѣгъ. Команда Хвалынскаго налетѣла на нихъ. Черезъ двѣ минуты плѣнными развязывали скрученныя за спину руки и вязали казаковъ молившихъ о пощаду.

Городищевъ, блѣдный какъ полотно, бросился цѣловать Ивана.

— Родимый, Ванюша! Во вѣкъ не забуду заступленья. Ты вѣдь меня отъ смерти лютой избавилъ. Они мнѣ ужъ сулили петлю въ Бердѣ.

Когда метель унялась, людный отрядъ, со связанными плѣвниками по срединѣ, весело направился въ городъ. О пяти тысячахъ барановъ которыхъ ожидали въ городѣ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ было забыто. Только при вѣздѣ въ Орскія ворота Городищевъ слохватился.

— А знаешь, Ванюша? При нашемъ людствѣ, мнитса мнѣ,

мы могли бы догнать тѣхъ бездѣльниковъ и отбить олятъ стадо.

Въ городѣ уже видѣли съ вала какъ прогоняли стадо по направлению къ Бердѣ и много дивились откуда разбойники добыли такое число барановъ.

Тавровъ былъ на валу и разглядѣвъ плохо вооруженный отрядъ, приказалъ капитану Пыжову и пралорщику Сысоеву выдти съ командой и отбить. Офицеры, безъ приказанія оберъ-коменданта, не смѣли, и верховой поскакалъ къ Валевштерну.

— Какъ укажетъ господинъ губернаторъ! отозвался этотъ. Верховой прѣхалъ съ отвѣтомъ и его погналъ къ Рейнсдорфу.

— Мы ждемъ свое стадо съ Городищевымъ! отвѣчалъ Рейнсдорфъ.

— Ахъ, фоганъ! Да коли это стадо то самое и есть, отбить у Городищева! возразилъ Тавровъ по полученіи отвѣта.

Это предложеніе не имѣло никакого правдоподобія, и ему не скоро повѣрили. Однако снова поскакалъ верховой къ губернатору и привезъ наконецъ приказъ отбить стадо барановъ. Пыжовъ и Сысоевъ живо собрали отрядъ и выступили въ Сакмарскія ворота въ логоно за чуть видѣвшюся на горизонтѣ темною полосой.

Черезъ часъ Городищевъ и Хвалыинскій объяснялись у губернатора и докладывали все какъ было. Явился и Сысоевъ доложить что барановъ перегадали черезъ Сакмару и доставили въ Берду. Гнаться никакъ было не можно.

Генералъ-поручикъ Рейнсдорфъ все молча выслушалъ и затѣмъ, отпустивъ всѣхъ, сказалъ ло-нѣмецки присутствовавшему барону Корфу:

— Я лучше готовъ корзинки плестъ изъ воды чѣмъ быть здѣсь губернаторомъ. Мы всѣ проладемъ, и скоро.

XII.

Такъ прошелъ весь октябрь мѣсяцъ. Горожане стали при-
выкать къ своему осажденному положенію, недостатку дровъ,
сѣна, соли и наконецъ дороговизнѣ хлѣба и говядины.

Вдругъ прошелъ слухъ и подтвердился что злодѣи гото-
вятся на послѣдній, отчаянный приступъ къ городу. Снова

захватило духъ у рыцарства, дворянства и кулечества. Одинъ народъ былъ спокоенъ.

Городищевъ и князь Иванъ жили теперь вмѣстѣ и дружно скучали; слухъ этотъ разогналъ ихъ скуку. Первый послѣ своего двухъ-часоваго лѣвна заболѣлъ и отъ простуды и отъ страха, но оправившись привязался еще болѣе къ Ивану. Они были теперь неразлучны. И князь Иванъ только удивлялся какъ до сихъ поръ не догадывался предложить другу свою квартиру. Товарищи бывали у нихъ полпрежнему часто.

Однажды ввечеру кто-то постучалъ въ ворота и затѣмъ появился въ горницѣ.

— Максимка! вскрикнули оба.—Откуда?.. Гдѣ ты, собака, пропадаешь?

— Отъ государя. У его величества въ деньщикахъ и поваряхъ находился. На жалованьи былъ, гордо объяснилъ Максимка.—Да полковникъ Лысовъ, захворавъ, приказалъ зелье сварить изъ травъ. Я сварилъ его, а ихъ смудило. Мнѣ за то дера и была, якобы хотѣлъ отравленьемъ ихъ извести. Очень даже желалъ и повѣсить, ну я и ушелъ.

— Молчи, дурень! Тебѣ за этого царя слышу вспишутъ еще пестрѣе.

— Ну стало-тъ будемъ сказывать: злодѣи и лезъ Емелька! охотно сказалъ Максимка.

При этомъ Максимка увѣрилъ князя что онъ не бѣжалъ, а былъ обманомъ увезенъ изъ Сурманаевой кулцомъ Обваловымъ. А бѣжать въ городъ онъ сначала опасался чтобы не разгнѣвать вора. Въ результатѣ его ложаженій у него былъ большой мѣшокъ денегъ, тридцать рублей мѣдлою монетой, и онъ умолялъ князя обвиняться на серебро.

— Хоть на лѣвшивонькія помѣняюсь, ваше сіятельство.

Максимка, вострый и находчивый, просто на время вернулся къ князю, ради спасенія своего капитала, которому, онъ зналъ, трудно было бы уцѣлѣть въ Бердѣ, среди воровъ, отчасти его привела и сила тяготѣвѣя холола къ барину, и Максимка теперь засылая раскаивался.

— Эхъ-ма! Изъ царевыхъ поваровъ да въ деньщики къ подлоручику!

И онъ заснулъ, сладко мечтая объ ожидаемомъ взятіи Оребурга и о томъ какъ онъ среди сумятицы унаслаждуетъ всѣмъ имуществомъ князя Хвалынскаго.

На утро, часовъ въ шесть, Максимка, готова самоваръ,

все болталъ о Бердѣ съ проснувшимися добрыми господами, которые никогда съ нимъ не дрались.

— А вѣчерась, прибавилъ онъ, — со мною прибыло сюда чело­вѣкъ съ сотаю изъ Берды.

— Перебѣщачи?

— Какое? Нѣтъ! Они остались предъ городомъ, у оной ми­шени, да тутъ еще у церкви Егорья. Имъ было указано тамъ ра­ботать за ночь чтобы способнѣй пушки уставить.

— Чего жь ты, дурень, вѣчерась молчалъ! воскликнулъ Иванъ вскочивъ съ мѣста.

— Позаламятоваль!

Молодые люди бросились на валъ, а мальчугана послали объять своихъ и оповѣстить о томъ же. Максимку не мало тѣшилъ тотъ перелолохъ который онъ всюду производилъ своимъ извѣщеніемъ. Въ истинные гонцы попалъ.

Черезъ полчаса всѣ офицеры были на валу.

Стало разсвѣтать.... Хвалыинскій и подпоручикъ Сысоевъ выстрѣлили по разу изъ ружей въ указанное часовымъ мѣ­сто около избы, гдѣ что-то колошилось до свѣту, но все бы­ло мертво, тихо.

Въ восемь часовъ рывкнуло большое орудіе у Маячной го­ры, и первое же ядро ударило въ Соляное Правленіе. Словно по данному сигналу замелькали огоньки по стелѣ и загудѣ­ла въ отвѣтъ пушечная пальба по всей крѣпостной стѣнѣ. Весь городъ поднялся на ноги. Весь гарнизонъ бросился на стѣну.... Разсвѣло.... У мишени въ верстѣ отъ города видѣ­лась громадная батарея и двигалось очередно до двадцати пяти орудій, пушекъ и мортиръ. Ядра и бомбы валились на городъ. Черезъ полчаса загудѣла другая батарея изъ-за избы при­мыкавшей къ Егорьевской церкви. Крѣпостныя орудія отвѣчали. Все способное населеніе распредѣлили по бастіо­намъ въ подмогу гарнизону. Самъ губернаторъ пріѣхалъ и обошелъ бастіоны.

— Вотъ, ваше превосходительство, сказалъ Тавровъ, злоб­но указывая на мишень. — Я васъ предварялъ. По-моему и вышло. Какъ есть батарея!

Обходя бастіонъ Хвалыинскаго, губернаторъ грозно сказалъ Ивану, показывая на мишень.

— Вотъ видите, господинъ офицеръ. Какое зло дѣлаетъ на городъ вашъ ослашаній. Есть какъ—батарея!

Хвалыинскій хотѣлъ оправдаться и напомнить что его оставили и послали за баранами, но генералъ прошелъ не дожидаясь отвѣта отъ подчиненнаго.

Пальба не прекращалась. Бóльшая часть выстрѣловъ была направлена мятежниками на Бердскія ворота и бастіонъ князя Ивана. Сначала сердце щемило у него когда ядра громили камень или рвали замерзлую землю и подымали столбъ снѣга и глинистой пыли, или когда со стономъ валялась прислуга; но чрезъ часа три онъ привыкъ или, вѣрнѣе сказать, усталъ чувствовать и обдумывать каждый смертельный ударъ который падалъ около него.

Въ 10 часовъ со всѣхъ сторонъ стали показываться кучи мятежниковъ, и несмотря на пальбу по нимъ раздѣлились въ виду города на двѣ партіи: одни укрылись за мишенью, а другіе, укрытые за ближайшими холмами, лощиной пробрались въ предмѣстье, засѣли въ ущѣльяхъ погребяхъ, за печами, за ворохами головней и балокъ и наконецъ въ ущѣльяхъ избѣ. Изъ всѣхъ засадъ открылся сильный ружейный огонь по городскому валу.

Человѣкъ пятьдесятъ смѣльчаковъ пододвинулись еще ближе съ четырьмя пушками и начали частую и близкую пальбу по бастіону Ивана.

— Князь. Подыснемъ-ко по нимъ картечью, изъ той большой пушки. Чего она зря стоитъ? сказалъ Сысоевъ.

Они зарядили тяжелую пушку двойнымъ зарядомъ и навели на смѣльчаковъ.

— Глядите! Ничего отъ нихъ не останется! смѣялся Сысоевъ.

— Не суйся! Ишь вѣдь отважничаютъ! говорилъ канониръ Плотниковъ, весело готовя фитиль.

— Дядю, а я другую наведу на нихъ же, сказалъ Иванъ, отошелъ на другой конецъ бастіона и сталъ переводить пушку съ избы на смѣльчаковъ. — Самцовъ! Наведи-ко ловѣрнѣе вонъ въ этихъ, сказалъ онъ, показывая на кучку видѣвшуюся у церкви, но въ ту минуту когда Самцовъ навелъ и приказывалъ палить, раздался оглушительный ударъ съ грохотомъ и свистомъ. У Ивана духъ захватило; столбъ дыма и сору взвился надъ бастіономъ и зашвырялъ его съ головы до ногъ. Около него очутилось на землѣ что-то мокрое, облитое кровью. Это былъ Плотниковъ безъ головы и съ изорваннымъ мясомъ на груди. Дымъ разсѣялся. Сысоевъ безъ ноги и еще два канонира валялись около куска пушки и стонали

опрокинутые на землѣ. Убитого и раненыхъ унесли, а князь Иванъ все еще долго не могъ придти въ себя. Онъ только слышалъ когда-то что пушки и ружья разрываетъ, но это не приходило ему на умъ. Теперь сердце его замирало при каждомъ его выстрѣлѣ. Когда онъ доложилъ объ этомъ проходившему Таврову тотъ разсмѣялся.

— Эка невидаль, одна-то.... У меня ужъ четыре разорвало, да у Наумова двѣ. Двѣнадцать человекъ своихъ сами убили. Небойсь, пали, князь, пали. За хорошими въ Питеръ посылать не время. А умирать, братецъ, все едино что отъ своей, что отъ злодѣевой. Убьетъ—я по тебѣ лавникиду отслужу и въ поминанье мое влпшу.... А ну-ко вотъ, лаюнь мнѣ въ оныхъ бездѣльниковъ что съ Маячной горы слускаются. Ишь, мерзавцы, все по регламенту! Эти у нихъ въ заласѣ были! Свѣжіе.

Черезъ часъ князь Иванъ сталъ проситься обѣдать. Тавровъ вытаращилъ глаза.

— Балагуришь ты, князь.... Не срамися! Въ сочельникъ до звѣзды не ѣшь, а тутъ обтерпелъся не можно. Стыдися, друже мой.

Иванъ смутился, и по уходѣ начальника на другой бастіонѣ, подумалъ:

„И то правда. Какая жь теперь ѣда?“

Весь день шла канонада, и весь день обыватели бродили по улицамъ, собирались кучами, служили молебны въ церквахъ и на домахъ. Большинство боялось злодѣя, меньшинство надеялось что городъ сдастся батюшкѣ Петру Федоровичу.

Предъ сумерками, пальба при мишени вдругъ стихла, и густыя массы бросались къ валу со всѣхъ сторонъ. Настала рѣшительная минута.... Дикій визгъ Татаръ огласилъ валъ; ружейная пальба усилилась, и въ воздухѣ засвистали вмѣстѣ съ пулями баткирскія стрѣлы. Пушки у церкви загудѣли сильнѣе, и бомбы начали чаще падать среди города.

— Это даренья! злобно говорилъ Тавровъ. — Намъ назадъ посылають.

Одна половина гарнизона осталась при орудіяхъ, а другая раздѣлилась на двѣ партіи. Первая обошла рѣчку Яикъ и открыла ружейную пальбу почти въ тылъ наступавшихъ. Сюда вызвалось много охотниковъ и купецъ Полуехтовъ. Другая партія бросилась впередъ и встрѣтила непріятеля на

валу. Хвалынский, увидя въ ней Таврова, передалъ начальство на бастионѣ Самцову и присоединился.

Часъ продолжалась свалка... Наконецъ мятежники бросились бѣжать, ихъ преслѣдовали и окружили съ двухъ сторонъ. Тавровъ и Хвалынский съ отрядомъ погнади бѣглецовъ къ рѣкѣ. Обошедшіе Яикъ были ихъ съ тыла. Большинство мятежниковъ, бросившееся на рѣку, провалилось на тонкомъ льду и много изъ нихъ перетонуло. Въ пылу схватки около рѣчки, Иванъ наскочилъ на сутуловатаго казака, очевидно атамана, въ синемъ кафтанѣ, который хрипливо кричалъ махая шапкой:

— Стой! Не бѣги! Ребята! На словъ!

— На словъ! на словъ! кричали нѣкоторые и сами продолжали отступать. Иванъ бросился къ казаку съ тремя солдатами, но тотъ положилъ перваго разрубивъ ему все плечо, затѣмъ выпалилъ изъ пистолета въ другаго, но третій, повиснувъ на немъ сзади, вскочилъ верхомъ ему на плечи.

— Окаянный! Врешь! заоралъ казакъ, барахтаясь съ солдатикомъ, который какъ кошка вцѣпился ему въ шею руками и ногами, душилъ его и кричалъ что-то Ивану.

Грохотъ пальбы и визгъ Калмыковъ заглушалъ его голосъ, а дымъ клубами вился и закрывалъ отступавшихъ.

— Вяжи! Коли такъ! крикнулъ казакъ и бросивъ шапку, протянулъ руки къ Ивану.

Этотъ подошелъ ближе чтобы скрутить его руки кушакомъ (самъ не зная затѣмъ), но въ ту же секунду казакъ вытащилъ у него же изъ-за пояса пистолеть и взвелъ курокъ. Иванъ отскочилъ стрѣлой, закрылъ голову поднятымъ локтемъ и.... невольно зажмурился.

— Вотъ! вотъ! стукнуло у него въ сердце.

Пистолеть его былъ заряженъ огромными пулями. Раздался выстрѣлъ.... Иванъ упалъ на одно колѣно и мысленно искалъ куда овъ раненъ. Но напрасно.... Овъ былъ невредимъ. Когда овъ открылъ глаза, то солдатъ сидѣвшій на плечахъ казака лежалъ съ прострѣленною головой, а самъ казакъ исчезъ. Въ ту же минуту подбѣжали свои солдаты съ криками.

— Лови! лови! Эхъ баринъ! Плохой ты воинъ! Улустилъ астреба!

— Кого?!

— А овъ самъ и былъ.... Злодѣй! Емелька!...

Мятежники быстро отступили. Уже стемнѣло совсѣмъ. От-

рядъ изъ Яика переправился назадъ и соединился съ отрядомъ Таврова. Мятежники скоро скрылись изъ виду, но въ предмѣстьи продолжалась еще пальба.

Губернаторъ прислалъ сказать на словахъ чтобы до вечера предмѣстье съ церковью очистили отъ непріятеля, но.... этого не случилось, такъ какъ посланный спуталъ и не зналъ кому указъ коменданту или оберъ-коменданту. Такъ и осталось.... На разсвѣтъ слѣдующаго дня церковь Егорья уже представляла сильную батарею, на палерти и по бокамъ были выворочены плиты и изъ отверстій глядѣли пушки. На самой колокольнѣ изъ-подъ колокола торчало тоже огромное орудіе, и весь день не переставая гудѣла пальба по городу, но за цѣлый день не было ни одного раненаго, что не мало дивило всѣхъ. Губернаторъ былъ взбѣшенъ непослушаніемъ и снова приказалъ до вечера взять предмѣстье приступомъ.

Въ сумерки нѣсколько охотниковъ бросились къ колокольнѣ и не нашли ужъ тамъ никого, ни людей, ни орудій. Церковь была обокрадена и все залито кровью. На каменномъ полу предъ царскими дверями еще дымился и тлѣлъ костеръ, а около него валялись два трупа въ калмыцкихъ чулкахъ. Подъ престоломъ нашли спрятавшагося казака, тяжело раненаго. Въ допросѣ онъ объявилъ губернатору что легко можно сейчасъ взять Берду, такъ какъ у злодѣевъ пороху хотя много, но зарядовъ не оставалось послѣ приступа ни единого. А что вывѣ изъ предмѣстья хотя и лалили по городу, но холостыми зарядами.

— Ради острастки! объяснилъ казакъ.

Губернаторъ немедленно созвалъ совѣтъ и передалъ извѣстіе.

— Онъ подосланный, ваше превосходительство. Это западня! рѣшило рыцарство и дворянство.— Впрочемъ мы подъ вашимъ начальствомъ готовы хоть на край свѣта, объявили всѣ единогласно и развѣхались усмѣхаясь.

XIII.

— Мы всѣ погибнемъ! безпомощно, въ тысячный разъ горюхъ и думалъ генераль, оставшись одинъ и сильно смущенный и взволнованный неловиновеніемъ. На Берду я не

пойду, но здѣсь въ стѣнахъ этого города—дѣятельность, неутомимая дѣятельность! Иначе, смерть грозитъ!

Въ эту минуту вошелъ секретарь съ бумагами, и сталъ докладывать. Генералъ строго поводилъ очами.

— Курляндскій уроженецъ, началъ заученнымъ тономъ щедушный секретарь, докладывая бумаги „своими словами“. Секретарь не говорилъ, а какъ-то всегда безстрастно пѣлъ, глядя не на бумаги и не на генерала, а въ стѣну или въ потолокъ:—Готаиъ Штейндорфъ проситъ о записи сына Карла изъ недорослей въ службу къ вашему превосходительству. Это братъ того что служить при казанскомъ губернаторѣ и прѣзжалъ сюда говцомъ.

— Да, да! Отецъ мѣ писалъ.

— Господиъ Тавровъ отъ сегодняшняго утра входитъ съ прошеніемъ къ вашему превосходительству указать лартіи гарнизона срыть и уничтожить....

— Мишень! Да! Да!

— Равно близъ Егорьевской церкви....

— Избу! Знаю! О, mein Gott!

— Писарша Полиухина бьетъ челомъ вашему превосходительству на пралорщицу Федосью Фертынщенкову, однозвучно и невозмутимо залѣлъ секретарь,—за оскорбленіе въ храмѣ съ насмѣяніемъ и оскверненіемъ онаго и божественной литургіи, докладая что якобы та самая Фертынщенка во время молебствія о дарованіи намъ побѣды надъ сулостатомъ Турецкимъ.... якобы.... якобы.... мямалъ секретарь,—якобы она Фертынщенка, близъ самыхъ царскихъ дверей стоячи, ударила ее Полиухину трикратно зажженною свѣчей по маковкѣ, закричавъ на нее: „Чего лѣзешь суконное рыло въ бархатный рядъ? Аль порядковъ и чиновочтенія не вѣдаешь?“ И симъ восклицаніемъ пралорщица великое произвела сумнѣнье въ храмѣ, а затѣмъ при выходѣ на палерть изрыгала всякія негодныя слова и хаяла ее, сказывая что она де съ мужемъ своимъ седьмой мѣсяцъ не живетъ, а живетъ съ Бородавкынымъ и что писарь Полиухинъ самъ де говаривалъ пралорщику Фертынщенку, находясь въ караулѣ, что онъ ее какъ негодную и гулящую бабу....

— Ну! ну! Все глупство!... Другая бумага?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, также безстрастно продолжалъ секретарь.—Далѣе худое происхожденіе учинилось, и сама челобитчица гораздо виновата вышла.

Повздоривъ, обѣ сіи легкомысленныя женщины вышли, но на палерти уже сѣѣлились другъ дружкѣ за челцы и косы. Пралорщица Фертынщенкова осидила и на морозѣ, повадивъ супротиваицу, учинила съ Поливухиной на снѣгу и при всѣхъ прихожаныхъ и при отцѣ протопопѣ очень для нихъ удивительное и соблазнительное обхожденіе. Писарша же оная (сама она въ челобитной о семь умалчиваетъ), воспрянувъ съ земли и приведя въ лорядокъ юбки, но уже опасаясь налѣзть на осидѣвшую ее пралорщицу, начала въ народъ кричать что вотъ де придетъ царь Петръ Ѳедорычъ, возьметъ городъ и всѣхъ дворянъ, офицеровъ и офицершей, передавить.... „И давно де пора!“ такъ проорала глупая сія баба,— „пора де васъ проклятыхъ передавить, кулю съ вашимъ....“ Секретарь вдругъ остановился, словно спохватившись.

— Ну! Чтѣ? воскликнулъ Рейнсдорлъ съ сердцемъ.

— Передавить всѣхъ, маммилъ секретарь,— кулю.... то-есть съ вами, ваше превосходительство.

— О-о! Это кто слушалъ?

— Да вотъ-съ тутъ ралорты самовидцевъ: отца протопопа, да кулца Полуѣтова, чтѣ подъ стѣнами со злодѣемъ биться выѣзжалъ. Они будучи на палерти самовидцами подробно описуютъ всѣ рѣчи соблазнительныя кои луцала Поливухина въ толлу обѣщая что весь гарнизонъ перебѣжитъ къ самозванцу въ службу, яко къ истинному императору....

— Очень хорошо.... Посылайте мнѣ канцеляриста.... Ступайте вы и дѣлайте арестъ Поливухина....

— Его самого?

— Нѣтъ! Она!... Его.... Ее!... крикнулъ разсердившись губернаторъ.—И посадите подъ караулъ.... Я буду публиковать и казнить измѣнниковъ! Я всѣхъ буду казнить! Всѣхъ! закричалъ вдругъ разгорячившійся губернаторъ. Какъ можно?... Не можно! Черный и глухой народъ безлокоитъ! Ступайте, господивъ Лосевъ. Скорѣй!... Какъ можно? Черный и глухой народъ....

Секретарь хотѣлъ было продолжать докладъ, но Рейнсдорлъ замахаалъ руками и воскликнулъ:

— Подите! Я буду судить, публиковать....

Секретарь положилъ бумаги на столъ, и не смущаясь насколько отъ взерошенной фигуры развирѣлѣвшаго начальника отправилася съ приказомъ арестовать писаршу Поливухину.

На этотъ разъ губернаторъ не на словахъ, а уже на дѣлѣ доказалъ что ревностно и энергически принялся за умиротвореніе края. Черезъ двое сутокъ послѣ доклада секретаря, рано утромъ, на базарной площади уже стоялъ помостъ и позорный столбъ.

Собралась и гудѣла густая толпа. Одни говорили что будутъ голову рубить пойманной женкѣ Пугачевой; другіе увѣряли что будутъ наказывать кнутомъ солдата что лаялъ на бульварчикѣ по губернатору. Меньшинство знало и ждало казни писарши Поливухиной, которая возмущала народъ противозаконными рѣчами о самозванцѣ и подстрекала „на неповиновеніе ея императорскому величеству!“

Въ углу площади стояли вмѣстѣ Иванъ Хвалынскій и Городищевъ.

— Какое нашъ Нѣмецъ, что выдумалъ? А? говорилъ Городищевъ.

— Что-то будетъ! Неужели жъ и впрямь кнутъ? сказалъ Иванъ.—Я, Паша, уйду коли кнутъ. Мерзостно смотрѣть.

— Никому не вѣдомо. Секретно все....

Родъ казни, содержимый въ тайнѣ, не былъ никому извѣстенъ.

Въ десятомъ часу привезли въ телѣжкѣ писаршу подъ конвоемъ взвода солдатъ и взвели на помостъ.

— О-о-охъ! лошло по толпѣ, не то отъ сочувствія, не то отъ любопытства.

Плалачъ въ красной рубашкѣ сталъ читать указъ, но хриливо пьянымъ голосомъ, не внятно и заикаясь. Изрѣдка только слышались слова: воръ, душегубъ, волнованіе, потребности рѣчи, соблазнъ жителей; противъ престола и отечества....

Только при заключеніи плалачъ прочистилъ себѣ горло чтеніемъ, и голосъ его явственно пролетѣлъ надъ всѣми внимательно вытянутыми головами:

— Учинить жесточайшее плетью наказаніе и должное ошельмованіе, постановленіемъ знаковъ, а затѣмъ сослать въ Сибирь въ рудники. Но уважая ея императорскаго величества Высочайшее ко всѣмъ матернее милосердіе, оную казнь, законами предписуемую, господинъ генераль-губернаторъ, генераль-поручикъ и кавалеръ, свисходя ко глупости и безпечности женскаго пола, умягчить указалъ. А во унятіе бабьихъ пересудовъ и непристойныхъ бабьему и женскому

полу и званію о злодѣѣ разговоръ, и въ надлежащій вѣкъ страхъ, дабы перестали плодить оное лугословіе, господику губернатору, генералу-поручику и кавалеру опредѣлилъ: жену писаря Спиридонова Поливухина, Агаѣю, Андреевну дочь, Поливухиной, учинивъ публичное, съ барабаннымъ боемъ, жестокое плетью наказаніе, подрѣзать черезъ палача подолъ платья и яко нетерлимую въ обществѣ, черезъ профосовъ выгнать изъ города метлами.

Гульливый хохотъ пошелъ по толпѣ...

— И дешево и сердито! крикнулъ голосъ.

Женщину стали раздѣвать помощники палача.... Она отбивалась и обернулась къ народу:

— Православные.... Заступитесь! Каюсь! Со зла, я все оное....

Барабанный бой заглушилъ ея слова. Нѣсколько человекъ доставали уже изъ телѣжки свѣжія метлы и со смѣхомъ встряхивали ихъ въ воздухѣ, приготавливаясь къ исполненію забавной казни. Народъ напиралъ на помость. Палачъ расправлялъ плеть, вытягивая ее по доскамъ и подергивая плечами....

Иванъ Хвалыньскій собрался уходить отъ казни, когда услышалъ около себя бабье всхлипыванье.

— Вѣдь кабы не тяжела была, а то шести мѣсяцевъ. Эдакъ-то ребеночка полортятъ.

Иванъ разспросилъ женщину и убѣдился въ истинѣ ея словъ побѣждалъ къ Рейнсдорлу.

— Остановите! Не надо! Не можно! Я это не вѣдалъ!

Иванъ добѣждалъ назадъ, но засталъ уже гулъ, хохотъ и движеніе. Писаршу уже наказанную гнали по площади. Вся толпа со свистомъ и гиками бѣжала очищая площадь. Впереди мелькали въ воздухѣ, подымались и опускались метлы... И все быстро двигалось къ Орскимъ воротамъ.

— Чтò жь это? воскликнулъ князь Иванъ. — Вѣдь это не гоже. Это даже предъ Богомъ грѣхъ!

— Иванъ Родивонъичъ! раздался около него басистый и глухой голосъ Бородавкина. — Будьте милостивы. Сведите меня къ себѣ да залпите...

— Чтò вы? изумился Иванъ фигурѣ товарища, который блѣдный и задыхающійся дрожалъ всѣми членами.

— Уведите. Залпите. Погублю я себя и его... Убью!

Иванъ, ничего не понимая, схватилъ Бородавкина за руку и потащилъ въ свою квартиру.

— О-охъ! Убью... мычалъ Бородавкинъ, будто жалуясь на боль и послушно двигаясь за Иваномъ.

Когда Иванъ подошелъ къ своей квартирѣ и влустилъ въ нее Бородавкина, въ его улицу завернулъ отрядъ казаковъ подъ командой капитана Пыжова, мрачно и молчаливо погонявшаго легкой хромоу и худую казенную клячу. Казачьи лошади были тоже на подборъ калѣчныя, худыя и больныя.

— Куда! крикнулъ Иванъ въ удивленіи.

— Въ землеколы пожалованъ, угрюмо отозвался Пыжовъ останавливаясь.—Мишень срывать въ стелы, благо весна на дворѣ серебряная.

— Да. Не время. Теперь съ великими сугробами бѣда.

— Ничего. Я по своему сиротству въ обиду не дамся. Понохаю да поковыряю тамъ малость, и коли земля замерзла, то буду въ скорости во-своица, къ вамъ чай пить съ ромашей, а Егорьевскую-то избу раззорять молодцы и сами.

И отрядъ, ковыляя на клячахъ, тронулся вдоль улицы. Ему на встрѣчу ваали шумныя и веселыя толпы народа возвращавшагося съ потѣхи.

XIV.

Кречетовъ, на пути изъ Азгара гдѣ оставилъ дочь, случайно встрѣтился съ Уздальскимъ въ оврагѣ Волчья яма.

Въ этой ямѣ, подъ самымъ Ольгинымъ, экилажъ Андрея застрялъ съ утра. Вытащенный изъ грязи, онъ сѣлъ въ бричку Кречетова и сталъ разспрашивать о здоровьѣ невѣсты и о разныхъ приготовленияхъ къ свадьбѣ. Кречетовъ, мысленно приободряя себя на объясненія, отвѣчалъ важнымъ и внушительнымъ голосомъ.

— Андрей Лексвичъ! Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Не поспѣвай. Происхождение дѣла о коемъ я тебя тотчасъ уведомяю всѣхъ насъ въ изрядное потрясеніе привело... И твое сердце въ трепетъ приведетъ...—Кречетовъ залпуся и мямлилъ...

— Померла? воскликнулъ Андрей.

— Тьфу! Тьфу! заоралъ вдругъ старикъ какъ укушенный и залпрыгалъ на своемъ мѣстѣ.—Эка хватилъ! Тьфу! Охъ, Господи! Охъ Создатель Ты мой! началъ онъ креститься.

— Такъ что жь? Сказывайте, Митрій Митричъ. Не мучьте.

Кречетовъ, нѣсколько обозленный дурацкимъ и небаагороднымъ вопросомъ Уздальскаго, объяснился быстрее и рѣче. Уздальскій замеръ, люблядвѣлъ, и понурившись глядѣвъ предъ собой какъ льяный, очевидно не примѣчая ничего. До самого Ольгина онъ не вымолвилъ ни слова.

Когда они выѣхали на гору и были въ виду усадьбы и слободы, Кречетовъ забылъ объ Андрѣѣ. Сердце забилося у ретиваго помѣщика-хозяина.

— Все ли благополучно? крикнулъ онъ вѣзжая во дворъ и встрѣчаемый людьми.

— Все слава Богу! Заждались. А гдѣ жь барышня? почти-тельно и даже боязливо, но съ удивленіемъ опросила барина.

Уздальскій не вышелъ изъ экипажа и Кречетовъ нарасно уговаривалъ его, онъ кратко и сухо отказывался, и попросилъ телѣжку и лошадей доѣхать въ Сокольское.

— Не взыщи, Андрей Лексичъ, никто тутъ не повиненъ. Звать не судьба. А мой домъ тебѣ открытъ всегда.

— Послѣ такого насмѣванія надъ моею честью дворянской и надъ моею персоной, я вашего порога не переступлю во вѣкъ. И еще скажу что я свое возьму, ибо сего сраму не смогу. Осрамили вы меня ехидно и пакостно съ дочкою своей, вѣтрогонной, злобно вымолвилъ Уздальскій.

Кречетовъ вспыхнулъ какъ порохъ, и стоя на порогѣ дома, осыпалъ Уздальскаго самыми крѣпкими словами.

— Пошелъ, крикнулъ Уздальскій кучеру и отвернулася отъѣжая отъ крыльца.

Старикъ вошелъ въ домъ и крича зашагалъ по залѣ взадъ и впередъ.

— Дурень, Злыдень! Поладивный вдовецъ? Насильно милъ не будешь... Кричитъ еще: пошелъ! На чужихъ-то лошадей!...

Люди притихли въ прихожей, боясь чтобы для нихъ худо не повернулось дѣло. Черезъ полчаса мысли Кречетова приняли другой оборотъ. Онъ сидѣлъ на полавшемся стулѣ, чуть не посреди залы.

— Княгиня? А внуки—князьки? А?! шелнулъ Кречетовъ вопросительно и ворча что-то себѣ подъ носъ; старикъ сталъ усмѣхаться и разводить руками въ воздухѣ.

Люди увидѣли его изъ прихожей въ этомъ положеніи и обмерли.

— Барышня вѣту! Жениха изругалъ. Самъ въ воздухѣ

живописуетъ... Ужь такое - то свалилось, такое что упаси Богъ и лопуды. На три дня дранья хватить.

Всѣ ожидали гнѣва безпричиннаго, безпутнаго, необъяснимаго, и впервые ошиблись.

Уздальскій, доѣхавъ домой, не остался въ Сокольскомъ, а тотчасъ же верхомъ поскакалъ на хуторъ свой находившійся оттуда въ нѣсколькихъ верстахъ среди лѣса. Когда онъ остановился у одной избы, на крыльцо вышла старуха Мордовка и начала кивать головой и махать руками.

Она была глухонѣмая, и выбрана Уздальскимъ въ прислугу на хуторѣ именно благодаря своимъ свойствамъ. На этомъ хуторѣ, куда никто не ѣздилъ и даже дворня не допускалась изъ вотчины, жили у Андрея „секретныя женки“ по словамъ обитателей Сокольскаго. Во времена владычества Шерфе въ вотчинѣ, здѣсь все-таки жила другая „женка“, краденая дворовая дѣвушка изъ имѣнія Бартыкаевой. Когда-то прежде жила три недѣли одна полковница изъ Казани считавшаяся въ Москвѣ. Теперь въ двухъ маленькихъ горницахъ избы не было никого кромѣ глухонѣмой Мордовки, исполнявшей должность кухарки, горничной и даже сторожа. У старухи не было конечно ни оружія, ни даже собакъ, но никто не пытался обкрадывать избу, потому что во всемъ окресткѣ Мордовку почитали вѣдьмой и колдуньей.

Уздальскій пробылъ на хуторѣ нѣсколько дней, задумчивый и скучный, и скоро измѣнился въ лицѣ. Не любовь, а оскорбленное самолюбіе заѣдало его. Онъ придумалъ одинъ исходъ: продать вотчину и уѣхать изъ Казани. Вылавшій снѣгъ и холодъ выгнали его наконецъ изъ засады. Онъ вернулся въ имѣніе и поѣхалъ въ городъ.

Когда онъ вѣхалъ на дворъ дома мачихи, то его удивили сборы къ отъѣзду. На дворѣ стоялъ не запряженный большой возокъ и четыре подводы. Лакеи и горничныя заваливали безъ конца возокъ и уже четверо полныхъ до верку саней. Любимица Парани, дѣвушка Улита, распорядилась. На его вопросъ Улита объяснила что господа собираются въ дорогу въ Оренбургъ.

— Оренбургъ? ахнулъ Андрей.—Ты спятила!

— Барышня по женихъ соскучилась, сказала Улита.—И не гадали, а вотъ собрались. Прасковья Алексѣевна что вздумается, такъ вынь, да положи. Хоть бы звѣздочку съ неба, и ту достань зубами.

— Ужь вотъ третій день пошелъ, все не управимся, замѣтилъ лакей Гаврило.

Андрей, изумляясь, поднялся на верхъ.

— А-а женишокъ! встрѣтила его Марѳа Петровна.— Зачѣмъ навѣстила? Другую вотчину что ли закладывать? А мы вишь съ дочкой въ Аренбургъ подъялись.

— Почто такъ? Зачѣмъ? Тамъ бунтъ вѣдь....

— Тамъ вишь всѣхъ дворянъ давятъ да вѣшаютъ, проищески заговорила Марѳа Петровна.— Ну стало намъ съ Параней туда и пора. Пугачева страцать! Боимся запоздаемъ, да пожалуй живы останемся.... Енераль-то московскій ѣдетъ завтра чтоль? Не вѣдаешь.... Ужь намъ бы съ нимъ за одно.... Коли и повѣсятъ, все охотѣе съ вельможей висѣть....

Параня прибѣжала веселая, румяная, улыбающаяся. Она напоминала ту Параню что когда-то тащовала мазурку на балу Бранта.

— Полно ты маму слушать! Мы къ Иванушкѣ. Генерала впередъ пустимъ. Онъ переловитъ всѣхъ злодѣевъ, мы за нимъ и пройдемъ.

— Да тогда и Иванъ можетъ вернуть.

— Молчи, молчи! Не сбивай маму, она и то все ворчитъ. Что право все Казань? Я совсѣмъ на нее и взирать не могу. Опостылѣло сидѣть противъ монастыря.... А тамъ новый годъ...

Андрей чрезъ нѣсколько времени объявилъ, прося покуда не разказывать, свой разрывъ съ Кречетовой. Параня пристально поглядѣла ему въ лицо и отошла молча, не найдя въ немъ слѣдовъ горя, а одинъ стыдъ самолюбивый; Марѳа Петровна ахнула.

— Ай да умница дѣвица! Насилу-то разкусила тебя. Ей-ей! А еще охаяла ее надъсь!

Андрей разсердился на этотъ разъ и вышло еще хуже. Марѳа Петровна убѣдительно стала ему доказывать:

— Тебѣ цѣны нѣту теперь, поелику ты и полунки не стоишь. Вспомни о Господѣ Богѣ, да о своемъ рожденъи дворянскомъ, ну и станешь на человѣка похожъ.

Въ Казани съ первымъ снѣгомъ разнеслась важная новость: прибытіе генерала Кара отъ арміи изъ Польши для усмирения бунта. Кромѣ того, была и новая не менѣ важная для Казанцевъ исторія. Комендатша Бѣлокопытова ѣздила къ генеральшѣ Сельцовой ругаться за сына и грозилась судомъ

Ей сказали что у Сельцовыхъ въ домѣ, Бартыкаева обозвала ея Разумника тыквой, а главное, нашла большое сходство между нимъ и буфетчикомъ его покойнаго отца комеданта. Къ самой Бартыкаевой вдовушка не поѣхала. Старуху многія боялись, ибо Лукерья Кузминшна Бартыкаева была вообще женщина умная и дерзкая.

Полу-Калмычка Бартыкаева отличалась тѣмъ что знала всѣхъ насквозь и умѣла держать въ должномъ почтеніи къ себѣ зная за каждымъ его грѣхъ, а также и чѣмъ кого взять. Относительно себя Лукерья Кузминшна была осторожна, соблюдала известную тайну въ своихъ житейскихъ обстоятельствахъ. Она была богата, женщина уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, но замѣчательно сохранившаяся и не совсемъ старуха, привычками и характеромъ. Она никогда не была замужемъ, но всѣ какъ-то забыли о томъ что Лукерья Кузминшна старая дѣвица и смотрѣли на нее какъ на вдову. До сорока лѣтъ холостой жизни, у Бартыкаевой водились грѣхи, но всегда все случавшееся прикрывалось такъ искусно, все было чинно, и наконецъ, въ случаѣ малѣйшаго слуха, улыбокъ и намековъ знакомыхъ, Лукерья Кузминшна становилась такъ надменная и непріязненная съ одними и такъ мила и услужлива для другихъ что черезъ мѣсяць уже все должно было кануть въ воду и всѣ горой стояли за нее, одни чтобы войти снова въ милость, другіе чтобы отплатить другу дружбой. Во время одной разгласившейся бѣды, всего лѣтъ восемь назадъ, Бартыкаева олять вышла суха изъ воды.

Вслѣдствіе нескромности одного пріѣзжаго, стараго друга ея Кречетова (родственника Дмитрія Дмитриевича, съ которымъ онъ не знался), Казанцы стали коситься. Пуще всѣхъ заговорилъ Ахлатскій, раскрывшій случайно прежнія продѣлки старухи-дѣвицы. Лукерья Кузминшна призвала его къ себѣ, разбранила, погрозилась ему судомъ за клевету и затѣмъ подарила тысячу рублей и красивую дворовую дѣвку изъ своихъ, а главное, прибавила:

— Ты, когда нужно что, Сила Титычъ, такъ приходи да скажи.

На другой день Ахлатскій жестоко побилъ одного своего родственника за дурныя рѣчи про добрейшую и почтеннѣйшую Лукерью Кузминшну.

Вслѣдствіе своей рѣзкости, Бартыкаева часто ссорилась со всѣми, но и мирилась часто. Таковъ впрочемъ былъ обычай

въ городѣ. Въ годъ раза четыре каждый членъ общества то особенно дружился, то вовсе не кланялся съ другимъ членомъ того же небольшого дворянскаго кружка.

Андрей Уздальскій и не обратилъ даже вниманія на важную новость и общую диковинку, то-есть на присутствіе въ Казани генерала Кара, и занятый отыскиваніемъ покупщика для Сокольскаго подумалъ повхаты къ Бартыкаевой. Старуха была всегда при деньгахъ.

Андрей засталъ ее, какъ всегда, одну, среди большаго дивана, съ работой въ рукахъ и съ вареньемъ на столѣ предъ ней, а кругомъ на стульяхъ и даже на скамеечкахъ, сидѣло до пятнадцати женщинъ приживалокъ, нахлѣбницъ, шутихъ, Калмычекъ и всякаго рода блюдолизовъ и скомороховъ.

„Вотъ звѣрье-то!“ подумалъ невольно Андрей, оглядывая уродливыя лица, желтыя, красныя, худыя, толстыя, испитыя, жирныя.

Бартыкаева при появленіи рѣдкаго гостя ахнула.

— А? здорово! Откуда слетѣлъ соколъ? Ну, садись!

Бартыкаева всѣмъ безъ исключенія говорила ты.

Андрей, отвѣтивъ кой-какъ на вопросъ о свадьбѣ, заговорилъ, чтобы поддѣлаться къ старухѣ, о Калмычатахъ, которыхъ будто бы ему обѣщали достать, и предложилъ подарить ей одного.

— Что Калмычаты! Чортъ ли въ нихъ! Въонъ у меня ихъ три, показала она на своихъ, сидѣвшихъ въ углу.—Да что проку? Вотъ я бы тебѣ въ ножки поклонилась кабы ты мнѣ парочку Киргизятъ досталъ. Злюки, говорятъ, страсть! Кусаются, говорилъ мнѣ Антиохъ Егорычъ... знаешь, Калоштавовъ, майоръ... Кусаются! чуть не съ восторгомъ повторила Бартыкаева.—Я у тебя въ долгу не останусь. У меня еще другое на умѣ. Мнѣ, видишь ли, изъ столицы, тихо и шепотомъ заговорила она,—обѣщали Арапа на мѣсяцъ въ подержанье прислать, отъ свѣтлѣйшаго князя. Я вотъ и хочу его тутъ съ моею Чувашенкой пристроить. Онъ-то черныи, пречерныи, а она-то бѣляночка, бѣлѣе нельзя быть. Вотъ я и надумала что изъ этого будетъ? А?

Уздальскій, прослушавъ всѣ соображенія Бартыкаевой про Арапа и Чувашенку, рѣшился наконецъ заговорить о продажѣ имѣнія.

— И женишься и продаешь? удивилась Лукерья Кузминичева.—Аль тебя Кречетона сбиваетъ въ столицу ѣхать жить.

Охъ, не давайся въ обманъ! А имѣннице славное, доушко золотое, да мѣъ не по деньгамъ. А вотъ людшекъ мѣъ надо. Взяла бы.

И Бартыкаева послѣ долгаго совѣщанія назвала Андрею одного купца Карманова который искалъ купить землю, а сама брала всѣхъ крестьянъ Сокольскаго на сводъ къ себѣ; деньги обѣщала хоть впередъ.

— Мы, бабы, хозяйничать не мастерицы. Намъ оброчниковъ давай!

Утромъ слѣдующаго дня толстый и рыжеватый купецъ подѣхалъ ко флигелю дома Уздальскихъ гдѣ Андрей всегда останавливался съ той поры что сталъ женихомъ и не имѣлъ своей квартиры.

— Яша, ты стулай! приказалъ купецъ кучеру.—Я лѣшкомъ верну. Ты заготовь все. Завтра съ зарей поѣдемъ на Чистололь.

— Ладно, отвѣчалъ Яшка Таковскій, вновь поступившій по найму къ Карманову кучеромъ.

Кармановъ окончателно уговорился съ Андреемъ и объявилъ что надо только посоветоваться съ братомъ и съѣздить въ Чистололь.

Не медля Андрей послалъ приказъ въ Сокольское, не смотря на зимнее время, поднять крестьянъ, отъ мала до велика, до послѣдняго ларнишки и съ прибавкой десятковъ двухъ дворовыхъ (для равнаго счета денегъ), всѣхъ перегнать въ подгородное имѣние гослужи Бартыкаевой, Самокатово.

— Тамъ до весны по избамъ размѣстятъ. Не мое дѣло, рѣшилъ Андрей.

Вѣсть о продажѣ Сокольскаго молніей прошаа по городу. Марѳа Петровна разохалась и все поздравляла Артему съ сумой. Казанцы, не знавшіе о разрывѣ съ Кречетовой, недоумѣвали какимъ образомъ женихъ, предъ свадьбой, продаетъ старинную вотчину которой владѣли еще его пращѣды.

Къ Андрею вслѣдъ за купцомъ явился Готлибъ Штейндорфъ съ предложеніемъ купить имѣніе, и условія его были выгоднѣе условій Карманова.

Андрей обѣщаль подумать и довольный, почти счастливый, отправился къ мачихѣ.

XV.

У Марѣы Петровны, сверхъ чаянiя, диванная была полна гостей. Хромой генераль Сельцевъ, самый отчаянный игрокъ въ фофаны и въ свиньи (но за деньги) и вообще картежникъ, мѣнявшійся въ лицѣ при видѣ картъ и даже при упоминаньи о нихъ, пріѣхаль съ женой, дочерью и племянникомъ, недавно прибывшимъ изъ Пензы. Бартыкаева, пріѣхавшая еще засвѣтло, сидѣла на срединѣ большаго дивана и учила Дарью Сельцеву новой работѣ, привезенной кѣмъ-то изъ Питера, которая называлась *глазодѣ*, и была нѣчто въ родѣ шитья или вазанья тамбурнымъ крючкомъ. Генераль Сельцевъ съ своимъ же племянникомъ игралъ въ фофаны вдвоемъ. Молодой Сельцевъ заглядывался на Параню, а дяденька пользовался и бралъ ставку за ставкой, каждая въ рубль ассигнаціями. Андрей подсѣлъ къ нимъ. Марѣа Петровна, съ своимъ вѣчнымъ чулкомъ, сидѣла у окна и пересмѣивалась съ новымъ другомъ, молодымъ Селимомъ, разнымъ штукамъ Парани, которая была въ этотъ вечеръ особенно въ духѣ. А въ духѣ была она отъ извѣстія вѣрнаго что генераль Каръ увѣзаетъ изъ Казани чрезъ два дня. Она уже недѣлю была занята исключительно однимъ московскимъ генераломъ и его отъѣздомъ. Десять разъ на день посыдала она узнавать когда генераль Каръ выѣдетъ.

— И что онъ тутъ застрялъ! сердилась она.—Пожалуй провозится здѣсь еще недѣлю, да недѣлю цѣлую проловить самозванца. Когда же мы-то попадемъ въ Оренбургъ?

Параня отъ скуки въ городѣ, за все послѣднее время, надумала это путешествіе, первое въ жизни, и горѣла теперь отъ нетерпѣнiя. Разумѣется не Оренбургъ, а еще менѣе князь Иванъ, манили ее, а тотъ огонь который жегъ ее и поуждалъ дѣвушку на что-нибудь особенное. Марѣа Петровна, видя какую перемѣну произвело въ Паранѣ ея согласіе на это путешествіе, даже рада была длинному пути по татарскимъ и калмыцкимъ деревнямъ и уметамъ.

„Парашокъ мой оживеть, Христочъ съ ней!“ думала она.

Объ одномъ только безпокоилась женщина. „Сказываютъ, говорили она, что въ Оренбургѣ тараканы кусаются на-смерть. Да вѣдь Иванушка же живъ и невредимъ живетъ тамъ который годъ. Богъ милостивъ и насъ не закусаетъ!“

Марея Петровна рада была еще потому уѣхать что у нея около самаго сада раздавалась теперь постоянная палъба.

— Это солдаты на монастырскомъ пустырѣ обучаютъ, сказала ей Парая, а равно доложили то же самое и люди, по приказу барышни, которой повиновались больше чѣмъ самой барышнѣ.

А между тѣмъ эти солдаты и обученье ихъ была выдумка Парани. Еще до мысли о путешествіи, не зная что надумать съ тоски, Парая придумала учиться стрѣлять изъ маленькаго пистолета. Оружіе достала ей и самъ заряжалъ, присутствуя всегда при стрѣльбѣ, Селимъ, новый ея фаворитъ, бывшій теперь такъ же часто какъ прежде бывалъ Янъ.

Вниманіе Парани къ Селиму повлияло на судьбу молодого Татарина. Онъ былъ уже съ недѣлю новокрещенецъ, бросилъ татарскій халатъ съ ермолкой разшитые шелками, немного развернулся и сталъ смѣлѣе. Онъ носилъ уже имя Дмитрія Селимова.

Молодой и красивый и съ порядочнымъ состояніемъ, Селимъ сразу попалъ въ выгодные женихи и началъ ухаживать за Дашей Сельцевой, для виду, но самъ чаще и чаще бывалъ у Уздальскихъ. Влюбленный болѣе чѣмъ когда-либо въ Парая, онъ въ тайнѣ надѣялся на успѣхъ несмотря на прежнее неудачное сватовство чрезъ Бѣлоколытову. Парая была съ нимъ любезнѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо, и теперь училась и начала немного говорить по-татарски, и любила все татарское какъ прошлымъ лѣтомъ любила все польское. На мысль учиться по-татарски навели ее слухи что Казиміръ Бжечинскій усердно учится тоже у одного муллы и не только по-татарски, по-калмыцки и по-мордовски. Учитель ея Селимъ, робкій съ ней до трусости, правился ей послѣ бойкаго, почти дерзкаго Яна. Вниманіе которое обратила Парая на Селима началось съ цѣлю отомстить лаву за его—всѣмъ уже извѣстную—серіозную привязанность къ Шерфе, которая жила у него и обожала новаго хозяина, добраго, не бывшаго ее, какъ часто случалось съ Андреемъ подѣ льяную руку. По-немногу Парая забыла и Яна и месть, а къ Селиму привыкла и онъ даже сталъ ей необходимъ для новой затѣи,

то-есть стрѣльбы въ цѣль. Мать видѣла только что Селимъ былъ у дочери на *побѣгушкахъ* и въ *разгонѣ*, какъ выражалась она. Марѳа Петровна замѣчала только ухаживанье Селима за Сельцевой и даже хлопотала въ разговорѣ съ генеральшей о томъ чтобы женить Селима на Дашѣ Бартыкаева, бывшая теперь часто у Уздальскихъ и сдружившаяся съ Марѳой Петровной, сначала старалась о томъ же и часто звала къ себѣ Сельцевыхъ и Селима, но скоро замѣтила въ кого влюбленъ новокрещенецъ.

Узнавъ въ этотъ вечеръ что въ городѣ готовится прощальный обѣдъ Кару и что онъ ѣдетъ, Параня цѣлый часъ пропрыгала по всему дому и только теперь при гостяхъ перемѣнила одну затѣю на другую.

Дѣвушка, несмотря на присутствіе этихъ гостей и даже одного новаго знакомаго, то-есть молодаго Сельцева, сидѣла поджавъ ноги на полу.

Предъ ней ходила, сидѣла и служила на заднихъ лапахъ, привезенная ей Селимомъ на вечеръ простая дворовая собака. Параня не отрывалась отъ новаго лохматаго друга.

— Бурлакъ! Бурлачокъ! Красавецъ! Голубчикъ! Золото мое неопыненное! перебирала Параня всѣ ласки какія только шли ей въ голову.

— Души я въ тебѣ не чаю! Лукерья Кузминшна, вы любите всѣхъ женить, сосватайте мнѣ Бурлака.

— Полно ты эдакая.... Страшница! шутя выговорила Бартыкаева.—И себя и меня срамишь. Нешто я собачья сваха? Вотъ калмычьею свахой прозвали меня по дѣломъ. Каюсь.

— Ужь и въ правду страшница! замѣтила и Марѳа Петровна.

— Мамка злока, не хочетъ Бурлака, разлучаетъ насъ. Да мы съ тобой, любимый мой, самокруткой повѣнчаемся! шелнула Параня на ухо собакѣ.

— Эка дѣвка! кралива! размѣялась генеральша.—Ей-ей, кралива.

— И откуда у нея все такое берется? спросилъ генераль не отрываясь отъ картъ.—Должно въ мать Варшавку выродилась.

— А ужь не маховьякая, замѣтилъ Андрей.—Пора бы ужь замужь.

Селимъ умиленно смотрѣлъ на Параню и на свою собаку и изрѣдка тихо хохоталъ въ руку, какъ Бѣлоколытова,

но съ тою разницею что комендантша закрывала свой большой ротъ изъ кокетства, а Селимъ изъ нѣжности и почтенія къ обществу.

— Другъ мой ты желанный! начала Параня совершенно серьезно.—Ты, сердечный, тараканъ залечный. Я тебя обожаю, и я тебя... сажаю; намъ на злюку-мамку неча зѣвать... Я ее на свадьбу... не буду звать... Ты мой красавецъ, а мамка злюка...—Параня залпулась не находя рѣшмы:—Ты любимый красавецъ, а они старыя крысы.

— И меня туда жь, отозвалась Бартыкаева.—Спасибо. Какъ же въ подполье-то пролѣзть телерь? хотѣла состричь старуха.

— И мнѣ то же надо, отозвалась Даша изъ подражанія.

Всѣ смѣялись, Параня, не обращая вниманія, даже не глядя ни на кого, обхватила смирно сидѣвшую собаку и начала ее обнимать и цѣловать въ гладкую морду около зубовъ.

— Что ты! что ты! встревожилась Марѳа Петровна.—Да ты, мать моя, съ ума спятила.

Мать моя всегда означало что Марѳа Петровна сердится.

— А что жь по вашему мнѣ жениха и лоцѣловать нельзя? серьезно выговорила Параня, и схвативъ собаку она душила ее въ своихъ объятіяхъ...

— Тебѣ я говорю! дочь! ну постой!—Марѳа Петровна сдѣлала жестъ что кладетъ чулокъ на столъ и собирается встать... Далѣе этого движенія никогда дѣло не доходило. Да и что жь могло быть, еслибъ она и встала? Даже въ дѣтствѣ Параня не получила отъ маичихи ни единого толчка.

Параня живо сѣла снова по-старому, и играя надула губки. Она покосилась на мать красивыми глазами и заворчала:

— Чѣмъ мой названный хуже инаго какого сморчка стараго, котораго силкомъ, изъ страха, милуй да цѣлуй дѣвдѣньской? И отвратно меломѣрно, а все цѣлуй. А то надѣнуть лосконную рубаху, да посадятъ въ чуланъ на хлѣбъ и на воду... А то и выпорютъ...

Всѣ снова разсмѣялись... Марѳа Петровна заливалась чуть не до слезъ и корила дочь:

— Эка вѣдь языкъ безъ костей! Когда же этакое съ тобой бывало?

— Голубчикъ... Укуси ты ее лоди за ногу. Сдѣлай милость, въ ножки поклонюсь.

Параня поклонилась въ ноги собакѣ, и та, играя, схватила ее за волосы.

Марѳа Петровна ахнула.

— Не тревожьтесь, Марѳа Петровна, отозвался Селимъ.— Она играетъ.

— Небойсь, меня не смѣнешь! А вотъ ты эту старую-то, за ноги... Голубчикъ! возьми ее! возьми! показала Параня пальцемъ на мать.

— Полно, что ты! испугалась Марѳа Петровна.

— Ва зы—зы!.. вззы! травила Параня.

Собака вдругъ вскочила, и прыгнувъ въ ту сторону жалобно тивкнула и завертѣла хвостомъ. Марѳа Петровна вскрикнула, выронила чулокъ и блѣдная закатилась на креслѣ.... Всѣ вскочили и бросились къ ней, но прежде всѣхъ Параня. Селимъ тащилъ собаку за хвостъ вонъ изъ горницы. Всѣ перелопошились.

— Мамочка, мамочка! кричала Параня обнимая мать.

— О-охъ! охъ! задыхалась Марѳа Петровна.

— Мамочка! прости, мамочка!—и Параня, уже дрожа всѣмъ тѣломъ, обхватила Марѳу Петровну и безъ конца цѣловала ея любѣзныя щеки.

— Вотъ и дошаладись, укоряла Бартыкаева.

— Охъ, какъ напугала!... шальная! Поди отъ меня. Поди прочь.

— Мамочка, прости. Ну, любей меня... Хорошенько!..

— Рубликъ серебряный ко лбу надо приложить и держать, совѣтывалъ Селимъ.

Марѳа Петровна понемногу успокоилась, но все еще тяжело дышала. Параня стала предъ ней на колѣни и взявъ ее за руку, стучала ею себя по головѣ, приговаривая:

— Шальная! вотъ тебѣ! Мало тебя бить, тебя надо на цѣль! Вотъ тебѣ, вотъ! вотъ! А то лалкой... За кого было еще замужъ собралась? За злодѣя! Онъ злодѣй! Пугачевъ!

Последнее слово удивило всѣхъ и всѣ только улыбнулись, будто недоумѣвая, смѣяться ли что собаку вдругъ назвали такъ.

— Простите меня, ваше превосходительство. Помилосердуйте! все еще на колѣняхъ приставала Параня, смѣясь и пискаиво растягивая слова,—ваше сіятельство. Простили? а?

— Простила, простила! Ну тебѣ! Пусти чулокъ-то... Пусти! Поди ты отъ меня.

— Нѣтъ, вы, ваше величество, засмѣйтесь.

— Пустя! Ну!—Марѳа Петровна отворачивалась усмѣхнулась.

— Засмѣялась, засмѣялась! весело закричала Параня, раздѣловада мать, и подъявшись на ноги прибавила басомъ и грозя пальцемъ:—То-то! Ты смотри у меня! Младшихъ почитать слѣдь!

XVI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прїѣзда генерала Кара, князь Черемисовъ давалъ большой обѣдъ въ его честь и звалъ къ себѣ весь крулный, чиновный и дворянскій людъ. Уздальскіе были приглашены, но Параня не любила званыхъ обѣдовъ и отговорила мать ѣхать.

— Диковинный заводъ—сзывать людей ѣсть вмѣстѣ! говорила она.

У князя собралось все то же общество что было у Бранта и только не доставало Ахмедъ-Измаила, который отговаривался отъ обѣда и обѣщался прїѣхать къ вечеру. Большинство конфедератовъ тоже собиралось быть на обѣдѣ, но губернаторъ извѣстилъ князя что генералу будетъ непріятно встрѣтить у него Потоцкаго и другихъ конфедератовъ которыхъ онъ могъ знать по войнѣ съ Польшей. Черемисовъ послалъ Ахлатскаго къ нимъ съ предувѣдомленіемъ и извиненіями.

Записка Потоцкаго въ которой онъ отъ лица всѣхъ отказывался отъ обѣда, обѣщаясь быть также ввечеру, повстрѣчалась съ Ахлатскимъ. Одинъ Казиміръ Бжечинскій былъ на лицо, но его Каръ не зналъ и могъ не замѣтить его маленькой, молчаливой фигуры.

На обѣдѣ были приглашены и *огурчики*, то-есть Штейндорфъ съ женой, чистенькіе, бѣленькіе и свѣженькіе, какъ всегда. Отъ фрау Амаліи Вильгельмовны несло на сажень кругомъ какими-то духами.

— Фу-ты, ну-ты! зажалъ носъ Ахлатскій при встрѣчѣ съ ней.—Зараза! Заживо духъ изъ себя пуцать стала.

Гостей было много. Всѣ толпились въ залѣ, тихо разговаривая и прислушиваясь къ подѣзду. Хозяинъ хлопоталъ и бѣгалъ къ подѣзду. Лакеи тоже, какъ будто оробѣвъ, толкались и кидались безъ смысла.

Въ углу залы сидѣлъ преосвященный Веніаминъ съ своими вѣчными собесѣдниками, стариками, въ числѣ которыхъ былъ и генераль-майоръ Неведь Кудрявцевъ.

— Чтò жь Каръ? говорилъ архіерей.— Эка лгица! Тоже чай изъ Нѣмцевъ. Въ Польшѣ-то? Да онъ тамъ ничего замѣчательнаго не произвелъ. Князь Рѣплинъ тамъ, Бибииковъ генераль-аншефъ. Вотъ тамошніе дѣльцы.

— То истинные вожди и полководцы! вступился старикъ Кудрявцевъ.— У насъ въ глуши лчитаніе всякому кто изъ столицы. Важнаго генерала не пошлютъ кисела ѣсть, чтобы Донскаго бѣглаго казака ловить. Да и срамъ тоже; шайка воровъ осаждаетъ большой городъ. Эдакое при моемъ императорѣ Великому не бывало. Начальство срамное тамъ. Вотъ чтò!

— Генерала Рейксдорпа и баба старая завоюетъ! замѣтилъ кто-то.

Наконецъ послышался шумъ и бѣготня людей въ передней. Черемисовъ бросился на встрѣчу. Черезъ минуту генераль Каръ медленно, вяло, немного согнувшись, словно больной или еще усталый отъ луги, вошелъ въ залу въ сопровожденіи губернатора и хозяина.

Каръ, наканунѣ познакомившись у Бранта съ нѣкоторыми изъ гостей, раскланялся мѣшковато, будто конфузясь отъ всеобщаго вниманія и любопытства. Поздоровавшись съ Кудрявцевымъ и съ Веніаминомъ, Каръ молча, сопровождаемый всѣми, прошелъ въ диванную. Тамъ были дамы и между ними Бартыкаева въ оранжевомъ атласномъ платьѣ. Она поднялась, опираясь на свой костыль, развязно раскланялась, и подсѣвъ къ Кару, заговорила безъ умолку объ его долгомъ луги, о своей петербургской и московской роднѣ, объ имѣніяхъ своихъ и наконецъ о ворѣ-душегубѣ.

— Мы васъ все лоджидали, ваше превосходительство. Избавьте насъ отъ вреднаго и убійственнаго бездѣльника Пугачева, начала она просить Кара, какъ еслибъ онъ никогда еще и не слыхалъ о самозванцѣ, а отчасти какъ о личномъ себѣ одолженіи.— Вѣдь онъ дерзаетъ давить дворянъ и офицеровъ. Поддьяно извѣстно сіе. Ей-ей не лгу, ваше превосходительство. Ну и опричь того возымѣлъ дерзостное и неприличное предпріятіе назваться именовъ...

— Да, да... какже.... Знаю!.. перебилъ Каръ оглядываясь. Думалъ ли онъ что это для Казани еще тайна (какъ въ

Москвѣ), или просто наскучило слушать сотый разъ то же самое.

— Вы будьте спокойны, зашептала Бартыкаева къ нему, — Я хотя и не удостоена губернаторомъ свѣдаться о сей государственной тайнѣ, но во всевѣднѣе молвить о семъ не дерзала. Уласи меня Боже! ломалась Бартыкаева ради зрителей и нарочно нагнулась и шептала: пусть всѣ видятъ что у нея съ московскимъ генераломъ даже до тайнъ дошла бесѣда, тогда какъ жены губернатора, товарища его и разныхъ председателей разныхъ палатъ и верхней земской расправы, всѣ глядѣли „буками“ на столичнаго гостя.

— Гляди! Лукерья-то наша! показывала Ахлатскій Уздальскому. — Что тебѣ баяный листъ!.. Такъ съ ней и на Пугачева пойдешь!.. Не отдерешь!..

Въ залѣ заиграда музыка, и хозяинъ сплелъ гостя отъ пришедшей къ нему Бартыкаевой, выведя Кара и Брата въ залу. Но здѣсь князь Черемисовъ вслыхнулъ отъ досады и стыда: Ахлатскій, пропустивъ рюмочку, закусывалъ пирогами, не дождавшись генераловъ. Онъ думалъ что услѣветъ, и залоздалъ. Однако никто этого не замѣтилъ, потому что Ахлатскій быстро отодвинулся отъ стола, руки по швамъ, и проглотивъ неразжеванный кусокъ едва не подавился. Лицо его налилось кровью и отъ удушенья и отъ смѣха который онъ едва сдерживалъ.

— Свинья же! тихо шепнулъ ему на ухо Черемисовъ, когда генералы, закусывая, застучали приборами.

— Князь! съ сыграннымъ достоинствомъ, тихо отозвался Ахлатскій. — Не ругайся — обидѣть можешь! — И онъ залился снова сильнымъ, внутреннимъ смѣхомъ.

— А, пошелъ ты! разсердился Черемисовъ, отходя къ гостямъ.

— Трудно ловить, говорилъ Каръ Веніамину. — Въ стелу трудно. А на битву не вызовешь. Ну да постарайся. Черезъ мѣсяцъ авось выѣду во-свои.

Сѣли зъ столъ... Обѣдъ былъ тяжелъ, давленъ и молчаливъ. Каръ подавалъ примѣръ. Онъ молчалъ и морщился, морщился и молчалъ.

Онъ какой-то хворый, думали многіе гости.

Вскорѣ послѣ обѣда, когда Каръ сидѣлъ окруженный всѣми въ диванной, и дѣливо, сонно тянулъ слова, толкуя о войнѣ Россіи съ Турціей, ему привесли пакетъ. Онъ отошелъ

къ окну и сталъ читать. Брантъ болталъ въ углу горницы съ другомъ своимъ Штейндорфомъ и съ его женой.

— Непремѣнно! говорилъ онъ по-нѣмецки. — И очень умно придумали вы.... Я вамъ это обещаю....

— Густавъ ужь разъ ѣздилъ въ Оренбургъ и вернулся. Теперь можно еще разъ, говорила Амаля Вильгельмовна, двигая своими длинными зубами, словно собираясь захватить губернатора и откусить у него что-нибудь.

— А теперь надо бы его послать съ болѣе важными дѣлами, говорилъ Готлибъ Христіановичъ. — Надо пользоваться беспорядками чтобы выслужиться. Другаго такого случая пожалуй никогда не дождешься въ нашемъ краѣ.

— Если нѣтъ только опасности, прибавила мать. — Жизнь дороже награды. О! Дороже, дороже!

— Можно стелю пробраться, сказалъ Брантъ. — Я сегодня же въ Оренбургъ пошлю Густава. Съ указомъ государыни о присылкѣ генерала Кара.... А вернется, мы ужь въ Петербургъ отправимъ его къ императрицѣ, съ хорошенькими вѣстами. Вотъ и награждать!

Огурчики просіали и стали благодарить, не стѣняясь гостями, ибо ихъ кромѣ Казимира никто не понималъ.

Каръ позвалъ Бранта къ окну и тихо сообщалъ ему полученную бумагу. Это было донесеніе симбирскаго коменданта Чернышева о томъ что онъ уже выслалъ къ Бугульмѣ стелю 170 гренадеръ, а самъ выступаетъ вслѣдъ за ними, напрямки подъ Оренбургъ, съ полуторатысячнымъ отрядомъ и съ артиллеріей.

— Это неразумно, сказалъ тихо Каръ. — Надо было здѣсь сборъ войску чинить и отсюда купно ловить бездѣльника.

— А генерала Фреймана все нѣтъ, сказалъ Брантъ.

— Нѣтъ! Авось подоспѣетъ и онъ. Да и этихъ довольно, право.

Гости коснулись на генераловъ и старались угадать по ихъ лицамъ въ чемъ дѣло. Одинъ только человекъ, сидѣвшій въ углу, разсыпалъ весь шлооть, — Казимиръ Бжечинскій.

Черезъ минуту Каръ отблагодарилъ Черемисова, раскланялся и уѣхалъ съ Брантомъ.

Общество повеселѣло и заговорило громче.

— Ну, съ нимъ животиковъ отъ смѣху надорвешь! замѣтилъ Ахлатскій про Кара. — Отецъ игумень, а не полковдецъ. Ей-Богу!

— И то правда, на монаха сбиваетъ, да еще на хвораго! прибавилъ Черемисовъ.

— Ну, огурчики вы мои, привязалась Бартыкаева къ Штейндорфамъ. — И вамъ домой пора. Вѣдь вы за губернаторомъ что куры за лѣтухомъ.

Штейндорфы покорно ухмыляясь старухѣ, которая ихъ всегда поѣдомъ ѣла, собрались тоже и исчезли. Карманы Амаліи были полнехоньки конфетъ и фруктовъ для дюжины ея дѣтокъ.

Одни увѣзжали, другіе подѣвзжали. Явились конфедераты, Ахметъ-Измаилъ и бывшій острожный смотритель, майоръ Колоштанъ. Пріѣхалъ и Разумникъ Бѣлоколытовъ и раскланиваясь обошелъ Бартыкаеву.

— А со мной стало не надо! замѣтила старуха.

— Мамаша не приказала, угрюмо отозвался Разумникъ. — Вы меня тыквой обругали 18го числа.

— Вретъ она! Буфетчикомъ назвала, а не тыквой! сказала Бартыкаева. — А буфетчикъ тотъ былъ красавецъ. Много краше... Вотъ хоть бы на прикладъ возьмемъ... Силы Татыча, подмигнула старуха, и кой-кто усмѣхнулся.

—

За отъѣздомъ Кара, главная тема толковъ и пересудовъ былъ разбойникъ и душегубъ, Донской казакъ. Шутки Черемисова самыя злыя валились на Емельку. Генеральша Сельцева, всегда молчаливая, рѣшилась сообщить тайну проса не разказывать.

— Это персидскій ханъ войной на Россію идетъ, объявида она.

Всѣ оторопѣли и изумились открытію.

— Зачѣмъ же ему не сказываться и именованіе Россійскаго государя присвоить? тихо урезонивалъ Сельцеву Уздальскій, сидѣвшій къ ней ближе.

— Какъ зачѣмъ, отцы мои? Чтобы все это подъ слудомъ содержано было, тихонько, чтобы въ Питерѣ ничто не слозалось. Вотъ оны, нѣтъ, нѣтъ, да и ахнетъ на насъ съ своими Персидами.

— Персиды? отозвалась Бартыкаева изъ своего угла.—Персиды-то—вотъ они! Свои! кровные! указала она на Ахлатскаго и на краснолицаго и курносаго Колоштана, родомъ Серба,

который недавно выйдя въ отставку втерся теперь въ общество и былъ уже подъ покровительствомъ Черемисова. У майора была цѣль—познакомиться ближе съ Параней.

Ахлатскій сталъ придумывать какъ казнить Емельку. Генералъ Сельцевъ предложилъ четвертовать....

— Эка надумааи, отозвался Ахлатскій.—Нѣту!... Потребно было бы такую казнь выискать чтобы не съ разу, а помаленьку бы изводить. Чуть-чуть плохо, не дышитъ, отлужи, отлужи, дай духу. А тамъ опять начинай, опять тащи изъ него душу-то. Чуть вытащилъ—опять отлужи.

— Мучить грѣхъ! замѣтилъ на это старикъ Кудравцевъ.— Достоинъ смерти, обезглавь, а не мучь.

— Да вѣдь при допросѣ на дыбки подымають же. Рвутъ кляццами вондри и клеймы раскаленнымъ желѣзомъ ставятъ!

— Что жь тутъ гожаго? Изувѣрство!

— Такъ по-вашему и пытать не слѣдъ?

Одни разсмѣялись, кой-кто отошелъ, словно не ожидая смысла отъ бесѣды.

— Стало Емельку теперь словать — ему не пытавши и рубить башку? спросилъ Ахлатскій съ удивленіемъ.

— А вы, панове, не слѣши... Еще треба словить, а тамъ и придумывай какъ казнить, замѣтилъ смѣясь Янъ Бжечивскій.

— Истинно есть! И словать. Прислала царица Кара, и будетъ Емелькѣ кара, сострилъ Черемисовъ.

Между тѣмъ приготовили нѣсколько карточныхъ столовъ, и гости окружили ихъ. Генерала Сельцева при колодѣ картъ всегда судорога корчила отъ нетерпѣнія. Онъ хромалъ по залѣ и волновался....

Черемисовъ приказалъ достать новую партію вина изъ погреба, потому что все уже было выпито.

Игроки разсаживались. Одинъ Колоштанъ еще любезничалъ съ Бартыкаевой и спрашивалъ отчего Уздальскихъ нѣтъ налицо. Майоръ ожидалъ встрѣтить Параню и даже готовился ко встрѣчѣ. Онъ былъ неизвѣстнаго и сомнительнаго происхожденія, пріѣхалъ въ Казань уже въ чинѣ капитанъ-поручика и касательно своего прошлаго упорно молчалъ, хотя не гаулый, но грубый и уродъ собой, воображалъ что можетъ понравиться Паранѣ, то-есть богатой приданницѣ.

„Они не умѣютъ взяться“, думалъ онъ про молодежь, „она верченая да безъ призора. Я ее такъ поведу что сама ста-

нетъ просить: женися... Свахѣ отказали, да еще насмѣхались. Вотъ погоди какъ я тебя сверну.“

— Антиохъ Егорычъ! Душа! Чего жь ты иночествуешь? Иди! раздался голосъ князя изъ залы.

Колоштанъ прекратилъ „сладости“ которыя наливвалъ богатой и себѣ-на-умѣ старухѣ Бартыкаевой и пошелъ въ залу гдѣ шумѣли игроки.

Янъ Бжечинскій и Потоцкій, и еще нѣсколько Поляковъ, рѣшили играть вмѣстѣ.

— Ну, хочешь, пане Ахлатскій, Русь бендзе Польску штурмоваць?

— Ладно. Князь, давай вмѣстѣ сговоримся пановъ щипать. Война! Я настоящей-то не отвѣдывалъ, ну а въ этой спуску конфедератамъ не дамъ. Желаешь вмѣстѣ?

— Добро. Мои деньги, а твои труды.

— Небось, деньги есть. Чего попрекать-то, а еще князь.

— Къ слову, къ слову. Не ломайся. Ну, начинай. Жги.

Игра началась. Князь Черемисовъ хозяйничалъ и угощалъ. Затѣмъ занялся исключительно внезапною мыслию какъ бы Разумника доложить до чертиковъ и свести къ матери, настроивъ его на какую-нибудь штуку. Изрѣдка подходилъ онъ къ Ахлатскому, окруженному молодежию, и говорилъ шутя:

— Жги! Чего на нихъ глядѣть. Ляхи они. Москву съ Гришкой вмѣстѣ у насъ отымали. Жги!

Черезъ часъ игра оживилась. Всѣ разгоряченные виномъ и картами громко кричали, шумѣли, слорили.

— Ну, что Россія? Какъ? полюболытствовалъ Черемисовъ придя изъ диванной.

— А ты, Россія, вотъ что.... Тащи еще. Все.... сожрали. Съ сатаной стакнулись ланы. Ничего не можно. Гляди загребли гору какую, отвѣчалъ слегка ольянѣвшій Ахлатскій.

— Вивать, Польска! кричалъ изрѣдка кто-то изъ конфедератовъ.

Скоро Россія проигралась въ пухъ и прахъ.

Въ числѣ прочихъ игралъ майоръ Колоштанъ, изрѣдка замѣнявшій конфедерата Туровскаго; онъ особенно обыгрывалъ Ахлатскаго; этотъ багровѣлъ отъ злости каждый разъ и все косился на майора. Въ диванной, между тѣмъ, вокругъ стола съ фруктами и орѣхами, леченьями и вареньями, водицами и наливками, сидѣли барыни и занимались.

— Будь ты не вдовый мужъ, будь ты съ женой, не сумѣла

бы жена твоя такъ радушничать какъ ты сіе смыслишь, хвалила пришедшаго Черемисова Лукерья Кузьминшна.

Они недавно подружились снова. Здѣсь же, поодаль отъ стола, сидѣлъ Уздальскій и перешелтывался съ Дашей Сельцевой. Дѣвушка, маленькая и полденькая, съ добрыми сѣрыми глазками и съ желтенькимъ бисеромъ веснушекъ на щекахъ, загорѣлыхъ еще отъ прошлаго лѣта, весело слушала болтовню Уздальскаго. Старухи замѣтили наконецъ молодежь.

— Полно, Дарья, заряды-то тратить на чужаго жениха. Прогоди, выѣшлась Бартыкаева.

— Я, Лукерья Кузьминшна, коли къ слову пришлось, нынѣ уже не женихъ Кречетовой, высказалъ Уздальскій въ первый разъ свою тайну.

Всѣ встрепенулись. Бартыкаева оперлась на костыль и собралась точно встать отъ удивленія. Прошла минута молчанія.

— Вреть! отрѣзала старуха обращаясь ко всѣмъ, и успокоилась.

Уздальскій объяснился. Всѣ слушали съ изумленіемъ, тѣмъ болѣе что слабый и самолюбивый малый не рѣшился сознаться въ настоящемъ отказѣ Милуши и свалилъ разрывъ на нѣчто такое чего онъ разказывать покуда не можетъ.

— Ну, а я хоть токмо по слухамъ знаю ее и въ жизнь не видала, а всегда сказывала, замѣтила Бартыкаева, — безлутная дѣвка. Вѣдь одинъ шельма Кустовъ читать училъ ее; такія книги они читали, сказывалъ мнѣ одинъ человѣчекъ, что съ первой, говоритъ, страницы, Лукерья Кузьминшна, духъ захватываетъ. Ну, вотъ тебѣ и обучилъ! закончила старуха показывая глазами на Уздальскаго, какъ будто тотъ разказалъ про Милушу что-нибудь ужасное.

Уздальскому стало больно и стыдно отъ этого суда. Онъ чувствовалъ что оклеветалъ еще недавно обожаемую Милушу. Оклеветалъ не сказавъ о ней ни слова дурнаго, а умолчавъ изъ самолюбія.

Черезъ пять минутъ одна изъ гостей встала и простилась.

„Ну, поидетъ трезвонъ по городу“, подумалъ Андрей, догадываясь что барыня слѣшитъ развести новость по Казани. Однако не прибавивъ ни слова которое могло бы очистить Милушу, Андрей снова сталъ любезничать съ Дашей.

На этотъ разъ генеральша изрѣдка поглядывала на дѣвushку и словно пріободряла ее взглядами.

„Почемъ знать гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, думалось матери.—Это почище новокрещенца Селима.“

Въ залѣ поднялся шумъ и крики, потомъ стукъ по столу.

— Убью, безмозглый! кричалъ хрипло Ахлатскій.

Барыни бросились къ дверямъ залы. У стола шла сумятица.

Ахлатскаго держали за руки и за платье. Онъ лѣзъ на майора, который опустил глаза и поблѣднѣвъ вертѣлъ въ рукахъ колоду и заикаясь объяснялъ что-то налѣзавшему и пьяному Ахлатскому. Со сдвинутаго стола упалъ шампанскъ съ горѣвшею евъчой и нѣсколько стакановъ вина. Куча денегъ и золота разсыпалась по полу. Потоцкій и Янъ Бжечинскій отошли прочь; первый что-то холодно объяснялъ, второй лжымалъ плечами. Черемисовъ уговаривалъ и мирилъ.

— Опять за драку! Вотъ они говорю Персиды-то! качала головой Бартыкаева стоя въ дверяхъ.—Охъ я бы ихъ! и она подняла свой костыль.—Экій озорникъ! Персидъ! Убить готовъ!

Въ эту минуту среди шума, говора и ругательствъ Ахлатскаго, подошелъ изъ кабинета къ столу, молча, сурово и не подымая глазъ, Казиміръ Бжечинскій. Всѣ обернулись къ нему. Онъ загребъ горстями со стола золото и подоидя къ большой отворенной форточкѣ, выбросилъ все въ окно.

— Молодца! крикнулъ Ахлатскій и полѣзъ обнимать Бжечинскаго.

— Вздравду—чортъ съ ними! Антиохъ все жь таки—лаутъ!

Нѣсколько холоповъ бросились изъ залы и съ гуломъ неслись на обгонки по лѣстницѣ и по двору въ садъ, куда выходило окно. Тамъ произошла на снѣгу драка, но разнимать было некому и чахоточнаго Архилку вынесли изъ сада уже на рукахъ и снесли въ людскую.

Общество и барыни разѣхались. Оставшіеся бросили карты, и занялись Разумникомъ, который, уже пьяный, прилегъ на диванъ и тяжело солѣлъ. Его растормошили, окружили, дали еще выпить. Онъ дико озирался кругомъ себя, шатался и молчалъ.

— Разумникъ! Ты ужь ночуй у меня! Увидятъ тебя такого, мать, отзвонить... сказалъ Черемисовъ.

— Не боюсь.... Самъ отзвоню, проспѣлъ Разумникъ.

— Ну молодецъ! Давай еще!

— От-зво-ню! заоралъ снова гимназистъ на всю залу, но

совершенно безсознательно и не шевелясь. Однако через полчаса Разумникъ вдругъ разходился подъ шутки и хохотъ пьяныхъ гостей. Его какъ-то дергало. Изрѣдка онъ начиналъ хохотать или взвизгивалъ и вскрикивалъ безъ смысла.

— Давай качать Разумника!

Всѣ бросились на новую затѣю. Разумникъ дико кричалъ и рвался, но его только выше взбрасывали. Онъ молчалъ. Когда его при дружномъ хохотѣ и общей усталости поставили на ноги, двадцати-лѣтній сильный малый зарыдалъ и скрежеща зубами бросился на всѣхъ съ кулаками. Первый полавшійся, Колоштанъ, растянулся подъ его кулакомъ не ликнувъ. Ахлатскій тоже клюнулъ землю. Пошла сумятица. Всѣ съ хохотомъ бѣгали отъ Разумника по залу, только улавшій майоръ сидѣлъ среди пола отуманенный ударомъ. Ахметъ Исмаиль ушелъ и спрятался въ кабинетъ князя. Черемисову досталось въ спину, и онъ ткнулся объ шкафъ.

— Ахъ сатана! вскрикнулъ онъ отъ боли.— Ей люди! люди! Лови! Вяжи! Люди бросились подъ сылавшіеся удары.

Раскидавъ троихъ какъ мячи, Разумникъ осовѣлъ и началъ тихо рыдать, безумно озираясь на всѣхъ. Его облили водой. Вышло еще хуже. Малый дрожалъ всѣмъ тѣломъ и ревелъ какъ быкъ.

— Ишь что вышло! Пошелъ кто-нибудь на конюшню, приказалъ Черемисовъ.— Дослать коннаго къ Осилу Кесарычу. Просить ко мнѣ. Живо!

Гости захотѣли дождаться доктора и разлеглись по всѣмъ горницамъ по диванамъ. Джули пріѣхалъ среди ночи, оглядѣвъ полусоннаго больного, замѣтилъ признаки начинавшейся горячки и уговорилъ тихо и ласково ѣхать домой. Голосъ Джули успокоилъ малаго, и онъ повиновался медику безпрекословно, но все-таки безсознательно. Медикъ увезъ его къ матери, которая приказала благодарить Черемисова и обѣщала отплатить.

Гости и хозяинъ разувѣтся не проснулись при посѣщеніи Джули, только одинъ Исмаиль-Бей всталъ ночью съ дивана въ кабинетъ Черемисова и вздумалъ собраться домой, но пробродилъ ночью по темному дому, между крѣлко спящими гостями и лакеями и убѣдясь изъ окна что всѣ экипажи гостей отправлены вѣрно по домамъ, онъ поневолѣ вернулся и охая легъ олять. Ахметъ-Исмаиль чувствовалъ себя дурно.

XVII.

Въ десять часовъ всѣ стали подниматься съ распухшими лицами и головною болью, и разспрашивали людей про доктора и гимназиста: какъ и что?

Черезъ часъ компанія, умывшись, снова была въ духѣ, князь веселѣе чѣмъ когда-либо, и рѣшено было единогласно продолжать праздновать прїездъ московскаго генерала снова и до вечера. Ночевавшіе начали съ завтрака. Послали за конфедератами, славшими у себя. Кой-кто изъ вчерашнихъ снова явились, узнавъ о продолженіи пиршества.

Одинъ только человекъ былъ по утру бельмомъ на глазу у всѣхъ, и особенно у Черемисова,—Сила Ахлатскій. Онъ былъ угрюмъ, скученъ и наконецъ объявивъ князю причину: онъ вспомнилъ что два его заимодавца хотѣли жаловаться на него въ столицу и что одинъ изъ нихъ имѣетъ покровителей. А послѣдній срокъ завтра и дѣло можетъ быть плохо.

— Вчера думалъ въ карты сорву. Нѣтъ! Послѣднее случилось.

— Сколько тебѣ? хотѣлъ веселый Черемисовъ кулить веселье и для Ахлатскаго, чтобы не портилъ онъ ему веселаго дня..

— У тебя нѣту. Не наберешь. А мнѣ сказано подавай тотчасъ, а то худо будетъ. Это, братецъ мой, не сотня рублей и не тысяча... Это старый долгища — во какой! Чортъ его возьми! Пятнадцать тысячъ!

— Нѣту, родимый. Чего нѣту, нѣту! сожалѣлъ Черемисовъ.—Обождаль бы мѣсяцъ. Досталъ бы другу. Ну, а твоя, что жь? Груша-то?

Ахлатскій махнулъ рукой.

— Телерь изъ-за Разумника—и не подходи. То-то и бѣда!..

Завтракъ затянулся.... Снова началась лопойка, явились карты. Наконецъ подъѣхалъ Андрей Уздальскій, прямо отъ Бартыкаевой, съ деньгами въ карманѣ. Старуха, боясь чтобы онъ не передумалъ и въ то же время довѣряя ему, отдала всѣ деньги до полнаго окончанія покупки болѣе сотни семействъ. Андрей не утерпѣлъ и лохвасталъ кушемъ въ восемь тысячъ, а за тѣмъ вскорѣ же сѣлъ играть.

Черезъ часа два въ передней дома была свалка. Пять человекъ не лускали Турка, который съ утра просился домой, грустно показывая на дверь и махая рукой въ сторону города гдѣ была его квартира. Ахметъ-Измаилъ говорилъ что-то умоляющимъ голосомъ, показывая на голову и на желудокъ, но за отсутствиемъ не пришедшаго Казимира никто не зналъ, что онъ болтаетъ и рѣшено было единогласно:

— Турка все врать и не лускать его, разбойника! Не петь, не играть, такъ ништо ему, сиди!

Между тѣмъ въ одномъ углу залы сидѣлъ уже смущенный и раздосадованный Андрей, быстро проигравшій всѣ свои восемь тысячъ наличныхъ конфедерату Туровскому и оставшійся еще ему въ долгу на три тысячи. Онъ злобно прислушивался къ спору нѣсколькихъ человекъ о лошадахъ и о верховой ѣздѣ.

— Ну и трусь! Стало трусь! кричалъ Ахлатскій.—А то конь—корова!

— Не можно! говорилъ холодно Туровскій.—Чудомъ только можно....

— Враки! Враки! Я не лихой ѣздокъ! А я вамъ на Черногривѣ Улуса Андреевича на лѣстницу въѣду и съѣду, по забору проѣду.... Кой чортъ! Вонъ туда къ кресту въѣду! указалъ Ахлатскій въ окно, гдѣ за садомъ видѣлась строящаяся колокольня, окруженная еще лѣсами....

— Это что! сказалъ Янъ Бжечинскій, лихой наѣздникъ: — до перваго яруса и я поѣду, только не теперь по гололедицѣ.

— До креста въѣду! крикнулъ Ахлатскій почти машинально, и думая все о своемъ лятнадцати-тысячномъ долгѣ.

— По доскѣ? разсмѣялся Туровскій.

— По доскѣ!! Хоть по жердочкѣ....

— Вы вѣдь, ланъ Ахлатскій, предѣла не имѣете, когда спорите, холодно сказалъ Туровскій отходя.

— Чего? вдругъ взбѣсилъ Ахлатскій.—Объ закладъ пойду.

— Ну да.... Вотъ и объ закладъ! Смотрите—какъ разъ кто за слово ухватится и осрамить!

— Чего? Такъ идетъ же, ланъ, объ закладъ бьюсь.

— Ну вотъ! Все то враки.

— Ага! На полятаый. Ну такъ и не говори, ланъ, что я вру. Я скажу что ты врешь.

— Я не отступлюсь.. Извольте, холодно вымогивалъ Туровскій.— Давайте на что угодно?

— Да вотъ на твои выигранные съ Уздальскаго да еще... семь добавь. А за меньшее не поѣду, шалишь! Улусъ Андреевичъ, ты за меня поручишься на пятнадцать тысячъ лану... крикнулъ Ахлатскій черезъ залу.

— А то вѣтъ! Ручаюсь, золотой мой. Въ чемъ дѣло-то?

— Туровскій соглашается со мной на закладъ въ десять тысячъ.

— Добре! Идетъ, сказалъ Ахлатскій.

Кучка окружила давно спорящихъ и теперь всѣ, узнавъ въ чемъ дѣло, уговаривали Ахлатскаго не затѣвать пустяковины.

— Князь, укажи сѣдлать своего Черногрива! Докажи дружбу. Переломая ему ноги—прости. А я вамъ покажу, прибавилъ Ахлатскій конфедерату.— Когда я что сказываю, такъ и я предѣлъ истинѣ и вракамъ знаю, а не безъ мѣры, сирѣчь, не зря вру. Денежки-то, ланъ, приготовь.

— Не дури, Сила! отозвалъ князь въ сторону друга.— Я тебѣ и такъ денегъ найду завтра. Вотъ тебѣ Богъ найду. А то вѣдь гляди, ты себѣ шею свертишь, а я тѣ же деньги отдамъ потомъ. Ужь луцдай отдамъ, да ты живъ будешь. Такъ ли, другъ?

— Я ему докажу. Что мнѣ деньги? закричалъ Ахлатскій.— Не изъ-за денегъ поѣду.... А ланы вишь что.... Ужь не впервой ланы насъ всѣ хаютъ. И трусы мы, и медвѣди.... Ну вотъ я и покажу....

— Про трусость не было рѣчи! замѣтилъ Туровскій.— А говорили еденъ разъ про ученость....

— Ну ладно! заоралъ Ахлатскій.— Пускай-ко нынѣ ученый какой изъ вашихъ за мной сѣздитъ. Увидимъ какъ ученость-то его—турмана изобразить.

Вся кучка гостей, бросивъ карты, литье и ѣду, двинулась шумно въ прихожую и одѣвалась весело, радуясь новой затѣвѣ. Слухъ о томъ что Сила Титычъ поѣдетъ верхомъ на княжесъ Черногривѣ ко кресту новой колокольни уже дошелъ до людскихъ; оттуда махнулъ на улицу и пустился по городу оставаясь прохожихъ.

Скоро добѣжалъ слухъ и до комендантши: она обомлѣла и не знала что ей дѣлать. Она любила Ахлатскаго, то-есть крѣпко привыкла къ нему. Красивая вдовушка залилась

слезами и быстро собравшись поѣхала жаловаться Бранту и просить не позволять „смертельной“ затѣи. Брантъ немедленно велѣлъ закладывать лошадей.

Къ Уздальскимъ прискакалъ Андрей и разказалъ все. Параня встреленулась и бросилась къ матери.

— Мамочка! Поѣдемъ! Скорѣе! Умру если не поѣдемъ....

Марѳа Петровна рѣшительно отказалась ѣхать на „смертоубійство“.

— И такъ ихъ посмотримся путемъ-дорогою.

Параня отпросилась къ Сельцевымъ, но Андрей ее ждалъ по уговору за дворомъ, и они быстро поѣхали къ церкви. Параня осталась въ экипажѣ на углу улицы. Андрей вышелъ на площадь.

Тамъ, среди небольшой площади, были уже всѣ въ сборѣ окружая Черемисова, Ахлатскаго и приведеннаго конюхами Черногрива.

Великолѣпный вороной конь не стоялъ, вертѣлся на легкомъ морозѣ и переминаясь на мѣстѣ граціозно подгибалъ тонкія ноги. Ахлатскій молча, но съ замѣтнымъ волненіемъ на раслушемъ лицѣ, оглядывался на площадь, гдѣ собиралась бѣгомъ толпа и ожидала чего-то диковианнаго.

— Чтой-то? слышались голоса.

— Пожаръ должно!

— Нѣту! Гдѣ жь? Не видать!

— Ну стало бьются! Драка!

— Лулка, братцы, лулка! прямо рѣшили нѣкоторые еще только выѣгая изъ переулковъ.

— Софронъ, не лѣзь, мотри, убѣждалъ одинъ мѣщанивъ товарища.—Зачѣмъ въ чужу драку лазать? А то я тебя знаю.

— Никакъ ужъ и отдралися! сожалѣлъ на бѣгу Софронъ, видя что кучка съ конемъ двинулась.

Черемисовъ, боясь за друга и отчасти за лошадь, уговаривалъ Ахлатскаго взять клячу. Другіе приставали съ тѣмъ же, но Ахлатскій клялся что на клячѣ убьется хуже, и Янъ Бжечинскій былъ того же мнѣнія. Всѣ двинулись ближе къ колокольнѣ, а на площадь выѣхало нѣсколько экипажей и въ томъ числѣ желтый возокъ Бранта.

— Губернаторъ! Генералъ! Яковъ Ивановичъ! прошло въ толпѣ.

Брантъ остановился на краю улицы и приказалъ позвать къ себѣ князя Черемисова и Ахлатскаго.

— Эхъ возбранить! Обидно! догадалась толпа, уже знавшая какую затѣю надо ждать.

— И хорошо, замѣтилъ только одинъ сѣдобородый.—Грѣхъ только.... Эдакъ-то вотъ богопротивный царь Иудейскій во храмъ на конѣ вѣхалъ, ему что за это было? Ангелъ Господень съ кнутомъ явленъ ему былъ.... И отодралъ его. Грѣхъ храмы Божіи позорить.

Ахлатскій пошелъ и увѣрилъ Бранта что онъ не повѣдетъ, что это обманъ, и услокоенный губернаторъ увѣхалъ считая неприличнымъ званію своему оставаться на площади.

„Пожалуй Каръ донесетъ еще императрицѣ что у насъ творитъ дворянство.... съ заложью“, думалъ онъ.

Ахлатскій вернулся, объявилъ что надулъ губернатора, а коли останется живъ, то боится высылки изъ города, а то и суда.

Черемисовъ снова сталъ уговаривать друга:—Вѣдь пошлютъ, братецъ, жить въ Стерлитамакъ, не весело будетъ.

— Эка досада! Смутилъ духъ онъ мнѣ! сказала Ахлатскій, боявшійся высылки изъ города и одинокой жизни лучше колокольни и несчастья.

Нѣсколько человѣкъ изъ гостей Черемисова пошли оглядѣть лѣса до верху. Колокольня, изъ самыхъ высокихъ въ городѣ, только-что достроилась и была въ лѣсахъ и балкахъ. За недѣлю предъ тѣмъ встали крестъ до верху и начали ставить, во выпавшій вдругъ снѣгъ и наступившая зима помѣшали работамъ, и крестъ обмотанный на зиму былъ положенъ на круглой площадкѣ, касаясь однимъ концомъ углубленія гдѣ долженствовалъ быть укрѣпленъ, а другимъ концомъ торчалъ въ воздухъ, свѣшиваясь надъ лустотой. Отъ земли шли какъ всегда лѣса, и помость обходилъ три раза кругомъ зданія. На самомъ верху, уже выше тѣхъ арокъ гдѣ мѣсто для колоколовъ, прямо поднимался съ третьяго яруса къ шпигу помость, горкой лежа на куполѣ. Сколоченный изъ досокъ съ перекладинами, вмѣсто ступеней, помость былъ довольно крутъ, въ два аршина шириной и не огороженъ ничѣмъ.

Конфедераты, Андрей и Колоштанъ нашли и первый ярусъ уже опаснымъ, по той причинѣ что два дня краду оттепель, а затѣмъ морозъ, обледѣли доски. Измаилъ-Бей (котораго насильно таскали до верху) все время что спускался внизъ вѣхалъ какъ на лыжахъ и два раза упалъ. Туровскій предло-

жилъ все отложить до завтра, говоря что все равно въ какой день исполнить закладъ, и что опасность отъ обледенѣлыхъ лѣсовъ въ расчетъ не входила. Ахлатскій, не захотѣвшій идти свидѣтельствовать, началъ внутренно колебаться, но глянувъ на площадь усѣянную народомъ вымолвилъ:

— Сила Ахлатскій сказалъ что поѣдетъ! Будь тамъ не токмо ледъ, а хоть теки сама Волга матушка... Ну, подавай Черногрива!... Что, голубчикъ?... И не чаешь, небось, какой променаадъ будетъ? А вѣдь вся сила не въ Силѣ, а въ Черногривѣ...

Конь залпыгалъ, и два конюха держали его изо всей силы. Едва былъ Ахлатскій въ сѣдлѣ при водворившемся молчаніи, надъ головой его раздалось хрипливое карканье десятковъ воронъ летавшихъ и прыгавшихъ по балкамъ. Все общество замѣтило это и суетливо глянуло на верхъ.

— Охъ! не гоже. Пригѣта препоганая! вымолвилъ майоръ Колоштанъ.—Я бы тотчасъ слѣзъ, хоть убей!

— Tiens! Les corbeaux prophétisent chez vous autres? усмѣхнулся Дюваль.

— А я вотъ тебя бы, воиставу, за это слово убилъ, обернулся Ахлатскій къ майору, мѣняясь въ лицѣ.—Самъ ты ворона проклятая каркаешь. Тѣфу, анаеема!

Ахлатскій взялъ тихонько лѣвъ у конюха, и пряча ее отъ лошади, двинулся къ началу подвига.

— Улусъ Андреевичъ, обернулся онъ къ князю.—Помни другъ, ради своего грѣшнаго тѣла коня жалѣть не буду... Пушай ужь лучше конь, чѣмъ я... Хоть и тысячный...

— Вѣстимо, родной. А то вѣтъ! взволнованнымъ голосомъ отозвался Черемисовъ и прибавилъ:—эхъ, затѣвалъ!

— Коли ужь конь, продолжалъ Ахлатскій Туровскому,—ноги поломаешь и приду лѣшкомъ, то проигралъ я, а то скажете: нарочито, молъ, коня испортилъ. Ну простите, родимые, не ломайте лихомъ!

Раздались громкіе и звонкіе удары копытъ по доскамъ, лошадь, наостривъ уши, приглядывалась и фыркала, осторожно и медленно ступая на помость. Ахлатскій снялъ шалку, перекрестился, потомъ взглянулъ уже съ высоты болѣе сажени на толпу и махнулъ шалкой народу.

— Ого-го-го!!! заголосили на площади.—Богъ милостивъ! Молодца! Не зѣвай, баринъ! раздались отдѣльные крики.

Ахлатскій сталъ тихо подвигаться, мелькая между толстыми

балками и придерживаясь къ лѣвой сторонѣ, то-есть къ зданію. Ноги лошади часто скользили, когда не попадали на перекладины, а ступали на гладкія доски, блестяція отъ льдинокъ.

Публика отошла немного отъ колокольни, чтобъ было виднѣе, и поднявъ головы слѣдила за всадникомъ. Черезъ минуту выйдя изъ положенія профиля, лошадь и человѣкъ превратились въ высокую сплошную фигуру, рисовавшуюся отчетливо на небѣ, и заворотивъ пропали за колокольней....

— Ничего.... Проведетъ, сказалъ Дюваль, увѣряя что онъ въ Парижѣ видѣлъ сто разъ подобную штуку. — *Cela paraît difficile ...*

— *Тон cousin, le vicomte l'a fait, n'est ce pas?* насмѣшливо спросилъ Янъ.

— Третій ярусъ труденъ! Замѣтилъ Туровскій.

— А у креста и пѣшкомъ жутко подниматься, прибавилъ Андрей.

— Главное спуститься потомъ, замѣтилъ Янъ.

— Да онъ можетъ отъ креста спуститься напрямку, злобно разсмѣялся обруганный Колоштанъ.

Также медленно и осторожно двигаясь, появился всадникъ съ лѣвой стороны и уже вѣхалъ почти на половину высоты колокольни. Лошадь скользила чаще, потому что подъемъ былъ круче. Странно было глядѣть на высокое животное, все на виду на этой высотѣ, отъ головы до копытъ.

Скоро Ахлатскій снова рисовался на небѣ, но только до половины укрытый подъемомъ со втораго яруса на третій. На поворотѣ лошадь вдругъ на одномъ мѣстѣ скользнула, справилась и опять скользнула, ерзая по доскамъ и вдругъ бросилась прыжкомъ и исчезла въ дѣсахъ и балкахъ.

— Ударилъ! ударилъ! крикнуло нѣсколько голосовъ заразъ, и глубокое молчаніе снова было на площади; всѣ тихо, прислушиваясь, не отрываясь глядѣли на послѣдній ярусъ, который проходя по зданію мимо арокъ примыкалъ къ помосту лежавшему на куполѣ. Этотъ помостъ фасомъ къ публикѣ виденъ былъ какъ на ладони.... Два, три раза слышался дробный стукъ, и по звуку можно было догадаться что лошадь скользитъ.

Вдругъ раздался сильный трескъ и гулъ и пролетѣло это по площади. Въ ту же минуту выскакалъ всадникъ по

третьему ярусу... но сталъ придерживать все скользящую лошадь, свелъ на шагъ и наконецъ остановилъ совсѣмъ....

— Умница! Отдохнуть дастъ. Тамъ, я видѣлъ, есть большой обрубокъ на доскахъ. Добже! сказалъ Янъ, слѣдившій пристальнѣе всѣхъ за всякимъ движеніемъ Ахлатскаго.—Теперь одно токи: скорѣе!... Шагомъ не выѣдетъ.... Тамъ бѣда, свѣту нѣтъ совсѣмъ, сдуло вѣрно вѣтромъ.... Но какъ съѣдетъ?

— А что? глухо спросилъ Черемисовъ, все время молчаливый какъ убитый.

— Какъ съѣдетъ? Особливо съ верхней горки съ прямой... Вѣдь какъ на рѣкѣ.... И зачѣмъ это позволили? отчаянно вымолвилъ Янъ.—Это глупо!

— Вотъ! Вотъ! Во!... раздался голоса.

Ахлатскій очевидно собирался и прилаживался. Онъ шалонулся въ сѣдлѣ, сбросивъ съ ногъ стремяна и подобравъ поводья въ одну руку, завернулъ чуть-чуть голову лошади къ стѣнѣ и наконецъ взмахнулъ плетью.... Конь взвился съ мѣста какъ укушенный и полетѣлъ, но неправильнымъ скачкомъ, а какими-то отрывистыми, отдѣленными прыжками и часто падая на переднія ноги.... Доска грохотала, и казалось на весь городъ летѣлъ гулъ.... Прискакавъ къ краю горки, Ахлатскій началъ нещадно хлестать коня и съ грохотомъ и трескомъ взлетѣлъ до креста.... Свѣжая пыль вилась вокругъ него, соръ, щелки и куски досокъ полетѣли внизъ и защекали по площади.

— У-ухъ! раздалось всюду и дружный крикъ приветствовалъ верховую фигуру которая отчетливо и красиво рисовалась среди чистаго неба на обнаженной оконечности колокольни.

— Молодецъ! ого! молодчина! кричали и махали въ народѣ шалками.

— Половина готова! сказалъ Туровскій.

— Какъ онъ съѣдетъ? отозвался Янъ.—Не половина, а только начало логической дѣла!

Конь и человѣкъ стояли недвижимо, около нихъ виднѣлось въ воздухѣ что-то легкое, прозрачное какъ дымокъ....

— Да это ларь валить. Отъ коня ларь! Вотъ улечь-то!

Наконецъ конь и человѣкъ шевельнулись и двинулись по верхушкѣ, очевидно объѣзжая углубленіе въ куполѣ. Не имѣя возможности повернуться, всадникъ на этой высотѣ перепрыгнулъ черезъ лежавшій полперекъ крестъ обмотанный въ

рогожи и снова приблизился къ прямолежавшему наклонному помосту.... Съ перваго шага, ноги лошади скользнули, она съѣла назадъ и съѣхала аршина на два. Паръ валялъ отъ нея столбомъ. Лошадь приподнялась на секунду, и опять заднія ноги подѣхали подъ животъ, и она уже казалась ложилась на бокъ. Ахлатскій круто повернулъ, ударилъ плетью, и конь очутился задомъ напередъ.... Началась пытка. Всадникъ бился на одномъ мѣстѣ и вертѣлся на полу-горкѣ; то, скользя, спускался какъ на лыжахъ, то, при ожидаемомъ паденіи лошади, стегалъ ее, и снова, прыжкомъ впередъ, удерживалъ ее на ногахъ, но за то поднимался выше. Гробовое молчанье царило надъ площадью. Всѣ затаивъ дыханіе ожидали конца этому слуску. То передомъ, то бокомъ, то задомъ, изворачивалась лошадь подъ ударами плети и вдругъ будто въ изнеможеніи легла на животъ, противъ воли скользнула внизъ и достигла края верхняго яруса, круто заворачивавшаго влѣво вдоль стѣны.... Изъ всей мочи, казалась, ударилъ ее и дернулъ Ахлатскій уже у самаго края. Шалка свалилась съ него и прыгнувъ по доскѣ полетѣла на площадь. Ахлатскій повернулъ лошадь задомъ напередъ и сталъ лаять по верхнему ярусу, стегая и двигаясь прыжками впередъ, при каждомъ недолгомъ движеніи лошади.

— Вивать! добже! молодець! крикнулъ Янъ...—Такъ съѣдетъ! Хорошо съѣдетъ! Пана Туровски! проигралъ...

И оба конфедерата заспорили. Туровскій увѣрялъ что это еще опаснѣе, и что лошадь можетъ опрокинуться.

Ахлатскій спускался по верхнему ярусу болѣе получаса, но достигъ края и повернулъ лошадь головой впередъ.

— Конецъ, слава Богу! вскрикнулъ Черемисовъ.—Коли тамъ съѣхалъ, то пріѣдетъ живъ...

— А какову штуку придумалъ? А? задомъ! восклицалъ Андрей.

— Онъ спятилъ, вотъ чтò! сострилъ Черемисовъ.

Дюваль сталъ божиться одному изъ Поляковъ: *je vous le ferais trois fois de suite!* Бжечинскій горячо доказывалъ что при сильномъ наклонѣ, когда лошадь скользитъ назадъ, то ее, прыжкомъ впередъ, можно всегда удержать, а скользя головой впередъ, она не можетъ отпрыгнуть назадъ чтобъ удержаться на ногахъ.

Бойко пройдя два остальные яруса, Ахлатскій съѣхалъ на площадь. Черногривъ сталъ изъ воронаго сѣрый, отъ ку-

сковъ пѣвы и мыла, ларъ валилъ клубами, и лошадь дрожала всѣмъ тѣломъ...

При крикахъ и въ тѣснотѣ нахлынувшаго народа, Ахлатскій, посинѣлый, молчалъ и не сѣзая съ лошади, казалось не слыша и не видя происходящаго кругомъ.

— Подними ногу, перебрось! сквозь стиснутые зубы, вымолвилъ онъ конюху...

Его сняли какъ маленькаго съ сѣдла и поставили на ноги.

— Окостенѣлъ что ль? сказалъ Черемисовъ.

Ахлатскій кивнулъ головой и началъ двигать ногами и руками и тереть обнаженную голову, и наконецъ выговорилъ:

— Ну... не буду.... закаюсь!... Въ баню! въ баню!

— Дѣло! Мы всѣ за тобой.

И вся кучка, при крикахъ и хохотѣ народа, въ тѣснотѣ двинулась къ санямъ...

— Молодца! молодца! кричали всѣ при проходѣ Ахлатскаго. Одинъ Дюваль пожималъ плечами:—la grande affaire?!

— Конь молодецъ, а не я, крикнулъ Ахлатскій.

Гости гурьбой вернулись къ Черемисову. Баня въ его домѣ оказалась не топленою.

— Олухи! Убью! кричалъ князь.—Пошелъ по сосѣдямъ у кого топлена. Скажи, князь де Улусъ Андреевичъ честь дѣлаетъ, просить вымыться съ господами дворянами, конфедератами и съ турецкимъ генераломъ. Пошелъ!

Въ залѣ гости распорядились уже, лили здоровье Ахлатскаго. Туровскій отсчитывалъ деньги. Ахлатскій, все еще замерзшій, изрѣдка вздрагивалъ и говорилъ:

— Не захворать бы. Башку-то ознобилъ сильно... Смерть была во!.. Пустота! А тамъ, далече дома, люди, снѣгъ! А ты словно птица въ небѣ. Не дай Богъ!..

— Стой! держи! держи! заоралъ вдругъ кто-то отчаянно.

Ахметъ Измаиль, тихонько пробравшись въ прихожую, надѣвалъ шубу.

— Не хватать его! Въ баню съ нами поѣдетъ.

Турка схватили и привели. Онъ былъ обиженъ, и не взглядывая ни на кого, не отвѣчая на смѣхъ окружающихъ, сѣлъ угрюмо на стулъ. Явился Казиміръ, и Измаиль бросился къ нему, заговоривъ что-то, обидчиво... Казиміръ объяснилъ что Турокъ чувствуетъ себя дурно со вчерашняго вечера, и что его надо отпустить.

— Пельзя, князь, больнаго человека силой нудить пить и ѣсть...

— Я не нудю его. Я его, болвана, въ баню зову. Коли хворь, такъ въ баню и надо.... Скажи ему, панъ Казиміръ, поясни это, болвану.

Казиміръ сказалъ Измаилу, но тотъ заговорилъ и замахалъ руками съ ужасомъ и отчаяніемъ.

— Онъ никогда, говорить, и не бывалъ въ вашихъ баняхъ, а моется на свой ладъ, передалъ Казиміръ.

— Не бывалъ? Батюшки!.. Не пущу!! воскликнулъ Черемисовъ...—Какъ? Живеть столько у насъ и не пробовалъ... Родимый, Измаилушка, голубчикъ....

И князь присталъ къ Турку, ласкаясь, глядя его по плечу и умоляя. Наконецъ онъ обнялъ и расцѣловалъ Турка. Тотъ насулился еще болѣе и пожалъ плечами...

— Господа! ланы! всѣ! на колѣнки! давай его просить.

— Да! Да!... И вся гурьба, обступивъ стулъ, на которомъ сѣлъ Измаилъ, стала на колѣна, кланялась и выла на расплѣвъ.

— Махнатушка! Измаилушка! беюшка! пойдемъ въ баню.

— Махнатушка! Балбесушка! Бородатушка! кланялся князь чуть не въ ноги.—Пойдемъ, лѣший тебя вразуми!

— Cher hibou! Satané animal! Viens à la bania russe! кланялся Дюваль. Измаилъ началъ поневолѣ хохотать, озирая всю воющую на колѣняхъ публику. Даже Казиміръ, одинъ оставшійся на ногахъ, усмѣхался и шелталъ: glupi! glupi!..

Турокъ махнулъ рукой и выговорилъ наконецъ.

— Да, гарош!..

— Идетъ! идетъ! Ай да болванушка! Гарошій! передразнилъ князь, погладивъ бея по головѣ. Турокъ какъ будто онятъ обидѣлся.

Пришедшіе люди, бѣгавшіе въ поискахъ за топлею баней, объявили что по близости есть только баня кулчики Кармановой, но что она сначала была рада услужить князю, а узнавъ что и Турка будетъ мыться отказала наотрѣвъ и говоритъ что поганить бани не дастъ...

— Чего? Ахъ, она! Погоди! разозлился вдругъ князь.—Собирайся всѣ! Эй! Дворню собери! На приступъ пойдемъ. Я ей такую баню закачу.... Мнѣ и дворянству казанскому смѣется баба мужичка....

Черезъ четверть часа, за нѣсколько дворовъ отъ дома кня-

зя, всѣ гости и вся дворня были предъ домою кулчики Кармановой. Ворота были на запорѣ, и шесть огромныхъ собакъ спущены съ цѣпей.

— Догадалась что полѣзу! Да вретъ! Ломай ворота! скомадовалъ князь....— Умиру, а Турку у ней въ банѣ вымою.

Скоро дворня ворвалась черезъ разломанныя ворота, перебила и разогнала собакъ и очистила путь въ баню помѣщавшуюся на заднемъ дворѣ. Въ домѣ Кармановой никто не шевельнулся, и вся большая семья притаилась, украдкой поглядывая въ окна.

Общество было уже въ банѣ, и несмотря на просторный предбанникъ едва помѣстилось. Нѣкоторые конфедераты исчезли еще во время ломки воротъ, а теперь и остальные отказались отъ бани и ушли несмотря на просьбы и угрозы князя. Все-таки человекъ десять оставалось и раздѣвшись всѣ вошли въ баню. Ахлатскій залѣзъ на полокъ и наконецъ согрѣвшись кричалъ:

— Отошелъ! отошелъ!

Майоръ Колоштанъ и Дюваль танцовали по мокрому полу ставъ другъ предъ дружкой. Первый шелъ въ присядку, а второй объявилъ отлясывая:

— La danse des vigneron de Bourgogne!! Holà! Lalà! Hopp-là! Измаилъ, отличавшійся теперь отъ всѣхъ только бритою головою съ чуломъ на затылкѣ, взывалъ къ Аллаху и его Пророку.

— Алла, Мухамедъ рюсюль! вздыхалъ онъ, глядя на все и на всѣхъ: на танцы, на паръ вырывавшійся туманомъ и засталавшій Ахлатскаго и Уздальскаго на полкѣ, на вѣники и мочалки, бадьи съ кияткомъ и ведра со снѣгомъ, на шнырявшихъ людей княжихъ въ однихъ фартучкахъ.

— Ну коли же я когда лаки поѣду на колокольню, кричалъ Ахлатскій,—то пусть меня четвергуютъ! Во какъ!.. Давай ты мнѣ князь всѣ твои вотчины, хоть ханство цѣлое подарю, не поѣду... Ей-ей! И не вѣдаю за что бы олять поѣхалъ...

Дюваль уже влѣзъ на полокъ и трагически декламировалъ экспромптъ:

Onque ne fut l'homme plus drôlement malmené —

Par le chaud et le froid, diablement combinés!

Между тѣмъ князь что-то хлопоталъ, усмѣхаясь, и очевидно задумалъ какую-то новую затѣю... Скоро оказалось... Двое холопей взялись за Измаила...

— Россійскую баню ему показать! Чтобы полюбилъ и у себя завелъ, когда послѣ мира отлустятъ домой!

Измаилъ сначала дался, ухмыляясь, но когда его ввели на душный полоть, съ раскаленнымъ воздухомъ, и одинъ изъ людей взмахнулъ вѣникомъ, Ахметъ сразу забился и зово-пилъ какъ бѣшеный.... Его стали держать.... Началась борьба при дикомъ хохотѣ.... Колоштанъ и князь схватили тоже ло вѣнику. Холопы изъ всѣхъ силъ удерживали Турка, задыхавшагося и съ дикимъ воплемъ вырывавшагося изъ рукъ мучителей.... Наконецъ, онъ, послѣднимъ усиліемъ, рванулся и отшвырнулъ одного изъ людей.... Малый навзничъ слетѣлъ по скользкимъ ступенямъ и, ударившись головой объ полъ, потерялъ сознаніе. Ахметъ, все обмахиваемый тремя вѣниками куда попало и даже въ лицо, хотѣлъ броситься съ полка внизъ, но вдругъ разинулъ ротъ, закатился, подернулъ ногами и легъ спокойно.

— Чтò? возчувствовалъ, басурманъ, какова наша баня-то православная! То-то, сказалъ Черемисовъ, самъ задыхавшійся отъ жары и усталости.

— Стой! стой! воскликнулъ Колоштанъ.—Онъ очумѣлъ. Тащи долой, скорѣе!... Тащи!

Ахметъ-Измаила, какъ мѣшокъ, безъ движенія и безъ чувствъ стащили внизъ, стали обливать холодною водою и тереть сѣ-гомъ, но Турокъ багровый и съ разинутымъ ртомъ не приходилъ въ себя.

— Пошелъ за Осиль Кесарычемъ! крикнулъ Черемисовъ.

XVIII.

Въ то же время, на переднемъ дворѣ дома Кармановой, старшій сынъ кулца быстро укладывался въ повозку, и простившись наскоро съ родными чтобы не попасть на глаза незваныхъ гостей сѣхалъ со двора.

Семья уже три дня напрасно ждала хозяина, который не вѣхалъ изъ Чистополя и о которомъ не было ни слуху, ни духу. Путешествіе на своихъ, вдвоемъ съ новымъ кучеромъ, человѣкомъ незнаемымъ, давно тревожило всю семью, и кулчиха на третій день ожиданія рѣшила отправить въ Чистополь старшаго сына Пареена.

Между тѣмъ въ тѣ же сумерки Кармановъ былъ уже верстъ

за сорокъ отъ Чистололя на пути въ Казань и слѣшилъ за-свѣтло миновать небольшой лѣсъ, про который его слугникъ, тоже кулець, отзывался дурно.

— Авось! Богъ милостивъ! говорили оба.—Да и ружье къ тому жь....

Но на далекомъ разстояніи разстился лѣсъ. Солнце скрылось. Сумерки быстро наступили. На опушкѣ этого же лѣса сидѣлъ здоровый, русый мужикъ съ огромною дубиной, съ длинною веревкой за поясомъ, а изъ голенища торчалъ большущій ножъ. Онъ подремывалъ, тыкаясь носомъ и въ просовкахъ оглядывался по сторонамъ, на дорогу, на поле, на опушку лѣса.

— Не прозввать бы, дядя Савелій, сказалъ онъ самъ себѣ и приободрился.

Таковскій мужикъ Савка былъ теперь первый кулакъ въ маѣкъ разбойничьей. Ужь недѣли съ двѣ какъ попалъ онъ въ душегубы и ужъ четырехъ человекъ саморучно ухлопалъ. И какъ все это лотрафилось, просто диковинно! И ума не приложитъ.

Шель Савка изъ острога съ канатными въ Сибирь. Версть сто они прошли за Казань какъ наскაკали на нихъ добрые люди изъ лѣсу съ дубьемъ.

— Вы канатные?

— Канатные!

— Иди, братцы, къ намъ....

— А вы кто будете?

— Мы-то? Мы будемъ страннички. Идемъ къ Святымъ Мѣстамъ, кои за Волгой. На поклонъ къ Майору Жаворонку, въ службу проситься.... А путемъ дорогой, чтобы прокормиться, караулъ подорожный наряжаемъ. Кого гонять въ колодахъ, да съ бубликами чугуными на рукахъ, къ себѣ зазываемъ, а кто самолично ѣдетъ, тому пропускъ чинимъ, облегчивъ мало. А заартачится, по маковкѣ дубинками гладимъ. Мы яко птицы небесныя—не сѣемъ, не жнемъ, по дорогамъ каюемъ.

Канатныхъ отбили, колодки имъ снимали. Солдаты съ капралами разбѣжались.. Кто хоть домой иди, кто хоть дубинку получай и милости просимъ въ подорожнички. Савка, да еще съ десятокъ, вступили въ подорожные, чтобы помаленечку пробраться за Волгу къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ

профосовъ, да приказныхъ нѣту, а одинъ начавъникъ Жаворонокъ стелной съ лѣсенкой неумолчною.

Вотъ и сидитъ теперь Савушка на опушкѣ, свои часы отбываетъ на караулѣ, да высматриваетъ: кто идетъ и кто ѣдетъ. Да тихо кругомъ все, мертво, да безлюдно. И задумалъ Савка думу въ затишьи; на мысляхъ разное разкладываетъ и диву дается на себя, грѣшнаго, взираючи.

— И-ихъ!! вздыхаетъ онъ.—Трудно на міру живется. Диковинно очень дѣла творятся. Господи Батюшка, Царь ты мой Небесный! Держи человѣкъ ушки на макушкѣ. Такъ нашъ и махаеетъ мужикъ изъ кувка да въ рогожку и очумѣетъ нѣтъ времени. Жилъ, вотъ, въ Таковскомъ, отдувался отъ всякаго лиха. Грѣхъ вышелъ, набунтовалъ. Кабы знать что подъ розгами полагается орать, такъ нешто бъ онъ, Савка, сталъ молчать, и его благородіе, офицера, не удовольствоваль. Оралъ бы изо всего своего пріятнаго желанія, чтобы молчкомъ не обижать начальство... А что вышло-то? И-и-ихъ! Двухъ лѣтъ нѣту что забрали его съ села, а чего онъ только не перепробоваль. Два раза въ острогѣ сидѣлъ, да за грубство унтеру, цѣлый мѣсяцъ въ мѣшкѣ зашитый, въ чуланѣ вылежалъ. Отослался здорово, да ужъ больно не ладно въ мѣшкѣ: ни почесаться нельзя, ни высморкаться. А тамъ бѣгалъ съ солдатикомъ и наголодался. Разъ было, четыре дня не ѣлъ и въ животѣ такое было, ни дать, ни взять хворость какая одолѣла. А тамъ въ монахи стригся въ скиту. Тутъ житье было ахтительное, отъѣлся было что твой кулець. Ей Богу! Даже рыло прилухать стало, вотъ какъ сытъ былъ. Ужъ подлинно сказываютъ что монашеское житье у Христа за лазухой! А тамъ, какъ накрыли его въ скиту, да за противузаконное стриженіе драть почали—сырость-то эта что была что не была. Очень ужъ скоро ее спустили. Да и это не что! Жиръ нагулять можно. А вотъ было бѣда стрястись хотѣла какъ было ушелъ въ Туретчину, городъ Легионъ брать. Да Господь миловаль, на канатъ попалъ. А съ каната въ подорожные караульщики. И вотъ въ двѣ недѣли саморучно четырехъ проѣзжателей ухлопаль. Четыре человѣчи души загубилъ! А оно вишь грѣхъ! Если съ кулчихой, съ одной, класть, такъ и всѣ пять душъ будутъ. А нешто онъ, Савка, душегубитель какой? Какъ можно! Онъ предъ Господомъ въ страхъ себя соблю-

далъ завсегда. Такое стало на него несчастье воротить. Вотъ въ залпшлый вторникъ офицера уложилъ. Ребята высылали поживиться: день цѣлый не ѣли; Савка тоже полѣзъ и за колесо повозку ухватилъ. А офицеръ въ него бухъ! изъ ружья, спасибо изъ маховькаго. Оробѣлъ Савка что чуть его не убили и махнулъ своею дубинкой. Ну офицера и вѣту. Вотъ все такъ-то! Э! Воноса что, вымолвилъ вдругъ Савка, прчглядываясь.

На краю лѣса показалась повозка парой и ѣдетъ тихо, стало поклажа есть. Парень править, не ямщикъ. На своихъ ѣдутъ.

Въ повозкѣ сидятъ двое съ виду купцы.

— Дѣло гоже! Ключонемъ! весело сказалъ мужикъ, и засунувъ въ ротъ два пальца такъ свистнулъ что одна звѣздочка показавшаяся на небѣ подпрыгнула и чуть не свалилась на земь. Вылетѣли птицы небесныя на дорогу клевать и окружили повозку... Все сошло бы, слава Богу, да одинъ изъ купцовъ по гаупости купеческой изъ ружья и выпалилъ въ птичекъ небесныхъ. И прощай! Застукали дубины по чемъ попало... Хлопъ да хлопъ!

Оба купца растянулись на землѣ раскидавъ ручки да ножки. Только третій все увертывался какъ заяцъ.

— Стой! Дьяволы! Стой! Не тронь! Убью! заревѣлъ вдругъ Савка какъ ошалѣлый и хлопая дубинкой по своимъ.

Отбилъ онъ проѣзжаго отъ своихъ и полѣзъ на него.

— Яша? Песъ! Откелево стрясло?

— Савушка! Куманекъ! Ахъ, чортово рѣшето!

И кумовья обнялись отъ радости.

Повозку повезли въ лѣсъ, убитыхъ убрали съ дороги что-бы не лужать народъ, а Яшка лопель съ Савкой и побратался съ подорожниками. Пока молодцы перебирали вещи, кумовья переговорили о себѣ, о селѣ Таковскомъ, о женахъ, о ребятахъ, и наконецъ рѣшили:

— Охъ, горе-времена! Сказываютъ скоро конецъ міру, Яша.

— Давно такъ-то сказываютъ, Савушка; должно брешуть.

И оба кума сѣли въ ожиданіи ужина вокругъ разложеннаго костра, надъ которымъ висѣлъ большой котель.

— Гей, князья безродные! Бригадиры лѣсные! Здорово, какъ можете? крикнулъ на весь лѣсъ верховой, подѣзжая къ костру.

Онъ сидѣлъ безъ сѣдла, на клячкѣ, въ тулупѣ, въ солдатскомъ картузѣ.

— Дядя капралъ! Здорово, дядя капралъ! Что привезъ? Собираться повелишь?

— Потянули галчата! Аль ворона цѣлая воронить по дорогѣ? Либо грачъ столичный летить? заговорили молодцы.—Ну разинь ротъ-то свой, отвѣтствуй!

— Ой, не могу, пересохло! вымолвилъ солдатъ, слѣзая съ лошади.

— Гей, Павлаичъ! тащи косушку дядѣ капралу глотку прополоскать.

Дядя капралъ залпомъ опросталъ косушку сивухи и гаркнулъ.

— Стань въ рядѣ, бригадиры лѣсные! навостри дырки. Прислушай! въ одно ухо впускай, а другое ухо пальцемъ уткни чтобъ все дома было... Безплодное извѣщенье привезъ. Такъ, братцы, вѣсточка лудовая что еле меня савраска дотащила сюда.

Солдатъ сѣлъ къ огню. Всѣ молодцы обступили приѣзжаго и усѣлись кругомъ костра.

— Слыхали вы что былъ на Руси государь великій Петръ III Фёдорычъ?

Всѣ заговорили вдругъ:

— Вѣстимо.... Эка опросъ чему творить!

— Онъ старой вѣры держался.

— Онъ, дядя, наши поселки отъ монастыря взялъ; отъ монашескихъ лалъ животы наши спасъ.... а вынѣ лаки монастырскіе....

— При немъ, дядя, запретъ былъ пристращивать и пытать.

— Онъ, дядя карпалъ.... Тыфу! дядя кар.... калпаръ....

— Молчи, бригадиры. Ишь раскудахтались! Коль вѣдаете царя Петра III, ну и говори: вѣдаю де молъ, а болѣ вамъ ни о чемъ опросу нѣту.... Слухай снова да здорово.... Вѣдомо ль вамъ что императоръ Петръ III скончался есть....

— Вѣдомо.... Да вишь ты...

— Баютъ, вишь скончался.

— А баютъ тоже якобы онъ тоже живъ есть...

— Подъ спудомъ, сказывали, долженъ тридцать три года быть, и какъ они ему батюшкѣ слодна всѣ минутъ, такъ по всей землѣ ни луны это, ни солнышка, значить, тебѣ ве

будеть. А потому не будетъ, началъ одинъ старикъ, но капралъ ухватилъ его за бороду.

— Ни шиш, бригадиръ! Не о семъ тебѣ опросъ. Все это я, по должности моей, самъ вѣдаю... Отвѣтствуй ты, Филатъ, гдѣ нынѣ есть Петръ Ѳедорычъ.

— У Господа, стало, у Бога. А то подъ слудомъ, тридцать три....

— Врешь! ну а ты, Савельево рыло?

— Отецъ Мисаилъ, въ Царѣ-Градѣ, баялъ, а инны, и у Бога, баютъ, отвѣчалъ Савка. — А кто жъ его знаетъ? Дѣло темное.

— Во градѣ Ерусалавъ.... Слышалось мнѣ, сказалъ одинъ.

— Въ Ерусалавъ.... Ой-ой, дурень! отозвался другой. — Въ Ареставъ, кой о семибашенный есть. А онъ, слышь, братцы, въ Ерусалавъ. Ой, дурень!

— Врите, врите! вступился другой свѣдобородый старикъ. — Ни въ Ареставъ, ни въ Царьградъ.... Въ Киевской лаврѣ съ печерскими угодуиками батюшку ложили въ пещерахъ святыхъ....

— Врешь, дѣдушка. Киевъ это на рѣкѣ Днѣпрѣ, врешь!

— А вотъ и не врешь.... Когда жъ у меня невѣстка ходила, и даже оттудова и масла мироточиваго домою....

— Всѣ вы врите, бригадиры, и ты, бригадиръ, врешь! Я вотъ знаю гдѣ императоръ всѣхъ-россійскій, Петръ Ѳедорычъ.... Появляи? Дай глотку еще сплоснуть, и я лубаикованіе совершу въ башки порожня.

— Давай еще косушку дядѣ капралу. Чтò съ нимъ подѣлаешь!

Солдатъ вылилъ, утеръ ротъ и заговорилъ.

— Государь императоръ Петръ Третій живъ и проявился.... Находившись двѣнадцать годовъ въ странѣ Свейской, у Свейскаго королевича, собралъ онъ великую армию и идетъ пріять свой всеродительскій престолъ. И нынѣ установясь штурмованьемъ и разстрѣляньемъ фортецій стелныхъ, призываетъ манифестомъ всія свои вѣрныя.... Слухай, вы! всія свои вѣрныя подданные въ войска свои: казацкія, егерскія, гренадерскія, гусарскія, лавдурскія, мушкатерскія, ликинерныя и многія инныя, коихъ прозванья вамъ тетеревамъ не уразумѣть.

— Ты, дядя капралъ, прервалъ новобранецъ Яшка, — чай все это ради третьей косушки нагородилъ.

Долго гудѣла толпа отъ вѣсти дяди капрала,—кто во что гораздъ.

— Иди ужинать.... Гей ребята!... У-жи-нать! крикнулъ наконецъ кашеваръ чтобъ созвать разбрѣдшихся по лѣсу.— Ого-го-го! Че-ер-та! У-у-жи-нать!

— Какъ же вы поступите въ семь случаѣ, бригадиры? спрашивалъ капраль.

— А вотъ, дядя капраль, сказалъ съдобородый,—садись въ кругъ. Нашихъ хлѣба-соли отвѣдай; а тамъ за утро потолкуемъ рядкомъ, и что Богъ на душу положить тому и порѣшимъ быти.

Всѣ усѣлись поближе къ котлу и стихла болтовня. Всѣ ѣли и почмокивали утпрая губы рукавами.

Черезъ полчаса Савка съ Яшкой улеглись въ кучѣ хвороста и прикрылись рогожами. Снѣгу было мало, но морозило.

— А что, Яша? шелкнулъ Савка. — Дядя-то капраль набрехалъ, аль воистину проявился Петръ Ѳедоровичъ. То-то бы гоже было, прибавилъ мужикъ какъ-то сладко.

— А тебѣ кака забота? спросилъ Яшка.

— Какъ можно! Проявился онъ, тогда ахти мнѣ!

— Да что? чортъ!

— Почемъ мнѣ знать, Яша, народъ баеетъ: вотъ приди царь, да приди. Ну и я то жъ баю.

— Приди царь! передразнилъ Яшка, лѣниво зѣвая.—Царь-то Петръ Ѳедорычъ въ царствѣ небесномъ. Ну стало и аминь его душенькѣ.

— И стало все враки?

— Зачѣмъ враки? Може иной какой Петръ Ѳедорычъ.

— Какъ то-ись иной?

— Самодѣльный.

— Самодѣльный? Какъ то-ись? не годный сталъ?

— О дурафья! Да тебѣ нешто не все едино? Тебѣ мынѣ что изъ ризы не торчи, все батька!

— Мнѣ, Яша, вѣстимо едино! ласково и сладко вымолвилъ Савка.—Я къ тому сказываю что нонѣ вишь времена-то какъ. Ты съ кунцами ѣдишь, я съ дубиной сижу. Ты торгуешь, я подорожничаю.... Нешто гоже?

— Много я наторговалъ! Кунца-то вотъ убили, а у меня шесть гривенъ за нимъ пропали!

— Ой ли? Обида! Тебѣ учерась ихъ съ него получить бы.

А все времена окаянныя, разбои да злодѣйства. Нонѣ живи, завтра ушибли, вздохнулъ Савка.

— Времена, кумъ, еще спасибо скажи, сонно промычалъ Яшка.—Глади хуже будетъ. Песъ человѣчьимъ голосомъ заговорить.

— Ой, ну те! ахнулъ Савка, и мурашки побѣжали у него по спинѣ. Черезъ минуту молчанья Савка снова шелнулъ:

— Яша, а Яша? Коли и въ правду тамъ проявился какой... ты туды?

— Я? нѣту! какъ можно?

— Такъ куды жь?

— Самъ выляли, умная голова.

— Болѣ, Яша, некуда.

— Такъ чего жь опрашивать. А ты? въ полудремотѣ отозвался Яшка.

— Я, Яша, какъ ты!... Вотъ токмо пута много. Я чаю верстѣ сто.

— И всѣ триста.

— Далече!

— Да. Въ острогъ ближе.

— Зачѣмъ въ острогъ? встрепнулася Савка.

— Не охота?!

— Стало заутрова и пойдѣмъ?

— Небось! Коли явленъ, такъ не пойдѣмъ, а пойдѣмъ.

— Ой-ли? А ковей какъ добыть?

— На деньги.

— Во! У кого жь ихъ взять-то?

— У того и взять что самъ не дастъ, совершенно засыпая мычнулъ Яшка.

— Э-э! Тамъ стало во-какъ.... будетъ! воскликнулъ Савка.

Наступило молчаніе.

Черезъ минуту Савка вымолвилъ тихо и вопросительно:

— Я тады, Яша, лять учу.

— Будя размазывать-то. Дрыхай!

Оба увернулись телѣе и захрапѣли.

Вся шайка давно спала богатырскимъ сномъ.

Въ лѣсу было морозно и тихо. Только изрѣдка гдѣ-то вдали въ чащѣ завывалъ волкъ, уныло оглашая оголѣлый, серебристый лѣсъ.

XIX.

Большое общество вышедшее изъ дома губернатора окружило на дворѣ дорожный возокъ. Генераль Каръ отправился къ войску по Оренбургскому тракту.

— Ну-съ, до свиданія, господа дворяне. Не надолго, сказалъ Каръ, усаживаясь со старикомъ камердинеромъ.

— Богъ помощь, ваше превосходительство, на злодѣву сбродню, сказалъ Брантъ.

— Не воевать вѣду, государь мой, а зайца травить. Приготовьте-ко вы извергу конуру хорошую въ острогѣ, да цѣль... Ну пошелъ!

Возокъ съѣхалъ со двора; за нимъ три повозки съ офицерами, деньщиками и ложитками генерала.

— Давай Богъ! сказалъ Брантъ окружающимъ.— По рѣчамъ суда, человекъ духа военнаго. А вы, господа, сдѣлайте милость не разказывайте про оренбургскія дѣла. Можетъ все это еще одни слухи, да вранье. Я гонца жду. Не надо смущать народъ. А узнаемъ навѣрное, опубликуемъ. Ну-съ, до свиданія.

Брантъ вошелъ въ домъ. Гости разсѣлись по своимъ экипажамъ. Генераль Сельцевъ поѣхалъ въ Гостиный дворъ, и подвѣзжая встрѣтился съ Ахлатскимъ.

Ахлатскій, не выходя изъ саней, вызвалъ какого-то кулца изъ лавки на улицу, и когда тотъ приблизился, швырнулъ ему что-то въ снѣгъ.

— Подбирай, Жидовина, свои поганья восемь тысячъ, да теперь не поладайся смотри Силъ Титычу на глаза. Изувѣчь дворянина торгаша!

И Ахлатскій отъѣхалъ. Кулецъ поднялъ пачки ассигнацій и сталъ оглядываться.

— Батюшка, Автioxъ Егорычъ, будьте свидѣтелемъ. Въ ли отдалъ-то? обратился онъ къ вышедшему изъ его лавки Колоштану.

Они стали считать на морозѣ, не двигаясь съ мѣста. Сельцевъ вышелъ изъ экипажа и поздоровался съ Колоштаномъ и кулцомъ.

— Вишь денегъ-то! сказалъ онъ.— У кого деньги? у кулца. А у кого ихъ нѣту? у дворянина. Черезъ сто лѣтъ вы въ дворянахъ будете, да въ чинахъ, а мы гляди торговать начнемъ.

— Свои, ваше превосходительство, кровныя. Далъ въ займы безъ росписки, да два года ходилъ кланялся изъ-за вѣхъ.

Разъ овъ меня углемъ измазалъ у себя на дому, да и пустилъ на улицу, обѣщаясь въ другорядъ на аглицкій лады смолой вымазать, да въ пуху вывалать, сказалъ кулець, и сосчитавъ деньги вошелъ въ лавку.

— А слышали вы, господинъ майоръ, лихую вѣсть? Что совершилось-то? спросилъ Сельцевъ.—Я у губернатора свѣдаюся сейчасъ.

— Какъ же! какъ же! Кто жь сего ожидалъ? Видно на то ужь судьбища была, вздохнулъ Колоштанъ.

— Да, не чаялось никому эдакого! А вѣдь такъ, Англюхъ Егорычъ, пожалуй скоро и до насъ чередъ дойдетъ, разсмѣялся Сельцевъ.

— Зачѣмъ? Мы еще за себя стоимъ. То вѣдь параличъ. Такъ хлопнулъ что только ногой дрыгнулъ разъ.

Генералъ вылучилъ глаза на майора.

— Чего? параличъ? ногой? какою ногой?

— Вѣстамо своею, не чужою.

— Да вы про что?

— Про Измаила же. Да вы-то про что жь?

— Про Оренбургъ. Слышь взять городъ злодѣемъ и разграбленъ, и даже всѣ... то-есть, какъ есть всѣ дворяне...

Майоръ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Э-э, вапе превосходительство, какой тутъ Оренбургъ! Ну его! Ахметъ Имамавъ померъ!! да-съ!!

— Что-о-о вы? снова вылучилъ глаза Сельцевъ.

— Да-а-а-съ! въ банѣ померъ! А вы про Оренбургъ! Тутъ глядите, Яковъ Ивановичъ Улусъ Андреевичу какой Оренбургъ закатилъ! сослать хочетъ! вотъ что-съ!! А вы про Оренбургъ! укорялъ Колоштанъ вѣ себя.

— И-и-и! царство небесное! вздохнулъ генералъ.

— Туркъ-то? Что вы!

— Охъ! тьфу, Господи!... Это я съ Оренбургомъ все. Вѣдь подумать страшно! Ну вдругъ до Казани двинетъ? Все быть можетъ. Какъ разъ прилѣзетъ сюда и перехлопаетъ насъ всѣхъ.

— Вотта! Что вы! Христосъ съ вами. А Каръ-то?

— Какая карта? встреловулся Сельцевъ.

— Каръ! Каръ! генералъ московскій!

— Да. Московскій... посмотрижь... а я думалъ вы на счетъ то-есть...

Е. САЛАСЪ.

(До слѣд. №.)

ИЗЪ ИСТОРИИ И ПРАКТИКИ ГОРОДСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ

Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка, Лудовикъ XIV, назначая начальника полиціи въ Парижѣ, подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго въ ту эпоху находилооь все касающееся внѣшняго благоустройства столицы, далъ ему программу дѣйствія въ трехъ словахъ: *чисто, светло, безопасно* (netteté, clarté, sûreté). Въ этихъ трехъ словахъ дѣйствительно заключается программа всякаго городского управленія, въ какой бы формѣ оно ни дѣйствовало. Прочность и удобство путей сообщенія безъ грязи и пыли, обиліе орошенія, свѣжесть воздуха, многочисленность и яркость фонарей, огражденіе жизни, собственности, насколько возможно здоровья— вотъ цѣли, задачи и наглядныя свидѣтельства городского благоустройства. Съ успѣхомъ техническихъ и экономическихъ званій растутъ и требованія въ этомъ отношеніи. Что дѣтъ отъ тому назадъ сочлось бы чудомъ общественной роскоши, то нынѣ справедливо назвалось бы грубымъ варварствомъ. Въ виду обилія средствъ предлагаемыхъ современною техникой, задача, становясь осуществимѣе, становится вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе серіозною, болѣе и болѣе требуется помощь науки, этого великаго орудія челоовѣка въ борьбѣ съ грязью и мракомъ на воихъ путяхъ физическаго и нравственнаго міра.

Вопросы городского благоустройства имѣють вдвойнѣ важное значеніе въ тѣхъ центрахъ общественной жизни которые

какъ Москва на
ше къ ладенію:

цымъ дномъ

а. Съ т

чой с

съ

весьма древняго происхожденія. Еще

съ когда въ цѣлой странѣ во всѣхъ

горѣвшихъ всю ночь. Иллюмина-

Римѣ. При ночныхъ представле-

освѣщать весь городъ. Когда

законъ возбужденныхъ Кати-

лся домой, въ честь его на

ды и фонари.

Пондонъ первые гдѣ введе-

улицъ. Въ Парижѣ пер-

ла въ 1558 году, когда

воровъ, мошенниковъ

было зажигать съ

смолою на углу

средины. Пред-

хъ трубы; обы-

нія. Составле-

олжны быть

ывался въ

нея слу-

ть смо-

Ма-

бно-

Re-

и

стоя
неопре.
строгія рам.
многихъ казался р
ется газомъ. Но всякій

знаетъ что несмотря на то с.
побѣдительною изъ борьбы съ л.
освѣщеніе—одна изъ ближайшихъ зад.
скаго хозяйства, настойчиво требующая с

Въ виду живаго современнаго интереса во.
скомъ освѣщеніи, быть-можетъ не сочтется изли.
стоящій очеркъ, въ которомъ, не претендуя на полно.
гость обработки предмета, я собралъ нѣсколько любопыт.
фактовъ и указаній изъ исторіи и практики городского
освѣщенія.

I.

Освѣщались ли города въ древнемъ мірѣ? Свидѣтельства
собранныя изъ древнихъ писателей знаменитымъ авторите-
томъ по исторіи технологіи Бекманомъ * заставляютъ ду-
мать что въ древней Сиріи города Антіохія и Эдесса освѣ-
щались въ ночное время подобно нынѣшнимъ городамъ. Такъ
у писателя начала четвертаго вѣка Либанія, въ его *Панегри-
къ Антіохіи*, встрѣчается фраза: „И свѣтило солнца замѣ-
няютъ собою другіе свѣтильники далеко превосходящіе египет-
ское зажженіе факеловъ (въ праздникъ Саидской Мимерты),

* Beckmann, *Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*, T. I, 62; T. II, 520. Leipzig, 1786—1788.

и ночь отъ дня отличается только видомъ свѣта. Занятія и работы продолжаются безъ различія. Одни усердно и безпрестанно работаютъ руками, другіе же выражаютъ свое удовольствіе смѣхомъ и громкою лѣсьюю.“ „Не могу представить себѣ, говоритъ Бекманъ, чтобы софистъ (Либаній) хотѣлъ поставить въ хвалу своему родному городу то обстоятельство что жители его по закатѣ солнца не сидятъ въ темнотѣ, а работаютъ при свѣтѣ. Надо, следовательно, думать что онъ подразумѣвалъ освѣщеніе улицъ.“ Яснѣе и убедительнѣе мѣсто изъ творенія одного изъ отцовъ церкви, Иеронима, разказывающаго въ „спорѣ люциферанъ и православныхъ“ (*altercatio Luciferani et Orthodoxi*) какъ приверженецъ еретика Люцифера прелпирался съ православнымъ на улицѣ пока не зажгли фонарей. „Когда зажиганіе огней на площадяхъ разогнало кружокъ слушателей и ночь прервала безобразный споръ, разошлись налевавъ другъ другу въ лицо“ (*Dum audientium circulum lumina jam in plateis accensa solverent et inconditam disputationem nox interrumperet, consputa invicem facie recesserunt*).

Что касается древняго Рима, то Бекманъ склоняется къ мысли что тамъ не было постоянного освѣщенія улицъ. Частое упоминаніе у писателей о факелахъ и фонаряхъ какъ неперемѣнномъ условіи возвращенія съ ночныхъ собраній кажется Бекману свидѣтельствомъ того что на улицахъ не было горящихъ фонарей. „Кто долженъ былъ, говоритъ онъ, въ Римѣ идти ночью безъ фонаря, тому приходилось въ полной темнотѣ съ оласностію пробираться къ дому, какъ Алексій въ стихахъ Атеней: „мало свѣтъ, мало выливъ, пускаюсь въ луть, но мальчикъ не несетъ предо мною фонаря, и я пробирюсь ползкомъ, часто падая въ густой темнотѣ.“ Съ другой стороны, есть свидѣтельства указывающія что въ людныхъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ бывало не мало огней. Такъ у Амміана Марцеллина встрѣчаются строки: „Взявъ небольшое число людей съ сокрытымъ оружіемъ, онъ бродилъ въ сумерки по харчевнямъ и перекресткамъ для разспросовъ на греческомъ языкѣ, въ коемъ онъ былъ хорошій знатокъ, кто что думаетъ о Цезарѣ, и смѣло ходилъ по городу гдѣ фонари обыкновенно во всю ночь разливаютъ свѣтъ подобный дневному сіянію“ (*ubi pernoctantium luminum claritudo dierum solet imitari fulgorem*). Освѣщеніе цѣлаго города при торжествахъ, то-есть то что мы зовемъ иллюминаціями,

но замѣчавшо Бекмана, весьма древняго происхожденія. Еще у Египтянъ былъ праздникъ когда въ цѣлой странѣ во всѣхъ домахъ выставлялись лампы горѣвшія всю ночь. Иллюминаціи были и въ Греціи, и въ Римѣ. При ночныхъ представленіяхъ, Калигула приказывалъ освѣщать весь городъ. Когда Цицеронъ, по усмиреніи безпорядковъ возбужденныхъ Катилиною, глубокою ночью возвращался домой, въ честь его на всѣхъ улицахъ были зажжены факелы и фонари.

Изъ новыхъ городовъ, Парижъ и Лондонъ первые гдѣ введено правильное и постоянное освѣщеніе улицъ. Въ Парижѣ первая попытка освѣтить улицы была сдѣлана въ 1558 году, когда указомъ парламента выданнымъ противъ воровъ, мошенниковъ и взломщиковъ дверей и замковъ велѣно было зажигать съ 10 часовъ вечера до 4хъ утра горшки со смолою на углу каждой улицы, а гдѣ улицы широки, то и на срединѣ. Предписаніе было объявлено всенародно при звукахъ трубы; обыватели локорились ему безъ особаго сопротивленія. Составлена была смета расходовъ и указаны мѣста гдѣ должны быть помѣщены горящіе фонари. Деревянный столбъ врывался въ землю, на вершинѣ его укрѣплялась перекладина, съ нея спускалась цѣль съ желѣзнымъ котелкомъ, наполненнымъ смолою съ лакею, которую и зажигали. По выраженію г. Максима Дю Канъ, изъ статьи котораго заимствуемъ подробности объ освѣщеніи стараго Парижа (*L'éclairage à Paris, Revue des Deux Mondes, 15 Juin 1873*), введенные фонари были весьма похожи на огни которые разводять рыбаки на носу своихъ лодокъ когда ночью отправляются ловить рыбу „на огонь“. Еще и до указа 1558 года, отъ времени до времени, въ злоху уличныхъ безпорядковъ, выдавались королевскіе и парламентскіе указы вѣнчавшіе въ обязанность каждому хозяину ставить на окно зажженные свѣчи, а на порогѣ дома ведро съ водою, но предписанія эти исполнялись неохотно и немедленно забывались по минованіи опасности. Не долготъ былъ вѣкъ и смоляныхъ котелковъ. Они погасли въ наступившую эпоху политическихъ смуть, и жители Парижа даже въ царствованіе Лудовика XIII принуждены были въ ночное время пробираться по темнымъ и грязнымъ улицамъ (половина Парижа не была еще замощена), богатые подъ охраною толпы лакеевъ съ факелами, люди средняго сословія съ фонарями въ рукахъ, а бѣдные ощупью вдоль стѣнъ. Въ 1662, везолинтавскій аббатъ Лаудати Караффа предложилъ проектъ

встрѣченный общими одобреніями и удостоенный королевскаго утвержденія. Аббату Караффу дана была привилегія на 20 лѣтъ, предоставлявшая право учредить на свой счетъ факельщиковъ (*porte-flambeaux*) и фонарщиковъ (*porte-lanternes*), которые за определенную плату провожали бы желающихъ ночью. Въ данномъ ему патентѣ было сказано что факелы должны быть изъ хорошаго воску въ 1½ фунта, имѣть каебно съ городскимъ гербомъ и раздѣляться на десять равныхъ частей. За каждую часть назначалась плата лять су. Фонарщикамъ предписывалось имѣть масляные фонари съ шестью толстыми свѣтильнями; они должны были находиться на разстояніи 800 шаговъ другъ отъ друга. Будущіе платили лять су, пѣшеходы по три за четверть часа. При наймѣ фонарщиковъ, послѣдніе обязаны были зажечь фитиль, получить установленную плату, перевернуть песочные часы и отправляться въ путь. Такіе ночные провозы были долгое время въ употребленіи. Они встрѣчаются даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Наконецъ, въ 1667 году главный начальникъ полиціи при Лудовикѣ XIV, Ла Рени, къ которому при опредѣленіи въ должность обращено было приведенное нами выше наставленіе блистательнаго короля въ трехъ словахъ: *чисто, сътмо, безопасно*, положилъ прочное основаніе устройству постоянного освѣщенія улицъ Парижа. Не блестяще было это первое освѣщеніе. Парижъ былъ освѣщенъ салными свѣчами. Стеклянные фонари, гдѣ помѣщались свѣчи, развѣшивались на веревкахъ, протянутыхъ поперекъ улицъ на высотѣ перваго этажа домовъ. Они зажигались каждую ночь отъ перваго ноября до перваго марта, какъ въ безлунныя такъ и въ лунныя ночи. Въ послѣднемъ отношеніи, освѣтительный календарь Парижа второй половины XVII вѣка имѣлъ шагъ впередъ предъ календаремъ города Москвы второй половины XIX столѣтія, продолжающимъ возлагать такіа большія и часто столь обманчивыя надежды на луну. Сохранилось весьма интересное описаніе парижскаго освѣщенія, сдѣланное докторомъ Мартиномъ Листеръ, посѣтившемъ Францію въ 1698 году. „Цѣлую зиму“, пишетъ онъ о своемъ путешествіи, „улицы Парижа бывають освѣщены какъ въ безлунныя, такъ и лунныя ночи, и я нарочно отмѣчаю это обстоятельство въ виду глулага лондонскаго обыкновенія гасить фонари на цѣлую половину мѣсяца, какъ будто можно знать навѣрное что луна въ эту половину непременно

будетъ свѣтить какъ слѣдуетъ, и какъ будто зимою никогда не бываетъ тучъ на небѣ. Здѣсь фонари развѣшаны какъ разъ по срединѣ улицы, на 20 футахъ отъ земли и шаговъ на 20 разстоянія другъ отъ друга. Они стеклянные, фута въ два въ квадратъ, покрыты сверху желѣзными листами, веревка держащая фонарь проходитъ внутри желѣзной трубки укрѣпленной вдоль стѣны соседняго дома. Въ фонарь вставляется четвериковая сальная свѣча, горѣніе которой продолжается за полночь. Кто позволитъ себѣ разбить фонарь, подлежитъ ссылкѣ на галеры; недавно трое молодыхъ людей хорошей фамиліи, вздумавъ ради забавы перебить нѣсколько фонарей, были посажены въ тюрьму и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были выпущены изъ нея по ходатайству друзей какихъ они шли при дворѣ.“

Въ концѣ XVII вѣка Парижъ освѣщался 6.500 фонарями, на которые расходовались каждую ночь 1.625 фунтовъ сальныхъ свѣчъ. На каждомъ фонарѣ красовалось изображеніе пѣтуха—эмблема бдительности. Съ наступленіемъ сумерекъ, по улицамъ проходилъ человекъ съ колокольчикомъ въ рукѣ и звонилъ; по этому сигналу, жители обязаны были отпустить веревку, спускать фонарь и зажигать свѣчи, горѣніе которыхъ должно было продолжаться до двухъ часовъ ночи. Сальная свѣча, господствовавшая на улицахъ, господствовала и въ театрахъ. „Вѣку (Лудовика XIV) который произвелъ столько великихъ дѣлъ всякаго рода, говоритъ Лавуазье въ мемуарѣ объ освѣщеніи театральныя залы (1781 года), не было дано воздвигнуть театральныя залы достойныя пышности государя, величія столицы и тѣхъ великихъ произведеній драматическаго искусства какія тамъ представлялись. Способъ освѣщать залу и зрителей соответствовалъ такому въ нѣкоторомъ родѣ варварскому состоянію. Довольно значительное число люстръ висѣли съ потолка; часть освѣщали авансцену, часть залу. Кто изъ слушающихъ здѣсь меня не видалъ какъ безлокомыя зрителей чтобы сжимать съ сальныхъ свѣчей вставленныхъ въ люстры? Всѣ мы помнимъ какъ эти люстры мѣшали зрителямъ особенно въ ложахъ втораго яруса; вслѣдствіе жалобъ зрителей принуждены были удалить большую часть люстръ. Дѣйствіе освѣщавшихъ авансцену возмѣстили тѣмъ что усилили шкалики (lampions) рамы; замѣнили воскомъ сало и масло; люстры амфитеатра соединили въ одну помѣщенную посрединѣ и сдѣлали возможно

болѣе легкою. Такъ и понынѣ освѣщаются наши театральныя залы. Какъ ни полезны были вообще эти реформы, онѣ повели къ двумъ главнымъ неудобствамъ: во всѣхъ частяхъ залы не освѣщенныхъ лампою, а именно въ оркестрѣ, амфитеатрѣ и даже части ложъ, царствуетъ такая темнота что на нѣкоторомъ разстояніи трудно узнать сидящихъ и невозможно читать напечатанное даже довольно крупнымъ шрифтомъ.“

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка было введено важное усовершенствованіе въ освѣщеніи Парижа. *Реверберъ*, то-есть масляный фонарь съ однимъ или нѣсколькими фитилями и сообразно съ тѣмъ съ однимъ или нѣсколькими отражателями, замѣнилъ фонарь съ сальной свѣчю. Изобрѣтеніе реверберовъ принадлежитъ, впрочемъ, болѣе раннему времени: патентъ на него былъ выданъ еще въ 1745 году аббату Матеро де Пренье (*Mathérot de Preigney*) и Буржуа (*Bourgeois de Château Blanc*). Но въ употребленіе они введены съ 1766 года, въ эпоху когда вопросъ объ улучшеніи парижскаго освѣщенія сильно занималъ правительство и общество, такъ что Парижская Академія Наукъ предложила въ 1764 году темою на экстраординарную премію вопросъ *Олучшеить способъ освѣщенія ночью улицъ большого города*. Въ числѣ представленныхъ и увѣнчанныхъ въ 1766 году сочиненій былъ мемуаръ Лавуазье, почетный золотомъ медалью. Число реверберовъ, замѣнившихъ своимъ сравнительно ровнымъ и яркимъ свѣтомъ свѣтъ фонарей съ сальными свѣчами, первоначально простиралось до 1.200. Съ 1777 года реверберами освѣтилась весь путь отъ Паража въ Версаль. Реверберы горѣли впродолженіе всего года, за исключеніемъ ночей полнолунія. Они вѣшались какъ и прежніе фонари на веревкахъ перекинутыхъ черезъ улицы. Реверберы какъ средство освѣщенія Парижа сохранились до самой эпохи введенія газа. Почти единственное усовершенствованіе въ нихъ было сдѣлано, въ 1821 году, ламповыхъ дѣлъ мастеромъ Вивьеномъ, усилившимъ у фитиля тягу воздуха по методу Аргантовской горѣлки.

„Кучера, говоритъ Максимъ дю Канъ, не любили реверберовъ и кляли ихъ. Дѣйствительно, вошки фіакровъ, почталыоны дилижансовъ и мальчостовъ зацѣпляли за нихъ кнутами, и часто въ рукахъ у нихъ оставалось одно кнутовище, тогда какъ ремень закрутившись повисалъ на веревкѣ. Для нѣкоторыхъ пышныхъ похоронныхъ церемоній, когда колесница съ катафалкомъ достигала необычайной высоты, полиціи приходилось

снимать реверберы и отвязывать веревки. Два раза въ подобныхъ случаяхъ, при царскихъ похоронахъ, вышли значительныя затрудненія. 21го января 1815 года, когда были вырыты на кладбищѣ Магдалины останки Лудовика XVI и Мари Антуанеты для перенесенія въ склепъ Сень-Дени, повзбывали устранить реверберы, и колесница зацѣпилась за веревки такъ что ее не безъ труда освободила. Происшествіе послѣдовательно повторилось нѣсколько разъ; герцогъ Ровиго утверждаетъ въ своихъ *Запискахъ* что толпа очень развеселилась и, не стѣсняясь, смѣясь кричала: „ма фонарь!“ (à la lanterne). Въ декабрѣ 1840, когда везли въ Домъ Инвалидовъ смертныя останки Наполеона I, всѣ предосторожности были взяты, и громадная колесница, отправившаяся изъ Курбева, безъ затрудненія достигла почетнаго двора гдѣ ее ожидали старые солдаты; но когда пришлось увозить монументальную колесницу въ магазины гробовщиковъ, она была остановлена первымъ попавшимся реверберомъ: никто не подумалъ очистить обратный путь. Принуждены были оставить ее на Бульварѣ Инвалидовъ, гдѣ она и провела ночь.

„Во дни возмущеній, а они были многочисленны во время Реставраціи и правленія Лудовика-Филиппа, реверберы служили мѣтою неисправимымъ уличнымъ мальчишкамъ (gamins), которыхъ вынче хотять оповтизировать, но которые заслуживаютъ только розогъ и которые жужжать вокругъ народныхъ волнений какъ мухи вокругъ закуска. Брошенными камнями они разбивали стекла фонарей; наиболѣе проворные карабкались на плечи товарищей, перерѣзали веревку и сплсались со всѣхъ ногъ отъ патруля привлеченнаго стукомъ паденія тяжелаго фонаря разбивающагося о мостовую. Не рѣдко въ какую-нибудь четверть часа улица погружалась во мракъ. Еслибъ архивъ полицейской префектуры не сторѣлъ въ маѣ 1871 года, то я могъ бы сказать какую сумму переплатили правительства Реставраціи и Польской революціи за починку реверберовъ. Къ концу царствованія Лудовика-Филиппа Парижъ былъ освѣщенъ 2.608 реверберами съ 5.880 фитилями и 8.600 газовыми фонарями.“

Есть свидѣтельство что въ Лондонѣ еще задолго прежде чѣмъ въ Парижѣ жители обязывались выставлять фонари въ ночное время предъ домами. Въ 1668 году, когда были приняты различныя мѣры для улучшенія улицъ, послѣдовало вмѣстѣ съ тѣмъ строгое подтвержденіе о вывѣшиваніи фонарей

въ урочное время. Предписаніе это, повторенное вновь въ 1690 году, обязывало домовладѣльцевъ, начиная съ Михайлова дня до Благовѣщенія, имѣть ежедневно зажженный фонарь съ сумерекъ до двухъ часовъ ночи. Исключеніемъ могли пользоваться только тѣ домовладѣльцы которые примутъ участіе въ устройствѣ предложенныхъ постоянныхъ фонарей въ различныхъ мѣстахъ города. Съ 1730 года, уличное освѣщеніе въ Лондонѣ, по распредѣленію городскихъ доходовъ и расходовъ, вошло окончательно въ составъ городскихъ повинностей. Число фонарей возрасло до 15.000. Освѣщался не только городъ, но и загородныя дороги на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Лондона. Фонари представляли собою стеклянные шары, укрѣпленные на деревянныхъ столбахъ. Зажигались ежедневно, не исключая и лунныхъ ночей.

Въ Берлинѣ начало городского освѣщенія было положено въ 1679 году. Домовладѣльцы обязаны были выставлять зажженный фонарь черезъ каждыя три дома, соблюдая при этомъ очередь. Но въ 1682, курфирстъ Вильгельмъ устроилъ постоянные фонари несмотря на сопротивленіе гражданъ, которые вообще не очень сочувствовали нововведеніямъ этого рода, и еще въ 1780 подавали прошеніе въ которомъ указывали что пріобрѣтеніе фонарей стоитъ лять тысячъ талеровъ, и поддержка освѣщенія ежегодно обойдется до трехъ тысячъ тал., что де составить для нихъ обременительныя издержки. Несмотря на подобныя экономическіе аргументы постоянное освѣщеніе было введено.

Другіе западно-европейскіе города ввели уличное освѣщеніе въ слѣдующіе года:

Амстердамъ....	1669 года.
Гамбургъ.....	1673 .
Копенгагенъ...	1681 .
Вѣна.....	1687 .
Ганноверъ....	1696 .
Лейпцигъ.....	1702 .
Дрезденъ.	1705 .

Начало правильнаго освѣщенія Петербурга было положено его великимъ строителемъ. Въ 1721 году Петръ издалъ указъ объ устройствѣ и содержаніи 595 фонарей на улицахъ сѣверной столицы, за исключеніемъ Васильевскаго Острова. Въ донесеніи генералъ-полицеймейстера Девьена, подаванномъ въ Сенатъ 18го марта этого года, читаемъ:

„Его Царское Величество указалъ * въ С.-Петербургѣ ночные фонари по улицамъ учредить такимъ образомъ который поставленъ у дома Его Величества, которыхъ по расположенію имѣется быть, кромѣ Васильевскаго острова, 595, а на дѣло и содержаніе ихъ брать служителей (съ жителей), съ дворцовыхъ мѣстъ, и съ квадратныхъ сажень деньги, сколько по дворамъ у кого земли сажень, и о томъ указалъ объявить, дабы какъ наилучше о томъ учинить опредѣленіе. И ежели де брать служителей (съ жителей) такіа деньги, которыхъ надобно не малое число, и отъ того жителямъ будетъ тягость, понеже они и такъ отягчены постоемъ и другими дѣлами; а мнѣніе его (Девьера) чтобъ для того съ жителей денегъ не собирать, а вмѣсто того неокладные въ Акцизной камерѣ собирающіеся сборы съ продажи воевъ съ хлѣба (кромѣ провознаго водою), съ сѣна, съ дровъ, съ башъ, прорубныхъ и ловадечныхъ деньги и хомутныя отдавать имъ. А того сбора не(а)собирается 10628 руб., а по сколько числомъ у того сбора бываетъ цѣловальниковъ дать то жъ число изъ отставныхъ солдатъ Лейбъ Гвардіи изъ Преображенскаго или Семеновскаго полковъ съ офицера.... А въ реестрѣ написано: 1) по улицамъ фонарей ночныхъ 595, каждый фонарь съ желѣзомъ и со столбомъ, въ чемъ будетъ утверждень, обойдется съ работою цѣною по 26 рублей по 24 алтына, итого за всѣ 15.898 рублей 13 алтынь 2 деньги. На содержаніе огня въ сутки, ежели горѣть по 5 часовъ, коноплянаго масла 80 золотниковъ, а на всѣ фонари на треть года 1511 пудъ 30 фунтовъ, цѣною за пудъ по 1 рублю по 50 копѣекъ, 2.286 рублей, свѣтильна бумажнаго 3 четверти фунта (?) въ мѣсяцъ, а на всю на треть года 213 пудъ, за пудъ по 10 рублей, итого 2.130 рублей. Для зажиганія огня и присмотра къ 10 фонарямъ 1 человекъ, итого съ унтеръ-офицеромъ 64 человекъ, каждому въ годъ трактамента солдатскаго и за хлѣбъ деньгами будетъ 1.142 рубль, итого 21.438.“

Въ 1723 году фонари поставлены на Адмиралтейскомъ и на Васильевскомъ островахъ. Въ указѣ сказано:

„На строеніе же и содержаніе фонарей и въ нихъ огня съ ихъ принадлежностями и для содержанія чистоты въ улицахъ, фурмановъ и прочаго и на дѣло для стековъ воды, трубъ и ящиковъ которые кладутся въ землѣ, и укрѣпленія береговъ гдѣ оныя трубы кладены и впредь будутъ класться, и на починку мостовъ, положить сборъ съ жителей съ числа квадратныхъ сажень, а именно: на Адмиралтейскомъ острову по Мью рѣкѣ по копѣекъ, а за Мью по Фонтанную по деньгъ, за Фонтанною и на Московскои и на Выборгскои сторонахъ

* Полное Собрание Законовъ т. VI, ст. 3777. Указъ напечатанъ небрежно съ очевидными ошибками, какъ служителей вмѣсто съ жителей, и т. д., и ошибками въ цифрахъ.

и на Аптекарьскомъ острову по лолушкѣ, на С.-Петербургскомъ по деньгѣ, кромѣ такихъ чиновъ кои получаютъ Его Императорскаго Величества жалованья по 20 руб. и ниже, съ которыхъ такихъ посаженныхъ денегъ не имать, а которые жалованье получаютъ выше 20 рублей, съ тѣхъ брать противъ другихъ“...

Москва между тѣмъ освѣщалась пока лишь небесными лампадами. Въ ихъ отсутствіи темно и небезопасно было на ея неправильныхъ улицахъ и пустыхъ площадяхъ. Описывая пребываніе въ Москвѣ Карла-Фридриха, герцога Гольштинскаго, и обѣдъ по поводу Новаго Года (1722), камеръ-юнкеръ Берхгольцъ говоритъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Послѣ того какъ его высочество поговорилъ вѣскольکو времени съ императрицею и съ принцессами (съ которыми на сей разъ былъ очень разговорчивъ и развязенъ), князь Меншиковъ откланялся и подалъ знакъ всѣмъ присутствующимъ сѣдовать за нимъ. Его высочество также вышелъ вмѣстѣ съ другими и спросилъ у князя оканчивается ли этимъ празднество, и отчего такъ рано. Тотъ отвѣчалъ что такъ приказалъ его величество императоръ во избѣжаніе какого-либо несчастія, легко могущаго произойти въ темнотѣ отъ разбойниковъ или множества саней на улицахъ если придется поздно ѣхать домой.“

Москва освѣтилась фонарями уже въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. 1730 года ноябрю 27го вышелъ указъ Правительствующаго Сената, въ которомъ значилось:

„На Москвѣ въ Кремлѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ и въ Нѣмецкой слободѣ по большимъ улицамъ для зимнихъ ночей сдѣлать изъ полицеймстерской канцеляріи и поставить на столбахъ фонари стеклянные, одинъ отъ другаго на 10 сажень, всѣ въ одну мѣру линейно, такіе какіе отъ той канцеляріи образцовые фонари объявлены и цѣною стали каждый по рублю, и чтобъ конечно всѣ были поставлены будущаго декабря къ 25му числу, о томъ полицеймстерской канцеляріи смотрѣть накрѣпко, а деньги на то строеніе что наддежить отлустить изъ штатсъ-конторы, а сдѣлавъ оныя для содержанія въ тѣхъ фонаряхъ огня и починкою отдать обывателямъ, въ которыхъ вмѣсто свѣчъ зажигать масло конопляное съ фитилемъ, въ какія ночи когда о томъ въ полицію отъ двора Ея Императорскаго Величества будетъ. А для показанія какъ въ тѣхъ фонаряхъ масло зажигать, взять въ С.-Петербургской полиціи фурманчиковъ 10 человекъ и распорядить сихъ къ смотрѣнію по улицамъ и быть въ тѣхъ фонаряхъ огню до полуночи, а локамъ съ

онныя столбы и фонари сдѣланы будутъ, на Москвѣ обя-
заны чтобъ въ тѣ дни когда отъ двора Ея Императорскаго
Величества приказано будетъ, всякихъ чиновъ люди которые
по всѣмъ большимъ улицамъ дома свои имѣютъ, тѣ бѣ у кого
свои палаты или хоромы сдѣланы по улицамъ въ окнахъ ста-
вили и зажигали свѣчи, а у кого такового жилого строенія
по улицамъ нѣтъ, тѣ бѣ фонари ставили и зажигали на ото-
бахъ, и при томъ полиціи смотрѣть дабы въ окнахъ свѣчи
ставлены были и смотря по окнамъ свѣчи по 3 по 4, а въ
малыхъ по 2, также бы и фонари были слюдяные или сте-
клянные, а лаюсныхъ и холстинныхъ бы отнюдь не было и
горѣть тѣмъ свѣчамъ до окончанія полуночи.“

Въ 1732 году, московскій генераль-губернаторъ Григорій
Петровичъ Чернышевъ донесъ Правительствующему Сенату
что кромѣ устроенныхъ въ Москвѣ фонарей, по мнѣнію его,
„надлежитъ фонарямъ поставленнымъ быть и за Земля-
нымъ городомъ, гдѣ бываетъ знатный проѣздъ, а именно въ
Тверской-Ямской, за Яузюю. въ Воронцовской слободѣ что
ѣздить къ Новоспасскому монастырю, за Серпуховскими и
Калужскими вороты къ Донскому монастырю и за Красными
вороты селомъ Покровскимъ до Яузскаго моста и въ Мѣ-
щанской до самыхъ по тѣмъ мѣстамъ въ поля въѣздовъ, а
чтобъ въ строеніи оныхъ фонарей обывателямъ тягости и изъ
казны излишней траты не было, не повелѣно ль будетъ для
означенныхъ мѣстъ дабы по онымъ фонари были поставле-
ны учинить слѣдующее: 1) Въ Кремль и въ Китаѣ быть фо-
нарямъ по вышнему разстоянію по 10 сажень; 2) въ Бѣ-
ломъ городѣ и въ Нѣмецкой слободѣ по большимъ улицамъ
отъ пятнадцати до двадцати пяти сажень; 3) въ Земляномъ и
за Землянымъ городами по вышелоказаннымъ мѣстамъ до
въѣздовъ разстояніемъ отъ двадцати и до тридцати сажень.“

Введенное такимъ образомъ въ нашихъ столицахъ освѣ-
щеніе коноплянымъ масломъ, а иногда сурепнымъ, про-
должалось болѣе ста лѣтъ, а самые фонари получили,
особенно въ Москвѣ, названіе „коноплянниковъ“. Кто не
знаетъ и не помнитъ этихъ фонарей съ ихъ красноватымъ
свѣтомъ идущимъ отъ четырехъ тощихъ фитилей снабжен-
ныхъ маленькими грязными отражателями внутри весьма
большой стеклянной кѣтки? Они дожили свой вѣкъ на окра-
нахъ Москвы въ шестидесятыхъ годахъ, уже по учрежденіи
Думы съ новымъ городскимъ положеніемъ.

Въ 1842 году былъ, сначала въ частномъ употребленіи, введенъ
новый способъ освѣщенія смѣсью виннаго спирта и скили-

дара. Способъ этотъ вскорѣ оказался весьма выгоднымъ для нѣкоторыхъ привилегированныхъ губерній, гдѣ производилась вольная продажа вина и гдѣ полученіе спирта въ экономическомъ отношеніи обходилось дешево. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе правительства. Желая, съ одной стороны, улучшить городское освѣщеніе, съ другой, доставить новый сбытъ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ, лѣснымъ и хлѣбнымъ, министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ слѣдующимъ представленіемъ которое и получило Высочайшее утвержденіе: учредить въ обѣихъ столицахъ для производства опытовъ освѣщенія новымъ способомъ особые комитеты, подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ гражданскихъ губернаторовъ, а для опытовъ разрѣшено получать спиртъ изъ казенныхъ магазиновъ по заготовительнымъ цѣнамъ безъ взноса акциза. Опыты дали удовлетворительные результаты не только относительно улучшения освѣщенія въ техническомъ отношеніи, но и въ хозяйственномъ. 300 фонарей, устроенныхъ въ Петербургѣ въ декабрѣ 1849 года, по окончаніи перваго освѣтительнаго періода, потребовали весьма умеренныхъ расходовъ, если принять въ соображеніе силу свѣта, и вслѣдствіе этого скилидарная жидкость съ каждымъ годомъ стала быстро распространяться. Въ 1853 году, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣно принять мѣры къ безотлагательному введенію научнаго освѣщенія скилидарною жидкостью какъ въ Москвѣ, такъ и по прочимъ городамъ Имперіи, въ той мѣрѣ какъ это будетъ возможно по средствамъ каждаго города. Скилидарная жидкость смѣнилась минеральнымъ масломъ, въ свою очередь уступившимъ мѣсто газу. О минеральномъ маслѣ, въ виду ежедневно возрастающей важности этого матеріала, будемъ особо говорить въ концѣ очерка. Теперь же обратимся къ освѣщенію газомъ.

II.

Современная намъ эпоха въ исторіи освѣщенія городовъ можетъ быть названа эпохою свѣтлагазъ. Природа сама указала человѣку на существованіе свѣтлагаза, и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ, на примѣръ около Баку, газы свободно и въ большомъ количествѣ выдѣляются изъ земли и зажженные горятъ продолжительное время. Но несмотря на то что природный воспламеняющійся газъ

извѣстнѣе былъ еще въ древнія времена, описаніе свойствъ его мы находимъ только въ XVII столѣтіи. Томасъ Ширлей (Shirley), въ 1667 году, сообщилъ Лондонскому Королевскому Обществу нѣкоторые опыты произведенные имъ надъ газомъ около одного источника въ Ланкаширѣ. „Въ разстояніи около мили отъ Вигана (Wigan) въ Ланкаширѣ, говоритъ онъ, есть источникъ, вода котораго, разказываютъ, горитъ какъ масло. И дѣйствительно, когда мы прибыли къ источнику и поднесли зажженную свѣчу къ поверхности воды, тотчасъ появилось широкое пламя, сильно горѣвшее.“ Въ 1733 Королевское Общество получило другую записку отъ г. Лозера (Lowther) о воспламеняющемся воздухѣ который обнаруживался въ колодцѣ одной каменноугольной копи. На глубинѣ 76 метровъ, описывалъ онъ, изъ земной скважины появился неожиданно токъ газа, который тотчасъ воспламенился отъ лампы находившейся въ рукахъ работника. Пламя имѣло около метра въ діаметрѣ и возвысило весьма сильно температуру въ колодцѣ. Требовалось значительное количество воды чтобъ его затушить, а для продолженія работы необходимо было вывести газъ наружу. Замѣчательно что чрезъ отводную трубу, устроенную въ каменноугольной шахтѣ, газъ отдѣлялся постоянно въ продолженіи двухъ лѣтъ, нисколько не уменьшаясь въ количествѣ, что дало возможность собирать его въ небольшіе пузыри и снова выпускать чрезъ небольшую трубочку, заставляя при этомъ сторать.

Исслѣдованіе этого интереснаго явленія съ цѣлю объясненія его принадлежитъ Клейтону. Наблюдая воспламеняющійся газъ въ Ланкаширѣ, въ 1739 году, онъ нашелъ между прочимъ въ скважинѣ каменный уголь, что подало ему поводъ подвергнуть нагрѣванію въ закрытомъ пространствѣ это ископаемое вещество и испытать нѣтъ ли какого-либо соотношенія между каменнымъ углемъ и горючимъ газомъ. Описывая свои опыты, Клейтонъ замѣчаетъ что сначала при нагрѣваніи отдѣлялась вода, затѣмъ масло чернаго цвѣта, наконецъ газъ который невозможно было сгустить и который легко воспламенялся при поднесеніи къ нему пламени. Такимъ образомъ опыты Клейтона показали что каменный уголь, при извѣстныхъ условіяхъ, даетъ въ числѣ продуктовъ своего разложенія газообразное вещество, имѣющее способность воспламеняться.

Приложеніе каменноугольнаго газа къ освѣщенію было
т. сѣт.

сдѣлано Вильямомъ Мёрдокомъ (Murdoch). Трудно съ точностію опредѣлить время когда онъ началъ свои опыты надъ переговкою дерева, торфа, каменнаго угля и другихъ веществъ. Но въ 1792 году было уже извѣстно что онъ съ помощію сдѣланнаго имъ самимъ аппарата освѣтилъ свой домъ газомъ, а затѣмъ предпринялъ рядъ весьма удачныхъ опытовъ освѣщенія газомъ отдѣльныхъ зданій. Въ 1797 году, онъ вводитъ газовое освѣщеніе въ своемъ имѣніи въ Шотландіи, устраиваетъ затѣмъ аппаратъ для освѣщенія одного завода, а въ Бѣрмингемѣ въ 1802, во время праздника по поводу заключенія Амьенскаго мира, устраиваетъ газовую пламюминацію.

Безспорно что мысль о введеніи газоваго освѣщенія во всеобщее употребленіе и ея осуществленіе въ довольно большихъ размѣрахъ принадлежитъ Мёрдоку. Но было бы несправедливо пройти молчаніемъ труды на томъ же поприщѣ другаго дѣятеля принадлежащаго другой націи.

Воспитанникъ школы путей сообщенія въ Парижѣ, Лебонъ предпринялъ рядъ опытовъ съ цѣлію изученія свойствъ газовъ образующихся при нагрѣваніи дерева до значительной температуры. Производя нагрѣваніе въ закрытомъ сосудѣ, онъ заставлялъ проходить получаемые при этомъ продукты черезъ воду, въ которой оставалась большая часть ихъ, а отсутствующій газъ выходявшій изъ воды обладалъ при горѣніи значительною свѣтильною способностію. Усовершенствовалъ способъ полученія газа, Лебонъ взялъ привилегію на „новые способы съ большею пользою употреблять топливо какъ для нагрѣванія и освѣщенія, такъ и для добыванія различныхъ продуктовъ“.

Сложившіяся обстоятельства вначалѣ благопріятствовали повидимому Лебону. Французское правительство, мечтавшее въ то время о восстановленіи утраченной морской силы постройкию новаго флота, весьма благосклонно отнеслось къ его изобрѣтенію, въ надеждѣ дешево получать корабельную смолу и предоставило въ его распоряженіе часть Руврейскаго лѣса, близъ Гавра, съ тѣмъ чтобъ онъ занялся выдѣлкою этого продукта. Заводъ Лебонъ въ скоромъ времени приобрѣлъ извѣстность и постоянно посѣщался иностранцами, между которыми встрѣчаемъ и нашихъ соотечественниковъ, Князя Голицына и Долгорукій, познакомившись съ изобрѣтеніемъ Лебона, предлагали ему на выгодныхъ условіяхъ перенести свою дѣятельность въ Россію; Лебонъ отклонилъ предложеніе.

Но не суждено было ему и во Франціи воспользоваться результатами своихъ трудовъ; въ день коронаціи Наполеона I, 2го декабря 1804 года, онъ былъ кѣмъ-то умерщвленъ на Елисейскихъ Поляхъ, и смерть его до сихъ поръ остается загадкою.

Между тѣмъ въ Лондонѣ дѣло газоваго освѣщенія быстро идетъ впередъ. Въ 1803 году, Винзоръ читаетъ публичныя лекціи о газѣ, составляетъ компанію на акціяхъ для освѣщенія газомъ, обращаетъ вниманіе правительства на новый источникъ дохода и ходатайствуетъ предъ парламентомъ о выдачѣ привилегіи. Разрѣшеніе отъ парламента послѣдовало въ 1810 году, несмотря на протесты многихъ лицъ и въ томъ числѣ Мёрдока, которому по справедливости принадлежитъ мысль о примѣненіи свѣтильнаго газа къ освѣщенію. Компанія составленная Винзоромъ встрѣтила большое противодѣйствіе какъ со стороны публики и страховыхъ обществъ, такъ и въ ученomъ мѣрѣ, но благодаря трудамъ инженера Клетга, который усовершенствовалъ газоотдѣлительные аппараты и устроилъ счетчики, побѣдилъ препятствія и съ успѣхомъ началъ свое дѣйствіе. Желая познакомить публику ближе со свѣтильнымъ газомъ и уничтожить предубѣжденія, компанія въ началѣ должна была ограничиться газовымъ освѣщеніемъ магазиновъ и лавокъ. Предубѣжденіе скоро впрочемъ исчезло. Улицы Лондона освѣтились газомъ; за нимъ другіе города, и мало по малу газовое освѣщеніе сдѣлалось неотъемлемымъ признакомъ цивилизованнаго городского устройства. Въ Парижѣ оно восторжествовало въ тридцатыхъ годахъ. Въ ночь съ 31го декабря 1829 на 1го января 1830 года освѣтилась улица Мира, а черезъ шесть мѣсяцевъ улица Вивьенъ. „Процессъ, говоритъ Максимъ-дю-Канъ, былъ выигранъ; весьма благоразумно, такъ сказать одинъ за другимъ, снимались старые реверберы и замѣнялись канделябрами. Оппозиція была впрочемъ изъ самыхъ горячихъ.... Особенно отличался крайнимъ увлеченіемъ Шарль Нодье: деревья мрутъ, живоглись въ кофейныхъ чернѣтахъ, люди удушаются, кареты опрокидываются въ ямы вырытыя посреди шоссе; домъ загорѣлся, переднюю часть лавокъ взорвало, холера появилась въ городѣ—кто виноватъ? Газъ.... Семь казней египетскихъ предпочтительнѣе. Юльское правительство не приняло во вниманіе этихъ жалобъ, и хорошо сдѣлало.“

Приводимъ нѣкоторыя статистическія данныя показывающія современное состояніе газоваго производства въ Лондонѣ

и Парижѣ. Изъ отчета 1870 года видно что Лондонъ освѣщали десять газовыхъ компаній; 70 милл. пудовъ каменнаго угля дали до 12.000 милл. куб. ф. газа; изъ нихъ слѣшкомъ 10.000 милл. потреблены были частными лицами, остальные уличными горѣлками.

Въ 1869 году газосныя трубы Парижа имѣли 1.467.975 метровъ длины; газу было добыто 145.199.424 куб. метр.; число потребителей 86.541, уличныхъ фонарей 36.188.

Быстрое развитіе газовой промышленности во Франціи и Англіи объясняется экономическими условіями въ которыхъ находятся эти страны. Обиліе, дешевизна и хорошее достоинство каменнаго угля, какъ сыраго матеріала, очень благоприятствовали здѣсь увеличенію потребления газа и вызвали кромѣ того обработку весьма цѣнныхъ побочныхъ продуктовъ остающихся при его производствѣ. Для насъ важнѣе примѣръ Германіи, экономическія условія которой весьма схожи съ нашими. Имѣя каменный уголь уступающій своимъ качествомъ англійскому, Германія успѣла все-таки освѣтить болѣе 200 городовъ газомъ и притомъ освѣщеніе устроить дешевое. Правда, нѣкоторые города употребляютъ англійскій уголь, но за то съ другой стороны ни въ одной странѣ мы не видимъ такого разнообразія въ выборѣ матеріаловъ для газоосвѣщенія какъ въ Германіи. Многіе города освѣщаются газомъ изъ туземнаго угля и сланцевъ; болѣе сорока городовъ древеснымъ; маленькіе города добываютъ газъ изъ смолы, рыбьяго жира и смолистыхъ веществъ. Кромѣ того, заводы и фабрики употребляютъ нерѣдко экономическое освѣщеніе, выбирая для него такія вещества которыя въ сущности составляютъ заводскій или фабричный отбросъ, какъ на примѣръ мыльную воду, винную гущу, шерстяные очески, остатки юфти и т. п.

Наши столицы до сихъ поръ освѣщаются газомъ изъ ньюкастельскаго и кеннельскаго углей и до сихъ поръ не видно попытокъ замѣнить привозный уголь собственнымъ; въ матеріалѣ даже и теперь мы не имѣемъ недостатка, если припомнимъ о Муравьевскомъ углѣ и нѣкоторыхъ сортахъ угля Міускихъ колеи. И теперь даже они съ выгодой могутъ замѣнять англійскій уголь, и газовое освѣщеніе, составляя важную потребность общественнаго благоустройства, въ недалекомъ будущемъ могло бы вызвать не только разработку другихъ колеи, но вмѣстѣ съ тѣмъ породить новыя производства,

подобныя тѣмъ которыя создались въ странахъ гдѣ освѣщеніе газомъ приняло уже громадныя размѣры. Каменный уголь и коксъ остающійся при газовомъ производствѣ, представляя топливо, могли бы замѣнить дрова, цѣнность которыхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Жидкія маслообразныя вещества получаемыя какъ побочные продукты при сухой перегонкѣ каменнаго угля послужили бы для приготовленія анилиновыхъ, нафталиновыхъ и мареновыхъ красокъ, свѣтильныхъ маселъ, маселъ для смазыванія; водянистая жидкость— для добыванія аммоніакальныхъ солей, имѣющихъ значительное приложеніе въ технику. Всѣ эти продукты привозятся къ намъ въ громадныхъ массахъ изъ-за границы. Государство лишается ежегодно значительныхъ выгодъ, и вопросъ о русскомъ каменномъ углѣ и о введеніи газоваго освѣщенія изъ собственныхъ матеріаловъ есть одинъ изъ государственныхъ экономическихъ вопросовъ настоящаго времени. Здѣсь кстати замѣтимъ что одна изъ главныхъ причинъ замедляющихъ развитіе у насъ каменноугольнаго дѣла есть высокая такса наложенная желѣзнодорожными компаніями за провозъ этого продукта. Давно слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ вопросъ на желѣзнодорожныхъ сѣздахъ. Не разъ каменноугольные промышленники обращались въ правленія желѣзныхъ дорогъ съ ходатайствомъ о пониженіи платы за провозъ угля, но была ли рѣчь объ ихъ заявленіи на тайныхъ совѣщаніяхъ представителей компаній остается неизвѣстнымъ. Повторяемъ, это вопросъ великой важности, и отъ него много зависитъ будущность нашей промышленности.

Освѣщеніе газомъ въ Петербургѣ привилось вполнѣ. Несмотря на сравнительно высокую плату (3 р. 40 коп. за 1.000 куб. ф.), расходъ на газъ съ каждымъ годомъ становится больше, и дѣло газовыхъ компаній находится, повидимому, въ цвѣтущемъ состояніи. Освѣщеніе Петербурга началось съ 1839 года, компаніей основанною механиками Рейхенбахомъ и Штраусомъ съ нотаріусомъ Пигасовскимъ, переименованною потомъ въ „Общество освѣщенія газомъ Петербурга“. Въ первыя восемнадцать лѣтъ дѣла общества, какъ видно изъ отчетовъ его, шли медленно. Новизна газоваго освѣщенія и дороговизна газа, вслѣдствіе высокой цѣнности какъ необходимыхъ аппаратовъ для устройства завода, такъ и матеріаловъ для производства, прелятствовали развитію его. Но съ 1849 года потребление газа стало увеличи-

ваться, и въ 1856 году основалось даже второе газовое общество подъ фирмою „Общество столичнаго освѣщенія“, съ капиталомъ 4 мил. рублей.

Первое общество въ 1871 году имѣло 28.000 казенныхъ и частныхъ горѣлокъ; газу было добыто 163.486.000 куб. ф., причемъ израсходовано 1.051.371 пудъ угля.

Въ отчетѣ втораго общества за 1872 годъ находимъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія. Компания имѣетъ 270 верстъ газоносныхъ трубъ; освѣщаетъ 7.186 городскихъ фонарей, доставляетъ газъ для 85.992 казенныхъ и частныхъ горѣлокъ и расходуетъ 458.963.100 куб. ф. газа, приготовляя его изъ 2.844.982 пуд. ньюкастльскаго и 139.092 пуд. кеннельскаго угля.

III.

Вопросъ о введеніи освѣщенія газомъ въ Москвѣ возбудилъ въ свое время много толковъ въ обществѣ, много преній въ новоучрежденной тогда Думѣ и нѣсколько основательныхъ соображеній высказанныхъ въ печати. Проектъ контракта составлялся комиссіею; обсуждался думою, вновь исправлялся комиссіею и наконецъ одобренный городскимъ управленіемъ, получилъ утвержденіе. Прошло семь лѣтъ какъ Москва освѣщается газомъ, почти десять лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ было произнесено Думою слово „быть“ газовому освѣщенію въ Москвѣ, но нельзя сказать чтобы дѣло пришло въ правильное и нормальное состояніе.

Послѣ публікаціи о вызовѣ желающихъ принять освѣщеніе Москвы текучимъ газомъ, въ непродолжительномъ времени Московской думѣ было доставлено нѣсколько проектовъ отъ различныхъ компаній съ разнообразными предложеніями. Не замедлила и комиссія назначенная думою представить на обсужденіе докладъ свой подъ именемъ *нормальнаго* проекта, которымъ предоставлялось предпринимателямъ исключительное право, на 30 лѣтъ, освѣщать почти всю Москву по составленному плану, причемъ дума обезпечивала потребленіе газа не менѣе какъ на 3.000 фонарей и не менѣе 2.000 часовъ горѣнія для каждаго фонаря. Компания съ своей стороны обязывалась увеличивать число фонарей (кроме 3.000), если дума пожелаетъ этого, но не болѣе однако же 500 въ

каждый годъ. Для осуществленія проекта комиссіи предложены были торги, предметами которыхъ былъ исключительно уличный городской рожокъ, долженствующій сжигать въ часъ 5 куб. ф. газа и давать пламя равновсильное 12 спермацетовымъ англійскимъ свѣчамъ. Торги должны были считаться не состоявшимся если плата за освѣщеніе городского фонаря не будетъ меньше 23 руб. Относительно же цѣны за газъ для частныхъ потребителей, комиссія нашла полезнымъ, въ видахъ экономіи города, — дабы понизить цѣну на городской фонарь, — предоставить вопросу взаимному соглашенію потребителей съ компанією, обязавъ послѣднюю не назначать выше 5 руб. за 1.000 куб. футовъ.

Припомняя факты сопровождавшіе разсмотрѣніе нормальнаго проекта, считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ объ участіи въ публичномъ обсужденіи вопроса покойнаго Г. П. Федченко, бывшаго преподавателя Ремесленнаго Учебнаго Заведенія. Не будучи членомъ и не состоя агентомъ какой-либо изъ конкурирующихъ компаній, онъ много потрудился на пользу общую, хотя къ сожалѣнію къ трудамъ его лица рѣшающія отнеслись не довольно сочувственно. Помѣщая статьи свои въ *Московскіе Вѣдомостяхъ* надъ псевдонимомъ Гр. Павловича, онъ разбиралъ критически доклады комиссій, противопоставляя имъ экономическія условія при которыхъ возможно дешовое освѣщеніе и опытъ городовъ освѣщающихся газомъ. Сравнивая устройство свѣтительной операциі въ разныхъ городахъ, онъ приводилъ поучительные примѣры Лондона, Филадельфіи и Берлина. Онъ указывалъ что отъ того какъ устроено дѣло съ экономической стороны зависитъ цѣна газа, что въ нѣкоторыхъ городахъ Англій, странѣ каменноугольной по преимуществу, при всѣхъ повидимому благоприятныхъ условіяхъ для газоваго производства, газъ обходится потребителямъ все-таки сравнительно дорого; что даже столица Англій, гдѣ существуетъ повидимому полная конкуренція между газовыми компаніями и гдѣ уличные фонари отдаются съ торговъ, не изъяты отъ злоупотребленій вслѣдствіе фактической монополіи той или другой компаніи, и что въ центрѣ города, въ Сити, газъ обходится потребителямъ дороже чѣмъ въ другихъ кварталахъ Лондона. Филадельфія прибѣгла къ другой системѣ освѣщенія и примѣру ея послѣдовалъ Берлинъ. Освѣщаясь въ продолженіи шести лѣтъ газомъ частной компаніи по весьма высокой цѣнѣ (4 р. 59 коп. за

1.000 куб. фут.), городское управленіе ея купило заводы и газоустройство. Понизивъ цѣну на газъ почти вдвое, городъ получилъ чистаго дохода 14%, на затраченный капиталъ. Подобнымъ образомъ устройство городского газоваго завода въ Берлинѣ сдѣлалось главною причиною почему этотъ городъ пользуется самымъ дешевымъ освѣщеніемъ на континентѣ Европы.

Указывая даѣе что газъ не есть прихоть или предметъ роскоши, что газовое производство держится обыкновенно не уличнымъ освѣщеніемъ, а частными потребителями, г. Федченко находилъ что торги должны быть по тому пункту контракта который имѣетъ наибольшую важность, что не цѣна уличнаго фонаря, а цѣна газа для частнаго потребленія должна быть главнымъ предметомъ торговъ. Наконецъ, онъ полагалъ что районъ газоваго освѣщенія на первое время долженъ быть выбранъ болѣе ограниченный чѣмъ предполагалось, если дума не желаетъ обременять газовую компанію такими условіями за которыя она заставитъ дорого заплатить потребителей, и что было бы безразсудно проводить газъ въ мѣстностяхъ глухихъ и отдаленныхъ, которыя гораздо удобнѣе освѣщать, напримѣръ, минеральнымъ масломъ.

Нельзя не согласиться теперь со многими доводами покойнаго Федченка. Но соображенія его не были приняты во вниманіе, такъ какъ мѣншіе коммисіи, высказанное въ нормальномъ контрактѣ, раздѣлялось почти всѣми членами думы. Сущность контракта заключеннаго 1865 года января 29го Московскою городскою думою и компаніею Гольдсмита и Букье можно формулировать кратко такъ: дума платитъ за городской фонарь ежегодно 14 р. 50 к., съ правомъ еще уменьшить эту баснословно дешевую цѣну, если привозъ каменнаго угля по Николаевской желѣзной дорогѣ будетъ обходиться дешевле. За то компаніи предоставляется монополія освѣщенія Москвы на 30 лѣтъ и право отпускать частнымъ потребителямъ газъ по дорогой цѣнѣ пяти рублей.

Первое что останавливаетъ вниманіе при чтеніи заключеннаго думою контракта есть отсутствіе какихъ-либо определенныхъ условій съ технической стороны. Въ контрактѣ выражено, правда, весьма высокое требованіе чтобъ уличный рожокъ имѣлъ силу свѣта 12 спермацетовыхъ свѣчъ сжига-

ющихъ по 120 грановъ въ часъ; но исполненіе этого требованія не обставлено никакими серіозными гарантіями, а потому есть скорѣе простое желаніе чѣмъ обязательный параграфъ. Основаніемъ контрактовъ заключаемыхъ между газовыми обществами и городами западной Европы служатъ техническія подробности какихъ вовсе не указано въ контрактѣ Московской городской думы.

Результаты неправильной дешевизны и неточнаго контракта, какъ и слѣдовало ожидать, получились въ дѣйствительности весьма плачевные. Мы постоянно видимъ какъ плохо горитъ газъ, мы постоянно слышимъ жалобы на неудовлетворительное освѣщеніе и на дороговизну газа, а думская коммиссія по освѣщенію города грозитъ газовому обществу процессами. Но отъ этого для жителей не легче. Чтобы точнѣе указать слабыя стороны контракта составляющія главную причину неудовлетворительности освѣщенія Москвы, войду въ нѣкоторыя подробности касающіяся вообще свѣтильнаго газа.

Свѣтильный газъ состоитъ изъ смеси газовъ и не представляетъ опредѣленнаго химическаго соединенія. Вещества входящія въ составъ его весьма разнообразны, что зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ матеріаловъ изъ которыхъ онъ получается. Существенная составная часть есть газъ масляродный, его гомологи и вообще углеродистые водороды съ большимъ содержаніемъ углерода. Нѣкоторые изъ нихъ жидки, другіе тверды (напр. нафталинъ), но находятся въ газѣ въ парообразномъ состояніи. Яркость пламени зависитъ отъ присутствія въ немъ твердыхъ частицъ, находящихся въ раскаленномъ состояніи, а именно частицъ угля, выдѣляющихся при разложеніи углеродистыхъ водородовъ. Избытокъ частицъ углерода, не успѣвающаго сгорѣть въ кислородѣ, производитъ колоты; недостатокъ ихъ дѣлаетъ пламя блѣднымъ. Кромѣ углеродистыхъ водородовъ, въ составѣ свѣтильнаго газа встрѣчаемъ окись углерода, угольную кислоту, аммиакъ, сероводъ, азотъ, кислородъ, сѣрнистый водородъ, сѣрнистый углеродъ и др. Всѣ эти вещества, присутствуя въ свѣтильномъ газѣ, оказываютъ вліяніе на свойства его и на свѣтильную способность. Одни изъ нихъ уменьшаютъ силу свѣта, другія при сгараніи даютъ продукты вредно дѣйствующіе не только на живые организмы, но и на металлы, краски и вообще на все окружающее. Помянуто что очищеніе газа есть чрезвычайно важная операція

при его добываніи. Обязанность очищенія газа лежитъ на производителяхъ его; исполненіе же ея во всѣхъ европейскихкихъ городахъ подчинено самому тщательному контролю.

Въ контрактѣ Московской думы забота о чистотѣ газа выразилась въ § 12, гдѣ читаемъ: „Текущій газъ употребляемый для освѣщенія долженъ быть очищенъ до такой степени чтобы содержалъ не болѣе 1% угольной кислоты, горѣлъ безъ дыма и запаха и не производилъ вреднаго вліянія на здоровье, а также не оказывалъ вліянія на краски и металлы“. Такія требованія едва ли можно назвать опредѣлительными. Дѣло идетъ, надо полагать, о вредномъ дѣйствіи *продуктовъ* сгорания газа въ жилыхъ помѣщеніяхъ, а не самого газа. Текущій газъ есть смѣсь вообще вредно дѣйствующая и на организмъ и на металлы, какъ бы тщательно онъ ни былъ очищенъ. Не только газъ, но и воздухъ которымъ мы дышемъ содержитъ сѣрнистый водородъ, дѣйствующій на металлы и краски. При тщательной канализаціи, газъ остается въ замкнутыхъ трубкахъ и прямого дѣйствія оказывать не можетъ. Вредно дѣйствуютъ, повторяемъ, продукты сжиганія. Не лучше ли было бы перечислить примѣси дающія вредные продукты и указать возможный максимумъ ихъ? Чистота газа сочтена повидимому настолько маловажнымъ обстоятельствомъ что даже не признано необходимымъ прибѣгнуть къ обыкновенному приему—къ назначенію штрафа въ случаѣ если условіе § 12 не будетъ соблюдено контрагентами. А между тѣмъ здоровье многихъ тысячъ людей незамѣтно можетъ страдать отъ его несоблюденія.

Что касается освѣтительной способности газа, то она прежде всего зависитъ отъ матеріала изъ котораго онъ получается. Если мы сравнимъ газъ каменноугольный съ маслянымъ, то увидимъ что одинаковые объемы этихъ газовъ будутъ давать при сгораніи различную силу свѣта. Газъ масляный будетъ почти въ три раза свѣтлѣе каменноугольнаго. Причина этого понятна. Послѣдній содержитъ въ себѣ меньше маслороднаго газа и вообще тяжелыхъ углеродистыхъ водородовъ, удѣльный вѣсъ его меньше, и свѣтитъ онъ слабѣе.

И свѣтельную способность газа и составъ его можно считать въ настоящее время настолько исследованными что, зная матеріалъ изъ котораго газъ получается, легко заранее опредѣлить его нормальное достоинство какъ свѣтлагаго продукта. Въ этомъ отношеніи контроль можетъ быть весьма

точный. Будучи основанъ на научныхъ данныхъ, онъ ставитъ производителей газа въ самыя тѣсныя и притомъ самыя опредѣленныя рамки, и рѣшаетъ всѣ возникающія недоразумѣнія.

Испытаніе должно касаться волевыхъ свѣтлѣной доброкачественности газа въ томъ видѣ какъ онъ, по очищеніи, вливается съ завода въ газопроводныя трубки и разнесится по городу; въ вторыхъ, того дѣйствительно ли то именно количество какое признано нормальнымъ сжигается въ уличныхъ горѣлакахъ принятаго образца. Газъ можетъ быть очень хорошъ, а освѣщеніе крайне дурно, если онъ пускается чрезъ горѣлаки въ слишкомъ маломъ количествѣ (такъ и есть въ Москвѣ). Количество вытекающаго чрезъ отверстіе горѣлаки газа зависитъ главнымъ образомъ отъ давленія подъ которымъ онъ находится. Давленіе должно быть регулировано, такъ чтобы въ данный промежутокъ времени вытекало изъ газоваго рожка количество газа достаточное для образованія пламени опредѣленныхъ размѣровъ. Опредѣленіе размѣровъ пламени можетъ потому, при извѣстныхъ качествахъ газа, замѣнить прямое измѣреніе давленія.

Контроль установленный контрактомъ Московской думы отличается большою неопредѣленностію и неудобосполнимостію. Краткія требованія выраженныя въ немъ состоятъ въ томъ чтобы *при испытаніи на заводѣ въ пробной горѣлкѣ потребляющей 5 кубическихъ фунтовъ въ часъ освѣтительная сила газа разнялась 12 спермацетовымъ свѣчамъ опредѣленнаго образца, и въ вторыхъ чтобы „каждый уличный рожекъ, горящій ежегодно 2.000 часовъ, сжигающій въ часъ по 5 куб. фунт. газа, давалъ пламя равняющееся по измѣренію фотометра силѣ свѣта 12 сперматовыхъ свѣчей“*. Требованіе относительно испытанія на заводѣ еще исполнимо, хотя и спрашивается какого образца предполагается „пробная горѣлака“: того ли какой употребляется на улицахъ или инаго? Въ последнемъ случаѣ можно ли требовать чтобы и пробная и уличная горѣлаки, при одинаковомъ расходѣ газа, давали тождественную силу освѣщенія? Но главное: какъ осуществить испытаніе уличныхъ фонарей помощью фотометра? Какой долженъ былъ фотометръ; можно ли по испытанію нѣсколькихъ фонарей наложить штрафъ и за неиспытанные? и т. д. Ни всѣ эти вопросы въ контрактѣ нѣтъ отвѣта. Но отсутствіе какихъ-либо точныхъ указаній относительно системы испытанія не должно ли породить одни безлолезныя споры, и не даетъ ли

газовому обществу возможность оспаривать каждый способъ контроля если результаты окажутся не въ его пользу? Говорится и объ испытаніи давленія, но опять лишь поверхностнымъ намекомъ, безъ точныхъ указаній. Изъ всего этого выходитъ что на дѣлѣ контроля не существуетъ, и вмѣсто обшаннаго роскошнаго освѣщенія, въ двѣнадцать свѣчъ фонарь, имѣетъ ли его Москва хотя бы въ четыре?

Необходимость правильнаго контроля въ послѣдніе годы была признана московскимъ городскимъ управленіемъ. Бывшій городокой голова, князь В. А. Черкасскій, обратилъ энергическое вниманіе на газовое дѣло, и по его инициативѣ была составлена коммиссія изъ свѣдущихъ людей, которая, не имѣя возможности принять въ основаніе инструкціи для контроля статьи контракта, выработала ее на основаніи опыта другихъ городовъ и предложила ввести усовершенствованные аппараты приспособленные къ точному опредѣленію достоинства газа. Были устроены повѣрочныя станціи, одна при университетѣ, другая при Техническомъ Училищѣ. Станціи эти и понынѣ производятъ ежедневное испытаніе качествъ газа. Но испытанія эти,—показавшія между прочимъ что главный недостатокъ московскаго освѣщенія не въ качествѣ газа, а въ томъ что газъ не въ надлежащемъ количествѣ доставляется въ горѣлки,—остаются безъ значенія, такъ какъ результаты ихъ не имѣютъ обязательной силы для газовой компаніи. Самый вопросъ объ улучшеніи освѣщенія газомъ послѣ того какъ князь Черкасскій оставилъ должность городскаго головы сошелъ, повидимому, съ очереди.

Полагаю не безынтересно будетъ показать какія методы контроля введены въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ.

Въ контрактѣ города Парижа съ газовой компаніей мы находимъ подробныя техническія данныя на которыхъ основанъ самый контрактъ. Первымъ условіемъ постановлено добывать газъ изъ каменнаго угля, причемъ запрещается употребленіе другаго какого-либо матеріала безъ особаго на то разрѣшенія муниципальнаго совѣта. Газъ долженъ быть совершенно очищенъ, и сила свѣта его, при опредѣленномъ давленіи и при сгораніи въ часъ 105 литровъ, должна быть равна силѣ свѣта карселевской лампы сожигающей въ часъ 42 грамма очищеннаго репсоваго масла. Для освѣщенія Парижа введены три рода горѣлокъ. *Размѣръ пламени изъ* (minimum) *долженъ быть слѣдующій:*

	При сгораніи въ часъ.	Пламя должно имѣть
Для 1го рода . . .	100 литровъ,	0, 057 шир. и 0, 029 выш.
„ 2го „ . . .	140 „	0, 067 „ „ 0, 032 „
„ 3го „ . . .	200 „	0, 094 „ „ 0, 045 „

Въ инструкціи составленной членами Парижской Академіи Наукъ, Дома и Релье, имѣющей согласно контракту обязательную силу, изложены всѣ приемы какими необходимо пользоваться при повѣркѣ силы свѣта. Не стану входить въ подробности инструкціи, упомяну только что газовая компанія обязана доставить аппараты, устроить необходимыя помѣщенія для контроля въ различныхъ частяхъ города, и что для испытанія берется фарфоровая горѣлка съ 30 отверстіями и со стекломъ. При горѣннн газа въ этой горѣлкѣ сила свѣта его уравнивается съ силою свѣта карселевской лампы принимаемой за единицу сравненія. Это достигается помощью регулятора. Размѣры какъ газоваго пробнаго рожка, такъ и карселевской лампы строго опредѣлены. Диаметры внутренніе и внѣшніе горѣлокъ, высота и форма стеколъ, размѣры струи воздуха, даже толщина стеколъ выражены въ подробностяхъ цифрами. Число нитей и вѣсь свѣтильни представляютъ также постоянную величину. Послѣ того какъ въ карселевской лампѣ сгоритъ 10 грам. масла (на чтѣ требуется $\frac{1}{4}$ часа времени), опыты прекращаютъ и замѣчаютъ объемъ потребленнаго газа, который долженъ быть равенъ 25 литрамъ.

Въ вѣнскомъ контрактѣ съ газовымъ обществомъ также весьма подробно изложены техническія требованія относительно достоинства свѣтильнаго газа и указаны способы контроля. Въ каждомъ газовомъ рожкѣ должно сгорать въ часъ 5 куб. фут. (англ.) самаго чистаго газа, сказано въ контрактѣ. При этомъ требуется чтобъ около отверстія горѣлки сияла часть пламени занимала только весьма небольшое пространство, чтобы само пламя было совершенно бѣлаго цвѣта, не мерцало бы, а газъ при сгораніи не давалъ неприятнаго запаха и замѣтнаго дыма. Испытаніе газа распадается на двѣ части: 1) опредѣленіе количества газа сгорающаго въ часъ согласно контракту и 2) изслѣдованіе газа въ качественномъ отношеніи. Повѣрка количества газа производится въ „пробномъ фонарѣ“, устроенномъ при зданіяхъ принадлежащихъ городу. Такіе фонари находятъ въ каждомъ округѣ и снабжаются изъ общихъ газоносныхъ трубъ газомъ предва-

рительно проходящимъ черезъ счетчикъ, который и показываетъ сгорающій объемъ его въ одну часть времени. Свѣтильная способность пламени опредѣляется помощью фотометровъ Бунзена размѣщенныхъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, въ общественныхъ зданіяхъ находящихся въ достаточномъ разстояніи отъ газоваго завода. Единицею сравненія служитъ сила свѣта одиннадцати англійскихъ стеариновыхъ свѣчъ, такъ какъ опыты показали что хорошо очищенный газъ при сгараніи 5 куб. ф. въ часъ въ прямой для освѣщенія горѣлокъ и при среднемъ давленіи въ 1 дюймъ даетъ эту силу свѣта. Испытанная горѣлка пробнаго фонаря принимается за нормальную, и пламя ея служитъ для сравненія съ другими рожками. Но такъ какъ простымъ глазомъ было бы трудно получить точные результаты при сравненіи пламени, то контролеры снабжены переносными фотометрами, съ помощью которыхъ они вначалѣ опредѣляютъ силу свѣта образцоваго пламени, а затѣмъ уже подвергаютъ испытанію городскіе фонари. Давленіе тщательно наблюдается съ помощью манометровъ не только въ газгольдерахъ на заводѣ, но и въ каждомъ районѣ освѣщенія, преимущественно же въ низменныхъ мѣстахъ.

Въ Лондонѣ также устроены въ различныхъ частяхъ города станціи гдѣ производятся ежедневныя испытанія достоинства газа и давленія подъ какимъ онъ истекаетъ. Но есть одна особенность которой не встрѣчается въ другихъ городахъ. Учреждена особая постоянная коммиссія въ которую приглашены извѣстные ученые и техники, и назначеніе которой составлять доклады о положеніи газоваго дѣла вообще, предписывать способы испытанія, составлять инструкціи для этихъ испытаній, а также изслѣдовать съ научной стороны различныя вопросы касающіеся газоваго дѣла. Наивыгоднѣйшее устройство горѣлокъ, зависимость силы свѣта газа отъ количества притекающаго воздуха, давленія, температуры, разстоянія отъ завода; опредѣленіе количества амміака и сѣрвистыхъ соединеній въ разныхъ случаяхъ и проч.,—вотъ нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ. Согласно рѣшенію коммиссіи, испытаніе силы свѣта дѣлается помощью фотометра Бунзена усовершенствованнаго Эвансомъ. Фотометръ снабженъ счетчикомъ, секундными часами, регуляторомъ, манометромъ, термометромъ и вѣсами. За единицу сравненія принимаются двѣ слермацетныя свѣчи, 6 на фунтъ, сожигающія каждая по 120

грань въ часъ. Газъ сгорая по 5 футовъ въ часъ въ обыкновенной горѣлкѣ долженъ имѣть силу свѣта въ 14 упомянутыхъ свѣчей.

Было бы крайне несправедливо волющіе недостатки газоваго освѣщенія въ Москвѣ ставить въ вину исключительно газовому обществу. Общество это поставлено въ такія невыгодныя условія что не возможно быть къ нему требовательнымъ. Въ Москвѣ слишкомъ 200 верстъ канализационныхъ трубъ проведены для 3.929 городскихъ горѣлокъ и 40.000 частныхъ огней, которые вмѣстѣ потребили въ прошломъ году всего 154.270.000 куб. ф. газа. Такое громадное протяженіе трубъ и малый сравнительно съ нимъ расходъ газа не могутъ не оказывать неблагоприятнаго вліянія и на результаты дѣятельности газоваго завода. Экономическая сторона газоваго дѣла въ Москвѣ требуетъ (и требованіе это, говоря безпристрастно, совершенно справедливо) измѣненія условій между городскимъ правленіемъ и компаніей, такъ какъ стоимость въ какую обходится Обществу газъ для городскихъ горѣлокъ превосходить плату получаемую имъ отъ думы. Приводимъ расчетъ стоимости газа въ Москвѣ, основанный на отчетѣ Петербургскаго Общества Столичнаго Освѣщенія за 1872 годъ, не принимая во вниманіе при этомъ расходовъ на зажиганіе, тушеніе и ремонтъ фонарей, разныхъ заводскихъ расходовъ и пр.

Ньюкастльскій уголь обходится Петербургской компаніи въ 13,93 коп. за пудъ, кеммельскій — въ 23,23 коп. Тонна (около 62 пуд.), состоящая изъ смѣси Ньюкастльскаго съ 5% кеммельскаго, даетъ 10.000 куб. ф. газа, которые стоятъ— 8 р. 92 к. въ Петербургѣ. Тѣ же 10 тысячъ куб. ф. газа, потребляемыхъ ежегодно уличною горѣлкою (считая 5 куб. ф. въ часъ при 2.000 часахъ горѣнія) обойдутся въ Москвѣ въ 19 р. 46 коп., т.-е. 17 к. на пудъ дороже, считая провозъ изъ Петербурга, кули и доставку. Московское газовое общество получаетъ за фонарь, устройство, ремонтъ, зажиганіе и тушеніе 14 р. 50 к. Петербургская уличная горѣлка, безъ устройства, ремонта, тушенія и зажиганія, оплачивается 29 рублями. Стоимость газа для частныхъ потребителей въ Москвѣ одинакова со стоимостью газа въ Петербургѣ, а именно 3 р. 50 к. на 1.000 куб. ф. Пятирублевый maximum, на который, повидимому, разчитывала компанія, оказался въ дѣйствительности

что очистка нефти была неудовлетворительна и масло содержало газообразныя вещества, или тѣмъ что продавцы, желая удешевить свѣтильный матеріалъ, прибавляли къ нему легкихъ маселъ, измѣняя этимъ и составъ и свойства его.

Разработка горнаго масла въ Америкѣ приняла громадныя размѣры. Источниковъ открыто было такъ много что для собиранія нефти не доставало ни рабочихъ рукъ, ни приемниковъ, и между тѣмъ цѣна на мѣстахъ сбыта, по недостатку въ средствахъ для перевозки нефти отъ колодцевъ, была настолько высока что свѣтильное масло не могло съ перваго раза вытѣснить другихъ свѣтильныхъ матеріаловъ. Но эти неудобства замедлявшія распространеніе горнаго масла въ скоромъ времени были устранены. Образовалось нѣсколько обществъ съ цѣлю удешевленія продукта. Одно изъ нихъ, „Компанія торговли горнымъ масломъ“ (Petroleum Trading Company) имѣло назначеніемъ исключительно перевозку его изъ Америки въ Европу и устроило корабли съ особыми приемниками; другое Canadian Native-oil Company, кромѣ перевозки имѣло цѣлю преимущественно очистку нефти; компанія же American Petroleum Company занялась разработкою новыхъ источниковъ. Количество привозимаго на рынокъ петролеума было такъ велико что дало поводъ Американцамъ надѣяться что этотъ предметъ торговли со временемъ можетъ вполне вознаградить убытки произшедшіе отъ хлопчатобумажнаго кризиса. Дешевизна продукта вызвала потребленіе минеральнаго масла въ значительныхъ размѣрахъ, а болѣе подробное изученіе его съ научной стороны дало возможность найти приложеніе и другимъ продуктамъ остающимся при его очищеніи. Легкія масла получаемыя въ началѣ перегонки служатъ для приготовленія скоро высыхающихъ лаковъ, для растворенія жировъ изъ смѣсянъ и животныхъ веществъ; изъ жидкости остающейся послѣ выдѣленія свѣтильнаго масла готовится смазочное масло и парафинъ. Наконецъ остатки нефти представляютъ едва ли не лучший изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ матеріалъ для добыванія газа. Газъ получаемый изъ нихъ, какъ показали опыты Болея, Бауера, Франкланда и др., отличается почти въ пять разъ большею свѣтильною способностію сравнительно съ каменноугольнымъ, и имѣетъ преимущество предъ нимъ еще въ томъ отношеніи что не содержитъ сѣрнистыхъ соединеній и другихъ веществъ дающихъ при сго-

раніи вредно дѣйствующіе продукты. Аппараты Гирцеля и Пинча, приспособленные къ полученію газа изъ нефтяныхъ остатковъ, распространяются быстро не только за границею, но и у насъ.

Не одна Америка отличается обиліемъ нефти. У насъ около Каспійскаго моря находятся обильные источники горнаго масла, изъ которыхъ можетъ получиться продуктъ одинаковаго достоинства съ американскимъ. Прикаспійскія нефтяныя источники славились еще въ прошломъ вѣкѣ и доставляли своимъ продуктомъ не малый доходъ персидскимъ владѣтелямъ. Приведу любопытное описаніе Бакинскихъ нефтяныхъ ключей сдѣланное знаменитымъ петербургскимъ академикомъ Гмелиномъ, посѣтившимъ ихъ въ 1771 году (Гмелинъ, *Путешествіе по Россіи*, ч. III, половина I, стр. 63 и слѣд. Петербургъ, 1778).

„По сѣверной сторонѣ отъ Баку до моря простирающійся полуостровъ Абшеронъ... есть неизчерпаемая matka нафты, или нефти. Симвъ именовъ на тамошнемъ языкѣ сіе природное горное масло называется. Въ три часа, вѣдуци верхомъ посредственно, можно доѣхать до неугасимаго огня.

„О мѣстѣ неугасимаго огня, не доѣхавъ еще до оного, можно узнать по нефтяному залаху, которой вѣдущихъ встрѣчаетъ. Если прійдешь на оное, то примѣтишь слѣдующее чудо природы. Мѣсто сіе, котораго величины опредѣлить не можно потому что оно съ теченіемъ лѣтъ переменяется, если приложишь къ нему уголь или другое горючее вещество, загараются, и пламень безпрестанно сильно продолжается, если его нарочно не потушишь, а сіе не иная учинить можно развѣ станешь замечывать землю или заливать довольнымъ количествомъ воды. Земля чрезъ которую нефть проходитъ принадлежитъ къ породамъ глины и есть нечистый мергель, потому что она сильно кипитъ въ минеральныхъ кислотахъ, въ огнѣ крѣпнеть и въ водѣ дѣлается мягкой, однако если ее станешь щупать, то она шероховата, потому что въ глинѣ есть вѣсколько и песку. Она цвѣтомъ бѣлая, иная больше, а иная меньше сѣра и кажется быть желтоватою. Она жъ напоена вся нефтяною матеріею, что какъ изъ цѣлыхъ кусковъ, кои червотою походятъ на уголь, такъ особливо изъ перегонки видно: выходитъ изъ нея вода иμβющая весьма противный залахъ, которой тотчасъ даетъ знать что къ его свойствамъ примѣшена и купоросная кислота. Сія земля, если выкопать на два дюйма въ глубину, гдѣ бѣ то на семь славномъ мѣстѣ учинено ни было, во мгновеніи ока загараются, какъ скоро горячій уголь или другое зажженное вещество приложить, пламень бываетъ изсиня желтый, который при тихой погодѣ и способствующемъ вѣтрѣ

поднимается въ вышину на нѣсколько футовъ, и самъ собою, какъ уже я сказывалъ, никогда не погасаетъ. Восходящій отъ него дымъ очень противенъ, и для слабыхъ грудью несносенъ. Горящія мѣста.... суть иныя продолговаты, иныя идутъ поперекъ, но есть также круглая и съ отростками. Они суть различной ширины и пламень изъ низъ подымается иногда шибко, а иногда тихо, а иногда столь сильно что какъ будто бѣ онъ мѣхами приведенъ былъ въ движеніе. Однакъ онъ земли не сжигаетъ; только то извѣстно что онъ ее такъ разгорячаетъ что близъ горящаго мѣста до нея руками дотронуться нельзя. Я подъ ней, выкопавъ на два фута въ глубину, не могъ найти ничего трепелу подобнаго, а земля, если пальцами пощупать, была нѣсколько нѣжнѣе, можетъ-быть оттого что тутъ мергель чище, и примѣсь песку, который къ поверхности земли хотя нѣсколько въ меньшемъ количествѣ пристааетъ, въ показанной глубинѣ совсѣмъ не примѣчается. Сей неугасимый огонь жителямъ бакинскимъ съ изрядною пользою служитъ для жженія извести. Подлѣ его выкапываютъ мѣсто величиною по произволению, набрасываютъ на оное въ известъ назначенные каменья, замечиваютъ ихъ выкопанною землею, и такъ известъ въ два или три дни послѣвается. На семь мѣстъ, котораго урочище Алесъ Гава называется, обыватели деревни Шрогана, которая отъ мѣста неугасимаго огня не съ большимъ на полверсты къ западу отстоитъ, варятъ себѣ кушанье: однимъ словомъ, на что надобенъ огонь, на то употребляется нефтяной. Жительство которое нѣкоторые индійскіе странствованики на семь мѣстъ избрали дѣлаетъ его еще славнѣе. Они суть потомки древнихъ геберовъ. Имя дервиши, коимъ ихъ простой народъ называетъ, имъ совсѣмъ, какъ изъ отдѣленія о персидскихъ нищихъ видно, не пристало. Они почитаютъ сей неугасимый огонь за нѣчто чрезвычайно святое, и за знакъ божества, которое себя людямъ ни въ чемъ чище и ни въ чемъ совершеннѣе представить не можетъ какъ въ огнѣ и свѣтѣ, яко такомъ веществѣ которое столь чисто что болѣе къ тѣламъ причислено быть не можетъ. Сіи благоговѣйные люди изъ Индіи, отечества своего, ходятъ для спасенія къ сему неугасимому огню въ Баку, и тамъ воздаютъ свое со страхомъ соединенное почтеніе Вѣчному Существу столь трогательнымъ образомъ что разсуждая объ ономъ о сихъ людяхъ совсѣмъ другое понятіе получишь нежели какое обыкновенно имѣемъ мы объ язычникахъ. Вокругъ того мѣста гдѣ безпрестанно огонь горитъ, имѣютъ они сдѣланные каменные храмы отъ двѣнадцати до двадцати футовъ вышиною, шириною различные, а внутри со сводами. Они построены крѣпко, ибо хотя первое заложеніе оныхъ къ давнимъ временамъ относится, однакожь въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ начинаютъ разваливаться. Въ храмахъ есть алтари, но теперь служеніе отправляется только въ одномъ, въ которомъ близъ алтаря есть труба вышиною въ два фута,

изъ которой прекрасный синий, съ краснымъ смѣшенный, ии маабйшаго залаху отъ себя не дающій пламень происходитъ. Она сверху такъ узка, что горшкомъ накрыть можно, и для того зимою служитъ для теплоты и во весь годъ для варенія тошанья. Какъ скоро горящую травяную приткнешь стволу, такъ скоро выдетъ изъ трубы пламень, который, если захочешь, наметываніемъ доскута суконнаго или войлочнаго лотушается. Индійцы, когда при себѣ или при другой трубѣ въ придѣланныхъ къ храмамъ подземельныхъ своихъ жилищахъ бывають, соблюдаютъ ничѣмъ не прерывающееся молчаніе или сидятъ подлѣ оныхъ просто или сложивъ обѣ руки вмѣстѣ загибають на голову (въ семь положеніи одинъ изъ нихъ, который за годъ предъ симъ умеръ, былъ непремѣнно чрезъ двадцать лѣтъ, и чтобъ исполнить нужды природы, то поилъ и кормилъ его другой), или держатъ одну только руку вверхъ, изъ коихъ одинъ чрезъ семь лѣтъ такимъ образомъ бѣдственно измучившись въ награжденіе окрѣпль. Они не терпятъ чтобъ имъ въ ихъ набожничествѣ какое-нибудь прелѣтствіе мѣшало, а въ чемъ оно состоитъ не могу ничего другаго сказать какъ только что при ономъ состояніи ихъ тѣла, ихъ тѣлодвиженія и суровый лица образъ величайшій стелень пресильно посвященнаго высокопочитанія означаютъ. Теперь сихъ странственниковъ есть еще только трое, коихъ содержитъ одинъ Индеецъ въ Шамахъ живущій, за котораго они и именемъ котораго молятся. Ибо сіе такъ бытаетъ что такіе странствующие люди не только для себя однихъ, но и для спасенія другихъ странствуютъ. Они ходятъ совсѣмъ наги, и головы у нихъ обриты, а срамныя части тѣла покрываютъ только доскутомъ холста, питаются сырыми кореньями и плодами. Если представить скелеть, на которой натянута черная кожа, то будешь имѣть понятіе о образѣ спасающагося при Бакѣ Индйца: столь сильно они изнуряють свое тѣло, столь худо стараются объ ономъ....

„Колодезь изъ котораго бѣлая нефть черпается находится недалеко отъ неугасимаго огня и едва ли на полверсты, подаваясь къ полуденно-западной сторонѣ, отстоитъ отъ онаго...

„Теперь бѣлая нефть идетъ только изъ одного ключа. Однако, какъ близъ онаго живущіе обыватели увѣряють, сіе перемѣняется повременно. Иногда идетъ она изъ одного, а иногда показывается въ другомъ, бываетъ также и то что одинъ другаго богатствомъ превосходитъ. Теперешній колодезь закрытъ камнями, въ промежуткахъ коихъ положенъ комъ глинны, на которой вырѣзано имя Бакинскаго хана и по сему никто нефти брать не можетъ, если поставленный надъ нею отъ хана надзиратель не распечатаетъ колодца...

„Какъ бѣлую, такъ и черную нефть сохраняють и возятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ, *тулуками* называемыхъ, въ деревянныхъ сосудахъ много у нея вѣсу убываетъ, глиняные служить съ лучшею пользою, а пригоднѣе всѣхъ на сіе

обязанность освѣщать городъ. Отъ увеличенія числа фонарей, усовершенствованія лампъ, введенія контроля, который вполне возможенъ и въ этомъ случаѣ, можно ждать такого улучшенія въ этомъ способѣ освѣщенія которое можетъ сдѣлаться серьезнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ городского освѣщенія вообще.

Мы назвали современную намъ эпоху въ исторіи городского освѣщенія эпохою господства каменноугольнаго газа. Конечно, это не послѣднее слово освѣтительной техники. Усовершенствованное приложеніе къ освѣщенію жидкихъ и газообразныхъ продуктовъ горнаго масла, быть-можетъ завтра же имѣющее осуществиться употребленіе новыхъ могущественныхъ источниковъ свѣтовыхъ лучей,—Друммондова, электрическаго свѣта,—могутъ далеко отгѣснить съ перваго плана нынѣшній свѣтильный газъ и доставить безчисленныя волны свѣта способныя прорвать ночную пелену. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ,—исторія нынѣ уже не считается столѣтіями,—и для будущихъ поколѣній блескъ тысячъ газовыхъ рожковъ освѣщающихъ лондонскія улицы и парижскіе бульвары покажется такимъ же скуднымъ освѣщеніемъ какимъ намъ представляется освѣщеніе нагорѣвшими сальными свѣчами, въ прошломъ вѣкѣ мерцавшими на улицахъ Парижа.

И. АРХИПОВЪ.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ

КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ *

II.

Въ 1837 году, послѣ того какъ генераль Фези занялъ и укрѣпилъ Хунзахъ, мы стали властителями Аваріи и могли разчитывать на постепенное овладѣніе всѣмъ Дагестаномъ.

Первою заботой было обезпечить новое владѣніе за нами, не только посредствомъ занятія нашими гарнизонами, но и посредствомъ связи съ Темиръ-Ханъ-Шурою, главнымъ военнымъ пунктомъ покорнаго Дагестана. Съ этою цѣлью съ 1837 по 1841 годъ былъ воздвигнутъ рядъ мелкихъ укрѣпленій, башенъ и блокаузовъ. Такая система имѣла большія невыгоды: желаніе прикрыть одну башню вызывало постройку другой, для поддержки этой оказывалось необходимымъ преградить неприятелю доступъ съ той или другой стороны, и ставилась олять башня или блокаузъ; чтобъ удержать за

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* октябрь 1872 года. Считаю необходимымъ повторить что настоящій трудъ мой не составляетъ чего-либо цѣльнаго и послѣдовательнаго; это не болѣе какъ отрывочные матеріалы могущіе пригодиться историку Кавказа.

собою пограничный или сомнительной преданности аулъ, отряжали небольшую команду съ пушкой и обращали какую-нибудь саклю въ импровизованное укрѣпленіе. Недостатокъ войскъ и вообще матеріальныхъ средствъ вынуждалъ мѣстныхъ начальниковъ Дагестана изощрять свои способности на придумываніе оборонительныхъ средствъ.

Послѣ общаго возстанія въ 1840 году всѣхъ Чеченцевъ, неудачной экспедиціи генерала Галафѣева и начавшихся въ Дагестанѣ волненій было наконецъ придано дагестанскимъ дѣламъ болѣе значенія, и въ 1841 году были собраны довольно значительныя боевыя силы, надъ которыми принялъ главное начальство самъ корпусный командиръ генералъ Головинъ. Въ глазахъ горцевъ это имѣло особую важность: самъ „сардаръ“ идетъ, говорили они; значить ужъ дѣло не на шутку. А „сардаръ“ (главнокомандующій) для нихъ былъ страшенъ со временъ А. П. Ермолова.

Начало экспедиціи было чрезвычайно удачно. Шамиль обѣщаль жителямъ Чиркея, одного изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ ауловъ на рѣкѣ Сулакѣ, не задолго предъ тѣмъ отъ насъ отожившагося, пожертвовать для ихъ защиты всѣмъ, хоть бы и жизнью; но при первой встрѣчѣ съ нашими войсками на Хубарскихъ высотахъ потерпѣлъ поражение и бѣжалъ, оставивъ Чиркей безъ защиты. Этотъ случай сильно повредилъ ему во мнѣніи горцевъ; довѣріе къ нему было подорвано даже между ближайшими помощниками его. Ахверды-Магома (одинъ изъ храбрѣйшихъ наибовъ) и андійскій кади (лицо чрезвычайно почетное) всенародно говорили Шамилю что имъ наскучилъ *замчій бѣгъ*, и что лучше смириться предъ Русскими если не умѣютъ съ ними драться. Они совѣтовали собрать всѣхъ способныхъ носить оружіе и въ послѣдній разъ испытать счастья въ бою; если же опять будутъ побѣждены, то покориться, ибо вѣрно Богу угодно чтобы мюридизмъ рушился. За эти слова андійскій кади былъ казненъ, а Ахверды-Магома смѣненъ съ наибоства. Казнь кади породила еще большій ропотъ между Андійцами; они громко выражали намѣреніе предаться Русскимъ; мнѣніе ихъ раздѣляли сосѣди Гумбетовцы и ждали съ нетерпѣніемъ прихода нашего отряда.

Но невѣдомыя силы руководили нашими дѣйствіями. Казалось бы, какихъ еще болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ ожидать! Какъ не воспользоваться такимъ положеніемъ дѣла

въ непокорномъ краѣ, какъ не двинуться туда чтобы своимъ присутствіемъ ободрить недовольныхъ и навести страхъ на разбитаго непріятеля, поставленнаго внутренними раздорами въ опасное положеніе? Нѣтъ; какія-то непоятныя соображенія отвлекли насъ въ сторону и, вмѣсто Гумбета и Авди, мы очутились въ Аухѣ, давъ горсти Чеченцевъ возможность услѣшно драться съ нами въ лѣсахъ. Хотя аулы Ауховцевъ были при этомъ раззорены, но это не принесло никакой пользы.

Ограничившись занятіемъ Чиркея, близь котораго было заложено укрѣпленіе Евгеніевское (въ честь генерала Головина, Евгенія Александровича) и устроившемъ нѣсколькихъ незначительныхъ постовъ по рѣкѣ Сулаку, для прикрытія Шамхальской плоскости отъ набѣговъ, корпусный командиръ распустилъ свой отрядъ. Не взирая на помесенное Шамилемъ на Хубарскихъ высотахъ пораженіе и потерю Чиркея, экспедиція эта своимъ незначительнымъ результатомъ принесла ему отчасти пользу: Горцы увидѣли что съ Русскими, даже когда ими начальствуетъ „сардаръ“, все-таки можно бороться. А нѣсколько отъ ауховскихъ семействъ, выселенныхъ нами на плоскость, были вскорѣ раззорены Шамилемъ и, не видя отъ насъ защиты, бѣжали обратно, потерявъ напрасно имущество и заслуживъ презрѣніе земляковъ. Наконецъ неумѣстная слабость къ Чиркеевцамъ, которые ожидали за измѣну казни и совершеннаго раззоренія, а встрѣтили полное снисхожденіе, убѣдила горцевъ что измѣна Шамилю страшнѣе измѣны намъ.

Уѣзжая изъ Дагестана, генералъ Головинъ былъ убѣжденъ что занятіемъ Чиркея для спокойствія Дагестана сдѣлано очень много и особенно важныхъ событій ожидать тамъ нельзя. На всякій случай онъ оставилъ генералъ-майору Клюкифонъ-Клугенау, начальствовавшему въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ Тифлискаго егерскаго полка. (Тогда на Кавказѣ считалось это не малою силою.)

Не услѣди войска разойтись по квартирамъ, а генералъ Головинъ уѣхать въ Тифлисъ, какъ нравственный перевѣсъ Шамиля сталъ обнаруживаться фактически: покорныя намъ общества Авдалая и Карахъ поддались внушеніямъ Кубитъ-Магомы и измѣнили; въ Койсубудинскомъ обществѣ, въ Салатавіи и значительной части Аваріи стала обнаруживаться склонность къ переходу на сторону шоридовъ.

Въ архивѣ главнаго штаба въ Тифлисѣ есть цѣлое дѣло на 300 листахъ составившееся изъ постоянныхъ донесеній генерала Клюки-фонъ-Клугенау о положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ; чрезъ каждыя двѣ недѣли онъ представлялъ въ Тифлисѣ обзоры состоянія вѣреннаго ему края, озаглавливая ихъ такимъ образомъ: „Обзоръ *бѣдственнаго* положенія дѣлъ въ Дагестанѣ“. Всѣ его донесенія и обзоры были чрезвычайно подробны и основательны; онъ прилагалъ разные документы подтверждавшіе его слова; съ математическою точностью высчитывалъ употребленіе бывшихъ у него средствъ и причины почему необходимо ихъ усиленіе. Но изъ дѣла не видно чтобы въ Тифлисѣ было обращено особенное вниманіе на его донесенія; все считалось преувеличеннымъ и, какъ намъ кажется, принималось за желаніе генерала Клюки придать болѣе значенія своему управленію. Его настойчивыя просьбы объ усиленіи войсками Дагестана встрѣчали или отказъ, или весьма неэнергическія распоряженія. Замѣтимъ что переписка, по тогдашнему состоянію нашихъ сообщений, была еще медленнѣе теперешней; такъ что весьма нужныя донесенія получались въ Тифлисѣ черезъ мѣсяць; напримѣръ, донесеніе отъ 29го декабря 1841 года прибыло въ Тифлисъ 27го января 1842 года. Принимая въ соображеніе что еще мѣсяць требовался для полученія отвѣта, да недѣля пока бумага исполнена въ Тифлисѣ, получимъ 65 дней на разрѣшеніе обстоятельства отъ котораго быть - можетъ зависѣло сохраненіе края локореннаго многими жертвами.

Не получая удовлетворенія своимъ ходатайствамъ объ усиленіи средствъ, генералъ Клюки отправилъ въ Тифлисъ кайсубудинскаго пристава майора Н. И. Евдокимова, для личнаго доклада генералу Головину подробнаго состоянія дагестанскихъ дѣлъ и испрошенія нѣкоторыхъ разрѣшеній.

Чтобы судить до какой степени въ Тифлисѣ не достигали истиннаго значенія тогдашнихъ событій и уменьшали важность Шамилевскихъ предпріятій, приведу почти дословно то что мнѣ разказывалъ лично графъ Евдокимовъ о его переговорахъ съ генераломъ Головинымъ. „Разъ потребовали меня къ корпусному командиру“, разказывалъ графъ Николай Ивановичъ. „Войдя въ кабинетъ я засталъ тамъ исправляющаго должность начальника штаба полковника Иванова и корпуснаго интенданта полковника Арцуни. Генералъ Головинъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о положеніи Нагорнаго

Дагестана, спросилъ: На чемъ основываетъ генералъ Клу-генау свое донесеніе о сомнительной покорности Казыкумух-скаго ханства и возможности занятія его Шамилемъ? На это я отвѣчалъ что по безпрестанно полученнымъ оттуда свѣдѣніямъ, Казыкумухцы въ сношеніяхъ съ непріателемъ, человекъ 300 тамошней молодежи служатъ при Шамилѣ и Кибитъ-Магомѣ, что это вовлекаетъ и другихъ къ участію въ непріязненныхъ противу насъ дѣйствіяхъ, что правительница ханства и ея помощникъ не выказываютъ никакой энергіи къ прекращенію сношеній своихъ подвластныхъ съ мюридами, и что при измѣнѣ Андалая и Караха, союзныхъ съ Казыкумухомъ, непріятелю теперь весьма легко занять это ханство, чрезвычайно важное для насъ по своему центральному положенію между Сѣвернымъ и Южнымъ Дагестаномъ, по своему вліянію на всѣ окрестныя покорныя общества, особенно на Акушу и Цудахарь. Полковникъ Ивановъ возразилъ на это что хотя онъ недавно занимаетъ должность начальника штаба, но сколько можетъ судить, по внимательномъ прочтеніи дѣлъ о предшествовавшихъ событіяхъ, ему кажется что г. майоръ Евдокимовъ слишкомъ въ черныхъ краскахъ рисуетъ положеніе Дагестана и преувеличиваетъ опасеніе. „Совершенно согласенъ съ вами,“ прибавилъ генералъ Головинъ, и взявъ со стола какую-то бумагу, съ движеніемъ видимаго неудовольствія, передалъ ее мнѣ сказавъ: извольте это прочитать, г. майоръ. Я прочиталъ бумагу; это былъ рапортъ самурскаго окружнаго начальника подполковника Василя Карганова, которому подчинялся и Казыкумухъ. Онъ доносилъ о безлокойствахъ въ Андалаялѣ и прибавлялъ что благодаря *благоденствію* которымъ наслаждаются всѣ покорныя горскія общества подъ *мудрыми и отеческими покровительствомъ* *высшаго начальства*, а также принятымъ имъ, Каргановымъ, мѣрамъ къ охраненію предѣловъ Казыкумухскаго ханства, можно быть совершенно увѣреннымъ въ сохраненіи тамъ полнаго спокойствія. Возвративъ генералу Головину бумагу, я замолчалъ не рѣшаясь дальнѣйшими объясненіями раздражать корпуснаго командира и думая объ одномъ только какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго порученія и увѣхать изъ Тифлиса.“

Между тѣмъ не прошло трехъ съ половиною мѣсяцевъ, Казыкумухъ былъ занятъ Шамилемъ, окружный начальникъ подполковникъ Снаксаревъ замѣтившій умершаго между

тѣмъ Корганова, вмѣстѣ съ своимъ конвоемъ и находившимся съ нимъ адъютантомъ генерала Фези, княземъ Павломъ Орбелиани, * были взяты въ плѣнъ. Возстаніе стало распространяться по всему краю....

Впрочемъ нельзя умолчать и о томъ что самъ генералъ Ключи какъ бы ослабѣвалъ въ увѣренности что Дагестану угрожаетъ серьезная опасность. Такъ, 7го ноября онъ доносилъ что имѣя въ виду чрезмѣрныя издержки и крайне затруднительное продовольствіе усиленнаго числа войскъ въ Аварію и не видя притомъ *рѣшительной необходимости* въ такомъ числѣ, сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи четырехъ ротъ оттуда въ Темиръ-Ханъ-Шуру (тамъ было всего 10 ротъ). Что продовольствіе войскъ расположенныхъ въ горахъ дѣйствительно составляло важное затрудненіе, особенно въ тѣ времена, при полной бѣдности матеріальныхъ средствъ на мѣстѣ, въ томъ нѣтъ спору; но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ нужно было энергически преодолѣть всѣ затрудненія и удержать въ Аварію четыре роты, отъ присутствія которыхъ зависѣла быть - можетъ дѣлать локорныхъ ауловъ. Въ послѣдствіи генералъ Ключи самъ же распорядился отправить провіантъ въ Аварію на полковыхъ, туземныхъ, ротныхъ артельныхъ и даже собственныхъ офицерскихъ лошадяхъ. Но онъ вѣрно и самъ не совершенно былъ убѣжденъ въ силѣ непріятеля, которымъ до 1843 года всѣ пренебрегали....

Итакъ 7го писалъ онъ свое донесеніе что не видитъ *рѣшительной необходимости* удерживать усиленное число войскъ въ горахъ, а 17го и 18го числѣ Ундукулъ, Балаканы и Гимры, важнѣйшіе Кейсубудинскіе аулы, были ужъ заняты Шамилемъ. Тогда генералъ Ключи попытался наступательнымъ движеніемъ прогнать оттуда мюридовъ, но не имѣлъ успѣха и далъ тѣмъ ловодъ корлускому командиру, недовольному его пессимизмомъ, окончательно устранить его изъ Дагестана.

Вслѣдъ за измѣной Авдаляла и Караха, безлокойства стали обнаруживаться въ Кейсубу и Аварію; весь край, несмотря на предпринятая болѣе или менѣе энергическія мѣры, былъ въ тревожномъ состояніи. Чтобы охарактеризовать положеніе дѣлъ обращаюсь къ послѣднему обзору представленному генераломъ Ключи въ Тифлисъ 31го декабря 1841 года.

---

* Убитъ подъ Башъ-Кадыкааромъ въ сраженіи съ Турками въ ноябрѣ 1853 года, въ чинѣ генералъ-майора, команда Грузинскихъ гренадерскихъ полкомъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ присягнула намъ Аварія, то-есть съ 1834 года, писалъ генералъ Кюки, никогда дѣла наши не были въ такомъ бѣдственномъ положеніи какъ телеры; плоды семилѣтнихъ усилій исчезаютъ съ каждымъ днемъ; нравственно мы уже утратили все; мы не хозяева горъ, нѣтъ ни одного аула который бы не былъ готовъ сейчасъ поднять противъ насъ оружіе.

„Истинно горцы никогда не были и никогда не могутъ быть намъ преданы; но страхъ къ силѣ Русскихъ и нѣкоторыя выгоды пріобрѣтаемыя подъ нашею властью заставили замолкнуть духъ ненависти внушаемый исламизмомъ; съ годами онъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, — корысть и честолюбіе привязывали къ намъ все большее число горцевъ. Это долгій, трудный, но единственный луть для утвержденія русской власти въ Дагестанскихъ горахъ;* каждый шагъ на

---

* Въ этомъ я не согласенъ съ генераломъ Кюки; напротивъ такую покорность горцевъ слѣдовало приписывать именно ложной системѣ дѣйствій посредствомъ страха и возбужденія корыстолюбія. Страхъ и корыстолюбіе—плохіе рычаги въ дѣлѣ администраціи: они дѣйствуютъ пока поддерживаются, при первомъ ослабленіи забываются и оставляютъ самое дурное впечатлѣніе; поддерживать же ихъ не легко и слѣшкомъ дорого стоить. Хорошо устроенная администрація, примѣненная къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, нравамъ и обычаямъ, съ толковыми, энергическими и добросовѣтными представителями власти во главѣ—вотъ средство для достиженія цѣли, къ которой мы такъ долго и съ сомнительнымъ успѣхомъ стремились со штыками въ одной и подарками въ другой рукѣ. Справедливый и быстрый судъ, вниманіе къ нуждамъ народа, уваженіе къ личности, строгое исполненіе условій и обещаній даваемыхъ съ обдуманною осторожностью, развитіе благосостоянія посредствомъ поощренія торговли и промышленности, побольше дорогъ, побольше школъ,—вотъ главные луты по которымъ достаточно просвѣщенный начальникъ безъ особыхъ затрудненій можетъ идти къ цѣли. А на вѣчный возгласъ: гдѣ взять людей для такой администраціи? мнѣ кажется лишнимъ отвѣчать: „люды родятся, администраторы дѣлаются“. Практическіе дѣятели образуются не при ловышеніи въ чинъ, даже не всегда долговременною службой, производящею больше рутинеровъ, формалистовъ: „поищите и обратете“. Только поискать-то нужно умючи, не въ спискахъ по старшинству производства. Затѣмъ, найдши такого человѣка, ужъ нужно прибегнуть къ нему, обезпечить его матеріально и, такъ-сказать, нравственно, то-есть не унижать публичнымъ контролемъ; придирками,

вемъ важенъ и стоить намъ многихъ пожертвованій; тѣмъ чувствительнѣе для насъ потеря плодовъ многихъ лѣтъ.“

Такое бѣдствіе не могло произойти мгновенно и неожиданно.

Наблюдая за ходомъ дѣлъ въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, продолжаетъ генералъ Кюки, я вижу что до начала іюня 1841 года, расположеніе умовъ въ нелокорныхъ обществахъ было самое выгодное для насъ: Гумбетовцы искали покорности и извѣщали Салатавцевъ чтобъ они не опасались ихъ, что если Шамиль предприметъ нападеніе, то они извѣстятъ Салатавцевъ. Въ Андій Шамиль казнилъ Бай Сулеймана, сильнаго, богатаго Андійца; смѣнилъ и штрафовалъ главнаго кадія за тайное расположеніе къ Русскимъ; послѣдняго выслалъ въ Карату, а самъ, опасаясь общей готовности Андійцевъ покориться намъ, удалился въ Дарго; Орта, оба Харадерика, Харачи, Джематури и Коло передались правителю Аваріи Ахметъ-хану; Игали готовились покориться.

Въ іюнь умы горцевъ *приняли другое направленіе*: во время пребыванія главнаго отряда въ землѣ Ауховской, потребовавю Шамиля, Гумбетовцы уже отправлялись Это числа въ Дарго, для сопротивленія Русокимъ со стороны Ичкеріи; Гаужи-Муратъ приглашалъ Шамиля вторгнуться въ Аварію. По возвращеніи отряда изъ Ауховской экспедиціи, были открыты тайныя сношенія возмутителей между собою и съ Адаляльцами и усилія ихъ къ возбужденію общаго возстанія — разсвѣяніемъ ложныхъ слуховъ насчетъ неудачныхъ дѣйствій Дагестанскаго отряда и внезапнаго отъѣзда корпуснаго командира въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ іюль опредѣлительно сдѣлались извѣстны намѣренія Шамиля, Гаджи-Мурата и Ахверды-Магомы: они условились предпринять рѣшительныя мѣры къ развитію мятежа въ Аваріи и Кейсубу, но не раньше какъ когда будетъ распущенъ отрядъ. А въ двадцатыхъ числахъ іюля ихъ самонадѣянность до того возросла что они, не ожидая распущенія отряда, рѣшились

отказами дать ему больше свободы дѣйствій, требуя только результатовъ и высккивая лишь за нихъ. Да не сѣдовало обходить ихъ и наградами сравнительно съ другими получавшими ихъ „за участіе“ въ дѣлахъ съ горцами. Теперь, съ окончательнымъ покореніемъ всего Кавказа, обстоятельства измѣнились, многое по части управленія горцами сдѣлано, повидимому, на болѣе основательныхъ, разумныхъ началахъ; но каковы результаты—я, за отсутствіемъ всѣхъ свѣдѣній, изъ моего „далекѣ“, судить не могу.

начать наступательныя дѣйствія; первый открылъ ихъ Гаджи-Муратъ: онъ началъ собирать партію въ селеніи Цолодѣ для вторженія въ Аварію. Между тѣмъ Ассинскій округъ, Хидатлинское общество, Верхній и Нижній Батлуга присягнули ему; 2го же августа онъ овладѣлъ безъ сопротивленія Токитою въ присутствіи 1.500 человекъ аварской милиціи, которая не думала подавать помощи или предпринимать что-нибудь противъ непріятеля.

Неспокойствіе Андалалля, Хидатлинскаго общества, измѣна Токиты и Батлуговъ, все показывало неблагопріятный для насъ духъ въ покорныхъ и непокорныхъ намъ горцахъ, всю обширность предпріятія и опасную рѣшительность возмутителей. Въ такомъ положеніи была дѣла Дагестана до отъѣзда генерала Головина изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Тифлисъ.

Рядъ этихъ происшествій составляетъ первый періодъ общаго волненія Дагестана.

Сентябрь и половина октября прошли безъ особенныхъ предпріятій со стороны непріятеля; только незначительныя партіи дѣлали набѣги чрезъ Сулакъ на плоскость между Миялами и Казіуртомъ.

Такое продолжительное бездѣйствіе непріятеля было слѣдствіемъ значительной транспортировки нами провіанта въ Зырянъ, разработки дороги къ Игаламъ, движенія плѣхоты къ Ашильтамъ для построенія башенъ у Ашильтинскаго моста. Все это тревожило горцевъ. Игалинцы стали готовиться къ защитѣ; изъ обществъ по Андійскому Коису люди начали собираться къ нимъ на помощь, всѣ ожидали наступательныхъ дѣйствій русскихъ войскъ. Дѣйствительно, генералъ Кююки *готовился* взять крѣпкій аулъ Игали чтобы нанести ударъ непріятелю и тѣмъ усилить въ немъ ослабленный страхъ къ силѣ Русскихъ,—необходимое условіе для спокойствія намъ покорныхъ. *

Между тѣмъ Шамиль, опасаясь быть выгнаннымъ изъ Ичкеріи, рѣшилъ приготовить себѣ новое убѣжище, а потому хотѣлъ заблаговременно привести въ исполненіе свое пред-

* Нельзя же упрекнуть генерала Кююки въ отсутствіи на этотъ разъ энергіи, которою онъ обыкновенно вполнѣ обладалъ; даже съ ограниченными средствами, бывшими у него подъ рукою, кажется можно было предпринять кое-что болѣе.

пріятіе, употребивъ на это всё зависящія отъ него средства. Предугадывая рѣшительныя дѣйствія съ нашей стороны и понимая какое вредное вліяніе они могутъ произвести на умы горцевъ, онъ послѣдилъ предупредить насъ, * пользуясь усиленіемъ себя Хидатлидцами, Кхелебцами, Ассинцами, отложившимися аварскими деревнями и зная готовность Андалая къ измѣнѣ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ Джавать-хана съ нѣсколькими стами Чеченцевъ къ Кибить-Магому и приказалъ имъ открыть дѣйствія съ одной, а аргуанскому Абукеръ-кадію съ Уллубей-муллою съ другой стороны; для развлеченія же нашихъ силъ распустилъ слухъ что онъ самъ намѣренъ со скопищемъ изъ Андійцевъ и Ичкеринцевъ поддерживать вторженіе Гаджи-Мурата въ Аварскую долину со стороны Цельмеса.

Кибить-Магома, собравъ изъ возставшихъ обществъ и отложившихся аварскихъ деревень болѣе 2.000 человекъ, при содѣйствіи Джавать-хана, 12го октября занялъ аварскія деревни Могохъ, Хиндахъ, Кони и Зикиты. 18го передался ему Голотль и онъ двинулся для овладѣнія Кородахскимъ мостомъ; общества Куяда, Карахъ, андалаяльскія селенія Курода, Рогоджа, Гунибъ, Гутучи, Хиндахъ; акушинскія: Кудаль, Міалы съ хуторами Турота и Мурота измѣнили намъ и подъяли противъ насъ оружіе; скопище непріятели возросло до 4.000; Кибить-Магома приказалъ укрѣплять Гунибъ и свозить туда заласы.

Быстрое распространеніе мятежа вполнѣ подтвердило прежнія донесенія и личные доклады корпусному командиру, во время пребыванія его въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, о волненіи Андалаевъ и тѣсныхъ ихъ сношеніяхъ съ возмутителями.

Въ это же время, 22го октября, партія Гаджи-Мурата овладѣла селеніемъ Цалкитюю—входомъ въ Аварскую долину; а 22го октября до 2.000 Ауховцевъ, Гумбетовцевъ и частію Салатавцевъ заняли Буртунай и Хубары, а всё верхнія сала-тавскія деревни дали непріятелю аманатовъ (заложниковъ).

Не имѣя средствъ сопротивляться непріятелю на всѣхъ пунктахъ, тѣмъ менѣе защищать каждый аулъ, генералъ Каюки отправилъ въ Аварію 14го октября послѣдовательно восемь ротъ, считая защиту Аваріи, центра горъ, дѣломъ главнѣйшимъ, на которое должны быть употреблены всё усилія.

* Нужно было всеми силами стараться его предупредить.

Предпринять что-нибудь противъ Салатау генераль рѣшительно не имѣлъ силъ, да и считалъ совершенно бесполезнымъ; жители, давъ аманатовъ Шамилю, оправдывали себя необходимостью.

Такъ какъ со стороны Кюродахскаго моста угрожала наибольшая опасность, то баталіонъ съ двумя горными единорогами и при немъ до 2.000 аварской и мехтулинской милиціи расположились въ новомъ Гоцатлѣ. Двѣ роты съ горнымъ единорогомъ находились въ Ахалчи и двѣ роты, какъ резервъ, въ Хунзахѣ. Селеніе Цатаныхъ было занято двумя ротами съ горнымъ единорогомъ. Сверхъ того, было приказано взять аманатовъ со всѣхъ аварскихъ и койсубулинскихъ деревень, заарестовать стада барановъ главныхъ андалальскихъ селеній, находившихся въ Шамахальскихъ и Мехтулинскихъ владѣніяхъ, и представлено корпусному командиру о задержаніи въ видѣ аманатовъ всѣхъ андалальскихъ торговцевъ въ Тифлисъ, Шемахъ и Кизляръ.

Эти мѣры и слухъ разнесшійся въ горахъ о движеніи значительныхъ силъ изъ чеченскаго отряда въ Дагестанъ имѣли самыя благопріятныя послѣдствія: непріятель не рѣшался вторгнуться въ Аварію и далѣе въ Андалаль, опасеніе за своихъ торговцевъ и барановъ заставило Андалальцевъ главныхъ селеній отказаться отъ участія въ мятежѣ. Непріятель, не надѣясь пріобрѣсти болѣе успѣховъ, разошелся по домамъ.

Этимъ кончился второй періодъ возстанія Нагорнаго Дагестана.

Содержаніе значительнаго числа войскъ въ горахъ въ теченіи долгаго времени было невозможно по недостатку средствъ къ перевозкѣ провіанта, который во время лѣта не былъ заготовленъ; поэтому баталіонъ Алшеронскаго полка былъ возвращенъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а двѣ роты Мингрельскаго полка посланы для занятія Султанъ-Янгирта и обезпеченія плоскости отъ вторженія со стороны возмущившихся Салатау и Чечни.

Между тѣмъ предписано было для усиленія обороны Аваріи, Койсубу и Сулака устроить башни и завалы на всѣхъ пунктахъ чрезъ которые можетъ вторгнуться непріятель, а именно: въ Аваріи башни предъ Гоцатлемъ на двухъ тропинкахъ отъ Карадахскаго моста прямо въ Аварскую долину; надъ кручею по дорогѣ отъ Холотля въ Хунзахъ; въ Цалки-тѣ завалы надъ кручею предъ Сіухомъ. Этимъ обезпечивалось

Аварія и Койсебу со стороны Талитли, Глоха и Игали. Далѣе отъ Балаканскаго ущелья шли: укрѣвленіе Зиряны, башня у Уцукудьскаго моста, укрѣвленіе Гимры, башни близъ Ашильтинскаго моста и Бузнатау; потомъ башня у Ахатлинской переправы, укрѣвленіе Евгеніевское, Міятлинскіе блокгаузы, вновь сооружаемыя пять башенъ отъ Міятловъ до Чантъаула, укрѣвленіе Казпортъ, что все вмѣстѣ составляло непрерывную оборонительную линію по Сулаку. * Въ селеніяхъ Гоцатлѣ и Ахаачи, какъ въ пунктахъ прикрывающихъ Аварскую долину отъ вторженія, расположено въ каждомъ по полубаталіону съ горнымъ адиворогомъ; передовые пункты и башни занимала милиція и составляла аванпосты или передовую линію для обороны, пѣхота же служила резервомъ и должна была поддерживать въ Аухѣ и Цалкитѣ, и принять на себя въ Новомъ Гоцатлѣ милицію, еслибъ она была атакована непріятелемъ.

* Послѣдствія показали всю ошибочность подобной оборонительной системы: въ 1843 году всѣ эти ничтожныя укрѣвленія и башни со самими гарнизонами были взяты горцами, которые приобрѣли такимъ образомъ значительную артиллерію, огромное количество снарядовъ и чрезвычайный нравственный перевѣсъ, отразившійся даже на нашихъ войскахъ. Страсть къ башнямъ и разнымъ построѣнкамъ въ теченіе довольно длиннаго періода шѣла на Кавказѣ значительное число приверженцевъ; только горькій опытъ убѣдилъ наконецъ всѣхъ что самая лучшая оборона—наступленіе; что двѣ-три подвижныя самостоятельныя колонны лучше двадцати укрѣпленій съ ничтожными гарнизонами, не смѣющими показать носа изъ-за стѣнокъ и неуверенныхъ въ возможности удержаться. Распоряженія генерала Каюки въ этомъ случаѣ оправдываются, по словамъ нѣкоторыхъ его сослуживцевъ, ограниченными средствами бывшими у него для дѣйствій въ полѣ; но я все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи что лучше было бы держать двѣ колонны по два баталіона съ двумя орудіями на центральныхъ пунктахъ, угрожая непріятелю во всѣхъ направленіяхъ, чѣмъ раздроблять войска и не имѣть возможности ни двгаться, ни защищать ихъ. Затрудненія въ продовольствіи войскъ въ горахъ были бы однаково трудны и въ укрѣпленіяхъ, и въ лагеряхъ. Въ неотвращеніи этихъ затрудненій слѣдуетъ однако вполнѣ обвинять тифайское начальство, которое не обращало вниманія на настоятельныя представленія объ этомъ генерала Каюки. Если оно само не обладало достаточными средствами и властью, то должно было болѣе энергически представлять дальше, въ Петербургъ.

Главный резервъ всѣхъ войскъ находился съ генераломъ Каюки въ Шурѣ; ожидая послѣ 12го ноября сильнаго нападенія на Шамхальскую плоскость со стороны Ауховской земли, онъ усилилъ его по возможности.

17го ноября непріятель снова открылъ свои дѣйствія.

Шамхаль предположилъ сдѣлать вторженіе въ Кейсубу и въ Аварію съ трехъ оторонъ въ одно время, чтобы совершенно прервать наши сообщенія съ Аварією и наконецъ достигнуть цѣли постоянныхъ своихъ усилій и желанія всѣхъ горцевъ, начиная съ перваго восстанія Казы-Муллы: овладѣнія Аварією.

Абукеръ-кадіи долженъ былъ занять Ундукуль и овладѣть Балаканскимъ ущельемъ, Кибитъ-Магома взять Гоцатъ, или занять Гергибилъ, Кикумы, Кудукъ и соединиться съ Абукеръ-кадіемъ. Для развлеченія нашихъ силъ распустили слухъ что Джавать-ханъ намѣренъ вторгнуться въ Аварскую долину со стороны Цельмеса; диверсія въ этомъ направленіи была сдѣлана жителями Тлоха и отложившихся аварскихъ деревень.

17го числа Абукеръ-кадіи съ партией въ 2.000 человекъ занялъ Ундукуль и Харачи, 18го вторгнулся въ Балаканское ущелье и овладѣлъ Моксохомъ, 18го же отложились Гимры. Узнавъ объ измѣнѣ Ундукуля, генералъ Каюки-фонъ-Клугенау отправилъ баталіонъ Алперонскаго пѣхотнаго полка для защиты Балаканскаго ущелья. *

* Трудность продовольствовать войска въ горахъ и необходимость имѣть сильный резервъ въ Шурѣ для отраженія непріятеля со стороны Ауховской земли, ободреннаго успѣшнымъ набѣгомъ на Кумыкскую землю, были причиною что Балаканы *прежде не были* заняты русскою пѣхотою, но въ нихъ было Араканской милиціи 200 человекъ. Сверхъ того, до измѣны Ундукуля, не было никакой нужды занимать Балаканы нашими войсками. Цатанихъ и Ундукуль совершенно закрываютъ Балаканское ущелье. Цатанихъ, какъ слабый аулъ, былъ занятъ двумя ротами съ горнымъ единорогомъ, а Ундукуль, сильнѣйшій изъ ауловъ въ горахъ, былъ безопасенъ отъ всякаго нападенія, когда оставался вѣрнымъ. Выдача Ундукульцами аманатовъ въ концѣ октября, вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ генерала Каюки, и доставка имъ дровъ въ Заряны могли быть речательствомъ что Ундукуль не измѣнитъ, по крайней мѣрѣ скоро. Неожиданная измѣна этого аула произошла въ продолженіи трехъ дней, а извѣстіе о готовящейся измѣнѣ пришло только двумя часами ранее извѣстія о рѣшительномъ отложениіи. (Изъ дописанія генерала Каюки-фонъ-Каугенау.)

Имяна части Балаканцевъ была причиною что непріятель предупредилъ насъ въ ущельи; но счастливое овладѣніе вышедшими изъ Хунзаха войсками Моксохомъ, въ ночь съ 19го на 20е ноября, и единовременное движеніе баталіона Апшеронскаго полка отъ Зиряновъ, заставило непріятеля очистить Балаканы, партія Абукеръ-кадія возвратилась въ Ундукулъ, прямое сообщеніе наше съ Аварією было восстановлено.

Съ 18го на 19е число, партія Гаджи-Мурата, собравшаяся въ Хараки, сдѣлала нападентіе на Цалкиту, потомъ на Могахъ, но безъ успѣха, и заняла Джемитури. 21го числа Абукеръ-кадія хотѣлъ овладѣть Цатанихомъ, но былъ отраженъ.

Между тѣмъ Кибитъ-Магома, которому было велѣно отъ Шамиля 19го числа сдѣлать нападентіе на Гоцатль, только въ ночь на 23е перешелъ на Карадахскій мостъ; чрезъ это непріятель потерялъ выгоду совокулнаго нападентія съ трехъ сторонъ, и далъ время третьему баталіону Апшеронскаго пѣхотнаго полка очистить Моксохъ и принудить непріятеля отказатьса отъ дальнѣйшихъ покушеній на Цалкиту и Цатанихъ; послѣ того три роты успѣли изъ Ахалчи занять позицію у Карадахскаго моста, угрожая сообщеніямъ Кибитъ-Магомы, еслибъ онъ рѣшился атаковать Гоцатль. Кибитъ-Магома, имѣя до 5.000, не хотѣлъ отказатьса отъ своего намѣренія овладѣть Гоцатаемъ, но медлилъ атаковать его. *

Критическое положеніе дѣлъ, по измѣнѣ Ундукуля, Балаканъ и Гимровъ, и угрожающая опасность отъ вторженія 5.000 горцевъ со стороны Карадахскаго моста и 2.000 отъ Ундукуля заставили генерала Ключи рѣшиться открыть наступательныя дѣйствія, несмотря на совершенный недостатокъ средствъ къ перевозкѣ провіанта и фуража; одна пассивная оборона все болѣе и болѣе увеличивала дерзость непріятеля.

Прибытіе двухъ баталіоновъ Тифлискаго полка (присланныхъ генераломъ Граббе изъ Чечни на подкрѣпленіе Дагестана) дало возможность выступить изъ Темиръ-Ханъ-Шуры съ 3½ баталіонами пѣхоты и съ двумя полевыми орудіями.

Движеніе такихъ *значительныхъ* силъ ** въ горы было при-

* Въ партіи Кибитъ-Магомы были горцы даже изъ-за снѣговаго хребта, а именно изъ Андуха, изъ локорныхъ намъ обществъ Хенверухцы и до 300 Кавыкумыковъ.

** Вотъ времена-то были! Баталіонъ ходилъ освобождать Аварією отъ нашествія непріятеля, 3½ баталіона оставали значительныя силы; а чрезъ 2½ года послѣ того мы съ тридцатью баталіонами боимся

чиною что Абукеръ-кади, опасаясь быть захваченнымъ съ тыла, не рѣшился идти на содѣйствіе Кибить-Магому, а прибытіе шести ротъ съ двумя горными единорогами, отправленныхъ впередъ для отраженія скопища отъ Карадахскаго моста, заставило удалиться Кибить-Магому въ селеніе Кораду, и часть горцевъ немедленно разошлась по домамъ. Но измѣна Гергебиля и сдача аула Кикуну нѣсколько вознаградили ихъ неудачу.

Заставивъ непріятеля удалиться отъ Карадахскаго моста и получивъ въ то же время свѣдѣніе что Ундуккульцы выйдутъ съ просьбою о пощадѣ при первомъ приближеніи Русскихъ, генераль Кляуки направилъ всѣ силы свои въ Цатанухъ, а авангарду приказалъ очистить дорогу къ Ундукую.

Согласно этому, авангардъ быстро и внезапно овладѣлъ плоскостью Бетлецкой горы; но Ундуккульцы не явились съ покорностью, что ясно доказало ихъ измѣну; атаковать же безъ крайней нужды, открыто, аулъ занятый сильною партией, съ 3¹/₂ баталіонами, было бесполезно, тѣмъ болѣе что дорога, покрытая гололедицей, для провоза полевыхъ орудій требовала большой разработки, а потому, сдѣлавъ диверсію къ Игали, генераль надѣялся отвлечь туда партію и внезапно овладѣть Ундукулемъ; или если непріятель не будетъ ожидать его въ Игали, нечаянно овладѣть этимъ ауломъ. Но непріятель, какъ видно, зная ограниченное число нашихъ войскъ и увѣренный въ силѣ тщательно укрѣпленнаго аула Игали, получившаго ночью въ помощь 400 Гумбетовцевъ, остался въ Ундукулѣ.

Понимая всю важность наступательныхъ дѣйствій и всю выгоду какую мы приобрѣтемъ нанеся ударъ одному изъ главныхъ пунктовъ непріятеля, генераль хотѣлъ непременно атаковать его. Но въ это время было получено извѣстіе что Кибить-Магома, котораго скопище, ободренное измѣною Гергебиля, все еще оставалось въ сборѣ, снова угрожаетъ Гецатлю, и что другая сильная партія готова вторгнуться по приказанію Шамиля изъ Гимрѣ въ Шамхальскія владѣнія. При такомъ положеніи дѣлъ было опасно оставить войска въ сборѣ на одномъ пунктѣ, и принявъ во вниманіе изнуреніе людей, *крайне дурное* состояніе матеріальной части войскъ, и ожидая со дня

десять шаговъ впередъ сдѣлать въ виду непріятеля (въ 1844 году на Буртукаѣ, наприхѣрѣ).

на день свѣга, который могъ сдѣлать губельнымъ отступленіе, генераль Клюки олять рѣшилса ограничиться обороною края. Немедленно часть войска была назначена противъ Кибить-Магомы, двѣ роты пошли въ Гоцатль для поддержки перваго полубаталіона Апшеронскаго полка, а второй баталіонъ Апшеронскаго полка остался въ Моксохъ, чтобы по первому требованію двинуться въ Гоцатль. Усиленіе снова русскихъ войскъ при этомъ селеніи совершенно обезохотило горцевъ ожидать выгоднаго времени для своихъ нападений: половина ихъ разошлась по домамъ, а другая не рѣшалась предпринять что-нибудь, несмотря на то что 2го декабря Абукеръ-кади занялъ Мохохъ и обѣщалъ съ тыла дѣйствовать на Гоцатль. Въ это же время партія изъ Гимры напала на Ирганай, но была отражена. 8го декабря Абукеръ-кади возвратился въ Ундукулъ безъ всякаго успѣха; скопище Кибить-Магомы окончательно разошлось 3го декабря.

Этимъ кончился третій періодъ дѣйствій возмутителей.

Общее положеніе нашихъ дѣлъ было весьма неудовлетворительно.

„По мнѣнію преданныхъ намъ Дагестанцевъ, доносилъ генераль Клюки-фонъ-Клугенау, дѣла наши, даже во время Казы-Мудды, не были въ такомъ опасномъ положеніи въ какомъ находятся теперь. Шамиль готовитъ себѣ новыя средства и новое убѣжище: гору Гунибъ, новый Кенигштейнъ, который сильно укрѣпляютъ и свозятъ туда значительныя запасы хлѣба; по доставленіямъ же полученнымъ со всѣхъ сторонъ, туда перевозится и имущество Шамиля. Устроеніе почты неприступнаго пункта для убѣжища главы шаріата, въ сосѣдствѣ многочисленнѣйшихъ и сомнительныхъ своею преданностію племёнъ Средняго и Южнаго Дагестана угрожаетъ намъ упорною и продолжительною борьбой. Если при началѣ мы не уничтожимъ замысловъ возмутителя, то онъ будетъ имѣть въ рукахъ своихъ такія средства и силы какихъ не имѣлъ еще ни одинъ глава шаріата. Покорность Казы-Кумыка, Акуши и Цудахара слишкомъ сомнительна, и, къ сожалѣнію, это сомнѣніе подтверждается не однимъ доказательствомъ. Теперь употребляются всѣ усилія со стороны непріятеля къ распространенію всеобщаго мятежа,—къ рѣшительному вытѣсненію насъ изъ горъ, особенно къ освобожденію Аваріи и Койсубу изъ-подъ нашей власти; весной когда от-

кроются всѣ тропинки, наступить время удобное для вторженія, они достигнутъ своей цѣли, если съ нашей стороны не будетъ предпринято наступательныхъ дѣйствій.

„Общій духъ мятежа и готовности къ измѣнѣ достигъ высшей степени, доказательствомъ этому могутъ служить два рѣзкіе примѣра: 1) Въ то время когда верхнюю часть селенія Ирганая, занятую Русскими, атаковала непріятельская партія, жители, обведя секретно мюридовъ въ нижнюю часть, угощали ихъ и просили оставить если они не въ силахъ выгнать Русскихъ изъ аула. 2) Когда койсубулинскій приставъ 2го декабря пріѣхалъ въ Араканъ, жители, повидимому принявшіе его радушно, имѣли между тѣмъ у себя въ гостяхъ гимринскихъ мюридовъ и общались имъ при первомъ случаѣ отложиться. Буцра явно расположена къ непріятелю; а эти три деревни составляютъ бѣдный остатокъ всего Койсубулинскаго общества прежде локорнаго намъ. Нѣсколько дней спустя было получено извѣстіе что Аварцы послали приглашеніе къ Кибитъ-Магомѣ прійти къ нимъ. Таковъ духъ въ послѣднихъ аулахъ Аваріи и Койсубу, еще не поднявшихъ противъ насъ оружія. Однимъ словомъ, нравственно мы уже не владемъ горами; мы утратили всѣ плоды семилѣтнихъ трудовъ.“

Тѣмъ не менѣе генералъ Ключи-Фонъ-Клугенау надѣялся удержать за собою до весны пути къ сердцу Дагестанскихъ горъ Аваріи, до самаго Хунзаха, даже еслибъ отложились послѣдніе аулы и мятежъ сдѣлался всеобщимъ. Съ этою цѣлью онъ предполагалъ: имѣть рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ до Аваріи въ Ирганайскомъ и Балаканскомъ ущельяхъ, снабдить каждый пунктъ сорокадневнымъ продовольствіемъ и по крайней мѣрѣ двумя комплектами зарядовъ и снарядовъ, такъ чтобы каждое селеніе занятое нами составляло *самобытное* укрѣпленіе, готовое выдержать продолжительную блокаду.

Главное затрудненіе было въ недостаткѣ средствъ для содержанія войскъ въ Дагестанѣ. Кто былъ въ горахъ, тотъ знаетъ всю трудность доставки туда провіанта, всю трудность, почти невозможность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пріобрѣтать фуражъ, а также бѣдность горъ, а въ особенности Аваріи, дровами. Доставка дровъ въ наши укрѣпленія въ горахъ лежала на Койсубулинцахъ и Аварцахъ; за 30 или 40 верстъ, по горнымъ тропинкамъ, Аварцы изъ многихъ ауловъ должны были

идти въ лѣсъ чтобы привезти одинъ или два осапныхъ вьюка, и за это получали съ cadaго по 20 коп. сер. Не рѣдко *женщины* носили на себѣ дрова и не по количеству ихъ, но изъ состраданія получали ту же цѣну. Теперь, когда большая часть ауловъ отложилась, солдаты не только не имѣли чѣмъ согрѣться, но *да же на чѣмъ сварить два раза кашу*. При томъ на одинъ изъ нихъ не имѣлъ полшубковъ.

Перевозка провіанта была не менѣе обременительна для жителей. И всѣ эти повинности съ присовокупленіемъ поправки дорогъ лежали бременемъ на *небольшой покорной намъ части*, которая сверхъ всего обязана была выставять милицію.

Такое положеніе дѣлъ не могло не возбуждать противъ насъ негодованія въ людяхъ и безъ того тайно питавшихъ къ намъ ненависть по духу исламизма, тѣмъ болѣе что при занятіи Хунзаха *объясано было Аварцамъ извѣстить ихъ отъ всякой повинности*: между тѣмъ, только-что мы успѣли занять Аварію и Койсубу, какъ *поставили въ обязанность Аварцамъ*: доставлять дрова въ укрѣпленіе за скудную плату, Койсубинцамъ — *безденежно* исправлять дороги, выставять милицію, доставлять ословъ и лошадей для перевозки провіанта, и проч.

Указывая эти затрудненія, генераль Кюки фонъ-Клаугенау обращалъ вниманіе еще на слѣдующее важное обстоятельство.

„До сихъ поръ, говорилъ онъ, главные пункты: на плоскости Темиръ-Ханъ-Шура; на берегу Каспійскаго моря—Низовое; въ горахъ — Хунзахъ не укрѣплены, не устроены, не обезпечены самыми необходимыми предметами.

„Двадцать лѣтъ мы уже владѣемъ плоскостью, пять разъ Шура была сборнымъ пунктомъ отрядовъ, и до сихъ поръ въ цѣломъ край нѣтъ заласнаго магазина, * артиллерійскаго парка, военнаго госпиталя, штабъ-квартира Алшеронскаго полка въ самомъ несчастномъ положеніи.

„До сихъ поръ не улучшена, не обезпечена дорога въ Хунзахъ, нѣтъ съ нимъ прочнаго и вѣрнаго сообщенія; единствен-

---

* Не только магазина, но даже навѣса для складки хлѣба. Объ этомъ сдѣлано было представленіе еще въ мартѣ 1841. Не было заласа сухарей въ достаточномъ количествѣ и осенью поакъ принужденъ былъ заготовлять ихъ собственными средствами.

ная переправа через Койсу в Зыранах производится на паромъ; при всякой прибыли воды, особенно весной, должно опасаться что отъ малѣйшей ошибки паромщика доллетъ канатъ и люди погибнуть, сообщеніе уничтожится. Сверхъ того, при всякомъ передвиженіи войскъ, паромъ дѣлаетъ чрезвычайную остановку, которая въ теперешнемъ положеніи края можетъ быть губельна для войскъ находящихся въ Аваріи; не говоря о напрасной при этомъ тратѣ провіанта и фуража, стоящихъ значительныхъ издержекъ.⁶

Три указанные пункта имѣли чрезвычайную важность, а между тѣмъ положеніе ихъ было крайне плачевно. Вотъ въ какихъ чертахъ изображаетъ его генералъ Клугевау.

„Все устройство Темиръ-Ханъ-Шуры состоитъ изъ неоконченнаго пороховаго погреба изъ дикаго камня; полковаго лазарета, цейхгауза, казачьяго поста и двухъ ротныхъ казармъ. Въ ротныхъ казармахъ помѣщается временный госпиталь, въ которомъ состоитъ больныхъ отъ 600—1.000 человекъ; * баталіоны же располагаются въ полуразвалившихся земляныхъ и частію въ турлучныхъ казармахъ. Укрѣпленіе сдѣлано полковыми средствами, безъ всякихъ фортификаціонныхъ правилъ, оно не сильно, а отъ времени и безъ ремонту весьма обветшало.

„Еще въ началѣ 1843 года было представлено ходатайство объ устройствѣ Шуры, но генералъ-адъютантъ Розенъ рѣшительно отказалъ въ этомъ. Затѣмъ генералъ Головинъ хотя нашелъ уважительнымъ представленіе объ усиленіи укрѣпленія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, но инженерное вѣдомство *въ продолженіи года* рассматривало проектъ и послѣ возврата его обратно потому только что смѣта составлена не по правиламъ вновь изданнымъ, между тѣмъ какъ правила эти даны два мѣсяца послѣ представленія проекта.

„Низовое укрѣпленіе, въ которомъ верки не имѣютъ перекрестнаго огня, командуются съ окружающихъ высотъ на пушечный выстрѣлъ; ровъ и валъ въ самомъ жалкомъ

* Въ ротныхъ казармахъ помѣщались только 400 человекъ, остальные располагались по землянкамъ и турлучнымъ (плетневымъ) казармамъ. Тѣснота, духота и сырость были причиной чрезвычайной смертности: съ іюля по декабрь умерло 4 оберъ-офицера и 540 нижнихъ чиновъ. (Въ шесть мѣсяцевъ изъ одного полка!)

положеніи; однимъ словомъ, это укрѣпленіе по одному имени это просто загонъ которымъ хотѣли замѣнить крѣпость Бурную, упраздненную какъ не достигающую ни одной изъ своихъ цѣлей. Въ Низовомъ рѣшительно нѣтъ никакого устройства, ни запаснаго магазина, ни казармъ, ни баталіоннаго лазарета. Перевозка провіанта производится отъ рейда за 3½ версты, что требуетъ лошадей рукъ и издержекъ. Но главное—что должно обратить вниманіе правительства—это чрезвычайная смертность гарнизона; особенно въ послѣдніе два года. *На каждомъ шагу ужасающее бѣдствіе:* вдовы, вдовцы и круглое сиротство: изъ 473 нижнихъ чиновъ гарнизона, съ августа 1840 по январь 1841 года умерло 73; въ 1841 году изъ 432, съ августа по 20е декабря 127; изъ роты расположенной для усиленія гарнизона, съ августа 1841 года—76. Главнѣйшая причина этой смертности, не говоря о дурномъ помѣщеніи, низкая болотная мѣстность: на 5½ футовъ ниже поверхности земли стоитъ вода подъ всѣми жилыми мѣстами, во время жаровъ воздухъ зараженъ испареніями; наконецъ вредное свойство воды тамошняго родника.*

„Еще въ началѣ нынѣшняго года былъ представленъ проектъ для новаго укрѣпленія на мѣстѣ лагеря Петра I, у самаго моря, но до сихъ поръ не послѣдовало утвержденія. Выгоды перенести укрѣпленія на мѣсто лагеря Петра Великаго чрезвычайны: гарнизонъ будетъ спасенъ отъ эпидеміи; возвышенность въ 9 сажень надъ уровнемъ моря и свѣжій морской вѣтеръ спасутъ отъ духоты и испареній; рыбаки и солдаты живущіе на берегу не подвергаются эпидеміямъ; вода въ родникахъ на самомъ бугрѣ и подъ бугромъ лучшаго свойства, гарнизона не нужно раздѣлять и изнурять отправляя за 3½ версты на выгрузку; выгрузка провіанта будетъ производиться въ глазахъ воинскаго начальства съ большимъ расчетомъ и съ большими удобствами; провіантъ не нужно будетъ перевозить за 3½ версты; магазинъ построится за 15 сажень отъ берега моря. Здоровое мѣсто и выгода отъ торговли могутъ привлечь сюда торговыхъ людей, и тогда Дагестанъ получитъ новую жизнь и со временемъ осу-

---

* Жители Тарковъ, отправляясь для сельскихъ работъ на мѣсто гдѣ нынѣ расположено Низовое, запасались водою, и только въ крайнихъ случаяхъ пользовались водою изъ мѣстнаго родника, знаа на опытѣ вредное дѣйствіе ея на здоровье.

ществится одна изъ благодѣтельныхъ мыслей Преобразова-
теля Россіи. *

„Хунзахская цитадель—временное укрѣпленіе, дурно сло-
женное изъ камня, безъ рва, ничѣмъ не обезпеченное отъ
нечаяннаго нападенія; высота стѣны позволяетъ безъ лѣст-
ницъ всходить на батареи, а главное—цитадель не обезпечена
водой. Резервуаръ воды находится за $\frac{1}{2}$ версты; открытый
ходъ къ водѣ въ случаѣ нападенія совершенно нѣтъ воз-
можности защищать: артиллерійскимъ огнемъ по кривизнѣ
мѣстности, ружейнымъ по длинѣ,—требуя въ $1\frac{1}{2}$ раза бо-
лье настоящаго гарнизона. При всемъ этомъ вода отъ ре-
зервуара можетъ быть отведена и командуется съ противу-
лежащихъ высотъ.

„Голая окала, неудобная для устройствъ рва, и для обезле-
ченія гарнизона даже калустой, увеличиваетъ недостатки
Хунзахской цитадели. Наконецъ старый ханскій домъ, об-
ращенный въ казарму, единственное строеніе для гарнизо-
на и лазарета, совершенно обветшалъ и скоро совсѣмъ раз-
валится..

„Въ такомъ несчастномъ положеніи три главнѣйшіе пункт-
та Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана; необходимо обратить
на это все вниманіе, тѣмъ болѣе что могутъ встрѣтиться
обстоятельства гораздо затруднительнѣе настоящихъ, осо-
бенно когда важнѣйшія причины лишаютъ возможности уси-
лить войска расположенныя въ краѣ соответственно нуждѣ;
тогда только надежность укрѣпленій главныхъ пунктовъ един-
ственно можетъ служить ручательствомъ владычества Рус-
скихъ въ Дагестанѣ.“ **

Стотысячное населеніе было въ управленіи генерала Кююки,
и все это управленіе сосредоточивалось въ одномъ его лицѣ.
Какъ командующій войсками онъ не имѣлъ ни штаба, ни прави-
теля канцеляріи, ни адъютанта, ни даже нукеровъ (конныхъ раз-
сылныхъ), ни инженерной команды, ни офицера путей сообще-
нія, ни дистанціоннаго провіантскаго чиновника; ни правъ не-
обходимыхъ для управленія людьми въ полудикомъ состояніи,
ни даже правъ данныхъ начальнику Самурскаго округа,

* Мысль эта въ послѣдствіи осуществилась, и на этомъ мѣстѣ
теперь приморской городъ Петровскъ.

** Всѣ эти пророчества оправдались осенью 1843 года и были пово-
домъ ожесточенной войны на 16 лѣтъ.

которыми пользовался подполковникъ Снаскаревъ. Онъ долженъ былъ одинъ наблюдать за владѣтелями, правителями, приставами; слѣдить за духомъ общества, ауловъ, лицъ; принимать и отправлять лазутчиковъ; принимать и слушать каждаго, объяснять, поощрять и угрожать; долженъ былъ располагать войска, снабжать ихъ провіантомъ и фуражемъ, давать наставленія и инструкціи частнымъ начальникамъ, принимать отъ нихъ отчеты; заботиться объ укрѣпленіяхъ и гарнизонахъ; каждый годъ предпринимать наступательныя движенія противъ непріятеля; наконецъ командовать бригадою и вести огромную переписку по всемъ частямъ; дѣлать отчеты на сумму до 1½ милліона рублей, сводиться съ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, кизлярскимъ комендантомъ, военно-окружнымъ начальникомъ Дербента, доносить въ Тифлисъ и Ставрополь.

Донесеніе генерала Кюлюки фовъ-Клугенау имѣло своимъ послѣдствіемъ удаленіе его отъ управленія Дагестаномъ. На его мѣсто Головинъ назначилъ генералъ-лейтенанта Фези. Это распоряженіе сопровождалось предписаніемъ на имя Клугенау, въ которомъ онъ упрекался въ бездѣйствіи и неумѣнн воспользоваться *усиленными средствами?*

Генералъ Фези, прибывъ 7го февраля 1842 въ Шуру, отъ 14го числа донесъ что планъ дѣйствій Шамиля заключается въ томъ чтобы вторженіемъ въ наши владѣнія предупредить наши наступательныя дѣйствія начинающіяся обыкновенно не ранѣ мая мѣсяца. Съ этою цѣлію имамъ прибылъ со значительнымъ сборищемъ въ Салатавию, а Кубить-Магомъ и Гаджи-Мурату приказалъ открыть дѣйствія со стороны Андалаля и Аваріи.

Генералъ Фези съ первыми бывшими подъ рукой ротами бросился чрезъ Евгеніевское укрѣпленіе къ Зубуту и прогналъ оттуда горцевъ; между тѣмъ подослѣли туда оставшья войска, и Шамиль, видя значительный отрядъ, готовый отразить всякую попытку его, отступилъ, а послѣ распустилъ сборище по разнымъ направленіямъ. Въ Зубутѣ построили *башню* и оставили двѣ роты.

Затѣмъ генералъ Фези рѣшился перенести дѣйствія на лѣвый флангъ своего фронта, считая расположеніе непріятеля полукружіемъ отъ крайней салатовской деревни Міятлы (правый флангъ) до Тилитля въ Андалаля (лѣвый флангъ). Гергебиль и Кудухъ были заняты непріятелемъ, распространив-

шимъ оттуда волненіе въ сосѣднихъ деревняхъ Мехтулинскаго ханства; нужно было прогнать ихъ не давъ возможности Кибить-Магомъ, при наступленіи изъ Андалаля, встрѣчать опору въ центральныхъ частяхъ Дагестана. По симъ основательнымъ соображеніямъ, генералъ Фези двинулся съ отрядомъ къ Гергебилю, поручивъ майорамъ Познанскому * и Евдокимову съ легкими колоннами наступать—первому отъ Гопатля, а второму къ Кудуху. Самурскому окружаему начальвику подполковнику Снаксареву, встрѣтившему, какъ онъ доносилъ, въ Казыкумухъ *наилучшій приемъ*, предписалъ собрать милицію и держать въ готовности на границахъ ханства.

Благодаря этимъ распоряженіямъ, 20го февраля, генералъ Фези разбилъ на голову значительное скопище горцевъ думавшихъ не пустить его въ Гергебиль, и занялъ этотъ аулъ; майоръ Евдокимовъ захватилъ Кудухъ, и обѣ летучія колонны соединились у Гергебиля, возстановивъ прямое сообщеніе Мехтулинскаго ханства съ Аваріей. Въ Гергебиль тотчасъ же воздвигли укрѣпленіе, обезлечивавшее переправы чрезъ Койсу и сохранившее въ нашихъ рукахъ узелъ дорогъ расходящихся отсюда радіусами—въ Койсубу, Аварію, Андалаля, Казыкумухъ, Акушу и Мехтулу.

Результатъ этого дѣла былъ чрезвычайно важенъ и произвелъ такое нравственное вліяніе на умы горцевъ что старшины отдаленныхъ ауловъ Чоха и Согратля, полуотдавшихся было уже непріятелю, послѣдшили въ Гергебиль чтобы поздравить насъ съ побѣдой и увѣрить въ своей преданности.

Судя по этому началу, можно было думать что генералъ Головинъ не ошибся назначеніемъ генерала Фези въ Дагеставъ и что этотъ послѣдній, безъ сомнѣнія, поправитъ наши дѣла; но *ergaе humanum est....* Впрочемъ, обратимся лучше къ разказу о дальнѣйшихъ событіяхъ.

Отъ 27го февраля генералъ Фези доносилъ что 20го числа на всей линіи отъ низовьевъ Сулака до Казыкумуха не было ни одного выстрѣла, но разбитые у Гергебиля горцы стали въ оборонительное положеніе (значить, боялись наступленія съ нашей стороны). Кибить-Магома сталъ укрѣпляться

* Убитъ въ 1845, подъ Дарго, къ общему сожалѣнію.

въ Кородѣ чтобы преградить намъ дорогу въ Тилитаю; въ Уяцукуль прибыли подкрѣпленія изъ Гумбета. Расположеніемъ главнаго отряда въ Гергебилѣ, колонны майора Евдокимова въ Кудухѣ, майора Познанскаго въ Хузахѣ, а генерала Ахмедъ-хана Мехтулинскаго съ милиціей въ Гоцатлѣ, горцы были разобщены. На другой день генералъ Фези предполагалъ двинуться къ Карадахскому мосту; а между тѣмъ приказалъ собирать аманатовъ изъ акушинскихъ и цудахарскихъ деревень, преданности которыхъ не вполнѣ доверялъ.

Оставивъ въ Гергебилскомъ фортѣ двѣ роты Тифлисскихъ егерей и взводъ салеръ, генералъ Фези съ остальными восемнадцатью ротами при пяти горныхъ единорогахъ двинулся 28го февраля вверхъ по Салтинскому ущелью къ Салтинскому мосту. Сюда явились старшины всѣхъ отложившихся акушинскихъ деревень и доставили аманатовъ. Того же числа летучія колонны произвели диверсію къ Гололатю и Карадахскому мосту, а майоръ Евдокимовъ перешелъ изъ Кудуха въ Ирганай для наблюденія за горцами занимавшими Уяцукуль. Эти диверсіи отвлекали къ себѣ значительныя скопища горцевъ подъ предводительствомъ Кибитъ-Мигомы и Абдуррахманъ-кади. Генералъ Фези счелъ поэтому удобнымъ сдѣлать фланговое движеніе направо и внезапно явись въ Андолаѣ занять Чохъ, куда до сихъ поръ наши войска еще не проникли.

Какую пользу предполагалъ генералъ Фези въ этомъ движеніи, удалявшемъ его отъ театра дѣйствій предпринимаемыхъ для очищенія Койсубу и Аваріи отъ непріятеля,—въ его доносеніяхъ не объяснено. Должно полагать что имъ просто руководило желаніе имѣть возможность написать громкую реляцію о движеніи въ мѣста гдѣ до тѣхъ поръ еще не бывали наши войска; другихъ причинъ мы рѣшительно придумать не можемъ.

1го марта двинулся онъ черезъ Салты, „тоже еще не видавшую Русскихъ“ (какъ будто нужно было водить насъ на показъ!) въ Кегеръ; 2го же числа онъ вступилъ въ Чохъ. Этотъ большой аулъ, съ осени 41го года, находился во власти Шампая, но не обнаруживалъ еще открытой вражды къ намъ, боясь потерять арестованныхъ въ Тифлисѣ андалаяльскихъ торговцевъ. Бывшіе въ Чохѣ мюриды частью бѣжали, частью присоединились къ жителямъ и изъявили покорность

туда же прибыли Согратлианды и другіе окрестные жители съ изъявленіемъ преданности.

О трудахъ перенесенныхъ отрядомъ въ этомъ зимнемъ походѣ генералъ Фези не считалъ нужнымъ распространяться; довольно, говоритъ онъ, упомянуть что мы бивуакируемъ по горамъ возвышающимся надъ уровнемъ моря на 9.000 футовъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, добывая дрова въ количествѣ едва достаточномъ для приготовленія пищи и употребляя часто снѣгъ вмѣсто воды; а тропинки по которымъ отрядъ двигался въ Чохъ такъ узки, скалисты и скользки что 20 лошадей съ выюками оборвались съ кручи. (Но зачѣмъ войска переносили эти труды?)

Пока генералъ Фези совершалъ эти трудныя, но безплодныя движенія, въ Койсубу произошло событіе имѣвшее тогда огромное значеніе на ходъ дѣла и оставившее въ исторіи Кавказской войны любопытную страницу. Событіе это ясно показываетъ что можетъ сдѣлать человѣкъ энергическій, умѣющій пользоваться обстоятельствами и вовремя быть рѣшительнымъ. Я постараюсь, по возможности, подробно передать это событіе, разказъ о которомъ я слышалъ отъ многихъ служившихъ тогда въ Дагестанѣ лицъ и почетныхъ туземцевъ.

Изъ вышеизложеннаго хода дѣла въ Дагестанѣ мы видѣли что непріятель, постоянно усиливаясь, вторгся въ покоренныя намъ земли, и занимая аулъ за ауломъ, овладѣлъ между прочимъ и Ундукулемъ—главнымъ ауломъ Койсубулинскаго общества. Убѣдившись что жители сочувствуютъ мюридамъ и готовы вмѣстѣ съ ними отстоять свой аулъ противъ Русскихъ, Шамиль не считалъ нужнымъ держать тамъ значительную партію которая бы обременяла жителей *требованіемъ продовольствія* * и оставилъ, въ видѣ гарнизона, только человѣкъ полтораста, подкрѣпляемыхъ такимъ же числомъ мюридовъ занимавшихъ Гимры, отстоящіе отъ Ундукуля не болѣе восьми верстъ.

Майоръ Евдокимовъ, находясь въ Ирганаѣ, узнавъ объ этомъ уменьшеніи непріятельскаго гарнизона въ Ундукулѣ и задумалъ овладѣть имъ. Какъ койсубулинскій приставъ, онъ

* Шамиль, какъ видно, лучше нашего соображалъ свои распоряженія и не обладалъ жителямъ обременительными требованіями, но крайней мѣрѣ безъ настоящей нужды.

отлично зналъ и мѣстность и жителей и не могъ не сознавать все значеніе для насъ Ундукуля; съ его овладѣніемъ мы возвращали все Койсубу, это преддверіе Аваріи, и приобретали возможность упрочить за нами владѣніе его на болѣе твердыхъ основаніяхъ; мы лишали непріятеля значительнаго числа воинственныхъ горцевъ, при содѣйствіи которыхъ онъ не оставилъ бы въ локоѣ Шамхальской ласкости, близко знакомой Койсубуайцамъ, и разомъ отбрасывали Шамиля отъ слишкомъ близкаго и опаснаго сосѣдства съ нами.

Несмотря на незначительность мюридскаго гарнизона въ Ундукуль, взять его открытою силой можно было развѣ съ отрядомъ въ шесть-семь баталіоновъ, потому что аулъ могъ выставить болѣе полуторы тысяччъ виватовъ и въ укрѣпленныхъ каменныхъ сакляхъ представить сильную оборону; а у майора Евдокимова было всего три слабыя роты.... Пришлось прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ на непонятномъ движеніи генерала Фези къ Чоху основалъ свой планъ и всю надежду на успѣхъ.

Въ Ундукуль жилъ нѣкто Кибить-Гаджи (кажется, живъ до сихъ поръ), оказывавшій намъ неоднократно услуги и пожалованный за это въ прапорщики. Пока Ундукуль былъ въ нашихъ рукахъ и майоръ Евдокимовъ по своей обязанности постоянно тамъ жилъ, Кибить-Гаджи и его родственникъ Адило были ему очень преданы и полезны, а предъ самой измѣной аула (въ ноябрѣ 1841 года) предупредили его о намѣреніи Ундукульцевъ захватить пристава и выдать Шамилю. Благодаря этому, майоръ Евдокимовъ услѣлъ сластись оттуда, уничтоживъ за собою мостъ на Койсу—единственное сообщеніе Ундукуля съ верхнею половиною теченія Аварскаго Койсу. Кибить-Гаджи пользовался между своими достаточнымъ уваженіемъ, какъ человѣкъ имѣющій большое родство, умный и зажиточный. Майоръ Евдокимовъ написалъ къ нему слѣдующую записку (по-арабски): „Любезный Кибить-Гаджи, желая доказать тебѣ мою благодарность и искреннюю дружбу, я рѣшаюсь на весьма для меня опасный поступокъ; но отъ него зависитъ спасеніе твое съ семействомъ. Извѣщаю тебя что настоящая цѣль движенія отряда генерала Фези есть намѣреніе внезапно напасть на Ундукуль и не оставить тамъ камня на камнѣ, а чтобы скрыть свою цѣль и не возбудить въ Ундукульцахъ сомнѣнія, онъ двинулся будто бы къ Чоху, намѣреваясь съ дороги внезапно

но повернуть къ Аваріи и чрезъ Батлитскія высоты, какъ сѣвъ на голову, нагрянуть на Ундукуль. Постышай же сласти себя, пока есть еще время; но при этомъ умоляю тебя не выдать меня, ибо за такую записку я буду судимъ какъ за измѣну; и никому даже изъ ближайшихъ твоихъ родственниковъ не объявляй о ея содержаніи.“ Чтобы еще болѣе таинственности придать всему дѣлу, майоръ Евдокимовъ приказалъ своему приверженному нукеру, котораго послалъ съ запиской, до передачи ея Гаджи, взять съ него клятву что онъ строго исполнитъ обѣщаніе молчать, а по прочтеніи записки тутъ же сжечь.

Разчетъ свой майоръ Евдокимовъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) горы вообще весьма не глупы и въ военныхъ дѣлахъ имѣютъ достаточный смыслъ, особенно такіе люди какъ Кибитъ-Гаджи, а потому они едва ли повѣрятъ дѣйствительному движенію отряда генерала Фези въ Чохъ въ такое время когда тамъ дѣлать нечего, а вся оласность положенія сосредоточивается именно въ Койсубу, и поддадутся выдуманной въ запискѣ *военной хитрости* генерала Фези; 2) Кибитъ-Гаджи, хотя бы десять клятвъ далъ—молчать и содержанія записки никому не объявлять, не выдержитъ и подѣлится извѣстіемъ со своими ближайшими родственниками, изъ желанія и ихъ сласти отъ гибели, да и потому еще чтобы послѣ, еслибъ онъ скрылся одинъ, не подвергнуться гоненіямъ за такой эгоистической лобѣжъ, похожій на измѣну; 3) эти ближайшіе родственники, въ свою очередь, передадутъ тайну своимъ близкимъ роднымъ, а какъ однофамильцевъ (тахумъ) у Кибита душъ двѣсти, то само собой почти половина аула узнаетъ объ этомъ; 4) что вмѣсто риска быть истребленными нашимъ отрядомъ, большинство Ундукульцевъ скорѣе рѣшится изгнать мюридовъ и добровольно сдаться намъ; наконецъ 5) Кибитъ-Гаджи изъ благодарности къ майору Евдокимову, сообщившему важное извѣстіе, приметъ сторону Русскихъ и увлечетъ за собою своихъ однофамильцевъ и другихъ зажиточныхъ людей, боящихся наладенія. Всѣ эти разчеты оправдались. Кибитъ-Гаджи, прочитавъ записку, далъ клятву никому не объявлять ея содержанія; но не услѣвъ посланный скрыться изъ аула, онъ призвалъ въ эту же ночь своихъ родственниковъ, передалъ имъ полученное извѣстіе, выставилъ всѣ ужасы наладенія отряда, невозможность самимъ защищаться и недостатокъ времени получить отъ

Шмиля подкрѣпленіе, за тѣмъ убѣдилъ ихъ истребить бывшихъ въ аулѣ мюридовъ и пригласить скорѣе русскія войска. Получивъ ихъ согласіе, онъ отправилъ гонца въ Ирганай къ майору Евдокимову, приглашая его слѣдовать къ Унцукулю и лоторопить весь отрядъ генерала Фези слѣдовать туда же; при этомъ онъ обѣщалъ устроить такъ чтобы въ слѣдующую ночь караулъ на единственномъ пѣшеходномъ мостикѣ черезъ Койсу былъ занятъ его родственниками, которые и проведутъ отрядъ скрытно къ аулу. Вслѣдствіе этого приглашенія, майоръ Евдокимовъ вывелъ лотиховку изъ Ирганая двѣ роты Апшеронскаго полка за аулъ, объявилъ имъ о своемъ намереніи идти къ Унцукулю, объяснилъ всю опасность предпринимаемаго дѣла, предупредилъ что они могутъ подвергнуться при неудачѣ безвыходному положенію и предоставилъ всѣмъ кто не чувствуетъ въ себѣ достаточко духу и силъ остаться въ Ирганай. Единодушное „рады стараться, ваше высокоблагородіе“ было отвѣтомъ храбрыхъ Апшеронцевъ. Тогда майоръ Евдокимовъ, взявъ съ собою человѣкъ десять отборныхъ нукеровъ и около 300 человѣкъ милиціи изъ Ирганая и Араканы, двинулъ свои двѣ роты (около 200 штыковъ) по ущелью Аварскаго Койсу.

Ночь была темная; сырой мартовскій холодъ проникалъ насквозь; неизвѣстность развязки предпріятія, могущаго кончиться весьма печально, наложила на всѣхъ печать раздумья. Маленькій отрядъ двигался тихо притаивъ дыханіе. Майоръ Евдокимовъ хорошо понималъ чему подвергалъ себя въ случаѣ неудачи; а неудача могла случиться весьма легко: когда начнутъ свѣтать и Унцукульцы увидятъ что вмѣсто генерала Фези съ отрядомъ предъ ними двѣсти солдатъ, они, пожалуй, сочтутъ за лучшее выказать свою вѣрность Шамилю и броситься на горсть смѣльчаковъ, которымъ не будетъ спасенія: занявъ нѣсколькими человѣками тропинку предъ мостикомъ они отрѣжутъ всякую возможность отступленія и гибель неизбѣжна.... Сильную борьбу слытывалъ майоръ Евдокимовъ въ эту ночь! Но, разъ рѣшившись, онъ уже не хотѣлъ отступать предъ опасностью и торопилъ солдатъ стараясь скорѣе достигнуть аула. Оставался еще часъ до разсвѣта, когда роты вошли въ унцукульскіе сады, проводимыя лѣтью родственниками Кибита, бывшими въ караулѣ у мостика. Скрывъ солдатъ въ виноградникахъ, майоръ Евдокимовъ послалъ одного изъ проводниковъ дать знать Кибиту-Гаджи что онъ пришелъ съ

авангардомъ отряда и что генералъ Фези вскорѣ тоже подойдетъ.*

Полтораста мюридовъ, размѣщенныхъ по одиночкѣ по всему аулу, да и большая часть жителей спали совершенно спокойно, ничего не ожидая. Вдругъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; сдѣлалась всеобщая тревога, крики, вой женщинъ, плачь дѣтей, лай собакъ, суматоха, всѣ стали выскакивать съ просоконъ на улицы, не зная что происходитъ. Въ это время родня Кибита-Гаджи кинулась по аулу бить мюридовъ; тѣ, видя измѣну, бросились спасаться, кто куда могъ. Человѣкъ двѣнадцать были убиты на улицахъ, человѣкъ двадцать пять связали, до пятидесяти ворвались въ мечеть,** заваливъ двери; остальные скрылись за аулъ. Когда собралась наконецъ большая толпа народа, въ недоумѣннѣ спрашивавшая что случилось, Кибитъ объявилъ имъ что прибылъ русскій отрядъ, грозившій не оставить камня на камнѣ, и что онъ считалъ за лучшее пожертвовать нѣсколькими пришельцами-оборванцами, дѣлавшими имъ столько обидъ и неприятностей, чѣмъ подвергать гибели своихъ дорогихъ односельцевъ. Въ ту же минуту майоръ Евдокимовъ вывелъ изъ садовъ свои роты, и Ундукульцы, при едва мерцавшемъ разсвѣтѣ, увидели штыки.

Подѣхавъ къ толпѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ нукеровъ, майоръ Евдокимовъ привѣтствовалъ своихъ старыхъ знакомыхъ, и, благодаря знанію татарскаго языка, сказалъ имъ рѣчь, общій смыслъ которой выражалъ его удовольствіе что опять видится съ ними, что они вступая вновь въ число русскихъ подданныхъ избавятся безпрестанныхъ тревожныхъ опасеній за свои дома и семейства, что правительство сейчасъ же приметъ мѣры къ обезпеченію ихъ отъ нападений Шамиля, что оно оцѣнитъ ихъ вѣрную службу и дастъ имъ возможные средства къ улучшенію ихъ благосостоянія, посредствомъ свободной торговли въ Шамхальствѣ, Кизлярѣ и другихъ мѣстахъ. Толпа слушала эти слова съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; люди принадлежавшіе къ партіи Кибита выражали свое удовольствіе, желая усилить этимъ расположеніе къ Русскимъ....

* Въ это время Евдокимовъ даже не зналъ гдѣ находился Фези съ отрядомъ и на его помощь никакой надежды не имѣлъ.

** Послѣ всѣхъ этихъ мюриды были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Тимуръ-Ханъ-Шуру.

Между тѣмъ становилось свѣтло, слабость прибывшаго отряда и замѣтное недоумѣнiе Унцукульцевъ не уменьшали опасенiй майора Евдокимова и онъ, ходя взадъ и впередъ по площадкѣ, среди густой толпы собравшагося народа, высматривалъ мѣсто на которое можно было бы поставить роты, укрѣпить его и удержаться до прибытiя отряда.

Проведя бессонную ночь, волнуемый опасенiями, неуверенный еще въ исходъ своего предпрiятiя, майоръ Евдокимовъ чувствовалъ сильную слабость и лихорадочное состоянiе. Въ одно мгновенiе, когда онъ повернулся спиной къ толпѣ, вдругъ выскочилъ изъ нея какой-то фанатикъ, юноша лѣтъ 17ти, и со всего размаху ударилъ огромнымъ кинжаломъ майора ниже лѣвой лопатки, такъ что конецъ вышелъ насквозь, на волосъ ниже сердца; майоръ машинально выхватилъ пашку и ударилъ ею наотмашь по лицу убійцы, который падая успѣлъ еще повторить ударъ по правому плечу; майоръ Евдокимовъ тоже упалъ, но въ теченiи четырехъ часовъ сохранялъ еще полное сознание. Стоявшiе около него нукеры нѣсколькими ружейными выстрѣлами пронзили упавшаго фанатика. Все это произошло во мгновенiе ока. Кибить-Гаджи и его родственники закричали: „Намъ нужно искупить стыдъ этой измѣны; истребимъ всю родню убійцы!“ и съ этими словами побѣжали по улицѣ. Первая мысль которая пришла майору Евдокимову въ голову былъ страхъ что при убiйствѣ родственниковъ фанатика непременно произойдетъ междоусобiе, которое всею тяжестью обрушится на немъ и горсти солдатъ. Собравъ послѣднiя силы, онъ приказалъ своимъ нукерамъ бѣжать за Кибить-Гаджи, умолять его не мстить никому, такъ какъ убiйца уже наказанъ, и окончательно доказать свою дружбу возвратившись къ нему; нукерамъ же окружить домъ убiйцы и защищать его до крайней возможности. Кибить исполнилъ эту просьбу и, возвратясь къ раненому Евдокимову, совершенно обезламятѣвшему между тѣмъ отъ сильной потери крови, понесъ его къ себѣ въ домъ. Надежды на спасенiе раненаго почти не было.

При нѣсколькихъ выстрѣлахъ раздавшихся въ аулѣ (когда убили фанатика), обѣ роты, не ожидая приказанiй—бросились въ аулъ, догадываясь что произошло что-нибудь недоброе; онѣ окружили саклю Кибить-Гаджи и сосѣднiй домъ, наскоро соединивъ ихъ камнями, бревнами и чѣмъ попало, образовали одъ редута, въ которомъ и расположились, готовые защи-

щаться до послѣдней возможности. Бывшій при ротахъ лекарь Любомудровъ удачно сдѣлалъ майору Евдокимову перевязку и оставилъ кровотечение. Черезъ нѣсколько часовъ раненый очнулся и тотчасъ же разказавъ Кибиту о совершенной неизвѣстности мѣста нахождения отряда, попросилъ его послать надежнаго нарочнаго разыскивать генерала Фези чтобъ онъ слѣшилъ съ отрядомъ въ Ундзукуль, въ которомъ для два роты могутъ удержаться; иначе партіи Шамиля, узнавъ о происшедшемъ, безъ сомнѣнія нагрянутъ туда, и лишеныя хлѣба и воды солдаты должны будутъ погибнуть. Нѣсколько разъ возобновлялось безпамятство; кровь, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, пробивала перевязки, и двое сутокъ майоръ Евдокимовъ былъ на волосъ отъ смерти; но сильная натура восторжествовала и надежда на выздоровленіе сдѣлалась несомнѣнною.

Пока все это происходило въ Ундзукуль, генералъ Фези изъ Чоха думалъ двинуться далѣе въ горы, по всей вѣроятности чтобы показать отрядъ еще кому-нибудь изъ отдаленныхъ обществъ, не издавшихъ до сихъ поръ Русскихъ. Но выпавшій 2го и 3го марта снѣгъ угрожалъ прервать сообщеніе въ горахъ, и онъ рѣшился отступить изъ Андоляля въ Аварію.

Разогнавъ на Кородахскомъ мосту партію горцевъ, отрядъ 7го числа прибылъ въ Хунзахъ. Здѣсь генералъ Фези получилъ извѣстіе о подвигѣ майора Евдокимова и послѣдилъ въ Ундзукуль, куда и пришелъ 9го числа.

Предъ выступленіемъ изъ Хунзаха, онъ отправилъ корпусному командиру любопытное донесеніе. Особенно начало этой бумаги замѣчательно: „Слѣшу поздравить ваше высокопревосходительство съ занятіемъ Ундзукуля, которымъ овладѣлъ майоръ Евдокимовъ *вслѣдствіе движенія моего съ главнымъ отрядомъ въ Чохъ (?)* и демонстрацій произведенныхъ майоромъ Познанскимъ въ Голотль и генераломъ Ахмедъ-ханомъ съ миссіей къ *Кородахскому мосту*“ (!). Для незнакомыхъ съ этою частію Дагестана и тогдашними мѣстными условіями, вся несообразность такого „вслѣдствіе“ не будетъ понятна; но могу увѣрить что съ одной стороны смѣлость писавшаго донесеніе, съ другой стороны наивность повѣрившаго донесенію вполнѣ удивленія достойны.... Впрочемъ, занятіе Ундзукуля *вслѣдствіе движенія главного отряда въ Чохъ* имѣетъ свои основанія: майоръ Евдокимовъ воспользовался этимъ движеніемъ и основалъ на его неправдоподоб-

ности свое предпріятіе; генераль Фези и не воображалъ какой результатъ выйдетъ изъ его движенія: онъ думалъ уйти какъ можно дальше отъ Койсубу и показать отрядъ въ такихъ мѣстахъ гдѣ еще не видали Русскихъ, а тутъ безъ него взяли Унцукуль, слѣдствіемъ чего было возвращеніе нашей власти всего Койсубу и окрестныхъ отложившихся аварскихъ ауловъ. Генераль не могъ простить себѣ этой ошибки; однако употребилъ весь запасъ краснорѣчія чтобы приписать успѣхъ своимъ соображеніямъ. Съ этою цѣлью, онъ въ донесеніи своемъ разказываетъ какъ на помощь къ Кибитъ-Магомъ, угрожаемому со всѣхъ сторонъ движеніемъ отряда къ Чоху, послѣдили *еще* силы горцевъ, подъ начальствомъ Шамиля и Гаджи-Мурата, и какъ толпа ихъ *двое* сутокъ все переправлялась чрезъ Аварское Койсу, такъ что около Тилитя собралось ихъ 3.000 человекъ и пр. и что такимъ образомъ въ Койсубу нечего было бояться неприятеля. Затѣмъ переходитъ къ овладѣнію Унцукулемъ, приписывая однако весь успѣхъ Кибитъ-Гаджи и унцукульскимъ жителямъ, а о майорѣ Евдокимовѣ ограничился нѣсколькими лестными словами, увеличивъ къ тому же число бывшихъ съ нимъ войскъ до четырехъ ротъ при двухъ орудіяхъ, тогда какъ ихъ было только двѣ роты, всего въ 200 штыковъ, безъ орудій.

9го марта прибылъ отрядъ въ Унцукуль. Генераль Фези, построивъ войска противъ сакли въ которой лежалъ раненый майоръ Евдокимовъ, приказалъ имъ кричать ура въ честь отважнаго покорителя Унцукуля. *

Гимры, Бетль, Ахкентъ, Иноколита и другіе окрестные аулы еще до прихода отряда явились въ Унцукуль съ покорностью и выдали майору Евдокимову аманатовъ. Въ Унцукулѣ тотъ-часъ же приступили къ постройкѣ укрѣпленія. **

Между тѣмъ Чохъ и Согратль опять были заняты мюридами; *** а Шамиль, какъ доносилъ генераль Фези, *скрыл*

* Раненый майоръ Евдокимовъ былъ отправленъ на носилкахъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ пролежалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ сильныхъ страданіяхъ. За свой подвигъ получалъ онъ Георгіевскій крестъ.

** Это самое укрѣпленіе въ 1843 году, послѣ геройской защиты поручика Аносова съ ротой Мингрельскаго егерскаго полка, было взято Шамилемъ, одѣвившимъ храбрость защитниковъ и оставившимъ ихъ живыми.

*** Спрашивается, какую пользу принесло извурительное движеніе туда отряда?!

ся неизвѣстно гдѣ, должно полагать въ Дарго. Послѣ этого генералъ Фези предполагалъ двинуться къ Гунибу; но получивъ извѣстіе о приготовляемыхъ въ Дагестанѣ наступательныхъ дѣйствіяхъ подъ общимъ начальствомъ генерала Граббе, ограничился обороной Койсубу и Аваріи. А Шамиль, привлеченный въ Андоляль первымъ движеніемъ туда отряда, послѣ занятія Чоха и Согратля, не терялъ напрасно времени и удачно исполнилъ давно замышленный планъ: онъ овладѣлъ Казыкумыхомъ, въ возможность чего въ Тифлисѣ такъ упорно не хотѣли вѣрить, и возмутилъ почти весь Южный Дагестанъ.

Генералъ Головинъ, восхваляя дѣйствія Фези, приписалъ успѣхъ Шамиля въ Казыкумыхъ единственно отъѣвѣ вторичнаго движенія нашего отряда въ Андоляль къ Гунибу, *вынужденной* назначеніемъ генерала Граббе начальникомъ предстоявшихъ лѣтомъ наступательныхъ дѣйствій и генерала Ключки полпрежнему командующимъ въ Дагестанѣ. (Эти назначенія послѣдовали прямо изъ Петербурга и конечно весьма оскорбили генерала Головина). * Но мы видѣли въ началѣ этого разказа какъ генералъ Головинъ не хотѣлъ вѣрить донесеніямъ Ключки о замыслахъ Шамиля противъ Казыкумыха и не принималъ никакихъ мѣръ къ отвращенію этого событія. Теперь же нашлось на что взвалить бѣду.....

По полученнымъ извѣстіямъ о вторженіи непріятеля въ Казыкумыхъ,—генералъ Фези 22го марта послѣдшилъ однако туда съ отрядомъ, но овладѣть обратно Казыкумыхомъ не успѣлъ. Это движеніе принесло впрочемъ ту пользу что устранило распространеніе волненія далѣе по окрестнымъ обществамъ и парализовало дѣйствія Шамилевыхъ скопищъ, принужденныхъ выйти на встрѣчу отряда.

Овладѣніе Казыкумыхомъ имѣло такое огромное вліяніе на дѣла восточнаго Кавказа, оно такъ возвысило значеніе

---

* Генералъ Граббе въ 1842 году былъ вытребованъ въ Петербургъ для представленія своихъ соображеній къ покоренію горцевъ. Съ утвержденіемъ его предположеній, на него было возложено общее начальство надъ войсками Чечни и Дагестана и онъ настоялъ чтобы сюда былъ полпрежнему возвращенъ генералъ Ключки. Помянуто что генералу Головину (главному начальнику на Кавказѣ) такіа распоряженія не могли особенно нравиться.

Шмидя въ глазахъ мусульманскаго населенія этого края что мы считаемъ великимъ бросить болѣе подробный взглядъ на это событіе.

Ханства Казыкумыхское и Кюринское, составлявшія большія самостоятельныя владѣнія, ханы которыхъ пользовались бльшимъ вліяніемъ не только въ Дагестанѣ, но и во всемъ мусульманскомъ населеніи Закавказья, были колыбелью мюридизма. Еще во время управленія Кавказомъ генерала Ермолова, первый основатель ученія мюридовъ Мулла-Магометъ, съ ученикомъ своимъ Кизи-Муллою, жилъ въ селѣ Ярагъ, Кюринскаго ханства. Отсюда началось первое распространеніе фанатическаго ученія.

Съ 1837 года особенно стало замѣтно что Казыкумыхская ханская фамилія держится политики своего главы генералъ-майора Асланъ-хана, состоявшей въ томъ чтобы русскому правительству тайно дѣлать прелютствія въ усмиреніи Дагестана, наружно показывая преданность и выставляясь необходимыми. Члены этого дома давно подозрѣвались во вредныхъ козняхъ противъ насъ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Но всѣ ихъ дѣйствія были такъ скрытны, а доносы и обвиненія такъ противорѣчивы что невозможно было различить виновнаго отъ невиннаго и остановиться на какомъ-нибудь рѣшительномъ мнѣніи относительно каждаго члена; тѣмъ болѣе что всѣ они, будучи облагодѣтельствованы нами, постоянно выражали мнимую живѣйшую признательность и неограниченную преданность.

Однако двое изъ Казыкумыхскихъ бековъ обратили на себя особенное вниманіе.

Абдуррахманъ, сынъ Омаръ-бека, третьяго брата умершаго генералъ-майора Асланъ-хана, обнаруживъ притязаніе на ханство Казыкумыхскаго, былъ по этому поводу отозванъ въ 1840 году въ Тифлисъ. Хаджи-Ягія, незаконный сынъ Тугиръ-бека, второго брата Асланъ-хана, извѣстный фанатикъ и мюридъ, находился съ 1837 года въ бѣгахъ и скитался между непокорными Лезгинцами вокругъ Казыкумыха, а иногда въ вольной Табасарани и Кара-кайтагѣ. За нимъ слѣдили, и неоднократно, при приближеніи къ предѣламъ нашимъ, были дѣланы попытки къ поимкѣ его (Хаджи-Ягія присвоилъ себѣ въ горахъ названіе Эмиръ-эль-Муливалле, то-есть главы вѣрующихъ. Странно что

Шамиль позволялъ ему такъ называться). Въ этомъ же ханствѣ жилъ учитель Шамиля мулла Джемаль Эддий известнѣй въ Дагестанѣ своею ученостію, глубокомысліемъ и набожностію. Онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ мусульманъ и очень много содѣйствовалъ къ увеличенію числа приверженцевъ Шамиля. Суевѣрный фанатизмъ и ненависть къ Русскимъ ханской фамиліи и многихъ жителей Казыкумьскаго и Кюринскаго ханствъ, подстрекаемыхъ Хаджи-Ягіею,—честолюбіе управляющихъ временно этими ханствами, Махмуда и Гаруна бековъ, домогавшихся сдѣлаться настоящими владѣтелями, вовлекли ихъ всѣхъ постепенно въ тѣснѣйшія связи съ Шамилемъ, въ особенности съ осени 1841 года, когда Кибитъ-Магома Тилитинскій, сосѣдъ Казыкумьскаго, принялъ опять сторону Шамиля и занялъ лежащую близъ этого ханства гору Гунибъ, которая, вмѣстѣ съ селеніемъ Тилитъ, служила съ того времени сборнымъ пунктомъ приверженцевъ Шамиля въ Среднемъ Дагестанѣ.

Тогда Казыкумьцы стали скрытно помогать Шамилю, а при заятіи Кибитъ-Магометомъ Гергебиля, находилось въ сборищѣ его до 300 тамошнихъ жителей.

Между тѣмъ неудовольствіе ханши, Уммы Гульсумъ Бике, правительницы обоихъ ханствъ, на подчиненнаго ей управляющаго Казыкумьскимъ ханствомъ Махмудъ-бека, заставило ее задумать вызвать Абдурахмана изъ Тифлиса и поручить ему управленіе Казыкумьскимъ ханствомъ.

По дошедшему о семъ слуху всѣ казыкумьскіе беки, кромѣ фамиліи Омаръ-бека, были крайне встревожены.

Съ прибытіемъ Абдурахмана, Хаджи Ягія предвидѣлъ разрывъ своей связи съ Шамилемъ, а Махмудъ и Гарунъ опасались отнятія у нихъ управленія вѣрными имъ ханствами. Это склонило ихъ еще болѣе на сторону Шамиля, на котораго они полагали всю надежду, чтобъ удержаться на мѣстахъ.

Шамиль однако долго не рѣшался на вторженіе въ Казыкумьхъ. Какъ ни важно было для него упрочить владычество свое въ этомъ ханствѣ, дававшее ему возможность распространить власть на весь Средній Дагестанъ, разобщить наши силы и отвлечь ихъ отъ предпріятій въ нагорной части края, онъ тѣмъ не менѣе боялся рисковать, пока не былъ увѣренъ въ содѣйствіи самихъ жителей, которые, захоти только, безъ всякой помощи русскихъ войскъ, благодаря неприступности

своихъ ауловъ, особенно города Казыкумыха, и значительности населенія, могли не только не впустить мюридовъ къ себѣ, но и разбить ихъ.

Когда генералъ Фези сдѣлалъ бесполезное движеніе въ Андоляль къ Чоху (сосѣдній съ Казыкумыхомъ), Шамиль находился въ Дарго, вовсе не думая о какомъ-нибудь наступленіи въ наши владѣнія; но получивъ извѣстіе о походѣ генерала Фези и боясь за Кибитъ-Магому (лучшаго своего помощника), онъ поспѣшилъ въ Андоляль. Занявъ только-что нами оставленный Чохъ, онъ строго наказалъ людей выказавшихъ приверженность Русскимъ, увѣрилъ жителей что отрядъ отступилъ услугавшись его приближенія, и узнавъ слабость отряда генерала Фези, недостаточно обезпеченнаго матеріально, рѣшился воспользоваться готовымъ сборомъ горцевъ и идти въ Казыкумыхъ, гдѣ умы давно уже были подготовлены Джемаль Эддиномъ и недовольными беками къ принятію мюридовъ.

Благодаря безлечности подполковника Снаксарева, до послѣдней минуты обманывавшагося въ преданности намъ всего населенія, Шамиль съ 21го на 22е марта безъ сопротивленія занялъ Казыкумыхъ, назначивъ тотчасъ правителемъ ханства бѣглеца Хаджи Ягія, а кадѣвъ Акушинскаго и Цудахарскаго, пребывавшихъ намъ вѣрными, казнилъ. Самъ Снаксаревъ со всею своею свитой попалъ въ плѣнъ.

Вѣсть объ этомъ событіи быстро разнеслась по всему краю, весь мусульманскій міръ Кавказа ликовалъ, видя явное торжество исламизма.... Положеніе наше въ Дагестанѣ сдѣлалось чрезвычайно затруднительно. На вѣрность Акуши, Цудахара и другихъ обществъ нельзя было полагаться; мы могли ожидать возстанія всѣхъ земель лежащихъ между Самуромъ и Терекомъ. Результаты могли оказаться весьма плачевные и отозваться на спокойствіе всего Кавказа, населеніе котораго вообще было пороховою бочкою, ожидавшею искры.

Въ это время на театрѣ военныхъ дѣйствій появилась новый предводитель нашихъ отрядовъ — князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Доагорукій, давшій отчасти другое направленіе дѣламъ въ Южномъ Дагестанѣ....

А. ЗИССЕРМАНЪ.

Дрезденъ.

Ноябрь, 1872 года.

Р. С. Настоящая статья была уже окончена когда я получил июльскую книжку *Русскаго Вѣстника* прошлаго года, гдѣ помѣщены очень интересныя *Воспоминанія* о дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ въ 1843 году, г. П. Ильина. Авторъ, сколько мнѣ кажется, сильно предубѣжденъ противъ генерала Кюки фонъ-Клугенау, дѣйствія коего въ описанный г. Ильинымъ періодъ и впрямь не соотвѣтствовали его прежней, вполне заслуженной репутаціи энергическаго, рѣшительнаго генерала. Но если читатель сопоставитъ приведенныя въ настоящей статьѣ моей обстоятельства съ неудачами 1843 года, то убѣдится по крайней мѣрѣ что генераль Клугенау за много времени впередъ предвидѣлъ ихъ и достаточно настойчиво представлялъ своему начальству о мѣрахъ предотвращенія, что само собою должно служить его оправданіемъ и ослабить невыгодное для него впечатлѣніе производимое чтеніемъ *Воспоминаній* г. Ильина.

Затѣмъ авторъ слегка и съ нѣкоторыми неточностями коснулся эпизода занятія майоромъ (а не штабсъ-капитаномъ) Евдокимовымъ въ 1842 году (а не 43) Унцукуля; между тѣмъ изъ разказа моего можно ясно видѣть что это былъ подвигъ достойный занять видное мѣсто въ нашихъ славныхъ военныхъ лѣтописяхъ, далеко въ этомъ отношеніи не полныхъ, ибо большинство геройскихъ подвиговъ, по свойственной намъ алатіи, остаются неизвѣстными даже ограниченному числу военныхъ читателей.

Кромѣ того, въ *Воспоминаніяхъ* г. Ильина я нашелъ еще неточность: онъ считаетъ въ числѣ убитыхъ въ экспедицію 1845 года трехъ генераловъ и въ томъ числѣ К. Я. Бѣлявскаго; между тѣмъ этотъ генераль послѣ 1845 года былъ нѣсколько лѣтъ губернаторомъ въ Кутаисѣ, потомъ начальникомъ 18й лѣхотной дивизіи и уже въ званіи сенатора умеръ въ пятидесятыхъ годахъ. Убиты же были: Пассекъ, Викторовъ и Фокъ или Фохтъ. Но такія незначительныя неточности дѣло второстепенное, и *Воспоминанія* остаются во всякомъ случаѣ чрезвычайно живо изложенными и весьма интересными.

БОЛГАРИЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

Послѣ свадьбы.

Залыхавшійся Ицекъ Левъ такъ бѣгалъ по улицамъ что его рыжіе волоса и рыжія брови взерошились. Словно бѣшеный или сумашедшій онъ останавливалъ каждого знакомаго и хриплымъ голосомъ раслѣвалъ ему:

— Знаете ли что случилось? Неслыханное дѣло! Кто бы этого ожидалъ! И въ Африкѣ когда я служилъ при Макъ-Магонѣ такихъ вещей не приводилось видѣть. Никогда не угадаете!

— Что же такое, скажите? городъ что ли провалился, или Черное Море залило вершины Балканъ и занесло туда весь Русскій флотъ?

— Похоже на то, только еще хуже; не догадаетесь, а потому разкажу. Петро Катырджію, нашего отставнаго векиль-онбаша, арестовали, заковали въ кандалы и посадили въ тюрьму. Кто бы этого ожидалъ! Мы такъ у него пировали!

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 6, 7, 8 и 9.

— Когда же и за что?

— Тотчасъ какъ мы ушли; онъ даже не успѣлъ войти къ молодой женѣ. По отъѣздѣ мутасарифъ-паши Петро мигомъ арестовали и заковали въ кандалы.

— Да за что?

— Важное дѣло, очень важное! Комитатъ былъ у него на свадьбѣ. Молодой Каракачанъ, который говорилъ всѣмъ *gracia*, какой-то князь, а можетъ-быть и царевичъ, оказался ваистрашнѣйшимъ комитатомъ. Мутасарифу прислали объ этомъ комитатѣ двѣ телеграммы, одну изъ Рущука, другую изъ Шумны. Молодой Каракачанъ сердаръ, а можетъ-быть и экремъ комитатовъ. Можно ли бы было думать что Болгары слособны на такія дѣла! Хорошо дѣлають Турки что имъ не довѣряють.

— Бррр! крикнулъ докторъ, на котораго набросился Левъ со своими газетами.—Куда же дѣвался комитатъ?

— Говорятъ что съ нимъ было двое другихъ Каракачанъ, Гайдинъ Гировъ и Чилики, * и что всѣ трое уѣхали съ Татаринномъ.

— Куда?

— За Дунай, не то въ Букурештъ, не то въ Бѣлградъ, туда гдѣ засѣдаютъ комитаты. Подняли бы бунтъ, пошла бы рѣзня, славно бы насъ угостили! А каково было бы нашимъ женамъ?

— Гмъ! будьте спокойны, никто бъ ихъ даже не полюхалъ, а еслибы кто и полюхалъ, то убѣжалъ бы туда гдѣ и перець не растеть. Что же случилось съ молодою?

— Ее разумѣется взяли въ домъ паши, она теперь въ его гаремѣ. Я послалъ Рифку разузнать.

— Гмъ, гмъ! Паша ее допрашиваетъ; ништо ей щебетуньѣ! Щеки доктора зардѣлись какъ свекла, только не сырая, а вареная, и глаза его засверкали лучше брилліантовъ Англійской королевы.—Хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ! Вотъ вы хоть толкались въ арабскихъ канцеляріяхъ, а выбрали себѣ

---

* Гайдинъ Гировъ, русскій консулъ въ Филипполаѣ, родомъ Болгаринъ, славить между Турками за страшнаго пропагандиста. Его драгоманъ Чилики происходитъ отъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ болгарскихъ родовъ Филиппополя. Оба они славные охранители правъ болгарской церкви и пользуются у Болгаръ большимъ уваженіемъ. Капитуляціи защищаютъ ихъ отъ притѣсненій законныхъ властей.

въ жены Рифку! Прибаутки разказывать умѣете, а не видите что блестять!

Онъ поюхалъ табуку и не полодчивалъ Льва.

— Пожалуй что и такъ, докторъ. — Левъ задумался. — Когда вернется Рифка, мы всю правду узнаемъ. Жаль что консулы не здѣсь; но я сейчасъ налшшу Пѣтушку и Бульдогу, это будетъ для нихъ любопытно. Знаете ли, докторъ, что у Пѣтушка и его Курочки мы какъ дома. Она не можетъ обойтись безъ моей жены; такая невинная! точно сейчасъ вышла изъ монастыря! Повѣрьте, докторъ, если примется за нее моя Рифка, то она передѣлаетъ ее на свой образецъ.

— Не дай Господи! Хороши услуги!

— Развѣ вы хотите, докторъ, чтобы она попала подъ олеку тѣхъ двухъ львицъ которыя разгуливаютъ царицами въ королевскомъ паркѣ и даже на нашу Биби смотрятъ свысока?

— Гмъ! что мнѣ за дѣло? Лучше подумайте-ка какъ намъ завтра выѣхать.

— Все уже обдумано. Умная голова мутасарифъ! Кто бы ожидалъ отъ Турка такой смѣтливости! Быть бы ему камергеромъ или шталмейстеромъ императорскаго двора, да еще Наполеоновскаго.

Тутъ подошла къ нимъ Рифка; она была растрепана и щурила глаза чѣмъ-то расконфуженная. Съ мокрымъ носомъ и пьянымъ ртомъ она, всегда непригожая, была теперь отвратительна.

— Что съ тобой, моя сударыня? едва слышно прохрипѣлъ Ицекъ.

— Ничего! Не пустили! почти за дверь вытолкали! меня, которая въ Букурештѣ выпроваживала за дверь даже бояръ! меня, дочь отца проигравшаго въ карты въ одну ночь, два милліона талеровъ! Это по твоей винѣ, рыжій Ицекъ. Какъ ты сталъ подлизываться, такъ онъ и поднялъ носъ: онъ такой же Турокъ какъ и другіе--бусурманъ! Не пустить! почти выпроводить за двери! меня, баронессу, графиню! Некогда—занять! и гарему твоему некогда, противный Турокъ? Если ты, рыжій Левъ, не отомстишь за мое оскорбленіе, то я тебя брошу и вернусь въ Букурештъ.

Левъ вертѣлся, топалъ ногами, теребилъ свою рыжую немого паршивую гриву и утѣшалъ свою половину.

— Успокойся, милая, мы дадимъ ему себя знать, научимъ вѣжливости! Я сейчасъ налшшу Пѣтушку и донесу Бульдогу.

Слава Богу калитуляціи еще не отмѣнены! Биби и мужъ ея поднимуть всѣхъ Армянъ, а если нужно, то и лапу потревожатъ. Мы пустимъ мутасарифа въ трубу, на кусочки разстрѣляемъ картечицами. Успокойся, мы проучимъ Турка, сошлемъ его на покаяніе въ Акку. Чтò выдумалъ! Заарестовалъ христіанскую дѣвицу и не допустилъ до нея христіанки! О еслибъ былъ здѣсь лордъ Редклифъ, славный нашъ султанчикъ, то была бы вистълица!

Докторъ слушалъ, смотрѣлъ на нихъ и все мычалъ: гм, гм! Наконецъ, крикнувъ такъ громко какъ старый кабанъ, онъ сказалъ:

— Переставте! Турки, какъ и другіе люди, пока нужно—ласкають, а не нужно—гонять прочь. Чтò тутъ диковиннаго что васъ не допустили? Въ свидѣтеляхъ вѣтъ надобности. Чтòбы подговорить христіанку они пользуютя и христіанкой и Жидовкой, а чтобы потѣшиться христіанкой на чтò имъ Жидовка? Она лятое колесо въ каретѣ. Мусульмане сумѣють потѣшиться одни. Бросьте всѣ эти дразги и собирайтесь въ дорогу.

У Льва улеглась взъерошенная рыжая грива; онъ погладилъ свои посинѣвшія щеки и видимо успокоился. Половина его тоже притихла и улыбулась доктору или его одѣлау. Помышляя о брилліантахъ на бакшишъ она не забыла и объ одѣялѣ. Не только въ монастырѣ, но и въ синагогѣ учать: проси пирога, но не отвергай хлѣба.

Всѣ трое пошли не то за одѣяломъ, не то подъ одѣяло. Бѣсъ не дремлетъ; когда самъ онъ не управится съ дѣдомъ, то подсылаетъ къ нему бабу.

Мутасарифъ, человекъ рѣшительный и дѣятельный, прикрикнувъ, притопнувъ, отдалъ приказанія юзбаши и адъютанту, и засѣлъ въ гаремѣ чтобы допросить гяурку жену Петро Катырджіи. Отъ женщинъ всего легче обо всемъ довѣдаться, потому что онѣ все знаютъ. Еленушка не дичится, она уже попривыкла и стала избалованною воспитанницей гарема. Она не плачетъ и не бранится, но ласкается къ своему покровителю. Улыбкою женщины обезоруживали азычника, крестовосца, даже Прусака. Она конечно задумала освободить своими улыбками любимаго мужа изъ заключенія, и налаждаетъ на суроваго мутасарифа женскимъ оружіемъ—своими прелестями. Неизвѣстно чѣмъ это кончится. Мута-

сарифъ приказалъ никого не пускать въ гаремъ, безъ всякаго исключенія.

Залтіи обѣгали весь городъ, обшарили всѣ кофейни и всѣ ханы, заглянули даже въ дома къ чорбаджіямъ, агамъ, эснафамъ и эфендіямъ. Христіане говорили что ищутъ Куцу-Огау, котораго вѣчно ловятъ и никакъ не могутъ поймать. Мусульмане толковали о *комитетахъ*, говорили что они пробрались въ Сливенъ и гдѣ-то спрятались, но что ихъ разыщутъ, перехватаютъ и повѣсятъ на висѣлицахъ, въ предостереженіе и во страхъ гаурамъ. Искали, искали, но никого не нашли. Каракачаны исчезли еще ночью и неизвѣстно куда дѣвались; а къ Куцу, какъ всегда случалось, вѣрво пришелъ какой-нибудь залтія съ поклономъ отъ беевъ и муфтія, и сказалъ ему: убирайся! потому что его тоже не оказалось. Все пошло по-старому: везать на ослахъ въ городъ дрова, монцы и момицы идутъ изъ города на фабрики ткать сукно для царскаго войска, по всѣмъ дорогамъ люди ѣдутъ и идутъ изъ города и въ городъ, какъ всегда бываетъ въ Сливнѣ.

Чрезъ Кадыкой тянулся караванъ. Жена священника Иована, еще бодрая лопадя, ѣхала на лошади сидя на вьюкѣ; рядомъ съ ней, верхомъ на иноходцѣ, сестра священника дѣвица Харикаія, а съ другой стороны, на мулѣ, молодая монахиня. За ними, на ослахъ, на мулахъ и на лошадяхъ, ѣхало человекъ двѣнадцать молодыхъ и старыхъ монаховъ и шло нѣсколько гнѣшеходовъ. Впереди показывалъ дорогу, на гнѣдомъ конѣ, лихой казакъ съ саблей и ликою, на древкѣ которой развѣвался красный флагъ. Рядомъ съ половной Харикіей рисовался на гнѣдомъ аргамакъ милазимъ, казацкій офицеръ, ворковавшій какъ голубь. Овъ то отъѣзжалъ, то подъѣзжалъ и все ворковалъ. Настоящій барченокъ, тонкій какъ хлыстъ, приглаженный и затянутый какъ петербургскій щеголь. Амазонка половна тоже сухопарая; они подъ лару другъ другу. За милазимомъ ѣхалъ разсыльный казакъ, а за караваномъ слѣдовали, на гнѣдыхъ лошадяхъ, еще три казака, всѣ съ саблями, съ ликами и съ красными на нихъ флагами.

Народъ глазѣлъ на нихъ когда они проѣзжали чрезъ Кадыкой. Они возвращались со свадьбы, но были не веселы. Милазимъ, пріятель семейства священника, везъ своихъ людей въ Эдрене. Любезный молодой человекъ сдѣлалъ крюкъ чтобы проводить своихъ знакомыхъ до Тунджи. За Тунджей, подъ

деревьями, закусили и простились. Казаки пошли равниной влево, а караванъ повернулъ вправо въ горы и яры.

Въ числѣ монаховъ былъ переодѣтый въ монашеское платье Данко Казанскій. Ему были извѣстны всѣ приключенія ней-кіюбской дѣвицы, и она знала кто онъ таковъ. Воевода ей все разказалъ и поручилъ ей Данка, какъ прежде поручилъ ей Хаджи Дмитрій.

— Они твои люди, моя святая момуца, они болгарскіе юнаки. Я гайдукъ, юнака изъ меня не выйдетъ; по господскому приказу не станеть волкъ охотиться за дичью; какъ бы его ни ласкали и ни учили, его все тянетъ въ дѣсь. Такъ сдѣлаю и я съ моимъ воеводствомъ: брошу его къ чорту ради любого гайдучьяго дѣла. Я радъ съ вами служить Болгаріи, но я не могу проникнуться вашею любовью къ Болгаріи, а *комитаты* меня не передѣлають, хоть осмыль они меня золотомъ. Чего скорлупа наберется въ молодости, тѣмъ она будетъ лажнуть въ старости. Ни моя бѣдная Ярыня, ни мой златокудрый Георгій не удержали меня на чорбаджійствѣ; и вамъ не удержать меня на воеводствѣ. Гайдучья жизнь словно водка: кто разъ ее отвѣдаетъ того тянетъ пить и пить, пока ульется. Назначайте воеводами такихъ людей какъ Хаджи Дмитрій и Данко, и народъ можетъ-быть полюбить юначество, также какъ онъ теперь начинаетъ любить казачество; иначе онъ не перестанеть гайдучить и жить въ войнѣ съ людьми и съ Богомъ, подъ страхомъ казни и висѣлицы.

Такъ говорилъ воевода Собачій Сынъ, поручая монахинѣ молодаго Данка.

Марія съ дѣтства была не земною момуцей, а избранною дѣвицей Болгаріи. Ей никогда не приходило въ голову привязаться къ возлюбленному; она осталась чистою болгарскою дѣвою, равно расположенною и къ Хаджи Дмитрію и къ Данку, лишь бы только они служили свободѣ и отчизнѣ и сражались за ея избавленіе.

По вступленіи въ горы и яры караванъ часто встрѣчалъ Болгаръ, молодыхъ и старыхъ; они шли поодиночкѣ и попарно, тѣми тропинками по которымъ карабкаются козы, и пробирались тайкомъ чтобы рѣже поладаться на глаза людямъ. Иные изъ нихъ ватыкались на караванъ носомъ къ носу и здоровались съ монахами какъ добрые знакомые; нѣкоторые мимоходомъ что-то говорили монахамъ и выслушивали ихъ отвѣтъ; на плечахъ они несли ружья, а за поясомъ

у нихъ торчали ягаганы. Не обошли ли они въ какой-нибудь пустынь берлогу стараго Мшкы или одинокаго отбившагоса отъ стада кабана? Не хотятъ ли они изловить рогатаго оленя, или стадо ланей, или захватить сѣрыхъ волковъ на добычѣ? Охотники слѣзатъ и напираютъ со всѣхъ сторонъ: ихъ цѣлая тоала. Данко спрашиваетъ монаховъ, монахи ухмыляются.

— Охъ, то не охотники на стараго Мшкы или на рогатаго оленя! Этимъ звѣрямъ въ Балканахъ такое же приволье какъ и людямъ; пускай себѣ живутъ въ нихъ на здоровье. Какое до нихъ дѣло Болгарамъ?

— Чтò жь это за люди и куда они слѣзатъ?

— Вѣрно прослышали о какой-нибудь добычѣ и торолятся туда. Должно-быть будетъ гайдучья схватка или киседжійская передрага.

— Откуда же набралось столько охотниковъ, столько разбойниковъ?

— Каждый Болгаринъ съ молока матери и по крови киседжія или гайдукъ. Только тотъ изъ нихъ ни разу въ жизни не былъ ни тѣмъ ни другимъ кому не выдало случая; но каждый, чгобы погайдучить, готовъ все бросить и идти на край свѣта. Знаете ли, новый нашъ братъ, что у насъ въ Балканахъ такіе славные гайдуки какъ Дышляя, Собачій Сынъ или Птичій Сынъ никогда не держатъ при себѣ шайки и не нуждаются въ ней, а гуляютъ одинокіе, какъ отбившіеся отъ стада кабана? Когда они высмотрятъ добычу или кто-нибудь имъ ее укажетъ, а сами они одолѣть не въ силахъ и нужна имъ помощь, тогда они идутъ въ первое попавшееся имъ на дорогѣ село и шелчутъ на ухо одному, другому, третьему: туда и тогда-то на гайдучье дѣло, -- и набираютъ тамъ десятки, сотни людей, сколько требуется. Все идетъ какъ по маслу. Приказъ исполняется слѣпо, а лотомъ дѣлятъ добычу и вѣчный молчокъ. Хоть въ смолдвари—никто не разкажетъ про гайдучье дѣло, хоть на колъ сажай—никто не дастъ воли языку. Это у гайдукъ главная добродѣтель. Съ той поры какъ Болгарія стала Болгаріей и стоятъ Балканы, никогда ни одинъ гайдукъ не выдалъ гайдукъ. Это братство, это балканская вѣра...

Данко убѣдился изъ того чтò слышалъ и видѣлъ что монахъ говорилъ правду, что за неимѣніемъ болгарскаго дворянства, стародавніе юнаки обратились въ гайдукów и даже переродились въ киседжій. Чгобы вытянуть Болгаръ изъ этой грязи необходимо дворянство.

Старый бывалый монахъ началъ объяснять разницу между гайдукомъ и киседжіей.

— Гайдукъ лѣзетъ въ бой — киседжія идетъ на вѣрняка. Гайдукъ не разбираетъ день ли, ночь ли, въ лѣсу ли, въ полѣ ли, много ли, мало ли враговъ, онъ всегда готовъ биться; дѣлаясь гайдукомъ, человекъ остается еще юнакомъ, и въ разбоѣ ведетъ себя какъ воинъ. Киседжія ходитъ одинъ и нападаетъ на одного, охотнѣе при ночной темнотѣ чѣмъ при дневномъ свѣтѣ, притомъ всегда изъ засады или неожиданно. Удастся ему отрѣзать выюки, онъ радъ удрать. Впрочемъ киседжія часто дѣлается ликимъ гайдукомъ; гайдукъ же ни за что не будетъ киседжіей; онъ лучше умретъ съ голоду, или поидетъ на висѣлицу чѣмъ согласится олозорить свое достоинство киседжійскимъ ремесломъ. Въ нашихъ Балканахъ занимали первое мѣсто между гайдуками Матео Рашо, Мансуръ-Оглу и Собачій Сынъ, а между киседжіями Хаджи Георгій, прозванный Кьючукъ-Мустафой, и покойный Кьючукъ Стефанъ; славнѣе ихъ не было никого. Между тѣми которые изъ киседжій стали гайдуками всѣхъ извѣстнѣе Дышлія и Птичій Сынъ. Диковинная страна, наша Болгарія! Говорятъ что въ ней Болгары словно бараны: стриги ихъ и рѣжь ихъ какъ хочешь; они же волки въ бараньей шкурѣ. Вы знаете какихъ казаковъ повадѣвали изъ этихъ барановъ. Ни на Днѣпрѣ, ни на Дону, ни въ любой казачьей станицѣ, я не видалъ лучшихъ казаковъ; я самъ бывалъ тамъ и въ старомъ Кіевѣ, нашей славянской столицѣ. Болгары должны сдѣлаться такими же какими стали телеръ наши казаки. Если лаши и посланники позволяютъ, то пусть они служатъ султану, а нѣтъ, то другому государю; въ настоящемъ же положеніи ихъ нельзя удержать. Не попуститъ Богъ чтобы замерло имя болгарское, какъ замерло имя цыганское или имя армянское.

Пока монахи и поладья вѣхали такимъ образомъ по Шибкѣ Балкана, въ монастыри Панаи и Святаго Георгія, въ Сливаѣ все было тихо и спокойно. Не толковали о Каракачакахъ, потому что настало время ихъ перекочевки—одни приходили, другіе уходили. Всѣ они брали тескеры (паспорты), и вносили подати за себя, за лошадей и за барановъ; а съ нихъ только того и требовали. Турецкая полиція не нѣмецкая, она не мучитъ и не тѣснитъ людей за то что они гуляютъ

по Божьему свѣту. О Петро Катырджии даже и не говорили: не новость что кого-то засадили въ тюрьму. Повѣстокъ не посылають и процесса не ведутъ, а просто по приказу: эй, въ кутузку! потащутъ безъ сопротивленія, засаждать въ конуру, забьютъ въ колодку, или закуютъ въ цѣли, и сиди пока скажутъ: убирайся къ чорту, да и выпустятъ на волю. Мутасарифъ велѣлъ засаждать, мутасарифъ велѣлъ сидѣть, мутасарифъ велитъ и выпустить—его воля; что тутъ толковать полустому! Въ городѣ разказывали что мутасарифъ-паша третій день не выходитъ изъ гарема и что никого къ нему не допускають. Не подгулялъ ли онъ на свадьбѣ? Но онъ кушалъ только кофе и шербетъ, и какъ правовѣрный поклонникъ Пророка, не прикасался къ горячимъ напиткамъ. Не огорчился ли онъ тѣмъ что случилось послѣ свадьбы? У него сердце какъ воскъ мягкое, слезы всегда готовы брызнуть изъ его глазъ. Служба тяжелый долгъ; всякое наказаніе вредитъ его здоровью. Члены меджлиса напрасно ждутъ пашу въ залѣ засѣданій—онъ не приходитъ. Юзбаша заптій посылаетъ свой ралортъ въ гаремъ черезъ чернаго евнуха и не получаетъ отвѣта. Телеграфистъ привезъ телеграммы изъ Эдрене, и того не впустили; онъ залечталъ телеграммы и передалъ ихъ черезъ евнуха. Муфтій и кадій заговариваютъ съ телеграфистомъ и стараются развязать ему языкъ, но онъ отъ нихъ отвертывается и хранитъ молчаніе. О чемъ бы это? О десятинной дани что ль?—ее уже собрали; о податяхъ?—и тѣ взысканы. Телеграфисту, родомъ Армянину, начали льстить, говорили ему что онъ, по милости царской, будетъ великимъ человѣкомъ, что Армяне и Турки родные братья, что имъ и Туркамъ Господь Богъ предоставилъ пользоваться и распоряжаться другими народами государства. Не выдержалъ убаженный Армянинъ; онъ покраснѣлъ какъ дѣвица и потихоньку сказалъ:

—Вали спрашиваетъ какую здѣсь арестовали христіанку и за что посадили въ тюрьму ея новобрачнаго мужа; онъ требуетъ самыхъ подробныхъ объясненій. Потомъ Армянинъ прибавилъ шепотомъ:—Вали, какъ слышно, не очень жаалуетъ мутасарифа и желалъ бы посадить на его мѣсто своего сродника; но у мутасарифа есть поддержка въ Стамбулѣ и въ посольствахъ, да и человѣкъ онъ ловкій: сумѣетъ вывернуться, какъ уже не разъ ему это удавалось.

Вскорѣ затѣмъ вышелъ мутасарифъ, здоровый и веселый.

Онъ не сказалъ ни слова о своей болѣзни и о своемъ затворничествѣ и не допустилъ никакихъ о томъ разспросовъ. Онъ поклонился, сѣлъ, позволилъ сѣсть другимъ и приказалъ привести Петро Катырджію.

Мутасарифъ самъ допросилъ Петро о знакомствѣ съ Каракачанами и что они за люди. Петро отвѣчалъ что они такіе же какъ и другіе Каракачаны, что онъ прежде ихъ не зналъ, а познакомился съ ними также какъ и со многими другими гостями пріѣхавшими на свадьбу, что разговаривая съ ними и угощая ихъ онъ исполнялъ долгъ хозяина. Петро былъ не веселъ, но держалъ себя смѣло, довольно гордо и ни мало не смутился. Мутасарифъ ни о чемъ болѣе не разспрашивалъ, пробормоталъ что-то объ обязанностяхъ вѣрнолюднаго, о танзиматѣ, о *комитатъ* и погрозилъ пальцемъ.

— Расковать его и пустить на волю, пускай себѣ идетъ домой къ жень. Не выждавъ благодарности, которой онъ бы и не дождался, мутасарифъ продиктовалъ телеграфисту отвѣтъ вали. Тѣмъ все и кончилось. Солнце уже заходило, и мезинъ расплывалъ: „Боже всемогущій! Боже всеильный!“ Мутасарифъ пригласилъ своихъ сослуживцевъ по управленію отобѣдать у него.

На подносіе принесли, въ маленькихъ рюмочкахъ, водку, мастику съ острововъ, и, на маленькихъ тарелочкахъ, свѣжую красную икру, такъ-называемую буторгу, лаюсую и дунайскую икру, нарѣзанную маленькими кусочками, сыръ кашкавалъ и миндальные орѣхи; вмѣстѣ подали солонину и колечную говядину. Гости опоражнивали рюмку за рюмкой и заѣдали закусками. Каждый Турокъ съ чистою совѣстію выпиваетъ ежедневно вечеромъ очень много, вливая правотѣрныя даже по цѣлому оку.

Около полуночи принесли софру, низкій столъ съ подносомъ, среди котораго стояла миска; около нея лежали кусочки хлѣба, свѣжій чеснокъ, лукъ и деревянныя ложки, а вокругъ были разставлены тарелочки съ салатомъ и съ чесночными соусами и большія чашки съ квашеною свеклою и квашеною калустой. Въ мискѣ дымился супъ изъ рубцовъ. Всѣ усѣлись вокругъ софры кучками на коврахъ, взяли ложки и кушали изъ одной миски. Потомъ подавали разварную чиненую индѣйку, бамы—зелень извѣстную только въ Турціи, бараньи ножки, берекъ—французское тѣсто съ творогомъ, баклаву—такое же тѣсто, только сладкое, фаршированную

калусту, рубленныя котлеты съ хлѣбомъ. Затѣмъ принесли на подносъ стаканы съ лимонадомъ, и снова начали подавать кушанья: бумбаръ—рисомъ чиненую кышку, сютлачь—цѣльное молоко съ рисомъ, эльмасію—померанцевое желе, пилавъ—фасоль съ крошеною бараниной, и наконецъ гошафъ—родъ сиропъ съ компотомъ. Всѣ блюда быстро слѣдовали одно за другимъ, и все, кромѣ сладкаго и пилава, гости кушали пальцами, ухвативъ между ними, для опрятности, кусочекъ хлѣба. Къ гошафу подали черелаховыя ложки съ коралловыми ручками. Потомъ принесли мѣдный тазъ съ водою и мыло. Каждый гость мылился и мылся около получаса. Послѣ омовенія гости разсѣлись кучками на мягкихъ софахъ; имъ подали чубуки и мекскій кофе, и они съ полчаса отдыхали въ молчаніи покуривая табакъ.

Это былъ не пиръ, а очень обыкновенный турецкій обѣдъ. Множество кушаній въ маломъ количествѣ—основное правило турецкой кухни. Турокъ утверждаетъ, и очень резонно, что многими блюдами можно накушаться, а поѣвъ много одного блюда обременишь желудокъ и потомъ хворашь.

Послѣ получасоваго отдыха пустились въ разговоры, но ни одинъ гость не тронулся съ мѣста; того кто бы всталъ и началъ прохаживаться сочли бы за гаульца или за челоуѣка неблаговоспитаннаго. Правительственная важность господствующаго племени равно проявляется и въ бесѣдѣ, и въ совѣтѣ, и въ забавѣ, и въ отдыхѣ. Они приобрѣтаютъ ее съ дѣтства и умираютъ съ нею стариками.

Толковали о томъ, о семъ. Мутасарифъ очевидно старается какъ-нибудь убить время; онъ не слѣшитъ въ гаремъ, и чтобы задержать гостей говорить имъ: „Сейчасъ придетъ почта изъ Руцука и изъ Эдрене, принесутъ письма и газеты; увидимъ что дѣлается на свѣтѣ и въ Стамбулѣ.“

Въ полночь два залгій вѣхали вскачь на дворъ, слѣзли съ лошадей и тотчасъ взбѣжали по лѣстницѣ къ мутасарифу.

— Великій господинъ! Да хранитъ Богъ здравіе нашего ладшаха! Случилась большая бѣда: на царскую, на султанскую почту напали; ее разбили и разграбили; насъ уцѣлѣло только двое, я и Кадры-ага. Но вотъ какъ насъ отдѣлали: два укола пикой, три порѣза ятаганомъ; я безъ носа, онъ безъ уха. Кони спасли насъ. Аманъ, Аманъ, великій господинъ!

Несчастные совсѣмъ обезображены. Лица ихъ покрыты засохшею кровью, смѣшанною съ грязью, которою они обмаза-

ли свои раны; они едва держатся на ногахъ. Мутасарифъ, мужъ человѣколюбивый, танзиматный, позволилъ имъ сѣсть, даже приказалъ подать имъ ракіи и воды и послалъ за докторомъ. Юзбаша вошедшему вслѣдъ за пріѣхавшими залтіями отдалъ овъ приказъ чтобы всѣ лѣвшіе и конные залтіи собрались въ полномъ вооруженіи и запаслись двойнымъ числомъ боевыхъ патроновъ, чтобы всѣ чорбаджи и аги меджлиса были немедленно призваны къ нему въ конакъ,* вооруженные и на конѣ, чтобы явились всѣ мухтары, какъ добрые христіане такъ и мусульмане, чтобы набрали какъ можно болѣе кураджіи и кирсердарей,** и приказалъ чтобы его лошади и свита были готовы, а револьверы осмотрѣны и заряжены. Всѣ распоряженія мутасарифъ сдѣлалъ безъ торопливости, безъ смущенія, съ достоинствомъ и турецкою степенностью, какъ будто не случилось ничего необыкновеннаго. Отдавъ приказъ о сборѣ людей, мутасарифъ велѣлъ перебить трубки и подать кофе, и потомъ спросилъ:

— Гдѣ же и какъ это случилось?

— Великій господинъ, да сохранить Богъ твое здоровье! Въ вечерній намазъ почта выѣхала изъ Казани: было тридцать восемь выюковъ съ деньгами и три съ чантами.*** Провожали почту Татаринъ, восемь погонщиковъ, насъ девять залтій съ чаушемъ Гассанъ-агой и двадцать человѣкъ суваріи съ милазимомъ.**** Я ѣхалъ съ Кадры-агой впереди. Мы проѣхали благополучно крутыя горы Башкіюя, Вечерю и Вечерскіе вертелы, спустились въ Джегенемскую долину и миновали пустой дворъ, когда отъ Сливна, изъ-за камней, показались на дорогѣ трое людей лѣвшихъ и двое конныхъ и етали стѣной поперекъ дороги, между скалою и пропастью. Мы натянули поводъ и ухватились за пистолеты, какъ вдругъ позади насъ закричали, заорали, загремѣла пальба, шумъ, трескъ, словно черти разбѣсились, и пошла адская суматоха. Мы ударили стременами по бокамъ лошадей и бросились впередъ. Жутко намъ досталось; какъ мы оттуда выбрались, мы и сами не знаемъ—вѣдаютъ про то наши кони. Мы полетѣли къ тебѣ, великій господинъ, съ донесеніемъ. Будь ты у насъ

* Конакъ — жилище, домъ.

** Кураджія — отлускающій въ наемъ лошадей; кирсердарь — полевой сторожъ.

*** Чанта — чемоданъ въ которомъ возятъ письма.

**** Суварія — регулярная кавалерія; милазимъ — поручикъ.

цѣль; по твоей милости, да подъ твоєю охраной все пойдетъ хорошо. *

Залтія замолчалъ; отъ него нельзя было вывѣдать ничего болѣе.

На улицѣ предъ домою и на площади собрались толпы людей пѣшихъ и конныхъ. Мутасарифъ жалѣеть что нѣтъ у него казаковъ; два дня тому назадъ они всѣ выступили, захвативъ съ собою даже больныхъ.

Ранній эзанъ раздавался съ вершинъ минаретовъ, и мусульмане совершали намазъ; въ церквахъ трещали трещотки, и христіане славили Бога и молились. Мутасарифъ началъ день молитвой, потомъ сѣлъ на коня и съ толпами людей выступилъ въ поле. Пѣшихъ и конныхъ было съ нимъ болѣе трехъ тысячъ. Онъ пошелъ облавой по виноградникамъ и по кустамъ, по оврагамъ и по тѣснвицамъ, вправо и влево отъ Казанской дороги. Мутасарифъ даетъ приказанія, и все жалѣеть что нѣтъ съ нимъ казаковъ. Старый муфтіи бормочетъ:

— Слава Богу что ихъ нѣтъ! Это можетъ-быть продѣлка Куцу—они собаки-гауры разомъ бы высѣдали.

По дорогѣ ѣдутъ возы за возами, идутъ пѣшеходами за пѣшеходами и чабаны съ баранами; всѣ тянутся въ Сливенъ, центръ балканской торговли. Залтіи допрашиваютъ: „откуда? куда? не видали ль, не слышали ль чего?“ На всѣ вопросы они получаютъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „ничего не видали, ни о чемъ не слышали“. Однихъ пропускаютъ: „ступай съ Богомъ; другихъ забираютъ для слѣдствія. Мутасарифъ во все входитъ и распоряжается хладнокровно. Соблюдать въ неурядицѣ большой порядокъ, таково умѣнье турецкаго правительства. Дѣлать все не торолясь, не насकोкомъ; сидя на возу запряженномъ волами загонять и лобзать зайца: таково правительственное правило Османлы, и тысячи ихъ сподоствуютъ надъ милліонами.

Чотра осталась вправо; съ Бунарскаго Балкана спускались въ Джебегемскую долину; слѣва крутыя скалы, справа пропасть и дно долины, а ничего еще не видно и не слышно. Голуби воркуютъ, вороны каркаютъ, птицы щебечутъ, ручьи текутъ съ Балкановъ и стада пасутся въ долинахъ. Пастухи и чабаны ничего не видали и не слышали. Наконецъ мута-

* Почта была разграблена такъ какъ здѣсь описано.

сарифъ добѣжалъ до пустаго двора; онъ мчался впереди всѣхъ; нѣсколько людей подоспѣли за нимъ вскачь. Безстрашный мутасарифъ слѣзъ съ лошади и вошелъ во дворъ. Тамъ лежали мертвое тѣло и двое раненыхъ. Мертвый былъ почтовый Татаринъ, родомъ Армянинъ. Армяне готовы хоть верхомъ ѣхать куда угодно, только не противъ сабли и пика, а въ конвоѣ для охраненія золота, серебра и векселей. Влеченіе къ этому они всасываютъ съ молокомъ, и во всей Турціи они служатъ за почтовыхъ Татаръ: на то они Армяне, а не Славяне.

Изъ двухъ раненыхъ погонщиковъ одинъ былъ Болгаринъ, а другой Цыганъ. На разпросы они отвѣчали что не знаютъ что случилось; черти ли, или люди сдѣлали такой переполохъ; должно-быть черги, потому что такой напалъ страхъ что душа лѣзла вонъ изъ тѣла и глаза ничего не видали. Въ пропасти нашли двухъ лошадей съ лустыми выюками. Конскіе трупы были изорваны въ клочки. На дорогѣ подвинули три большихъ чемодана съ бумагами и письмами—и только.

Залтіи и всадники поскакали по всѣмъ проселкамъ, въ окрестныя села и хутора, а мутасарифъ ждалъ и высматривалъ на дорогѣ слѣды; у него уже рябило въ глазахъ, но онъ ни до чего не добрался.

Вскорѣ появился чаушъ Гассавъ-ага съ залтіями: всѣ они дали тягу невредимые, не раненые; они были такъ напуганы что не могли разказать какъ случилась бѣда, и ходили словно пьяные, одурѣлые.

Пришли и погонщики; они, какъ залтіи, со страха убѣжали безъ оглядки и ничего не видали. Они бѣжали пока могли что-либо слышать.

Вернулся и милазимъ съ отрядомъ, въ порядкѣ, спокойно, шагомъ. Молодой милазимъ мѣсяцъ тому назадъ вышелъ изъ школы. Услышавъ шумъ впереди, онъ хотѣлъ построиться съ лѣвой или съ правой стороны, какъ показано въ регламентѣ; но это оказалось невозможно: тамъ крутая скала, тутъ пропасть. Онъ повернулъ и ускакалъ двѣ мили за Вечерю; здѣсь онъ выбралъ позицію на Камчикѣ, построилъ фронтъ въ такомъ мѣстѣ откуда можно выслать застрѣльчиковъ и броситься въ атаку, и выжидалъ. Онъ все исполнилъ по регламенту и низаму, а что случилось, того онъ не знаетъ, да это и вовсе не его дѣло. Низамъ и кануны ему извѣстны.

Обыскали съ зажженными лучинами вертелы и пещеры, но ровно ничего не нашли. Черти надѣлали весь этотъ переполохъ, толковали простые люди; это дѣло *комитатовъ*, говорили люди поумнѣе.

Мутасарифъ съ меджлисами курили трубку за трубкой и пили кофе за кофе, но ничего не отыскивали. Забравъ около тысячи челоувѣкъ для свидствія, они къ ночи вернулись въ Сливенъ.

Мутасарифъ въ длинной телеграммѣ обстоятельно донесъ обо всемъ вали-пашѣ, и какъ милости и спасенія просилъ у него сотни казаковъ.

Гайдучье дѣло.

Не встали ли изъ гробовъ стародавніе беглербеи, не сзываютъ ли они слагіевъ въ дальніе наѣзды? Что за движеніе въ Маражской долинѣ? Изъ Талкикоя, изъ Кіюлекли, изъ Алядага, выѣзжаютъ въ поле, на лихихъ коняхъ, аги; на рукахъ они держатъ соколовъ, а на смычкахъ гончихъ. Не оловѣстили ли чамбулъ? * Не всталъ ли изъ своей могилы султанъ Мегметъ Третій, не скачетъ ли онъ на боевомъ конѣ чтобы предъ набѣгомъ поохотиться со своими слагіями на звѣрей, прежде чѣмъ онъ напуститъ ихъ на людей? Старый Мансуръ-Оглу въ этотъ день протрезвился и ничего не пилъ кромѣ кофе; онъ забылъ о десятилѣтнемъ заключеніи въ Эрленской тюрьмѣ, забылъ о переломанныхъ костяхъ и о холодной дрожи которая пробирала его до самаго мозга при одномъ воспоминаніи о визирѣ Кибризли, истребитель, бичъ и мечъ гайдучковъ и беевъ. Онъ забылъ все, сѣлъ на сѣраго жеребца, сына того жеребца на которомъ онъ громилъ и душилъ султанскую конницу, вспомнилъ о расправѣ съ карнабадскимъ меджлисомъ и о многихъ передрыгахъ изъ-за чужихъ женъ. Онъ помолодѣлъ, былъ здоровъ и веселъ, а сѣрый жеребецъ такъ и прыгалъ, словно боялся чтобы старость и ракія олять не отняли у него Мансура или хотѣлъ покрасоваться предъ молодымъ деликанліей, ** который ѣхалъ съ другой стороны на вороной лошади. Молодой деликанлія,

* Чамбулъ—сборъ людей на войну.

** Деликанлія—удалецъ, бѣшеная, горячая голова.

безъ усовъ и безъ бороды, лицо у него гладкое какъ у дѣвухи; нѣсколько золотыхъ кудрей вырвались изъ-подъ феса и чалмы и развѣваются по плечамъ; на немъ амарантовый шитый серебромъ челкинъ, такого же цвѣта лотуры, шелковый блестящій какъ серебро поясъ, за поясомъ кинжалъ и пистолеты въ богатой оправѣ, а на головѣ чалма изъ бѣлаго тыфтыка съ золотою кистью. Подъ нимъ вороная лошадь отличной арабской породы гордится тѣмъ что несетъ на себѣ такого деликанлю. Рядомъ съ нимъ Кущу-Оглу въ богатомъ нарядѣ и въ зеленой чалмѣ; подъ нимъ дели-орманскій буланый конь, черногривый, чернохвостый, съ черною полосою на сплѣтѣ, высокій, короткій, подобранный, осаженный назадъ и крѣпкій. Кущу привѣтствовалъ Мансура какъ учителя, а Мансуръ, взглянувъ на деликанлю, отдалъ привѣтъ товарищу гайдуку, хоть и былъ самъ киседжія. Всѣ вмѣстѣ ложились на озера Страджи.

Аги по два, по три и даже по пяти ѣхали въ ту сторону вооруженные, нарядные, съ соколами и гончими. Попадались имъ на встрѣчу залтіи. Никто не спрашивалъ у нихъ откуда, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, никто не требовалъ отъ нихъ паспорта. Толковали промежь себя что вѣрно султанъ Гирей хочетъ приготовить мутасарифу охоту на звѣря и на птицу.

Карнабадская равнина тоже не слить. Изъ селъ ѣдутъ молодые и старые Болгары, проворные, на быстрыхъ лошадяхъ; одѣты они въ бараньи тулупы, въ бараньи шалки и въ краснобурные турецкіе шаравары. Кони подъ ними по большей части рыжіе и бурые. Въ рукахъ у нихъ дубины, а подъ тулупами пистолеты и ятаганы: настоящіе кентавры, конница Аттилы. Ужь не ее ли слова подняли на бичеваніе Божьяго міра? Не шлетъ ли этихъ всадниковъ болгарская церковь съ своимъ экархомъ на раззореніе и гибель греческой церкви и ея патріарха, какъ нѣкогда праотцы ихъ шли олустошить христіанскій Римъ?

Воевода изъ Черкесли тоже торопился въ Страджу. Подъ нимъ гордо выступалъ сивый жеребецъ, настоящій саглавскій, изъ конюшни Гирея. Воевода хоть и Собачій Сынъ, но съ виду молодецъ; онъ знаетъ свое дѣло и увѣренъ въ себѣ. Усы у него какъ у сербскаго Милоша, станъ какъ у царя Лазаря, глаза какъ у сокола, какъ у арнаутскаго Скандеръбега, а оружіе такое что лучшаго не было и у самого королевича Марка. На немъ челкинъ и гуля изъ прекраснаго

сукна, подбитые соболями; на головѣ соболья шапка какую и теперь еще носить сербская знать. По лицу и по чубу воевода юнакъ, хоть сердце въ немъ гайдучье. Но такъ какъ онъ ѣхалъ на набѣгъ по приказу комитета, то онъ былъ теперь воеводой и ловко выдерживалъ свое достоинство.

Болгары кланялись ему какъ царю, а мусульмане-Турки какъ примѣрному гайдуку. Самъ Мансуръ приветствовалъ его какъ брата.

— Ты одинъ можешь поравняться со мною въ гайдучьемъ ремеслѣ. Учителя нашего Матея Рашо уже нѣтъ въ живыхъ— да поможетъ ему Богъ на томъ свѣтѣ! Я схожу съ поля и принимаюсь за ракію, а ты на него выступаешь. Пошли тебя Богъ счастья!

— О, учитель мой! Ты такой же для меня наставникъ какимъ для насъ обоихъ былъ Матей Рашо. Сегодня самый счастливый день въ моей жизни, потому что я ѣду вмѣстѣ съ тобою и на твоихъ глазахъ пуцусь въ гайдучій плясъ.

— Мы знаемъ, братъ, другъ друга, не нужно намъ знакомиться. Не одну ночь и не одинъ день провели мы вмѣстѣ въ горахъ и въ тюрьмѣ. Кибризли,—* да накажетъ его Богъ!— жутко насъ гонялъ.

— Да вѣдь и мы не мало задавали ему работы.

— Правда. Зубъ за зубъ, даромъ ничего не доставалось. Весело было бороться съ такимъ визиремъ. Онъ былъ молодецъ. Нечего сказать, боялись его гайдуки, да за то беи умирали со страха.

— Теперь такихъ уже нѣтъ.

— Потому и держитъ его султанъ въ Стамбулѣ что орелъ не можетъ охотиться вмѣстѣ съ воронами, ни боевой конь тащить возъ вмѣстѣ съ мулами. Такихъ какъ Кибризли у него мало, а остальные всѣ одинаковы; вотъ онъ, какъ добрый борзятникъ, и не слускаетъ милую собаку на обыкновеннаго зайца, чтобъ она не уходилась, а бережетъ ее на матераго русака. Дерянные собаки гоняются окверно, пожалуй онъ и изловятъ дичь, но сами не зарвутся и не уходятся.

* Мегмедъ-Кибризли-паша одинъ изъ высшихъ и самыхъ достойныхъ сановниковъ Порты. Онъ былъ два раза садразомомъ, капуданомъ и два раза валиемъ Адрианопольскаго вилаята. Гроза для беззаслупотреблявшихъ своими привилегіями и истребитель разбойниковъ, онъ оберегалъ неимущихъ и судъ его былъ справедливъ. Добрые люди его благославляли, а злые трепетали при его имени.

— Тѣмъ лучше для насъ; мы можемъ развѣзжать и гайдучить по всему краю, словно никогда и не бывало этихъ вали, словно свится людямъ что они гдѣ-то за горами, за долами.

Такъ они разговаривали и направлялись къ Кирклисовскимъ лѣсамъ.

Деликанлія, то была правнучка стараго Стефана, на ворономъ жеребцѣ такъ же счастлива какъ и конь подъ нею. Она въ первый разъ попала на такую потѣху. Она то залустить своего вороного, то осадить его, скачетъ на немъ вправо и влево, треплетъ его по шеѣ и играетъ его гривой какъ ребенокъ игрушкой. Она смѣется безъ причины, замѣчая какъ на нее смотрять, и веселится отъ всего сердца, потому что молода и привольно наслаждается своею свободой.

Куцу-Оглу сѣдитъ глазами за деликанліей и держитъ на поводу своего буланого чтобы тотчасъ броситься вскачь если будетъ нужно, потому что деликанлія обезумѣла, а Птичій Сынъ, какъ олекумъ, отецъ и братъ, о ней заботится. Довольный своею питомцей, онъ расправилъ свои усы.

Старый Мансуръ погрозилъ ему пальцемъ.

— Птичій Сынъ, славную поймалъ ты пташку и возишь съ собою. Еслибы не истомилъ меня Кибризли палками да кандалами и еслибы не минуло мнѣ шестидесяти лѣтъ съ походомъ, я бы отнял у тебя эту слугу.

— А еслибы она къ тебѣ не пошла, учитель мой?

— Ты знаешь что гайдуки не спрашиваютъ—хочешь ли идти или нѣтъ, а хватаютъ.

Куцу-Оглу встревожился, но Мансуръ улыбнулся и потрепалъ его по плечу.

— Полно, и я былъ Куцу когда былъ молодъ, а теперь на что мнѣ молодка, развѣ на то чтобы плакаться на мою старость и на Кибризли?

Во всей Болгаріи только Кирклисовскій лѣсъ ходитъ на большіе лѣса. Дубы въ немъ исполинскіе какъ на Случи и на Горынь, буки упираются вершинами въ небо; все чермошье, а нѣтъ въ немъ тернистыхъ кустовъ, которые могли бы поранить ногу или выколоть глазъ. Дубрава такая чистая что сѣрну ловятъ въ ней борзыми собаками. Кулы дубовъ стоятъ клумбами, на покосахъ зеленая мурава, легкіе незамѣтные пригорки, на возвышеніяхъ равнины, при ручьяхъ луга, а ручьи такіе что и подойти къ нимъ и переправиться чрезъ нихъ не трудно, словомъ, все какъ у добрыхъ людей.

Этимъ лѣсомъ ѣхали рядами гайдуки словно войско. Мусульмане и христіане, Болгары и Турки брательлись въ гайдучьемъ дѣлѣ. И никто не видалъ этого множества гайдуковъ, потому что никто не хотѣлъ ихъ видѣть; а если кто видѣлъ и вѣдалъ, тотъ глубоко хранилъ тайну про себя. Гайдучье товарищество такъ распространено, такъ укоренилось и такъ уважается, что когда отважный и рѣшительный, Кибразли Мегмедъ-паша задумалъ истребить гайдуковъ въ Эдренскомъ вилаетѣ, наперекоръ желанію и усиліямъ беевъ, то онъ ничего не могъ сдѣлать пока не нашелъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ Поляка, поручика Османъ-агу Морозовича. Послѣдній съ нѣсколькими конными солдатами того же полка гонялъ и хваталъ гайдуковъ, и вмѣстѣ съ ними забиралъ тѣхъ залтій и кирсердарей которыхъ паша высылалъ прежде ловить разбойниковъ. Онъ поймалъ и убилъ ихъ человекъ до полутораста. Ту же службу несли казаки въ Сливенскомъ санджакѣ, въ Балканахъ и вездѣ гдѣ они стояли.

Продолжительный и часто повторенный опытъ научилъ что гораздо скорѣе и гораздо больше можно набрать расторопныхъ охотниковъ на гайдучье дѣло чѣмъ для возстанія. Гайдука не тревожить его будущность; онъ знаетъ что если его поймутъ, то онъ отсидитъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ и потомъ вернется на свободу, чистый и незапятнанный, потому что предопредѣленіе, судьба, все извиняетъ предъ людьми и предъ закономъ. Повстанецъ боится, и страхъ его исполнѣ основателевъ: при поимкѣ, его ждетъ висѣлица, всего чаще висѣлица безъ суда, отъ которой его никто не избавитъ. Старые *комитаты* хорошо это сообразили; молодые соображать не умѣютъ, они только разглагольствуютъ и мечтаютъ. Старые *комитаты*, хоть по немногу, бѣсъ ихъ вѣдаетъ какимъ путемъ, ведутъ однако свое дѣло, и труды ихъ, если не возбуждаютъ возстанія, то по крайней мѣрѣ поддерживаютъ гайдучій духъ. Молодые *комитаты* еще не приготовили поля для своихъ дѣйствій, они могутъ имѣть вліяніе только подъ свѣтло болгарской церкви. На этомъ поприщѣ можно законнымъ образомъ возстановить и безъ смутъ пѣставитъ на ноги болгарскую народность.

Полдень. Солнце свѣтитъ и грѣетъ въ полномъ блескѣ. На опушкѣ Киркисовскаго лѣса собралось болѣе ста всадниковъ на лихихъ коняхъ; къ нимъ безпрестанно прибываютъ новые

и привѣтствуютъ одни другихъ знаками и окриками: „Собачій сынъ! Птичій сынъ!“ Воевода приводитъ въ порядокъ гайдучій обозъ и гайдучью службу, а старыи Мавсуръ радуется что все идетъ какъ по маслу.

Съ могильнаго кургана виднѣется вдали, направо, на лугу, вереница бѣлыхъ домовъ; то Луле-Бургасъ, по-болгарски Вовый Бургасъ; еще правѣе, поближе къ лѣсу, стоитъ Караштырханъ, какъ стелной стражъ. По временамъ мелькаетъ въ глазахъ бѣлая лента Эргени и явственнѣе тянутся по землѣ торныя дороги. По степи разбросаны курганы, указатели давнихъ путей или могилы давнишнихъ людей. Во всякомъ случаѣ, скоронены ли въ нихъ кости, означали ли они дорогу, эти курганы памятники глубокой старины.

Воевода выслалъ на развѣдки людей, по два и по три человекъ вмѣстѣ. Съ борзыми собаками и соколами они развѣзжаютъ между кургановъ; собаки гоняютъ стелныхъ лисицъ и зайцевъ, соколы ловятъ куролатокъ и куликовъ, а сами охотники зорко высматриваютъ дороги и караулятъ не пробирается ли по нимъ какая дичь. Такъ ходятъ на развѣдку гайдуки: съ виду будто охотятся, а сами сторожатъ. Воевода съ кургана оглядываетъ все поле и словно по книгѣ читаетъ все что на немъ дѣлается.

Для охотника эта охота представляла любопытное зрѣлище. Вотъ двѣ борзые, одна черная, другая лѣгая, совсѣмъ догоняютъ зайца; матерой самецъ, приподнявъ одно ухо вверхъ и опустивъ другое на шею, удираетъ прыжками. Горячее дыханіе чернаго борзаго уже достаетъ до заячьихъ ногъ, заяцъ дѣлаетъ полуоборотъ и бросается вправо, а тутъ лѣгая борзая забѣжала впередъ. Собака летитъ, вытягивается въ струну, бросается задуть зайца и промахивается. Заяцъ отскакиваетъ назадъ, а тутъ черная борзая уцѣлила его шкуру; заяцъ кидается влѣво, и попадаетъ прямо подъ морду лѣгой; борзая целкнула зубами, заяцъ приликъ къ землѣ и махнулъ влѣво. Черная борзая забѣжала впередъ, но не поймала; лѣгая нагнала, повернула, и обѣ собаки начали гонять кругомъ бѣднаго зайца словно въ манежѣ. Заяцъ то припадетъ къ землѣ, то прыгнетъ вверхъ; онъ ловко увернулся отъ собакъ и успѣлъ даже опередить ихъ на нѣсколко шаговъ; но собаки опять настигаютъ его и гоняютъ кругомъ. Заяцъ уже между ними, и онѣ хватаютъ его; онъ перескочилъ черезъ борзыхъ и прижался къ землѣ словно

т. оци. 20°

хотѣлъ въ нее спрятаться. Но черная борзая схватила его за лапу, оттащила его отъ земли и не дала ему уйти въ нору. Собаки задушили бѣдное животное и легаи около него выжидая охотника.

Вотъ на первыхъ же кругахъ, заяцъ, какъ только подняли его съ мѣста, началъ утекать. Это зайчиха; она прыжками удираетъ назадъ, точно лягается. Сѣрая борзая бѣжитъ, но не можетъ догнать ее, а рыжая едва поспѣваетъ за сѣрою. Зайчиха утекаетъ въ чистое поле, собаки отстали, попали въ колючіе кусты и потеряли ее, а она ушла умирать своею смертию.

Вотъ двѣ бѣлыя борзья гонять лисицу: лисица золотистая какъ апельсинъ, собаки бѣлыя какъ молоко. Онѣ разомъ ее догнали, но лисица махнула хвостомъ вправо, а сама бросилась влѣво, собаки же кинулись за хвостомъ. Такъ она видела и ушла бы еслибы третья собака не перебѣжала ей дороги. Эта пестрая борзая умна, на хвостъ не мечется, а хочетъ разглядѣть его поближе. Она нагоняетъ лисицу, которая съ испугу отварачиваетъ глаза. Собака схватила ее за шею, дернула ее разъ, два, и ударила о землю. Лисица со страху издохла.

Изъ бурьяна высунулся сѣрый волкъ; борзья и всадники помчались за нимъ; собаки гонять звѣря, но на него не бросаются; видно волкъ имъ не по вкусу. Но всадники заскакали ему дорогу. Впереди всѣхъ деликанлія; вороной конь ее скачетъ раслутивъ гриву по вѣтру и закинувъ хвостъ на плечи всадницѣ. Деликанлія согнулась впередъ дугою, золотистыя кудри ея развѣваются, а въ рукѣ у ней блеститъ ятаганъ. Два раза вороной наскочилъ на волка и смялъ его копытами, но волкъ вывернулся; два раза деликанлія провела по волку желѣзомъ ятагана, но не выпустила изъ него крови. Волкъ въ кругу всадниковъ, а борзья не беретъ его. Волкъ сѣлъ и зацѣлкалъ зубами. Наѣздникъ соскочилъ съ дели-орманскаго буланого коня, бросился на волка и обѣими руками ухватилъ его за уши. Волкъ рванулся, но попалъ въ крѣпкія объятія—наѣздникъ его не выпустилъ. Деликанлія спрыгнула съ сѣдла и прынула волка въ глазъ, волкъ бросился какъ бѣшеный, но Птичій Сынъ удержалъ его. Подѣхалъ другой наѣздникъ, всадилъ волку ятаганъ подъ переднюю лопатку и онъ повалился мертвый; тогда борзья начала его рвать.

Вдоль и вширь степи, въ бурьянахъ и между курганами идетъ трава—голь во всѣ стороны. Борзые подгоняютъ зайцевъ и лисецъ борзымъ подъ носъ; иныхъ ловили, другіе уходили. Сырые волки, какъ палые, бѣжали изъ степи въ яры и лѣса.

Воевода и старый Мансуръ сидѣли на курганѣ. курили трубки и пили кофе, какъ мутасарифъ въ Сливенскомъ меджлисъ. Случалось и имъ заѣдать въ гайдучьемъ меджлисъ. Старому Мансору очень понравились ловкія эволюціи гайдукъ въ степи.

— Ты знаешь, братъ, что я былъ низамомъ въ Румелійской кавалеріи? Ну на что похожи ихъ низамы въ сравненіи съ нашими гайдуками—дрянь!

— О! еслибъ умный человекъ шелнулъ на ухо нашему падишаху, дай ему Богъ здоровья, чтобъ онъ отдалъ намъ въ управленіе войско и весь край; мы бы и войско ему снарядили и съ краемъ бы управились. Было бы ему съ чѣмъ пойти на Бечъ (Вѣну), могъ бы онъ намылить шею Швабамъ и не нуждался бы ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ; не занималъ бы онъ денегъ за проценты; мы, Турки и Славяне, безъ процентовъ достали бы ему денегъ лучше Армянь.

— Правду говоришь. На что эти школы да танзиматы? Отъ нихъ только кружится у людей голова, да завелись какіе-то комитаты. Кликнуть бы кличъ гайдукамъ, и явилось бы охотниковъ вдоволь. И намъ была бы воля, и царь былъ бы богатъ и силенъ.

Въ это время на дорогѣ извивавшейся по травѣ показался длинный поѣздъ колясокъ, шарабановъ, людей верхомъ на лошадяхъ и на ослахъ и лѣвшихъ. Около нихъ бѣжали собаки. Не новое ли то гайдучье войско? Воевода разомъ его замѣтилъ; онъ свистнулъ три раза, и тотчасъ къ нему выскочилъ изъ лѣса какой-то усатый ага. То былъ давнишній слуга Кибризли; теперь онъ лашеть, свѣтъ и жнетъ въ Маражской долины и сталъ порядочнымъ человекомъ. Воевода указалъ ему поѣздъ, передалъ ему что-то глазами, тотъ глазами отвѣтилъ и сейчасъ же съ двумя товарищами и тремя борзыми собаками поѣхалъ верхомъ въ ту сторону.

Поѣздъ былъ веселый. Ахмедъ-бей везъ въ свой чифликъ, близъ Караштырхана, многихъ гостей, беевъ и не беевъ, толстыхъ Грековъ съ волынками, Жидовъ со скрипками, жидовскихъ актеровъ и греческихъ акробатовъ. Въ числѣ гостей

были служащіе въ консульствахъ и ростовщики-Армяне. Собрались они покутить, потомъ поохотиться съ лагавыми и борзыми собаками, а послѣ схоты снова приняться за кутежъ; предполагалось лировать три дня и три ночи. Разную провизию, сласти и закуски, вино и мастику, отправили впередъ; въ чифликъ были бараны и индѣйки. Все было готово къ приему гостей. Они ѣхали и на пути забавлялись охотою съ лагавыми собаками.

Издали они видѣли гайдучью охоту и терялись въ догадкахъ: кто бы это могъ охотиться? Ферикъ заявлять, онъ снаряжаетъ въ Эдрене двѣ сотни на службу царскую; Абдуль-Керимъ-Надиръ-лаша на греческой границѣ; не Кибризли ли выѣхалъ изъ Стамбула на охоту?

Консульскій чиновникъ увѣрялъ что это Кибризли, потому что охотятся безъ стрѣлковъ и безъ рога, всякій самъ по себѣ, а таковъ обычай Кибризли.

Ахмедъ-бей при имени визиря лоблѣднѣлъ и сталъ самъ не свой; да и всѣ кромѣ консульскаго чиновника смутились, потому что между ними не было ни одного который не сидѣлъ бы подъ арестомъ и въ тюрьмѣ гдѣ пахнетъ не лачули и не розовымъ масломъ, не было ни одного которому не привелось бы, да и не одивъ разъ, выесть на себѣ отеческое назиданіе грознаго визиря.

При мысли о визирѣ, бей порядочно струсила, но все ѣхали впередъ; можетъ - быть догадка ошибочна, авось это не онъ, а кто-нибудь другой. Но когда они увидали усатаго агу, того самаго ага-Мегмеда который запираетъ ихъ въ вонючую тюрьму и отчитывалъ имъ отеческое назиданіе, то уже нечего было утѣшаться разными догадками. Бей хозяинъ и бей гости почувствовали себя не хорошо, у нихъ екнуло сердце; Грекамъ, Жидамъ, даже Армянамъ подвело животь. Дѣлать было нечего; больнымъ нуженъ докторъ, а въ чифликъ его вѣтъ и посылать за нимъ далеко. Всѣ единогласно порѣшили возвратиться въ городъ, въ Эдрене. Пріѣдемъ опять когда будемъ здоровы; чтѣ отложено, то отъ насъ не уйдетъ. Поѣздъ повернулъ назадъ, и никто не остался мардеромъ. Консульскій чиновникъ улыбался и отъ смѣха зажималъ себѣ носъ.

Усатый ага былъ не простъ; онъ захватилъ языка и послѣдшилъ съ донесеніемъ къ воеводѣ. Случается что приключенія слѣдуютъ одно за другимъ. Только-что воевода выслаушалъ

слова аги, какъ онъ замѣтилъ что отъ Караштырхана мчатся нѣсколько наѣздниковъ во весь опоръ, должно-быть травлять; но собаки бѣгутъ около нихъ, и предъ ними не видать звѣря, а степь такая гладкая какъ ладонь, ни кустика, ни бурьяна, ни овражка—словно утекаетъ звѣрь подземнымъ ходомъ. Воевода смекнулъ въ чемъ дѣло: для любобитныхъ наѣзники будто звѣря гонять, а сами слѣшать къ своимъ съ вѣстью. Они прискакали, слѣзли съ лошадей и стали предъ воеводой.

— Казаки, казаки!

— Гдѣ?

— Они ночевали въ Караштырханѣ, ушли въ Чорлу, идутъ въ Стамбуль.

— Дай имъ Богъ счастливый путь!

— А если они останутся въ Чорлѣ на дневку? Они плохіе сосѣди.

— Богъ съ ними и съ нами; будетъ барышъ, будетъ лѣтѣха.

Воевода покрутилъ свои длинныя усы и началъ распоряжаться. Охотники съѣхались и отвели лошадей на олушку лѣса. Солнце склонялось къ заходу; лошадямъ подвязали къ головамъ торбы съ ячменемъ. Вкусна имъ ѣда послѣ охоты—ячмень такъ хруститъ подъ ихъ зубами. Люди тоже закусили, кто хлѣбомъ, кто сыромъ, кто солониной, кто колбасой, что у кого было.

Воевода пересчиталъ всадниковъ, оказалось ихъ сто двадцать, число хорошее—два-шестьдесятъ—но больно много.

— Возьми, Птичій Сынъ, шестьдесятъ юнаковъ и ступай съ своею деликанліей прямо къ Ахмедъ-бею въ чифликъ. Ты будешь тамъ хозяиномъ, а деликанлія хозяйкой. Смотри чтобы гостямъ всего было вдоволь, чтобы насъ приняли такъ же какъ еслибы самъ Кибризли пожаловалъ въ гости; да распорядись чтобы никто оттуда не вышелъ и никто кромѣ насъ туда не пришелъ, чтобы насъ не видѣли и не слышали. Что бей прилась, то взяли черти; кто видѣлъ, у кого любобитный глазъ или длинный языкъ, тому не оставаться на Божьей землѣ. Это твоя забота и я полагаюсь на тебя какъ на самого себя.

Обратившись къ Мансуру, онъ сказалъ:

— Ты, учитель и отецъ, съ двадцатью гайдуками стань на пути между Эргень-ханомъ и Чорлой, за дорогой которая идетъ изъ Узунъ-Кюпру въ Малый Балканъ. Никого не

пропускай въ Чорлу, ни человекъ, ни лошади. Пускай идутъ себѣ съ Богомъ въ черкесскія деревни, счастливый имъ туда путь, только не въ Чорлу—тамъ казаки.

— Ты, Кара-Мегмедъ-ага, и ты, Божокъ Карнабадскій, возьмите каждый по двадцати юнаковъ; ты, Божокъ Карнабадскій, караулъ чтобы никто не пробрался черезъ Караштырханъ въ Луде-Бургасъ до телеграфа, чтобы послѣ работы намъ не помѣшали отдохнуть какъ слѣдуетъ. А ты, Кара-Мегмедъ-ага, посматривай на дорогѣ въ чифликъ Ахмедъ-беа чтобы туда всѣ съѣхались, хоть въ разсылную. Тамъ сборъ; когда лѣтухи проложатъ полночь, пусть каждый туда ѣдетъ. Со мною пойдутъ двадцать человекъ, мнѣ больше не нужно чтобы обработать все дѣло.

Никто не отвѣтилъ ни слова; люди взяли оружіе и сѣли на коней. Въ сумерки всѣ тронулись. Нѣкоторое время они видѣлись на полѣ, а потомъ исчезли въ бурьянахъ и оврагахъ.

Начинало смеркаться когда почта подѣвжалась къ Караштырхану. Залтіи впереди; погонщикъ при лошади съ чемоданомъ почтовой корреспонденціи оретъ какъ коза которую деретъ волкъ; почтовый Татаринъ, родомъ Армянинъ, потому что Армяне заарендовали почту, дулить аралникомъ свою клячу. Вьюки идутъ за вьюками; лошади съ колокольчиками и бубенчиками привязаны одна къ хвосту другой; при каждомъ четырехъ лошадахъ идетъ погонщикъ, а позади олятъ залтіи. Чаушъ разѣвжаетъ отъ головы къ хвосту каравана и смотреть за порядкомъ.

Въ Караштырханѣ спросили: ночевали ли тамъ казаки?

— Ночевали и ушли въ Чорлу; сегодня они ночуютъ тамъ, отвѣчаетъ Турокъ съ поклономъ.

— А Черкесы не шатаются по полямъ?

— Какъ услышали о казакахъ, то разбѣжались по своимъ деревнямъ, словно лисцы по норамъ.

— Стало-быть опасности никакой нѣтъ. Ѣдемъ дальше!

Погонщикъ завылъ и заголосилъ во все горло; Татаринъ-Армянинъ щелкаетъ аралникомъ, залтіи брячатъ саблями и царская почта труситъ мелкою рысью. Она простучала по мосту черезъ Эргень и въѣхала во дворъ эргенскаго хана.

Дворъ обширный съ двумя воротами на обѣ стороны, въ Караштырханъ и въ Чорлу; ворота съ крѣпкими залорами, коюшши растворены настежь. Въ двухъ избахъ на очагѣ

шлаетъ огонь и на немъ варится кофе. Здѣсь обыкновенно обѣдаетъ почта. Старый Турокъ, бывший слугѣй, похваливаетъ рыбу, которую сегодня наловили въ Эргени, и свѣжія яйца. Начали стрелять и собрались обѣдать. Ворота залерли, сняли вьюки съ лошадей и дали имъ сѣна и соломы. Всѣ увѣрены въ полной безопасности: хоть выльзай дьяволъ изъ-подъ земли, бояться нечего, мы сидимъ словно въ крѣпости.

Когда со вкусомъ ѣли обѣдъ, вдругъ у каждаго окна и у каждой двери показались по два гайдука, страшныхъ, усатыхъ, бородатыхъ, съ кивжалами въ зубахъ и съ листоватами въ обѣихъ рукахъ. Татаринъ-Армянинъ первый завопилъ: „аманъ! аманъ!“ а за нимъ завопили: „аманъ! аманъ!“ погонщики и залтіи.

Воевода громко прокричалъ:

— Сложите оружіе у дверей, и мы не тронемъ волоса на вашей головѣ; если же вы плачете, то я велю всѣхъ перерѣзать.

Громовой ударъ не былъ бы страшнѣе этого гайдучьяго голоса; затрепетало сердце, а кровь стыла въ жилахъ и отхлынула въ лятки отъ сильнаго испуга, также какъ отъ гнѣва она бьетъ въ голову. Всѣ слышали снять оружіе, вынуть часы и кошельки. Армянинъ не оставилъ при себѣ даже той меджидіи которую приготовилъ для расплаты. Сложенную въ кучу добычу гайдуки вынесли за дверь и заколотили дверь и окна. Пускай себѣ сидятъ да обѣдаютъ; даже свѣчей у нихъ не взяли.

Гайдуки мигомъ навьючили лошадей и вывели весь караванъ той же дорогою какою вошли сами, черезъ конюшню въ заднюю дверь, за которую выбрасываютъ навозъ и которую залереть никому не пришло въ голову. Никто даже не догадался что тамъ была дверь.

Въ ханѣ на дворѣ отъ всей почты не осталось ни порошники. Только въ одну погонщицью шалку положили пять серебряныхъ меджидій для расплаты съ хозяиномъ Туркомъ. Входныя ворота также заколотили. Вся процессія миновала какъ сонъ.

Чифликъ Ахмедъ-бея ярко освѣщенъ и весь въ движеніи. Въ огромныхъ канделябрахъ горятъ тридцать двѣ свѣчи. Въ диванъ-ханѣ * стоитъ четыре такихъ канделябра, и яо два

* Диванъ-ханъ—передній покой, парадныя большія сѣни, гдѣ собираются слуги, а нерѣдко и менѣе важные гости.

въ каждомъ изъ трехъ салемиковъ. * Каandelябры блестящія и свѣчъ наготовлено горы.

Въ диванъ-ханѣ и въ салемикахъ разставлены софры ** съ разными закусками. Въ кухнѣ жарятъ индѣекъ и барановъ и варятъ въ котлахъ плавъ. Вино и водки стоятъ въ бочкахъ.

Гайдуки кормятъ и убираютъ лошадей. Кругомъ во всѣ стороны разѣзжаются сторожевые всадники.

Птичій Сынъ сидитъ на беевской софрѣ, куритъ табакъ изъ беевскаго чубука и поджидаетъ гостей. Деликанія, съ распуцеными ло челкиву кудрями, ловкая и красивая какъ молодой котенокъ, подаетъ огонь для закуриванія трубки и прислуживаетъ.

Куцу-Оглу походилъ на кашмирскаго султана, которому прислуживала его султанша, перлъ любви и красоты. Онъ упивался этою роскошью какъ сказочный султанъ *Тысячи и Одной Ночи*; еслибъ онъ заговорилъ, то насказалъ бы такихъ же чудесъ какими наполнены эти волшебные разказы, и былъ бы правдивъ, потому что передалъ бы то что ощущалъ.

Всѣ съѣхались, всѣ налицо. Воевода напередъ раздѣлилъ добычу, и каждому досталось что ему слѣдовало по праву и по справедливости. Часть *комитета* отложили въ сторону; не забыли и Дымко Деерменджию. Изъ кожанаго футляра воевода вынулъ брилліантовые цвѣты, вѣрно отданные въ кладъ какою-нибудь ханумою ростовщику Армянину. Блестящіе брилліанты искрились какъ звѣзды; свѣтлая вода переливалась въ нихъ какъ играетъ солнечный лучъ въ сазѣ голубоокой дѣвицы. Онъ подалъ ихъ деликаніи.

— Дорогая моя! Пусть эти брилліанты красуются на твоей головѣ; они достойны тебя.

Потомъ усѣлись пировать, но не перестали соблюдать осторожность: всадники за всадниками, по очереди, выѣзжали въ поле и возвращались на лирь.

Старый Мансуръ глядѣлъ на воеводу, плакалъ отъ радости какъ дитя и проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Ты великъ, ты больше всѣхъ насъ! Еслибъ Матео Рашо былъ живой между нами, то и онъ поклонился бы тебѣ и по-

* Салемикъ—гостиная.

** Софра—большой подносъ, деревянный или мѣдный, на низкихъ ножкахъ, служащій вмѣсто стола.

цѣловалъ полу твоей одежды. Ты мастеръ изъ мастеровъ! Еслибъ я былъ ладшахомъ, я тотчасъ сдѣлалъ бы тебя сераскиромъ, даже сердаремъ, и вернулся бы давнишнія беглербеевскія времена.

Старый гайдукъ обвинялъ и цѣловалъ гайдука-воеводу.

Вдять и пьютъ, а нѣтъ ни гульбы, ни буйства, ни шума, ни крику; каждый наѣлся досыта, напился вдоволь, слушалъ другихъ или тихо разговаривалъ, по обычаю людей Востока и гайдуковъ.

Затѣмъ Куцу-Оглу собралъ предъ воеводой всѣхъ хуторскихъ служителей; набралось ихъ не мало, молодыхъ и старыхъ, въ томъ числѣ три женщины; всѣ мусульмане были Турки, а христіане Болгары.

— За этихъ можно поручиться, и я ручаюсь.

Служители цѣловали воеводу руки и ноги.

— Ладно что есть у васъ поруки. Стулайте на работу. Пусть каждый изъ васъ остается при своемъ дѣлѣ и не возвращается въ чифликъ до полнога разсвѣта. Молчите; если кто вымолвитъ слово, мы не станемъ допытываться кто его сказалъ, а всѣмъ вамъ тогда не долго гулять по свѣту. Вы знаете гаудучій законъ: одинъ отвѣчаетъ за другаго, и всѣ за одного.

— Знаемъ, знаемъ.

Служители присягнули что будутъ молчать. Птичій Сынъ приказалъ имъ удалиться, и они вышли.

Остались четыре человека на которыхъ нельзя положить-ся: Грекъ, Черкесъ и двѣ греческія невольницы.

— Запереть ихъ въ этой комнатѣ, поставить имъ софры съ ѣдой и питьемъ, шамиданы * не трогать съ мѣста и крѣпке заколотить окна и двери. Пускай лирують и веселятся до блага дня, а если дождутся дня, то пусть болтають; намъ горя мало, мы будемъ далеко.

Сказано, сдѣлано. Засадили, залерли и заколотили окна и двери. Заключенные смѣялись во все горло: „ай-да гайдуки дай имъ Богъ здоровья!“

Гайдуки уже сидятъ верхомъ и уѣзжаютъ. Для почета стараго Мансура пустили впередъ чтобы лотѣшить сердце старика. Около него гарцуетъ на ворономъ конѣ деликанлія; на чашѣ ея бриліантовое залястье сверкаетъ какъ солнце при свѣтѣ канделябровъ, вынесенныхъ на дворъ чтобы было

* Шамиданъ—канделябръ.

видѣе садиться на сѣдо. Птичій Сынъ съ Собачьимъ Сыномъ ѣдутъ въ одной ларѣ, и вся гайдучья шайка выѣзжала со двора въ поле попарно, одна лара за другой.

Въ полѣ еще темно. Старый Мансуръ поправился на сѣдлѣ.

— Хоть бы ты, касатка, посвѣтила намъ глазами вмѣсто фонарей.

— Какъ зачну свѣтить моими глазами, да бриллиантами, такъ и ты, бей, не вынесешь такого блеска.

Вдругъ позади ихъ разлился яркій какъ отъ солнца свѣтъ и освѣтилъ поле до самыхъ горъ.

Старый Мансуръ обернулся на сѣдлѣ. Горитъ чифликъ; всѣ строенія вспыхнули разомъ, пожаръ большой, зарево широкое; сотнями языковъ пламя взвивается кверху, разлетается искрами, застилается дымомъ и снова оливается въ зарево. Слышенъ трескъ крышъ и бугеваніе огня.

— Чифликъ горитъ, воевода!

— Пускай себѣ горитъ.

— О мастеръ ты, умѣе ты всѣхъ насъ! Быть бы тебѣ воеводой, сераскиромъ и сердаремъ гайдучьимъ, шахомъ, царемъ.

Гайдуки уже широкою ордой подошли таборомъ къ горамъ; позади всѣхъ Птичій Сынъ и Собачій Сынъ ѣхали рядомъ.

Послѣ гайдучьяго дѣла.

Ясное солнце взошло надъ Эдрене, то самое солнце которое освѣщало побѣды Михаль-бега и многіе годы смотрѣло на все его поколѣніе румелійскихъ беглербеговъ, какъ они, во имя султановъ Мурадовъ и султана Сулеймана, летѣли въ маджарскіе и нѣмецкіе края разносить смерть и пожары, угоняли оттуда тысячи лѣтвныхъ для воздѣлыванія риса и для прислуги при султанскихъ конюшняхъ, и забирали сотнями славянскихъ дѣтей для пополненія янычарскихъ ордъ этими юнаками Шумадіи и Загребской земли. Смотрѣло это солнце и на боснійскихъ слагіевъ, которыми предводительствовали Соколичи, Бабичи, Алай-беговичи и Куланъ-беги. За исключеніемъ беглербеговъ греческаго происхожденія, всѣ они, и янычары и слагіи, были Славяне. Подъ ударами этого славянскаго войска лалъ градъ Константина и покорился власти Ислама. Первый имамъ, Боснякъ изъ рода Сейфуловичей, пролѣлъ эзанъ въ Софійской мечети, и на молитвѣ

пригрозилъ свѣту на всѣ четыре стороны обнаженною боснійскою саблей. Изъ Эдрене, второй столицы Османовъ, вышло все ихъ воинство и распространились всѣ ихъ завоеванія. Эдренское солнце смотрѣло, какъ и теперь, на этотъ городъ, разбросанный при слияніи трехъ рѣкъ, которыя несли къ столамъ султановъ преданность Болгарской страны: Тунджа слѣва, Марица въ срединѣ, а Арда справа. Всѣ три ославились, какъ ославилось болгарское племя и ославился самъ султанъ кровью сербскихъ князей изъ рода Душана и царя Лазаря. Все это солнце давно видѣло, какъ видитъ теперь, минареты мечетей султана Кануаджі Сулеймана, султана Мурада, варниискаго побѣдителя, и грознаго Баязида, старый мостъ Михаль-бега, разрушающіяся развалины дворца оттоманскихъ кесарей, улирающіеся въ небо вязы султанскаго звѣрища, въ которомъ развели огороды съ разными нѣмецко-англійскими затѣями, и казармы янычаръ и слагіевъ, предъ которыми разгуливаютъ конные и лѣшіе славянскіе казаки. Эти славянскіе остатки султанскаго могущества еще удѣлали, но кто знаетъ долго ли они продержатся, потому что на этомъ свѣтѣ все диковиною перелетается. Нѣмцы Славянъ нѣмчатъ, а Турки ихъ туречать, но Славяне не говорятъ своего послѣдняго слова, да и Богъ знаетъ когда они его скажутъ и допустятъ ли ихъ произнести его.

Не случилось ничего новаго, все по-старому; но на улицахъ шелчутся, суетятся, что-то высматриваютъ. Беи ѣдутъ къ валю съ поклономъ, а день не праздничный, не торжественный, ѣдутъ и къ ферику, хотя Славянину, но мусульманину. Ихъ угощаютъ трубками и кофе, они рассыпаются въ привѣтствіяхъ, и въ разговорахъ безпрестанно упоминаютъ имя грознаго визиря Кибризли, такого же грознаго и страшнаго какимъ былъ Михаль-бегъ. Гдѣ онъ, что подѣлываетъ, здоровъ ли, при должности ли? И не дождавшись отвѣта, который разъяснилъ бы дѣло, они уходятъ и бормочатъ про себя: Ахмедъ-бею померещилось; видно подгуляли въ Баба-Эски или въ Баба-Аттикъ съ инженерами, въ глазахъ у нихъ двоилось и показалось имъ что видѣли они Кибризли съ его охотой. Такъ усложивали беи одинъ другаго, а страхъ былъ великій; водились за ними грѣшки и они боялись визиря, который сурово допрашивалъ и строго наказывалъ: у него кто провинился тотъ сейчасъ и отвѣчай.

Но этимъ дѣло не кончилось. Въ домѣ вали точно были

получены дурныя вѣсти. Хуршидъ-паша, человекъ не молодой, разсудительный, очень вѣжливый и честный, не фанатикъ и не молодой школы, управлялъ вилаеетомъ благоразумно и предусмотрительно, и вилаеетъ наслаждался спокойствіемъ. На Дунаѣ комитеты, гайдуки и пропаганда не давали властямъ спокойно заснуть, а въ Эдрене все было тихо, земледѣліе и торговля улучшались безпрелютственно, даже консулы не находили случая наломнить вали какую-нибудь вздорною нотой танзимать и калитуляціи. Вдругъ разомъ недобрыя вѣсти посылались словно изъ рукава.

Изъ Сливна пришла телеграмма съ извѣстіемъ что царская почта разбита, что нельзя найти ни виновныхъ, ни слѣдовъ, и съ просьбою чтобы прислали казаковъ. По требованію вали, ферикъ черезъ два часа отправилъ сотню казаковъ на бѣлыхъ лошадяхъ, составленную изъ болгарскихъ юнаковъ. Любопытные консулы уже лобывали у вали и узнавъ только то что было извѣстно Хуршидъ-пашѣ, заключали и утверждали что это дѣло комитатовъ и незримаго правительства.

Телеграмма изъ Стамбула извѣщала что почта не пришла; изъ Чорлы телеграфировали что почты тамъ не видали, а изъ Дула-Бургаса доносили что почта пробѣжала.

На запросъ вали оба каймакана Чорлы и Дула-Бургаса отвѣтили новою телеграммой что они съѣхались въ Эргевскомъ ханѣ; что ворота и окна были заперты; и они отворили ихъ силой; что на дворѣ ничего не нашлось кромѣ пяти серебряныхъ меджидій въ погонщицъей шалкѣ; что въ комнатахъ сидѣли восемь залтій съ чаушемъ, столько же погонщиковъ съ Татаринкомъ-Армяниномъ и хозяинъ-Турокъ со саугою; что всѣ они были здоровы, но голодны, потому что съѣли и вылили все что было съѣстнаго въ домѣ, на дворѣ же выдти боялись. Чемоданы съ письмами и бумагами были цѣлы, не тронуты, а больше ничего не оказалось, не осталось и слѣда. Чаушъ и Татаринъ-Армянинъ клянутся что это была не людская работа, потому что люди не такъ бы ихъ напугали; а теперь, при одномъ воспоминаніи, они не могутъ придти въ себя отъ ужаса. Это дѣло бѣса, говоритъ Турокъ-хозяинъ.

Одинъ изъ консуловъ, съ полною увѣренностію, сказалъ въ подголоса:

— Не казачья ли это работа?

Вали съ неудовольствіемъ возразилъ:

— Казаки султанскіе солдаты; они люди честные и совѣст-

ливые; дай Богъ чтобъ у падишаха было много такого войска.

Консулъ покраснѣлъ. Другой консулъ сказалъ:

— Это вѣрно Черкесы! Россія вѣдала что дѣлаеть высылая въ Турцію такую саранчу.

Третій присовокулилъ:

— Не Греки ли съ острововъ? Критяне телерь бунтуютъ; не мудрое дѣло сѣсть въ лодки и высадиться; прибрежные Греки достали имъ лошадей, они и разграбили почту.

Консулъ потеръ себѣ руки:—вѣрно такъ, не иначе.

Еще толковали о почтѣ когда вошелъ Ахмедъ-бей съ двумя Болгарами, хуторскими работниками, и началъ разказывать какъ сгорѣлъ его чифликъ со всѣми строенями, и какъ въ нихъ погибло четыре человекъ, которыхъ неосторожность вѣроятно была причиною пожара, въ то время когда вся челядь была въ полѣ на работѣ.

Болгары показали предъ ваи что увидавъ огонь они думали что пастухи, по обыкновенію, жгутъ кусты; когда же они вернулись домой къ завтраку, то нашли только догорающія головни. Ахмедъ-бей очень жалѣлъ свой чифликъ, строенія, домашнюю утварь, приготовленный пиръ и особенно двухъ невольницъ-Черкешенокъ, которыхъ онъ только-что купилъ за двѣ пары буйволовъ и восемь тысячъ піастровъ чистыми деньгами, для подарка въ Стамбулъ; но какъ человекъ добрый онъ не заявилъ подозрѣнія на своихъ слугъ и покорился предопредѣленію.

Консулъ шелнулъ ему тихонько на ухо имя Кибризли. Бей смутился и просилъ не поминать его: зачѣмъ будить бѣса когда онъ спитъ? Пускай себѣ спитъ.

Во всѣ стороны разослали лучшихъ чиновниковъ съ записками для разслѣдованія истинныхъ обстоятельствъ совершившихся событій.

Левъ съ своею дамою и докторъ съ своимъ госпиталемъ еще не доѣхали до Вакуфа когда ихъ догналъ на дорогѣ Петро Катырджія. Онъ прямо накинулся на барыню и началъ ей выговаривать что она погубила его жену, вскружила ей голову и развратила сердце; что съ той поры какъ она стала наряжаться во франкскія платья и обучаться франкскимъ танцамъ, она стала такою же негодною какъ она сама и ей подобныя; что онъ жену бросилъ и къ ней не вернется, потому что не хочетъ ѣсть простоквашу изъ-подъ сметаны которую полакомился другой; что онъ снова записался въ

казаки и все разкажетъ начальству, а если нужно то и самому ферику; что онъ станетъ искать справедливости и конечно ея добьется, а если нѣтъ, то расправится самъ.

Болгаринъ съ виду кротокъ какъ овца, но упрямъ и уловренъ, что засѣло у него въ головѣ, того не вырвешь и клещами. Раздраженный молодой Катырджія пріѣхалъ въ Эдрене и прямо отправился къ усатому чаушу. У него былъ паспортъ и его записали простымъ рядовымъ казакомъ. Диковинная судьба у этого Болгарина: женился, не видалъ по-вѣнчанной съ нимъ жены и ушелъ въ кошъ. Въ юной Болгаріи, какъ въ старой Польшѣ, бѣжать въ Запорожье, записаться въ казаки, значить уйти въ кошъ.

Въ Сливнѣ мутасарифъ захлопотался. Казенную почту разграбили у него подъ носомъ; мутасарифъ, человекъ проворный, смѣлый и заботливый, не дремалъ; онъ тотчасъ сѣлъ на коня и отправился на поиски, но ничего не разыскалъ, даже не попалъ на слѣдъ какой-нибудь догадки. Онъ разсылалъ телеграммы во всѣ города и мѣстечки санджака; отправилъ въ развѣзды залтій, телгышей и курсердарей, * повыпроводилъ изъ дому на развѣдки эфендіевъ, имановъ, дerviшей, лоповъ и раввиновъ, обѣщалъ награды, даже роздалъ въ задатокъ бакчишы, потому что онъ сановникъ щедрый, тратить не одну царскую казну, но и своихъ денегъ не жалѣетъ на царскую службу, чтобы доказать свою добросовѣстность и исправность. Нѣтъ ничего—ни языка, ни слѣда! Еслибы не правительственные запросы изъ Руцука и Стамбула, самъ мутасарифъ подумалъ бы что наяву ничего не случилось, а грезилъ онъ во снѣ.

Старый муфтій смекаетъ. Кадій, человекъ ученый, опытный въ управленіи, по правиламъ танзимата расслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ, собиралъ отъ всѣхъ свѣдѣнія и каждого расспрашивалъ, а потомъ принялся выводить заключенія и старался по тройному правилу опредѣлить вѣрное искомое изъ неизвѣстныхъ данныхъ. Безъ дикіе допущенія для такой охоты, не смогли пройти по слѣдамъ до Колибы. Въ Сливнѣ, откуда слоконъ вѣка вышло въ Балканы и всю Болгарію наиболѣе славныхъ гайдуковъ и ловкихъ киседжій, не очень вѣрили въ джиновъ, улырей и даже чертей высшаго полета. Не спорили чтобъ ихъ не было на томъ свѣтѣ; но проживая

* Телгышъ—городской полиціантъ. Курсердарь—полевой сторожъ

подъ правительствомъ которое дѣлало все не торолясь, Сливенцы сами привыкли трудиться не больше чѣмъ нужно для выслуги жалованья, чтобы можно было наслаждаться спокойствіемъ и отлагать со дня на день всякое занятіе, кромѣ ѣды, питья и сна, и думали что черти тоже облѣнились; а потому, по основательномъ разсмотрѣніи, убѣдились что бѣда приключилась не отъ чертей, и всѣ единогласно утверждали что виною ея комитеты.—Недавно мутасарифъ телеграфировалъ изъ Шумды что пастухъ изъ теперешняго Эски-Стамбула, давняго болгарскаго Переяславля, провѣдалъ что въ Казанскихъ Балканахъ Москва поставила литейный заводъ и отлиываетъ тамъ такія пушки какихъ свѣтъ не видывалъ, что тамъ дѣлають пороохъ, пули, и всякаго рода оружіе, что старая Москва выслала туда цѣлую тьму работниковъ. * Муширъ не захотѣлъ удостовѣриться своими глазами въ истинѣ доведенія; онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ этому лугалу, что ему дѣлалось дурно при одной мысли о немъ; каково же искать его по слѣдамъ, увидать живьемъ ваяву? да это смерть, хуже смерти. Поэтому мутасарифъ далъ знать по телеграфу ферику. Этотъ маловѣрный искалъ не подъ землей, а на землѣ, и ничего не нашелъ, а Москва увернулась по-своему, сговорила съ *комитетами* и наказала санджакъ такую бѣдою. На этомъ порѣшили и стали держать закладъ о томъ какъ надо будетъ расплачиваться за понесенную потерю по обычаю, по уставу и по тавзимату. **

* Турки, подобно Полакамъ, всѣ бѣды сваливають на Русскихъ. Мегмедъ Мустафа-паша въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ сажмаго заядлаго польскаго шамхича: градъ выбилъ хлѣба—Русскіе украдкой привезли изъ Сибири градъ и бросили его въ турецкую землю; бѣшеный воакъ перекусалъ людей—Русскіе натравили его на Турокъ; скотъ падаетъ—Русскіе отравили кормъ и воду. *Комитеты* и всякіе разбойники воспользовались этою моавою и плеви равныя басни, а такъ какъ имъ вѣрили, то и не приступали къ разслѣдованію ихъ злодѣйства. Кто посмѣетъ сдѣлать въ Турціи розыскъ мнимыхъ русскихъ козней? Бранить и проклинать—цное дѣло.

** По закону и обычаю отвѣтственность за разбой и грабежъ возлагается въ Турціи на жителей той деревни или того города на землѣ которыхъ совершено преступленіе. Если обыватели деревни или города не въ силахъ заплатить убытокъ, то взысканіе падаетъ на округъ или весь санджакъ. Въ казенныхъ суммахъ не допускается утраты; вознагражденіе частныхъ убытковъ зависитъ отъ доброй воли мутасарифа и владѣ.

Настойчивый мутасарифъ, не теряя надежды, какъ подбагаетъ администратору, этимъ однако не удовольствовался. Онъ утромъ и вечеромъ выѣзжалъ въ Балканы попытать не шельметъ ли ему вѣтеръ правдивой вѣсти, не прокукуетъ ли ему истину кукушка, не укажутъ ли ему вороны гдѣ зарыто награбленное. Онъ, словно астрологъ или персидскій ловецъ, хотѣлъ разузнать по звѣздамъ откуда пришли разбойники и куда ушли, вывѣдать отъ птицъ и звѣрей кто они были, что они сдѣлали и куда они дѣвались. Онъ безпрестанно былъ на конѣ и въ движеніи, а потому даже рѣдко показывался въ свой гаремъ.

Въ гаремѣ также приключеніе. Прибѣжала Елена, заплаканная, съ распущенными волосами, вся трепещущая, не столько отъ печали, сколько отъ гнѣва, за то что мужъ не хочетъ любить ее, бросилъ ее и пошелъ гулять по свѣту. Она сказала ему всю правду, говорила что это великая честь и большое счастье для него и для нея; но онъ не захотѣлъ взять въ толкъ. Петро Катырджія былъ бравый оказаченный Болгаринъ; ему нужна была роза съ шипами, и онъ хотѣлъ жениться не для людей, а для себя. Когда Елена ему простодушно и откровенно все рассказала, онъ оттолкнулъ ее безъ милосердія, проклялъ ее по отцу и по матери, послалъ къ чорту мерзкую жабу жену Льва, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Тяжела была рука этой сударыни для Елены; она во второй разъ срывала съ розы шипы, и олять подвернулась Елена. Она вѣрно мстила за бѣдствія Трои; какой-нибудь ея предокъ, изъ рода Маккавеевъ, должно-быть служилъ подъ начальствомъ Гектора и погибъ въ ужасной битвѣ. Не посчитавшись бѣдной Еленѣ отъ ея допеченій.

Со слезами рассказала Елена въ гаремѣ свое горе. Одна изъ женщинъ безъ сердца засмѣялась, другія не приняли въ ней участія и вовсе не желали чтобъ она сдѣлалась ихъ товаркой въ гаремѣ лаши. За правоученіемъ послѣдовали сухіе совѣты и суровыя назиданія, высказываемыя все грубѣе и грубѣе. Хозяина не было дома, а потому Елену безъ церемоній выпроводили за двери, и такъ строго ей приказали не приходить въ другой разъ что она послѣшно убѣжала, не дождавшись дальнѣйшихъ запрещеній и прощаній.

Бѣдная женщина чуть не сошла съ ума отъ такихъ съ нею приключеній: послѣ столькихъ ласкъ такой позоръ! Дитя горь и лѣсовъ, она принимала за правду все что ей говорили,

а теперь ей показали другую правду не похожую на первую; послѣ неправды сладкой, милой, очаровательной, сатанинской, которую она полюбила какъ правду, открылась настоящая правда, горькая, суровая, Божья, которая отъ вѣги ведетъ къ сокрушенію, а отъ сокрушенія къ покаянію. Уразумѣла ли это Елена или же овладѣли ею дикія чувства горной Болгарки когда она вернулась домой? Она собрала всѣ свои фустаны, тальмы, воротнички, шалочки и шиньоны, всѣ уборы и женскіе наряды, которые ей подарили на логибель души, изъ-за которыхъ она лишилась любимаго мужа, и выбросила ихъ на дворъ. Она набросила на себя болгарскую юбку, надѣла подъ юбку шаравары, накинула на голову платокъ, залезла домъ и подложила огонь подъ франкскія драгоценности. Атласы, тафты, кисеи и всякія тряпки загорѣлись яркимъ пламенемъ; она же вышла за ворота и твердымъ, скорымъ шагомъ пошла по дорогѣ, черезъ дѣса и горы, въ старое село Нейкію.

Предъ старою хатой сидѣлъ на завалинѣ старый Стефанъ и курилъ трубку; съ другой стороны двери, тоже на завалинѣ, сидѣла его старая жена и прядла веретеномъ шерсть. Оба молчали; вокругъ нихъ тишина; всѣ ушли въ поле на работу; оба они думали о странной свадьбѣ и о томъ что случилось послѣ вѣнчанія. Старому Стефану непріятно и то что поднялись гайдуки на большое дѣло, а онъ того не зналъ; никто ему не сказалъ и никто его не навѣстилъ. Ясно что его считаютъ за старую непригодную каргу; такъ бросаютъ старую собаку, которая хорошо бѣгала на охотѣ: молодую ее всѣ ласкали и манили къ себѣ, а когда она состарѣлась, то никто и не взглянетъ на нее отправляясь на охоту. Прискорбно состарѣться и видѣть что твою старость замѣчаютъ другіе и сторонятся отъ тебя какъ отъ полумертваго тѣла. Эта мысль не по вкусу старому Стефану, и вѣтъ при немъ болтливыхъ правнучекъ, которыя развѣдали бы его печаль. Великая истина что молодыя дѣвушки настоящіе ангелы для старыхъ родителей; онѣ улаживаютъ ихъ старость и примиряютъ ихъ съ нею. Древняя чета, послѣ многихъ подобаго рода соображеній, остановилась на одной и той же мысли: жаль нашихъ щebetуній—улетѣли онѣ изъ хаты—хорошо ли имъ на чужбинѣ—намъ жутко.

Когда эта мысль овладѣла ихъ сердцемъ, у воротъ показались Елена, такую же горною дѣвушкой какою была мѣсяць
т. сгп.

тому назадъ. Не говоря ни слова, потому что говорить не могла, она бросилась къ ногамъ прабабки и прапрадѣда и заплакала навзрыдъ. Старцы ее подняли, разцѣловали, успокоили, все простили даже не спрашивая что съ нею случилось. Родительское сердце всегда разверсто для дѣтей когда они прибѣгаютъ къ нему съ горемъ и раскаяніемъ; ихъ всегда ожидаютъ забвеніе, утѣшеніе и ласки. Таково это сердце; оно замыкается лишь для тѣхъ которые обращаются къ нему съ самолюбіемъ и неуваженіемъ.

Вмѣсто назиданій и выговоровъ Елена слышитъ утѣшенія; ей говорятъ: останься съ нами, наше село въ сторонѣ, чужихъ людей между нами нѣтъ. Но Елена проситъ чтобъ ее отвезли къ сестрѣ въ монастырь: я побуду тамъ нѣсколько времени, можетъ-быть вернется Петро Катырджія, а если нѣтъ, то я одна вернусь въ Нейкію, буду жить для прапрадѣдушки и прабабушки, какъ сестра живетъ для Богородицы.

Старая жена Стефана призадумалась.

— Дѣло говоритъ наша щebetунья; предъ своими также стыдно какъ и предъ чужими; лучше ей на время уйти съ глазъ. Въ монастырѣ пропадетъ все прошлое, и она вернется въ свѣтъ какъ новорожденная.

Старый Стефанъ покрутилъ усы.

— Правда, баба; намъ не поправить бѣды, а Паная можетъ; лускай Елена ѣдетъ въ монастырь, и сейчасъ же въ дорогу; не нужны встрѣчи и проводы чтобы не было толковъ.

Не прошло и получаса какъ старый Стефанъ уже сидѣлъ на конѣ, съ винтовкой на перевязи, съ листолетомъ и кинжаломъ за поясомъ. За плечами его сидѣла Елена, а за нимъ бѣжали двѣ гончія собаки. Они поѣхали окольными тропами въ Шибку, въ монастырь Пресвятой Богородицы.

Мутасарифъ вернулся съ поиска, какъ всегда, не открывъ никакого слѣда и ничего не развѣдавъ; но горный воздухъ подѣйствовалъ на него благотворно; здоровый и бодрый онъ пошелъ прямо въ гаремъ. Здѣсь его привяли съ восточною покорностію и западною улыбкой; ему ничего не сказали, потому что въ гаремѣ молчаніе всего выразительнѣе. Хозяинъ ни о чемъ не спрашивалъ. Онъ послалъ вѣрнаго слугу въ Еникю; слуга вернулся и донесъ: домъ запертъ, все пусто, никого тамъ нѣтъ, на дворѣ ворохъ пепла и валяются недогорѣвшіе доскутья: вотъ образчикъ на показъ. Мутасарифъ взглянулъ и узналъ. Онъ приказалъ сыскать Петро

Катырджію; ему отвѣчали: Петро взялъ паспортъ и поѣхалъ въ Эдрене, откуда уже пришло извѣстіе что онъ снова записался въ казаки. Онъ послалъ въ Нейкію за старымъ Стефаномъ, въ надеждѣ что отъ этого опытнаго и свѣдущаго человѣка можно узнать что-нибудь о гайдуцкѣй продѣлкѣ. Залтія вернулся: — стараго Стефана нѣтъ дома, онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Балканы, неизвѣстно куда и зачѣмъ. Мутасарифъ созвалъ меджаисъ и объявилъ что попалъ на слѣдъ. Онъ разказалъ что Петро Катырджія бросилъ только-что повѣнчанную съ нимъ жену, внезапно выѣхалъ въ Эдрене и снова записался въ казаки; что гайдуцкіи грабежъ его дѣло; если же нѣтъ, то онъ знаетъ кто участвовалъ въ разсоѣ.—Я это предчувствовалъ, заключилъ мутасарифъ, я вижу зорко и никогда не обманываюсь. Муфтіи поддакнулъ и совѣтовалъ вытребовать по мазбатъ Петро Катырджію изъ войска, Стефана же не трогать, какъ ни къ чему не пригоднаго старика. Кадій, человѣкъ справедливый, утверждалъ что необходимы ясныя и убѣдительныя доказательства, что неосновательныя подозрѣнія не допускаются ни наріатомъ, ни таъзиматомъ.

Беи, чорбаджи и даже раввинъ стояли за мазбату. Мазбату написали, а мутасарифъ телеграфировалъ вали: „я попалъ на слѣдъ; пришло донесеніе по почтѣ“.

Муфтію поручено допросить стараго Стефана и доставить въ домъ лаши Елену, жену обвиняемаго, чтобы по ниткѣ добраться до клубка. Мутасарифъ потиралъ себѣ руки, былъ въ хорошемъ расположеніи и еще болѣе повеселѣлъ когда пришла сотня казаковъ.

Сотня пришла отборная, изъ однихъ Болгаръ, молодецъ въ молодца, любо смотрѣть. Казаки такіе проворные и ловкіе, словно съ Дона или съ Волги, подъ ними гарцуютъ сѣрыя лошади, а надъ ихъ головами развѣваются красныя флаги на пикахъ. У всадниковъ при боку блестяція сабли, на крючкахъ висятъ карабины, а за поясомъ пистолеты — не налюбуешься ими. Лѣсъ колій остановился предъ домою мутасарифа.

Впередѣ сотни приземистый, здоровый, коренастый ротмистръ, лакомый до всего хорошаго и до бѣлой ракии, которую онъ выливалъ не за воротъ, отчего лицо у него было красное какъ скорлупа варенаго рака. Настоящій Давыдовскій гусаръ съ красно-синимъ носомъ, онъ былъ такой же

хватъ какъ эти гусары не танцовавшіе на паркетѣ, не спорившіе о Жюмани и даже не знавшіе что это за гусь. За то когда онъ сидитъ верхомъ, конь бурлитъ подъ нимъ какъ кипятокъ, а замашетъ онъ саблей, такъ въ глазахъ мутится и въ ушахъ трещитъ. Когда онъ потягиваетъ изъ рюмки водку да присмакиваетъ языкомъ, то каждому хочется вылить. Для солдатъ онъ былъ не больно сладокъ, да и не горекъ, умѣлъ и прикрикнуть и треснуть; но солдаты его любили, потому что онъ былъ щедръ и справедливъ, отваженъ и ретивъ.

Съ такою сотней можно лугнуть гайдуковъ и *комитатовъ* — всѣ удалцы, одинъ какъ другой. Мутасарифъ и весь межлисъ очень пріободрились.

(До слѣд. №.)

ВЕСЕННИЕ МОРОЗЫ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ч А С Т Ъ I.

I.

Мѣстность Акуловки, имѣнья Любови Петровны Акулиной, была довольно красива. Барскій домъ, дворовской архитектуры, возвышался на горкѣ, нѣсколько поодаль отъ деревни. Ветхость его нескромно проглядывала, несмотря на всѣ усилія хозяйки придать ему новый, щеголеватый видъ. Напрасно выкрасила она его въ модный, свѣтло-коричневый цвѣтъ, а на крышу, со ставнями, употребила цѣлый лудъ муміи: домъ оставался старъ полпрежнему. Подавшійся впередъ мезонинъ, не симметрическій видъ отъ разновременныхъ построекъ, все изобличало дѣта почтеннаго зданія и придавало ему сходство съ нѣкоторыми стариками, у которыхъ изъ-подъ рыжевататаго ларика пробиваются сѣдины.

То же самое впечатлѣніе производилъ и садъ: проявлялась въ немъ бессильная борьба современности со старинной. Онъ окружалъ домъ съ двухъ сторонъ и спускался уступами къ рѣчкѣ. Любовь Петровна затѣяла на этихъ уступахъ клумбы, мечтая о петергофскихъ царскихъ садахъ съ террасами. Но

врожденный духъ экономіи и скудныя средства запрещали ей дѣлать лишніе расходы. Она надѣялась осуществить свои мечты не развязывая кошелка, съ помощью старика-садовника Емельяна. Но тотъ мало понималъ толку въ прелестяхъ террасъ и англійскихъ садовъ, а потому только сердито выслушивалъ приказанія своей госпожи и дѣйствовалъ по собственному благоусмотрѣнію. Такимъ образомъ изъ сада Любовь Петровна вышло ни то ни сѣ. Прямые, скучныя, дѣдовскихъ временъ аллеи вовсе не шли къ неправильнымъ англійскимъ клумбамъ, и какъ ни старалась Любовь Петровна копировать Петергофскій паркъ, но кривыя, безобразныя насыпи ея сада, носившія названіе террасъ, гораздо ближе подходили по вкусу къ покривившемуся старому барскому дому.

Однако садъ этотъ имѣлъ свою прелесть. Въ жаркіе дни можно было пріютиться подъ тѣнь вѣковыхъ деревьевъ. Веселая рѣчка крутыми изгибами пробѣгала черезъ садъ, прыгала у береговъ съ камня на камень, въ срединѣ же текла плавно въ довольно глубокомъ руслѣ. Старыя ветлы постоянно глядѣли на ея чистыя воды, точно хотѣли видѣть что тамъ скрывается во глубинѣ. Немного выше шумѣла мельница, и налудревяныя фигуры мельника, засылки и помольщиковъ часто возились у входа съ огромными кулями на спинѣ.

Службы отличались первобытною простотою своей постройки; до нихъ не коснулся духъ современности. Къ тому же онѣ увидали свѣтъ вмѣстѣ съ дѣдушкой покойнаго Акулина и еле-еле держались на ногахъ, точно сторбившаяся старуха. Тутъ не было претензій ни на Моналезирь, ни на Царское Село. Любовь Петровна, несмотря на строгую экономію, любила принимать у себя сосѣдей и очень удачно разыгрывала роль любезной хозяйки. Она давно уже овдовѣла. Послѣ мужа у нея осталось двое дѣтей: сынъ Александръ и дочь Наденька.

Покойный мужъ Любови Петровны, Иванъ Антоновичъ, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, но добрый и хороший хозяинъ. Онъ сумѣлъ очистить Акуловку отъ долговъ, сдѣланныхъ недобросовѣстными опекунами во время его дѣтства, и значительно увеличилъ доходы со своего небольшого помѣстья. Но, несмотря на всѣ старанья, ему не удалось разбогатѣть, а потому онъ долженъ былъ довольствоваться самымъ необходимымъ количествомъ лошадей, коровъ и овецъ,

и только свиней держалъ довольно много, такъ что продавалъ штукъ по двадцати въ годъ.

Онъ всегда самъ наблюдалъ за полевыми работами, и нужно отдать ему справедливость что нигдѣ по сосѣдству не пахали такъ тщательно, не сѣяли, не косили и не жали такъ вовремя какъ у него. Сосѣди всегда у него справлялись когда начинать работы.

Онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ съ аристократическою родней. Ея родители имѣли нѣсколько десятковъ и десять душъ крестьянъ въ двухъ верстахъ отъ Акуловки. Еслибы богатые родственники не позаботились придать ей нѣкоторый наружный лоскъ, то Любовь Петровна выросла бы, вѣроятно, какъ Агашка, дочь скотницы, неразлучная подруга ея дѣтства. Но какой-то богатый дядя ея случайно заглянулъ къ своимъ бѣднымъ родственникамъ и выпросилъ позволеніе у родителей Любочки взять ее съ собой и воспитывать съ родною дочерью подъ руководствомъ Франдуженки, отличной музыкантши, какъ онъ увѣрялъ. Вскорѣ Любочка выучилась бречать на фортепіанѣхъ и коверкать французскій языкъ; дадѣе свѣдѣнія ея не простирались, потому что Mlle Caroline сама не могла похвалиться большими познаніями и безжалостно лутала понятія своихъ ученицъ. Но Любочка довольно нахватала верхушекъ чтобъ имѣть высокое понятіе о своей образованности, всегда вмѣшивалась въ политическіе споры и бойко пережѣвала Швейцарію на Скандинавскій полуостровъ, а Мексику въ африканскія лустыни. Она также не совсѣмъ ясно сознавала царствовалъ ли во Франціи Наполеонъ III или Наполеонъ II. Такія не точныя понятія объ императорѣ Французовъ не жѣшали ей однако имѣть о немъ очень дурное мнѣніе и бранить его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Иванъ Антоновичъ женился на Любови Петровнѣ только потому что она жила въ его близкомъ сосѣдствѣ; ему можно было за ней ухаживать безъ малѣйшихъ упущеній въ хозяйствѣ. Другіе же помѣщики у которыхъ были дочери-невѣсты жили не ближе десяти верстъ. „А какъ тамъ еще откажутъ!“ приходило на умъ предусмотрительному хозяину. Любовь Петровна по собственной волѣ вышла за Акулина, хотя и желала казаться жертвой неумолимой судьбы. Она знала что онъ считался всѣми мелкопомѣстными барышнями прекрасною партией. Но такая образованная дѣвица какъ она не могла

же охотою выходить за такого полудварвара. Въ первое время замужества она старалась перевоспитывать своего невѣжественнаго супруга; нѣжными ласками убѣждала она его выучивать наизусть французскія слова. Иванъ Антоновичъ, при такихъ упорныхъ усиліяхъ, изворачивался какъ могъ, но никогда не гнѣвался, точно терпѣливая дворовая собака которую дѣти хотятъ припречь къ салазкамъ. Когда Любовь Петровна увидѣла что усилія ея безуспѣшны, то она рѣшилась предоставить своему супругу оставаться въ прежнемъ невѣжествѣ. За то она при всякомъ удобномъ случаѣ давала чувствовать и мужу и гостямъ своимъ какая разительная противоположность между грубостью Ивана Антоновича и ея изящнымъ направленіемъ.

Добрякъ не сердился, а смиренно сознавалъ что супруга его идеалъ свѣтской и образованной дамы. Онъ высоко цѣнилъ ея вкусъ и знаніе приличій; но больше всего цѣнилъ онъ то что его Любовь Петровна была воспитана родителями въ правилахъ умѣренности и экономіи, которая, впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ доходила до скулости. Это вполнѣ согласовалось съ его собственными склонностями и сблизило супруговъ несмотря на *различіе образованія*, какъ намекала Любовь Петровна въ бесѣдахъ со знакомыми.

Когда Надѣ минуло два года, Иванъ Антоновичъ вдругъ сильно простудился, схватилъ горячку и умеръ. Любовь Петровна была глубоко огорчена смертью супруга, исправно заказывала ланнихиды и выстроила въ саду бесѣдку съ французскою надписью: *temple de douleur*. Но тутъ, къ несчастію, вкралась буква *z* въ концѣ слова *douleur*, и многіе изъ Акулиньскихъ гостей едва могли удержаться отъ смѣху, при видѣ такой забавной ошибки.

Саша и Надя росли какъ трава въ полѣ. Оба дѣлали быстрые успѣхи въ изученіи энергическихъ выраженій. Учителями и образцами ихъ были: кучеръ Карлъ и скотница Устинья. Вскорѣ дѣти превзошли грубостью крестьянскихъ ребятъ-шекъ, какъ всегда бываетъ если воспитаніе дѣтей помѣщиковъ предоставляется простолюдину. Нѣтъ той строгой дисциплины которою по временамъ обуздываются дѣти изъ простаго званія, а между тѣмъ никто не вселяетъ въ нихъ такихъ чувствъ которыя могли бы подавлять дикія начала человеческой природы. Наконецъ Любовь Петровна поняла что нужно позаботиться о воспитаніи дѣтей; они уже совсѣмъ

выбилась изъ рукъ. Но вмѣсто того чтобы передать ихъ опытной особѣ, она взяла въ домъ восемнадцатилѣтнюю гувернантку, за сто рублей въ годъ.

Вопреки ожиданіямъ, авторитетъ молоденькой гувернантки подѣйствовалъ гораздо сильнѣе на Сашу чѣмъ на сестру его. Мальчикъ почувствовалъ влеченіе къ хорошенькой воспитательницѣ своей и сдѣлался ея ревностнымъ поклонникомъ. Не то чтобъ онъ догналъ своихъ одноклѣтковъ (одинадцатилѣтнему мальчику не легко начинать съ азбуки), но онъ по силамъ старался, и повиновался охотно наставницѣ своей. Къ сожалѣнію, она сама такъ мало была развита что не умѣла разумно пользоваться расположеніемъ къ ней юнаго питомца: ея наставленія касались только наружной полнировки, до нравственнаго же развитія не доходила.

Съ Надеей труднѣе было сладить; она попрежнему оставалась разсѣянна и лѣнлива. Не проходило урока безъ слезъ, такъ что молодая наставница рѣшительно не знала что съ ней дѣлать. Когда Саша поступилъ въ первый классъ губернской гимназіи, то Любовь Петровна порѣшила что лучше всего отдать Надю въ институтъ и, послѣ долгихъ колебаній, отправилась съ этою цѣлью въ Петербургъ. Многіе изъ богатыхъ родственниковъ ея жили въ столицѣ, предоставляя хитрымъ управляющимъ изъ дворовыхъ раззорять ихъ имѣнія; радовались что имъ аккуратно присылали доходы и не заботились о томъ что основнымъ правиломъ ихъ сатраповъ грабившихъ крестьянъ служила поговорка Людовика XV: *après moi le déluge*.

Вотъ къ этимъ-то богатымъ родственникамъ Любовь Петровна отправилась съ визитомъ, въ лучшемъ своемъ шелковомъ платьѣ, хотя, правда, нѣсколько узкомъ и короткомъ, но за то съ огромными красными клѣтками по бѣлому фону. Коричневая шляпка съ лоблекшими розами довершала ея изящный нарядъ. Она не лобоялась хлопотъ на желѣзной дорогѣ и привезла нѣсколько лудовъ деревенскихъ лакомствъ въ подарокъ своей роднѣ: кадки съ груздями и мочеными яблоками, орѣхи въ меду и всевозможная варенья.

Нѣкоторые изъ аристократическихъ родственниковъ Любо-ви Петровны приняла ее довольно холодно; другіе же такъ были внимательны и предупредительны что Акулина совершенно растаяла и до самой старости своей разказывала о своемъ двоюродномъ братѣ, камергерѣ К., и о княгинѣ С.,

которыя сумѣли ее оцѣнить. Бѣдаяжка не знала что служила лотѣхой цѣлаго кружка. Княгиня С, на примѣръ, написала записку къ графу, когда ждала къ обѣду Любовь Петровну: „Графъ, прѣвзжайте непременно! Я васъ угощу рѣдкимъ куріозомъ: нѣкою кузиной изъ деревни. Одинъ туалетъ ея чего стоить! Прѣвзжайте, и вы убѣдитесь что я забочусь о вашемъ удовольствіи.“

Роскошная обстановка новыхъ коварныхъ друзей восхитила Акулину. Зависть внушила ей желанье не отставать отъ нихъ. Вотъ съ чего началась эпоха преобразованій въ Акуловкѣ, перекраска дома въ модный цвѣтъ, англійскій садъ и террасы. Результатъ однако далеко не соответствовалъ желанію; прежде никому не колола глаза скромная, старинная усадьба въ Акуловкѣ; по крайней мѣрѣ въ ней все гармонировало. Теперь же насмѣшники находили обильную пищу лотѣшаться ея нововведеніями.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе неразумныхъ подражаній, безъ малѣйшаго сознанія того что хорошо и что дурно, изящно или уродливо.

Такъ, на примѣръ, Любовь Петровна заказала себѣ бѣлый визитный капотъ, съ розовыми бантами, совершенно по образцу утренняго negligѣ княгини С., но забыла что княгиня была молода, красива, стройна, сама же она, Акулина, сорокалѣтняя, массивная, неуклюжая женщина, съ краснымъ, обрюзглымъ лицомъ. Этотъ бѣлый negligѣ надѣвала она при всѣхъ выѣздахъ и довершала костюмъ челцомъ необыкновенной формы, на который будто не хватило ни кружевъ, ни лентъ.

Любови Петровнѣ наскучило наконецъ быть одною, и она порѣшила взять дочь изъ института раньше оконченія курса. Она желала чтобы дочь дома кончила воспитаніе.

Задумано—сдѣлано. Въ одно прекрасное утро она собралась въ Петербургъ. Тутъ, по рекомендаціи знакомаго ей доктора, она предложила бѣдной и одинокой дѣвушкѣ отправиться съ нею и съ Наденькой въ деревню. Эта дѣвица, Анна Курбинская, въ то время рѣшительно не знала гдѣ ей пріютиться, а потому съ радостью приняла невыгодныя условія Любови Петровны и сдѣлалась наставницею и компаніонкою семнадцатилѣтней Наденьки.

II.

Недѣли двѣ по прїѣздѣ Акулиныхъ, Наденька и Анна, въ одинъ изъ теплыхъ апрѣльскихъ дней, сѣдали на балконѣ и вели оживленную бесѣду. Предъ Наденькой лежала раскрытая книга, англійскій романъ во французскомъ переводѣ, а Анна работала.

— Охота вамъ, Анна Николаевна, рекомендовать мнѣ такія скучныя книги, сказала Наденька, съ маленькою калризною гримасой;—терпѣть не могу читать про людей которые мучатъ себя изъ-за какого-то непонятнаго чувства долга. Вотъ здѣсь, напримѣръ, зачѣмъ Артуру уѣзжать отъ Фанни если онъ ее любитъ? Чтѣ за бѣда что родители не хотятъ ихъ брака! Ну, онъ бы ее увезъ, и дѣло съ концомъ!

— Не говорите такихъ ужасовъ, отвѣчала улыбаясь Анна,—неужели бы вы, на мѣстѣ Фанни, рѣшились огорчить такъ вашу мамушку? Да изъ уваженія къ себѣ вы бы этого не сѣдали!

— Я васъ не понимаю; за чтѣ мнѣ себя уважать? Я себя люблю, конечно; желаю чтобы мнѣ хорошо жилось, а потому, если я кого полюблю и онъ меня полюбитъ, то я непременно за него выйду, несмотря ни на чтѣ.

— Ну, а если вамъ нельзя будетъ надѣяться на прочное счастье?

— То-есть какъ напримѣръ?

— Если тотъ кого вы любите не самостоятеленъ и находится въ совершенной зависимости отъ родныхъ; они же, положимъ, не желаютъ его брака съ бѣдною дѣвушкой и грозятъ лишить его всѣхъ средствъ къ существованію... Неужели вы тогда предадитесь увлеченію, имѣя въ виду что съ самаго начала супружества вы сѣдаетесь тяжелою обузой для мужа и заставите его трудиться не по силамъ? Я бы и тогда отказалась отъ своей любви еслибъ увидела малѣйшее сопротивленіе со стороны родителей любимаго чело-вѣка. Для меня было бы невыносимо видѣть холодное презрѣніе къ себѣ и заискивать смиренно милостиваго расположенія такихъ людей которые стоятъ, можетъ-быть, гораздо ниже меня.

Курбинская говорила съ увлеченіемъ и гордо подняла

головку. Ея большіе, сѣрые глаза съ темными рѣсницами заблистали; тоненькія губы ея закрылись еще плотнѣе обыкновеннаго. Наденька не могла не замѣтить что въ эту минуту компаніонка ея была очень хороша, хотя обыкновенно наружность ея ничѣмъ не поражала. Поверхностные наблюдатели рѣдко удостоивали ее вниманія. Въ глазахъ ея не было живости; иногда они блестѣли, но не на долго, и вскорѣ опять принимали какое-то холодное выраженіе. Иногда случалось что она окидывала своихъ собесѣдниковъ полнымъ, глубокимъ, лытливимъ взглядомъ, который многихъ смущалъ. Тогда она, какъ бы услугавшись, быстро опускала рѣсницы и затѣмъ снова глядѣла холодно и спокойно. Иногда лицо ея вдругъ совершенно измѣнялось: легкій румянецъ являлся на блѣдномъ лицѣ, глаза блестѣли; ротикъ закрывался плотнѣе, грудь замѣтно приподымалась и опускалась отъ ускореннаго дыханія; она глядѣла и страстно и величаво. Не многіе, очень не многіе видѣли ее въ такія минуты; тѣ одни только и понимали ее. Они не обманывались холоднымъ взглядомъ Анны, ея неподвижными чертами... они отгадывали что нервный, страстный темпераментъ этой дѣвушки непрерывно сдерживался сильною волей.

Наденькѣ было всегда неловко съ Курбинскою. Не то чтобъ она слыживала отъ нея неласковыя слова, но она знала что Анна никогда не будетъ ей сочувствовать и вѣчно останется для нея чужою. Она стѣснялась ея присутствіемъ и инстинктивно сознавала умственный перевѣсъ своей компаніонки. Эти глубокіе глаза и этотъ плотно закрытый ротъ наводили на нее невольный страхъ.

Въ настоящую минуту она немного смѣшалась отъ словъ Анны; она стыдилась что не могла понять этой благородной гордости. Въ то же время самолюбіе вселяло въ ея сердце недобрыя чувства, похожія на зависть, и она съ досадою проговорила:

— Не думаю чтобы вы могли любить такъ сильно какъ я. Оттого вы и разсуждаете такъ.

Слова эти оскорбили Анну. Она много мечтала о высокой, идеальной любви, доступной только немногимъ избраннымъ. Конечно она и себя присчитывала къ числу ихъ и была увѣрена что если она когда-нибудь полюбитъ, то полюбитъ глубоко и неизмѣнно, не такъ какъ дюжинуя женщины... И

вотъ, неопытная, неразвитая дѣвушка, настоящій ребенокъ, прямо говорить ей что она неспособна любить!

— Какими же качествами долженъ обладать тотъ счастливецъ для котораго вы всѣмъ жертвуете? спросила Анна съ улыбкой.

— Онъ долженъ меня любить такъ чтобы все сдѣлалъ чего бы я ни пожелала. Потомъ, конечно, я бы желала чтобы онъ былъ красивъ, молодъ, уменъ и ловокъ, образованъ....

— Какой длинный списокъ! Доживемъ ли до того чтобы въ Акуловку пріѣхалъ такой фениксъ?

— Посмотрите, Анна Николаевна, ужъ не женихъ ли къ намъ катитъ! воскликнула Наденька весело, указывая на дорогу за мельницей. Она подбѣжала къ периламъ балкона, встала колѣномъ на табуретку и въ этой дѣтской позѣ пристально и любопытно глядѣла въ даль на черную точку въ облакѣхъ пыли.

Наденька казалась еще ребенкомъ. Внезапный переходъ въ нѣжномъ возрастѣ отъ свѣжаго деревенскаго воздуха и полной свободы къ спертой атмосферѣ института повредилъ ея развитію и придалъ ей нѣсколько болѣзненный видъ; черные быстрые глаза и бѣлые, ровные какъ жемчугъ, зубки придавали нѣкоторую прелесть ея смуглому личику и заставляла забывать что лобъ ея былъ слишкомъ крутъ и низокъ, носъ немного вздернутый и ротъ слишкомъ великъ. Особенно мила была живая грація въ ея движеніяхъ, и пріятно звучалъ ея серебристый дѣтскій смѣхъ.

— Такъ и есть, Анна Николаевна, кто-то ѣдетъ къ намъ!... Мамаша! мамаша! закричала она въ растворенную дверь гостиной; быстро соскочивъ съ табуретки,—къ намъ гости! Ахъ какъ я рада, прибавила она обращаясь къ Аннѣ,— такая смертная тоска сидѣть все одна! Вотъ ужъ цѣлыхъ пять дней какъ никто къ намъ не заглянулъ.

Возгласъ Наденьки неслуханно взволновалъ Любовь Петровну. Она вдругъ вспомнила что утренній калотъ на ней былъ грязный, съ оборванными петлями, что голова ея была повязана платкомъ, потому что въ хлопотахъ она забыла причесться и надѣтъ челець или *куафтору*, какъ она выражалась послѣ своего втораго путешествія въ Петербургъ; притомъ она вспомнила что кромѣ соленой баранины у нея ничего не было припасено мяснаго, что птица теперь худая, колотъ нехорошъ, что надо будетъ за десять верстъ послать верховаго за мясомъ. „Да еще найдутъ ли?“ Любовь Петровна, хотя и

налагала иногда лишенія на себя и на своихъ домочадцевъ, но гостей всегда угощала прилично, чтобы не считали ее какою-нибудь Пелагеей Каллистратовной, которая гостямъ подавала пустыя щи съ лукомъ.

Любовь Петровна то бросалась къ гардеробу за платьемъ, то звала по имени всѣхъ своихъ подвластныхъ духовъ:

— Параша! Машутка! Прощка! Куда вы, негодные, всѣ разбѣжались?... Скорѣи вынь мое коричневое платье, приказала она вбѣжавшей Парашѣ,—да нѣтъ, бѣги лучше въ кухню, скажи повару....

Курбинская показала въ дверяхъ. Замѣтивъ тревожное состояніе Любови Петровны, она вызвалась исполнить порученіе къ повару. Она поняла что безъ ея помощи не обойдутся и боялась что ей второпяхъ отдадутъ приказаніе какъ-нибудь рѣзко и повелительно, а потому предупредила Любовь Петровну.

— Ахъ, мерсі, ma chère amie! Скажите повару чтобъ онъ послалъ кого-нибудь за говядиной, да только не Стелку,—тотъ долженъ помогать садовнику, да не кучера,—тотъ долженъ возить лесокъ, да скотникъ чтобъ не отлучался....

Любовь Петровна совсѣмъ забыла что кромѣ этихъ трехъ, рѣшительно некого было послать. Анна отправилась въ кухню, а тарантасъ между тѣмъ вѣхалъ на дворъ.

Наденька выбѣжала на крыльцо; но радостныя надежды ея мгновенно исчезли какъ только узнала она экипажъ и лошадей. Это были тощія клячи и ветхій, ободранный тарантасъ сосѣдки Пелагеи Каллистратовны. Изъ тарантаса выползла сморщенная, безобразная старушка съ совиными глазами и клювомъ вмѣсто человѣческаго носа. Къ счастью она тотчасъ же осыпала молодую дѣвушку привѣтствіями и лобзаніями, такъ что Наденькѣ удалось скрыть свое неудовольствіе. Она привела немилую гостью въ гостиную, усадила ее на диванъ и начала придумывать что бы ей сказать. Тутъ на выручку явилась Любовь Петровна, въ коричневомъ платьѣ, но растрепанная полпрежнему. Параша уже успѣла ей доложить кто пріѣхалъ, и тревога ея въ мигъ унялась. Мысль что карманъ избавленъ отъ лишней издержки окончательно успокоила ее. Она приказала Парашѣ отнѣмать ея распоряженія на счетъ говядины и велѣла сказать кучеру чтобъ онъ не смѣлъ давать овса чужимъ лошадямъ, а накормилъ бы ихъ сѣномъ.

Послѣ этого она съ любезною улыбкой вошла къ своей гостьѣ.

— Пелагея Калистратовна, васъ ли это Богъ привелъ? Утѣшили меня, ужъ именно утѣшили! (*Лобзанія.*) Анна Николаевна, обратилась она къ вошедшей Курбинской:—прикажите, душечка, поставить самоваръ, полодничать чаемъ дорогую гостью.

— Ахъ, да зачѣмъ это, помилуйте-съ! возразила было старушка.

— Ничего, Пелагея Калистратовна, и мы съ вами нальемся. Когда Анна ушла, старушка обратилась къ Любови Петровнѣ:

— Чай, матушка, экеномку изъ Петербурга привезли? Что молоденькую какую взяли?

Любовь Петровна не сочла нужнымъ объяснить положеніе Курбинской въ домѣ, а просто объявила:

— Это чтобы Наденька не скучала все со мной, старухой.

— Грѣшно вамъ, Любовь Петровна, старухой себя называть! Еще на вашей свадьбѣ потанцуемъ! Не вѣкъ же вамъ жить горькою вдовой.

— Куда! махнула Пелагея Калистратовна. Нѣтъ, ужъ я моего Жанъ никогда не забуду. Ужъ если бывать свадьбѣ въ домѣ, то конечно не моей, а Наденькиной. Дай Богъ ей хорошаго жениха! О себѣ ужъ я не забочусь, прибавила она съ видомъ смиренной жертвы материнской любви.

Пелагея Калистратовна преобразилась, ея маленькіе сѣрые глазки заблестали и все лицо просіяло. Ей представилась неисчерпаемая тема разговора.

— Ужъ конечно всѣ желаютъ хорошаго жениха Надеждѣ Ивановнѣ, начала она,—да и я-то сама ужъ думала, думала... вѣрите ли, даже по ночамъ не спится, все въ умѣ перебираю: кто бы ей лара? Помѣщики-то тутъ все народъ избалованный, ухаживаютъ все за богатыми, другихъ знать не хотятъ. Ну вотъ, хоть бы Федоръ Петровичъ Емичаевъ, въ прахъ раззорился! Ужъ какой онъ женихъ! Мужики-то у него какъ живутъ! смотрѣть не хочется! А слышали? вѣдь онъ имѣнье свое продалъ. Новаго помѣщика ждутъ на дняхъ сюда; человекъ, говорятъ, холостой.... Вотъ, матушка, посмотримъ мы съ вами какой онъ будетъ.... а можетъ-быть и свадьбу намъ Богъ дастъ раньше рождественскаго заговѣя.

Пелагея Калистратовна очень любила быть какъ бы про-

видѣваемъ дѣвицъ, она усердно заботилась о ихъ судьбѣ, и не безъ успѣха, чему служили доказательствомъ нѣкоторыя платья и платки въ ея красномъ, расписанномъ сундукѣ, даны благодарности счастливыхъ родителей невѣсть, а также и жениховъ, что, впрочемъ, случалось не часто.

Подали самоваръ, и Анна стала разливать чай. Она не безъ любоблывства глядѣла на совиую физиономію старушки. Между своими петербургскими знакомыми она не встрѣчала ничего подобнаго. Ей интересно было знать какъ разсуждаетъ и думаетъ такая личность, а потому она вмѣшалась въ разговоръ и спросила ее, не скучно ли ей бываетъ одной?

— Ничего, матушка, не скучно.... Хозяйство, знаете.... И если есть свободное время, такъ позову которую-нибудь изъ дѣвокъ своихъ, да играю съ ней въ дурачки, или гадаю для барышень молоденькихъ.... Такъ у меня время уходитъ.

Анна взглянула на нее въ недоумѣніи. Она никакъ не понимала возможности такого препровожденія времени Пелагея Калистратовна замѣтила что чѣмъ-то не понравилась своей собесѣдницѣ и, желая скорѣй загладить непріятное впечатлѣніе, прибавила:

— А главная радость моя и услада — храмъ Божій! Ужь ни одной заутрени, ни одной вечерни не пропущу. Такая ужь, матушка, съ дѣтства была богомольная. Никакого дѣла безъ молитвы не начинаю.

Это неудачное хвастовство еще менѣе понравилось Аннѣ. Ей было невыносимо скучно. Сначала она старалась принимать участіе въ разговорѣ, но потомъ, увидавъ что кромѣ пошлостей ничего не добьешься, начала думать о другомъ и занялась исключительно своимъ руководѣемъ. Такъ прошелъ день; послѣ вечерняго чая, Пелагея Калистратовна подумала наконецъ объ отъѣздѣ, аначала прощаться, и тутъ только вслomniaла что привезла два письма къ Любови Петровнѣ.

— Ахъ я дура, дура! воскликнула она, вынимая письмо изъ ридикюля;—совсѣмъ изъ головы старой вышло! А вѣдь какъ Павелъ Анисимовичъ меня просилъ вамъ ихъ отдать!... Нынче изъ города привезъ.

Старуха не переставала восклицать и крѣпче покуда не вошла, перекрестясь, въ тарантасъ и клячи не вытянулись чтобы тронуться съ мѣста.

— А одно-то письмо къ вамъ, Анна Николаевна, замѣтила

Любовь Петровна по отъѣздѣ сосѣдки, когда успѣла прочесть адресъ, съ помощью очковъ на засаленной тесемочкѣ.

Анна прочитала адресъ и покраснѣла отъ удовольствія когда узнала дочерку любимой тетки своей.

Она послѣшно отправилась на верхъ въ свою комнату и прочла слѣдующее:

„Другъ мой Аня! Пользуюсь ночью тишиной чтобы побесѣдовать съ тобою и поздравить тебя съ исходомъ изъ твоего безотраднaго положенія. Да, ты права: тяжело быть тамъ гдѣ нами тяготятся и гдѣ, въ добавокъ, хозяйка дома ревнуетъ мужа ко всѣмъ хорошенькимъ. Конечно и новое положеніе твое не блестящее: двѣсти рублей въ годъ для дѣвушки съ твоимъ образованіемъ плата очень скудная. Но у тебя много будетъ свободнаго времени, и я знаю что оно у тебя не пропадетъ безъ пользы. Впрочемъ и то выгода для тебя что ты узнаешь людей другаго круга, ихъ мысли, ихъ бытъ, вступишь въ ихъ чувства и научишься снисхожденію къ ихъ слабостямъ. Я знаю что у тебя твердая воля и принципиальный умъ; всѣ твои мысли и поступки подвергаются строгому анализу; тебѣ не опасно то что служить подводнымъ камнемъ для большинства другихъ дѣвицъ твоихъ лѣтъ. Имъ бы я сказала: не увлекайтесь, не вѣрьте всѣмъ и каждому. Тебѣ же скажу: не будь слишкомъ строга и самолюбива. Твой покойный отецъ сумѣлъ дать тебѣ рѣдкое образованіе: онъ развилъ твой умъ, вселилъ въ сердце твоемъ самыя благородныя стремленія, но онъ не научилъ тебя смиренію. Напротивъ, онъ мнѣ часто отвѣчалъ на мои замѣчанія: „я считаю что благородная гордость есть сильная опора въ борьбѣ съ людьми и стараюсь развить въ моей Аняѣ „самоуваженіе. Пусть она сумѣетъ во всѣхъ превратностяхъ „жизни держать голову высоко.“ Гордость конечно есть надежный кормчій въ морѣ жизни, хотя не самый надежный. Покойный братъ не набивалъ тебѣ голову познаніями ни къ чему не ведущими, которыя только обременяютъ память и не обогащаютъ новыми идеями. Онъ не снѣлъ слишкомъ часто, за то каждое сѣмя всходило и приносило обильный плодъ. Отецъ твой и его сотрудники-друзья научали тебя любить поэзію, живопись, музыку, все изящное и прекрасное. Всѣ они были люди высоко развитые, писатели, мыслители; вліяніе ихъ на тебя было прекрасное; въ одномъ

только я не соглашаюсь съ покойнымъ братомъ: зачѣмъ онъ все повторялъ тебѣ что ты выходишь изъ ряда обыкновенныхъ дѣвушекъ? „Посмотри на всѣхъ знакомыхъ тебѣ дѣвицъ“, повторялъ онъ тебѣ часто, „что онъ тебѣ за подруги? Все дѣвушки дюжинныя, неразвитыя; у нихъ одинъ вздоръ въ головѣ.“

„Кончилось тѣмъ что ты сдѣлалась холодна и неприступна. Я одна въ мѣрѣ знаю какъ глубоко ты въ состояніи любить. Какъ бы ты выиграла еслибы ты была менѣе богиней и болѣе женщиной! Но ты растешь не какъ цвѣтокъ, благоухающій любовью и снисхожденіемъ, но какъ высокая лальма безъ тѣни, безъ прохлады, гордая, одинокая посреди песковъ. Глядя на нее лутешественникъ еще болѣе чувствуетъ свое одиночество посреди безотрадной пустыни. Въ тебѣ много силы воли и энергіи, пусть онъ послужатъ въ пользу тебѣ и другимъ, а это не будетъ безъ теплой, неугасаемой любви. Какъ же ты хочешь чтобы люди тебя цѣнили когда все хорошее въ тебѣ ты хранишь какъ скупой свой кладъ? Многие даже не подозрѣваютъ въ тебѣ ничего возвышеннаго. Говорить съ другими о мысляхъ и чувствахъ имъ недоступныхъ, конечно, неразумно, это значило бы упрекать ихъ въ неискренности; неприятно также когда насъ не понимаютъ, искажаютъ смыслъ нашихъ словъ. Но твой долгъ—выкаты въ бытъ людей, судить снисходительно о тѣхъ которые по образованію и природнымъ дарованіямъ стоятъ ниже тебя, и согрѣвать теплымъ участіемъ твоимъ. Сколько бурь и непогодъ превиджу я для моей гордой, одинокой лальмы! Иногда меня подавляетъ чувство безсилія что я ничего не могу для тебя сдѣлать, устранить отъ тебя горечь жизни и сласти отъ очерствѣнія и злобы на людей. Ты, бѣдная, лишена всякой олоры со стороны родныхъ; я только могу за тебя молиться. За одно только я искренно благодарю Бога что все же я не безъ пользы для тебя живу на свѣтѣ. Еслибы меня не было, то бабушка потребовала бы тебя къ себѣ, а ты бы не отказалась, я знаю: нельзя же бросить одну убогую старуху, самую близкую твою родственницу, мать твоего отца. Ты знаешь меня, я много могу вынести; притомъ она меня любитъ, насколько способна вообще любить, даже иногда мнѣ удается имѣть на нее вліяніе; но сердце мое сжимается когда я воображу тебя на своемъ мѣстѣ: что бы ты перечувствовала, моя бѣдная Анята! Сколько униженій пришлось бы тебѣ вы-

нести въ продолженіе дня. Какъ ни тяжело для такихъ какъ ты жить въ чужомъ домѣ, съ людьми необразованными, но вспомни, другъ мой, что тебя могла бы постигнуть еще худшая участь елибы меня не было на свѣтѣ. Вотъ почему мнѣ не хочется умирать, какъ ни тяжела моя доля. Не слѣдовало бы мнѣ такъ писать, но сердце переполнено горечи, а ты вѣдь для меня самая близкая и милая. Прощай, дай Богъ тебѣ дойти до душевнаго спокойствія, хоть бы даже путемъ тяжелыхъ испытаній. Обвиняетъ тебя другъ твой

„Елена Курбинская.“

Анна съ волненіемъ прочла это письмо и долго бессознательно держала его въ рукахъ. Прошедшее мелькало предъ нею въ безчисленныхъ образахъ, а настоящее томило ее.

„Бѣдная, бѣдная тетя Леля“, думала она, и образъ старой дѣвицы, горбатой, съ безпредѣльно добрымъ и кроткимъ выраженіемъ лица, представился ея воображенію. „И я не могу сласти ее отъ этой фигурі!“ думала она.

Вспомнила она высокую, костлявую фигуру бабки, съ вѣчно безлокойными, зеленовато-сѣрыми глазами, ея затаенное шипѣніе, когда злоба въ ней кипѣла; какъ трепетали предъ нею крѣпостные и какъ ея сынъ, отецъ Анны, всегда отвѣчалъ уклончиво когда кто-нибудь разспрашивалъ его про мать. Вся эта семейная драма снова сжала ей сердце, и ей стало грустно, несказанно грустно...

Вдругъ на дѣвственѣ послышались скорые шаги Наденьки.

— Анна Николаевна! воскликнула она весело:—Братъ Сама пишетъ что онъ пріѣдетъ сюда на лѣто. Какъ я рада его видѣть! Я едва помню его маленькимъ.

Анна была еще подъ впечатлѣніемъ совѣтовъ тетки, а потому сдѣлала усиліе надъ собой чтобы холодною встрѣчей не испортить радости Наденьки. Хотя она въ эту минуту рѣшительно не могла радоваться пріѣзду Акулина, но постаралась улыбнуться, протянула ей руку и поздравила ее съ пріятною вѣстью.

Когда она сошла внизъ съ Наденькой, то застала и барыню и прислугу въ весьма возбужденномъ состояніи.

— Надобно будетъ приготовить ему кабинетъ покойнаго Ивана Антоновича, говорила мать,—комната въ сторонѣ, никто не помѣшаетъ ему тамъ заниматься когда вздумаетъ.... А куда дѣвались его удочки?... Охъ, мой голубчикъ, вѣдь

прежде такой былъ охотникъ рыбу удить. Пошлю въ городъ, вѣду ему тамъ вычистить ружье покойника.

— Ахъ, маменька, какъ я рада Сашину прїѣзду! Мы теперь съ нимъ можемъ вездѣ побывать, верхомъ ѣздить, на лодкѣ кататься, ѣздить къ сосѣдямъ. Какъ будетъ весело!

Наденька скакала по комнатамъ и схвативъ неловоротливую Парашу за талию начала съ ней кружиться. Прощка и Машутка засмѣялись. Подали ужинъ. Анна, подъ впечатлѣніемъ наставленій тетки, старалась принимать участіе въ общей радости. Она навела Любовь Петровну на разказъ изъ дѣтства Саши, чувствуя что матери хотѣлось говорить о сынѣ, и что въ эту минуту ничего не могло быть для нея прїятнѣе какъ посвящать новое лицо въ геніальныя проказы Александра Ивановича. Курбинская слушала, повидимому, внимательно, но въ сущности очень разсѣяно.

Послѣ ужина она простилась съ обѣими Акулиными и ушла въ свою комнатку. Какъ любила она этотъ часъ отдыха и одиночества! Цѣлый день она должна была жить для другихъ, и эта зависимость тяготила ее очень.

Когда мысли ея успокоивались отъ впечатлѣній дневныхъ дрязгъ, она брала какую-нибудь заветную книгу изъ маленькой своей библиотеки и читала съ часъ или болѣе.

Сегодня она дольше обыкновеннаго просидѣла у окна.

„А что бы я сдѣлала на мѣстѣ тети Леди? думала она.— Неужели эта злая старуха и меня бы такъ мучила? Я не понимаю откуда у ней берется столько терпѣнія! Зачѣмъ ей, этой ангельской душѣ, выносить такую ежедневную пытку? Такъ она и умереть не узнавъ счастья. Нѣтъ, я бы не вынесла всѣхъ этихъ изысканныхъ оскорбленій.... Я такъ любила только въ жизни отца, тетю Лелю и доктора Гертнера, моего стараго друга. Вѣрно я бы и мать любила всюю душой если бы знала ее. О, зачѣмъ она такъ рано умерла!“

III.

Не мудрено что въ Акулинской усадьбѣ не было другихъ разговоровъ какъ о прїѣздѣ юнаго представителя рода Акулиныхъ. Наденькѣ казалось что съ прїѣздомъ брата наступитъ для нея цѣлый рядъ праздниковъ, и мечтамъ ея не было конца. Аннѣ надобно эти вѣчные разговоры объ Александрѣ, хотя она и

старалась слушать не безъ участія, а потому она съ особеннымъ удовольствіемъ согласилась на предложеніе Наденьки пойти съ нею въ лѣсъ, за три версты отъ деревни. Это было спустя два дня по полученіи письма Александра.

Сначала дорога ихъ шла по межѣ, покрытой сочною молодою травой. Апрельское солнце лекло не хуже июньскаго, такъ что вскорѣ щеки молодыхъ дѣвицъ покрылись яркимъ румянцемъ. Поля жаждали влаги. Щетины озимей едва придавали зеленый оттѣнокъ сѣрымъ кочковатымъ бороздамъ. Анна указала Наденькѣ на черныя тучи.

— Какъ бы насъ не застала гроза, замѣтила она.

— Это далеко, пройдетъ мимо; вѣтеръ въ другую сторону, отвѣчала Наденька и нагибалась безпрестанно за каждымъ жучкомъ.

Наконецъ онѣ пришли въ лѣсъ. Здѣсь пахнуло на нихъ сильнымъ ароматомъ отъ распускавшихся березовыхъ почекъ.

— Присядемте, Анна Николаевна. Здѣсь такъ хорошо! воскликнула Наденька.—Нечего торопиться домой.... Или вѣтъ, пойдемте дальше. Мы скоро выйдемъ на большую дорогу по которой чрезъ мѣсяцъ пріѣдетъ нашъ Саша.

Не успѣли онѣ дойти какъ небо надъ ними покрылось черными тучами и раскаты грома слышались явственно.

— Надо скорѣй домой, сказала Анна.—Посмотрите вверхъ. Наденька испугалась.

— Намъ не миновать грозы, Анна Николаевна. Мы въ четырехъ верстахъ отъ дому.... Что намъ дѣлать? Вѣдь мы промокнемъ до послѣдней ниточки.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы не успѣемъ уйти отъ дождя.... Но здѣсь гдѣ-то стояла караулка.... по этой тропинкѣ кажется....

И Анна взяла за руку дрожавшую Наденьку и побѣжала съ ней пока онѣ не очутились предъ крошечною избой съ плетеными сѣнями. Пора имъ было пріютиться: крупныя капли начинали падать на нихъ. Старикъ караульщикъ встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ. Сначала онъ глядѣлъ на нихъ съ недоумѣніемъ, потомъ поклонился имъ въ поясъ и привѣтливо засмѣялся отрывистымъ старческимъ смѣхомъ.

— Чай васъ, барышни, дождь напужалъ! Сюда пожалуйте, въ избежку, а то васъ здѣсь дождь зальетъ.

Дѣвицы вошли, задыхаясь отъ быстрого бѣга, и успѣли въ углу тѣсной, темной избы, съ дымнымъ, удушливымъ

залахомъ. Дождь началъ бить и плескать о миниатюрныя стекла. Убѣжище ихъ показалось Наденькѣ очень неудобнымъ.

— Ты, дѣдушка, одинъ тутъ живешь? спросила она, поглядывая на полъ и лавки, покрытыя толстою корою грязи.

— Одинъ, матушка барышня; вотъ ужь пятый годъ какъ хозяйка у меня умерла.—Старикъ закашлялся и закричалъ; потомъ прибавилъ:—Съ ней будто все не такъ скучно было. А теперь у меня только котъ вонъ остался, да пчелы около избенки, все твари неразумныя.

Послышался сильный раскатъ грома, почти совладавшій съ яркимъ блескомъ молніи. Старикъ пробормоталъ: „Господи Іисусе Христе!“ и перекрестился. Наденька перелуганная прижалась къ Аннѣ, какъ ребенокъ къ матери.

Вдругъ громъ раздался съ такою силой что обѣ дѣвушки невольно вскочили съ мѣста. Большое дерево, шагахъ въ двадцати отъ избы, пошатнулось и рухнуло о землю.

— Ударило! Съ нами крестная сила! могъ только проговорить старикъ.

Наденька заллакала со страху. Анна зачерпнула красною деревянною чашкой воды изъ ведра и уговорила ее вылить и успокоиться.

Въ эту минуту общей тревоги никто не замѣтилъ какъ отворилась дверь и въ избу вошелъ человекъ въ каучуковомъ плащѣ и высокихъ сапогахъ. Наденька первая увидѣла незнакомца и слегка крикнула отъ удивленія.

— Виновать, я васъ кажется напугалъ, сказалъ чужой, снимая мокрый плащъ.—Позвольте себя рекомендовать: я новый помѣщикъ Благовѣщенскаго, Краснопольскій.

Дѣвицы отвѣтили на почтительный поклонъ, и новый ихъ знакомый обратился къ старику:

— Лошадь моя стоитъ у тебя въ сѣняхъ, старикъ; обожду грозу. Вы позволите мнѣ присоединиться къ вашему обществу? прибавилъ онъ, любезно обращаясь къ дѣвицамъ.—Нужно поблагодарить грозу за такую пріятную встрѣчу.

Сказавъ это, онъ сѣлъ у противоположной стѣнки, испросивъ на то позволеніе взглядомъ. Приемы его были такъ любезны и почтительны что Анна въ знакъ согласія слегка поклонилась, а Наденька до того оправилась отъ перваго искуса что вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Мы живемъ въ Акуловкѣ; насъ застала гроза въ лѣсу,

во время прогулки; молнія ударила тутъ совсѣмъ близко, ужь такъ я перелугалась!

— Конечно, отвѣтилъ онъ съ тонкою улыбкой;— всѣ дѣвцы любятъ пугаться; онѣ знаютъ какъ это имъ къ лицу. Что можетъ быть пріятнѣе какъ явиться защитникомъ слабой, пугливой женщины, поддержать ее храбрость и быть ея оло-рою! А вы не услугались? прибавилъ онъ, обращаясь къ Аннѣ.

— Къ несчастію, нѣтъ. Вамъ не представляется случая поддерживать мою храбрость, отвѣчала она улыбаясь.

Къ Аннѣ удивительно шла улыбка, и въ рѣдкія минуты веселости она была обворожительна. Краснополскій взглянулъ на нее глубоко и пытливо, какъ будто разомъ желая ее разгадать. Странные были у него глаза! Трудно было сказать положительно какого они были цвѣта; въ нихъ только видѣлся общій блескъ. Взглядъ этотъ смутилъ Анну; она почувствовала что тутъ дѣйствуетъ не простое любопытство, а желаніе проникнуть ей въ душу. Однако впечатлѣніе произведенное на Анну этимъ взглядомъ было довольно пріятное, хотя краска и выступила слегка на ея блѣдномъ лицѣ.

„Что жь, думала она, пусть изучаетъ. Я отъ этого не проиграю.“

Ей хотѣлось, съ своей стороны, узнать его тайныя мысли, и когда онъ снова занялся разговоромъ съ Наденькой, она старалась прочесть на лицѣ его какой у него характеръ и темпераментъ.

Краснополскій былъ лѣтъ тридцати, выше средняго роста, строенъ. Густые темные волосы его были зачесаны кверху и падали съ темени на затылокъ. Лобъ былъ не высокій, но сильно развитъ въ ширину. Надъ густыми черными бровями видѣлась горизонтальная морщина. Носъ былъ прямой, довольно правильный; густая черная борода очень шла къ его ослѣпительно бѣлымъ зубамъ и къ краснымъ, нѣсколько толстымъ губамъ. Сильный загаръ придавалъ его энергичному лицу еще болѣе мужественности. Вообще наружность его не представляла ничего необыкновеннаго, хотя онъ былъ красивъ и выраженіе лица его было умное. За то въ манерахъ его высказывался челоувѣкъ хорошаго общества. Улыбка была тонкая, пріятная, располагающая въ его пользу.

Такъ должно-быть думала и Наденька, потому что забыла всякую робость и весело болтала. Она призналась ему какъ

рада она была кончить скучное ученье, съ какимъ нетерпѣнiемъ ждетъ брата. Краснополскій видимо забавлялся ея дѣтскою наивностью; онъ шутилъ съ ней и дразнилъ ее какъ ребенка. Изрѣдка его пристальный взоръ устремлялся на Анну.

„Что ему надо?“ думала она.

Разговаривая съ Наденькой, Краснополскій часто обращался и къ Курбинской. Отъ Анны не ускользнуло что голосъ и выраженiе лица его тогда совершенно мѣнялись. Улыбка исчезала; въ голосѣ слышалась мягкая, кроткая нота. Въ такомъ тонѣ говорить обыкновенно съ людьми претерпѣвшими недавно горестную потерю. Тутъ видно желанiе развлечь и вмѣстѣ опасенiе какъ-нибудь не оскорбить чувства неумѣстнымъ словомъ.

Когда гроза прошла, Краснополскій предложилъ отправиться въ Акуловку и уведомить Любовь Петровну гдѣ ея дочь и куда послать экипажъ, плащи и калоши.

— Благодарю васъ, вы очень добры, отвѣчала Наденька. Пока онъ одѣвался, она прибавила:—Надѣюсь маменька васъ не отпуститъ и мы съ вами еще увидимся.

Она покраснѣла сказавъ эту фразу вѣжливости; ей было прiятно что она сумѣла выразиться такъ любезно, и вмѣстѣ стыдно, потому что вѣжливый тонъ ея прикрывалъ искреннее желанiе, и она еще не привыкла хитрить.

Молодой человекъ отвѣтилъ поклономъ; потомъ онъ почтительно поклонился Аннѣ и снова устремилъ на нее свой особенный взглядъ. Она однакоже не выказала ни малѣйшаго ощущенiя отъ этого взгляда, холодно, но вѣжливо ему поклонилась и по уходѣ его равнодушно начала говорить о немъ съ Наденькой, не сообщая ей никакихъ своихъ тайныхъ предположенiй. Когда онъ чрезъ часъ вернулись домой, Аркадiй Федоровичъ Краснополскій сидѣлъ съ Любовью Петровной за чайнымъ столомъ, съ оживленiемъ разговаривая съ ней о хозяйствѣ. Онъ хвалилъ ея коровъ и лошадей, которыя возвращались домой мимо ея оконъ, и любовался удобнымъ расположенiемъ ея комнатъ. Акулина съ прiятною улыбкой выслушивала его похвалы, и будто заведенная табатерка съ музыкой, сыграла съ начала до конца всѣ свои пiесы: о ловзкахъ въ Петербургъ, о знатной роднѣ и т. д. Были также грустные, тоскливые напѣвы, а именно: о нѣкоторыхъ затруднительныхъ дѣлахъ со становымъ.

Молодой помѣщикъ выказывалъ необыкновенный тактъ: выслушивалъ, одсрлалъ, совѣтовалъ, объяснялъ такъ дѣльно и толково что даже Любовь Петровна начинала ловимать въ чемъ дѣло, и тогда новый знакомый, налившись чаю, распростился съ ней, она въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ высказала ему желаніе видѣть его почаще у себя.

— *Venez toujours sur une assiette de soupe*, приглашала она очень любезно.

Къ счастью, Аркадій Федоровичъ былъ уже на крыльцѣ и успѣлъ вовремя свѣсть на лошадь и ускакать, а то бы едва ли ему удалось скрыть впечатлѣніе произведенное на него забавнымъ руссицизмомъ Любви Петровны.

„А непременно нужно выразаться на французскомъ діалектѣ, думалъ онъ. — Забавная барыня!... Очень ужъ наивная. Воображаю какъ лотѣшалась надъ ней знатная родня въ Петербургѣ. А дочка миленькая.... Но тою, другою интересно было бы позаняться; ее стоитъ изучить.... Кажется я началъ не дурно. Надо обращаться съ ней иначе чѣмъ съ Наденькой и брать покорностью, благоговѣніемъ.... Тогда можетъ-быть эта богиня сойдетъ съ своего Олимпа чтобъ утѣшить бѣднаго смертнаго. Наденька та сама набѣжить безъ особенныхъ стараній съ моей стороны.“

Еслибъ Анна съ Наденькой могли угадать мысли этого красиваго, привлекательнаго молодаго человѣка, то это бы ихъ сплало въ послѣдствіи отъ многихъ тяжелыхъ минутъ. Онъ удивительнымъ чутьемъ сразу разгадалъ двѣ совершенно противоположныя натуры и расположилъ ихъ въ свою пользу. Наденька уже глядѣла на него глазами покорной ученицы. Разговоръ его съ матерью далъ ей высокое мнѣніе о его умѣ и она съ благодарностью помнила какъ такой необыкновенный человѣкъ весело и снисходительно болталъ съ ней объ институтѣ.

„Что онъ обо мнѣ думаетъ?... Вѣрно онъ находитъ что я ужасно неразвита!... размышляла она. — Ужъ не наговорила ли я ему какого-нибудь страшнаго вздора? Онъ такой умный, образованный человѣкъ, а я съ нимъ болтала какъ съ мальчишкой!“

„Хотѣлось бы мнѣ его разгадать, думала Анна. — Онъ снисходить къ чужимъ пошлостямъ, но въ глазахъ его таится что-то. Желала бы я чтобъ онъ высказался.... Какую онъ

дѣлаетъ разницу между Наденькой и мнѣ!... Кажется оя умѣеть распознавать людей.“

Въ этомъ по крайней мѣрѣ Анна не ошибась.

IV.

Когда на слѣдующее воскресенье Аркадій Федоровичъ обѣдалъ у Акулиныхъ, ему удалось побѣдить несообщительность Анны и вовлечь ее въ очень оживленный разговоръ. Рѣчь шла о будущей карьерѣ Александра Акулина; Любовь Петровна желала узнать о томъ мнѣніе гостя.

— Не могу дать вамъ безпристрастнаго совѣта, отвѣчалъ Краснопольскій.— Мои желанья и стремленья всегда клонятся больше къ независимости нежели къ бластательному положенію въ свѣтѣ. Какую карьеру въ гражданской службѣ я бы ни выбралъ, мнѣ пришлось бы проходить годы несамостоятельнаго, одуряющаго бюрократическаго труда, быть смиреннымъ исполнителемъ чужихъ плановъ, часто для меня неслыхныхъ. Первые стулени нашей гражданской службы точно фабричная работа. Человѣкъ по цѣлымъ годамъ принужденъ подкладывать брусья подъ молотъ, машинально, безъ участія его лучшихъ силъ: такъ и наши служаки сидятъ по цѣлымъ годамъ за извлеченьями изъ разныхъ дѣлъ, отношеніями и другими образчиками бюрократической литературы. Я чувствовалъ что такая дѣятельность мнѣ слишкомъ надоесть, а потому бросилъ надежду на чины и награды, жилъ сначала управляющимъ у одного изъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и, послѣ нѣсколькихъ годовъ лишеній и труда, самъ наконецъ сдѣлался помѣщикомъ. Теперь я обезпеченъ на всю жизнь и не обязанъ слушаться чужихъ приказаній. Конечно первые годы моей дѣятельности были не легки; я долженъ былъ работать какъ волъ, вставать съ лѣтухами и послѣввать всюду. За то я съ самаго начала былъ самостоятеленъ; никто не мѣшалъ мнѣ развернуться. Мои планы, приемы, соображенія, не подвергались постоянному контролю какой-нибудь тупоумной особы. Только бы я посылаалъ хорошіе доходы, а все прочее предоставлялось моему собственному благоусмотрѣнію.

— Вы, кажется, очень любите независимость, замѣтила Курбинская.

— Скажите лучше что она служить непремѣннымъ условіемъ моего существованія. Могу сказать безъ самохвальства что мои желанья умѣренны и вовсе не противны общему благу; за то я не хочу чтобы мнѣ мѣшали дѣйствовать какъ я считаю полезнымъ. Роль администратора, хотя въ самой тѣсной рамкѣ, для меня гораздо пріятнѣе роли подчиненнаго съ самыми блестящими надеждами. Но если другіе не раздѣляютъ моихъ взглядовъ, то я ихъ за то не осуждаю. Понятно что для многихъ канцелярская служба вовсе не безотраднa и что они охотно соглашаются ждать у моря погоды.

— Я вамъ сочувствую, сказала Курбинская задумчиво. — На вашемъ поприщѣ легче осуществить то что составляетъ лучшую часть нашей внутренней жизни. Вы можете многое сдѣлать для вашихъ крестьянъ.

— Конечно, вы совершенно правы.... Время дорого.. Скоро же я позволю себѣ какое-нибудь улучшение въ полевомъ хозяйствѣ чѣмъ быть равнодушнымъ къ такому священному дѣлу. Я уже началъ готовить умы къ открытію школы.

Тутъ Краснополскій, на вопросъ Анны, началъ объяснять ей всѣ затрудненія которыя грозятъ его плану со стороны родителей-поселянъ.

— Конечно я могъ бы просто приказать, прибавилъ онъ, — но мнѣ кажется что въ такихъ вещахъ не слѣдуетъ поступать слишкомъ круто. Лучше убѣдить. Я достаточно ознакомился съ характеромъ русскаго мужика, и не отчаиваюсь въ успѣхъ.

Слова Краснополскаго, въ которыхъ слышалось спокойное сознаніе собственной силы, его гордое стремленіе къ независимости, наши живой отголосокъ въ душѣ Анны.

„Вотъ настоящій дѣятель, думала она: сколько въ немъ ума, силы, практическаго знанія жизни и благородства.“

Послѣднее качество она ошибочно приписывала своему ловкому собесѣднику. Но кто же въ состояніи съ перваго взгляда отличить искусную позолоту отъ настоящаго золота? А Аркадій Федоровичъ былъ искусный игрокъ и отлично изучилъ всѣ приемы благомыслящихъ людей. Зашла рѣчь о чтеніи. Краснополскій обѣщавъ привезти недавно вышедшій романъ, надѣлавшій много шума, и дѣйствительно на слѣдующій вечеръ привезъ его и сталъ самъ читать его вслухъ.

Голосъ его былъ пріятный и интонація правильная, такъ

что дѣвицы слушали его съ удовольствіемъ. Сначала подъ предлогомъ окончить книгу, потомъ по праву привычки, онъ началъ пріѣзжать очень часто въ Акюловку. Съ каждымъ разомъ онъ выигрывалъ все больше во мнѣніи своихъ трехъ собесѣдницъ. Всѣ слова его такъ и дышали доброжелательствомъ, умомъ, энергіей и скромностью истинно достойнаго человѣка. Онъ владелъ искусствомъ всѣмъ угождать, никогда не показывая вида что заискиваетъ чье-нибудь расположеніе. Онъ казался внимательнымъ ко всѣмъ только вслѣдствіе врожденнаго добродушія. Но въ чемъ онъ особенно хорошо успѣвалъ, это—ухаживать за обѣими дѣвицами разомъ. Каждая имѣла полное право думать что она одна причиною его частыхъ посѣщеній. Когда ему удавалось быть пять минутъ наединѣ съ Анной, онъ всегда умѣлъ пустить какой-нибудь тонкій намекъ который подтверждалъ въ ней увѣренность что онъ для нея только терпитъ общество Акулиной и ребенка Нади. Наденьку опять ему удавалось убѣдить что она одна ему нравится. Но все это не высказывалось ясно, а ловко намекалось. Онъ зналъ что если мушкетеръ удастся занять въ своемъ отсутствіи мысли женщины собою, то онъ уже много выигралъ. Поэтому онъ любилъ задавать загадки, разчитывая что разгадкою ихъ займутся дѣятельно въ его отсутствіи. Эта уловка не отличается новизною; многіе *сердцеды* даже стараются въ началѣ знакомства возбуждать ненависть къ себѣ единственно чтобы занять собою мысли той которую желаютъ побѣдить. Какъ скоро этотъ результатъ достигнутъ, успѣхъ бываетъ несомнѣнный при сколько-нибудь искусной игрѣ. Какъ ни ловокъ былъ Аркадій Федоровичъ, однако не вполне остался собою доволенъ. Прошли четыре недѣли со дня встрѣчи въ караулкѣ, а Анна еще ничѣмъ не показала что интересуется имъ. Онъ добился только того что она съ нимъ говорила, а съ другими молчала. Ни слова надежды, ни одного нѣжнаго взгляда, ни одного теплаго, дружескаго пожатія руки. Наденька—другое дѣло: та мигомъ въ него влюбилась такъ наивно, откровенно, довѣрчиво что онъ считалъ для нея дальнѣйшую подготовку лишнею. Оставалось только терпѣливо выждать случая.

Дождались наконецъ пріѣзда студента Александра Акулина, красиваго блондина съ женоподобнымъ лицомъ. Мать и сестра были вѣвѣ себя отъ удовольствія и въ первые дни про-

ото не знали чѣмъ бы его побаловать. Аннѣ показалось что онъ холодно отвѣчалъ на всѣ ихъ ласки; въ немъ видна была принужденность и неискренность. Случалось ли спросить его мнѣнія насчетъ устройства его комнаты или объ обвѣдѣ, онъ всякій разъ замѣчалъ равнодушно: „Какъ хотите, мнѣ все равно.“ А когда приставали, онъ нетерпѣливо отвѣчалъ: „Ахъ, оставьте меня въ покоѣ! Это такіе пустяки что и говорить не стоитъ; дѣлайте какъ знаете!“ „У него все науки въ головѣ“, говорила Любовь Петровна. Но Наденька не на шутку огорчалась что такъ жестоко ошиблась въ братѣ. Ей никакъ не удавалось довести его до откровенной, родственной болтовни, и она ясно увидала что ей не придется съ нимъ гулять, кататься верхомъ и навѣщать сосѣдей. Досада ея часто доходила до слезъ, и не желая огорчить мать, она прибѣгала къ Аннѣ и разказывала ей все свое горе и разочарованіе. Курбинская, послѣ двухъ-трехъ дней, успѣла разгадать характеръ Александра. Она не раздѣляла мнѣнія матери чтобъ его угрюмость и равнодушіе были слѣдствіемъ его ученыхъ занятій. Ни одна черта въ лицѣ его не выражала твердой воли и серіозной мысли. Несмотря на свои двадцать два года, онъ скорѣе походилъ на милаго мальчика чѣмъ на взрослого юношу. Онъ былъ средняго роста, худенькій; походка его была не твердая, онъ слегка переваливался съ боку-на-бокъ; мягкія черты лица его заслужили ему между товарищами прозвище *барышня*.

Изъ словъ матери и людей Анна заключила что алатичность и разсѣянность вовсе не лежали въ характерѣ молодого Акулина, а потому она старалась угадать причину такой внезапной въ немъ переменны. „Должно-быть его что-нибудь мучить, о чемъ онъ боится говорить“, думала она.

Бывали между ними разговоры о разныхъ современныхъ волросахъ. Александръ судилъ очень рѣзко и выражалъ большее негодованіе на людей вообще и на женщинъ въ особенности, называлъ ихъ лустыми, скучными, отвергалъ ихъ семейныя обязанности и между нимъ и Курбинской затѣвался горячій споръ. Иногда, вслѣдствіе ея доводовъ, онъ неясно сознавалъ что наговорилъ страшный вздоръ; но это его не слшкомъ безлокоило. Онъ утѣшался тѣмъ что преклонялся предъ необыкновеннымъ умомъ Анны. Онъ началъ благоговѣть предъ ней и—остерегаться ея.

За то къ матери и къ сестрѣ онъ отосился съ пренебре-

женіемъ и мѣнѣе его объ умѣ и пониманіи жизни Любови Петровны было самое невыгодное. Когда она съ нимъ о чемъ-нибудь толковала, презрительная мина его всегда выражала: „Какое бабѣе! Хоть бы это имѣло какой-нибудь смысл!“ Наденька въ его глазахъ казалась какою-то дурочкой, съ которою ни о чемъ нельзя поговорить. Онъ былъ еще на той ступени развитія когда человѣку недоступно удовольствіе изучать другаго человѣка, хоть бы ребенка; онъ требовалъ отъ людей только того чтобъ они дали ему случай порисоваться.

— Тебѣ бы слѣдовало съѣздить къ Аркадію Федоровичу, объявила Акулина вскорѣ по пріѣздѣ сына.—Онъ съ нами очень сблизился.. не ловко у него не быть. Ты бы кстати заѣхалъ и къ Кутасовымъ; пригласи ихъ у насъ въ воскресенье отобѣдать. Какъ бы тебя не приняли за какого-нибудь мовежаръ, если ты не окажешь имъ этого маленькаго вниманія.

— Увольте, маменька, объявилъ Александръ,—я пріѣхалъ въ деревню не для визитовъ; мнѣ хочется отдохнуть, ложиться на свободѣ, а тутъ изволь заниматься туалетомъ и натягивать лайковыя перчатки!

— Важность какая, разсмѣялась Наденька;—ужь ты черезчуръ нѣжничаетъ! Извольте-ка идти въ свою комнату, пригладить волосы, переодѣться и явиться сюда прелестнымъ молодымъ человѣкомъ. Я побѣгу и велю заложить маленькій тарантасъ.

Александръ, вмѣсто отвѣта, развалился въ креслѣ и вытянулъ ноги впередъ, а руки закинулъ назадъ, уперевъ на нихъ затылокъ, будто собирался спать. Наденька принялась изо всѣхъ силъ приподнимать его со стула, но безуспѣшно.

Вошла Анна; Александръ выпрямился какъ ученикъ когда учитель входитъ въ классъ.

— На какой это васъ поднимаютъ подвиги? спросила улыбаясь Курбинская.

— Ему надо ѣхать къ Аркадію Федоровичу, отвѣтила за него Наденька,—а онъ ни за чтѣ!....

— Конечно, слѣдуетъ ѣхать; неловко у него не побывать, замѣтила Анна.—Притомъ вы его здѣсь ужь видѣли и знаете что онъ очень умный и любезный человѣкъ.

— Удостоился всемилостивѣйшаго вниманія, счастливецъ! проговорилъ Александръ сквозь зубы. Потомъ, долго не ду-

мая, вскочилъ съ кресла и исчезъ въ свою комнату, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Куда это онъ пропалъ? спросила Наденька въ недоумѣніи.

Минуть черезъ двадцать Александръ явился очень прилично одѣтый, но видимо избѣгалъ взглядовъ матери и двухъ дѣвиць. Онъ началъ рѣскаживать взадъ и впередъ по комнатѣ съ кислымъ лицомъ и храня глубокое молчаніе.

Наденька не вытерпѣла и расхохоталась.

— Какъ это торжественно, воскликнула она.

Александръ остановился предъ ней, руки въ карманѣ, и поглядѣлъ на нее вопросительно и строго.

Прощка пришелъ доложить что лошади у подѣзда. Нечего дѣлать, пришлось ѣхать! За то Александръ выбранилъ предъ отѣздомъ всю прислугу, каждого порознь и всѣхъ вмѣстѣ, за разныя неисправности въ упряжи и въ экипажѣ, что весьма огорчило Любовь Петровну: „это бы все мнѣ слѣдовало сказать этимъ дуракамъ, а я и не замѣтила! вина она себя. Теперь мой бѣдный Саша сердится и портитъ себѣ кровь, а ему бы надо отдохнуть отъ всѣхъ трудовъ!“

По словамъ великаго писателя, та женщина стоитъ выше всѣхъ которая по смерти отца ея дѣтей въ состояніи заступитъ у нихъ его мѣсто. Но какъ мало такихъ женщинъ! Даже самыя развитыя большею частію грѣшатъ слишкомъ большою снисходительностію къ дѣтямъ, и матушкины сынки долго не выведутся.

— Что это ему вдругъ вздумалось ѣхать, а прежде все нѣтъ да нѣтъ, дивилась Любовь Петровна послушанію своего Саши. Она и не догадывалась что ея непокорный сынъ незамѣтно и невольно поддался вліянію блѣдной компаньонки ея дочери. Курбцкая рѣдко высказывала свое мнѣніе, да и то нехотя.

Она никогда не настаивала чтобы непременно исполняли ея волю; но мало-по-малу она стала въ домѣ какимъ-то авторитетомъ. Чуть какое-нибудь затрудненіе — всѣ къ ней. То Любовь Петровна придетъ къ ней и спроситъ куда дѣвать мясо отъ только-что зарѣзанной коровы: — время жаркое, какъ бы не испортилось....

— Да я бы оставила для дома луда два, посолила бы столько же въ прокъ, а остальное послала бы продать на базаръ, отвѣчала Анна, и совѣтъ ея исполнялся буквально.

То прибѣжить горячная:—барышня, не знаете ли какъ вывести пятна отъ ягодъ?—Посоветуйте, Анна Николаевна, куда мнѣ поставить диванъ въ моей комнатѣ, приставаала Наденька. И Анна на всякій вопросъ давала отвѣтъ. Она одна казалась только взрослою въ домѣ, а всѣ прочіе—дѣтми.

Въ характерѣ ея не было той мелочности которая такъ часто оскорбляетъ чужое самолюбіе. Никогда на лицѣ ея не выказывалась та самодовольная улыбка которая такъ ясно выражаетъ:—вотъ я какая умица, что всѣ ко мнѣ прибѣгаютъ; ужъ безъ меня никогда ничего дѣльнаго не уладить!—Она такъ строго наблюдала за собой, такъ боялась проявить какую-нибудь мелкую страсть, что никто и не думалъ остерегаться ея слишкомъ большаго вліянія въ домѣ. Она умѣла оставаться скромною компаньйонкой, исполняла все о чемъ ее просили и что могло входить въ составъ ея обязанностей, была со всѣми вѣжлива, предупредительна безъ фамильярности, и никогда не вмѣшивалась непрошено въ чужія дѣла. Она вела себя такъ осторожно не потому чтобъ очень дорожила расположеніемъ своихъ домашнихъ, но гордость ея возмущалась при одной мысли что ей могли бы сдѣлать оскорбительный упрекъ; а потому она насколько могла щадила чужое самолюбіе.

Александръ вернулся поздно вечеромъ. Про Кутасовыхъ онъ едва уломянулъ, но отъ Краснополдскаго былъ въ восторгѣ.

— Вотъ ужъ хозяинъ на славу! повторялъ онъ.—Порядокъ у него вездѣ какой! Да какой дѣятельный! Тутъ онъ предполагаетъ устроить прудъ для винокуреннаго завода, тамъ строится у него прекрасная овчарня для мериносовъ. А коровъ какихъ онъ накулилъ!... да какъ дешево!

— Oui, c'est un homme très distingué, согласилась мать.— А propos, chère Nadine, что ты завтра надѣнешь? Надѣнь свое голубое шелковое платье. Неправда ли, Анна Николаевна, оно ей будетъ очень къ лицу?

— Къ Наденькѣ очень идетъ ея розовое полубатистовое платье. Кажется было бы приличіе надѣть его дѣтмомъ, въ деревнѣ, отвѣтила Анна.

— Да, въ самомъ дѣлѣ; я о немъ и позабыла... Ну, а какъ вы думаете, мнѣ хорошо надѣть мой бѣлый шитый калотъ и куафюру съ розовыми лентами?

— Наденька ужъ будетъ въ розовомъ; не лучше ли вамъ надѣть вашъ челчикъ съ зелеными лентами?

Вечеромъ, когда Анна уже легла спать, Наденька вошла къ ней на верхъ и сѣла къ ней на постель.

— Какъ бы я желала взглянуть когда-нибудь на хозяйство Аркадія Федоровича! сказала она.—Александръ увѣряетъ что у него тамъ такъ хорошо.

— Жаль что онъ не женатъ, тогда бы ничто не помѣшало намъ съѣздить къ нему и удовлетворить наше любопытство, отвѣчала Анна.

— А какъ вы думаете, Анна Николаевна, на какой онъ женится дѣвушкѣ? спросила Наденька какъ-то нерѣшительно.

— Я думаю на той которая будетъ въ состояніи его любить, отвѣтила Курбинская. Хорошо что не было огня въ комнатѣ и никто не видѣлъ какъ Анна покраснѣла при этихъ словахъ.

— А мнѣ кажется что онъ женится на той которая его больше всѣхъ полюбитъ.

— Умному человѣку не довольно одной любви, ему нужна полная симпатія.

Наденька вздохнула, встала и отправилась въ свою комнату.

Анна была встревожена. До сихъ поръ Наденькины чувства къ Краснопольскому казались ей ребячествомъ, институтскимъ обожаньемъ. Теперь же они показались ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

— Что жъ такое? ну, выйдетъ за него... что ей мѣшаетъ? Очень буду за нее рада, хитрила она сама съ собою.

Какъ бы то ни было, а радости она никакой не чувствовала; напротивъ, при одной мысли о возможномъ бракѣ Наденьки съ Краснопольскимъ что-то щемило ей грудь, и сердце ея билось тревожно.

— Что это со мной сегодня вечеромъ? вѣрно душно здѣсь..

Она встала, накинула на себя легкой леньюаръ и отворила окно. Но душевная тревога ея не унималась... Долго сидѣла она предъ окномъ, и гордое сердце ея всѣми силами боролось съ тѣмъ что она называла глупыми грезами. Наконецъ усталость взяла свое, и она къ утру заснула тревожнымъ сномъ.

V.

Нельзя сказать чтобы сонъ Наденьки былъ спокойнѣе. Она такъ бросалась по постели что уронила подушку на полъ и, вѣрно, вслѣдствіе низкаго положенія головы, видѣла во снѣ страшную дичь. Разъ она даже громко вскрикнула; ей представилось что всѣ коровы Аркадія Ѳедоровича погнались за ней. На другое утро было воскресенье, то самое въ которое Акулина ждала гостей. Барышни отправились къ обѣднѣ, немного блѣднѣй обыкновеннаго. Обѣ молились усердно. Анна искала силы побѣдить то странное, волновавшее ее чувство въ которомъ она еще не умѣла отдать себѣ отчета, а Наденька прибѣгала ко всѣмъ святымъ чтобъ они ей помогли тронуть сердце Аркадія Ѳедоровича. Потомъ вдругъ ей казалось что этому не бывать, и слезы выступали на глазахъ ея.

Когда онѣ вернулись, Любовь Петровна сидѣла съ Александромъ за чайнымъ столомъ. Заботливая хозяйка на этотъ разъ не рѣшилась уѣхать изъ дому когда ждала гостей, и ей нужно было распорядиться насчетъ обѣда. Она, какъ ни охала, ни каялась, но все же не поѣхала къ обѣднѣ.

Александръ же просто проспалъ. Онъ съ большимъ аппетитомъ, безъ всякихъ вздоховъ и раскаянія, распивалъ свой чай и равнодушно выслушивалъ упреки матери о недостаткѣ въ немъ набожности.

Но некогда ей было терять времени. Въ домѣ всѣ суетились, какъ пчелы предъ роеніемъ; но дѣло не подвигалось потому что главный полководецъ, Любовь Петровна, не составила себѣ опредѣленнаго плана кампаніи. Она безтолково звала людей то въ одинъ конецъ, то въ другой, отрывала ихъ отъ нужной работы чтобы занять пустяками, суетилась, бранила, такъ что люди хватались за голову желая удержать хоть остатокъ присутствія духа. Конечно Любовь Петровна была разбита на всѣхъ пунктахъ: случились остановки, недоразумѣнья; поваръ изготовилъ три блюда изъ калусты, а картофелю въ супъ не положилъ; часть крема вылилась на бѣлый калоть хозяйки, и Параша должна была замывать его, вмѣсто того чтобы помогать злополучному повару.

Притомъ случилось неприятное столкновеніе дѣла Любви Петровны съ ручкой кострюли, нескромно высунувшейся со

своей лолки. Этотъ послѣдній горестный случай чуть не довелъ жертву до нервного припадка. Къ счастью, Анна принесла еще вовремя сахарной воды.

Любовь Петровна принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ которыхъ называютъ хорошими хозяйками только потому что гости видятъ ихъ въ постоянныхъ хаолотахъ. Но суетня Акулиной ни къ чему не вела, а только замедляла ходъ хозяйственного механизма.

Сначала она торопилась отдавать приказанія; потомъ ей приходило на умъ что эти приказанія неудобисполнимы, и она съ такою же послѣдностью торопилась ихъ отмѣнить.

Ordre, contre-ordre, désordre! и самое неприятное впечатлѣніе на гостей отъ бѣготки и суматохи.

Гости начинали уже собираться, а никто еще не подумалъ о завтракѣ, до того всѣ увлекались приготовлениями къ обѣду. Къ счастью, Анна скоро поняла что нужно дѣйствовать, а не спрашивать, и, придумавъ вкусный завтракъ изъ наличныхъ припасовъ, сообщила свои мысли хозяйкѣ, которая съ радостью благословила ее на подвигъ. Раньше всѣхъ прикатила знакомая намъ Пелагея Калистратовна.

Послѣ первыхъ привѣтствій она обратилась къ хозяйкѣ съ таинственнымъ видомъ:

— Нельзя ли переговорить съ вами, матушка Любовь Петровна?

Любовь Петровна увела ее въ свою спальню, гдѣ въ пережку лежали святые пластья, заготовленные тарелки, блюда, чашки и закуски. Кромѣ того у Любови Петровны было въ обычаѣ развѣшивать мѣшки съ сухеными грибами по стѣнамъ и украшать окна огромными бутылками съ какимъ-то красноватымъ настоемъ.

Сявъ съ одного стула ночную кофту и челчикъ сомнительной бѣлизны, а съ другаго — ситцевый старый колотъ, хозяйка любезно пригласила гостью присѣсть, и сама опустилась на стулъ вздыхая отъ усталости.

— Я, Любовь Петровна, насчетъ жениха-съ для Надежды Ивановны, начала таинственнымъ шелотомъ старуха, причемъ лицо ея приняло выраженіе какой-то сдержанной торжественности. — Ужъ какъ всѣ хвалятъ Аркадія Федоровича! Такой, говорятъ, разсудительный, хозяйный.... да и богатъ должно-быть. Давно ли пріѣхалъ, а ужъ какъ обзаведся.... любо смотрѣтъ!... Остановила вчера его скотвицу.... Куда,

говору, Акулина Андреевна, торолитесь? Ты лучше разкажи-ко мнѣ что новый вашъ баринъ? Да какой онъ? да какъ хозяйничаетъ? да какъ живетъ? Ну и утѣшила она меня, разказала все, все что только знала... Ну, матушка, ужь подлинно женихъ, женихъ хорошій. И образованный, знаете, книгу ему цѣлый ящикъ привезли, пудовъ съ пять, да на разныхъ языкахъ.... Чай, французскія у него также будутъ. И ужь бѣлая-то, я вамъ скажу.... всего по дюжину.... ей Богу! Коровъ, теперича, у него пятнадцать, а быкъ огромный, страсть какой.

— Аркадію Федоровичъ у насъ бываетъ, Пелагея Калистратовна. Ничего, кажется человекъ хорошій. Но вы однако не торолитесь ему говорить про Наденьку. Съ образованнымъ, знаете, не легко устраивать такіа дѣла.... станешь навязываться, а онъ, пожалуй, на полятную. Надо дать срокъ; пусть сначала узнаютъ другъ друга.

Любовь Петровна очень желала отклонить услуги Пелагеи Калистратовны не потому чтобы считала посредничество наемныхъ свахъ неприличнымъ, но изъ экономическихъ видовъ. Ея воображенію рисовалось какое-то платье, по шестидесяти копѣекъ аршинъ, которое ей придется подарить Пелагеѣ Калистратовнѣ въ награду за неуслышныя заботы о счастіи Надежды Ивановны. „Можетъ-быть Наденька и такъ ему понравится, подумала она,—тогда семь рублей восемьдесятъ копѣекъ въ карманѣ“, разчитала она довольно быстро.

— Ужъ какъ Богу угодно, прибавила она вслухъ, со смиреннымъ взглядомъ на образа;—да будетъ Его святая воля! Однако пора мнѣ къ гостямъ.

Она встала и вошла со старухой въ гостиную. Пелагея Калистратовна не совсемъ осталась довольна результатомъ своихъ дипломатическихъ переговоровъ, сердито пожевывала и усѣлась въ уголокъ, за огромнымъ люцомъ. Оттуда сѣрые глазки ея быстро бѣгали отъ одного къ другому; она ловила каждое слово и жадно набирала матеріалъ для бесѣды съ соседними помѣщицами.

Любовь Петровна застала въ гостиной довольно многочисленную толпу гостей. Тамъ же въ углу былъ накрытъ столикъ съ завтракомъ. Наденька съ Анной угощали всѣхъ и старались занимать гостей. Наконецъ и Александръ рѣшился покинуть свое убѣжище и явиться къ гостямъ. Онъ вошелъ не совсемъ развязно, поклонился дамамъ немного бо-

комъ и подошелъ къ грулѣ мушницъ, стоявшихъ около стола съ завтракомъ, и былъ тутъ встрѣченъ радостными восклицаніями.

— Александръ Ивановичъ, мое почтеніе-съ, произнесъ съ полнымъ ртомъ сухощавый старикъ, протягивая ему лѣвую руку (въ правой онъ держалъ вилку съ соевымъ груздемъ, облитымъ сметаной).—А какъ вѣдь похожъ на покойнаго батюшку своего! Ей Богу, вылитый Иванъ Антонычъ. Время-то какъ летитъ.... Будто сегодня помню какъ мы покойнаго съ Любовью Петровной къ вѣнду провожали.

То былъ Кутасовъ, добрякъ, хотя и нѣсколько залащивый старичокъ, отставной поручикъ, поселившійся въ деревнѣ послѣ Турецкой войны. Онъ хромалъ на одну ногу, а на лбу у него былъ большой рубецъ; это внушало къ нему уваженіе, потому что всѣ считали его равнымъ на войнѣ, между тѣмъ какъ это было только слѣдствіемъ ушибовъ по его близорукости и нетерпѣливому характеру.

Супруга его, Арина Тимофеевна, была женщина дородная и чрезвычайно болтливая. Съ самаго пріѣзда своего въ Акуловку она начала нескончаемый разказъ о своемъ льяномъ ловарѣ, и только за завтракомъ немного пріумолкла.

Тутъ же, за столомъ, сидѣла молоденькая блондинка, невестка Кутасовой, хорошенькая, одѣтая не безъ кокетства.

Она была бойка, вертлява, жила со свекровью какъ кошка съ собакой и подавала поводъ къ сомнѣніямъ въ ея супружеской вѣрности молодому Кутасову, глуловатому, откормленному тельцу, съ широкимъ лицомъ и толстыми губами. Интересная блондинка шумно разговаривала съ Надеждой; она поддразнивала ее, громко хохотала и старалась втянуть въ бесѣду молодаго землебрѣ. Но тотъ никакъ не рѣшался говорить. Отъ времени до времени онъ открывалъ ротъ, но потомъ опять закрывалъ его, не рѣшившись вымолвить слова. Казалось, ему не часто случалось бывать въ обществѣ такихъ очаровательныхъ женщинъ. Когда вошелъ Александръ, Софья Васильевна Кутасова и его не оставила безъ вниманія. Она поражала его лучами изъ своихъ красивыхъ глазъ, пока онъ стоялъ далеко и разговаривалъ съ мушницами, а потомъ ловко улучила минуту когда онъ разсѣянно глядѣлъ предъ собой и позвала его:

— Александръ Ивановичъ! я съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ

извѣстій изъ Казани, моего роднаго города. Сядьте-ка сюда, и разказывайте, я буду слушать.

И Софья Васильевна очень граціозно улеглась въ кресло и уперла головку о пухленькую, бѣленькую руку; въ другой она держала закуренаую палироску. Александръ смутился не менѣе землемѣра; онъ очень покраснѣлъ и пробормоталъ что-то невнятно. Въ эту минуту старуха Кутасова, Арна Тимошеевна, кончила жалобы на повара и замолкла на минуту по необходимости, чтобы набраться воздуха для новаго упражненія легкихъ и языка, какъ скрипачъ иногда останавливается во время игры чтобы наскоро натянуть какую-нибудь струнку. Она взглянула на Александра, на изящную позу невѣстки, и тутъ же порѣшила не допустить чтобы Софья Васильевна свела съ ума этого бѣднаго молодого чело-вѣка и помѣшать ихъ разговору.

— Скажите, Александръ Ивановичъ, вы кажется знаете въ Казани Дранцины? начала она.

Александръ покраснѣлъ еще больше и ничего не могъ выговорить. Софья Васильевна взглянула на свекровь съ укоромъ. Старуха вдругъ пріостановилась, будто съ разбѣгу, и немного сконфузилась. Анна все это видѣла и слышала. Она мигомъ поняла что Кутасовы знаютъ о тайнѣ Александра, и что онъ самъ теперь ли живой, ли мертвый. Жалкій видъ молодого студента возбудилъ въ ней состраданіе, и она захотѣла дать ему случай скрыться на время отъ общества чтобъ оправдаться.

— Принесите же свой альбомъ, Александръ Ивановичъ, сказала она ему;—можетъ-быть у васъ тамъ отыщутся общіе знакомые.

Александръ быстро удалился въ свою комнату. Тамъ онъ бросился на диванъ и закрылъ лицо руками.

„Все пропало!“ шепнулъ онъ; „сосѣди все знаютъ, узнаютъ скоро и мать.... Господи, какой она подыметъ шумъ!... Не открыться ли ей во всемъ, прежде нежели она узнаетъ отъ постороннихъ?... Нѣтъ, порѣшилъ онъ,—языкъ не пошевеливается.... Пусть ужъ отъ другихъ узнаетъ.“

Стыдъ и досада совершенно измѣнили его лицо, онъ чуть не рыдалъ. Наконецъ онъ убѣдился что нужно будетъ преодолѣть свое волненіе.

— Зачѣмъ это я пришелъ сюда? спросилъ онъ себя.—Ахъ да, спасибо Курбинской, выручила меня.

Онъ схватилъ альбомъ и вернулся къ дамамъ.

Мѣсто его около стола занялъ, между тѣмъ, Краснопольскій. Онъ весело шутилъ съ молодою Кутасовой, которая въ эту минуту забыла и Александра, и землемѣра. Анна съ Наденькой занимали, нѣсколько въ сторонѣ, молодыхъ дѣвицъ, двухъ дочерей приходскаго священника. Обѣ однако прислушивались къ словамъ Краснопольскаго, и бесѣда ихъ съ молодыми подростками шла довольно вяло. Сашенька и Машенька, дочери священника, были очень застѣнчивы и считали признакомъ хорошаго воспитанія какъ можно больше молчать. Наконецъ Наденька устала отъ напрасныхъ усилій завязать разговоръ съ этими членами молчаливой академіи и предложила всѣмъ пройти въ садъ и, несмотря на свою молодость и неопытность, сумѣла устроить такъ что очутилась вмѣстѣ съ Краснопольскимъ. Всѣ, кромѣ стариковъ, отправились въ садъ. Молодая Кутасова съ Анной отстали, потому что замѣшкались отыскивая зонтикъ Софьи Васильевны. Она съ нѣкоторою досадою замѣтила что всѣ молодые кавалеры ушли впередъ и пропалъ случай пококетничать съ кѣмъ бы то ни было, хоть бы даже съ землемѣромъ. Она не сумѣла скрыть своего неудовольствія и искала случая выместить его на комъ-нибудь.

— Замѣтили вы, начала она, — какъ моя belle mère, по обыкновенію своему, оллошала? Можете сами посудить что это за безтактная женщина! Хорошо что сама Акулина съежилась какъ угорѣлая и ничего не замѣтила, а то бы жестоко попался бѣдный Александръ Ивановичъ.

— Я поняла что тутъ скрывается какая-то тайна Александра Ивановича, замѣтила Анна, — но онъ мнѣ ее не довѣрялъ; прошу васъ, не разказывайте мнѣ ничего.

— Не понимаю вашей целетильности, возразила Кутасова, — а мнѣ кажется что вамъ нужно узнать въ чемъ дѣло; вѣдь и такъ скоро все сдѣлается извѣстнымъ. Пусть же лучше отъ меня узнаете. Александръ Акулинъ проигрался въ карты; онъ занялъ восемьсотъ рублей у Дравицына, а ужъ какъ онъ расплатится съ нимъ, одинъ Богъ вѣдаетъ.

Анна была поражена. Она не могла себѣ объяснить ни поступка Александра, ни его малодушнаго молчанія.

— Хорошо, нечего сказать! проговорила она въ сердцахъ. — Бѣдная мать все воображаетъ что его тяготятъ ученые труды, а онъ ей готовить вотъ какую радость.

— Что́ это, какъ вы строги, Анна Николаевна! Вѣдь все почти молодые люди увлекаются игрой или кутежомъ, входятъ въ долги и разоряются. Я даже не вспомню ни одного молодаго человѣка между своими знакомыми съ кѣмъ бы не было такихъ лохожденій.

Анна вздохнула.

— Можетъ-быть это и въ духъ времени, возразила она, — но я никакъ не могу извинять дурнаго поступка только потому что онъ часто повторяется. Все же черное остается чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, что ни говори. Какая тутъ разница, взялъ ли Александръ Ивановичъ эти деньги изъ бюро матери безъ позволенія, или проигралъ ихъ? Конечно онъ можетъ раскаяться, и тогда было бы жестоко попрекать его прошедшимъ, но оправдать его нельзя. Удивляюсь какъ общественное мнѣнiе такъ снисходительно относится къ подобнымъ дѣламъ.

Софья Васильевна не знала что́ отвѣтить, но искала случая прервать разговоръ. Она начинала робѣть въ присутствіи такого строгаго судьи. „Пожалуй и меня также казнить“, думала она.—Ахъ посмотрите, воскликнула она вдругъ, обрадованная случаемъ переимѣнить разговоръ, — Аркадій Федоровичъ съ Надеждой Ивановной собираются кататься на лодкѣ. Пойдемте къ нимъ.

„Какъ мнѣ эта дѣвушка не симпатична!“ думала Кутасова, когда спускалась по террасѣ къ рѣкѣ. „Мнѣ такъ неловко съ ней будто мадемуазель Жофруа тутъ со мной (это бывшая гувернантка Софьи Васильевны, дѣвица весьма требовательная). Просто не знаю что́ сказать.... того и гляди разбранятъ или поставятъ въ уголъ.“ На половинѣ спуска онѣ встрѣтили Машеньку съ Сашенькой, отъ которыхъ кавалеръ ихъ давно отказался. Онѣ боялись кататься на лодкѣ и не знали куда имъ дѣваться. Анна почла долгомъ заняться ими, а потому только проводила Кутасову до лодки и вернулась домой съ обѣими барышнями.

Софья Васильевна между тѣмъ забыла про мадемуазель Жофруа какъ только очутилась въ виду всей компаніи и почувствовала что всѣ взоры обращены на нее. Съ рѣзвостью ребенка она пустилась, какъ стрѣла, бѣжать внизъ.

— Возьмите меня! возьмите меня! воскликнула она такимъ тономъ какъ будто счастье жизни зависѣло отъ этой прогулки. Ее усадили не безъ нѣкоторыхъ взвизговъ съ ея

стороны когда лодка покачнулася отъ ея прыжка. Она старалась не напрасно. Молодой землемѣръ и Александръ оба глядѣли съ большимъ участіемъ на всю эту маленькую комедию разыгранную въ честь ихъ, и очень жалѣли что лодка не могла вмѣстить и ихъ. Они, въ обществѣ безсловеснаго мужа Кутасовой, рѣшились идти берегомъ по тому же направленію которое взяла лодка.

— Какъ мило, закричала имъ Софья Васильевна,—что вы остаетесь вблизи. Вы насъ спасете когда будемъ тонуть.

Отправились. Краснопольскій взялся за весла, Кутасова— за руль; но не услѣли они отъѣхать полверсты какъ она начала раскаиваться что лѣжала. Въ увлеченіи своемъ она забыла до какой степени боится воды. Сначала она не хотѣла поддаваться безотчетному страху, рѣзвилась, брызгала водой въ Краснопольскаго, но потомъ вдругъ смолкла и не знала какъ созваться въ такой смѣшной и непонятной слабости. Тутъ ей вздумалось что было бы не безъэффектно сыграть маленькій обморокъ.

— Ахъ! воскликнула она вдругъ:—мнѣ дурно.

Краснопольскій и Наденька сперва думали что она шутитъ, но, взглянувъ на лобѣднѣвшее лицо ея, испугались оба.

— Высадите меня, произнесла она умирающимъ голосомъ. Ея просьбу исполнили тотчасъ же.

Краснопольскій вынесъ ее на берегъ и кое-какъ усадилъ на траву, поддерживая ее все время. Вскорѣ явилась лѣшая компанія. Всѣ очень перепугались, особенно мужъ Софьи Васильевны совсѣмъ растерялся. Онъ метался во всѣ стороны и не зналъ что ему дѣлать.

— Воды! воды! кричалъ Краснопольскій.

Всѣ опротью бросились къ рѣкѣ. Землемѣръ завязъ въ глинистой береговой почвѣ и на нѣсколько секундъ прирость, пока отчаянное усиліе не освободило его. Александръ не зналъ въ чемъ привести воды. Сдѣлалась общая суматоха. Наденька разумѣется заплакала.

— Скорѣй, достаньте ковшикъ изъ лодки, закричалъ опять Краснопольскій.

Александръ бросился къ лодкѣ, зачерпнулъ ковшикомъ воды и мигомъ вернулся. Онъ сталъ на колѣни предъ больной и принялся смачивать ей виски.

Софья Васильевна поняла что минута выздоровленія на-

стала; она подняла томный взоръ на окружавшихъ и такъ быстро начала приходить въ сознание что минутъ черезъ десять на лицѣ ея не осталось никакихъ слѣдовъ дурноты. Краснопольскій подаль ей руку чтобы довести ее обратно въ лодку, но она съ негодованіемъ отказалась отъ этого предложенія и отправилась домой съ мужемъ, Александромъ и землемѣромъ. Послѣдній тоже не принялъ приглашенія сѣсть въ лодку, потому что боялся оставить неизгладимый отпечатокъ на розовомъ платѣ Наденьки своими въ главѣ испачканными салогами. Итакъ Краснопольскій съ Надежкой отправились вдвоемъ. Аркадій Фодоровичъ сложилъ весла и пустил лодку по теченію.

— Какъ хорошо такъ ѣхать! сказалъ онъ, взглянувъ на Надежку ласкающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приковывающимъ пронзительнымъ взглядомъ.

Она покраснѣла и нагнулась къ водѣ, какъ будто хотѣла отыскать на днѣ ея какое-нибудь скрытое сокровище.

— О чемъ вы призадумались, Надежда Ивановна? спросилъ онъ мягкимъ голосомъ.

— Какъ хорошо такъ ѣхать! проговорила она, рѣшительно не зная что сказать, въ такомъ она была смущеніи. Сердце у нея сильно билось; ей казалось что теперь онъ ей скажетъ что-то роковое...

— Неужели эта прогулка такъ скоро кончится? Какъ бы я хотѣлъ замедлить теченіе рѣки! замѣтилъ Краснопольскій съ чувствомъ. Потомъ, немного помолчавъ, онъ прибавилъ тихимъ голосомъ:—Надежда Ивановна, вы не въ состояніи понять того что чувствую теперь я. Всю жизнь свою я мечталъ о встрѣчѣ съ существомъ невиннымъ, любящимъ, добрымъ, съ которымъ бы я могъ подѣлиться всѣмъ лучшимъ что таится въ моей душѣ; и вотъ, я вижу предъ собою то чего искалъ: счастливый случай позволяетъ мнѣ побыть полчаса наединѣ съ вами, и я могу хоть на это короткое время вообразить что я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ.

Будь Надежка лятью годами старше, она бы вѣрно не приняла напыщенныя фразы этой декламациі за выраженіе глубокаго чувства. Она бы или оскорбилась или разсмѣялась. Но Краснопольскій былъ искусный ловець: онъ умѣлъ для всякой рыбки подобрать и приманку. Одну онъ обманывалъ поддѣльною мухой, для другой просто прикрѣплялъ къ удочкѣ

кусочекъ чернаго хлѣба на булавкѣ. Бѣдная рыбка попалась! Она повѣрила благородной личинѣ лукаваго обольстителя, и доброе, мягкое сердце ея подпало его власти. Она безотчетно повѣрила ему, взглянула на него какъ на существо высшее, ни съ чѣмъ несравнимое и полюбила его со всею пылкостью первой любви.

— Развѣ вамъ пріятно быть со мною? спросила она едва слышно.

Краснопольскій пожалъ ей руку и бросилъ на нее взглядъ полный вѣжности. Въ эту минуту приближались гуляющіе на берегу, и рѣзкій голосъ Софьи Васильевны заставилъ Наденьку опомниться и выйти изъ оцѣлѣнія въ которомъ она была отъ избытка радости.

— Я вамъ не завидую! кричала имъ Кутасова.—Здѣсь гораздо пріятнѣе и безопаснѣе. Смотрите, берегитесь кораблекрушенія!

Наденька тутъ въ первый разъ замѣтила что у Софьи Васильевны былъ непріятный, крикливый голосъ, и она охотно желала чтобъ они всѣ опять скрылись въ чащѣ березоваго дѣсочка.

— Прогулки въ лодкѣ также имѣютъ свои пріятныя стороны, закричалъ въ отвѣтъ Краснопольскій; онъ при этомъ такъ радостно улыбнулся Наденькѣ что и ей стало очень весело и она подумала: „Какъ онъ меня любитъ! Какъ все лицо его просіяло съ тѣхъ поръ какъ онъ прочелъ на моемъ лицѣ что и я его люблю. Зачѣмъ я такъ глупа что ничего не въ состояніи ему сказать?“

Когда они подъѣзжали къ пристани, Краснопольскій шепнулъ Наденькѣ:—Общайте мнѣ, дорогая Наденька, что никто не узнаетъ о томъ что у меня сегодня печально вырвалось; мнѣ бы слѣдовало молчать и устроить сначала свои дѣла въ новомъ имѣніи, а потомъ открыто просить вашей руки. Но я не вытерпѣлъ, хотѣлъ убѣдиться въ вашихъ чувствахъ ко мнѣ, а то бы мнѣ пришлось ждать нѣсколько мѣсяцевъ и тожитья неизвѣстностью.

— Я вамъ обещаю, отвѣчала Наденька въ полголоса,—если вы этого желаете. Но надѣюсь, мы будемъ часто видѣться.

— Конечно, я воспользуюсь всякимъ случаемъ, радость моя! отвѣчалъ Аркадій Федоровичъ, и взглядъ его горѣлъ любовью и вѣжностью, между тѣмъ какъ сердце оставалось холодно.

Его только волновала страсть побѣдить женщину; будь теперь предъ нимъ Кутасова или Анна, онъ почувствовалъ бы то же самое непреодолимое желаніе.

Когда Краснополскій причалилъ къ берегу, онъ проворно выскочилъ изъ лодки, привязалъ ее, протянулъ обѣ руки Наденькѣ чтобы помочь ей выдти на берегъ, и въ ту минуту когда она прыгнула на землю, принялъ ее въ свои объятія, прижалъ къ груди и поцѣловалъ ее. Это дерзкое движеніе вызвало яркій румянецъ молодой дѣвушки; она боялась что замѣтятъ ея смущеніе, но страхъ ея былъ напрасенъ. Гуляющіе на берегу разговаривали съ Любовью Петровной, которая отправилась къ нимъ на встрѣчу со стариками Кутасовыми и Пелагеей Калустратовной. Жалкій видъ землемера, конечно, тотчасъ обратилъ на себя вниманіе новопришедшихъ.

— Чтѣ это вы, никакъ раковъ ловили? смѣялась старуха Кутасова.

Сынъ ея взялся объяснить все событіе, объяснялъ, впрочемъ, такъ неясно и сбивчиво что никто ничего не понималъ. Но очевидный фактъ заставилъ Любовь Петровну посоветовать сыну чтобы онъ подѣлился съ пострадавшимъ гостемъ чистыми дослѣхами, и какъ можно скорѣй, а то жаркое подгоритъ.

— Скорѣй идите, торопила она Краснополскаго съ Наденькой, которые не слѣша подымались въ гору.

Обѣдъ обошелся не безъ маленькихъ тревогъ для Любови Петровны. Параша не знала кому подавать первому и неоднократно нарушала этикетъ обнося молодого Кутасова въ честь землемера, который почему-то казался ей важнѣе. Подлива отзывалась горькимъ масломъ, а кремъ лукомъ; но вообще большихъ промаховъ не было. Само собой разумеется что мужчины сидѣли отдѣльно отъ дамъ.

Случилось однако что Краснополскій очутился возлѣ Анны, такъ какъ онъ заканчивалъ рядъ мужчинъ, а она сидѣла послѣднею дамой. Наденька помѣшталась съ Софьей Васильевной противъ нихъ.

— Вы обѣщали выбрать что-нибудь занимательное для общаго чтенія, обратилась Курбинская къ своему сосѣду.— Жаль было бы еслибы наши литературные вечера прекратились.

— И мнѣ бы это было очень прискорбно по многимъ при-

чинамъ, но я затрудняюсь въ выборѣ. Нужно чтобъ оно было и привлекательно, и умно, и съ содержаніемъ, и съ нравственнымъ направленіемъ, а у насъ мало такихъ литературныхъ произведеній, да и тѣ знакомы дѣвцамъ ужь съ институтской или пансіонской скамьи. Нынѣшнее время у насъ не создастъ долговѣчныхъ литературныхъ памятниконъ; это можно прѣдсказать навѣрное.

— Изъ чего вы это заключаете? спросила Анна.

— Для насъ наступило время великихъ реформъ; онѣ такъ сильно займутъ умы и воображеніе нашихъ передовыхъ людей что они всецѣло отдадутся требованію времени, и не дойдутъ до спокойнаго созерцанія, непремѣннаго условія творчества. Общество, притомъ, настоятельно требуетъ современности; оно хочетъ чтобъ ему разъяснили то чего оно не понимаетъ, освѣтили бы проживаемое имъ время. Настоящее наше такъ полно новизны и первшнныхъ задачъ.

— Неужели наше время, гдѣ совершается столько переворотовъ, гдѣ у всѣхъ патріотовъ является радостное сознаніе что мы растемъ, что скоро не будетъ рабовъ на Руси, образованіе станетъ доступнымъ всѣмъ, неужели такое время не можетъ породить какого-нибудь прекраснаго литературнаго произведенія?

— Можетъ, но нѣсколько лѣтъ спустя. Тогда только явится спокойный, ясный, критическій взглядъ на нашу эпоху.

— Да развѣ всѣ принимаютъ участіе въ телерешныхъ реформахъ? Вѣдь есть и спокойные, безучастные зрители.

— Конечно есть; но не отъ нихъ намъ ждать безсмертныхъ литературныхъ памятниконъ; мнѣ кажется что *живой* человекъ долженъ непремѣнно отдаться требованіямъ нынѣшней великой эпохи, и нельзя ему отъ нихъ уклониться.

— А вы какъ намѣрены исполнить эти требованія? спросила Анна, улыбаясь.

— А вы думали застигнуть меня врасплохъ: такъ вотъ же нѣтъ! Имѣю часть извѣстить васъ что съ завтрашняго дня открывается у меня школа для мальчиковъ, изъ которой, надѣюсь, выйдетъ поколѣніе разумное, понимающее свои права и положеніе, употребленіе носоваго платка...

— Прекрасно. Но что же вы объ однихъ мальчикахъ подумали, а дѣвочекъ забыли?

— Боюсь приступить, какъ бы не испортить дѣло съ самаго начала. Тутъ нужна умная, развитая женщина. Я,

впрочемъ, не совсѣмъ уклоняюсь отъ этого дѣла, но примусь за него не иначе какъ подъ руководствомъ дамы.

Софья Васильевна слѣдила за разговоромъ и вдругъ неожиданно вмѣшалась своимъ крикливымъ голосомъ:

— Если могу вамъ быть полезною своими совѣтами, Монсieur Краснопольскій, то я къ вашимъ услугамъ.

Краснопольскій очень вѣжливо поблагодарилъ ее, но въ голосѣ его былъ едва замѣтный отгѣнокъ пропіи, говорившій Аннѣ и Наденькѣ: „не Софью Васильевну мнѣ нужно; я подразумѣваю совсѣмъ другихъ“. Потомъ онъ съ тонкою улыбкой взглянулъ на обѣихъ дѣвиць, и тѣ также едва замѣтно улыбнулись въ знакъ совершеннаго пониманія.

Претензія Кутасовой устроить сельскую школу была дѣйствительно очень забавна: стоило поговорить съ ней полчаса, и всякая надежда услышать отъ нея какой-нибудь мудрый совѣтъ исчезала на вѣку.

— Софья Васильевна предупредила васъ въ готовности мнѣ помочь, обратился Краснопольскій къ Курбинской и къ Наденькѣ. — Однако я прошу о вашемъ содѣйствіи чтобы надумать меня.

Наденька покраснѣла отъ удовольствія что такой умный человекъ готовъ выслушивать ея совѣты; она Впрочемъ чистосердечно отвѣчала:

— Боюсь что не могу вамъ быть полезною; но вотъ Анна Николаевна другое дѣло. Она ваша общая совѣтница.

Анна благосклонно взглянула на нее; такое смиреніе нравилось ей въ другихъ.

— Дайте намъ съ Наденькой осмотрѣться, ознакомьтесь съ крестьянскимъ бытомъ, а то мы только напортишь, отвѣчала она.

Для нея было ясно что обращеніе Краснопольскаго къ женскому такту относилось прямо къ ней, и это было ей пріятно.

Послѣ обѣда Наденька попросила мать сыграть вальсъ на ветхомъ клавикордѣ, и вскорѣ почти всѣ стали танцовать.

Лишь старуха Кутасова съ Пелагеей Калустратовной довольствовались наблюданіемъ изъ угла, куда загнали ихъ вальсирующие пары. Старикъ Кутасовъ тоже какъ вихрь закружился со своею дамой. Случалось что музыка останавливалась на нѣсколько секундъ; эта пауза приводила всѣхъ въ нерѣшительное колебаніе, но потомъ все опять шло какъ по

маслу. Даже, очень полныя Машенька и Сашенька уступили общему желанію и начали вертѣться, точно мельничные жернова, такъ что, глядя на нихъ, иной хозяинъ-помѣщикъ призадумался бы куда примѣнить такія богатыя силы: къ мельницѣ или къ молотилкѣ?

Однако между старикомъ Кутасовымъ и его больною ногой вышло недоразумѣніе. Ему хотѣлось въ одну сторону, а она упрячилась въ другую, и произошло значительное отклоненіе отъ орбиты. Онъ столкнулся съ неистово кружившимся землемѣромъ, и бѣдный старикъ со всего размаха ударился въ окошко и продавилъ стекло. Мгновенно музыка умолкла. Любовь Петровна мысленно негодовала на злополучнаго Кутасова; она сейчасъ вспомнила что придется послать за шесть верстѣ за стекольщикомъ. Однако она пересидела свою досаду и съ милою заботливостью освѣдомилась всѣ ли члены Кутасова остались цѣлы послѣ ладенія. Оказалось что, кромѣ стекла, ничего не пострадало. Но неудачная попытка навела уныніе на старика, и онъ рѣшился лучше оставить юношескія забавы и увѣстись за преферансъ съ Пелагеей Калистратовной и своею благовѣрною супругой.

Танцы, между тѣмъ, продолжались, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, явились еще два кавалера. Это были: знатный родственникъ Любови Петровны, помѣщикъ Ладовъ, и молодой сынъ его. На обоихъ былъ общій отпечатокъ людей хорошаго общества. Отецъ вполне обладалъ веселою привѣтливостью баръ стараго времени; онъ умѣлъ наслаждаться настоящимъ, не слишкомъ задумываясь о будущемъ; за то сынъ его былъ часто озабоченъ мыслью чѣмъ бы предупредить неминуемое раззореніе. Съ тѣхъ поръ какъ отецъ ему довѣрялъ часть администраціи своего имѣнія, предъ нимъ открылась пропасть куда во весь духъ несли его лалаша.

Прекрасное имѣніе было совершенно разстроено, и забота эта такъ тяготила молодого человѣка что даже выраженіе лица его отъ этого измѣнилось, и приняло серьезный, задумчивый характеръ. Въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ его выражалась грусть. Онъ говорилъ мало, но если считалъ нужнымъ сказать что-нибудь, то звукъ голоса его былъ кротокъ и мягокъ. Онъ былъ пріятной наружности, высокъ, строенъ; движенія его были спокойны. Не было въ немъ ни тѣни нахальства. Здѣсь у Акулиной, въ ея смѣшанномъ обществѣ, онъ держалъ себя такъ же скромно какъ въ какомъ-нибудь

изъ первыхъ столичныхъ салоновъ. Онъ былъ слишкомъ добродушенъ чтобы позволить себѣ насмѣшку или проно.

Софья Васильевна начала очень развязно задѣвать его, навязываться на любезности, жалѣла что онъ теперь такъ скучаетъ въ деревнѣ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ у него, вѣроятно, остался кто-нибудь близкій сердцу. Молодой Ладовъ отвѣчалъ учтиво, но такъ мало входилъ въ фамиллярный тонъ хорошенькой блондинки что она почувствовала всю безуслѣшность своихъ стараній. Такой мужчина былъ ей не по силамъ; тутъ требовалось совсѣмъ иное умѣнье, иные средства, которыми она не обладала. Палъ Ладовъ мигомъ отгадалъ ея тайныя страданія. „Зачѣмъ не потѣшить?“ думалъ онъ, и началъ ухаживать за нею такъ откровенно какъ свѣтскіе люди позволяютъ себѣ обращаться только съ женщинами сомнительной репутаціи. Кутасову это привело въ совершенный восторгъ, да и старикъ потѣшался; никогда еще онъ не встрѣчалъ такой откровенности въ выраженіи женскаго кокетства. Все было безыскусно, сшито бѣлыми нитками, ни тѣни лицемерія. Онъ, впрочемъ, и съ другими дамами былъ любезенъ, но въ другомъ родѣ, и очень всѣхъ обрадовалъ тѣмъ что сѣлъ за фортепіано и сталъ играть разные танцы, а Любовь Петровна воспользовалась свободною минутой чтобы похлопотать объ угощеніи.

Краснопольскій танцевалъ кадрили съ Анной; они имѣли vis-à-vis Наденьку съ Ладовымъ. Нельзя было не любоваться находчивостію Аркадія Федоровича, какъ онъ умѣлъ то одной, то другой сказать что-нибудь пріятное. У него съ Курбинской шла рѣчь объ оцѣнкѣ характеровъ, при чемъ онъ высказалъ какого онъ высокаго мнѣнія о ней; портретъ былъ лестный, но такъ похожъ что Анна не безъ удовольствія замѣтила какъ прилежно ее изучали. Но Аркадій Федоровичъ не совсѣмъ достигъ желаннаго результата: когда онъ началъ шутя спрашивать ее какого она мнѣнія о немъ-то она только отвѣтила: „я думаю что вы очень умны“. Больше она не высказалась. Наденька, однако, не могла ревновать своего vis-à-vis къ Курбинской: лишь только Краснопольскій сходилъ съ ней во время кадрили, какъ вѣжливое, ласкательное словечко, слышное ей одной, заставляло сердце ее биться сильнѣе. Она приходила въ такое смущеніе что давала своему кавалеру самые разсѣянные отвѣты.

Александръ между тѣмъ молчаливо и угрюмо танцевалъ съ

одною изъ дочерей священника. Ноги его ходили машинально подъ тактъ, а въ головѣ его неутѣшительныя мысли смѣняли одна другую. Онъ боялся взгляда Анны, ея упрековъ: предчувствіе говорило ему что Кутасова непременно повѣрила ей его тайну. Но Анна вовсе не думала о немъ. Хотя разговоръ съ Краснопольскимъ былъ не продолжителенъ, но пріятное впечатлѣніе осталось на весь вечеръ, и тѣмъ кто видѣли ее въ первый разъ она могла показаться очень веселою и общительною.

Послѣ чая начали разъѣзжаться. Прежде всѣхъ раскланялись оба Ладова. Старикъ, по праву родства, поцѣловалъ Надю въ лобъ.

— Соберитесь къ намъ нынче дѣтѣмъ, та cousine, сказалъ онъ Акулиной на прощанье,—и возьмите съ собою вашихъ милыхъ дѣвицъ. Дайте знать заранее, я тогда устрою танцы въ честь молодыхъ барышень; музыку вылашемъ изъ города.

Несмотря на запутанные финансы, Ладовъ не могъ жить безъ барскихъ затѣй.

Когда мягкая, рессорная коляска ихъ удалялась, отецъ спросилъ:

— Чтò, Nicolas? Какова наша кузина! Ты чтò опять задумался?

— Какая красавица эта компаніонка! У нея манеры какъ у царицы. Это должно-быть необыкновенная женщина, и тамъ совсѣмъ она не на мѣстѣ.

— Не говори, Nicolas, не думай о безприданницахъ. Тебѣ надо искать богатую невѣсту, а то мы никогда не поправимъ своихъ дѣлъ. Притомъ мнѣ показалось что твоя царица не совсѣмъ равнодушна къ этому загорѣлому красивому мушкетѣ. Онъ, кажется, малый не глухой. Мнѣ довелось съ нимъ поговорить: онъ судить очень здраво.

„Не нравится мнѣ этотъ господинъ“, думалъ молодой человекъ; „онъ, кажется, мисурный и далеко ему до нея...“

Когда проводили послѣднихъ гостей, обѣ дѣвицы пожелали покойной ночи Любви Петровнѣ (Александръ уже раньше исчезъ) и съ особенно радостнымъ чувствомъ вошли въ свои дѣвичьи покои. Имъ хотѣлось еще разъ мысленно пережить счастливый день. Обѣ думали о Краснопольскомъ, обѣ любили его, но любили его различно. Бѣдная Наденька отдалась ему всецѣло, безъ борьбы, безъ критики (этому не научаетъ институтское воспитаніе); у нея не было никакой поддержки

въ собственной семьѣ, потому что ни мать, ни братъ не внушали ей довѣрія. Но невинное сердце ея не чуло никакой опасности. Ее, напротивъ, волновали самыя отрадные мысли, безъ малѣйшей примѣси сомнѣнія въ благородныхъ чувствахъ любимаго человѣка.

Анна, напротивъ, волновалась тысячью вопросовъ которые старалась себѣ уяснить. Она хотѣла составить себѣ полное понятіе о характерѣ Краснопольскаго, но это ей никакъ не удавалось; все оставалось пробѣды. „Зачѣмъ онъ мнѣ нравится?“ допытывалась она. „Да развѣ онъ мнѣ нравится? Конечно мнѣ очень пріятно бесѣдовать съ человѣкомъ который обо всемъ умѣетъ здраво и умно разсуждать... Дѣйствительно, вотъ настоящая причина почему мнѣ такъ пріятно съ нимъ встрѣчаться.“ Но воображеніе ея, на зло благоразумнымъ мыслямъ, разрисовывало ей картины полнаго семейнаго счастья. Она ужъ видѣла себя обожаемою супругой, совѣтницей мужа. Между нею и избраннымъ ея все было общее: мысли, стремленія, труды. Владѣніе Краснопольскаго представлялось ей какъ оно будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ образцомъ для всей губерніи по благоустройству и благоденствію крестьянъ. Потомъ она всѣми силами старалась разогнать такія незваныя мечты: „Какъ глупо!“ бранила она себя: „Я даже не знаю любить ли онъ меня?“—„А зачѣмъ онъ тогда такъ старательно тебя изучаетъ? Значитъ онъ принимаетъ въ тебѣ участіе!“ шелталъ опять настойчивый голосъ. „Вѣдь ты не изъ тѣхъ надъ которыми потѣшаются, какъ напримѣръ надъ Кутасовой.“—„Мечтать такъ безъ положительныхъ данныхъ простительно только лансіонеркѣ“, строго отвѣтила Анна на нашелтываніе тайнаго голоса, и чтобы вполнѣ заглушить его, взяла въ руки книгу и старалась читать.

М. ВАСИЛЬЕВА.

(До слѣд. №.)

ДОГАДКИ И МЕЧТАНІЯ

О ПЕРВОБЫТНОМЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ

Первобытная исторія человечества от точки зрѣнія естественнаго развитія самой ранней его духовной жизни (Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens), Отто Каспаръ, доцента Гейдельбергскаго университета. Въ 2хъ томахъ, 372 и 469 стр. Лейпцигъ. 1873 года.

Намѣреніе знакомить читателей *Русскаго Вѣстника* съ текущею литературою по сравнительному изученію народнаго быта и поэзіи ставитъ меня въ необходимость время отъ времени прерывать нить изложенія въ ряду статей помѣщаемыхъ мною въ этомъ журналѣ, * и возвращаться къ школамъ и направленіямъ науки мною уже разсмотрѣннымъ, когда на то вызываетъ какая-нибудь новая книга, о которой хотѣлось бы поговорить. Чтобы не нарушать принятой мною системы я нашелъ удобнымъ выдѣлять подобные эпизоды, къ которымъ должна относиться и предлагаемая статья имѣющая своимъ предметомъ любопытное сочиненіе гейдельбергскаго профессора.

Вообще надобно замѣтить что сравнительное изученіе народностей, несмотря на массу лингвистическихъ и археологическихъ подробностей въ него входящихъ, имѣетъ для изслѣдо-

---

* *Русск. Вѣстн.* 1872 № 10, 1873 №№ 1 и 4ѣ.

вателя и его читателей одинаковую выгоду съ тѣми знаніями которыя начинаются отъ самаго простаго и общедоступнаго и послѣдовательно восходятъ къ болѣе сложному и труднѣйшему. Точкой отправленія для сравнительнаго изслѣдованія можетъ быть любая подробность, хорошо знакомая всѣмъ въ окружающемъ насъ народномъ быту, напримѣръ, свадебная пѣсня, дѣтская игра или святочное гаданіе, и затѣмъ наше собственное и родное, съ малыхъ лѣтъ намъ памятное наука сближаетъ съ цѣлыми рядами другихъ сходныхъ съ нимъ явленій у разныхъ народовъ и въ разные времена, и изъ этихъ сближеній извлекаетъ результаты для познанія не только разныхъ народностей и ихъ взаимныхъ отношеній, но и вообще духа человѣческаго, какъ онъ оказывалъ себя на разныхъ ступеняхъ своего развитія. Достаточно сколько-нибудь интересоваться народнымъ бытомъ, хотя бы только своей родной землей, чтобы безъ особеннаго напряженія своему вниманію войти въ область сравнительныхъ изслѣдованій. Для читателя-неспеціалиста знакомая ему подробность изъ народныхъ вѣрованій и преданій, въ средѣ которыхъ слагался и его собственный національный типъ, всегда будетъ центромъ, отъ котораго будутъ исходить радіусы сравнительныхъ выводовъ, имѣющихъ своею задачею расширить интересъ къ бытовой подробности, болѣе или менѣе знакомой, до необозримаго круга сродства чуть ли не всего человѣческаго рода. Ученые пытались группировать такія подробности въ искусственную систему, но безуспѣшно, потому что наука стоитъ еще на той ступени своего молодаго возраста когда на разработку подробностей, каждой по одиночкѣ, расходуются всѣ лучшія силы изслѣдователей, такъ что оквозъ массу работъ по этому предмету не видать еще того свѣтлаго простора который необходимъ для правильнаго распредѣленія частныхъ въ ихъ взаимномъ отношеніи, чтобы потомъ можно было отсюда сдѣлать общій выводъ и положить его въ основу цѣлой системы.

Финны и Латыши любятъ уподоблять свою пѣсню клубку нитокъ. * Дѣйствительно, народное преданіе—это клубокъ,

* См. въ моихъ *Историч. Очерк.* I, 416. Латышка поетъ: „Бывъ молода и нася стадо, я наматывала клубокъ пѣсенъ. Уходя къ чужимъ солдземлякамъ, я разматывала клубокъ“. Собраніе Латышскихъ пѣсенъ г. Бривемнѣя въ *Сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей*, кн. 2я, стр. 23. Москва 1873 года.

туго намотанный, но съ нитями уже порванными. За который конецъ нитки ни возьмись, она тянется и развертывается клубокъ, но вдругъ лорывается. Надобно искать конецъ другой нитки, и опять та же неудача дотянуть ее, чтобы размотался клубокъ до самой сердцевины своей, куда не касалась еще ничья рука, не заглядывалъ ни чей глазъ. Точно такъ и изслѣдованіе о народности можетъ быть начато съ любой подробности, будь то причитаніе невѣсты идущей подъ вѣнецъ или былина объ Ильѣ Муромцѣ: каждая подробность, какъ одна изъ порванныхъ нитокъ клубка, ведетъ внутрь народной жизни, основной зародышъ которой ускользаетъ отъ изслѣдователя каждый разъ какъ только онъ доходитъ до известной глубины, стремясь къ завѣтной сердцевинѣ этого мудренаго клубка.

Впрочемъ, уже въ самыхъ свойствахъ человѣческаго ума неутомимая пытливость, которая не даетъ остановиться на полудорогѣ и торолить изслѣдователя впередъ, заманивая предположеніями тамъ гдѣ опытъ и наблюденія отказываются служить проводниками. И чѣмъ менѣе догадливое остроуміе стѣсняетъ себя мелочами специальной работы, чѣмъ болѣе облегчаетъ себя отъ груза ученыхъ матеріаловъ, тѣмъ менѣе замѣчаетъ ихъ недочетъ въ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ, тѣмъ смѣлѣе бросается въ предположенія и тѣмъ скорѣе рѣшается строить систематическую теорію, заботясь не о прочности зданія, а объ архитектурной его гармоніи и убранствѣ, состоящемъ въ новизнѣ блистательныхъ взглядовъ. Частности, разработанныя колотливымъ труженничествомъ, доселѣ одна отъ другой оторванныя, будучи вмѣстѣ сдвинуты смѣлою рукой, являются въ новомъ освѣщеніи, недосказанныя откровенія народныхъ преданій, временемъ и забвеніемъ остановленныя на полусловѣ, развертываютъ свои таинственные свитки и прочитываются сплона, и наконецъ все это разнообразіе бытовыхъ мелочей въ народностяхъ цѣлаго земаго шара, размѣщаемое по клеткамъ систематической канвы, съ одного уже взгляда является стройнымъ цѣлымъ, въ которомъ тысячи подробностей складно группируются въ соответственныя другъ другу массы, подобно тому какъ воздухоплаватель обозрѣваетъ на сотни верстъ кругомъ горы, лѣса, рѣчки, озера, города и деревни, будто на географической картѣ. Сказать что такія болѣе или менѣе верхоглядныя теоріи могутъ вредить наукѣ, значило бы не имѣть

вѣры въ прочныя основы самой науки и въ ея здоровую живучесть: напротивъ того, поверхностное обобщеніе сравнительнаго изученія народностей, еще такъ недавно ставшаго наукой, будучи критически провѣрено, можетъ принести ей не малую пользу, выставивъ на видъ все существенное что успѣла она уже выработать въ недолгій срокъ своего молодого возраста. Да и вообще предположенія въ ученѣмъ дѣлѣ, какъ бы они несбыточны ни казались, всегда вносятъ въ работу новую силу, возбуждающую и освѣжающую, и хотя бы они и пали предъ судомъ фактовъ, все же самымъ ладеніемъ своимъ проложатъ они дорогу къ новымъ взглядамъ и къ болѣе основательнымъ соображеніямъ.

I.

Въ послѣднее время, въ литературѣ сравнительной науки, стали являться попытки къ систематическому обзорѣню первобытной исторіи человечества, первобытнаго сродства, первобытной культуры, въ связи съ обзорѣнемъ народнаго быта, какъ древняго и вообще историческаго, такъ и современнаго намъ, поскольку въ этомъ послѣднемъ остались слѣды его ранней формации. Открытія такъ-называемой до-исторической археологіи, добываемыя въ курганахъ, пещерахъ или въ свайныхъ постройкахъ, разказы путешественниковъ о дикаряхъ Стараго и Новаго Свѣта, мнѣологическіе и бытовые памятники цивилизаціи древняго міра, восточнаго и западнаго, наконецъ безчисленные сборники народныхъ преданій и сказаній современныхъ намъ народностей всего земнаго шара—таковъ разнообразный и разнородный матеріалъ которымъ приходится пользоваться для этихъ общихъ обзорѣній. За разнообразіемъ массы свѣдѣній требующихъ спеціальнаго знакомства съ каждымъ изъ ихъ отдѣловъ, авторамъ ничего много не остается какъ компилировать чужія работы, обобщая ихъ съ точки зрѣнія филозофской, по теоріи такъ-называемой *народной психологіи*, воздѣлываемой преимущественно школою этнографовъ. Не чувствуя призванія ни къ сравнительной лингвистикѣ, ни къ древней филологіи, они больше наклонны къ наукамъ естественнымъ, по связи этнографіи съ зоологією, и съ точки зрѣнія *позитивной философіи* хотять проложить новые пути для

познаванія какъ духа человѣческаго вообще, такъ и историческаго развитія его проявленій въ религіи, поэзіи, искусствѣ, нравахъ и обычаяхъ. Съ одною изъ такихъ попытокъ, не давно вышедшею въ свѣтъ, я и хочу познакомить читателя, какъ потому что она шире и смѣлѣе другихъ подобныхъ ей обнимаетъ вопросъ и предрѣшаетъ многія научныя задачи, такъ и потому что будучи сдѣлана преподавателемъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ уже по самому положенію автора не можетъ не обратить на себя вниманія. Это сочиненіе доцента Гейдельбергскаго университета г. Каслари, подъ заглавіемъ: *Первобытная исторія человечества съ точки зрѣнія естественнаго развитія самой ранней его духовной жизни*, въ двухъ объемахъ, съ рисунками мѣологическаго, бытоваго и зоологическаго содержанія, съ портретами разныхъ знаменитостей, между прочимъ Дарвина, и съ картою предполагаемаго вида земнаго материка въ одинъ изъ его допотопныхъ періодовъ.

По одному уже заглавію и внѣшнему виду изданія можно судить о томъ необъятномъ пространствѣ на которомъ авторъ сооружаетъ колоссальное зданіе своей сравнительной системы. Это все человѣчество, и не только въ томъ видѣ какъ оно открывается при самомъ первомъ разсвѣтѣ его исторической жизни, но и въ тѣхъ таинственныхъ его судьбахъ которыми оно сливается искони вѣковъ съ исторіею допотопныхъ формаций всего земнаго шара и съ первичными зарожденіями на немъ животной жизни. Во времена романтическихъ увлеченій національною стариною, Яковъ Гриммъ вызывалъ свои мѣологическіе и эпическіе идеалы изъ родныхъ лѣсовъ Арминія и Тацитовой Германіи, и, поклоняясь богамъ скандинавскаго Асгарда, вмѣстѣ съ тѣмъ воздавалъ почести своимъ завоевательнымъ предкамъ. Великій германистъ хорошо зналъ цѣну сравнительнаго метода, но всегда возвращалъ своихъ читателей съ далекихъ путей его на родную почву своей Германіи, въ томъ убѣжденіи, которое не разъ онъ высказывалъ, что природа повсюду въ равной мѣрѣ разсыпала свои творческія сокровища, и что только тотъ искренно любитъ ее кто не гоняется за величественными картинами Альпійскихъ горъ или италіянскихъ береговъ Средиземнаго моря, а умѣетъ постигнуть ея неистощимыя

красоты любясь съ порога своего дома на родныя поля и рощи, въ которыхъ съ дѣтскихъ дѣтъ знакомъ каждый холмикъ и каждая тропинка. Школа этнографическая, которая въ настоящее время все больше и больше забираетъ силу въ сравнительной наукѣ, расширяетъ ландшафтъ до необозримыхъ размѣровъ, приглашая читателя странствовать изъ одной части свѣта въ другую, съ береговъ Тигра и Евфрата въ Южную и среднюю Африку или къ краснокожимъ Американцамъ, и вмѣстѣ съ этнографомъ Бастианомъ * нанизываетъ безконечныя нити этнологическихъ фактовъ на лотребу будущимъ изслѣдователямъ, или въ лицѣ Англичанина Тейлора ** разсудительно наблюдаетъ нравы и обычаи народовъ какъ курioзныя окаменѣлости собранныя въ музей, или наконецъ, какъ авторъ разбираемой мною книги, въ потемкахъ первобытнаго броженія творческихъ силъ, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, выводитъ человека изъ звѣриныхъ стадъ, и на смутномъ, туманномъ ландшафтѣ хаоса, который представляется мнѣ въ родѣ того какой изобразилъ Айвазовскій для лалы Григорія XVI, гигантскими письменами начертываетъ идущія въ необозримую даль сравнительныя параллели.

Авторъ начинаетъ теорію Дарвина о развитіи видовъ животнаго царства въ борьбѣ за существованіе. Изъ собственной выгоды, ради защиты отъ враговъ и для добыванія пищи животныя собираются въ цѣлыя общины, какъ муравьи или пчелы, въ стада и стаи, какъ звѣри и птицы, и совокупными силами противостоятъ гибели въ борьбѣ за бытіе. Человѣческая природа, въ которой соединяется общительность обезьяны съ жестокостью хищнаго звѣря, слѣдуетъ тому же закону. Въ такой же борьбѣ за существованіе образовалось людское племя, которое страшнымъ физическимъ средствамъ своихъ враговъ должно было противопоставить ловкость, хи-

* *Der Mensch in der Geschichte*, въ 2хъ томахъ; *Beiträge zur vergleichenden Psychologie*, потомъ въ журналѣ *Zeitschrift für Ethnologie*, который издаетъ этотъ ученый вмѣстѣ съ Гартманномъ, съ 1869, его же статьи: *Das Thier in seiner mythologischen Bedeutung*.—*Die Vorstellungen von Wasser und Feuer* и др.

** Въ текущемъ году вышелъ на русскомъ языкѣ 2й томъ, въ которомъ оканчивается капитальное сочиненіе этого знаменитаго ученаго о *Первобытной культурѣ*.

троссть и умѣніе, послужившія зерномъ для дальнѣйшаго развитія этой породы. Зародыши общественной и какъ бы государственной жизни, къ которой инстинктивно стремятся животные въ своихъ стадахъ и стаяхъ, открываются въ замѣчательномъ развитіи подробностей еще на низшей ступени животной жизни, въ такъ-называемомъ лловучемъ государствѣ *гидромедузы*, рисунокъ которой авторъ приложилъ къ книгѣ, чтобы нагляднѣе познакомить своихъ читателей съ рабочимъ, воинскимъ, владѣтельнымъ или завѣдывающимъ и другими классами и сословіями которые гармонически слагаются въ одно цѣлое въ этомъ неразвитомъ зачаткѣ государственной жизни, принявшемъ причудливую форму красивой гирлянды изъ цвѣтовъ, бутоновъ и листьевъ. При этомъ зоологическія наблюденія приводятъ автора къ соображеніямъ что формы централизованныя стоятъ выше союзовъ федеративныхъ, и какъ въ царствѣ животныхъ породы съ развитою головой совершеннѣе безголовыхъ, такъ и конституціонная монархія имѣетъ преимущество предъ республикою, но идеальное и истинное государство должно быть ни слишкомъ централизовано, ни слишкомъ федеративно, и чтобъ избѣгнуть той и другой крайности, должно оно быть построено на конституціи и правильномъ раздѣленіи труда (I, стр. 86—87). Въ борьбѣ за существованіе противъ свирѣлства дикихъ звѣрей люди очень рано должны были образовать между собою самый тѣсный семейный союзъ, послужившій зерномъ для первоначальной государственной формы, въ которую немедленно долженъ былъ сложиться этотъ союзъ ради общей пользы, какъ для своего прокормленія и вообще благосостоянія, такъ и для охраненія себя отъ враговъ и напастей. Съ одной стороны беззащитность человѣческаго дѣтства, значительно болѣе продолжительнаго нежели дѣтство прочихъ животныхъ, должна была развить въ человѣкѣ чувство зависимости и влеченія къ ближнему, а съ другой борьба за существованіе естественно послужила къ развитію мужества, отваги и стойкости, къ качествамъ которыми должны были нѣкоторые избранные выступить изъ среды своей братіи. Такъ образовалась въ нѣкоторомъ смыслѣ аристократія мускульной силы и кулачнаго права, что въ свою очередь должно было повести къ соперничеству между силачами, и междуусобіе должно было повершиться побѣдою одной богатырской личности

надъ всѣми другими. Вожаки — уже въ самой природѣ животныхъ инстинктовъ, и какъ мирныя стада овецъ послушно идутъ за передовымъ бараномъ, такъ и толпа людей скрѣпляетъ свой союзъ новыми узамъ въ безусловной покорности вождю, соединившей въ себѣ рабское подданство съ чувствованіемъ выше всякой мѣры, доходившимъ до обожанія.

Теорія о полнотѣ и совершенствѣ грамматическихъ формъ древнѣйшаго языка по психологическому ученію автора не выдерживаетъ критики, потому что эта теорія основана на изученіи языковъ развитыхъ уже историческою цивилизаціей, тогда какъ первобытный человѣкъ, окруженный дикими звѣрами и при своихъ узкихъ животныхъ потребностяхъ, долженъ былъ подчиняться другимъ законамъ. Животный инстинктъ самосохраненія — вотъ точка отправления его дѣятельности. Только съ этой одной стороны природа могла производить толчки на его нервы. Ему не было дѣла ни до неба со свѣтилами, ни до грозы съ бурей, ни до дневнаго свѣта и ночной темноты, поскольку все это не касалось его животной жизни. Потому о возрѣвнѣяхъ на природу не можетъ быть и рѣчи въ первобытномъ языкѣ, равно какъ и о словахъ звукоподражательныхъ, соответствующихъ грому, вѣтру и другимъ явленіямъ природы. Первобытный человѣкъ выражался или жестами и междометіями, или, будучи окруженъ звѣрами и въ ихъ сожительствѣ, подражая имъ кричалъ лозвѣриному. Начальные звуки человѣческой рѣчи были не слова означающія тотъ или другой предметъ, то или другое дѣйствіе, а вскрикиванья которыми онъ сопровождалъ свои ощущенія и движенія, подобно тому какъ рабочіе всѣ вдругъ вскрикиваютъ когда поднимаютъ тяжесть. Однако, по особенностямъ своего организма, человѣкъ рано долженъ былъ превзойти прочихъ животныхъ въ звѣрообразныхъ начаткахъ своего языка. Недостатокъ въ прирожденныхъ орудіяхъ для борьбы съ дикими звѣрами долженъ былъ вывести человѣка очень рано изъ четвероногого состоянія и развить въ немъ цѣлкость, ловкость и силу рукъ для подъема тяжестей въ борьбѣ за существованіе. Выпрямившись такимъ образомъ, онъ облегчилъ себѣ болѣе свободное и тонкое дыханіе и получилъ способность къ членораздѣльнымъ звукамъ человѣческой рѣчи, дополняемымъ жестикуляціею рукъ, освободившихся наконецъ отъ своего первоначальнаго назначенія переднихъ ногъ. Все же сначала люди пробавлялись только

междометіями да звѣриннымъ крикомъ, пока подъ главенствомъ своего вождя не стали послушно усвоивать себѣ именно его собственныя вскрикиванья, и примѣчая къ чему онъ ихъ относить, и сами стали выражать ими то же самое. Такимъ образомъ извѣстные звуки были прочно соединены съ тѣми предметами и дѣйствіями которые по привычкѣ стали означать ими. Безусловный авторитетъ вождя и главы первоначальнаго людскаго племени наложилъ авторитетную силу и на единство людскаго говора въ общемъ признаніи и принятіи его всѣми и каждымъ. Въ отношеніи государственномъ языкъ послужилъ новою связью для тѣснѣйшаго союза первобытной общины, съ точки же зрѣнія духовнаго развитія онъ воспиталъ и укрѣпилъ память, приучивъ называть тѣми же звуками тѣ же предметы, и проложилъ путь къ общимъ понятіямъ. Впрочемъ, такъ какъ животная жизнь первобытнаго человѣка ограничивалась самымъ тѣснымъ кругомъ потребностей семейнаго и общиннаго быта, то не могъ быть многочисленъ и запасъ первоначальныхъ словъ, между которыми для примѣра авторъ указываетъ на названія *отца, матери, брата, сестры, дитяти, вождя, дяди, родоначальника*: „и дѣйствительно, продолжаетъ онъ, такіе предметы какъ мужъ, старикъ, жена, дѣвица, мальчикъ и т. п. тѣмъ легче могли напечатлѣться въ памяти звуковъ и стать общепонятнымъ для всѣхъ звукоподражаніемъ, что сами эти существа по своему природному голосу уже рѣзко другъ отъ друга отличаются“ (I, 169—170).

Первоначальное племя людей жило де въ одной общей родинѣ, откуда по размноженіи, вслѣдствіе борьбы за существованіе, слабѣйшія породы, будучи прогоняемы, должны были выселяться въ новыя страны, преимущественно на востокъ, причемъ въ главномъ становищѣ первобытнаго развитія особенно упорна была борьба племенъ кавказскихъ съ африканскими; древнѣйшимъ же поприщемъ доисторическихъ событій и центральнымъ пунктомъ въ исторіи психологическаго развитія народовъ должны быть признаны южная Азія и восточная Африка. Съ отвагою физической силы человѣкъ рано соединилъ способность къ ручьяю, которое столько же ему помогло въ борьбѣ съ врагами, усовершенствовавъ орудія для битвы и защиты, сколько, вмѣстѣ съ даромъ слова, служило къ дальнѣйшему развитію,

раннія слѣды котораго открываются уже въ расколкахъ такъ-называемаго *каменнаго вѣка*, когда люди селились въ пещерахъ и въ свайныхъ постройкахъ. Могилы относящіяся къ эпохѣ мамонта свидѣтельствуютъ намъ что люди этого вѣка уже читли своихъ покойниковъ погребеніемъ, вѣроятно, въ сидячемъ положеніи, какъ значится на рисункѣ кельтской могилы (345 стр. I т.), кладя въ могилу лицу для покойника, а также его оружіе и украшенія; сверхъ того они знали уже употребленіе огня.

Таковы начала и основанія на которыхъ въ слѣдующихъ за тѣмъ главахъ авторъ строитъ свою теорію о первобытной религіи и мифологіи въ связи съ бытомъ и историческимъ развитіемъ народностей. Еслибъ онъ къ этимъ началамъ съ особеннымъ удареніемъ не возвращался и потомъ при всякомъ случаѣ, даже не всегда кстати, то всѣ эти мечтанія о первобытномъ человѣкѣ, котораго никто не знаетъ и знать не можетъ, слѣдовало бы объяснить не болѣе какъ обыкновеннымъ некоторымъ философствующимъ умамъ замашкой педантскаго систематизма о всякомъ предметѣ начинать рѣчь съ самаго начала, хотя бы это было вовсе ненужно и невозможно. Этнографъ и психологъ очевидно увлекся счастливою мыслию построить науку о народности на некоторыхъ результатахъ добытыхъ для этого предмета естественными науками, и методъ этихъ наукъ думалъ приложить къ такому же точному ученію о психологіи которое должно быть положено въ основу теоріи о религіи, мифѣ, поэзіи и вообще всей духовной дѣятельности человѣка. Но какъ бы хороша ни была мысль сама въ себѣ, годность ея оцѣнивается въ исполненіи. Читатель видитъ самъ до какой степени вся эта пустопорожня, дѣтская игра въ первобытнаго человѣка далека отъ точнаго метода положительныхъ наукъ, давно уже приложеннаго въ сравнительной наукѣ къ лингвистикѣ и теперь съ новыми успѣхами прилагаемаго къ работамъ этнологическимъ, какъ это можно видѣть изъ послѣдняго сочиненія Тейлора. Въ старину нѣмецкіе метафизики любили строить свои эстетики и философіи природы и человѣка на отвлеченныхъ формулахъ внѣшняго и внутренняго или положительнаго и отрицательнаго, и въ эти лустыя рамки вмѣщали все что ни придетъ имъ въ голову. Психологъ нашего времени, думая создать нѣчто новое, идетъ по той же избитой

колеѣ, и сверхъ того еще обманываетъ и себя и читателей, выдавая за конкретную, осязаемую личность первобытнаго человѣка такую же неизвѣстную величину какъ и разныя трансцендентальности старинной метафизики, такую же лу-столорожающую форму въ которую можно вложить что угодно, такъ что, читая сотни страницъ этой любопытной книги съ безпрестанными ссылками на авторитетъ первобытнаго человѣка, если только не принять на вѣру что авторъ лично знакомъ съ этою интересною особой, просто становится наконецъ совѣстно произносить самое имя *перво-бытный человекъ* (Urmensch), когда изъ него дѣлаютъ самое жалкое огородное пугало, какой-то шутовской манекень, на которомъ, за неимѣнїемъ ничего дѣльнаго, безъ разбору навѣшено всякаго неужнаго хлама и отстрелья. Капитальный недостатокъ книги г. Каспари состоитъ не въ томъ что онъ сблизилъ зоологію съ наукою о языкѣ и мѣологіи: почему было бы и не сблизить еслибы представились къ тому резонные доводы?—а въ томъ что обѣщая держаться положительнаго метода естественныхъ наукъ и многократно увѣряя въ томъ читателей, вмѣсто того громоздитъ онъ предположенія на предположенія и лускается въ такія мечтанія которымъ и конца не видать въ темной глубинѣ первобытныхъ вѣковъ міротворенія. Это такая зыбкая почва на которой нельзя утвердить никакого практическаго положенія для ученой пубрики. Тутъ нѣтъ мѣста для ученаго спора, наконецъ нѣтъ мѣста и для самой науки. Авторъ разсуждаетъ объ языкѣ, но не о томъ который знаетъ сравнительная лингвистика по памятникамъ письменности и устнымъ говорамъ и нарѣчіямъ, а о томъ который когда-то могъ быть, и котораго теперь уже нѣтъ; авторъ подробно характеризуетъ племена людей, но не тѣ которыя знаетъ исторія и этнографія, а тѣ которыя могли бы образоваться еслибы человѣкъ ходилъ на четверенькахъ. Можетъ-быть во всемъ этомъ много изобрѣтательности и фантазіи, но какая же тутъ положительность метода, какая тутъ наука? Фантазерство философствующее о небывальщинѣ обуздано положительностью историческихъ и этнографическихъ фактовъ нельзя, потому что есть предѣлъ дальше котораго исторія и этнографія идти не могутъ. Лингвистика знаетъ этотъ предѣлъ въ языкѣ, какъ суммируетъ всего предшествующаго доисторическаго развитія

народовъ, и изъ этого древнѣйшаго памятника извлекаетъ данныя для исторіи предшествовавшей ему эпохи; но первобытный человѣкъ г. Каспари стоитъ далеко по ту сторону этого предѣла, и какъ призракъ манитъ воображеніе на необозримое поле всевозможныхъ гаданій; потому что психологъ не вѣритъ указаніямъ существующихъ языковъ всего человѣчества и хочетъ создать свой первобытный языкъ, полуживотный. Сочиненіе гейдельбергскаго доцентаа принадлежитъ къ тѣмъ неудачнымъ попыткамъ школы этнологической которыя идутъ по вѣрному пути тогда только когда собираютъ и грулируютъ факты, но какъ скоро приступаютъ къ рѣшенію вопросовъ по исторіи быта и миеологіи, то имъ почти всегда не достаетъ точнаго анализа подробностей, и чтобъ избѣжать празднаго пустословія, которое они выдаютъ за психологію новаго пошиба, они поневолю должны заимствоваться результатами лингвистики, что случилось, какъ увидимъ, и съ г. Каспари. Скучная жизнь которую добылъ себѣ этотъ психологъ изъ естественныхъ наукъ принесла ему такіе же тощіе результаты. Стоило ли философствовать надъ рисункомъ гидромедузы для того только чтобъ извлечь такую новость что на свѣтѣ бываютъ разныя формы правленія, однѣ лучше, другія хуже? Лѣтописецъ Несторъ, не ссылаясь на авторитетъ первобытнаго человѣка, совершенно въ тонѣ г. Каспари повѣствуетъ о Древлянахъ и другихъ дикаряхъ населявшихъ древнюю Русь, какъ они „живяху звѣринскимъ обычаемъ, живуще скотски, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“; что же касается до безконечныхъ параллелей, глубокомысленно проводимыхъ нашимъ философомъ между толлою людей и муравейникомъ или роємъ пчелъ, то нѣтъ возможности, читая эти избитыя улодобленія, не припомнить себѣ назидательныя сентенціи старинныхъ грамотниковъ: „Человѣче, поучайся премудрости у пчелы и мравіа“.

Гораздо серіознѣе представляется у автора вопросъ объ аристократизмѣ вожаковъ въ первобытной человѣческой общинѣ. По крайней мѣрѣ на этой аристократической теоріи, какъ мы видѣли, онъ строитъ новое ученіе о происхожденіи языка, на ней же, какъ увидимъ, онъ основываетъ и ученіе о религіи и миеѣ. Можетъ-быть тутъ есть своя доля правды, насколько это подтверждается древними свидѣтельствами и остатками раннихъ преданій, застрявшими въ языкѣ и бытѣ; но еслибы психологъ тверже держался метода

положительныхъ наукъ, то строя свою теорію о главенствѣ вождя, онъ никоимъ образомъ не долженъ бы былъ митовать вопросъ о семьѣ, о составляющихъ ее членахъ и отношеніи ея къ расположенію рода-племени, причемъ опредѣлилось бы отношеніе дѣтей къ матери въ отличіе отъ отношенія ихъ къ отцу, а также союзъ рода-племени по восходящей и нисходящей линіямъ — женской и мужской. Всего этого напрасно мы ищемъ въ народной психологіи г. Каспари, такъ что множество существенныхъ фактовъ въ быту, языкѣ и мифологіи остается необъяснимымъ. Объ этомъ капитальномъ проблѣ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, когда въ первобытномъ, получеловѣческомъ языкѣ, какъ мы видѣли, предполагаетъ названія не только для *отца* и *матери*, но и для *брата* и *сестры*. Вслѣдствіе какого же это животнаго процесса въ полувѣбриной ватагѣ первобытнаго племени развились такія тонкія отличія въ пониманіи членовъ семьи, которыя свидѣтельствуютъ уже о высокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, доступномъ языкамъ уже такимъ цивилизованнымъ каковы индо-европейскіе, и такой семьѣ которая сложилась вслѣдствіе долгаго историческаго совершенствованія? Кровосмѣшеніе лежитъ въ основѣ первобытной дикости и въ теченіе тысячелѣтій бросаетъ свою тѣнь на мифологическія преданія народовъ,* и еслибы по этому предмету психологъ прислушался къ свидѣтельствамъ мифологіи, языка и летописцевъ всего земнаго шара, начиная отъ Геродота до нашего Нестора, то нашелъ бы тутъ болѣе подходящія для своей теоріи черты первобытнаго племени, и не очутился бы въ такомъ нелогическомъ противорѣчій съ самимъ собою.

Впрочемъ, это только слабое начало тѣхъ противорѣчій какими на каждомъ шагѣ прошибается нашъ авторъ въ слѣдующихъ главахъ о первобытныхъ начаткахъ религіозной жизни.

II.

Какъ государственныи строй нашъ авторъ вывелъ изъ звѣринаго стада съ вожакомъ, такъ для единства системы и религію надлежало извлечь изъ того же источника. Это въ порядкѣ вещей; потому что философское ученіе должно систе-

* Подробности по этому предмету см. въ моихъ статьяхъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1872 года № 10 и 1873 года № 1.

матически развиваться изъ однажды принятаго принципа. Читатель этого ждалъ, потому что уже достаточно былъ подготовленъ къ этому предшествующими доводами; потому во все неумѣстно оласеніе автора, будто кому-нибудь можетъ показаться страннымъ что онъ говоритъ о *слыдахъ и зародышахъ религіознаго чувства у звѣрей* (I. 267). Зародыши эти открываются въ глубокихъ чувствахъ привязанности, заботливости, сочувствія, попеченія, а также боязливаго участія и любви нѣкоторыхъ изъ звѣрей къ своимъ дѣтенышамъ, въ нѣжной семейной привязанности этихъ послѣднихъ другъ къ другу и въ страхъ къ родителямъ, такъ что уже въ нѣдрахъ звѣриной семьи зачинается, говоря словами автора, примитивный актъ воспитанія основаннаго на любви и страхѣ и раскрывающаго въ звѣряхъ чувства привязанности и сочувственной благодарности (I, 268). Что это и есть несомнѣнные зародыши религіознаго чувства у звѣрей, явствуетъ будто бы изъ того что самая религія, по опредѣленію автора, есть не иное чтѣ какъ *страхъ въ любви* (Furcht in der Liebe), и это ощущеніе состоитъ въ тѣснѣйшемъ сродствѣ съ основными элементами *нравственнаго воспитанія* (I, 293).

Итакъ, великій вопросъ исторіи и философіи, о которомъ столько вѣковъ думали, мечтали, разсуждали и спорили, приходитъ наконецъ къ своему желанному рѣшенію. Надобно было только постановить его на твердую почву метода естественныхъ наукъ — и рѣшеніе готово. Самая основа теоріи о происхожденіи религіи такимъ образомъ опредѣлена ясно, точка опоры дана, и ученіе направлено по указанному пути. Дарвиновская теорія сдѣлала свое дѣло; она положила первичные слои для этой основы въ доисторической глубинѣ совокупнаго сожительства звѣриной и человѣческой породъ, но исполнивъ свою спеціальную задачу по части зоологической, окончивъ съ человекомъ какъ со звѣремъ, она въ недоумѣніи остановилась предъ разумными, психическими явленіями человѣческой жизни, и когда рѣшилась было переступить въ эту чуждую ея научнымъ средствамъ область, то на первомъ же шагу споткнулась и залуталась въ неразрѣшимой сѣти противорѣчій.* И это понятно.

* Обстоятельный разборъ этихъ противорѣчій, не входящій въ кругъ моихъ изсѣдованій, можно прочесть въ статьѣ г. Лебедева: *Ученіе Дарвина о происхожденіи міра органическаго и человека*, въ *Русск. Вѣстн.* 1873 № 8.

Каждая специальность имѣетъ свои предѣлы, дальше которыхъ идти не можетъ, и только во взаимномъ пособіи другъ другу разныя специальности могутъ привести къ желанному рѣшенію такихъ вопросовъ о человѣческой природѣ для изслѣдованія которыхъ необходимы научныя пособія какъ по естествознанію, такъ еще и болѣе того по исторіи, лингвистикѣ, археологіи и т. п. Что не удалось Дарвиновской теоріи, должно быть рѣшено такими специальностями къ которымъ принадлежитъ разбираемое мною сочиненіе профессора Каслара. Посмотримъ же какъ этотъ ученый выводитъ человѣческую религію изъ звѣриной.

Сначала надобно знать что по теоріи нашего автора первобытный человѣкъ, ничѣмъ не интересуясь кромѣ своихъ животныхъ потребностей, не могъ обратить никакого вниманія ни на солнце или мѣсяцъ, ни на грозу и другія явленія природы; какъ звѣрь, относился онъ безучастно къ окружающей его природѣ. Не имѣлъ на нее никакихъ воззрѣній, которыхъ потому и не слѣдуетъ искать ни въ первобытномъ языкѣ, ни въ первобытной религіи. Поклоняться природѣ и ея явленіямъ, величественнымъ или грознымъ, онъ не умѣлъ, потому что этой способности у звѣрей мы не находимъ, а человѣкъ и звѣрь въ этомъ отношеніи стояли на одинаковой стулени (I, 279). Самый ужасъ предъ всеокрушающею силою грома и молніи не могъ пробудить жервопытнаго человѣка изъ его звѣриной спячки и внушить ему какое-либо человѣческое ощущеніе, которое могло бы воплотиться въ представленіи подходящемъ хотя бы сколько-нибудь къ религиозному чувству, имѣющему хотя бы нѣкоторую связь съ воззрѣніями мѣологическими, и это потому что сами обезьяны, больше человѣка подвергающіяся смертной опасности отъ грозы на высокихъ деревьяхъ, остаются къ ней безучастны (I, 278). Итакъ, кругъ предметовъ пробудившихъ самую раннія изъявленія религиознаго чувства долженъ былъ быть самый тѣсный (I, 284). Это та же семейная жизнь, та же община, та же звѣриная среда, въ которой авторъ открываетъ свои звѣриныя зародыши религіи. „Здѣсь, въ кругу тѣсной семейной жизни—говоритъ онъ — подъ вліяніемъ полеченія и любви къ дѣтямъ образуется та религиозная привязанность и та любовь къ ближнему между отдѣльными личностями которая зарождается изъ тысячи нравственныхъ чувствованій и угодливыхъ отношеній; здѣсь залагаются первыя основы

того глубокаго религіознаго благочестія, и уже при первыхъ начаткахъ дѣтскаго разумѣнія пробуждается тотъ возвышенный страхъ въ любви и боязненное религіозное благоговѣніе и чувство зависимости, которыя такъ естественно ощущаемъ мы къ разумному старцу, къ отцу и къ общему верховному покровителю того замкнутаго круга который насъ объемлетъ своимъ общиннымъ порядкомъ. Чувства эти, которыя въ самомъ тѣсномъ кругу такъ-сказать всасываютъ мы вмѣстѣ съ молокомъ матери, пробуждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о чествованіи, съ которыми мы уже какъ люди относимся къ праотцу, родоначальнику, герою, а также къ князю или начальнику. Словомъ, узкая семейная жизнь съ ея глубоко нравственными семейными отношеніями и воспитательною взаимностью есть первичный зародышъ и неистощимый источникъ глубочайшихъ ощущеній, на основѣ которыхъ могла возникнуть религія. Отнимите у ребенка понятіе о любви къ родителямъ, уничтожьте въ немъ врожденную любовь къ ближнему, убейте въ немъ всѣ тѣ чувства которыя онъ привязанъ къ болѣе или менѣе узкому кругу человѣческаго общежитія, и тотчасъ же пропадетъ не только настоящее благочестіе, но и самая основа тѣхъ глубокихъ ощущеній коими питается всякая религія. Здѣсь, только въ нѣдрахъ самаго искренняго общенія съ ближними, зарождается та истинная любовь къ ближнему и тотъ страхъ въ любви предъ авторитетомъ и величіемъ родителей которые потомъ переносятся на любовь къ родинѣ и къ родителямъ. „Что за жизнь безъ любви, и что за любовь безъ близкихъ (сердцу)?“ сентиментально восклицаетъ авторъ, и за тѣмъ продолжаетъ: „а возможно ли естественное общеніе ближнихъ другъ съ другомъ безъ того чтобы не было обращено вниманіе на отличіе старости, которая по богатству опытности налагаетъ на юношество свой авторитетъ и являетъ предъ нимъ естественную ступень высокаго, именно нравственной высоты, которая внушаетъ намъ чувство справедливой зависимости, страха, уваженія и благоговѣнія. Такимъ образомъ, въ общежитіи между ближними и въ семьѣ даны намъ всѣ зародыши изъ которыхъ возрастаетъ религіозный страхъ въ любви и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство высокаго. Такъ какъ въ самой наклонности къ искренней семейной жизни и къ миролюбивому общенію въ стадахъ уже и звѣри являютъ намъ со всѣхъ сторонъ слѣды и начатки глубокихъ

ощущеній и душевныхъ движеній, то мы видимъ какъ на этой звѣриной, конечно еще очень не развитой основѣ, возрастаетъ и углубляется духовная натура челоѣка“ (I, 285—287).

Нѣтъ, этого-то именно мы и не видимъ, потому что авторъ показалъ намъ не основу звѣриную (*Basis*, говоритъ онъ, I, 287), а только звѣриную обстановку, при которой когда-то могла зародиться въ челоѣкѣ религія. Но обстановка не есть источникъ, не есть центръ изъ котораго извлекались бы *чувство высокога, благочестіе, уваженіе къ авторитету* и другія тому подобныя идеи и чувства, которыя самъ же авторъ приписываетъ уже первобытной религіи челоѣка. Обстановка—это только окружность, околица, и ее не должно смѣшивать съ тѣмъ что она окружаетъ: это было бы такъ же не логично какъ смѣшать лютень съ огородными овощами или стѣны училища съ успѣхами преподаванія, какъ это смѣшивали ревизоры времянь Гоголевской комедіи. Вотъ причина почему отъ этихъ звѣриныхъ зачатковъ, отъ *обезьянней любви*, которою особенно авторъ умиляется (I, 268), отъ пресловутой въ дѣтскихъ пролисахъ материнской любви наслѣдки къ своимъ цыплятамъ и отъ страха въ любви который держитъ собака къ своему хозяину и его палкѣ, отъ всего этого оказалось рѣшительно не возможно сдѣлать логическій и психологическій переходъ, прямой и послѣдовательный, къ благочестію, благоговѣнію, къ нравственнымъ отношеніямъ между юношествомъ и старчествомъ и къ другимъ явленіямъ чисто разумной природы, коими, какъ мы видѣли, авторъ характеризуетъ религію челоѣка. Пропасть отдѣляющая міръ звѣриный отъ челоѣческаго остается попрежнему не проходима, и этнографъ-психологъ не только не умѣлъ перекинуть черезъ нее прочный мостъ, но еще только глубже показалъ ея зіяющую бездну, когда изъ этой узкой основы звѣринаго рода-племени напрасно пытался извлечь разныя поэтическія *измышленія дѣтской фантазіи* (I, 295 и 296), которыя, Богъ вѣсть по какимъ зоологическимъ законамъ Дарвиновской теоріи, будто бы первобытный челоѣкъ, болѣе и болѣе развиваясь, сталъ украшать свою полувзѣриную религію. Если психологъ начинаетъ намъ говорить о *поэтическомъ измышленіи и фантазіи*, которыхъ прежде въ его звѣриномъ стадѣ не было, то кажется нѣтъ ничего естественнѣе спросить себя: откуда же въ челоѣкѣ взялись эти измышленія

фантазій? И однако психологъ отстранилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса, и ограничился только риторическими улобленіями и притчами изъ царства животныхъ въ родѣ пословицы объ обезьяньей любви и т. п.

Всѣ эти противорѣчія, непослѣдовательность и скачки стремглавъ отъ одного положенія къ другому объясняются очень просто.

Во первыхъ, во всемъ томъ что авторъ говорилъ о семьѣ первобытныхъ людей и о развитіи искреннихъ нравственныхъ отношеній между ея членами, смѣшивается онъ — какъ было уже мною замѣчено—первоначальную грубость и дикость, о которой хочетъ говорить, съ семьей уже развитою исторически, именно съ такою какою въ теченіе тысячелѣтій въ связи съ успѣхами нравственнаго, юридическаго и религіознаго быта могла выработаться въ привилегированной породѣ кавказской и какъ она залечатлѣна неизгладимыми чертами въ самыхъ языкахъ индо-европейской семьи: предметъ очень важный, къ которому еще не разъ придется намъ воротиться. Если ученый нашего времени, вооруженный пособіями лингвистики и этнографіи, говоритъ намъ о первобытной семьѣ, то мы требуемъ чтобъ онъ сдѣлалъ намъ *точный перечень* изъ кого такая семья слагалась и въ какихъ отношеніяхъ дѣти состояли и къ отцу, и къ матери отдѣльно, а также и между собою, то-есть братья къ сестрамъ и т. д. Если же авторъ этого намъ не говорить, то мы вовсе и не видимъ его первобытной семьи: это въ его теоріи лустой звукъ, призракъ, миражъ. Пришло же въ голову на такомъ переливаніи изъ лустаго въ порожнее строить новое ученіе, и еще о такомъ серіозномъ предметѣ какъ религія? Понятно что за отсутствіемъ данныхъ, автору ничего больше не оставалось какъ нарисовать семейную картину во фламандскомъ вкусѣ, съ почтительными дѣтьми окружающими своихъ родителей, которые нѣжно любятъ другъ друга, потому что „что за жизнь безъ любви“, говорятъ они словами нашего автора, „и что за любовь безъ милыхъ сердцу?“ А на переднемъ планѣ сидитъ дѣдушка, образецъ героя, дѣствица къ подъятію чувства высокаго; впрочемъ на фламандскихъ картинахъ онъ уже смѣнилъ свой геройскій мечъ на мѣщанскую трубку съ табакомъ.

Вовторыхъ, анахронизмы первобытной семьи умножаются внесеніемъ въ нее *измышленій дѣтской фантазій*, то-есть

всѣхъ тѣхъ поэтическихъ воззрѣній на природу которыми Шварцъ, Максъ Мюллеръ и другіе лингвисты объясняютъ себѣ происхожденіе мифологіи, но которые нашъ авторъ по принципу отвергаетъ въ первобытномъ человѣкѣ на томъ только основаніи что звѣри такихъ воззрѣній не имѣютъ. Лингвистика не знаетъ первобытнаго человѣка какъ его изображаетъ намъ г. Каспари, но она знаетъ древнѣйшіе слои въ образованіи нѣкоторыхъ языковъ и особенно языковъ индоевропейскихъ. Въ этихъ языкахъ испоконъ вѣку *день* по названію своему отличается отъ *ночи*, и означаетъ нѣчто *свѣтлое, свѣтлящее, освѣщающее*, такъ что *день* и *свѣтъ* испоконъ вѣку представлялись нашимъ праотцамъ тождественными.* Чтобы сблизить между собою эти два представленія требовалась извѣстная доля творческой фантазіи; потому что еслибы даже только въ нѣдрахъ полузвѣриной семьи человѣкъ создалъ и развилъ свою религію, все же въ отцѣ, дѣдѣ или вожакѣ толпы онъ долженъ былъ бы усмотрѣть нѣчто большее нежели каковы они на самомъ дѣлѣ, для того чтобъ отличить ихъ отъ самого себя величіемъ, дабы воздать имъ религіозное чувствованіе, такъ какъ уже и по мнѣнію нашего автора: „въ изслѣдованіи о существѣ религіи мы имѣемъ дѣло преимущественно съ понятіемъ о *высокомъ*“ (I, 290). Я не стою за то чтобы всю массу мифическихъ представленій можно было извлечь изъ поэтическихъ воззрѣній на природу; но все же теорія лингвистовъ съ математическою точностью доказываетъ мнѣ что изъ представленія о днѣ и свѣтѣ языки индоевропейскіе развили идею о божествѣ, назвавъ его тоже *свѣтомъ, днемъ* или *свѣтлымъ небомъ*. Нѣтъ сомнѣнія что семейное начало глубоко вкоренено въ самыя основы человѣческой религіи, и теорія Каспари, если ее постановить на твердыхъ научныхъ основахъ, могла бы оправдаться библейскими заповѣдями, въ которыхъ въ связи съ богопочитаніемъ предписывается: *чти отца твоего и мать твою, да благо тебѣ будетъ*; но это уже есть высокая ступень нравственнаго развитія семейнаго начала. Точно также аріиское племя уже въ самую раннюю эпоху Вѣдъ могло перенести на *свѣтъ* и *небо* понятіе объ *отцѣ* и обоготворить небо наиме-

* *День*, лат. *dies* и т. д. отъ корня *di*—свѣтить, откуда и названіе неба: *divum, sub divo*, а также божества *dis, deus, Zeus* и т. д.

новавъ его *небо-отецъ*.* Въ этомъ терминѣ нераздѣльно слиты два элемента на которыхъ развивается религіозное чувство, именно семейное начало и осмысленное воззрѣніе на природу, воплощенныя творческою фантазіей въ одинъ цѣльный образъ. Единомышленники г. Каспари могутъ возразить мнѣ что лингвистика въ этомъ случаѣ не достигаетъ до самой глубины первобытной человѣческой породы и даетъ намъ знать только о томъ какъ на порогѣ исторической жизни понимали религію племени кавказскія, достигшія уже и тогда значительно высокой степени исторической цивилизаціи. Положимъ такъ, но если на нашей сторонѣ Библія ч священныя Вѣды Индусовъ, то на сторонѣ разбираемаго мною автора уже совсѣмъ современная намъ благоустроенная семья, даже съ отбѣнкомъ новѣйшей сентиментальности и съ деспотическими привычками нѣмецкаго гражданина. А главное дѣло въ томъ что теорія лингвистическая съ логическою и математическою точностью объясняетъ намъ религіозное состояніе человечества, хотя бы уже не равне какъ только при разсвѣтѣ исторической жизни, тогда какъ теорія г. Каспари, по своимъ противорѣчіямъ, по нелогичности и отсутствію фактовъ, ровно ничего не объясняетъ.

III.

Изъ неумѣстнаго усердія систематизировать донельзя авторъ въ своей теоріи о звѣриномъ происхожденіи религіи очевидно хватилъ черезъ край. Теперь когда религія у него найдена, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, и полувзвѣрь сталъ наконецъ человѣкомъ, мы можемъ распрощаться съ неудавшеюся автору фигурою первобытнаго человѣка. Предъ нами открытъ путь собственно человѣческой жизни, проторенный исторіей, которая на всякомъ шагѣ оставляла на немъ свои слѣды, не изгладившіеся частію и лопытѣ. Хотя кое-гдѣ еще и встрѣтится намъ тощяя фигура этого призрака, но такъ какъ мы уже хорошо знаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, то она всякій разъ сама собою будетъ исчезать какъ только вмѣсто гадательной звѣриной обстановки

* См. объ этомъ предметѣ въ моей статьѣ въ *Русскіяхъ Вѣстникѣхъ* 1872 года № 10.

мы увидимъ вокругъ себя дѣйствительные факты историческаго быта. За отсутствіемъ самостоятельныхъ изслѣдованій по лингвистикѣ, археологіи, исторіи и этнографіи, автору двухъ томовъ на 800 страницахъ естественно было дать полную волю своему остроумію, которое не увлекая его въ крайности когда подъ руками были спеціальныя руководства по мифологіи и быту, на просторѣ психологическаго умствованія приводило его нерѣдко къ довольно правдоподобнымъ новымъ выводамъ и счастливымъ соображеніямъ и догадкамъ, которыя не могли придти на умъ самимъ спеціалистамъ за недосугомъ при колотливомъ разборѣ массы удручавшаго ихъ ученаго матеріала. И во всякомъ случаѣ все то полезное или годное для сравнительной науки что только можно извлечь изъ книги г. Каспари имѣетъ свою цѣну не въ перекошенныхъ рамкахъ его нелогической системы, потому что все это, дополняя или объясняя тотъ или другой спеціальныи вопросъ по мифологіи и быту, не только не оправдываетъ его теоріи, но большею частію ее подрываетъ.

Слѣдуя за авторомъ имѣ бы хотѣлось поскорѣе найти у него что-нибудь серьезное и полезное для науки, но такъ какъ я имѣю дѣло съ цѣлою системою, то для точности въ передачѣ самого содержанія этого сочиненія не позволительно дѣлать скачки, и поневолѣ приходится посмотрѣть какъ трудно было автору выбираться изъ его звѣриныхъ тучъ на Божій свѣтъ исторической жизни. Предъ нами опять та же благоустроенная нѣмецкая семья; домочадцы преклоняются предъ своимъ отцомъ или родоначальникомъ: изъ нѣдръ семьи возникаютъ такимъ образомъ оба великіе принципа исторической жизни—начало религиозное и начало государственное, церковь и государство (I, 317). Рабское отношеніе ко главѣ семейства, къ вождю или начальнику пробуждаетъ чрезмѣрное чествованіе, изъ котораго со временемъ развивается обоготвореніе вождя или князя. Не могу сказать до какой степени рисовалась при этомъ въ воображеніи автора картина нѣмецкихъ побѣдоносныхъ ополченій, съ мифическимъ Одиномъ во главѣ или съ прусскими героями недалекаго болѣе прозаическаго времени: но что именно таковы были солидными основы его теоріи въ данномъ случаѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ, которыхъ научное значеніе пусть оценитъ читатель самъ: „Въ психологическомъ отношеніи характеристично что и повинъ къ составленію себѣ высокаго

понятія о божествѣ дѣти переходятъ отъ реального представленія о королѣ или владѣтельномъ князѣ. Когда въ моемъ присутствіи спросили одну пятнадцатую дѣвочку русскаго происхожденія: что такое Господь Богъ и гдѣ Онъ находится? она отвѣчала съ увѣренностію: „а это король Пруссій“. Дѣвочка эта воспитывалась въ Германіи — находитъ не безполезнымъ замѣтить при этомъ авторъ,—но такъ что ея родители не считали нужнымъ дать ей религіозное образованіе и воспитаніе. „По этому смѣшному случаю рассказывали мнѣ“, продолжаетъ онъ, „что въ Россіи крестьянскія дѣти не ясно сознаютъ различіе между Богомъ и царемъ“ (I, 326). Вотъ вамъ образчикъ этнографическихъ матеріаловъ изъ которыхъ между прочимъ создается новая психологическая теорія о происхожденіи религіи. Особенно любопытно здѣсь то что русская дѣвочка, получающая свое воспитаніе въ Германіи, является на взглядъ нѣмецкаго психолога представительницей убѣжденій того же первобытнаго человѣка.

Впрочемъ, если не обращать вниманія на смѣшныя наивности нашего автора, то нельзя не отдать ему справедливости во всемъ томъ что онъ говоритъ о патриархальномъ бытѣ, который исторія и этнографія рисуютъ намъ на самой первой ступени человѣческаго развитія. Отецъ семейства, а потомъ родоначальникъ, держать въ своихъ рукахъ всякую власть, и духовную и свѣтскую: это и жрецъ, и князь. Онъ же пользуется и религіознымъ чествованіемъ. Дикари почитаютъ своихъ начальниковъ за боговъ. Маттаки (на Ла-Платѣ) обоготворяютъ человѣка, выбирая себѣ въ бога древнѣйшаго изъ старцевъ племени, который послѣ того живетъ въ удивленіи и только время отъ времени появляется съ особенными торжественными церемоніями между народомъ. Узамбараны говорили одному путешественнику что всѣ они рабы своего царя, который почитается у нихъ богомъ (I, 356—357). И доселѣ у Каффровъ начальникъ признается за отца своего народа, въ собственномъ смыслѣ этого слова: онъ источникъ всякаго блага: онъ печется о жизни и здоровьѣ каждаго въ своемъ родѣ-племени, по мѣстному выраженію, онъ грудь которою кормится и утоляетъ свою жажду вся страна (I, 333). Изъ этого первобытнаго періода, прибавимъ мы отъ себя, извлекается съ одной стороны гомерическое представленіе о царѣ какъ *пастухъ народовъ* (ποιμήν λαῶν), а съ другой—тотъ грубый обычай дикарей въ которомъ Бахофенъ

видитъ отличительную черту варварскихъ тирановъ, имѣть право на каждую жену въ своемъ племени, * право которыхъ до позднѣйшихъ временъ пользовались князья въ первую ночь каждой новобрачной изъ своихъ подданныхъ (*ius primaе noctis*). Первоначально право это не только никого не могло оскорблять въ родѣ-племени, но считалось благодѣтїю свыше по тому чувствуванію которое подобало начальнику какъ общему всѣхъ отцу, осѣненному божескимъ ореоломъ. Этотъ тиранскій обычай видимымъ образомъ скрѣплялъ цѣлое племя семейными узами, дѣлалъ родоначальника настоящимъ его отцомъ.

Но когда нашъ авторъ рядомъ съ обычаями дикарей припоминаетъ искусственный принципъ обоготворенія Домиціана и другихъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, то олять смотритъ на дѣло глазами лятилѣтней русской дѣвочки. Самое уложеніе римскаго права объ отеческой власти, объ отцѣ семейства (*pater familias*), усвоенное цивилизованнымъ міромъ, на необозримыя разстоянія историческаго развитія отстоитъ отъ того патріархальнаго быта о которомъ идетъ рѣчь. Гораздо естественнѣе было автору припомнить ветхозавѣтныхъ патріарховъ, окруженныхъ мѣстнымъ чувствуваніемъ, но онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ, потому ли что въ этомъ предметѣ этнологическая школа могла бы представить доказательство первобытности незаламятныхъ преданій Библіи, или же и потому что допотопные патріархи Еврейскаго народа по своему челоувѣкообразію для этой теоріи не годились, сколько же какъ и заповѣди Моисея для исторіи чувствуванія родительскаго авторитета. Что же касается до обоготворенія перваго челоувѣка, отъ котораго разные народы ведутъ свое происхожденіе, или почитаютъ его за творца всего міра, то авторъ справедливо ведетъ это вѣрованіе въ связи съ патріархальнымъ бытомъ и чувствуваніемъ отца семейства или родоначальника (I, 357); только онъ забываетъ при этомъ что въ нѣкоторыхъ дикихъ племенахъ первымъ челоувѣкомъ признается не мужчина, а женщина, ** а чтобы быть вѣрну этнологической школѣ, надобно было бы объяснить это очень замѣтное отклоненіе.

Чтобы придти къ обоготворенію отца, родоначальника или

* *Das Mutterrecht*, стр. 17 и слѣд.

** См. въ моей статьѣ, *Русск. Вѣстн.* 1872 № 10.

князя, человекъ долженъ былъ пройти цѣлый рядъ послѣдовательныхъ моментовъ въ развитіи своего смысла, которые по теоріи нашего автора должны были привести къ идеѣ о духовности и безсмертіи. Какъ дошелъ человекъ до мысли отдѣлать свое духовное существо отъ его тѣлесной оболочки, душу отъ ея физическихъ проявленій — вотъ вопросъ котораго не могли обойти изслѣдователи мѣологіи, какъ скоро признавая они за возможное научнымъ образомъ трактовать объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые психологи вмѣстѣ съ Тейлоромъ * указываютъ на свидѣнія, въ которыхъ предметы являются намъ отрѣшенными отъ фактической лочвы дѣятельности. Г. Каспари съ этимъ не согласенъ; по его мнѣнію, свидѣніе представляетъ только то что человекъ видитъ въ дѣйствительности, и если онъ своимъ опытомъ не дошелъ до понятія объ отдѣленіи тѣла отъ безплотнаго духа, то и во снѣ не можетъ грезить объ этомъ послѣднемъ: такъ что если ему приснится покойникъ, то въ его образѣ видитъ онъ не душу его, но его самого, какъ онъ былъ въ живыхъ. Ставя своего первобытнаго человека на одну ступень съ прочими животными, нашъ авторъ полагаетъ что онъ не только не могъ имѣть никакого понятія о существѣ безтѣлесномъ, но даже не умѣлъ отличить живаго отъ неживаго. Какъ зѣбрь, не понималъ онъ смерти и смѣшивалъ ее съ обыкновеннымъ сномъ. Обезьянья самка носится со своимъ околѣвшимъ дѣтенышемъ какъ съ живымъ, въ теченіи многихъ дней ласкается къ нему и съ нимъ заигрываетъ и приходитъ въ отчаяніе и бѣшенство когда у нея отнимаютъ его. Едва ли эта притча изъ обезьяньего быта внесетъ что-нибудь новое въ ту холодную мораль, лочерпаемую чуть не изъ азбуки, что все живущее любитъ жить и не терпитъ смерти и не понимаетъ ее, и что еще классическіе народы изображали смерть въ видѣ сна. Мысль о томъ какъ первый человекъ догадался о смерти занимала еще нашего лѣтописца Нестора, и благочестивый монахъ, пользуясь византийскимъ апокрифомъ, очень близко сошелся съ психологомъ новѣйшей школы даже въ

* .Для пониманія ходячихъ представленій о человеческой душѣ или духѣ будетъ полезно обратить вниманіе на тѣ слова которыя наши удобными для выраженія ихъ. Духъ или фантазмъ, являющійся спящему или духовидцу, имѣетъ видъ *тѣни* и такимъ образомъ послѣднее слово вошло въ употребленіе для выраженія души.* *Первобытная культура*, II, стр. 12 и слѣд.

самомъ пути къ рѣшенію этого мудренаго вопроса, хотя смотрѣлъ на міръ совсѣмъ иными глазами. „И плакали по Авелѣ Адамъ и Ева тридцать лѣтъ, говорить у него одинъ греческій философъ: и не сгнило тѣло его, и не умѣли его погребсти; и по повелѣнію Божию прилетѣли двѣ птички; одна умерла, а другая выкопала ямку и вложила туда умершую и похоронила ее. Видя то Адамъ и Ева выкопали яму, положили въ нее Авеля и погребли съ плачемъ.“ Мораль одна и та же: человѣкъ поучается о смерти отъ безсловеснаго животнаго, съ тою только разницею, что по понятіямъ средневѣковаго монаха, незнакомаго съ естественными науками, звѣрь представляется умѣе нежели каковъ онъ въ книгѣ г. Каспари. Какъ ни странно покажется съ первого взгляда такое неожиданное совпаденіе новѣйшей этнологической психологіи со школьною начитанностью среднихъ вѣковъ, но въ совпаденіи этомъ нельзя признать одну только случайность, когда, какъ мы сейчасъ увидимъ, приводитъ оно къ одной и той же теоріи о происхожденіи самой миеологии.

Итакъ, человѣка умершаго сначала считали за спящаго или уснувшаго, то-есть, *усопшаго* (церковнославянская форма, которою отлично могъ бы воспользоваться для своей теоріи нашъ авторъ), и нѣкоторое время охраняли его трулъ, пока онъ не подвергся яльному разложенію. По обычаю дикарей, мертвеца хоронятъ или въ той же хижинѣ гдѣ онъ жилъ, въ убѣжденіи что онъ будетъ продолжать въ ней жить въ сонномъ состояніи, или же, чтобы предохранить трулъ отъ хищныхъ животныхъ, помѣщаютъ его на высокихъ деревьяхъ или на подмосткахъ, нарочно для того сдѣланныхъ (см. рисунокъ въ самомъ началѣ I тома). А такъ какъ семейная *pietas* связывала домочадцевъ съ ихъ покойникомъ узами любви, а также и чествованія, если покойникъ былъ отецъ, родоначальникъ или вождь, то и на уснувшаго были перенесены эти чувства; но какъ его самого уже не было на лицо между оставшимися, то воспоминаніе о немъ и стало мало-по-малу осѣняться ореоломъ безплотной божественности. Что именно такъ составилось въ человѣкѣ понятіе о Божествѣ, явствуетъ между прочимъ и изъ множества преданій о томъ что то тамъ то самъ будто бы были погребены дѣйствительные боги (I, 359).

Итакъ, по теоріи г. Каспари, миеологія зачалась отъ

чествованія воздаваемого родоначальникамъ, вождямъ и другимъ людямъ чѣмъ-либо выстулавшимъ изъ общей среды. Чествованіе это испоконъ-вѣку соединялось съ обоготвореніемъ душъ усопшихъ, о чемъ многочисленныя свидѣательства находимъ у разныхъ лѣтописцевъ и путешественниковъ, а такъ какъ челоуѣчество развивалось въ нѣдрахъ семьи и рода-племени, то первоначальная идея о безсмертіи въ связи съ божествомъ проявилась въ чествованіи усопшихъ отцовъ или дѣдовъ, куда саѣдовательно должно отнести *родительскій рай* или царство бога *Ямы* у Индусовъ, Германскую *Вальгаллу* съ *Одиномъ* во главѣ усопшихъ героев, наши преданія о *дзядзахъ* или *дѣдахъ*, и наконецъ самое слово *родители*, коимъ на Руси доселѣ означаютъ всякаго покойника, хотя бы и одного, но во множественномъ числѣ *родители*, будь это хоть дѣвочка.

Я нарочно привожу здѣсь нѣсколько данныхъ неизвѣстныхъ автору, для того чтобы показать какъ плодотворенъ для изслѣдованія принятый имъ принципъ чествованія усопшихъ родителей. Но принципъ этотъ всею своею тяжестью падаетъ на его же собственную хрупкую теорію и ее разрушаетъ, потому именно, какъ мы уже знаемъ, что чествованіе родителей предполагаетъ благоустроенную семью, въ смыслѣ языковъ индо-европейскихъ, унаслѣдованную и современную намъ цивилизацію, а авторъ, какъ было замѣчено, не могъ намъ доказать что такая же точно добродѣтельная семья была и у его первобытнаго челоуѣка. Наши аріійскіе предки еще въ доисторическую эпоху дошли уже до точнаго отличія въ понятіяхъ между *отцомъ* и *свекромъ*, между *матерью* и *свекровью*, между *женою* и *сестрою* или *дочерью*, и между *мужемъ*, *братомъ* или *сыномъ*, и это рѣзкое отличіе неизгладимыми чертами залечатлѣлось несомнѣннымъ сродствомъ этихъ словъ у всѣхъ народовъ индо-европейскихъ. Вникая въ самый смыслъ терминовъ опредѣлившихъ въ языкѣ семейныя отношенія, лингвисты пришли къ тому заключенію что аріійская семья еще до выдѣленія языковъ индо-европейскихъ изъ ихъ общаго источника стояла уже на высокой степени развитія. * Отецъ раздѣлялъ свой авторитетъ въ семьѣ съ

* Fick, *Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas*. 1873 года стр. 286 и слѣд. Именно: *pater* отъ *pa*—беречь, охранять; *matr* отъ *mā*—мѣрять, завѣдывать, править; мужъ и господицъ—*pati*; жена и госпожа—*patnia*; *svекоръ* и *свекровь*—слова сложныя: изъ *сва*—свой и *кура* или *шур*—господицъ.

матерью, и притомъ такъ что она *защищала* и *оберегала* своихъ домочадцевъ, и она—*распоряжалась* и *завѣдывала*. Равноправность мужа и жены во всей точности обозначилась тѣмъ что не только жена называла своего мужа *господиномъ*, но и мужъ жену—*госпожей*. Новые члены, приходившіе въ семью черезъ бракъ, присоединялись къ семейному союзу растяженіемъ тѣхъ же родственныхъ узъ, такъ что невѣста приводимая сыномъ получила названіе *снохи*, то-есть, *сыновой*, сама же она отъ а мать мужицкихъ назвала *своимъ господиномъ* и *своею госпожей*. Такая-то именно отеческая власть, смягченная въ семьѣ взаимнымъ уваженіемъ и пріязнью, послужила уже въ языкѣ Вѣдъ признакомъ божеской почести; потому надобно было возвести самое небо въ отеческій санъ, чтобы подъ именемъ *неба-отца* (*dyaus-pitar*) поклониться ему какъ богу. Понятно почему у такого народа будущая, загробная жизнь названа была *мѣстомъ отцовъ* (*pitilokam*), въ которомъ царствуетъ первый челоѣкъ, то-есть, самый ранній изъ отцовъ, богъ Яма, и въ которомъ даже градаціи въ помѣщеніи опредѣляются по восходящей мужской линіи: отцы пребываютъ на землѣ, дѣды въ воздушныхъ пространствахъ, а прадѣды на небесахъ. Сверхъ того, чествованіе воздаваемое усопшимъ родителямъ жертвоприношеніями и другими обрядами подобаетъ тоже мужскому началу, и именно *сыновьямъ*. Потому великое благо отцу семейства когда у него родится сынъ, который есть радѣтель о семейномъ союзѣ не только въ здѣшней жизни, но и въ будущей. * Вотъ основы ранней индо-европейской цивилизаціи на которыхъ потомъ возникъ институтъ римскаго права о главенствѣ отца и мужа: и теорія г. Каслари о происхожденіи религіи отъ чествованія усопшихъ родителей или героев неумѣстно отнесенная къ первобытной дикости имѣетъ свой настоящій смыслъ въ приложеніи только къ народностямъ довольно развитой исторической культуры.

Но самое интересное въ этой теоріи то что она говоритъ въ пользу такъ-называемаго *эвгемеризма*, которымъ съ раннихъ среднихъ вѣковъ и до позднѣйшаго времени богословы доказывали маститую первобытность преданій ветхозавѣтныхъ предъ мифологіями самыхъ древнихъ народовъ. Слѣдуя ученію древняго мифолога Эвгемера,

* Donner, *Pindapitryajna. Abhandlung aus dem Vedischen Ritual.* Berlin 1870, стр. 11—12.

по которой греческіе боги не что иное какъ обоготворенныя историческія личности, богословы въ мифологіяхъ всего міра усматривали искаженіе библейской исторіи, происшедшее отъ того что исторія эта, болѣе и болѣе приходя у народовъ въ забвеніе, оставила по себѣ одно смутное воспоминаніе. Изъ новѣйшихъ ученыхъ усвоившихъ себѣ этотъ же теологическій взглядъ я познакомилъ читателей *Русскаго Вѣстника* съ Люкеномъ, который точно такъ же какъ и г. Каспари главнѣйшимъ источникомъ язычества признаетъ почитаніе усопшихъ предковъ, возведенныхъ въ санъ героевъ, и какъ Каспари же, отказывая первобытнымъ народамъ въ обоготвореніи вещества, видитъ въ языческихъ богахъ не болѣе какъ затемненное преданіе объ исторіи чело-вѣковъ. *

Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить какъ разбираемая нами новая психологическая теорія больше прилагается къ преданіямъ ветхозавѣтнымъ чѣмъ къ той призрачной первобытности которую гадательно создало себѣ воображеніе нашего автора. Наконецъ, въ этой же теоріи открываемъ мы полнѣйшій эвгемеризмъ старинной теологической школы. Мы нѣтъ дѣла до того думалъ ли авторъ въ этомъ случаѣ оказать услугу теологіи, но во всякомъ случаѣ онъ поставилъ себя въ неловкое противорѣчіе, потому что Библия, между прочимъ, потому такъ глубоко и вошла въ цивилизацію всего міра что изображаетъ намъ человѣческую бытъ далеко не такимъ какимъ хотѣлось бы его видѣть гейдельбергскому профессору.

Впрочемъ, оставая въ сторонѣ противорѣчія нашего автора, надобно отдать ему справедливость въ томъ что онъ ввелъ въ свою систему эвгемеризмъ, который заслуживаетъ большаго вниманія нежели какое удѣляла ему въ послѣднее время сравнительная мифологія основанная на поэтическихъ возрѣніяхъ на природу. Ориенталисты ** въ изученіи преданій ветхозавѣтныхъ сравнительно съ древнѣйшими преданіями вообще народовъ семитическихъ приходятъ къ тому заключенію что въ сказаніяхъ Евреевъ и другихъ родственныхъ имъ семитовъ господствуетъ эвгемеризмъ, то-есть, дѣйствуютъ не божества, а историческія личности, тогда какъ герои

* См. въ *Русск. Вѣстн.* 1873 года № 4, стр. 603—619.

** François Lenormant, *Le déluge et l'épopée babylonienne*. Paris, 1873, стр. 35.

азіятскихъ аріицевъ или Грековъ носятъ на себѣ характеръ болѣе мифическаго происхожденія. То же слѣдуетъ сказать и о царственныхъ династіяхъ древнѣйшей исторіи Египта, которыя возведены были по эвгемеризму въ санъ божествъ, и самъ Озирисъ чествовался не только какъ богъ, но и какъ историческая личность благодѣтельнаго царя. Итакъ эвгемеризмъ и обоготвореніе явленій природы, исторія и творческій идеалъ, дѣйствительность и поэтическій вымыселъ — вотъ два принципа которые очень рано подѣлили между собою историческіе народы; одни взяли первый принципъ, другіе второй. Наука идетъ къ тому чтобы положить существенное различіе между тѣмъ и другимъ; распредѣляя по тому и другому разныя народности; и если нашъ авторъ задумалъ подаять вопросъ объ эвгемеризмѣ, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ бы былъ обойти этого новаго въ наукѣ вопроса. Тогда все то что онъ говоритъ объ египетскихъ пирамидахъ въ связи съ богопочитаніемъ воздаваемымъ усопшимъ получило бы настоящій свой смыслъ, только разумѣется не для мечтательной первобытности человѣческой породы, а для дѣйствительной исторіи ранней культуры.

Но вотъ слова самого автора: „Въ тѣ времена когда возникъ обычай оберегать усопшихъ, стала развиваться мало-малу способность къ постройкамъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго если мы замѣчаемъ что уже въ самой свѣдой доисторической древности, когда кругъ представленій человѣка ограничивался самымъ тѣснымъ горизонтомъ и взоръ человѣка не умѣлъ смотрѣть осмысленно на свѣтила небесныя, а умъ его не признавалъ въ природѣ ничего божественнаго или обоготвореннаго, и тогда уже изъ религіозной любви къ ближнему человѣкъ изготавлялъ для своихъ покойниковъ лещеры и каменные гробы, въ которыхъ *хоронилъ* онъ (слово совершенно въ духѣ теоріи) идъ отъ враждебныхъ дикихъ звѣрей, для того чтобы такъ *схороненные* и обереженные могли они отъ своего долгаго усыпленія пробудиться къ жизни. Пищу и питье, которыя изъ нравственнаго побужденія удалялись слабымъ и нуждающимся, а высшимъ приносились въ жертву, сталъ онъ полагать въ могилы высоко просвѣтленныхъ въ его воспоминаніи покойниковъ чтобы они могли подкрѣпиться только-что раскроютъ свои глаза. Даже оружіе и нѣкоторые другіе предметы почиталъ необходимымъ первобытнѣйшій человѣкъ дать своему покойнику, и сажалъ его

въ каменной пещерѣ сидѣя, въ предположеніи что усопшій хочетъ только отдохнуть, не отказываясь вполнѣ отъ жизни. Только въ гораздо позднѣйшее время, когда стало развиваться воспоминаніе и наблюденіе, было обращено вниманіе на уничтоженіе трупа, подвергающагося разрушительному гніенію. За то тѣмъ необходимѣе казалось наивному первобытному человѣку, когда онъ замѣталъ такое разрушеніе, сохранять трулъ во всей его цѣлости, для того чтобъ удержать содержащіяся въ тѣлѣ силы. Такъ произошелъ въ послѣдствіи странный обычай сохранять трупы помощію бальзамирования и оберегать ихъ отъ воздуха и непогоды въ ладно замкнутыхъ каменныхъ гробахъ. Разрушеніе тѣла не должно было разрушать и самую жизнь, и для Египтянина первобытныхъ временъ человѣкъ какъ мумія былъ существо которое будто растеніе слѣдовало холить и сохранять, потому что и растеніе, столько же сколько и мумія, на взглядъ того времени не казались предметами вполнѣ безжизненными. И только Египтянинъ позднѣйшихъ временъ, унаслѣдовавъ обычай бальзамированія отъ глубокой древности, настроилъ свои представленія совершенно на другой ладъ, и именно тогда когда дошелъ до понятія о душѣ, которое привело его къ отачію тѣла отъ оставившихъ его безтѣлесныхъ силъ. Далѣе, тѣ же глубоко-религіозные Египтяне, какъ мы знаемъ, стали сооружать для своихъ покойниковъ, и особенно для усопшихъ властелиновъ, громадныя, самыя прочныя, неразрушимыя гробницы, и обычай пирамидныхъ сооруженій распространился въ незапамятныя времена гораздо далѣе нежели какъ обыкновенно думаютъ. Пищу и литіе также и Египтяне по обычаю тѣхъ временъ клали своимъ покойникамъ, и какъ въ послѣдствіи будетъ показано, жреческій культъ жертвоприношенія примыкалъ къ тому же похоронному культу. Что повсюду были сохраняемы смертныя останки преимущественно начальниковъ и правителей, это совершенно понятно по отношенію къ самымъ раннимъ предметамъ съ которыми соединялось представленіе о высокому. И дѣйствительно, высоко поднимаясь къ небу, громадныя египетскія усыпальницы ясно показываютъ какъ уже въ раннія времена человѣкъ стремился дать выраженіе высокому, съ указаніемъ и на самую основу его, которая еще ничего не имѣла тогда общаго съ силами внѣшняго міра и природы. Никакая великая сила природы не влащаетъ въ этихъ колоссальныхъ пирамидахъ, никакое божество

природы не воздвигало здѣсь себѣ алтаря; напротивъ того эти высоко воздымающіеся предъ нами памятники могучимъ перстомъ указываютъ только на человѣка, который уже въ самомъ раннемъ періодѣ своего развитія умѣлъ дать себѣ почетное и нравственно-высокое положеніе, которое по дѣтски-наивному чувству тѣхъ временъ слѣдовало охранять въ со- оружаемыхъ для того памятникахъ (I, 343—346).

Читатель видитъ здѣсь ясно какъ въ воображеніи нашего автора ступшевывается и разлетается призракъ первобытнаго человѣка, сливаясь нечувствительно съ благочестивымъ Египтяниномъ, который умѣетъ уже изготовлять бальзамирован- ные муміи и строить колоссальныя пирамиды и даже знаетъ что такое душа. Психологъ не ведетъ свое любимое дѣтище изъ его звѣриной первобытности на помочахъ логической и психологической послѣдовательности къ постепенному возра- станію, а вдругъ ошеломляетъ темный его смыслъ внезап- нымъ свѣтомъ такой развитой культуры до которой человѣ- чество могло достигнуть только въ теченіе долгой историче- ской жизни, основанной уже на религіозномъ чествованіи смертныхъ останковъ и даже съ предчувствіемъ о воскресе- ніи ихъ къ новой жизни, и въ обстановкѣ нравовъ и понятій воспитанныхъ въ благоустроенномъ государственномъ союзѣ, который скрѣпляется не только правильнымъ подчиненіемъ подданныхъ ихъ властелину при его жизни, но и религіоз- нымъ чествованіемъ самаго его праха, такъ что возвеличеніе царственнаго сава нашло себѣ соответствующее выраженіе въ великости сооружаемаго въ память его мавзолея.

IV.

Въ тѣснѣйшей связи съ культомъ покойниковъ авторъ ве- деть чествованіе воздававшееся звѣрямъ. Уже самая забот- ливость въ охраненіи трула любимаго человѣка отъ хищныхъ животныхъ наводила на мысль о сближеніи одного съ дру- гимъ, а сожителство дикарей-звѣролововъ и охотниковъ со звѣрьми и постоянная съ ними борьба на жизнь и смерть дѣйствительно не могли не приучить къ мысли о сближеніи смертной опасности съ нападеніями хищныхъ животныхъ: такъ что въ отношеніи къ культу звѣрей теорія г. Каспари заслуживаетъ вниманія, какъ потому что она оправдывается

бытомъ и вѣрованіемъ дикарей, такъ и потому что лингвисты и сторонники теоріи поэтическихъ воззрѣній на природу, какъ Шварцъ или у насъ Афанасьевъ, прибѣгаютъ къ самымъ неудобопонятнымъ и неестественнымъ натяжкамъ когда хотятъ объяснить, на примѣръ, превращенія классическихъ божествъ въ животныхъ, или столь обыкновенныя во всѣхъ мифологіяхъ солоставленія и связь небесныхъ свѣтилъ тоже съ животными, то-есть, когда волкъ или какой другой звѣрь поѣдаетъ солнце и мѣсяцъ, или когда какое созвѣздіе или зодіакъ получаютъ имя *медвѣдицы, рыба, овна* и т. д. Чествованіе животныхъ и мифологическія представленія съ нимъ связанныя составляютъ одинъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ въ исторіи народныхъ вѣрованій, обычаевъ и преданій, и вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ, доселѣ составляющій задачу сравнительной науки, едва ли не правдоподобнѣе рѣшается путемъ школы этнографической, нежели какъ доселѣ рѣшался онъ лингвистами по теоріи поэтическихъ воззрѣній. Итальянскій лингвистъ де-Губернатисъ въ своемъ новомъ сочиненіи *о Зоологической Мифологіи* * держится этой же послѣдней теоріи, предпосылая чествованію животныхъ религиозныя воззрѣнія на свѣтила и явленія небесныя, такъ что въ животныхъ видитъ онъ уже ослабленіе мифологическихъ представленій, которыя сначала обращены были къ феноменамъ небеснымъ. Издатель этнографическаго журнала Бастіанъ дѣлаетъ на это слѣдующее, кажется, справедливое замѣчаніе: „Для изслѣдователя этнографическаго истина будетъ здѣсь наоборотъ, такъ какъ настоящіе звѣри на землѣ гораздо ближе стоятъ къ первоначальному религиозному воззрѣнію, нежели поэтически-отвлеченные образы, помѣщенные фантазіей на небо.“ **

Грозныя представленія о хищныхъ животныхъ, слутышкахъ кровопролитія, отъ незапамятныхъ временъ темнаго варварства вмѣстѣ со звуками ранныхъ лѣсенъ и съ остатками дикихъ нравовъ доносятся къ намъ, не только въ той недавней старинѣ, когда лѣвецъ *Слова о Полку Игоревѣ* прислушивался своимъ чуткимъ ухомъ какъ вслѣдъ за воинскимъ походомъ, орлы своимъ клектомъ созывали звѣрей на кости, вороны „траяли“, дѣля между собою трупы, приодѣвая ихъ сво-

* *Zoological Mythology*. London. 1872.

** *Zeitschrift für Ethnologie*. 1873. I, 34.

ими крыльями, а звѣри лизали кровь,—но и въ современныхъ намъ народныхъ лѣвоняхъ, рисующихъ предъ нами суровыя картины кровопролитій и всякаго увѣчья жестокихъ временъ Иліады и скандинавской Эдды. * Въ одной украинской думѣ описывается какъ выбившійся изъ силъ казакъ ложится отдохнуть на курганѣ: „въ тотъ часъ сизые орлы налетали, зорко въ очи казаку заглядывали. Казакъ то увидѣлъ, словами проговорилъ: „орлы сизоперые, гости милые! Прому васъ тогда налетать, изо лба очи мнѣ выдирать, коеда не буду уже я свѣта Божьяго видѣть!“ Проговоривъ такъ, за часъ казакъ милосердному Богу душу отдалъ. Тогда орлы налетали, изо лба очи выдирали. Тогда и мелкая лтица налетала, около желтой кости тѣло обирала. Сѣрые волки набѣгали, тѣло казацкое рвали, по терну да по оврагамъ желтую кость глодали, жалобно выли-завывали: такъ они казацкія похороны справляли! Откуда ни возьмись сизая кукушечка, въ головахъ стѣла, жалобно куковала, какъ сестра надъ братомъ либо мать надъ сыномъ плакала.“ Бѣгущіе за воинами кровожадные звѣри предназначаютъ имъ лобѣду, говоритъ Бастіанъ **, и „борзый волкъ въ лѣсу да черный какъ туча воронъ“—священныя животныя бога Одина, предводителя неистовыхъ полчищъ, чему находимъ соотвѣтствіе у Индійцевъ сѣверо-западной Америки, которые производятъ свой родъ отъ ворона и волка, какъ германскіе Вѣльфинги, къ которымъ принадлежалъ знаменитый герой Гильдебрандъ, иначе Вельфы (или Гвельфы) тоже будто бы произошли отъ волка. Чтобы приготовить читателя къ оригинальной теоріи нашего автора, я укажу на одно сказаніе о героѣ Сосрыко у Осетинцевъ, замѣчательное по крайней грубости кровожаднаго звѣрства. *** Жестоко искалѣченный герой собирается умирать. Онъ лежитъ на курганѣ. Подбѣгаетъ волкъ. „Накорми себя вотъ этимъ мясомъ, которое я беру съ собою въ могилу“, говоритъ ему Сосрыко.—„Нѣтъ, не стану я ѣсть мясо Сосрыка“—отвѣчаетъ волкъ.—„Такъ когда будешь бросаться на стадо, да будетъ съ тобою моя храбрость“—сказалъ ему герой. Потомъ пролетѣла сова. „Клюй мое мясо, оно

* См. мои *Историч. Очерки* I, 219 и слѣд.

** *Zeitschr. f. Ethnologie*. I, 58.

*** Джантемира Шамалева, *Нартовскія сказанія*, стр. 11 въ *Сборн. Стднн. о Кавказск. Горц.*, томъ V. 1871.

ужь провоняло“, кричитъ ей Сосрыко.—„Нѣтъ, не стану клевать“ отвѣчаетъ сова.—„Такъ пусть же будетъ у тебя мой зоркій глазъ“, сказалъ онъ ей. Затѣмъ пролеталъ воронъ, и его герой просилъ о томъ же.—„Нѣтъ, не стану клевать, отвѣчалъ воронъ: я не забуду твоихъ милостей: сколько клевалъ я остатковъ отъ дичи которую ты любивалъ!“—„Пусть же тебѣ никогда не старѣтъ, а смерть все-таки имѣй!“ Телеръ и говорятъ—присовокупляетъ сказаніе, что воронъ не старѣеть, а смерти подверженъ.

Исходя отъ такой звѣриной обстановки жестокихъ нравовъ первобытнаго варварства, г. Каспари дѣлаетъ со свойственною ему смѣлостью очень оригинальное предположеніе. Такъ какъ первобытный дикарь смерти не понималъ и покойника считалъ за спящаго, то когда онъ видѣлъ какъ хищныя животныя терзаютъ и поѣдаютъ человѣка, то по своему дѣтски извѣстному смыслу иначе не могъ себѣ представить что животныя вмѣстѣ съ частями трупа вносятъ въ себя и силы и всю жизненную дѣятельность того человѣка: такъ что несмотря на ужасъ возбуждаемый хищнымъ звѣремъ, онъ уже казался не столько отвратительнымъ врагомъ, сколько какимъ-то существомъ сложнымъ, полужвѣремъ, получеловѣкомъ. Кромѣ вообще религіознаго отношенія къ звѣрямъ, авторъ объясняетъ этимъ предположеніемъ какъ вѣрованіе въ превращенія людей въ животныхъ, такъ и особенно такіа чудовищныя въ міеологіяхъ фигуры какъ сфинксъ, гигантъ, центавръ, гарпія, сирена и многія другія, которыя сложены изъ членовъ тѣла, наполовину человѣчьяго и наполовину звѣринаго, змѣйнаго, птичьяго или рыбаго. Чествованіе животныхъ, такъ глубоко вкорененное въ нравахъ и міеологіи Египтянъ, Тейлоръ возводитъ къ грубѣйшимъ временамъ, лежащимъ далеко за предѣлами отдаленной древности пирамидъ, * и г. Каспари въ этомъ фактѣ видитъ новое подтвержденіе своей теоріи, такъ какъ вмѣстѣ съ животнымъ культомъ Египтяне же до высшей степени развили чествованіе покойниковъ. При этомъ ссылается онъ также на свидѣтельство знаменитой *Книги Мертвецовъ*, или отлускной, которую Египтяне полагали на грудь бальзамированной муміи. Въ этой отлускной покойникъ, между прочимъ, молится о томъ чтобъ его трулъ не пожрали животныя, и затѣмъ слѣдуетъ наставленіе что надобно дѣ-

* *Первобытная Культура*, 292.

латъ чтобъ избѣгнуть этой наласти, а если она достигнетъ, то какъ благополучно спастись изъ внутренностей пожравшаго его звѣря (гл. 27—42).

По теоріи г. Каспари, является въ новомъ свѣтѣ повсемѣстно распространенное вѣрованіе о происхожденіи того или другаго племени или семьи отъ какого-нибудь животнаго. Между дикарями Стараго и Новаго Свѣта ведется обычай называть именами звѣрей не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя семьи и племена. Гуроны дѣлятся на три племена, на медвѣдей, волковъ и черепахъ; Бегуаны въ южной Африкѣ на племя крокодиловъ, рыбые, обезьяные, буйволово и т. д. Отъ этихъ первобытныхъ представленій ведутъ свое начало знаки или знаменія, то-есть, гербы, которыми отличаются между собою племена и фамиліи. Такъ у Израильскаго народа левъ принадлежалъ колѣву Іудину, змѣя Даніимову, волкъ Веніаминову и т. д. *

Что не отъ воззрѣній на небо и его свѣтила и явленія челоуѣкъ перешелъ къ чествованію животныхъ, а наоборотъ, самыхъ животныхъ возвелъ на небо и усмотрѣлъ ихъ фигуры, дѣйствія или силы въ явленіяхъ небесныхъ, явствуетъ изъ мѣологіи дикарей. Такъ-называемый *производитель* или *дѣлатель льта*, то-есть, то чѣмъ обыкновенно въ мѣологіяхъ бываетъ весеннее солнце, по вѣрованію краснокожихъ Сѣверной Америки, былъ сначала звѣрь, но потомъ вознесся на небо, и оттуда въ утѣху людямъ ниспосылалъ птицъ и теплыя времена года. Его подстрѣлили небожители, и до сихъ поръ можно его видѣть на небѣ со стрѣлою въ хвостѣ. У этихъ же дикарей даже мышь получила мѣсто на небѣ, за то будто бы что вскарабкавшись по радугѣ она освободила одного заключеннаго плѣнника. Перувианцы вѣрують что каждая порода животныхъ имѣетъ одного изъ своихъ представителей на небѣ, который принялъ видъ звѣзды и котораго называютъ матерью той или другой породы, то-есть одна звѣзда мать тигровъ, другая мать медвѣдей и т. д. **

Къ числу удачныхъ гипотезъ надобно отнести все то что г. Каспари говоритъ о связи людоѣдства съ чествованіемъ животныхъ и съ обоюднымъ превращеніемъ ихъ и людей

* Лебока *Начало Цивилизаціи*, стр. 126—127. Bastian, *Zeitschr. f. Ethnologie* I, 48.—Тейлоръ, *Первобытная Культура*, II, 289—290.

** Müller, *Geschichte d. Amerikan. Urreligion*. 57. Bastian, *ibid.* 168.

другъ въ друга (I, 351 — 352, 370 — 371). По первобытнымъ представленіямъ какъ животное, пожирая человѣчій трупъ, будто бы вносить въ себя и самую жизнь и силы того человѣка, такъ и самъ дикарь оставался въ убѣжденіи что онъ увеличить свои собственныя силы и удвоить свою жизнь, если подражая животному поѣсть убитаго товарища или врага. Вкусивъ мяса своего соплеменника, онъ только еще ближе общается съ родною кровью своего рода-племени; пожирая убитаго врага, котораго онъ полагаетъ только сляцимъ, онъ не только спасаетъ себя отъ его опаснаго для себя пробужденія, но и отвмаетъ у него возможность продолжать мстительную борьбу, возобновленную какимъ-нибудь животнымъ, которое вмѣстѣ съ трупомъ того врага, съѣденнаго имъ, внесло бы въ свое существо и его ожесточенныя силы. Варварское звѣрство оставило по себѣ слѣды въ нравахъ культурныхъ народовъ. Наши богатыри и скандинавскіе герои съ незапамятныхъ временъ отвыкли уже отъ людоедства, но по старой памяти слѣдуютъ дикарямъ, когда расластавъ грудь ладшаго врага вырѣзываютъ оттуда сердце съ печенью.* Ахиллъ бѣсуясь въ своемъ отчаяніи грозится пожрать Гектора живымъ, что и доселѣ дѣлаютъ дикари Полинезіи со своими врагами. Обычай пить изъ черепа убитаго врага стоитъ еще на поворотѣ отъ звѣрскаго варварства къ темнымъ преданіямъ раннихъ среднихъ вѣковъ, и по неостышимъ еще слѣдамъ преданія о какомъ-нибудь Альбоинѣ Лангобардокомъ, заставляющемъ свою жену Розамунду выпить вина изъ черепа убитаго имъ отца ея, средневѣковыя новеллы для общаго назиданія и забавы повѣствуютъ о томъ какъ ревнивый мужъ, убивъ любовника своей жены и вырѣзавъ изъ него сердце, велитъ его изжарить и кормить имъ преступницу, и какъ она вкусивъ такой дорогой яствы не хочетъ касаться устами ни къ какой пищѣ и лишаетъ себя жизни.** Такъ и дикари пожираютъ не однихъ только враговъ, но и своихъ родственниковъ и даже дѣтей. Если матери изъ племени Мандановъ выражаютъ любовь къ своимъ умершимъ дѣтямъ любясь на ихъ черепъ и разговаривая съ ними какъ съ живыми, то въ племени Ботокудовъ особен-

* *Русскій Вѣстникъ* 1872 № 10, стр. 726.

** Братьевъ Гриммовъ *Deutsche Sagen*, № 397.—Боккаччіо *Decamerone*, 4, 9.—Мои *Историческіе Очерки*, I, 533.

ная материнская нѣжность состоитъ въ томъ чтобы свое мертвое дѣтище съѣсть.

Предположеніе г. Каспари объ убѣжденіи дикарей что вмѣстѣ съ пожираемымъ труломъ челоѣка пожирающій вносить въ себя и его жизнь и силы ставовится правдоподобнѣе если взять въ разчетъ что убѣжденіе это обыкновенно солутствуется лонятіемъ о душѣ, хотя бы и очень смутнымъ, какъ не можетъ съ этимъ не согласиться и самъ авторъ, хотя и видитъ здѣсь уже позднѣйшее развитіе быта. Замѣчательно что въ обычаѣ людоѣдовъ съѣдать не весь трупъ челоѣка, а только ту часть въ которой они полагаютъ его душу. Такъ въ Новой Зеландіи думаютъ что душа сидитъ въ лѣвомъ глазу, и потому его съѣдаютъ, а на Таити подносятъ въ жертву своему королю. Пещерные дикари Южной Африки поѣдаютъ только сердце съ печенью и мозгъ, въ которыхъ полагаютъ сѣдалище души. Еще одинъ шагъ впередъ—и изъ темнаго звѣрства открывается просвѣтъ въ загробную жизнь. Ислоковъ вѣку вкоренено въ челоѣчествѣ убѣжденіе въ священной необходимости хоронить покойниковъ. По вѣрованію классическихъ народовъ, тѣни непогребенныхъ мертвецовъ съ жалобными стовами блуждаютъ по берегу Ахерона; того же мнѣнія держатся многіе изъ дикарей нашего времени, полагая что душа умершаго бродитъ по землѣ и терпитъ большія муки пока тѣло остается непогребеннымъ, такъ что, по словамъ Тейлора, какой-нибудь Австраліецъ или Каренъ помялъ бы всю силу страшнаго обвиненія противъ аеинскихъ полководцевъ которые покинули тѣла своихъ убитыхъ въ морскомъ сраженіи при Аргинуссахъ, не предавъ ихъ погребенію. * Феликсъ Либрехтъ, въ своей рецензіи на *Первобытную Культуру* этого автора** сблизаетъ со сказаннымъ вѣрованіе дикарей на архипелагѣ Самоа: будто бы только тѣ удостоиваются блаженства въ раю которые были похоронены; что касается до непогребенныхъ, то они блуждаютъ по ночамъ и жалобно причитаютъ: охъ, какъ холодно, какъ холодно! И чтобы не причинили они заа оставшимся въ живыхъ, принимаются на то разныя мѣры. Если кто палъ въ сраженіи или утонулъ, такъ что трупа нельзя было найти, то родные и друзья погибшаго садятся на землю около разостланнаго полотна и возсылаютъ къ

* *Первобытная Культура* II, 105.

** *Zeitschr. f. Ethnologie.* 1873 стр. 100.

богамъ молитву чтобъ они ниспослали имъ его душу. При этомъ они ждутъ не залозеть ли на полотно какой-нибудь зѣрка, и если залозеть муравей, ящерица или что другое, то это и есть душа того покойника, и тогда хоронятъ зѣрка того съ обычными почестями. Дополняя теорію г. Каспари объ отношеніи животныхъ къ покойникамъ, этотъ рядъ наблюденій вмѣствъ съ тѣмъ значительно и противорѣчитъ ей, переноса вопросъ изъ области предположеній о томъ что могло бы быть на почву исторической и этнографической дѣйствительности, которая какъ нельзя проще объясняется Тейлоровою теоріей *анимизма*, то-есть такой способности по которой человѣкъ оживляетъ и одушевляетъ всю природу, отождествляя ея явленія съ своими собственными силами и дѣйствіями. Это крайній предѣлъ до котораго въ изученіи равнаго человечества доходитъ исторія, этнографія и лингвистика; что же стоитъ за этою чертой, то теряется въ туманѣ предположеній, который еслибы когда и разсѣялся, то не иначе какъ при содѣйствіи болѣе точныхъ знаній нежели какими располагаетъ этнологическая психологія г. Каспари.

Въ заключеніе о только-что разсмотрѣнномъ мною отдѣлѣ сдѣлаю еще нѣсколько сбавленій, которыя сами собою напрашиваются при чтеніи и могутъ быть отнесены въ разрядъ пережившихъ свой вѣкъ остатковъ незапамятной давности и надолго застрявшихъ въ народностяхъ историческихъ (по Тейлору, *survivals*).

Обычай помѣщать покойника въ могилѣ въ сидячемъ положеніи, когда-то бывшій въ употребленіи у Кельтовъ (см. у Каспари рисунокъ къ 345 стр. I т.), и объясняемый убѣжденіемъ что похороненный заснулъ на время, оставилъ по себѣ слѣды въ средневѣковыхъ преданіяхъ о томъ какъ герой или великій императоръ, будучи похороненъ въ горной пещерѣ, во всемъ вооруженіи, сидитъ на сѣдалищѣ и когда-нибудь воротится олять на землю. Карлъ Великій былъ погребенъ тоже въ сидячемъ положеніи на каменномъ креслѣ, которое и доселѣ показываютъ въ Ахенскомъ соборѣ. Вообще народная сказка не переставала поддерживать убѣжденіе что можно спать непробуднымъ сномъ цѣлые года и даже столѣтія, и потомъ вслѣдствіе какого-нибудь чудодѣйственнаго случая—проснуться.

Основываясь на общемъ положеніи которымъ Тейлоръ начинаетъ свое ученіе о душахъ покойниковъ, именно что жѣ-

стопробываніе отшедшей души ограничивается преимуще- ственно мѣстомъ гдѣ протекла ея земная жизнь, Либрехтъ думаетъ * что обычай хоронить мертвецовъ на деревьяхъ и слѣды его въ преданіяхъ и сказкахъ ведутъ свое начало отъ племенъ которыя дѣйствительно селились на деревьяхъ, какъ и доселѣ обычай этотъ ведется у дикарей Африки, Южной Америки, Новой Голландіи, въ южномъ Китаѣ у племенъ Мiao-це и др. Воспоминаніе этого же обычая нѣмецкій уче- ный видитъ въ нашемъ Соловьѣ-разбойникѣ, гнѣздящемся на девяти дубахъ. Потому-то будто и хоронили покойниковъ на деревьяхъ же, какъ это дѣлали въ древности жители Колхи- ды, и какъ и доселѣ дѣлаютъ нѣкоторыя изъ племенъ та- тарскихъ; обычай этотъ былъ очень распространенъ въ Си- бири и понынѣ кое-гдѣ удержался, встрѣчается также въ Аб- хазіи и другихъ мѣстахъ, и наконецъ оставилъ по себѣ слѣ- ды въ народныхъ сказкахъ о томъ какъ умершую или непро- буднымъ сномъ заснувшую красавицу полагаютъ въ гробѣ на высокомъ деревѣ. Мнѣ кажется гораздо естественнѣе обы- чай этотъ объяснить намѣреніемъ охранить трупъ отъ хищныхъ звѣрей, какъ съ тою же цѣлю и доселѣ нѣкоторыя дикари кладутъ его на подмосткахъ высоко поднятыхъ на столбахъ (рисунокъ см. у Каспари въ началѣ I т.). Предпо- ложеніе это тѣмъ вѣроятнѣе что опасеніе же хищныхъ живот- ныхъ было одною изъ причинъ почему люди селились на де- ревьяхъ или въ свайныхъ постройкахъ на водѣ.

Если непогребенные покойники, трупы которыхъ обыкно- венно пожирались животными, по народному вѣрованію, под- вергались мученіямъ въ аду, то здѣсь находимъ еще новую причину почему самый адъ изображался въ видѣ змія, кита или чудовища, изъ пасти котораго вылѣзаютъ люди когда на- ступитъ часъ воскресенія. Такое представленіе ада и воскре- сенія очень распространено въ иконографіи и на Западѣ, и у насъ.**

V.

Сочиненіе г. Каспари выигрываетъ въ основательности по мѣрѣ того какъ отъ празднословныхъ гаданій которыя выдаются у него за точный методъ естествовѣдѣнія пере- ходитъ онъ на почву положительности, воздѣланную для

* *Zeitschr. f. Ethnologie.* 1873 стр. 97—98.

** *Русск. Вѣстн.* 1873 № IV, стр. 616 и слѣд.

познаванія человѣка дѣйствительно точнымъ методомъ лингвистики, филологіи, этнологіи и исторіи. Этотъ поворотъ къ лучшему открывается съ первыхъ же главъ II тома, имѣющихъ предметомъ *изобрѣтеніе огня и вліяніе этого изобрѣтенія на развитіе мѣологии*. Человѣкъ будто бы оставался полувѣремъ до самыхъ тѣхъ поръ пока не дошелъ до способа какъ добывать огонь, и какъ скоро сдѣлалъ онъ это открытіе, его умственные очи отверзлись, и онъ не только разумно взглянулъ на небо и его свѣтила (II, 91), но и въ самомъ себѣ прозрѣлъ душу и связанныя съ нею жизненныя силы, и только тогда стала возможна настоящая мѣология, которая до тѣхъ поръ прозябала въ смутномъ зародышѣ религіознаго чествованія мертвецовъ и животныхъ: такъ что человѣкъ могъ впервые взглянуть на себя не какъ на звѣря а какъ на человѣка не иначе какъ при благотворномъ освѣщеніи земнаго огня, который онъ самъ своими руками сумѣлъ извлечь изъ окружающей его матеріи. Извлеченную такимъ образомъ искру онъ отлучилъ отъ вещества, признавъ ее за его душу и жизнь, и такою же искрою представилъ и свою собственную душу и свою жизнь, объяснивъ себѣ этимъ представленіемъ теплоту своего тѣла и дыханія. Читателю вѣроятно пришло уже на мысль что задолго прежде чѣмъ вытереть огонь изъ дерева или высѣчь изъ камня, человѣкъ могъ имѣть тысячу случаевъ познакомиться съ этимъ элементомъ въ окружающей его природѣ, производимымъ то молніею, то треніемъ деревьевъ въ лѣсу отъ бурнаго вѣтра, то огнедышущими изверженіями, то разными другими причинами воспламеняющими горючія вещества. Но авторъ всю эту обстановку изъ возрѣвій первобытнаго человѣка устранилъ, потому что она не имѣетъ цѣны для животнаго, и настоящій источникъ психологическаго развитія видитъ только въ томъ огнѣ который самъ человѣкъ своими руками зажеть себѣ посредствомъ тренія или высѣканія. Въ такомъ изворотѣ мышленія любопытны мнѣ не натяжки систематическаго хитросплетенія, а невольное указаніе самого автора на авторитетъ лингвистики, которому онъ не могъ не подчиниться тотчасъ же какъ только отъ звѣря перешелъ къ человѣку, чтобы направить ученіе о бытѣ и мѣологии на настоящую почву исторической дѣйствительности.

Дѣло въ томъ что весь этотъ отдѣлъ въ разбираемой маю

Книгѣ есть не что иное какъ разбавленная разными ображеніями и не многими фактами обильнорѣчивая эксплуатація знаменитаго сочиненія лингвиста Адальберта Кюна о *Низведеніи огня и намѣтка боговъ*, 1859. Эта монографія по сравнительной мѣологіи * основана на изученіи священнаыхъ Вѣдъ, въ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимають обряды вытиранія огня изъ двухъ деревьевъ и сопровождающія обрядъ пѣснопѣнія въ связи съ относящимися къ этому предмету вѣрованіями и мѣическими представленіями. Деревя которыми вытирають огонь (въ Вѣдахъ—*арани*) иногда именуются производительными органами, или одно богинею *Урваши*, а другое богомъ *Пуруравасомъ* (то-есть зарею и солнцемъ), добываемый же ими огонь—супружескимъ плодомъ. Палка которою вытирають или сверлятъ огонь у Индусовъ собственно называлась *мантара* или, съ предлогомъ *пра*, *праманта*. Греки въ своей мѣологіи это названіе орудія перенесли на самого низводителя огня съ неба, на его похитителя, давъ ему сродственное этому слову имя *Прометей*, и въ этомъ мѣическомъ образѣ соединили культурный фактъ изобрѣтенія огня съ мыслію о рожденіи челоѣка, потому что Прометей не только лохищаетъ съ неба огонь, но и творитъ челоѣка: соотвѣтственно чему и въ нашемъ языкѣ *кресить* значитъ не только высѣкать огонь изъ кремня (откуда *кресиво*—огниво), но и давать жизнь, *воскрешать*. Во взаимной связи земли и неба по огню надобно различать пути по которымъ шли самыя представленія народнаго вѣрованія. Если огонь низшелъ съ неба, и благодѣтельный титанъ похитилъ его оттуда на пользу людямъ, то сами люди, объясняя себѣ явленія небснаго огня, переносили на небо тотъ же процессъ которымъ добывали они огонь на землѣ. Потому на ихъ взглядъ и молнія загараются въ тучахъ отъ дѣйствія такого же свѣрала какое для воспаленія деревъ употребляютъ они въ своемъ быту, и колесо солнечное горитъ и свѣтитъ оттого что втулка его сама собою загоралась, быстро вертѣсь вокругъ небснаго оси, какъ загорается обыкновенное колесо отъ оси тележной.

* Я уже имѣлъ случай познакомиться читателей *Русскаго Вѣстника* съ этою знаменитою книгою, сдѣлавъ къ ней нѣкоторыя дополненія изъ сочиненій по этнографіи. См. въ этомъ журналѣ 1872, № 10, стр. 665 и слѣд., 721 и слѣд.

Сближая представленія о небесномъ пламени съ практическимъ фактомъ добыванія огня земнаго, лингвистъ Кунъ хотя и приписываетъ этому моменту въ развитіи народнаго быта и мѣологии большое значеніе, но далеко не думаетъ исчерпать имъ весь составъ древнѣйшихъ мѣологическихъ и бытовыхъ воззрѣній. Что же касается до г. Каспарц, то онъ до того подчинился авторитету этого вѣдиста что его монографію ставитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ строить и алтарь для жертвоприношенія и преддверіе во храмъ язычества и въ его божественный олимпъ. По мнѣнію автора, великое открытіе какъ добывать огонь было сдѣлано въ незапамятную эпоху, гораздо прежде чѣмъ когда-то пламена съ Востока перешли въ Америку, потому что у всѣхъ дикарей, какъ въ Африкѣ такъ и въ Америкѣ, мы встрѣчаемъ тотъ же способъ вытирать огонь какъ въ древности у нашихъ арійскихъ предковъ, а потомъ и вообще у народовъ индоевропейскихъ. Это говоритъ также въ пользу единства происхожденія человеческого рода и общихъ началъ и преданій культуры. Если же китайскія сказанія повѣствуютъ о времени когда не знали огня, какъ свидѣтельствуютъ и древніе писатели что не научились еще употреблять его Эеіолы, то такіа преданія очевидно ведутъ свое начало отъ темной эпохи предшествовавшей великому открытію (II, 39). Послѣдовало оно вѣроятно въ концѣ каменнаго періода. Этимъ предположеніемъ, мнѣ кажется, хорошо объясняется связь молніи съ каменнымъ молотомъ Индры, Зевса, Тора или нашего Перуна. Уже обрабатывая камень на оружіе и утварь, ударяя, рубя и шлифуя, рабочіе высѣкали искры, но правильное добываніе огня установилось тогда когда дошли до того посредствомъ тренія одного дерева о другое, и притомъ первоначально посредствомъ сверленія одного въ другое. Такъ какъ и въ первобытной общинѣ сильныя эксплуатировали слабыхъ и увѣчныхъ, то взявъ на свою долю войну и отважные набѣги за добычею, ко всему прочему въ домашнемъ быту они относились лѣнливо и предоставляли руководѣіе и всякія подѣлки слабымъ и калѣкамъ, между которыми, по мнѣнію автора особенно должны были отличаться *хромые*, потому что, будучи неспособны къ войнѣ и охотѣ какъ сидни, тѣмъ досужѣе были они въ ручной работѣ и во всякомъ художествѣ. Они же первыя въ своемъ руководѣльномъ досужествѣ дошли до открытія какъ добывать огонь. Этимъ

бытовымъ фактомъ объясняетъ авторъ повсемѣстное распространение въ народахъ мифическаго представленія бога огня хромымъ. Не говоря уже о мифологіи классической, представленіе это господствуетъ и въ племенахъ Южной Америки, и у дикарей африканскихъ, которые чествуютъ своихъ хромыхъ боговъ подобныя египетскому Птаху (Phtah, ptah). Греческому Гефесту, у Германцевъ соответствуетъ тоже хромой богъ огня и кузнецъ Волундъ или Видандъ. Наконецъ въ христіанскую эпоху то же возрѣніе было перенесено на хромого бѣса. Какъ ни оригинально по своему простому, слѣшкомъ практическому приему объясненіе это, оно, сколько мнѣ извѣстно, едвали было бы не удовлетворительнѣе всѣхъ другихъ, основанныхъ на символическомъ толкованіи мифическихъ возрѣній на природу, * еслибы тутъ на дорогѣ не стояло несбыточное предположеніе о рабочемъ классѣ въ толлѣ первобытныхъ людей, образовавшемся по тѣмъ же зоологическимъ законамъ по которымъ неравномѣрно раздѣленъ трудъ между муравьями въ ихъ муравейникѣ (II, 24, 26). Языкъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ намъ о связи труда съ общиннымъ и семейнымъ устройствомъ; такъ у насъ *работа* (отъ слова *раба*) первоначально означаетъ и трудъ и рабство, при глаголѣ *робить*—дѣлать, *робата*—дѣти, или какъ у Римлянъ при словѣ *familia*—семья, *familius*—рабъ. Но вопросъ о семьѣ и отношеніи ея къ роду-племени, долженствующій быть точкою отправленія изслѣдованій по народному быту, какъ мы уже знаемъ, не только не приняты нашимъ авторомъ въ соображеніе, но и вовсе оставлены имъ безъ вниманія, можетъ-быть потому что противорѣча его теоріи о первобытномъ полудѣрѣ, вопросъ этотъ постановилъ бы его лицомъ къ лицу съ тою разумною человѣческою средою которую даютъ для началъ мифологіи и быта лингвистика, исторія и сама этнографія. Что нищенство дѣйствительно окружено нѣкоторымъ религіознымъ обаяніемъ, свидѣлствуютъ даже позднѣйшія вѣроисповѣданія, особенно буддѣйское.

---

* Такъ Шварцъ въ своемъ сочиненіи о *Происхожденіи Мифологіи* хромоту божества огня вмѣстѣ съ мифическимъ увѣщемъ Урана, лешеннаго чуждой силы, объясняетъ загадками представленіемъ объ ослабленіи или стуханіи грозы посѣвъ того какъ столпившіяся тучи равняются гровою. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года, № 108, стр. 688.

Нищіе калѣвки испоконъ вѣку лѣвцы, они передаютъ преданія старины и лочуютъ мудрости. Можно усмотрѣть, хотя и съ натяжкою, даже какую-то связь нищаго съ преданіемъ о добываніи огня, если только сблизить этотъ бытовой фактъ съ изведеніемъ на землю молніи. Такъ, по русскому повѣрью, громъ легко можетъ убить того къ кому во время грозы подойдетъ нищій. * Но чтобъ отъ нищихъ-калѣкъ буд-о бы открывшихъ секретъ добыванія огня, прямо перейти къ словію маговъ, шамановъ и вообще жрецовъ, какъ то дѣлаетъ авторъ (II, 42—79), то такой скачекъ въ исторіи быта рѣшительно противорѣчитъ всему чтѣ до сихъ поръ наука знала о древнѣйшемъ состояніи семьи, рода-племени и религіи.

Если съ одной стороны авторъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи рабовъ и побѣжденныхъ ко враждебному столкновенію между племенами и къ древнѣйшей исторіи кастъ, то съ другой онъ забываетъ *старцевъ* или *старѣшнихъ*, заслонивъ ихъ маститый, незапамятный авторитетъ досужествомъ хромоногихъ калѣкъ.

Какъ изъ семейнаго зародыша разрослось племя, такъ въ нѣдрахъ же семьи и начатки религіознаго чествованія, представителемъ котораго выступаетъ отецъ, родоначальникъ, старѣшнина. Это вмѣстѣ и повелитель, и судья, и жрецъ. Наши аріійскіе предки, въ древнѣйшую эпоху, когда населяли Пенджабъ, не знали еще ни брагманскихъ учрежденій, ни жреческаго сословія, ни кастъ. Самое слово *Ари* (какъ бы *Аричи*, съ отчественнымъ окончаніемъ *ичи*) есть не иное чтѣ какъ *отцовскіе дѣти* (какъ бы *отч-ичи*), потому что *Ари* или *Арья* значитъ отецъ или глава семейства. По Ригвѣдѣ *Ари* посвящаетъ свою лѣсьмъ на прославленіе Индры, онъ же совершаетъ предъ богами жертвоприношенія. ** Каждый отецъ семейства былъ у себя на дому жрецъ, и сначала только въ большихъ общихъ жертвоприношеніяхъ стали появляться общіе всему племени жрецы. Что же касается права на славословіе и жертвоприношеніе божеству, то оно до того было доступно всѣмъ и каждому что сами женщины, при значительной свободѣ ихъ семейнаго и общественнаго

* *Мои Истор. очерки* I, 88.

** Schöbel, *Recherches sur la Religion première de la race Indo-iranienne*, изданіе 2е, дополненное, 1872 года.

положенія, принимали участіе во священныѣхъ обрядахъ и пѣснопѣніяхъ, такъ что сохранились даже имена нѣкоторыхъ сочинительницъ вѣдійскихъ гимновъ. Изъ общей массы семьи и племени выступили отдѣльныя личности пѣвцовъ уже значительно въ позднѣйшую пору, когда образовались и сословія жрецовъ, что послѣдовало не ранѣе того времени когда вмѣстѣ съ походами и завоеваніемъ въ Индостанѣ возникли у Арійцевъ касты.

Итакъ, если, въ память о великомъ изобрѣтеніи ранней культуры, обрядъ добыванія огня треніемъ или сверленіемъ сталъ достояніемъ жрецовъ, какъ у Арійцевъ, для которыхъ по этому предмету даны были особыя наставленія еще въ Вѣдахъ, такъ и у другихъ народовъ (см. у г. Каспари изображение мексиканскаго жреца высверливающаго огонь, II, стр. 55); если этотъ обрядъ состоитъ въ связи со священною обязанностию жрецовъ поддерживать на алтарѣ неугасимый огонь, а также и со всесоженіемъ древнѣйшихъ жертвоприношеній; то все же первоначально эти священнодѣйствія и обряды были совершаемы отцами семействъ и родоначальниками или старѣйшинами, древнія права которыхъ унаслѣдовали потомъ жрецы.

Такимъ образомъ все то что говоритъ нашъ авторъ о древнѣйшемъ сословіи жрецовъ и его заслугахъ въ развитіи религіи и миѣческаго міросозерцанія должно быть отнесено къ представителямъ семьи и рода-племени, а такъ какъ представители эти дѣйствовали и мыслили сообща съ своими домочадцами и родичами, составляя вмѣстѣ съ ними одно нераздѣльное цѣлое связанное кровными узами родства, то аристократическій принципъ безконтрольнаго авторитета вождей и жрецовъ, поставленный нашимъ авторомъ во главѣ первобытнаго развитія языка и религіи, противорѣча историческимъ и этнологическимъ фактамъ, долженъ быть передвинутъ къ эпохѣ болѣе развитой, и уступить свое мѣсто принципу коллективной дѣятельности семейной и племенной.

Впрочемъ прослѣдимъ самое ученіе г. Каспари. „Мы ошибаемся, говоритъ онъ, когда необинуясь предполагаемъ психологически будто бы первобытный челоѣкъ въ своемъ звѣриномъ состояніи могъ прозрѣвать въ явленіяхъ бури и непогоды или въ блескѣ солнечномъ и въ мерцаніи луны какія-то существа которыя могли приносить пользу или вредить

именно ему, любить его или ненавидѣть. Мы ошибаемся также когда думаемъ что первобытный человѣкъ явился на свѣтъ пастухомъ и земледѣльцемъ чтобы съ интересомъ относиться къ вѣтру и погодѣ, дождю и солнцу. Борьба за существованіе окружала первобытнаго человѣка болѣе настоятельными для его ближайшихъ нуждъ заботами, земледѣліе же и скотоводство уже плоды значительно позднѣйшей культуры. Ранній человѣкъ для собственнаго самосохраненія долженъ былъ отдаться звѣроловству, и въ этомъ смыслѣ онъ подобился хищному животному, раздѣляя съ нимъ его ремесло. И какъ преслѣдуемой дичи или какъ рыси, гонящейся за добычей, не до дождя, ни до солнца съ мѣсяцемъ, когда ее гложетъ голодъ, такъ и у первобытнаго человѣка были свои заботы“ (II. 82). Если слова эти направлены противъ вѣдистовъ, открывающихъ первобытность возрѣвній на природу въ раннемъ быту нашихъ Арійскихъ предковъ, основанномъ уже на скотоводствѣ съ нѣкоторыми начатками земледѣлія, то такъ бы и сказать; если же авторъ относится вообще къ заблужденіямъ науки, которыя его ученіе должно разсвѣтать, то онъ не сталъ бы воевать противъ небывалыхъ враговъ, когда бы привелъ себя на лапять что говорятъ лѣтописцы, начиная отъ Геродота и до нашего Нестора о звѣроловствѣ какъ существенной принадлежности самаго ранняго быта всѣхъ дикарей. Дѣйствительно, быть звѣроловомъ заслуживаетъ большаго вниманія нежели сколько вѣдисты и вообще диквисты могли его удѣлять этому быту, стоящему по ту сторону черты отъ которой они ведутъ свои изслѣдованія, начиная съ Вѣдъ, возникшихъ на болѣе развитой культурѣ. Но вмѣсто того чтобы гадательно уравнивать звѣролова со звѣремъ, авторъ принесъ бы наукѣ больше пользы еслибы строже держась этнологической школы ввелъ читателя въ самую обстановку звѣроловнаго быта, анализъ которой могъ бы обогатить новыми фактами его психологическую теорію. Если звѣролову мало дѣла до неба и его свѣтилъ и явленій, то тѣмъ болѣе умѣлъ онъ изоцирить свою тонкую наблюдательность надъ обычаями и природой животныхъ. Для примѣра приведу отрывокъ изъ одной лаландской сказки, свидѣтельствующей намъ о томъ вниманіи съ какимъ звѣроловъ ледовитыхъ странъ изучилъ анатомію своего оленя. *

* № 1а *Лисица и Медведь*, см. Friis, *Lappisk Mythologi*, Christiania. 1871.

Лиса обманомъ добыла себѣ это животное, но заколотъ его не умѣетъ. Для того созвала она разныхъ звѣрей и гадовъ. Пришли къ ней медвѣдь, волкъ, росомаха, рысь, мышь, бѣлая лисица, змѣя, ящерица и жаба, и принялись убивать оленя каждый по-своему. Медвѣдь коровилъ хватить въ челюсть. Оттого до сихъ поръ остался на оленьей челюсти шрамъ, называемый *медвѣжьей стрѣла*. Волкъ коровилъ въ ляжку, и оттого на ней рубецъ который называется *волчьей стрѣла*. Росомаха коровила въ шею, оттого на шеѣ рубецъ—*росомахины стрѣла*. Рысь коровила въ горло, оттого рубецъ—*рысьей стрѣла*. Мышь коровила въ колыто, оттого трещина въ раздвоенномъ копытѣ—это *мышинная стрѣла*. Бѣлая лисица коровила въ ухо, оттого въ верхней части уха есть у оленя маленькая косточка называемая *стрѣлою бѣлой лисицы*. Змѣя коровила въ кишечное сало, оттого между кишками и саломъ есть у оленя отмѣтина называемая *змѣиною стрѣлою*. Ящерица коровила въ кишку подъ хвостомъ, оттого на концѣ кишки рубецъ—*ящерицына стрѣла*. Жаба коровила въ сало подъ сердцемъ, оттого между сердцемъ и саломъ есть у оленя хрящикъ называемый *жабьей стрѣлою*.

Впрочемъ я остановилась на вышеприведенной выдержкѣ изъ разбираемой мною книги не съ тѣмъ чтобъ объяснить автора въ неумѣстномъ доктринерствѣ, а чтобъ объяснить его теорію. Такъ какъ первобытный человѣкъ будто бы былъ безучастенъ къ явленіямъ природы, поскольку они стояли внѣ его заботъ въ борьбѣ за существованіе, то ни отъ кого больше не могъ онъ научиться смотрѣть на природу разумнымъ, человѣческимъ взглядомъ, какъ только отъ жрецовъ, которые, постигнувъ премудрость чрезъ добываніе огня, прежде всѣхъ могли составить мистическія воззрѣнія на дневной свѣтъ и темноту ночи, на грозу и дождь и на другія явленія природы (II, 123), такъ что по психологіи и словѣдуемой гейдельбергскимъ профессоромъ все поэтическое и мистическое чѣмъ и до сихъ поръ языкъ живописуетъ природу, что такъ мастерски умѣетъ объяснить по текстамъ Вѣдъ знаменитый Максъ Миллеръ, и что наконецъ хорошо извѣстно и въ русской литературѣ изъ капитальнаго труда Леанасьева, итакъ всѣ эти живѣшія воззрѣнія на Божій міръ, въ теченіе тысячелѣтій воспитывающія человечество чрезъ посредство роднаго языка, не болѣе какъ напускное обаяніе жрецовъ, которые углубившись

въ таинства природы выдумали разныхъ стихійныхъ боговъ и отуманили здравый практической смыслъ первобытсваго чело-
 вѣка. Можетъ-быть они обманывали другихъ и неумышленно,
 потому что обманывались сами, но во всякомъ случаѣ, по теоріи нашего автора, мифологія основана преимущественно
 и путемъ искусственнымъ, и восходитъ своими началами не
 ранѣе какъ ко времени возникновенія жреческаго или ша-
 манскаго сословія, составившагося изъ благодѣтельныхъ изоб-
 рѣтателей, знахарей-врачей и мудрыхъ совѣтниковъ, кото-
 рыхъ должно было вызвать на свѣтъ великое открытіе какъ
 добывать земной огонь. „Важнѣйшее явленіе встречаемое на-
 ми въ этой замѣчательной эпохѣ, говоритъ авторъ, это оре-
 олъ нравственно и эстетически высокаго, въ сѣни котораго
 выступаютъ самые ранніе изобрѣтатели, какъ предсказатели
 и чародѣи. Къ нравственно высокому и могущественному
 эти чародѣи умѣли присовокупить и высокое въ природѣ.
 Если прежде, какъ мы видѣли, предъ глазами инстинкта яв-
 ленія небесныя не шѣли въ себѣ ничего особеннаго и по
 привычкѣ казались дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, теперь
 когда они очутились въ рукахъ и подъ вѣдѣніемъ людей,
 стали они не только въ чувственномъ отношеніи эстетиче-
 ски интересны, но и нравственно вліятельны, потому что уже
 человѣческія руки могли направить явленія эти, какъ и вся-
 кое дѣйствіе, на пользу или на вредъ ближнему. Младенче-
 ствующее созерцаніе начинаетъ теперь догадываться, по
 сцѣпленію идей, что въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ предметахъ
 содержатся далеко простирающіяся сокровенныя силы при-
 роды, съ которыми челоѣкъ можетъ вступить въ таинствен-
 ный союзъ, дабы испытать на дѣлѣ ихъ благотворное дѣ-
 ствіе. Такимъ образомъ могла пробудиться младенчествую-
 щая фантазія и вызвать къ жизни новыя воззрѣнія на
 міръ, посредствомъ которыхъ, на основаніи чародѣйства
 и фетишизма, могъ распространиться эстетически возвы-
 шенный чудесный свѣтъ и на такіе отдаленные пред-
 меты къ которымъ дотолѣ относилась равнодушно. Ча-
 родѣйство, шаманство и фетишизмъ, вмѣстѣ происшед-
 шіе изъ одного психологическаго источника, болѣе и бо-
 лѣе выступаютъ теперь на первый планъ чтобы раскрасить
 и освѣтить тѣ образы которые нѣкогда челоѣкъ составлялъ
 себѣ о явленіяхъ природы. Мы уже назвали главнѣйшіе пред-
 меты которые обозначались въ магически высокомъ, чудо-

дѣйственномъ освѣщеніи. Это были тайны искрометнаго камня, восплаляющія полѣнья для высверленія огня, а по ассоціаціи идей и всякаго рода дерева, которыя годились для этого священнаго, магическаго дѣйствія, какъ на примѣръ у Грековъ дубъ, терновникъ, лавръ, лила, плющъ. Сюда естественно было присовокуплено такъ рано замѣчаемое уже сродство въ таинственныхъ дѣйствіяхъ *огня* и *воды*, также какъ и поднимающійся отъ магическаго пламени *дымъ*, который *выстрѣ* возносилъ къ небу, для того чтобы возвести челоѣческой взоръ къ водоточивымъ *облакамъ*. *Молнія, буря, дождь*, съ звѣринымъ равнодушіемъ незамѣчанные на низшей ступени челоѣческаго бытія, теперь при освѣщеніи *новаго мировоззрѣнія* становятся магически возвышенными дѣйствіями, которыя возбуждаютъ челоѣка направить свой взоръ и въ темныя и свѣтлыя области чудесъ *вышняго міра*" (II, 89—91).

При всемъ желаніи убѣдить читателя въ свою пользу, авторъ выбивается изъ силъ, не достигая цѣли; потому что идетъ отъ предположенія о первобытномъ полуживѣрѣ, въ которомъ путемъ логической послѣдовательности онъ не умѣлъ раскрыть психологическаго развитія той *окриленной фантазіи* о которой, какъ мы видѣли, онъ завелъ рѣчь уже давно, и не кстати, и которая опять будто съ облаковъ, какъ *deus ex machina*, падаетъ предъ нами на той же 91 стр., откуда только-что приведены слова нашего автора. Какой-то звѣрь изъ переднихъ лапъ выработалъ себѣ руки, сталъ точить себѣ камни и случайно открылъ секретъ какъ добывать огонь треніемъ и сверленіемъ, послѣ того сталъ мастеромъ и мудрецомъ и изъ хромонаго калѣки очутился шаманомъ и жрецомъ. Вотъ нить по которой психологъ ведетъ свое ученіе: но все это только важнѣяшія обстоятельства при которыхъ возможно было психологическое развитіе челоѣка, а мы только и видимъ что эти пустыя рамки бытовой обстановки полуживѣра и калѣки, въ которыя авторъ раскладываетъ психологическій матеріалъ *возвышенныхъ воззрѣній на природу, чудодѣйственной таинственности и окриленной фантазіи*, добытый имъ на прокатъ изъ чужихъ рукъ, отъ лингвистовъ и филологовъ. Такъ какъ не только не доказано, даже не объяснено сколько-нибудь толково психическое состояніе первобытнаго полуживѣра въ его недоступномъ для науки скотствѣ, то все только-что приведенное ученіе автора рушится само собою, будучи построено на небываломъ призракѣ. Съ другой

стороны, новое предположеніе о чудесномъ явленіи на землѣ жреческой премудрости естественно наводитъ на вопросъ: у кого же этой премудрости научился первый-то жрецъ? „Перво-есть портной у кого учился?“ А такъ какъ онъ могъ шить и хуже Петрушки, то читатели до тѣхъ поръ не возьмутъ въ толкъ что разумѣтъ авторъ подъ великими заслугами жречества и шаманства, пока онъ не удовлетворитъ естественному требованію логической послѣдовательности въ развитіи духовныхъ силъ человѣка въ связи съ зарожденіемъ и постепеннымъ возрастаніемъ этихъ религіозныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ моментамъ въ исторіи человѣческаго духа.

Итакъ, если въ приведенномъ ученіи отнять начало и конецъ, предположеніе о полувзвѣрѣ и о психологіи жрецовъ, то оно можетъ имѣть свою цѣну, какъ болѣе подробное разъясненіе того открытія въ сравнительной мифологіи которое лингвистъ Кунъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи *О Низведеніи Огня*. Дѣйствительно, этотъ культурный фактъ, отмѣченный еще Сакхуніаномъ въ числѣ великихъ историческихъ переворотовъ, долженъ былъ оказать громадное вліяніе на умственное, религіозное и логическое развитіе, но отсюда еще не слѣдуетъ чтобъ этому факту не предшествовалъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ ему по дѣйствию подготовительныхъ моментовъ, и чтобы добываніе огня такъ скоро перешло въ руки сословія жрецовъ или шамановъ что не успѣло пустить корней въ тѣсныхъ нѣдрахъ семьи, а также и въ разумѣніи народной массы, еще не скованной искусственнымъ обаяніемъ жреческаго обряда. Такимъ образомъ, мы еще разъ приходимъ къ тому же выводу что и лучшее что только можно извлечь изъ сочиненія г. Каспари становится тѣмъ пригоднѣе для науки чѣмъ больше противорѣчитъ его системѣ и не вѣжется съ его теоріею.

Отмѣчу нѣсколько изъ его замѣчаній которыя съ пользою могутъ быть приняты въ соображеніе.

Злѣтный культъ, по автору, отмѣченный въ общихъ чертахъ еще въ ту звѣриную пору когда къ животнымъ относились только какъ къ пожирателямъ человѣчьихъ труповъ, получаетъ новую силу и высокое значеніе въ эпоху открытія земнаго огня, который изъ растираемаго камня или дерева чудодѣйственно вслыхивалъ въ видѣ *пламеннаго злѣта* (II, 48). „Дѣйствительно, говоритъ авторъ, если мы спросимъ

себя что могло бы быть общаго между змѣю и огнемъ въ психологическомъ смыслѣ, то не можемъ не признать что видъ пламени, съ его трепещущими языками, которые подъ ударами вѣтра тѣмъ больше проявляютъ свою всепожарающую силу, ничею лучше не могъ наивному чувству напомнить изъ міра животныхъ какъ извивающуюся, трепещущую на дыбахъ и шипящую змѣю, прожорливость которой надобно было утолять жертвенною лищею. Такимъ образомъ, вполнѣ младенческой фантази тѣхъ временъ долженъ былъ казаться огонь жертвоприношенія первыхъ жрецовъ какимъ-то необычайнымъ живымъ созданіемъ, которое своею теллотою чародѣйственно могло исцѣлять болѣзни, а для жреца было такою драгоценностью которую онъ хотя и могъ своею чудотворною рукою воспроизвести изъ освященныхъ веществъ, но чтобы постоянно поддерживать ея живучесть, долженъ былъ имѣть наготовѣ священную лищу, которой огонь требовалъ для своего продовольствія какъ жертвы. Психологически разбирая, не станемъ мы нисколько удивляться что преданія этихъ временъ такъ часто говорятъ о змѣяхъ, огненныхъ ящерицахъ и драконахъ со змѣиными головами (см. къ 47 стр. II т. рисунокъ изображающій идола священнаго огня, въ видѣ человѣческой фигуры изъ головы которой стремится пламя въ видѣ змѣи и ящерицы). По особаго роду дѣтской аналогіи при взглядѣ на трепещущіе языки пламени возникалъ въ фантази ужасающій образъ воздымающагося, все пожирающаго змѣя, и тѣмъ съ большею живостью и силою это вредоносное, ядовитое животное входило въ область религіознаго чествованія.“ Указывая на новѣйшія изслѣдованія этнографическія, по которымъ оказывается связь культа древеснаго со змѣинымъ, авторъ видитъ здѣсь явственные слѣды того же культурнаго факта первобытной исторіи: „Мы уже видѣли, говоритъ онъ, какъ подъ священными руками премудрыхъ и могущественныхъ жрецовъ (flamines) змѣящееся пламя будто вылетаетъ изъ дерева признаннаго годнымъ для чудодѣйственнаго тренія. Къ этому можемъ мы присовокупить что въ послѣдствіи съ образомъ змѣя были соединены понятія не только могущества и мудрости, но и злобной надменности и гордости (змѣй въ раю, какъ искуситель въ грѣхѣ и гордости)“ (II, 56—57). Сверхъ указанія на символъ библейскаго змѣя, къ которому мы еще разъ воротимся, замѣчанія эти бросаютъ новый свѣтъ на многія явленія древнѣйшей

религіи и мифологіи. Такъ животное или живое качество вытираемаго огня между прочимъ явствуетъ изъ самаго наименованія этого огня *Усиельмъ*, принятаго въ нашемъ народѣ. На связи представленій о пламени и змѣѣ или ящерицѣ основана сказка о *Саламандрѣ*, живущей въ огнѣ. Эту же связь змѣи съ жертвеннымъ огнемъ можетъ быть объяснена ея исцѣляющая сила, по которой она стала атрибутомъ Эскулапа. Мифологическое сродство дерева съ огнемъ отражается во многихъ мифахъ, какъ напримеръ въ мифѣ о нимфѣ *Дабри*, которая въ объятіяхъ Аполлона превращается въ дерево: первоначально же ея имя значить вообще *горючая*, и у Грековъ было нарицательнымъ названіемъ лавра, какъ дерева идущаго на топливо: * и какъ змѣящееся пламя *Усиельмаго* огня было перенесено на зигзаги молніи, такъ и горящій лавръ очутился въ объятіяхъ солнца, колесо котораго, по древнѣйшимъ представленіямъ, также воспламенялось отъ тренія его, втулки. Наконецъ на связь мифическаго огненного колеса съ представленіемъ какого-то чудовища которое казнить людей, и съ темнымъ намекомъ на мысль объ укрощеніи этого чудовища деревьями, какъ огонь на жертвенникѣ, — на такую мифическую связь представленій и вѣрованій, какъ кажется, указываетъ намъ выше приведенное осетинское сказаніе о героѣ Сосрыко. ** Предсмертною борьбою его была схватка съ *Балгасомъ колесомъ*, съ какимъ-то чудищемъ которое одарено даромъ слова, насакаиваетъ на людей и сокрушаетъ имъ руки и ноги. Оно-то и искалѣчило Сосрыко, который потомъ дѣлался своимъ тѣломъ съ хищными животными. Догоняя это мифическое колесо, Сосрыко бросалъ въ него оловяными деревьями, которыя отскакивали отъ него разсыпаясь золою.

Если секретъ добыванія живаго огня открытъ былъ еще людьми каменнаго вѣка, то это открытіе послужило точкою отправленія для вѣка металлическаго, и притомъ сначала мѣднаго, такъ какъ мѣдь скорѣе чѣмъ желѣзо могла обнаружить себя, расплаваясь изъ примѣсей въ каменистыхъ породахъ, изъ которыхъ могли брать камни на подкладку разводимаго костра. Какъ бы то ни было, но божество огня

* *Русскій Вѣстникъ*, 1872 года, № 10, стр. 676.

** Джамт. Шапаева *Нартовскія Сказанія*, стр. 10—11, въ *Сборникѣ Свидѣній о Кавказскихъ Горцахъ*, т. V, 1871 года. Слѣч. въ мѣстѣ *Историч. Очерк.* I, 330.

принимается за кузечное дѣло, и кузнецамъ Гефесту и Вулкану соответствуетъ германскій Воундъ или Виландъ. Сюда же относятся германскіе карлики-эльфы, искусные ковачи, и вообще у народовъ ремесло кузнеца окружается мифологическою и суевѣрною таинственностью, какъ въ послѣдствіи ремесло мельника. Между кавказскими горцами пользуется особеннымъ чествованіемъ богъ кузечнаго дѣла, напимѣръ у Абхазцевъ, которые совершаютъ предъ нимъ присяги и клятвы съ символическимъ обрядомъ молота, соответствующаго молотомосному орудію германскаго Тора (*Tunare, donner*). По осетинскому сказанію одному герою въ битвѣ проломилъ темя. Онъ отправляется на небо къ мифическому кузнецу, и тотъ лочиниваетъ герою черель, выковывая ему темя изъ красной мѣди. * Надобно отдать нашему автору справедливость въ томъ что онъ путемъ историческаго развитія отдѣляетъ въ мифологическихъ фигурахъ Вулкана, Виланда и другихъ два элемента—чествованіе огня и первобытнаго художника—ковача, распредѣляя эти элементы по двумъ равнымъ вѣкамъ исторіи человечества (II, 77). Къ этому надобно присовокупить что семитическія племена и здѣсь отрого держатся историческаго начала. По книгѣ Бытія, *Фавель* (по Вулгатѣ *Тубалкаинъ*)—„млатобіецъ ковачъ мѣди и желѣза“—родился въ племени Каиновоиъ (*Бытія IV, 22*), и это происхожденіе отъ проклятаго рода, какъ увидимъ, оставило по себѣ слѣды въ греческомъ преданіи о Прометеевѣ, тѣсная связь котораго съ вѣдійскими обрядами добыванія живаго огня не подлежитъ сомнѣнію.

Еще Куль въ своей знаменитой монографіи указалъ на связь мифологическихъ представленій о птицахъ съ преданіями о низведеніи на землю огня и божественнаго напитка безсмертія. Не касаясь послѣдняго предмета, который въ данномъ случаѣ нарушалъ его систему, г. Каспаръ, кажется, не безъ основанія замѣчаетъ что птицы эти первоначально были только хищныя, въ чемъ и усматриваетъ съ одной стороны подтвержденіе своей мысли о религіозномъ страхѣ какой внушали хищныя животныя, пожирая человѣчьи трупы, а съ другой—связь пожирающаго змѣйнаго пламени съ кровожадною

* *Религіозныя Впрванія Абхазцевъ* стр. 12 и слѣд., и *Нартовскія Сказанія* стр. 9, въ *Сборникѣ Сепдльнѣи о Кавказскихъ Горцахъ*, т. V, 1871 года.

птицею (II, 98). Мы еще увидимъ вѣдйскаго Индру въ образѣ сокола или ястреба, а теперь замѣчу мимоходомъ что самое наглядное представленіе о мнѣическомъ сродствѣ птицы съ пламенемъ, глубоко вкорененное въ цивилизованныхъ народностяхъ, предлагаетъ сказка о *Фениксѣ*, который возрождается въ пламени.

Тотъ же лингвистъ Кунъ указалъ въ вѣдйскихъ обрядахъ и гимнахъ на связь представленій о вытираніи или сверленіи огня и о дѣторожденіи. Это даетъ г. Каспари поводъ прикинуть сюда повсемѣстно распространенный культъ фаллуса. Мнѣ кажется что самый убѣдительный фактъ особенно относящійся къ дѣлу и наипрочно забытый нашимъ авторомъ, это чудесное явленіе фаллуса въ пламени очага предъ Окривією, приносившею тогда на пламя жертвенное воззваніе, и съ того часа она зачала и черезъ девять мѣсяцевъ родила Сервія Тулаія. * А если придать большее вѣроятіе мнѣическому сочетанію змѣи съ пламенемъ, на чемъ такъ настаиваетъ г. Каспари, то сюда же бы пришлось отнести и всѣ сказки о томъ какъ огненный змѣи посѣщаетъ оплывавшіи красавицы, и особенно, какъ родоначальникъ ихъ вождь варварскаго племени вмѣняетъ себѣ въ обязанность воспользоваться своимъ правомъ у новобрачной (*jus primae noctis*).

Само собою разумѣется что сожиганіе мертвецовъ на кострѣ относится уже къ тому позднѣйшему періоду когда земной огонь вошелъ въ общее употребленіе, и въ практическомъ быту и въ религіи. ** Нашъ авторъ справедливо видитъ въ этомъ обрядѣ уже прямое послѣдствіе развитаго чествованія душъ и усопшихъ родителей, а самое сожиганіе трупа относитъ въ разрядъ очистительныхъ дѣйствій, такъ какъ священное пламя не только исцѣляетъ и даетъ жизнь, но и очищаетъ отъ всего нечистаго, куда принадлежали разныя болѣзни и особенно чума и зараза (II, 105—110). Съ одной стороны сюда идутъ народныя вѣрованія дѣлать отъ скотскаго падежа прогоняя стада черезъ священные костры, а съ другой убѣжденіе, доселѣ распространенное у дикарей, что человекъ приносимый богамъ въ жертвѣ всеожженія до такой степени очищается и освящается что самъ претворяется въ

* *Русскій Вѣстникъ* 1878 года, № 1, стр. 316.

** Профес. Котляревскаго *О погребальныхъ Обычаяхъ Языческихъ Славянъ* 1868 года, стр. 180 и слѣд.

божество которому его принесли въ жертву. Впрочемъ этотъ періодъ въ вѣровавіяхъ и обрядахъ уже до того развитой что онъ составляетъ существенную основу ранней культуры Славянъ и другихъ европейскихъ народовъ, унаследованной ими въ своей азиатской прародинѣ. Чтобы связать этотъ періодъ позднѣйшаго развитія мифологическаго сознанія съ предшествовавшими ему, автору слѣдовало бы подвергнуть подробнѣйшему анализу языки и бытъ арійскихъ племенъ, или же признаться въ непослѣдовательности и нелогическихъ скачкахъ, отличающихъ, какъ мы не разъ видѣли, его систему и теорію.

VI.

Вся 7я глава 4й книги II тома, имѣющая предметомъ религиозныя воззрѣнія самыхъ дикихъ изъ нынѣ живущихъ племенъ, въ ихъ отношеніи къ первобытному времени—не столько убѣждаетъ насъ въ той первобытности какъ ее понимаетъ авторъ, сколько рисуетъ предъ нами картину смутнаго смѣшенія ранней дикости съ проблесками позднѣйшей культуры, основанной на понятіи о душѣ и на представленіи божества. Такъ самые грубые изъ дикарей на западныхъ берегахъ Австраліи имѣютъ уже понятіе о будущей жизни въ раю, который будто бы находится въ свѣтломъ и прекрасномъ мѣстѣ на небѣ. Туда отходятъ души усопшихъ. Въ сужденіи погребенія замѣчательны обычаи двухъ періодовъ: дѣтей и молодежь хоронятъ въ землѣ, и только старшихъ сожигаютъ. Это почетъ и старцамъ и болѣе развитой культурѣ. Что же касается до душъ покойниковъ не слободившихся погребенія или сожиганія, то онѣ становятся злыми духами, и бродя по землѣ вредятъ людямъ. Этотъ моментъ еще древнѣе, такъ какъ онъ отзывается прямымъ сродствомъ мертвеца съ тѣмъ хищнымъ звѣремъ который его пожралъ. Въ племенахъ Бразиліи покойниковъ хоронятъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ, иногда въ сидячемъ положеніи. Хотя и вѣрують эти дикари что умершіе превращаются въ дикихъ звѣрей, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ уже на такой стелени культуры что знаютъ уже нѣчто въ родѣ германской Валгаллы, злчное мѣсто на высокой горѣ куда улетаютъ души храбрыхъ воиновъ и блаженствуютъ вмѣстѣ съ

своими предками, между тѣмъ какъ трусы и лѣвтяи обре- чены на мученія отъ нѣкаго злаго демона.

Изъ подробностей которыхъ могутъ навести на новые пути въ объясненіи сравнительныхъ обрядовъ, привожу слѣдующія.

Чествованіе человѣчьихъ череловъ авторъ объясняетъ убъ- жденіемъ что душа помѣщается въ голову (II, 150—151). Въ мексиканскихъ храмахъ черела предковъ похищаются по стѣ- намъ и на жертвенникѣ, на которомъ приносятся человѣче- скія жертвы. У нѣкоторыхъ дикарей въ обычай погребать трупы рабовъ вмѣстѣ съ ихъ господами, для того чтобъ и на томъ свѣтѣ рабы служили своимъ повелителямъ. Марко Поло повѣствуетъ о тибетскихъ племенахъ что они убиваютъ чу- жестранцевъ для того чтобъ оставлять у себя въ домахъ ихъ головы, въ видѣ домашнихъ пенатовъ. Сюда же надобно при- совокулить вышеприведенное изъ быта Мандановъ, у кото- рыхъ матери ласкаютъ черела своихъ умершихъ дѣтей и съ ними разговариваютъ (I, 359); потому что, какъ мнѣ кажет- ся, авторъ зававшись своею теоріею звѣриныхъ вожаковъ въ стадѣ, намѣренно стѣсняетъ культъ череловъ аристократи- ческимъ сословіемъ героическихъ предковъ и не обращаетъ вниманія на то что по череламъ или головамъ въ вѣроваваніяхъ дикарей уравнивались между собою не только всѣ члены семьи и рода-племени, но и самыя животныя съ людьми. Какъ приводимые авторомъ дикари украшаютъ свои храмы чере- лами предковъ, такъ по извѣстію Ибнъ-Фоцлана, русскій ку- лець выгодно, продавъ свой товаръ, приносить благодарствен- ную жертву: убиваетъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, раздаетъ одну часть мяса бѣднымъ, остальное прино- сить большому идолу и стоящимъ вокругъ него малымъ, *ст- шаетъ головы овецъ и быковъ на колья, вбитые въ землѣ по- зади небольшихъ идоловъ. Ночью приходятъ собаки и пожи- раютъ мясо, тогда оръ говоритъ: „Мой владыка благоскло- пенъ ко мнѣ, оръ принялъ (пожралъ) мою жертву“.* * Уже одна эта послѣдняя подробность, столько пригодная г. Каспара для его теоріи о звѣриномъ культѣ, указываетъ на глубокую древность всего обряда. Соответственно этому въ кавказ- скихъ сказаніяхъ ** припоминаются преданія о мифическихъ

* Котляревскаго *О погребальныхъ Обычаяхъ Языческихъ Славянъ*, въ приложеніи стр. 25.

** Напримеръ въ Аварскихъ сказаніяхъ въ *Сборникъ Сетдннй о Кавказскихъ Горцахъ* II, стр. 10 и 37.

зѣмкахъ или острогахъ, окруженныхъ желѣзнымъ заборомъ со стальными тычинами, и на каждой тычинкѣ по челоѣчьей головѣ, равно какъ и у насъ въ былинахъ:

Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
 Какъ было около двора желѣзный тынъ,
 А на всякой тычинкѣ по маковкѣ,
 И по той по головѣ богатырскія. *

Черель какъ хранилище жизненныхъ силъ одинаково могъ имѣть значеніе въ миеологическихъ представленіяхъ, будетъ ли то челоѣчий или звѣриный. И еслибы вести далѣе теорію нашего автора о змѣиномъ культѣ въ связи съ жертвеннымъ огнемъ, то можетъ-быть мы усмотрѣли бы слѣды древнѣйшей миеологии въ сказаніяхъ о томъ какъ нашъ Олегъ, скандинавскій Орваръ Олль или Турскій царь у Сербовъ — умираютъ отъ любимаго коня, изъ черепа котораго вылѣзаетъ змѣя и ранитъ на смерть. Впрочемъ змѣя иногда и забывается, какъ въ сербской сказкѣ о невѣстѣ которая умерла отъ раны нанесенной ей зубомъ убитаго волка котораго голову она толкнула ногой. ** Сверхъ того во всѣхъ этихъ преданіяхъ, согласно маститому сказанію, челоѣчкѣ *потираютъ своею ладною ладью* при которой обыкновенно не забывается и *среднесонной змѣй*. Если съ черепомъ или вообще съ головою челоѣчка соединяется мысль о его жизни и душѣ, то тѣмъ естественнѣе въ знакъ своей побѣды и на лучшее безславіе убитому врагу оставлять при себѣ его голову и потомъ въ видѣ кубка употреблять для литья его черель, и тѣмъ дороже должны быть эти скорбные останки для любящихъ того кому они принадлежали: черты варварскихъ нравовъ, глубоко вошедшія въ народныя сказанія, образчикъ которыхъ я уже указалъ въ лонгобардской исторіи о Розамундѣ и въ средневѣковыхъ повеллкахъ. Кавказъ и здѣсь предлагаетъ намъ замѣчательные по своей ранней свѣжести экземпляры. Кавказская Розамунда, какъ мать изъ племени дикихъ Мандавовъ, утѣшается черепомъ убитаго ея мужемъ любовника и бережетъ его какъ сокровище и потомъ чтобы сдѣлать его еще драгоценнѣе она сама, а не мужъ ея, ведетъ обдѣлать черель въ серебро и

* У Кирши Давилова, стр. 354—355.

** Проф. Сухомаинова въ *Оснотъ* 1861, № 6.

такую-то чашу замыслила она поднести своему мужу съ видомъ.*

Г. Каспари предполагаетъ что дѣтская фантазія равныхъ временъ помѣщала своихъ чудодѣйственныхъ добывателей живаго огня на высокихъ горахъ, въ таинственномъ окруженіи облаковъ съ бурей и грозой, и будто бы потому *высокая гора*, по ассоціаціи религиозныхъ идей, введена была въ число предметовъ мифологическаго культа (II, 154). Предположеніе это, мнѣ кажется, еще дальше отъ истины, нежели безусловное производство мифической горы отъ облаковъ, приписываемое вѣдистами и мифологіею природы. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію что покойниковъ ислотовъ-вѣку было въ обычаѣ хоронить на горахъ, что высокіе курганы—имѣли и могилы великановъ или героевъ и что наконецъ наши доисторическія городища суть тѣже *Выш-города* ранней исторіи: такъ что вѣрованіе о пребываніи душъ усопшихъ на райской горѣ находило себѣ наглядное оправданіе въ курганахъ и Вышгородахъ съ могилами родныхъ покойниковъ. Другое замѣчаніе нашего автора о томъ что высокія деревья, привлекающія на себя громовые удары, должны были естественно стать у многихъ народовъ первоначальнымъ мѣстомъ для жертвоприношеній (II, 154), свидѣуетъ, кажется, сблизить съ упомянутымъ выше обычаемъ нѣкоторыхъ дикарей селиться на деревьяхъ. Въ такомъ случаѣ *Соловей разбойникъ*, гнѣздащійся на девяти дубахъ, какъ разъ будетъ соответствовать жрецу Соловью упомянутому въ Якимовской лѣтописи, и тѣмъ болѣе потому что Литовская хроника знаетъ именно такого жреца который былъ найденъ на деревѣ въ ораиномъ гнѣздѣ, почему и названъ былъ *Лыздейко* (отъ Литовск. *lizdas*—гнѣздо).** Что же касается до свидѣнія нашего автора основаннаго на свидѣтельствѣ Бастіана будто въ одной *русской* героической пѣснѣ значитъ: „лобитые во множествѣ покрываютъ поле, и многія души летаютъ съ дерева на дерево, и птицы ихъ боятся, только совы однѣ ихъ не боятся“ (II, 152): то меня крайне удивляетъ та нерешливая олаошность съ которою уче-

* *Кабардинская Старина*, стр. 6 и слѣд. въ *Сборникъ Сепдтій о Кавказскихъ Горцахъ*, т. VI, 1872.

** См. мой разборъ книги профессора Миллера объ Иавѣ Муромцѣ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1871 № 4, стр. 231—232.

ный Нѣмецъ относится къ русскому и вообще ко всему славянскому. Какъ же не знать что это сказано въ одной изъ пѣсень Краледворской рукописи, *чешскій* подлинникъ которой еще Ганка издалъ вмѣстѣ съ переводами на нѣмецкій, французскій, италіанскій, англійскій и другіе языки? * Какимъ же образомъ послѣ этого принимать намъ на вѣру что повѣствуетъ авторъ о житьѣ-бытьѣ первобытнаго челоѣка, когда онъ такъ плохо знакомъ съ этнографіею даже своихъ соотечественниковъ что смѣшиваетъ Чеховъ съ Русскими?

Въ заключеніе о погребальныхъ обычаяхъ и отношеніи живыхъ къ покойникамъ сдѣлаю еще одно замѣчаніе, которое касается самой сущности всей теоріи гейдельбергскаго профессора, во всемъ ея составѣ. Увлечшись вожаками звѣриныхъ стадъ, авторъ, какъ мы видѣли, не обратилъ вниманія на взаимныя отношенія членовъ семьи, принесши ихъ всѣхъ въ жертву главѣ семейства и родоначальнику, и на этомъ авторитетѣ основалъ свою теорію о происхожденіи религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о чествованіи душъ въ связи съ погребальными обрядами. Любопытно было бы знать почему изъ вопроса объ отношеніи живыхъ къ покойникамъ устранилъ онъ громадное въ исторіи быта и міеологіи значеніе любящей женщины и именно матери, надгробья которой составляютъ на тысячи голосовъ въ этихъ заунывныхъ *злачакгахъ*, составляющихъ преимущественное достояніе женской половины челоѣческаго рода? Перелистуйте прекрасное собраніе причитаній изданныхъ г. Барсовымъ, увидите что всѣ они поются женщинами, и особенно матерью; даже надъ умершею женою причитаетъ залачку не мужъ, а родственница пришедшая на похороны.**

Если мы прослѣдимъ исторію залачекъ начиная отъ нашихъ временъ въ даль прошедшаго, до самыхъ древнихъ свидѣтельствъ міеологіи и историческихъ преданій, то изъ самой глубины вѣковъ выступитъ предъ нами скорбящій ликъ матери и жены, которая огласила самый ранній разсвѣтъ исторіи челоѣчества плачами Изиды по Озирису, Афродиты по Адонису или Деметры по Персефону. Оставляетъ

* Вотъ это мѣсто въ Чешскомъ подлинникѣ: „тамъ и веле душъ тека, семо тамъ по древехъ. Ихъ боее плацтво и плахы звѣръ; едво совы не боее.“ Въ пѣснѣ *Забой*, *Славой* и *Людектъ*.

** Барсова *Причитанья Севернаго Края*. 1872 стр. 80.

живущихъ на землѣ и уходитъ отъ нихъ въ невѣдомую страну не предводитель толпы, который связывалъ съ собою свикъ подчиненныхъ только повиновениемъ, страхомъ и мщениемъ, а существо всѣми любимое и всѣмъ близкое и дорогое, соединенное съ ними кровными узами родной семьи, это даже не отецъ съ его строгою властью, а только мужъ, къ которому вчеть одна любовь, это и не братъ, который только защищаетъ, загибала отца, а желанное дѣтище, которое выносила мать подъ своимъ сердцемъ чтобы тѣмъ любовью дѣлать его при жизни и тѣмъ горше оплакивать по смерти. Потому-то изъ самой далекой доисторической глуши доходятъ до насъ не торжественные звуки погребальной церемоніи, подебающей вождю и герою, а стenanія любящей супруги и матери, въ скромной средѣ семейнаго союза, для котораго Озирисъ не столько божество, сколько мужъ и сынъ, и Персефона не богиня, а дочь. Оплакивается вырванная смертію изъ этого союза не маститая дряхлость, потерю которой предваряетъ постепенное ея разрушеніе, а молодость, полная свѣжихъ силъ и надеждъ. Пробѣгая скорбные листы въ которыхъ неволѣчество отмѣтило свои дорогія потери, въ самой глубинѣ исторической перспективы взоръ останавливается на третательной судьбѣ непорочнаго Авеля, на погребеннѣи трулѣ котораго, по апокрифу, родители его оплакивали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Таковъ былъ первый на землѣ плачь, въ которомъ человекъ, впервые заглушивъ свои личные, тѣлесныя боли, измилъ вполнѣ человѣческія чувства состраданія къ ближнему.

Г. Каслари, связывая вопросъ о вѣрованьи въ будущую жизнь съ погребальными обрядами, съ особеннымъ усиліемъ напираетъ на представленія рая отцовъ и героевъ, въ родѣ германской Валгаллы. Еслибъ онъ ближе разсмотрѣлъ бытовые и мѣологическіе матеріалы, то, взглянувъ на дѣло шире, не могъ бы ни коимъ образомъ забыть дѣятельнаго участія женской, материнской любви въ непреодолимомъ стремленіи открыть ту загробную страну куда наконецъ приводить ее неуслынные поиски направляемые по всему міру чтобы воротить къ себѣ отнятое у нея смертію дорогое существо. Можетъ-быть онъ усмотрѣлъ бы въ этой жаждущей утоленія скорби цѣлую гамму послѣдовательныхъ звуковъ начиная отъ той матери въ дикомъ племени которая лобызаетъ черель своего дѣтища, черезъ неугнѣшныя печали Изиды,

блуждающей съ трупомъ своего Озириса, и черезъ отчаяніе Деметры, которая повсюду на землѣ напрасно ищетъ свою дочь и ожидаетъ ея возвращенія изъ ада, до торжественнаго сошествія туда самой богини Матери Земли или *Земной Жены* къ Сыну Жизни, какъ говорятъ о томъ ассирійско-вавилонскія сказанія, дешифрованные по начертаніямъ знаменитыхъ каменныхъ скрижалей вавилонскихъ. * Собственное имя этой богини по вавилонскимъ источникамъ — *Амлатъ*, по Геродоту *Амлатъ* или *Амита*, которую отецъ исторіи признаетъ за небесную Афродиту азіатскихъ народовъ. Эта богиня въ халдейско-ассирійскихъ сказаніяхъ отождествляется съ мичеескою *Истаръ*, которая въ первомъ супружествѣ была за Сыномъ Жизни, а потомъ вышла замужъ за царя Издубара. Надобно полагать что богиня олаживающая преждевременно погибшаго юношу, соответствуетъ египетской Изидѣ, вѣсть и его мать и супруга. Сказаніе начинается надгробнымъ плачемъ, который соответствуетъ плачу по Адонисѣ. Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ лирическихъ строфъ, описывается какъ *Земная Жена Амлатъ* нисходитъ въ темную область *Непреодолимой страны*, или ада, раздѣленнаго на семь круговъ въ соотвѣтствіе семи небеснымъ сферамъ, и при вратахъ каждаго круга привратникъ, будто стражъ средневѣковыхъ мытарствъ, снимаетъ съ богини одно за другимъ всё ея украшенія и одежды, такъ что она становится нагая. Сначала снимаютъ съ ея головы вѣнецъ, потомъ серги, ожерелье, гривну, поясъ, браслеты съ рукъ и ногъ и наконецъ „покрывало стыдливости“. Затѣмъ восходитъ она по ступенямъ свѣта, и опять при каждой изъ семи дверей возвращаются ей наряды, только въ обратномъ порядкѣ, начиная отъ покрывала до вѣнца. Вступивъ въ высшую среду свѣта узреть она наконецъ Сына Жизни. Ассирійско-вавилонскую поэму Ленорманъ дополняетъ нѣкоторыми замѣчательными данными изъ писателей позднѣйшихъ временъ. Оказывается что подобно вавилонской *Земной Женѣ*, и Изиды и Венера, когда онѣ олаживали своихъ Озириса и Адониса, были одѣты семью нарядами, будто бы по числу семи эфирныхъ одѣлій въ которыя облечена вся природа, такъ что *Сынъ Жизни* есть не кто иной какъ тотъ же во цвѣтъ лѣтъ погибшій

* Lenormant, *Le Déluge et l'épopée babylonienne*. 1873 года, стр. 25—29.

юноша котораго въ Библосѣ и на Кипрѣ олакивали подъ именемъ Адописа, а въ Вавилонѣ называли Таммузомъ. Такъ какъ плачу о погибшемъ естественно предшествуетъ самая гибель, то приведенное сказаніе должно было имѣть соответственное начало, слѣды котораго Ленорманъ открываетъ въ слѣдующемъ извѣстіи Еврея Моисея Маймонида: „Разказываютъ объ одномъ изъ языческихъ пророковъ, по имени Таммузъ, что онъ призывалъ нѣкотораго царя къ поклоненію семи планетамъ и двѣнадцати знакамъ зодіака. Но царь умертвилъ его жестокимъ образомъ. И передаютъ что въ ночь его смерти идолы изъ разныхъ странъ всего міра собрались въ Вавилонскій храмъ вокругъ золотой статуи солнца, которая виситъ между землею и небомъ. И стала она причитать надгробное причитанье и повѣствовала о томъ что приключилось съ Таммузомъ. И всѣ идолы плакали и рыдали во всю ту ночь, а къ утру поднялись и возвратились въ свои храмы въ разныхъ странахъ земли. Отсюда идетъ обычай ежегодно плакать и рыдать надъ Таммузомъ.“

VII.

Замѣчанія на сочиненіе г. Каспари я заключаю подробнымъ разборомъ его ученія о *миѣ въ отношеніи къ исторіи религіознаго развитія первобытныхъ временъ* (II, 181—208). Это по моему мнѣнію лучшія страницы во всемъ сочиненіи, и если автору суждено внести свою лепту въ капиталъ сравнительнаго изученія народностей, то можетъ - быть это сбудется особенно благодаря указаннымъ страницамъ. Все же что слѣдуетъ у него даѣе, или не ново, какъ главы о письменахъ, о счетѣ и цифрахъ, или мало относится къ нашему предмету, какъ общія разсужденія о космогоніи, философіи, поэзіи и т. п.

Хотя авторъ и старается бросить тѣнь сомнѣнія на эвгемеризмъ, осуждая его въ недостаткѣ критики (II, 205), однако и самъ ищетъ твердой опоры своему ученію о миѣ въ этой же самой теоріи, на которой старинные теологи основывали свои доказательства о первобытности исторической правды ветхозавѣтныхъ сказаній въ сравненіи съ позднѣйшими искаженьями ея въ миѣическихъ преданіяхъ язычниковъ. Я не:

рѣшаюсь сказать чтобъ и психологъ нашего времени не вдался въ нѣкоторыя крайности эвгемеризма, но считаю своимъ долгомъ отдать ему справедливость, во первыхъ, въ томъ что онъ остается въ этомъ случаѣ вѣрнѣе однажды принятому принципу, выводя свой эвгемеризмъ, какъ мы видѣли, чуть не изъ звѣринаго логовища первобытнаго человѣка, и вторыхъ, въ томъ что самыя крайности этой старинной теоріи, являющейся здѣсь въ новѣйшей реставраціи, должны имѣть въ наукѣ свою цѣну, въ смыслѣ противодѣйствія такъ-называемой миеологіи природы, съ ея бессодержательными обобщеніями, которыя она налагала на всевозможныя миеическія и эпическія личности, будь то божество греческаго Олимпа или Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и другіе богатыри нашихъ былинъ, и во всѣхъ этихъ личностяхъ видѣла не болѣе какъ разныя явленія и силы природы, свѣтъ или тьму, день или ночь, тепло или холодъ и т. л. Положимъ что авторъ ошибается когда вовсе отказывается логическимъ воззрѣніямъ на природу въ дѣятельномъ участіи при созданіи миеовъ, потому что какъ мы видѣли, онъ не признаетъ въ языкѣ никакихъ слѣдовъ древнѣйшаго религіознаго сознанія, тогда какъ лингвисты именно на основаніи этимологическаго анализа открываютъ въ самыхъ языкахъ неистощимые источники раннихъ миеологическихъ представленій, которыя человѣкъ соединялъ съ названіями предметовъ и явленій окружающей его природы и своей собственной жизни. Мы уже отдали предпочтеніе этой теоріи лингвистовъ потому что она намъ объясняетъ болѣе и лучше нежели теорія г. Каслари. Но когда лингвисты покушаются такъ далеко вытянуть изъ формъ языка первичныя воззрѣнія на природу что одною и тою же чертою небснаго свѣта усиливаются обрисовать миеологическій и эпическій характеръ и Зевса съ Аполлономъ, и зміеубійцу Зигфрада, и кровосмѣсителя и отцеубійцу Эдила, и нашего Илью Муромца, который поражаетъ Соловья-Разбойника; тогда невольно становишься на сторону г. Каслари, который не находитъ въ логическихъ воззрѣніяхъ на природу ни достаточнаго матеріала для измышленія разнообразныхъ по содержанію миеовъ, ни такого широкаго, всеобщаго интереса, какой питають къ миеамъ народныя массы и съ какимъ хранятъ ихъ въ своей памяти, не какъ случайную выдумку личнаго происхожденія, а какъ дѣйствительность, какъ внѣшнее событіе, признанное всѣми

за правду. Такую внѣшнюю опору миѳу даетъ самая жизнь народа, то что имъ пережито и срослось со всѣмъ его бытомъ и характеромъ, и что само собою остается въ его средѣ вмѣстѣ съ пережитою жизнью: это именно есть *преданіе* (II, 188—189). Что же касается способа посредствомъ котораго къ историческому преданію присовокупляется миѳическое воззрѣніе на міръ и затѣмъ то и другое слагается въ одно нераздѣльное цѣлое, то въ изслѣдованьи этого предмета г. Каспари уже не можетъ служить руководителемъ; потому что онъ опять выдвигаетъ своихъ жрецовъ, или какъ онъ называетъ *религіозныхъ поэтовъ*, которые будто бы должны были къ этимъ *объективнымъ* корнямъ народныхъ преданій приладить свои поэтически изукрашенные ученія о богахъ и такъ-сказать развѣтвить самые эти корни символическими развитіями и улобленіями. „Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, психологически усматриваемъ мы тѣснѣйшій союзъ, въ которомъ состоятъ фактическія преданія народа, какъ корни, съ субъективными измышленіями миѳовъ, какъ съ изобразительными улобленіями относящимися къ ученію о богахъ; и союзъ этотъ мало-по-малу до того сросся и окрѣлъ что народныя преданія, переработанныя и распространенныя творцами миѳовъ (*von den Mythendichtern*), стали такъ же широко распространяться въ народѣ, внушать такой же интересъ и цѣнность и надолго сохраняться въ памяти, какъ и тѣ первоначальныя преданія“ (II, 190). Несостоятельность этого мнѣнія, со всѣми его доводами, у насъ уже налицо: стоить только припомнить тѣ несбыточныя гаданія и противорѣчія автора самому себѣ на которыя было уже указано. Волевымъ, мы видѣли что авторъ не только не умѣлъ доказать первобытности сословія жрецовъ или религіозныхъ поэтовъ, но и въ самомъ предположеніи о дѣятельности этого сословія дѣлаетъ скачекъ отъ семьи, въ средѣ которой не указываетъ источниковъ миѳологическаго сознанія, хотя противорѣча себѣ, и выводитъ идею о душѣ и божествѣ изъ основъ семейнаго и родоваго чествованья отцовъ и родоначальниковъ. Вотъ-вотъ, мы также уже видѣли что *измышленія фантазіи*, безо всякаго предварительнаго подготовленія, какъ свѣгъ на голову ладаютъ въ звѣриную ватагу первобытныхъ людей г. Каспари. Эти-то измышленія, взятые съ вѣтру, и потому не могшія укорениться въ сознаніи народномъ, и должны были послужить источникомъ для изобрази-

тельныхъ улодобленій и разныхъ миеологическихъ фіоритуръ которыми какіе-то религіозные лѣвцы пріодѣли народныя преданья, и сдѣлали изъ нихъ миеы. Наконецъ, третьихъ, мы видѣли еще что отказывая языку въ древнѣйшихъ свѣдахъ самаго ранняго религіознаго и миеологическаго сознанія, и приписывая начало и языка и миеологіи личному авторитету вожаковъ, родоначальниковъ или жрецовъ и постовъ, авторъ очевидно признаетъ въ формахъ языка не болѣе какъ личное дѣло немногихъ изобрѣтателей, почти какъ капризъ случая, а въ миеологіи—такое же личное измышленіе, то-есть выдумки которыми жрецы отводили глаза у толлы.

Итакъ, по теоріи г. Каспарца, все миеологическое, всѣ вѣрованія о богахъ и божественныхъ силахъ природы относятся къ историческому преданію какъ измышленная ложь къ правдѣ, и притомъ сначала явилась правда, то-есть преданіе о дѣйствительномъ фактѣ, и потомъ окрасилась она фальшивою примѣсю миеологическаго вымысла. Не то ли же самое утверждали и старинные теологи, по теоріи Эвгемеровой открывая въ изыческихъ миеологіяхъ лѣгитимскую ложь которою были искажены историческія преданія Библіи? Такая солидарность новѣйшаго психолога съ богословами, конечно, не столько бросаетъ на него тѣнь сомнѣнія, сколько говорить въ пользу упомянутой теологической гипотезы, которая наконецъ находитъ себѣ поддержку и тамъ гдѣ всего менѣе можно бы было этого ожидать. Не для того ли нашъ авторъ и повторяетъ извѣстное обвиненіе эвгемеризма въ недостатокъ критики чтобы хотя на словахъ выгородить себя изъ такого щекотливаго положенія?

Впрочемъ, если мы высвободимъ изъ противорѣчивыхъ слетеній разбираемой нами системы ученіе о миеѣ какъ сочетаніи миеологическаго вѣрованія съ историческимъ преданіемъ, то можемъ предпочесть его господствующей въ наше время теоріи миеологіи природы и логическихъ воззрѣній, но только подъ тѣмъ условіемъ чтобы, за устраненіемъ указанныхъ погрѣшностей, были переставлены наоборотъ оба элемента миеа, то-есть религіозное вѣрованіе и историческое преданіе, и въ сложеніи и развитіи миеа оба они были бы ведены параллельно, въ полной зависимости другъ отъ друга.

Объяснюсь. Такъ какъ авторъ не входитъ въ подробности о томъ что собственно надобно разумѣть подъ фактическимъ

преданіемъ и только между общими разсужденіями по этому предмету въ видѣ примѣра называетъ потопъ (II, 192), то для ясности вопроса слѣдуетъ знать какіе именно сюжеты входили въ древнѣйшія народныя преданія, однѣ ли только катастрофы, въ родѣ потопа или землетрясенія, и такія событія какъ войны, походы и т. п., или же и такія пережитыя человечествомъ цѣлыя эпохи которыя хотя и не обозначены на страницахъ исторіи ни годомъ, ни собственнымъ именемъ, однако такъ глубоко вошли въ самый бытъ народѣвъ и въ ихъ національный складъ что и доселѣ даютъ о себѣ знать сохранившимися отъ нихъ слѣдами въ нравахъ, обычаяхъ и убѣжденіяхъ? Если къ историческимъ преданіямъ надобно отнести все существенное что только переживали народы и о чемъ не могли не составить себѣ довольно яснаго понятія, когда самыя перемѣны въ быту заставляли отличать старое, пережитое, отъ новаго, переживаемаго, то преданія эти должны были захватить въ свое содержаніе всѣ крупныя явленія въ развитіи жизни семейной и племенной, какъ на примѣръ, постепенное установленіе взаимныхъ отношеній между членами семьи, отразившееся въ преданіяхъ о кровосмѣшеніи, братоубійствѣ, женовластіи, семейномъ деспотизмѣ и т. п.; затѣмъ—столкновенія между племенами и народами, куда относятся преданія о похищеніи неврѣстъ, о великанахъ, въ видѣ которыхъ представляютъ обыкновенно враговъ; далѣе—выселенія и переходы, остававшіе по себѣ память о рѣкахъ на которыхъ жило племя въ своей счастливой первобытности, какъ это сохранилось въ преданіяхъ кавказскихъ народовъ о четырехъ райскихъ рѣкахъ или о седмирѣчьи древнихъ Аріидцевъ, * или же о такихъ рѣкахъ на которыхъ временно останавливались народы, какъ Дунай у Славянъ, или черезъ которыя переходили направляясь въ новую родину, какъ тѣ три рѣки о которыхъ говоритъ намъ чешская поэма о судѣ Любуши. Наконецъ самыя переходы изъ одного вѣка въ другой, изъ каменнаго въ металлическіе, или изъ ранняго быта въ болѣе развитой, изъ звѣроловнаго въ пастушескій и изъ пастушескаго въ земледѣльческій, оставили по себѣ цѣлые ряды преданій объ этихъ чудесныхъ кузнецахъ Тубалкаинахъ и Во-

* Wollschläger, *Hundbuch der vorhistorischen, historischen und biblischen Urgeschichte*. 1873 стр. 68, 101 — 102, 104, 129, 132, 152 — 156, 195—199.

лундахъ, о пастухахъ Полифемахъ и земледѣльцахъ Премыслахъ и т. п.

Отдѣлить во всѣхъ этихъ преданіяхъ вѣрованіе, убѣжденіе, то-есть смыслъ, отъ голаго факта — какъ бы хотѣлъ этого г. Каспари, — ни коимъ образомъ нельзя; потому что уже въ самомъ существѣ преданія заключается мысль о сознательномъ припоминаніи и передачѣ факта на словахъ. Человѣкъ передаетъ такъ какъ овъ понимаетъ. Ясно что пониманіе факта предшествуетъ его передачѣ; а въ этомъ-то пониманіи и заключены тѣ зародыщи религиозныхъ и мифологическихъ вѣрованій и убѣжденій которыми растворяется пересказываемое преданіе уже при самомъ его зарожденіи. Затѣмъ, совершившееся событіе обыкновенно сдѣлывается тогда когда оно отходить въ прошедшее на значительное разстояніе, въ которомъ оно является взору во всей своей полнотѣ и округленности, отдѣленное перспективою отъ текущей жизни. При этомъ подробности событія уже болѣе или менѣе забываются, остается только главный остовъ съ его разрозненными частями, которыя въ преданіи уже воспоминаются и соединяются по крайнему разумнію, и это разумніе входитъ въ область тѣхъ же мифологическихъ убѣжденій и воззрѣній безъ которыхъ не мыслимы ни раннее пониманіе, ни самый языкъ какъ сокровищница первоначальныхъ воззрѣній человѣка на себя и на природу.

Въ объясненіе сказаннаго я приведу два примѣра изъ двухъ недавно вышедшихъ во французской литературѣ сочиненій по сравнительному изученію народностей. Оба сочиненія, на которыя я имѣлъ уже случай сослаться, составлены лингвистами. Одно Шёбеля *Измѣдованіе о первоначальной религіи расы индо-иранской*, другое Ленормана: *Потопъ и Вавилонская эпопея*. * Примѣры эти будутъ касаться мифа о Прометѣ въ связи съ преданіемъ о грѣхопадении и сказаній о всемірномъ потопѣ.

Слѣды древнѣйшихъ преданій первыхъ главъ книги Бытія Шёбель открываетъ въ вѣдійскихъ сказаніяхъ о божественномъ налиткѣ (*сома*, эравск. *гаома*) и низведеніи огня на землю, составляющихъ, какъ извѣстно, предметъ знаменитой

* Schöbel, *Recherches sur la religion première de la race indo-iranienne*, изд. 2е 1872 — Fr. Lenormant, *Le déluge et l'épopée babylonienne* 1773.

монографіи Куна. Свои выводы французскій лингвистъ основываетъ на слѣдующихъ, какъ онъ называетъ, легендахъ изъ Ригъ-Вѣды. *

Первая легенда: „Два крылатые существа (*супарна*), оба близнецы - друзья, были на одномъ деревѣ. Одинъ вкушалъ отъ сладкой *пиппалы* (*figus religiosa*), другой не ѣлъ и только смотрѣлъ.—Тамъ гдѣ эти крылатые непрестанно прославляютъ блаженство безсмертія, познавъ оное, владыка міра, покровитель вселенной, премудрый, помѣстилъ и меня недозрѣлаго.—Древо на которое спускаются крылатые существа жаждущія *сомы*, сказываютъ, имѣеть на своей вершинѣ сладкую *пиппалу*. Не можетъ туда достигнуть тотъ кто не позналъ отца вселенной.“ Эти темные намеки валомиваютъ автору библейское древо познанія добра и зла, вкусившіе отъ котораго будутъ премудры, какъ боги.

Переходя ко второй легендѣ надобно знать что это крылатое существо (*супарна*) есть не кто иной какъ самъ *Ману*, то-есть первый человѣкъ и вообще представитель человечества. Онъ отождествляется также съ богомъ *Индру*, который именно превращается въ сокола (или ястреба), птицу самую быструю, чтобы щипать вѣтви для божественнаго напитка безсмертія (для *сомы*), и когда онъ набралъ себѣ *сомы*, на него напалъ и ранилъ его *Кришану*, то-есть змій *Агни*. Вотъ самая легенда: „Я былъ *Ману* (такъ говоритъ *Индра*), я далъ землю *Арищамъ*. Вотъ теперь я соколъ. Птица (это поэтъ говоритъ отъ себя) набрала сладкаго плода, сама трепещетъ, и быстро улетала. Отлетѣвъ далеко съ плодомъ *сомы*, который веселитъ и уполяетъ, соколъ испустилъ крикъ, онъ увидѣлъ стрѣлка *Кришану*, который тотчасъ же и стрѣлилъ въ него съ быстротою мысли. И вотъ перо улоло изъ крыла птицы.“

Третья легенда касается такъ-называемаго живаго огня. Богъ огня называется иногда въ Вѣдахъ человѣкомъ, онъ и рождаетъ человѣка. Прозывается *падшимъ* (*сіавана*). И хотя согласно вѣдійскому натурализму въ „падшемъ *Агни*“ надобно видѣть небесный огонь или молнію, но Шёбель усматриваетъ въ этомъ представленіи слѣды первобытныхъ преданій нравственнаго содержанія, поскольку съ мнѣніемъ вѣдійскимъ возможно сближеніе греческаго Прометей, похи-

* Стр. 139—157.

щающаго съ неба Зевсово пламя, и семитическаго Элогимъ, вдохнушаго въ Адама душу живу. Относящаяся сюда въ древне-арійскихъ преданіяхъ личность называется *Матаршванъ*. При его содѣйствіи челоѣкъ достигъ общечитія. Онъ же отъ боговъ добылъ и агни (огонь), который исчезъ на землѣ и былъ скрытъ въ одной пещерѣ, и вручилъ его нѣкому *Бригу* (греч. *Флегіасъ*), жрецу или праотцу, въ которомъ олицетворяется все вѣдійское поколѣніе. Итакъ по легендѣ „Матаршванъ привезъ Бригу драгоценный даръ; Матаршванъ сошелъ съ неба одушевить агни; соколъ быстрыми движеніями вызвалъ *саму* изъ камня.“ „Мы уже знаемъ, говоритъ авторъ, что соколъ самъ Индра и Индра отождествляется здѣсь съ Матаршваномъ.

Собирая одинъ за другимъ разрозненные члены одного общаго преданія, Шёбель останавливается въ вѣдійскихъ сказаніяхъ еще на одной мифической фигурѣ которая своими чертами дополняетъ образъ той же божественной личности. Это *Твашта*, художникъ или хитрецъ по преимуществу, искусный творить всякія формы или образы. Это онъ сработалъ Индрѣ его молніеносное оружіе, которымъ богъ поражаетъ змія Аги и его подчища; онъ же сдѣлалъ чашу возліанія, то-есть какъ бы учредилъ и самый обрядъ жертвоприношенія, и сверхъ того научилъ людей полезнымъ ремесламъ и укротилъ нѣкоторыхъ животныхъ, сдѣлавъ ихъ ручными и домашними. Наконецъ этотъ же самый Твашта, умножающій силу самого Индры, сравниваемый со львомъ, постыднымъ образомъ пролаждаетъ между женщинами, какъ свидѣтельствуетъ своимъ лаконическимъ языкомъ Ригъ-Вѣда, наломанная греческій мифъ объ Омфалѣ, которая оженолодила самого Геркулеса.

Сближая вѣдійскаго Твашта съ Гефестомъ и Волундомъ или Виландомъ (фран. *Galant*), авторъ замѣчаетъ въ характерѣ послѣдняго соединеніе мудрости и художественности Аполлона или скандинавскаго Мимира со злобою, живостью и коварствомъ скандинавскаго же божества Локи. Что въ основѣ мифическихъ ковачей лежитъ представленіе объ огнѣ, явствуетъ и изъ древне-арійскаго Твашта, который въ Вѣдахъ отождествляется съ Агни.

Всѣ вышеприведенныя легенды съ своими болѣе или менѣе ясными сѣздами одного и того же общаго у народовъ преданія, г. Шёбель сосредоточиваетъ къ греческому мифу о

Прометей, въ томъ видѣ какъ онъ переданъ Гезіодомъ и Эсхиломъ. Въ этомъ загадочномъ мифѣ три или четыре разные мотива, которые трудно вывести одинъ изъ другаго. Вопервыхъ, это Титанъ врагъ Зевса, ревнующій ето божественному предъ собою превосходству; потомъ, это человѣкъ обманывающій божество и за то наказанный; дагѣ искупитель человѣка своими страданіями, ради него добровольно на себя принятыми, и наконецъ просвѣтитель рода человѣческаго. За отсутствіемъ всякаго другаго историческаго памятника относящагося къ той эпохѣ когда древаніе Аріицы исповѣдовали еще до извѣстной степени чистоты вѣрованіе въ единобожіе, авторъ не находитъ лучшаго пособія для болѣе яснаго анализа древнѣйшихъ мифовъ какъ книга *Бытія*. Основываясь на этомъ источникѣ преданій, онъ такъ объясняетъ сложную личность Прометея, какъ человѣка, какъ врага соблазнителя, и какъ друга благотворителя и искупителя.

Хитрый Титанъ, не страшась Зевса и отдавая себя на служеніе человѣкамъ, похищаетъ божественный огонь чтобы принести въ даръ людямъ. Они нуждаются въ свѣтѣ, говорить онъ, дабы научиться художествамъ, то-есть чтобы пользоваться плодами культуры. Но до того люди вели жизнь въ безсмертіи, въ совершенномъ благоденствіи, питая свой духъ одними чистыми радостями. Однако они уступили льстивому обману и свободно приняли отъ Зевсова врага пагубный аръ. Они знали что поступая такъ они дѣлають недобро, но они и хотѣли недобро дѣлать. Тогда Зевсъ, во гнѣвѣ на такую дерзость, изрекъ свой строгій приговоръ на Прометея и на весь человѣческій родъ. Будучи прикованъ Гефестомъ къ скалѣ, Прометей обреченъ на страшныя мученія; на землю же къ людямъ дая ихъ бѣдствій и страданій была ниспослана Пандора. Впрочемъ ужасныя муки только болѣе раздражаютъ высокомерную строптивость Прометея. Онъ извергаетъ на Зевса свою ненависть и проклятія. Все же не перестаетъ питать надежду что будетъ освобожденъ отъ страданій. Кто же освободить его? Это тайна, которая откроется въ будущемъ. Между тѣмъ можно бы подумать что этотъ предсказанный и ожидаемый искупитель не кто другой какъ онъ же самъ, когда онъ прикованный къ скалѣ восклицаетъ: „Смотрите на позорище, глядите что терплю я, другъ самого Бога!“ Однако въ послѣдствіи обнаруживается что искупилъ

и спасъ Прометея Геркулесъ, сынъ Зевса, „не безъ соизволенія самого бога“, и именно: „въ угожденіе своему сыну Зевсъ смягчилъ свой гнѣвъ противъ Прометея“. Таковъ въ сокращеніи весь этотъ мифъ. Объяснить его данными въ немъ самомъ содержащимися нѣтъ никакой возможности. „Разрѣшеніе загадки, говоритъ авторъ, дано въ библейскомъ сказаніи находящемся въ книгѣ *Бытія*. Тамъ является древо познанія добра и зла, плодъ котораго дѣлаетъ человѣка богомъ, открывая его уму знаніе. Но просвѣтлѣніе это совершается путемъ извращеннымъ. Плодъ отъ древа, священный огонь, нечестиво украденъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извращается въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что духъ сомнѣнія и начало отрицанія слова Божія возбудили человѣка совершить это нечестіе. Наказаніе не замедлило. Богъ наказалъ и соблазнителя, и его вольную жертву. Одного покаралъ Онъ предсказавъ ему конечную и полную гибель; наказалъ и жертву обмана, но вмѣстѣ съ тѣмъ дано было Адаму прозрѣть и конецъ своихъ золъ, и именно отъ человѣческаго же рода произойдетъ искушитель, который сотретъ главу змія, источникъ противубожественнаго зла, исправивъ грѣхъ перваго просвѣтленія правдою уже того просвѣтленія которое исходитъ отъ самого Бога.“

Такимъ образомъ разрозненные члены одного общаго преданія, оставившаго по себѣ слѣды въ легендахъ вѣдійскихъ, собравъ въ одно цѣлое, въ загадочной фигурѣ греческаго Прометея, французскій лингвистъ объясняетъ отдѣльные моменты этого мифа сказаніемъ библейскимъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ ключомъ для открытія одного и того же общаго смысла и во всѣхъ тѣхъ вѣдійскихъ легендахъ казавшихся до того мало между собою связанными.

Теперь перейдемъ къ преданію о потопѣ, который вмѣстѣ со столпотвореніемъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ области самыхъ раннихъ историческихъ воспоминаній человечества. Есть мнѣніе что Ноевъ потопъ имѣлъ свое мѣсто только въ той западной части древнѣйшаго азіятскаго становища, въ странахъ армяно-иранскихъ, гдѣ была прародина Семитовъ и Арійцевъ, у которыхъ потому и остались въ памяти сказанія о потопѣ. Что же касается до Египтянъ и древнѣйшихъ Туранцевъ, именно Китайцевъ, которые выселились будто бы ранѣе этой гибельной катастрофы, то у нихъ не могло быть самыхъ преданій о всемірномъ потопѣ. Напротивъ того европейскіе

народы вышедшіе изъ Азіи послѣ потопа его помнятъ, и каждый по-своему его разказываетъ, примѣшивая свои мѣстные наводненія къ доисторическому преданію о всемірной катастрофѣ. * Ленорманъ въ своей монографіи о вавилонскомъ потопѣ, на основаніи ниневійскихъ надписей, предлагая любопытнѣйшіе варианты для библейскаго сказанія, ставитъ извѣстный индійскій мифъ о Манусовомъ потопѣ въ зависимость отъ преданій семитическихъ, оказавшихъ, по его мнѣнію, несомнѣнное вліяніе на этотъ мифъ.

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ ассирійско-вавилонскаго сказанія о потопѣ. *Издубаръ*, второй мужъ извѣстной уже намъ богини *Истаръ*, послѣ долгаго царствованія, впадаетъ въ тяжкую болѣзнь и „страшится смерти, этого послѣдняго врага человѣческаго“. Чтобы узнать какимъ образомъ можно спастись отъ смерти и стать безсмертнымъ, онъ задумалъ отыскать *Сиситруса*, котораго сами боги, избавивъ отъ потопа, сдѣлали безсмертнымъ. Отправившись на поиски, *Издубаръ* встрѣчаетъ мифическаго корабельщика, и вмѣстѣ съ нимъ построивъ себѣ ладью, плывутъ по Евфрату до самаго его устья, гдѣ на заводяхъ стоитъ дворецъ *Сиситруса*. На вопросъ *Издубара*, этотъ безсмертный отвѣчаетъ что „богиня *Мамитъ*, создательница судьбы, опредѣлила людямъ ихъ роковую участь; она назначила смерть и жизнь, но день смерти не извѣстенъ“. Затѣмъ, чтобы объяснить какъ самъ онъ получилъ безсмертіе, *Сиситрусъ* повѣствуетъ о потопѣ, ставя свое благочестіе причиною почему онъ спасся отъ этого бѣдствія.

Когда построены были ковчегъ, все что у меня было, говорилъ *Сиситрусъ*, я собралъ, все что было у меня серебра и что было сѣмянъ жизни я собралъ, и помѣстилъ въ ковчегъ; всѣхъ моихъ домочадцевъ, мушницъ и женщинъ, и полевыхъ животныхъ, и воиныхъ отроковъ ввелъ я въ ковчегъ. *Самасъ* наводилъ потопъ; такъ говорилъ онъ въ ночи: „велѣ я небу пролить обильный дождь, войди въ ковчегъ и затвори двери“. И совершилъ я въ тотъ день празднество, въ день посвященный ему; былъ я въ страхѣ. И разразилась къ утру буря, поднялась на небосклонѣ и широко охватила все небо. Посреди гремѣлъ *Бунъ*, предъ нимъ шли *Небо* и *Сару*, пре-

* Wollschläger, *Handbuch d. vorhistor., histor. und biblisch. Urgeschichte*. 1873, стр. 66—67, 115, 126.

столовосцы ступали по гораѣ и равнинамъ. Разоритель *Нергалъ* былъ неспровергнуть. *Адаръ* былъ низложенъ. *Духи* * вели разрушеніе, во своей славѣ они сметали земаю. Наводненіе касалось небесъ; прекрасная земля превратилась въ лучину; и сметало съ поверхности земли, разрушало всякую жизнь на лицѣ земли: страшная буря на людей достигла самаго неба; братъ не узрѣлъ своего брата. Не пощадила она народа. И на небѣ сами боги устрашились бури и искали убѣжища. Поднялись они даже до неба *Ану*. Боги какъ лсы поджали себѣ хвостъ и попадали на земь. *Истаръ* ** сказала слово, великая богиня проговорила свое слово: „Мірѣ обратилъ ко грѣху и тогда предъ лицомъ боговъ я предрекла зло, когда я прорекла зло предъ лицомъ боговъ, весь мой народъ былъ преданъ зау, и я такъ пророчествовала: я породила челоѣка, и чтобъ онъ... *** какъ рыбы породы наполняютъ море“. И вмѣстѣ съ нею пролиди слезы боги; сидѣли боги на своихъ престолахъ во плачѣ; залечатались ихъ уста по причинѣ наступившаго зла. Протмо шесть дней и шесть ночей; все одолѣла буря и гроза; на седьмой день укротилась въ своей ярости гроза и улеглась буря, которая разрушала какъ землетрясеніе. Стала обсыхать земаю, вѣтеръ и буря прекратились. И несло меня по морю. Виноникъ зла и весь родъ челоѣческой, обратившійся ко грѣху—какъ камышъ плавали ихъ тѣла. Я открылъ окно, и свѣтъ вошелъ въ мое убѣжище, и сидѣлъ я мирно, и въ мое убѣжище проникъ миръ. Былъ я принесенъ къ берегу на предѣлахъ моря.

Причаливъ къ горѣ Низиръ, Сиситрусъ долженъ былъ ждаты до семи дней. Потомъ онъ выпустилъ изъ ковчега сначала голуба, потомъ ласточку, но обѣ птицы не найдя „мѣста успокоенія“ воротились. „Выпустилъ я ворона — повѣствовалъ Сиситрусъ—и онъ отправился; воронъ леталъ и видѣлъ трупы

* *Самасъ*—богъ солнца; *Билъ*—богъ воздуха и бури; *Небо*—богъ планеты Меркурія, управляющій движеніемъ звѣздъ; *Сару*—спутникъ у *Небо*; *Нергалъ*—богъ планеты Марса, покровитель охоты и войны; *Адаръ*—богъ планеты Сатурна, халдейско-ассирійскій *Геркулесъ*; *Духи* (*Анунаки*)—гекіи разрушительной силы, подвластные богу *Ану*: это *Оаннесъ* у Грековъ, первое лицо высшей триады у Ассирійанъ и Вавилонянъ, богъ Космосъ, а также первобытннй хасъ.

** Въ качествѣ халдейско-ассирійской Венеры.

*** Тутъ не достаеы въ оригиналѣ.

по водѣ и онъ ихъ клевалъ, залетѣлъ далеко и не возвратился. И сотворилъ Сиситрусъ жертвоприношеніе съ воздѣланіемъ; всѣ боги собрались около жертвенника и въ общемъ совѣтѣ обрекли сласпагося отъ потолка на безсмертіе блаженныхъ. Когда судъ былъ повершенъ, въ ковчегъ вошелъ *Бель*, * взялъ меня за руку—говорилъ Сиситрусъ—вывелъ меня вонъ, вывелъ вонъ и велѣлъ мнѣ вывести съ собою жену. Очистилъ онъ землю, онъ заключилъ договоръ и привелъ весь народъ предъ Сиситруса.“

Отношеніе этого замѣчательнаго сказанія къ Ноеву потопу не требуетъ объясненій. Гораздо труднѣе опредѣлить ту связь въ какой состоитъ съ этими преданіями индійское о потопѣ Манусовомъ. Есть ли это у древнихъ Аріицевъ самостоятельное воспоминаніе о пережитой ими катастрофѣ, или сказаніе заимствованное, или по крайней мѣрѣ составленное подъ влияніемъ чужеземнымъ? Ленорманъ, слѣдуя Бюрвуфу, полагаетъ послѣднее, ставя индійскій мифъ въ зависимость отъ преданій и мифическихъ представленій племенъ семитическихъ. Самое происхожденіе его въ санскритской литературѣ относится къ эпохѣ довольно поздней, ко времени Магабгараты и Пуранъ; въ равномъ же своемъ видѣ содержится въ брагманѣ, которая хотя и входитъ въ составъ Ригъ-Вѣды, но значительно моложе гимновъ этой Вѣды. Вотъ главные черты индійскаго сказанія о потопѣ, какъ передается въ этой брагманѣ. Однажды когда Ману умывался изъ сосуда, въ руки ему попала маленькая рыбка. Она просила чтобъ онъ спасъ ее, и за это она сохранить его во время наступающаго наступить потолка. Ману сначала помѣстилъ ее въ сосудѣ, а потомъ, по мѣрѣ того какъ она выросла, изъ сосуда перенесъ въ прудъ, и наконецъ изъ пруда въ море. Когда наступилъ потопъ, Ману вошелъ въ ковчегъ, и привязавъ его къ рогу той рыбы, выросшей до громадныхъ размѣровъ, плавалъ по водѣ, пока она не сбыла и наконецъ сошелъ на одну гору, которая и называется *пристанью Мануса*. Надобно знать что въ брагманѣ чудесная рыба остается безъ всякаго отождествленія съ какимъ-нибудь другимъ божествомъ, но Магабгарата сдѣлала изъ нея уже Брамю, а Пураны наконецъ—Вишну.

Ленорманъ исходитъ отъ той мысли что чествованіе рыбы

* Второе лицо высшей триады, деміургъ и владыка вселенной.

вообще не вошло въ составъ мѣологическихъ представленій арійскаго міровоззрѣнія, такъ что потопъ Манусовъ въ этомъ случаѣ представляетъ странное и какъ бы ненормальное отклоненіе отъ общаго принципа, между тѣмъ какъ у народовъ семитическихъ испоконъ-вѣку господствовалъ культъ рыбій, во главѣ котораго стоитъ *Ао*, „господинъ водъ, владыка рѣкъ, повелитель моря, правитель бездны“ и т. д. Это *рыба бездны, рыба благодѣтельная, рыба спаситель*, какъ называется это божество на ниневійскихъ надписяхъ. Мѣическая рыба арійскаго Мануса есть слѣдовательно не иное что какъ халдейско-ассирійскій *Ао*, который носится по волнамъ первобытнаго моря, съ туловищемъ рыбьимъ, на которомъ челоѣческая голова, увѣчанная короною. Вотъ теперь-то и слѣдуетъ указать на главнаго двигателя и виновника всей катастрофы переданной въ Вавилонскомъ сказаніи о потопѣ, которое, по Ленорману, послужило источникомъ арійскаго мѣа. Надобно знать что не кто иной какъ самъ богъ *Ао* увѣдомляетъ Сиситруса объ угрожающемъ всему міру потопѣ; онъ же повелѣваетъ построить ковчегъ, направляетъ его по водамъ, и наконецъ въ совѣтѣ боговъ тотъ же *Ао* защищаетъ Сиситруса отъ гнѣва Беля, и такимъ образомъ, въ воздаяніе за благочестіе спасенный отъ потопа удостоивается безсмертія блаженныхъ.

Этими замѣчаніями о первобытности нѣкоторыхъ историческихъ преданій я заключаю мою статью о сочиненіи г. Каспари. Благодаря эвгемеризму, котораго держится авторъ, я имѣлъ случай перейти на сторону совершенно противоположную его взглядамъ и попятіямъ, для того чтобы наглядно показать какъ иногда могутъ сходиться, казалось бы, несомнѣвимыя крайности. Во всякомъ случаѣ надобно отдать автору справедливость въ той помятости и простотѣ съ которыми онъ ведетъ трудный анализъ такого многосложнаго предмета какъ мѣология и народный бытъ. Этого можно бы пожелать многимъ лингвистамъ, несмотря на всѣ ихъ ученые преимущества.

Еще два слова. Разобранное мною сочиненіе такъ оригинально что читателямъ не разъ могла придти мысль о его

тенденціозности. Мнѣ кажется, это было бы напрасливой. Нельзя себѣ представить чтобы серьезный ученый потерялъ столько труда и времени на составленіе двухъ объемистыхъ томовъ только ради эфемерной тенденціи, которая проходитъ вмѣстѣ съ модою. Игра не стоила бы свѣчъ. Съ своей стороны ничѣмъ лучше не умѣлъ я выразить подавѣншую увѣренность въ ученой искренности г. Каспари какъ посвятить его труду это довольно подробное изслѣдованіе.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Въ послѣдней книжкѣ *Westminster Review* (October, 1873) напечатана статья подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ (*The Education of Women in America*), составленная лицомъ, по-видимому, хорошо знакомымъ съ предметомъ, и на основаніи годовыхъ отчетовъ общественныхъ школъ въ Сентъ-Луисѣ, Миссури и Мичиганскаго государственнаго университета, также рѣчи произнесенной въ собраніи директоромъ учебныхъ заведеній въ Спрингфильдѣ, докторомъ богословія священникомъ Джемсомъ Ферчайлдомъ, директоромъ Оберлинской коллегіи, о *совмѣстномъ воспитаніи обоихъ половъ*. * Въ статьѣ сообщаются свѣдѣнія именно о системѣ совмѣстнаго обученія обоихъ половъ, получившей въ Америкѣ большое развитіе; но совмѣстное обученіе заключаетъ въ себѣ фактъ для насъ еще болѣе интересный и не лишенный пракческаго значенія: одинаковость мужскаго и женскаго образованія въ Америкѣ. И вмѣстѣ и порознь, оба пола

---

* *Annual Report of the Public Schools of St. Louis, Missouri.* 1871.—*Co-education of the Sexes. An Address before a Meeting of College President at Springfield, Illinois, July 10th, 1867.* By the Rev. James Fairchild, D. D., of Oberlin College, Ohio.—*Annual Report of the Michigan State University.*

учатся въ Америкѣ одинаково и проходятъ одинъ и тотъ же путь какъ приготовительнаго воспитанія, такъ и высшаго образованія. Дѣвочки имѣющія въ виду высшее образованіе учатся въ такихъ же какъ и мальчики гимназіяхъ древнимъ языкамъ и математикѣ. Въ Америкѣ для женщины открытъ университетъ потому что она готовится къ нему въ равныхъ условіяхъ съ мужчиной, и университетъ не долго медлилъ отворить для ней свои двери когда она явилась къ нимъ пройдя полный курсъ приготовительнаго воспитанія. Вотъ почему вопросъ о высшемъ образованіи женщины разрѣшился въ Америкѣ легко, и женщина достигаетъ тамъ тѣхъ же степеней научнаго образованія что и мужчины.

Дѣвочекъ обучали въ однихъ съ мальчиками школахъ первоначально по экономическимъ причинамъ которыя не дозволяли заводить въ селахъ разныя училища. Результаты выходили хорошіе, и совмѣстное обученіе распространилось и поднялось вверхъ. Оно было допущено не только въ элементарныхъ школахъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ соответствующихъ нашимъ гимназіямъ (академіи, грамматическія школы), наконецъ въ университетахъ за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ, гдѣ оба пола строго раздѣляются. Фактъ происшедшій случайно и казавшійся сначала сомнительнымъ сталъ въ Америкѣ педагогическою доктриною которая пользуется тамъ кредитомъ и за которую стоятъ лучшіе педагоги этой страны.

Американскіе колонисты были проникнуты глубокимъ сознаніемъ преимуществъ образованія, но средства были недостаточныя. Въ городахъ они могли имѣть школы для мальчиковъ и школы для дѣвочекъ, но въ селахъ отдѣльныя школы были невозможны. Фермеры едва могли поддерживать по одной школѣ въ каждомъ округѣ, такъ что всѣ мальчики и всѣ дѣвочки съ двухъ и трехъ миль въ окружности собирались въ одной и той же школѣ. Они были товарищами и соперниками въ играхъ: почему же не быть имъ соперниками въ ученьи? При быстромъ увеличеніи населенія, нѣкоторыя изъ центральныхъ колоній сдѣлались большими селеніями и городами, но система совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ удержалась.

Мѣстами возникали учебныя заведенія дававшія ученикамъ сравнительно высшее образованіе и называвшіяся академіями. Эти заведенія были частными предпріятіями и ихъ стремленіемъ было дать возможно лучшее образованіе возможно большому числу учениковъ при самыхъ умѣренныхъ средствахъ. Преподаватель старался заработать какъ можно болѣе, большинство же родителей могло тратить очень немного на образованіе своихъ сыновей и дочерей. Вслѣдствіе этихъ экономическихъ расчетовъ академіи сдѣлались также школами совмѣстнаго обученія; это сокращало расходы на преподавателей. Академіи съ вышеупомянутыми начальными школами удовлетворяли нѣкоторое время стремленію къ образованію сельскаго населенія. Немногіе честолюбивые молодые люди переходили изъ академій въ университеты и немногіе честолюбивыя дѣвушки поступали для продолженія образованія въ женскіе пансіоны, но это были случаи исключительные.

Въ сельскихъ округахъ мало людей богатыхъ и съ досугомъ. Земля принадлежитъ людямъ которые обрабатываютъ ее сами, а богатые живутъ въ городахъ. Но въ Америкѣ, въ каждомъ поколѣніи, большинство людей первенствующихъ въ коммерціи, въ политикѣ и въ разныхъ профессіяхъ, все сыновья фермеровъ, которые въ отрочествѣ занимались земледѣліемъ и въ свободное время года посѣщали эти сельскія школы, также какъ и жены ихъ, имѣющія одинаковое съ ними образованіе. Всякій отсюда пойметъ что нельзя пренебрежительно отзываться объ этихъ особенностяхъ сельскаго быта, объ этихъ обстоятельствахъ дававшихъ людямъ энергію подниматься до переднихъ рядовъ общества. А все-таки не далѣе какъ лѣтъ двадцать назадъ въ совмѣстномъ обученіи видѣли только необходимость юношескаго возраста націи. Люди достигшіе богатства и почета при помощи образованія полученнаго въ сельскихъ школахъ дѣлили совмѣстное обученіе не болѣе чѣмъ всякій другой простой и незатѣливый обычай сельской жизни. Никто не разсуждалъ объ этой системѣ, никто не думалъ о ней. Она была только естественнымъ выходомъ изъ большаго затрудненія. Какъ въ начальныхъ школахъ, такъ и въ „академіяхъ“, мальчики и дѣвочки учились вмѣстѣ. Время отъ времени случалось что нѣкоторые мальчиковъ проходили изъ математики болѣе чѣмъ дѣвочки, или, готовясь къ университету, изучали основательнѣе языки латинскій и греческій, но о различіи въ способ-

нностяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ не было и рѣчи, потому что ничто не наводило на мысль о немъ. Дѣвочки учились такъ же хорошо какъ и мальчики. Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ одной изъ академій близъ Бостона нѣсколько дѣвушекъ прошли съ некоторыми изъ своихъ товарищей-мальчиковъ весь приготовительный курсъ къ Гарвардскому университету. Дѣвушки знали математику и греческій языкъ не хуже мальчиковъ и рѣшились поступить вмѣстѣ съ ними въ университетъ. Дѣвушки не ожидали большихъ препятствій; онѣ полагали что если до тѣхъ поръ женщины не поступали въ университетъ, то потому только что не было желающихъ или достаточно подготовленныхъ. Жить онѣ намѣревались дома, такъ что не было рѣчи объ учрежденіи отдѣльной коллегіи для дѣвицъ при университетѣ. Однако, такъ какъ ихъ предложеніе было новостью, то онѣ сочли не лишнимъ поступить нѣсколько дипломатически, и выбрали изъ себя для переговоровъ самую благоразумную и сдержанную, а съ младшей и самой горячей, со словъ которой мы передаемъ этотъ разказъ, взяли обѣщаніе молчать. Дѣвушки отправились къ старому президенту Квинси, сказали чему онѣ учились, что онѣ выдержали экзаменъ наравнѣ съ молодыми людьми, и выразили желаніе поступить въ университетъ.

Президентъ выслушалъ ихъ и очень дивился ихъ любознательности, такъ что онѣ сначала были увѣрены въ успѣхѣ. Но президентъ не давалъ прямого отвѣта. Онъ толковалъ о новости ихъ плана, о разныхъ сопряженныхъ съ нимъ затрудненіяхъ, указывалъ имъ на другіе способы продолжать образованіе, такъ что наконецъ младшая вышла изъ терлѣнія и, забывъ о своемъ обѣщаніи молчать, спросила: „Но вѣдь вы увѣрены, президентъ Квинси, что попечители (trustees) допустятъ насъ въ университетъ?“ — „О, ни за что не допустятъ“, былъ отвѣтъ; „въ университетъ принимаются только мужчины“. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка залилась слезами и воскликнула съ жаромъ: „Я хотѣла бы уничтожить женщинъ: пусть мужчины все захватятъ для себя!“ Это было, сколько намъ извѣстно, первою попыткой женщины поступить въ американскій университетъ, но случай былъ такъ незначителенъ что не произвелъ большого впечатлѣнія, и мы упоминаемъ о немъ только какъ о первомъ выраженіи женщинами потребности въ университетскомъ образованіи. Около этого времени, на сѣверѣ Огайо, была

учреждена Оберлинская коллегія. Она возникла изъ практической житейской потребности. Люди зажиточные не довольствовались образованіемъ какое давали сельскія школы, но не имѣли средствъ посылать дѣтей своихъ въ городскія школы и притомъ желали чтобы сыновья ихъ и дочери продолжали учиться вмѣстѣ. Они боялись подвергнуть тѣхъ и другихъ опасностямъ пансіонской жизни безъ взаимной поддержки которую братья получали отъ сестеръ и сестры отъ братьевъ. Оберлинская коллегія была основана на самыхъ строгихъ экономическихъ принципахъ. Она помѣщалась въ одной изъ западныхъ деревень гдѣ обычаи были просты и жизнь дешева. На третьемъ году своего существованія она имѣла 500 студентовъ, и въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ число это возрасло до 1.200. Процентъ женщинъ колебался между одною третью и половиною. Молодые люди проходили въ коллегіи полный университетскій курсъ, а для дѣвицъ читался сокращенный „женскій курсъ“, безъ греческаго языка и высшей математики и съ сокращеннымъ преподаваніемъ латинскаго языка. Не предполагалось чтобы женщины желали проходить полный университетскій курсъ, но насколько это было возможно молодые люди и дѣвушки занимались вмѣстѣ. Дѣвушкамъ не было однако запрещено проходить и полный курсъ, на правахъ студентовъ, и по прошествіи шести лѣтъ нѣкоторыя изъ нихъ приготовились къ экзамену бакалавра (*Bachelor of Arts*) и выдержавъ его, получили степени. Авторитеты коллегіи, повидимому, не думали что ученые степени бакалавра и магистра (*Bachelor of Arts* и *Master of Arts*) должны быть мужскою привилегіей; они смотрѣли на нихъ только какъ на доказательство извѣстныхъ степеней образованія достижимыхъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Не всѣ женщины могли или хотѣли учиться такъ долго чтобы достигать этихъ степеней. Женскій курсъ былъ сокращенъ на два года и давалъ болѣе такихъ свѣдѣній которыя считаются необходимыми для женщинъ. Число женщинъ получившихъ университетскія степени въ Оберлинской коллегіи до сихъ поръ еще не достигло ста, увеличиваясь ежегодно только двумя или тремя. Оберлинская коллегія выпускала людей сильныхъ; было замѣчено что куда бы ни являлись эти люди, они вездѣ работали энергично и успѣшно. Очевидный успѣхъ коллегіи побудилъ многихъ родителей въ разныхъ частяхъ страны желать ея пре-

имущества для своихъ дѣтей. Но Оберлинъ былъ далеко отъ Новой Англiи и отъ многихъ другихъ частей страны; притомъ нѣкоторые считали его мѣстомъ неудобнымъ въ религиозномъ отношенiи и слишкомъ демократичнымъ, и родители задали себѣ вопросъ: почему намъ не учредить другихъ коллегiй которыя давали бы такія же преимущества какъ Оберлинская, но были бы свободны отъ ея особенностей которыя намъ не нравятся? Тогда-то впервые возникъ вопросъ полезна ли экономическая система совмѣстнаго обученiя. Она появилась какъ мѣстное растенiе, побѣдила затрудненiе замѣчательно удачно, и только когда вслѣдствіе ея очевидныхъ преимуществъ она начала распространяться въ города гдѣ не была необходима, возникъ вопросъ полезна ли она. Это случилось немного раньше двадцати лѣтъ тому назадъ. Люди знакомые съ ходомъ дѣла въ школахъ съ совмѣстнымъ обученiемъ отстаивали эту систему. Сравнительно богатые горожане, привыкшіе воспитывать сыновей и дочерей отдѣльно, говорили что она была бы опаснымъ нововведенiемъ, и что въ заведенiяхъ которыя примутъ ее дѣвушки будутъ лишаться скромности, а молодые люди терять даромъ время. Воспитательные авторитеты раздѣлились также на двѣ партіи: одни, знакомые съ результатами совмѣстнаго обученiя, горячо отстаивали его; большинство же людей знакомыхъ только со школами гдѣ мальчики и дѣвочки учились отдѣльно были противъ совмѣстнаго обученiя, но не всѣ, потому что нѣкоторые по опыту вынесенному изъ системы противоположной признали пользу совмѣстнаго обученiя. Въ женскихъ школахъ они замѣчали недостатокъ стимуловъ къ серіозному труду и стремленіе подготавливаться къ обществу, а не къ серіознымъ обязанностямъ жизни; они полагали что еслибы дѣвушки учились вмѣстѣ съ мальчиками и молодыми людьми, онѣ не только учились бы лучше, но оставались бы въ школахъ долѣе и мнѣе стремились бы въ общество. Многие знавшіе мужскія школы замѣчали вредныя послѣдствiя недостатка домашняго влiянiя и полагали что оно могло бы быть отчасти замѣнено присутствiемъ сестеръ и другихъ дѣвушекъ; они думали также что стремленіе къ грубому физическому развитiю, замѣчаемое въ обществахъ состоящихъ исключительно изъ мужчинъ, могло бы быть ослаблено присутствiемъ дѣвушекъ. Во главѣ сторонниковъ совмѣстнаго обученiя стоялъ Гораций Манкъ, величайшій американскій воспитатель, который имѣ-

еть въ Америкѣ такое же значеніе какъ Арнольдъ въ сердцахъ Англичанъ. Около этого времени въ Южномъ Огайо была учреждена Антиохійская коллегія, и Маннъ былъ приглашенъ стать во главѣ ея. Антиохійская коллегія, долженствовавшая давать образованіе почти равное съ образованіемъ въ лучшихъ университетахъ Новой Англій, открыто признала что совмѣстное обученіе *per se* вещь хорошая, что очень естественно и очень полезно чтобы братья и сестры учились въ одной и той же школѣ, что дѣвушки учатся лучше и дѣлаются женственнѣе въ присутствіи молодыхъ людей, а молодые люди приучаются держать себя приличнѣе и дѣлаются нравственнѣе въ присутствіи дѣвушекъ; что какъ дѣвушки, такъ и молодые люди выходящіе изъ совмѣстныхъ школъ отличаются отъ другихъ болѣе здоровыми воззрѣніями на жизнь и болѣе сильнымъ сознаніемъ нравственнаго долга. Другія новыя коллегіи послѣдовали примѣру Антиохійской, и нѣкоторыя изъ старыхъ отворили свои двери для женщинъ. Въ настоящее время общественныя школы въ большинствѣ сѣверныхъ городовъ воспитываютъ мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ городовъ, преимущественно въ Бостонѣ, въ Нью-Йоркѣ и въ Филадельфіи, сохранилась первоначальная система отдѣльныхъ школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Школьныя зданія не приспособлены для жизни мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ, и до сихъ поръ въ этихъ городахъ есть предубѣжденіе, постепенно впрочемъ ослабѣвающее, противъ системы совмѣстнаго обученія. Въ западныхъ городахъ, Сирсинати, Чикаго, Сентъ-Луисъ, мальчики и дѣвочки проходятъ вмѣстѣ весь приготовительный курсъ къ университету, хотя въ Сентъ-Луисѣ, а можетъ быть и въ другихъ двухъ городахъ, существуетъ еще нѣсколько грамматическихъ школъ гдѣ, по неудобству зданій, дѣти учатся отдѣльно. Но въ сельскихъ школахъ система совмѣстнаго обученія преобладаетъ почти безъ исключеній, также какъ и въ общественныхъ городскихъ школахъ, кромѣ вышеупомянутыхъ исключеній, и въ настоящее время существуетъ болѣе тридцати коллегій и университетовъ дающихъ женщинамъ университетскія стелени *на такихъ же условіяхъ* какъ мужчинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городахъ и большихъ селеніяхъ до сихъ поръ много частныхъ школъ исключительно мужскихъ или женскихъ. Это болѣею частью школы

учрежденныя дядѣтей принадлежащихъ къ какой-нибудь религіозной сектѣ, или школы готовяція мальчиковъ исключительно къ коммерческой карьерѣ, или исключительно къ университету, женскія же школы преимущественно къ свѣтской жизни. Но дѣти изъ наиболее образованныхъ семействъ учатся въ общественныхъ школахъ, потому что это лучшія школы.

Старѣйшіе университеты и коллегіи все еще закрыты для женщннъ. Гарвардскій университетъ, немного болѣе года тому назадъ, въ отвѣтъ на просьбу женщинъ о допущеніи въ число студентовъ, назначилъ комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, и комиссія высказалась отрицательно. Признавая пользу системы въ другихъ мѣстахъ, она считала рискованнымъ вводить ее въ Гарвардѣ.

Мичиганскій университетъ, считающійся лучшимъ послѣ Гарвардскаго и Йельскаго (Yale) и имѣющій вдвое болѣе студентовъ чѣмъ каждый изъ этихъ двухъ, допустилъ женщинъ около четырехъ лѣтъ тому назадъ, а Корнелльскій принималъ въ этомъ году въ свой первый классъ женщинъ. Средне-учебныя заведенія (гимназіи) и коллегіи доказали несомнѣнно американскимъ воспитателямъ что по ловкатиности и по способности овладѣвать отвлеченными принципами женскій умъ нисколько не ниже мужскаго, но вопросъ обладаютъ ли женщины достаточною физическою силою для продолжительнаго умственнаго труда, необходимаго для болѣе обширнаго и полнаго пониманія, все еще вопросъ открытый.

Онъ можетъ быть рѣшенъ только продолжительнымъ опытомъ. Отчеты Оберлинской коллегіи свидѣтельствуютъ что молодыя женщины обладаютъ такимъ же выносливымъ здоровьемъ какъ и молодые мужчины; отчеты сельскихъ школъ нѣсколько разнорѣчатъ съ этимъ свидѣтельствомъ, но та же разница въ здоровьи мужчинъ и женщинъ замѣчается и внѣ школъ, такъ что сравнительно слабое здоровье женщинъ должно быть приписано не столько школьному труду сколько замкнутой жизни которую онѣ ведутъ. Оберлинскіе статистики также свидѣтельствуютъ что женщины получившія университетскія степени не убавили своихъ шансовъ на продолжительную жизнь усиленнымъ умственнымъ трудомъ въ молодости. Женщины физически слабѣе мужчинъ, но повидимому обладаютъ способностью расходовать свои силы экономичнѣе чѣмъ мужчины.

Что же касается нравственности въ школахъ съ совместнымъ обученіемъ, результаты также вполне удовлетворитель-

ны. Въ сельскихъ школахъ мальчики и дѣвочки проводятъ время вмѣстѣ почти безъ всякаго надзора и также свободны въ своихъ сношеніяхъ дома, но не пристойное или сколько-нибудь предосудительное поведеніе неизвѣстно въ школахъ. Братья и друзья братьевъ охраняютъ сестру, сестра и ея подруги охраняютъ брата. Въ тѣхъ школахъ гдѣ есть живущіе ученики и ученицы, чаще случается волокитство, но оно подавляется недостаткомъ времени; къ тому же ученики и ученицы имѣютъ мало случаевъ встрѣчаться внѣ класса, а тамъ гдѣ сходятся многіе на одинаковыхъ условіяхъ, трудно возникнуть исключительнымъ отношеніямъ. Поклоненіе мальчиковъ естественно обращается къ дѣвочкамъ стоящимъ по успѣхамъ во главѣ класса, а у такихъ дѣвочекъ нѣтъ времени отвѣчать имъ сохраняя свое положеніе въ классѣ, давиться же его значило бы лишиться поклонниковъ.

Люди не знакомые съ этими школами узнаютъ съ удивленіемъ на какихъ здоровыхъ и практическихъ принципахъ основаны въ нихъ отношенія учениковъ. При взаимномъ умственномъ соперничествѣ различіе половъ и пріятельность одного пола для другаго подчинены самому практическому испытанію. Непріятный мальчикъ имѣетъ мало шансовъ прослыть героемъ за свою физическую силу и напускную храбрость, а глухая дѣвочка не заставитъ своими кокетливыми манерами считать себя неземнымъ существомъ. Дѣвочки знаютъ мальчиковъ такъ же хорошо какъ мальчики знаютъ одинъ другаго, а мальчики знаютъ дѣвочекъ такъ же хорошо какъ дѣвочки знаютъ одна другую. Вслѣдствіе этого неумолимая пріятельность одного пола для другаго, не поддающаяся человѣческой логикѣ, имѣетъ мало шансовъ ослаблять и вводить въ заблужденіе въ виду очевидныхъ фактовъ. Наше свидѣтельство объ этомъ важномъ обстоятельствѣ основано на продолжительномъ знакомствѣ со школами и коллегіями принявшими систему совмѣстнаго обученія и подтверждаются всеми офиціальными отчетами и опубликованными трактатами объ этой системѣ, между тѣмъ какъ доказательства противорѣчащихъ ему нѣтъ нигдѣ. Въ опубликованномъ отчетѣ за 1871 годъ мистера Гарриса, главнаго надзирателя надъ общественными школами въ Севъ-Луисѣ, подведенъ итогъ результатамъ совмѣстнаго обученія полученнымъ подъ его наблюденіемъ и руководствомъ. Мистеръ Гаррисъ говоритъ:

„Въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ школы въ Сентъ-Луисѣ реформировались по плану системы совмѣстнаго обученія, и результаты оказались столь удовлетворительными что я рѣшаюсь сказать о нихъ нѣсколько словъ:

„1) Система эта выгоднѣе, потому что раздѣленіе мальчиковъ и дѣвочекъ требовало значительно большаго числа преподавателей.

„2) Соединеніе школъ улучшаетъ дисциплину. Наша реформа въ Сентъ-Луисѣ производилась такъ постепенно что мы имѣли возможность сравнивать особенности той и другой системы. Соединеніе мужскаго и женскаго отдѣленій школы вело за собой неизмѣнно улучшеніе дисциплины и поведенія не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Грубость и распущенность, господствующія въ исключительно мужскихъ школахъ, быстро замѣняются сдержанностью въ обществѣ дѣвочекъ, а сентиментальность замѣчаемая въ дѣвочкахъ воспитывающихся отдѣльно отъ мальчиковъ исчезаетъ въ соединенныхъ школахъ и замѣняется полнымъ достоинствомъ самообладаніемъ. Немногія школы гдѣ замѣчались попытки завести тайныя любовныя сношенія суть школы гдѣ воспитываются однѣ дѣвочки.

„3) Качество преподаванія улучшилось. Тамъ гдѣ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно, методы преподаванія стремятся къ крайностямъ которыя можно назвать мужскою крайностью и женскою. Необходимо чтобъ одна уравновѣшивала другую. Въ соединенныхъ школахъ мы находимъ здоровое направленіе, котораго не достаетъ въ школахъ съ другою системою, и вслѣдствіе этого болѣе быстрые успѣхи.

„4) Развитіе индивидуальныхъ характеровъ, какъ я уже сказалъ, принимаетъ болѣе трезвое и здоровое направленіе. Замѣчено что такія школы гдѣ воспитываются однѣ мальчики или однѣ дѣвочки требуютъ болѣе строгаго надзора со стороны наставниковъ. Видя только себя подобныхъ, лишеныя нормальныхъ общеній съ обществомъ, ученики предаются болѣзненнымъ фантазіямъ. Но этого не случается тамъ гдѣ два пола встрѣчаются ежедневно въ классной комнатѣ. Тутъ мальчики и дѣвочки испытываютъ другъ друга на умственномъ поприщѣ. Каждый полъ замѣчаетъ преимущества и недостатки другаго и научается цѣнить такія качества которыя дѣйствительно достойны уваженія. Внезапныя влеченія, капризные фантазіи, романтическіе идеалы уступаютъ мѣсто здоровому сужденію, которое не легко ввести въ заблужденіе внѣшностью. Отсюда является самообладаніе, о которомъ было уже упомянуто и которое отличаетъ молодыхъ людей и дѣвушекъ воспитывающихся въ совмѣстныхъ школахъ. Итакъ, наши наблюденія въ Сентъ-Луисѣ свидѣтельствуютъ рѣшительно въ пользу совмѣстнаго обученія во всѣхъ отношеніяхъ о которыхъ здѣсь упоминаю и во многихъ другихъ менѣе важныхъ.“

Мы привели свидѣтельство г. Гарриса какъ образецъ мнѣній людей наблюдающихъ за ходомъ дѣла въ публичныхъ школахъ

(гимназіяхъ) Америки. Мы уже сказали что въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ городовъ, гдѣ общественныя школы (гимназіи) были учреждены ранѣе, удержалась во многихъ школахъ система отдѣльнаго обученія и многіе изъ наставниковъ знакомыхъ только съ этою системою отстаиваютъ ее. Но въ значительной части публичныхъ школъ страны введено совмѣстное обученіе и еще бѣльшая часть наставниковъ и попечителей предпочитаютъ эту систему. Свидѣтельство г. Гарриса относится къ городскимъ школамъ, ученики которыхъ живутъ дома. Теперь мы приведемъ свидѣтельство другаго авторитета, вдвойнѣ цѣнное, такъ какъ оно показываетъ вліяніе этой системы на молодыхъ людей и дѣвушекъ живущихъ въ школахъ и лишенныхъ родительскаго надзора.

Въ 1868 году былъ созванъ митингъ президентовъ всѣхъ коллегій для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ относившихся къ дисциплинѣ и къ преподаванію. Такъ какъ Оберлинская коллегія приняла раньше всѣхъ другихъ коллегій систему совмѣстнаго обученія, то многіе желали получить отъ нея отчетъ о результатахъ этой системы. Отчетъ порученъ былъ доктору Ферчайлду, теперешнему президенту Оберлина. Въ то время докторъ Ферчайлдъ провелъ въ Оберлинѣ уже тридцать два года, семь въ качествѣ студента и двадцать пять въ качествѣ профессора, и давно пользовался репутаціею самаго серьезнаго ученаго и глубокаго мыслителя между профессорами Оберлина. Его свидѣтельство можетъ быть принято какъ неоспоримое относительно фактовъ и какъ вполне выражающее мнѣніе людей занимавшихся преподаваніемъ и дисциплиной въ коллегіи. Но мы выбрали этотъ именно отчетъ изъ множества другихъ потому что онъ, по нашему мнѣнію, обсуждаетъ вопросъ лучше чѣмъ всѣ другіе которые мы видѣли.

Докторъ Ферчайлдъ говоритъ:

„1) Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стоящихъ дороже всѣхъ другихъ, расходы не увеличиваются присутствіемъ женщинъ.

„2) Примѣчаніе для попечителей школъ: полезно обратить вниманіе на число случаевъ когда за братомъ слѣдуетъ сестра или за сестрою братъ. Это интересная и знаменательная черта въ нашемъ дѣлѣ. И братъ и сестра безопаснѣе вѣсть.

„3) Здоровыя побужденія къ труду проистекающія изъ нашей системы: общественное вліяніе, слѣдствіе устройства нашихъ классовъ, дѣйствуетъ постоянно и на всѣхъ. Каждый

старается добиться лучшаго положенія какое оаъ только способенъ занять и нѣтъ недостатка въ стимулахъ къ этому. И надо замѣтить что это тѣ же самые стимулы какіе будутъ дѣйствовать въ позднѣйшей жизни. Молодой человѣкъ выходя въ свѣтъ не оставляетъ за собой силы помогавшія ему въ школѣ; это обыкновенныя жизненные силы.

„4) Склонность къ порядку развивается нашею системою:— легкость съ которою сохраняется дисциплина въ такой большой школѣ какъ наша была всегда предметомъ удивленія для насъ самихъ. Къ намъ собираются молодые люди изъ всѣхъ штатовъ Союза, изъ всѣхъ слоевъ общества и культуры; большинство этихъ молодыхъ людей ищетъ дѣйствительно образованія, но множество присылается заботливыми родственниками въ надеждѣ исправить ихъ отъ дурныхъ наклонностей. Тѣмъ не менѣе безпорядки свойственные такимъ сборищамъ у насъ неизвѣстны. Наши улицы днемъ и ночью такъ же спокойны какъ улицы всякаго другаго незначительнаго города. Этотъ благотворный результатъ мы приписываемъ преимущественно системѣ совмѣстнаго обученія. Школьные выходы теряютъ свою привлекательность въ такихъ школахъ; у насъ онѣ почти не случаются. Поведеніе въ столовой коллегіи не причиняетъ намъ никакихъ неприятностей. У насъ никогда не бываетъ безпорядковъ на которые часто жалуются въ пансіонахъ коллегій.

„5) Другое очевидное преимущество есть связь школы съ городской общиною, дружескія отношенія взаимной уступчивости и отсутствіе антагонизма встрѣчающагося въ исторіи многихъ университетовъ и коллегій. Уставъ школы такъ сходенъ съ уставомъ городской общины что столкновенія естественны: нѣтъ обычныхъ поводовъ къ нимъ.

„6) Едва ли можно сомнѣваться что люди воспитывающіеся въ такихъ условіяхъ живутъ въ нормальныхъ отношеніяхъ къ обществу и научаются уважать жизненные обязанности и исполнять ихъ честно. Намъ кажется что наши студенты находятъ соответствующее имъ положеніе въ свѣтѣ естественно и легко, потому что были воспитаны согласно съ требованіями свѣта. Вотъ преимущества нашей системы обращающія на себя вниманіе. Перечень ихъ могъ бы быть продолженъ, но вы вѣроятно желаете знать въ особенности не встрѣчали ли мы невыгодъ и затрудненій перевѣшивающихъ преимуществъ.

„Что касается вопроса обладаютъ ли женщины достаточными умственными и физическими силами чтобъ идти въ классъ наравнѣ съ мужчинами, я долженъ оказать что въ тѣхъ случаяхъ когда предварительное воспитаніе было одинаково хорошо, женщины не уступаютъ мужчинамъ ни въ классѣ, ни на экзаменахъ. Процентъ хорошихъ и слабыхъ учениковъ одинаковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ полѣ.

„Не нуждаются ли женщины въ особомъ образованіи примѣненномъ къ ихъ натурѣ и будущимъ занятіямъ? Наша шко-

да никогда не принимала теоріи что женщины ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ въ умственномъ отношеніи, и что онѣ могутъ естественно занимать всякое положеніе въ жизни. Наша школа даетъ образованіе общее, не профессиональное, имѣющее въ виду сдѣлать мужчинъ и женщинъ способными ко всякому положенію и труду соответствующему ихъ способностямъ. Женская природа примѣняетъ матеріалъ къ своимъ собственнымъ потребностямъ, покоряясь своимъ собственнымъ законамъ. Мужчины и женщины сидятъ за однимъ столомъ и ѣдятъ одну пищу, и мы не опасаемся что жизненные силы тѣхъ и другихъ не будутъ въ состояніи изъ одинаковаго матеріала выработать кости, фибры и нервы соответствующіе тѣмъ и другимъ организмамъ. Опасаются что характеры того и другаго пола могутъ искажаться, что мужчины будутъ дѣлаться легкомысленными и женолоподобными, а женщины грубыми. Что молодые люди будутъ терять свои мужскія особенности, что характеръ ихъ будетъ искажаться въ обществѣ молодыхъ женщинъ, — въ высшей степени неправдоподобное и ошибочное предположеніе. Напротивъ, женское общество есть естественная сфера для развитія высшихъ качествъ мужчинъ, благородства, великодушія, истиннаго рыцарства, разсудительности. Животная природа подавляется преобладаніемъ этихъ высшихъ качествъ. Мы нашли что это лучшее средство дѣлать мальчиковъ мужчинами, неучей джентльменами.

„Съ другой стороны, не заимствуютъ ли дѣвушки учащіяся вмѣстѣ съ мужчинами ихъ манеры и стремленія и не отвернутся ли онѣ отъ истинныхъ идеаловъ женской жизни и природы? Это едва ли допустимо. Естественнымъ отвѣтомъ женщинъ на проявленіе мужчинами мужскихъ особенностей будутъ качества соответствующія имъ, скромность, деликатность, грація. Не естественно ли спросить могутъ ли лучшія особенности женской природы развиться безъ этого естественнаго стимула? Но мое дѣло не разсуждать, а держать ся указанной мнѣ, ограниченной точки зрѣнія.

„Вы желаете знать много ли производитъ наша система женщинъ грубыхъ ледятокъ, и я говорю не колеблясь что не знаю ни одной женщины которая сдѣлалась бы такою вслѣдствіе нашей системы.

„Нѣтъ ли опасности что молодые люди и дѣвицы, проводя время вмѣстѣ въ критическомъ періодѣ жизни когда общежительныя влеченія дѣйствуютъ съ наибольшою силою, не найдутъ въ себѣ достаточной регулирующей силы и вступать въ нежелательныя и бесполезныя сношенія? Не поведетъ ли это къ предосудительнымъ и глупымъ любовнымъ исторіямъ? Такое опасеніе естественно, и не легко было бы опровергнуть его *a priori*, но сколько мы можемъ судить по опыту, оно не оправдывается. Опасность въ этомъ отношеніи происходитъ отъ возбужденнаго воображенія, отъ преувеличенныхъ ювешескихъ фантазій, и лучшее средство

противъ нея замѣнить фантазію фактами изъ ежедневной жизни.

„Молодой человѣкъ лишенный женскаго общества, знающій жизнь по преувеличеннымъ представленіямъ поэтовъ и романистовъ, видящій дѣйствительность только издали, такой молодой человѣкъ дѣйствительно въ осласности. Женщины которыхъ онъ встрѣчаетъ освѣщены его воображеніемъ и представляются ему въ мечтахъ и во снѣ существами сверхъестественными. Не то было бы еслибъ онъ встрѣчалъ ихъ ежедневно въ классной комнатѣ, заинтересованный вмѣстѣ съ ними рѣшеніемъ математической задачи, или за общимъ столомъ, удовлетворяющими голодь. При этомъ фантазія имѣетъ еще возможность работать, но матеріалъ для картины правды. Такое товарищество не отнимаетъ у жизни всей лозви, но даетъ самыя благопріятныя условія для здравыхъ воззрѣній въ щекотливыхъ вопросахъ человѣческой природы.

„Но пригодна ли эта система для всѣхъ школъ, или же услѣнные результаты получаемые въ Оберлинѣ суть сладствіе какихъ-нибудь мѣстныхъ особенностей которыя рѣдко встрѣчаются или прививаются въ другихъ мѣстахъ, и можно ли ввести ее въ мужскихъ коллегіяхъ съ ихъ традиционными порядками, образомъ дѣйствій и мыслей? Не произведетъ ли такое нововведеніе затрудненій которыя погубятъ экспериментъ въ самомъ началѣ? Я не имѣю опыта на этотъ счетъ, но я такъ вѣрю въ жизнность и удоболпримчивость системы что очень желалъ бы чтобъ она подверглась подобному эксперименту.“

Свидѣтельство доктора Ферчайлда вполне согласно съ нашимъ собственнымъ и со свидѣтельствомъ г. Гарриса.

Онъ согласенъ съ нами что степень образованія молодыхъ людей никоимъ образомъ не понижается совмѣстнымъ ученіемъ съ женщинами, но напротивъ повышается. Чтобъ быть точнымъ на этотъ счетъ, надо сказать что намъ казалось что такіе необычайные подвиги трудолюбія какіе случаются иногда въ мужскихъ школахъ не случаются въ школахъ соединенныхъ, гдѣ сильнѣе чувствуется домашній и социальный элементъ. Съ другой стороны, послѣ долгаго и внимательнаго наблюденія мы считаемъ себя въ правѣ сказать что общій уровень образованія выше въ школахъ съ совмѣстнымъ ученіемъ. Тутъ есть стимулъ къ труду болѣе общій. Однако заслугъ другая чѣмъ въ исключительно мужскихъ школахъ. Мальчикъ можетъ пріобрѣсти уваженіе своихъ товарищей мальчиковъ ловкостью въ играхъ или показавъ себя вообще добрымъ малымъ, но такъ какъ дѣвочкамъ онъ извѣстенъ только по своимъ класснымъ заслугамъ, онъ долженъ отпа-

чится на этомъ полприщѣ чтобы пріобрѣсти ихъ уваженіе. Не трудно подтвердить это отзывами авторитетовъ, но высказанныя нами мнѣнія раздѣляются большинствомъ воспитателей страны.

При системѣ совмѣстнаго обученія, высшее образованіе женщинъ страдаетъ менѣе отъ ограниченности средствъ для учрежденія школы. Когда дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками содержаніе школы обходится немного дороже чѣмъ еслибъ учились одни мальчики. Дѣвочки любятъ школу и стараются учиться такъ же много и такъ же хорошо какъ мальчики, а мальчикамъ нравится товарищество дѣвочекъ и соревнованіе во всѣхъ отдѣлахъ труда. Взаимное соревнованіе радуетъ и тѣхъ и другихъ, и дѣвочки учатся со рвеніемъ, не заботясь будетъ ли имъ другое вознагражденіе за трудъ кромѣ удовольствія труда, доставитъ ли онъ имъ какія-нибудь выгоды въ позднѣйшей жизни.

Докторъ Ферчайлдъ говоритъ что не знаетъ ни одного примѣра доказывающаго что система совмѣстнаго обученія производитъ женщинъ грубыхъ, ледянокъ, но это не значитъ что такіхъ женщинъ не было въ Оберлинѣ, потому что такіа были, и Оберлинъ значительно смягчилъ и исправилъ ихъ, но совершенно измѣнить ихъ натуру и раньше пріобрѣтенныя привычки было невозможно.

Не этотъ типъ, а совершенно противоположный, какъ указано докторомъ Ферчайлдомъ, развивается сообществомъ мушницъ. Правда что многія очень умныя и очень образованныя женщины отличались странностями и аномаліями въ характерѣ и поступкахъ, что уменьшало ихъ общительность и женственную привлекательность, но эти женщины трудились однѣ, вдали отъ общества, вдали отъ мужскаго товарищества. Соединенныя школы лучше всего исправляютъ такіа наклонности. Женщины развиваютъ въ обществѣ мушницъ то что нравится въ нихъ мужчинамъ, а мужчины развиваютъ въ обществѣ женщинъ то что нравится въ нихъ женщинамъ. Нечего оласаться встрѣтить небрежность въ костюмѣ между дѣвушками постоянно встрѣчающимися молодыхъ людей; нечего оласаться угловатости движеній, непріятной рѣзкости, строптивости и *эгоизма*.

Непріятныя ледянки суть женщины не знавшія смягчающей соціальной атмосферы. Уродливыя мушницы и уродливыя женщины суть продукты разобщенія. Привлека-

тельные женщины это тѣ которыя бываютъ часто въ обществѣ мужчинъ, женщины при дворѣ, женщины въ политическихъ и дипломатическихъ кружкахъ, женщины которыя свыклись съ образомъ мыслей и дѣятельностью мужчинъ, женщины которыя разговариваютъ съ мужчинами и работаютъ съ мужчинами.

Сношенія учениковъ въ соединенныхъ школахъ конечно не предоставлены случаю. Дѣвушки и мальчики находятся въ школахъ подъ такимъ же внимательнымъ надзоромъ какъ у себя дома. Они обыкновенно входятъ и выходятъ въ школьное зданіе въ разныя двери и встрѣчаются только во время уроковъ въ классѣ, гдѣ занимаютъ скамьи на противоположныхъ сторонахъ комнаты. Старшіе ученики и ученицы проводятъ все время кромѣ классныхъ часовъ въ разныхъ комнатахъ, и никакія сношенія между ними невозможны безъ разрѣшенія наставниковъ, которое испрашивается не иначе какъ съ объясненіемъ уважительныхъ поводовъ. Мальчики ловидимому не очень стремятся говорить съ дѣвочками, или по крайней мѣрѣ стыдятся показать это. Въ лаціонахъ оба пола имѣютъ обыкновенно особыя помѣщенія въ разныхъ зданіяхъ, но встрѣчаются въ общей столовой въ зданіи занимаемомъ дѣвушками. Здѣсь они размѣщаются свободно, такъ какъ составъ общества и присутствіе наставниковъ не допускаютъ предосудительнаго поведенія. Въ часы рекреаціи ученики и ученицы по большей части лишены возможности встрѣчаться, но въ домахъ профессоровъ и въ общихъ гостиницахъ бываютъ частыя собранія, и тамъ они встрѣчаются какъ встрѣтились бы въ обществѣ внѣ школы. Въ нѣкоторыхъ изъ малочисленныхъ лаціоновъ было допущено гораздо болѣе свободы въ сношеніяхъ и результаты были самыя удовлетворительныя; но это требуетъ большаго благоразумія со стороны наставниковъ и такою внимательнаго надзора какой невозможенъ въ большихъ школахъ. Въ тѣхъ же школахъ гдѣ ученики и ученицы приходящіе, соблюденіе дисциплины стоить не большихъ трудовъ чѣмъ во всякой другой школѣ.

Система совмѣстнаго обученія развиваетъ самообладаніе и сознаніе отвѣтственности до такой степени что приходится постоянно удивляться, какъ свидѣлствуетъ докторъ Ферчайлдъ, какъ легко сохраняется порядокъ.

Мициганскій университетъ былъ уже упомянутъ какъ лучшее учебное заведеніе изъ всѣхъ открывшихъ свои двери для

женщинъ. Вопросъ о допущеніи женщинъ ждалъ разрѣшенія попечителей десять лѣтъ. Въ началѣ этого періода было отправлено письмо къ Горацію Манну спрашивавшее мельчайшихъ подробностей о ходѣ дѣла въ Антиохійской коллегіи и совѣта не рисковано ли попробовать ввести такую же систему въ Мичиганскомъ университетѣ. Мистеръ Маннъ отвѣчалъ что хотя онъ горячій приверженецъ системы совмѣстнаго обученія и доволенъ результатами ея въ Антиохійской коллегіи, но что онъ не рѣшился бы ввести ее въ учебномъ заведеніи помѣщающемся въ большомъ городѣ, гдѣ коллегіальная жизнь не необходима. Это письмо на время рѣшило вопросъ; попечители сказали: „мы не можемъ рисковать нравственностью нашихъ студентовъ и репутаціей университета для нѣсколькихъ женщинъ. Мы сочувствуемъ имъ и это все что мы можемъ сдѣлать для нихъ въ настоящее время“. Но время отъ времени, при перемѣнѣ попечителей, вопросъ поднимался снова. Граждане этого новаго богатаго штата стыдились что дѣлають для дочерей своихъ значительно менѣе чѣмъ для сыновей и были особенно чувствительны къ тому обстоятельству что университетскія привилегіи могли бы быть распространены на женщинъ почти не увеличивая расходовъ. Четыре года тому назадъ оппозиція оказалась въ меньшинствѣ и рѣшено было допустить женщинъ во всѣ классы университета. Вредныхъ послѣдствій которыхъ опасался Горацій Маннъ не оказалось и вѣроятно не окажется.

Даже студенты, которые сначала опасались вторженія женщинъ въ ихъ область свободныхъ, нестѣсняемыхъ обычаевъ, теперь еднородно одобряють допущеніе ихъ. Они находятъ что присутствіе женщинъ внесло въ ихъ коллегіальную жизнь оживляющій элементъ, а не докучное стѣсненіе. Въ первый годъ только одна женщина вступила въ филологическій факультетъ (*Arts classes*) университета. Эта отважная женщина была дочь умершаго профессора, который далъ ей подготовку значительно превышавшую требованія университета. Это дало ей возможность стать сразу въ ряду лучшихъ студентовъ въ классѣ состоявшемъ изъ двухсотъ человекъ, вступившихъ въ университетъ годомъ раньше ея. Немедленно по ея вступленію опасенія молодыхъ людей исчезли и замѣнились самымъ рыцарскимъ почтеніемъ. Цѣлый годъ миссъ Стоквелъ была одна въ *Arts classes*, среди семисотъ или восьмисотъ мужчинъ, и ни разу не случилось ничего такого что могло бы поставить ее въ

неловкое положеніе. Лѣтомъ 1872 года она получила степенъ кандидата или бакалавра (*Bachelor of Arts*) какъ лучшій знатокъ греческаго языка въ университетѣ. Теперь болѣе ста женщинъ въ различныхъ отдѣленіяхъ университета. Профессоръ гражданскаго инженернаго искусства имѣлъ обыкновеніе задавать каждый годъ своему классу математическую проблему для испытанія способностей студентовъ, и ни разу въ продолженіи лѣтъ никто не рѣшилъ ее, хотя въ это время, по свидѣтельству профессора, у него перебивало полторы тысячи слушателей. Въ прошломъ году задача по обыкновенію была опять предложена классу. Нѣкто миссъ Уайтъ одна принесла наконецъ рѣшеніе. Лучшимъ студентомъ въ юридическомъ факультетѣ въ прошломъ году была женщина.

Можно было бы привести много примѣровъ успѣховъ женщинъ въ соединенныхъ школахъ, но не слѣдуетъ выводить изъ этого заключенія что женщины въ Америкѣ даровитѣе мужчинъ, потому что немногія женщины которыя въ настоящее время домогаются университетскаго образованія вопреки общественному предрассудку суть женщины выдающіяся надъ общимъ уровнемъ. Однако нужно сказать что въ школахъ дѣвочки первенствуютъ въ классахъ чаще чѣмъ мальчики. Онѣ исполняютъ заданныя работы нѣсколько добросовѣстнѣе чѣмъ мальчики и имѣютъ нѣсколько болѣе школьнаго честолюбія. Приведемъ слѣдующее извлеченіе изъ отчета Мичиганскаго университета за 1872 учебный годъ.

„Въ медицинскомъ отдѣленіи женщины и мужчины занимаются порознь; во всѣхъ прочихъ отдѣленіяхъ преподаваніе производится обоимъ поламъ вмѣстѣ. Неблагоразумно было бы слѣдить выводами изъ нашего краткаго опыта совместнаго обученія двухъ половъ въ университетѣ, но я думаю что всѣ кому знакома внутренняя жизнь университета за послѣдніе три года согласятся что до сихъ поръ не представлялось поводовъ сомнѣваться благоразумно ли поступили попечители допустивъ въ университетъ женщинъ. Мы не встрѣтили ни одного изъ затрудненій которыхъ многіе опасались. Женщины принялись за труды съ большимъ рвеніемъ и показали себя вполнѣ способными выдержать требованія серьезнаго ученія такъ же успѣшно какъ ихъ товарищи мужскаго пола. Ихъ занятія до сихъ поръ показали что онѣ не уступаютъ мужчинамъ ни многосторонностью ума, ни способностью овладѣвать предметомъ, даже высшею математикой. Онѣ пользуются никакими снисхожденіями и не желаютъ ихъ. Онѣ подчинены тѣмъ же самымъ требованіямъ какъ мужчины. Не замѣтно также чтобы трудъ вредилъ ихъ здоровью. Число

случаевъ отсутствія по болѣзни не превышаетъ со стороны женщинъ числа случаевъ со стороны мужчинъ. Присутствіе ихъ не вызвало никакого новаго постановленія, ни малѣйшей перемѣны ни въ нашей системѣ управленія, ни въ нашихъ занятіяхъ. Если мы все еще должны смотрѣть на присутствіе женщинъ въ нашихъ классахъ какъ на экспериментъ, то надо сознаться что это весьма удачный экспериментъ. Многочисленные разспросы полученные нами изъ различныхъ частей страны и даже изъ Англій о результатахъ пріема женщинъ въ университетъ показываютъ какой глубокой и распространенный интересъ возбуждаетъ этотъ предметъ.

Адвокаты совмѣстнаго обученія единодушно утверждаютъ что не знаютъ никого кто проведя нѣсколько дней въ такой школѣ не сдѣлался бы горячимъ приверженцемъ ея системы.

Въ Америкѣ есть сильное и постоянно возрастающее убѣжденіе что для мальчиковъ и дѣвочекъ всего лучше быть въ школѣ приходящими и жить дома; что это избавляетъ ихъ отъ невыгодъ системы воспитанія гувернантками и тьюторами, а также отъ опасностей сопряженныхъ со скучною жизнью въ пансіонахъ; а такъ какъ американскія семейства рѣдко покидаютъ домъ за исключеніемъ нѣсколькихъ недѣль лѣтомъ, то этотъ планъ легко исполнимъ. Согласно съ этимъ убѣжденіемъ граждане Бостона недавно воздвигли и обезпечили большой университетъ въ центрѣ города, несмотря на то что заслуженный Гарвардскій университетъ находится на разстояніи двухъ миль отъ нихъ. Бостонскій университетъ, начинающій свое существованіе съ доходами значительно превышающими доходы Гарвардскаго, будетъ открытъ осенью этого года, и какъ второй шагъ на пути къ удовлетворенію общественныхъ воспитательныхъ наклонностей, полечители рѣшили предложить университетскія преимущества и почести женщинамъ на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами.

Въ Америкѣ есть очевидное расположеніе открыть женщинамъ всѣ профессіи и есть уже по нѣскольку женщинъ на всѣхъ ученыхъ профессіяхъ, но время ихъ дѣятельности слишкомъ коротко и число ихъ слишкомъ мало чтобы вывести заключенія о ихъ годности для этихъ профессій. Такъ какъ большинство Американокъ выходитъ замужъ, то тамъ нѣтъ одной изъ причинъ лугающихъ адвокатовъ семейной жизни въ Европѣ, и такъ какъ состоянія живутъ легче, мужчины не боятся брать на себя семейную отвѣтственность, и вслѣдствіе этого на профессиональныя занятія женщинъ

смотреть какъ на временныя, и занятія эти большею частію таковы что не требуютъ большой спеціальной подготовки и могутъ быть оставлены безъ большого вреда для дѣла. Главная профессія американскихъ женщинъ есть преподаваніе. Въ общественныхъ школахъ въ Сентъ-Луисѣ около сорока учителей и болѣе четырехсотъ учительницъ; только двѣнадцатая доля всего числа мушны. И это отношеніе можетъ быть принято за норму для городовъ Сѣвера. Въ начальныхъ училищахъ обученіе находится исключительно въ рукахъ женщинъ, во многихъ грамматическихъ школахъ (гимназіяхъ) только директоръ мушны, въ высшихъ же школахъ преподавательницъ столько же какъ преподавателей.

Въ двухъ изъ лучшихъ грамматическихъ школъ Сентъ-Луиса учать исключительно женщины. Недавніе опыты порученія женщинамъ обязанностей директоровъ въ нѣкоторыхъ грамматическихъ школахъ въ Клевландѣ показали что женщины способны управлять школами чѣмъ мушны.

Женскому преподаванію отдается предпочтеніе предъ мужскимъ изъ экономіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ признается что женщины съ одинаково хорошею подготовкою и опытностью учать лучше мушны и обращаются съ учениками съ большимъ тактомъ, то-есть добиваются исполненія своихъ требованій съ меньшимъ трудомъ и съ большимъ терпѣніемъ чѣмъ мушны. Но женскій трудъ дешевле мужскаго. Плата покоряется закону спроса и предложенія. Полечители школъ обыкновенно не считаютъ себя вправѣ платить за трудъ болѣе опредѣленной цѣны, но общественное мнѣніе начинаетъ производить перемѣну въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя женщины получаютъ теперь мужскую плату, получаютъ по заслугамъ, а не такъ какъ получили бы при открытомъ рынкѣ. Преподаваніе есть въ Америкѣ по большей части временное занятіе; имъ занимаются преимущественно молодые люди между восемнадцатію и тридцатію годами, не имѣющіе намѣренія сдѣлать его своею профессіей. Женщины выходятъ замужъ, а мушны избираютъ другія профессіи. Много ли теряютъ школы вслѣдствіе недозрѣлости и неопытности учителей, трудно опредѣлить точно, но что онѣ много выигрываютъ вслѣдствіе свѣжести и энтузіазма мододыхъ умовъ достаточно засвидѣтельствовано результатами тьюторіальной системы въ англійскихъ университетахъ.

Занятіе преподаваніемъ считается въ Америкѣ очень по-

лезнымъ для молодыхъ женщинъ, и очень нуждающіяся въ приобрѣтеніи денегъ учатъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по выходѣ изъ школы, иногда по собственному желанію, чаще по желанію родителей, считающихъ нужнымъ дополнить воспитаніе своихъ дочерей многостороннею дисциплиною доставляемою упражненіемъ въ обученіи другихъ.

Преподаваніе женщинъ поощряется по четыремъ причинамъ: 1) при теперешней платѣ оно выгодноѣе; 2) женщины повидимому обладаютъ предпочтительно предъ мужчинами особымъ призваніемъ къ этому труду; 3) для блага всего общества необходимо чтобы женщины имѣли возможность получать плату за трудъ; 4) изъ всѣхъ профессій открытыхъ женщинамъ преподаваніе повидимому лучше всѣхъ другихъ готовить ихъ къ семейной жизни, ожидающей большинство изъ нихъ, и это такъ обычно что на преподаваніе смотрится какъ на занятіе именно ведущее къ этой простой цѣли.

Нѣсколько лѣтъ занятій преподаваніемъ такая знаменательная черта въ воспитаніи передовыхъ американскихъ женщинъ что нельзя не принимать этого въ разчетъ говоря объ американской системѣ воспитанія.

СУДЬБЫ РУССКАГО РОМАНА

П. Альминскій. *Алексей Слободкин*, семейная исторія въ пяти частяхъ.
С.-Петербургъ, 1873.

Условія нашего общественнаго развитія сдѣлали то что изящная литература у насъ постоянно находилась въ самой близкой связи съ нашею образованностью и была самымъ яркимъ и зрѣлымъ продуктомъ нашего національнаго творчества. Подобно тому какъ творческія силы Нѣмецкаго народа обратились главнымъ образомъ къ научному мышленію и создали философію, сдѣлавшуюся высшею выразительницею внутренней жизни Германіи и отразившую въ себѣ самыя многоразличныя стороны нѣмецкаго духа,—у насъ изящная литература привлекла къ себѣ самыя дѣятельныя силы образованнаго общества и долгое время служила почти единственною носительницею самыхъ заветныхъ идеаловъ. Дѣйствіе школы, науки, до послѣдняго времени было настолько ограничено что ему поддавало лишь меньшинство въ той возраставшей съ каждымъ поколѣніемъ массѣ въ которой возникала и становилась настоятельною потребностью образованія и духовнаго развитія. Число людей проходившихъ, до второй половины нашего столѣтія, черезъ университетскую науку было довольно ничтожно въ сравненіи съ огромнымъ большинствомъ людей не перешагнувшихъ черезъ

стуглень полубразованности. Для этого большинства литература долгое время служила единственною школою въ которой оно доканчивало свое воспитаніе; и воспитательное значеніе литературы было тѣмъ дѣйствительнѣе что она до шестидесятихъ годовъ стояла на уровнѣ избраннаго меньшинства продолжая и расширяя дѣла науки, дѣла университетовъ.

Этимъ высокимъ положеніемъ своимъ наша литература была обязана Пушкину. Будучи самъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени, и безконечно превосходя всѣхъ талантомъ, онъ умѣлъ сообщить своей поэзіи тотъ отпечатокъ внутренняго и внѣшняго высокаго изящества,—изящества не въ одномъ только художественномъ смыслѣ,—которое было результатомъ превосходства самого поэта надъ уровнемъ ходячихъ, обыденныхъ вкусовъ и понятій. Строго заключившись въ своей поэтической области, никогда не принимая на себя роли учителя и наставника, онъ былъ между тѣмъ дѣйствительнымъ учителемъ и наставникомъ нашего образованнаго общества, воспитывая въ немъ благородство мыслей и чувствъ и обликая его съ нравственными идеалами. При этомъ, задачи которыя онъ ставилъ себѣ самому и всей вообще русской литературѣ были до такой степени просты, непосредственны, что ими конечно высокомерно пренебрегъ бы современный тенденціозный поэтъ, мянущій плохими виршами двигать сердца на какой-то невѣдомый гражданскій подвигъ. Припомнимъ какъ говорилъ Пушкинъ:

.... романъ на старый ладъ
 Займетъ веселый мой закатъ.
 Не муки тайныя злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья русскаго семейства,
 Любви пламенные сны,
 Да нравы нашей старины.

Надъ высокою простотою этой поэтической задачи не мѣшаетъ задуматься. Въ человѣкѣ такого равносторонняго ума, такъ широко понимавшемъ политическую жизнь (чему удивлялся Мицкевичъ), такъ чутко отзывавшемся на общественные интересы, мыслившемъ съ такою благородною свободою, словомъ, въ такомъ человѣкѣ, какъ Пушкинъ, эта видимая узкость авторской задачи конечно не могла быть

свѣдѣннѣмъ узкости воззрѣній. Она была скорѣе результатомъ той зрѣлости духа, того совершеннѣйшаго художественной мысли и пониманія на которомъ стоялъ Пушкинъ въ послѣднѣе годы своей поэтической дѣятельности, когда, отрѣшившись отъ долго владѣвшаго имъ влiянiя Байрона и легких очарованiй ювешеской поэзи, онъ ушелъ въ самого себя и во глубинѣ своего творческаго духа нашелъ избытокъ такихъ высокихъ вдохновенiй которыя уже не пришлось по плечу опереженнаго имъ поколѣнiя. На этой уединенной высотѣ творческаго развитiя Пушкинъ озаренъ былъ постиженiемъ того глубокаго смысла какой заключаетъ въ себѣ художественная мысль сама по себѣ, какъ выраженiе вѣчнаго идеала правды, добра, красоты. Онъ понималъ что художникъ, оставаясь повидимому чуждъ преходящимъ интересамъ и волненiямъ „дождяющимъ днени“, въ то же время могущественно служить тому что въ этихъ интересахъ и волненiяхъ представляется наиболѣе серьезнаго и глубокаго—служить не вѣщамъ заигрываемымъ съ вопросами минуты, а чувствомъ нравственной правды и красоты, напоминанiе о которой тѣмъ нужнѣе чѣмъ легче въ моменты общественныхъ броженiй толпа удаляется отъ выработанныхъ тысячелѣтними культурами идеаловъ. Преждевременная смерть помѣшала Пушкину осуществить вполнѣ свою творческую мечту; все что мы имѣемъ отъ него стоитъ еще позади той черты которую поэтъ готовился перешагнуть, чувствуя приближенiе своей полной зрѣлости. Но и въ такихъ произведенiяхъ какова напримѣръ *Капитанская Дочка*, можно уже наблюдать какъ въ безпримѣрной простотѣ художественной формы воплощалась нравственная задача поэта, научающая жить по правдѣ и по чести и находить удовлетворенiе въ благородномъ сознанiи спокойной совѣсти. Поэтъ озаряетъ поэтическимъ очарованiемъ эту правду въ жизни и мирозозерцанiи простыхъ маленькитъ людей, ободенныхъ случаемъ и земными благами.

Нужно ли напоминать что общiя идеи правды и добра Пушкинъ нашелъ не въ общечеловѣческомъ только идеалѣ, но и въ самобытной русской жизни, непосредственная близость къ которой послѣ *Капитанской Дочки* сдѣлалась обязательна для каждаго русскаго романиста? Настоящая народность нашей литературы, не та которая въ произведенiяхъ новѣйшихъ петербургскихъ беллетристовъ выражается подборомъ

крупныхъ ругательствъ и затѣйливыхъ реченій въ родѣ *толды, колды, хайла, пра*, а исходящая изъ глубокаго прозрѣвiя дѣйствительности и изъ постиженiя народнаго духа, эта народность явилась въ нашей литературѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Несмотря на близкое свое знакомство съ народною рѣчью (что доказывается нѣсколькими мастерскими поддѣлками его подъ народныя лѣсни и сказки), великiй поэтъ никогда не злоупотреблялъ этимъ умѣньемъ выражаться простонародно, полагая задачу поэта въ проникновенiи народнымъ духомъ, во внутренней близости къ живымъ источникамъ народной поэзи.

Начала внесенныя Пушкинымъ въ нашу литературу стояли настолько выше пониманiя и развитiя современниковъ что не привились сразу, не были тотчасъ усвоены писателями его поколѣнiя. Литературѣ нашей по смерти Пушкина пришлось пройти чрезъ опасный искусь, ознаменованный господствомъ ложно-возвышеннаго вкуса и ходульнаго драматизма, представителями котораго были Бестужевъ - Марлинскiй, Кукольникъ и Бенедиктовъ. Вкусъ образованнаго и въ особенности полу-образованнаго общества не былъ еще настолько очищенъ чтобъ обаятельная простота Пушкинскаго поэзи была надлежащимъ образомъ оценена читающею массою. Въ тридцатыхъ годахъ повѣсти Марлинскаго нравились большинству болѣе *Капитанской Дочки*, а драмы Кукольника—болѣе *Бориса Годунова*; низкiй уровень развитiя тогдашней публики такъ препятствовалъ успѣхамъ литературы что выступившiй тогда на журнальное полприще Бѣлинскiй долженъ былъ бороться съ почитателями ходульной поэзи какъ съ серьезными противниками. Но господство ложно-возвышеннаго вкуса не было продолжительно. Жизненность началъ внесенныхъ въ литературу Пушкинымъ заключала въ себѣ столько здоровой, побѣждающей силы, была настолько несомнѣнна что эти начала скоро возобладали надъ всѣми другими литературными теченiями и влiянiями. Первый талантливый писатель явившiйся послѣ Пушкина, Лермонтовъ, тотчасъ повернулъ нашу литературу на Пушкинскую дорогу, и въ ней олять почувствовался Пушкинскiй тонъ и даже Пушкинскiе звуки. Проза Лермонтова также напомнила собою Пушкинскую. При всемъ внѣшнемъ несходствѣ *Героя Нашего Времени* съ повѣстями Пушкина, романъ этотъ въ самомъ важномъ отноше-

ни слѣдовала литературному завѣщанію автора *Капитанской Дочки*, то-есть сближенію съ дѣйствительною жизнью, исканію нравственной высоты въ простой, почти неизменной средѣ, представителемъ которой является Максимъ Максимычъ, стремленію къ изображенію человѣческихъ страстей и душевныхъ движеній въ ихъ естественномъ развитіи. Какъ бы ни были спорны отношенія Лермонтова къ его герою, не подлежитъ сомнѣнію что противоестественныя страсти, удаление отъ простоты жизни, худольность и высокопарность осмѣяны имъ въ его романѣ если не въ лицѣ Печорина, которымъ авторъ отчасти увлекался, то въ лицѣ Грушницкаго, этого непосредственнаго продукта вліяній внесенныхъ въ нашу жизнь литературою Марлинскаго и Кукольника. Полемическое значеніе *Героя Нашего Времени* вообще недостаточно разъяснено нашею критикою, хотя не подлежитъ сомнѣнію что въ этомъ романѣ Лермонтовъ боролся противъ двухъ преобладавшихъ въ нашей тогдашней жизни золъ, противъ мѣщанской пошлости и щеголеватой, глушеи, театральной мишуры. Пошлости и грубости своего вѣка Лермонтовъ противопоставилъ Печорина—человѣка зараженнаго тѣмъ своеобразнымъ нравственнымъ дендизмомъ который порокъ и преступленіе предпочитаетъ заурядной посредственности и пошлой всеневности. Такой сильный и страстный умъ какъ Лермонтовъ, не менѣе Печорина ненавидѣвшій узкость и пошлость жизни, не могъ отнестись къ послѣднему безъ нѣкоторой симпатіи, заставлявшей его въ иные моменты какъ бы любоваться своимъ героемъ, и подавшей поводъ утверждать будто въ Печоринѣ авторъ до извѣстной степени изобразилъ самого себя. Но что Печоринъ никогда не былъ для Лермонтова идеаломъ, что поэтъ никогда не мыслилъ воплотить въ немъ идею правды и добра, со времени Пушкина постоянно присущую нашей литературѣ, объ этомъ кажется и говорить нечего если взглянуть на отношенія въ какія авторъ поставилъ своего героя къ Максиму Максимычу. Бездушіе Печорина, его холодное щегольство самимъ собою выступаютъ совершенно рельефно въ извѣстной сценѣ свиданія его со штабсъ-капитаномъ, причемъ всѣ симпатіи автора тяготеютъ безраздѣльно къ послѣднему. Подавляя своимъ фальшивымъ нравственнымъ дендизмомъ пошлую театральность жизни въ лицѣ Грушницкаго, Печоринъ совершенно пасуетъ предъ нравственною чистотой, простотой и правдой представителемъ кото-

рой является добродушный штабсъ-капитанъ. Окончательная побѣда, заключающаяся въ выносимомъ изъ романа впечатлѣнн, принадлежитъ этому скромному штабсъ-капитану—побѣда надъ всякою фальшью, является ли она въ щеголеватомъ образѣ Печорина, или въ пошловатой, грубой фигурѣ Грушницкаго.

Съ Лермонтовымъ утверждается въ нашей литературѣ то отрицательное, сатирическое отношеніе ко мнимо-положительнымъ, мнимо-сильнымъ типамъ, созданнымъ нашею разорвавшею съ народною жизнью цивилизаціей, которое въ послѣдствіи сдѣлалось главною задачею нашей художественной литературы, и которое критика пятидесятихъ годовъ назвала развѣнчаніемъ героевъ. Зародышъ этого направленія можно наблюдать еще въ *Евгеніи Онегинѣ*, развязка котораго можетъ быть названа развѣнчаніемъ крупнаго представителя поколѣнія двадцатыхъ годовъ, почти въ такомъ же смыслѣ какъ развязка *Рудина* была признана развѣнчаніемъ просвѣщеннаго идеализма сороковыхъ годовъ. Въ Гоголѣ сатирическое отношеніе къ русской жизни и къ русскимъ типамъ достигаетъ своихъ крайнихъ точекъ. Гоголь не вдается въ тонкій анализъ нравственнаго недуга заражавшаго представителей нашего образованнаго меньшинства, нашихъ лучшихъ людей; онъ видитъ предъ собою русскую жизнь такъ—сказать en gros, ея преобладающія явленія, весь ея складъ, утвердившійся на грубости, пошлости и неправдѣ, и обрушиваетъ свою сатиру на весь итогъ этой жизни, на всю совокупность господствующаго строя и порядка. Какъ моралистъ, онъ исходитъ изъ той самой точки изъ которой вышелъ Лермонтовъ—до такой степени что они объясняютъ нравственное значеніе своей сатиры почти одними и тѣми же словами. Въ предисловіи къ *Героямъ Нашего Времени*, на которое мы уже ссылались, Лермонтовъ говоритъ: „Довольно людей кормили сластями; у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горкія лѣкарства, ѣдкія истины.“ Это почти то же самое что Гоголь говоритъ въ *Мертвыхъ Душахъ* о добродѣтельномъ героѣ:

„А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взять въ герои. И можно даже сказать почему не взять. Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово *добродѣтельный человѣкъ*: потому что обратили въ лошадь добродѣтель-

наго человѣка, и нѣтъ писателя который бы не вѣдвалъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ чѣмъ полагало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того что телерь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважають добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ припречь и плутоватаго. Итакъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка!“

Близость нашей литературы къ нравственнымъ задачамъ своего времени, ея постоянное пребываніе на сторонѣ правды и простоты, ея строгое осужденіе всякой фальши проникавшей въ жизнь, всякой неправды торжествовавшей свою побѣду въ дѣйствительности, въ практическомъ складѣ и порядкѣ, были конечно главною причиною высокаго воспитательнаго значенія нашей литературы и того живаго интереса какой проявился съ сороковыхъ годовъ въ обществѣ къ самой развитой, самой разработанной и самой любимой у насъ литературной формѣ—къ роману, къ повѣсти. Для образованнаго и даже полуобразованнаго общества нашего русская повѣсть или романъ сдѣлались самымъ обильнымъ источникомъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій. Современное поколѣніе воспитавшееся среди расширившейся сферы умственныхъ интересовъ, привыкшее встрѣчаться съ болѣе богатою и разностороннею письменностью, съ трудомъ пойметъ то громадное общественное и нравственное значеніе какое имѣла для предшествовавшаго поколѣнія изящная литература. Она была единственною хранительницею нравственныхъ идеаловъ среди торжества неправды и насилія какое часто представляла тогдашняя дѣйствительность. Предчувствіе лучшаго порядка, идеи правды, добра, человѣчности, имѣвшія такъ мало мѣста въ практической жизни, выросшей на крѣпостномъ правѣ, лихоимствѣ и безсудіи—эти идеи и предчувствія жили въ литературѣ, представлявшей такимъ образомъ какъ бы нравственный центръ къ которому тяготѣли лучшія стремленія лучшихъ людей времени. Подобно тому какъ нѣмецкая философія, независимо отъ своихъ прямыхъ цѣлей, въ долгій періодъ европейскіхъ реакцій служила знаменемъ для всего что избѣгало солидарности съ принципами Метерниховской политики, такъ и наша изящная литература, вращаясь въ области художественныхъ и нравственныхъ интересовъ и никогда не вторгаясь прямо въ кругъ практическихъ задачъ, тѣмъ не менѣе могущественно участвовала въ

нравственномъ воспитаніи общества и была главною причиною почему въ этомъ обществѣ гуманныя начала не только не были подавлены неблагоприятнымъ ходомъ практической жизни, но обнаружили сильную живучесть и облегчили осуществленіе величайшей реформы нашего времени. Нѣтъ сомнѣнія что безъ просвѣтительнаго и гуманизирующаго вліянія литературы, нравы нашего общества въ предыдущемъ періодѣ были бы много грубѣе, и темныя стороны порядковъ того времени, какъ на примѣръ крѣпостнаго права, были бы еще темнѣе.

Сознавая свою нравственную воспитательную задачу, литература постоянно стремилась стоять на высотѣ своего призванія, и мы видимъ что въ сороковыхъ годахъ, въ эпоху процвѣтанія нашихъ университетовъ, она сильно сблизилась съ университетскою наукой, и этимъ путемъ замѣтно расширила свое внутреннее содержаніе и возвысила свой нравственный авторитетъ. Вліяніе нѣмецкой философіи, освѣжившее нашу университетскую науку, отразилось и въ литературѣ, значительно расширивъ ея кругозоръ. Извѣстно какому сильному философскому вліянію поддалъ на примѣръ г. Тургеневъ, въ своихъ повѣстяхъ относящихся къ періоду 1845—1856 годовъ. Кругъ идей исчерпываемыхъ изящною литературою чрезвычайно раздвинулся сравнительно съ тѣмъ какой очерченъ былъ для повѣсти Пушкинымъ и въ какомъ заключились его ближайшіе преемники, Лермонтовъ и Гоголь. Вмѣстѣ съ тѣмъ и техническая сторона русской повѣсти выработалась до виртуозности.

Расширяя постепенно свое внутреннее содержаніе соразмѣрно большому притоку идей, пробившемуся въ нашу жизнь изъ плодотворнаго источника европейской цивилизаціи, и держась постоянно на уровнѣ умственнаго и нравственнаго превосходства надъ обиходными вкусами и понятіями, наша литература мало-по-малу заключила въ себѣ весь кругъ духовныхъ интересовъ доступныхъ и дорогихъ русскому обществу. Художественный романъ сдѣлался полнымъ отраженіемъ нашей образованной жизни, и въ немъ лучшіе представители поколѣнія наши выраженіе того отрицающаго и соблазнующаго чувства съ которымъ они относились къ русской дѣйствительности, стоявшей неизмѣримо ниже ихъ идеаловъ. Литература болѣла вмѣстѣ съ ними о недугахъ нашего общественнаго строя и вмѣстѣ съ ними дѣлала предчувствіе

лучшаго порядка. Въ этой нравственной связи литературы съ симпатіями и стремленіями лучшихъ людей времени заключалась ея внутренняя сила и причина того освѣжающаго вліянія какое она имѣла на общество, и о которомъ современное поколѣніе, заставшее литературу въ періодѣ печальнаго улады, можетъ только догадываться.

Нынѣшній петербургскій журнализмъ, какъ извѣстно, отрицаетъ не только жизнѣнность началъ руководившихъ и продолжающихъ руководить нашею художественною литературою, но и всю эту литературу, какъ исчерпавшую свое призваніе и долженствующую уступить мѣсто какой-то другой литературѣ, будто бы ближе подошедшей къ практическимъ задачамъ времени и болѣе питательной для современнаго серьезнаго ума. И эта иная, „новая“ литература дѣйствительно существуетъ если позволительно называть этимъ именемъ массу печатной бумаги наполняющей нынѣшніе журналы и сходящей въ нетребовательномъ мнѣніи полуобразованной публики за беллетристику.

Съ однимъ изъ послѣднихъ эфемерныхъ явленій этой своеобразной литературы мы намѣрены познакомить читателей чтобы мимоходомъ разрѣшить вопросъ: что въ этой „новой“ письменности есть дѣйствительно новаго, и какое мѣсто занимаетъ она подлѣ настоящей литературы.

Произведеніе о которомъ мы намѣрены говорить называется „Алексѣй Слободинъ“ и принадлежитъ перу г. Альминскаго, иначе г. Пальма, какъ это объяснилось изъ судебного процесса, привлечшаго автора къ уголовной отвѣтственности по совершенно не литературному дѣлу. Само по себѣ, произведеніе это конечно не заслуживаетъ никакой оцѣнки, принадлежа къ низко-пробнымъ литературнымъ явленіямъ съ которыми критика обыкновенно не имѣетъ дѣла; но нѣкоторое знакомство съ нимъ поможетъ намъ бросить свѣтъ вообще на стремленія современнаго петербургскаго журнализма, и распознать дѣйствительныя качества того печатнаго матеріала которымъ волею-неволею питается значительная масса современныхъ читателей. Судьбы русскаго романа такъ дороги каждому что не лишнимъ будетъ измѣрить и ту глубину паденія въ которую низвергаютъ его иныя литературныя теченія, какъ бы мутны они ни были и какъ бы далеко ни отстояли отъ настоящаго литературнаго русла.

Романъ или, какъ называетъ его авторъ, „семейная исторiя“, слѣдить за своимъ героемъ отъ самой его колыбели. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, у смотрителя уѣзднаго училища Слободина родился сынъ Алексѣй. Авторъ слѣшитъ объяснить что сынъ этотъ рожденъ внѣ брака, отъ крестьянской дѣвушки, повидимому прилрягая это обстоятельство съ тою цѣлью чтобъ объяснить дѣйствіемъ „мужицкой крови“ демократическіе инстинкты проявляемые его героемъ съ самаго нѣжнаго дѣтства. Услѣхи въ развитіи этихъ инстинктовъ идутъ у Алеши не по днямъ, а по часамъ. Еще прежде чѣмъ ему удалось вкусить отъ первыхъ корней ученія, онъ уже объявляетъ что не хочетъ дворянской науки, такъ какъ въ училищѣ сѣкутъ. „Хе-хе... экой ты шустрый!“ замѣчаетъ ему на это училищный сторожъ изъ отставныхъ солдатъ: „а небось, какъ самъ науку-то пройдешь, въ офицерскіе чины произведутъ, такъ будешь нашего брата солдата, аль мужика цного, такъ стегать, что любо!“ Это замѣчаніе даетъ первый толчокъ мышленію юнаго демократа, кладетъ начало тому озаобленію, безъ котораго, какъ извѣстно, не мыслимъ ни одинъ герой „новой беллетристики“. Мысль его начинается съ этихъ поръ работать все въ одномъ направленіи, такъ-сказать ковырять по одному мѣсту.

„Онъ никакъ не могъ помирить противорѣчiя, возникшія въ его сознаніи: почему напримѣръ такіе люди какъ его отецъ, полкъ Никонъ—люди добрые, ласковые, веселые, а въ „дикомъ домѣ“ (училищѣ) истязаютъ дѣтей до крови? Почему эти истязанія называются наукой?—и почему, пройдя эту науку, дворянинъ получаетъ такую охоту стегать мужика и солдата.—Вѣдь онъ на себѣ испыталъ что это больно, зачѣмъ же причинять боль другому?—Ужь полно, нѣтъ ли въ этомъ какого удовольствiя!... Наконецъ, ужли-жь на свѣтѣ непремѣнно надо или бить, или терлѣть лобомъ?“

Гуманно-просвѣтительная идея подказавшая автору эту притчу не стоитъ гроша; но покамѣсть въ тенденціи автора замѣтенъ все-таки какой-нибудь смыслъ, если исключить ничѣмъ не оправдываемую посылку отъ школьной лозы къ преимуществамъ дворянскаго званія. Но тщетно стали бы мы искать смысла въ слѣдующей притчѣ, къ которой авторъ переходитъ непосредственно за тѣмъ какъ его герой такъ рѣшительно отвергнулъ „дворянскую“ науку.

Именно, мать повела разъ Алешу на рынокъ гдѣ они неожиданно наткнулись на сцену торговой казни. Наказывали плетью женщину зарѣзавшую свою барыню.

„Алеша, притиснутый толпою, ничего этого не видѣлъ. Въ воздухѣ что-то взвизгнуло, раздался нечеловѣчскій вопль... Алеша ничего уже не слышалъ и не сознавалъ; онъ стоналъ и корчился въ судорогахъ. Окружающіе подняли его на руки и вынесли изъ тѣсноты вмѣстѣ съ матерью.“

Съ нимъ сдѣлался родимчикъ, онъ цѣлый день пролежалъ въ кровати не желая ни пить, ни ѣсть, ни на бывшій свѣтъ глядѣть. Авторъ конечно забылъ что герой его „ничего не видѣлъ, не слышалъ, не сознавалъ“, и хочетъ изобразить какъ вредно дѣйствуетъ на ребенка зрѣлище торговой казни. Но дѣло не въ этомъ, авторъ заключаетъ притчу такимъ результатомъ:

„Къ вечеру онъ какъ будто успокоился; въ ухахъ его уже не стонало и не визжало; онъ могъ уже о чемъ-то думать; о чемъ?—Онъ самъ не зналъ, но *это были мысли травленнаго волчонка...* злая мысли.“

Вотъ тутъ, безъ помощи автора, уже никто не догадается почему должны были явиться у Алеши „мысли травленнаго волчонка, злая мысли.“

Травленный волчонокъ скоро однако дѣйствительно сказывается въ ребенкѣ, и вотъ по какому случаю. Въ городъ гдѣ жила Слободины прибылъ нѣкто Милоновъ, человѣкъ рѣшительный и безлутный, сосланный туда за различныя проделки подъ надзоръ полиціи. Домъ его приходился рядомъ съ домомъ Слободиныхъ. Онъ тотчасъ началъ дерзко и настойчиво ухаживать за матерью Алеши, и когда мужъ ея уѣхалъ на нѣкоторое время изъ города, онъ не долго думая вѣзъ къ ней въ окно. Этимъ пассажемъ, вѣроятно, дѣло и окончилось бы, но Милонову вздумалось залить. „Мертвецки льяный онъ валялся по полу, съ лѣною у рта кричалъ: приведите мнѣ Аннушку... Аннушку подайте!“ Съ этимъ требованіемъ явился онъ наконецъ и къ самому Слободину. Ислуганный смотритель позвалъ людей.

„Милоновъ приподнялся, размахнулся кулакомъ — Петръ Иванычъ наклонился, кулакъ пролетѣлъ надъ его головой, а за нимъ и весь корпусъ господина Милонова грузно хлопнулся на полъ. Вбѣжали люди, взяли поостителя за ноги и за руки и понесли вонъ изъ комнаты. Онъ даже не барахтался, хралѣвъ, его душили отвратительные позы тошноты“ и т. д.

Алеша, бывшій очевидцемъ этой сцены, является мстителемъ за обиду родителей и вмѣстѣ съ крѣпостнымъ мальчи-

шкой поджигаетъ домъ Милонова.... Мораль притчи надо поискать конечно въ слѣдующей развязкѣ:

„— Палецька.... это я.... я виноватъ.... глотая слезы, прошепталъ мальчикъ.

„— Въ чемъ виноватъ? Опять что-нибудь набѣдокурить? строго повернулся къ нему отецъ.

„— Я.... я одинъ.... накажите меня какъ угодно.... только я одинъ.... виноватъ.... Яшки не было.... я зажегъ крышу....

„Отецъ бросилъ бумаги и кинулся на него. Алеша зажмурился, безропотно отдавая себя на жестокую расправу....

„Но онъ почувствовалъ что отецъ крѣпко прижалъ его къ груди, отираетъ ему глаза и носъ, цѣлуетъ въ голову и съ нѣжностью шепчетъ: „Молчи, сынокъ, молчи, милый.... Въдь ты мой голубчикъ родной.... Не дамъ я тебя никому въ обиду.... только молчи, умничекъ, молчи....“

То-есть мы имѣемъ дѣло съ геройскимъ подвигомъ....

Въ губернскомъ городѣ, куда вслѣдъ затѣмъ переѣзжаютъ Слободины, развитіе Алеши подвигается быстрыми шагами. Этому помогаетъ встрѣча съ личностью изображенною г. Пальмомъ какъ разъ такъ какъ принято въ „новой“ литературѣ изображать сильные и вліятельные характеры, снабженные превосходствомъ ума и въ особенности подавляющимъ излишествомъ гражданской честности. Извѣстно что по рецепту той литературной кухмистерской гдѣ изготовляются романы и повѣсти „гражданскаго“ содержанія, сильная и рациональная личность неизбежно должна состоять въ званіи семинариста и обладать слѣдующими качествами: лить горькую, являть вѣншимъ образомъ видъ нѣкоего отребья, изучать съ помощью лексикона Канта или Гегеля, быть на дурномъ счету у семинарскаго начальства и носить въ груди недугъ, именуемый гражданской скорбью (чахотка—тожь), отъ котораго всѣ такіа личности обязательно умираютъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Нѣкто Сіонскій, которому авторъ поручаетъ развитіе своего героя, въ точности отвѣчаетъ всѣмъ этимъ условіямъ. Живетъ онъ въ предбанникѣ, гдѣ цѣлые дни лежитъ „на лавкѣверху носомъ, въ одномъ бѣльѣ и босой, закинувъ голову подъ руки“, и поетъ „довольно хриплымъ баритовомъ: Отъ юности моя мнози бьютъ мя напрасно....“ Пьетъ онъ до того что даже во время визита Алеши ухитряется натянуться до такой степени что засыпаетъ предъ гостемъ мертвымъ сномъ.

Алеша объяснилъ ему что онъ готовится къ поступл-

ленію въ первый классъ гимназіи. Премудрость требующаяся для этой цѣли до того изумляетъ своею неломчивостью автора что онъ называетъ ее „учебными пытками“, а Сіонскій даже въ ярость приходитъ:

„Когда онъ (Алеша) перечислялъ предметы которые заставляютъ его зубрить, Сіонскій пронически поддакивалъ: „Эге! туда! ишь ты! жарь его!“ и залцлся смѣхомъ въ перемѣжку съ кашлемъ.

„— Эки черти, шарлатаны проклятые! Это они въ три руки принялись васъ хлестать.... Ну, не подлый ли народъ? А вѣдь все изъ адичности гаусной.... А, чтобъ имъ!

„— Говорятъ, иначе нельзя—не послѣю къ августу приготовить въ первый классъ гимназіи.

„— Не послѣю! да нешто вы рѣла? Вонъ рѣла, и та послѣваетъ въ свое время, а какъ же можно по заказу такъ пригнать человѣческую голову.... Эхъ, хе-хе!“

Если мы припомнимъ что отецъ Алеши, будучи смотрителемъ уѣзднаго училища, никакимъ образомъ не могъ не знать что требуется для поступления въ первый классъ гимназіи, тогда намъ сдѣлается понятнымъ какъ ѣдко проиизируетъ Сіонскій... надъ господиномъ Пальмомъ, очевидно смѣшавшимъ педагогію съ огородачествомъ.

Ободренный растительною философіей Сіонскаго, Алеша высказывается свободнѣе. „Я... я бы вовсе не хотѣлъ учиться. На что мнѣ эта наука? Я хочу быть простымъ человѣкомъ, а вовсе не какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ... Такой свѣжій взглядъ на науку озадачиваетъ даже Сіонскаго.

„— Да-а... да, вотъ что! соображалъ философъ.—Ну, это требуетъ разсмотрѣнія... Оно, конечно, видно что вы паренекъ добрый, лучше быть просто человѣкомъ, ибо нѣтъ ничего выше: homo sum... и шабашъ! И олять же вы правы что эта наука ни къ чорту не годится; только позвольте, прежде всего разберемъ: развѣ это вотъ наука что теперь вколачиваютъ въ васъ?“

Разрѣшившись этимъ жалкимъ недомыслиемъ, Сіонскій вдругъ обнаруживаетъ высокомеріе и самомнѣніе безпредѣльныя. Онъ даже „пріосанился какъ-то покровительственно и съ глубокимъ чувствомъ собственнаго величія“.

„— Нашимъ братьямъ гаушаются, изрекаетъ онъ,—а что ни говори, все-таки мы свѣтильники, почерпнуть кое-что отъ насъ можно“...

И затѣмъ поощрительно добавляетъ:

„— Такъ-то, значить вы не баринъ, Алексѣй Петровичъ, а просто человекъ хорошій; ну, и ладно, смотрите же, держитесь крѣпко того... ну вотъ того что сидитъ въ вашей душѣ... Значить, въ васъ натура говоритъ, а она никогда не обманеть, не солжетъ!“

Все это, конечно, будетъ съ наслажденіемъ прочитано и усвоено многочисленнымъ стадомъ протестующимъ противъ обязательности „дворянской науки“... Какъ поощрительно будетъ этому стаду узнать что дѣвность — вовсе не дѣвность, а „натура“ — вѣчто „хорошее что сидитъ въ душѣ“... Но послушаемъ еще господина Сіонскаго:

„— Вотъ я теперь лежу здѣсь, въ банѣ госпожи Бѣлкиной, дѣйствительно такъ, но тѣмъ не менѣе я составляю частицу вселенной, малѣйшій атомъ безконечныхъ міровъ, я держу и могу обнимать отсюда, изъ сей норы, всю совокупность творенія... могу добраться дальше и выше, наконецъ, спросить высшій разумъ, на допросъ его поставить... Ась? какъ вы думаете, вѣдь могу? отвѣчайте мнѣ, точно ли я могу? приставай оны къ Алешѣ, тербя за плуговицу.—Извольте отвѣчать!

„— Конечно можете... робко стозвалась тотъ.

„— Ну, стало-быть такъ я говорю, — могу! А гдѣ же такая наука написана, гдѣ? Не въ этихъ ли скудоумныхъ упражненіяхъ? И оны ткнуль ногою въ кучу тетрадокъ.—Говорятъ, свѣтскихъ книгъ не читай... А тамъ только и есть кое-что немногое... Н-да, не читай... За Канта я подверженъ былъ трехдневному истязанію, по пятидесяти дозавъ... А я его читалъ, — что читалъ! я его ѣлъ, пилъ, лексиконъ изгрызъ; самъ всей сути добивался... и добился... а оны—трехдневное... Нѣту, нѣтъ у насъ науки, нѣтъ! Школяры, фарисеи... о-о-о... горе вамъ!“

Сіонскій былъ „ларень очень способный“, свидѣтельствуеть авторъ... Еще бы!

Алешѣ вѣроятно предстояло окончательно подчиниться философіи „очень способнаго ларня“ и запить горькую, но два обстоятельства помѣшали быстротѣ его развитія: Сіонскій попался въ „исторію“ и былъ исключенъ изъ бursы, и Алешѣ неожиданно представилось искушеніе совсѣмъ особаго рода... Въ губернскомъ обществѣ затѣяли для дѣтей танцклассы. Отецъ Алеша, желая сообщить сыну изящныя манеры, заставлялъ его участвовать въ этихъ урокахъ. Алеша струсилъ: „тамъ будутъ все княжескія да генеральскія дѣти, а оны не сумѣеть можетъ и говорить-то какъ нужно“...

„Оны привыкъ вѣрить въ себя, въ свои силы, не измѣнявшая ему въ самыхъ рискованныхъ дѣлахъ; оны не понималъ

какъ можно стыдиться своего домашняго быта, своихъ внутреннихъ побужденій, даже самое слово *стыдно* всегда ему было какъ-то дико, а тутъ представлялась такая перспектива въ которой это *стыдно* пожалуй что и будетъ имѣть свой мучительный смыслъ... Въ этой перспективѣ ему все мерещились какія-то сказочныя княжны, гордыя царевны-недотроги... „Ну, какъ вдругъ эти княжны, узнавши что моя мать изъ крестьянокъ, а дѣдушка до сихъ поръ въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, да начнутъ насмѣхаться? Вѣдь я за это чортъ знаетъ чего имъ надѣлаю!... Ахъ, Боже мой, зачѣмъ я согласился! И что *это* такое что меня толкаетъ совсѣмъ не туда, куда бы я хотѣлъ и гдѣ было бы мнѣ такъ привольно!“

Насмѣхаться надъ Алешей впрочемъ никто не сталъ, но „травленный волчонокъ“ тѣмъ скорѣе ощутилъ потребность показать свои зубы. Авторъ объясняетъ что въ героѣ его „иногда вскипало какое-то злое и насмѣшливое чувство, какое-то непобѣдимое желаніе дать щелчокъ этому богатому міру, за что и почему?—остается необъясненнымъ. Это не было чувство обиды и оскорбленія, такъ какъ никто не обижалъ и не оскорблялъ его; это не была также апатія развитаго человѣка къ людской пошлости и глупости, потому что маленькіе князьки и княжны при всей своей пустотѣ все-таки больше понимали и знали, чѣмъ „травленный волчонокъ“ съ его первобытнымъ развитіемъ. Алеша злобствовалъ очевидно просто потому что сознавалъ себя ниже окружившаго его юваго общества, и показывалъ этому обществу зубы по той же самой причинѣ по которой Петька у Рѣшетникова высываетъ языкъ проходящимъ по улицѣ баричамъ, а Михаилъ Ивановичъ у г. Глаба Успенскаго ругательски ругаетъ господъ и чиновниковъ (см. предыдущую статью нашу въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*). Алеша самъ съ чисто холодскою развязностью объясняетъ откуда идетъ его злость.

„— Зачѣмъ вы урочили Лиду Горянскую? выговаривала ему Агата.—Вы хорошо вальсируете, сознайтесь что сдѣлали это нарочно.

„— Да, нарочно. Она много мечтаетъ о себѣ—дочь предводителя, эго важно кушанье!

„— Зачѣмъ вы въ мазуркѣ выбираете *qualités* такія страшныя, грубыя? Это тоже нарочно?

„— Тоже нарочно.“

Эти демократическія выходки на литературно-семинарскій образецъ не помѣшали Алешѣ влюбиться въ дочь откупщи-

ка, черноглазую Агату. Въ этомъ-то и заключалось *искушеніе* вислопавное Алешѣ: онъ пересталъ учиться, не перешелъ въ слѣдующій классъ, и въ аристократическомъ обществѣ танцклассовъ едва не утратилъ то „хорошее“ что залримѣтилъ въ немъ Сіонскій. „Салонныя зятви, объясняетъ авторъ, только съ виду кажутся невиннымъ времяпровожденіемъ праздныхъ людей, но всегда въ нихъ есть нѣчто расслабляющее здоровыя силы, одряняющее (каково словечко!) человѣческую личность“.... Этому-то расслабленію едва не подвергся Алеша въ гостиной мѣстнаго откулщика, ухаживая за его дочерью. Черные глаза Агаты едва не вытравили изъ сердца Алеши его „здоровыя“ демократическія чувства, едва не переманили его въ лагерь аристократовъ. Опасность была тѣмъ серьезнѣе что Сіонскій, исполняя въ точности рецелтъ литературной кухмистерской, къ этому времени уже умеръ отъ гражданской скорби, и лѣвѣнный демократъ не могъ уже подкрѣплять въ предбанникѣ свои расслабленныя силы.

Къ счастью, танцклассы кончились, аристократическій кружокъ рассыпался, и юный Слободинъ былъ сохраненъ для отечества.

Впрочемъ, довольно. Слѣдить за дальнѣйшею судьбою Алеши въ безмѣрно растянутомъ повѣствованіи г. Пальма было бы слишкомъ утомительно и безлолезно. Приведенныя выдержки говорятъ сами за себя и достаточно свидѣтельствуютъ какъ и съ какими цѣлями сострялана эта объемистая „семейная хроника“. Мы съ намѣреніемъ останавливались исключительно на тенденціозной сторонѣ произведенія, такъ какъ именно въ тенденціозномъ содержаніи и заключается главная особенность такъ-называемой „новой“ беллетристики. Въ отношеніи чисто-литературномъ „Алексѣй Слободинъ“ повторяетъ самые обыкновенные приемы романческаго повѣствованія, и отличается только отсутствіемъ дарованія и дряблостью водянистостью разказа, вслѣдствіе чего прочтеніе пяти частей этого романа становится дѣломъ по истинѣ затруднительнымъ. За литературными достоинствами, впрочемъ, беллетристы новаго направленія, какъ извѣстно, и не гонятся: они претендуютъ шевелить *мысль* читателя глубокими выводами которыми будто бы изобилуютъ, учить его реальному пониманію жизни и вести къ дивическому развитію. Но на дѣлѣ всѣ эти широкія задачи сводятся къ безпредметному раздраженію, обращенному на всю мимо-плыву-

щую жизнь и выражающемуся у однихъ писателей ругательнымъ лаемъ, у другихъ оскорбленнымъ пискомъ. Въ этого глухаго, безцѣльнаго раздраженія, тенденціозное содержаніе беллетристики „новаго направленія“ представляетъ пустыню, въ которой можно встрѣтиться только съ мыслями такой малой величины и такой ветхой давности каковы напримѣръ прорицанія Сіонскаго о наукѣ или идеи самого г. Пальма о тѣлесномъ наказаніи и о разслабляющемъ дѣйствиіи свѣтской жизни. Этотъ убогій отпрыскъ нашей литературы, разорвавшій съ преданіями художественной школы во имя мысли и содержательности, на самомъ дѣлѣ болѣе всего страдаетъ недостаткомъ идей и мало-мальски солиднаго внутренняго содержанія, если не называть идеей либеральнаго ковырянья по одному мѣсту, какое представляетъ напримѣръ романъ г. Пальма.

Опуская дальнѣйшее, крайне скучное развитіе фабулы этого романа, остановимся на его заключительномъ выводѣ. Юный Слободинъ оканчиваетъ съ успѣхомъ университетъ и готовится занять кафедру исторіи какъ вдругъ его арестуютъ и присуждаютъ къ ссылкѣ. Возвратясь оттуда въ концѣ пятидесятихъ годовъ, онъ присматривается къ явленіямъ тогдашняго нашего прогресса, хочетъ заняться какимъ-либо дѣломъ; но вмѣсто дѣла являются всюду одни недоразумѣнія, и ему не удается пристроиться къ обновленной жизни. Въ первоначальной редакціи романа (въ *Вѣстникѣ Европы*) такая развязка мотивировалась тѣмъ что народилось и выступило на полприще жизни новое поколѣніе, въ виду чего Слободину оставалось только занять положеніе наблюдателя. Въ такомъ видѣ, идея автора какъ бы предполагала весьма страшный законъ природы по которому каждое поколѣніе исчерпываетъ свою роль тотчасъ какъ только даетъ жизнь новому поколѣнію, тогда какъ во всемъ мірѣ главная общественная роль принадлежитъ именно поколѣнію зрѣлому. Г. Пальмъ вѣроятно самъ почувствовалъ абсурдность такого вывода, и въ новомъ изданіи романа замѣнилъ „наблюдательное положеніе“ „симпатичными отношеніями къ настоящему“. Такая замѣна дѣйствительно даетъ заключительной страницѣ романа иной смыслъ, но нельзя сказать чтобъ и въ новой редакціи выводъ автора отличался основательностью. „Если человѣку суждено пережить свое время, говоритъ г. Пальмъ,—

если онъ еще не усталъ искать новыхъ радостей и находить одиѣ лишь старыя печали, то никто уже не вложить въ его грудь смѣлыхъ надеждъ, цѣльныхъ стремленій, той огневой любви и отваги которыми такъ красна молодость.... Благо ему, если вовремя сумѣлъ онъ уступить дорогу другимъ свѣжимъ силамъ и глядить на ихъ путь не съ тулою, беззубою враждою, а съ добрыми пожеланіями: вѣдь онъ уже дочитываетъ послѣднюю страницу своей жизни, этой „книги скорбей“ наполненной промахами, неудачами, несчастіями, даже паденіями.... Не тотъ подниметъ камень на брата кто самъ нуждается въ оправданіи“....

Въ этихъ словахъ заключается два недоразумѣнія, двѣ неправильныя точки зрѣнія, которыя не уясняя вопроса только запутываютъ его, а запутанныхъ вопросовъ въ современной журналистикѣ и безъ того много.

Волервыхъ, авторъ очевидно дѣлаетъ слишкомъ произвольное обобщеніе, представляя все вообще старшее поколѣніе обремененнымъ *паденіями*. Паденіе есть частный случай котораго конечно нельзя бросать на шею цѣлому человѣческому возрасту.

Вовторыхъ, весь вопросъ сводится къ обязательному сочувствію со стороны старшаго поколѣнія къ новому, причемъ послѣднему уже не вмѣняется равно никакихъ обязанностей и какъ бы предполагается что оно непремѣнно лучше и выше стараго, по одному тому что оно новое, а то старое. Но сочувствіе пріобрѣтается не новизной, а внутреннею цѣнностью которой ни умалить, ни возвысить нельзя произвольно, и на которую жизнь неминуемо кладетъ свою нелицеприятную оцѣнку. Такъ точно старое не уступаетъ обязательно дороги новому, но воприще жизни остается занятымъ тѣмъ кто обладаетъ дѣйствительною силой и обнаруживаетъ наибольшую способность къ дѣятельности....

Впрочемъ, недоразумѣнія съ которыми мы встрѣчаемся въ произведеніяхъ беллетристовъ этого направленія могутъ завести насъ слишкомъ далеко. Собственно говоря, вся литература образчикъ которой представляетъ романъ г. Пальма есть не болѣе какъ недоразумѣніе, и только въ этомъ смыслѣ и можетъ быть понимаема. Недоразумѣніе заключается уже въ элитетѣ „новая“, какой придаетъ этой литературѣ петербургская критика, давая тѣмъ понять будто она руководится новыми началами, чуждыми предшествовавшей литературѣ. Не трудно убѣдиться что никакихъ новыхъ началъ эта „новая“ литература не заявила, и что отличительный на

первый взглядъ характеръ ея совершенно отрицательнаго свойства. Мы видѣли что въ литературномъ отношеніи писатели этого направленія слѣдуютъ общимъ, старымъ пріемамъ, и что имъ только недостаетъ таланта для того чтобы произведенія ихъ внѣшнимъ образомъ вполне походили на литературу въ настоящемъ значеніи этого слова. Что же касается внутренняго содержанія, то въ этомъ отношеніи „новая“ беллетристика отличается отъ старой весьма существенно именно крайнимъ пониженіемъ идей и понятій, нерѣдко до степени которая на обыкновенномъ языкѣ называется *глупостью*.

Этотъ послѣдній элементъ—элементъ глупости—неизбѣжно долженъ былъ проникнуть въ нашу беллетристику какъ скоро ее вздумали утвердить исключительно на мыслительной сторонѣ чловѣческаго духа. Беллетристическій умъ—не то же самое что умъ журнальной статьи или научнаго изслѣдованія. Романъ имѣетъ дѣло съ живымъ матеріаломъ, который не только не подчиняется послѣдовательности какой-либо теоріи, но перерабатываетъ и часто отвергаетъ логическіе выводы строгаго мышленія. Умственная область романиста есть философія жизни; въ этой области нѣтъ научнаго метода, съ помощью котораго можно было бы, словно по разставленнымъ вѣхамъ, добираться до вывода. Не напрасно беллетристика называется искусствомъ: это слово предполагаетъ въ беллетристѣ дѣйствіе прирожденной творческой способности, безъ которой никакой умъ не былъ бы такъ широкъ и глубокъ чтобъ объять собою безпредѣльную область которую мы назвали философіей жизни. Выводъ отвлеченнаго мышленія всегда покажется слишкомъ бѣденъ въ наготѣ своей предъ шириной и многообразіемъ жизни; только художественное проникновеніе, облекающееся въ образы и соприкасающееся съ практическими явленіями самой жизни, даетъ художественной мысли опору въ жизненной правдѣ, въ дѣйствительности. Еще древніе знали что *poetae nascuntur*. Несмотря на расширившіяся рамки ново-европейской беллетристики, приведшія художественную литературу въ соприкосновеніе съ задачами образованнаго, мыслящаго ума, эта литература остается все-таки поэзіей и подчинена законамъ поэтическаго творчества. Голая журнальная тенденція, къ которой прилиплена жиденькая романтическая фабула, всегда покажется и мельче, и пошлѣе чѣмъ еслибы она была развита въ простомъ журнальномъ трактатѣ, потому что требо-

ванія философскаго романа несравненно шире и многостороннѣе, и нуждаются въ такой глубинѣ и высотѣ мысли на которой можетъ стоять только очень сильный и опытный умъ. Для ума ординарнаго, постигающаго лишь послѣдовательность журнальной тенденціи, такая задача не по силамъ, и мы имѣли бы самое ограниченное число удовлетворительныхъ романовъ еслибы художественное дарованіе не приходило на помощь уму, и не сообщало бы литературнаго, поэтическаго значенія такимъ произведеніямъ философское значеніе которыхъ не обращаетъ на себя вниманія. Но когда отъ романа требуется одно тенденціозное содержаніе, когда романистъ заставляетъ себя во чтобы то ни стало занимать вниманіе читателя продуктами своего ума тогда, при естественномъ во всякой литературѣ преобладаніи ординарныхъ умовъ, въ беллетристику неизбѣжно входитъ очень много глупости. Никто не можетъ быть умнѣе самого себя, и если мы заставимъ человѣка не додумавшагося ни до какихъ идей высказывать свои мысли, онъ выскажетъ очень маленькія, очень пошлыя мысли. Въ другихъ областяхъ письменности, уровень этихъ маленькихъ мыслей можетъ маскироваться методомъ, удачною группировкой фактовъ, послѣдовательностью; но въ беллетристикѣ, при отсутствіи художественнаго таланта, мелкость внутренняго содержанія выстуляетъ во всей непривлекательной наготѣ своей. Въ публицистикѣ, даже въ наукѣ, могутъ существовать бездарныя полезности, но въ беллетристикѣ для бездарности не существуетъ никакихъ оправданій.

Именно такое явленіе имѣетъ мѣсто въ беллетристикѣ которая со смѣшнымъ самодовольствомъ противопоставляетъ себя художественной литературѣ. Писатели этого направленія осуждены говорить не имѣя ничего сказать. Замкнутые въ заколдованномъ кругу либеральной формалистики, они ничего не имѣютъ повѣдать міру кромѣ глухаго озлобленія обращеннаго на всѣхъ и вся въ этой неподатливой жизни которая не поторопилась убраться съ лица земли чтобъ очистить имъ мѣсто. Это озлобленіе носящее полныи на себя отпечатокъ личнаго чувства и никогда не мотивируемое въ подробностяхъ очень похоже на высовыванье языка какимъ занимаются герои этой странной литературы, эти Петьки, Михайлы Ивановичи, Алеша, всѣ эти, невѣдомо во имя чего протестующіе, носители литературнаго озлобленія. Являются даже какіе-то чисто личные счеты, фигурируютъ жены разошедшіяся съ

мужьями и несущія на литературный рынокъ свои домашнія дрязги... Въѣ этого личнаго чувства раздраженія, озлобленная беллетристика нашихъ дней неспособна додуматься ни до одного идеала немножко посодержательнѣе пьянствующаго семинариста, ни до одного вывода немножко поглубже размышленія г. Успенскаго о солдатскихъ коровахъ или философіи г. Пальма о школьничкахъ послѣвающихся къ экзамену подобно рѣлѣ и о расслабляющемъ дѣйствиіи свѣтской жизни...

Печальный уладокъ постигшій нашу изящную литературу съ выдѣленіемъ изъ нея особой разновидности какую представляютъ романы и повѣсти „новаго“ направленія отразился на замѣтномъ охлажденіи общества къ русской беллетристикѣ. Явленіе совершенно понятное: публика ищетъ въ литературѣ доброкачественной пищи, она обращается къ книгѣ за наслажденіемъ быть въ обществѣ ума возвышающагося надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Но когда уровень литературнаго ума понижается ниже посредственности, когда выражаемая имъ идеи мелки и смѣшны до такой степени что ординарный умъ читающей массы не можетъ не чувствовать ихъ пошлости, литература утрачиваетъ всякую прелесть и всякое значеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, общество лишается руководящей силы которая указывала ему на присутствіе въ жизни высшихъ интересовъ и поддерживала въ немъ связь съ міромъ идеаловъ, связь быть-можетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимую въ нашъ вѣкъ сухой и черствой практической рутины.

Печальный уладокъ которому намъ суждено быть свидѣтелями есть конечно явленіе временное, и мы отчасти уже присутствуемъ при *начатъ конца* этого явленія, хотя въ настоящую минуту еще никто не можетъ предсказать сколько суждено ему продлиться. Литература находится въ такой непосредственной связи съ жизнью что сила и слабость ея лежатъ всегда въ условіяхъ самой дѣйствительности. Раздвинувшіяся рамки этой дѣйствительности, пробудившійся интересъ къ вопросамъ общественнаго характера, сдѣлала то что предѣлы указанныя русскому роману Пушкинскими образцами показали стѣснительными. Потребовался притокъ новыхъ идей, возникъ спросъ на глубину внутренняго содержанія; заявлено мнѣніе что литература, даже и художественная, должна отзываться на горячіе интересы дня. Оспаривать справедливость этихъ требованій невозможно, тѣмъ болѣе что ли-

тература англійская, стоящая на высшей стелени развитія, даетъ живой образецъ тому какому образомъ романъ, не переставая быть вполнѣ художественнымъ, можетъ обнимать широкую совокупность жизненныхъ интересовъ и отвѣчать самому, требовательному уму. Но мы видѣли что новое направление нашей беллетристики, вызвавшееся удовлетворить уломянутымъ требованіямъ, вмѣсто того чтобы поднять внутреннее содержаніе современнаго романа, низвело его до совершенной пошлости и безсодержательности. Изъ этого ясно что путь избранный „новымъ“ направлениемъ ложень и бесплоденъ, и что будущее нашей литературы находится не на этомъ пути.

A.

ЗАМѢТКА.

Въ статьѣ моей „Неизданныя пѣсы А. С. Грибоѣдова“, помѣщенной въ предыдущей (сентябрьской) книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, вкрались два недосмотра, которые слѣдуя исправить. На страницѣ 235 моей статьи приведена мною эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина, причемъ сказано что эта эпиграмма напечатана въ *Русской Старинѣ* 1872, № 5. Дѣйствительно въ этой книжкѣ *Русской Старинѣ* помѣщена эта эпиграмма съ полною подписью А. С. Грибоѣдовъ; но въ № 9 *Русской Старинѣ* напечатана слѣдующая замѣтка: „Въ V т. *Русской Старинѣ*, стр. 766, напечатана эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина. Въ рукописныхъ сборникахъ откуда мы взяли ее она приписана А. С. Грибоѣдову; по свидѣтельству же П. В. Анненкова, она принадлежитъ А. С. Пушкину, еще лицеисту, и заключаетъ въ себѣ намекъ на сказку Карамзина: *Илья Муромецъ*. См. *Полн. Собр. Соч. Пушкина*, изд. 1871, т. I, стр. 525.“

На стр. 268 моей статьи я сказалъ что кромѣ показанія г. Серчевскаго о комедіи *Студентъ*, сочиненной А. С. Грибоѣдовымъ и П. А. Катенинымъ, я не нашелъ нигдѣ никакого извѣстія объ этой пѣсѣ: между тѣмъ извѣстія о ней находятса также и у Н. В. Гербеля въ его статьѣ А. С. Грибоѣдовъ, предпосланной имъ его изданію *Горя отъ Ула*, и у Л. Н. Майкова въ его статьѣ *Замѣтка о С. А. Грибоѣдовѣ*, помѣщенной во второмъ выпускѣ *Сборника издаваемого студентами Импер. С.-Петербург. Университета*. Но извѣстіе г. Гербеля что будто бы „трехъактную комедію *Студентъ* Грибоѣдовъ съ Катенинымъ передѣлалъ съ французскаго“ (стр. 9 статьи г. Гербеля) невѣрно и вполнѣ опровергается статьею

г. Маткова, въ которой приведено не только содержание этой комедіи, сочиненія оригинальнаго, а не переработанаго и не передѣланнаго, но даже помѣщены нѣкоторыя отрывки изъ нея. Вотъ содержаніе этой пьесы, какъ разсказываетъ ее г. Матковъ на основаніи рукописи принадлежавшей П. А. Катенину и сообщенной автору статьи М. И. Катенинымъ: „Его превосходительство г. Звѣздовъ, будучи въ Казани, познакомился съ г. Беневольскимъ, который предложилъ ему свои услуги и имѣлъ хожденіе за его дѣлами. Въ благодарность за это Звѣздовъ обѣщавъ покровительствовать сыну Беневольскаго, когда оный, окончивши курсъ въ Казанскомъ университетѣ, пріѣдетъ въ Петербургъ, и выдать за него свою воспитанницу Варвару Николаевну. Но Варенька влюблена въ Полюбина, молодаго человека служащаго въ Петербургѣ, и любима имъ взаимно. Поэтому, когда Евлампій Аристарховичъ Беневольскій (сынъ) пріѣзжаетъ въ домъ Звѣздова (этимъ начинается комедія) и задумываетъ немедленно привести въ исполненіе обѣщаніе своего покровителя, то встрѣчаетъ противодѣйствіе и въ самой Варенькѣ, и въ женѣ Звѣздова, и въ ея братѣ Саблинѣ (пріятель Полюбина). Дѣло въ томъ что Беневольскій оказывается большимъ оригиналомъ: оный небольшого ума, но страшно честолюбивъ и имѣеть высокое мнѣніе о своихъ дарованіяхъ, до крайности зараженъ сентиментальностью, господствовавшею въ тогдашней литературѣ, и самъ пишетъ стихи. Звѣздовъ сначала не соглашается измѣнить своему обѣщанію, но потомъ убѣжденный хитростію своей жены, уступаетъ общему желанію и женить на Варенькѣ Полюбина, а Беневольскій остается не при чемъ и принужденъ выѣхать изъ дома бывшаго своего покровителя. Этимъ и кончается комедія.“ (*Сборн. изд. студ. Импер. С.-Петербур. Универс., стр. 237 и 238*).

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М Ъ С Т О С Е Д Ь М О Й .

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	Стр.
Въ Лѣсахъ. Разказъ. Гл. LXXVI.—LXXXIII. <i>Андрея Печерскаго</i>	5
Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней всеелаской и русской церкви. <i>А. Лебедевъ</i>	53
Бѣгуны. Часть вторая. Гл. I—XIX. <i>Графа Е. А. Салиаса</i>	71
Болгарія. Славянская повѣсть. <i>М. С. Чайковскаго</i> (Садъкъ-лаши). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.	201
Неизданныя піесы <i>А. С. Грибоѣдова</i> . <i>В. Родиславскій</i> ..	233
Леди Анна. Романъ. <i>Антони Троллопа</i> . Переводъ съ англійскаго. Гл. XVII—XX.....	269
Война и революція. Очерки нашего времени. Продолженіе. <i>В. П. Безобразова</i>	298
<i>Бретъ-Гартъ О. С.</i>	140
Народность въ новой литературѣ. <i>А.</i>	169
Русскіе нравы подъ французскимъ перомъ полу-русской писательницы. <i>А. Л.</i>	194

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И :

Кеелемъ Чиллинггаи его приключенія и мнѣнія. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга вторая. Гл. XVII—XXI и книга третья. Гл. I—VII.

О К Т Я Б Р Ъ .

	Стр.
Земцы и Нѣмцы. Часть первая. Гл. I—XIX. <i>Графа Е. А. Салиаса</i>	399
Изъ исторіи и практики городскаго освѣщенія. <i>И. П. Архипова</i>	530
Матеріалы изъ исторіи Кавказской войны. <i>А. Л. Зиссермана</i>	567
Болларія. Славянская повѣсть. <i>М. С. Чайковскаго</i> . (Садъкъ-лаши). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.	604
Весенніе морозы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. Гл. I—V. <i>М. Васильевой</i>	643
Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ. <i>Ө. И. Буслаева</i>	689
Образованіе женщинъ въ Америкѣ.....	765
Судьбы русскаго романа. <i>А.</i>	786
Замѣтка. <i>В. И. Родиславскаго</i>	808

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И :

Кеелемъ Чиллинггаи его приключенія и мнѣнія. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга третья. Гл. VIII—XIX.

Фермеръ отъ души расхохотался своею шуткѣ.

— Нѣтъ, спасибо, сказалъ Кенелмъ, потирая свои ушибы,— на молокъ обжегся, на воду дуть станешь.

Молодой человѣкъ пошелъ одиноко бродить по полямъ. День становился пасмуренъ; облака предвѣщали дождь. Въ воздухѣ было необыкновенно тихо; окружающій видъ, не освѣщенный солнцемъ, казался печальнымъ и пустыннымъ. Кенелмъ дошелъ до берега ручья не далеко отъ того мѣста гдѣ фермеръ встрѣтилъ его въ первый разъ. Тамъ онъ сѣлъ, склонилъ щеку на руку и устремилъ глаза на тихія и потемнѣвшія воды ручья грѣстно протекавшія предъ нимъ; печаль наполнила его сердце и разбудила его мечтательность.

— Итакъ, это правда, сказалъ онъ, разсуждая самъ съ собою: — я явился на свѣтъ чтобы прожить всю жизнь совершенно одинокимъ, не щца разумѣется себѣ подруги, не вѣря въ возможность этого, содрогаясь при одной мысли объ этомъ, отчасти презирая, отчасти сожалѣя тѣхъ кто вздыхаетъ объ этомъ; — это недостижимо, лучше вздыхать о лунѣ! Между тѣмъ другіе люди вздыхаютъ объ этомъ, почему же я стою въ сторонѣ отъ нихъ? Если міръ сцена, и всѣ мужчины и женщины въ немъ только актеры, долженъ ли я быть одинокимъ зрителемъ не имѣя никакой роли въ драмѣ, не интересуясь развитіемъ дѣйствія? Безъ сомнѣнія, многіе на этой сценѣ такъ же мало какъ и я желаютъ имѣть роль *любownika*, посвящающаго грустные стихи бровямъ своей возлюбленной; но въ такомъ случаѣ они желаютъ занимать другія роли въ пьесѣ, напримѣръ воина „бородатаго какъ лардъ“, или судьи „съ кругленькимъ брюшкомъ подбитымъ каллунами“. Но меня не тревожитъ честолюбіе, я не стремлюсь возвышаться или блестять. Я не желаю сдѣлаться ни полковникомъ, ни адмираломъ, ни членомъ парламента, ни аддерменомъ. Меня не прельщаетъ слава остряка, или поэта, или философа, или непремѣннаго гостя на званныхъ обѣдахъ, или знаменитаго стрѣлка на стрѣльбищахъ и облавахъ. Рѣшительно, я зритель что стоитъ въ сторонѣ и такъ же мало заботится о дѣйствующемъ мірѣ какъ какой-нибудь камень. У Гёте есть страшный фантастическій вымыселъ что первоначально мы всѣ были монады, маленькіе разсѣянные атомы носящіеся въ атмосферѣ, влекомые туда и сюда силами которыя внѣ нашего контроля, преимущественно притяженіемъ другихъ монадъ; такъ что одна монада управляемая свинными монадами

кристаллизуется въ свинью; другая, подъ вліаніемъ героическихъ монадъ, становится львомъ или Александромъ. Теперь совершенно ясно, продолжалъ Кенелмъ, перемѣняя положеніе и кладя правую ногу на лѣвую, — что какая-нибудь монада имѣющая своимъ назначеніемъ другую планету можетъ встрѣтиться на пути, съ потокомъ монадъ пересѣкающихъ земной путь, и увлеченная этимъ потокомъ начнетъ кружиться до тѣхъ поръ пока, вопреки ея назначенію и определенному ей мѣсту дѣйствія, попадетъ на землю и превратится въ ребенка. Можетъ-статься мнѣ выпалъ такой жребій: моя монада изъ другихъ областей пространства попала сюда, гдѣ она никогда не можетъ быть дома, не можетъ амальгамироваться съ другими монадами, ни понять почему онѣ находятся въ такихъ постоянныхъ хлопотахъ. Признаюсь, я такъ же мало понимаю почему умъ человеческихъ существъ неустанно хлопочетъ о вещахъ отъ которыхъ, по сознанію многихъ, бываетъ болѣе безлокойства нежели удовольствія, какъ не понимаю почему эта толпа комаровъ, жизнь ихъ такъ коротка, не дадутъ себѣ ни минуты покоя, но толкутся вверхъ и внизъ, подымаясь и опускаясь будто на качеляхъ, и дѣлая такъ много шума по поводу своего ничего не значащаго возвышенія или пониженія какъ еслибъ это былъ ропотъ людей. А можетъ-быть на другой планетѣ моя монада рѣзвилась бы, и прыгала бы и танцевала бы съ такимъ же удовольствіемъ и безуміемъ какъ это дѣлаютъ монады людей и комаровъ въ этой чуждой юдоли слезъ.

Кенелмъ дошелъ до этого гадательнаго разрѣшенія своихъ недоумѣній какъ вдругъ услышалъ лѣніе или скорѣе среднее между лѣніемъ и речитативомъ, что такъ пріятно когда произношеніе ясно и музыкально. Такъ было въ настоящемъ случаѣ, и Кенелмъ могъ ясно слышать каждое слово слѣдующей лѣсни:

Есть время когда умокаютъ заботы;
Чуть слышалось въ воздухѣ рѣанье пчелъ;
Я сталъ гдѣ отраду поддѣвной дремоты
Ручей на природу журчаньемъ навелъ.

Душа говорила хотъ тѣсно ихъ ложе,
Струи къ Океану спокойно текутъ;
Вселенной просторъ прохожу я, но все же
Довольства не знаю, и тѣсно мнѣ тутъ.

Душа, не тверди о вселенной просторѣ,
Нѣтъ, мѣнѣ сжата потока струя.
Безбрежна сама ты, и вотъ твое горе,
Видой недовольства безбрежность твоя.

Когда лѣвнѣ кончилось Кенелмъ поднялъ голову. Но берегъ ручья былъ такъ извилистъ и такъ густо поросъ кустарникомъ что нѣсколько минутъ онъ не могъ видѣть лѣвца. Наконецъ вѣтви предъ нимъ раздвинулись, и въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидалъ человѣка которому совѣтовалъ вослѣввать бифтекъ вмѣсто того чтобы посвящать свои лѣсны любви, какъ ошибочно и слоконъ вѣка постулають лѣвцы.

— Сэръ, сказалъ Кенелмъ приподнимаясь,— я радъ что мы опять встрѣтились. Слышали вы когда-нибудь кукушку?

— Сэръ, отвѣчалъ менестрель, — замѣчали вы когда-нибудь присутствіе лѣта?

— Позвольте мнѣ положить вамъ руку. Я восхищенъ вопросомъ которымъ вы встрѣтили и отпарировали мой. Если вы не слѣшите, присядьте здѣсь и потолкуемъ.

Менестрель наклонилъ голову и съѣлъ. Собака его, выйдя изъ-за кустовъ, съ важностію приблизилась къ Кенелму, который еще съ большею важностію посмотрѣлъ на нее; помахивая хвостомъ она усѣлась на заднія лапы и принялась прислушиваться къ шуму въ сосѣднемъ тростникѣ, какъ бы желая угадать рыба ли производила его или же водяная мышь.

— Я спросилъ васъ, сэръ, слышали ли вы кукушку не изъ лустаго любопытства; часто въ лѣтніе дни когда человѣкъ разговариваетъ самъ съ собою—и разумется ставить себѣ въ затрудненіе—вдругъ слышится голосъ какъ бы исходящій изъ сердца природы: такъ далекъ онъ и въ то же время такъ близокъ; онъ говоритъ что-нибудь очень успокоивающее, очень мелодичное, такъ что является искушеніе необдуманно и неразумно воскликнуть: „природа отвѣчаетъ мнѣ“. Кукушка часто такъ подшучивала надо мною. Въ вашемъ лѣвнѣ содержался лучшій отвѣтъ на вопросы какіе человѣкъ задаетъ себѣ чѣмъ можно получить отъ кукушки.

— Я сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ менестрель.— Пѣся, въ лучшемъ случаѣ, есть только эхо того голоса что исходитъ изъ сердца природы. И если крикъ кукушки представлялся вамъ такимъ голосомъ, это былъ вѣроятно болѣе простой и правдивый отвѣтъ на вашъ вопросъ чѣмъ можетъ дать человѣкъ, еслибы вы только могли правильно перевести ея языкъ.

— Добрый другъ мой, отвѣчалъ Кенелмъ,—то что вы говорите звучитъ очень пріятно и содержитъ въ себѣ чувство которое было распространено нѣкоторыми критиками въ безпредѣльное царство пустоголовыхъ, по просту называемое вздоромъ. Хотя природа никогда не молчитъ, хотя она, злоупотребляя преимуществомъ своихъ лѣтъ, утомительно болтаетъ безъ умолку, она однако же никогда не отвѣчаетъ на наши вопросы, она не можетъ понимать аргументовъ, она никогда не читала сочиненія Милля о Логикѣ. Дѣйствительно, какъ справедливо сказалъ великій философъ, „природа не имѣетъ разума“. Каждый человѣкъ который обращается къ ней бываетъ вынужденъ снабжать ее на время своимъ умомъ. И если она отвѣчаетъ на вопросы которые задаетъ ей его собственный умъ, то лишь повторяя какъ полугай то что его умъ подскажетъ ей. И такъ какъ у каждаго человѣка свой умъ, то каждый человѣкъ получаетъ свой отвѣтъ. Природа живой старый лицемѣръ.

Менестрель весело разсмѣялся, и смѣхъ его былъ такъ же пріятенъ какъ лѣніе.

— Многому бы пришлось разучиться поѣтамъ еслибъ они стали смотрѣть на природу такимъ образомъ.

— Плохимъ поѣтамъ да, и тѣмъ лучше было бы и для нихъ и для ихъ читателей.

— Развѣ хорошіе поѣты не изучаютъ природу?

— Разумѣется изучаютъ, какъ хирургъ изучаетъ анатомію разсѣкая мертвое тѣло. Но хорошій поѣтъ, равно какъ и хорошій хирургъ, тотъ кто смотритъ на это изученіе только какъ на необходимую азбуку, а не какъ на вѣнецъ всего въ его дѣлѣ. Я не назову хорошимъ хирургомъ человѣка который наполнитъ цѣлую книгу подробностями, болѣе или менѣе точными, о фибрахъ, нервахъ и мускулахъ; и не назову хорошимъ поѣтомъ человѣка который опишетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ Рейнъ или Глостерскую Долину. Хорошій хирургъ и хорошій поѣтъ тотъ кто понимаетъ живаго человѣка. Что такое драма, которую Аристотель справедливо ставитъ выше всего въ области поѣзіи? Не есть ли это такой родъ поѣзіи гдѣ описаніе неодушевленной природы по необходимости вынуждено быть очень краткимъ и общимъ, гдѣ даже внѣшнія формы человѣка до такой степени не важны что они могутъ измѣняться вмѣстѣ съ актеромъ исполняющимъ роль? Гамлетъ можетъ быть бѣлокурою и черноволосый. Макбетъ

можетъ быть низкаго или высокаго роста. Достоинство драматической поэзіи состоитъ въ подчиненіи того что обыкновенно называютъ природой (т.-е. внѣшней и матеріальной природы) существамъ разумнымъ, одушевленнымъ, но въ такой степени нематеріальнымъ что они, можно сказать, состоятъ только изъ ума и души, принимая временно такое тѣло какое можетъ предложить имъ попавшійся актеръ, дабы сдѣлаться осязательными и видимыми для зрителя, но не нуждаясь въ подобномъ тѣлѣ чтобы быть осязательными и видимыми для читателя. Итакъ высшій родъ поэзіи тотъ который наименѣе нуждается во внѣшней природѣ. Но каждый родъ имѣетъ свои достоинства, болѣе или менѣе высокія смотря по тому сколько онъ влагаетъ въ природу то чего въ ней нѣтъ, то-есть умъ и душу человѣка.

— Я не могу согласиться, сказалъ менестрель,—чтобы на дѣлѣ одинъ родъ поэзіи былъ выше другаго до такой степени чтобы ставить поэта съ успѣхомъ занимающагося тѣмъ что вы назвали высшимъ родомъ поэзіи выше другаго поэта который занимается еще услѣшнѣе тѣмъ что вы называете низшею школой. Въ теоріи драматическая поэзія можетъ быть выше лирической, и *Venice Preserved* очень хорошая драма; но я считаю Борнса лучшимъ поэтомъ чѣмъ Отвея.

— Можетъ-быть это такъ; но я не знаю другаго лирическаго поэта, по крайней мѣрѣ изъ числа новыхъ, который бы менѣе толковалъ о природѣ какъ о внѣшней только формѣ вещей и съ большею страстью одушевлялъ бы ее своимъ собственнымъ человѣческимъ сердцемъ чѣмъ Робертъ Борнсъ. Полагаете ли вы что когда Грекъ въ какомъ-нибудь затрудненіи обращался къ вѣщимъ листьямъ дуба Додонскаго, эти дубовые листья отвѣчали ему? Не думаете ли вы скорѣе что на вопросъ возбужденный его умомъ отвѣчалъ умъ подобнаго ему человѣка, жреца, который употреблялъ листья дуба только какъ посредствующее орудіе, какъ мы съ вами пользуемся въ качествѣ посредствующаго орудія листомъ лисчей бумаги? Не есть ли исторія суевѣрій хроника безумныхъ попытокъ человѣка получать отвѣты отъ внѣшней природы?

— Но, сказалъ менестрель,—я слышалъ или читалъ гдѣ-то что научные опыты суть отвѣты которые даетъ природа на вопросы предлагаемые ей человѣкомъ.

— Это не болѣе какъ отвѣты которые его собственный

умъ внушаетъ ей. Умъ его изучаетъ законы матеріи и при этомъ изученіи дѣлаетъ опыты надъ матеріей; изъ этихъ опытовъ его умъ, согласно своимъ прежнимъ свѣдѣніямъ или природной смѣтливости, дѣлаетъ свои выводы; такимъ образомъ являются науки о природѣ, механика, химія и т. д. Но сама матерія не даетъ отвѣтовъ; отвѣты измѣняются сообразно уму предлагающему вопросы, и успѣхи наукъ состоятъ въ постоянномъ исправленіи ошибокъ и ложныхъ представленій которыя прежніе умы считали правильными отвѣтами полученными отъ природы. Только сверхъестественное заключенное въ насъ, то-есть умъ, можетъ угадывать механизмъ естественнаго, то-есть матеріи. Камень не можетъ вопрошать камень.

Менестрель не отвѣчалъ. Наступило продолжительное молчаніе, прерываемое лишь жужжаньемъ насѣкомыхъ, плескомъ воды и вздохомъ вѣтра въ тростникахъ.

ГЛАВА XVII.

Наконецъ Кенельмъ проговорилъ прерывая молчаніе:

*Rapiamus, amici,
Occasionem de die, dumque virent genua,
Et decet, obducta solvatur fronte senectus!*

— Это стихи Горация? спросилъ менестрель.

Да; и я съ намѣреніемъ проговорилъ ихъ чтобы видѣть получили ли вы классическое образованіе.

— Я могъ бы получить такое образованіе еслибы мои обстоятельства не отвлекли меня въ дѣтствѣ отъ ученія, всей цѣны коего я не понималъ тогда. Но я немножко ознакомился съ латынью въ школѣ, и послѣ того какъ вышелъ изъ школы старался отъ времени до времени знакомиться съ болѣе извѣстными латинскими поэтами, большею частию, признаюсь къ стыду моему, съ помощію подстрочныхъ англійскихъ переводовъ.

— Такъ какъ вы сами поэтъ, то быть-можетъ вамъ не было бы выгоды знать другой, хотя бы и мертвый, языкъ такъ хорошо чтобъ его формы и обороты мысли отражались, хотя можетъ-быть бессознательно, въ языкѣ на которомъ вы

сочиняете. Горацій, пожалуй, былъ бы еще лучшимъ поэтомъ еслибы по-гречески зналъ не больше чѣмъ вы латыни.

— Я принимаю это не болѣе какъ за любезность съ вашей стороны, отвѣчалъ менестрель съ улыбкой.

— А вы были бы еще любезнѣе, сказалъ Кенелмъ,—еслибы простили мой нескромный вопросъ и сказали не вслѣдствіе ли пари вы странствуете подобно Гомеру, и посылаете это разумное четвероногое, вашего слугника, ходить съ тарелочкой во рту за сборомъ левсовъ?

— Нѣтъ, это не вслѣдствіе пари; это моя причуда, которую, какъ я надѣюсь по тону вашего разговора, вы поймете имѣя повидимому сами нѣкоторыя причуды.

— Что касается причудъ, можете быть увѣрены въ моему сочувствію.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я скажу вамъ что хотя у меня есть занятіе доставляющее мнѣ скромный доходъ, но стихи моя страсть. Еслибы круглый годъ было лѣто и человекъ вѣчно былъ молодъ, я прожилъ бы всю жизнь растѣвая. Но я никогда не пробовалъ печатать моихъ стиховъ. Еслибы они остались незамѣченными, это причинило бы мнѣ величайшее огорченіе какое только можетъ быть нанесено самолюбію человека. Еслибы они подвергались нападкамъ или осмѣянію, это могло бы серьезно повредить моимъ практическимъ занятіямъ. Это послѣднее соображеніе, будь я одинъ на свѣтѣ, не значило бы для меня ничего; но есть другіе для кого мнѣ хотѣлось бы составить себѣ состояніе, и потому я не хочу бросать своихъ дѣловыхъ занятій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — это было въ Германіи, я встрѣтилъ одного очень бѣднаго нѣмецкаго студента который добывалъ деньги странствуя съ лютеей и лѣвиемъ. Потомъ онъ сдѣлался довольно извѣстнымъ поэтомъ и разказывалъ мнѣ что онъ увѣренъ что нашелъ секретъ приобрести извѣстность привыкнувъ сообразоваться со вкусами публики во время своихъ странствій. Его примѣръ сильно подѣйствовалъ на меня. Я попытался дѣлать то же, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ я провожу такимъ образомъ часть лѣтняго времени. Въ мѣстахъ когорыя я посѣщаю я извѣстенъ, какъ я кажется говорилъ вамъ прежде, подъ именемъ бродячаго менестреля; я получаю маленькія деньги когорыя даютъ мнѣ какъ бы въ доказательство нѣкотораго моего достоинства.

Бѣдные люди не платили бы мнѣ еслибъ я имъ не доставлялъ удовольствія; и по большей части имъ особенно нравятся именно тѣ гѣсни которыя я самъ больше люблю. Кромѣ того это время я не считаю потеряннымъ, не только для тѣлеснаго здоровья, но и для ума. Мысли пріобрѣтаютъ большую свѣжесть въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ веселыхъ занятій и разнообразныхъ приключеній.

— Да, приключенія бываютъ довольно разнообразны, сказалъ Кенелмъ нѣсколько жалобно; ибо перемѣняя положеніе онъ почувствовалъ острую боль въ своихъ избитыхъ мускулахъ.—Но не правда ли что ко всѣмъ приключеніямъ непремѣнно примѣшиваются эти зловредныя женщины?

— Разумѣется, сказалъ менестрель со звонкимъ смѣхомъ.— Въ жизни, какъ и на сценѣ, интересъ юлки всегда самый сильный.

— Въ этомъ я не согласенъ съ вами, сказалъ Кенелмъ сухо. — И мнѣ кажется что это замѣчаніе недостойно васъ. Впрочемъ настоящая жаркая погода не располагаетъ къ спорамъ, и я готовъ признать что юлка, если она красная, не лишена нѣкотораго интереса въ картинѣ, именно интереса колера.

— Молодой человекъ, сказалъ менестрель вставая, — день склоняется къ вечеру, и я долженъ проститься съ вами; безъ сомнѣнія, еслибы вы постраниствовали какъ я, вамъ бы довелось видѣть столько хорошенькихъ дѣвушекъ что вы признали бы важность юлокъ не на картинѣ только, и еслибы мы съ вами еще разъ встрѣтились, можетъ-быть оказалось бы что вы сами пишете любовные стихи.

— Послѣ такого ничѣмъ не оправдываемаго заключенія я расстаюсь съ вами съ меньшимъ сожалѣніемъ чѣмъ бы сдѣлалъ это прежде. Но я надѣюсь что мы еще встрѣтимся.

— Ваше желаніе очень лестно для меня; и если намъ придется еще увидѣться, я прошу васъ оправдать мою довѣрчивость и смотрѣть на мои поэтическія странствія и на тарелочку моей собаки какъ на священную тайну. А если намъ такъ не встрѣтиться, то я только изъ благоразумной сдержанности не называю вамъ моего настоящаго имени и адреса.

— Вы обнаруживаете такимъ образомъ опасливый здравый смыслъ который рѣдко встрѣчается въ любителяхъ стиховъ, и юлокъ. Что вы сдѣлали съ вашею гитарой?

— Я не хожу по дорогамъ съ этимъ инструментомъ, онъ

пересылается мнѣ изъ города въ городъ подъ чужимъ именемъ вмѣстѣ съ платьемъ не такимъ какъ это, на случай если я пожелаю бросить роль бродячаго менестреля.

Оба съ чувствомъ пожали руку другу другу. Когда менестрель удаляясь по берегу ручья залѣлъ, подъ вліяніемъ его голоса казалось веселѣй зажурчали струи и менѣе грустно вздыхалъ прибрежный тростникъ.

ГЛАВА XVIII.

Въ своей комнатѣ, одинокій и задумчивый, сидѣлъ пораженный герой сотни сраженій. Были сумерки; но ставни были притворены цѣлый день, чтобы не впускать въ комнату солнечнаго свѣта, который никогда прежде не былъ непріятенъ для Тома Боульза; онѣ были притворены и теперь, дѣлая сумерки вдвое болѣе сумрачными, пока луна, поднявшаяся рано, не проникла своими лучами сквозь щели и не провела серебристой полосы между тѣнями на полу.

Голова Тома была олушена на грудь; его сильныя руки безцѣльно покоились на колѣняхъ; въ положеніи его видно было изнеможеніе и уныніе. Но въ выраженіи лица были видны признаки опасной и безпкойной мысли которая противорѣчила его наружному спокойствію. Лобъ его, обыкновенно открытый, выразившій дерзкую отвагу, теперь былъ покрытъ морщинами и сумрачно нависъ надъ олушенными, полузакрытыми глазами. Губы его были такъ плотно сжаты что лицо утратило свою округлость, и массивныя кости челюстей рѣзко выступали на щекахъ. Время отъ времени, правда, губы раскрывались давая выходъ глубокому порывистому вздоху, но онѣ тотчасъ же опять стискивались такъ же быстро какъ были открыты. Это былъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ въ жизни когда всѣ элементы составляшіе прежнюю сущность человѣка приходятъ въ безпорядочную анархію; когда Злой кажется входить въ человѣка и начинаетъ направлять бурю; когда грубый не воспитанный умъ, никогда прежде не ломышлявшій о преступленіи, видитъ предъ собой преступленіе внезапно воздымающееся изъ бездны, чувствуетъ въ немъ врага, но покоряется ему какъ неизбѣжной судьбѣ. И вотъ когда наконецъ преступникъ приговоренъ къ висѣлицѣ,

онъ съ содраганіемъ оглядывается назадъ на то мгновеніе что раздѣляетъ два міра,—міръ человѣка невиннаго и міръ человѣка преступнаго — и говоритъ святому, высоко образованному, безстрастному духовнику напутствующему его и называющему его братомъ:—„дьяволъ внушилъ мнѣ это“.

Въ эту минуту дверь отворилась; на порогѣ стояла его мать, которой онъ никогда не давалъ руководить его поступками, хотя любилъ ее по-своему, и ненавидный человѣкъ котораго онъ желалъ видѣть мертвымъ у своихъ ногъ. Дверь снова затворилась, мать вышла не говоря ни слова, слезы мѣшали ей. Вошедшій остался съ нимъ наединѣ. Томъ Боульзъ поднималъ глаза, узналъ посѣтителя, просіялъ и потеръ свои могучія руки.

ГЛАВА XIX.

Кенелмъ Чиллингп поставилъ стулъ рядомъ со своимъ протавникомъ и молча взялъ его за руку.

Томъ Боульзъ взялъ его руку въ обѣ свои, повернулъ ее съ любопытствомъ къ лунному свѣту, посмотрѣлъ, взвѣсилъ ее, потомъ издавъ нѣчто среднее между рычаньемъ и смѣхомъ оттолкнулъ ее прочь какъ предметъ враждебный, но не заслуживающій вниманія, всталъ, приперъ дверь, сѣлъ опять и сказалъ грубо:

— Чего вы теперь отъ меня хотите?

— Я хочу просить у васъ милости.

— Милости?

— Величайшей милости о какой только человѣкъ можетъ просить другаго человѣка—дружбы. Видите ли, мой дражайшій Томъ, продолжалъ Кенелмъ, располагаясь какъ дома, положивъ одну руку на стулъ Тома и протянувъ ноги будто предъ каминомъ въ своей комнатѣ; — видите ли, мой любезный Томъ, люди подобные намъ, молодые, одинокіе, не совсемъ дурные собой, могутъ найти много возлюбленныхъ. Если одна не полюбитъ насъ, полюбитъ другая; онѣ разсыяны вездѣ какъ крапива или репейникъ. Но въ жизни нѣтъ ничего рѣже друга. Скажите мнѣ откровенно, случалось ли вамъ попадать въ деревню гдѣ бы вы не могли найти себѣ яззубу еслибы пожелали, и если имѣя яззубу вы покидаете ее, думаете ли вы что вамъ трудно было бы найти другую? Но предположите что вы имѣли бы

истиннаго друга мужчину, друга который поддерживалъ бы васъ во всѣхъ обстоятельствахъ, который въ глаза говорилъ о вашихъ недостаткахъ, а за глаза хвалилъ бы ваши хорошія качества, который дѣлалъ бы все возможное чтобъ избавить васъ отъ опасности или предупредить оласность; предположите что вы имѣли бы такого друга и потеряли бы его. Думаете ли вы что доживъ до Маеусайловыхъ лѣтъ вы могли бы найти другаго? Вы не отвѣчаете мнѣ; вы молчите. Итакъ Томъ, я прошу васъ быть такимъ другомъ для меня и обѣщаю быть такимъ другомъ для васъ.

Томъ такъ оцѣнилъ отъ этого обращенія что не могъ оломниться отъ изумаенія. Но онъ почувствовалъ какъ будто тучи въ душѣ его разорвались, и солнечный лучъ проникъ сквозь угрюмую тьму. Наконецъ, хотя утихшій гнѣвъ снова возсталъ въ немъ, но уже не столь рѣшительно, и онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Хорошъ другъ! Укралъ у меня мою любу. Подите прочь!

— Она была столько же вашею сколько была или можетъ когда-нибудь быть моею.

— Какъ, развѣ вы не ухаживали за нею?

— Разумѣется нѣтъ. Я ухажу въ Лоскомбъ и приглашаю васъ отправиться вмѣстѣ. Вы думаете что я уйду и оставлю васъ здѣсь?

— Какое вамъ дѣло до меня?

— Провидѣніе дозволило мнѣ сласти васъ отъ самаго неутѣшнаго горя. Подумайте, какое горе можетъ быть продолжительнѣе чѣмъ было бы ваше еслибы вы достигли вашихъ желаній; еслибы вы силой или страхомъ привудили женщину сдѣлаться вашею подругой на всю жизнь; и вы бы любили ее, а она бы васъ ненавидѣла. Совѣсть день и ночь укоряла бы васъ что ваша любовь сдѣлалась причиной ея несчастія, и это несчастіе неотлучно преслѣдовало бы васъ какъ привидѣніе. Вотъ отъ какого горя я спасъ васъ. Дай-то Богъ довершить мнѣ мое дѣло и сласти васъ отъ неискулимаго злодѣянія. Загляните въ вашу душу, соберите мысли которыя въ теченіе цѣлаго дня до тѣхъ поръ какъ я переступилъ вашъ порогъ не покидали васъ, заставляя умъ вашъ молчать и ослѣвляя совѣсть; потомъ скажите положи руку на сердце: „я не повиненъ въ помышленіи объ убійствѣ“.

Несчастный человѣкъ быстро вскочилъ и выпрямился въ угрожающей позѣ, но встрѣтивъ спокойный, твердый и полный сожалѣнія взглядъ Кенелма, онъ такъ же быстро упалъ, упалъ на полъ, закрылъ лицо руками, и громкій крикъ вырвался изъ его груди между волями и рыданіями.

— Братъ, сказалъ Кенелмъ опускаясь возлѣ него на колѣни и обвивъ рукою его тяжело дышавшую грудь, — теперь все забыто; съ этимъ крикомъ демонъ омрачавшій твой разумъ отлетѣлъ навсегда.

Г Л А В А XX.

Когда нѣсколько времени спустя Кенелмъ вышелъ изъ комнаты и зашелъ къ мистрисъ Боульзъ, находившейся внизу, онъ сказалъ весело:

— Все устроилось отлично; мы съ Томомъ поклялись быть друзьями. Мы отправляемся въ Лоскомбъ послѣзавтра, въ субботу; наложите туда его дядѣ и пошлите туда же его платье, такъ какъ мы пойдемъ пѣшкомъ и выйдемъ рано утромъ чтобы никто не видалъ насъ. А теперь ступайте на верхъ поговорить съ нимъ; ему необходимо утѣшеніе и ласки матери. У него благородное сердце, и рано или поздно мы будемъ гордиться имъ.

Возвращаясь на ферму, Кенелмъ встрѣтилъ мистера Лесбриджа, который сказалъ:

— Я иду отъ мистера Сондерсона, куда заходилъ чтобы видѣть васъ. Въ переговорахъ о лавкѣ мистрисъ Ботри встрѣтилось неожиданное затрудненіе. Послѣ того какъ я видѣлся съ вами сегодня утромъ, я встрѣтился съ однимъ служащимъ у мистера Траверса и онъ сказалъ мнѣ что мистрисъ Ботри не имѣетъ права передать аренду безъ согласія сквайра; а такъ какъ земля была сдана сначала на очень низкихъ условіяхъ для любимаго и почтеннаго арендатора, то трудно ожидать согласія мистера Траверса на передачу ея бѣдному корзинщику. Услыхавъ это я лѣхалъ въ Паркъ и увидѣлся съ самимъ мистеромъ Траверсомъ. Но онъ остался непреклоненъ къ моимъ просьбамъ. Я добился только того что онъ сказалъ: „Пусть незнакомецъ который интересуется этимъ дѣломъ

придетъ самъ и потолкуеть со мной. Я бы желалъ посмотрѣть на человѣка который отколотилъ это животное Тома Боулдза; если онъ побѣдилъ его, то можетъ-статься побѣдить и меня. Приведите его съ собою на ужинъ который я даю для арендаторовъ завтра вечеромъ.“—Чтожь вы пойдете?

— Но, сказалъ Кенелмъ неохотно,—если онъ зоветъ меня только для того чтобъ удовлетворить пустому любопытству, то пользы будетъ отъ этого мало Уыллу Сомерсу. Чтѣ вы объ этомъ скажете?

— Сквайръ настоящій дѣловой человѣкъ, и хотя никто не можетъ сказать чтобъ онъ былъ несправедливъ или жаденъ, онъ однакоже не отличается большою чувствительностію; а нужно сознаться что большою калѣвкою въ родѣ Уылла Сомерса не особенно выгодный арендаторъ. И еслибы дѣло зависѣло единственно отъ вашего успѣха у сквайра, я не былъ бы увѣренъ что оно устроится согласно нашему желанію. Но мы найдемъ союзника въ его дочери. Она очень любитъ Джесси Уайльзъ и была очень добра къ Уыллу. Едва ли есть на свѣтѣ болѣе мягкая, благотворительная и симпатичная натура чѣмъ Сесилія Траверсъ. Она имѣетъ большое вліяніе на своего отца, и чрезъ нее мы можемъ уговорить его.

— Я терпѣть не могу имѣть какія-нибудь дѣла съ женщинами, сказалъ Кенелмъ сухо.—Безъ сомнѣнія, милостивый государь, вы болѣе слособны на это дѣло чѣмъ я.

— Позвольте мнѣ скромно усомниться въ этомъ; едва ли можно надѣяться на успѣхъ у женщинъ когда годы тяготятъ старыя плечи; но если вамъ потребуется помощь священника чтобы довести ваши ухаживанія къ счастливому окончанію, я буду очень радъ въ качествѣ священника исполнить надлежащую церемонію.

— *Di meliora!* сказалъ Кенелмъ съ важностію. — Есть зло котораго и въ шутку касаться не слѣдуетъ. Что до миссъ Траверсъ, то какъ только вы назвали ее благотворительною, вы привели меня въ ужасъ. Я очень хорошо знаю чтѣ такое благотворительная дѣвушка: надутая, безлокойная, хлопотливая, со вздернутымъ носомъ и съ карманомъ наполненнымъ книжками. Я не пойду на ужинъ къ сквайру.

— Тсс! сдѣлаалъ тихо священникъ. Они проходили въ это время мимо дома мистера Сомерса, и пока Кенелмъ произ-

носилъ рѣчь противъ благотворительныхъ дѣвицъ, мистеръ Лесбриджъ остановился предъ домою и украдкой заглянулъ въ окно.—Подойдите сюда тихонько.

Кенелмъ повиновался и заглянулъ въ окно. Улыль сидѣлъ на стулѣ; Джесси Уайльзъ помѣстилась у его ногъ держа его руку въ своихъ и глядя ему въ лицо. Виденъ былъ только ея профиль; выраженіе его было несказанно кроткое и нѣжное. Его лицо, наклоненное къ ней, было печально, слезы тихо бѣжали по его щекамъ. Кенелмъ прислушался и слышалъ ея слова:

— Не говори этого, Уылль, тырываешь мое сердце; это я тебя не стою.

— Нѣтъ видно надо, сказалъ Кенелмъ когда они отошли,—идти на этотъ проклятый ужинъ. Я начинаю думать что разговоры о любви въ хижинахъ имѣютъ долю правды. Пусть этотъ Уылль поскорѣ женится, чтобы послѣ каяться.

— Я не вижу почему человѣкъ долженъ каяться женившись на хорошей дѣвушкѣ которую онъ любитъ.

— Вы не видите? Отвѣчайте мнѣ откровенно: Развѣ вы никогда не встрѣчали человѣка который раскаивался что женился?

— Разумѣется встрѣчалъ; очень часто.

— Хорошо, подумайте олятъ и отвѣчайте мнѣ откровенно. Видали вы когда-нибудь человѣка который бы раскаивался что не женился?

Священникъ задумался и не отвѣчалъ.

— Сэръ, сказалъ Кенелмъ,—ваше молчаніе доказываетъ вашу честность, и я уважаю его.

Говоря это онъ повернулся и оставилъ священника который закричалъ громкимъ голосомъ:

— Но.... но....

ГЛАВА XXI.

Мистеръ Сондерсонъ и Кенелмъ сидѣли въ бесѣдкѣ; лервый поливалъ гробъ и куривалъ трубку; послѣдній смотрѣлъ въ лѣтнее ночное небо съ задумчивымъ и озабоченымъ видомъ какъ будто пытаясь сосчитать звѣзды Млечнаго Пути.

— Вотъ, сказалъ мистеръ Сондерсонъ, дѣлая выводъ изъ своихъ доказательствъ,—теперь вы сами видите, не такъ ли?

— Я? ни мало. Вы говорите что вашъ дѣдъ былъ фермеръ, и отецъ былъ фермеръ, и вы сами хозяйничаете на фермѣ тридцать лѣтъ, и изъ этихъ послылокъ выводите нелогичное и неразумное заключеніе что и сынъ вашъ долженъ также быть фермеромъ.

— Молодой человекъ, вы можете считать себя очень ученнымъ потому что были въ университетѣ и утанули оттуда малую толику книжной учености.

— Постоите, сказалъ Кенелмъ. — Вы согласны что въ университетѣ есть ученость?

— Да, согласенъ.

— Но какъ же могла бы въ немъ быть ученость если выходящіе изъ него уносятъ ученость съ собою? Мы всё оставляемъ ее тамъ на поличеніе тьюторовъ. Но я знаю что вы хотѣли сказать: если я прочелъ много книгъ, то не значитъ что я знаю жизнь лучше нежели человекъ вашихъ лѣтъ и съ вашею опытностью. Согласенъ что это общее правило. Но вѣдь всякій докторъ, хотя бы самый ученый и искусный, пожелаетъ узнать мнѣніе о себѣ другаго доктора, хотя бы этотъ другой докторъ только начиналъ свою практику. А такъ какъ доктора, говоря вообще, очень ученые люди, то не достоинъ ли ихъ примѣръ подражанія? Не доказываетъ ли это что человекъ, какой бы умный ни былъ, не можетъ быть хорошимъ судьей въ собственномъ дѣлѣ? Дѣло вашего сына есть ваше дѣло, вы смотрите на него сквозь ваши вкусы, и стараетесь втиснуть четырехугольный клинъ въ круглую дыру, потому что въ круглой дырѣ вы, какъ сами круглый клинъ, чувствуете себя плотно и удобно. Вотъ это по-моему неразумно.

— Я не вижу почему мой сынъ имѣетъ право воображать себя четырехугольнымъ клиномъ, сказалъ фермеръ угрюмо, — когда его отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ были круглые клинья; и природѣ противно чтобы какая-нибудь тварь выходила не въ свою породу. Собака бываетъ лонтеромъ или овчаркой смотря по тому были ли ея предки лонтеры или овчарки. Теперь, воскликнулъ съ торжествомъ фермеръ вытряхая золу изъ своей трубки, — надѣюсь что я поставилъ васъ въ туликъ, молодой человекъ!

— Ни мало; вы берете случай когда породы не были смѣшаны; но предположите что отецъ былъ овчаръ, а мать лон-

теръ; увѣрены ли вы что сынъ ихъ не будетъ больше похожъ на лонтера чѣмъ на овчара?

Мистеръ Сондерсонъ пересталъ набивать свою трубку и почесалъ голову.

— Видите ли, сказалъ Кенелмъ,—вы смѣшали породы. Вы женились на дочери купца, и я могу сказать что и дѣдъ ея, и прадѣдъ были тоже кулцы. Сыновья большею частію бывають похожи на мать, и мистеръ Сондерсонъ младшій вышелъ въ родню своей матери и явился на свѣтъ четырехугольнымъ клиномъ, который можетъ плотно и удобно входить только въ четырехугольное отверстіе. Безполезно больше спорить, фермеръ: сынъ вашъ долженъ отправиться къ своему дядѣ, и конечно.

— Вотъ еще, сказалъ фермеръ,—вы кажется хотите заставить меня поступить противъ моихъ чувствъ.

— Нѣтъ; но я думаю что если вы поступите по-своему, то вашъ сынъ попадетъ въ рабочій домъ.

— Чгò! Прилѣпившись къ землѣ какъ и его отецъ? Пусть только человѣкъ держится земли, земля не отстанетъ отъ него.

— Пусть человѣкъ попадетъ въ тинау, и тинау облѣлитъ его. Вы полагаете свое сердце въ вашу ферму, а сынъ вашъ будетъ только ставить на нее ноги. Смѣлѣе! Не видите ли вы что время какъ волчокъ и всѣ вещи идутъ кругомъ? Каждый день кто-нибудь оставляетъ землю и уходитъ въ торговлю. По времени онъ становится богатъ, и тогда величайшее его желаніе возвратиться къ землѣ. Онъ оставляетъ ее сыномъ фермера, возвращается сквайромъ. Сынъ вашъ, когда ему будетъ пятьдесятъ лѣтъ, промѣняетъ свои сбереженія на акры земли и будетъ имѣть своихъ собственныхъ арендаторовъ. Боже мой, какія онъ будетъ предписывать имъ условія! Я не совѣтую вамъ брать у него ферму въ аренду.

— Боже меня сохрани! сказалъ фермеръ.—Онъ вывалитъ дѣлаю алтеку на мое паровое поле, и будетъ говорить что это „прогрессъ“.

— Пусть его дѣлаетъ опыты на своихъ поляхъ когда у него будутъ свои фермы; поберегите вашу отъ его химическихъ когтей. Я пойду скажу ему чтобъ онъ укладывался и былъ готовъ отправиться къ дядѣ на будущей недѣлѣ.

— Ладно, ладно, сказалъ фермеръ уступая,—человѣкъ съ характеромъ всегда возьметъ свое.

— А самое лучшее что можетъ сдѣлать разумный человѣкъ, это не мѣшать ему. Мистеръ Сондерсонъ, дайте мнѣ вашу честную руку. Вы одинъ изъ тѣхъ людей которые заставляютъ сыновей добрыхъ отцовъ вспоминать о своемъ отцѣ; и я думаю о моемъ говоря: спаси васъ, Господи!

Оставивъ фермера Кенелмъ возвратился въ домъ и нашелъ Сондерсона младшаго въ его комнатѣ. Молодой человѣкъ еще не ложился и читалъ краснорѣчивый трактатъ объ эманципациі человѣческаго рода отъ всякой тираниі, политической, общественной, церковной и семейной.

Молодой человѣкъ взглянулъ изъ-подлобья и сказалъ, замѣтивъ меланхолическое выраженіе лица Кенелма:

— А, я вижу вы толковали со старымъ хозяиномъ, и онъ слышать не хочетъ объ этомъ.

— Во первыхъ, отвѣчалъ Кенелмъ,—такъ какъ вы хвалитесь высшимъ образованіемъ, то позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ изучать англійскій языкъ въ томъ видѣ какъ онъ употреблялся старыми авторами, которыхъ, хоть и въ вѣкъ прогресса, уважаютъ люди высшаго образованія. Ни одинъ человѣкъ прошедшій это ученіе, ни одинъ человѣкъ выучившій на родномъ языкѣ десять заповѣдей, никакъ не подумаетъ что „старый хозяинъ“ есть синонимъ слова „отецъ“. Въ вторыхъ, такъ какъ вы претендуете на высшее разумѣніе, которое есть результатъ высшаго образованія, то научитесь лучше познавать самого себя прежде чѣмъ выступите учителемъ человѣчества. Простите откровенность съ какою я, какъ вашъ истинный доброжелатель, скажу что въ настоящее время вы надутый глупецъ, короче сказать, вы то что между мальчиками зовется: осель. Но и скудоумный можетъ поднять свою человѣчность до извѣстнаго уровня обогащеніемъ сердца. Постарайтесь увеличить богатство вашего сердца. Отецъ вашъ предоставляетъ вамъ самимъ выбрать свою участь и жертвуетъ своими наклонностями. Это тяжелая жертва для родительской гордости, для родительскаго чувства, и немногіе отцы добровольно приносятъ такія жертвы. Я сдержалъ свое обѣщаніе вамъ и подкрѣпилъ ваши желанія въ мысляхъ мистера Сондерсона, такъ какъ я убѣжденъ что вы были бы самымъ дурнымъ фермеромъ. Вамъ остается теперь доказать что вы можете быть очень хорошимъ торговцемъ. Честь обязываетъ васъ предо мной и предъ вашимъ

отцомъ употребить для этого всѣ усилія. А пока предоставьте заботу перестраивать міръ тѣмъ кто не имѣеть въ немъ лавки, которая можетъ погибнуть при всеобщемъ разрушеніи. Желаю вамъ доброй ночи.

Этимъ поучительнымъ словомъ, *sacro digna silentio*, Сондерсонъ младшій внималъ съ разинутымъ ртомъ и заколдованно-оцепенѣлыми глазами. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи ребенка которому нянька вдругъ дала тумака, и онъ такъ пораженъ этою операциею что не можетъ рѣшить больно ему или нѣтъ.

Кенелма вышелъ изъ комнаты, но чрезъ минуту снова появился въ дверяхъ и сказалъ извиняющимся шепотомъ:

— Не принимайте къ сердцу что я назвалъ васъ надутымъ глауцомъ и осломъ. Эти термины могутъ, безъ сомнѣнія, относиться и ко мнѣ самому. Но есть еще болѣе надутый глупецъ и еще болѣе оселъ нежели каждый изъ насъ,—это вѣкъ въ который мы имѣли несчастье родиться, Вѣкъ Прогресса, мистеръ Сондерсонъ младшій, Вѣкъ Шарлатановъ!

КНИГА III.

ГЛАВА I.

Если была въ свѣтѣ женщина созданная для того чтобы примирить Кенелма со сладкими волненіями любви и прелестями семейной жизни, то можно было не безъ основанія полагать что такая женщина могла быть найдена въ лицѣ Сесиліи Траверсъ. Единственная дочь, лишившаяся матери въ дѣтствѣ, она сдѣлалась хозяйкою дома въ тѣ годы когда многія дѣвушки еще укладываютъ въ постель своихъ куколъ; такимъ образомъ она рано приобрѣла то чувство ответственности, соединенной съ навыками къ самостоятельности, которое почти всегда придаетъ нѣкоторое благородство характеру, хотя почти также часто, если дѣло идетъ о женщинахъ, оно лишаетъ ее нѣжной кротости составляющей украшеніе ея пола.

Но этого не случилось съ Сесиліей Траверсъ; она была настолько женственна что даже привычка повелѣвать не сдѣлала ее подобною мушкетѣ. Во глубинѣ ея натуры былъ такой

инстинктъ сладкаго что надъ чѣмъ бы ни трудился и куда бы ни залеталъ ея умъ онъ вездѣ собиралъ медь.

Она имѣла одно преимущество предъ многими дѣвушками одинаковаго съ нею общественнаго положенія: она не была приучена употреблять тѣ задатки культуры какіе Провидѣніе дало ей на бесполезные пустяки что называются женскими талантами. Она не рисовала акварелью, не посвятила годы жизни на то чтобы наводить на вѣжливыхъ слушателей тоску италіянскими бравурами, которые всѣ могутъ слышать въ лучшемъ исполненіи отъ третьестепенныхъ лѣтвудъ столичныхъ театровъ. Я боюсь что у нея не было другихъ женскихъ талантовъ кромѣ тѣхъ коими швеи и вышивальщицы зарабатываютъ себѣ насущный хлѣбъ. Этого рода работы она любила и была въ нихъ искусна.

Но не подвергаясь безплоднымъ мученіямъ учителей, Сесилія Траверсъ была обязана своему отцу примѣрнымъ выборомъ наставницы. Онъ имѣлъ предубѣжденіе противъ гувернантокъ по профессіи; и случилось такъ что въ его собственномъ кругу общества нашлась нѣкоторая мистрисъ Кампльонъ, женщина съ литературнымъ образованіемъ, мужъ коей занималъ высокую общественную должность, и живя въ свое удовольствіе проживалъ очень хорошій доходъ; такъ что когда онъ умеръ, то ко всеобщему удивленію вдова его осталась безъ колѣвки.

По счастью у нея не было дѣтей. Вдовѣ была назначена скромная пенсія, и такъ какъ она имѣла сдѣлать домъ своего мужа однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Лондонѣ, то у нея осталось много друзей которые приглашали ее въ свои помѣстья, въ числѣ другихъ и мистеръ Траверсъ. Она пріѣхала къ нему намѣреваясь прогостить двѣ недѣли. Но подъ конецъ этого времени такъ привязалась къ Сесилии и Сесилия къ ней, и присутствіе ея было такъ пріятно и полезно для хозяевъ, что сквайръ просилъ ее остаться и заняться воспитаніемъ его дочери. Мистрисъ Кампльонъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласилась. Такимъ образомъ Сесилия съ восьми лѣтъ до настоящаго девятнадцатилѣтняго возраста имѣла неоцѣнимое преимущество жить въ постоянномъ обществѣ съ женщиной высоко образованнаго ума, привыкшею слышать превосходныя критическія замѣчанія на превосходныя книги, и соединявшею со значительнымъ литературнымъ образованіемъ утонченность обращенія и осторожность

сужденій, которая пріобрѣтается привычкою обращаться въ умственно-развитомъ, изящномъ, полномъ свѣтской мудрости общественномъ кругу. Вслѣдствіе этого Сесилія, не будучи ни мало синимъ чулкомъ или леданткой, сдѣлалась одною изъ тѣхъ рѣдкихъ дѣвушекъ съ коими хорошо образованный мужчина можетъ говорить какъ съ равными, пріобрѣтая отъ нихъ столько же сколько можетъ сообщить самъ; между тѣмъ какъ человѣкъ не книжный, но достаточно благовоспитанный чтобы цѣнить хорошее образованіе, съ удовольствіемъ могъ вести съ нею разговоръ на родномъ языкѣ не опасаясь услышать что еписколъ „хлыщъ“ или что играть въ крикетъ „ужасно весело“.

Словомъ, Сесилія была одною изъ тѣхъ женщинъ которыхъ небо создаетъ чтобы быть подругою и помощницею мужчины; еслибы ей выпало на долю высокое положеніе и богатство, она придала бы имъ новый блескъ и пользуясь этими благами не забывала бы о тѣхъ обязанностяхъ которыя они налагаютъ; если же избранный ею мужъ былъ бы бѣденъ и обремененъ заботами, она ободряла бы его, поддерживала и утѣшала бы, неся свою долю бремени и умѣряя горечь жизни все-вознаграждающею сладостью своей улыбки.

Но до сихъ поръ она еще вовсе не думала о любви и о возлюбленныхъ. Она даже не составила себѣ одного изъ тѣхъ идеаловъ которые носятъ предъ глазами большей части отроковицъ. Но она внутренно была убѣждена въ двухъ вещахъ: во первыхъ, что она никогда не выйдетъ замужъ не любя, а во вторыхъ, что если кого полюбить, то на всю жизнь.

Я закончу этотъ очеркъ портретомъ самой дѣвушки. Она только-что вошла въ комнату послѣ осмотра приготовленной къ вечернему празднику который отецъ ея давалъ своимъ арендаторамъ и деревенскимъ сосѣдямъ.

Она сняла свою соломенную шляпу, поставила большую корзину наполненную цвѣтами и остановилась предъ зеркаломъ, поправляя сбившіяся пряди волосъ, темнаго, мягкаго каштановаго цвѣта, шелковистыхъ и блестящихъ, которые никогда не знали, никогда во всю ея жизнь не должны были узнать, никакихъ косметиковъ; нѣжный темный оттѣнокъ ихъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ какой по преданію приписывается кудрямъ Іуды.

Лицо ея, обыкновенно нѣжнаго цвѣта, наклоннаго къ блѣдности, теперь разгорѣлось отъ движенія и солнца. Черты

лица ея мелки и женственны, глаза темные съ длинными рѣсницами, ротъ рѣдкой красоты съ ямочками по обѣ стороны, теперь полу-открытый легкою улыбкой при какомъ-то пріятномъ воспоминаніи и обнаружившій рядъ мелкихъ зубовъ блестящихъ какъ жемчугъ. Но особую прелесть ея лицу придавало выраженіе свѣтлаго счастья, того счастья которое кажется никогда не было прерываемо огорченіемъ, никогда не было возмущаемо грѣхомъ, того святаго счастья что принадлежитъ невинности и отражаетъ сердце и совѣсть одинаково спокойныя.

Г Л А В А П.

Былъ прекрасный лѣтній вечеръ для сельскаго праздника сквайра. У мистера Траверса гостило нѣсколько съѣхавшихся посѣтителей; по случаю предстоящаго праздника обѣдали рано, и теперь, не задолго до шести часовъ, и хозяинъ и гости собрались на лужайкѣ. Домъ былъ неправильной архитектуры, перестраивавшійся и дополнявшійся въ разные времена отъ царствованія Елизаветы до царствованія Викторіи. На одномъ концѣ, древнѣйшей части, была высокая крыша и окна съ переплетами; на другомъ флигель съ плоскою крышею новѣйшей постройки, съ новыми подъемными окнами выходившими на лугъ; средняя часть скрывалась отъ глазъ позади веранды покрытой вьющимися растеніями въ полномъ цвѣту. Лужайка представляла обширную плоскую возвышенность обращенную къ западу и ограниченную позади зеленымъ красивымъ холмомъ, увѣнчанымъ развалинами древняго монастыря. Съ одной стороны былъ цвѣточный садъ; въ противоположномъ углу были раскинуты двѣ обширныя лалатки, одна для танцевъ, другая для ужина. Къ югу видъ оставался открытымъ и представлялъ старый англійскій паркъ, не имѣвшій величественнаго характера, не пересѣченный старинными аллеями и не заросшій бесполезными кустами палотника, которые служатъ убѣжищемъ дичи, но паркъ заботливаго земледѣльца, соединяющій пріятное съ полезнымъ; луговины хорошо дренажированныя и орошаемыя способны были откармливать бычковъ въ нѣвѣроятно короткое время, но видъ ихъ былъ нѣсколько испорченъ рѣшетчатыми перегородками. Мистеръ Траверсъ былъ извѣстенъ какъ искусный сельскій

хозяинъ отлично управлявшій своимъ имѣніемъ. Онъ получилъ его еще бывъ ребенкомъ и такимъ образомъ могъ въ послѣдствіи воспользоваться сбереженіями сдѣланными во время его малолѣтства. Восемнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ гвардію, и такъ какъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи больше денегъ нежели многіе изъ его товарищей, хотя тѣ имѣли высшее общественное положеніе и были сыновья болѣе богатыхъ людей, то за нимъ много ухаживали и его много обирали. Въ двадцать пять лѣтъ онъ былъ однимъ изъ законодателей моды, и славился дерзкою храбростію съ какою бросался во всякую опасность дававшую возможность отличиться. На скачкахъ съ прелятствіями, отъ его подвиговъ волосы подымались дыбомъ у самыхъ спокойныхъ людей; какъ наѣздникъ онъ не зналъ себѣ солерника и дѣлалъ скачки какіхъ не позволяли себѣ самые опытные охотники. Онъ извѣстенъ былъ въ Парижѣ также какъ и въ Лондонѣ; имъ восхищались дамы коихъ улыбки стоили ему дуэлей; знаки ихъ еще и теперь были видны. Въ двадцать семь лѣтъ всѣ его сбереженья истощились; имѣніе, приносившее когда онъ достигъ совершеннолѣтія три тысячи въ годъ, было заложено и перезаложено.

Друзья его начали покачивать головами называя его „блѣднымъ малымъ“. Несмотря на всѣ свои заблужденія Леспольдъ Траверсъ былъ совершенно чистъ отъ двухъ пороковъ отъ которыхъ человѣкъ рѣдко можетъ уберечься. Онъ никогда не пилъ и никогда не игралъ въ азартныя игры. Первые его не были разбиты; умъ его не былъ омраченъ. Онъ сохранилъ всю крѣпость души и тѣла. Въ критическій періодъ жизни онъ женился по любви и выборъ его былъ вполнѣ удачный. Жена его не имѣла состоянія и хотя была красива и высокаго рода, но не имѣла склонности къ мотовству и не желала другаго общества кромѣ общества человѣка котораго любила. Такъ что когда ея мужъ сказалъ: „поселимся въ деревнѣ, постараемся жить на нѣсколько сотень, откладывая остальное чтобы сласти старое мѣсто отъ продажи“, она съ радостью согласилась. И дивились всѣ какъ этотъ дикій Леспольдъ Траверсъ остепенился, принялся работать въ поляхъ съ своими рабочими отъ восхода до заката солнца какъ простой фермеръ-арендаторъ, платилъ проценты по закладной и улучшалъ свое состояніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ той школы бережливости, въ теченіе коихъ привычки его формировались и характеръ окрѣлъ, Леспольдъ Траверсъ

вдругъ снова разбогатѣлъ чрезъ жену на которой женился безъ всякаго приданаго кромѣ ея любви и прекрасныхъ качествъ. Единственный братъ ея, лордъ Игльтонъ, шотландскій леръ, женился на молодой особѣ которую всѣ считали драгоценнымъ выигрышемъ въ лотерею замужства. Бракъ этотъ былъ расторгнутъ при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Можно было ожидать что молодой лордъ, красивый и приятный, скоро найдетъ утѣшеніе въ другомъ союзѣ; но онъ не сдѣлалъ этого и умеръ одинокимъ, оставивъ своей сестрѣ все что могъ сласти отъ передачи отдаленному родственнику къ которому перешли помѣстья и титулъ. Это была довольно большая сумма, коей не только достаточно было чтобы выкупить Низдель-Паркъ изъ залога, но еще оказался остатокъ который далъ возможность владѣльцу, знакомому на практикѣ съ деревенскою жизнью, сдѣлать многія улучшения въ имѣніи. Онъ замѣнилъ старыя развалившіяся фермерскія постройки новыми зданіями сооруженными по всѣмъ правиламъ; отобралъ аренды у нерадивыхъ или неумѣвыхъ содержателей, соединивъ мелкіе клочки земли въ большія фермы подходившія къ новымъ постройкамъ; прикупилъ тамъ и сямъ небольшіе клочки земли удобные для прилежащихъ фермъ и округлил свои владѣнія; вырубилъ бесполезные лѣса которые уменьшали цѣнность пахатныхъ земель заграждая къ нимъ доступъ свѣта и воздуха и давая убѣжище легионамъ кроликовъ; затѣмъ, прискивая предприимчивыхъ и достаточныхъ фермеровъ болѣе нежели удвоилъ годовой доходъ съ имѣнія и можетъ-быть болѣе чѣмъ утроилъ его цѣнность. Приобрѣтя состояніе онъ выступилъ изъ той негостеприимной и нелюдимои тьмы къ какой вынуждала его бѣдность, принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ графства, показалъ себя отличнымъ ораторомъ на публичныхъ митингахъ, щедро подпisyвался на охоту, и иногда самъ принималъ участіе въ ней, будучи теперь менѣе дерзкимъ и болѣе благоразумнымъ наѣзникомъ чѣмъ въ былое время. Короче, какъ Семистокъ похвалялся что могъ сдѣлать изъ малаго государства большое, такъ Леопольдъ Траверсъ могъ столь же справедливо хвалиться что съ своею энергіею, благоразуміемъ и твердостью характера онъ сдѣлалъ изъ владѣльца помѣстья которое доставшись ему имѣло третъестепенное значеніе въ графствѣ столь значительное лицо что ни одинъ рыцарь противъ котораго онъ высказывался не могъ разчитывать на избраніе, и еслибъ

онъ рѣшился выступить самъ, то несомнѣнно былъ бы выбранъ безъ всякихъ расходовъ.

Но когда ему предлагали выступить кандидатомъ, онъ говорилъ: „Если человѣкъ посвящаетъ себя заботамъ и улучшенію своей земли, у него уже не можетъ быть ни времени ни охоты къ чему-нибудь другому. Помѣстье есть или доходная статья или королевство, это зависитъ отъ того какъ смотреть на него владѣлецъ. Я смотрю на него какъ на королевство, и не могу быть *roi fainéant*, съ управляющимъ въ качествѣ *maire du palais*. Королю не подобаетъ вступать въ Палату Общинъ.“

Черезъ три года послѣ этого возвышенія въ общественномъ положеніи, мистрисъ Траверсъ заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ плевритисъ, и умерла проболѣвъ менѣе недѣли. Хотя еще молодой и красивый, мужъ ея не допускалъ мысли о другой женѣ, о любви къ другой женщинѣ. Онъ былъ слишкомъ мужественъ чтобы выказывать свое горе. На нѣсколько недѣль, правда, онъ заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ никого видѣть, даже свою дочь. Но однажды утромъ онъ появился снова на поляхъ и съ того дня возвратился къ своимъ прежнимъ привычкамъ и постепенно возобновилъ дружескій обмѣнъ гостепріимства отлучавшій его со времени улучшенія его состоянія. Но всѣ чувствовали что онъ измѣнился; онъ сдѣлался молчаливѣе и серіознѣе: будучи всегда справедливъ въ своихъ поступкахъ, онъ теперь склонялся болѣе въ строгую сторону правосудія, тогда какъ при женѣ выказывалъ болѣе снисходительности. Для человѣка съ сильною волей постоянное общеніе съ кроткою женщиной существенно для тѣхъ случаевъ когда воля всего лучше доказываетъ свое благородство легкостью съ какою можно преклонить ее.

Можно пожалуй сказать что Леопольдъ Траверсъ могъ найти такую женщину въ своей дочери. Но она была еще ребенкомъ когда умерла его жена и сдѣлалась женщиною слишкомъ нечувствительно для него, такъ что онъ не могъ замѣтить перемѣну. Кромѣ того, для человѣка нашедшаго въ своей женѣ все, дочь никогда не можетъ вполнѣ замѣнить ее. Самое уваженіе дѣтей къ родителямъ исключаетъ неограниченную довѣренность; наконецъ, въ отношеніи къ дочери нѣтъ того чувства вѣчнаго товарищества какое мужа связываетъ

съ женою: каждый день можетъ явиться пришлецъ и увести ее отъ него. Какъ бы то ни было, Леопольдъ не находилъ въ Сесилии того смягчающаго вліянія какое оказывала на него ея мать. Онъ любилъ ее, гордился ею, былъ свисходителемъ къ ней, но свисходительность имѣла свои предѣлы. Чего бы она ни попросила для себя самой, онъ соглашался; чего бы она ни пожелала въ дѣлахъ подлежащихъ женскому контролю, касавшихся домашняго хозяйства, приходской школы, посвященія бѣдныхъ, во всемъ она имѣла его согласіе. Но когда какой-нибудь провинившійся рабочій или неисправный арендаторъ искалъ ея заступничества, мистеръ Траверсъ полагалъ конецъ ея вмѣшательствамъ рѣшительнымъ *нѣтъ*, сказаннымъ впрочемъ мягкимъ тономъ и въ сопровожденіи афоризма что „не было бы на свѣтѣ вещей имеуемыхъ строгимъ правосудіемъ, дисциплиной и порядкомъ еслибы мужчины уступали женскимъ просьбамъ касающимся дѣловыхъ отношеній мужчинъ между собою“. Изъ этого можно видѣть что мистеръ Лесбриджъ преувеличивалъ значеніе участія Сесилии въ переговорахъ касавшихся передачи аренды и лавки мистрисъ Ботри.

Г Л А В А Ш.

Еслибы прочтя приведенную біографію и характеристику Леопольда Траверса, вы, дражайшій читатель, были лично представлены этому джентльмену когда онъ стоялъ центральною фигурой группы собравшейся вокругъ него на террасѣ, вы вѣроятно были бы удивлены, а не сомнѣваюсь даже что вы сказали бы внутренно: „вовсе не такой человекъ какъ я ожидалъ“. Въ этой стройной фигурѣ, немного пониже средняго роста; въ этомъ открытомъ лицѣ которое еще въ сорокъ во семь лѣтъ сохранило нѣжность очертаній и цвѣта почти женственной красоты, и сложкойною мягкостью выраженія напоминало почти женскую кротость, трудно было бы узнать человека который въ молодости былъ знаменитъ беззавтною отвагой, въ зрѣлые годы имѣлъ болѣе почетную извѣстность по своей твердости и благородію, и который, какъ въ своихъ ошибкахъ такъ и въ достоинствахъ, равно выказывалъ мужественное увлеченіе на какое только можетъ быть способно двуногое носящее шаровары.

Мистеръ Траверсъ слушаетъ молодаго человѣка, лѣтъ двадцати двухъ, старшаго сына богатѣйшаго дворянина въ графствѣ, который желаетъ выступить представителемъ графства на приближающихся общихъ выборахъ. Досточтимый Георгъ Бельвоёръ высокаго роста, наклоненъ къ полнотѣ и будетъ имѣть представительный видъ на выборахъ. Къ воспиганію молодаго человѣка было приложено то стараніе какое обыкновенно прилагается англійскими перами къ воспитанію сыновей должествующихъ наследовать благородное имя и нести отвѣтственность высокаго положенія. Если старшіе сыновья не такъ часто играютъ значительную роль въ свѣтѣ какъ ихъ младшіе братья, то это не оттого что умъ ихъ бываетъ менѣе развитъ, но потому что они имѣютъ менѣе побужденій къ дѣятельности. Георгъ Бельвоёръ много читалъ, особливо такого рода книгъ какія могли быть полезны будущему сенатору, по исторіи, статистикѣ, политической экономіи, насколько эта сухая наука касается земледѣльческихъ интересовъ. Онъ имѣлъ также хорошія правила, сильно развитое чувство дисциплины и долга, былъ приготовленъ въ политикѣ крѣпко отстаивать какъ истинное все что могло быть предложено его собственною партіей, и отрицать какъ ложное что бы ни было предложено другими. Въ настоящее время онъ нѣсколько громко и шумно отстаивалъ свои мнѣнія, таковы бываютъ обыкновенно молодые люди только-что съ университетской скамьи. Тайнымъ желаніемъ мистера Траверса было чтобы Георгъ Бельвоёръ сдѣлался его зятемъ, не столько по его положенію и богатству (хотя и этими преимуществами не могъ пренебрегать практическій человѣкъ подобный Леопольду Траверсу), сколько по его личнымъ качествамъ которыя способны были сдѣлать его превосходнымъ мужемъ.

На рѣшетчатыхъ скамьяхъ около самой веранды, подъ тѣнью ея ароматныхъ фестоновъ, сидѣла мистрисъ Кампльонъ съ тремя дамами, женами сосѣднихъ сквайровъ. Сесилія стояла немного въ сторонѣ отъ нихъ нагнувшись къ длинному терьеру, котораго она учила стоять на заднихъ лапкахъ.

Но смотрите, вотъ начала собираться приглашенные! Какъ внезапно зеленое пространство, десять минутъ назадъ столь пустынное, оживилось и наполнилось народомъ!

Въ самомъ дѣлѣ, паркъ представлялъ теперь очень оживленное зрѣлище: колымаги, телѣги и одноколки фермеровъ

тянулись вереницей по большой дорогѣ; лѣшеходы стекались къ дому по всѣмъ направленіямъ. Табуны и стада останавливались за своими загородками тараща глаза на необычныхъ посѣтителей вторгавшихся въ ихъ пастбища. Духъ порядка свойственный хозяину внушалъ уваженіе къ порядку и его сельскимъ гостямъ; ни одинъ шаловливый мальчикъ не перепрыгивалъ черезъ загородки и не пролѣзалъ между жердями, но всѣ чинно проходили между вертящимися крестами отдѣлявшими одинъ участокъ луга отъ другаго.

Мистеръ Траверсъ обратился къ Георгу Бельвоуру:

— Я вижу желтую одноколку стараго фермера Стина. Подумайте какъ вы будете говорить съ нимъ, Георгъ. У него множество странностей и причудъ, и если погладить его противъ шерсти, онъ дѣлается мстителемъ какъ полугай. Но онъ долженъ поддерживать васъ на выборахъ. Никто изъ другихъ арендаторовъ не имѣетъ такого вліянія между своими какъ онъ.

— Я полагаю, сказалъ Георгъ, — что если мистеръ Стинъ лучше всѣхъ можетъ поддержать меня на выборахъ, значитъ онъ хорошій ораторъ?

— Хорошій ораторъ? Въ одномъ отношеніи, да. Онъ никогда не скажетъ лишняго слова. Въ послѣдній разъ онъ поддерживалъ выборы вашего предшественника, и вотъ какова была его рѣчь: „Братья избиратели, въ теченіи двадцати лѣтъ я былъ судьей на выставкахъ скота въ нашемъ графствѣ. Я умѣю различать одно животное отъ другаго. Посмотрѣвъ на образцы выставленные предъ вами сегодня я нахожу что всѣ они не такъ хороши въ своемъ родѣ какъ тѣ что я видалъ тамъ. Но если выберете Джона Гогга, вы поймаете не плохую свинью за ухо.“

— По крайней мѣрѣ, сказалъ Георгъ расхохотавшись этому обрацику безыскусственнаго краснорѣчія, — мистеръ Стинъ не грѣшитъ лестію въ своихъ рекомендаціяхъ кандидатовъ. Но что дѣлаетъ его такимъ авторитетомъ между фермерами? Онъ лервостатейный хозяинъ?

— По достатку, да; по уму, нѣтъ. Онъ говоритъ что всѣ олыты солпряженные съ расходами должны быть предоставлены фермерамъ джентльменамъ. Онъ сдѣлался авторитетомъ между арендаторами, вопервыхъ, потому что онъ строго судитъ объ ихъ помѣщикахъ; вовторыхъ, потому что онъ держится совершенно независимо относительно своего; втретьихъ,

потому что его считаютъ свѣдущимъ въ вопросахъ касающихся земельныхъ интересовъ, и его не разъ приглашали подавать мнѣніе о подобныхъ предметахъ въ комитетахъ обѣихъ палатъ парламента. Вотъ онъ идетъ. Помните, когда я оставлю васъ поговорить съ нимъ, во первыхъ, что вы сознаетесь въ совершенномъ невѣдѣніи практическаго хозяйства; во вторыхъ, что вы желаете знать его мнѣніе о собираніи статистическихъ свѣдѣній по земледѣлію, причемъ намекаете что вы съ своей стороны считаете такое любопытное вмѣшательство въ чужія дѣла несогласнымъ съ британскою конституціей. И что бы онъ ни говорилъ о недостаткахъ помѣщиковъ вообще и вашего отца въ частности, не возражайте ничего, только слушайте съ видомъ меланхолическаго убѣжденія... Какъ поживаете, мистеръ Стинъ, здорова ли ваша жена? Почему вы не взяли ее съ собою?

— Жена моя опять родить, сквайръ. Кто этотъ молодой человѣкъ?

— А! Позвольте представить вамъ мастера Бельвоира.

Мистеръ Бельвоиръ протянулъ руку.

— Нѣтъ, сэръ! воскликнулъ Стинъ, пряча обѣ руки назадъ.— Не обижайтесь, молодой джентльменъ, но я не даю съ перваго взгляда руки человѣку который хочетъ вытрести изъ нея подачу голоса въ свою пользу. Не то чтобъ я зналъ что-нибудь дурное про васъ. Но если вы другъ фермеровъ, то кролики нѣтъ, а милордъ вашъ отецъ большой любитель кроликовъ.

— Вы совершенно ошибаетесь! воскликнулъ Георгъ съ горячностью.

Мистеръ Траверсъ сдѣлалъ ему знакъ, какъ бы говоря: „замолчите“. Георгъ понялъ и локорно послѣдовалъ за мистеромъ Стиномъ въ уединеніе плантацій.

Гости собирались большими толпами. Они состояли не только изъ арендаторовъ мистера Траверса, но и изъ окрестныхъ фермеровъ и ихъ семействъ на разстояніи восьми или десяти миль отъ Парка и немногихъ дворянъ и духовныхъ лицъ.

Это не былъ ужинъ для рабочаго люда; ибо мистеръ Траверсъ терпѣть не могъ обычая кормить крестьянъ на показъ, какъ будто они прирученныя животныя низшей породы. Когда онъ угощалъ рабочихъ, онъ заботился чтобъ имъ было удобно по-своему; и крестьяне чувствовали себя свободно когда на нихъ не были устремлены любопытные взгляды.

— Ну, что, Лесбриджъ, сказалъ мистеръ Траверсъ,—гдѣ молодой гладиаторъ котораго вы хотѣли привести?

— Я привелъ его и онъ былъ около меня сію минуту, но потомъ внезапно исчезъ — *abiiit, evasit, egripit*. Я смотрѣлъ кругомъ не увижу ли его, когда вы подошли ко мнѣ.

— Надѣюсь что онъ не встрѣтилъ въ числѣ моихъ гостей кого-нибудь съ кѣмъ бы желалъ подраться.

— Полагаю что нѣтъ, отвѣчалъ священникъ съ сомнѣніемъ.— Онъ странный малый. Но я думаю что онъ вамъ понравится, разумеется если мы его найдемъ. А, мистеръ Сондерсонъ, какъ поживаете? Не видали ли вы вашего гостя?

— Нѣтъ, сэръ, я только-что пришелъ. Моя жена, сквайръ, и три дочери; а это мой сынъ.

— Добро пожаловать, сказалъ любезно сквайръ. Обращаясь къ Сондерсону младшему: — вы вѣрно любите танцевать. Пригласите даму. Мы можемъ сейчасъ открыть балъ.

— Благодарю васъ, сэръ, я никогда не танцую, сказалъ Сондерсонъ младшій, съ видомъ глубокаго пренебреженія къ забавѣ отвергнутой услѣхами разумнѣя.

— Въ такомъ случаѣ вы меньше будете жалѣть когда состарѣетесь. Но я слышу музыку; надо отправляться въ лалатку. Георгъ (мистеръ Бельвоёръ только-что подошелъ, избавившись отъ мистера Стина), не дадите ли руку Сесилии, вы вѣроятно пригласили ее на первую кадрили?

— Надѣюсь, сказалъ Георгъ Сесилии когда они шли къ лалаткѣ,—что не всѣ избиратели въ которыхъ мнѣ придется искать похожи на мистера Стина. Я не берусь рѣшить учили ли его почитать своего отца и мать, но онъ кажется хотѣлъ научить меня не почитать моихъ. Набросивъ тѣнь на нравственныя качества моего отца живымъ извѣтомъ что онъ любитъ кроликовъ больше людей, онъ напалъ на мою мать по поводу религіи и осведомился когда она переходитъ въ римскую церковь, основывая этотъ вопросъ на увѣреніи что она перестала дѣлать закулки въ колоніальной лавкѣ принадлежащей протестанту и стала покупать у лалата.

— Это хорошій знакъ, мистеръ Бельвоёръ. Расположенію со стороны мистера Стина всегда предшествуетъ множество грубостей. Разъ я попросила его одолжить мнѣ пони, такъ какъ мой неожиданно захромалъ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы наговорить мнѣ что мой отецъ хвастуень, потому

что выдаетъ себя за знатока животныхъ; что онъ тиранъ притѣвляющій своихъ арендаторовъ благодаря своей разорительной привычкѣ принимать гостей, и увѣрялъ что будетъ величайшею милостію Провидѣнія если мы не доживемъ до того что будемъ обращаться къ нему не только за лону, но за приходскимъ подаваніемъ. Однакожь онъ прислалъ мнѣ лону. Я увѣрена что онъ подастъ за васъ голосъ.

— А пока, сказалъ Георгъ при началѣ кадрили, стараясь быть любезнымъ,—меня будетъ подкрѣплять мысль что мнѣ желаетъ успѣха миссъ Траверсъ. Еслибы женщины участвовали въ выборахъ, какъ совѣтуетъ мистеръ Милль, тогда...

— Тогда бы я подавала голосъ за того же за кого отецъ, сказала миссъ Траверсъ просто. — Еслибы женщины имѣли право голоса, то я полагаю что не было бы мира въ семействахъ гдѣ онѣ вотировали бы не такъ какъ мужчина стоящій во главѣ семьи.

— Но я думаю, сказалъ парламентскій кандидатъ серьезно,—что защитники женскаго голосованія желаютъ предоставить право голоса только женщинамъ независимымъ отъ контроля мужчинъ—вдовамъ и старымъ дѣвамъ, которые подавали бы голосъ за свои независимыя владѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Сесилія,—я думаю что онѣ подчинялись бы мнѣнію кого-нибудь изъ мужчинъ кому онѣ довѣряютъ, или же дѣлали бы очень неразумный выборъ.

— Вы унижаете здравый смыслъ вашего пола.

— Не думаю. Развѣ вы унижаете здравый смыслъ вашего когда относительно большей половины дѣлъ касающихся вседневной жизни, самые разумные мужчины говорятъ: „лучше предоставить это женщинамъ“? Но вы забыли фигуру -- *cavalier seul*.

— Кстати, сказалъ Георгъ въ слѣдующій перерывъ танца,—знаете вы мистера Чиллингга, сына сэръ-Питера изъ Эксмондгама въ Вестширѣ?

— Нѣтъ; почему вы спрашиваете?

— Да мнѣ показалось что предо мной промелькнуло его лицо когда мистеръ Стинъ увелъ меня въ поле. Судя по вашимъ словамъ мнѣ приходится думать что я ошибся.

— Чиллингга! Я припоминаю что вчера за обѣдомъ говорили о молодомъ джентльменѣ съ этой фамиліей который, какъ полагаютъ, выступитъ за Вестширъ на слѣдующихъ

выборахъ, но онъ произнесъ эксцентрическую рѣчь по случаю своего совершеннолѣтія которая очень не понравилась.

— Тотъ самый; я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ коллегіи; очень странный характеръ. Его считали способнымъ, онъ получилъ одну или двѣ награды и хорошую степенъ, и всѣ были увѣрены что онъ могъ бы получить гораздо высшую еслибы въ нѣкоторыхъ изъ его письменныхъ отвѣтовъ не заключалось скрытыхъ насмѣшекъ надъ предметомъ или надъ экзаменаторами. Быть юмористомъ въ дѣйствительной жизни, особливо въ публичной жизни, опасная вещь. Говорятъ что мистеръ Питтъ имѣлъ отъ природы много странностей и юмора, но онъ благоразумно сдерживалъ въ себѣ эти качества въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ. Это похоже на Чиллинггаи, обратиться въ шутку такое важное событіе какъ празднество совершеннолѣтія, случай который никогда не повторится въ жизни.

— Это было дурно, сказала Сесилія, — если было сдѣлано съ намѣреніемъ. Но можетъ-статься его не такъ поняли или онъ растерялся.

— Не такъ поняли—можетъ-быть; но чтобъ онъ растерялся это невозможно. Онъ самый хладнокровный человекъ какого я знаю. Я не могу сказать чтобы мы видѣлись часто. Говорили что онъ читалъ много. Но я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что моя комната была какъ разъ надъ его, и я знаю что онъ рѣдко бывалъ дома. Онъ много бродилъ лѣшкомъ по окрестностямъ. Возвращаясь верхомъ съ охоты я встрѣчалъ его миль за двѣнадцать отъ города. Онъ любилъ воду и былъ отличнымъ гребцомъ, но не принималъ участія въ нашихъ университетскихъ гонкахъ; если же случалось состязаніе между студентами еще не имѣющими степеней и дочниками, онъ непременно участвовалъ въ немъ. Да, онъ величайшій чудакъ, полный противорѣчій, такъ какъ въ обыкновенномъ разговорѣ трудно встрѣтить болѣе тихаго и кроткаго человека; что же касается насмѣшекъ въ его письменныхъ отвѣтахъ на экзаменѣ, то взглянувъ на его лицо всякій безпристрастный судъ присяжныхъ призналъ бы его невиновнымъ.

— Портретъ который вы нарисовали очень интересенъ, сказала Сесилія.—Я желала бы чтобъ онъ былъ знакомъ съ нами; его бы стоило видѣть.

— И разъ увидавъ его не легко забыть — смуглое, краси-

все лицо, съ большими, задумчивыми глазами; худощавая стройная фигура которая помогаетъ человѣку скрывать свою силу, какъ ловкій билліардный игрокъ маскируетъ свою игру.

Пока они разговаривали танецъ кончился, и они продолжали бесѣду прогуливаясь медленно взадъ и впередъ среди общей толпы.

— Какъ хорошо вашъ отецъ исполняетъ роль хозяина среди своихъ сельскихъ гостей! сказалъ Георгъ съ тайною завистью.—Посмотрите какъ онъ ободряетъ этого застѣнчиваго молодаго фермера, какъ любезно устраиваетъ эту старую даму на скамьѣ и подвигаетъ ей подъ ноги табуретку. Съ какимъ бы успѣхомъ онъ находилъ избирателей! И какъ онъ еще молодъ на видъ, и какъ удивительно красивъ!

Этотъ послѣдній комментъ сказанъ былъ когда Траверсъ, успокоивъ старую даму, подошелъ къ тремъ миссъ Сондерсонъ, распредѣляя свои любезныя улыбки равномерно между ними, и ловидимому не примѣчая восхищенныхъ взоровъ устремленныхъ на него многими другими деревенскими красавицами мимо которыхъ онъ проходилъ. Въ немъ было какое-то невыразимое изящество, врожденная привлекательность, чуждая той жеманной искусственной искренности или снисходительной вѣжливости какою слишкомъ часто отличаются благонамѣренныя старанія провинціальныхъ магнатовъ поддѣлываться къ людямъ низшаго положенія и образованія. Большое преимущество для человѣка провести равную молодость среди самой равной и самой утонченной изъ всѣхъ демократій,—лучшаго общества большихъ городовъ. Къ этому преимуществу у Леопольда Траверса присоединялась и врожденная привлекательность.

Позже вечеромъ Траверсъ, встрѣтивъ олять мистера Лесбриджа, сказалъ:

— Я много говорилъ съ Сондерсонами о молодомъ человѣкѣ который оказалъ намъ неоцѣненную услугу наказавъ вашего свирѣлаго прихожанина Тома Боульза; и все что я слышалъ до такой степени поддерживаетъ интересъ возбужденный во мнѣ вашимъ разказомъ что я въ самомъ дѣлѣ очень желаю познакомиться съ нимъ.

— Я боюсь что онъ ушелъ. Но въ такомъ случаѣ я радѣюсь что великодушное желаніе его помочь моему бѣдному корзинщику будетъ довершено вашимъ снисходительнымъ согласіемъ.

— Не настаивайте; мнѣ трудно отказывать вамъ. Но я имѣю свой взглядъ на управленіе имѣніемъ, и моя система не допускаетъ снисхожденій. Я бы желалъ объяснить это лично молодому пришельцу. Я такъ уважаю мужество что не желалъ бы чтобы храбрый человѣкъ оставляя это мѣсто унесъ съ собою впечатлѣніе что Леопольдъ Траверсъ безсердечный скряга. Однако не могъ же онъ уйти. Я пойду самъ искать его. Скажите пожалуйста Сесилии что она довольно уже танцевала съ джентри, и что я сказалъ сыну фермера Торби, красивому молодому человѣку и лучшему наѣзднику въ графствѣ, чтобъ онъ показалъ моей дочери что онъ танцуетъ такъ же хорошо какъ ѣздитъ верхомъ.

Г Л А В А IV.

Оставивъ мистера Лесбриджа, Траверсъ направился скорыми шагами къ самой отдаленной части луга. Проходя по полямъ онъ не нашелъ предмета своихъ поисковъ, и обойдя кругомъ возвращался черезъ заброшенную каменистую лощину позади палатки, заросшую сорными травами. Здѣсь онъ внезапно остановился увидавъ сидящаго на сѣромъ камнѣ человѣка которому луна свѣтила прямо въ лицо и который устремилъ вверхъ задумчивый, грустный взглядъ, и былъ очевидно поглощенъ отвлеченными размышленіями.

Припоминая описанія пришельца слышанныя отъ мистера Лесбриджа и Сондерсоновъ, мистеръ Траверсъ былъ увѣренъ что наконецъ нашелъ его. Онъ тихо приблизился. За высокимъ бурьяномъ Кенелмъ (ибо это былъ онъ) не замѣтилъ его приближенія пока не почувствовалъ руку на своемъ плечѣ и обернувшись увидѣлъ пріятную улыбку и услышалъ пріятный голосъ.

— Полагаю что я не ошибся, сказалъ Леопольдъ Траверсъ, — считая васъ за джентльмена съ которымъ мистеръ Лесбриджъ общался познать меня и который живетъ у моего арендатора мистера Сондерсона?

Кенелмъ всталъ и поклонился. Траверсъ замѣтилъ тотчасъ же по поклоу что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ принадлежащимъ къ одному съ нимъ общественному слою, а не съ мелкимъ фермеромъ въ праздничномъ платьѣ.

— Потолкуемъ лучше сидя, оказалъ онъ; и сѣвъ на камень посадилъ Кенелма возлѣ себя.

— Прежде всего, началъ Траверсъ,—я долженъ поблагодарить васъ за то что вы оказали публичную услугу словивъ грубую силу бывшую долго мученіемъ для сосѣдей. Мнѣ доводилось часто жалѣть въ молодые годы о недостаткѣ силы и роста въ тѣхъ случаяхъ когда было бы очень кстати прекратить распрю или наказать нахальство прибѣгнувъ къ первобытному оружію людей; но никогда я такъ не сожалѣлъ о моей физической слабости какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ когда бы отдалъ все чтобы только быть въ состояніи собственноручно поколотить Тома Боульза. Для моихъ владѣній было такимъ же несчастіемъ что это животное такъ долго свирѣпствовало въ нихъ какъ для короля Италіи который со всею своею арміею не можетъ справиться съ разбойникомъ въ Калабріи.

— Простите меня, мистеръ Траверсъ, но я принадлежу къ числу тѣхъ немногихъ людей которые не любятъ слышать дурнаго о своихъ друзьяхъ. Мистеръ Томасъ Боульзъ мой лучший другъ.

— Э! воскликнулъ удивленный Траверсъ.—Другъ! Вы шутите?

— Вы бы не обвиняли меня въ томъ что я шучу если бы лучше знали меня. Вы вѣроятно согласились бы что рѣдкаго друга можно такъ искренно любить и уважать какъ врага съ которымъ вы только-что примирились.

— Вы правы, и я принимаю ваше замѣчаніе, сказалъ Траверсъ все болѣе удивляясь.—Я разумѣется имѣю меньше права осуждать мистера Боульза чѣмъ вы, такъ какъ я не имѣлъ мужества сразить его. Но перейдемъ къ предмету болѣе мирному. Мистеръ Лесбриджъ говорилъ мнѣ о вашемъ добромъ намѣреніи помочь двумъ изъ его молодыхъ прихожанъ, Уиллу Сомерсу и Джесси Уайльзъ, и о вашемъ великодушномъ обѣщаніи залагать мистрисъ Ботри деньги которыя она желаетъ получить за передачу своей аренды. Для этой сдѣлки необходимо мое согласіе, но этого согласія я дать не могу. Хотите ли знать почему?

— Прошу васъ скажите. Можетъ-быть ваши объясненія допускаютъ возраженія.

— Всякое объясненіе допускаетъ возраженіе, сказалъ мистеръ Траверсъ, забавляясь спокойною увѣренностью мо-

лодаго пришельца собирающагося спорить съ опытнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ касающемся управленія его же имѣнія.— Я впрочемъ хочу дать вамъ объясненія не для того чтобы спорить, но чтобы оправдать мою кажущуюся нелюбезность относительно васъ. Мнѣ пришлось употребить много труда и преодолѣть много препятствій чтобы довести доходъ имѣнія до его дѣйствительной стоимости. При этомъ я вынужденъ былъ примѣнить однообразную систему какъ къ большимъ, такъ и къ самымъ мелкимъ изъ моихъ участковъ. Эта система состоитъ въ выборѣ самыхъ лучшихъ и надежныхъ арендаторовъ какихъ только я могу найти, и въ назначеніи цѣны вычисленной оцѣнщикомъ которому я доверяю. Съ этою системою приложенною ко всемъ моимъ помѣстьямъ и навлекавшею на меня въ началѣ много нареканій, удалось мнѣ наконецъ примирить общественное мнѣніе моихъ сосѣдей. Сначала говорили что я жестокъ; теперь сознались что я справедливъ. Если же я хоть разъ дамъ ходъ фавору или чувству, вся моя система разстроится. Мнѣ ежедневно приходится выслушивать просьбы въ этомъ родѣ. Лордъ Двѣ Звѣздочки, тонкій политикъ, проситъ меня отдать свободную ферму арендатору который отлично дѣйствуетъ при выборахъ и всегда вотируетъ совершенно согласно съ партией. Мистрисъ Четыре Звѣздочки, женщина благотворительная, улаживаетъ меня не смѣщать другаго фермера потому что онъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и обремененъ многочисленнымъ семействомъ—основаніе можетъ-быть самое лучшее для того чтобы я простилъ ему недоимку или назначилъ пенсію за его удаленіе, но самое худшее основаніе для того чтобы я позволилъ ему продолжать раззорять и себя и мою землю. Мистрисъ Ботри арендуетъ маленькій участокъ за несообразно низкую цѣну 8 фунтовъ въ годъ. Она проситъ сорокъ пять фунтовъ за передачу его, но она не можетъ передать аренду безъ моего согласія; а я могу получить 12 фунтовъ въ годъ за этотъ участокъ и найти на эту цѣну много охотниковъ изъ числа опытныхъ арендаторовъ. Я лучше самъ заплачу ей сорокъ пять фунтовъ, которые новый фермеръ безъ сомнѣнія возвратитъ мнѣ, по крайней мѣрѣ отчасти; если же нѣтъ, то увеличеніе ренты составитъ хорошій процентъ на мою затрату. Вы случайно заинтересовались, проходя по деревнѣ, любовью неимущаго калѣки, котораго ремесло достаточно лишь для того чтобы

спасать его отъ приходской милостыни, и легкомысленной дѣвушки не имѣющей ни гроша денегъ, и просите меня принять этихъ ненадежныхъ арендаторовъ вмѣсто состоятельныхъ, съ платою на одну треть менѣе дѣйствительной стоимости аренды. Предположите что я соглашусь уступить вашей просьбѣ, что тогда станетъ съ моею репутаціей практическаго, дѣловаго, справедливаго человѣка? Я нарушу систему по которой управляются всѣ мои помѣстья и подамъ поводъ ко всевозможнымъ просьбамъ со стороны друзей и сосѣдей, которымъ не въ состояніи буду больше отказывать, показавъ какъ легко было уговорить меня пришлому человѣку котораго я никогда больше не увижу. Наконецъ, увѣрены ли вы что еслибы вамъ удалось уговорить меня, вы точно сдѣлаете добро тѣмъ кому желаете помочь? Безъ сомнѣнія, очень пріятно думать что вы осчастливили молодую чету. Но если эта молодая чета разорится содеража лавочку въ которую вы хотите помѣстить ихъ (и это очень вѣроятно: крестьяне рѣдко бываютъ хорошими торговцами), и очутится съ кучей дѣтей въ зависимости не отъ рукъ сильнаго рабочаго, но отъ десяти пальцевъ больнаго калѣки дѣлающаго хороша корзину, но на которыя имѣется очень незначительный и лишь случайный спросъ въ сосѣдствѣ, не причините ли вы скорѣе несчастія людямъ которыхъ хотите осчастливить?

— Я отказываюсь отъ всякаго возраженія, сказалъ Кенелъ съ уничиженнымъ и унылымъ видомъ который могъ бы смягчить гренландскаго медвѣдя или уголовного обвинителя.—Я болѣе и болѣе убѣждаюсь что изъ всѣхъ притворствъ въ мірѣ благожелательность есть величайшее притворство. Такъ легко кажется дѣлать добро, но такъ трудно дѣйствительно дѣлать его. Повсюду въ этой ненавистной цивилизованной жизни приходится стукаться головою о системе. Система, мистеръ Траверсъ, есть рабское человѣческое подраженіе тому что мы въ своемъ невѣжествѣ называемъ *законами природы*, нѣчто механическое управляющее міромъ съ жестокостью общихъ принциповъ, при полнѣйшемъ невниманіи къ лицамъ. По законамъ природы твари истребляютъ другъ друга, и большая рыба поѣдаетъ мелкихъ систематически. Тѣмъ не менѣе это тяжело для мелкихъ рыбъ. Всякая нація, всякій городъ, всякая деревня, всякій родъ занятій имѣетъ систему по которой такъ или иначе прудъ

наполняется рыбами, и изъ нихъ множество мелкихъ служатъ для увеличенія размѣровъ одной большой рыбы. И напрасна благотворительность которая старается спасти одинокаго пискаря изъ челюстей щуки. Теперь я сдѣлалъ то что считалъ простѣйшею вещью въ свѣтѣ попросивъ джентльмена, очевидно столь же хорошаго происхожденія какъ и я, дозволить старой женщинѣ передать свою аренду достойной молодой четѣ, и платя за это собственныя деньги. Оказывается что я возмущаюсь противъ системы, ниспровергаю всѣ законы на основаніи которыхъ увеличенъ доходъ и устроено имѣніе. Мистеръ Траверсъ, вамъ нечего жалѣть о томъ что вы не любите Тома Боульза; вы любите его любѣдителя. Я оставляю теперь всѣ мечты о дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ законы природы коими управляется эта деревня, и напрасно я посылалъ ее. Я желалъ взять Тома Боульза изъ этой мирной общины. Теперь я оставляю его, пусть онъ возвратится къ своимъ прежнимъ привычкамъ, женится на Джесси Уайльзъ, что вѣроятно и случится, и...

— Погодите! воскликнулъ мистеръ Треверсъ.—Вы кажется сказали что можете уговорить Тома Боульза оставить деревню.

— Я уговорилъ уже его сдѣлать это чтобы Джесси Уайльзъ могла выйти замужъ за корзинщика. Но такъ какъ объ этомъ не можетъ быть рѣчи, то я долженъ сказать ему это, и онъ останется.

— Но если онъ уйдетъ, что станется съ его дѣлами? Его мать не можетъ продолжать ихъ. У него независимый участокъ; единственный домъ въ деревнѣ который не принадлежитъ мнѣ; иначе я давно прогналъ бы его. Не продасть ли онъ свою землю мнѣ?

— Нѣтъ, если онъ останется и женится на Джесси Уайльзъ. Но если онъ уйдетъ со мной въ Лоскомбъ и водворится въ этомъ городѣ сдѣлавшись партнеромъ своего дяди, въ такомъ случаѣ, я полагаю, онъ будетъ радъ продать свой домъ о которомъ онъ не можетъ имѣть пріятныхъ воспоминаній. Но объ этомъ нечего говорить. Вѣдь вы не можете нарушить вашу систему ради несчастнаго кузнеца.

— Это не будетъ нарушеніемъ моей системы если вмѣсто того чтобъ уступить чувству я буду имѣть выгоду; и правду говоря я былъ бы очень радъ купить эту кузницу и принадлежащія къ ней поля.

— Теперь это ваше дѣло, а не мое, мистеръ Траверсъ. Я больше не рѣшаюсь вмѣшиваться. Я завтра же уйду отсюда. Попробуйте, не уговорите ли вы мистера Боульза. Честь имѣю кланяться.

— Нѣтъ, молодой человекъ, я не могу отлучить васъ такъ. Повидимому вы отказались присоединиться къ танцующимъ, не откажитесь по крайней мѣрѣ поужинать. Пойдемте.

— Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. Я приходилъ только по дѣлу, но оно уже рѣшено вашею системою.

— Я еще не увѣренъ что оно рѣшено.

И мистеръ Траверсъ взявъ Кенелма подъ руку и смотря ему пристально въ лицо сказалъ:

— Я знаю что говорю съ джентльменомъ по меньшей мѣрѣ равнымъ мнѣ по общественному положенію, но такъ какъ я пользуюсь печальнымъ преимуществомъ быть старше весь, то не сочтите за излишнюю свободу если я попрошу васъ сказать ваше имя. Я бы желалъ представить васъ моей дочери, которая очень интересуется Джесси Уайльзъ и Умдомъ Сомерсомъ. Но я не рѣшаюсь воспламенить ея воображеніе представивъ васъ какъ переодѣтаго принца.

— Мистеръ Траверсъ, вы очень добры. Но я только-что потерпѣлъ неудачу въ жизни и боюсь оскорбить моего отца соединяя мое имя съ этою неудачей. Предположите еслибъ я былъ анонимнымъ сотрудникомъ напримѣръ газеты *Londoner* и дискредитировалъ бы этотъ почтенный органъ слабою попыткой къ добросовѣстной критикѣ или великодушному чувству, былъ ли бы это удобный случай чтобы снять маску и выставить себя на посмѣище свѣта въ качествѣ неразумнаго нарушителя утвержденной системы? Не желалъ ли бы я напротивъ въ такую неудачную минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь прикрыть мою незначительную единицу таинственною важною какою приобретаетъ скромное единственное число обращаясь во множественное, и говоря не какъ я, а какъ мы? Мы нечувствительны къ прелестямъ молодыхъ особъ; мы не соблазняемся ушами; мы подобно вѣдьмамъ въ *Макбетъ* не имѣемъ имени на землѣ; мы представляемъ собою величайшую мудрость большинства; мы таковы вслѣдствіе системы; мы кланяемся вамъ, мистеръ Траверсъ, и удаляемся неуловимые.

При этомъ Кенелмъ всталъ, снялъ и снова надѣлъ шляпу, сдѣлавъ величественный поклонъ, повернулся чтобы уйти и

внезапно очутился лицомъ къ лицу съ Георгомъ Бельвоиромъ, за которымъ слѣдовала съ толпою гостей красивая фигура Сесиліи. Георгъ Бельвоиръ схватилъ Кенелма за руку и воскликнулъ:

— Чиллингви! я былъ увѣренъ что не ошибся.

— Чиллингви! повторилъ Леопольдъ Траверсъ сзади.—Вы сынъ моего стараго друга сэръ-Питера?

Такимъ образомъ открытый и окруженный Кенелмъ не утратилъ своей обычной находчивости; онъ обернулся къ Леопольду Траверсу, который стоялъ какъ разъ позади его, и прошепталъ:

— Если мой отецъ былъ вашимъ другомъ, то не огорчайте его сына; не говорите что я потерпѣлъ неудачу. Отступите отъ вашей системы и позвольте Уиллу Сомерсу занять мѣсто мистрисъ Ботри.—Погомъ обратясь къ Бельвоиру онъ сказалъ спокойно:—Да, мы съ вами встрѣчались.

— Сесилія, сказала Траверсъ выстулая впередъ,—я радъ что могу представить тебѣ какъ мастера Чиллингви не только сына моего стараго друга, не только странствующаго рыцаря о храбромъ поведеніи котораго въ защиту твоей *protégée* Джесси Уайльзъ мы такъ много слышали, но и краскорѣчиваго человека побѣдившаго меня въ вопросѣ въ которомъ я считалъ себя непогрѣшимымъ. Скажи мистеру Лисбриджу что я принимаю Уилла Сомерса арендаторомъ на мѣсто мистрисъ Ботри.

Кенелмъ съ чувствомъ пожалъ руку сквайра.

— Еслибъ я могъ сдѣлать для васъ что-нибудь пріятное вопреки системѣ противорѣчій! сказалъ онъ.

— Мистеръ Чиллингви, дайте руку моей дочери. Теперь вы не откажетесь присоединиться къ танцующимъ?

ГЛАВА V.

Сесилія украдкой взглянула на Кенелма когда они вышли изъ кустарниковъ на открытую лужайку. Наружность его понравилась ей; подъ холодною и печальною важностью его лица скрывалось, казалось ей, много внутренней теллоты. Приписывая его молчаніе неловкому положенію въ какое онъ былъ поставленъ вслѣдствіе внезапнаго раскрытія его инкогнито, она съ женскимъ тактомъ старалась разсѣять его предполагаемое смущеніе.

— Вы избрали пріятный способъ знакомиться со страной въ это прекрасное лѣтнее время, мистеръ Чиллинггаи. Я думаю что университетскіе студенты очень часто предпринимаютъ такіа лѣтшеходныя экскурсіи во время большихъ вакацій.

— Очень часто, хотя они большею частію бродятъ стадами подобно дикимъ собакамъ или австралійскимъ динго. Только домашнюю собаку можно встрѣтить на дорогѣ одну; и тогда, хотя бы она держалась очень тихо, девять разъ изъ десяти случается что ее убьютъ камнемъ какъ бѣшеную собаку.

— Судя по тому что я слышала я боюсь что ваше путешествіе не обошлось безъ непріятныхъ приключеній.

— Вы совершенно правы, миссъ Траверсъ, я печальная собака если не бѣшенная. Но извините меня, мы приближаемся къ палаткѣ; оркестръ начинаетъ играть, а я, увы! не танцующая собака.

Онъ оставилъ руку Сесилии и поклонился.

— Въ такомъ случаѣ сядемте здѣсь, сказала она подходя къ садовой скамейкѣ.—Я не приглашена на этотъ танецъ, и такъ какъ я устала, то рада буду отдохнуть.

Кенелмъ вздохнулъ съ видомъ мученика ведомаго на казнь садясь около красивѣйшей дѣвушки въ графствѣ.

— Вы были въ коллегіи вмѣстѣ съ мистеромъ Бельвоиромъ?

— Былъ.

— Его считали способнымъ тамъ?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Знаете ли, онъ ищетъ быть представителемъ нашего графства на ближайшихъ выборахъ. Отецъ очень интересуется его успѣхомъ и полагаетъ что онъ будетъ полезнымъ членомъ парламента.

— Я увѣренъ въ этомъ. Въ первыя пять лѣтъ, его будутъ считать безпкойнымъ, шумливымъ и высокоумнымъ; людя его лѣтъ будутъ потѣшаться надъ нимъ, и его будутъ заглушать кашлемъ при важныхъ случаяхъ; въ слѣдующія пять лѣтъ онъ будетъ считаться полезнымъ человѣкомъ въ комитетахъ и необходимымъ лицомъ въ преніяхъ; въ концѣ этихъ лѣтъ онъ сдѣлается подъ-секретаремъ; еще черезъ пять лѣтъ онъ будетъ членомъ кабинета и представителемъ важной секціи мнѣній. Онъ будетъ имѣть безукоризненную репутацію, и жена его будетъ показываться въ фамильныхъ

бриллиантахъ на всѣхъ большихъ собраніяхъ. Она будетъ интересоваться политикою и богословіемъ; и если она умретъ прежде его, мужъ ея обнаружитъ свою склонность къ семейному счастью избравъ другую жену, воспитанную также чтобы носить фамильные бриллианты и поддерживать фамильное достоинство.

Сесилія разсмѣялась, но торжественность голоса и манеры съ которою Кенелъ произнесъ эту пророческую рѣчь внушила Сесилии нѣкоторое трепетное чувство, и все это предсказаніе страннымъ образомъ совпадало съ тѣмъ впечатлѣніемъ какое производилъ на нее человѣкъ чья судьба была такимъ образомъ очерчена.

— Вы предсказываете будущее, мистеръ Чиллингви? спросила она заливаясь, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Такъ же хорошо какъ тѣ кому вы можете заплатить за это шиллингъ.

— Не предскажете ли вы мнѣ?

— Нѣтъ; я никогда не предсказываю женщинамъ, потому что онѣ суевѣрны: женщина можетъ повѣрить тому что я скажу ей. А если мы вѣримъ что судьба наша будетъ именно такова, то мы слишкомъ склонны такъ устраивать свою жизнь что она будетъ подтверждать нашу увѣренность. Если бы леди Макбетъ не повѣрила вѣдьмамъ, она не стала бы уговаривать своего мужа убить Дункана.

— Но не можете ли вы предсказать мнѣ болѣе отрадную будущность чѣмъ какою повидимому угрожаетъ ваша трагическая картина?

— Будущность никогда не можетъ быть отрядна для тѣхъ кто смотритъ на темную сторону вопроса. Мистеръ Грей слишкомъ хорошій поэтъ, а потому его не читаютъ въ новѣйшее время, а то я напомнилъ бы вамъ нѣкоторыя строки изъ его *Оды къ Итонской коллегіи*. Мы можемъ пока довольствоваться настоящимъ. Мы молоды, мы слушаемъ музыку, на звѣздномъ лѣтнемъ небѣ нѣтъ ни облачка, совѣсть наша чиста, сердце спокойно; къ чему заглядывать впередъ отыскивая счастье? Будемъ ли мы когда-нибудь счастливѣе чѣмъ въ настоящую минуту?

Въ это время къ нимъ подошелъ мистеръ Траверсъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ мы пойдемъ ужинать, сказалъ онъ;— и прежде чѣмъ мы расстанемся, мистеръ Чиллингви, я бы желалъ напомнить вамъ что одно доброе дѣло вызываетъ

другое. Я уступилъ вашему желанію, теперь вы должны уступить моему. Погостите у меня нѣсколько дней и посмотрите на исполненіе вашихъ благихъ намѣреній.

Кенелмъ помолчалъ. Теперь, когда онъ открытъ, почему ему не провести нѣсколько дней между равными? Реальности и поддѣлки могутъ быть изучаемы между сквайрами также какъ и между фермерами; кромѣ того Траверсъ ему понравился; онъ не былъ похожъ на деревенскихъ сквайровъ вообще. Кенелмъ помолчалъ, потомъ сказалъ искренно:

— Я принимаю ваше приглашеніе. Будетъ для васъ удобна половина будущей недѣли?

— Чѣмъ раньше тѣмъ лучше. Почему не завтра?

— На завтра у меня уже назначено путешествіе съ мистеромъ Боудзоумъ. На это потребуются два или три дня, а тѣмъ временемъ я долженъ написать домой чтобы мнѣ прислали другое платье.

— Выбирайте любой день.

— Хорошо.

— Слышите, звонокъ къ ужину.

— Ужинъ, сказалъ Кенелмъ подавая руку миссъ Траверсъ, — ужинъ слово поистинѣ интересное и поэтическое. Оно напоминаетъ пиршества древнихъ, время Августа, Горация и Мецената; напоминаетъ единственный изящный, но слишкомъ мимолетный періодъ новаго міра, аристократію и остроумцевъ Парижа, когда Парижъ имѣлъ остроумцевъ и аристократовъ; Мольера и мягкосердечнаго герцога который, какъ говорятъ, послужилъ оригиналомъ Мольеровскому Мизантропу; мадамъ де-Севинье и Расина, которому эта неподражаемая писательница писемъ отказывала въ поэтическомъ дарованіи; Свифта и Болингброка, Джонсона, Гольдсмита и Гаррика. Элохи знаменовались тралезами. Я уважаю тѣхъ кто воскрешаетъ золотой вѣкъ ужиновъ.

Когда онъ говорилъ это, лицо его сіяло.

ГЛАВА VI.

Кенелмъ Чиллингги сквайръ, сэръ-Питеру Чиллингги, баронету и пр. и пр.

„Дражайшій батюшка, я живъ и не женатъ. Провидѣніе хранило меня въ этомъ отношеніи, хотя оласности были велики. До сихъ поръ я не пріобрѣлъ еще много житейской мудро-

сти въ моихъ странствіяхъ. Правда что я получилъ два шиллинга за поденную работу; и на самомъ дѣлѣ честно заработалъ еще по крайней мѣрѣ шесть; но отъ этой добавочной платы я великодушно отказался, воспользовавшись взаменъ ея столомъ и квартирой. Другою рукой я истратилъ сорокъ пять фунтовъ изъ числа пятидесяти которые опредѣлилъ на покулку олытности. Но я надѣюсь что вы воспользуетесь съ нихъ процентами. Пошлите заказъ мистеру Уильяму Сомерсу, корзинщику, Гревлей, въ графствѣ ^{***}, изготовить кузововъ и охотничьихъ корзинъ, и я ручаюсь что вы сохраните двадцать процентовъ на этой статьѣ (вычитая расходы на пересылку) и сдѣлаете при покулкѣ доброе дѣло. Вслѣдствіе долгой олытности вы знаете лучше меня какъ цѣнно доброе дѣло. Я увѣренъ что вамъ будетъ пріятнѣе узнать, чѣмъ мнѣ завести на эти страницы, фактъ что я снова завлеченъ въ общество деди и джентльменовъ, и принялъ приглашеніе провести нѣсколько дней въ Низдель-Паркъ у мистера Траверса—христіанское имя Леопольдъ—который называетъ васъ „своимъ старымъ другомъ“, выраженіе которое, я увѣренъ, принадлежитъ къ той же категоріи поэтическихъ вымысловъ къ какой могутъ быть причислены „милые“ и „душеньки“ супружескихъ разговоровъ. Не имѣя для этого визита приличнаго платья, прошу васъ прикажите Джекинсу прислать мнѣ чемоданъ съ тѣми какія я обыкновенно носилъ какъ Кенелмъ Чиллинггау, адресуя его въ „Низдель-Паркъ, близъ Беверстона“. Я бы желалъ получить ихъ тамъ въ среду.

„Я оставляю здѣшнія мѣста завтра, въ сообществѣ друга по имени Боульза. Онъ не родственникъ прелеподобному джентльмену того же имени который поддерживаетъ доктрину что поэтъ долженъ надѣяться намъ до смерти мельчайшими вздорными подробностями о предметахъ природы, преимущественно предъ тѣмъ изученіемъ ничтожнаго существа человѣка, въ его отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ, которому мистеръ Поэъ исключительно посвятилъ свою низшую музу, и который, постулая согласно своему ученію, написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, коимъ школа озерныхъ поэтовъ и ея послѣдователи обязаны многимъ. Мой мистеръ Боульзъ упражнялъ свои способности надъ человѣкомъ, и имѣеть могущественный природный даръ въ этомъ отношеніи, который требуетъ только обработки чтобъ онъ не зналъ себѣ равнаго. Его мужественная натура въ настоящее время омрачена тѣмъ мимолетнымъ облакомъ что на условномъ языкѣ называется „безнадежною привязанностью“. Но я надѣюсь что во время нашего путешествія, долженствующаго происходить лѣшкомъ, этотъ паръ можетъ консолидироваться вслѣдствіе движенія, подобно тому какъ, по увѣренію нѣкоторыхъ старомодныхъ астрономовъ, туманъ консолидируется въ осязаемую мировую матерію. Кажется Рашфуко говорить что человѣкъ никогда болѣе не слобовѣтъ пріобрѣсти надежную при-

вязанность къ кому-нибудь какъ въ то время когда его сердце размягчено безнадежно привязанностью къ другому. Пусть еще долгое время, дорогой батюшка, вамъ не придется сожалѣть обо мнѣ по поводу перваго или поздравить меня со вторымъ. Вашъ преданный сынъ

„Кенелмъ.“

„Письмо адресуйте мнѣ къ мистеру Траверсу. Передайте мою вѣжную любовь матери.“

Здѣсь же помѣщается отвѣтъ на это письмо, какъ въ самомъ удобномъ для него мѣстѣ, хотя разумѣется онъ былъ полученъ лишь черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ послѣдней главѣ.

Сэръ-Питеръ Чиллингъ, баронетъ, Кенелму Чиллингъ, эсквайру.

„Милый мой мальчикъ, вмѣстѣ съ симъ посылаю тебѣ чемоданъ который ты просилъ по указанному тобой адресу. Я хорошо помню Леолольда Траверса когда онъ служилъ въ гвардіи: очень красивый и буйный молодой человекъ. Но онъ былъ гораздо умнѣе чѣмъ его почитали, и посѣщаль общество мыслящихъ людей; по крайней мѣрѣ я его встрѣчалъ часто у моихъ друзей Кампионовъ, въ домѣ коихъ особенно часто собирались замѣчательнѣйшіе люди. У него были изящныя манеры и имъ нельзя было не интересоваться. Я былъ очень радъ слышать что онъ женился и перемѣнился. Замѣчу здѣсь кстати что люди привыкшіе къ дурному обществу часто женятся, но рѣдко при этомъ перемѣняются. Я былъ бы радъ слышать что опытъ который стоилъ тебѣ сорокъ пять фунтовъ убѣдилъ тебя что ты можешь найти лучшее для себя примѣненіе чѣмъ заработать два, или даже шесть шиллинговъ лоденною работою.

„Я не передалъ твою любовь матери какъ ты просишь. Въ самомъ дѣлѣ ты поставилъ меня въ самое ложное положеніе относительно этого другаго творца твоего эксцентрическаго существованія. Я могъ сласти тебя отъ розысковъ полиціи и огласки чрезъ объявленія съ описаніемъ примѣтъ только увидѣвъ жену что ты отправился за границу съ герцогомъ Клервидемъ и его семействомъ. Легко сказать ложь, но потомъ трудно признаться въ этомъ. Во всякомъ случаѣ я буду очень благодаренъ если ты извѣстишь меня тотчасъ же какъ только рѣшишься занять свое обыкновенное положеніе среди деди и джентльменовъ. Я не желаю чтобы ложь тяготила мою совѣсть долѣе чѣмъ необходимо чтобы предупредить потребность сказать другу.“

— Наклонность къ меланхоліи. Вы вѣроятно слышали о Геркулесѣ, знаете поговорку „силенъ какъ Геркулесъ“?

— Да, разумѣется.

— Я впервые пришелъ къ мысли о сродствѣ между силою, аплетитомъ и меланхоліей прочтя у одного древняго автора по имени Плутарха что Геркулесъ представляетъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ примѣровъ меланхолическаго темперамента. Таково должно быть было преданіе о характерѣ Геркулеса. Что же касается аплетита, то аплетитъ Геркулеса былъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ комическихъ писателей. Прочтя эти замѣчанія я задумался, такъ какъ самъ склоненъ къ меланхоліи и имѣю замѣчательно хорошій аплетитъ. Когда я началъ собирать факты, то разумѣется нашелъ что самые сильные люди какихъ мнѣ приходилось встрѣчать, въ томъ числѣ призовые бойцы и ирландскіе домовые извошники, были склонны смотрѣть на жизнь болѣе съ мрачной нежели со свѣтлой стороны; короче были меланхолики. Но благодать Провидѣнія позволяла имъ наслаждаться вкушеніемъ пищи, что мы сейчасъ съ вами будемъ дѣлать.

Произнося эту странную рѣчь Кенелмъ остановился; потомъ быстро шагнулъ ко входу въ гостиницу и заглянувъ въ кладовую приказалъ вынести все въ ней заключавшееся въ бѣсѣдку изъ жимолости которую онъ усмотрѣлъ въ углу лужайки примыкавшей къ дому сзади.

Кромѣ обыкновенныхъ припасовъ: хлѣба, масла, яицъ, молока и чая, скоро столъ закрипѣлъ подъ тяжестью пирога съ голубями, края холодной говядины и плеча баранины, оставшихся отъ праздника которое справляли здѣсь за нѣсколько дней члены деревенскаго клуба. Томъ сперва ѣлъ мало; но примѣръ заразителенъ, и мало-по-малу онъ началъ соперничать со своимъ слутникомъ въ уменьшеніи стоявшихъ предъ нимъ запасовъ мяса. Потомъ онъ спросилъ водки.

— Нѣтъ, сказалъ Кенелмъ.—Нѣтъ, Томъ; вы обѣщали быть моимъ другомъ, а это не совмѣстно съ водкой. Водка есть злѣйшій врагъ какого можетъ имѣть человекъ подобный вамъ; она можетъ посорить васъ даже со мной. Если вамъ необходимо возбуждающее средство, я разрѣшаю вамъ трубку. Я самъ не имѣю привычки курить, но въ моей жизни

— Да; это мнѣ скучно немаожко, потому что я, вы знаете, не охотникъ до проповѣдей; но я понимаю.

— Если такъ, другъ мой, старайтесь научиться—это требуется постоянной работы—старайтесь научиться примѣнять то что вы понимаете къ вашей собственной жизни. Вы нѣчто болѣе чѣмъ Томъ Боульзъ, кузнецъ и ветеринаръ, нѣчто болѣе чѣмъ великолѣпное животное свирѣлвующее отъ ревности, готовое бороться со всякимъ соперникомъ; на это слособенъ и быкъ. Помните что вы душа одаренная способностью постигать Творца, который такъ божественно мудръ, великъ и милосердъ что дѣйствуя посредствомъ неизмѣняемыхъ законовъ Онъ можетъ примѣнять ихъ къ каждому отдѣльному случаю, такъ что—принимая во вниманіе будущую жизнь въ которую Онъ вамъ далъ слособность вѣрить—все что тяготитъ васъ теперь окажется мудрымъ и великимъ и благимъ или въ сей жизни или въ будущей. Утвердите эту истину въ вашемъ сердцѣ, другъ мой, теперь, прежде чѣмъ смокнетъ этотъ колоколь; припоминайте ее каждый разъ какъ услышите благовѣсть. О, Томъ, ваша природа такъ благородна...

— Благородна! Моя! Не смѣйтесь надо мною.

— Такая благородная природа; потому что вы можете любить такъ глубоко, биться такъ безстрашно, а когда вы убѣдились что ваша любовь причинитъ несчаствіе той которую вы любите, вы можете отказаться отъ нея; и потерлввъ пораженіе, вы можете простить вашего побѣдителя и въ этомъ пустынномъ мѣствѣ идти съ нимъ дружелюбно, зная что вамъ ничего не стоитъ лишить его жизни; но вмѣсто того чтобы лишить его жизни вы готовы защищать его противъ цѣлаго полчища. Вы думаете что я не вижу всего этого? Не есть ли это доказательство благородной природы?

Томъ Боульзъ закрылъ лицо руками. Грудь его тяжело поднималась.

— Да, и я довѣряюсь вашему благородству. Самъ я сдѣлаю мало хорошаго въ жизни и можетъ-быть никогда не сдѣлаю ничего, но позвольте мнѣ думать что моя встрѣча съ вами не бесполезна для васъ и для тѣхъ кого ваша жизнь можетъ сдѣлать счастливыми или несчастными. Вы сильны, будьте же кротки; вы слособны любить горячо одну, будьте же добры со всѣми; въ васъ такъ много того что отаичаетъ

лѣсенку. Вы поймете что услышавъ ея лѣніе я заинтересовался ею и мы скоро подружались. Я узналъ отъ нея что она сирота и воспитывается у одного старика, своего дальняго родственника, который занимается какою-то мелочною торговлей и теперь живетъ въ многолюдномъ переулкѣ въ центрѣ города. Онъ очень добръ съ ней, но отъ старости и болѣзненности не можетъ выходить изъ дому и посылаетъ ее въ лѣтнія воскресенья одну поиграть въ поляхъ. У нея нѣтъ подругъ однихъ съ нею лѣтъ. Она говоритъ что ей не нравится ни одна дѣвочка въ переулкѣ и что единственная дѣвочка которая ей нравится въ школѣ выше ея по общественному положенію и имъ не позволяютъ играть вмѣстѣ. Но пока свѣтитъ солнце и цвѣтутъ цвѣты, говоритъ она, ей не нужно никакаго общества.

— Томъ, вы слышите? Такъ какъ вы останетесь въ Лоскомбѣ, отыщите эту странную дѣвочку и будьте добры къ ней ради меня.

Томъ вмѣсто отвѣта только положилъ свою широкую руку на руку Кенельма. Онъ пристально глядѣлъ на менестреля, и привлекаемый его лицомъ и голосомъ подвигался къ нему ближе и ближе.

— Пока дѣвочка говорила со мной, продолжалъ менестрель,— я машинально взялъ изъ руки ея гирлянды и въ разсѣянности свернулъ ихъ въ клубокъ. Она вдругъ замѣтила что я сдѣлалъ, и вмѣсто того чтобы побранить меня, чего я вполнѣ заслуживалъ, пришла въ восторгъ, рѣшивъ что я сдѣлалъ ей новую игрушку. Видя себя отъ радости, она бѣгала подбрасывая свой мячъ пока не остановилась на этой возвышенности. Тогда я началъ мой рисунокъ.

— И это прелестное лицо которое вы нарисовали ея лицо?

— Нѣтъ, только отчасти. Рисуя его я думалъ о другомъ лицѣ, но и съ тѣмъ нѣтъ сходства, такъ что это одинъ изъ тѣхъ набросковъ которые мы называемъ фантастическими головками и новое выраженіе мысли которую я выразилъ стихами предъ тѣмъ какъ увидалъ дѣвочку.

— Не слоете ли вы намъ эти стихи?

— Боюсь наскучить если не вамъ, то вашему пріятелю.

— Я увѣренъ что этого не случится. Томъ, вы поете?

— Пѣвалъ когда-то, отвѣчалъ Томъ угрюмо понуривъ голову.— Я охотно послушалъ бы джегальмена.

— Но стихи эти только-что сложились, и я не знаю ихъ

такъ твердо чтобы пролѣтъ. Достаточно будетъ если я припомню ихъ настолько чтобы сказать.

Онѣ помолчали съ минуту какъ бы припоминая, и произнесъ своимъ звучнымъ, вѣжнымъ голосомъ и съ рѣдкою изящностью фразировки, отличавшею какъ его лѣніе, такъ и декламацию, слѣдующее стихотвореніе, которому придавъ глубокій и трогательный смыслъ какого никто не найдетъ въ немъ при чтеніи:

На угау, гдѣ народъ
Власть до ночи суетъ,
Продащица-маютка стола.
Хороша какъ весна,
Всѣмъ цвѣточки она,
Улыбаясь какъ май, предагага.

Но народъ дѣловой
Переменной волной
Пробѣгаетъ все мимо и мимо,—
Средь мірской суеты
Упадаютъ цвѣты,
Пропадаютъ неслышно, незримо!

Для топы дѣловой
Нуженъ блескъ золотой,
Красоту же она презираетъ.
О, маютка моя!
Послѣвшимъ же въ поля
Гдѣ привольно весна расцвѣтаетъ.

Кончивъ, стихотворецъ не опустилъ скромно глаза въ землю въ ожиданіи похвалъ, какъ часто дѣлаютъ люди читающіе свои стихи, но непритворно дорожа болѣе своимъ искусствомъ чѣмъ мнѣніемъ слушателей, прибавилъ улылымъ тономъ:

— Я убѣждаюсь съ большимъ сожалѣніемъ что мои рисунки удачлѣе моихъ стихотвореній. Я сомнѣваюсь даже поняли ли вы (обращаясь къ Кенелму) что я хотѣмъ выразить этими стихами.

К е н е л м ѣ.—Томъ, вы поняли?

Т о м ѣ (шелотомъ).—Нѣтъ.

К е н е л м ѣ.—Мнѣ кажется что въ образѣ дѣвушки съ цвѣтами нашъ другъ хотѣлъ представить не только поэзію вообще,

но извѣстный родъ поэзіи, не принадлежащій къ моднымъ въ наше время. Но я расширяю его мысль, и въ образѣ этой дѣвочки съ цвѣтами вижу образъ естественной правды и красоты, для которой мы, живя искусственною и слѣпшою жизнью многочудныхъ улицъ, не пожертвуемъ ни одною минутой времени и ни однимъ ленту.

— Понимайте какъ угодно, сказалъ менестрель улыбаясь и вздыхая въ одно время,—но я выразилъ мою мысль карандашомъ вдвое лучше чѣмъ словами.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Кенелмъ.

— Образъ представляющій мою идею, поэзія ли это или что другое, стоитъ въ стихахъ на многочудной улицѣ, въ общемъ пренебреженіи, на картинкѣ же дѣвочка находится на вершинѣ зеленого холма, надъ большимъ городомъ разстилающимся внизу въ смутныхъ очертаніяхъ и, равнодушная къ прохожимъ и лентамъ, играетъ полевыми цвѣтами, бросая ихъ къ небу и поднявъ глаза къ небу.

— Прекрасно, сказалъ Кенелмъ вполголоса, — прекрасно! Потомъ, послѣ задумчиваго молчанія, онъ прибавилъ понизивъ голосъ еще болѣе:—Простите мнѣ мои разсужденія о бифстекѣ, но сознайтесь, я правъ говоря что то что вы называете изображеніемъ природы есть только выраженіе вашей собственной мысли.

ГЛАВА X.

Дѣвочка съ мячикомъ изъ цвѣтовъ исчезла съ вершины холма; розовыя облачка, опустившись за городъ, скрылись съ горизонта, и сумерки быстро сгущались когда три путника вошли въ городъ. Томъ уговаривалъ Кенелма идти съ нимъ къ его дядѣ обѣщая ему радушный пріемъ, ужинъ и постель, но Кенелмъ отказался. Онъ былъ твердо убѣжденъ что для состоянія духа Тома полезнѣе будетъ если онъ проведетъ этотъ вечеръ наединѣ со своими родственниками, но предложилъ провести слѣдующій день вмѣстѣ и согласился придти утромъ къ ветеринарному врачу.

Разставшись съ Томомъ у дверей дома его дяди, Кенелмъ сказалъ менестрелю:

— Вы вѣроятно отправитесь въ какую-нибудь гостиницу. Могу я сопровождать васъ? Мы можемъ поужинать вмѣстѣ, и

мнѣ пріятно будетъ послушать ваши разсужденія о поэзіи и природѣ.

— Ваше предложеніе очень льститъ мнѣ, но у меня есть друзья въ этомъ городѣ, у которыхъ я остановилась: они ждутъ меня. Не замѣтили ли вы что я перемѣнилъ костюмъ? Здѣсь меня не знаютъ за бродячаго менестреля.

Кенелмъ оглянулъ его и только теперь замѣтилъ перемѣну. Костюмъ его былъ въ своемъ родѣ живописенъ, но это былъ костюмъ какой носить въ провинціи джентльмены высшаго круга, самый щегольской, самый новый и полный, отъ шляпы до башмаковъ съ бантами и пряжками.

— Боюсь, сказалъ Кенелмъ серьезно, — что эта перемѣна свидѣтельствуетъ о близости красивыхъ дѣвушекъ о которыхъ вы говорили при нашей прошлой встрѣчѣ. По Дарвиновой теоріи отбора красивыя перья имѣютъ большое значеніе въ глазахъ Женни Ренъ и ея пола. Но извѣстно что птицы съ красивыми перьями рѣдко обладаютъ хорошимъ голосомъ, и съ вашей стороны не совсѣмъ честно относительно другихъ соперниковъ соединять въ себѣ оба преимущества.

Менестрель засмѣялся.

— Въ домѣ моего друга есть только одна дѣвушка, его племянница. Она не красива, и ей только тринадцать лѣтъ. Но для меня общество женщинъ, красивыхъ и некрасивыхъ, положительная необходимость. Я былъ лишень его много дней, и вы не повѣрите какъ мнѣ было пріятно, какъ очистились мои мысли отъ дорожной пыли когда я почувствовалъ олять...

— Интересъ юбки, прервалъ Кенелмъ.—Берегитесь. Мой бѣдный другъ съ которымъ вы меня видѣли сегодня можетъ служить серьезнымъ предостереженіемъ, которымъ я намѣренъ воспользоваться, противъ интереса юбки. Онъ переживаетъ теперь большое горе, которое могло сдѣлаться больше чѣмъ горемъ. Онъ намѣренъ остаться въ этомъ городѣ. Если вы тоже останетесь здѣсь, не забывайте его пожалуста. Вы привесли бы ему громадную пользу еслибъ увлекли его изъ міра дѣйствительности въ сады поэзіи. Только не пойте и не говорите ему о любви.

— Я уважаю всѣхъ влюбленныхъ, сказалъ менестрель съ неприторною нѣжностью въ голосѣ,—и охотно ободрилъ бы и утѣшилъ вашего друга, но я уйду изъ Лоскомба послѣзавтра. Я бываю здѣсь только по денежнымъ дѣламъ.

— Я тоже уйду отсюда послѣзавтра. Пожертвуйте намъ по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ завтра.

— Непремѣнно. Отъ полудня до солнечнаго заката я буду бродить безъ всякаго дѣла, и вы оба сдѣлаете мнѣ величайшее удовольствіе если пойдете со мной. Согласны? Хорошо. Такъ я зайду въ вашу гостиницу завтра въ полдень. И совѣтую вамъ остановиться вотъ въ этой гостиницѣ которая противъ насъ, Золотой Агнецъ. Хозяева здѣсь, говорятъ, добрые люди и столъ добрый.

Кенелмъ почувствовалъ что его слутвикъ старается отдѣлаться отъ него и понялъ что онъ не говоритъ ему адреса семейства у котораго остановился для того чтобы сохранить въ тайнѣ свое имя.

— Еще нѣсколько словъ, сказалъ Кенелмъ.—Вашъ хозяинъ или хозяйка, какъ здѣшніе жители, могутъ конечно по вашему описанію дѣвочки и старика узнать ихъ адресъ. Мнѣ хотѣлось бы чтобы мой пріятель подружился съ этою дѣвочкой. Здѣсь интересъ юбки будетъ по крайней мѣрѣ невинный и безопасный. Ничто не можетъ такъ усложнить и дать болѣе чистое и нѣжное направление такому страстному сердцу какъ сердце Тома, теперь страдающее отъ ужасной раны, какъ любовь къ ребенку.

Менестрель измѣнился въ лицѣ и даже вздрогнулъ.

— Нужно быть всезнающимъ чтобы сказать это мнѣ.

— Я не всезнающій, но изъ вашихъ словъ заключаю что у васъ есть свой ребенокъ. Тѣмъ лучше; ребенокъ удержать васъ отъ многихъ увлеченій. Помните о ребенкѣ. Прощайте.

Кенелмъ вошелъ въ гостиницу Золотаго Агнца, занялъ номеръ, заказалъ ужинъ и покушалъ съ своимъ обычнымъ аппетитомъ. Затѣмъ, чувствуя приступъ меланхоліи, которую онъ считалъ принадлежностью геркулесовскаго сложенія, онъ всталъ, и ища развлеченія, вышелъ на освѣщенную газомъ улицу.

Лоскомбъ большой, красивый городъ, красивѣе Торъ-Гадама по своему положенію въ долинѣ окруженной лѣсистыми холмами и орошаемой прекрасною рѣкой, и по своему величественному собору, окруженному почтенными домами духовенства и патріархальнаго джентри. На главной улицѣ тѣснились прохожіе; одни возвращались отъ вечерней службы, другіе гуляли съ возлюбленными и родными, нѣкоторые, очевидно холостяки и незамужнія, ходили рука въ руку мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами. Эту улицу

увидаль что она красавица, съ тѣмъ родомъ красоты который болѣе другихъ лѣтняеть поэтотъ и артистовъ, вѣсколько наломившая Форнарину Рафаэля, смуглая съ теллыми тонами.

Въ эту минуту въ открытомъ окнѣ показался высокій, полный мущина среднихъ лѣтъ, тилъ человекъ семейнаго, богатаго и довольнаго. Онъ былъ лысъ, румянь, съ небольшими бакенбардами.

— Не пора ли идти въ комнаты? сказалъ онъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ и громкимъ, чистымъ голосомъ ясно донесшимся до Кенелма.

— Какъ ты несосежь, Фрицъ, отвѣчала красивая женщина полусердито, полусутоливо, тѣмъ тономъ какимъ говорятъ жены съ надобѣющими мужьями. Твой другъ хмурился весь вечеръ, и только теперь, когда показалась луна, начинаетъ оживляться.

— Луна дѣйствуетъ хорошо, какъ я слышалъ, на поэтотъ и другихъ безумцевъ, сказалъ лысыи съ добродушнымъ смѣхомъ,—но я не хочу чтобы моя маленькая племянница захворала опять когда только-что начала поправляться. Анни, иди домой.

Дѣвочка неохотно повиновалась. Старуха тоже встала.

— Вотъ матушка благоразумна, сказалъ лысыи.—Играть въ *euchre* безопаснѣе чѣмъ мечтать ночью на открытомъ воздухѣ. Говоря это онъ заботливо обнялъ талию старухи, которая повидимому была хромая и ходила съ трудомъ.—Что же касается вась, двухъ мечтателей и поклонниковъ луны, я даю вамъ десять минутъ и никакъ не болѣе.

— Тиравъ, отвѣчалъ менестрель.

На балконѣ остались только двое, менестрель и красивая женщина. Окно было затворено и полузавѣшано кисейною занавѣской, но Кенелмъ могъ видѣть часть комнаты. Она была освѣщена лампой, стоявшею на столѣ посрединѣ, и свѣчами, и убрана роскошно, но не въ англійскомъ вкусѣ. Поголокъ и стѣны, напиримѣрь, были расписаны, стѣны съ панелями и пиластрами въ арабескахъ.

„Они иностранцы, несмотря на то что мущина говоритъ такъ хорошо по-англійски, подумалъ Кенелмъ.—Это видно и изъ того что они не считаютъ предосудительнымъ играть въ воскресный вечеръ въ карты. *Euchre* американская игра. Мущину зовутъ Фрицъ. Понимаю! Они Нѣмцы жившіе долго

въ Америкѣ. Менестрель сказалъ что бываетъ въ Лоскомбѣ по денежнымъ дѣламъ. Хозяинъ дома безъ сомнѣнія купецъ. Менестрель членъ какой-нибудь коммерческой фирмы. Понятно почему онъ скрываетъ свое имя. Онъ опасается чтобы не обнаружилось что онъ проводитъ время въ занятіяхъ такъ не соответствующихъ его общественному положенію.

Пока онъ соображалъ это, женщина на террасѣ подвинулась ближе къ менестрелю и говорила съ нимъ очевидно съ жаромъ, но такъ тихо что Кенелмъ не слышалъ ни слова. По ея манерамъ и выраженію лица ея собесѣдника можно было заключить что она утрекаетъ его въ чемъ-то въ чемъ тотъ не признаетъ себя виновнымъ. Когда онъ заговорилъ въ свою очередь, она на минуту отвернулась отъ него, потомъ протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ. Глядя на нихъ со стороны, легко было принять ихъ за влюбленныхъ. Прекрасная ночь, благоуханіе цвѣтовъ, и уединеніе, луна и звѣзды, все окружало ихъ атмосферой любви. Менестрель всталъ, наклонился надъ рѣшеткой балкона и устремилъ взоръ на рѣку. Женщина тоже встала и наклонилась надъ рѣшеткой такъ что ея темные волосы почти прикасались къ каштановымъ кудрямъ ея собесѣдника.

Кенелмъ вздохнулъ. Было ли то отъ зависти, отъ сожалѣнія или страха,—не знаю, но онъ вздохнулъ.

Послѣ краткаго молчанія женщина сказала все еще тихимъ голосомъ, однако такъ громко что Кенелмъ, благодаря своему тонкому слуху, услышалъ.

— Скажите мнѣ опять тѣ стихи. Я должна заломнить въ нихъ каждое слово пока вы не покинули насъ.

Менестрель отвѣчалъ что-то неслышно.

— Скажите, продолжала женщина.—Потомъ положите ихъ на музыку, и я спою ихъ въ слѣдующій разъ какъ вы придете къ намъ. Я придумала для нихъ заглавіе.

— Какое?

— Любовная ссора.

Менестрель повернулъ голову и глаза ихъ встрѣтились, и встрѣтись долго не могли разстаться. Затѣмъ онъ отвернулся отъ нея, и устремивъ опять взоръ на рѣку проговорилъ своимъ мелодическимъ голосомъ слѣдующія строки:

ЛЮБОВНАЯ СОРА.

Наклонившись надъ рѣкою
Мы стоимъ въ вечерній часъ;
Ты покила головою
И отвѣсть не можешь глазъ.

Лунный свѣтъ въ водѣ трепещеть,
Передъ нами чудеса:
Въ искрахъ волны, звѣзды блещуть,
Подъ ногами небеса!

Вдругъ холодною струею
Дунулъ вѣтръ издалека;
Надъ заволнованной рѣкою
Слышны стоны тростника;

Облакъ звѣзды черной дымкой
Застылаеть все темнѣй....
Обними, скажи съ улыбкой:
„Ты прощенья“. Глади скорѣй:

Свѣтлой струйкой тихо плещеть
Успокоенный потокъ,
Въ искрахъ волны, звѣзды блещуть,
Небеса у нашихъ ногъ.

Когда онъ кончилъ и стоялъ все еще отвернувшись, женщина не обняла его, не вымолвила „ты прощенья“, но какъ бы локорясь непреодолимому влеченію положила руку на его плечо.

Менестрель вздрогнулъ.

Ему посыпалось, онъ самъ не зналъ, что это.

— Не хорошо, не хорошо! Помните, что я сказалъ!

— Шт! Вымолвилъ онъ.— Слышали вы что-нибудь?

— Только вашъ.

— Это былъ голосъ нашего ангела, который я слышалъ.

Онъ прозвучалъ вовремя. Пойдемте и посмотримъ.

ГЛАВА XII.

На слѣдующій день, рано утромъ, Князь пришелъ въ домъ его дяди. Это былъ удобный случай говорить о достаткѣ владѣльца. Дядя былъ человѣкъ умный и повидимому бо-

чѣмъ того требовало его ремесло. Бездѣтныи вдовецъ лѣтъ шестидесяти или семидесяти, онъ жилъ съ сестрой, старою дѣвушкой. Они очевидно были очень привязаны къ Тому и радовались мысли что онъ останется съ ними. Самъ Томъ имѣлъ скорѣе печальный нежели пасмурный видъ, и лицо его просіяло при первомъ взглядѣ на Кенельма. Этотъ чудакъ старался быть любезнымъ въ разговорѣ со стариками и насколько могъ болѣе похожимъ на другихъ людей. Уходя онъ просилъ Тома придти къ нему въ гостиницу въ половинѣ перваго и провести день съ нимъ и съ менестрелемъ. Возвращаясь въ гостиницу Золотаго Агнца, онъ сталъ ждать своего перваго гостя, менестреля.

Служитель музъ явился ровно въ двѣнадцать часовъ. Выраженіе его лица не было такъ ясно и весело какъ обыкновенно. Кенельмъ не упомянулъ о сценѣ которой былъ свидѣтелемъ, и его гость не подозрѣвалъ что Кенельмъ видѣлъ ее и что отъ него исходилъ предостерегающій голосъ.

Кенельмъ.—Я просилъ моего друга Тома Боульза придти немного позже; я бы желалъ чтобы вы были полезны ему, и хочу сказать вамъ какъ...

Менестрель.—Скажите, сдѣлайте милость.

Кенельмъ.—Вы знаете что я не поэтъ и не особенно уважаю стихосложеніе какъ искусство только.

Менестрель.—И я также.

Кенельмъ.—Но я глубоко уважаю поэзію какъ проповѣдь. Я почувствовалъ это уваженіе къ вамъ когда вы рисовали и говорили поученіе вчера вечеромъ, и запечатали въ моемъ сердцѣ—надѣюсь навсегда пока оно бѣется—образъ ребенка на горѣ освѣщенной солнцемъ, высоко надъ жилищами людей, бросающаго мячъ изъ цвѣтовъ къ небу, съ глазами устремленными на небо.

Лицо лѣвца покрылось густымъ румянцемъ и губы его дрожали; онъ былъ очень чувствителенъ къ похваламъ—большинство лѣвцовъ таковы.

Кенельмъ продолжалъ:

— Я былъ воспитанъ въ реалистической школѣ, и я не доволенъ реализмомъ, ибо въ реализмѣ какъ школѣ нѣтъ истины. Онъ заключаетъ въ себѣ только часть истины, самую холодную и жесткую часть; а кто говоритъ только одну часть истины, скрывая остальные, тотъ говоритъ ложь.

Менестрель (лукаво). — Значитъ критикъ который

сказалъ мнѣ: „вослѣвайте бифстекъ, такъ какъ аллетить къ вѣдѣ есть дѣйствительная потребность всендневной жизни, и не пойте объ искусствѣ, о славѣ и любви, ибо во всендневной жизни человѣкъ можетъ обойтись безъ такихъ понятій“ — говорилъ ложь?

Кевелмъ.—Благодарю васъ за этотъ улрекъ. Я покоряюсь ему. Несомнѣнно я говорилъ ложь, то-есть если давалъ совѣтъ совершенно серіозно; если же не серіозно, то....

Менестрель.—Вы оклеветали себя.

Кевелмъ.—Почти такъ. Я лустился въ свои странствія чтобъ избѣжать притворствъ, и начинаю замѣчать что я самъ притворщикъ по преимуществу. Но я внезапно встрѣтилъ васъ какъ мальчикъ которому наскучилъ синтаксисъ и дроби встрѣчаетъ веселую повму или книгу съ картинками, и чувствуетъ что умъ его проясняется. Я многимъ обязанъ вамъ; вы сдѣлали мнѣ бездну добра.

— Я не могу понять какимъ образомъ.

— Можетъ-быть такъ, но вы показали мнѣ какъ самый реализмъ природы получаетъ краски и жизнь и душу когда смотришь на него съ идеальной или логической стороны. Не самыя тѣ слова что вы говорите или поете сдѣлали мнѣ добро, но они пробудили во мнѣ новый рядъ мыслей. Лучшій учитель тотъ кто болѣе наводитъ на мысль чѣмъ передаетъ ее догматически, и возбуждаетъ въ своихъ слушателяхъ желаніе учиться. Вотъ лочему, какого бы ни было достоинство вашихъ лѣсенъ въ глазахъ критики, я съ удовольствіемъ вспоминаю что вы хотѣли бы прожить всю жизнь раслѣвая.

— Простите меня; вы забыли что я прибавилъ „еслибы круглый годъ было лѣто и человѣкъ вѣчно былъ молодъ“.

— Я не забылъ этого. Но если лѣто и молодость пройдутъ для васъ, вы оставите и молодость и лѣто на своемъ пути, въ сердцахъ которыя простая дѣйствительность дѣлала бы вѣчно старыми, считающими свои медленныя біенія подъ сумрачнымъ небомъ безъ солнца и звѣздъ. Подумайте какъ прекрасно призваніе лѣвца приводить вашу жизнь въ соотвѣствіе съ вашими лѣснами и бросать ваши цвѣты къ небу, какъ дѣлалъ вашъ ребенокъ, устремая глаза въ небо. Подумайте лишь объ этомъ когда будете говорить съ моимъ грустнымъ другомъ и вы сдѣлаете ему добро, какъ сдѣлали мнѣ, не будучи въ состояніи отгадать какимъ образомъ искатель

прекраснаго, подобный вамъ, увлекаетъ насъ за собой на своемъ пути, такъ что и мы начинаемъ искать прекрасное и видимъ его въ полевыхъ цвѣтахъ которыхъ не замѣчали до тѣхъ поръ.

Въ это время Томъ вошелъ въ маленькую усыпанную пескомъ комнату гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, и всѣ трое вышли вмѣстѣ, избравъ кратчайшій путь изъ города въ поля и лѣса.

Г Л А В А XIII.

Быль ли умъ менестреля возбужденъ похвалами и одобреніями Кенелма или нѣтъ, но онъ говорилъ такъ что совершенно очаровалъ Тома, и Кенелмъ ограничивался только краткими замѣчаніями чтобы вызывать главнаго собесѣдника на продолженіе разговора.

Поводы къ разговору подавали окружающіе предметы природы, которые интересуютъ дѣтей и взрослыхъ людей кои подобно Тому привыкли смотрѣть на окружающее болѣе глазами сердца нежели ума. Странствующій лѣвецъ зналъ многое объ образѣ жизни птицъ, животныхъ и насекомыхъ; онъ разказывалъ о нихъ анекдоты съ примѣсю юмора и увлеченія которые приковывали вниманіе Тома, заставляли его хохотать отъ души и по временамъ вызывали слезы на его большіе голубые глаза.

Они обѣдали въ придорожной гостиницѣ и обѣдъ прошелъ очень весело; потомъ потихоньку пошли назадъ. По мѣрѣ наступленія сумерокъ разговоръ ихъ становился серьезнѣе, и Кенелмъ принималъ больше участія въ немъ. Томъ слушалъ молча и внимательно. Наконецъ, когда городъ былъ уже въ виду они рѣшили отдохнуть немного подъ тѣнью деревъ.

Они прилегли для отдыха, и птицы распѣвали свои вечерніе гимны въ вѣтвяхъ надъ ихъ головами или безшумно и безболзвенно спускались вокругъ нихъ за лицей въ поля. Бродячій лѣвецъ сказалъ Кенелму:

— Вы говорили мнѣ что вы не поэтъ, но я убѣждаюсь что вы имѣете поэтическое призваніе; вы вѣроятно писали стихи?

— Нѣтъ; я уже прежде говорилъ вамъ что писалъ только ученическіе стихи на латинскомъ и греческомъ языкахъ; но сегодня утромъ я нашелъ въ своемъ ранцѣ копію стиховъ

написанныхъ однимъ моимъ школьнымъ товарищемъ, я положилъ ихъ въ карманъ чтобы прочесть ихъ вамъ обоимъ. Они же похожи на ваши стихи, которые безъ сомнѣнія выливаются везелно и оригинально. Эти стихи были написаны однимъ Шотландцемъ въ духѣ старинныхъ балладъ. Въ самыхъ словахъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, но идея ихъ не лишена значенія и оказалась мнѣ оригинальною, вотъ почему я списалъ ихъ. Этотъ листокъ случайно напался въ одной изъ двухъ книгъ которыя я взялъ съ собой изъ дому.

— Что это за книги? Я увѣренъ что это поэтическія произведенія.

— Нѣтъ; обѣ метафизическія и чрезвычайно сухи. Темъ, закурите свою трубку, а вы, сэръ, расположитесь поспокойнѣе. Я долженъ предупредить васъ что баллада довольно длинна. Терпѣніе!

— Вниманіе! сказалъ менестрель.

— Начинайте! прибавилъ Томъ.

Келлемъ началъ читать—онъ читалъ хорошо:

НЕВѢСТА ЛОРДА РОНАЛЬДА

I.

Только звѣзды зашли, чуть заря зажалась,

А на площади нѣтъ ужъ проходу.

На какое веселье толпа собралась?

Что за праздникъ готовить народу?

— Только солнце блеснетъ, злая вѣдьма умретъ

На кострѣ.—, Чѣмъ она согрѣшила?

Убивала людей? Истребала ли скотъ?

Иль бездождемъ поля исушила?—

— Нѣтъ, не знаютъ за ней прегрѣшеній такихъ,

Она славилась жизнью цною:

Утѣшала сиротъ, исцѣляла больныхъ,

Одѣвала всѣхъ щедрой рукою.

Но вернуся изъ Рима еписколъ святой

И его баагодать освѣтила:

Онъ прозрѣлъ что она все не силой баагой,

А нечистою силой творила.

Не хотѣла сознать прегрѣшенье свое,
И умереть въ нераскаяннѣ гордомъ.
А была бы прощена: мужъ покойный ея
Былъ на Клайдѣ властительнымъ лордомъ.

Всколебалась толпа; слышеть говоръ: „ведуть!“
Вотъ она—все молчить, какъ вѣная!
Вотъ они, палачи! Ахъ, сейчасъ подождуть,
И погибнуть безвинно святая!

И во славу Господню коадунью сожгли,
Но епископъ святой сокрушаеся.
„Не въ конецъ, моавилъ онъ, мы злой родъ изведемъ:
Посаъ вѣдьмы наследникъ остаеся.“

Выросъ сынъ молодцомъ и отважнымъ бойцомъ
И пустился за синее море,
Добывать ли богатства отцовскимъ мечомъ,
Иль размыкать тяжелое горе....

II.

Годъ прошелъ и другой, за холодной зимой
Вновь повѣяло теплой весной.
Лордъ Ромальдъ воротился въ свой замокъ родной
Не одинъ, съ молодою женою.

Красотой никого не прельстила бь она,
Смѣльчаки, съ ней при встрѣчѣ, пугались,
Изъ лица, точно смерть, и худа, и блѣдна,
Два кавка изо рта выставлялись.

Говорить ли она—такъ осенней порой
Водкъ голодный въ стелу завываетъ,
А какъ загадываетъ съ улыбкою мрачной и злой—
Въ жилахъ кровь въ одинъ мигъ застываетъ.

„Лордъ Ромальдъ! не красой ты прельстился въ женѣ,
Видно леги безвѣрно богата?“
— Денегъ я не ищу хоть родился въ странѣ
Гдѣ за золото выдадутъ братья.

Нѣтъ, не таковымъ богатствомъ владѣеть она,
Ея даръ всего въ мѣрѣ цѣннѣе,—
Оттого для меня молодая жена
Всѣхъ красавицъ на свѣтѣ милѣе.

Разъ епископъ съ докадомъ приѣхъ къ королю

Съ укоризной къ нему обратился:

„Разлюбилъ, государь, ты отчину свою:

Вновь на Калѣдѣ злой духъ воцарился.

„Лордъ Рональдъ на чужбинѣ женился... на комъ?

Она вѣрно въ родствѣ съ сатаною,

Безобразна лицомъ, злая вѣдьма притомъ—

По ночамъ выползаетъ змѣю.

„Повели ихъ казнить, ради церкви святой

И на злое врагу посраменье.

Злое сѣмя сотри королевской рукой

И на церковь пожертвуй имѣнье.“

Засмѣялся король. „Ты умно расудилъ

Онъ сказалъ,—расужу я умнѣе,

Ты имѣнье цѣнилъ, да одно позабылъ:

Королю оно будетъ нужнѣе.

„Передъ очи мои пусть предстануть они,

Осужу ихъ судомъ я правдивымъ,

Пусть не скажутъ что я былъ какъ предки мои

О церковныхъ дѣлахъ нерадивымъ.“

III.

Лордъ Рональдъ на судѣ предъ самимъ королемъ

Не одинъ, съ молодою женою.

И смѣясь толпятся бароны кругомъ,

Восхищаясь ея красотою.

Но взглянула—и всѣхъ вселѣи страхъ обузавъ,

Слово молвить епископъ боялся,

Лишь король на нее безъ боязни взиралъ,

Но въ душѣ—самъ король содрогался.

„Лордъ Рональдъ! На тебя, средь великихъ заботъ,

Не случайно нашъ взоръ обратился:

Знамечить и богатъ твой въ Шотландіи родъ,

Отвѣчай намъ: на комъ ты женился?

„Такой рыцарь какъ я, такой рыцарь какъ ты

Не беретъ себѣ встрѣчную въ жены,

Ищемъ золота мы, ищемъ мы красоты,

Въ томъ на васъ я ссылаюсь, бароны.“

— Не гляди, злой король, что дурна я съ лица—
Отвѣчала съ властительнымъ взглядомъ—
Назови я свой родъ, назови я отца
Ты со мной не посмѣлъ бы стать рядомъ

— Нѣтъ богатства за мной, не вьзда я красой,
Но безцѣпною тайной владѣю,
Старъ и младъ назоветь меня милой женой,
Если я—не дай Богъ!—овдовѣю.

Одарю кто посмѣетъ женою назвать
Величайшимъ сокровищемъ въ мѣрѣ:
То о чемъ онъ боится въ молитвѣ шептать
И повѣдать за чашей на пирѣ,

То о чемъ онъ боится забредить во снѣ,
Что влечетъ за собой преступленья,
Вожделѣнный тотъ грѣхъ онъ увидитъ во мнѣ,
И увидитъ грѣха исполненье.

Вѣтъ бароны, король, самъ епископъ святой,
Страстныхъ взоровъ съ нея не спускали,
У нея на лицѣ потрясенной душой
Вожделѣнный свой грѣхъ созерцали.

И казалось имъ что предъ ними стоитъ
Не она, а краса неземная;
Волчій голосъ ея слаще арфы звучить,
Какъ голубка воркуетъ лѣсная.

И сердца, очарованы дивной красой,
Къ ней любовнымъ огнемъ запылали;
Слышеть крикъ: „будь вдовой! будь моею женой!...“
И надъ мужемъ мечи засверкали....

Но внезапно весь залъ мракъ полночный облялъ,
И свершилось грѣховное дѣло:
Съ дикимъ воплемъ на смерть пораженный упалъ....
А когда во дворцѣ прояснѣло

Лордъ Рональдъ свой кинжалъ о полу вытираалъ,
Озираясь злобно и дико,
А епископъ въ крови бездыханный лежалъ....
И всѣхъ трепеть объемяетъ великій.

„Не напрасно жему выше тайныхъ утѣхъ,
Я цѣнилъ—ея слово неживо,
Здѣсь во бѣю всѣхъ вождедѣнный свой грѣхъ
Я въ крови потопилъ нечестивой.“

„За сожженную мать вымѣ мечь свершена,
И завѣса съ очей моихъ пала:
Красотою грѣха не превращаетъ жена,
Ненавистна огненнымъ мнѣ стала.

„Оставляю вдову — кто готовъ испытать?
Кто безъ страха возьметъ ее въ жены?
Съ этимъ словомъ ломель — и его удержать
Не посмѣлъ ни король, ни бароны.

Но вдова никому не казалась страшна,
Всѣмъ являлась желанной женою....
Сколько душъ своей тайной загубить она,
Сколько жизней обманной красотою!

Да не будетъ чтобъ грѣхъ лучезарной красой
Могъ явиться для нашихъ желаній!
О, спаси насъ Господь Своей силой святой
Отъ подобныхъ сему испытаній!...

Кончивъ, Кенелмъ взглянулъ на Тома, лицо коего было обращено къ нему, съ открытыми губами, блѣдными щеками и съ выраженіемъ ужаса. Оправившись онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ улыбнуться, но ни то ни другое не удалось ему. Онъ быстро поднялся, отошелъ и сталъ въ тѣни темной березы присловившись къ ея стволу.

— Что вы скажете о балладѣ? спросилъ Кенелмъ лѣвца.

— Она не лишена силы, отвѣчалъ тотъ.

— Въ нѣкоторомъ родѣ.

Менестрель посмотрѣлъ пристально на Кенелма и опустилъ глаза; густой румянецъ покрылъ его щеки.

— Шотландцы думчивое племя. Шотландецъ написавшій эту вещь вѣроятно думалъ о томъ времени когда грѣхъ казался ему привлекательнымъ; но если такъ, то очевидно что онъ отдѣлился отъ этого призрака. Не пора ли намъ идти? Пойдемъ Томъ.

Менестрель разстался съ ними при входѣ въ городъ, сказавъ:

— Я сожалѣю что не могу еще разъ увидаться съ вами обоими, такъ какъ я съ разсвѣтомъ оставляю Лоскомбъ. Кстати, я забылъ прежде передать вамъ, вотъ адресъ который вы желали имѣть.

Кенелмъ.—Ребенка. Я радъ что вы вспомнили о немъ. Менестрель снова взглянулъ пристально на Кенелма, на

этотъ разъ уже не опуская глазъ. Выраженіе лица Кенелма было такъ просто и спокойно что въ немъ не замѣтно было никакой мысли.

Кенелмъ съ Томомъ нѣсколько минутъ въ молчаніи продолжали свой путь къ дому ветеринарнаго врача. Тутъ Томъ скавалъ со вздохомъ:

— Вы прочли эти стихи чтобы лоразить меня сюда, сюда.

Онъ ударилъ себя въ грудь.

— Стихи эти были написаны задолго до того какъ я увидалъ васъ, Томъ; но хорошо еслибъ они лоразали насъ всѣхъ. За васъ, другъ мой, я больше не боюсь. Развѣ вы теперь не другой человекъ?

— Я чувствую что во мнѣ какъ будто произошла перемѣна, отвѣчалъ Томъ медленнымъ и печальнымъ голосомъ.—Слушая какъ вы съ этимъ джентльменомъ толковали такъ много о вещахъ о которыхъ я прежде не думалъ, я почувствовалъ въ себѣ что-то,—вы будете смѣяться когда я скажу,—что-то похожее на птицу.

— Похожее на птицу, хорошо—у птицы есть крылья.

— Именно такъ.

— Вы почувствовали что крылья, которыхъ вы прежде не замѣчали, распустились и бьются будто о рѣшетку кѣтки. Вы были вѣрны своимъ инстинктамъ, дорогой другъ, инстинктамъ пространства и неба. Сгѣвѣ! двери кѣтки скоро растворятся. А жока, говоря практически, я даю вамъ слѣдующій совѣтъ на прощанье: у васъ быстрый и впечатлительный умъ, который вы дали стѣснить и подавить вашему сильному тѣлу. Дайте этому уму полную свободу. Занимайтесь старательно своимъ дѣломъ: потребность правильныхъ занятій есть здоровый аллетитъ ума; въ свободные часы воспитывайте въ себѣ новыя мысли которыя пробуждены въ васъ разговоромъ съ людьми привыкшими воспитывать свой умъ болѣе нежели тѣло. Вступите въ какой-нибудь книжный клубъ и старайтесь интересоваться книгами. Мудрый человекъ сказалъ: „книги расширяютъ настоящее, прибавляя къ нему прошедшее и будущее“. Ищите общества образованныхъ мужчинъ и образованныхъ женщинъ также; а когда вы разсердитесь на кого-нибудь, старайтесь примириться съ нимъ, не сшибайте его съ ногъ, и не давайте сбить себя съ ногъ врагу болѣе сильному чѣмъ вы—лѣнству. Поступайте такъ, и когда мы снова увидимся, вы будете....

— Пойдите, сэръ, мы свидимся еще?

— Да; если мы оба будемъ живы, я обѣщаю вамъ это.

— Когда?

— Видите ли, Томъ, у обоихъ насъ въ нашихъ старыхъ Я кое-что надобно переработать. Вы будете перерабатывать ваше кое-что локоемъ, а я долженъ переработать свое, если только смогу, движеніемъ. Итакъ, я долженъ продолжать свой путь. Дай Богъ чтобъ у насъ были новыя Я, лучше старыхъ, когда снова пожмемъ другъ другу руку. Съ своей стороны, дрожайшій Томъ, употребите для этого всевозможныя старанія, и Богъ да поможетъ вамъ.

— И Богъ да благословитъ васъ! воскликнулъ Томъ съ чувствомъ, и слезы, которыхъ онъ не удерживалъ, закапали изъ его большихъ голубыхъ глазъ.

ГЛАВА XIV.

Хотя Кенелмъ вышелъ изъ Лоскомба во вторникъ утромъ, но въ Низдель-Паркъ онъ явился только въ среду, немного прежде звонка возвѣщавшаго что пора одѣваться къ обѣду. Приключенія его въ этотъ промежутокъ времени не заслуживаютъ упоминанія. Онъ надѣялся встрѣтиться еще разъ съ мекестрелемъ, но этого не случилось.

Чемоданъ его уже прибылъ, и онъ тяжело вздохнулъ облакаясь въ вечернее платье джентльмена:

— Увы! я скоро возвратился въ свою кожу.

Въ домъ было еще нѣсколько гостей, хотя общество не было велико. Они были приглашены въ виду приближавшихся выборовъ и состояли изъ помѣщиковъ и духовныхъ лицъ. Высшимъ изъ гостей по положенію и значенію былъ Георгъ Бельвоёръ.

Кенелмъ принималъ участіе въ этомъ обществѣ съ самоотверженіемъ которое граничило съ раскаяніемъ.

Въ первый день онъ говорилъ очень мало, и дама которую онъ велъ къ обѣду нашаа что онъ очень скучный молодой человѣкъ. Мистеръ Траверсъ напрасно старался вызвать его на разговоръ. Онъ ожидалъ много удовольствія отъ эксцентричностей своего гостя который говорилъ довольно охотно въ лощинѣ поросшей кустами, и горько разочаровался.

— Я чувствую себя, шепнулъ онъ мистрисъ Кампювъ, — подобно бѣдному лорду Помфрету который будучи очарованъ оживленною болтовней Панча купилъ его и былъ чрезвычайно удивленъ что Панчъ принесенный домой не говоритъ.

— Но вашъ Панчъ слушаетъ, сказала мистрисъ Кампюнь,— и наблюдаетъ.

Съ другой стороны, Георга Бельвоира всѣ находили очень приятнымъ. Не будучи веселымъ отъ природы, онъ старался казаться таковымъ, громко смѣялся со сквайрами, толковалъ съ ихъ женами и дочерьми о такихъ мелочахъ какъ провинціальныя балы и партіи крикета; а когда послѣ обѣда онъ подобно Катону „подогрѣлъ свою доблесть виномъ“, доблесть его обнаружилась въ похвалахъ хорошимъ людямъ, то-есть людямъ его партіи, и въ проклятiяхъ людямъ дурнымъ, то-есть людямъ другой партіи.

Время отъ времени онъ обращался къ Кенелму, и Кенелмъ постоянно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Вы говорите очень убѣдительно.

Первый вечеръ закончился какъ обыкновенно въ сельскихъ домахъ. Позѣвали при лунномъ свѣтѣ на террасѣ предъ домомъ, потомъ молодыя любительницы слѣли кое-что, старшіе сыграли робберъ виста; за тѣмъ слѣдовало вино съ водою, ручные подсвѣчники, курильная комната для курящихъ и постели для тѣхъ кто не курилъ.

Въ продолженіе вечера Сесилія, частію по обязанности хозяйки, частію изъ свойственнаго добрымъ и благовоспитаннымъ особамъ состраданiя къ застѣнчивости, старалась вывести Кенелма изъ того разобщенiя въ которое онъ замкнулся. Старанiя дочери были такъ же напрасны какъ и старанiя ея отца. Кенелмъ отвѣчалъ со спокойнымъ самообладанiемъ которое могло убѣдить ее что не было въ свѣтѣ человѣка менѣе застѣнчиваго, ни одинъ человѣкъ не нуждался менѣе въ заботахъ хозяйки чтобы чувствовать себя удобнѣе или по крайней мѣрѣ менѣе неудобно. Но онъ отвѣчалъ односложными словами и съ видомъ человѣка который думалъ внутренно: „Еслибъ это существо только оставило меня въ покоѣ!“

Гордость Сесилии впервые въ жизни была уязвлена, и, странно сказать, она начала интересоваться этимъ равнодушнымъ пришельцемъ болѣе чѣмъ оживленнымъ и приятнымъ Георгомъ Бельвоиромъ, который, она угадывала это женскимъ чутьемъ, былъ влюбленъ въ нее до безумiя.

Въ этотъ вечеръ Сесилія Траверсъ, придя въ свою спальню, сказала съ улыбочкою горничной что она слишкомъ утомлена чтобы перечесывать свои волосы; но когда дѣвушка

вышла, она оглянула себя въ зеркало болѣе внимательно и съ меньшимъ удовлетвореніемъ чѣмъ обыкновенно и не взирая на усталость простояла у окна глядя въ лунную ночь еще добрый часъ времени послѣ того какъ горничная оставила ее одну.

ГЛАВА XV.

Кенелмъ Чиллингви пробылъ уже нѣсколько дней въ Нидель-Паркѣ. Рѣчь къ нему возвратилась. Другіе гости разъѣхались, въ томъ числѣ и Георгъ Бельвоиръ. Кенелмъ очень понравился Леопольду Траверсу. Леопольдъ былъ изъ числа тѣхъ людей, можетъ-быть не рѣдкихъ въ Англіи, кои при большой умственной энергіи имѣютъ мало книжныхъ знаній, и встрѣчаясь съ человѣкомъ книжнымъ, но не педантомъ, чувствуютъ пріятное оживленіе въ его обществѣ, находя удовольствіе слушать его замѣчанія, съ удивленіемъ видя какими почтенными авторитетами поддерживаются выводы добытые ихъ собственнымъ здравымъ смысломъ изъ жизни, или какими убѣдительными доводами почерпнутыми изъ книгъ эти выводы опровергаются. Леопольдъ Траверсъ имѣлъ то чувство юмора что обыкновенно сопровождаетъ глубокой практической смыслъ (нѣтъ, напримѣръ, человѣка который имѣлъ бы болѣе пракческаго смысла чѣмъ Шотландецъ, и нѣтъ человѣка болѣе чувствительнаго къ юмору), и не только забавлялся страннымъ способомъ выраженій Кенелма, но часто принималъ по ошибкѣ его иронію за серьезное.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ молодости удался изъ столицы и посвятилъ себя земледѣльческимъ интересамъ, Леопольдъ Траверсъ очень рѣдко встрѣчалъ людей которые своимъ разговоромъ отвлекали бы его къ другимъ предметамъ отъ всенедней рутинны его жизни, и потому во взглядахъ Кенелма на людей и вещи онъ нашелъ источникъ новаго удовольствія; они разбудили его собственные метафизическія вѣрованія которыя сформировались въ немъ безсознательно, и долгое время покоились въ тайникахъ его разума, остро и крѣпкаго, но болѣе привычнаго повелѣвать чѣмъ спорить. Кенелмъ съ своей стороны находилъ въ хозяйствѣ дома многое что ему нравилось и восхищало его; но въ противоположность ихъ взаимному положенію по лѣтамъ,

онъ говорилъ съ Траверсомъ какъ съ болѣе молодымъ умомъ. Одною изъ странныхъ теорій его было что каждое поколѣнiе умственно старше поколѣнiя предыдущаго, особливо во всемъ что относится къ наукамъ, а изученiе жизни, сказалъ бы онъ, есть наука, а не искусство.

Но Сесилiя, какое впечатлѣнiе произвела она на юнаго гостя? Былъ ли онъ чувствителенъ къ чарамъ ея рѣдкой красоты, ко граціозности ея ума, достаточно развитаго для обилiя мыслей съ тѣми кто любитъ думать и въ то же время достаточно женственнаго и игриваго чтобъ уловлять веселую сторону дѣйствительности и давать надлежащее мѣсто тѣмъ мелочамъ изъ коихъ слагается сумма человѣческихъ заботъ? Впечатлѣнiе она произвела, и это впечатлѣнiе было для него ново и прiятно. Даже повременамъ въ ея присутствiи, иногда же будучи одинъ, онъ начиналъ мысленно совѣтоваться съ своимъ Я. „Кенемъ Чиллинггаи, теперь когда ты возвратился въ свою шкуру, не думаешь ли ты что тебѣ лучше бы остаться въ ней? Не могъ ли бы ты удовлетвориться своимъ жребіемъ какъ грѣшный потомокъ Адама, еслибы могъ получить себѣ въ подругу эту безгрѣшную явнуюку Евы которая промелькнула предъ тобой?“ Но онъ не могъ получить отъ своего Я никакого удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы.

Однажды онъ сказалъ неожиданно Траверсу когда они возвращались съ прогулки и предъ ними промелькнула свѣтлая фигура Сесилiи наклонившейся надъ цвѣточною куртiной на дужайкѣ:

— Любите вы Виргилiя?

— Я Виргилiя читалъ еще мальчикомъ, и признаюсь съ тѣхъ поръ не читалъ; и, между нами, я тогда находилъ его однообразнымъ.

— Можетъ-быть потому что его стихи такъ ровны въ своей красотѣ?

— Вѣроятно. Когда человѣкъ очень молодъ, вкусы его ошибочны; и если поэтъ безошибоченъ, мы готовы думать что у него недостаетъ живости и огня.

— Благодарю васъ за объясненiе, отвѣчалъ Кенемъ, и прибавилъ про себя: „Божь что я сталъ бы зѣвать слѣшкомъ часто еслибы женился на миссъ Виргилiи“.

ГЛАВА XVI.

Въ домѣ мистера Траверса была большая коллекція фамилныхъ портретовъ; не многіе изъ нихъ были хорошаго письма, но сквайръ очевидно гордился такимъ свидѣтельствомъ многочисленности предковъ. Они не только занимали большое пространство на стѣнахъ пріемныхъ покоевъ, но висѣли во множествѣ въ главныхъ спальныхъ комнатахъ, улыбались или хмурились на зрителей изъ темныхъ переходовъ и отдаленныхъ корридоровъ. Однажды утромъ Сесилія, проходя въ Китайскій Кабинетъ, увидѣла Кенелма, который съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ женскій портретъ помѣщенный въ одномъ изъ этихъ темныхъ убѣжищъ, по которому онъ проходилъ чрезъ заднюю лѣстницу изъ залы въ свою комнату.

— Я не большой знатокъ въ живописи, сказалъ Кенелмъ когда Сесилія остановилась около него,—но меня поразило что эта картина гораздо лучше тѣхъ которымъ отведены болѣе почетныя мѣста въ вашей коллекціи. И самое лицо такъ пріятно что могло бы служить украшеніемъ самой роскошной галлерей.

— Да, сказала Сесилія съ легкимъ вздохомъ.—Лицо пріятно и портретъ считается однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній Лели. Прежде онъ висѣлъ надъ каминомъ въ гостиной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ перемѣстилъ его сюда.

— Можетъ-быть онъ нашелъ что это не фамилный портретъ?

— Напротивъ, его огорчаетъ мысль что это фамилный портретъ. Постойте! Я слышу его шаги. Не говорите съ нимъ объ этой картинѣ. Это для него очень тяжелый предметъ.

Сесилія скрылась въ Китайскій Кабинетъ, а Кенелмъ вернулся въ свою комнату.

Какой грѣхъ совершенный оригиналомъ во времена Карла II и открытый лишь въ царствованіе Викторіи побудилъ Леопольда Траверса перемѣстить самый лучший портретъ въ домъ съ почетнаго мѣста какое онъ занималъ, и изгнать его въ это темное уединеніе? Кенелмъ Чиллингвэй не говорилъ болѣе объ этомъ предметѣ, и часъ спустя пересталъ думать о немъ. На другой день онъ отправился на прогулку верхомъ съ мистеромъ Траверсомъ и Сесиліей. Путь ихъ лежалъ по уединеннымъ, тѣнистымъ проселкамъ безъ опредѣннаго на-

правления, какъ вдругъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ сходились три дороги подъ угломъ, предъ ними возсталъ уединенная сѣрая башня посреди обширнаго пространства поросшаго травой и имѣвшаго видъ когда-то бывшаго здѣсь парка, съ громадными пнями срубленныхъ дубовъ торчащими тамъ и здѣсь.

— Сесилія! воскликнулъ Траверсъ, сердито затанувъ поводья и прерывая политическій споръ который велъ съ Кенелмомъ.—Сесилія! Какъ это случилось! Мы ошиблись поворотомъ! Но все равно, я вижу тамъ,—указывая направо,—трубу дома стараго Мондла. Онъ еще не обѣщалъ своего голоса Георгу Бельвойру. Я поѣду и поговорю съ нимъ. Поѣзжай назадъ съ мастеромъ Чиллинггау и подождите меня на Тераеровомъ лугу, я приѣду къ вамъ туда. Я не буду извиняться предъ вами, мистеръ Чиллинггау. Голосъ на выборахъ дѣло серьезное.

Говоря это, сквайръ, котораго обычная верховая лошадь былъ старый гунтеръ, остановился, повернулъ, и не видя нигдѣ воротъ перескочилъ чрезъ изгородь и исчезъ въ томъ направленіи гдѣ видѣлись трубы дома стараго Мондла.

Кенелмъ, едва слыша сказанное сквайромъ дочери и извиненія обращенныя къ нему, стоялъ неподвижно глядя на старую сѣрую башню столь внезапно явившуюся предъ глазами.

Не будучи ученымъ антикваріемъ подобно отцу, Кенелмъ чрезвычайно интересовался остатками прошлаго: а въ Англіи рѣдко доводится видѣть старинныя сѣрыя башни кромѣ рѣдкѣ церковныхъ башенъ. Все окружающее съ невыразимую грустью говорило о прошломъ разореніи: видны были слѣды обширнаго готическаго зданія когда-то примыкавшаго къ башнѣ, тамъ и сямъ возвышались остатки стѣнъ съ толстыми контрфорсами; видна была высохшая канава между двумя высокими валами, гдѣ былъ прежде укрѣпленный ровъ, можно было даже различить мѣсто гдѣ когда-то былъ холмъ съ котораго старинный баронъ творилъ судъ. Рѣдко доводится самому опытному антикварію открыть подобныя остатки норманскихъ временъ на земляхъ принадлежащихъ стариннымъ англо-норманскимъ фамиліямъ. Окружающая дикая природа, рядъ зеленыхъ луговинъ со старыми гигантскими дубовыми стволами, пустыми внутри и со срубленными вершинами, все говорило заодно съ сѣрою башней о прошедшемъ столь же далекомъ отъ царствованія Викторіи какъ времена пирамидъ далеки отъ правленія египетскаго вице-короля.

— Вернемтесь, сказала миссъ Траверсъ, — отецъ будетъ недоволенъ что я остаюсь здѣсь.

— Простите, одну минуту. Я бы желалъ чтобы мой отецъ былъ здѣсь; онъ простоялъ бы до солнечнаго заката. Но какая исторія у этой старой башни? Она должна имѣть исторію.

— Всякій домъ имѣетъ свою исторію, даже крестьянская хата, сказала Сесилія. — Но простите если я попрошу васъ исполнить желаніе моего отца. Я по крайней мѣрѣ должна вернуться.

Кенелмъ неохотно отвелъ глаза отъ развалинъ и догналъ Сесилію, которая уже проѣхала нѣсколько шаговъ по дорогѣ.

— Я отъ природы далеко не любопытный человѣкъ въ дѣлахъ обыкновенной жизни, сказалъ Кенелмъ. — Но я не трудился бы открывать книгу елибъ я не интересовался прошедшимъ. Сдѣлайте милость удовлетворите моему любопытству узнать что-нибудь объ этой старинной башнѣ. Она не была бы печальнѣе и удивительнѣе елибъ я самъ ее построилъ.

— Самыя грустныя воспоминанія соединенныя съ нею относятся къ недавнему прошлому, отвѣтила Сесилія. — Въ древнія времена башня охраняла замокъ который принадлежалъ древнѣйшей и когда-то очень могущественной фамиліи въ этихъ странахъ. Владѣльцы были бароны принимавшіе дѣятельное участіе въ войнѣ Бѣлой и Алой Розы. Послѣдній изъ нихъ держалъ сторону Ричарда III, и послѣ битвы при Боуворсѣ титулъ былъ потерявъ и большая часть земель конфискована. Вѣрность Плантагенету была разумѣется измѣною Тюдору. Но ближайшіе ихъ наслѣдники оправданы спасши отъ общаго раззоренія часть имѣнія которая могла бы назваться хорошимъ помѣстьемъ и приносила почти такой же доходъ какой получаетъ отецъ, но была обширнѣе. Тѣмъ не менѣе эти сквайры пользовались большимъ уваженіемъ въ графствѣ чѣмъ богатѣйшіе леры. Это была самая древняя фамилія связанная родствомъ съ замѣчательнѣйшими именами англійской исторіи. Сами они, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, отличались умомъ, гостепріимствомъ, пользовались популярностью, жили своими доходами безъ излишней пышности и довольствовались званіемъ сквайровъ. Замокъ, разрушенный временемъ и войнами, они не пытались возобновить. Они жили въ домѣ по близости, построенномъ во времена Елизаветы, котораго намъ не видно потому что онъ лежитъ въ лощинѣ позади башни, средней величины, живописный загородный домъ. Наша фамилія

породнилась съ ними чрезъ женитьбу. Особа портретъ которой вы видѣли была дѣвица изъ ихъ дома. И всякій сквайръ въ графствѣ могъ бы гордиться родствомъ съ Флетвудами.

— Флетвуды — это ихъ имя? Я смутно припоминаю что слышалъ это имя въ связи съ разказомъ объ одномъ ужасномъ происшествіи, но не можетъ-быть чтобъ это было то же семейство. Продолжайте пожалуйста.

— Боюсь что это то самое. Но я докончу свой разказъ такъ какъ его слышала. Имѣнье перешло наконецъ къ вѣлкому Бертраму Флетвуду, который къ несчастію приобрѣлъ репутацію очень ловкаго дѣловаго человѣка. Онъ принималъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ другими джентльменами графства, въ одной горнозаводской компаніи, приобрѣлъ значительную часть паевъ, сталъ во главѣ управленія предпріятіемъ...

— Понимаю; и конечно раззорился.

— Нѣтъ, еще хуже: сдѣлался очень богатъ, и, къ несчастію, пожелалъ разбогатѣть еще больше. Говорятъ что въ то время была манія на спекуляціи. Онъ также пугался въ нихъ и имѣлъ большой успѣхъ, наконецъ улолребилъ значительную часть приобрѣтеннаго такимъ образомъ капитала чтобы вступить пайщикомъ въ одинъ банкъ дѣлавшій большія операціи. До этого времени онъ пользовался популярностью и уваженіемъ въ графствѣ; но сквайры принимавшіе участіе въ эксплуатаціи рудниковъ и знавшіе очень мало или ничего не знавшіе о другихъ спекуляціяхъ гдѣ появлялось его имя, сочили себя обиженными что Флетвудъ изъ Флетвуда вступилъ въ товарищество съ Джонсомъ изъ Клафама въ Лондонскій банкъ.

— Неразвитые люди, эги сельскіе сквайры, отстали отъ вѣлка. Чтѣ же дальше?

— Я слышала что Бертрамъ Флетвудъ самъ колебался сдѣлать этотъ шагъ, но его уговорилъ сынъ. Этотъ сынъ, Алфредъ, считался еще болѣе талантливымъ дѣльцомъ чѣмъ его отецъ, и былъ главнымъ дѣтелемъ во всѣхъ послѣднихъ спекуляціяхъ которыя были такъ успѣшны. Мистрисъ Камліонъ хорошо знала Алфреда Флетвуда. Она говоритъ что онъ былъ очень красивъ, съ быстрыми блестящими глазами; съ красивою внушительною рѣчью; безмѣрно честолюбивый,—болѣе честолюбивый чѣмъ скулой,—онъ копилъ деньги не

столько для денегъ, сколько для положенія и вліянія. По ея словамъ, самымъ завѣтнымъ его желаніемъ было воротить баронскій титулъ, но не раньше какъ пріобрѣта состояніе соотвѣтственное блеску древняго титула и равное богатству знатнѣйшихъ изъ современныхъ перовъ.

— Жалкое честолюбіе; еслибы мнѣ пришлось выбирать, я предпочелъ бы долю поэта на чердакѣ. Но я не могу быть судьей. Благодаря Бога я не честолюбивъ. Но всякое честолюбіе, всякое желаніе возвыситься можетъ интересоваться и того кто чувствуетъ жалкое удовлетвореніе если только не падаетъ. Итакъ сынъ одержалъ верхъ и Флетвудъ вступилъ въ компанію съ Джонсомъ на путь къ богатству и титулу? Но былъ ли сынъ женатъ? Если такъ, то безъ сомнѣнія на дочери герцога или милліонера. Охота за почестями и за деньгами съ опасностью раззоренія и рабочаго дома. Таковъ прогрессъ вѣка!

— Нѣтъ, возразила Сесилія улыбаясь, но улыбаясь съ горечью,—Флетвудъ былъ женатъ не на дочери герцога или милліонера; жена его принадлежала однако къ благородной фамиліи, очень бѣдной и очень гордой. Вѣроятно онъ женился изъ честолюбія если не для денегъ. Отецъ ея пользовался большимъ политическимъ вліяніемъ, и вѣроятно могъ содѣйствовать ему въ достиженіи баронства. Мать ея была свѣтская женщина высокаго рода и въ близкомъ родствѣ съ нашею родственницею леди Гленальвонъ.

— Леди Гленальвонъ, самый дорогой другъ мой изъ числа женщинъ! Вы въ родствѣ съ ней?

— Да; лордъ Гленальвонъ былъ дядя моей матери. Но я хочу кончить разказъ прежде чѣмъ вернется отецъ. Алфредъ Флетвудъ женился гораздо позже вступленія въ банкъ. Отецъ его, по его желанію, пріобрѣлъ все предпріятіе, когда мистеръ Джонсъ умеръ. Банкъ продолжалъ дѣйствовать подъ фирмою Флетвудъ и Сынъ. Но отецъ былъ участникомъ только по имени, что кажется называется „на локоѣ“. Онъ давно пересталъ жить въ имѣніи. Старый домъ былъ недостаточно великолѣпенъ. Онъ купилъ себѣ дворецъ, жилъ съ большою пышностію, былъ щедрымъ покровителемъ наукъ и искусствъ, и несмотря на то что рано посвятилъ себя денежнымъ спекуляціямъ, былъ, говорятъ, замѣчательно талантливымъ и хорошо образованнымъ человѣкъ. За нѣсколь-

ко лѣтъ до женитьбы сына, мистеръ Флетвудъ былъ разбитъ параличомъ, и долженъ былъ по совѣту врачей совершенно удалиться отъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ не вмѣшивался въ управленіе банкомъ, которымъ завѣдывалъ сынъ. У него была единственная дочь, гораздо моложе Алфреда. Лордъ Игльтонъ, братъ моей матери, хотѣлъ жениться на ней. День свадьбы былъ назначенъ—какъ вдругъ всѣ были поражены извѣстіемъ что фирма Флетвудъ и Сынъ прекратила платежи,—такъ кажется это называется?

— Кажется такъ.

— Очень многие разорились отъ этого банкротства. Общественное негодованіе было очень сильно. Всѣ имѣнія Флетвудовъ перешли разумѣется къ кредиторамъ. Старикъ Флетвудъ былъ оправданъ по закону во всемъ кромѣ излишняго довѣрія къ сыну. Алфредъ былъ признанъ виновнымъ въ мошенничествѣ, въ поддѣлкѣ. Я не знаю подробностей—онѣ очень сложны. Онъ былъ приговоренъ къ продолжительнымъ каторжнымъ работамъ, но въ день своего заключенія умеръ, повидимому отъ яду, который давно уже носилъ тайно при себѣ. Теперь вы понимаете почему мой отецъ, который очень чувствителенъ въ дѣлахъ чести, удалилъ въ темный уголъ портретъ Арабеллы Флетвудъ, своей родственницы, и въ то же время родственницы осужденнаго преступника; вы поймете почему все это такъ тяжело для него. Братъ его жены долженъ былъ жениться на сестрѣ преступника; и хотя этотъ бракъ разумѣется не состоялся послѣ несчастія въ семействѣ Флетвудовъ, но я думаю что ударъ этотъ былъ слѣшкомъ чувствителенъ для дяди; онъ уѣхалъ за границу и умеръ на островѣ Мадерѣ.

— А сестра преступника тоже умерла?

— Нѣтъ, сколько я знаю. Мистрисъ Камптонъ говоритъ что видѣла въ газетахъ извѣстіе о смерти старика Флетвуда; тамъ было сказано что послѣ этого событія миссъ Флетвудъ отправилась изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ.

— Жена Алфреда Флетвуда вѣроятно возвратилась въ свою семью?

— Увы! Нѣтъ. Бѣдняжка! Она была всего нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ когда банкъ лопнулъ; и ея мужъ повидимому поддѣлалъ имена свидѣтелей на брачномъ контрактѣ, и растратилъ деньги которыя должны были бы принадлежать

голосъ за Георга Бельвоира предпочтительно предъ другими кандидатами.

— Я думаю, сказалъ Кенелмъ про себя съ искренностью которая отличала его бесѣды съ самимъ собою,—что Траверсъ избралъ истинный путь ведущій ко храму не Чести, но почестей во всякой странѣ, древней или новой, принявшей систему народнаго голосованія.

Г Л А В А XVII.

На другой день мистрисъ Кампѣонъ и Сесилія сидѣли подъ верандой. Обѣ ловидимому занималась вышиваньемъ двухъ различныхъ вещей, одной для экрана, другой для подушки на диванъ. Но мысли каждой изъ нихъ были далеки отъ работы.

Мистрисъ Кампѣонъ.—Мистеръ Чиллинггаи ничего не говорилъ когда онъ уѣзжаетъ отъ насъ?

Сесилія.—Мнѣ, нѣтъ. Какъ любить пала бесѣдовать съ нимъ!

Мистрисъ Кампѣонъ.—Цинизмъ и насмѣшливость не были въ модѣ во времена вашего отца, какъ теперь, и потому они кажутся новостью для мистера Траверса. Для меня это не ново, потому что я живя въ Лондонѣ видала больше стариковъ чѣмъ молодыхъ, а цинизмъ и насмѣшливость болѣе свойственны людямъ которые оставляютъ свѣтъ чѣмъ тѣмъ кто только вступаетъ въ него.

Сесилія.—Дорогая мистрисъ Кампѣонъ, вы жестоки и несправедливы. Вы принимаете слишкомъ буквально шуточный тонъ мистера Чиллинггаи. Кто сходитъ съ своего пути чтобы сдѣлать другихъ счастливыми не можетъ имѣть цинизма.

Мистрисъ Кампѣонъ.—Вы хотите сказать о его фантази устроить неподходящій бракъ хорошенькой деревенской кокетки съ большимъ калѣкой и вткнуть эту крестьянскую лару въ дѣла къ которымъ они вовсе не подготовлены.

Сесилія.—Джесси Уайльдъ вовсе не кокетка, и я убѣждена что она будетъ прекрасною женой Сомерса и что лавка ихъ будетъ процвѣтать.

Мистрисъ Кампѣонъ.—Увидимъ. Но если разговоры

— Но, мистеръ Чиллинггаи, безъ сомнѣнія это рѣдкое исключеніе....

— Рѣдкое! прервалъ Кенелмъ, который такъ разгорячился что удивилъ бы своего искренняго друга еслибы когда-нибудь у него былъ такой другъ.—Рѣдкое! Нѣтъ, въ наше время — не говорю о мошенничествѣ и обманѣ, а только объ униженіи и раззореніи — самая обычная вещь жадность имѣть Немного Побольше въ тѣхъ кто имѣетъ Довольно; самая обычная вещь зариться на деньги, забывая все, и доброе имя, и любовь. Какъ много исчезло хорошихъ фамилій, которымъ какъ проклятіе посланъ наслѣдникъ слывущій ловкимъ дѣловымъ человѣкомъ! Возникаетъ компанія; ловкій человѣкъ присоединяется къ ней въ одинъ прекрасный день. Бацъ! Старое помѣстье и старый титулъ обращаются въ прахъ. Поднимитесь выше. Возьмите благородныя фамиліи которыхъ древніе титулы должны бы звучать трубнымъ гласомъ для англійскаго уха! Вотъ, въ этой насмѣшливой пляскѣ смерти именуемой прогрессомъ вѣка, одинъ который не нашелъ Довольно въ царскомъ доходѣ, а щетъ Немного Побольше какъ игрокъ на скаковомъ кругу по совѣту шулера! Вотъ другой, владѣющей большими помѣстьями чѣмъ когда-либо имѣли его предки, все еще щетъ немного болѣе, прибавляя акръ къ акру и увеличивая одинъ долгъ другимъ долгомъ!—Вотъ третій, котораго имя вѣкогда, во времена его предковъ, было грозою для враговъ Англій, теперь содержитъ гостиницу! Четвертый—но къ чему перечислять весь списокъ? И прочіе и прочіе, всѣ преслѣвуютъ на пути къ ладенію, во времена прогресса. Ахъ, миссъ Траверсъ! Въ древнія времена чрезъ храмъ Чести проходили въ храмъ Фортуны. Въ нашъ мудрый вѣкъ наоборотъ. Но вотъ подъѣзжаетъ вашъ отецъ.

— Тысяча извиненій! сказала Леопольда Траверсъ.—Этотъ лустоголовый Мондль задержалъ меня такъ съ своими старомодными торійскими сомнѣніями можетъ ли либеральная политика благоприятствовать услѣхамъ земледѣлія. Но такъ какъ онъ долженъ довольно большую сумму одному вугу, то мнѣ пришлось поговорить съ его женой, женщиной осторожною, убѣждая ее что интересъ ея собственной земли связанъ съ партіей виговъ; поцѣловавъ ихъ ребенка и пожавъ хозяину руку я получилъ отъ него обѣщаніе подать

Мистрисъ Боульзъ съ удовольствіемъ приняла мой совѣтъ продать вамъ землю которую вы желали пріобрѣсти. Въ такомъ случаѣ она отправится въ Лоскомбъ чтобы быть вмѣстѣ съ сыномъ.

— Очень вамъ благодаренъ что вы вспомнили обо мнѣ, сказалъ Траверсъ,—хотя я болѣе не нуждаюсь въ этой покупкѣ. Мнѣ слѣдовало сказать вамъ три дня тому назадъ, но это ускользнуло изъ моей памяти, что одинъ сосѣдній сквайръ, молодой человѣкъ только-что прибывшій въ свое помѣстье, предложилъ промѣнять большую ферму, гораздо ближе къ моему имѣнію, на земли которыя у меня были въ Гревелѣ, включая ферму Сондерсона и коттеджи: они совершенно въ сторонѣ отъ моихъ владѣній и вдаются въ его, такъ что обмѣнъ будетъ выгоденъ для обоихъ. Но я все-таки радъ что здѣшнія мѣста навсегда избавятся отъ такого животнаго какъ Томъ Боульзъ.

— Вы бы не называли его животнымъ еслибы знали его; но мнѣ очень жаль что Уилль Сомерсъ будетъ имѣть другаго помѣщика.

— Это все равно, когда аренда обезпечена за нимъ на четырнадцать лѣтъ.

— Чтò за человѣкъ новый помѣщикъ?

— Я мало его знаю. Онъ служилъ въ арміи до смерти своего отца, и теперь только-что появился въ графствѣ. Однако же онъ успѣлъ уже составить себѣ репутацію большаго любителя прекраснаго пола, и для хорошенькой Джесси лучше что она выходитъ замужъ.

Затѣмъ Траверсъ погрузился въ задумчивое молчаніе изъ котораго Кенелму было трудно вывести его. Наконецъ онъ сказалъ любезно:

— Дорогой мистеръ Траверсъ, не сочтите за излишнюю свободу съ моей стороны если я выскажу предположеніе что сегодня утромъ случилось что-нибудь чтò васъ безпокоитъ или сердитъ. Если это такъ, то часто можно найти облегченіе подѣлившись даже съ такимъ неискуснымъ совѣтникомъ и утѣшителемъ какъ я.

— Вы славный человѣкъ, Чиллингви, и я не знаю никого, лю крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ, кому бы я съ большою охотой довѣрился. Признаюсь, я не въ духѣ; безъ всякой причины разрушено мое завѣтное желаніе, и,—приба-

Розовыя облака тонкими клочками плавали въ небѣ, мгновенно угасая; показалась вечерняя звѣзда, блестящая и одинокая; нѣтъ, уже не одинокая—этотъ вѣстникъ разбудилъ цѣлое полчище.

Вдругъ раздался голосъ:

— Нѣтъ надежды на дождь, сквайръ. Что станется съ рѣпой?

— Опять дѣйствительная жизнь! Кто можетъ избѣгнуть ее? прошепталъ Кенелмъ увидавъ толстую фигуру управляющаго сквайра.

— А! Нортсъ, сказалъ Траверсъ,—что привело васъ сюда? Надѣюсь не случилось никакой бѣды?

— Именно такъ, сквайръ. Дургамскій быкъ...

— Дургамскій быкъ? Что съ нимъ? Вы меня пугаете.

— Захворалъ.

— Простите меня, Чиллингви, вскричалъ Траверсъ,—я долженъ уйти. Самое цѣнное животное, и я увѣренъ что никто не можетъ помочь ему кромѣ меня.

— Это правда, сказалъ управляющій.—Во всемъ графствѣ нѣтъ такого ветеринара какъ сквайръ.

Траверсъ уже ушелъ, и залыхавшійся управляющій съ трудомъ могъ догнать его.

Кенелмъ сѣлъ подлѣ Сесилии на развалинѣ.

— Какъ я завидую вашему отцу! сказалъ онъ.

— Почему именно теперь? Потому что онъ знаетъ какъ вылѣчить быка? сказала Сесилия съ громкимъ, веселымъ смѣхомъ.

— И здѣсь есть чему позавидовать. Пріятно сласти отъ страданій созданіе Божіе, даже дургамскаго быка.

— Это правда. Я заслужила упрекъ.

— Напротивъ, вы заслуживаете одобренія. Вашъ вопросъ внушилъ мнѣ доброе чувство вмѣсто эгоистическаго которое прежде было у меня въ мысляхъ. Я завидывалъ вашему отцу потому что онъ можетъ найти для себя столько предметовъ интереса; потому что онъ можетъ любоваться прекраснымъ ландшафтомъ и солнечнымъ закатомъ, и въ то же время заботиться объ урожаѣ рѣпы и о быкахъ. Счастливъ, миссъ Траверсъ, Практическій Человѣкъ.

— Когда отецъ былъ такъ же молодъ какъ вы, мистеръ Чиллингви, я увѣрена что онъ не больше вашего интересовался

рѣпой и быками. Безъ сомнѣнія когда-нибудь и вы будете такъ же практичны какъ онъ въ этомъ отношеніи.

— Вы искренно думаете такъ?

Сесилія не отвѣчала.

Кенелмъ повторилъ вопросъ.

— Искренно говоря, я не знаю будете ли вы интересоваться именно тѣми вещами какія занимаютъ отца; но есть много вещей кромѣ рѣпы и скота которыя также относятся къ тому что вы называете практическою жизнью, и ими вы будете интересоваться какъ интересовались судьбою Сомерса и Джесси.

— Это не былъ практическій интересъ. Я ничего не получилъ чрезъ это. Но еслибы даже это былъ практическій интересъ—я хочу сказать производительный, какъ домашнія животныя и урожай рѣпы—трудно надѣяться встрѣтить еще другихъ Сомерсовъ и Джесси. Исторія никогда не повторяется.

— Позвольте возразить вамъ съ совершеннымъ смиреніемъ.

— Миссъ Траверсъ, мудрѣйшій человекъ какой когда-либо жилъ на землѣ не былъ достаточно мудръ чтобы знать женщицъ; но я думаю что бѣольшая часть людей съ обыкновеннымъ умомъ согласится съ тѣмъ что женщина ни въ какомъ случаѣ не смиренное существо, и когда она говоритъ что отвѣчаетъ со смиреніемъ, она не думаетъ того что говоритъ. Позвольте мнѣ просить васъ отвѣтить очень высокомерно.

Сесилія разсмѣялась и щеки ея локрылись румянцемъ. Смѣхъ былъ музыкаленъ; румянецъ въ лицѣ былъ—каковъ? Пусть человекъ сидящій рядомъ съ такою дѣвушкой какъ Сесиліи въ звѣздныя сумерки найдетъ точный эпитетъ для этого румянца. Я оставляю его безъ эпитета. Но она отвѣтила рѣшительно, хотя мягко:

— Развѣ нѣтъ вещей очень практическихъ и полезныхъ для счастья не одного или двухъ человекъ, а для многихъ тысячъ, которыя могутъ интересоваться человекъ подобнаго мистеру Чиллинггау гораздо прежде чѣмъ онъ доживетъ до лѣтъ моего отца?

— Простите меня; вы не отвѣчаете—вы спрашиваете. Подражая вамъ я также спрошу: что это за вещи которыя могутъ интересоваться человекъ подобнаго мистеру Чиллинггау?

Сесилія собралась съ мыслями, какъ бы желая выразить въ немногихъ словахъ многое, и сказала.

— Какъ выраженіе мыслей—литература; какъ проявленіе дѣятельности—полютика.

Кенедль Чиллингви изумился. Величайшій энтузіастъ правъ женщинъ не могъ съ бѣльшимъ уваженіемъ относиться къ ихъ уму, но въ числѣ предметовъ недоступныхъ для женскаго ума онъ считалъ лагонизмъ. „Ни одна женщина, говорилъ онъ обыкновенно, никогда не выдумала аксіомы или пословицы“.

— Миссъ Траверсъ, сказалъ онъ наконецъ,—прежде чѣмъ продолжать разговоръ, благоволите сказать мнѣ былъ ли этотъ вашъ превосходный отвѣтъ внезапнымъ и оригинальнымъ или же вы заимствовали его изъ какой-нибудь книги которую мнѣ не случилось читать?

Сесилія подумала, потомъ сказала:

— Я не думаю чтобъ это было взято изъ книги, но многи ми мыслями я обязана мистрисъ Кампювъ, а она такъ долго жила въ обществѣ умныхъ людей что...

— Теперь я вижу, и принимаю ваше опредѣленіе изъ какого бы источника ни шло оно. Вы думаете что я могъ бы сдѣлаться писателемъ или политическимъ дѣвателемъ. Не читали ли вы сочиненія живаго автора подъ названіемъ *Движущая Сила?*

— Нѣтъ.

— Это сочиненіе имѣеть цѣлю доказать что безъ движущей силы человекъ, каковы бы ни были его таланты и образованіе, не дѣлаеть ничего практическаго. Пружины движущей силы — Нужда и Честолюбіе. Ихъ совершенно нѣтъ въ моемъ механизмѣ. Вслѣдствіе случайностей рожденія я не терплю недостатка въ хлѣбѣ и сырѣ; вслѣдствіе случайностей характера и философическаго образованія я ни мало не забочусь о похвалахъ или порицаніяхъ. Но думаете ли вы искренно что человекъ можетъ сдѣлать что-нибудь практическое въ литературѣ или въ политикѣ если ему не нужно добывать себѣ хлѣба съ сыромъ и если онъ совершенно равнодушенъ къ похваламъ и порицаніямъ? Спросите объ этомъ у мистрисъ Кампювъ.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у нея. Развѣ ничего не значитъ чувство долга?

— Увы! долгъ понимается такъ различно. Я не думаю чтобъ я пренебрегалъ долгомъ, въ томъ смыслѣ какъ обыкновенно понимается это слово, больше чѣмъ другіе люди. Но думаете ли

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

1873

№ 107

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- ✓ I. ВЪ ЛѢСАХЪ. Разказъ. Гл. LXXVI.—LXXXIII. Андрея Печерскаго.
- II. ОБЪ ИЗБРАНІИ ВЪ ЕПИСКОПСКОЙ САНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ. А. С. Лебедева.
- ✓ III. БВГУНЫ. Романъ. Часть вторая. Графа Е. А. Салькова.
- ✓ IV. БОЛГАРІЯ. Славянская повесть. М. С. Чайковскаго (Садыкъ-лаши). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.
- ✓ V. НЕИЗДАННЫЯ ПЬЕСЫ А. С. ГРИБОВДОВА. В. И. Родиславскаго.
- ✓ VI. ЛЕДИ АННА. Романъ. Антоли Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XVII—XX.
- VII. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ. Очерки нашего времени. Продолженіе. В. П. Везобразова.
- ✓ VIII. БРЕТЬ-ГАРТЪ. О. С.
- IX. НАРОДНОСТЬ ВЪ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. А.
- X. РУССКІЕ ПРАВЫ ПОДЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПЕРОМЪ ПОЛУ-РУССКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ. А. Л.

ВЪ П Р И Л О Ж Е Н І И :

- ✓ КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Буавера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга вторая. Гл. XVII—XXI и книга третья. Гл. I—VII.

ВСЕВОЛОЖСКАГО. Рисунокъ.	для гѣвня	— 04
— Скажи мнѣ.	"	— 50
— Если жизнь тебя.	"	— 40
— Когда въ раздумьѣ.	"	— 40
— Быть-можетъ.	"	— 40
КУЗЬМИНСКАГО. Ангель. pour Chant.....		— 40
— Поешь ли баюшки баю. р. Ch.....		— 40
ЛАНГЕРЪ. Короткій выборъ.....		— 60
ЛИТВИНОВСКАГО. Поражена потерей; для гѣвня.....		— 80
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Op. 117. Albumblatt.....	} Новые пѣсны.	— 30
— Op. 118. Cariccio.....		— 45
МОНЮШКО. № 1. Подъ окномъ.	для гѣвня.....	— 30
— № 2. Золотые сны.	"	— 30
— № 3. Лучше съ жемьяно.	"	— 30
— № 4. Сельская серенада.	"	— 60
— № 5. Молитва.	"	— 30
— № 6. Какъ бурнымъ вѣтромъ, изъ Гаалька.	"	— 45
— № 7. О, какъ я теперь.	"	— 75
— № 9. Каватина, Птѣчикъ мой милый.	"	— 75
— № 10. Золотая рыбка.	"	— 30
— № 12. Ненастье.	"	— 30
— № 13. Сладость молитвы.	"	— 45
— № 14. За водой.	"	— 30
— № 15. Черный крестикъ.	"	— 45
MOZART. Op. 114. Musique funèbre Mauresque 2ma.....		— 30
NIKOLAI. Ouverture die lustigen Weiber. 4ma.....		— 75
ОДОЕВСКАГО. Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ дѣдушки Пруева		— 50
PISCHNA. Op. 22. № 1. Consolation 2m.....		— 75
— Op. 22. № 2. Quatour de la Lucia 2m.....		— 75
— Op. 22. № 3. Conte Scherzo 2m.....		— 75
ПРОКУНИНА. Народныя пѣсни 2 выпуска I—1 р. 75 к., II...		2 —
RAVINA. Op. 33. Vilanelle 2m.....		— 30
ROSSELL. Beautiful bella. Американскій вальсъ. 2ms.....		— 30
RUDOLPHE. Trot de Cavallerie 2m.....		— 40
ЗАЙЦЕВА. Дѣтскіе хоры для 4хъ голосовъ. № 1—7 compl....		— 75
— Дѣтскія пѣсни для 2хъ голосовъ. № 1—5 compl.....		1 —
— Дѣтскія пѣсни на три и четыре голоса.....		1 —
ШУБЕРТА. Камаринская, шутка для 4хъ голосовъ С. А. Т. Б. съ аккомпаниментомъ для фортепiano партитуръ и голоса		1 30
— Голоса отдѣльно.....		— 50
SCHUMANN. Chiarina et Aveu aus Carnaval. Op. 9.....		— 15
— Op. 23 № 4 Nachtstuch.....		— 15
— Op. 23 № 2 Romanze.....		— 15
— Ständchen par Reinecke.....		— 15
SCHUMANN. Op. 68. Album f. die Jugend comp.....		1 50
СОКОЛОВА. Газа. pour Chant.....		— 40
— Романсъ. Темнорусыя кудри.....		— 50
— Не забуду я.....		— 50
SPINDLER. Op. 96. № 2. La violette 2m.....		— 20
— Op. 100. № 3. Dans les bruyères 2m.....		— 20
— Op. 128. Souv. de Venise 2m.....		— 30
— Op. 144. Mélodie des fleurs 2m.....		— 20
— Op. 153. L'ombre 2m.....		— 20

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ)

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1873 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1873 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 75 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—17 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Евронетскую Турцію и Францію—18 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—19 р. 50 к. Въ прочіе мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базулова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базулова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ 9-го гвардіарта.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1873 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1873 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, безъ доставки четырнадцать рублей; съ доставкой пересылкой семнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К.).
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

551153

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

1873.

Vol. 107

О К Т Я Б Р Ъ

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- ✓ I. ЗЕМЦЫ И НѢМЦЫ. Романъ. Часть первая. Гл. I—XIX. Графа Е. А. Салиаса.
- II. ИЗЪ ИСТОРИИ И ПРАКТИКИ ГОРОДСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ. И. П. Архипова.
- III. МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ. А. Л. Эиссермана.
- ✓ IV. БОЛГАРІЯ. Славянская повѣсть. М. С. Чайковскаго (Садыкъ-паша). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.
- ✓ V. ВЕСЕННИЕ МОРОЗЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. Гл. I—V. М. Васильевой.
- VI. ДОГАДКИ И МЕЧТАНІЯ О ПЕРВОБЫТНОМЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ. Ф. И. Вуслаева.
- ✓ VII. ОБРАЗОВАНІЕ ЖЕНЩИНЪ ВЪ АМЕРИКѢ.
- ✓ VIII. СУДЬБЫ РУССКАГО РОМАНА. А. П.
- IX. ЗАМѢТКА. В. И. Родиславскаго.

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И :

- ✓ КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга третья. Гл. VIII—XIX.

